

Юлия Жукова

Замуж с осложнениями

Замуж с осложнениями

Сами мы не местные

О детях и прочей нечисти

- [Юлия Жукова](#)
  - [Замуж с осложнениями](#)
  - [АННОТАЦИЯ](#)
  - [Глава 1](#)
-

Юлия Жукова

Замуж с осложнениями

Название: Замуж с осложнениями. Трилогия в одном томе

Автор: Жукова Юлия

Издательство: Альфа-книга, самиздат

Страниц: 1418

Год: 2014

Формат: fb2

АННОТАЦИЯ

Жить в чужой стране и вообще-то непросто, а если это не страна, а целая планета и до родного дома десятки миллионов световых лет... И у тебя там никого нет, кроме любимого мужа, который, впрочем, страдает почти всеми местными заморочками, — тут уж приходится быть начеку и в полной боевой готовности круглосуточно.

Глава 1

Работать в космосе я хотела почти с института, с тех пор как стала встречаться с одним пилотом. Очень уж неудобно получалось, когда он по два-три месяца не появлялся на Земле. А так была бы романтика: он пилотирует, я за санитарией слежу. Да и платят за пределами родной планеты в восемь раз больше за то же самое. Но пробиться, конечно, оказалось непросто даже по блату. Уже и запал схлынул, и пилотик мой сгинул, и вот наконец я вырвалась с родной планеты на вольный воздух, вернее, в вакуум (хотя зеленые последнее время ворчат, что мы так засорили космос воздухом, что скоро уже дышать можно будет).

Однако все у меня вечно не как у людей, а точнее, все как всегда — тут уж кому какая философия ближе. За три дня полета я успела перекидать в стенку столько тувель, что можно было записываться в сороконожки. Конечно, дело все во мне: всегда-то меня всякие мелкие несовершенства в окружающем мире раздражают. Кто угодно другой, наверное, принял бы как должное... Ну начальница противная, но не смертельно. Ну работа не такая, как мечталось, зато платят хорошо.

А вообще, за иллюминатором звезд тьма-тьмущая, если так можно выразиться. Солнышко далеко-о-о светит. Земли уже четыре дня как не видно. В стекло можно ткнуть пальцем, появится менюшка: выбирай объект, увеличивай, любуйся. Можно посмотреть, куда летим, хотя это еще через два Сфинктера (на всеобщем языке они Воротами называются, по функции, ну а наши, конечно, по внешнему сходству обозвали).

А летим на курорт. Несколько лет назад в той системе планетку нашли с очаровательными пляжами. Атмосфера — Земля отдыхает, климат как на заказ. В общем, турфирмы, частично друг друга истребив, наперегонки бросились налаживать сообщение и теперь гоняют туда по два звездолета в день. Лететь долго, конечно, почти неделю — за это время можно и до Гарнета добраться, но там уже все застроено...

Так вот, начальница моя, госпожа Дюпон, канадка средней степени упитанности, ухитрилась выбить из Всемирного фонда до— и внешкольного образования какие-то средства, чтобы организовать на

Кинине детский лагерь. А я у них подвигаюсь бортовым врачом. И везем мы первую партию детишек на двухмесячное пребывание.

На мой привередливый вкус с этой работой вообще все не так. Во-первых, меня зачем-то загнали в ассоциацию парамедиков, хотя я вовсе не парамедик, а хирург с международным сертификатом. Но беджик носить надо обязательно. Во-вторых, я впервые лечу на этот самый курорт вместе с детьми, хотя по идее в мои должностные обязанности входит проверка санитарного состояния лагеря до прибытия отдыхающих. Очевидно, кого-то жаба задушила меня отдельным рейсом посылать. В-третьих, помимо залечивания болячек у несовершеннолетней части населения корабля в мои функции почему-то входит полное обслуживание начальницы, типа принести-подать, записать в ежедневник, позвонить-написать, посчитать и поговорить. Я вообще-то не секретаршей нанималась. Однако успокаиваю себя тем, что все-таки лечу, наконец-то лечу. На вечер у меня остается только одна обязанность — принести мадам ее витамины. А после этого можно спокойно уткнуться в иллюминатор в предвкушении событий. Лететь уже не так много.

* * *

Мадам Дюпон вместе с главой Всемирного многопафосного сидят в уютной маленькой переговорной. Им туда уже кто-то принес кофе, и даже не я. Главу мне пока что только издалека приходилось видеть, но смотреть там особо не на что. Мелкий мужичонка за пятьдесят, лысый, очки в палец толщиной, скрюченный как рождественский леденец.

— А-а, Лизонька, — приветствует меня Дюпониха. На всеобщем, конечно, так не скажешь, но с ее интонацией только уменьшительное и может получиться. — Познакомься с господином Квиггли.

Фиггли. Крабле-бумс.

То есть, да-да, очень приятно.

И, конечно, смотрим мы не на лицо, и даже не за декольте, а прям сразу под юбку. Кстати, среди прочих загадочных требований, предъявленных при устройстве на эту работу, был еще и дресс-код: юбка выше колена. Теперь понимаю зачем.

— Вот, — говорит мадам Дюпон, — наш бортовой медик, высококлассный специалист, обеспечивает безопасность детей.

— Да-да, — бормочет глава. — Да-да, обеспечивает, я вижу.

А он умнее, чем кажется. Все-таки, чтобы такой фонд возглавлять, надо в голове что-то иметь. И в то, что я специалист, он не поверил. Я бы и сама не поверила. А вот в то, что у меня венерических должно быть с полдюжины, я бы поверила легко. Ну хотя бы ноги мои ему понравились. И в любом случае раньше надо было смотреть, дядя. Не разворачивать же теперь звездолет.

— Спасибо, Лизонька, можешь идти.

Ура, бегу.

За спиной слышу, Квиггли ворчит:

— Я вообще-то говорил о другого рода безопасности. Мы ведь недалеко от Гарнета, не боитесь неприятных встреч? Джингоши, муданжцы... не самое благополучное окружение...

На этой оптимистической ноте я перестаю его слышать.

Из мемуаров Хотон-хон

Хорошо известно, что по статистике этот регион — третий во Вселенной по терактам. Однако от солидной фирмы стоило ожидать безопасности на уровне. С другой стороны, с учетом их кадровой политики, можно было предположить, что и другие организационные моменты отразились больше на бумаге, чем на деле. Но человек склонен полагаться на счастливый случай.

* * *

Возвращаюсь к себе, бодро размахивая подносом. Мадам на сегодня оставила меня в покое, так что я уже предвкушаю, как поставлю чайку, включу себе сериальчик да вязанье достану, и тут нас хорошенько встряхивает.

Я сначала подумала, что это меня шатает от какого-нибудь перепада. Новичок в космосе либо всего боится, либо на все плюет, дескать, чего тут только не бывает. Я, правда, в детстве летала и ничего такого не припомню. Хватаюсь за стенку. До Сфинктера вроде бы еще полдня лететь, а на перегонах так трясти не должно. Корабль швыряет в другую сторону, теряю стенку и поднос. В такие моменты понимаешь выражение «пол ушел из-под ног». Как бы я прекрасно обошлась без этого знания! Прикусывать язык мне совсем не понравилось. А в следующий момент мой собственный поднос вмазывается мне же в висок.

Свет меркнет. Сначала думала, что сотрясение, но нет, не так меня сильно шандарахнуло. Включается аварийный. Да только хозяйева

опять пожадничали: за углом загорелся, а вокруг меня нет. Кстати, мне всегда было интересно: аварийный свет делают красным специально, чтобы было страшнее переживать аварию? Собираюсь соскрестись с пола и пойти в каюту, пристегнуться, ругаюсь, что по громкой связи не поступает никаких инструкций.

Но встать не успеваю — в проходе появляется тень. С красной подсветкой выглядит жутковато. Хоть бы шприц с собой был с чем-нибудь седативным... Тень обретает плоть, много плоти, и вот уже надо мной возвышается громада...

Первая мысль — на борту у нас такого человека нет.

Вторая — у него в руках нечто огнестрельное, а за спиной еще одно. Чтоб Квиггли сдох со своими опасениями!

Дальше думалка отключается, остается только головная боль.

— Где кто-нибудь из начальства? — спрашивает оно... это... пришлое.

— Дверь в конце коридора. Код 551.

Еще не хватало мне за этих раздолбаев заступаться. Нет, со мной что, правда случилось что-то из того, о чем в новостях рассказывают? Врач с Земли в заложниках у...

Вжавшись в стенку, исподтишка провожаю взглядом группу невероятно высоких мужиков, топающих в сторону переговорной. Надо уже включать думалку. Запомнить их в лицо, что ли. Да хоть понять, кто они такие! Может, на сделку пойдут...

Дверь отъезжает в сторону, раздается растерянное: «Ой, кто это?» — Дюпоники и какой-то хрип со стороны Квиггли. Пришельцы ведут себя тихо. В аварийном свете, льющемся из переговорной, на рукаве у одного блестит значок: строчная «m» с хвостиком-стрелочкой, как зодиакальный скорпион.

Муданг.

Я беззвучно выдыхаю. Чувство такое, как на экзамене, когда вытягиваешь билет, на который угрохала втрое больше времени, чем на прочие, потому что нигде не могла найти, что на него отвечать. Вроде с чистой совестью можешь сказать, что учил, и пару-тройку умных дядей процитировать, а толку...

Из мемуаров Хотон-хон

Про эту планету с неблагозвучным названием известно много. Например, что муданжцы — самые умные, хитрые и опасные

наемники во Вселенной. Или что они очень крупные и сильные, но это выясняется с первого взгляда. Неизвестно, когда и как они попали на свой Муданг, а вот по геному эти люди — помесь индейцев с монголами. Еще известно, что у них в языке отсутствует слово «любовь». Сам язык преподается на Земле в космических колледжах, где два года положено повышать квалификацию всем, кто хочет работать в космосе. Программа столичного колледжа включает обязательный курс малого инопланетного языка по выбору; ходили слухи, что преподаватель по муданжскому ставит зачет всем без разбора. При таком раскладе, конечно, запоминается не очень много.

* * *

Слева пару раз полыхает с тихим шорохом. Это они расстреляли переговорники. Надеюсь, что так, потому что мне очень не хочется, чтобы расстреливали людей. Я тоже смотрела веселые боевики про космос и знаю, что любой урод может оказаться ключом к спасению всей команды...

Из переговорной выходит самый высокий муданжец и направляется ко мне. Я наконец-то встаю и даже вооружаюсь подносом, хотя ежу ясно, что этот мужик меня может волоском перешибить и не заметить. Когда он подходит совсем близко, понимаю, что можно было и не вставать — с высоты его роста сажу я или стою, неважно.

— Юная леди, всем будет удобнее, если вы примкнете к своим землякам в той комнате, — говорит он спокойным глубоким голосом.

И это террорист? Он бы еще реверанс сделал! Нет, по мне, конечно, лучше так, чем руки заламывать! Но что-то как-то неправдоподобно... Может, это какая-то ошибка? Да и хотела бы я знать, прибили они мою сладкую парочку или нет? Как-то мне не хочется в эту комнату...

Я нервно зыркаю в сторону переговорной и поворачиваюсь к пришельцу. Не знаю, какой средневековый знахарь лечил ему ожоги на лице, но я бы этому лекарю руки пообрывала, ибо все равно не в том месте росли... Может, предложить муданжцу помощь? Но шрамы старые, я ничего не смогу сделать. И вот тогда мне точно финдец. Как же отмазаться?! Ма-а-а-мочка-а-а... дети... о!

— Я бы с удовольствием, — начинаю намного более уверенным голосом, чем от самой себя ожидала, — но обязана быть рядом с

детьми. А сюда только на минутку зашла... Понимаете, я врач. Если кому-то из них станет плохо, то это вам же создаст лишние трудности. Вам ведь они нужны... — Я утихаю в страхе что-нибудь ляпнуть.

— Живыми, да, — договаривает террорист за меня. Лапочка моя, ну, давай... — Значит, вы умеете лечить?

— Да, да! — Я энергично киваю. Хорошо, что он так хорошо говорит на всеобщем. С легким таким акцентом, как будто нарочно заставляет этот вялый язык звучать четко.

— Женщина? — с недоверием переспрашивает другой подошедший муданжец на своем родном.

Я еще что-то помню по-муданжски... А что им не понравилось?!

— Старый Угун говорил: «От землян жди неожиданностей», — отвечает ему мой собеседник и снова поворачивается ко мне. — Мне это нравится. Идите к детям. Алтонгирел вас проводит.

Это имя, осознаю я.

Алтонгирелу эта идея, впрочем, не особо нравится.

— Азамат, да она же просто вы...выается!

Чего я делаю, я не поняла. Слова этого не знаю...

— Ну и пусть вы...выается. Если ей с детьми спокойнее, пусть сидит с детьми, под ногами мешаться не будет. И нам не придется человека на охрану тратить.

Алтон... э-э-э... гирел не находит, что на это возразить, и велит мне отправляться к детишкам, а сам плетется следом. Он вряд ли знает, куда идти, но пользоваться этим мне незачем. Если меня посадят с детьми, которые им нужны живыми, сами же сказали, то я буду вроде как при деле. Может, еще и не убьют. Может, им за меня выкуп дадут...

Детей согнали вместе, и вой стоит оглушительный. Алтонгирел объясняет двум парням на входе в «детскую», кто я такая, сопроводив мое резюме парой непонятных эпитетов в адрес Азамата. Парни присоединяют к имени Азамата какое-то слово (ахмад, что ли, как царевич?), которое явно означает, что он тут главный. Меня весьма обнадеживает мысль, что мое предложение понравилось капитану.

Дети все-таки удивительные существа. Своих у меня нет, но я как-никак уже пять лет практикую, да и в студенчестве нянкой подрабатывала. Стоит на секунду отвернуться, как они умудряются получить по несколько травм разных степеней тяжести в совершенно

безопасном окружении! Синяки я даже осматривать не стала, тут можно с уверенностью сказать, что они есть у всех и во множестве, хотя у детской мебели на борту вообще нет углов и твердых граней. Видимо, надо было стены войлоком обить. Попалась пара расквашенных носов — упали на бегу. Еще несколько носов кровоточат на нервной почве. Почти все режут, трут глаза грязными руками... в общем, бедлам. Но зато я — полезный член общества. Может быть, мне поставят памятник на детской площадке около дома. Мне крупно повезло, что шкафчик с медикаментами именно в этой комнате, а то пришлось бы объясняться с мрачными парнями на входе.

Когда потребность в неотложной помощи временно иссякает, я завариваю всем, включая себя, успокоительного чайку и наконец позволяю себе расслабиться. Младшие отрубаются на диване и на мне, старшие собираются кучками по углам, понимают, что я им больше ничем помочь не могу. Я приспосабливаюсь гладить каждой рукой по три головы одновременно, чем вызываю уважительные взгляды охранников.

Видимо, поверили, что я и правда врач.

Охранники оба пониже капитана, но тоже под два метра. Один стриженный почти под ноль в отличие от прочих муданжцев, которых я успела рассмотреть. И капитан, и А-лтон-ги... рел (вспомнила!), и второй охранник могут похвастаться прекрасными черными гривами.

Зажигается свет. Я подскакиваю, ненарочно бужу нескольких детей. Те, которые не спали, тоже напрягаются. Несколько минут мы все ждем, что что-то вот-вот случится, но оно не случается. Наконец появляются еще несколько муданжцев с матрацами и пледами. С ума сойти, какой сервис! Все-таки что-то не так с этими террористами. Какое-то время все стелются, постепенно расслабляются, и я даже ухитряюсь проспать эту ночь — впрок, мало ли что.

Следующий день тянется и не кончается. В космосе принято менять освещение и пейзажи в декоративных окнах в соответствии с земными сутками, по Гринвичу. Считается, что так людям легче подолгу летать. Поскольку у меня обычно дежурства сутки через двое, мне эта смена дня и ночи глубоко безразлична, солнца я и на Земле не замечаю. Зато сегодня выучила все варианты освещения Фудзиямы, электронная фотография которой висит ровно напротив моего дивана.

Нас кормят сухим пайком три раза, чай можно сделать прямо в комнате. Три ванн/туалета, совмещенных по идиотскому европейскому стандарту, обеспечивают комфорт и чистоту. Днем двое муданжцев под предводительством Алтонгирела принесли мои и детские вещи, так что можно и переодеться, и заняться хоть чем-нибудь. Книжки там почитать, в игрушки поиграть... но никто не читает и не играет, как я их ни уговариваю: все слишком нервничают. Так что я достаю вязанье, демонстративно усаживаюсь с ним посреди комнаты и пытаюсь подать пример. И подаю, часов шесть с перерывом на ужин. Не добиваюсь этим ничего, кроме того, что охранники меня начинают еще больше уважать. Ну тоже неплохо.

Вечером хожу от ребенка к ребенку, поправляю одеяла и уверенно бормочу, что всех нас вернут домой в целости и сохранности. Присаживаюсь около маленькой девочки, которая уже спит, потом прислоняюсь к стене и больше не пытаюсь заставить работать раскисший от скуки мозг.

— Этого не было в договоре, — доносится до меня раскатистый голос капитана из холла напротив нашего.

Я настораживаюсь: вот только еще ссоры наемников с работодателем мне не хватало.

— А чего ты хотел? Это же джингоши! — раздраженно отвечает ему Алтонгирел. Нетбук пищит, соединяясь.

— Соччо, я тебя внимательно слушаю.

Азамат, очевидно, звонит нанимателю. Так это что же, эти наемники работают на других? Джингоши ведь тоже наемники... ничего не понимаю.

— Азамат, как всегда хорошего из себя строишь? — слышится скрипучий голос заказчика. — Земляне не верят, что детки у нас. Доказательств требуют. Если хочешь получить деньги за эту работу, дай мне доказательство. У тебя их там за сорок! Давай, напугай Земное сообщество.

— Я не убиваю заложников, — отрезает Азамат. — И в договоре так было прописано, иначе я бы не согласился на это дело. Мы можем прислать им видео, но не труп.

— А как насчет ушей? Или пальчиков? Нас не воспримут всерьез!

— Соччо, я сказал — нет, — заключает Азамат спокойно.

— Значит, деньги тебе не нужны. И репутация не дорога?..

Что они говорят дальше, я не слышу, потому что крадусь к иллюминатору. Мне показалось, что за ним маячит какой-то корабль. И точно, вот он, красавец. Увеличиваю изображение и вижу два скрещенных полумесяца — знак джингоши. Корабль, похожий на черепаху, бурый и грубовато сработанный, медленно вращается среди звезд. Ну и что с нами теперь будет? По крайней мере, муданжцы нас не убьют. Но вот перспектива вернуться к цивилизации отдалается...

На всякий случай решаю собрать вещи. Мало ли, еще погонят сейчас куда-нибудь. Стягиваю со своего матраса наматрасник и сгребаю в него все лекарства из шкафчика заодно с портативным диагностическим сканером и прочими капельницами. Потом распахиваю разбросанные детские вещи по сумкам, которые отдала днем. Джингошский корабль в иллюминаторе как будто изменил конфигурацию, стал круглее. За дверью слышится топот. Я тихонько стучу в нее, чтобы узнать у охранников, не надо ли будить детей. Никто не отвечает, и я дергаю ручку. Оказывается — открыто. Они нас даже не заперли? Супер!

Охранников нет. Отчетливо осознавая, что поступаю очень неправильно, иду по коридору до угла. Никого. Господи, ну не бросят же они нас на произвол судьбы этим джингошам! Неужели не ясно, что те всех перережут?! Или Азамат просто хочет, чтобы на его репутации это не сказалось, а так ему на нас плевать?

Внезапно из-за угла выскакивает Алтонгирел. Понимая, что спалилась, прямо спрашиваю:

— Что проис...

— Отвали! — следует краткий ответ, и он чешет дальше на хорошей скорости.

Вот так вот. Пленница разгуливает по кораблю, но все так плохо, что захватчику не до этого. Черт, что же делать?!

Не придумав ничего лучшего, кидаюсь за муданжцем. Может, у них еще какие-то проблемы и они про нас забыли? Очень уж страшно оставаться в неведении.

Иду на топот ног впереди по коридору, звуки приводят меня в среднюю часть корабля между двумя выходами. Ворота плотно закрыты, а вот один из иллюминаторов в потолке аккуратно вырезан, и к нему присосалась герметичная труба с лестницей, по которой, очевидно, можно попасть на муданжский корабль. Его яркое брюхо

виднеется через соседние иллюминаторы: подобно гигантскому жуку он сидит на звездолете, обхватив длинными суставчатыми лапками нашу «гантелю» за перемычку посередине.

Муданжские корабли все похожи на насекомых, нам их в колледже показывали. Этот по идее должен вмещать до ста человек. Муданжцы группами больше чем по пятнадцать — двадцать не летают. Нас сорок семь детей и я. Ну ладно, допустим, есть путь к отступлению. Дышать становится легче.

Я возвращаюсь в детскую без приключений. Пару раз через переборки слышу какую-то невнятную ругань, но навстречу мне никто не попадает. Гляжу в иллюминатор. Джингошский корабль продолжает трансформироваться. Теперь у него вырос блестящий хвост, которым он постепенно поворачивается к нам. Стоять, ребята. Это же ствол.

— ПАДЬЕО-О-О-О-М! — реву сиреной, не успев даже подумать, что делать дальше.

Дети подскакивают, никому даже в голову не приходит попросить еще пять минуточек. Еле вспоминаю про свой мешок с лекарствами, отряжаю старших идти вперед и слушать мою команду и гоню свое стадо на выход. Пульсация в висках успешно подавляется уговорами: я — главная героиня веселого боевика с хеппи-эндом, так что у меня все будет отлично.

Мы проносимся до лестницы за считанные секунды — так все перепугались моих истошных воплей. У лестницы возникает затор, младших приходится передавать на руках, но мы успеваем. Я влезаю последней, и тут люк с издевательским шипением закрывается. Ноги у меня не подкашиваются только потому, что падать некуда — везде несчастные дети!

— Ребят, — снова прибегаю к помощи моих старших, — ищите открытые двери, загоняйте всех по каютам. Хоть помногу, но чтобы без пробок в коридоре.

Каюты, впрочем, оказываются запертыми, зато в одном из отнорков мои шустрые подростки находят некое подобие гостиной, куда мы всех и загоняем. В гостиной теплый, приглушенный свет и на удивление уютно.

— Ну вот и знакомая обстановка, — говорит кто-то из детей. — Тоже диваны и журнальные столики.

Что ж, по крайней мере, муданжцы не пренебрегают комфортом.

Тут нас подбрасывает, и в иллюминаторах становится неожиданно светло. Я чувствую в голове приятную ватную легкость и вспоминаю какие-то школьные стихи про малый сабантуй. В коридоре, по которому мы пришли, раздаются дикие вопли, что-то совершенно первобытно-звериное, потом все стихает.

Я обнаруживаю, что лихорадочно прижимаю к груди свой мешок с таблетками, расслабляюсь, прохожусь по рядам, осматривая отдавленные ноги и прикушенные языки. Ничего неотложного, отделались легким испугом. Где бы тут у этих инопланетян чай заварить? Опасность-то миновала, так я же сейчас разрыдаюсь, а детям это видеть бесполезно — и так половина хнычет. И туалет бы найти не мешало...

Слева снова доносятся голоса и шаги, на сей раз вполне человеческие. Все опять напрягаются, ожидая, что будет дальше.

Дальше все идет, как в драматическом театре. Азамат и Алтонгирел входят в гостиную, не особо глядя по сторонам, и застывают как вкопанные. Я решаю не вставать, потому что не доверяю своим ногам, но встречаю изумленный взгляд нашего капитана. Мне только мерещится эта романтическая бледность? И кто ж ему все-таки рожу так раскрыл?

Оправляется он довольно быстро:

— Это все?

Я киваю.

— Что ж, замечательно.

Он подходит и садится рядом со мной на диван.

— Простите.

Я изо всех сил стараюсь не выдать удивления. Если он считает нужным извиниться, я не буду его разубеждать! Но что, черт возьми, происходит?!

Из мемуаров Хотон-хон

Джингоши — тоже инопланетные наемники, но их принцип — «сила есть — ума не надо». Они берут количеством и агрессивностью, не особенно заморачиваясь со стратегией.

Два века назад джингошский император Микан захватил Муданг, о чем на Земле, как всегда, ничего не знали. С тех пор и вплоть до недавних событий муданжцы были вынуждены скрепя сердце

подчиняться корыстному и жестокому джингошскому наместнику Куре. На наемников это, правда, не распространялось. Они — люди без родины.

Поэтому у Азамата не было особых причин беспрекословно подчиняться Соччо, капитану джингошского корабля, с которым они заключили договор. Дело в том, что муданжцы в совершенстве умеют прятаться в космосе. Их корабль невозможно заметить ни простым глазом, ни земными приборами до того самого момента, когда он внезапно обхватывает ваш звездолет своими членистыми лапками и забирает себе под контроль. Джингоши не способны к таким хитростям, их огромные неповоротливые корабли обычно сильно освещены и заметны издали, зато совершенно неприступны для реальных и виртуальных атак. Поэтому муданжцы и джингоши часто проводят совместные операции, используя сильные стороны обеих команд с максимальной выгодой. Муданжцы тихо умыкают корабль, а джингоши на своем броневой космическом танке летят выставлять требования.

Однако в тот день Соччо не собирался работать за деньги. Последние годы его стал раздражать авторитет Азамата среди других муданжских наемников, которые обычно недолюбливают конкурентов, пусть даже и земляков. Выдвижение харизматичного лидера могло привести к централизации всего промысла, а это означало бы для Соччо гораздо менее привлекательные условия работы. Поэтому он решил подложить Азамату свинью — вынудить его убить нескольких заложников. Азамат славился чистыми руками — дескать, ему было доступно высокое искусство вести боевые действия без потерь с обеих сторон. Но на этот раз он просчитался: был уверен, что у Соччо нет возможности им управлять, оба корабля — муданжский и захваченный — надежно защищены и скрыты от глаз. Однако Соччо хорошо спланировал это дело. Он где-то раздобыл исключительно одаренного хакера, который смог, хотя бы и всего на несколько минут, дистанционно захватить управление муданжским кораблем.

Джингошские корабли известны своей медлительностью. Чтобы выдвинуть ствол для обстрела, им может понадобиться от десяти до пятнадцати минут. За это время муданжцы успели бы вывести всех с захваченного корабля на свой и раствориться в ближайшей туманности, как они это прекрасно умеют делать. Но хакер Соччо

захлопнул люк, ведущий на земной звездолет, и заблокировал управление кораблем. Соччо успел взорвать добычу. Все оставшиеся на земном корабле, а именно: команда, персонал турфирмы и двое муданжцев, погибли. Соччо праздновал победу, глядя, как позорно улепетывает муданжский корабль, унося в брюхе сорок семь детей и одну паникершу...

* * *

— ...смог перехватить дистанционное управление звездолетом, поэтому когда мы поняли, что он собирается взорвать захваченный корабль, то элементарно не смогли открыть люк, чтобы забрать людей. — Капитан разводит руками.

Ах вот чего они так выли.

— Кто-то из ваших людей...

— Да, двое.

— Мне очень жаль.

Он глядит на меня с легким недоверием, но кивает.

— Мне тоже.

Все замолкают. Даже дети боятся шушукаться. Вообще, зря он все при детях рассказал, зачем их пугать... Хотя... если бы мне было двенадцать, я бы тоже очень хотела знать, что случилось.

Однако неожиданно оказаться невиноватым в смерти сорока семи детей — это тоже малый сабантуй. Так что дорогой капитан мне кое-чем обязан.

Капитан задумался о своем достаточно глубоко для того, чтобы я набралась наглости разглядеть его получше, хотя бы и в тусклом свете. Несмотря на жуткие шрамы, лицо у него приятное. Он действительно похож одновременно на индейца и бурята, при общем смуглом цвете кожи. Черные волосы заплетены в тугую косу толщиной в две моих руки и длиной в три. Огромные ладони обожжены так же, как и лицо, если не хуже. Это ж надо было ухитриться...

Одет он неожиданно обычно: невнятно-темная водолазка, куртка из модной псевдокожи, такие же штаны. Ни кольца в носу, ни золотых цепей до пупа. Так и не скажешь, что варвар-наемник.

— Что мы с ними будем делать? — спрашивает всеми забытый Алтонгирел, прерывая нашу с капитаном минуту молчания.

— Звонить на Землю и отдавать, — спокойно отвечает Азамат.

— За бесплатно? — уныло тянет Алтонгирел.

— Они дадут нам вознаграждение, — заверяет капитан. Похоже, ему не впервой возвращать чужих заложников. — Разгони их по каютам и накорми.

— И туалет покажите, — хмыкаю я.

Алтонгирел закатывает глаза.

— Пусть ими Гонд занимается, да и вообще, они самостоятельные!

— Друг мой, при гостях невежливо говорить на языке, которого они не понимают, — доносится до нас голос капитана из коридора.

Глава 2

Гондом оказывается стриженный охранник. Мы с ним довольно быстро раскидываем детей по каютам по половому признаку (раздельно) и возрастному (один к одному). Потом я им (и себе) вставляю по горсточке успокоительного (в аптечках детских организаций всегда такие слабые препараты, что, пока две пластинки не съешь, не поможет), и скоро все дрыхнут без задних ног.

Меня все еще живо интересует наша дальнейшая судьба, так что спрашиваю у Гонда, не будет ли невыразимой наглостью с моей стороны разыскать капитана и спросить, о чем он договорился с Землей.

Гонд слегка приподнимает брови:

— Вы можете поговорить об этом с Алтонгирелом.

— А с капитаном нельзя? — Я стараюсь не очень настаивать, впрочем, Алтонгирел, по-моему, устал от меня еще до моего появления.

Брови Гонда ползут еще выше.

— Ну если хотите, то можно и с капитаном...

Так говорит, как будто я собралась пообниматься с особо злобной собакой.

— Вы мне не советуете к нему сейчас подходить?

— Да нет, почему, он будет рад.

Я пожимаю плечами. Видимо, слишком устала, чтобы адекватно воспринимать действительность. К черту Алтонгирела, еще скажу ему случайно что-нибудь неласковое.

Капитан обнаруживается в той самой гостиной, где располагалась наша временная база. С ним еще двое полужнакомых мужчин. Они

пьют какую-то бледную жижу из пластиковых пиал, расслабляясь после трудного дня. Ну или погибших поминают, кто их знает.

— Азамат-ахмад, — говорю я, стараясь проявить всю почтительность, на какую способна. Чего они на меня так тарашатся? Что я, за два дня не могла просечь, как к капитану обращаться надо?

— Я вас слушаю, юная леди, — отвечает капитан, двое других начинают хихикать.

Ну и что я не так сказала? Это обращение принято только между мужчинами, что ли? Вот вечно мне надо выпендриться... ладно, плевать.

— Я хотела спросить, удалось ли вам связаться с Землей.

Ближайший ко мне муданжец, помоложе капитана и своего соратника, фыркает и зажимает себе рот.

— Спрашивайте, — благосклонно кивает капитан.

Нет, я не покраснею, и не надеюсь.

— Удалось ли вам связаться с Землей? — железобетонным голосом повторяю я. Ох уж мне эти мужские компании...

— Удалось, — отвечает капитан, поглядывая на меня со смешинкой в глазах. Правый уголок рта у него так сильно поврежден, что он как будто все время ухмыляется. Жуть с ружьем. — Стыковка с земным кораблем состоится послезавтра вечером, ориентировочно в восемь тридцать по Земле.

— Так скоро? — удивляюсь я. Мы же пять дней летели!

— Ну у вас пассажирский звездолет, большой. А мы быстро бегаем. — Он ставит свою пиалу на стол, берет чистую и наливает в нее из такого же пластикового кувшина все той же бледной жижи. Протягивает мне.

Нет, я, конечно, убедила себя не удивляться, что космические террористы со мной обращаются так, будто я их королева, но тут уже усталость сказывается: я совершенно неприлично тарашусь на капитана.

Он делает вид, что не заметил, и ставит пиалу на стол. Я поддвигаю ближайшее кресло (кстати, при всей их галантности, присесть мне никто не предложил), сажусь и беру пиалу. Невежливо, наверное, от угощения отказываться, тем более если сам капитан наливает. Отхлебываю. Оказывается, какой-то травяной чай.

Только выпив половину, осознаю, что это вполне может быть седативным или афродизиаком (или два в одном, ага), и то, что я не опознаю его на вкус, ничего не доказывает — мало ли что у них на Муданге растет. Вот дура. Это же надо так попасться. Да еще и на корабле с дюжиной инопланетных мужиков. Ни фига себе я доверчивая.

Повисшее молчание надо как-то прервать, но у меня в голове только два варианта: поблагодарить за угощение или спросить, что они мне туда подсыпали. Второе невежливо, так что выбираю первое.

— Спасибо.

Капитан моргает, как будто не понимает, к чему это относится. Краем глаза замечаю, что двое других переглядываются. Мне становится страшно.

— Что вы тут делали, так далеко от Земли? — внезапно спрашивает капитан.

— Э, ну... — Голос не слушается, приходится кашлянуть. — Мы летели на курорт.

Как-то это жалко звучит. Несчастно даже.

— Курорт? Здесь? — перебивает молодой муданжец.

— На Кинине, что ли? — переспрашивает второй.

Киваю.

— Боюсь, что там теперь курорта не выйдет, — хмыкает Азамат. — По дальнюю сторону орбиты отстроили новые Ворота, чтобы обходить Гарнет и не платить за транзит. Так что теперь тут будет оживленно.

Ох, ну ни фига себе. Почему же у нас об этом ничего не знают?!

Капитан, очевидно, замечает мою вытянувшуюся физиономию.

— Джингоши обычно все выбалтывают в считанные дни, но, видимо, на этот раз им удалось помолчать подольше. Но мне все равно придется рассказать о Воротах, когда мы вас будем передавать на земной корабль, так что не волнуйтесь.

Лапочка ты мой, предупредительный. Я даже испугаться не успела.

— Идите спать, — говорит он мне как-то по-отечески. — А то сейчас заснете тут, а моим ребятам много чести будет вас на руках носить, юная леди.

Ну, ладно, всеобщий ему не родной, мог и ошибиться, кому это будет много чести. Но это обращение... Да ведь он же не знает, как меня зовут!

— Мое имя Лиза, — говорю, вставая.

Снова на меня пялятся все трое. Ну а с именем-то что не так?!

— Азамат, — говорит капитан. Как будто я и так не знаю.

— Тирбиш, — представляется молодой муданжец, сидящий около меня.

А третий молчит. Ну ладно...

Я желаю всем спокойной ночи и иду прочь, но уже на выходе слышу, как этот третий шипит Тирбишу по-муданжски:

— Ты зачем назвался?!

— Мое имя, кому хочу, тому говорю! Капитан тоже назвался.

— У капитана выхода не было, она ему сама представилась.

— Ахамба, оставь его в покое. — Это уже Азамат вклинивается. Ага, значит, Ахамба... — Как будто ты в молодости красивым девушкам имя не раздавал. Да и вряд ли она умеет...

Чего я вряд ли умею, я не поняла. У них что, имя как номер телефона, незнакомым не дают? Ужас какой. И что, я капитана вынудила представиться? Господи, да за что ж мне эти дикари?..

Не знаю уж, как должен был подействовать на меня этот их чай, но не подействовал никак. Заваливаюсь спать без задних ног, едва доплетаюсь до своей каюты, и никакие неразрешенные загадки мне не мешают. Чтоб я дома так спала, честное слово!

Утро начинается с приключений. Встаю, напяливаю какие-то шмотки, которые не глядя сгребла в мешок с лекарствами, выхожу в коридор, чтобы получить у кого-нибудь инструкции, какие порядки тут с завтраком. То есть я его готовить должна или у них какой-нибудь сухой паек предусмотрен? Иду в гостиную (которая, конечно, должна называться кают-компанией, но я блондинка, мне можно). За один поворот дотуда мне попадается навстречу Алтонгирел. Замечает меня, подходит так вальяжно, опирается на стенку над моей головой, зажимает меня в угол.

Ну все, думаю, кранты. До чего же рожа противная. Вроде ничего особенного, длинное такое лицо, нос с горбинкой, большие губы. Но выражение собственного превосходства над миром такое, что аж тошно. Готова на любые извращения, только бы целоваться не полез.

— Иди, — говорит, — детей своих корми.

Смаргиваю.

— Чем?

— Там на кухне все готово, а у нас есть дела поважнее, чем их из кают выгонять.

— Хорошо, — отвечаю, — а где кухня?

Закатывает глаза. Он это любит делать.

— Пошли покажу, — говорит так, как будто уже в пятнадцатый раз показывает.

Какие они разные, эти наемники. Только давайте там правда будет кухня, а не его спальня...

Мои мольбы услышаны, это кухня, а точнее, целая столовая. Меня представляют огромному печному горшку с горячим чем-то. Похоже на рагу, но поди ж его разбери. Пахнет вкусно.

— Дальше разберешься? — снисходительно, как слабоумную, спрашивает Алтонгирел.

Он мне очень не нравится. Но не все же коту масленица, правда?

Киваю.

К счастью, почти все мои дети при вчерашней эвакуации успели похватать сумки, так что им нашлось во что переодеться и даже чем почистить зубы. А я вот очень страдаю по утраченной расческе, не говоря уже обо всяких пемзочках-мочалочках.

Детей не приходится приглашать на завтрак дважды, и тюрю из горшка, оказавшуюся и правда мясным рагу, они лопают с энтузиазмом. Кажется, некоторые из ребят — вегетарианцы, но я и в нормальных-то условиях им не очень потакаю, а уж тут кушают как миленькие. Правда, чье это мясо, не знаю.

Дальше мои дети чинно сгружают тарелки в посудомойку (ну не я же за всеми буду убирать, правда?) и отправляются обратно по каютам. Вернее, это я так думаю. До сих пор они так хорошо себя вели, что я прямо расслабилась.

Однако когда через четверть часа я покидаю столовую с намерением тихо посидеть повязать, внезапно обнаруживаю, что по кораблю несутся с топотом и визгом два десятка молокососов, а кто постарше пытаются пробраться на капитанский мостик, поглазеть, как управляется настоящий наемничий корабль. Гомон стоит дикий, и я в

ужасе представляю себе, что мне сейчас скажет Алтонгирел (почему-то именно от него мне кажется наиболее вероятным получить взбучку).

Я кидаюсь собирать своих подопечных и еще через полчаса более-менее сгоняю их всех в ту же гостиную. Но они по-прежнему буянят, стоят на голове, скачут по диванам и норовят разбежаться, стоит мне отвернуться. Расходиться по каютам дети отказываются решительно. Ох уж мне это гуманное воспитание!

Ну я как чуяла, что без Алтонгирела не обойдется! Вот он, красавец, стоит в дверях и с отвращением на всех нас смотрит. Может, этих мелких паразитов хоть его рожа проймет?

Не проняла.

— Здрасьте! — радостно здороваются дети.

— А у вас куртка форменная? — с места в карьер спрашивает один мальчик.

— Продадите? — тут же подхватывает другой.

Я хватаюсь за голову.

— Приструни своих молокососов, — цедит Алтонгирел.

Да я бы с удовольствием, цыпочка.

— Пытаюсь.

— Я сказал, не пытайся, а приструни!

Ах ты гад!

— Если б могла, давно бы уже так и сделала. — Стараюсь сдерживаться. Все-таки мы от них зависим.

Кажется, он осознает, что я бессильна (и это, конечно, роняет мой авторитет в его глазах ниже нуля) и решает попробовать свои силы.

— А ну быстро все по каютам!!!

Эти мелкие гады ржут. Я начинаю бояться. Только в открытый космос не вышвыривай, дядя.

— Ребят, — говорю, — это не смешно. Щас придет капитан и выкинет всех вас за борт, и меня тоже. Тут вам не школа. Нам вообще большую милость оказывают, что домой везут.

Ну человек десять старших слегка посерьезнели. Но это даже не четверть. Остальные принялись шептаться. Я улавливаю реплики: «Настоящий капитан!», «А за бортом очень холодно?», «Меня мама не пустит» — и еще что-то столь же разумное. Господи, да что же делать-то? Ну не умею я с детьми обращаться, когда их так много!

Алтонгирел кривится и выходит из гостиной. Я уже достаточно себя накрутила, чтобы подумать, что он и правда сейчас на нас доносить пойдет. Кидаюсь за ним.

— Послушайте, ну они же не виноваты! Они маленькие, глупые, никогда не были в такой ситуации. У многих это вообще первый полет без родителей!

— А почему меня это должно волновать? — бросает муданжец через плечо.

Кажется, я сейчас заплачу. Кстати, может, так и сделать? На мужиков это иногда действует. Набираю в легкие побольше воздуха, преисполняюсь жалости к себе — и...

— Ну почему вы такой жесто-о-окий?! — Хороший рев вышел, еще и от стен отрикошетило.

Он замирает и оборачивается, как будто увидел привидение. Что, так страшна? Нет, я знаю, что у меня все лицо краснеет, когда плачу, но чтобы так напугать...

Стоим, пялимся друг на друга в полутемном коридоре, я озадаченно всхлипываю, он губами шевелит... и тут между нами распахивается дверь.

Оказывается, мы устроили всю эту пантомиму ровнехонько у каюты капитана. И он, конечно, вышел посмотреть, что тут за шум. Ох, что сейчас будет...

Азамат первым видит обалдевшего Алтонгирела, потом меня с мокрой красной физиономией. Ну вот, и его тоже напугала. Поворачивается снова к моему обидчику, лица его не вижу, но тот отступает на шаг.

— Я ничего... — начинает Алтонгирел неровным голосом, глядя снизу вверх на возвышающегося над ним капитана. Этот человек умеет робеть?! — Я только... там эти дети очень шумят, я только попросил их... ну, по каютам... Я даже не сказал ничего!

Азамат снова смотрит на меня, я поспешно вытираю слезы. Если Алтону из-за меня влетит, он же меня потом со свету сживет!

— Я... просто... перенервничала, — мямлю. — Извините.

Кто ж их знал, что они такую трагедию из-за меня устроят? Они тут вообще женщин не видят, что ли? Или, может, на Муданге растет какая-нибудь трава, облегчающая ПМС? Я тоже такую хочу!

— Оставь детей в покое, — говорит Азамат Алтонгирелу. На всеобщем, заметьте, вежливый ты мой.

В этот момент со стороны гостиной раздается жуткий грохот и визг. Успеваю заметить, как Алтонгирел, осмелев, иронично поднимает бровь. Мчусь на шум.

Ну конечно, они уронили диван! К счастью, вроде бы никто не пострадал. Врываюсь в гущу, начинаю отчитывать подопечных, вдруг все стихает.

Оборачиваюсь — в дверях стоит Азамат во всей красе: два метра с гаком, в черной блестящей псевдокоже, шрамы на пол-лица. Хмурится, обводя взглядом наше собрание. Дети, как бандарлоги, плятятся на него, затаив дыхание. Похоже, вчера слишком перепугались, чтобы заметить.

— Будьте поосторожнее, пожалуйста, — произносит капитан своим спокойным, раскатистым голосом.

— Да, сэр, — говорит кто-то из старших мальчиков и внезапно запускает цепную реакцию:

— Да, сэр! Да, сэр! — нестройным хором отзываются остальные.

— Вам лучше разойтись по каютам и заняться тихими играми, — продолжает Азамат благосклонно-отеческим тоном.

— Да, сэр, — на этот раз звучит почти в унисон.

Встают. И расходятся!

Впрочем, я и сама с трудом удерживаюсь, чтобы не разойтись вместе с ними. Вот это я понимаю у человека сила убеждения! Впрочем, увязавшийся за нами следом Алтонгирел смотрит так, как будто мы все с ума посходили.

Когда последние детские шаги стихают в коридорах, наш зазнайка все-таки не удерживается:

— Ну ничего себе! Землянку они не слушают, меня они не слушают, а тебя — пожалуйста!

Азамат, кажется, и сам слегка озадачен. Пожимает плечами. Теперь уже я смотрю на них как на чокнутых.

— А что вас удивляет? — спрашиваю. — Он капитан. Высокий, э-э-э, внушительный. Конечно, его слушаются!

И тут этот потрясающий человек, в смысле Алтонгирел, видимо, решает, что ему жизнь не мила в этом несправедливом мире, потому что говорит:

— Но он же урод!

Я замираю вследствие полного отключения мозга. Господи, что сейчас будет? И как мне реагировать? Возмущаться? Прятаться?

Очень осторожно перевожу взгляд на Азамата. Тот задумчиво смотрит в сторону.

— Возможно, — медленно произносит он, — у землян другие приоритеты.

— Ка-анечно! — фыркает Алтонгирел, а потом кивает на меня.

Ой нет, нет, пожалуйста, только не это, не спрашивай меня...

— Вот скажи, по-твоему, он что, не урод?

Все-таки спросил, зараза. И что мне делать?!

Внезапно очень ясно осознаю, что, будь я Парисом, яблоко бы досталось Афине, потому что у нее ружье. Ну то есть, копье. Неважно. Так, девочка, соберись. Тут надо отстраниться и ничего не отвечать.

— Боюсь, что не понимаю вашего юмора, — говорю с как можно более тупым выражением лица.

— Да нет, я серьезно! — продолжает этот мучитель.

— Серьезно не понимаю, — говорю в ответ и порываюсь сделать ноги.

К сожалению, он стоит как раз между мной и дверью. Хватает меня за локоть, зараза такая.

— А ну-ка отпусти, — быстро и мрачно командует Азамат.

Отпускает, извиняется.

Меня уговаривать не надо, лечу по коридору, словно взрывной волной отбросило.

Сижу за решеткой в темнице сырой. Ну ладно, сухой, то бишь в своей каюте. И решетку я тоже сама себе организовала — заперлась изнутри. Теперь бы пульт от двери не потерять, а то на ней самой, кажется, никаких кнопок нет.

Каюта у меня очень приятная: небольшая, но все на месте. Кровать человеческая, а не эти гравитационные гамаки, которые на наших малых кораблях ставят на случай разгравитации. Столик для бука (нет-, комм-, джой — и какие они там еще бывают...) с выдвижным креслом, сверху полочки, прямо нормальное рабочее место. Интересно, муданжцы тоже играют в наши сетевые РПГ-шки? И что они на этих полочках держат? Народную музыку в красивых коробочках? Летописи в электронном формате?

В другой стене встроенные шкафчики и — о чудо! — дверь в личный санузел. На земных кораблях эту роскошь себе позволяют только капитан да пара заместителей, ну или уж если у кого частный звездолет. Вот это я понимаю, люди ценят личное пространство. Да и вообще, они же тут, наверное, месяцами живут безвылазно. Без комфорта никак.

Жаль, у меня ни нетбука, ни зубной щетки нет. Хотя погодите-ка, вот же в мешке одноразовые щетки. Ладно, одной проблемой меньше. Теперь бы еще маме позвонить, а то же волнуется, наверное. Интересно, насколько хорошо наши скрывают взорванный корабль? Не узнать-то не могли. И ведь главное, скорее всего, про взрыв уже вся планета знает, а вот что кто-то спасся — только председатель Земного союза. Сволочи. Могу себе представить, что там мама... и брат... ох, нет, лучше не представлять. Пойти, что ли, попросить кого-нибудь письмо отправить? Так там Алтонгирел. Вот зараза, из-за него... ну нет, я ему не позволю портить кровь моей родне. Вот сейчас же выйду и выклянчу связь.

Выхожу. Никого. Сую нос в гостиную. Никого. На кухню. О! Капитан! Вот и прекрасно.

— Здравствуйте, — улыбаюсь по возможности очаровательно.

— Сегодня уже здоровались, — говорит он, но не вздорно. Видимо, опять чертовы культурные различия.

Подхожу, сажусь напротив.

— Я хотела спросить... — начинаю говорить и вижу, что ему опять становится смешно. Да чтоб тебя! — Ладно, хорошо, я спрашиваю. У меня дома все, скорее всего, считают, что я погибла. Можно мне как-нибудь им... письмо хотя бы отправить?

Смотрит на меня, как на попугая, который учится говорить.

— Вы, наверное, никогда раньше не общались ни с кем с Муданга?

— Наверное, нет.

— Вы не уверены?

— Ну мало ли... Вы не так уж отличаетесь от некоторых земных народов... — В голове всплывает светлый образ сетевых игр. — А в Сети обычно и лица не увидишь.

— Насчет Сети — это верно. Но я думал, что земляне все, как вы.

— Да нет, что вы. Такие бледные, как я, вообще вымирающий вид. А так, мы самые разные бываем. Разве что ростом в среднем пониже... — добавляю, очередной раз прикидывая, сколько же в нашем капитане этого самого роста. Вот и кровать у меня в каюте, кстати, все два с половиной в длину. И стол мне высоковат...

Он немного смущается и утыкается в свой бук, который стоит тут же на столе сбоку, а я и не заметила. Поцелкал там чего-то, поворачивает ко мне.

— Пишите, звоните, делайте что хотите.

Ой, я думала, он меня к кому-нибудь из подчиненных с этим пошлет... Все-таки странная у них субординация.

* * *

Привет, мам.

У нас тут небольшая нестыковочка вышла, но у меня все ок. Похоже, буду дома раньше, чем собиралась. Новости не смотри, если посмотрела — забудь, там пургу гонят, чтобы деньги отмыть, как обычно.

Со связью у меня сейчас не очень, так что не удивляйся, если долго не буду писать.

Брату привет, погладь кота.

* * *

— Спасибо, — говорю, закрывая почту и поворачивая бук обратно к владельцу.

Он, пока я писала, встал и занялся чем-то в собственно кухонном углу столовой. Смотрю — несет вчерашний пластиковый кувшин с пиалами.

— Не откажетесь?

Отказаться-то я не откажусь, но что-то мне это нравится все меньше и меньше. Нет, ну серьезно, с какой стати он меня обслуживает? То есть статья-то довольно очевидная, но удивительно, что он считает это нужным. Мог бы и просто потребовать. Я же ни отбиться, ни убежать не могу... Если только ему доставляет удовольствие сам процесс?

— С-спасибо. А можно узнать, что это? — Вот только попробуй мне сказать «узнайте»!

Он произносит какое-то страшное раскатистое слово, я пугаюсь, капитан улыбается.

— Извините, не знаю названия на всеобщем.

Лезет в бук, что-то там находит, поворачивает ко мне. Там файл — батюшки-светы, справочник по лекарственным растениям, на мунданжском языке! Электронное издание... кто бы мог подумать. На меня смотрит картинка: мелкая травка с колючими листочками, цветы-звездочки. Как есть могильник!

— А, — говорю, — Пеганум. Хармала.

— Да, да, — говорит он. — Гармарра.

Ох ты, елки, могла бы и узнать.

— Я думала, ее курят.

— Только когда очень весело. — Он так улыбается, что хоть сейчас косячок подавай. — Но у нас правило, в космосе — не пьем и не курим. А если ее заварить, получается просто приятный напиток. Успокаивает, улучшает настроение.

Ах вот чего я так спала вчера хорошо.

— Спасибо... что вчера угостили.

Смотрит на меня опять как-то странно. Сколько я его благодарю, еще ни разу «пожалуйста» не сказал. Это у них тоже не принято? Сейчас будет тебе той же монетой:

— Вы, наверное, нечасто с землянами общаетесь? — спрашиваю невинно.

— Так близко — впервые. — Ни капли не смутился. — Переговоры ведем, конечно. Но это очень интересный опыт.

М-да, взаимно.

— Ну так вы будете? — кивает на пиалу.

— Боюсь заснуть...

— Ах да, я не подумал... вам нужно, наверное, пожиже развести...

Да елкин дрын! Кто из нас тут капитан космических пиратов, а кто запуганная девица?! И ведь не скажешь ничего, еще не так поймет — и мне кранты.

— Да вы не беспокойтесь, я как-нибудь... и так... Я ведь только зашла насчет письма, неудобно вас отвлекать... — мямлю в лучших традициях визита в бухгалтерию.

Качает головой, глядя сквозь меня куда-то вдаль. Глаза у него — узкие длинные щелочки, а веки такие огромные... вокруг правого глаза все обожжено, удивительно, как сам глаз не задело. Интересно,

сколько ему лет? У левого глаза сбоку морщинки, но седых волос совсем нет. Хотя кто их знает, когда они там седеют, эти инопланетяне. Зубы на вид все свои, а если у них зубные врачи такие же, как тот, который ему ожоги залечивал, то очень много лет капитану быть не может. Шрамы на шее тоже есть, а дальше высокий воротник. С учетом того, на что похожи ладони, и под одеждой ничего себе должно быть. Как же это, наверное, было больно — подумать страшно.

— Не переживайте, — вздыхает. — Я с удовольствием трачу на вас время. Люблю узнавать новое. Лучше расскажите, что вы обычно пьете.

— Чай... — пожимаю плечами. — Ну это если безалкогольное.

— Чай... — повторяет. — Но еще рано, его вечером... или вы днем?

— Да хоть круглые сутки, — хихикаю.

— Легко. — Опять я его с места согнала, пошел, похоже, чай добывать. Достает немаленький холщовый мешок. — Вот, — говорит, — заваривайте.

Ну, заварочного чайника, конечно, не нашлось. Хорошо хоть кружку какую-то отыскала с ситечком сверху. Листья они сушат, похоже, целиком. И никаких добавок. Получилась жидкость почти шоколадного цвета, разве что прозрачная слегка... но на вкус нормально. Беру пиалу побольше — чашек-то тут совсем нет, иду к столу. Капитан там уже опять в буке ковыряется. Смотрит на меня, как на дрессированную собачку.

— Вам посуда подходит?

— Ну я бы предпочла, чтобы она была с ручкой, а так вполне.

И тут он принимается хохотать. Да как! Громко, гулко, просто автоматная очередь. Голову запрокинул — господи! А на шее-то шрамы... как он только выжил?!

Развеселить Азамата оказалось не лучшей идеей — на этот грохот, который у него канает за смех, является Алтонгирел. Я стараюсь слиться со стулом, естественно, тщетно.

— Развлекаешься? — интересуется Алтоша как-то нехорошо.

Азамат вытирает ладонью левый глаз. Ой, как мне хочется отсюда уйти немедленно и не вникать в их разборки...

— Тебя что-то не устраивает? — спрашивает капитан все еще весело.

— Да так, знаешь, боюсь, как бы ты потом не разочаровался слишком жестоко, — цедит Алтонгирел.

Когда Азамат сидит, Алтоша выглядит почти представительно. Оборачивается ко мне, опираясь на спинку моего стула:

— А вам еще не скучно, юная леди?

Что он хочет подчеркнуть? Что юная? Или что леди? Нет, тут явно какие-то свои интриги, которых я не понимаю и понимать не хочу. Выгибаю спину, чтобы быть от него подальше.

— Напротив. Мы вели чрезвычайно познавательную беседу о напитках.

— Уверен, вы получили от этого массу удовольствия, — шипит практически мне в ухо.

Отклоняюсь в сторону так, что это уже неприлично. Ну почему Азамат ничего не сделает?!

— Совершенно верно, — огрызаюсь.

— И почему я вам не верю?

Он уже меня почти касается. Приходится все-таки встать и обойти стол.

— Понятия не имею.

Сейчас ведь расплещет мой чай, урод.

К счастью, он переключается на Азамата — и заодно на муданжский:

— Очень тебе советую это прекратить.

Капитан, изменив своей вежливости, тоже переходит на родной язык:

— Я не уверен, что это входит в сферу твоей компетенции.

Хорошо, что у них тоже много умных слов заимствовано из всеобщего, а то хрен бы я что поняла.

— Зато я уверен. Над тобой мало смеются? Хочешь брызнуть бензином в костер?

А, ну да, поняла. Еще бы знать, о чем он...

— Я думаю, что больше уже некуда.

— Тебе рано себя хоронить.

— И поэтому ты считаешь, что мне надо сидеть под замком.

Да о чем они?! Или я не хочу этого знать...

— Азамат, я тебя предупредил, что будет больно.

— Мне не привыкать.

На этой оптимистической ноте Алтонгирел вздыхает и выходит из кухни строевым шагом, шарахнув дверью.

Я вздрагиваю, вжимаю голову в плечи и зажмуриваюсь.

— Простите, — говорит Азамат.

Да уж, правильно извиняешься. Только почему ты его сразу не выставил?

— Я думала, он ваш подчиненный, — не выдерживаю.

— Не совсем, — откидывается на спинку стула, вздыхает. — У нас с ним некоторое разделение ролей. У меня, как бы это сказать... светская власть, а у него духовная.

Таращусь.

Вот уж такого — на звездолете! — я точно не ожидала.

— Знаю, что это странно, — ухмыляется он. — Но у нас так заведено. Наемники иногда годами не бывают на планете, а со Старейшинами по нетбуку не поговоришь — нарушится таинство поучения. С другой стороны, у некоторых старейшин есть ученики, которые после пятнадцати лет послушничества обязаны провести хотя бы десять лет в удалении от наставника, научиться принимать собственные решения. Вот они-то и летают с наемниками. Алтонгирел здесь уже пять лет, но я его знаю с детства.

— А, э-э... вы не ладите?

— Обычно ладим, просто он несколько... близко к сердцу принимает некоторые вещи.

Ага. И называет тебя уродом.

— Но вообще-то он хороший друг, — заключает наш удивительный капитан.

Пора мне делать ноги из этого дурдома.

Извиняюсь, забираю свой подостывший чай, иду к себе. Где мое вязанье... Там как раз самое время начинать узорчик вывязывать, для этого какая-никакая, а концентрация нужна, хоть голову займу, чтобы не ломать ее о подслушанные реплики на неблагозвучном мударджском... Может, я на самом деле все совсем неправильно поняла. Ведь до этой истории даже никогда живого мударджца не слышала, только нашего препода...

...Пиала вылетает из рук и разбивается о стену, хоть и пластиковая. О н-нет, как я могла его не заметить?!!

Мощная рука Алтонгирела впечатывает меня в стенку, глаза его сверкают, из ноздрей дым валит, рожа красная, клыки торчат... не знаю, что уж там правда, а что мне с перепугу мерещится...

— Держись подальше от Азамата! — рычит он так, что я еле разбираю слова.

Его пальцы сжимают мое плечо в опасной близости от горла, да с такой силой, что вот-вот ключица хрустнет. А кроме меня самой, тут врача нету... как же так, духовник есть, а врача нету...

— Слышишь?! — шарахает он меня затылком об стену.

Хорошо, что я не пластиковая.

Слышать-то слышу, но в ушах шумит, в глазах рябит, в горле вантуз застрял... Пытаюсь кивнуть, но он не понимает. Навис надо мной, маленькой, как вопросительный знак, вот-вот точкой под дых заедет. В панике толкаю его в грудь, но с тем же успехом можно было попытаться пройти сквозь стену: он сильнее меня раз в двести, наверное.

— Я тебе побрыкаюсь.

Он заносит руку... начинаю визжать. Не длинно, как заклинивший дверной звонок, а короткими пронзительными взвизгами, точка-тире, хотя все больше точка-точка-точка...

Глава 3

Что-то происходит, и мне позволено упасть на пол. Пожалуй, я за эти дни превысила месячную квоту по падениям. Так, дышим глубоко. Не хватало мне еще в ответственный момент панического приступа. Кажется, меня уже никто не убивает. Еще пара глубоких вдохов, и можно попробовать воспринять окружающий мир.

Мир тих, хотя в ушах по-прежнему шумит. Поднимаю голову — и вижу длинную косу. Капитан здесь. Странно, только что ведь был на кухне. Хочется дернуть за косичку, но пока могу сдержаться. Хорошо, что не стала пить могильник. Сажусь на колени. Затылок саднит, щупаю — череп цел, а это главное. Бедная моя голова, что ни день, то шишка.

Капитан поворачивается ко мне, через его плечо я вижу Алтонгирела, белого как полотно. Огромные черные глаза на меня тарашит, руки не знает куда деть. Наконец-то гул в моих ушах стихает, и я начинаю осознавать, что случилось. Похоже, орала я громко, на совесть, и моя глотка теперь очень мной недовольна. Азамат приседает

около меня, смотрит с тревогой. Ты еще пальцем потыкай. Живая я, живая...

— Вы как?

Очень не хочется говорить. Руки дрожат. Ноги, наверное, тоже. Осторожно киваю, тру лицо, как будто только что проснулась. Понервничай-понервничай. В следующий раз надаешь физдюлей своему духовнику до того, как он сделает из меня отбивную. Внезапно очень хочется к маме. А еще лучше — к Кириллу, но его больше нет, и никто меня сильными руками не обнимет и щетиной не пощекочет. Стой-стой-стой! Я не хочу сейчас плакать! Они и так уже достаточно насмотрелись, какая я слабая и незащищенная. Капитан того и гляди примется меня по голове гладить. Достаточно ли я несчастна, чтобы этого хотеть? Пожалуй, нет. Тем более что у него из внутреннего кармана расстегнутой куртки торчит что-то огнестрельное, а я боюсь вооруженных мужиков.

— Встать можете? — спрашивает он.

— Щас попробую, — говорю ожидая, что он мне руку предложит.

Не предлагает, гад. Ладно, может, растерялся. Хочу опереться на его предплечье, но он вдруг отстраняется. Пока пытаюсь врубиться, капитан поворачивается к Алтонгирелу:

— Иди помоги.

— Нет!!! — очень быстро выкрикиваю я. Бедная моя глотка, у твоей хозяйки реакция намного опережает разумную мысль.

Духовник застывает, занеся ногу для шага, неуверенно смотрит на Азамата.

— Не волнуйтесь, — говорит мне этот потрясающий человек. — Он не причинит вам вреда, я обещаю.

Тебя при рождении сколько раз головой уронили? Ой, не надо о голове...

— Уберите его от меня, — говорю тихо и хрипло, но, как мне кажется, убедительно. Пытаюсь подвинуться так, чтобы капитан оказался ровно между мной и этим чудищем поганым.

— Лиза, не психуйте, — строго говорит Азамат. — Кто-то же должен помочь вам дойти до каюты. Алтонгирел, давай уже, иди сюда, не тяни время.

Поняв, что помощи мне ждать неоткуда, беру свое спасение в свои руки. В роли спасения предстает та самая пушка из кармана Азамата.

— Еще шаг, и останешься без печени! — хриплю как можно более грозно. Стрелять нас учили, у меня даже неплохо получалось. С такого расстояния если не печень, то какой-нибудь важный орган задену. Руки, правда, дрожат...

Мужики ахают и отступают. Азамата я совсем не понимаю, он же сбоку сидел, мог прекрасно отобрать у меня свою пушку, держу пари на что угодно, что у него реакция лучше, чем у меня.

— Лиза, послушайте, — начинает урезонивать капитан. — Давайте не будем все усложнять. Алтонгирел не собирался причинять вам боль.

— Ага, только придушить и об стенку постучать! — От адреналина язык заплетается, не знаю, насколько они вообще понимают, что я говорю. Где мой полированный университетский выговор...

— Я только припугнуть тебя хотел! — обретает наконец голос Алтонгирел.

— Тебе удалось! — ору так, что в страшном сне не приснится.

— Я не знал, что земляне такие хрупкие!

— Заткнись, урод! Вали отсюда и не прикасайся ко мне никогда!!!

Надеюсь, он не замечает, что у меня предохранитель не снят, потому что пальцы совсем не слушаются... судя по тому, как у него лицо идет пятнами, ему не до предохранителя.

— Прикормил стерву, теперь сам с ней и разбирайся! — выкрикивает он капитану и стремительно уносится прочь.

Мои руки сами собой опускаются, меня бьет крупная дрожь.

Капитан снова присаживается около меня.

— Отдайте мне пистолет, Лиза, он все равно не заряжен.

Кошусь на него недоверчиво. Поворачиваю пушку кверху пузом — и правда, индикатор заряда даже не светится. Тьфу ты. Кладу бесполезный предмет на пол рядом, капитан сует его обратно в куртку.

— Чего ж сразу не отобрали? — бормочу, прислонившись виском к холодной стене. Представляю, какое у меня будет несварение желудка после всего этого стресса.

— Алтонгирел мне нужен, а он обидчив. Я предпочитаю не наказывать его самостоятельно. Тем более что от вас ему обиднее слушать оскорбления, чем от меня.

Не знаю, чем я его там оскорбила... лишь бы не приближался.

— Помогите мне встать, — говорю устало.

Обойдется без реверансов после такой нервотрепки. Капитан еще чего-то колеблется. Что, думаешь, укушу?

Подставляет руку, но не ладонь. Цепляюсь за что есть, встаю, повисаю. Ноги дрожат так, что, по-моему, вибрация переходит на стены. До него наконец-то доходит, что меня надо придержать. Не знают они, дескать, что земляне такие хрупкие. Каз-злы.

Азамат практически доносит меня до каюты, вид у него такой виноватый, что мне даже становится его жалко. Как он ухитряется быть хорошим капитаном, если так неуверен в себе?

Сворачиваюсь клубочком на диване. Кто бы знал, как мне надоела эта короткая юбка. Только и следи, чтобы выглядеть прилично. Хорошо хоть туфли на мне удобные были во время нападения, танкетки, не каблуки. Но на кроссовки готова хоть прямо сейчас поменять. А так приходится их снять, чтобы дать ногам отдохнуть. Капитан уходит, еще раз извинившись, и дверь за ним защелкивается.

Я довольно быстро перестаю изображать из себя несчастную жертву обстоятельств. Все-таки обошлось без травм, так, синяк на ключице да шишка на затылке. Вот напугалась я конкретно. С этим и надо бороться.

Встаю, раскапываю свой мешок: тэк-с, этого внутрь от нервов, этого в нос для соображаловки, а этим шишку помазать. Красота. Какая же я все-таки умная! Про удачливость в данной ситуации, пожалуй, промолчу.

Стук в дверь. Кого это принесло? Добивать пришел? Спрашивать бессмысленно, закрытая каюта на звездолете всегда звуконепроницаема. Осматриваю пульт, кнопки подписаны помуданжски. Ладно, в случае чего скажу, нажимала наугад. Будем надеяться, «окно» — это то, что мне нужно.

И правда, дверь становится прозрачной. Не исчезает совсем, к счастью, а то бы меня точно кондратий хватил, а так — мутненько, но видно. Там капитан. Стоит, переминается, в руках что-то держит, не разберу. Один вроде. Ладно, не могу же я капитана не пустить... у него, наверное, все равно пульт от всех дверей есть. Открываю.

— Простите за вторжение, — начинает он. Поклонись еще поясно. — Подумал, может быть, поможет успокоиться.

Ставит на стол пиалу с дымящимся чаем. Скажите, что мне этот бред снится, а? Потому что иначе я пошла искать чемпионат по неадекватному поведению, я знаю, кто его выиграет.

Нет, правда же на сон похоже? Особенно такой... в измененном состоянии сознания... Вот и повторяющийся мотив, и всем, кроме меня, происходящее кажется естественным. Но самое ужасное, что я не могу просто проигнорировать Азамата, как надоедливого ухажера в чате. Приходится реагировать.

— Ой, да не надо было, — всплескиваю руками, хоть и с задержкой. — Мне прямо неловко, прислали бы кого-нибудь на худой конец...

— Да, наверное, так и следовало сделать, — неожиданно соглашается он, глядя в сторону.

Обиделся! О господи, что же это за кошмар такой?!

— Я... то есть... в смысле... — Что можно сказать капитану, черт возьми, пиратского корабля, чтобы он перестал на меня обижаться?! Неужто решил, что я его видеть не хочу?

— Ничего-ничего, — говорит он, поворачиваясь к двери. — Я вас больше не побеспокою.

Приходится все-таки вскакивать и догонять его босиком, а я так не люблю ходить в общественных местах без тапочек... Хватаю его за руку, мелодраматичненько так, но ничего лучшего в голову не приходит. Впрочем, действует хорошо, капитан останавливается, как будто я на паузу нажала.

— Подождите, — говорю.

А чего еще сказать, не знаю. Он послушно ждет, смотрит на свою руку, как будто впервые видит. Если когда-нибудь в старости буду преподавать в космическом колледже, организую там спецкурс о повадках инопланетян, потому что знания языка тут явно недостаточно. Я ведь только догадываться могу, на что он обиделся. А если не на это? Кстати, до сих пор не знаю, что его так развеселило в столовой. Но, похоже, выбора у меня нет. Была не была и прочие пропавшие паны.

— Я вас не прогоняю, просто мне страшно неудобно отнимать у вас столько времени. Вы так обо мне заботитесь, как будто я какая-то особенная, а я самая обычная, и мне очень неловко.

Надеюсь, это он не воспримет как «отстань, без тебя справлюсь»?

Улыбается, шевелит бровями. Фух, пронесло...

— Вы ведь с Земли, — говорит.

Тонко подмечено, однако...

— Ну да, — моргаю.

— Ну и какая же вы «самая обычная»?

А, то есть я — редкий экспонат в коллекции, так, что ли? Меня надо держать в удобном вольере и кормить предпочитаемой пищей?.. А чего это я внезапно так разозлилась? Пускай царь диковинкой потешится, лишь бы вернул на место в целости.

Однако часть моего возмущения, видимо, все-таки отражается на лице, и капитан замечает. Тянет руку, чтобы я отпустила. Теперь сверх прочего мне еще и стыдно.

— У вас на корабле, — говорю, — еще сорок семь человек землян.

— Они меня боятся.

— Я тоже.

Ой, зря сказала, сейчас опять обидится! Быстро, быстро все исправить!

— Правда, Алтонгирела я боюсь гораздо больше, — выдаю с нервным смешком.

Так, кажется, на этом канате я научилась балансировать. Капитан снова улыбается. Вернусь на Землю, попробую себя на поприще дрессировки диких зверей.

— Не стоит, он теперь к вам на пять метров не подойдет.

— Или просто подстроит несчастный случай.

Азамат так широко открывает глаза, как ему позволяет природная узкоглазость.

— Вы же не можете всерьез предполагать, что он хотел вас убить? — спрашивает он меня в благоговейном ужасе.

— Мне жаль вас разочаровывать, — говорю, — но я в этом твердо уверена.

Этот непредсказуемый человек покатывается со смеху.

— Извините, Лиза, — говорит он. — Но это совершенно невозможно. Я сам виноват, надо было вам сразу все объяснить. Ни один муданжец не причинит вреда землянину нарочно. Это абсолютное табу. Алтонгирел вел себя как полный идиот, но он действительно просто не рассчитал силу.

— А как вы тогда воюете? Чтобы без травм? — Это что, новый шаг в буддизме?

— А мы с Землей и не воюем. И земных заложников вот впервые осмелились взять. — Капитан хмурится. — Мне слава в голову ударила. До сих пор у меня еще ни один заложник не пострадал, вот я и соблазнился. Мне очень жаль, что вам пришлось так переживать, но на этом корабле вас никто не тронет. По-хорошему мы вообще не имеем права к вам прикасаться и даже знать ваше имя. Я почему-то был уверен, что вы это понимаете. Земляне для нас — те же боги.

Меня снесло лавиной новой информации еще где-то на середине его монолога, и теперь я пытаюсь осмыслить сказанное. Так вот почему он мне руки не подал.

— А тогда зачем вы пытались, — осмысление начинает потихоньку порождать вопросы, — заставить Алтонгирела довести меня до каюты? Он ведь тоже не должен меня трогать?

— Не должен, но он духовник, и он красивый, так что из нас двоих для него нарушение этого запрета — меньшее зло.

Ну я и попала. Нет, все, конечно, прекрасно, но... ой, я же его за руку взяла!

— А мне-то можно вас трогать? — спрашиваю в легкой панике. Еще не хватало, чтобы я ему какой-нибудь запрет нарушила.

Удивленная улыбка — это, видимо, выражение его лица по умолчанию.

— Можно, конечно, хотя меня несколько озадачивает, что у вас возникает такое желание, — хмыкает капитан.

Он все-таки вогнал меня в краску. Ну ладно, хоть с третьего раза, вот, знайте, что я сопротивлялась.

Ой, а ведь он же меня сюда волок...

— А это ничего, что... — начинаю я, но он, похоже, уже просек ход мыслей моей паранойи.

— Если вас это устраивает, то все в порядке.

Облегченно вздыхаю. Меня так и будет сегодня швырять из паники в спокойствие и обратно? Где там мой чай? Если уж капитан сам принес, грех не пить. Да и вообще, мы уже минут пять как идиоты стоим около двери.

— Может быть, присядем и обсудим все спокойно? — предлагаю я, немедленно подавая пример.

Он, склонив голову, наблюдает, как я на цыпочках гарцую обратно к кровати — полы тут вроде чистые, но не люблю я босиком ходить. Он как-то выкручивает компьютерный стул задом наперед и садится лицом ко мне, откинувшись на спинку. Ему этот стул маловат, правда. Капитан у нас все-таки очень крупный дядя, не только ростом, но и в прочих измерениях.

Впиваюсь в чай, отчего Азамат несколько приободряется. Думал, вылью, что ли? Нет, как ему все-таки удастся людьми управлять, с такой-то самооценкой? Надо с ним быть повежливее, если уж я для него такая важная персона. Может, комплексов ему поубавлю.

— Азамат-ахмад, — начинаю вроде как вежливо, запоздало вспоминая, какая на это была реакция в последний раз. Ну и он, конечно, хохочет.

— Не называйте меня так, — отмахивается.

— Ну почему? — спрашиваю несчастным голосом.

Отворачивается, бормочет что-то на муданжском. Похоже, я его все-таки дожала до того порога, где кончается его знание всеобщего.

— Это я вас должен титулами называть, а не вы меня, — объясняет наконец.

Ага, ну хотя бы не сказала ничего неправильного.

— У меня никаких титулов нету, — говорю, — и лечу на вашем корабле. Не могу же я вас просто по имени называть!

Смотрит на меня долгим изучающим взглядом, а потом вдруг выдает:

— Вы, очевидно, не понимаете, насколько красивы.

Да что у него за пунктик с этой красотой? Я не жалуясь, конечно, но как-то до сих пор за мной не водилось способности устилать улицы обморочными юношами. С другой стороны, если он Алтонгирела красавцем считает, то на его фоне я, конечно, суперзвезда.

— У нас могут быть разные критерии оценки красоты, — говорю с умным видом.

— Да, — кивает, — да, это возможно. Мы тут привыкли думать, что все земляне прекрасны, но у вас ведь наверняка есть какая-то внутренняя градация.

А, ну то есть, дело не во мне. Это просто стереотип. Мы, значит, боги и должны быть красивыми, как бы оно там ни было на самом

деле. Ладно, с этим разобрались. Отхлебываю еще чаю. Жизнь почти налаживается.

— Ладно, — говорю. — Теперь на тему Алтонгирела. Допустим, я вам поверила насчет табу и прочего... — (Капитан хмурится.) — Ну вы же понимаете, что у меня единственная причина вам верить — это ваше личное обаяние... — (Совсем сник. Блин!) — Которое, безусловно, зашкаливает, поэтому будем считать, что я вам все-таки верю.

Перевожу дух. Может, он просто хорошо владеет искусством эмоционального шантажа? Изображает тут из себя затюканного, чтобы я легче пошла ему навстречу? Но мне это никак не проверить, так что лучше уж буду играть по его правилам.

— Так вот. Запрет там или как, но поверить, что он не попытается меня еще раз «припугнуть», я не могу. Поэтому мне неизмеримо приятнее принять помощь от вас, чем от него.

О-о-о, кажется, я наконец-то сказала то, что надо. Мой капитан просто расцветает на глазах. Ура, могу себе поаплодировать. Ему вообще идет улыбка, насколько это, конечно, можно сказать про человека с такими шрамами. Но он, когда улыбается, становится какой-то свой. Как будто уже сто лет его знаю. Но я ведь не могла его раньше встречать, правда? Такое лицо не забудешь.

— Спасибо за доверие.

Капитан начинает выбираться из кресла, когда я вспоминаю, что у меня есть еще один вопрос.

— А чего вообще от меня хотел Алтонгирел? Похоже было на сцену ревности, но как-то...

— Ревности? — осторожно повторяет Азамат явно незнакомое слово.

Э... Ну по-муданжски я его тоже не знаю... а и знала бы — не подсказала. И потом, если у них слово «любовь» отсутствует, то, наверное, и с ревностью туго. Хотя поведение дорогого духовника свидетельствует об обратном.

— Неважно. Так чего он хотел?

— Он считает, что мне с моим уродством не пристало с вами общаться больше, чем необходимо. А поскольку я его доводам не внял, он взялся за вас.

Ну, допустим, в какой-то части это можно притянуть за уши к тому, о чем они говорили в кухне. Хотя это явно не все. Но мне вообще радоваться надо, что хоть что-то объяснили.

— А у вас... степень приближенности к богам красотой измеряется?

Кажется, не обиделся... так, хорошо, хмыкает, думает...

— Пожалуй, можно и так сказать.

Все-таки ужасные дикари. Но я свой устав приберегу для какого-нибудь более безопасного монастыря. Правда, очень уж хочется Азамата как-нибудь подбодрить. Ему, наверное, тяжело с таким лицом, если у них красота так важна.

— Как интересно, — говорю с напускной живостью. — А у нас оценивают по способностям, по достижениям... Мне вообще все равно, кто как выглядит, лишь бы хороший человек был.

Кривит губы, смотрит в сторону.

— Спасибо на добром слове, — встает. — Через час обед будет. Вы справитесь с детьми?

Киваю; он уходит.

Не поверил. Блин!

Глава 4

Когда я пригоняю своих притихших подопечных на обед, оказывается, что вся команда тоже там. К такому повороту дел я несколько не готова, но успеваю сориентироваться: рассаживаю детей за свободными столами. Их, к счастью, хватает. Дети шушукаются, поглядывают на наемников. Те ведут себя примерно так же, косятся на нас, переговариваются на мударанжском. Преимущество у них, впрочем, невелико: среди землян разве что у шести человек всеобщий — единственный родной язык, а остальные — такие же билингвы, как я. Так что мы тоже можем на непонятной мударанжцам фене ботать, хоть и не все со всеми.

Поначалу сидим тихо, носы в тарелки, мы в своем углу, наемники — в своем. Нам всем выдано по маленькой пиале с очередным травяным чаем, правда, на сей раз не из могильника. То ли побоялись, что мы заснем, то ли хармалу они пьют исключительно в минуты волнения. Дети от зеленоватого настоя воротят носы. Мударанжцы хмурятся.

К счастью, тут входит тот парень, который мне представился... Тирбиш. С огромным чаном пирожков. Смутно вспоминаю, что у них какое-то очень шуршащее название. То ли шурх, то ли фырк... хшур, во! Насколько я знаю, их прожаривают как следует, то есть глистов быть не должно... Ладно, выпендриваться все равно не время, на Земле всех вылечат.

Надо сказать, пирожки удались. Или мы все оголодали с перепугу, но треск за ушами стоит такой, что разговоров за ним уже не слышно. Спросить, что ли, рецепт... А тут еще и бульончик подают, ну прямо вообще жизнь прекрасна. Правда, несоленый он совсем, ну да это на столе. Муданжцы с интересом наблюдают, как мы передаем друг другу солонку. Я между пирожками обхожу столы и убеждаю мелких не вытаскивать из бульона зелень двумя пальцами, демонстративно, с отвращением на лице — еще не хватало обидеть повара.

Вкусная еда, как это обычно бывает, способствует общению. Краем уха слышу, как мои детки, сидящие близко к наемникам, начинают приставать с вопросами:

- А какое это мясо?
- Кто готовил?
- А это вся команда?
- А зачем такой большой корабль?

Последний вопрос меня и саму интересует, честно говоря. На него, правда, никто не спешит отвечать. Треплется, кстати, в основном все тот же Тирбиш. Видимо, самый общительный в команде.

— Да я готовил, я. Мы только вдвоем и готовим — либо я, либо вот он, — тыкает пальцем в сидящего чуть наискосок от него молодого парня. Это типа юнги у них, что ли?

— А как вас зовут? — спрашивает ангелоподобная девочка с жутким акцентом. То ли немка, то ли из братьев-славян.

— Так вам все и скажи, — смеется Тирбиш.

Дети в легком замешательстве. Тяну за рукав девицу на другом конце стола, шепчу:

— У них не принято представляться кому попало.

К счастью, она сообщает передать эту мысль по цепочке, так что младшие дети перестают вытягивать из муданжцев их имена.

Замечаю Алтонгирела по правую руку от Азамата. Сидит нахохлившись, губы выпятил еще сильнее, похож на статую с острова

Пасхи. Вообще, я ожидала, что за столом будут размещаться по старшинству, а не так. Вон, например, Ахамба сидит третьим с краю, а ведь он старше Алтонгирела, это сразу видно. А с самого краю примостился молодой мужик с огромной родинкой на щеке. По левую руку от Азамата совсем мальчишка с длинным лицом и раскосыми глазами. Длинные крупные кудри по плечам. Странно, я думала, муданжцы кудрявыми не бывают. Впрочем, до моего мелкого беса ему все равно далеко. Однако, похоже, и тут внешность правит бал. Я бы, правда, кое-кого местами поменяла, особенно Алтонгирела, но я же не знаю их эстетических критериев. Азамату во главе стола довольно неудобно. И как он пробился в капитаны? Может, конечно, сначала пробился, а потом уже по роже получил... Ох и не люблю же я эти первобытные общества!

— Шву — это птица такая, — тараторит Тирбиш. — Живет в воде, шея дли-и-инная.

— Лебедь! — радостно гадают мелкие.

— А я ж не знаю, правильно или нет, — хохочет наш повар. — Азамат-ахмад, как скажете?

— Правильно. — Азамат одобрительно кивает.

— Вы лебедей едите? — удивленно переспрашивает мальчуган лет десяти.

— А чего ж нет? Они большие, жирные.

— Они красивые! — возмущаются девочки.

— Да уж, куда красивей, — мрачно говорит Ахамба. — Как куснет, враз любоваться забудешь.

Смеются. Не такой он ворчун, как изображает.

Я замечаю, что мой народ постепенно подтягивается поближе к наемникам, за соседними столами становится тесно. Несколько старших подростков перетаскивают лавку так, чтобы сесть сбоку от капитана. Наемники начинают озираться.

— Азамат-ахмад, а зачем вам такой большой корабль? — спрашивает один парнишка, тоже, как я, подхвативший обращение.

Алтонгирел смотрит на него испепеляющим взглядом, но капитан решает не сопротивляться.

— Я его построил дюжину лет назад. Мы тогда большими командами летали. А потом оказалось, что много народа не нужно, но не выбрасывать же хороший корабль! — усмехается.

Интересно, это правда?

— Сами построили? — таращатся дети.

— А что такого? — удивляется Азамат. Или он просто гениальный актер, или действительно способен на коленке свинтить звездолет.

— Но ведь это очень сложно! — продолжает напирать парень.

— Да ну пря-ам сложно, — отвечает вместо Азамата плечистый мужчина, сидящий справа от Алтонгирела ко мне спиной. — Это любой мужик может. Наш капитан, конечно, получше многих в космическом оборудовании разбирается, но и только.

Теперь вы хотите мне сказать, что любой взрослый муданжец может на коленке свинтить звездолет? Что-то это пурга какая-то. Небось договорились навешать нам лапши на уши, чтобы запугать потенциального противника. Дальше не слушаю, поглощаю еще пирожок. Кто-то из старших девиц уже записывает за Тирбишем рецепт, да не один. Правда, с названиями ингредиентов у них большие проблемы. Кажется, в данный момент путают кизил и барбарис. Похоже, Азамат в знании всеобщего лидирует с большим отрывом.

С того конца стола, который я перестала слушать, раздается взрыв детского хохота.

— Я сказал что-то смешное? — ядовито осведомляется Алтонгирел.

— Тебе еще подтверждение нужно? — благодушно спрашивает кудрявый юнец напротив него.

Ой бли-и-ин, ой сейчас начнется...

Подкрадываюсь к своим старшеньким, выискиваю взглядом соотечественницу.

— Над чем ржете? — спрашиваю на родном.

— Фабиан спросил, какими качествами надо обладать, чтобы стать священником.

— И?..

— А он сказал, что надо быть красивым и любить мужчин! — ржет, покатывается.

— Я уверена, что он имел в виду — «людей», — возмущенно шепчу в ответ. — Они на всеобщем плохо говорят.

— Ну да, но еще ведь и красивым быть обязательно! — выдавливает девчонка сквозь приступы хохота.

— Да, у них это очень важно, так что не вздумайте обсуждать!

Дети понемногу утихают, но Алтонгирел продолжает злобно зыркать.

— Извините, — говорит тот парень, который выяснял про звездолет. — Мы вас не совсем правильно поняли. Ничего смешного, простите, пожалуйста.

Кажется, пронесло. Еще не хватало обвинить Алтонгирела в нетрадиционной ориентации. Они же дикие, у них вон к инвалидам терпимости никакой, куда уж к геям... А если учесть, что наш дорогой духовник ведет себя как ревнивая барышня, то можно ненароком попасть не в бровь, а в глаз... О господи! Я только надеюсь, что Азамат с ним не спит. Я бы этого не пережила.

С обеда все, кроме меня и Алтонгирела, уходят в приподнятом настроении. Алтоша дуется, ворчит под нос и косится на Азамата. Я раз сорок повторяю детям, чтобы собирали вещи, помогаю мелким. При всем моем нежелании находиться даже в относительной близости от духовника постоянно обнаруживаю себя в зоне слышимости его тенора.

— А я думаю, что они тебя дразнили, — бухтит он, исподлобья глядя на капитана.

— А я предпочитаю выглядеть идиотом, но не провоцировать ссору.

— Конечно, тебе не привыкать... обиду. А я-то, дурак, пытаюсь тебя защитить!

— Это у тебя все равно не получится.

— Потому что ты не даешь!

— И не дам. На меня работают лучшие ребята, и они меня выбрали не за то, что я нуждаюсь в защите.

— Они тебя выбрали за долю.

— Которая тоже не из воздуха берется.

Как ни стараюсь не слушать, а все равно долетает. Боже мой, Алтонгирел! Лучшей защитой для Азамата было бы, если бы ты перестал ему напоминать, что она ему нужна.

После того как дети укомплектованы и мои собственные две блузки и заначка чистого белья припихнуты все в тот же мешок с лекарствами, решаюсь напоследок навестить капитана, попросить посмотреть почту. Мало ли как на земном корабле с этим будет.

Где его каюта, я уже знаю, вчера там с Алтонгирелом первый раз поссорилась. Все-таки загадочный человек. Столько проблем создает себе и окружающим... но, наверное, он и правда не хотел меня бить. Такие, как он, не бьют. Они тихо каверзничают. Что, конечно, он еще может успеть, гадюка подколотная.

Капитан мне улыбается, хотя Алтоша явно подпортил ему настроение после обеда.

— Извините за беспокойство, — говорю, стараясь излучать приязнь, — можно я еще разок в почту гляну?

— Да, пожалуйста, — разворачивает ко мне бук, который у него, кажется, никогда не закрывается. Пока шарю по Сети да ввожу всякие пароли, исподтишка осматриваю каюту. Она небольшая, свет слегка приглушенный. Планировка такая же, как у меня, только кровать еще больше, и полками вообще все стены увешаны. Там в основном расставлены и навалены разномастные носители информации: диски разного объема, флэшки всех форм и расцветок, винты, карточки, даже баночка с чипами, из тех, что под кожу вшиваются, стоит. А на другой стене — батюшки, книги! Настоящие, бумажные... ну или хотя бы пластиковые, но реальные книги. Правда, вон те три, кажется, все-таки электронные. Но все равно богато!

Мама пишет:

В новостях ничего не видели, а у тебя телефон не отвечает. Смотри там, со всякими мудогошами не связывайся, у них небось гаремы по сорок человек, подцепишь еще чего. Сашка с детьми свалил на дачу, они там наконец-то доделали отопление. Кот линяет, как будто щас июнь.

Звони из порта, как прилетишь, чего-нибудь сготовлю. А то знаю я, как в этом космосе кормят.

С минуту просто сижу и люблюсь на письмо. Как же там хорошо, дома. Зима, дача, кот... А у меня тут сплошная нервотрепка. Надо ей написать, что сегодня... хотя кто его знает, когда мы на Землю-то прилетим. И еще неизвестно, в какую страну. Да и вообще, не сглазить бы. Мало ли что...

Телефон у меня сдох. Позвоню обязательно. Мудогоши обходят меня стороной:)))

Но тут весело:)

Так и отправляю. Хорошо, что муданжцы наши буквы читать не умеют, можно все на виртуальной клавиатуре набрать, и никого не обидишь.

— Скучаете по дому? — спрашивает капитан, про которого я чуть не забыла.

— Ну да-а, в общем, вроде того...

— Я тоже, — кивает.

Он сидит на краю кровати, прямо под иллюминатором, который, впрочем, завешен электронной картинкой — горы, у подножия какое-то жильё, на переднем плане травень по пояс. Это, видимо, и есть дом. Потому что эстетическая ценность пейзажа весьма сомнительная.

Некоторое время молчим, но я побаиваюсь, что сейчас на меня польется поток воспоминаний ветерана, так что решаю прервать воцарившееся понимание.

— У вас есть книги...

Он прослеживает, куда я смотрю.

— Да, есть. А у вас нету?

— Дома есть.

— У меня дома тоже были, но я там давно не живу, так что приходится тут хранить.

— Это... фикшн? — спрашиваю осторожно.

— Хм? Нет, это наши, муданжские книги. Предания, песни. Земные мне в электронном формате удобнее, быстрее искать незнакомые слова, — улыбается, видимо вспоминая обед.

— Вы очень хорошо говорите на всеобщем. — Ну надо же человеку напоследок комплимент сделать.

— Спасибо. Я люблю узнавать новое. Кстати, было очень интересно поговорить с вами о земной культуре.

— Мне тоже. Х-хотите... Мой адрес у вас в буке случайно сохранился... Пишите, установим культурный контакт.

Смотрит на меня так, как будто я — словарная статья, которую ему надо выучить. Догадывается, что адрес сохранился неслучайно?

— С удовольствием.

Из мемуаров Хотон-хон

Земной союз не обрадовался происшедшему. Мрачный, покрытый шрамами наемник говорил убедительно, тем более что кое-кто из ветеранов Второй джингошской кампании его опознал. Даже из

Торговой палаты поступил отзыв, что, дескать, любой предприниматель, торгующий с Гарнетом, слышал про Байч-Хараха, потому что на его выбор поставщика ориентируются все серьезные наемники. Кто-то что-то слышал и про его участие в Первой джингошской кампании на стороне Земли, хотя в это уж совсем трудно было поверить. Сам великий ветеран Второй ДК маршал Ваткин авторитетно заявил, что пытаться окружить, поймать или как-либо перехитрить Байч-Хараха себе дороже.

Доподлинно неизвестно, что заставляло разных людей, имеющих дело с Азаматом, так легко ему доверять — были ли это его грозная внешность и спокойная манера, безупречная репутация, боевая слава, наградившая его гордым прозвищем Байч-Харах (то есть, в переводе, ванька-встанька)... Вот муданжские Старейшины твердо знали, что таковы были его судьба и воля богов.

В итоге на стыковку с муданжским кораблем был выслан пассажирский шаттл с военным экипажем и приказом не стрелять. Забрать детей. Отдать сертификат на вознаграждение. Никаких глупостей.

* * *

Вслед за детьми выхожу в стыковочный коридор — исключительно неприятное место. Стенки мягкие, шатают. Дверь за мной закрывается, кому охота тепло терять. Даже рукой помахать на прощание не успела. Ладно, нетбуки никто не отменял.

В дверях земного корабля стоит армеец в облегченном скафандре — на случай разгерметизации. Ведет учет нас, щелкает стилусом по экранчику. Я замыкаю, мешок через плечо, в голове пустота. Ну вот и моя очередь.

— Лиза Гринберг, — протягиваю ID.

Вбивает имя.

— Вас нет в списках.

— Я не пассажир, я персонал.

Щелкает еще. Рожа непроницаемая.

— Нет в списках.

Ты чё, тупой?

— Я бортовой медик.

— Бортовой медик Альнурахмед Гулиев.

— Кто?!

Такого не было на борту! Ой, стойте, это же какое-то квебекское светило, вива глобализация. Я про него читала... Они что, его по документам провели, а меня взяли, чтобы платить меньше? Мамочки, что же делать?!

— Гу-лий-эв, — отдельно повторяет армеец. — Никаких Гринбергов. Мы не можем взять вас на борт.

— У вас информация по документам. Я не знала, что они меня не оформили. Но я была там, на борту! Посмотрите портовые логи на посадку.

— Ага, щас я побегу вам логи смотреть. Летите обратно на свой Муданг. У нас четкая инструкция никого лишнего не брать.

У меня начинается тихая истерика.

— Ну свяжитесь с начальством, пускай проверят! У меня брат инженер, Александр Гринберг, корабли ваши строит, мама, Ирма, ландшафтный дизайн делала вокруг штаб-квартиры Земного союза! Да, в конце концов, откуда на Муданге блондинка с голубыми глазами, вы чего вообще?!

Все лицо уже мокрое, даже блузку спереди закапало — слезы, холодный пот...

— Это уж вам, девушка, виднее, на что там муданжцы похожи, а у меня инструкция, и время стыковки ограничено...

— Ну спросите детей, они вам скажут, что я была на борту!!

— Ка-анешно, я еще кошечку вашу спросить забыл. И маму. Давайте, идите обратно, щас уже будем отстыковываться.

И задвигает перед носом дверь.

Невероятное ощущение, когда висишь в открытом космосе в тонкостенной силиконовой трубе между двумя закрытыми дверями звездолетов, которые вот-вот разлетятся.

Кидаюсь обратно к муданжскому кораблю и — совершенно бессмысленно — принимаюсь лупить в дверь кулаками и каблуками. Если уж на этих штуках переборки звуконепроницаемые, то чего ждать от наружной двери.

Невероятно, но факт — она открывается. Я даже не понимаю, кто стоит на пороге, просто вваливаюсь внутрь и вцепляюсь в этого человека мертвой хваткой, изо всех сил пытаюсь хоть как-то дышать сквозь рыдания. От человека хорошо пахнет живым телом,

стиральным гелем и гармаррой. Еще одна дверь с шипением задвигается у меня за спиной.

— Почему вы вернулись?

— Меня не взяли, — выдавливаю между спазмами в горле. — Не взяли! Чертовы бюрократы! Меня не было в их гребаных списках!

Меня гладит по голове нежная рука.

— Ничего, ничего, мы что-нибудь придумаем. Успокойтесь, все будет хорошо.

Пытаюсь кивнуть, дескать, я понимаю, что не помру прямо на этом месте, но и успокоиться так просто не выходит.

Он аккуратно оттягивает меня за плечо, у моих губ оказывается край посуды, горячий пар гармарры. Пью, обжигаясь, все равно пью, потому что надо успокоиться.

Поднимаю взгляд, вижу в двух шагах слева бледного Тирбиша с кувшином, а сверху, совсем близко, на меня с участием смотрит Алтонгирел. Вот тут-то я и падаю в обморок.

Глава 5

Просыпаюсь в своей каюте. Просто дом родной, ага. Освещение ночное, теплое, вроде как уютно должно быть. Осторожно поворачиваю голову — оба моих красавца сидят у шкафа на полу по-турецки. Алтонгирел дремлет, Азамат читает с экрана бука. Он с ним, похоже, не расстается.

Издаю какой-то невнятный шелест, и капитан сразу же оборачивается. Увидев, что я проснулась, резво вскакивает, оставляет бук в сторону, подходит ко мне и приземляется на корточки рядом. И почему мне всегда казалось, что люди такого роста обязательно должны быть неповоротливыми?

— Лиза! Как вы себя чувствуете?

— Как Маугли, — ворчу. Но он не понимает, конечно. Ладно, не стоит ему объяснять, что я чувствую себя, как будто меня бросили в лесу на растерзание волкам, а волки возьми да и пригрей. — Жить буду.

Подтягиваюсь, чтобы сесть, поправляю подушку. От шороха просыпается Алтонгирел, он еще мрачнее, чем обычно. Зыркает злобно на Азамата, потом на меня, как на врага народа. Ох, чувствую, дальше будет еще веселее.

— Вы не переживайте, — говорит тем временем Азамат. — Мы сейчас держим курс на Гарнет. Правда, идем несколько окольным путем, но будем там через неделю. Оттуда ходят рейсовые корабли на Землю. Да вы знаете, наверное. Я понимаю, что место не самое приятное, но мы вас проводим и посадим, раз уж так получилось. К счастью, у нас в стыковочном коридоре видеонаблюдение включено было на всякий случай, если вдруг вам помощь понадобится...

Мне становится страшно неловко. Им же, наверное, некомфортно со мной на борту. Мне и с высоким начальством некомфортно, вечно боишься что-нибудь не то сказать или надеть, а тут, понимаешь, богиня... Только вздохнули с облегчением, что я исчезну наконец, но оттуда вернули обратно. Не спали вон, сидели, меня высиживали. Ужас. Теперь еще на Гарнет попрутся ради меня. Очень хочется провалиться на месте.

— Только не думай, что мы из-за одной тебя на Гарнет летим, — приносит мне ворчливое облегчение Алтонгирел, выкарабкиваясь из угла и разминая ноги. — Нам там подзакупиться надо.

Азамат косится на него осуждающе, но я даже нахожу в себе силы улыбнуться.

— Это хорошо, — говорю, — а то мне на самом деле страшно неудобно вас так напрягать.

Алтонгирел фыркает в том смысле, что все мне удобно, и вообще, я это сама подстроила. Пусть думает что хочет, — пока Азамат рядом, я его не боюсь. Ничего, поживу с ними еще недельку. Авось готовить что-нибудь прикольное научусь. И за культуру с капитаном перетрем. Жаль, они в космосе не пьют. Я бы много дала, чтобы посмотреть, как Азамат на хмельную голову рассказывает муданжские предания.

Это, конечно, все забалтывание пустоты. Очень не хочется думать о том, что меня бросили свои, да еще так картинно. И что чужие все это увидели и сжалились. Я и так-то тут на птичьих правах, а теперь получается, что и дома никому не нужна. Ну ничего, вот вернусь, устрою этим воякам... а того, который меня не пустил, просто выгоню спать под забором. Уж что-что, а административные каверзы подстраивать умею. Ради такого даже схожу на свидание с братовым начальником. Что это вообще за дела такие? Я им что, какая-то девчонка с улицы, что меня можно просто так вот взять и кинуть? Или они думают, что на людей, владеющих секретной информацией, могут

просто наплевать? Вот доберусь до капитанского бука, сразу брату напишу обо всем и во всех подробностях. Маме-то не стоит... и хорошо, что я ей не сказала, когда прилечу. Ладно, недельку моя гордость полежит в грязи, не проблема. Зато потом... ух я их всех!

— Вам чего-нибудь принести? — спрашивает Азамат доброжелательно.

Мгновенно краснею, забывая на фиг обо всех своих ратных планах.

— Ой-да-нет-спасибо! Я, наверное, посплю...

Алтонгирел, возвышающийся над плечом капитана, испепеляет меня взглядом. Я никого не заставляла у меня в ногах на коврике спать. И не думаю, что Азамат заставил, вот честно. Обиделся, что ли, что я при виде него в обморок грохнулась? А если бы меня крокодил из зоопарка по голове погладил, то и вообще бы в уме повредила, ничего удивительного.

Азамат смотрит на меня с веселым умилением, как на принесенного с помойки котенка. Видно, кому-то в детстве не разрешали зверька завести, вот он теперь и оттягивается. Зато хотя бы не злится, что я осталась. Может, даже рад. Надо будет подумать, как бы ему еще пару-тройку комплиментов скормить, якобы ненарочно. А пока что — спать.

Принимаюсь закукливаться в плед, и мои варвары просекают, что пора уходить. Капитан задерживается у двери, чтобы укрутить освещение.

Следующий раз просыпаюсь среди бела дня. В иллюминаторе бескрайняя заснеженная степь. Мне требуется некоторое умственное усилие, чтобы осознать, что это просто фотография. Наверное, если подолгу жить в космосе, то звезды за окном начинают напрягать. Но я еще не дошла до кондиции, так что решительно отключаю слайд-шоу и некоторое время созерцаю Вселенную. Мы на самом краю галактики Млечного Пути со стороны Магеллановых облаков. Надеюсь, сквозь них не полетим? А то швырять будет, сквозь облако по прямой-то не полетаешь.

Отлипаю от окна и возвращаюсь в грустную действительность. У меня по-прежнему одна юбка, две блузки и три комплекта белья. И туфли. Хоть из каюты не выходи. Интересно, если я завернусь в

простыню а-ля сари, они поверят, что на Земле так принято? В любом случае придется начать день с постирушки.

Помню, как в детстве, когда я впервые куда-то летела, мама очень переживала, как в космосе обстоит дело с мытьем. Она-то сама с Земли в жизни ни на метр не поднималась, даже на самолете не летала, зато обожает всегда предполагать худшее. Вернувшись из первого межпланетного путешествия, я с большой гордостью за отечественного производителя разъяснила ей, что в космосе есть и ванна, и душ. Кое-где даже бани имеются, не говоря уже о саунах с джакузи. Не одни мы комфорт любим.

Единственное, что меня в космосе не устраивает в плане удобства, — это кухни. Их почему-то всегда делают единым блоком во всю стену, все ужасно электронное, и поди разбери, что тут плита, что микроволновка, а что посудомоечная машина. Так что я предпочитаю к ним не приближаться, а тарелки за собой тупо мою в раковине, благо всю сточную воду потом все равно дистиллируют и запускают обратно. Потому, кстати, и под душем можно стоять хоть часами, тем более что дистиллят очень неохотно смывает мыло.

Развешиваю стиранные трусы на сушилке для полотенец. Как же прекрасно, когда есть своя ванная!

Выхожу в столовую с мокрой головой. Еще одно достоинство жизни в космосе — никаких сквозняков. Однако придавила я ничего так — завтрак уже кончился, людей никого, еды тоже не наблюдается. Они тут, похоже, из принципа обязательно съедают все приготовленное подчистую. Видно, придется все-таки общаться с кухней. Есть, конечно, тот уголок столовой, где водогрейка и всякие чаи в шкафчике, но там еду не приготовить, разве что растворимый супчик отыщется.

Ну что ж, если Азамат и впрямь сам этот корабль строил — или хотя бы планировал, — то огромный ему респект. Кухня почти человеческая, ничего похожего на обычную глухую стену из затемненного стекла с сенсорными кнопками. Вот плита с огромной духовкой, отдельно от нее микроволновка. Две раковины, разделочный стол примерно под быка. Еще бы еда была...

Соображаю, что холодильный отсек обычно находится не прямо в кухне, где тепло, а где-нибудь в сторонке. Осматриваюсь — вон какая-то дверь. Сую нос: и правда, внутри рядок холодильных шкафов. Но это же для долгого хранения, а где расходный?

Из раздумий, а заодно и из холодильного отсека меня вырывает удивленный голос Тирбиша:

— Ой, здрасьте!

Оборачиваюсь смущенно. Вроде как с поличным поймали.

— Привет. Я просто искала что-нибудь на завтрак...

— А, вы же не завтракали, — вспоминает он. — Но там вы ничего не найдете готового, все, что есть, тут.

Открывает один из шкафчиков под разделочным столом, там и правда небольшой холодильник. Хорошо спрятали, и не догадаешься.

— Там, правда, мало, — извиняется Тирбиш. — Мы давно закупались, вот на Гарнет прилетим...

В холодильнике и правда негусто. Молоко, масло, какие-то йогурты, какие-то ягоды. Извлекаю два последних наименования, вопросительно смотрю, мол, это можно?

— Тоже любите нирш? — спрашивает Тирбиш, улыбаясь.

Мучительно вспоминаю, что нирш — это муданжская разновидность черники. Вот эти самые красные ягоды размером с черешню — это черника?! Ого-го.

— Наверное, — говорю. — Только у нас она по-другому выглядит. А йогурты можно съесть?

— А я не знаю, что это, — смеется. — Прошлый раз на Гарнете прихватил попробовать, никому не понравилось.

Осматриваю добычу: блок из шести небольших стаканчиков, ваниль, дыня, маракуя, срок годности не истек еще, цветные маркеры синенькие без намека на фиолетовость, а есть нельзя только когда покраснеют... Чего им не так? Открываю один, нюхаю. Ну йогурт.

— Да вроде все нормально, — говорю.

— Ну если вам нравится, то ешьте. Я просто не понимаю, как можно из молока что-то сладкое делать, — поводит плечами с легким омерзением.

Записать в книжечку о национальной кухне: молочные продукты все несладкие.

— А, — отмахиваюсь, — на Земле из всего сладкое делают, даже из рыбы.

Забавляюсь, наблюдая, как паренек зеленеет лицом.

— Не надо мне таких ужасов рассказывать, — говорит. — Мне щас еще обед готовить.

Хихикаю, намешиваю в йогурт ягод и углубляюсь в завтрак. Ничего черника, самое оно.

— А ты как, специально поваром нанимался? — спрашиваю потихоньку. Раз уж мне тут неделю жить, надо хоть разобраться в инфраструктуре.

— Не совсем. Я такой же член команды, как и другие, а застряню просто получаю дополнительно. Так же, как пилоты. В принципе и готовить, и рулить все умеют, но удобнее, чтобы это было чьей-то обязанностью, и за это идет надбавка.

— А-а, — говорю глубокомысленно. — Так, наверное, еще механики есть? Или там снайперы?

— Куда при нашем капитане еще механика, — смеется. — Он к своему кораблю никого не подпустит.

— Он что, правда его сам целиком построил?

— Ну всякие тонкие механизмы ему, конечно, делали на заказ. Но собирал сам. Он хотел одно время свой завод создать, но не нашел подходящего места. Хочется, конечно, на Муданге, но ведь нельзя...

— Почему нельзя?

Тирбиш смотрит на меня с сомнением.

— Знаете, я лучше у капитана за спиной вам рассказывать не буду.

Пожимаю плечами, дескать, я не шпион, мне ваших секретов не надо.

— Да пожалста, — говорю. Но заканчивать разговор на этом неловко. — То есть все остальные одинаково получают, что ли?

— Ну еще Алтонгирел. Он же духовник, и его в этом никто заменить не может, так что, конечно, тоже надбавку получает.

Ну а куда же без него, родимого! Не удивлюсь, если духовник получает больше, чем сам Азамат.

Тирбиш начинает что-то мурлыкать под нос, разминая тесто. Соображаю, что, пожалуй, первый раз вижу парня моложе себя за готовкой. И он сказал — это все умеют? Видимо, на Муданге с полуфабрикатами плохо. Ни один землянин в здравом уме в космосе с тестом возиться не будет, купит готовые пирожки и погрееет. Я и на Земле-то, кроме мамы, мало кого знаю, кто готовит, даже по праздникам. Умиротворяющее занятие, но уж очень долгое. А этому вон нравится, похоже.

Он тоже высокий, как все муданжцы, примерно с Алтонгирела, капитану по подбородок. Волосы стрижет чуть ниже ушей. Кстати, вчера за обедом, когда вся команда собралась, я поняла, что длинные волосы носит хорошо если половина наемников, и то старшая. Молодняк щеголяет всякими навороченными хохлами и челками, у некоторых даже перекрашенные пряди есть. Тирбиш, впрочем, не из тех, кто выпендривается. Лицо у него круглое, с крупными чертами и совсем слегка монголоидное. Если не знать, что муданжец, так и не догадаешься.

Он подходит к плите и зажигает огонь. Я аж подскакиваю.

— Ой, газ! — говорю удивленно. В космосе?!

Оборачивается, глаза по семь копеек.

— Что? Где?

— Я говорю, плита газовая! Я думала, электрическая...

— Газовая? Не-эт, — смеется облегченно. — Это не газ. Это... э-э-э... горячий камень. Вот, смотрите.

Достает откуда-то из тумбочки диск, больше всего похожий на конфорку электрической плиты. Темный такой, тяжелый.

— Вы хотите сказать, что это он горит?

— Он не горит, — объясняет Тирбиш. — Только слегка светится синим, когда греется.

Присматриваюсь к плите: и правда, никаких языков пламени, просто ровное свечение, хотя цвет точно как у газа. С ума сойти! Интересно, что это за хрень?

— Его у нас на Муданге добывают, — продолжает Тирбиш. — И все плиты из него делают. Одна такая пластинка примерно год работает, потом менять надо.

— А что будете делать, когда весь пережжете? — спрашиваю с национальным земным пафосом устойчивого природопользователя.

— Отвозим обратно туда, где добыли, пару лет полежит, и опять жечь можно, — пожимает плечами Тирбиш. Дескать, это же очевидно.

Хорошо устроились. Я тоже так хочу, чтобы только за перевозки платить. Небось они там уже столько этих дисков настрогали, что и заново выпиливать не надо, просто свои же старые забираешь, когда понадобятся.

По-хорошему хватит мне мешать повару, надо уже идти отсюда. Но дел-то у меня никаких нет, и даже безделья нет, а от вязания я за

неделю и так охренеть успею. На мое счастье тут в кухню заходит давешний кудрявый юнец.

— Тирб... а, здравствуйте, Лиза, — кивает мне. — Я Эцаган.

— Очень приятно, — говорю. Надо же, представился. — Мне надо вам еще раз назваться? Я никак не разберусь в этих правилах с именами.

Оба смеются.

— Не надо, — говорит Тирбиш. — Вы ведь, наверное, не знаете, как правильно, так что это все равно.

Ну ладно...

— Тирбиш, — Эцаган возвращается к тому, за чем пришел. — Там твои тряпки весь склад завалили. Они тебе нужны?

— Не знаю, — пожимает плечами. — Хорошие тряпки. Я их вроде свернул аккуратно.

Это внезапно наводит меня на мысль. Надеюсь, они ничего не заподозрят.

— Слушайте, ребят, — говорю, — а у вас какой-нибудь форменной одежды для заложников не предусмотрено? А то у меня совсем ничего нет, а еще неделю тут жить...

— Вот правильно, — хихикает Тирбиш. — Чем мои тряпки выкидывать, обеспечь лучше земную госпожу.

Эцаган окидывает меня взглядом своих прекрасных глаз.

— На ваш размер вряд ли. Разве что халат какой-нибудь. Пойдемте посмотрим.

Идем смотреть. Склад оказывается небольшим чуланом, заставленным стеллажами с коробками, прямо у входа красуется несколько рулонов ткани — видимо, те самые тряпки. Эцаган утыкается в нижнюю полку и принимается там шуровать, бормоча на муданжском.

— Вот, футболка есть, — говорит с сомнением.

Футболка, да, черная, новая, бирочка не отрезана еще. Спереди во всю грудь лист каннабиса. В эту футболку меня можно дважды завернуть. Ничё, в качестве ночнушки пойдет. Беру.

Он роется дальше, достает строительные штаны на лямках, которые, по-моему, и Азамату велики, да еще и прорезиненные. Смотрит на мою физиономию, ржет.

— Боюсь, что больше ничего нет.

— А может, — кошусь на рулоны, — есть какая-нибудь простыня ненужная... Я бы сшила что-нибудь...

— А, так вы шьете! — резко воодушевляется Эцаган, вскакивая на ноги.

Это большая редкость?

— Ну так... Не то чтобы много, но умею, — говорю осторожно. Еще припашет всему экипажу носки зашивать.

— Тогда не проблема, вон, берите Тирбишевы тряпки, я вам машинку дам, нитки и все на свете.

Ух ты, у них даже машинка есть?

— А Тирбиша спросить не надо?

— А он все равно не знает, что с ними делать. Ему подсунули в нагрузку к постельному белью, а на этом корабле, кроме меня, никто иголку держать не умеет. Я и от вас не ожидал.

— Ну почему же...

Вроде шитье во всех культурах женское дело, нет?

— Красивые женщины часто пренебрегают, — пожимает он плечами.

Зато красивые мужчины, видимо, нет.

Один из рулонов оказывается ковром, остальные — более или менее плотным хлопком. Все ткани довольно светлые, в жизнеутверждающий цветочек. Ничего, маменька на даче еще и не такое носит. Да и не только на даче...

Эцаган великодушно пускает меня к себе в каюту, где обнаруживается немаленькое трюмо, на котором ненавязчиво красуется пакетик с термобигудями. Они тут все голубые, что ли? Ладно, мне с ним не целоваться. Зато про кудри теперь понятно.

Рядом с трюмо большой комод, из которого Эцаган начинает проворно извлекать нитки, иголки, булавки, ножницы и, наконец, портативную швейную машинку весьма приличной фирмы. Меня в свое время на такую жаба задушила.

— Вам лучше всего расположиться в холле, — говорит мне, и я некоторое время соображаю, что он имеет в виду. — Там можно сдвинуть столики. А то в кухне Тирбиш ворчит, если столы не так стоят.

А, так это он про гостиную. Но она же проходная...

— А я там мешать никому не буду?

— А кого туда понесет среди дня?

Как выяснилось, понесло всех. По крайней мере раз каждые десять — пятнадцать минут обязательно кто-нибудь пройдет под благовидным предлогом, чтобы попялиться, как земная женщина кроит. Хорошо хоть я догадалась обмериться у себя в каюте. Зато теперь весь экипаж знаю в лицо. Кто застенчивее — только мимо проскакивает, а кто наглее — останавливается поговорить. Ох и достали...

Положение, как обычно, спасает капитан.

— Не возражаете, если я тут в уголке почитаю? — спрашивает он меня еще из коридора. Бук под мышкой как приклеенный.

— Я всегда рада вашему обществу, — улыбаюсь. Приятно хорошего человека порадовать! Когда Азамат проходит мимо, мне кажется, что в комнате становится ярче, хотя он и одет в темное.

В отличие от прочих моих посетителей капитан действительно просто садится в кресло и углубляется в чтение. Через несколько минут уже я не выдерживаю.

— А можно спросить, что вы все время читаете?

Поднимает голову, смотрит на меня укоризненно. Ну ладно, молчу.

— Лиза, оставьте вы эту вежливость. Конечно, можно спросить!

О боже мой!

— Тогда уж и вы оставьте, — хмыкаю. — Как будто я вас могу не пустить в ваш собственный холл.

— Можете, — уверенно говорит он.

Таращусь на него в ужасе.

— Нет, поверьте, не могу.

Смотрит на меня задумчиво.

— Это так странно, насколько у нас не совпадают представления о социальных ролях друг друга.

Почти роняю машинку. Ка-ак ты сказал?! Нет, ну давайте, теперь окажется, что ты на самом деле всемирно известный антрополог, а это все большой эксперимент по адаптации землянина к инопланетной среде!

— Я что-то неправильно сказал? — спрашивает встревоженно.

— Да нет... просто немножко не ожидала... — Да, не ожидала от дикаря, жрущего с кости сырое мясо, что ему знакомо понятие

«социальные роли». Это можно сказать вежливо?

— Ну я решил, раз уж нам еще неделю предстоит тесно общаться, мне стоит почитать про земной этикет, — немного смущается он. — Не хочется вас ненароком обидеть.

— Ы... э... это очень мило с вашей стороны, — выдавливаю из себя. Гос-споди, вот это я понимаю — человек! Не просто вежливый, а книжки специально читает, чтобы знать, как именно быть вежливым! Внезапно совершенно непрошено вспоминается Кирилл, хохочущий над выражением «одноййцевые близнецы». М-да, мы много чего принимаем как данность.

Азамат наблюдает за мной горящими глазами экспериментатора.

— Удивительно, — говорит он наконец. — Удивительно...

* * *

Результатом моих трудов являются штаны на завязочках, две довольно бесформенные толстовки и ковровые тапочки. Дошив, я немедленно удаляюсь в ближайшую пустую каюту (которую капитан мне услужливо открыл) и наконец-то переодеваюсь. О это счастье удобных шмоток и плоской подошвы!!!

Выхожу, улыбка шире ушей.

— Ну что, на пижаму хотя бы похоже? — спрашиваю Азамата, крутясь на месте и стараясь рассмотреть, не пузырится ли где-нибудь что-нибудь.

— Немножко похоже из-за расцветки, — смеется капитан. — Сделайте поясок, и будет в самый раз.

Да, пожалуй, пояс не помешает. Ну да это быстро, с машинкой-то. Вот уже и прострочила.

— Лучше? — верчусь на одной ноге посреди холла.

— Очаровательно, — говорит капитан.

Не понимаю, иронично или нет.

— Пир для глаз, — цедит другой голос со стороны коридора.

Алтонгирел! Блин! Ну вот надо же было, чтобы его принесло именно сейчас, когда я тут перед капитаном выделяюсь. Теперь он меня точно со свету сживет.

— Я пришел спросить, — продолжает духовник, обращаясь прицельно к Азамату, — собираешься ли ты снизойти до нашего общества в кухне?

— А, уже пора. — Азамат быстро закрывает бук и встает. — С удовольствием.

— Никогда бы не подумал, что вид женщины в брюках улучшает твой аппетит, — надменно произносит Алтонгирел и уносится прочь.

Азамат смотрит на меня извиняющимся взглядом и пожимает плечами. Ну да, конечно, ты не знаешь, почему его так колбасит.

— Что-то не так с брюками? — притворяюсь, что поведение Алтонгирела меня нисколечко не смущает.

— На Муданге женщины их обычно не носят, разве что зимой или на всяких грязных работах...

А что ж ты раньше-то молчал?!

— Но вы не волнуйтесь, — продолжает. У меня на лице бегущая строка с мыслями, что ли? — Здесь-то все привычные, космос ведь.

Ну да. Один Алтонгирел никак привыкнуть не может. Интересно, у геев есть какой-то мужской вариант ПМС или Алтоша всегда такой?

Впрочем, за обедом не пялятся, даже при том, что штаны у меня голубые в лиловый цветочек, а рубашка розовая в желтый. Наверное, в муданжском национальном костюме приветствуются яркие краски и растительные мотивы.

После еды потихоньку увязываюсь за капитаном на предмет воспользоваться его буком (с которым он все-таки расстался на время обеда).

— Ах да, конечно, вам нужно предупредить родных, что вы вернетесь позже, — кивает он, как мне кажется, с иронией. — Я должен был сам сообразить, простите. Давно не общался с незамужними девушками.

Моргаю. Какая связь?..

— Я, э-э, не совсем незамужняя, — говорю. — Я как бы вдова.

Ну, допустим, мы с Кириллом не расписывались, но сути это не меняет. А у этих дикарей небось какие-нибудь предрассудки против внебрачного секса.

— Простите ради всего святого, — принимается тараторить капитан. Ну да, ну да, сейчас будет два вагона сожалений.

— Ничего-ничего, я понимаю, что на мне не написано, — похлопываю его по руке, запоздало соображая, что на него этот жест должен действовать гораздо сильнее, чем на среднего землянина. Ну

он хотя бы замолкает. — Я просто не поняла, какая связь между тем, чтобы предупредить родных, и матримониальным статусом?

Получи, фашист, гранату. В смысле, умное слово.

— У нас обычно женщины после замужества перестают поддерживать связь с родителями. — Ничего, сглотнул и переварил, умница мой!

— Ну у нас не так, — пожимаю плечами. — То есть обычно это зависит от того, насколько твои родители приятные люди. Тем более я сейчас с мамой живу, так что она имеет право знать о моих планах.

— Да, наверное, — неловко улыбается.

Ну вот, будет теперь стесняться еще больше. Что мне, стать женщиной без прошлого в худших традициях мыльных опер? Иногда даже злюсь на Кирилла, что из-за него все вокруг меня вытанцовывают, как будто я раковая больная.

Подходим к каюте, я останавливаюсь в ожидании, что капитан достанет пульт и отопрет.

— Толкайте, у меня замок размагнитился, до Гарнета не починить, — поясняет Азамат.

— А я-то думала, вы гений механики, — хмыкаю, открывая дверь.

— Вы что, с кем-то поспорили, сколько комплиментов в сутки вы успеете мне сделать? — смеется он. — Можно замок и починить, конечно. Можно и с другой двери снять. Но в итоге все равно менять придется, так зачем из-за одной недели тратить день на бессмысленную работу?

— Да ладно, вам виднее, — пожимаю плечами. — И ни с кем я не спорила. Можно подумать, мне нужен специальный стимул, чтобы делать вам комплименты.

Качает головой, прикручивает свет — совсем чуть-чуть. Похоже, не любит яркое освещение. Подозреваю, что и зеркала в ванной не держит. Ох уж эти варвары.

Берет с полки бук, протягивает мне, а сам поворачивается спиной и утыкается в иллюминатор с очередным зимним пейзажем. Видимо, у него на родине сейчас зима. Замечаю, что с постоянным чувством неловкости можно свыкнуться — вот, сижу у капитана за столом, за его же букком, ничего ему делать не даю, но жить мне это уже не мешает.

Мама пишет:

Телефон у меня сдох. Позвоню обязательно.

Вижу в этом логическое противоречие. Ну да тебе виднее, с чего ты там позвонишь.

Мудогоши обходят меня стороной.

Так они там все-таки есть? И как, правда на черных китайцев похожи? Попроси сфотографироваться на память!

Да, чувство реальности у моей родительницы всегда зашкаливало. Впрочем, лучше уж так, чем если бы она волновалась. Отвечаю:

Ну да тебе виднее, с чего ты там позвонишь.

С того же, с чего сфотографирую. Придется подождать, пока новое куплю.

И как, правда на черных китайцев похожи?

Джингоши — на черных, муданжцы — на краснокожих.

Пусть учится различать. Вдруг я как-нибудь Азамата в гости приглашу? Ему, наверное, не понравится, если его с джингошами перепутают.

Так, теперь брат. Ох, сколько же сейчас писать придется...

Строчу и строчу. Вообще, не люблю сенсорные клавиатуры, но тут она очень к месту. Потому что раскладку я наизусть не помню, искала бы сейчас каждую букву по полчаса, а так клавиатура — тот же экран, какие надо клавиши, такие и отрисует. А потом так же тихо поменяется обратно на латиницу. Интересно, наверное, можно и муданжскую раскладку вызвать.

— Решили наконец описать ситуацию в подробностях? — спрашивает капитан.

Ой, я же его динамлю...

— Я брату пишу, чтобы он этого урода нашел, который меня не пустил на корабль. Сейчас закончу, извините.

— Ничего, пишите-пишите. А то меня Алтонгирел ругает, что я круглые сутки за букром сижу, — хмыкает капитан. Он, кажется, нашел себе занятие: включил ночник и ковыряется в каком-то маленьком предмете. Видимо, решил оправдать мои комплименты и что-то починить.

Отправляю письмо, дожидаясь подтверждения о доставке, закрываю почту.

— Я все, — говорю.

— Ага. Можете еще посидеть, я тут увлекся.

Еще посидеть... ну не буду же я с его бука обновления на вязальном форуме смотреть, правда? Разве что расписание рейсов с Гарнета...

Бук внезапно издает громкий булькающий звук, я аж отшатываюсь.

— Это видеовызов, — через плечо сообщает капитан.

Ах да, теперь узнала. Просто окно вызова появилось с задержкой. Собираюсь встать, чтобы пустить капитана поговорить, как внезапно осознаю, что вызывающий — мой брат. Это же его ник и аватарка...

— Кажется, это мой брат, — говорю в легком ужасе. Я что, спалила Азамата?..

— Да? — Он оглядывается довольно равнодушно. — Ну так отвечайте, я выйду из кадра.

Чемпионат по неадекватному поведению дубль два. Ладно, ответить-то надо, а то Сашка будет волноваться... Жму «Принять».

— Лизка! Что там у тебя за чума? Я только твое письмо открыл, сразу кинулся искать канал. — Сашка, конечно, говорит на родном. Он дома, валяется на кровати. Футболка на нем линялая. На заднем плане пищат дети.

— Э-э, да все ништяк, только эти уроды, которые меня наняли, по документам провели другого чувака, и в итоге меня не было в списках. И меня, конечно, не взяли на борт!

— И где ты сейчас?

— На корабле муданжских наемников, — говорю с нехорошим предчувствием. Ой, сейчас что-то будет.

— Муданжских, — бессмысленно повторяет Сашка.

— Ты, — понижаю голос, — не тверди это слово. Тут один присутствует. Они по-нашему не понимают, конечно...

— А ты с ними... на ихнем, что ли?

— Нет, на всеобщем. Они не знают, что я ихний...

Что-то заставляет меня говорить по возможности неразборчиво. Мало ли, какие у Азамата еще неожиданные познания обнаружатся.

— И... как они с тобой обращаются?

— Бережно. Вот, сию сейчас за капитанским буком.

— Они вообще на людей-то похожи?

— Более чем.

— Дай посмотреть!

Так, ну волноваться он, похоже, не будет. Это хорошо. Зато будет прикалываться. Это плохо...

— Мне как бы не очень удобно. И так человека от дел отрываю, бук отобрала, еще и достопримечательность из него устраивать...

— Ну дай я с ним парой слов перекинусь! Пусть знает, что у тебя есть грозный брат.

— Боюсь, что на его фоне ты грозным не покажешься, — хихикаю.

— Ну Лизка, в самом деле! — Брат начинает сердиться. — Тебя похитили какие-то уроды, а ты даже не даешь мне запомнить в лицо их главаря? А если они тебя не отпустят? Вообще, может, ты там под дулом сидишь!

О господи! Ладно, похоже, придется успокоить этого параноика, пока психушка не приехала. Нет, я, конечно, понимаю, что с его стороны моя ситуация выглядит жутковато. Она и с моей стороны еще совсем недавно казалась сущим кошмаром. Но теперь-то я понимаю, что все хорошо! Всегда ненавидела, когда родные за меня волнуются.

Оглядываюсь. Азамат сидит в ногах кровати, словно бы в глубокой задумчивости.

— Азамат-ахмад, — зову негромко. Оборачивается. Даже насчет обращения не сепетит. — Вы не можете немножко поговорить с моим братом? А то он волнуется.

— Боюсь, что не понимаю языка, на котором вы общаетесь, — отвечает Азамат своим низким раскатистым голосом.

Сашка на экране выглядит так, будто готовится ко встрече с Кинг-Конгом.

— Он понимает на всеобщем, — хихикаю.

Азамат смотрит на меня с сомнением.

— Может, лучше я кого-нибудь другого позову? А то мой вид заставит его волноваться больше, а не меньше.

Поскольку «кем-нибудь», скорее всего, будет Алтонгирел, я спешу возразить:

— Нет-нет, ему станет намного спокойнее, если он поговорит с капитаном!

Азамат еще секунду раздумывает, потом неохотно встает и подходит к экрану. Ох и достала же я его, наверное. Надо будет потом как-нибудь задобрить, а то совсем стыдно.

Сашка, видимо, уже представил себе киборга со щупальцами, потому что при появлении Азамата на экране вообще никак не меняется в лице.

— Здравствуйте, — говорит. — Меня зовут Александр, я Лизин брат.

Ох, надо же было его предупредить насчет имен!!! Бедный Азамат.

— Здравствуйте, — кивает капитан с непроницаемым выражением лица. — Я Азамат. Чем могу быть полезен?

Сашка несколько теряется. Ну да, а что тут скажешь? Не смей лапать мою сестру, инопланетная собака?

— Я только хотел убедиться, что у Лизы все хорошо, — неловко произносит он.

— Не знаю уж, как вы собрались в этом убеждаться, — хмыкает Азамат, — могу только пообещать доставить ее на Гарнет в целости.

Сашка неуверенно кивает.

— Спасибо.

Азамату, видимо, становится его жалко.

— Мне было чрезвычайно приятно познакомиться с вашей сестрой, — говорит он с улыбкой. — Она очень интересный человек, тем более что я до сих пор довольно мало общался с землянами.

Решил отплатить мне за комплименты? Фиг я покраснею, сама знаю, что я интересный человек. Сашка, впрочем, явно воспрядает духом.

— Да, Лизка — она такая, — лыбится, как идиот. — Я думаю, ей тоже с вами очень интересно, господин капитан. Ну не буду больше задерживать. Лиз, счастливо тебе добраться!

— Пока! — говорю, и он отключается. Осторожно смотрю на Азамата. — Извините... — начинаю, но тот вдруг зажимает уши.

— Хватит! — отрезает. — Хватит с меня ваших земных реверансов! Господин капитан, тоже мне... Он бы еще поклонился.

— Он не издевался, он же не знает... — пытаюсь робко защитить Сашку.

— Чего он не знает?! — Азамат закатывает глаза. Знаю, от кого нахвтался.

— Что он красивее вас, — развожу руками.

Смотрит на меня, как на законченную идиотку. Наверное, и правда звучит глупо.

— Не надо мне говорить, что это не очевидно, — отдельно произносит Азамат.

— Не очевидно, что из-за этого он может меньше вас уважать, — формулирую наконец.

Капитан некоторое время переваривает услышанное.

— Глупо уважать того, на кого противно смотреть.

Теперь уже я перевариваю чужую философию.

— Противно смотреть на сволочь, — говорю в итоге. — Или на алкоголика. А вам просто хороший врач вовремя не попался, это с каждым может случиться.

Как я люблю душеспасительные беседы с калеками! В той больнице, где проходила ординатуру, а потом работала, меня к инвалидам близко не подпускали, чтобы на антидепрессанты для них не разориться. Ну и конечно, теперь мне приходится успокаивать пострадавшего с историей унижений, да еще и в экстренной ситуации. Типичное мое везение. А если бы тут была слюнявая собака, ей было бы обязательно спать именно у меня в ногах.

Впрочем, любви к человечеству во мне, может, и мало, но Азамату хочется помочь вполне искренне. Конечно, лучшей помощью ему была бы пластическая операция, но, боюсь, такие повреждения все-таки необратимы, так что лучше даже не заикаться.

Он все сидит и смотрит на меня скептически, как будто я только что выдумала то, что сказала, и ни грамма из этого не может быть правдой. У меня сносит тормоза. На заднем плане в голове звучат какие-то соображения про личное пространство, непредсказуемый исход и прочее не-лезь-не-в-свое-дело, но я ощущаю себя как будто в скафандре, как будто всякие внешние процессы не имеют надо мной силы. Как будто для моего «я» неважно, какова будет реакция на мои действия.

Поднимаю руку и по возможности ласково глажу Азамата по изуродованной щеке. Не знаю, правда, чувствует ли он хоть что-нибудь сквозь все эти рубцы. Он смотрит на меня, как под гипнозом, и я провожу ладонью еще раз, теперь снизу вверх. Кожа шершавая, цепляется. Надо же мазать восстанавливающим кремом, а то так и будет шелушиться. Но он, конечно, не станет. Ох уж эти мужики!

Азамат отстраняется.

— Пожалуй, это доказательно.

Моргаю.

— Что?..

— Я верю, что ваш брат не издевался. Извините. Мне надо зайти к пилотам. Если вам еще нужен компьютер, пользуйтесь.

И выходит.

Господи, руки мне оторвать! Как я теперь с ним еще неделю проживу под одной крышей?..

Глава 6

Сажу у себя в каюте, вяжу как заведенная. Как будто если руки остановятся, дышать перестану. Стук в дверь. Нет, настоящий стук в дверь я бы не услышала, конечно, но тут звонок так настроен. Потрогаешь дверь снаружи — внутри стучит. Вот когда мы с Алтонгирелом ругались у Азамата под дверью, кто-то из нас ее коснулся... славные были времена.

Открываю, не глядя, пусть там хоть сама смерть за мной пришла... и быстро понимаю свою ошибку: за дверью духовник. Стоит, молчит. Каюту мою осматривает.

— Добрый вечер, — говорю хрипловато. Ну чего хотел-то, выкладывай уже!

— Ты не знаешь, где капитан? — спрашивает без выражения.

— Собирался о чем-то поговорить с пилотами, — отвечаю, мучительно вспоминая, что он там сказал, когда от меня драпал. Сильно сомневаюсь, что ему действительно нужно было к пилотам.

— Перед тобой он, значит, отчитывается, — замечает Алтонгирел.

Пожимаю плечами. Лучше сейчас духовника не злить, еще не факт, что Азамат прибежит на мои вопли после нашего душещипательного расставания. Впрочем, Алтонгирел решает, что достаточно на меня налюбовался, и уходит.

Жму на кнопку закрывания двери, а сама все ощущаю дергаюсь. Он явно ожидал увидеть Азамата у меня. Почему? Думает, мы вообще не расстаемся, что ли? Или уже проверил кухню, гостиную, каюту... и прочие места, где капитан может быть, а его там нет? Блин, ну не прячется же он от меня под столом! Вообще, что за бред, здоровенный мужик на собственном корабле... ну не нравится со мной — не общайся. Я тихо посижу до высадки. Нет, надо нагнетать трагедию, а

сейчас Алтоша его найдет, еще, не дай бог, выведает, что я его потрогала, а потом придется мне кнопки на стул подкладывать. Или там перец в чай. Супер.

С постепенно ухудшающимся (хотя, казалось бы, куда еще?) настроением продолжаю вязать до ужина, периодически порываюсь куда-нибудь пойти и сознаться в паре преступлений, только непонятно, кому и в каких. Вроде ничего не сделала, а чувство, как будто вот-вот загребут. На ужин, впрочем, я бы не пошла — какая еда, когда внутри все в узлы завязалось, — но постучался Тирбиш и позвал. Если б я еще ему отказала, то побила бы личный рекорд по количеству оскорблений в сутки.

Ну, во всяком случае, Азамат нашелся. Может, Алтонгирел просто воспользовался случаем меня поугатать. Сажусь подальше от обоих, поглядываю исподтишка. Азамат выглядит нормально, разве что немного задумчиво. Зачерпнет ложку — и зависает. Зато Алтонгирел присутствует в реальности во всей красе — как глянул на меня разок, я чуть от пиалы край не откусила. Надо будет попросить Тирбиша проводить меня до каюты, а то не видать мне Гарнета.

Он, кстати, рассказывает что-то смешное. Наемники похихатывают. Я мучительно пью какую-то на редкость невкусную зеленую гажу. Просить чаю не решаюсь. Сидящий с краю мужик с родинкой перехватывает инициативу в разговоре:

— Я этой джингошской морде объясняю-объясняю про электричество, уже нарисовал все, расписал... он тыкает пальцем в синусоиду и говорит: провод же прямой, как это может там помещаться?!

Народ грохает, надеюсь, никто не замечает, как меня скрючило. Притворяюсь, что подавилась. Тирбиш поворачивается ко мне, утирает глаза.

— Вы извините, что мы на мударанжском разговариваем, вам скучно, наверное...

— Да ничего, — говорю, покашливая. — Я вон не понимаю и давлюсь, а судя по тому, как вы ржете, вообще живой бы не ушла.

Гогочут.

— А вы сами расскажите что-нибудь веселое с Земли, — просит юноша классического индейского вида.

Напрягаю мозги, пытаюсь вспомнить что-нибудь, что не потребует тонны объяснений.

— Ну вот однажды лежала у нас одна бабулька со сломанной ногой. Медсестра приносит ей обед, а бабулька жалуется, мол, у меня мышь в тумбочке. Ну сестра, понятно, думает, сбрендила старая, вот и мерещится. Сказала врачу. Тот вызвал психиатра на консультацию. Ну это тоже врач такой, который мозги лечит. Он, короче, пришел, с бабулькой побеседовал, потом выходит, сестре отдает карту. Ну это куда записывают, чем болеешь и чем лечить. Сестра открывает, читает: при осмотре больной в тумбочке у кровати выявлена мышь, одна штука, откормленная. Рекомендуемое лечение: вызвать дератизаторов...

Потом еще что-то рассказываю. И другие ребята тоже. Хохочем все вместе, я уже не разбираю, кто на каком языке говорит, просто рыдаю, физиономией на столе. Хорошо хоть Тирбиш тарелку у меня забрал. К счастью, кажется, остальные тоже слишком увлечены травлей баек, чтобы замечать, что я понимаю что-то, чего не должна. Господи, ну меня и колбасит. Уже вся слезами истекла, третья салфетка идет. Хохочу, как обкуренная. Видимо, стресс выходит. Голова ватная, руки дрожат. Хорошо, что почти не ела, а то еще сплехело бы...

При помощи Тирбиша и Эцагана доплетаюсь до каюты. Я бы и одним Тирбишем обошлась, но он же стесняется меня трогать! По этому поводу я хохотала еще минуты три, пока он не решил, что меня уже пора уносить.

— Вы извините, ребят, — говорю заплетающимся языком. — Меня что-то жестоко колбасит сегодня.

— Вы просто вчера перенервничали, — успокаивает Эцаган. — Ничего, поспите, и все будет хорошо.

Уложили на кровать, пожелали спокойной ночи и ушли. Я отрубилась мгновенно.

* * *

Просыпаюсь в ночи. Чувствую, что-то не так. Кто-то у меня в комнате. Неуклюжей рукой протираю глаза: ого, Алтонгирел. Что он тут забыл? Стоит, смотрит в иллюминатор, там опять зима. Я же выключала! Может, он включил? Это что, и есть страшная месть?

Оборачивается ко мне, глаза закрыты, губы поджал... нет, погодите... не поджал, а как будто кожа срослась и нет никакого рта...

и глаза такие же. Ой, мама! Это что ж за симптом?!

Погоди, подруга, это, наверное, просто розыгрыш. Маска или что-то такое. Напугать меня решил. Идиот. Тянет ко мне руки, я отодвигаюсь. Тянет ближе. Ну все уже, на всю длину вытянул, хватит! Кончики его пальцев лопаются, из них выезжают кости и продолжают приближаться ко мне, кровь капает на одеяло. Я вскакиваю, отбегаю на другой конец кровати. Бляха-муха, а это он как сделал?!

Стена у меня за спиной внезапно исчезает, еле успеваю отшатнуться. Там открытый космос. Из меня выжимается весь воздух, я не могу дышать. Мимо проплывает искореженное, заиндевшее тело Кирилла. Я бы закричала, но не могу ведь!

Выскакиваю за дверь, она герметичная. Тут можно подышать. В коридоре тусуется толпа первобытных людей с каменными топорами, при виде меня они начинают облизываться. Самый большой поверх криво обрезанной шкуры носит галстук, концом которого вытирает слюни.

И тут все взрывается, я падаю, но провалиться сквозь пол не могу, потому что меня нет в списках. Зажимаю глаза и уши. Ничего не происходит.

Осторожно открываю один глаз: надо мной на коленях стоит Алтонгирел с каменным ножом. Замахивается. Я снова зажмуриваюсь, но удара не следует.

Постепенно просыпается сознание. Ради эксперимента открываю глаза еще раз: весь пол усыпан трупами детей, у дальней стены стоит Сашка с пулеметом и безумной улыбкой.

Так. За ужином меня колбасило. Потом я сколько-то спала, а теперь у меня глюки. Похоже на какой-то психодизлептик. Эйфория — отключка — делирий. Галлюцинации визуальные и слуховые. Галлюциноген мог быть в чае, потому и пить было так противно. Повезло, что я сейчас действительно нормально соображаю, хоть и не могу полагаться на то, что вижу. Мне нужно промыть желудок и хорошо бы антидот вколоть, но не факт, что он есть в мешке, да и я не рискну в таком состоянии браться за шприц. Сорбент бы нащупать...

Несмотря на зажатые уши вздрагиваю от чудовищного воя, непроизвольно оборачиваюсь — зря, зато теперь знаю, как выглядит бэнши. Плохо только, что она похожа на маму. Отворачиваюсь.

Так, пока у меня просветление, нужно, чтобы мне помогли найти лекарства. Ни малейшего представления, сколько приняла этой дряни, поэтому не знаю, когда кончатся глюки. Возможно, через несколько часов. А поскольку я была в отвратном настроении, когда принимала, то глюки у меня будут исключительно кошмарные. К тому же могу сама себе случайно навредить. Статистика самоубийств под психодизлептиками... так, не будем о грустном, вот уже и стены порастают ядовитыми грибами, а глюки запросто могут дать соматическую симптоматику... мне нужно срочно кого-то найти.

Я лежу на полу перед своей каютой. По идее за спиной у меня кухня, а спереди гостиная. Знаю, как из гостиной найти каюту Азамата. Где все остальные, без понятия. Ладно, объясняться буду после детоксикации, а пока что аккуратно встали и пошли.

Приходится придерживаться за стену и буквально ползти по ней, потому что сейчас запросто могу развернуться, пойти в другую сторону и не заметить, да и вообще не очень понимаю — вот это уже пол или еще воздух? На стене растет всякая склизкая дрянь, но меня этим не проберешь, знаю, что это глюки. Ну вот, допросилась, теперь из стены торчат лица. Кусаются, гады! Но глюкам главное не верить, а то как бы на осязание не перекинулись.

Навстречу попадается Тирбиш, из носа у него висит змея. Протягиваю руку, щупаю его: нет, глюк. Идем дальше. Одна из кают открыта, освещена. Там сидят Дюпониха с Квиггли и обсуждают безопасность. Куски обгорелой плоти болтаются при движениях. Чего теперь-то обсуждать.

Эй, нет. Не хватало только ясность мысли утратить.

Доплетаюсь до гостиной. Во рту безбожно пересохло. На диване лежит Алтонгирел со вспоротым животом, рядом сидит Эцаган и накручивает его кишки на бигуди. Знаю, что глюк, даже проверять не буду.

На ощупь считаю двери — конечно, как только понадобилось отсчитать, я их сразу стала видеть тыщами или совсем ни одной. Ну да ничего, руки не заморочите. Тем более что у капитана дверь не запирается. А вот и она.

* * *

Захожу, зачем-то задвигаю дверь за собой. Смотрю — Азамат вроде как спит, одеяло сбилось, подушку только что не надел на

голову. Лица не вижу, но это и к лучшему в нынешнем состоянии. Так, теперь надо проверить, что он не глюк. Подхожу, трогаю его за плечо. Вроде и правда человек лежит. Смещаю руку пониже, на ребра. Ага, дышит. Залезаю на кровать, начинаю его расталкивать.

— Азамат! Помоги! У меня галлюцинации! Мне нужно найти лекарство.

Бормочет что-то невнятно, не просыпается. А может, это я не вижу и не слышу. Внезапно кладет руку мне под мышку, пригибает к кровати, я падаю. Прижимает к себе, накрывает одеялом.

— Все хорошо, — говорит почему-то по-муданжски. — Все хорошо, тебе просто приснилось. Я с тобой. Спи.

Больше ничего не помню.

Глава 7

Просыпаюсь от того, что жарко. Рядом не иначе печка. Нет, оно дышит. Вот вдох пошел, долгий, глубокий. Слышу, как расправляются легкие. Господи, кто же это такой огромный? Может, мне снится, что я маленькая у мамы под боком сплю? Ладно, кто бы ни был этот большой зверь, я знаю, что он добрый. Он потерпит, если я еще поваляюсь. Только уж очень греет. Оказывается, я отвыкла спать не одна.

Укладываюсь поудобнее, утыкаюсь лицом в теплый бок. Или это не бок... поди разбери. Нет, это, наверное, грудная клетка, потому что сердце слышно. Ого, как стучит. Частовато для такого большого существа. Может, большой зверь сердится, что я не даю ему встать? Ладно, чувствую, пора просыпаться.

Зеваю, потягиваюсь, продираю глаза. Странно, обычно я помню, где засыпала, даже спьяну. А спьяну, похоже, и было, судя по сушняку. И голова немного кружится. Атас.

Слева от меня кто-то лежит. Медленно поворачиваю голову вверх, чтобы посмотреть кто. С того конца на меня квадратными глазами взирает Азамат. А что, собственно... о-о-о-ой, да, вспомина-а-а-аю!

Вовремя соображаю, что подскакивать и шарахаться не стоит — голова закружится, а может и стошнить. Он не оценит.

— Привет, — говорю. Язык ни фи́га не слушается. — Я тебе не очень помешала?

Молча мотает головой, волосы падают на лицо. Он с распущенными спит? И не путаются?

— У тебя чего-нибудь попить нету?

Все так же молча берет с тумбочки позади себя бутылочку минералки. Господи, Азамат, кто скажет, что ты не прекрасен, — рыло начищу!

Пью, сколько могу за один присест. Потом дышу. Голова кружится.

— Можно узнать, как вы тут оказались? — спрашивает он слегка не своим голосом. Или это у меня все еще глюки?

— А ты не помнишь? — говорю.

Кажется, он бледнеет.

— Боюсь, что нет.

— Я отравилась галлюциногенами. Пришла попросить тебя помочь мне найти лекарство, потому что сама видела всякий бред, не смогла бы прочитать этикетку.

— И... почему вы меня не разбудили?

— Мне казалось, что разбудила.

— А я что-то сказал?

— Да. Что все будет хорошо и что мне все приснилось. А потом я отрубилась. Ты правда не помнишь?

— Нет.

Садится, трет лицо руками. Пижама на нем темно-зеленая в обтяжку, рукава длинные, вырез к шее вплотную. Как в этом спать можно — не знаю. Зато какая талия... Под курткой-то не видно. Буду для мамы фотографировать, надо будет с него куртку ободрать. Так, хватит о чуши думать. Мне все еще нужно лечиться, все-таки и рецидив возможен.

— Знаете, это могло случиться, — говорит.

— Что? — не понимаю я.

— Что я говорил во сне. У меня младший брат в детстве страдал кошмарами, приходил ко мне в комнату чуть не каждую ночь. Я привык его успокаивать, не просыпаясь. Видимо, привычка сработала.

Начинаю ржать, хотя мне это сейчас совсем не показано.

— Извини, — хрюкаю. — Мне все еще нехорошо, хотя по крайней мере глюков не ловлю. — Ты не можешь со мной сходить, проследить, чтобы я ничего не перепутала?

Смотрит на часы, на них шесть утра.

— Хорошо, — говорит. Встает, надвигает тапки.

Ступни у него узкие, пальцы длинные. Жутко красивый мужик был до ожога. Да и сейчас в общем-то... А какие волосы — это вообще чума! Распущенные-то они еще вполвину длиннее, жесткие, блестящие. Хорошо, что мне так плохо.

Плетусь за ним босиком. Интересно, почему меня отпустило, когда он меня обнял? То есть если отместить романтическое объяснение как неорганизованное. Может, конечно, просто доза такая была, что вот ровно настолько хватило.

— А как вы отравились? — спрашивает.

Хотела бы я знать.

— Точно не скажу, но у меня с собой психодизлептиков нет, так что я не могла их принять по ошибке. Вообще вчера никаких таблеток не пила. А действуют они почти сразу. Какая я была за ужином, ты, наверное, заметил. Запомни на будущее: это симптом, называется эйфория.

— Вы думаете, за ужином вас кто-то отравил?

— Не хочу никого обвинять...

— Ну да, — поджимает губы. Кажется, подозреваемый у нас один и тот же.

Доходим до моей каюты, дверь настежь, постель вся наизнанку, тапки кверху брюхом валяются, какдохлая рыба. Нетвердыми руками роюсь в мешке. Так, вот что-то похожее на мой антидот. И вроде бы написано все правильно. Сую Азамату прочитать — да, он, родимый. Прекрасно! Еще бы шприцом в баночку попасть... Показываю шприц Азамату.

— Посмотри, сверху пузырьки не плавают?

Смотрит на шприц, хмурится неуверенно. Не видел, что ли, никогда?

— Нет, не плавают... Лиза, что вы собираетесь с этим делать?

— Колоться, что ж еще. Не волнуйся, это обычная процедура, несложная и неопасная.

Так, ну в плечо самой себе неудобно, тем более с моей нынешней координацией. Значит, в бедро. Хорошо, что штаны широкие, можно закатать по самое некуда.

— Дай йодовые салфетки, пожалуйста. Вон та пачка.

Наблюдает с тревогой, как я размазываю яркий стерилизующий раствор.

— Намечаете мишень?

Фыркаю.

— Вообще-то стерилизую, но наметить — тоже полезно. Смотри, если промахнусь, хватай за руки.

Но не промахиваюсь. Больно, блин. Ладно, уже все. Отдаю ему шприц.

— Выкинь, пожалуйста.

Смотрит недоуменно, но слушается. Я откидываюсь на кровать там же, где сидела. Ноги все еще стоят рядом, даже штанину не раскатала. Наверное, это не очень прилично выглядит, но мне все глубоко по фигу. Ох нет, не все, потому что меня мутит. Едва успеваю закрыться в ванной, когда накрывает. Ну что ж, это как раз хорошо. Напиваюсь воды из-под крана, благо дистиллят, и через минуту меня выворачивает еще раз. Интересно, дверь ванной звуконепроницаемая? Ладно, кажется, отпустило. Выпадаю обратно в комнату, Азамат стоит с совершенно потеряннным видом — куда бежать, кого спасти?

— Вам... что-нибудь еще нужно?

Я снова падаю на край кровати и начинаю потихоньку отъезжать. Он наклоняется надо мной, грива его шикарная по обеим сторонам висит. Улыбаюсь — наверное, выгляжу совсем безумно.

— Мне нужно еще поспать. Если нетрудно, принеси воды... сушняк дикий.

— Сейчас принесу, — кивает. Немного колеблется, потом все-таки сгребает меня и без видимых усилий перекладывает на кровать целиком, пледиком накрывает. Подоткни, и я заплачу.

— Передай Алтонгирелу, что он мне примерещился без глаз и рта, — бормочу мстительно. И отрубаясь.

* * *

Просыпаюсь и первым делом выглахтываю полуторалитровую бутылку минералки, которая стоит на тумбочке у кровати. Мысленно произношу тост за здоровье капитана. Снова закрываю глаза и сосредотачиваюсь на ощущениях. Ничего, жить буду. Собственно, помимо некоторой вязкости в голове, никаких ощущений и нет. Так что можно, пожалуй, выползти из койки и пойти взглянуть на мир, потому что спать уже больше не могу.

Я так со вчерашнего вечера и не разделась, как пришла с ужина в некондиции. Пожалуй, пора, да и сполоснуться не помешает после

всей этой химии.

После душа напяливаю снова свои штаны, а сверху — высохшую блузку, одну из двух, которые были у меня в багаже. Выгляжу почти парадно, даже кругов под глазами нет. И чувствую в себе силы на свершения — небольшие, правда. Например, дойти до кухни еще чего-нибудь попить.

Добредаю, начинаю шуровать на предмет чая. Водогрейка-то горячая, но это ж еще надо найти, где они прячут тот мешок, и куда мою кружечку убрали, и где опять большие пиалы.

— Вам помочь?

Подпрыгиваю. Кто здесь?!

Оказывается, Эцаган. Сидит в дальнем углу на лавке, слившись с местностью, колени к подбородку, вид мрачный.

— Я чай ищу, — говорю растерянно. Похоже, сорвала человеку сеанс хандры.

— В нижней тумбочке справа от вас, — указывает, потом пристраивает лоб на коленях, прямо-таки буквально замыкаясь в себе.

Ладно, не мое дело... Нахожу свой мешок, завариваю, подумываю, не свалить ли, чтобы человеку на нервы не действовать. Конечно, если ему одиночества хочется, почему бы не пойти в свою каюту? Туда точно никого постороннего не принесет. С другой стороны, время позднее, ужин уже прошел, можно ожидать, что и в столовой никого не будет. Наливаю чай.

— Ой, — слышу из угла. Эцаган вскакивает, выбирается из-за стола, идет ко мне. — Что-то я совсем забылся. Давайте я вам налью и пиалу нормальную дам...

— А эта чем плоха? — размешиваю сахар, уже предвкушая, как сейчас выдую эти пол-литра счастья.

— Ну нехорошо ведь такую большую... невежливо получается.

— А маленькую — вежливо?

— Ну да, она ведь быстро кончается, нужно все время подливать.

Ах да, что-то я такое слышала про чей-то этикет, мол, гостю надо давать маленькую чашку, чтобы все время за ним ухаживать, а большая значит — пей и уходи.

— Так вот почему капитан так хохотал, когда я сказала, что единственное, что меня не устраивает в этой пиале, это отсутствие ручки.

Эцаган фыркает:

— Да уж, я себе представляю. Ну давайте я...

— Не надо. В мелкой посуде остывает мгновенно, а я люблю горячий. А еще я очень не люблю суету за столом. А поскольку сегодня болею, имею право не подстраиваться под ваш этикет. Придется тебе немножко почувствовать себя плохим хозяином, зато я с удовольствием чаю поплю.

Ржет. Вообще, эти танцы вокруг чая мне уже изрядно поднадоели. Какая, понимаешь, великая межкультурная проблема!

Сажусь за ближайший стол, осторожно отпиваю. Господи, какой кайф!

Эцаган пристраивается напротив, снова приобретает меланхолический вид. Хорошо, что меня не интересуют юноши на десять лет младше, а то ведь такой романтичный герой-любовник...

— Жизнь — стерва? — спрашиваю осторожно. Сама ненавижу, когда пристают с вопросами, что у меня стряслось.

— Да нет, в общем, так... по мелочи. Алтонгирел с капитаном поругался, а он от этого всегда становится совершенно невыносимым.

Можно подумать, все остальное время он просто пусечка.

— Боюсь, что это из-за меня, — говорю покаянно, хотя на самом деле не боюсь, а надеюсь, что Азамат уже наконец вправил этому козлу мозги.

— Да уж знаю, — хмыкает Эцаган. — Уже весь корабль наслышан — они так орали... Надо же было додуматься — подсыпать вам этой дряни. Можно было догадаться, что на вас не так подействует, как на нас, если вы от гармарры засыпаете.

— А какого эффекта он ожидал? — поднимаю бровь. Это что было, отворотное зелье?

— Ну вообще, эту штуку пьют, когда нужно понять, что за люди тебя окружают. Потому что от нее видишь главные черты окружающих... как бы... ярче. Причем на нас-то она действует сразу, ненадолго и без последствий.

— То есть это он мне пытался обеспечить интенсивное знакомство с коллективом? — хмыкаю, вспоминая свои глюки в гостинной.

— Нет, он просто хотел, чтобы вам стало неприятно находиться рядом с капитаном.

Слегка впечатываю ладонь себе в физиономию и позволяю ей стечь.

— Слушай, ты можешь мне объяснить, почему его так волнует мое общение с Азаматом? Я уже не знаю, что и думать.

Эцаган неопределенно пожимает плечами.

— Они друзья.

— Это теперь так называется? А ведет он себя, как будто они как минимум женаты!

Ой, зря это сказала... конечно, я больная, мне можно, но что-то мой собеседник нехорошо переменялся в лице.

— То есть... я ничего не хочу сказать... — начинаю мямлить.

— Алтонгирел мне не изменяет, тем более что Азамат гетеросексуал! — возмущенно выпаливает Эцаган.

Если вычеркнуть все непечатные выражения, которые я подумала в свой собственный адрес, получится, что я только икнула.

— Прости, — говорю, — не хотела тебя обидеть.

Снова икаю и утыкаюсь в чай. Эцаган вздыхает.

— Ладно, я понимаю, что после того, как он вас отравил, можно о нем что угодно подумать. Но с Азаматом они действительно просто друзья, почти братья. Алтонгирел — ровесник младшего брата капитана, они в детстве играли вместе. Тем более что у Алтонгирела родители рано умерли, так Азамат его читать учил!

— Хорошо-хорошо, я верю! — тараторю. — Я вообще тут ни про кого ничего не знаю и понять не могу, чего он ко мне прицепился... Это просто так выглядит...

Эцаган фыркает, мотает головой. Кажется, простил.

— Да уж, могу себе представить. Но он просто боится, что капитану будет... трудно с вами расстаться.

— Да, это, конечно, причина, чтобы меня бить и травить, — делаю длинное лицо.

— Есть вещи, которые очень трудно объяснить, — вздыхает Эцаган. — Алтонгирел, конечно, не всегда разумно поступает. Но он хороший человек.

Некоторое время сидим молча, я вожу пальцем по краю пиалы, но она не звенит.

— А сколько лет Азамату? — спрашиваю для шума.

— Тридцать девять, а что?

— Ничего, так просто, интересно. По нему трудно сказать.

Собственно, он, пожалуй, выглядит постарше, ну так и жизнь у него была не сахар.

— Да уж, — кивает Эцаган. — Я вообще поражаюсь, как вы его терпите. Меня Алтонгирел три месяца уговаривал вступить в команду после того, как я капитана впервые увидел. Вы чего?

Видимо, у меня на лице что-то изобразилось помимо воли.

— Да так, знаешь, — поджимаю губы. — Он как бы не виноват, что с ним такое случилось.

— Какая разница, виноват или нет? Он просто урод, и смотреть на него противно, вот и все.

— А тебе не кажется, что так говорить несколько невежливо?..

— Но я же не хочу его обидеть! — удивляется Эцаган. — Это просто факт. Вот у вас глаза синие — это ведь вас не обижает?

— То, что у меня глаза синие, это объективная реальность. А то, что ты про Азамата говоришь, это твое отношение.

— Почему только мое? Спросите кого угодно, все скажут, что он урод. Да и вообще, вы сами не видите, что ли?

Вздыхаю.

— А как ему вообще удалось собрать команду и стать капитаном, если все его считают уродом? Я ведь так понимаю, у вас это очень важный параметр.

Эцаган усмехается, встряхивает головой.

— Да у нас такая команда, нам все нипочем. Кроме меня, Тирбиша и пилотов тут все воины высшего разряда. Взять хотя бы Ирнчина — он дюжину кораблей сменил, прежде чем сюда попасть. А что, говорит, делать, если капитан идиот и в безопасности ничего не понимает? Азамат хоть страшный, но с ним спокойно как-то, можешь быть уверенным, что он все предусмотрит. И проблемы решает любовно. А то я вот к одному капитану пришел наниматься, а он мне: постригись. Ну ага, побежал! Азамат-то ничего такого не требует. — Эцаган демонстративно намотал локон на палец. Потом вдруг глаза у него загорелись. — А знаете, как он круто дерется? И нас учит, чтоб не раскисали в четырех стенах. Некоторые ради этого тут работают. У других свои проблемы, вон Орвой, тоже пугало, его особенно и не берут никуда, а если подумать — снайпер-то он каких поискать. Тирбишу нравится, что Азамат не нарушает законов

принципиально. Тирбиш, он такой положительный парень, а наемничает, чтобы семью поддерживать, тут платят лучше, чем на планете. Короче, как капитану Азамату просто цены нет, жалко, конечно, что он выглядит так отвратно, но уж что тут сделаешь... судьба.

— То есть ты в принципе допускаешь, что человек может быть хорошим профессионалом и заслуживать уважения с любой внешностью? — уточняю я.

— Профессионалом — конечно, — соглашается Эцаган. — Особенно в космосе. На планете-то считается, если урод, значит, у богов не в чести, но тут богов нет, так что это не так важно. А вот насчет уважения... — Он мнется, подбирая слова. — Одно дело уважать его приказы, когда работаешь. Все-таки это его корабль и он платит, и вообще, во время операции послушаться капитана — это тебя потом ни в одну команду не возьмут. Но чтобы я еще следил, как о нем говорю со знакомыми... это уже ни в какие ворота. Как его можно уважать, если на него смотреть противно? Он же такой страшный, что на человека мало похож, с тем же успехом можно уважать... не знаю, компьютер! — Эцаган хмурится и смотрит на меня немного высокомерно, как будто предлагает попробовать ему возразить.

Пожалуй, пора это все прекращать, пока я не озверела окончательно от такой морали. Миссионер из меня никакой. И полемизировать я не умею. Боюсь, что, если уж сам Азамат не смог их убедить, что достоин уважения, я уж точно не справлюсь. Грустно это все.

— Что-то у нас с тобой сегодня беседа не выходит, — вздыхаю. — Только настроение друг другу портим.

— Спать надо идти потому что, — говорит, вставая. — Поздно уже.

Я-то сейчас точно не засну, но решаю вернуться в каюту. Вроде сушняк отпустил. Сажусь на кровать, провязываю два ряда — и просыпаюсь утром.

Глава 8

Просыпаюсь, заметьте, голодная на совесть. Придется немедленно идти встречаться с обществом, где там Тирбишевы йогурты?..

Едва выхожу из каюты, слышу скандал где-то около гостиной. Кажется, участников больше чем двое. Не мое дело, конечно... но все

равно плетусь туда, посмотреть, что стряслось. У меня с утра инстинкт самосохранения плохо работает, да.

Глазам предстает эпическая картина. Вся команда с тоскливым видом жмется по углам холла, в центре стоят Азамат и Гонд. Первого я вижу только со спины, а вот Гонд сизо-бледный и слегка трясется. И руку левую держит, как будто сломана.

— ...сказать мне! — гремит Азамат. — Правила написаны, чтобы их выполнять!

Гонд что-то невнятное мямлит в ответ. Рядом на диване, сгорбившись, сидит Алтонгирел с видом покойника, смотрит в одну точку. Ох, что-то мне стремно...

Оглядываюсь, замечаю в сторонке понурого Тирбиша. Тихонько прокрадываюсь к нему.

— Что случилось? — шепчу.

Он вздрагивает, но никто не оборачивается.

— Ночью Гонд был на вахте, засек джингошский корабль. И они вместе с Эцаганом выдвинулись его штурмовать.

Мямленье Гонда наконец обретает смысл:

— Я шел к вам, встретил его в коридоре, он сказал выгонять шаттл... я не мог не выполнить команду.

— Ты был обязан сказать мне!!

— Ну вот, — продолжает Тирбиш. — Корабль-то они взяли...

И замолкает как-то подозрительно. Судя по тому, что Азамат выволакивает Гонда, а Эцагана в комнате нет... о господи!

— Он что, убит?!

— Ранен, — говорит Тирбиш так, как будто это еще хуже.

— Где он?

— У себя в каюте.

— Пошли.

Решительно тяну его за рукав. Могли бы меня и разбудить, идиоты! Но Эцаган тоже хорош, что за пубертатные выходки? Мало им было, что они на нашем корабле двоих потеряли. Надо теперь, чтобы я еще себя виноватой почувствовала, что он в дурном настроении вчера был?! Обойдется!

Дверь в каюту Эцагана приоткрыта, Тирбиш остается снаружи, а я захожу и обомлеваю. Бедолага лежит на кровати, по всей видимости, без сознания, все лицо залито кровью, поперек лба широкая борозда.

О боже! Еще бы Азамат не бушевал. Разворачиваюсь на каблуках и мчусь к себе в каюту за мешком, едва не сшибая ошарашенного Тирбиша.

Возвращаюсь так же бегом, распахиваю дверь. Тирбиш все еще стоит рядом.

— Заходи, будешь ассистировать!

— Но... я...

— Внутрь!

Заходит, я вытряхиваю все из мешка на стол, выхватываю необходимое.

— На, возьми, намочи, протри ему лицо, чтобы видно было, где повреждено. Ну!

Со второго пинка Тирбиш стартует в ванную. Вот самое время нашел для своих предрассудков. Оглядываю Эцагана в прочих местах и обнаруживаю несколько ранений в живот. Кровать уже вся кровью пропиталась, еще бы он был в сознании! Пульс, однако, вполне приличный. Обдираю с пациента лишнюю одежду и сомнительные бинты, кидаюсь осматривать внутренние повреждения.

Еще в прошлом веке один китайский гений сварганил портативный сканер. Они любят все комбинировать... Так вот, этот прибор шестью разными способами снимает изображение с человеческого нутра. При большом желании и хорошей настройке им можно даже сквозь стены смотреть. А так — палочка с катучим шариком на конце да экранчик. Как они без этой штуки раньше жили, не представляю.

Так, задеты в основном кишки и соединительные ткани. К счастью, большая часть ранений нанесена лазером, а он заваривает рану, так что почти нет опасности заражения. К сожалению, открытые раны тоже есть, придется промывать. Тирбиш неуклюже приступает к выполнению команды. Где мои спазмолитики-анальгетики?..

Как же я рада, что взяла все это с собой! И мою любимую машинку для заваривания швов. Ее изобрели уже на моей памяти. Если на ткань в месте разреза нагрузка небольшая, то можно как бы склеить края вместе, и всего через пару дней будет как раньше. Никаких тебе швов, вообще никаких следов. Кому-то тут сильно повезло, что у меня есть эта машинка.

Тирбиш на мои манипуляции не смотрит, отвернулся.

— Я вам еще нужен? — блеет.

— С химическими весами обращаться умеешь? — спрашиваю, заклеивая Эцагану физиономию. Машинка машинкой, а контакт с внешней средой лучше пока минимизировать.

— Да, конечно.

Как удобно жить, когда все вокруг технически подкованные! Правда, если бы у меня была искусственная кровь, было бы еще удобнее. Или хотя бы готовый физраствор... Хорошо хоть, нас в колледже натаскали обходиться бытовыми средствами вместо фирменных смесей и прочих достижений цивилизации. Понимают, что в космосе может и не быть под рукой модных медицинских новинок.

— Вот тебе чистый натрий-хлор, — протягиваю Тирбишу баночку. — Разведи ноль девять в дистилляте и подогрей половину до тридцати семи градусов. Справишься?

— Да, а сколько литров?

— Давай пока парочку... на всякий. И — ты понимаешь, что такое «стерильно»?

Он кивает, хватая соль и весы и счастливо уносится прочь от «изуродованного» Эцагана... Тоже мне, блин, наемники! Девки нервные! Азамат, правда, Гонду что-то там вкручивал про «без шлема». То есть наверное, обычно они какой-то доспех надевают, когда драка предстоит. В таком случае Эцаган у нас дважды герой. Очнется — отшлепаю.

Через пару минут возвращается Тирбиш с двумя флягами физраствора. С интересом наблюдает, как я втыкаю иглу. Похоже, тоже никогда шприца не видел. Хорошо хоть под руки не лезет.

С внутренними травмами куча возни: сначала все промыть нежно, тепленьким растворчиком, кишки все просмотреть детально, а это несколько метров, отсосать всю дрянь, зашить, а где приварено лазером — расклеить... Упариваюсь конкретно, хорошо хоть сканер подсвечивает повреждения. Ну вот, наконец с этим покончено. Ставлю отсос, ввожу антибиотики.

Теперь что у него там с лицом?

С лицом все не так плохо, ранка-то, собственно, одна, и та легко закрывается после дезинфекции. Нет, мой завариватель швов — великая вещь. Жаль, ее не было у того, кто зашивал Азамата...

Ну вот, пациент стабилизирован. Пульс почти нормальный, зрачки на свет реагируют. Скоро должен очнуться. Надеваю ему на запястье пульсометр — запищит, если что.

— Все? — осторожно спрашивает Тирбиш.

— Ну да, — вздыхаю удовлетворенно. — Теперь ждем, когда очнется и что расскажет. Пока больше симптомов нет.

Тирбиш кивает, как будто понял. Впрочем, скорее он реагирует на мой спокойный тон. Мы слегка прибираемся, он выливает отходы производства, я собираю свои причиндалы обратно в мешок от греха подальше. Вид обрезков кишок у Тирбиша отвращения не вызывает, видимо, царапина на лице гораздо противнее.

Я уже открываю рот, чтобы попросить его посидеть тут, присмотреть за больным, когда дверь вдруг распахивается и входят Азамат с Алтонгирелом. Азамат такой мрачный, аж лицо потемнело, не знаю, как это возможно. Алтонгирел, наоборот, серовато-бледный, глаза пустые, и как будто даже отощал, хотя всего-то прошло несколько часов.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает он меня, хотя и без выраженной вопросительной интонации. Видно, мозги совсем отключились, надо же как переживает.

— Я, — говорю, — врач. Я тут лечу. Вам надо было меня сразу разбудить, когда он вернулся.

Алтонгирел никак на мои слова не реагирует, бредет к кровати, садится на край, почти в лужу крови, и остается неподвижно сидеть. Надо будет кого-нибудь запрячь поменять белье. Алтонгирел сейчас вряд ли способен на конструктивную деятельность. Не знаю, правда, из-за чего он больше страдает: из-за того, что его парень ранен и в опасности, или из-за того, что у него лицо повреждено. Ладно, по умолчанию выберу первый вариант, не буду сволочью.

Азамат, кажется, осознает, что в моих словах есть доля истины.

— Мы привыкли, — говорит, — обходиться своими силами. Но я рад, что вы решили помочь. У вас есть... какие-то прогнозы?

— Да, — энергично киваю. — Волноваться не о чем. Он стабилен, скоро должен очнуться. Если кроме тех повреждений, которые мне удалось обнаружить, никаких других нет, то он полностью выздоровеет.

Азамат кивает с некоторым облегчением, хотя, по-моему, он мне не верит. Ну если у них женщины в принципе не могут быть врачами, то не удивительно, что он мне не доверяет. Ладно, погоди, сам увидишь.

Алтонгирел меня, похоже, вообще не слышит. Подхожу к нему, щелкаю пальцами перед лицом. Конечно, я все понимаю, у человека горе, но я ему еще свое подпорченное здоровье не простила. Он слегка фокусирует взгляд.

— Если очнется, позови меня. Я буду в кухне. И если вот эта штука у него на руке запищит, тоже позови. Причем очень быстро. Это понятно?

Он открывает рот, потом передумывает и кивает. И снова отключается от внешнего мира. Поворачиваюсь к Азамату:

— Думаешь, он меня услышал?

— Да, — говорит Азамат уверенно. — Он все сделает. Пойдемте.

Обнаруживаю, что Тирбиш под шумок уже смылся. Не знаю уж, чем так ужасен кусочек пластыря на лбу, но зато, когда я наконец-то дохожу до кухни, там уже пахнет едой. Правильно, мальчик, мыслишь. Как говорится, если врач сыт, то и пациенту лучше.

— Где Гонд? — спрашиваю у Азамата. Он снова мрачнеет:

— Пока что заперт у себя.

— Мне надо будет его осмотреть.

— Что? — Капитан аж сощурился, как будто откусил что-то кислое.

— У него рука сломана, — говорю.

— Он сам виноват.

— Эцаган тоже сам виноват. Ему теперь за это умереть?

Азамат тяжело вздыхает.

— Ваше внимание плохо сочетается с наказанием.

— Наказывать будешь потом, когда я удостоверюсь, что он вне опасности.

— Ладно, — кивает. — Вы правы.

Тут Тирбиш подносит мне какие-то жареные пельмени, и я временно утрачиваю способность говорить. Азамат сидит напротив и смотрит, как я ем. Меня это даже не раздражает, не то что не смущает. Кстати, вот ведь интересно, мне кажется, что я называю его на «ты», а он меня — на «вы», хотя во всеобщем нету разницы. Это после того,

как я с ним в обнимку поспала. Интересно, что должно случиться, чтобы и он на неформальный тон перешел.

Видимо, забыв о моем присутствии, Азамат трет лицо с той стороны, где ожоги. Ну да, я понимаю, что ты думаешь. Однако обещать ему, что у Эцагана не будет никаких последствий на лице, я не могу, даже если уверена, что их не будет. Потому что если будут, то получится намного хуже, лучше уж сейчас понервничать.

— Он всегда переживает, если я с Алтонгирелом ссорюсь, — говорит капитан.

Прекра-а-асно, давай теперь ты еще себя во всем обвинишь.

К счастью, он не продолжает развивать мысль, хотя на лице все написано светящимися буквами. В перерыве между двумя пельменями откладываю ложку и беру Азамата за руку, безвольно лежащую на столе. Обхватить не могу, так, сбоку прихватываю, как прищепка.

— Все будет хорошо, — говорю. Это, конечно, ответственное заявление, но я тоже не железная.

Азамат пускает меня к Гонду и сам заходит следом. Бедный парень, похоже, решает, что сейчас его казнят.

— Не волнуйся, — улыбаюсь ему, — Эцагану тоже достанется. От меня лично.

В ответ слышу только нервное сглатывание.

Перелом у него закрытый, с небольшим смещением. Мелких осколков нет. В принципе ничего страшного, он даже не вскрикивает, когда вправляю. Может, конечно, решил перед капитаном продемонстрировать стоицизм, не знаю. Накладываю шину с применением куска какой-то аппаратуры, специально для этой цели найденного на складе. Азамат смотрит как замороженный. И где они были все эти века...

Напоследок капитан окидывает Гонда грозным взглядом, и мы выходим. Идем куда-то... точнее, это Азамат идет, а я за ним следом, не знаю зачем. Привычка уже, наверное. В неизвестном мне отсеке корабля навстречу попадается один из старших в команде, тот, что сидит за столом справа от Алтонгирела.

— Как будем... — начинает на муданжском, потом, покосившись на меня, переходит на всеобщий: — Как будем хоронить?..

— Кого?! — рявкаю я, не давая Азамату и слова сказать.

— Эцагана... — растерянно отвечает мужик.

— Когда он лет через семьдесят умрет от рака прямой кишки в своей постели, это будет не ваша проблема, — говорю с некоторым нетерпением. Нет, ну можно не верить, что я хороший врач, но не до такой же степени!

Собеседник переводит озадаченный взгляд на капитана.

— Не суетись, Хранцик, — произносит капитан, и я совершенно неприлично хохочу прежде, чем успеваю скомандовать себе сдержаться. Азамат что-то там продолжает говорить про то, что моего пациента рановато хоронить.

— Но я же сам его бинтовал, там нет шансов... — бормочет человек с чудо-именем.

Это заставляет меня резко посерьезнеть.

— А, так это был ты? А промыть раны или хотя бы кровь остановить тебе в голову не пришло? — напускаюсь на него. Я, может, тут и в гостях, маленькая и беззащитная, но, когда речь идет о моем пациенте... голову откушу только так.

— Естественно, я промыл! — возмущается он.

— Ага, с расстояния в два метра! У него все лицо в крови было, когда я зашла!

— Ну так заново натекло! Что вы думаете, кровь ждать будет?

— Я думаю, что можно было зашить!

— На лице?!

— А что?!

— На лице нельзя зашивать! Тут уж как срастется, у каждого своя судьба.

Очень хочется побиться головой о стенку. А лучше побить кое-кого. Больно.

— А на животе что? Тоже нельзя?

— Так раны сквозные, я же не могу внутри зашить! Ну и какой смысл...

Держите меня семеро. Иначе точно стукну.

— Значит, так, — говорю, — я зашила все. Это раз. Эцаган выживет, это два. А три — ты, хрен-цуцик, уйди с глаз моих, пока я тебе что-нибудь не пришила!

Шарахается, как от огня, в панике зыркает на капитана и, видимо получив разрешение, исчезает куда-то в боковой коридор.

— Это, что ли, бортовой врач? — рычу. Нет, ну правда, ребенок из экошколы лучше бы справился!

— Нет, у нас на борту нет целителя, — говорит Азамат, тихо стерпевший мои вопли. — Их и на Муданге-то не хватает.

— Что, муданжцы патологически неспособны врачевать? Почему нельзя обучить столько, сколько нужно? Где рыночная экономика, в конце концов?! — Что-то я разбушевалась.

— Это очень долго, — пожимает плечами Азамат. — И трудная работа. Из тех, кто может получить образование, мало кто хочет всю жизнь смотреть на чужие уродства.

Хватаюсь за голову, еле сдерживаясь, чтобы не завывать в голос. Вот уж правда уроды!!!

— А что, — спокойно продолжает Азамат, — вы действительно смогли все зашить?

— Естественно, — вздыхаю. Придется, видимо, смириться с их варварскими представлениями. — Там проблема не столько зашить, сколько промыть как следует и найти все повреждения.

Мы куда-то двигаемся, опять не знаю куда.

— Я уже заметил, — говорит Азамат, — что ваши целительские методы сильно отличаются от наших. Видимо, у вас они гораздо лучше развиты...

— Да уж, не без этого, — кривлюсь. — Я вот не понимаю, как вы умудрились пройти мимо всей нашей медицины. Если даже обычного шприца не видели... они ведь на Земле появились раньше звездолетов!

— Так у нас с Землей до самого недавнего времени не было никаких контактов... — разводит капитан руками.

— Ну вы же все равно когда-то переселились с Земли на свой Муданг. Это ведь не могло произойти раньше наших первых полетов в космос!

— А вы думаете, мы когда-то жили на Земле? — удивляется капитан.

Я встаю как вкопанная.

— До сих пор, — говорю неверным голосом, — наукой не зафиксировано существование разумных рас, не происходящих с Земли.

— Вот как... — говорит он и глубоко задумывается. Мы снова двигаемся в путь и успеваем дойти до угла, прежде чем Азамат

продолжает: — Что ж, вам виднее, мы-то помним свою историю всего на несколько столетий назад. Однако до сих пор я был уверен, что мы осели на Муданге примерно в двенадцатом веке по земному летоисчислению. Как понимаю, ваши корабли появились существенно позже.

— Да уж, — говорю. — У нас в то время еще и Америку не открыли...

И встаю как вкопанная во второй раз.

— Америку, — повторяю тупо.

— Это... какой-то регион на Земле? — хмурится капитан. — А что с ним такое?

— Просто... э-э-э... самые похожие на вас люди жили как раз там. Но мы, в смысле европейцы... — много ему это скажет, ага, — в смысле те, кто наукой занимался, впервые с ними встретились в пятнадцатом веке, и то в конце.

— А теперь не живут?

— Все перемешались, — пожимаю плечами. Обойдется без кровавых подробностей, мне пока жизнь дорога.

— Так... вы что, думаете, наши предки научились строить звездолеты задолго до ваших, а вы об этом ничего не знаете?

— Ну про них мало что известно, но ходит много всяких невероятных легенд. То есть я бы сказала, что если кто и мог такое отчудить, то это были они. Вы вон до сих пор в одиночку собрать звездолет из подручных средств можете.

— Вы преувеличиваете, — улыбается. — У нас просто высоко ценится способность к ручному труду.

— Вот-вот, — говорю. Что-то больно красиво выходит. Только вот язык у них уж больно на монгольский похож. Конечно, какой там язык был у тех индейцев, я не знаю, но...

— А чем вам так не понравилось имя Хранцицика? — Азамат параллельно переключается на лингвистику.

Я снова ржу, просто не могу остановиться.

— Очень, — говорю, — смешно звучит на моем языке.

Азамат качает головой.

— Это значит «дождевой цветок», он в дождь родился.

Ну да, я даже понимаю. Можно подумать, от этого легче.

— Признаться, до знакомства с вами не знал, — продолжает Азамат, рассматривая меня, — что на Земле есть другие языки, кроме всеобщего.

— Ха! — фыркаю. — Три тыщи не хочешь?

— Сколько?!

О-о, я вывела его из душевного равновесия! Как мне нравится, когда он так таращится!

— А как вы друг друга понимаете? — продолжает изумляться мой друг с моноэтнической планеты.

— Вот для того и всеобщий, — смеюсь. — Его не для космоса вводили, а для Земли.

— С ума сойти, — качает головой.

Ну вот, хотя бы я его развлекла немного, лицом просветлел. Что-то в нем есть неуловимо родное. Во внешности и даже в запахе. Как будто детские воспоминания какие-то просыпаются. Впрочем, в свете моих последних измышлений насчет индейцев в космосе в двенадцатом веке это уже как-то жутковато.

* * *

То место, куда мы в итоге приходим, оказывается капитанским мостиком. Он мало чем отличается от прочих, которые мне приходилось видеть: по кругу экраны-иллюминаторы, под ними сенсорные панели управления, по сути тоже экраны. Компьютер он и на Муданге компьютер. На мостике двое парней в тапочках и потрепанных свитерах, кивают нам с капитаном, не отрываясь от экрана.

— Лиза, боюсь, что нам придется отложить разговор, — кается капитан, приземляясь в оставшееся свободное выдвижное кресло. — Мне надо немного порулить.

— А пилоты на что? — моргаю озадаченно. Разговора-то мне не жалко...

— Они ребята молодые, не очень опытные, а мы сейчас полетим через облако, и я предпочитаю вести корабль сам.

Ребята дружно пропускают все это мимо ушей.

— Я думала, для лавирования в облаке есть специальный софт, — говорю с опаской. Как-то очень не хочется в таком деле полагаться на человеческие способности, пусть наш капитан хоть трижды гений космоса.

— Ну софт — это инструмент, — наставительно говорит Азамат. — Им еще надо уметь пользоваться. Он, конечно, облегчает работу, поскольку гарантирует, что ни с чем не столкнемся. Но если полагаться на одни только программы, то уж очень трясет.

Это да. И швыряет резко. А ты, что ли, лучше можешь?

— Тут нужно плавненько, — продолжает капитан, видимо оседлав любимого конька. — И с умом, не шарахаться от всего на свете. Тем более что мы сейчас с прицепом, пленный корабль тащим. Заодно ребята мои поучатся в таких условиях рулить.

О, да тут намечается мастер-класс старшего павиана. Ну что ж, хоть какое самоутверждение. Правда, по виду господ пилотов не скажешь, что они в курсе, что их сейчас будут чему-то учить.

— Вам, Лиза, наверное, не стоит здесь оставаться, — мягко говорит Азамат. — Это, знаете, напряженное дело...

Ну да, я понимаю, мужики хотят поиграться. Наверное, в наши эрпэгэшки они все-таки не режутся, им в реале хватает.

— Хорошо, — отвечаю. — Пойду проведу пациента.

* * *

Пациент, конечно, уже очнулся, а Алтонгирел, конечно, меня не позвал. Сидят, разговаривают тихонечко, ячейка общества, блин.

— Как самочувствие? — спрашиваю деловито.

— Как будто живой, — вяло отвечает Эцаган.

Проверяю пульсометр, нормально, восемьдесят в минуту.

— И правда живой, — говорю. — Мутит?

— Нет, — мотает головой. Видимо, сотрясения нету.

— Ну давай, излагай ход боевых действий, — требую, выдвигая из-под стола стул. Вылупились на меня оба, как будто я о подробностях их личной жизни спросила. Придется объяснять, ох уж эти варвары. — Мне нужно знать, что именно произошло, чтобы выяснить, какие у тебя еще могут быть повреждения кроме тех, которые я нашла.

— Какая теперь разница, — вздыхает, — какие там еще повреждения...

В кои-то веки Алтонгирел принимает мою сторону. Строго выговаривает Эцагану по-муданжски. Я почти ничего не разбираю, но это действует. Захватывающий рассказ о двух идиотах, перебивших пару десятков джингошей, выглядит достаточно убедительно. Ну а

если он все-таки приврал, то я все равно никак не могу это проверить. Разве что Гонда допросить, но он заперт, а капитан занят.

— Учти, — говорю Эцагану угрожающе, — если ты от меня что-то скрыл, то можешь и не выздороветь.

Он улыбается, как приговоренный. Гос-споди, да когда ж до них дойдет?..

— Алтонгирел, следи, чтобы он лицо не трогал, — наставляю. — Если придется для этого руки привязать, то так и сделай, только не давай ему трогать лицо ни в коем случае, — грожу пальцем.

Оба серьезно кивают. Ладно, кажется, моя миссия здесь выполнена.

Из мемуаров Хотон-хон

Муданжские звездолеты оснащены многочисленными лапками не только для захвата чужих кораблей, хотя это тоже очень удобно: сгреб джингошскую черепаху под пузо и полетел дальше. Однако главная функция лапок — улавливать гравитацию далеких небесных тел. Муданжский корабль, плывущий в космосе, похож на паука, растопырившего ножки и ловящего малейшие колебания своей сети. Уловив притяжение звезды или близкой планеты, даже очень слабое, корабль усиливает его и подтягивается в ту сторону, из которой оно исходит, как на ниточке. Это позволяет муданжским кораблям практически мгновенно менять направление даже на большой скорости и исчезать из поля зрения противника в непредсказуемом направлении. При этом внутри самого корабля поддерживается постоянное комфортное гравитационное поле.

В остальном принципы перемещения муданжцев во Вселенной мало отличаются от земных. Как все мы выучили в детстве, ничто не может двигаться быстрее, чем свет, поэтому, чтобы преодолевать гигантские пространства между галактиками в сроки, сопоставимые не только с продолжительностью человеческой жизни, но и с необходимостью регулярных поставок товаров, например, из Андромеды в Стену Слоуна, используются пространственно-временные туннели. Они могут быть естественного происхождения — если хорошо изучены и признаны стабильными; могут быть созданы человеком при помощи мощного луча света, которым можно свернуть пространство в воронку подобно тому, когда быстро мешаешь ложечкой в чае. Когда пролетаешь такой туннель, пространство вокруг

тебя сжимается, а время и вовсе может пойти назад, так что окажешься в месте назначения за день до вылета.

Конечно, это бывает только в специальных возвращающих туннелях или в случае неполадок; закон Земного союза запрещает использование туннелей для путешествий во времени (кроме случаев дальних путешествий), так что обычно туннели настроены на протяженность в два-три дня, чтобы уж с гарантией не выскочить в минус. Если же дорога и правда дальняя и туннелей надо пройти несколько, то полет растягивается на пару недель, а то и месяцев.

Плюс к тому от туннеля до туннеля тоже надо долететь, а они густо наставлены только в самых населенных районах Вселенной. На окраинах иногда такая «пересадка» может занять по несколько десятков лет, поэтому все корабли оборудованы собственным полем времени. Если полет предстоит в самом деле очень долгий, то внутреннее время корабля замедляют, чтобы на борту казалось, что прошла всего пара дней. Снаружи, конечно, проходит больше, но искусственные туннели способны распознавать корабли со включенным полем времени, и когда такой корабль заходит в туннель, его выбрасывает не только вперед в пространстве, но и назад во времени, так что и в самом деле получается, что прошло всего два-три дня. Естественные туннели обычно такого делать не могут, да и вообще они менее надежны, чем рукотворные, зато за пользование ими не надо платить.

Популярные планеты вроде Земли или Гарнета держат около себя по несколько очень коротких искусственных туннелей специально для гостей издалека, которым надо нагнать время. За это, конечно, дерут дикие деньги, но все же сие лучше, чем внезапно выпасть из жизни на шестьдесят лет. Разработано специальное законодательство по поводу того, кому и при каких обстоятельствах позволено нарочно задерживаться в поле времени и таким образом переходить в будущее. Разработаны и методы расследования, кто остался в будущем и не прошел возвращающий туннель нарочно, а кто по рассеянности или внешним обстоятельствам.

* * *

Магеллановы облака практически не населены, хотя и располагаются очень близко к Млечному Пути. Увы, для жизни людей оказались пригодны только спиральные галактики, а Магеллановы

облака больше похожи на дрожжевое тесто, чем на классический волчок. Так что, там только несколько зеленых планет-производителей с устойчивой атмосферой, но малой гравитацией, что позволяет растительности достигать гигантских размеров. Насколько я помню, там даже скот не разводят, только кабачки всякие.

Поэтому сквозь них проходит несколько магистральных пространственно-временных туннелей от края до края, чтобы не задерживаться в мертвой зоне. Проблема в том, что туннели эти вовсе не свободны от всякого мусора, который, собственно, и делает эту галактику облаком. Зато в туннеле гораздо труднее уворачиваться, потому что летишь не сам, а на поводу у гигантского водоворота. Центральный туннель, правда, по возможности очищен от всякого хлама, не знаю уж как, но мы-то летим по одному из боковых.

Так вот, это-то и удивительно. Заглядываю в иллюминатор в полной уверенности, что сейчас увижу Сфинктер — то есть вход в туннель, — а оказывается, мы уже внутри! И не трясет ни фига, и не швыряет. Ну ладно, допустим, это мне капитан обещал. Но чтобы я захода в туннель не заметила? У меня же всегда уши закладывает от этого, и мутит, и все на свете. Н-да, руки у нашего капитана и правда золотые, хоть и покореженные. Надеюсь, пилоты не упускают возможности у него поучиться, потому что есть чему!

* * *

Сажу у себя в каюте, вяжу, плююсь в иллюминатор. И так уже часа четыре. Скучно, сил нет. И как люди жили без компьютера... Попросить, что ли, у капитана муданжские легенды полистать под видом того, что картинки посмотреть хочу. Если, конечно, там есть картинки. В любом случае капитан сейчас занят. За иллюминатором бесконечные, свитые в канат звезды летят на бешеной скорости, уже от них муторно. Кажется, я начинаю понимать, зачем закрывать иллюминатор фотографиями. А ну-ка, где тут слайд-шоу? Хоть посмотрю на этот их Муданг.

Ничего себе такой Муданг, хоть название и ужасное. Ландшафт в основном — горы и степи, но и лес попадается. Снимки все зимние, растительность не рассмотришь. Домов тоже почти не попало в кадр, так, один-два. Они сложной формы, закругленные такие, гладенькие. Не деревянные, а какие — понять не могу. Пара этажей, коническая

крыша. Скоты бродят, вроде козы, но видно плохо, не поручусь. Пастораль, короче. Скучно.

Поскольку вязание голову не занимает, переключаюсь на бессмысленное, но мозгоемкое занятие: Эцагановой швейной машинкой, которую он у меня так и не отобрал, выстрачиваю на более-менее однотонной полоске ткани какие-то узорчики. Разноцветными нитками. Белые зигзаги, красные петельки, черные косички какие-то. Стадию окончательного охренения можно считать достигнутой.

К счастью, тут приходит Тирбиш звать меня к обеду. Интересно, он всех зовет или только меня как привилегированную? Иначе почему не объявлять по громкой связи?..

На обед нечто унылое. Вроде как жареное мясо, только оно почти сырое, а где не сырое, там не жуется. Скотина, из которой его вырезали, при жизни, видимо, возила воду в горы и померла от перенапряжения. Я честно притворяюсь, что пытаюсь это разжевать, потому что не хочу обижать Тирбиша: остальные-то едят и нахваливают, очевидно, так и должно быть. К сырятине даже не притрагиваюсь, там может водиться целый справочник по паразитологии.

Жду, когда Тирбиш уйдет или займется чем-нибудь, чтобы я могла потихоньку выкинуть несъеденное, но он увлечен разговором с двумя мужиками по обе стороны от меня. Алтонгирела за столом нет. Интересно, кормят ли Гонда. Мало ли какие у Азамата методы наказания. Кстати, надо будет Эцагану питательной смеси проколоть, если есть, а то он и так тощенький.

Народ уже начинает понемногу разбредаться, когда входит Азамат. Это что, мы вышли из туннеля? И я опять ни сном ни духом? Ни черта себе!

Капитан выглядит уставшим, и, наверное, не только выглядит. Тяжело опускается за стол, прислоняется спиной к стене, принимается вяло жевать. Бедняга, тут и со свежими-то силами не откусишь.

Когда весь народ между мной и капитаном расплзается, я придвигаюсь поближе.

— Здорово ты сквозь туннель прошел, — говорю с искренним восхищением. — Я даже не заметила, когда входили, когда выходили. До сих пор ни разу еще так гладко не летала.

Улыбается слегка. Видимо, слишком устал, чтобы спорить. Голову рукой подпер. Цвет лица какой-то нехороший.

— Может, тебе пойти отдохнуть? — говорю участливо.

— Боюсь, засну. Ночью-то из-за всей этой передрыги с Эцаганом не пришлось. А сейчас если лягу, то встану уже завтра утром, — хмыкает.

— Ну и поспи, — говорю. — У тебя что, срочные дела какие-то?

— Да нет, но что ж я, в три часа дня спать лягу? Да и не засну все равно.

— Только что обещал отрубиться немедленно, — хихикаю. — Пойди хоть полежи, глаза вон закрываются!

— А вам компьютер не нужен? — спрашивает внезапно. Решил тему перевести, что ли?

— Ну я, конечно, с радостью им воспользуюсь, но не в ущерб твоему отдыху.

Смотрит на меня сонно, потом встает.

— Ладно, — говорит, — пойдете.

Недоеденный обед он так и оставляет на столе, и я следую его примеру, пока никто не видит.

Глава 9

В каюте у Азамата, как всегда, почти темно. Он жестом указывает мне на бук, стоящий на столе, а сам садится к ночнику снова что-то ковырять-чинить, не вижу. Я уже привычным движением выдвигаю себе из-под стола растущее там кресло на складной ножке и уставляюсь в экран.

Брат пишет, что детей доставили в целости, он сам видел, как их выгружали. Пожаловался начальнику насчет меня, и тот устроил разнос где-то в высших кругах Земного союза. Увы, ни к чему хорошему это не привело: теперь они твердо уверены, что меня нет в живых, а если и есть, то, значит, предала какой-то великий земной секрет. У них там начальство сменилось три года назад, и если прежде ко мне относилось бережно, то новое знать меня не знает и рисковать из-за меня не готово. Короче, судя по всему, в ближайшее время мне на Землю лучше не спешить, мороки не оберешься. Вот и брат советует найти какую-нибудь халтурку на Гарнете на полгода, пока там все уляжется. А то еще заклеят меня как муданжскую шпионку. Бред какой-то, честное слово. Зла не хватает!

Слышу, как Азамат зевает в другом углу, и злобность моя устремляется в другое русло: ну что вот он сидит, мучается, когда можно лечь и заснуть?! Как будто вся команда следит, бодрствует ли он весь день! То есть от Алтонгирела, конечно, можно и не такого ожидать, но у него сейчас другие проблемы.

— Может, тебе все-таки прилечь? — возобновляю уговоры. — Я уже закончила, не буду мешать.

— Да нет, Лиза, не уходите. Вам ведь скучно, наверное, в каюте сидеть. Мне компьютер сейчас не нужен, так что пользуйтесь, сколько хотите.

— Если он тебе не нужен, то, может, одолжишь на вечер? А ты бы пока поспал.

Оборачивается, смотрит на меня с сомнением. Что, думаешь, я в твои личные папки полезу? Так я и так могу, ты же не смотришь.

— Ну конечно, можно и так... — тянет, явно отпускать свой бук со мной не хочет. — Но мне могут звонить...

Да понятно уже все, не отдашь ты мне любимую игрушку. И я не вправе даже просить, и так уже на шею села по полной программе.

— Ах да, — говорю, — извини, — улыбаюсь, — я об этом забыла. Но мне там действительно больше нечего делать, так что я пойду, наверное, повяжу...

Закрываю бук, поднимаюсь.

— А что вы вяжете? — внезапно спрашивает с большим интересом. Опять культурный мем, что ли?

— Свитер... маме на день рожденья... — зависаю, стоя у кровати по другую сторону от капитана.

— Так странно, — говорит он несколько вымученно, — я думал, земляне не делают одежду вручную.

Я фыркаю.

— Да это больше ради процесса, чем действительно одежду сделать. Если мне нужен свитер, я его, конечно, в магазине куплю. А вязать можно в подарок, чтобы человек видел, что ты о нем помнишь.

Азамат усердно кивает:

— Да, у нас тоже так. Самоделное только дарят, никогда не продают. Так и о человеке судят, сколько у него дареной одежды, настолько его и любят.

— Ого, — говорю. — Удобно. А легко ручную работу от покупной отличить? Я вот не всегда справляюсь.

— Ну ручная обычно со всякими узорами, знаете... — неопределенно машет рукой в области воротника. — Вроде как со смыслом. На покупной такого не бывает.

— А, так там всякие вышивки-тесемочки еще? — спрашиваю с энтузиазмом, воображая пестрые народные костюмы из старых краеведческих фильмов. Всегда хотела себе сшить что-нибудь этническое, но это же столько труда, да еще разобраться надо, что в какие века вышивали да в каком племени... В общем, не люблю я в истории копать.

— Да, там много всего, они пестрые такие, — поддакивает Азамат с энтузиазмом.

— А у тебя есть что-нибудь для примера посмотреть? — спрашиваю его.

Взгляд его мгновенно потухает.

— Что вы, откуда у меня...

На секунду лишаюсь дара речи — то ли от возмущения, что такого замечательного капитана никто не любит, то ли от ощущения собственного идиотизма: можно было догадаться, что у него нету. Ладно, теперь надо опять как-то выкручиваться.

— Ну не знаю, — протягиваю, пока думаю, что сказать, — ты ведь уважаемый человек.

Хотя бы в профессиональном отношении, ага.

— Любовь и уважение — разные вещи, — пожимает плечами.

Я резко нахожу способ сменить тему, и никакие инстинкты не успевают меня сдержать:

— А как по-муданжски любовь? — спрашиваю с горящими глазами. Ну вот сейчас мне откроется великая истина!

— Зачем вам? — усмехается удивленно.

— Просто интересно, — пожимаю плечами, сама наивность. — Все обычно именно это слово на чужих языках хотят выучить.

— Странно, что в нем такого особенного? — поднимает бровь. — По-муданжски любовь будет хойх.

— О-о, — говорю, — здорово. Хойх. Я запомню.

А сама только что не ругаюсь. Как нам преподавали, хойх — это в лучшем случае дружба. То ли наш препод идиот и сказочку про

отсутствующее слово сам придумал, то ли Азамат неправильно понимает, что такое «любовь» на всеобщем. А задавать каверзные вопросы я боюсь, еще пропалит, что я муданжский знаю.

— Ну что ж, — заканчиваю разговор, — я пойду, пожалуй...

А то уже устала стоять тут.

— Вы больше никакие муданжские слова не хотите выучить? — спрашивает как-то чересчур быстро.

Напрягаюсь: неужели засветилась?..

— Да нет, — говорю, — а что?..

— Ничего, — пожимает плечами. И вид у него потерянный.

Он пытается меня задержать, что ли?

— Там что, за дверью Алтонгирел с дубиной дежурит? — хихикаю я.

Смотрит на меня, как будто впервые видит, а потом как грохнет хохотать! Боже, как человеку мало надо для счастья. И ведь прямо покатывается, хотя я вроде ничего особенного не сказала. Чувствую, ему тут сильно не хватает поводов для радости.

Стою, улыбаюсь, вроде как мне тоже смешно. Наконец он, отдышавшись, вытирает левый глаз. Правый, похоже, не слезится вообще. Как же страшно жить в мире, где все травмы остаются с тобой навсегда.

— Простите, — лепечет сквозь остатки смеха. — Я просто не хотел, чтобы вы уходили.

Уй ты мой лапочка! И не постеснялся признаться! Хотя может, очередное культурное различие... В общем, вместо того, чтобы зардеться, я решаю гнусно воспользоваться его слабостью.

— Давай так, — говорю. — Я останусь, но ты ляжешь спать.

Качает головой:

— Это что же, я при вас спать буду?

— А что такого? — пожимаю плечами. — Я же врач. При мне сотни людей спят. Некоторых я даже нарочно усыпляю.

— Но я так не могу, это невежливо, — начинает бормотать капитан. Ну правильно, а дополнять свою и без того шокирующую внешность кругами под глазами — это вежливо. Да и не юноша уже, надо бы и о здоровье подумать.

— У нас представления о вежливости отличаются, — говорю наставительно. — Да и вообще, мы с тобой уже ночь в обнимку

проспали, чего теперь-то стесняться?

— Простите, — хмурится. Кажется, я его совсем растревожила.

— Это мне надо извиняться. А ты давай ложись и спи, а то уйду. И приду с большим шприцом снотворного, так что тебя двое суток никто не добудится.

— Ну хорошо, — ухмыляется, глядя в пол. — Угрозы у вас страшные, я, пожалуй, сдамся. Боюсь даже вообразить, как можно проспать больше пяти часов кряду.

Пяти? И это все, что ему надо? Хорошая тренировка, если это, конечно, не расстройство. Но предпочитаю пока не копать, потому что Азамат наконец-то начинает укладываться, а я демонстративно усаживаюсь за стол и открываю бук: дескать, вот она я, сижу как пришитая.

Судя по дыханию, он отрубается, едва перейдя в горизонталь. И вряд ли проснется, если я уйду. Но мне спешить некуда, можно и почестному поиграть. Где тут мой вязальный форум?..

* * *

Ух ты, как я выпала из жизни — тут столько обновлений! И новых моделей кучу выложили, и процессы у всех продвинулись. Эх, мне бы мое сфоткать, да нечем, а то бы тоже похвасталась. Ладно, хоть соберу новенькое к себе — хорошо, что догадалась перед вылетом с Земли сделать виртуальный диск в Сети, чтобы все файло было в доступности с любого компьютера. А оттуда уже можно открыть, и полюбоваться, и прикинуть, насколько сложно это исполнить... Под горячую руку попадает и несколько мужских моделей, которые я обычно игнорирую, потому что брат ручную работу не ценит, а больше у меня сейчас мужиков в поле зрения нету. Во всяком случае, таких, чтобы им вязать. Но тут уж больно красивые, грех пройти мимо. Ссылки-то устареют, поди потом найди эти выкройки, если понадобятся.

Кстати, может, мне каких-нибудь швейных руководств почитать, раз уж я тут с машинкой... Я ведь шью-то так себе, это мама у меня все время, что не в огороде, проводит за машинкой. А я больше вяжу и вышиваю. Ну-ка, ну-ка, что тут насчет замера вытачек...

Тут меня наконец-то посещает идея, которая по-хорошему должна была посетить полчаса назад, а именно — сшить что-нибудь Азамату. Конечно, ткани у меня уж больно вырвиглаз, но он же сам говорил, что

муданжские шмотки пестрые... конечно, пестрота тоже разная бывает. Но связать-то точно не успею. Ладно, в крайнем случае сошью потом, дома, и пришлю. Или если я на Гарнете застряну — чего, конечно, не хочется, но может не оказаться выхода — то смогу и сама подарить. На Гарнете-то Азамат уж не реже чем раз в полгода бывает. Главное сейчас — не упустить момент и обмерить его, пока спит! А то ведь не дастся. Шить без примерки, конечно, хреново, но лучше чем никак.

Прокрадываюсь к двери и пулей кидаюсь к себе. Я ведь брала у Эцагана мерную ленту! Ага, вот она, а вот чем и на чем записать, а то в чужой каюте рыться не хочется. Теперь быстро обратно, пока не проснулся. Захожу на цыпочках, закрываю дверь. Спит. У-ра!

Для надежности сначала трогаю его за плечо. Не просыпается. Впрочем, если вспомнить, как я его позавчера трясла и звала, а он не проснулся — так можно его ворочать, сколько душе угодно. Если капитану обычно хватает пяти часов сна, то и дрыхнет он крепко.

Ворочать его тяжело, конечно. Все-таки он очень большой, а главное, мускулистый, зар-раза. И почему-то у меня такое чувство, что я подстраиваю розыгрыш. Еле сдерживаюсь, чтобы не захихикать. Зато на разбойном энтузиазме горы свернуть можно — а я занимаюсь чем-то очень схожим.

Ну вот, всего обмерила на всякий случай. Ох и упарилась. Пойти умыться, что ли, а то совсем неприлично, волосы ко лбу прилипли. Надеюсь, у них нет никаких предрассудков по поводу посещения чужой ванной? А, все равно он спит.

Зеркала, как я и думала, нет. В остальном порядок, полотенца на вешалочках, никакой грязной одежды не валяется. Интересно, кстати, где у них стиральные машинки стоят? Если не в личных ваннах, то, значит, где-то централизованно. Надо будет у Тирбиша спросить.

На краю ванны два флакона — шампунь и бальзам. Причем шампунь какой-то жуткий, я таким шапки стираю. А вот бальзам прямо золотой — мне один раз крем этой фирмы подарили, я его сэкономила так, что на два года хватило. Зато теперь понятно, как Азамат свою гриву расчесывает. С этим-то бальзамчиком корабельный канат гребешком расчесать можно.

Ладно, что-то увлеклась сованием носа в чужую жизнь. Азамат, конечно, сам виноват, — зачем ему было, чтобы я тут сидела? Какой кайф в том, что я просто сижу рядом и тыкаю в комп? Даже не

разговариваю... Может, конечно, количество часов, которые мы с ним проводим вместе, отражается на его престиже... но тогда бы Алтонгирел так не зверствовал, наверное. Если он и правда хороший друг, как Азамат полагает.

Ну ладно, может, там какие-нибудь эзотерические соображения, недоступные простым смертным. Потому что трудно мне как-то поверить, что ему так нравится смотреть на мой затылок. А, пусть. Пойду обратно за комп, накопаю еще выкроек. Где-то я там видела страничку, где можно ввести обмеры, а оно само все посчитает...

* * *

В следующий раз отлипаю от компа, когда просыпается Азамат. И обнаруживаю, между прочим, что у меня затекла шея. Ого, а время-то восемь вечера! Однако давно я до Сети не дорывалась, так ведь и заночевать могла.

Азамат ворочается и потягивается с очень довольным видом, и тут замечает меня. Видимо, он успел забыть о нашем договоре.

— Я думал, вы уйдете, — говорит сиплым спросонок голосом.

— Почему же? Я ведь сказала, что останусь.

— Ну... не так долго, сейчас ведь уже вечер.

— А я тут зачиталась, — машу рукой в сторону бука, — не заметила, сколько времени прошло.

В полутьме мне кажется, что капитан улыбнулся шире, чем обычно.

— А говорили, вам там нечего делать.

— Делать-то нечего, бездельничать есть чего, — ухмыляюсь. — Мы можем еще успеть на ужин.

— Ах да, действительно, ужин! — Капитан приподнимается на локте, чтобы взглянуть на часы, стоящие под таким углом, что ниоткуда толком не видно. Мне, после того как я ворочала эту тушу, просто удивительно, как он легко двигается. — Ну пойдете, пойдете.

Когда являемся на ужин, все как-то нехорошо оборачиваются. То ли мы слишком близко друг к другу, то ли слишком довольные... Не знаю. Но хорошо, что Алтонгирела в кухне нет.

Кстати, надо проведать пациентов. Прямо после ужина отправляюсь сначала к Гонду — благо ему как раз понесли еду. Все-таки Азамат его голодом не морит. У него все по-прежнему, ничего не

болит, и с наказанием своим он свыкся. После него иду к Эцагану. Уже у самой двери едва не сталкиваюсь с Алтонгирелом, который как раз выскочил в коридор и понесся в сторону кухни так быстро, что волосы развеваются.

Стучусь и захожу. Эцаган сидит на кровати с бодрым видом и подозрительно красными губами. Это, кстати, очень хорошо. Это значит, что они не поругались из-за Эцагановой выходки. А то еще не хватало, чтобы у Алтонгирела начались проблемы в личной жизни, он же мне тогда покоя вообще не даст.

— Хорошо выглядишь, — говорю. — Как жизнь?

— Терпимо, — ухмыляется.

— Алтонгирела есть отправил? — спрашиваю одобрительно, пока проверяю пульс. Пожалуй, кровообращение восстановлено, новую капельницу ставить не буду, только антибиотиков еще вколю.

— Вообще-то мне принести, хотя я надеюсь, что он тоже что-нибудь съест.

Я делаю страшные глаза.

— Ты чего, тебе рано есть! У тебя еще кишки не срослись.

— Но ведь хочется, — жалобно скулит Эцаган.

Какой он все-таки еще маленький!

— Я тебе сейчас сахара в кровь загоню, от голода не помрешь. А есть тебе нельзя.

— Ну хоть чуть-чуть...

Странно, после таких травм обычно аппетит долго не появляется. Уж никак не раньше, чем кишечник заживет. Посмотреть, что ли, на него.

— Давай-ка я гляну, — говорю, берясь за сканер.

Эцаган с интересом рассматривает свой заклеенный живот. Пластыря тоже не видел?

А вот тут уже кое-что, чего я не видела... чтобы ткани настолько восстановились за какие-то двенадцать часов?! Не может быть! Если только предположить, что у муданжцев регенерация идет быстрее, чем у нас... вон Азамат и спит мало. Хм...

— Если палец порежешь, насколько быстро заживает? — спрашиваю для проверки.

— Ну за пару часов, наверное, а что?

— Так, чтобы совсем следа не осталось?

— Без следа за день.

Задумываюсь, барабаню пальцами по одеялу. Ну ладно, видимо, и правда быстрее восстанавливаются. Теперь я об этом аккуратно помолчу, а потом мы с одной надежной подругой из центра генетических исследований получим нобелевку.

— Разрешаю попить бульона. И не надейся, я тут буду стоять и прослежу, чтобы ты больше ничего не съел.

— Ура! — Эцаган делает рукой какой-то жест, видимо означающий победу. Внезапно он хмурится. — Ой, а можно вас попросить, пока Алтонгирела нет, посмотреть, что у меня там на лбу?

— Ты хочешь сам посмотреть или чтобы я посмотрела? — криво ухмыляюсь.

— Ну... я просто хочу знать, как буду выглядеть, до того, как он увидит...

Взгляд его становится весьма тоскливым. Ох уж мне эти эстеты.

— Эцаган, я думаю, уж раз он до сих пор сидит у твоей постели как пришитый...

— Да, я знаю, что он меня не бросит! — выпаливает Эцаган раздраженно. Видимо, я сегодня не первая явилась с умными мыслями. Или Алтонгирел его сам задолбал уверениями. — Я просто хочу знать, что там.

Ладно, в конце концов, можно и показать. С такой-то регенерацией там уже должно быть нестрашно. Поливаю пластырь перекисью — этот, хирургический, от нее сразу теряет липкость. Собственно, все совсем здорово: на месте лазерного ранения еле заметная блестящая полоска, и больше ничего. Моя машинка да их регенерация — вот он, рецепт чуда.

Эцаган замечает мое обалделое выражение и кидается к зеркалу, которое, к счастью, просто по другую сторону кровати.

— Руками не трогай, — говорю.

Все-таки кожа нежная еще, не стоит. Вижу в зеркале счастливую физиономию пациента: вот она, вечная награда за труды. Впрочем, от денег я тоже не откажусь. Да ладно, едой и транспортировкой откупились.

И тут, конечно, для пущего драматического эффекта входит Алтонгирел с сервировочным столиком. Пока длится немая сцена, я успеваю откатить столик в сторону, чтобы не свалили, и выскочить из

каюты в коридор. Общение пациента с семьей наблюдать не нанималась.

Стою, жду, пока наобщаются, чтобы проследить за кормлением. В конце коридора нарисовываются Азамат с Тирбишем. Заметив меня, ускоряют шаг.

— Что-то случилось? — спрашивает Азамат озабоченно.

— Да нет, просто жду, когда эти двое там внутри смогут воспринимать информацию.

Тирбиш осторожно заглядывает в щелку.

— Ух ты... у-у-ух ты...

— Что, уже секс? — спрашиваю настороженно. С этим пока все же лучше погодить.

— Не-эт, — хихикает, — но прикольно.

Азамат складывает руки на груди и вперяет в меня якобы укоряющий взгляд. Я усмехаюсь, но молчу, как партизан.

— О, — говорит Тирбиш. — Можем входить.

Они входят, и я следом. Наши голубки слегка покраснелись, но оба совершенно счастливы, удивительно, что нас заметили.

— Ого, — поражается Тирбиш. — Вообще ни следочка! Вот это я понимаю, крутые земляне!

Азамат некоторое время просто стоит у двери, качая головой, потом слегка улыбается и говорит:

— Тебе невероятно повезло.

— Знаю! — радостно отвечает Эцаган. — Госпожа Лиза, я ваш вечный должник!

Закатываю глаза в лучших традициях Алтонгирела. Хорошо хоть сказал он это весело, а то меня бы замутило.

— Ты, — говорю, — давай пей свой бульон, пока не остыл, а то щас еще одну капельницу получишь.

Алтонгирел быстро подвигает ему столик и даже полотенчико подкладывает в качестве нагрудника. Полюбовавшись, как Эцаган лопает бульон, духовник оборачивается ко мне.

— Лиза, я...

— Ты сейчас же пойдешь спать, — говорю веско, для убедительности хлопаю его по плечу. — Разрешаю перед этим тоже принять бульончику. Но потом в койку немедленно.

Ага, попытка построить резко возвращает ему привычные манеры.

— Ничего подобного, я останусь здесь и...

— Ой, Лиза, уложите хоть вы его! — подает голос Эцаган. — Мне уже смотреть страшно, но он не слушается!

— Я лучше знаю, где мне надо быть и когда спать! — огрызается Алтонгирел.

О да, как мне его не хватало! Азамат у него за спиной демонстративно хватается за голову. Ну ладно, сейчас обеспечим. Капитан хоть посмотрит, чем я ему угрожала. А Алтонгирелу как раз будет по заслугам.

Сделав вид, что отступилась, отыскиваю в своем медицинском мешке пузырек с сильным снотворным в растворе и новый шприц. Нахально пользуюсь тем, что Алтонгирел понятия не имеет, что все это такое и как оно работает. Потом как бы прохожу мимо него в сторону Эцагана, но по дороге всаживаю духовнику шприц в плечо.

Он только и успевает что вскрикнуть: «Э!» — а потом глазки затуманиваются.

— Азамат! — говорю. — Лови!

И Алтонгирел картинно падает, проваливаясь в сон.

Ошарашенный Азамат подхватывает заснувшего на лету духовника под мышки, и они с не менее ошарашенным Тирбишем выносят его прочь. Эцаган провожает их взглядом, застыв с пиалой у рта.

— С ума сойти, — бормочет по-муданжски. Потом залпом поглощает остатки бульона и поворачивается ко мне. — А вы опаснее, чем кажется.

Я кокетливо пожимаю плечами. А что тут ответишь? Забираю у него пиалу, ставлю на столик. Интересно, Азамат теперь его тоже запрет, как Гонда?

— Какого черта тебя понесло на абордаж? Да еще и без экипировки? Что за детский сад: «Назло всем наемся соли и голодным спать лягу»?

— Да ладно вам, Лиза, — жалобно блеет Эцаган, подтягивая одеяло к подбородку. Белье ему так никто и не сменил, идиоты. — Мне еще капитан выплет...

— И правильно сделает. Я бы на его месте тебя вообще отшлепала!

Мальчишка в ужасе вжимает голову в плечи:

— Ой, не надо, пожалуйста! У него такие руки...

Я издаю вздох, переходящий в стон. Ну что за люди!

— А себя ты, видимо, считаешь чересчур красивым, раз полез в пекло без нужды.

— Нет! Просто... все то время, что вы здесь, Алтонгирел только и думает про вас с Азаматом, а меня как будто вообще нету.

— И ты решил привлечь его внимание каким-нибудь геройством.

— Ну я не то чтобы решил... просто тут подвернулись эти джингоши...

— Ясно, — вздыхаю, сажусь на стул. — Надеюсь, ты получил хороший урок и больше так по-идиотски себя вести не будешь.

— Да теперь у меня уже не будет возможности, — уныло хмыкает Эцаган.

— В смысле? — моргаю. Он что, все еще думает, что не оправится?

— Азамат нас выставит.

— Куда выставит?

— Ну мы с Гондом серьезно нарушили правила, да еще и пострадали от этого. Азамат не держит в команде ненадежных людей, он нас выгонит.

Ого. Сурово у них тут. Хотя... так и должно быть, наверное, все-таки не в офисе сидят, а в космосе воюют.

— И что ты будешь делать? — спрашиваю, чтобы не создавать тягостного молчания.

— Не знаю, посмотрим, — пожимает плечами. — Я много чего умею.

Ну да, шить, например. Кстати, я так загребла все его швейное барахло...

— Тебе, — говорю, — машинку сейчас вернуть или можно еще попользоваться?

— Да пользуйтесь. Я шить-то толком не умею, только чинить, если порвется.

— Спасибо, а то я хотела... — обрываю себя на полуслове. Эцаган, конечно, изрядная девчонка, но делиться творческими

планами с ним — это уже как-то слишком. Дальше только нижнее белье обсуждать. Хотя с другой стороны... может, провентилировать с ним мою задумку? А то мало ли, какой у них по этому поводу этикет, еще нарвусь...

— Чего вы хотели? — переспрашивает он. В глазах живой интерес.

— Да я вот думала сделать что-нибудь капитану в подарок... на память... — мямлю неловко. Ох, что-то сейчас будет.

Но нет, бури не следует, Эцаган только таращится на меня блюдцеобразными глазами.

— Ого, — говорит после паузы. — Что-то я начинаю думать, может, Алтонгирел зря беспокоится...

— О чем?

Эцаган, видимо, возвращается к реальности и отмахивается:

— Да так, все насчет вас. А из чего вы шить собрались?

— Это хороший вопрос, — признаюсь. Добиваться от него, что там Алтонгирел про меня думает, дохлый номер — не станет же он своего любимого мне закладывать в самом деле. — Я думала подождать до Гарнета, там прикупить тряпку, а потом прислать... — развожу руками, дескать, советы принимаются.

— Погодите, — говорит он задумчиво. — У меня кое-что есть...

И начинает вставать с кровати. Быстренько усаживаю его обратно.

— Ты куда собрался? — спрашиваю. — Тебе еще лежать и лежать.

— Да я только хотел достать...

— Даже не думай. Мои швейные эксперименты не стоят твоего здоровья, лежи уж.

Он слегка розовеет, можно подумать, услышал комплимент. Но это хорошо, значит, кровь восстановилась. Вот и цвет лица нормальный.

— Ладно, сами достаньте, — разрешает великодушно. — В нижнем ящике комода.

Присев на корточки, суюсь в нижний ящик. Там, под пластиковой коробкой, как мне кажется, с бисером, обнаруживается пакет с аккуратно сложенной темно-зеленой тканью. Сначала думаю, что шелк, но при ближайшем рассмотрении она оказывается батистом, просто таким гладким, что блестит.

— Ого, — говорю, несколько благоговейно поглаживая мягкую поверхность. — И мне можно это взять?

— Ага, — кивает он с кровати. — Берите. Я когда-то прихватил на Брошке по дешевке, думал поучиться шить. Но так руки и не дошли, а теперь еще меньше свободного времени будет.

— На... где? — притормаживаю я.

— Броза, это станция небольшая такая, ближайшая к Мудангу.

— А-а, ясно. Я... тебе что-нибудь должна за ткань?

Дешевка дешевкой, но настоящий лен на Земле — дорогое удовольствие. Деньги-то у меня есть, весь аванс от Дюпоники на карточке, которую я, к счастью, держала в кармане юбки.

— Да нет, вы что! Вы же мне лицо вернули!

Ах да. У него ведь нет медстраховки. Ну что ж, прекрасно!

— Ну ладно, тогда спасибо за помощь. Только не говори пока никому, — подмигиваю.

— Не скажу, — ухмыляется он. — А вы уж давайте шейте. Может, Алтонгирел успокоится...

* * *

От Эцагана я ухожу просветленная, прижимая к сердцу материал. Ощущение розыгрыша возвращается с удвоенной силой. Припрятав свое сокровище в каюте, отыскиваю Тирбиша и внушаю ему, что надо сменить окровавленные простыни. Он резво бежит выполнять приказание, хотя уже довольно поздно. Видимо, я на волне вдохновения очень убедительно выгляжу, а может, боится тоже получить снотворного.

Алтонгирела уложили в его собственной каюте, и дверь автоматически закрылась. Пришлось обойти полкорабля в поисках Азамата, который единственный может открывать чужие двери. Вместе с ним захожу к духовнику.

Не то чтобы я озабочена состоянием спящего, а просто очень интересно посмотреть на его каюту. Она до некоторой степени оправдывает ожидания: довольно неопрятная и с явным эзотерическим уклоном. На полу поверх стандартного ковролина плетеные коврики с письменами и какими-то мифическими тварями; у стены большой стеллаж, заставленный коробками. Большая их часть — обычные пластиковые контейнеры, но есть и старые, разрисованные и облупившиеся жестянки, а есть резные сундучки. Все набито под

завязку, крышки не прилегают плотно, тут и там высовываются хвостики от тесьмы или цепочки, резные звериные морды или ветхие листочки бумаги.

Бумага меня особенно потрясла. У нас-то уже два века как все письменные принадлежности из пластика. Его хорошо подделывают под бумагу, но он по краю не обтрепывается и не желтеет со временем.

Кровать у Алтонгирела пошире, чем прочие, которые я видела тут на корабле. Вероятно, чтобы Эцаган помещался, хотя он только в плечах и имеет хоть какую-то ширину.

Азамат стоит у меня за спиной, пока я проверяю пульс у спящего. Потом достаю стетоскоп и принимаюсь вдумчиво выслушивать дыхание. Все это нужно только и исключительно для того, чтобы Азамат убедился, что я тут делом занимаюсь, и оставил меня одну. Через минуту он так и делает.

Я нашариваю на тумбочке у кровати пульт от двери и тихонечко ее закрываю. Теперь без большой нужды меня никто не побеспокоит, а духовник дрыхнет без задних ног.

Итак, открываю шкаф. О да, жизнь прожита не зря, тут столько этнической одежды, что еле помещается. Могу себя поздравить, я знала, у кого поискать.

Произведя первичные раскопки, прихожу к выводу, что большая часть висящих тут изделий представляет собой подобие утепленного халата с прилегающим в комплекте длинным шарфом, хотя это, наверное, пояс. Простота покроя, конечно, радует глаз, но у меня не тот материал, чтобы из него шить такой халат. Надо поискать что-нибудь поизящнее.

Далее обнаруживаются несколько пар мягких длинных кожаных сапог, висящих, как штаны, на «плечиках». Или, может, это чулки, не знаю.

Есть и штаны, они широкие и короткие, по моим прикидкам, должны заканчиваться под коленом. На концах штанины резко сужаются. Видимо, чтобы в сапог вставлять было удобнее. Особенно веселит расцветочка — тут вообще довольно пестро, но штаны просто выдающейся яркости: красные, синие, зеленые, так и горят чистым, незамутненным цветом. Халаты тоже бодренькие такие, но на них много узоров, всякой тесьмы и вышивки, и в целом они не кажутся яркими. Кстати, с некоторым сожалением замечаю, что мои, точнее,

Тирбишевы тряпки в цветочек тут бы не пошли: растительные мотивы в узорах есть, но они совсем другие и все вышиты, а не нарисованы прямо на ткани.

Наконец-то нахожу нечто наподобие рубашек. Их этот гад засунул в соседнее отделение шкафа. Считаются бельем, что ли?.. Они тоже очень яркие, однотонные и напоминают мне костюмы к спектаклю по «Вечерам на хуторе близ Диканьки», который ставили у брата в школе. Мы с мамой тогда ему шили некий условный казачий костюм, так вот там была похожая рубашка. Высокий стоячий ворот на пуговицах, узкие манжеты, а в остальном покроем довольно свободный, только приталенный, полы чуть длинноватые — как раз зад прикрыть. По вороту и манжетам идут простенькие геометрические узоры. Но главное, материал как раз такой, как мне надо. Тут, правда, скорее атлас какой-то, но я не думаю, что это существенно.

Ладно, на сем и остановимся. Надеюсь, Алтоша не заметит, если я позаимствую у него одну рубашечку в качестве образца. А чтобы не обсчитаться в выкройке, сейчас мы повторим подвиг с обмериванием. Извлекаю из кармана своих прекрасных штанов припасенную рулетку, ручку и блокнотик — и приступаю. Алтонгирела, к счастью, легче ворочать. Он и пониже, и не такой накачанный, хотя тоже ничего себе. К тому же я не боюсь его разбудить. Даже если учесть, что на мударнцев наше снотворное должно действовать слабее, с той дозы, которую я дала, часов семь ему обеспечено.

Эврика. Теперь у меня есть образец одежды, мерка, по которой он сшит, мерка, по которой надо шить, и ткань. Что еще может быть нужно для счастья?

* * *

Весь следующий день занимаюсь расчетами и кройкой. В холл я с этим, конечно, не пошла, а то там многовато любопытных. Сижусь у себя в каюте.

Эцагана теперь тоже заперли — как выяснилось, это делается, чтобы провинившийся еще чего-нибудь не натворил, пока не высадят. Я навещаю его перед обедом, чтобы вколоть еще антибиотиков и убедиться, что ему можно есть — завтрак-то он благополучно продрых. Лоб у него совсем затянулся, теперь вообще ни следа. Кишки, впрочем, тоже.

— Как самочувствие? — спрашиваю привычно, пока сматываю сканер и отклеиваю оставшийся пластырь с живота.

— Хорошо, скучно только. Алтонгирел-то все еще спит... Может, мне уже можно встать?

— А толку? Выйти из каюты ты все равно не можешь. Бук тебе вон поставили поближе. Сиди, бездельничай.

— Ну это да-а... просто лежать надоело. С утра Азамат заходил, целый час мне мозги компостировал, а я даже не мог прикинуться, что занят.

— Правильно компостировал, — хихикаю. — Уж он-то знает, как тяжело жить со шрамами.

— Да уж... — Эцаган мрачнеет. — Я в детстве один раз зачем-то побрился налысо, так мне от отца тогда не так досталось, как сейчас от Азамата. Он меня так отчитывал, что сам чуть не заплакал. Мне даже неловко как-то, я-то думал, он завидовать будет, что у меня все прошло...

— А чего тут завидовать, держал бы врача на борту постоянно.

— Так с ним это еще на Муданге случилось. Без целителя он бы вообще не выжил.

Ага, то есть это все-таки чьи-то кривые руки. Ох попадись ты мне...

За обедом Азамат и правда несколько не в своей тарелке, рассеянный, опять зависает над каждым куском. Сегодня у нас бараньи ребрышки (во всяком случае, на вкус похоже на баранину), которые едят руками, а в качестве гарнира нечто... сушеные желтовато-белые шарики, которые предлагается размачивать в воде и так есть. Соленые они как сволочи, но поскольку мясо несоленое вообще, то как раз достигается баланс. Слово, которым Тирбиш эти шарики обозвал, мне неизвестно, но он объяснил, что их делают из молока. Страшно подумать, как.

Хранцицик зыркает на меня исподлобья, как незаслуженно побитая собака. Остальные — которые еще не успели ни разу попасть под горячую руку — взирают с некоторым благоговением. Видимо, весть о чудесном исцелении Эцагана вознесла мой и без того немаленький авторитет в этом племени и вовсе на невообразимые высоты. Не могу сказать, что мне это как-то особенно приятно. Только-только хоть какой-то контакт налачился, а если они меня теперь еще

сильнее зауважают, то начинай сначала. Хотя прикольно, конечно, ничего не скажешь.

После обеда подкатываю к Азамату поинтересоваться, чем он так обеспокоен, но он явно не склонен к общению. В глаза не смотрит, к буку не приглашает.

— Слушай, ну ты же не думаешь, что я на тебя со шприцем охотиться буду, — не выдерживаю я. — Вообще, мог бы догадаться, что среди моих средств есть и опасные.

— Да нет, что вы, Лиза, я прекрасно понимаю, что вы как целитель имеете в своем распоряжении разные яды и умеете ими пользоваться.

— Ну а что, за Алтонгирела переживаешь? Он скоро проснется здоровый и бодрый.

— Ничуть не сомневаюсь.

— А чего ты тогда весь день как в воду опущенный?

— Мне жаль, что придется расстаться с хорошими работниками.

А-а, ну это да. И все, конечно, из-за меня. Я их поссорила, и у Эцагана появились идеи. Хотя на самом деле все из-за Алтонгирела, который почему-то на меня взъелся до такой степени, что перестал уделять внимание своему парню. Вот придурок.

Пока судила да рядила, Азамат от меня улизнул, зато я услышала, как кто-то кому-то сказал, что Алтонгирел проснулся. Все-все, уйду. У меня в каюте еще куча работы.

* * *

Ну, что, рубашка получилась. Не то чтобы прям атас, но правдоподобно. Во всяком случае, симметрично. И на вид все на своих местах, а то с меня станется длину с шириной перепутать. По идее пора идти дарить.

Но что-то как-то не по себе. А вдруг он решит, что я издеваюсь? Или, может, ему не понравится, но из уважения ко мне все равно будет носить и тихо меня ненавидеть? Да ладно, мне уж тут осталось три дня прожить. Потерпит в крайнем случае, а потом я исчезну и можно будет расслабиться. Алтонгирел вон не больно-то носит свою коллекцию подарков.

На нервной почве тяну время, раскладываю и складываю свое произведение то так, то эдак. В итоге решаю все-таки вышить

воротник и манжеты, благо совсем недавно тренировалась это делать машинкой.

Как ни странно, выходит вполне прилично: черным по темно-зеленому, почти не видно, а так, в отраженном свете отблескивает. Изящненько. Ну ладно, хватит теревить шов, прими уже валерьянки, сложи изделие аккуратно — и вперед.

* * *

На подходе к каюте слышу раздраженные голоса. Ну конечно, вот именно сейчас у него кто-то есть! Надолго, интересно?

Подхожу поближе. Раз замок сломан, то и звукоизоляции никакой, вот и слышно так хорошо. Но кто же мог оказаться у Азамата в самый неподходящий момент, как не Алтонгирел?! Спать ему, видите ли, необязательно, а вот с капитаном скандалить — просто как воздух необходимо! Я так злюсь, что забываю обо всяких приличиях: встаю у двери, прижимаю рубашку к груди угрожающе сложенными руками — и жду, пока Азамат освободится. Очередь так очередь!

Орут они по-муданжски, конечно, и я поначалу даже не прислушиваюсь, и так знаю, что ничего не пойму толком, только расстроюсь. Но потом кое-что привлекает мое внимание.

— Ты хочешь знать, чего я боюсь?! — кипятится Алтонгирел, и я прямо вижу, как он плюется, когда это говорит. — Тебе прямым текстом сказать? Намеков уже не понимаешь?

Азамат что-то невнятно бурчит в ответ, и духовник прямо-таки взрывается:

— Я боюсь, что она украдет у тебя душу! И мы оба знаем, что на этом тебе придет конец! Она улетит на свою Землю через три дня и забудет твое имя, а ты уже никогда — никогда! — не будешь счастлив!

Я слегка прирастаю к стене, изо всех сил вслушиваясь в ответ Азамата.

— А тебе не приходит в голову, что это могло уже случиться? — говорит он довольно тихо. Дальше различаю только сбивчивое дыхание, видимо, Алтонгирела.

— Я надеялся, — произносит он медленно, — это предотвратить. Если бы ты был благоразумнее...

— Куда уж благоразумнее! — громыхает Азамат, у которого, похоже, кончилось всякое терпение. — Я был благоразумен всю жизнь, и за это теперь ты хочешь испоганить последние три дня, которые у

меня есть с ней? Я был несчастлив пятнадцать лет! Когда она уйдет, больше ничего не будет, но я имею право быть несчастным на своих собственных условиях!

Наступает та самая звенящая тишина, когда внезапное отсутствие звука вызывает болезненное ощущение нехватки. Больше всего я боюсь, что сейчас Алтонгирел выскочит оттуда, хлопнув дверью, как это за ним водится, а я тут стою, и на лице у меня крупными муданжскими буквами написано, что все слышала. Надо взять себя в руки и что-то сделать. Но если убегу и запрусь у себя, они тоже все поймут. И Азамат расстроится... Да господи, что я ни сделаю теперь, он все равно расстроится! Разве только... надо подарить ему рубашку.

Внезапно я просто чувствую, как что-то вроде судьбы берет меня за плечи стальными пальцами и приказывает: подари ему рубашку. Лучше прямо сейчас. Еще лучше — на глазах у Алтонгирела, если не всей команды. Иди.

Дальше, видимо, кто-то думает за меня, потому что я бы ни за что не догадалась отойти до угла, а потом подойти обратно, громко топая, чтобы они меня слышали. И вот я стучу в дверь. Не знаю, что отражается у меня на лице, но надеюсь, что это ни к чему не обязывающая улыбка. Рубашку я пока прячу за спиной.

Азамат открывает дверь, его собственное лицо ничего особенного не выражает. Не примерещился ли мне их разговор?

— Лиза... — произносит он несколько растерянно. — Вы же знаете, что дверь не заперта.

— Ну неудобно как-то без стука входить, — говорю слегка сдавленным голосом, который стараюсь обратить в этакую кокетливую детскость. Тут я как бы впервые замечаю Алтонгирела, который стоит у иллюминатора спиной ко мне и делает вид, что меня нет. — Ой, привет, — говорю его спине, а потом снова поворачиваюсь к Азамату: — Не помешала?

— Нет-нет, заходите. — Он отстраняется, и я вхожу. Впрочем, далеко от двери не отхожу, потому что боюсь, что Алтонгирел выскочит, а руководящей мной сверхъестественной силе он зачем-то нужен здесь.

— Азамат, — начинаю я, чувствуя, как улыбка на моем лице становится шире не совсем согласно моим желаниям, — у меня для тебя небольшой подарок.

— Подарок? — озадаченно повторяет он, кидая быстрый взгляд в сторону Алтонгирела.

— Да, — киваю для пущей убедительности. — Это, конечно, пустяк, но мне хотелось как-то тебя поблагодарить за то, что ты все время ко мне так добр.

Не знаю, как я все это выговорила, не запнувшись. Но дальше тянуть нечего. Вынимаю из-за спины заветную вещицу и вручаю по назначению.

Вот теперь мне очень хочется убежать. Потому что он ведь станет восхищаться и благодарить, а мне будет стыдно — не знаю точно, почему, но обязательно будет. Теперь я тоже кошусь на Алтонгирела, который оторвался от созерцания заснеженных муданжских просторов и с выражением легкого ужаса на лице смотрит, как Азамат разворачивает мой подарок. Вместо того, чтобы убежать, протягиваю руку к выключателю и прибавляю свет посильнее — то ли чтобы Азамату был лучше виден продукт моих усилий, то ли чтобы мне самой было лучше видно Азамата.

Мне кажется, руки его плохо слушаются — или он просто никак не может поверить, что это такое я ему дала. Некстати вспоминаются английские сказки про домовых. Вот сейчас поймет, что это одежда, и исчезнет, отпущенный на свободу. И останусь я тут с Алтонгирелом у разбитого корыта.

Наконец он убеждается, что это рубашка, и воззрится на нее так, как, наверное, Моисей зрил на скрижали. А потом переводит этот кошмарный, исполненный священного трепета взгляд на меня, и мне кажется, что от этого расстояние между нами внезапно растягивается на несколько миллионов световых лет, как будто мы смотрим друг на друга через пространственный туннель.

— Н-нравится? — выдавливаю с таким чувством, будто этот писк выдернет меня из-под стремительно мчащегося товарняка.

— Да, — говорит он, почти не выдыхая. — Да, конечно, Лиза, спасибо...

Плотину прорвало, и экзистенциальный момент утонул. Я вздыхаю с облегчением. Азамат все продолжает меня благодарить, я почти не слушаю, но дружелюбно улыбаюсь. Украдкой кошусь на духовника: он напоминает не особенно наделенную интеллектом крупную рыбу. Покажи крючок — проглотит.

— Я рада, что тебе нравится, — говорю медовым голосом.

Подхожу поближе и обнимаю его чуть повыше пояса — а выше не достаю. Я бы его поцеловала, но не прыгать же... Он в ответ ко мне не прикасается, только смотрит ошарашенно. М-да, у них, наверное, не принято по любому поводу обниматься, как у нас. Ну да ладно, черт с ними, с приличиями, лишь бы ему было приятно.

Но мое некорректное поведение воскрешает Алтонгирела.

— И что вы теперь собираетесь делать? — спрашивает он негромко.

Я оборачиваюсь, неохотно отпуская теплого Азамата. Не то чтобы мне было холодно, хотя взгляд Алтонгирела может заставлять скоропортящиеся продукты храниться неделями.

— В смысле? — переспрашиваю, хлопая глазками.

— Останетесь друзьями и будете переписываться по Сети? — ядовито интересуется он.

Если бы я не слышала их разговор под дверью, я бы просто сказала: «А почему нет?» — и растерялась. Но теперь... если все, что я разобрала, было не романтическим бредом, вызванным повышенной концентрацией тестостерона в атмосфере корабля, то нужно дать совсем другой ответ. Я не слишком альтруистичный человек и не могу сказать, что Азамат вызывает во мне какие-нибудь подкожные нежные чувства. Но если для него «больше ничего не будет», когда я сойду с корабля... Я слишком падка на эмоциональный шантаж. Пусть потом выяснится, что все это было подстроено и на самом деле он тонкий махинатор и торгует людьми. Может, и пропаду, пойдя на поводу у человеколюбия. Но я предпочитаю чувствовать себя душой, а не сволочью.

Поэтому пожимаю плечами и оборачиваюсь к капитану:

— Собственно, я как раз хотела об этом поговорить. Я ведь специально получала образование, чтобы работать в космосе. Если сейчас вернусь на Землю — то только затем, чтобы найти там другой звездолет, наняться в штат и снова улететь. Ну вот и подумала: а чего столько времени тратить? Тебе ведь явно нужен врач на борту. Может, ты просто меня наймешь?

Глава 10

Самое неожиданное — это реакция Алтонгирела. Он подскакивает к Азамату — ей-богу, я думала, схватит за грудки и

потрясет — и, обильно жестикулируя, шипит сквозь зубы по-муданжски:

— Ты не можешь решать! Ты не можешь оценить ее качества как работника! Она украла у тебя душу и так и будет тобой манипулировать! Неужели ты не понимаешь, что это все продумано?..

У меня глаза на лоб лезут. Он считает, что я нарочно соблазнила Азамата? С какой целью, простите? Мне что-то не кажется, что он у них тут почитается завидным женихом.

Азамат некоторое время терпит излияния своего духовника, потом тихо отвечает:

— Ты, Алтонгирел, из всех нас последним можешь сомневаться в ее способностях как целителя.

После этого капитан прокашливается и оборачивается ко мне, включая деловой тон. Видимо, несколько оправился от подарка, хотя рубашечку мою прижимает к себе обеими руками.

— Лиза... такие вопросы не решаются мгновенно. Я думаю, нам стоит присесть и все обсудить.

Пожимаю плечами, дескать, легко, давайте. Алтонгирел мучительно вздыхает и наконец-то избавляет нас от своего общества.

— Первую трудность я уже вижу, — хихикаю. — Твой духовник меня ненавидит.

Лицо Азамата на мгновение вновь приобретает такое же отстраненно-растерянное выражение, как за обедом, но он быстро справляется с собой:

— Я не думаю, что это останется проблемой надолго. Меня больше волнуют другие вопросы.

Он садится на край кровати, раскладывает мое творение рядом и поводит рукой в сторону компьютерного стула, приглашая его занять. Но сам он мне его не выдвигает. Чует мое сердце, и тут какая-то культурная собака зарыта. Я сажусь, а Азамат меж тем продолжает:

— Во-первых, вам стоит понять, что у нас целительство считается исключительно мужской профессией.

Хмыкаю. Ну у нас, положим, так тоже довольно долго было.

— Что, и роды мужики принимают? — осведомляюсь насмешливо.

— Н-нет, — хмурится он. — А зачем для этого целитель?

Все с вами ясно. Отмахиваюсь.

— Неважно. Ты хочешь сказать, что команда будет не в восторге от моего назначения?

— Не то чтобы не в восторге, но это может быть воспринято неадекватно. Ребята вас несколько стесняются и вряд ли захотят именно вам сознаться, что их подвела ловкость и они заработали травмы. Или наоборот, некоторые могут нарочно придумывать заболевания, чтобы получить возможность пообщаться с вами поближе.

— Ну скажем прямо, ни то, ни другое не будет новинкой в моей практике, — чешу в затылке, припоминая некоторых особо выдающихся пациентов с описанными симптомами. — Это, конечно, не очень приятно и мешает процессу, но терпимо. Тем более что они, я думаю, быстро привыкнут.

Азамат кивает, как бы подводя черту под обсуждением проблемы.

— Второй вопрос — финансовый. Я не знаю, как на Земле оцениваются целительские услуги, но на Муданге они довольно дороги. Не уверен, что смогу предоставить вам жалованье такого размера, какое вы привыкли получать.

Я слегка кривлюсь. Что-то мне подсказывает, что на мою зарплату в районной больнице никто из Азаматовых ребят не прожил бы. Ну да ладно, не стоит сбивать себе цену. В конце концов, у Дюпонихи я получала почти прилично, хоть и не совсем за медицинские услуги, да будет ей... э-э, вакуум пухом.

— Ну насчет этого... — говорю осторожно. — У вас ведь тут такая система, что все получают одинаково как члены команды, а те, кто делают какую-то дополнительную работу, соответственно, получают еще надбавку?

Капитан кивает.

— Ну и ты же понимаешь, что я не могу в самом деле считаться членом команды, — улыбаюсь, представляя себя в форменной псевдокоже с муданжским значком и лазерным ружьем наперевес.

— Безусловно, — заверяет Азамат, — ни к каким опасным заданиям вас не допустят.

— Ну вот, поэтому по вашей системе я должна получать только надбавку. Но это все-таки маловато, так что, я думаю, будет вполне логично, если буду получать столько же, сколько обычный член команды.

Я думаю, это не так уж мало. Вот Эцаган вроде бы ничем дополнительно не занимается, но у него были деньги на ту швейную машинку. Да и комодик у него в каюте не дешевенький. В общем, мне должно хватить. С другой стороны, Азамат недавно потерял двух работников, а теперь еще вынужден двоих уволить, так что, я думаю, одна стандартная зарплата его не напряжет.

Ему, однако, мое предложение не нравится.

— Ну что вы, Лиза, стандартное жалование — это ведь очень мало! Тем более для женщины.

— А какая разница? — вскидываюсь я.

— Женщины больше тратят, — убежденно отвечает он и продолжает как ни в чем не бывало: — Я бы предложил сумму хотя бы вдвое больше стандарта.

Может, Алтонгирел прав и капитан действительно не в силах принимать трезвые решения на мой счет? Нет, ну ладно...

— Что ж, — говорю, — отказываться не буду. А сколько, собственно, составляет стандартное жалование?

Он называет сумму, и у меня все кудряшки распрямляются от шока: это в три раза больше, чем моя ставка у Дюпоники. Так он мне хочет платить в шесть раз больше?! Ребят, да я золотой корочкой порасту.

— Это даже несколько больше, чем я привыкла получать, — говорю осторожно.

— Да? — Азамат светлеет лицом. — Так вы согласны на двойную ставку?

Я вообще-то говорила про одинарную, но не упускать же такой случай! Не-эт, Алтонгирел, ты можешь меня ненавидеть сколько влезет, хоть всю каюту увешать куклами вуду в виде меня и поджечь. Я отсюда никуда не уйду.

— Да, — говорю, — вполне. Давай это, может, сразу оформим?..

Дальше очень довольная бегу к себе за ID-карточкой, а очень довольный Азамат вбивает в электронную договорную форму данные по контракту. Меня почему-то совершенно не удивляет, что он использует всемирную систему «Честный наниматель», хотя для этого вообще-то надо платить подходящий налог. Ну что ж, вот и прекрасно, значит, когда вернусь, с налоговой у меня проблем не будет.

— Азамат, а скажи, пожалуйста, — произношу, прежде чем расписаться стилусом прямо по сенсорной клавиатуре, которая для этой цели отобразилась как листочек в линейку, — все, чем ты занимаешься, законно?

— Естественно. — Он, кажется, слегка обиделся. — Еще после первой джингошской кампании было подписано соглашение между Землей и Планетами расселения, устанавливающее четкие юридические рамки работы космических наемников.

— А захват заложников — это разве не терроризм? — интересуюсь наивно.

— Терроризм, конечно, — ухмыляется Азамат. — Но нас много, а Земля одна. Поэтому Земной совет предпочел считать правонарушителем только заказчика, а исполнители — честные люди. Если, конечно, мы действуем в соответствии с соглашением.

Мне остается только поднимать брови и поджимать губы. Впрочем, я не удивлена. Эти самые Планеты расселения — и правда могучая сила, а пиратство у них — основной промысел. Если мы хотим, чтобы планеты соблюдали хоть какие-то наши правила, не стоит лишать их основного источника дохода.

Азамат замечает мой скептицизм насчет его честности и несколько напрягается.

— Лиза, я понимаю, что для вас это важно, но могу уверить, что я и моя команда действительно не делаем ничего безнравственного. Вы можете почитать мой профиль в базе, там есть отзывы ваших же земных чинов...

Мне, конечно, безумно интересно почитать про Азамата, но я не хочу демонстрировать недоверие. Потом как-нибудь поинтересуюсь.

— Все нормально, — говорю с ободряющей улыбкой и подписываю контракт. — Это я по поводу наших рожи строю, не обращай внимания.

Он все еще выглядит встревоженным, и мне это не дает покоя. Украла душу, надо же. Это вам не наши писаки, провозглашающие, что «любить есть высшее наслаждение». Как страшно, что мой неосторожный жест может причинить ему столько тревоги.

Ладно, будем делать исключительно осторожные, позитивные жесты. Беру его за руку, сжимаю легонько и говорю с проникновенной

улыбкой и придыханием:

— Я тебе верю.

Эта зараза ржет. Блин, а я тут пафос развожу...

— Извините, со мной это бывает, — кается он с широченной улыбкой. — Просто я очень хочу, чтобы вы остались у нас.

Эх, капитан, говорил бы уж начистоту, «у меня». Интересно, скоро ли дозреешь до признания?

Правда, тут мне приходит в голову неприглядная мысль: с его-то самооценкой и отношением ко мне, может, и никогда. Вот черт. С другой стороны, ну признался бы он сейчас и что бы я стала делать? Предложила повстречаться полгодика, пока определюсь со своими чувствами? Нет, он, конечно, чудовищно милый и предупредительный, но все-таки мужик, который стесняется меня лишний раз потрогать, довольно неудобен в эксплуатации. Да и на вид он действительно страшен. Нет, лишать социальных привилегий за внешность — нонсенс и просто отвратительно. Но то, что я так думаю, вовсе не значит, что мне приятно на него смотреть. Я, знаете ли, не слишком принципиальная и фанатею по тем же актерам, что и все. Хотя, конечно, если вдруг захочу почувствовать себя хрустальной вазой...

А как он на меня смотрит! Боже, чтоб на меня Кирилл хоть раз так посмотрел. И вот ведь странно — обычно, когда ненужный ухажер настолько открыто проявляет заинтересованность, хочется держаться от него подальше, да и вообще как-то не по себе становится. А я только смущаюсь. Может, мне просто мужика надо... Два года уже вдовею, однако. Подумать только, какая верная оказалась.

Однако я и правда смущаюсь и опускаю глаза в поисках какого-нибудь отвлекающего маневра.

— Надеюсь, я не нарушила каких-нибудь норм поведения этим подарком?

Азамат тоже кидает взгляд на мое произведение.

— Нет. Хотя последний раз мне что-то самошито дарила мать, и то еще до травмы, — произносит он задумчиво и вдруг одергивает себя: — Надеюсь, это не звучит как жалоба.

— Да нет, — пожимаю плечами. — У меня у самой тоже только от мамы самодельные вещи, — говорю задумчиво, и тут до меня начинает потихоньку доходить, какая это степень близости. Ох ты ж елы-палы! Надеюсь, капитан не очень быстро привыкает к хорошему обращению,

а то как бы не возомнил чего-нибудь. Впрочем, чтобы успокоиться, мне хватило одного взгляда на то, как он осторожно тыльной стороной пальцев разглаживает складочку на моем подарке. Не возомнит. Я ему пару вагонов барахла успею сшить прежде, чем он начнет видеть за этим нечто большее.

Я с Азаматом все время как на канате: в одну сторону шагну — обижу, в другую — слишком обнадежу. А может, это просто мнительность и на самом деле он гораздо легче переносит мои шатания? Он ведь понимает, когда я слишком нарочито его подбадриваю.

Мое само— и Азаматокопание прерывает Тирбиш, зовущий к ужину.

* * *

Солнечное утро на фотографии в иллюминаторе настраивает на невероятно позитивный лад и совершенно не предвещает никаких ужасов. Можно было бы и догадаться, что как раз сегодня случится нечто из ряда на фиг выходящее. Оно, конечно, каждый день, что я здесь, случается: то придушили, то домой не пустили, то отравили, то работать пришлось неурочно, а вчера так вообще поступила на работу на пиратский корабль, да еще и выяснилось, что капитан в меня влюблен. Что-то у меня веселая жизнь становится. Прямо хоть утром не вставай.

Однако расположение духа у меня прекрасное, хотя я и вскочила в невероятную по своим меркам рань — восемь утра! Дома раньше десяти под страхом смерти ни за что не встаю. Зато я уже оделась и почистила зубы, когда в дверь застучали. Высовываю нос — там один из младших членов экипажа, тот, что с крашеными красными перьями в волосах.

— Общий сбор в холле, — говорит он мне и двигает дальше по коридору.

Ага, видимо, обо мне объявляют. Можно было бы и до после завтрака подождать, а то в животе урчит, ну да ладно, потерплю. Я теперь тоже в команде, надо соблюдать правила. Топаю в холл.

Первое, что я там обнаруживаю, — это тихо переругивающиеся Азамат и Алтонгирел. Лейтмотив моей жизни, блин! На всякий случай напрягаю уши — вдруг еще что-нибудь новое про себя узнаю.

Азамат сидит за буком и что-то ожесточенно печатает, огрызаясь через плечо:

— Я не собираюсь в этом участвовать!

— А тебя никто и не спрашивает, — самодовольно парирует духовник.

— Это противоестественно. — Капитан даже отрывается от экрана, чтобы выговорить свое возражение, которое на муданжском еще более непроизносимо. — У меня на корабле твоя идиотская традиция никогда не поддерживалась!

— Можно подумать, ты из-за традиции злишься, — усмехается Алтонгирел.

— Я злюсь, потому что ты опять портишь мне жизнь, и не скрываю этого.

— Я просто хочу тебе доказать, что она...

— Доказывай!

Азамат хлопает крышкой бука и порывается встать. Кроме этих двоих в холле еще только два человека, и они мне не очень знакомы, так что я кидаюсь капитану наперерез.

— Доброе утро! — говорю солнечно. — Надеюсь, ты меня не бросишь ему на съедение? — киваю на Алтонгирела, который мрачнеет с каждым моим словом.

Азамат усмехается и садится обратно.

— Доброе утро, Лиза. Если вы просите, то я останусь. — Он кидает многозначительный взгляд на духовника.

Тот демонстративно отходит в сторону.

— А... по какому поводу сбор? — спрашиваю осторожно. Что-то уже одолевают сомнения, что это насчет меня.

— Сейчас Алтонгирел объяснит, — мрачно говорит Азамат. — Я только хотел бы, чтобы вы понимали, что я категорически против его затеи, но ничего не могу сделать: это дела духовные и тут он главный.

Мне становится немного нехорошо. Надеюсь, Алтонгирел не собирается меня пытаться, чтобы выведать истинные намерения... или что-нибудь в таком духе. Может, он обойдется каким-нибудь гаданием...

Народ довольно быстро стекается, и вот уже все в сборе, кроме Эцагана и Гонда, которые по-прежнему заперты. Рассаживаются все по диванам и креслам. Азамат снова открывает свой бук и возобновляет

ожесточенную дробь по клавишам, всем своим видом показывая, что его тут нет. Я присаживаюсь на краешек кресла рядом и жду экзекуции.

Алтонгирел выходит на середину комнаты и откашливается.

— Вчера вечером, — начинает он по-муданжски, — вот эта девушка вступила в должность целителя на нашем корабле. Как все мы знаем, незамужняя женщина на борту — это дурная примета и к тому же источник постоянных неприятностей.

Я изо всех сил сохраняю бессмысленное выражение лица.

— Поэтому, — продолжает этот приятный человек, — полагаю, что нам совершенно необходимо вспомнить одну забытую традицию, возникшую еще в те времена, когда наши корабли умели только плавать, а не летать.

Вокруг начинают шептаться, я слышу смешки, а один юноша напротив демонстративно потирает руки. Кошусь на Азамата, но он с каменным лицом смотрит в экран. Что-то мне уже совсем нехорошо.

— Итак, Ли-иза, — с нажимом произносит Алтонгирел, обращаясь ко мне на всеобщем. — У нас существует такая традиция: в команде не должно быть незамужних женщин. Обычно их просто не берут в штат, но, поскольку дорогой капитан, — тут он выразительно смотрит на Азамата, который злобно сопит в ответ, — не смог устоять перед вашими чарами, мы вынуждены решить эту проблему по-другому. А именно, немедленно выдать вас замуж.

Меня хватает на то, чтобы открыть рот, но я так и не придумываю, какой звук из себя извлечь. Действительно, а что тут скажешь-то?

— Я, — невозмутимо продолжает Алтонгирел, — олицетворяю на этом корабле духовную власть и, таким образом, имею право засвидетельствовать брачный союз. Итак, сегодня, через несколько минут один из членов команды получит вас в жены!

С этими словами он обводит окружающих торжествующим взглядом. Пожалуй, я еще не видела духовника таким довольным. Удивительно, как это совпадает с тем, что мне еще никогда не было так страшно на этом корабле. То есть он сейчас ткнет пальцем в кого-то, и я этому кому-то стану подстилкой? Пожалуй, есть вещи поважнее денег, ты уж извини, Азамат...

— А если я не хочу замуж?.. — робко блею срывающимся голосом.

— Поздно, драгоценная, — со змеиной улыбкой сообщает Алтонгирел. — Вчера надо было думать, прежде чем контракт подписывать!

Я отчаянно гляжу на Азамата, который грохает кулаком по столу, кажется, оставляя вмятину.

— Если б я знал, что ты устроишь этот фарс, никогда бы даже не подумал ее взять! — рывкает он на Алтонгирела и снова утыкается в экран невидящим взглядом.

Духовник невозмутимо продолжает улыбаться.

— Ну что же, приступим... Во-первых, скажите, вас действительно зовут Лиза? — осведомляется он.

Интересно, что вызвало подозрения? На международном ID я записана как Лиза, да.

— Елизавета Гринберг, — бормочу. Лучше уж сейчас с этим разобраться, чем потом мне «муж» вломит за вранье.

— Как-как? — недослышивает Алтонгирел.

— Элизабет! — огрызаюсь. Может, на всеобщем лучше усвоится. — Элисавифа! Как хочешь, много вариантов!

Повисает какое-то странное молчание, народ переглядывается.

— Вот оно как. — Алтонгирел задумчиво поглаживает подбородок. — На «э», значит...

Снова кошусь на Азамата, тот смотрит на меня, как будто узнал обо мне что-то неожиданное.

— Ну ладно, — вздыхает Алтонгирел. — Тогда небольшие коррективы. Вы можете выбрать себе мужа сами.

Хотите сказать, что люди с именем на букву «э» привилегированные?.. Ладно, я не внакладе!

— Из всех?.. — уточняю на всякий случай. А то вдруг капитана нельзя. Потому что Азамат — это, конечно, самый очевидный мой выбор, кого ж еще? Но если его нельзя, то придется Тирбиша... бедный парень, он настолько меня младше... Но остальных я просто боюсь.

— Из всех присутствующих в этой комнате. Кроме меня, естественно, — раздельно произносит Алтонгирел.

— Это мне и в страшном сне не приснится, — бормочу, вызывая пару смешков среди парней поблизости.

— Подойдите ко мне, — велит Алтонгирел.

Я встаю и на нетвердых ногах пробираюсь в центр холла, едва не спотыкаясь о чужие коленки. Хоть бы одна сволочь убрала ноги из прохода. Наконец стою перед ненавистным духовником.

— Протяните правую руку ладонью вверх, — командует он.

Я послушно протягиваю. Он берет со столика рядом один из своих ларцов, открывает его и извлекает нечто наподобие круглой печати. Я не успеваю даже задуматься о возможном назначении этого предмета, когда он стремительно хватает мою руку и прижимает печать к моей ладони. Когда он наконец меня отпускает, вижу у себя на руке отчетливый круг с каким-то знаком внутри, и либо я снова ловлю глюки, либо он и правдасветится. Я лихорадочно тру пальцем по краю круга, но он не размазывается. Почему-то именно это окончательно выносит мне мозг.

— Ты не предупредил, что будут татуировки! — ору не своим голосом.

— Это не татуировка, идиотка, это Круг Верности, — шипит он.

— Это ты идиот! — продолжаю надрываться я. — Мог бы объяснить заранее!

— Да как ты смеешь...

— Что мне с этим теперь делать?! — потрясаю заклеянной конечностью.

— Хлопнуть по ладони того мужчины, которого ты выберешь!

— А потом?

— Ничего, дура!

— Заткнись, урод! — Я, кажется, перешла на ультразвук.

— Как ты меня назвала?!

— Урод ты! Потому что понятия не имеешь, как обращаться с девушками!

На этом бессмысленном заявлении я разворачиваюсь к нему спиной и топаю обратно к Азамату, бережно прикрывая светящуюся руку другой. Вместо того чтобы расступаться, мударжцы, наоборот, заслоняют мне дорогу, подставляют руки, просто-таки тянут свои грабли навстречу. Я их почти не вижу, но старательно огибаю и очень боюсь, что кто-нибудь женится на мне силком. Вот я уже почти у цели — Азамат мрачно гипнотизирует экран, все еще непонятно зачем притворяясь, что его это не касается. Коршуны окружили меня со всех

сторон и ловят мой взгляд. Тут я понимаю, что у меня еще есть шанс все запороть дурацкой ошибкой. Приходится окликнуть Алтонгирела.

— Левую или правую? — спрашиваю.

— Кого? — вытаращивается он.

— Руку! Левую или правую руку хлопать?!

— Правую! — орет он, как будто это самоочевидно.

— Уверен? — дразнюсь.

— Ах ты, сука! — как-то даже удивленно восклицает он.

Именно о такой свадьбе я всегда и мечтала, ага. Но делать нечего — подхожу еще ближе к Азамату, хватаю его правую руку — он, кажется, вздрагивает — и припечатываю изо всех сил, уж чтоб наверняка. Еще держу подольше, чтобы ни у кого сомнений не возникло. Он смотрит на меня, как смотрела мама, когда я в седьмом классе пришла домой с зелеными волосами.

— Ты что там делаешь? — слышу озадаченный голос Алтонгирела сзади.

Он, наверное, за моей спиной не видит. Я разворачиваюсь, не отпуская Азаматовой руки. На, любуйся. Духовник оказывается гораздо ближе, чем я ожидала, — видимо, подошел посмотреть.

— Ты... — икает он с таким видом, будто наступил на гусеницу. — Ты... Ты не можешь выбрать его.

Ну вот, так я и знала!

— Ты сказал, что я могу выбрать кого угодно в этой комнате, кроме тебя.

— Да! — охотно соглашается Алтонгирел. — Но не его же!

— Почему? — цежу, трясясь от гнева. Хорошо, что Азамат такой мощный, кому похилее я бы уже пару костей в кисти сломала.

— Но ведь он урод! — доходчиво объясняет духовник, нагибаясь к самому моему лицу.

Поскольку правая рука у меня занята, я даю ему пощечину левой. Он, видимо, совсем не ожидал такой реакции — хотя чего удивляться! — и даже не повернул голову по ходу удара, так что руку я отшибла на совесть, но зато от неожиданности духовник потерял равновесие и шлепнулся, приложившись головой об угол одного из столиков.

Азамат молча вскакивает и хватается меня за вторую руку — видимо, чтобы не пошла бить лежачего. Несколько ближайших ребят

шарахаются в стороны, никто даже не помогает Алтонгирелу подняться. Он медленно встает, потирает за ухом. Хорошо хоть не по виску пришлось. Мне даже немножко стыдно, что я его так дискредитировала, хотя он качественно нарвался.

— Ты совсем звезданулась, что ли? — устало спрашивает духовник.

— Оскорбляя моего мужа, ты оскорбляешь меня, — отдельно произношу я и нервно облизываю губы.

Он качает ушибленной головой и ковыляет обратно к своему ларцу, из которого извлекает какие-то металлические предметы. Подзывает нас жестом.

Поскольку Азамат так меня и не отпустил, наше движение по рядам затруднено еще больше, да и в голове у меня в лучшем случае холодец из мозгов. Я спотыкаюсь, но благодаря новоявленному мужу удерживаюсь на ногах. Когда мы приближаемся, Алтонгирел молча навьючивает нам на шеи некие украшения. Они страшно тяжелые и состоят из цепи в палец толщиной и подвески в ладонь размером, изображающей двух птиц с острыми клювами и сплетенными шеями. Немного напоминают заставку из передачи о животных, которую мы с братом смотрели в детстве. Я еле держусь, чтобы не согнуться под тяжестью, а вот на Азамате эта хреновина смотрится неплохо. В правильном масштабе, так сказать.

— Обряд закончен, — уныло говорит Алтонгирел. — Вы связаны браком. Все могут идти.

Но никто не двигается: все сидят и следят заворуженно, как Азамат выводит меня, все равно что старушку-инвалида, под руки из холла.

* * *

О господи, неужели мне сейчас придется с ним спать?! Может, удастся его уговорить повременить с брачной ночью... Нет, я не помру, конечно, но мне почему-то кажется, что это угробит любые надежды на нормальные отношения.

Он подводит меня к двери моей каюты, галантно ее открывает — и тут я понимаю, что он вовсе не собирается заходить. Он хочет предоставить мне возможность побыть одной и разобраться в себе. Это, конечно, прекрасно, но, во-первых, теперь, когда все кончилось и почти благополучно, я опять хочу есть, а во-вторых, могу себе

представить, как мучительно трудно мне будет потом с ним заговорить! Ну уж нет, дорогой супруг, никуда ты от меня сейчас не убежишь.

Решительно тяну его за рукав в каюту и захлопываю дверь изнутри.

— Нам надо поговорить, — рявкаю хриплым и оттого более грозным голосом, чем собиралась.

Он кивает с таким видом, будто мы на похоронах его лучшего друга. Я плюхаюсь на кровать и хлопаю рядом с собой:

— Сядь.

Он послушно садится, матрас подо мной слегка поднимается. А дальше, собственно, надо говорить, но я не знаю что. Знаю только, что отпускать его так смерти подобно.

— Насколько я понимаю, — вдруг говорит капитан тоже довольно сипло, — браки, заключенные на муданжских кораблях, не признаются на Земле. Вы можете просто вернуться домой и...

Забыть все это, как страшный сон, ага. А ты тем временем повесишься, судя по землистому цвету лица и пустоте в глазах.

— Ну уж нет, — заявляю с не очень искренней бравадой. — Я столько вытерпела, чтобы получить эту работу! Черта с два я в ближайшее время вернусь на Землю.

Он выдыхает так долго, что мне кажется, будто он этого уже давно не делал. Я рассматриваю свою правую ладонь — от клейма и след простыл. Блямба на длинной цепи теперь лежит у меня на коленях, так что не так тяжело. Надо, надо сказать что-то дипломатичное.

— Я понимаю, что ты был против.

Он рассеянно кивает.

— Понимаю, что не мог его остановить, — продолжаю. На самом деле я этого совсем не понимаю, но надо, черт возьми, спасти свой брак! У меня ведь нет ни малейшего понятия, какие права и обязанности у муданжской жены. Не хватало только сейчас с мужем поссориться.

Он трет переносицу с болезненным видом.

— Зачем вы меня выбрали... Элизабет?

— А кого я еще могла выбрать?! — вскидываюсь. — И зови меня Лиза!

— Кого угодно, в том-то и дело!

Меня посещает нехорошая мысль. А что, если мне тогда под дверью слышалось? Или я все неправильно поняла? Что, если он совсем не хотел меня... в таком качестве?

Панике только дай волю — вот, уже по всему телу мурашки, и слезы к глазам подступают.

— А ты... — выдавливаю еле-еле, — не хотел на мне жениться?

— Если бы моего мнения кто-нибудь спросил, я бы ни за что не обрек вас на такую участь, — произносит он.

И меня отпускает. Теперь я плавлюсь в разливающемся по телу тепле. И тоже, наверное, очень долго выдыхаю.

Однако ему, пожалуй, надо пояснить мою логику. Боже мой, сколько теперь придется проговаривать очевидных вещей...

— Это лучше, чем выходить за незнакомого человека, от которого я не знаю, чего ждать.

— А что нужно знать о человеке, кроме того, что он красив и обеспечен?

— Ну... как... что он хороший человек, — говорю беспомощно.

Азамат впервые за весь разговор смотрит на меня.

— А как вы это оцениваете?

Хороший вопрос, блин. А можно минуту на размышление и звонок другу?

— Ну который не делает ничего плохого, — бормочу, прекрасно понимая, что определение через отрицание не подходит.

— Например?

— Например... Например, я почти уверена, что ты не будешь меня бить! — выпаливаю ту конкретику, которая больше всего не дает мне покоя.

— Почти уверены? — переспрашивает Азамат каким-то странным тоном. — Можно узнать, что я сделал, чтобы заставить вас сомневаться?

Пожимаю плечами.

— Ничего, но тебя я тоже не совсем хорошо знаю. Лучше, чем всех остальных, но не прекрасно.

— И вы что же, по умолчанию ожидаете, что вас будут бить?

Что-то это звучит, как будто я из неблагополучной семьи.

— Нет, но... то есть, знаешь, в обществе, в котором могут насильно выдать замуж, могут и побить.

Он снова трет переносицу.

— Простите. Это было ужасно и недопустимо. Алтонгирел... я просто не знаю, что я с ним сделаю, когда приземлимся.

— Зачем ему это было нужно?

— Он думал, что вы выберете кого-то другого и мне станет ясно, что я вам совершенно неинтересен.

— А-а-а... э-э-э...

Как бы это сформулировать вопрос? Хоть один?

— Он все надеется открыть мне глаза на суровую реальность. — Азамат усмехается.

— Я не очень понимаю... а почему его так волнует: интересен ты мне или нет?

— Боюсь, что я сам виноват. Это меня волнует, хотя, клянусь, я не просил его вмешиваться.

Он замолкает, и я терпеливо жду, когда капитан продолжит.

— Я... со мной случилась неприятная вещь... я, право, не знаю, как это сказать на всеобщем. Но... понимаете, Элизабет, вы мне нравитесь несколько больше, чем позволяют приличия.

Формулировка — супер. Надо запомнить.

— Ну так значит, ты доволен, что он нас поженит? — говорю и спохватываюсь, что это звучит как обвинение. И он, конечно, понимает именно так.

— Я бы никогда, никогда этого не пожелал! Как вы говорите, мне бы и в страшном сне не приснилось!

М-да, и он думает, что мне приятно это слушать? Ладно, я понимаю, что Азамат хочет сказать, и не буду скандалить.

— Все хорошо, — говорю, — все хорошо, я не в обиде. Было бы гораздо хуже, если бы ты отказался и мне пришлось бы выбирать кого-то другого.

Он смотрит на меня неуверенно, и, как всегда, меня это провоцирует на громкие заявления.

— Вообще, я бы сказала, что все сложилось прекрасно. Ты капитан корабля, уважаемый и честный человек. Для меня это важные, престижные качества. Так что я удачно вышла замуж. Тебе я нравлюсь, ты тоже получил, что хотел. И вдобавок мы обломали Алтонгирела, что уж вовсе повод для праздника! — Даже улыбаюсь. Он тоже, слегка.

— Спасибо. Очень надеюсь, что этот брак не сильно испортит вам жизнь, Элизабет.

— Да называй же ты меня Лиза! — мгновенно взрываюсь я. Ну что за формальности? Давай еще обратно на «юную леди» переключись.

— Но почему? — Капитан делает несчастное лицо. — То есть конечно, если вы так хотите...

— Потому что это дико звучит, — теряюсь я. Он что, обиделся? Господи, как страшно жить! — Как будто мы друг друга не знаем или поссорились.

— О... — Он задумывается. — У вас настоящее имя не используется в быту?

— Лиза — это тоже настоящее имя. Это одно и то же имя!

— Ну как же одно и то же, то на «э» начинается, а это...

— Ой, да, кстати, а что такого особенного в том, что имя начинается на «э»?

Пожалуй, о такой заморочке я впервые слышу.

— Как же... Имена на... как это называется... на гласную — элитные. Как бы сказать. — Он смотрит в потолок, шевеля губами. Интересно, он очень разозлится, когда узнает, что я понимаю по-муданжски? Если узнает, конечно. — Люди с именами на гласную вроде как аристократы, что ли... Я даже не знаю, как объяснить. У вас не так?

— Ничего подобного, — мотаю головой. — У нас последние века вообще никаких аристократов нет, все равны и имена у кого угодно какие угодно. Их можно укорачивать или удлинять по собственному желанию. От этого они не становятся ложными.

— Вот как. — Он поднимает брови, впитывая информацию. — Вот это да. Ну что ж, если вам приятнее называться коротким именем, то все в порядке.

Действительно, все в порядке. Разговор про имена вернул нас в русло обычных бесед, и все вдруг стало как раньше, до кутерьмы с женитьбой. Правда, кое-что в пережитом кошмаре все еще остается для меня загадкой. Алтонгирелова душа — потемки, чего уж там...

— Слушай, я только не поняла... Алтонгирел ведь не собирался предоставлять мне выбора. А если бы он сам указал, кто станет моим мужем, то какой бы в этом был смысл?

Азамат вздыхает и поджигает губы. У него, похоже, Алтошины художества уже в печенках.

— Он просто хотел выдать вас за кого-нибудь, чтобы я о вас и думать забыл. А возможно, с самого начала знал про ваше имя, он очень хорошо умеет находить информацию, мог добраться до данных о вас. Или ожидал, что, когда вас припрут к стенке, я не выдержу и вступлюсь, и тогда он сделает этакую поблажку, чтобы со мной не ссориться... Я могу у него спросить, конечно, но, когда он увлекается интригами, от него толком ничего не добьешься. Тем более сегодня все сложилось совсем не так, как он планировал.

— Ну если он все это устроил только чтобы тебе помочь, то, можно сказать, у него получилось. Не забудь поздравить на досуге.

Азамат усмехается и смотрит на меня счастливыми, влюбленными глазами. Это сразу воскрешает в моей памяти предположения насчет брачной ночи. Надо уж сразу все до конца разъяснить, чтобы и тут не осталось межкультурных недомолвок...

— Азамат, что мы собираемся делать дальше?

— Мм... в каком масштабе? — улыбается он.

— Ну покрупнее, чем состаримся и умрем, но помельче, чем пойдем завтракать.

— Хм. У меня ближайшие планы — это долететь до Гарнета и произвести ревизию экипажа.

— Нет, а... на личном фронте? — Вижу полное непонимание. — Я хочу сказать, ведь есть вещи, которые положено или не положено делать женатым людям. И я сильно подозреваю, что они у нас разные...

— Лиза, делайте что хотите, я не вправе вас ограничивать, — отмахивается от меня в священном ужасе.

М-да, чувствую, тут предстоит большая педагогическая работа...

— Ладно, пока предлагаю отвести одну из кают мне под кабинет, чтобы я могла нормально разложить свои причиндалы и поддерживать стерильность. И лучше, чтобы это была соседняя с моей каюта, чтобы недалеко бежать, если что.

Он вдумчиво кивает, делая заметки в уме. Потом вдруг смотрит на меня с сомнением:

— Лиза, а вы уверены, что по-прежнему хотите работать? То есть у вас ведь нет такой необходимости, я способен вас содержать...

— Еще чего! — возмущаюсь я. Содержать он меня собрался! — Я замуж вышла, чтобы работу получить, а не наоборот! Даже не думай. Будешь платить, как в контракте, и точка.

Он несколько секунд переваривает мою реакцию с неуверенной улыбкой.

— Ну хорошо, — наконец произносит медленно. — Но вы позволите хотя бы иногда дарить вам подарки?

Теперь уже я поднимаю брови и пожимаю плечами.

— Ну конечно, если тебе хочется.

Капитан вздыхает с облегчением. Ой, чувствует мое сердце, что-то тут не так.

Глава 11

Мы с Азаматом еще некоторое время говорим ни о чем — у нас это вообще хорошо получается, — а потом у меня начинает совершенно неприлично урчать в голодном животе.

— Вы можете снять хом, — говорит Азамат, вставая.

Очевидно, он имеет в виду эту тяжеленную блямбу на цепочке. Да уж, я очень надеюсь, что ее не придется таскать на себе все время. Сдерживая неучтивую поспешность, снимаю с себя железяку и вешаю на спинку кровати. Она поблескивает серебристенько. Азамат, впрочем, остается в своей, так что я чувствую себя немного неловко.

— Она очень тяжелая, — говорю, извиняясь. — Зачем они такие огромные?

— Чтобы издалека было видно. Но их редко надевают. Вам, наверное, вообще не придется. Это только для больших официальных собраний.

— Да? Это хорошо, а то как-то глупо получилось бы, если бы их нужно было носить все время, а мне так тяжело...

Азамат смеется и, стащив свой хом, наматывает его на руку. Мы двигаемся на выход.

— Ну что вы, зачем все время? Они ведь платиновые, действительно тяжело.

Вытаращиваю глаза: это вот эта вот огромная хреновина — вся из платины?!

— Да они же должны стоять целое состояние!

— Везде, кроме Муданга, — довольно говорит Азамат, придерживая мне дверь. — У нас очень много платины в недрах

планеты. — Потом его гордость за родину несколько убывает: — Потому джингоши нас и завоевали. Все изрыли...

Дальше следует, видимо, эпитет к джингошам по-муданжски, но, увы, я не разбираю. А хорошо бы выучить пару ласковых словечек от боевого командира. Мы некоторое время молча движемся в сторону столовой, потом Азамат снова заговаривает:

— Только, Лиза, я вас умоляю, не бейте больше никого по лицу. Среди своих это совершенно недопустимо.

Ох, как же это я не сообразила... Хорошенькое начало на новой работе! Надо будет хоть Алтонгирела обмазать, чтобы следов не осталось от моих хороших манер.

— Сейчас, погоди! — бросаю через плечо Азамату и бегом возвращаюсь в каюту за кремом от ушибов.

Азамат честно дожидается меня, один в кухню не идет. Я присоединяюсь к нему, триумфально помахивая тюбиком.

— Постараюсь исправить дело рук своих, — говорю. — Он, конечно, сволочь, но я понимаю, что была неправа.

— Я бы еще понял, — задумчиво произносит Азамат, — если бы вы ему раньше, за ругательство вlepили. А тут даже и повода-то не было.

— Ну да, конечно! — вскипаю так быстро, что, видимо, мне только казалось, что я остыла. — Тебя поносить ему можно!

— Он не сказал про меня ничего ужасного, — пожимает плечами капитан. — То, что я урод, это факт. И обижаться на него бессмысленно.

Драматично закрываю глаза ладонью.

— Я по-другому воспитана, — говорю высокомерно. — И считаю, что это оскорбление. И Алтонгирелу придется в дальнейшем учитывать мое мнение.

Последнюю фразу никакими угрозами не сдабриваю, но Азамат косится на меня с опаской. Видно, память о снотворном еще очень жива.

В кухне Алтонгирел сидит ко входу спиной и только поэтому не удирает при моем появлении. Мрачно ссутулившись, прижимает к голове кусок льда. Сурово треснул, видать. Или хочет подчеркнуть, какая я зараза, тоже вариант. Подкрадываюсь тихонечко с уже выданным на пальцы кремом и принимаюсь втирать, придерживая

за темечко, чтобы не удрал. Он напряженно замирает, но тут мне помогает Азамат:

— Не дергайся, все под контролем, — весело говорит он помуданжски.

Алтонгирел рычит что-то сквозь зубы в ответ, капитан смеется и занимает свое место во главе стола.

У Алтонгирела за ухом только небольшая шишка. Ничего, сейчас быстро рассосется. Заглядываю ему в лицо справа — ну конечно, щека вся красная. Ну так и у меня рука до сих пор гудит. Держу пари, этот румянец злит его гораздо больше, чем все болевые ощущения вместе взятые.

— Да не отворачивайся ты, — бормочу, стараясь не попасть ему кремом в глаз. — Сейчас все пройдет.

— Лучше бы извинилась, — ворчит пациент.

— Извиняюсь, — охотно соглашаюсь. — Я должна была сообразить не бить по лицу. В следующий раз получишь под дых.

На этом он окончательно отшатывается, но я уже все сделала и могу с чистой совестью идти мыть руки. Алтонгирел смотрит на меня оскорбленно, как будто это я от него отмываться иду. Кстати, может, так и подумал.

После гигиенической процедуры решительно усаживаюсь на место Эцагана. Его теперь все равно из каюты не выпускают, а я имею право сидеть рядом с мужем, а не ютиться где-то в середине стола. Вообще если уж они меня считают такой красавицей, то могли бы и предложить пересесть поближе к капитану. Хотя я уже не первый раз замечаю, что с предложением сидячего места у них какой-то суровый напряг.

Правда, так я оказываюсь ровнехонько напротив Алтоши, ну да ладно, ему не удастся испортить мне аппетит. Я три года напротив нашего зав. отделением обедала. А уж сегодня такая голодная, что вообще никого вокруг себя не замечаю.

Завтрак, как всегда, плотный — на сей раз что-то вроде ромштексов, то есть куски мяса, обжаренные в сухарях. Ну или в крупе какой-то, не разберу. Чье мясо, не знаю, но жирное от души. Вообще, неплохо было бы витаминчиков попить к такой-то диете. Муданжцы ведь почти не употребляют овощей, да и зелени еле-еле.

Они, конечно, вместо этого сырое мясо едят иногда, там витамины есть. Но мне об этом даже подумать страшно.

Ну а пока я со свистом уписываю мясо прямо руками — потому что у них все, что не ложкой, то руками. Надо будет на Гарнете купить себе пару вилок на всякий случай, вдруг мне придется блажь макарончиков сварить. Ох и натрескаюсь я сейчас всего этого жира... надо что-нибудь в подмогу печенке тяпнуть, вроде в мешке что-то было. А то еще поплохеет. Но уж очень вкусные ромштексики.

Я трескаю их с таким аппетитом, что после завтрака Тирбиш даже подходит за похвалой.

— Смотрю, вам понравились хунь-бимбик?

Лучше бы ты названия не говорил, солнце. Старательно киваю.

— Да, — говорю, — они прекрасны. Ты вообще замечательно готовишь, молодец.

Парень расцветает, и я ухожу довольная. Как прекрасно приносить счастье окружающим, когда от тебя для этого почти ничего не требуется!

В общем, утреннее хорошее настроение снова устанавливается, несмотря на все усилия духовника, и я очень довольная топаю к себе в каюту пить ферменты и составлять список лекарств и устройств, которые необходимо будет купить на Гарнете.

С готовым списком стучусь к Азамату — надо же с начальством согласовать. Кстати, неплохо бы еще и за буком посидеть. Интересно, как моя родительница отреагирует на новости... Маман в последние два года почему-то решила, что я, как она сама, всех мужиков ненавижу и замуж никогда не выйду. Уж не знаю, где она нас с братом нагуляла, но как-то на работе проверила ДНК — отцы у нас разные.

Главное, мне почему-то очень не хочется признаваться, что меня выдали замуж насильно. Казалось бы, и гордости у меня особой нету, и ситуация была патовая... Но, пожалуй, я пока об этом помолчу, если не прижмут.

Стучусь, получаю разрешение, вхожу — и мне открывается фантастический вид. Капитан сидит на стуле ко мне спиной, а на спинке развешена расплетенная коса. Приглядевшись в полутьме, различаю, что волосы мокрые. Видимо, повесил сушиться. Господи, ну до чего ж красиво! Вот это я понимаю, волосы струятся, как вода, и с

таким же блеском. Куда там рекламе! Если бы капитан не окликнул, я так бы там и стояла, истекая слюной.

Азамат прослеживает направление моего взгляда и внезапно смущается.

— Ой, простите, я и забыл совсем... сейчас заплету...

— Не надо, не надо! — быстро останавливаю его. — Зачем, не высохнут же!

— Ну как... неприлично ведь. — Азамат все-таки принимается разбирать пряди.

— Как это неприлично? — удивляюсь я. — Алтонгирел вон ходит, мочалкой своей трясет, это никого не смущает!

Азамат тяжело вздыхает, как преподаватель, которому досталась на редкость необучаемая группа.

— Алтонгирел — красивый человек. Ему многое можно, что мне не подобает.

Нет, кто-то из этой истории живым не выйдет. Есть у меня одна знакомая психологиня, занимается с детьми, которых в школе дразнят. Написать ей, что ли...

— Расслабься, — говорю. Как бы его убедить? — У нас не принято стесняться жены. Тем более что волосы у тебя гораздо красивее, чем у Алтонгирела.

Смеется, как обычно, когда не очень верит моим комплиментам, но покорно возвращает предмет спора обратно на спинку стула.

— Я, собственно, пришла, э-э-э, по делу. Вот, написала список того, что мне нужно для работы... На Гарнете надо будет купить. — Без приглашения присаживаюсь на кровать и раскладываю пластиковые листочки из блокнота. — Вот это первой необходимости, вот это хорошо бы, если будет, а вот это, если будут лишние деньги...

Азамат сосредоточенно вникает в мой почерк.

— Ну вы, надеюсь, сами проконтролируете покупки?

— Естественно! Сама и пойду, только мне понадобится помощь в транспортировке. А то там довольно много получается по весу, да и тут вот аппаратура громоздкая...

— Лиза, ну что вы, конечно, мы все доставим, я на Гарнете специально для этого транспорт держу. Да и вообще, никто вас одну там гулять не отпустит, еще не хватало.

— А что, это такое опасное место?

Все, что я знаю о Гарнете, — это что там огромный торгово-развлекательный комплекс, во всю планету размером. Они там ничего не производят, всю провизию привозят с ближайших окультуренных «зеленых» планет, а на самом Гарнете только пляжи, рестораны и магазины. Еще там, конечно, гигантский космопорт, в котором легко потеряться. Но капитана, очевидно, еще что-то заботит.

— Да вы что, — смеется он. — Там же сплошная мафия. От простых карманников до работорговцев. Нет, конечно, если вас привозит турагентство в престижный чистенький район, вы ничего такого не увидите. Но мы-то приземлимся в обычном порту для закупщиков, среди складов, и там вам без оружия и сопровождения делать нечего.

— Ого, — строю озадаченную рожу. — А я и не знала. Хорошо шифруются. А сколько мы там пробудем?

— Несколько дней. Пока все закупим да высадим... провинившихся.

— Что, на Гарнете? И на Муданг их не отвезем?

— До Муданга от Гарнета еще неделя, и нам там вроде бы ничего не нужно. Сами доберутся, не маленькие.

Мне становится как-то грустно. Я уже привыкла к Эцагану, да и чувствую себя косвенно виноватой в его глупостях. Но устав есть устав, что уж тут поделаешь.

— Ладно, — перевожу тему, — Азамат, ты обещал мне каюту под смотровую выделить...

— Ах да, конечно. — Он лезет в ящик тумбочки и извлекает пульт. — Вот, держите, это каюта прямо рядом с вашей в сторону кухни. Там прибрано, но, если вас что-то не устроит, скажите мне.

Я откланиваюсь и удаляюсь, по пути, воспользовавшись тем, что Азамат отвернулся, провожу рукой по его гриве на спинке стула. Ну какая прелесть!

* * *

Каютка оказывается точной копией моей, только во всю стену стеллаж с задвижными дверцами. Очень хорошо, можно все красиво разложить. Решаю заранее подготовить хранилище для гарнетских покупок — прикидываю, чего сколько будет, да что поближе, что подальше положить, да куда я аппараты поставлю. Везде раскладываю записки, чтобы не забыть, до чего додумалась. А потом наконец

разбираю мешок и распихиваю по полочкам свои припасы. На все это уходит гораздо больше времени, чем мне кажется, — я вообще люблю наводить порядок и часов при этом не наблюдаю. То есть вешать в шкаф стираную одежду сразу, как высохнет, — выше моих сил, но зато я хотя бы раз в месяц выделяю один день и навожу полный порядок везде, куда дотянусь. И каждый раз чувствую себя после этого героем труда. Очень позитивно.

Кстати, о стираной одежде. Я же хотела спросить у Тирбиша, где у них машинки стоят. Тирбиш, как всегда, отыскивается на кухне и с удовольствием провожает меня в прачечный отсек. Оказывается, что машинки у всех именные. Тирбиш объясняет, что это для того, чтобы ни в коем случае не перепутать одежду и не потрогать чужое. Поскольку команда по внешности очень разношерстная, красивой половине неприятно прикасаться к личным вещам некрасивой половины, так что эти самые вещи не должны попадать в одни и те же места.

Я только чешу в затылке, как же Азамат при этом должен воспринимать мою манеру за него хвататься чуть что.

Тирбиш выделяет мне одну из запасных машинок, старательно выводит прямо на передней панели мое имя маркером. Это простое действие неожиданно заставляет меня чувствовать гораздо большую уверенность в завтрашнем дне, чем подписание контрактов. Мысль о контрактах напоминает, что надо написать домой, так что после того, как Тирбиш показывает мне сушильню с горячим поддувом, я снова отправляюсь к капитану.

Он все так же сидит за буком — и как глаза не посадил еще в этом вечном полумраке, — но при виде меня снова начинает тербить волосы. Вот ведь не дает полюбоваться!

— Оста-авь, — прошу.

— Да высохли уже, — пожимает плечам. — Не буду же я так ходить.

И берется за расческу. О-о-о, у меня есть идея.

— Дай я, — тянусь, только что не подпрыгивая на месте.

— Что? — не понимает он.

— Дай я тебя расчешу.

Судя по округлившимся очам супруга, я опять сделала что-то невероятное. Надеюсь, хотя бы не оскорбительное.

— Это что, какая-то традиция? — предполагает он, немного оправившись.

Врать не хочется, но очень хочется запустить пальцы в эту роскошь. Пожимаю плечами и, пользуясь его растерянностью, отбираю у него расческу. Она тяжелая, большая, с крупными зубьями. Из какого-то натурального пластика, вроде кукурузного. Поднимаю обеими руками тяжелые жесткие пряди и усаживаюсь с ними на кровать. При такой длине рядом стоять необязательно. Азамат замороженно смотрит, как я аккуратно разбираю кончики. Бальзам — бальзамом, но мне спешить некуда. Постепенно забираю все выше — или, в данном случае, все ближе к хозяину. Наконец дохожу до головы, и тут стараюсь быть как можно осторожнее, не дай бог ему какое обидное движение померещится. Тем более что теперь на всю длину прочесывать приходится. Волосы такие густющие, что кожи на проборе почти не видно. Это ж как тяжело такую косу носить, подумать страшно. У меня у самой в свое время коса была ничего себе, это сейчас я все отстригаю. Так я помню, как мне было тяжело. Но мои-то кудряшки с его гривой ни в какое сравнение не идут.

Ну вот, все хорошее когда-нибудь кончается. На расческе ни волоска не осталось. С ума сойти можно от счастья. Была бы я парикмахером, отдалась бы ему на этом самом месте. Теперь надо все это заплести, и чтобы концы не запутались. И как он один справляется?..

Азамат меж тем сидит, как будто с него портрет рисуют. Даже не моргает, по-моему. Приближаясь к концу косы, задумываюсь о завязке.

— Давай, чем закрепляешь, — говорю.

Он слегка вздрагивает от звука моего голоса и протягивает убитую жизнью черную резиночку. Господи, да тут шелковую ленту нужно... Но ведь сейчас опять начнет, что ему не подобает. Ладно, я ему вышью ленточку, и пусть только попробует не носить. Кстати, рубашку мою не надевает. Неужели что-то не подошло?

— Ну вот, — говорю, — готово.

Предъявляю ему аккуратную косу. Хвостик я нарочно оставила подлиннее, чтобы хоть чуть-чуть видно было, какая там красота.

— Спасибо, — говорит неуверенно. — Мне было очень приятно. Так и не понял, зачем вам это понадобилось.

Взвешиваю, насколько уместно сказать «пощупать захотелось» и решаю пока подождать с откровенностями.

— У тебя очень-очень красивые волосы, — объясняю серьезно. — Они заслуживают самого лучшего обращения.

Левая сторона его лица слегка розовеет. Нет, я не могу, какая прелесть! Неужели это — мой — муж?! Не удерживаюсь и целую его в макушку, благо когда он сидит, я все-таки достаю. Ну все, выносите тело. Под этим взглядом чай можно пить без сахара.

— Пустишь в бук? — спрашиваю, чтобы разбавить сиропчик.

Кивает, встает, отходит в сторону. Пошел дар речи искать, бедолага. Господи, Азамат, да прилети ты на Землю — тебя бы любая с руками оторвала! Это я тут выпендриваюсь. Вроде как солидная женщина, двадцать восемь лет, высшее образование, к первому встречному в кровать прыгать не пристало. А попадись тебе кто попроще — и был бы ты уже со всех сторон счастлив. Но вот угораздило же в меня втрескаться! Ладно, ничего, я скоро и сама до кондиции дойду. Вот только сейчас домой отпишусь...

Мам, я вышла замуж. За капитана муданжского корабля. И остаюсь тут работать.

Мы скоро будем на Гарнете, ты говорила, там какие-то лилии особенные растут. Тебе прислать луковицы?

* * *

Сашка, ты сидишь? Прочно сидишь? Не пьешь ничего, не ешь? Смотри, а то подавишься. Я тут вроде того что выскочила замуж неожиданно для себя. За того самого капитана, с которым ты говорил. Он абсолютно прекрасный. Так что я намереваюсь остаться на корабле, тем более что им все равно нужен бортовой медик. Нет, я вполне уверена, что мне никто ничего не подмешал. Он просто реально бесконечно клевый мужик. У меня все будет хорошо.

* * *

Отдуваюсь, утирая пот со лба. Чует мое сердце, Сашку я не убедила. Ладно, разбер...

Звонок по Сети. Ну кто бы это мог быть, а?! У него там как раз середина рабочего дня, он оповещения о письмах мгновенно получает.

— Азамат, — зову тихонько. Чувствую, как слева у меня за спиной материализуется кто-то большой. — Это мой брат звонит.

— Да, я так и подумал. Вы ему сказали?..

— Да, но я не хочу ему говорить, что это было... против моего желания.

— Но почему? Неужели вы хотите, чтобы он думал...

— Да, я хочу, чтобы он думал, что я вышла за тебя замуж, потому что хотела выйти за тебя замуж. Иначе он станет волноваться.

— О...

— Ты с ним поговоришь?

— Конечно...

Я принимаю звонок.

— Лизка!!! Это что, розыгрыш?! За тобой до сих пор таких шуток не водилось!

— Санечка, это чистая правда, и прекрати орать, а то мой муж обидится.

Сашка картинно закрывает лицо руками.

— Нет, ты все-таки рехнулась. Знаешь, я думал, ты оправилась после смерти Кирилла. Надеялся, у тебя какие-то новые начинания с этим космосом. Но теперь так понимаю, что это все была сложная махинация, чтобы поставить на себе крест, а я не мог тебе помешать!

— Что?! Это что вообще за разговорчики?! — взвизгиваю я, аж слезы к глазам подступают. И это мой брат говорит! — Какого черта?! Я вышла замуж за мужчину, который мне нравится, а ты тут...

— Лиза, он пират! Преступник!!! Ты совсем белены объелась, что ли?

— Он не делает ничего противозаконного!

— Это он тебе так сказал!

— Да блин, у него есть профиль в базе Земного союза!

— Как ты вообще хоть слову его веришь?!

Мне хочется просто захлопнуть бук и на время забыть, что у меня есть брат. Но уж очень жаль Азамата — я ведь ему никогда не докажу, что Сашку волновала не его внешность. Так что решаю просто столкнуть обоих мужиков, и пусть сами разбираются по понятиям. Азамат хорошо убеждает, авось и Сашку убедит.

Тяну мужа за руку:

— Слушай, он не верит, что у тебя есть профиль в базе, и даже не хочет проверять. Поговори с ним, пожалуйста, он меня слушать не будет.

Азамат выглядит расстроенным — еще бы, после Сашкиной истерики. Хорошенький прием у родственников жены. Уродственники.

Я уступаю место у бука, бросаю брату:

— На, поговори с ним сам. Скажешь что-нибудь про его внешность — убью.

Сашка незамедлительно обрушивается на Азамата с обвинениями. Как он посмел, да что он себе вообразил, да неужто он думает, что меня тут не найдут, да вообще сейчас армейский взвод в люк постучится. Обычные тупые мужские угрозы, мог бы и поновее что-нибудь придумать. Особенно после того, как этот самый армейский взвод меня тут бросил.

Азамат отвечает спокойно и обстоятельно, без угрозы, но и без трепета. Нет, никакого насилия и в помине не было. Ничего не вообразил, сам удивляется неожиданно привалившему счастью. Найти нас трудновато, но, если уважаемый Александр согласится приехать на Гарнет, можем встретиться и все обсудить вживую. Армейский взвод вызвать не удастся, есть специальный указ от такого-то такого-то номер такой-то, запрещающий земным войскам применять насильственные меры против Азамата Байч-Хараха.

— Байч-Харах? — Сашка застывает с приоткрытым ртом. — Это вы — Байч-Харах?

— Конечно, я, — пожимает плечами Азамат. — А что, много претендентов?

Сашка перестает смотреть в экран, видимо, решает все-таки слазить в базу. Потом вертит головой — похоже, сличает фотографию с собеседником. Ну тут уж трудно ошибиться. Откашливается.

— Э-э, кхм, я, э-э... простите, я вас не узнал... То есть я вас никогда не видел... Извините за недоверие, больше не повторится.

Ну ни фигя себе! Ты еще на вытяжку встань и честь отдай! Что ты там такое увидел в базе? Интересно даже.

Азамат посмеивается несколько умиленно.

— Ничего страшного, я понимаю, вы заботитесь о сестре. У меня у самого младший брат есть, так что я вас хорошо понимаю. И знаю, что вид мой доверия не вызывает. Так что вы все правильно сделали. Я совершенно не в обиде.

Сашка на все это только мямлит что-то прошу-прощебное, а я так и вовсе ртом мух ловлю. Умудрилась выскочить за кого-то настолько

крутого и не заметить? Ну я даю!

Азамат снова уступает мне место за буком.

— Какого черта ты не сказала, что это Байч-Харах?! — шипит Сашка. — Если начальство узнает, что я с ним поссорился, мне таких люлей навешают!

— Я не знала! Впервые слышу это имя. Чем он так знаменит?

— Ты рехнулась, что ли? Ты еще спроси, кто такой Кутузов!

Кутузов. Кажется, в школе как-то раз мальчик, который мне нравился, делал по нему доклад. Но я больше смотрела, чем слушала.

Сашка, видя мой бессмысленный взгляд, роняет голову на клавиатуру.

— Он герой обеих джингошских кампаний! Это же каждый мальчишка знает! То есть это, конечно, государственная тайна, потому что наши ни за что не признаются, что использовали наемные войска, так что высокое начальство будет делать вид, что совершенно не в курсе... но ты бы хоть поинтересовалась, за кого замуж выходишь, блин!

— Ну-у меня как-то больше заботило, что он добрый и предупредительный, но если еще и герой, то я не внакладе.

Сашка обреченно мотает головой.

— Женщины. Ладно, мы за вас выпьем вечером, когда будем отмечать, что я породнился с Байч-Харахом. Ты матери написала?

— Да. Но я не думаю, что она будет волноваться.

— Нет, но она захочет связать ему свитер. Она Маську уже всю обвязала, дальше некуда, а тут свежий кандидат. Так что ты поосторожнее...

Я уже ржу, еле сдерживаюсь, чтобы не завывать. И как же я забыла, как мама прямо с первых дней Сашкиной женатой жизни взялась одевать его супругу! Маська, правда, удачный экземпляр — она тощенькая, мелкая и все время мерзнет.

— Пусть вяжет, — выдавливаю. Сашка делает страшные глаза. — У них самодельная одежда в большом почете. Он будет очень рад.

Сашка качает головой и решает, что с него хватит.

— Ладно, удачи тебе. Извини за скандал.

И отключается.

* * *

— Так ты, оказывается, знаменитость, — говорю, проржавшись. — Ишь как Сашку построил!

— Ну я так понимаю, что ваш брат занят при Земном союзе, так что ничего удивительного, что он обо мне слышал. Это вовсе не значит, что я знаменит, — усмехается Азамат. Потом качает головой. — Меня все-таки удивляет, что вы предпочитаете называть друг друга простонародным вариантом имени.

А ведь и правда: и я, и Сашка, и мама — все на гласные начинаемся. Аристократическое семейство, кто бы мог подумать!

— Можешь считать, что у нас принято среди своих не хвастаться титулами, — хихикаю. — А что такое это «Байч-Харах»? Я думала, у вас нет фамилий.

— Байч-Харах — это прозвище, означает... знаете, игрушка такая есть, неваляшка?

— Господи, за что ж тебя так прозвали? — хлопаю глазами.

— Ну... вроде как... живучий очень, — пожимает плечами.

— А-а...

Мне в голову начинают лезть всякие смешные неприличные интерпретации, так что я стараюсь уткнуться в бук. Неожиданно приходит ответ от мамы.

Ну а где свадебные фотографии и видео? И вообще, почему родительского благословения не спросила? Непорядок! Надо же мне полюбоваться на того монстра, который на тебя упряжь вздел.

Лилии! Да, да, да! У них там есть синие и еще махровые фиолетовые с крапинками! Я сейчас у Котельниковой спрошу латынь, а то ты же все неправильно купишь.

Отписываю маме, что всему свое время, и вдруг замечаю Азамата, нависшего над моим плечом.

— У вас и буквы другие... Простите, что подсматриваю, меня просто немного беспокоит... реакция вашей матери. Я так понял, что вы с ней близки...

— Да какая у нее реакция! — фыркаю я. — Это Сашка у нас нервный, а мама спокойная, как слон.

Азамат моргает, не совсем меня поняв, и я перевожу ему мамино письмо. Приходится долго объяснять про лошадей и возы. Кажется, он решает, что мы общаемся шифровками.

* * *

Гарнет уже виден в иллюминаторах — душно-алый, светящийся, окруженный роем суетливых звездолетов, звездолетиц и звездолетиков. На нем водится какой-то красный минерал, от которого вся вода приобретает характерный багряный оттенок, да и суша, где нет озеленения, являет все оттенки от бордового до оранжевого. За то он, собственно, и Гарнет. Завтра уже там будем.

Я отлипаю от иллюминатора и иду в прачечный отсек простирнуть свое немногочисленное барахлишко и заодно подсунуть позаимствованную у Алтонгирела рубашку к его высохшим шмоткам. Он, наверное, удивится, но это мой единственный способ ее вернуть.

* * *

Ночь не задалась с самого начала. То мне жарко, то мне холодно, то непомерная футболка у шеи сбилась, то пить хочется, то наоборот. Вроде и нервничать повода нет. Ну кроме того, что я сегодня замуж вышла. Во втором часу ночи все-таки удается заснуть, но снится какая-то чудовищная хреномуть. Смотреть ее мне не нравится, так что я опять просыпаюсь, и все начинается заново — опять ворочаюсь, опять засыпаю, опять вижу нечто, что однозначно классифицируется как кошмары. Просыпаюсь. Неужели этот гад мне опять чего-то подсыпал? Но ведь сама же чай себе заваривала сегодня! И даже не очень крепкий. И еда на вкус нормальная была.

Можно, конечно, тяпнуть снотворного. Но сны от этого никуда не денутся, а вот проснуться и отплеваться уже не получится до утра. М-да. А ведь мне надо завтра соображать! Ну и что мне делать?

Хм. Воспользоваться проверенным методом. У меня ведь муж есть, не так ли? Вот пусть он со мной и нянчится, ему не впервой.

Тихонько выбираюсь из каюты и, озираясь, чтобы ни на кого не налететь, прокрадываюсь к Азамату. Не очень хочется узнавать, насколько именно неприлично выгляжу в футболке до колен.

У Азамата все, как в тот раз, — дверь открыта, он лежит на кровати, практически засунув голову в подушку. И не душно ему там? Внезапно он что-то говорит, и я подскакиваю. Но нет, похоже, это во сне. Эге, да я не единственная, кому тут грезится всякая дурь. Ну ладно, может, и ему от моего присутствия полегчает.

Забираюсь под одеяло и ныряю ему под руку. Ну вот, тепло и уютно, просто семейная идиллия. Он что-то бормочет по-муданжски,

кажется, мелькает слово «отец», но я ни в чем не уверена. Глажу его по голове, запускаю пальцы ему в волосы, да так и отрубаясь.

Глава 12

Утро у меня случается раннее. Чертов автопилот врача — я еще с Кириллом мучилась. Как только у рядом лежащего тела меняется ритм дыхания, я просыпаюсь, и с этим я ничего не могу поделать.

— Доброе утро, — приветствую супруга, потягиваясь. Рука, которую я так беспечно перекинула поверх него, затекла — уж очень он надо мной возвышается, когда на боку лежит. В плечах-то сажень косяя...

— Что?! — выдыхает Азамат. — Опять?!

— На сей раз обошлось без Алтонгирела, — смеюсь я. — Просто что-то никак уснуть не могла, а потом еще снилось всякое... В общем, решила немножко тебя поэксплуатировать. Ты же не против? — хлопаю ресничками.

— Да... я... рад, если могу чем-то помочь... — бубнит он. Видно, еще не совсем проснулся. — А почему вы гармарры не выпили?

Действительно, почему? Она бы как раз сняла все симптомы.

— Забыла про нее на фиг, — честно признаюсь с обезоруживающей улыбкой.

Он покатывается со смеху, меня почти сносит звуковой волной.

— Про гармарру забыли, зато про меня вспомнили. Вот это комплимент! Да вы и правда рекорды ставите.

Я милостиво не напоминаю ему, что гармарру я до сих пор пару раз в ботсаду видела, а он у меня все время под носом. Хотя скорее уж над носом.

— Сколько сейчас? — зеваю. По ощущениям — спать и спать еще.

Он снова, как тогда, приподнимается на локте, — мне кажется, что он при этом весь оказывается в воздухе — заглядывает на дальнюю полку, а потом так же плавно возвращается в лежачее положение.

— Полшестого. Мне пора бы и встать, через полчаса прилетим.

Это я всего-то и дрыхла? Фи-и...

— Ой, а можно еще поваляться? — принимаюсь клянчить. Я понимаю, что надо дела делать и всякое такое, но ведь так рано...

— Конечно, спите! Я вообще не понимаю, чем вас разбудил. — Он начинает выбираться из кровати. Пижамы у него все-таки напоминают водолазный костюм.

— Тем, что проснулся, — хмыкаю. — Это неизбежно, ты не виноват.

Азамат качает головой и топает в ванную.

— В таком случае тем более не стоило здесь пытаться выспаться, — слышится его ответ сквозь шум воды.

Смотрю — дверь он не закрыл, стоит умывается. Батюшки, зубную щетку достает! Я даже забываю, о чем мы говорим.

— А из каких соображений ты чистишь зубы? — выдаю я прежде, чем соображаю, что это не очень вежливо.

Он аккуратно сплевывает пасту и отвечает:

— На Гарнете основное население — йинир, они чувят, как кошки. Малейший неприятный запах — и с тобой не будут разговаривать. Ну а пообщаешься с ними — быстро к чистоте привыкаешь.

Ого. Так вот кто у нас двигатель цивилизации.

— А я и не знала, что на Гарнете есть какое-то население...

— Ну а кто там работает-то? Не земляне же. У йинир своя планета есть, но и здесь их много осело. Климат подходит, говорят.

Я перестаю его отвлекать, пока он полощется. Лежу, растянувшись, в мягкой постели, незаметно для себя сползаю на нагретое Азаматом место. Но вот он выходит и берется за расческу — на ночь-то мою работу распустил. Я перехожу в вертикальное положение, как чертик из коробочки, и тяну руки:

— Давай сюда.

Он улыбается застенчиво:

— Да мне побыстрее надо...

— Могу и побыстрее, иди сюда.

Он покорно садится и позволяет себя расчесать, хотя и бурчит что-то под нос. Неприятно ему, что ли?

— Чего говоришь?

— Говорю, вы вроде бы спать собирались.

— Ничего, наплюсь еще. Тебе разве не нравится?

— Да мне-то нравится... А вот вам в чужих космах ковыряться какое удовольствие?

— Огромное! — говорю честно. — Ну вот, готово, давай свою мерзкую резиночку.

— Светлые силы, Лиза! Странные вы, земляне. Чужие волосы трогать не противно, а резинка мерзкая...

— Это вы странные, — парирую заносчиво. — В такие волосы надо жемчуга вплетать, а ты ленишься новую резинку купить. Да и вообще, привыкай к моим причудам, раз уж твой дорогой друг нас свел.

Что-то я наглею с утра пораньше. Но Азамат, кажется, не возражает. Ухмыляется довольно — и тут же делается таким родным, как будто я с ним уже лет десять прожила в счастливом браке. Даже шрамы как будто растворяются, и кожа такая гладкая... Я не заснула, часом?

Видимо, и правда на пару секунд отрубилась, потому что внезапно Азамат уже в другом конце комнаты достает одежду из шкафа. Мне кажется или он пропустил какую-то обязательную утреннюю процедуру?

— Ты не бреешься, что ли? — С утра я являю собой образец тактичности, да.

— Нет, — как-то неохотно отвечает он. — По шрамам все равно не растет, а с левой стороны все вывел раз и навсегда, чтобы больше об этом не думать. Как-то не ожидал, что когда-нибудь женюсь.

— А какая связь?.. — уточняю сонно. В принципе можно и догадаться.

— Ну холостякам борода не полагается. Вот женишься — тогда можно отпускать.

— А женщины что после свадьбы делают? — Вот и мой шанс что-то выведать о брачных правилах, да только я засыпаю-не-могу...

— Некоторые перестают волосы стричь, но это только если...

Не знаю, что он там дальше говорил, я задрыхла.

* * *

Продираю глаза и обнаруживаю, что за иллюминатором Гарнет. То есть не фотографии Муданга, а самый настоящий космопорт. Ура, стоянка! Соскакиваю с кровати, чтобы посмотреть на часы, которые повернуты почти к самой стенке. Уже без десяти одиннадцать! Надо быстро приводить себя в человеческий вид.

К счастью, в коридорах мне никто не встречается, должно быть, все вышли. Так что я благополучно облачаюсь в приличную юбку (в отличие от неприличных штанов), чищу зубы и обдумываю, где ловить супруга, чтобы получить сопровождение и деньги на закупку. Супруг, впрочем, стучится в дверь сам, когда я уже готова. С ним Тирбиш и еще два человека из команды. Один — ровесник Тирбиша, шкафообразный парень, стриженный «шапочкой». Зовут его каким-то непристойным словом, насколько я успела уловить. Что-то типа «Дорчжи». Муданжский язык вообще исключительно неблагозвучен, прямо начиная с собственного названия. Второй товарищ постарше, с отпечатком интеллекта на лице и аккуратным хвостиком.

— Ирнчин, — кратко представляется он.

— Лиза, — говорю на всякий случай.

Азамат не сводит с меня виноватого взгляда и наконец набирает воздуха, чтобы его объяснить:

— У меня, к сожалению, есть еще дела сейчас, и я не могу пойти с вами...

— Уверена, что мы справимся, — старательно изображаю на лице ободряющую улыбку.

Он кивает, вручает мне кредитку с кодом и уходит.

Дорчжи ничего не говорит, и мы выдвигаемся.

* * *

Выходим по трапу, спускающемуся из центра брюшка. Вокруг космопорта местность и правда не соответствует моим представлениям о Гарнете — сплошные лабазы, гаражи, слева и справа от выхода с посадочных площадок стоят неаппетитного вида харчевни с сильным запахом паленого мяса. Это йинир терпят. Такое чувство, как будто планета повернулась к нам спиной.

Наш звездолет ужасно гламурный, как я теперь понимаю. Он очень гладкий, весь такой закругленный, как самые навороченные земные корабли. И ярко-красный. Я его вообще-то уже видела из иллюминаторов земного корабля, когда выход искала, но тогда вообще все вокруг было подсвечено красным, да и мне было не до разглядывания. По форме он напоминает бронзовку: толстое брюшко, а с другого конца маленькая голова, где капитанский мостик. Над этой головой торчат две лопасти неясного назначения, как усики. Корабль не сидит на земле, а стоит на четырех мощных лапах, а еще

несколькими лапками потоньше придерживает джингошский корабль — очередную черепаху, правда, намного меньше той, от которой мы удирали. Грубо слеппенное потрепанное джингошское судно на фоне нашего выглядит просто дохлым. Интересно, чего это Азамата потянуло на такой гламур? Правда, это известная вещь, что примитивные народы любят все яркое, но забавно. Кому сказать, что летаю на красном с золотом звездолете, засмеют ведь.

У самой задней правой ножки стоит довольно эклектичная машина: спереди как «скорая помощь», а сзади еще открытый кузов с откидным верхом из какого-то модного тонкого материала. Мы грузимся в кабину, и Ирнчин везет нас к цели — складам фармацевтической компании. Оказывается, Азамат уже даже связался с ними заранее и все обговорил, нам остается только огласить список и забрать товар.

В офисе компании со мной общается расторопный клерк, похожий на частично отмытого индуса. Тирбиш сообщает шепотом, что это и есть иринир. На всеобщем они, правда, называются тамлингами, по своей планете — Тамль. Ну вот, новая статья в мой словарь муданжского. Правда, про обоняние тамлингов я раньше ничего не знала.

— Вы с Арея? — спрашивает он меня между делом.

— С Земли, — отвечаю я и прикусываю язык под суровым взглядом Ирнчина. Ну ребят, предупреждать надо было, что мне положено шифроваться.

— Ого! — Он даже отвлекается от каталога. — И что же вы забыли среди муданжцев?

Я кошусь на Ирнчина, но он на сей раз отвечает за меня:

— Она жена Байч-Хараха.

Ага, это, значит, можно сказать. Не понимаю я ничего в ваших тонкостях.

— Да ну-у-у! — шепотом восхищается тамлинг и окидывает меня совсем другим взглядом, чем сперва, — с оттенком подобиострастия. Впрочем, быстро смущается и снова утыкается в каталог, бормоча: — То-то я думаю, странно, чтобы муданжцы и ареяне лекарства покупали...

На складе нам отряжают двух грузчиков. Объем вышел гораздо больше, чем я ожидала, но это для меня нормально. Тем более что

Азамат велел брать все, невзирая на цену, и практически все у этих ребят нашлось. Тирбиш и Дорчжи контролируют, чтобы тамлинги не кантовали хрупкие приборы, а Ирнчин молчаливым стражем стоит у меня над душой. Серьезно мужик подходит к вопросу телохраниения, ни на шаг не отступает и глазами вертит, как будто у него нистагм.

На все формальности уходит довольно много времени, и я сильно устаю, тем более что спячки у меня нынче были с препятствиями. Немедленно раскладывать покупки в «смотровой» мне неохота, а охота вовсе даже взглянуть на Гарнет и прикупить себе шмоток. К счастью, мои провожатые не возражают против еще одной вылазки.

На сей раз Ирнчин везет нас совсем в другую сторону, и вскоре местность разительно меняется. Появляются высокие, блестящие сплошным стеклом офисные здания, за ними не менее сверкающие гостиницы-небоскребы, а потом и всякие навороченные магазины и рестораны. Ну вот, это я уже готова считать Гарнетом.

— «Грегориз» подойдет? — угрюмо спрашивает Ирнчин.

Я понимаю, конечно, что у него манера такая, но не могу избавиться от ощущения, что ему претит мысль о покупке одежды. Вот и магазин выбрал дорогой и бестолковый.

— А «Трех тюльпанов» тут нету? — спрашиваю с надеждой. — Знаете, такие с красной вывеской...

Все трое смотрят на меня так, как будто я собралась попить из лужи.

— Есть в принципе, — медленно произносит Ирнчин. — А вы уверены, что вам это подходит?

Нет, ну «Три тюльпана», конечно, довольно дешевая сеть, но что уж так-то презрительно? Там неплохие шмотки, между прочим. Уж получше, чем в этом понтовом «Грегориз».

— До сих пор подходил, — говорю. — Или женам капитанов положено одеваться исключительно дорого и безвкусно?

Ирнчин издает короткий смешок, Тирбиш тоже расплывается в улыбке, а вот Дорчжи хмурится и внезапно, впервые за все время, подает голос:

— А че сразу безвкусно?

Так и не сообразишь, что ответить.

— Ну каждому свое, — говорю. — Я вот не люблю платить большие деньги за то, чтобы выглядеть хуже.

Тирбиш покатывается со смеху, а Ирнчин с торжествующей интонацией бросает через плечо:

— А я тебе говорил!

После этого атмосфера в нашем маленьком отряде становится намного дружелюбнее. Дорчжи принимается меня расспрашивать, что нынче в моде на Земле (я, конечно, тот еще информатор по вопросам моды, но хотя бы от совсем уж безумных уродств могу его предостеречь). Выясняется, что молчал он, потому что неважно владеет всеобщим. Тирбиш этим злорадно пользуется: неразборчиво нашептывает мне, что у Дорчжи на Броге невеста и ему очень хочется ей что-нибудь подарить по рекомендации с самой Земли.

Под эти разговоры я затариваюсь вагоном и маленькой тележкой барахла, а заодно помогаю Дорчжи выбрать кой-чего для его барышни. А после того как расплачиваюсь, мы плавно перекочевываем в мужской зал, где эти трое таких разных мужчин дружно закапываются в шмотки, меряют все подряд и спрашивают мое мнение. Ирнчин, правда, следит, чтобы я не оставалась в торговом зале одна, пока мужики по примерочным, но его тоже захватывает одежная лихорадка. Видимо, это такая суровая национальная черта — прибарахлиться они любят все. Через час мне еле-еле удастся их вытащить в стоящий неподалеку магазин тканей, и теперь уже я устраиваю допросы насчет того, что пристало носить капитану. Правда, сначала приходится несколько раз повторить, что да, я хочу ему что-нибудь сшить, да, я умею, да, он в достаточной мере мне нравится, чтобы тратить усилия. Зато потом все идет как по маслу и проясняется один скользкий момент.

— Я ему уже сшила одну рубашку, — говорю. — А он не надевает. Уж не знаю, что там не так...

— А куда бы он ее надел? — удивляется Тирбиш. — Кто же дареную одежду в обычные дни носит? Это для праздников, перед людьми хвастаться, что тебя любят. — Он мечтательно вздыхает. — Вот я помню, мне в восемь лет соседская девочка жилетку сшила, да какую... эх, жаль, имя у меня не то, чтобы к ней подсаживаться.

Я стараюсь не подавать виду, как меня вышибает из колеи это случайное замечание. Ладно, хотя бы про рубашку мне теперь понятно.

— А как думаете, если я ему ленту для волос подарю, он будет носить? — спрашиваю.

— Ле-энту... — протягивает Ирнчин, пока Тирбиш переводит Дорчжи, что я сказала. — А как ее сделаешь-то?..

Внезапно Дорчжи начинает махать руками.

— Вы это... не ленту... гизик, гизик сделайте!

Двое других явно оживляются:

— Да, точно! Гизик!

Через несколько минут при помощи показывания на пальцах и рисования в мобильнике мне объясняют, что гизик — это такой плетеный шнурок на все случаи жизни, который можно сделать очень красивым, а Дорчжи умеет их плести и готов меня научить. Надеюсь, для обучения слов ему не потребуется.

В общем, день прожит не зря, особенно после ударного обеда в каком-то невероятно пафосном ресторане. Едальню выбирал Тирбиш, который везде, где бывает, планомерно исследует меню и обязательно пробует все незнакомое в целях самообразования.

* * *

Но самое интересное ожидает меня по возвращении на корабль. Моя каюта завалена коробками, коробочками и коробуськами так, что я еле могу войти. Сначала решаю, что это мое медицинское добро, хотя я четко указывала сложить его в пустующих каютах рядом, чтобы я могла спокойно все рассортировать и распихать. Но, открыв ближайšie две коробки, понимаю, что эти предметы не имеют к медицине никакого отношения: в одной какая-то одежда, в другой банные принадлежности... и это точно не мое. У меня могли бы возникнуть кое-какие догадки о происхождении даже такого количества неизвестных вещей, если бы я не прочла по бирке, что гигантская коробка вдоль стены содержит в себе комод. Кажется, кто-то попал не туда. В легком замешательстве отправляюсь на поиски капитана.

Он обнаруживается в кухне за поглощением неизвестного мне овоща, похожего на корень петрушки.

— А, Лиза... — говорит как-то неуверенно. — Ну как, вам все удалось купить, что хотели?

— Да, и даже больше. Слушай, а что это такое у меня в каюте?

Он совсем теряется.

— Э-э... в смысле?

— Там куча каких-то коробок с чьими-то вещами.

Он моргает пару раз со странным выражением.

— А вы... в них заглядывали?

— Ну я открыла две ближайшие с уголка, поняла, что это не мое, и закрыла.

Господи, неужели трудно объяснить? Вряд ли такому явлению может быть много разных причин!

— И там еще мебель какая-то, — добавляю для убедительности. Ну должен же он знать, откуда это! Кроме него, ведь никто мою каюту открыть не мог.

Азамат нервно сглатывает.

В этот момент из кухни выходит Алтонгирел, в одной руке держа пиалу с чем-то жидким, а другой набивая что-то в мобильник.

— Ну чего, подарил подарки? — спрашивает на всеобщем, не поднимая головы, видимо, переключиться не успел на нужный язык.

Азамат закрывает глаза и прерывисто вздыхает. И тут до меня начинает доходить.

Ой-йопт-что-ж-я-такая-ду-у-у-у-у-у-у-у-ура!!!

Так, только не давать сатисфакции Алтонгирелу. Пусть думает, что у нас все прекрасно и полное понимание.

Пользуясь тем, что духовник все еще смотрит в телефон, молча хватаю Азамата за руку и тяну в сторону двери, обильно жестикулируя. Он послушно выбирается из-за стола и вслед за мной выскакивает из столовой. Алтонгирел так нас и не замечает, занятый топтанием по клавишам. Теперь, в коридоре, меня начинает разбирать хохот, когда я понимаю, как все это должно было выглядеть со стороны. Я так смеюсь, что еле могу стоять, и в то же время понимаю, что Азамату моя пантомима должна сильно действовать на нервы, особенно в свете только что произошедшего конфуза. В итоге просто вешаюсь ему на шею и продолжаю хохотать до слез, икоты и боли в животе.

Когда наконец обретаю способность стоять сама, Азамат уже готов вызывать психовозку, хоть и не знает, что это такое. Да уж, какой бы реакции он ни ожидал на свои дары, я отколола нечто совершенно иное.

— Так это что, все подарки мне? — говорю между иканиями, вытирая глаза.

— Ну да, — отвечает он жалобно.

— А почему так много? — еле выговариваю. Хочется еще спросить, а почему там мебель, но у меня в данный момент ограниченная способность к членораздельной речи.

— Вы считаете, что много? — поднимает брови Азамат.

— А ты — что мало?! — выдавливаю сквозь новый приступ хохота. Приходится упереться руками в колени, чтобы устоять.

— Да там всего около пятидесяти предметов, — смущенно говорит мой супруг.

— Всего?! — взываю и захожусь кашлем. Господи, я пару лет так не ржала. Вот вечно так, когда нельзя...

После небольшого приступа кашля ко мне возвращается человеческий облик, но глаза приходится вытирать снова. Несчастный Азамат стоит и смотрит на меня с совершенно убитым видом. Бедняга, какая же у него жизнь жестокая.

— Ну пошли, — говорю, — буду распаковывать.

— А я-то зачем? — моргает он. Решил, наверное, что жена вознамерилась поставить личный рекорд по заведению его в тупик.

— Ну как, а кому я буду спасибо говорить? У нас принято открывать в присутствии дарителя.

Он только пожимает плечами и послушно идет за мной.

Глава 13

Оставляю Азамата переминаясь в дверях, а сама, с трудом найдя между коробками место для ног, принимаюсь распаковывать. Начинаю с той, где видела одежду — можно сразу будет убрать в шкаф и освободить пространство.

Там не просто одежда. Там платья. Длинные, тонкие, из яркого тамлингского шелка всех цветов радуги — к счастью, не больше двух цветов на платье. Их там штук двадцать, наверное. У меня аж в глазах рябит. Вытаскиваю подряд, прикидываю на себя — как раз должно быть. Боже мой, я не носила таких с двадцати лет! Хочется немедленно влезть во все сразу, но я тогда до ночи не управлюсь с подарками.

— Какая невероятная красота! — решаюсь наконец разбавить словами нечленораздельные восторженные звуки, которые издаю с момента извлечения первого платья.

Азамат вздыхает с облегчением. Неужто думал, что мне может не понравиться?

— Сейчас померить? — спрашиваю напрямую.

— Да вы устанете столько мерить, — поднимает брови.

— Ладно, будем постепенно, — охотно соглашаюсь я и аккуратно сгружаю все содержимое коробки в шкаф. Собственные покупки я еще не разбираю, так что там пока есть место.

В соседней упаковке — примерно полкубометра размером — как я уже знаю, всякие шампуни и прочие гели. Я распаковываю ее больше для вида, и так понятно, что мне теперь на пару лет хватит. Сверху несколько флаконов разных средств той же фирмы, какой у Азамата бальзам, под ними невероятно дорогие кремы, потом... да тут все на вес золота. Мне даже как-то неудобно становится, я явно стою дешевле, чем все, что тут напихано.

— Тут целое состояние, — говорю благоговейным шепотом. — Мне страшно представить, сколько все это стоило...

— Что-то не так? — переспрашивает Азамат.

— Нет-нет, — говорю быстро. — Все прекрасно. Просто так много... и все такое дорогое...

Его явно напрягает моя растерянность, а я не могу найти в себе сил с ней справиться. Не знаю, как правильно радоваться, чтобы ему было приятно. Ладно, будем действовать на физиологию.

— Иди сюда, — маню его рукой, чтобы нагнулся.

Он наклоняется ко мне, всем своим видом выражая стремление хоть что-то понять в моем поведении. А я прихватываю его под скулы и целую в обе щеки.

— Спасибо тебе, солнце, — говорю растроганно. И еще обнимаю для пущего эффекта. Когда отпускаю, в глазах у него звездное небо — никакого космоса не надо. И руки дрожат слегка. Ого, да он так не доживет до тех пор, когда я закончу все подарки смотреть.

— Я рад, что вам нравится, — говорит неверным голосом. Надо его как-то отвлечь, пока еще на ногах стоит.

— Давай это сразу в ванную, — прошу.

Одна я эту коробку не то что не подниму, а даже и не сдвину. Ну он, конечно, кивает и переносит ее куда указано, лавируя между прочими подарками, и на вид ему это стоит не больше усилий, чем перенести пляжный надувной мяч — размер большой, веса никакого.

Я тем временем берусь за тару поменьше в надежде, что там будет что-нибудь, не вызывающее у меня спазмов в кошельке. Ага, понадеялась одна такая. Там бук! Ну что ж, это сильно облегчает жизнь, хотя от Азамата я не ожидала. Его, по-моему, устраивало, что я к нему хожу за каждым письмишком.

Бук большой, диагональ побольше, чем у капитанского, но это и хорошо. Таскать мне его вряд ли придется, а большой экран удобнее, да и по клавишам попадать... сенсорные ведь небось. Открываю на всякий случай — ба, да там альтернатива! Встроенная сенсорная клавиатура и подключаемая человеческая! Вот это я понимаю: все продумано. Азамат уже опять пробрался к двери, и я поднимаю на него затуманенный счастьем взгляд:

— Спасибо! Это прямо как специально для меня модель! — улыбаюсь на все тридцать два зуба.

Он тоже слегка улыбается. Кажется, шок от моих бурных благодарностей немного прошел. Погоди у меня, еще сегодня привыкнешь.

Бук торжественно водружаю на стол, где ему и место. В соседних с ним коробках обнаруживаются телефон, камера, отдельный нетбук, нечто звуковоспроизводящее марсианского вида, тоненький карманный бучок для чтива и заметок, еще какая-то фигня, объединяющая в себе функции всего вышеперечисленного, и целая коробка с техникой, о назначении которой я могу только догадываться. Складываю коробки в аккуратные штабеля на столе, не прекращая расписывать, как мне жизненно необходимы все эти устройства и как он удачно выбрал самые подходящие модели.

Лучше всего Азамат попал с телефоном, он тоже с альтернативой кнопки или сенсор. Впрочем, у Алтонгирела, кажется, похожий, так что это, видимо, просто модная на Муданге модель. Но меня ужасно радует, что можно задвинуть клавишу и не бояться случайно прикоснуться к сенсорной поверхности, а можно отодвинуть — и в два движения добыть нужный контакт. И вся опознаваемая мной техника совместима между собой!

— А это что? — спрашиваю, тыча пальцем в коробку.

Теперь я прокопалась к стулу, и его можно выдвинуть. Азамат подходит поближе посмотреть, про что спрашиваю, и я, пользуясь моментом, залезаю на стул и повторяю номер с поцелуями. Он глядит,

как будто постиг Дао, и мне становится смешно. Ах да, ему, наверное, странно, что я не брезгую прикасаться к его обожженной щеке. А я уже и забыла, что должно быть неприятно... Алтонгирел удавился бы, если б узнал, что все его напоминания напрасны.

— Вам... действительно интересно, что там, или это был отвлекающий маневр? — хрипловато спрашивает Азамат.

— Одно другому не мешает, — говорю, ослабившись.

Он тоже ухмыляется. Кажется, начинает осваиваться с моими причудами.

— Это ларец с расширенным внутренним пространством. Восемь кубометров...

— Их уже пустили в продажу? — удивляюсь я. Сашка принимал какое-то косвенное участие в разработке этих штуковин, правда, давно, но он следит за процессом. Он бы мне сказал...

— Ну не совсем, — довольно улыбается Азамат. — Это пока еще тестовая партия... Но я вас уверяю, они прошли уже достаточно проверок, чтобы можно было спокойно пользоваться.

Это он где-то свистнул... или купил дивайс, которого и на рынке-то еще нет?! Вот это да...

— Ничего себе, — говорю. — Мне еще никогда таких крутых подарков не дарили, да еще так много!

— Да где много... — отмахивается он. — При нашей с вами разнице в положении, да еще если учесть, что я до женитьбы ничего не дарил, должно было быть несколько сотен предметов, но я многое не решился взять, потому что плохо знаю ваши вкусы. Тем более что далеко не все традиционные подарки уместны в космосе.

Несколько сотен!

— Слушай, Азамат, — начинаю осторожно, — не надо несколько сотен. Побереги кошелек для чего-нибудь более полезного.

— А что может быть важнее для меня, чем ваш комфорт? — говорит он с лукавой искоркой в глазах.

У меня опять возникает это безумное чувство, что я знаю его уже сотню лет. Но от его слов я слегка смущаюсь и отвожу взгляд, который падает на фотокамеру. О! К счастью, все причиндалы уже внутри, так что я успеваю сделать снимок прежде, чем Азамат отшатывается.

— Ну зачем, Лиза? — Он закрывается на случай, если я попытаюсь еще пощелкать. — Я этого так не люблю...

— Прости, — делаю щенячьи глазки. — Понимаю, но мама очень просила прислать фотографию. Ну не обижайся.

Приходится снова намотаться ему на шею — это гораздо удобнее, когда стоишь на стуле. Я чувствую, как он начинает расслабляться и — о чудо! — даже обнимает меня сам. Не иначе неподалеку взорвался Красный Гигант.

Мы зависаем во взаимообернутом положении, но я слишком наклонилась вперед, и стул подо мной решает, что ему пора на место. Я соскальзываю, и Азамат воспринимает это как сигнал поставить меня на пол. Ладно хоть не дал упасть, а то знаю я его, еще постесняется ловить...

Следующая партия подарков несколько менее приятна — это духи. Не то чтобы я имела что-то против духов в принципе, просто мне запахи нравятся — один на миллион. И я очень, очень сильно сомневаюсь, что у нас с дорогим моим инопланетным дикарем может быть одинаковое представление о приятных ароматах. И еще отдельно я не хочу распылять все эти пахучие жидкости у себя в каюте. Не знаю, с какой скоростью тут вентилируется... Вот только как все это объяснить Азамату?

— Честно говоря, я просто взял все, что на слуху, — винится мой благоверный. — Подумал, может быть, вы на досуге выберете что-нибудь.

О-о, мне кинули спасательный круг.

— Ты мое солнышко, — целую его в плечо. — А не проще было со мной в магазин сходить?

— Ну это уже тогда как бы не подарок, — протягивает он.

Боже, как все сложно.

— Ладно, — говорю, — я обязательно все перенюхаю.

Следующим номером нашей программы оказываются драгоценности, и вот тут мне уже становится нехорошо. Я не понимаю, как можно в здравом уме потратить столько денег. Оно, конечно, все красивое и блестит, но я-то хорошо если раз в месяц надену деревянные бусики, а сережки и вовсе одни и те же годами ношу, не снимая. И что я буду делать с сотнями каких-то коле с изумрудами? Не говоря уже о кольцах, которые вообще не ношу. Лучше б деньгами выдал, честное слово.

Изо всех сил стараюсь изобразить восторг и проваливаюсь с треском.

— Вам не нравится, — с печальной улыбкой констатирует Азамат.

— Ну что ты, конечно, нравится! — делаю последнюю жалкую попытку исправить положение. — Все такое красивое...

— Зачем вы врете? — удивленно и настороженно спрашивает он.

Вот так вот! Я аж зубами клацнула от неожиданности. Вот вам и весь такт. Пялюсь на него, как солдат на вошь, глазами хлопаю.

— Ну-у, как бы не хочу тебя расстраивать, — говорю наконец. Ладно, если тебе так надо, чтобы я призналась, что мне не нравится...

— А чего мне расстраиваться? Вам и так понравилось гораздо больше вещей, чем я ожидал. Хотя теперь уже не уверен, что это правда...

Приехали. Я тут изо всех сил стараюсь как лучше, а он меня подозревает в подлоге. Замечательно!

— Ну хорошо, хорошо! — внезапно начинает тараторить он. Видно, я что-то такое выразила на лице угрожающее. — Если вам удобнее, чтобы я считал, что вам все нравится, то пожалуйста, я верю!

Господи, даже рассердиться на него нельзя! Это же надо, какая предупредительность. Так, подруга, давай-ка без ссор. Тебе и так достался мужик высшего сорта, нечего тут по мелочам возбухать. Надо спокойно постараться принять чужие правила. В конце концов, это я у него на корабле, а не он у меня.

Разгребаю часть кровати от золота и бриллиантов и приземляюсь в образовавшуюся проталину, жестом приглашая Азамата присоединиться. Он садится без вопросов. По крайней мере, никаких заморочек с моим предложением сесть не возникает.

— Хорошо, — говорю. — Если хочешь честно, то будем честно. Я редко ношу украшения, и почти никогда драгоценные. Это вряд ли изменится. Мне безумно приятно, что ты готов тратить на меня такие бешеные деньги, но я... как бы... не совсем привыкла к такому... стилю жизни, что ли.

— Вы... из небогатой семьи? — спрашивает он осторожно.

— Я из обычной семьи, — пожимаю плечами. — У мамы всегда был неплохой доход, но не такой, чтобы скупать все ювелирки вокруг.

— А как же отец? Почему ваша мать должна была работать? — не понимает Азамат.

— Нету никакого отца, — развожу руками.

— О, простите.

— Да ничего.

Кажется, он решил, что я сирота.

— Ну а брат? Он ведь старший...

— Младший.

— О!

Похоже, больше ему сказать нечего. Никогда бы не подумала, что моя семейная история может кого-то так опечалить.

— Ты не переживай, — говорю. — У меня нормальная семья, мы не какие-нибудь лишенцы.

Азамат кивает, одновременно пожимая плечами. Дескать, как скажете, но у него свое мнение по этому вопросу. Ох, ведь сейчас решит восполнить нехватку роскоши в моем детстве.

— Только не надо меня заваливать всякой дорогой фигней в надежде, что я привыкну, — предупреждаю на всякий случай.

Он кисло улыбается:

— Да, я уже понял, что у вас устоявшиеся жизненные принципы.

Смеемся. Кажется, у нас опять все хорошо.

На этой оптимистической ноте я обращаюсь к самой гигантской коробке.

— Там правда комод? — спрашиваю.

— Да. Я подумал, что вам ведь придется куда-то складывать все, что решите оставить.

— А что ты сделаешь с остальным?

— Что-то верну, что-то раздам ребятам. Боитесь, что выкину?

— Нет-нет, я твердо уверена, что ты разумный человек.

— Лиза, пожалуйста, не надо считать мои деньги. Вы и так зачем-то хотите продолжать работать, хотя я прекрасно мог бы вас содержать. Если вы еще и не дадите дарить вам подарки, то я вообще не понимаю, зачем было жениться.

Я и хочу, и не хочу напомнить ему, что я не собиралась за него выходить. Однако я ведь скоро устану от его представлений о супружеских отношениях. То есть это все, конечно, прекрасно, но мне попытки меня содержать представляются посягательством на мою свободу. Потому что после таких даров будет очень трудно ему в чем-то отказать. Он, конечно, мягкий и застенчивый, но вдруг я его

избалую? Тем более Азамат теперь считает, что чуть ли не детдомовку подобрал — а вдруг это резко сокращает социальную дистанцию между нами?

— Помоги открыть, пожалуйста. — Мне надоедает бессмысленно ковырять уголок коробки.

Азамат легко обдирает пластикартон, как будто это папиросная бумага. А у нас гонят, что этот материал выдерживает сколько-то там десятков килограмм... Комод чудесный, светленький, с мозаикой из разных видов дерева. Кстати, он и правда деревянный. С ума сойти, я последний раз деревянную мебель в музее видела. Хотя... надо будет повнимательнее присмотреться к мебели на корабле. Я как-то по привычке решила, что пластик...

Ладно, так вот, комод. Он не очень глубокий, много места не занимает. Задняя стенка сверху чуть-чуть торчит, и на ней вырезаны всякие завитушки. Изящненько так. Дергаю ящики.

— Ух ты, как легко катаются! И не скрипят! — Люблю добротные вещи, ну очень, очень люблю!

Азамат прикрывает глаза ладонью, бормоча что-то про гордую нищету и дерьмо с водой в качестве строительного материала. Ладно, он и так во многом показал себя интеллигентом, где-то же должен быть предел.

Среди прочих подарков обнаруживаются меха, которые в космосе, конечно, просто жизненно необходимы, но для меня натуральный мех — изрядная диковинка, так что я вполне искренне радуюсь. Носить, конечно, не буду, но потрогать приятно. Дальше следует набор самых невероятных сумочек — под платья, и под меха, и под (о ужас!) мои самошитые штаны. Такая голубенькая в цветочек... Отсмеявшись, снова лезу к Азамату с осязаемыми благодарностями, на сей раз для разнообразия целую в нос. А он-то думал, уже ко всему привык, ха!

Мне кажется, что меня смыло волной бесконечных приобретений и я никак не выгребу сама. Надеюсь, дорогой супруг сократит размах ухаживаний, а то мне и правда как-то неудобно.

Азамат тоже не в восторге от нашего культурного обмена, но делает вид, что все хорошо. Помогает мне настроить бук, и я немедленно обнаруживаю в почте письмо от мамы:

Ладно, жду. Скажи лучше, какие ему цвета нравятся, а то я тут недавно в старом журнале нашла такую модель мужского блейзера —

закачаешься! Уже даже спицы нужного размера купила, разорилась на деревянные!

— Так ты теперь когда вернешься-то?

Далее следует длинный список латинских названий сортовых лилий.

— У тебя какой любимый цвет? — спрашиваю Азамата.

— Красный, — отвечает, не задумываясь. — А что?

— А-а, так, — пожимаю плечами. Пусть будет сюрприз. Кстати, теперь понятно, почему у нас корабль такой гламурный. И тут меня осеняет. — Кстати, ты не против что-нибудь из украшений послать в подарок моей маме? Она-то их носит с удовольствием.

— Конечно, конечно, — легко соглашается Азамат.

Я тем временем скидываю его фотку с камеры. Хорошо получился, кстати. Ровно такая улыбка, которая его больше всего красит. Прикладываю в обратном письме и принимаюсь вбивать давешние обмеры. Азамат некоторое время смотрит, как я перепечатаваю с листочка цифры и, похоже, окончательно решает, что мы общаемся шифровкой. Потом я сажусь отбирать для мамы золотишко, а он внимательно следит. Запоминает на будущее небось. Охх...

* * *

— Кстати, Лиза, не знаю, сказали вам или нет, — заговаривает он после того, как мы вместе распахали его подарки и мои покупки по каюте, — через пару часов будет вечеринка по поводу прощания с ребятами, которые уходят. Не здесь, а в каком-нибудь ресторане. Вы пойдете?

— А ты пойдешь? — спрашиваю в ответ. Одной не очень хочется, хоть и все относительно свои.

— Да, естественно.

— А как это будет выглядеть?

— Ну как... застолье... Может, в карты поиграем, не знаю.

Вот как. То есть ты их уволил, а теперь все вместе пьем на прощанье. Удобно.

— Ты с ними обоими остаешься в хороших отношениях?

— Да, конечно. А чего ссориться с хорошими людьми из-за ошибки? Только их не двое, а трое. Алтонгирел тоже уходит.

Я выпучиваю глаза и вытягиваю шею.

— А он-то почему?!

— Он не хочет оставлять Эцагана одного. И правильно, в общем. У мальчишки опыта никакого, а голова горячая. Я бы тоже не оставил.

Я слегка перевозжу дух. Думала уж, из-за свадьбы. Ну то есть в любом случае все из-за меня. Но неужели Алтонгирела тут больше не будет?! Господи, вот самый лучший подарок!

— Ну вот, — говорю с плохо скрываемым торжеством, — из-за меня твой друг уходит...

Азамата не проведешь, конечно. Ухмыляется.

— Не думаю, что вы очень страдаете от этого. А мне не привыкать, так что все в порядке.

Как-то это не слишком убедительно звучит. Ну да ладно, я и так сегодня своим нытьем ему много крови попортила.

— Так вы пойдете? — переспрашивает.

— Да, конечно.

* * *

Я решаю тут же надеть одно из свежеподаренных платьев. В конце концов, они действительно невероятно красивые, да и Азамату будет приятно. Кстати, можно сделать вид, что про его любимый цвет я спрашивала для этого. Надеваю красное.

На сей раз ребята заказывают такси из расчета, что все выпьют. Ресторан у них тут уже примеченный — это даже скорее паб. Огромный бар, а меню небогатое. Мое платье производит должное впечатление: Азамат медово улыбается, кое-кто из ребят краснеет. Слышу краем уха бормотание Алтонгирела, что, дескать, если ее поженски одеть, то как будто не такая уж и стерва. В его устах — просто комплимент.

Мы употребляем довольно вкусные мясные пироги из слоеного теста (секрет которого мечтает раскрыть Тирбиш), а потом бармен выкатывает на середину зала большой полированный стол с какими-то фишками.

— А вы будете играть в бараньи? — спрашивает Азамат.

— Во что?..

Оказывается, что это такой первобытный вариант бильярда. На стол высыпаются раскрашенные в разные цвета косточки из бараньего коленного сустава. Косточка почти кубическая, чуть продолговатая, и у нее есть четыре стороны, которые по-разному выглядят. Задача —

щелкнуть пальцами по одной косточке так, чтобы она проехала по столу и вышибла другую, лежащую той же стороной вверх. Если заденешь прочие — проштрафишься.

Игра оказывается азартной до невозможности. Народ болеет за игроков с хохотом и гиканьем, игроки шепчут заговоры и по-особому плюют на пальцы, официанты между собой делают ставки, кто сегодня больше всех выиграет. Муданжцы пьют пиво или хримгу — зеленоватое пойло из кислого молока. Я пробую его у Азамата из пиалы (что вызывает странное оживление среди команды) и понимаю, что смогу сделать еще глоток разве что под страхом смерти. Впрочем, Азамат так доволен, что я попросила отпить у него, что даже не замечает моей перекошенной физиономии.

В итоге пью какое-то тамлингское фруктовое вино и хорошо себя чувствую. Ирнчин, правда, с неодобрением отмечает, что в нем девять градусов — их-то напитки еще слабее. Я на это возмущенно отвечаю, что четыре или девять — разницы нет и оставьте меня в покое. А потом подключаюсь к игре, и у меня даже прилично получается, в общем, вечер удается на славу.

* * *

Почти. Непостижимым образом остаюсь единственной трезвой во всей компании. То есть Азамат тоже почти трезвый, но он, кажется, ограничился двумя пиалами хримги, а она, как я поняла, совсем слабенькая, и то у него так усилился акцент, что я еле понимаю, что он говорит. Ирнчин вообще перешел на бессвязное бормотание, хотя еще способен пройти по прямой. А вот остальных совсем развезло.

Мужик с родинкой во всю щеку — Орвой — затягивает пронзительно-тоскливую песню, и ее быстро подхватывают все, особенно провожаемые. На Азамата она действует угнетающе, не знаю уж, о чем в ней поется — поди разбери. Он извиняется и выходит подышать на улицу. Мне все-таки интересно послушать, вдруг что пойму, но там такие переливы... Пьют они, в общем, неплохо, хоть и пьяные в дым. Вообще, так странно, неужели они реально столько выпили этих слабеньких напитков? Такие большие мощные мужики...

Через стол от меня кто-то уходит избавиться от лишней жидкости, кто-то возвращается, происходит ротация, и я оказываюсь напротив Алтонгирела. Он еще сохраняет человеческий облик, хотя на ногах стоит плохо. Салютует мне пивной кружкой. Я ему в ответ — своим

бокальчиком. Ладно уж, напоследок можно и поласковее. Он не поет, хотя, когда запевала забыл слова, подсказывал. Духовникам не положено, что ли?

— Да ты не пьянеешь, барышня, — говорит он мне. На его дикции алкоголь почти не сказался.

— Да я почти не пью, — отмахиваюсь. Еще не хватало сейчас перед ним выпендриваться.

— Кане-эчно, — протягивает он язвительно. — Тебе надо, чтоб голова была ясная. Спьяну-то труднее притворяться, что он тебе нравится. А не будешь ласковой, не будет тебе брюликов. — Духовник делает шутливо-угрожающий жест по типу «идет коза рогатая».

— «Брюлики» меня интересуют в последнюю очередь, — отвечаю сухо. Что возьмешь с пьяного обиженного гея?

— Да, да, ты ж святая, — кивает он, расплескивая пиво. — Все женщины замуж выходят ради денег, а ты, конечно, из жалости.

Вот идиот. Уйти, что ли, к Азамату? А то опять заеду Алтоше куда не надо.

— Пра-ально, беги, пожалуйста ему на меня, — усмехается этот гад. — Один друг у него был, так тебе вот надо было нас поссорить!

— Да уж ты друг, — говорю. — При каждом удобном случае опускаешь его прилюдно, чтоб не забыл ни в коем случае, какое с ним несчастье случилось. В кои-то веки он кому-то понравился, так тебе надо обязательно все испортить. Хорошенькая дружба!

Алтонгирел с грохотом ставит кружку на стол.

— Я, между прочим, единственный, кто с ним остался!

— То есть все прочие совсем помет?

— Я еще посмотрел бы, осталась бы ты или нет, — кривится он.

И что это должно значить?

— Я уже осталась, если ты забыл.

— Ха! — Он откидывается на спинку стула. — Если б дело было в одной только роже, много кто бы остался. Но ты же самого интересного не знаешь.

Ага, расскажи мне, что у него и на груди шрамы есть. Я умру.

— Чего же?

— Не-эт, я тебе не скажу. — Духовник явно забавляется, что знает что-то, чего я не знаю. Может, мне все-таки слинять и не тешить его самомнение? Жаль, Эцаган задрых. А то мог бы отвлечь.

Алтонгирел осушает кружку и требует еще. Потом пронизывает меня расчетливым взглядом, насколько ему удастся его сфокусировать.

— Или сказать, — размышляет он вслух. Ну нет, просить не буду, и не надейся. — Вот заодно и посмотрим, насколько ты в нем заинтересована.

Пожимаю плечами. Смотри, что хочешь. Мне бояться нечего.

— Его изгнали с Муданга, — внезапно очень четко говорит Алтонгирел. — Он вне закона. И никогда не сможет туда вернуться.

Я, наверное, все-таки слегка под мухой, потому что после этих слов начинаю ждать, что вот сейчас меня окатит, как холодной водой, осознанием, а оно все не окатывает. Я так увлекаюсь собственными ощущениями, что напрочь забываю как-то осмыслить услышанное. Ну изгнали. Небось тоже за лицо. Ну не может вернуться. Не очень-то и хотелось. Хотя ему, наверное, хочется. Завод там собирался построить, помню. Фотографии в иллюминаторе помню. Ностальгия, наверное. Бедный. У пафосных мужиков всегда ностальгия. А мне вот непонятно, ну было одно место, стало другое... Ну ничего, я ему сплету гизик, он порадует, и все будет хорошо.

Сквозь сонное сознание слышу голос Алтонгирела:

— Что, охотница за капиталом, поняла, во что вляпалась? Нужны тебе деньги, добытые грязными руками? Уродство ты терпишь, а как насчет того, что Совет Старейшин не допускает его на родную планету? Или ты за деньги с любым уголовником трахаться готова?!

Я даже не заметила, как Алтоша встал и навис надо мной через стол. Глаза горят, на губах пена. Думаешь, напугал? Думаешь, я тебе спущу такие слова о моем муже?

Встаю, забираюсь на стул, если уж у нас тут конкурс, кто выше.

— Ты кусок дерьма! — объявляю звонко. — Все никак не переживешь, что он тебе не дал пятнадцать лет назад, а потом тебе самому противно стало! А теперь появляюсь я, и оказывается, что шрамы — не помеха для любви. Вот ты и убедил себя, что это у меня не любовь, а корысть. Тогда ты вроде как не виноват, что прикоснуться к нему брезгуешь, ведь все брезгуют, значит, ты не хуже всех! Ты его хочешь, а не можешь, а я могу, вот и все тут!

В этот момент на стол между нами ставят новую кружку пива, и с моей легкой ноги ее содержимое немедленно окатывает Алтонгирела целиком.

* * *

Домой на корабль народ возвращается довольно понуро. Мое сольное выступление не прошло незамеченным, и многие, похоже, разделяют мое мнение насчет мотивов духовника. Однако на меня никто не смотрит.

Азамат, как выяснилось, не просто пошел воздухом дышать, а прогулялся до самого корабля, да так там и остался. Видно, не очень-то ему на самом деле было весело провожать уволенных. Или Алтонгирела. Или этот гад и капитану что-нибудь приятное сказал. Небось про меня напоследок проникновенную речь толкнул.

На корабле я вижу Азамата только мельком — его кто-то окликает по делу. Топаю к себе. Вторая половина дня сегодня явно не удалась. Эх, а все так хорошо начиналось... Теперь ведь Азамат починит замок, и больше я к нему под бок не прокрадусь посреди ночи. И Эцагана жалко. Мало того что уволили, так еще я Алтонгирела разозлила, он теперь совсем невыносимым станет. Интересно, подозревает ли Эцаган, что у Алтоши чувства к капитану? Наверняка уж он-то должен понимать. Бедный мальчишка, и чего он с этим гадом связался?

Что-то все плохо. Иду в душ и заваливаюсь спать.

* * *

Стоит мне отключиться, как кто-то громко стучит в дверь. Ну кого принесла нелегкая? Стук настойчиво повторяется. Кому-то сильно надо. Ой, а что, если кому-то врач нужен?

Мгновенно просыпаюсь и открываю дверь. В каюту чуть ли не впадает Азамат.

— Что такое?! — спрашиваю, в спешке одергивая футболку (не доползла еще новую пижаму достать).

Он закрывает дверь у себя за спиной и выпаливает:

— Лиза, все не так, как вы подумали!

Мой мозг принимает вид кубика Рубика в положении, наиболее удаленном от «собрано».

— А как я подумала?

— Про то, что... Алтонгирел...

А! Господи, нашел из-за чего меня будить. Расслабляюсь, втягиваю ноги под одеяло.

— Успокойся, я понимаю, что ты с ним не спишь.

— Ч-что? — переспрашивает Азамат в полном замешательстве.

— Неважно, — смеюсь. Кажется, кто-то тут совсем неспорченный. — Его фантазии — его проблемы.

— Это не фантазии, — мрачно вздыхает Азамат.

Что-то я уже ничего не понимаю. Двигаюсь поближе к стенке и хлопаю по краю кровати:

— Садись и объясни толком, что я, по-твоему, не так поняла.

Он садится, глядит на меня настороженно. Ждешь, что завизжу и шарахнусь? Щаз-з-з, я слишком спать хочу. Беру его под руку, пристраиваю голову на плечо. Вот она я, никуда не денусь.

— Мне передали, что он тебе сказал про... про изгнание.

— А-а, — говорю глубокомысленно. — Да, че-то такое брехал.

— Ты ему не поверила?

— Не помню. Я решила, что он опять пытается испортить тебе жизнь.

Азамат обреченно вздыхает. Что так?

— Ладно, раз уж я к тебе вломился ради этого, придется все равно рассказать. Я думал, ты ему поверила, и...

— Ну-у, так что там? Расскажи мне страшную сказку на ночь.

Он внезапно гладит меня по голове, бережно так, медленно, как будто хочет запомнить ощущение.

— Меня действительно изгнали с Муданга, — говорит он. — Уже пятнадцать лет как.

Я некоторое время жду продолжения, но оно не следует. Неправильная сказка.

— И что?

— Я должен был тебе сказать, но...

— Да ладно, ты еще много чего о себе не рассказал.

Он озадаченно прокашливается.

— Лиза... ты понимаешь, что по муданжским законам я преступник?

Я слегка поднимаю голову, чтобы заглянуть ему в лицо.

— Да они там все рехнулись на твоём Муданге, — говорю. — Ничего удивительного, что их джингоши завоевали, если выгонять таких, как ты.

Азамат пару секунд осмысливает мою позицию.

— Ты считаешь, что это было несправедливо?

— Конечно! — заявляю я со всей сонной пьяной уверенностью. — Ты у меня лапочка и ничего плохого не сделал.

Он начинает хохотать.

— Господи, Лиза, какая ты доверчивая, я не могу...

— Да ну тебя, ложился бы спать, вот охота рефлексировать! И вообще, знаю я вас, муданжцев. Небось из-за лица и выгнали.

Он снова вздыхает.

— Ну косвенным образом. От меня отрекся отец. Из-за лица. Я не был женат и по закону не имел права оставаться после этого на планете.

Вот тут я просыпаюсь.

— Что он сделал?!

— Ну он никогда меня особенно не любил, а тут... он уважаемый человек. Я бы портил ему репутацию. А у него есть еще младший сын, образцовый семьянин... В общем, отец предпочел от меня избавиться.

Кажется, я разучилась дышать.

— И... и никто не вправил ему мозги?

— А кому нужен человек, который не нужен собственному отцу? — горько усмешается Азамат. — Тем более отец — мудрый, влиятельный. Глупо с ним спорить.

— Нет-нет, погоди, ты что, считаешь, что он мог быть прав?!

— Ну... — Он как-то неуместно смущается. — А ты тоже считаешь, что нет?

Мне кажется, у меня глаза на стебельках вытянулись.

— Он. Не. Может. Быть. Прав. Он старый засранец, который не понимает, каким сыном его незаслуженно наградила жизнь!!

Азамат выглядит так, как будто сейчас заплачет.

— Вот и... Алтонгирел был единственным из моих друзей, кто так считал.

— И почему он за тебя не вступился?

— А что он мог? Ему было восемнадцать!

— А твой брат?

— Ему тоже. И не пойдет же он против отца. Тот человек решительный, мог и обоих нас выкинуть.

— А его самого выкинуть нельзя?! — взрываюсь я. — Что этот ваш Совет Старейшин? Неужели ничего нельзя было сделать?!

Азамат некоторое время смотрит в пол, потом качает головой:

— Ты не представляешь, в каком я был состоянии, когда очнулся и понял, что произошло. У меня несколько недель просто выпало из памяти, я был как в тумане. Помню, как отец зашел, увидел меня и сказал, что, пожалуй, я для него умер. А потом меня депортировали.

Я вцепляюсь в него мертвой хваткой, чувствуя, как слезы текут по носу. Господи, а мы-то на Земле боремся с пережитками патриархального мировоззрения... Думаем, это у нас проблемы... А тут отцу не нужен — и без суда и следствия... жены опять же нет...

— Слушай, но теперь-то ты женат, значит, можешь вернуться, — соображаю я.

— Все не так просто, — угрюмо говорит Азамат.

Ну да, а я наивная...

— Ну рассказывай, как именно непросто.

— Видишь ли... Алтонгирел ведь не Старейшина, он только выполнял функции посредника на корабле. Он нас, конечно, поженил, но это действительно только здесь, в космосе. А если я вернусь на Муданг, то придется получать одобрение Старейшин.

— Ну.

— Ну... ты же не полетишь со мной ради...

— Конечно, полечу! Да я бы слетала только ради того, чтобы отгаскать за бороду твоего чумного папашу, хоть он и не заслуживает такого высокого титула!

Азамат обнимает меня, но я чувствую в его жесте какую-то горечь.

— Ты чудо, — говорит он, — но Старейшины кого попало не женят. Они одобряют наш брак, только если сочтут, что мы подходим друг другу. Но ты посмотри, кто ты и кто я, — это совершенно невозможно.

— Ну я бы не была столь категорична. И вообще, ты что, не хочешь даже попробовать?

— Я... понимаешь, если они не одобряют, то мы не сможем быть вместе.

— То есть как?

— Ну брак будет аннулирован, и все. И мне нельзя будет быть с тобой.

— Что значит нельзя? Улетим на Землю и поженемся там, у нас только ID спрашивают, и никаких «подходим — не подходим».

Он качает головой.

— Нет. Ты, наверное, не поймешь. Нельзя — это нельзя. Все. Табу.

Прекрасно. То есть или он так и болтается до конца жизни в космосе из-за бешеного старпера, или нас разъединяют железным племенным законом. Чертовы дикари! Но не могу же я все так оставить... В конце концов, Старейшины — старые люди, у них болячек тыщи должны быть, может, мне удастся их уговорить на сделку? Да и вообще, по-моему, мы хорошо друг другу подходим. К тому же у Азамата много денег, а Старейшины тоже люди. Господи, вот черт, я ведь могу ему сильно исправить жизнь — но рискую его потерять.

С другой стороны... он тоже не железный. Закон законом, но легко ли ему будет расстаться со мной по приказу? Может, я его еще уведу с пути истинного? Ну не могу поверить, что нас разлучат. Ну вот же как я точно ему под мышку вписываюсь!

— Азамат, — говорю решительно, — надо обязательно попытаться. Я нутром чувую, что дело выгорит.

— Это невозможно, — усмехается он, но в глазах у него я вижу проблеск надежды. — Но... если ты хочешь, то мы полетим на Муданг.

— Значит, полетим.

— Только... это, конечно, невероятно, но если они все-таки одобряют, то учти, что наш брак будет признаваться и на Земле. И ты не сможешь взять другого мужа, пока я не умру.

— Не вздумай, — говорю. — А то я приобрела устойчивую привычку следовать за тобой.

Глава 14

Мы еще некоторое время сидим в обнимку, думая о вечном и бесчеловечном, а потом Азамат начинает шевеление на предмет сбежать. Отпускать его одного мне не слишком-то хочется, еще напридумывает себе всяких глупостей. А мне всю ночь будет сниться какое-нибудь том-и-джерри с его папашей. Брр.

В раздумьях наматываю на руку Азаматову косу — а что, и поводок... Кончик влажный. Все-таки заплел мокрые?

— Ты сейчас голову мыл, что ли? — спрашиваю.

Вопрос, видимо, звучит несколько невпопад, потому что Азамат секунду раздумывает.

— Нет... только сполоснулся слегка, как пришел... а что?

Кажется, я вломила на частную территорию.

— Ничего, у тебя просто коса внизу мокрая.

Он немедленно отбирает у меня «поводок» и перевешивает на другую сторону. Вдох-выдох, детка, он просто очень предупредительный.

Если мылся, значит, переоделся. Хм. Провожу рукой по его спине — если на нем и не верх от пижамы, то я отличить не могу. Эти его свитера все равно все одинаковые, темные, тонкие, в обтяжку, только некоторые с высоким горлом. Штаны на нем не пижамные, но и не уличные, так, треники какие-то. Ну вот и прекрасно.

— Может, останешься тут? — предлагаю ненавязчиво.

— Думаешь, тебе будет трудно заснуть? — усмехается. Хорошо хоть не спросил, зачем.

— И это тоже, — говорю аккуратно.

— Тебе будет тесно...

— Да ладно, когда это мне с тобой было тесно.

Он еще отнекивается, но я вижу, что он хочет остаться. Вот и прекрасно, никуда теперь от меня не денется. Мы укладываемся, я укутываюсь в тепло его большого тела и быстро засыпаю.

* * *

Наутро — о чудо! — просыпаюсь первой. Укатали сивку крутые горки, однако! Некоторое время лежу, люблюсь, как он посапывает. Мне кажется, сон не доставляет Азамату большого удовольствия. Обычно люди во сне выглядят как-то благодуще, моложе... А он как будто только бледнеет. Уж не болеет ли?

Кстати, это интересная мысль. У них ведь ни прививок, ни регулярных медосмотров. И что-то я подозреваю, что мой дорогой последние пятнадцать лет удовлетворял свои потребности, пользуясь услугами тамлингских ш... э-э-э, как это теперь называется?.. Работниц сферы интимных развлечений. У них в уставе прописано лицо не запоминать. Так что прежде чем мы перейдем к чему-то более захватывающему, чем здоровый ночной сон, стоит провести парочку тестов.

Осторожно выскальзываю из кольца его рук — он хмурится, но не просыпается. Потерпи, родной, это для твоего же блага. На цыпочках прокрадываюсь в соседнее помещение за сканерами. Кровь взять

можно будет и когда проснется, а вот на осмотр, боюсь, уж очень долго уговаривать придется.

Инфекционный сканер считывает химический состав с поверхности на регулируемой в пределах полусантиметра глубине. Причем можно по элементам, а можно и по молекулам. Последнее чрезвычайно удобно для выявления инфекций: чуть у клетки мембрана или ДНК не такая, клетка подсвечивается на дисплее. Увеличить изображение, конечно, можно намного.

Ясен перец, сквозь одежду сканер не работает, а кое-кто у нас не по годам стеснительный. Так что осмотр будем проводить под естественным наркозом.

Аккуратненько откидываю одеяло и тяну штаны вниз. Вау, мы носим белье! Приспускаю траурного цвета плавки вслед за штанами.

Ну да, в принципе я подозревала, что сексом придется заниматься очень осторожно, а теперь вот убедилась окончательно. Хотела бы я знать, какие у них заморочки по поводу постели, кстати. Пока что дорогой супруг даже не заикнулся на эту тему. Жаль, Эцаган ушел. Мы пока еще на Гарнете, конечно, но он ведь с Алтошей... вот уж с кем я ни в коем случае не буду обсуждать Азамата!

Ладно, займемся делом, а то на этих просторах инородные клетки можно весь день ловить.

Инфекционное сканирование ничего не дает. Просвечивание обычным сканером показывает здоровые яички. Похоже, тамлингским инфекциям мударжцы не по зубам. Ну что ж, это не может не радовать. Конечно, кровь на антигены все равно взять надо, но это не такая вероятность, как я думала.

С чувством выполненного долга напяливаю на мужа обратно все штаны. Надеюсь, все-таки не придется самой его в постель за волосы тащить... Я, конечно, понимаю, что у всех свои недостатки, но это было бы уже как-то неромантично.

Убираю свое оборудование и понимаю, что мне неромантично хочется жрать. Но уж очень не хочется бросать Азамата — проснется один, еще обидится... По некотором раздумье решаю принести завтрак с собой.

Оказывается, я вскочила так рано, что никакого завтрака еще и нет. Так что спокойно варю себе кофе (он обнаруживается рядом с чаем), извлекаю последние йогурты и размачиваю некоторое

количество белых шариков, оказавшихся овечьим сыром, до состояния брынзы. Сгружаю все это плюс молоко и сахар на сервировочный столик и прикатываю в каюту. Азамат спит.

Я располагаюсь за столом, наливаю себе в пиалу кофе из красивой самогреющейся джезвы с рельефными рисунками на боках — вот лисы, мангусты, еще какие-то явно мифические хищники. Открываю бук для информационного сопровождения и сижу, радуюсь жизни.

В буке письмо от мамы.

Он что, косоглазый, что ли? Прямо китаец? Ну ты даешь. Подумала хоть, чем ты его кормить будешь? И не промахнулась ли ты с размерами, дитя мое? У тебя получается просто йети какой-то.

Смотри там осторожнее на Гарнете, у них, говорят, атмосфера плохая из-за того, что звездолеты все время туда-сюда шныряют. Не загорай. И не забудь про лилии.

Кто ж про них забудет... Ну вот и повод воспользоваться внешней клавиатурой. Она резиновая и печатает беззвучно, и пальцы так пружинят забавно. Отвечаю, что про лилии помню, по мерке этой уже шила, и все правильно, он и правда такой огромный, нет, не китаец, но да, раскосый, а что это еще за расизм такой в нашу прогрессивную эру?! И вообще, кормит нас бортовой повар.

Потом еще просматриваю какой-то спам, письмо от Сашки про то, как мне все передают пламенные приветы и сколько они выпили за наше с Азаматом здоровье, письмо от подруги, которая собирается тоже поработать на звездолете и интересуется, какие там могут быть непредвиденные накладки... Любые, дорогая, вот, например, неземная любофф.

Я, наверное, хмыкаю, когда об этом думаю, потому что любофф просыпается и поворачивается на звук.

— Доброе утро, — говорю и наклоняюсь, чтобы его чмокнуть.

— И правда доброе, — улыбается он. — Что-то мне кажется, что уже очень поздно.

— Бук показывает восемь.

— Ох, что ж ты меня не разбудила?

— А зачем?

— Ну-у... как...

Поскольку ничего более содержательного он ответить не может, я перевожу тему:

— Кофе будешь?

— Кофе — это хорошо, — говорит он, протирая глаза.

Я залпом допиваю свой и наливаю ему в свою освободившуюся пиалу. Джезва довольно большая, на две чашки хватает, даже если отцедить гущу.

— Сахар, молоко?

— Нет, нич... Ты что, мне кофе варила?

Вытаращился, как будто я ему этот кофе через минное поле принесла. Интересно, мы когда-нибудь вообще придем к равенству?

— А почему нет? — спрашиваю с легким вызовом.

— Ну... как бы... у вас так принято? — находится он.

— Не то чтобы принято, — говорю веско, еще не хватало, чтобы он от меня каждое утро кофе в постель ждал, — но и ничего особенного в этом нет. Так, хочется иногда приятное сделать. А у вас что, не так?

— У нас замужние женщины не готовят.

Я закашливаюсь.

— А что ж они тогда делают? Не работают, не готовят...

— У всех свои развлечения, — говорит он, садясь в кровати и принимая у меня пиалу. — Есть всякие клубы, есть рукоделие. Еще какое-то время на детей уходит.

— Прекрасно. А мужчины, значит, и работают, и по дому хозяйничают?

— Ну почему... — медленно говорит Азамат, потом прерывается на глоток. — Повара можно нанять, а потом старшие дети подрастают... В бедных семьях, которые не могут себе этого позволить, конечно, и женщинам приходится готовить, но большинство мужиков скорее надорвутся и сами все сделают, чем жену к плите подпустят. — Смеется.

М-да, чувство хрустальной вазы усиливается втрое.

— Здорово, — говорю. — У нас-то вообще люди редко готовят. Покупают готовое или заказывают из ближайшей едальни. Но если кто и стоит у плиты, то скорее женщины. Такая уж традиция сложилась. Так что ты не обижайся, если мне вдруг припрет что-нибудь испечь, например.

Качает головой.

— Ну хорошо, даже интересно, что вы едите на Земле.

— Хлеб, — говорю я с тяжелым вздохом, отщипывая еще сыра. Хлебопечку купить, что ли... — А какие у тебя планы на сегодня?

Азамат, который уткнулся было в кофе, резко отрывается от этого занятия и как-то странно на меня смотрит. Ну что еще не так?

— А... зачем тебе?

— Да я думала проверить твоё здоровье, а потом еще по магазинам пройтись.

— В смысле — проверить мое здоровье? — не понимает он.

Приходится долго объяснять. В итоге он соглашается на анализ крови. Конечно, кофе уже принял, но мне общий-то не нужен, только на антитела и ДНК. Так что, допив и доев, мы перекочевываем в мою «смотровую».

Усаживаю Азамата на койку. Предложение закатать рукав вызывает у него лицевой спазм, но он все-таки подчиняется. Руки по внутренней стороне все обожжены, я даже начинаю думать, что это следствие взрыва, а не просто ожоги. Уж очень рельефные шрамы. Ну да ничего, недаром я закупила пару тонн цикатравина. Совсем, конечно, не сведу, но хоть не так жутко будет выглядеть.

Хорошо хоть вена обнаруживается не прямо под рубцами, а то фиг бы я проковырялась. Азамат с интересом смотрит, как я из него тяну кровушку. Видимо, не больно. Закончив, для проверки щиплю его за другую руку:

— Так больно?

— Нет, — улыбается он недоуменно.

Ясно, пишем, болевой порог завышенный. Кстати, теперь, когда у меня есть бук, можно вести истории болезни по-нормальному.

Кровь тут же отправляю в стильный новенький анализатор с блестящей зеркальной крышечкой. Очень меня веселит эта мода закашивать дизайн оборудования под автомобили. Ну а пока оно там крутится, возьмемся за цикатравин.

— Вот скажи мне, — обращаюсь к Азамату, который смотрит на меня выжидательно, как примерный ученик на интересном уроке. — Ты шрамы свои чем-нибудь мажешь?

Весь энтузиазм в его взгляде сразу издыхает.

— Нет... зачем?

— Ну видишь ли, есть средства, которые могут смягчить рубцовую ткань. Я не могу обещать, что шрамы совсем исчезнут, но по

крайней мере они станут менее заметными.

— Ты... ты предлагаешь меня лечить? — недоверчиво спрашивает он, не сводя глаз с тубика в моих руках.

— Ну да, я здесь для того, чтобы лечить. Методик лечения шрамов вообще много, но для тебя, пожалуй, подходят две: мази и лазер.

— Какой еще лазер?

Объясняю технологию лазерной коррекции. Он мотает головой так категорично, как будто уже пробовал и не помогло. Интересно.

— Почему нет?

— Будет только хуже. У меня есть один знакомый, у него на руке был небольшой шрам, и он пытался его на Гарнете свести в каком-то «лазерном центре». Так у него потом так чесалось это место, что он расчесал и остался шрам втрое больше.

— Ну у него могла быть аллергия на сопровождающие медикаменты... или это был келоидный шрам... Да и вообще, это же другой человек, а лечение всегда индивидуально.

По лицу дорогого супруга понимаю, что, может быть, смогу его убедить в своей правоте через пару лет, если он освоит хотя бы школьный курс анатомии. Чертовы дикари.

— Ладно, — говорю. — Против крема никаких предрассудков нет?

Пожимает плечами.

— Не знаю уж, что им можно сделать, но если ты хочешь, то я попробую.

— Азамат, из нас двоих тебя больше волнует твоя внешность, — сообщаю я, выдавливая мазь на пальцы. Встаю на колени на кровати рядом с ним и принимаюсь втирать — начинаю с лица. Он отстраняется:

— Лиза, да ладно, я сам, чего ты...

— Того, что просто намазать, мало, надо втирать, а я что-то не чувствую в тебе энтузиазма для этого. Потерпи уж, голову не откручу.

— Но тебе же неприятно...

— Мне что-то кажется, что тебе самому гораздо неприятнее, — хмыкаю. — А я привычная, у меня работа такая. Ладно, на вот, пока я тут занята, втирай в ладони.

Азамат смиряется и покорно позволяет мне разобраться с его физиономией и шеей, а сам тем временем честно трет руки.

— Дай хоть посмотреть, может, там впиталось, — говорит через некоторое время.

— А ты что, не чувствуешь?

— Ты думаешь, этими шкварками что-то можно почувствовать? — кривится он. Ох, ну ни фиги себе...

Беру одну его руку, провожу по ладони.

— Чувствуешь меня?

— Ну если специально об этом думаю, то да.

Н-да, с их регенерацией можно считать, что этим шрамам все тридцать лет, заживает-то все в два-три раза быстрее, уже даже болевых ощущений не осталось, как окаменели.

— Тем более надо мазать, — говорю ему. — Тебе же так неудобно!

Он смеется, дескать, неудобство — последняя из его проблем. Ну-ну. Руки вообще выглядят страшновато: вся ладонь искорежена, пальцы неровные.

— Можно спросить, что с тобой случилось? — говорю осторожно и быстро добавляю: — Если не хочешь, можешь не отвечать.

Пожимает плечами, дескать, почему нет.

— Граната в руках рванула. Малого радиуса, а то бы не выжил, но...

Да уж, удивительно, как выжил-то. Сжимаю его ладонь крепко в знак сочувствия.

— Я сделаю все, что могу, — говорю убедительно. — А теперь давай снимай свитер.

Как я и ожидала, это не так просто. Тут вам и ужас в глазах, и кровь к лицу приливает, и всякое бормотание про то, что он обойдется, да это неважно, он сам, и вообще, под одеждой не видно...

— Азамат, — говорю серьезно, — давай-ка по-хорошему, а то я тебя усыплю и все равно сделаю по-своему.

Идея разделить судьбу Алтонгирела ему не шибко нравится, так что он все-таки неохотно, медленно стаскивает свитер.

Боже, что там творится! Вся грудь разворочена — ну этого я ожидала. Но оно все воспаленное, шелушится... мать моя женщина.

— Тебе, — говорю, — точно не больно?

Азамат, отвернувшись как можно дальше в сторону, цедит сквозь зубы:

— Нет.

— И давно покраснение?

Не могло же у него пятнадцать лет воспаление не прекращаться!

— Пару недель... это периодически случается.

В этот момент пищит анализатор, и мы оба подсакиваем. Тест отрицателен на все венерические, зато кровь радостно рассказывает мне все про воспаление на груди. Наконец-то нашелся благодарный слушатель!

Ладно, цикатравин бактерицидный, хотя антибиотиков кто-то сейчас получит прямо внутривенно.

Азамат настолько удивляется тому, что я его снова колю, что даже поворачивается.

— Зачем?..

— Маленькие гады жрут тебя изнутри, — говорю доходчиво. — Их надо отравить.

Он так бледнеет, что мне становится смешно. Слегка обнимаю его за плечо, целую в нос и в висок.

— Не бойся, — говорю, — я с ними справлюсь. Только пожалуйста, пожалуйста, всегда говори мне, если с тобой что-то не так.

Он кивает, и я перехожу к лечению. Похоже, сюда-то и пришелся основной удар от взрыва, а то, что на лице, — это уже периферия. Мой аппаратик для просвечивания нутра показывает, что все ребра срослись, хотя и криво. Вообще, похоже, регенерация у этих ребят идет быстро, но как попало. Может быть, при более медленном зарастании шрамы были бы меньше. Но тогда бы он не выжил, наверное.

Измазав его всего в креме, заматываю эластичным бинтом, чтобы не испачкать одежду.

— Ну вот, — говорю. — Если ты больше ничего не скрываешь, на сегодня все.

— На сегодня? — моргает Азамат, одеваясь.

— Ну да. Хотя я тебя вечером еще раз уколою. А мазаться будем каждый день.

— Но это же столько труда... и твоего времени...

— Так ты мне за это платишь, забыл?

— Я тебе плачу, чтобы ты лечила ребят, если что слу...

— Ты мне платишь, чтобы все на борту были здоровы, — отрезаю я. — Включая тебя самого. Это написано в моем контракте, можешь пойти и посмотреть. Не говоря уже о том, что я гораздо охотнее потрачу свое время и силы на твоё здоровье, чем на что угодно ещё.

Азамат некоторое время впитывает мои слова, потом качает головой.

— У нас получается очень странная семья.

Я фыркаю.

— Да уж! Но ведь нам хорошо вместе, правда? — присаживаюсь к нему на коленку.

Он поднимает брови, как будто не задумывался над этим под таким углом.

— За себя я уверен.

— За меня можешь быть тоже уверен.

Сочувствие и умиротворение у меня, как всегда, синтезируются в либидо, а уж под взглядом Азаматовых узких черных глаз и вовсе не устоять. Ладно, может, у них полагается женщинам проявлять инициативу? Я этого не люблю, конечно, потому что не пококетничаешь, но что делать...

На поцелуй эта сволочь не отвечает. Я отстраняюсь, пытаюсь понять, что ещё может быть не так. Он смотрит на меня все с тем же трогательным обожанием, только мне это уже как-то не в кайф. Едва открываю рот высказаться в том смысле, что вышла замуж не за резиновую куклу, как он говорит:

— Вот интересно, на всякой рекламе земляне почему-то всегда целуются рот в рот. А что это значит?

Я роняю голову ему на плечо. Чертовы. Дикари.

— Ну-у... это... определенная степень близости, что ли... Это как бы должно быть ясно из контекста, — хихикаю нервно. Ох и будут же у нас проблемы...

— Что ж, я постараюсь понять, — улыбается он. — Ты хотела по магазинам пройтись, так?

— Да-а, надо маме украшения отправить и лилии... — говорю растерянно. А я-то думала, он прямо сейчас понимать будет...

— Ну тогда одевайся и пойдём.

— А ты завтракать не будешь?

— А во время стоянок все едят на планете. Так что мы перекусим где-нибудь там.

* * *

Азамат в магазине с интересом рассматривает хлебопечку.

— Нет, я, конечно, пробовал хлеб. Приятная штука. Но у нас никогда не пекут мучное, только жарят.

— А что ж тогда пекут? — хлопаю глазами я.

— Мясо, птицу, особенно дичь. Эх, какие на Муданге рябчики, ты таких больше нигде не попробуешь...

Оставляю его предаваться ностальгии. Я-то вообще не понимаю, как можно есть этих жестких резиновых диких птиц. Он помогает мне поставить агрегат на каталку, и мыдвигаем в посудный отдел. Мне нужны вилки и кружка. Большая, с ручкой. Азамат только посмеивается, пока я выбираю себе поллитровую тару. К счастью, тут их есть.

— Я тебя специально именно в этот магазин привез, — говорит. — Я сюда заходил пару раз, смотрел на эти чашки и думал: Великие Небеса, кому же это может понадобиться?

Я нагребая еще кучу всякого хлама — от бактерицидных моющих средств до рамок для фотографий, благо мы на машине. Муданжцы пока что оказываются исключительно осторожными водителями, впрочем, если уж Азамат способен без скачка ввести корабль в туннель, то чему я удивляюсь.

На кассе достаю было свою карточку, но муж прямо-таки хватает меня за руку.

— Лиза, да ты что, я заплачу!

— Ну ладно... — пожимаю плечами. Чего так нервничать-то?

— Зачем ты вообще носишь с собой эту карту? Я же тебе дал другую.

— Так та была на покупки для всех, а сейчас я себе беру...

— Та была просто одной из моих карт.

— А, ну так держи, — достаю ее из другого кармана.

Он только что не шарахается.

— Лиза, ну... что тебя не устраивает?

Тут подходит наша очередь.

— Так, — говорю, — давай плати, выйдем и поговорим!

Пока он, насупившись, грузит покупки в багажник, я начинаю выяснять отношения:

— Ты ведь мне зарплату переводишь на мою исходную карту, так?

— Да.

— Так почему мне ею не пользоваться?

— Ну это же твои деньги, что ты будешь их тратить на всякую чушь, тем более если мы вместе? Я выгляжу идиотом.

— Помнится, ты просил меня не считать твои деньги, а теперь ты считаешь мои? И вообще, тебе стыдно, что кто-то увидит, что я сама за себя плачу в твоём присутствии?

— Конечно, стыдно! — Он аж покраснелся слегка.

— Ясно. Тогда тем более заведи у меня свою карту. В твоём присутствии, так и быть, предоставляю тебе право рассчитываться, — снова протягиваю ему карту.

Он краснеет ещё больше и отводит взгляд.

— Лиза, ну... тебе жалко? Ну пусть она у тебя побудет.

— Это что, какая-то сложная финансовая махинация?

— Что?! Нет, конечно! Я просто хотел, чтобы ты могла все себе позволить и...

А-а, так он все-таки решил меня содержать? Какое у нас прекрасное взаимопонимание!

— Азамат, мне не нужны твои деньги! — отчетливо произношу несколько повышенным тоном.

Он оглядывается. Боится, что меня кто-то услышит?

Сажусь в машину, Азамат следует моему примеру.

— Не хочу тебя компрометировать, — говорю, — но мне кажется, мы договаривались, что я живу на свои.

Он вздыхает с похоронным видом.

— Лиза, я не понимаю. Ты спишь со мной в одной постели, варишь мне кофе, трогаешь меня безо всякого повода, шьешь мне одежду, но денег не берешь. Так чего же ты хочешь?!

Я временно утрачиваю дар речи, пока до меня доходит, что это, видимо, Алтоша напоследок постарался.

— Слушай, — говорю, — я понимаю, что Алтонгирел так считает, но ты же не веришь, что я вышла за тебя из-за денег.

Муж горько усмехается.

— Если учесть, что ты изо всех сил от них отказываешься, то поверить довольно трудно, да.

— Тогда почему ты мне их так старательно пихаешь?

Азамат устало трет лицо руками, и я еле разбираю, что он говорит:

— Да все надеюсь, что ты мне что-нибудь позволишь.

— То есть?!

Он отворачивается.

— Нет, ничего.

— Нет уж, давай-ка с этого места поподробнее. Чего я тебе не позволяю?

Мотает головой.

— Неважно, это все глупости, извини. Просто иногда... ты так на меня смотришь... Я понимаю, что мне нечего даже думать об этом, но иногда кажется, что тебя совсем не отталкивает моя внешность и...

Он замолкает, так что я решаю его подбодрить:

— Правильно кажется.

Он резко поднимает голову и прожигает меня взглядом. Но потом снова опускает глаза.

— Но карту ты хочешь вернуть.

Меня настолько выбивает из колеи эта чехарда тем, что я даже не сразу нахожу слова.

— А к-какая...

— Алтонгирел считает, что ты нарочно издеваешься. Я в это не верю, конечно, но... Ты все время даешь мне надежду, как будто это само собой разумеется, а потом точно так же с полной уверенностью отказываешь. Я не знаю, сколько я еще выдержу.

Я так вытягиваю шею в его сторону, что сейчас носом в него ткнусь.

— Ты хочешь сказать, что у вас принято платить собственной жене, чтобы позаниматься сексом? — перевожу я с муданжского на человеческий.

Он морщится.

— Зачем так грубо...

— Но по смыслу?

— Ну... — Он осторожно поднимает взгляд, полный осознания. — А у вас это как-то по-другому устроено?

Теперь мой черед устало тереть лицо руками.

— «По-другому» — это мягко сказано. У нас это никак не связанные вещи. Платят за это только девушкам по вызову, но уж никак не собственной жене. Вообще, предполагать, что я буду спать с тобой за деньги — просто оскорбительно! — потрясаю руками. Впрочем, у него сразу делается такой жалобный вид, что приходится немедленно пояснить: — Я понимаю, что ты не знал, это на будущее.

Он все-таки несколько раз извиняется, а потом мы некоторое время молча перевариваем плоды культурного обмена.

— Ты можешь мне объяснить, чем именно тебя оскорбляет предложение жить на мои средства? — просит он.

— Я чувствую себя рабыней, — развожу руками. — Ничего не могу с этим поделать.

— Интересно, — хмыкает он. — А когда работаешь, то не чувствуешь.

— Когда работаю, я сама себе хозяйка. Никому ничего не должна. А если ты станешь за меня все время платить, то я как бы не буду иметь права тебе ни в чем отказать. Это начнет действовать мне на нервы, и ты перестанешь мне нравиться.

— Хороший довод, — вдумчиво кивает Азамат. — Убедительный. Я смеюсь, он тоже вроде повеселел.

— Но тогда, — продолжает он, — я не знаю, что должен делать... как необидно намекнуть, как узнать, что ты не против?

— Хороший вопрос, — говорю. — Всю историю человечества его решаем.

Азамат приподнимает брови с выражением легкого недоумения и недовольства. Дескать, наши правила вам не годятся, а своих не изобрели.

— Ну ладно, — говорит он. — Знаешь, я тут пару дней назад пытался что-нибудь почитать по этой и смежным проблемам... Конечно, теперь я понимаю, что неправильно формулировал запрос. Но кое-что мне попало. Разрешишь попробовать?

Я озадаченно пожимаю плечами.

— Ну давай...

Он берет мою руку и, нагнувшись, осторожно целует костяшки пальцев.

Меня неожиданно так ошеломляет этот простой жест, довершающий рыцарский образ моего супруга — даже не сам жест, а то усердие, с которым Азамат все время старается мне угодить, — что я просто кидаюсь ему на шею, кажется, с визгом или хотя бы писком, едва не снеся руль. Впрочем, Азамат тут же что-то нажимает у меня за спиной, и сиденье отъезжает назад, трансформируясь в кушетку. Другой рукой он в тот же момент подгребает меня поближе, и я оказываюсь на нем верхом, хорошо, что потолок высокий. Муданжская машина, да...

Я целую его пониже мочки уха и в шею, потому что выше из этого положения не дотягиваюсь, он тяжело дышит, и мне кажется, вздрагивает, когда я касаюсь окрестностей кадыка. С той стороны, где шрамы, кожа менее чувствительная, так что я с нажимом провожу там пальцами — и слышу хрипкое пение райских птиц. Он наклоняется, я чувствую его горячее дыхание сквозь волосы, потом на ухе. Задираю его свитер, проскребаю своими короткими ногтями вверх по животу, Азамат прижимает меня к себе так крепко, что я почти не могу двинуться, но мне кажется, что он изо всех сил терпит, чтобы не сжать еще крепче. Приходится срочно освобождаться от препятствий в виде молний и пуговиц — и открывать в себе новые просторы. Азамат снова откачивается назад, запрокидывает голову, и я могу сколько угодно издеваться над его чувствительной шеей, извлекая то дробный рык, то звонкий стон.

Однако кто бы мог подумать, что во мне столько места. То есть, конечно, ощущение заполненности под завязку есть, но это такая приятная, уместная заполненность. Я начинаю двигаться, и тут Азамат как будто просыпается и поддерживает меня, как невесомую, руками, и я точно знаю, что никогда и никуда отсюда не денусь, что мы так и будем вечно единым телом, каждый стараться для другого, как для себя, неотрывно вбирать в себя образы друг друга — и так никогда и не исчерпаем их. Мое время остановилось, сделало сальто и соединилось с его временем, я стала событием в его эпохе, каплей в водовороте, и все же он смотрит на меня и думает обо мне, и вся мощь его стихии нянчится со мной, как будто от меня зависит, жить миру или сгинуть в небытие.

Я вцепляюсь ему в волосы просто потому, что могу это сделать, вбираю в себя всю любовь его взгляда — отдаю обратно со взрывом,

мне кажется, от меня расходятся круги по воздуху и земле, а он снова прижимает меня, близко, горячо, он повсюду, со всех сторон, я внутри него, но и он во мне, мы как два зеркала, и когда одно разлетается на сверкающие брызги, то же случается и со вторым.

* * *

С трудом встаю на ноги — они дрожат и норовят подогнуться.

— Слушай, Азамат, — говорю. — Нам надо почаще выяснять отношения, смотри, к каким потрясающим результатам это приводит.

Он медленно садится, одергивая свитер.

— Лиза... мне кажется, боги дали мне тебя за все беды, что случались со мной до сих пор. Тебе ведь... тебе понравилось?

Идиотский вопрос, но ладно уж, если ему так нужно подтверждение...

— Понравилось — это мягко сказано! Мне так здорово никогда не было...

Он ошеломленно качает головой.

— А что в этом такого удивительного? — спрашиваю.

Он усмехается.

— Не знаю, как у вас, а у нас, может, одна на миллион женщина получает удовольствие от секса.

Я падаю на соседнее сиденье в приступе истерического хохота. Чертовы обезьяны!!!

Глава 15

Из мемуаров Хотон-хон

Муданг находится в галактике Водоворот, которая в традиционной земной астрономии относится к созвездию Гончих. Это небольшая планета, площадь поверхности только слегка превышает площадь Евразии, но за счет тяжелого платинового ядра сила тяжести там ненамного меньше земной. На планете всего один континент, у которого поэтому нет никакого названия. На обоих полюсах ледяные шапки, хотя на северном подо льдом предполагается суша. Планета довольно далека от местного солнца, поэтому климат там несколько холоднее, чем на Земле, а год тянется чуть ли не два земных года.

Континент и небольшие группы близких к нему островов равномерно скудно заселены. На Муданге всего шесть крупных городов, и только один из них, столица Ахмадхот, переваливает за пять миллионов жителей. В основном же люди живут в крохотных деревнях

по три-четыре двора; изредка попадаются более крупные селения по несколько сот человек.

Столица соединена со всеми крупными городами скоростной монорельсовой дорогой. В экваториальной черноземной зоне также проложены автомобильные трассы, мощенные разновидностью асфальта из местной смолы. На севере и юге, где начинаются леса, дороги почти исключительно грунтовые.

В черноземной зоне хорошо развито овощеводство, практически единственные деревья здесь — культурные фруктовые. В обе стороны прочь от экватора начинает возрастать значение скотоводства, а в самых приполярных зонах — охота. Побережья усеяны рыбачьими поселками. Судостроение законсервировалось на очень раннем этапе: практически все суда гребные и очень небольшого размера, хотя отлично приспособлены для рыбалки и переправы с континента на острова.

Социальная мобильность на планете чрезвычайно низкая, как вертикальная, так и горизонтальная. Общественное положение человека определяется его внешней красотой, а также именем, которое ему дают при рождении Старейшины. Мальчики с именами на гласную (дийнир, «певчее имя») по достижении двенадцати лет имеют право на образование, которое можно получить в одном из крупных городов по трем специальностям: целительство, книжное дело, инженерное дело. Девочки с певчими именами теоретически тоже могут получить образование, но прецедентов пока не зарегистрировано.

Остальные, с обычными, «глухими» именами (пуднир), занимаются сельским хозяйством, ремеслом или — кто победнее — идут в слуги к более обеспеченным. Практически за каждым человеком любого пола закреплено стадо того или иного мелкого рогатого скота, который и является основным источником пищи муданжцев. Количество голов в стаде зависит не только от обеспеченности владельца, но и от места проживания и основного занятия. У жителей черноземных территорий стада, как правило, меньше. Сами хозяева их, конечно, не пасут, а сдают в общее гигантское стадо, управляемое несколькими пастухами, которым за это платят в складчину. У Старейшин есть отдельные очень большие стада, за счет которых существует забавное подобие банковской системы: например, северянин, приехавший по делам на юг, может

употребить овцу из местного старейшинского стада, так же как южанин на севере. По возвращении оба должны будут отдать по овце из своего стада в старейшинское.

Совет Старейшин состоит из двух категорий людей один к одному: духовники, завершившие обучение, и просто любые уважаемые мужчины старше сорока, чем-либо заслужившие хорошее отношение соседей и Старейшин. Духовникам запрещается жениться, поэтому подавляющее большинство их — гомосексуалисты. «Светские» Старейшины, наоборот, обязаны быть женаты и иметь хотя бы одного ребенка.

Традиционно Муданг представлял собой некое подобие парламентской монархии с императором во главе и столичным Советом Старейшин в роли парламента. Императорская власть передавалась по наследству по мужской линии, но в случае отсутствия наследника или если он не подходил на эту роль с точки зрения Старейшин и жителей, в столице созывалось народное собрание и выбирало нового императора. Однако два столетия назад джингоши, захватившие Муданг, убили последнего императора, и с тех пор эта традиция не возобновлялась.

Собственно, муданжские наемники появились почти сразу после завоевания и состояли из людей, в наибольшей степени обремененных гражданской совестью. Наемники первой волны категорически не имели никаких дел с джингоши, а наоборот всячески старались расстроить их планы, но следующее поколение, выросшее уже под властью джингоши, оказалось куда более толерантно. Теперь часто можно было наблюдать объединения из джингошских и муданжских наемничьих банд, и в земном сознании эти две нации слились в некое единое представление об опасности в космосе. Тут следует упомянуть, что Старейшины категорически не одобряли кровопролитных восстаний против джингоши и призывали муданжцев к терпению. Муданжские наемники вовсе не порывают с корнями. Даже в открытом космосе они продолжают соблюдать свои обряды и традиции, в составе команды обычно есть ученик Старейшины-духовника, и заветы Старейшин все еще играют для космических наемников большую роль.

Даже формально признавая некоторое свое единство с джингоши, муданжцы все-таки крепко держатся вместе. Одним из проявлений

такого единства стали собрания наемников, организуемые раз или два в год на нейтральной территории. На такие слеты собираются по несколько десятков команд для обмена информацией, опытом, а иногда и вполне материальными приобретениями. Среди капитанов команд нет никакой узаконенной иерархии, поэтому получается круглый стол вообще без ведущего, однако вдумчивая размеренность — неотъемлемая составляющая муданжского менталитета — позволяет всем присутствующим высказаться и услышать друг друга. Собрания организуются втайне, хотя и без видимой причины — посторонним не имеет никакого смысла на них появляться. Однако те посторонние, которым довелось по какой-либо причине поприсутствовать на таком слете, остаются под глубоким впечатлением от невероятной единой силы и величия этой угнетенной нации, подобно тому, как чувствует себя работник ядерного реактора, регулярно находясь под боком у чудовища, способного, казалось бы, при малейшей неполадке уничтожить жизнь на целой планете и, однако, работающего на человечество.

* * *

После развлечений все-таки идем завтракать. Не знаю уж, смутили мы кого-то своим взрывом страсти в машине с незатемненными окнами или нет. Я лично считаю, что если человеку на автостоянке около супермаркета делать больше нечего, как в чужие машины заглядывать, то это его проблемы, а не мои.

Азамат ест так, как будто неделю маковой росинки во рту не было. На мое хихиканье по этому поводу он только ухмыляется:

— Я всегда много ем, когда доволен жизнью. А когда грустно, ведь вкуса не чувствуется, правда же?

Никогда об этом не задумывалась, теперь пытаюсь прикинуть.

— У меня скорее наоборот, когда грустно — хоть вкусной еде можно порадоваться.

— Молодец, правильно, сам всегда ищу хорошие стороны во всякой дряни, потому и жив до сих пор, — тараторит он, наворачивая фаршированных мидий. — Кстати, раз уж мы летим на Муданг, то имеет смысл подвезти наших бывших коллег. В качестве пассажиров, конечно.

А, так Гонд и Эцаган вернутся на борт?...И Алтонгирел.

Азамат следит за тем, как у меня меняется выражение лица в соответствии с мыслями, и начинает хохотать.

— Лиза, ну не переживай ты так. Алтонгирел с тобой примирился, он больше не будет строить козни.

— Еще бы я с ним примирилась, совсем было бы хорошо.

Азамат некоторое время сосредоточенно жует и только мотает головой.

— Понимаешь, Алтонгирел сам себя подставил, — говорит наконец. — Когда мы прилетим на Муданг, он должен будет представить нас Старейшинам и рассказать, из каких соображений решил, что мы хорошая пара. И если он расскажет неубедительно, его учитель будет очень недоволен. Так что Алтонгирелу теперь жизненно необходимо, чтобы у нас все было хорошо. Он больше не будет пытаться нас поссорить.

Я закатываю глаза.

— Если он примется устраивать нашу личную жизнь с тем же рвением, с каким до сих пор расстраивал, то, боюсь, брак будет весьма недолговечным.

Азамат собирался как раз перейти к следующей мидии, но вместо этого теперь угрюмо утыкается в тарелку. Я легонько пинаю его под столом:

— Не грузись, это я так шучу. Ты же не будешь спорить, что до сих пор у него с нами все время получается наоборот?

— Это да, — соглашается Азамат и углубляется в еду.

Я считаю это хорошим признаком и, успокоенная, вгрызаюсь в тост. Как я, оказывается, соскучилась по хлебу! А думала, совсем его не ем...

— У нас сегодня вечером еще одно мероприятие, — внезапно тихо говорит Азамат. — Встреча с другими... нашими...

— Тайная? — шепотом спрашиваю я.

— Не совсем, но... чужих нам там не нужно. Я бы очень хотел, чтобы ты пошла со мной.

Мне нравится это не сильно завуалированное принятие в «свои».

— Пойду, конечно, — охотно киваю. — А что там будет?

— Ну сначала мне с другими капитанами надо поговорить, заодно, думаю, удастся продать захваченный корабль. Нам-то он не нужен, но вот некоторые копают под джингошей...

Подобные разговоры всегда заставляют меня осматриваться. Мы сидим в уютной забегаловке с закосом под средневековую таверну, столики отделены друг от друга довольно высокими деревянными перегородками. Когда заходили, тут почти никого не было, но...

— Не волнуйся, сюда посторонних не пускают, — подмигивает Азамат. — Хозяйкина бабка была из первых сбежавших с планеты после завоевания.

Киваю.

— А если продадим, из этих денег Эцаган с Гондом что-нибудь увидят?

— Конечно. — Азамат сдвигает брови. — Собственно, все, за вычетом того, что они съедят на обратном пути. А что?

— Так, просто интересно... — пожимаю плечами. Чувствую, кто-то не любит, когда женщина лезет в его дела. Ну милый, если б я вела себя, как у вас принято, черта с два бы я за тебя вышла, не так ли? — Так что там дальше будет на этой вашей посиделке?

— Ну так... музыка, игры... там можно много приятного народа встретить. В общем, праздник по сути.

— Хм... — О чем-то мне напоминает слово «праздник»... А! — Слушай, а туда надо эту хреновину платиновую надевать?

Азамат широко открывает глаза.

— Ты еще про нее помнишь?

— Конечно, она у меня так и висит на спинке кровати. Так как, надо?

— Можешь не надевать, — говорит он после мгновенной паузы. Кажется, кто-то идет на уступки.

— То есть по-хорошему надо? — уточняю. Он мнетя. — Ну ты наденешь?

— Да, но тебя никто заставлять не будет. Я понимаю, что тебе тяжело. Ты такая тоненькая, легкая, естественно...

Положим, не такая уж я эфемерная, а на Тирбишевых харчах еще и поднабрала. Страшно подумать, на что похожи эти их бабы. Но проблемы это не отменяет.

— Может, я надену ненадолго, а потом потихоньку сниму? — предлагаю. — Если за столом будем сидеть, то все равно не видно, она же длинная.

— Хорошо, — охотно кивает Азамат. — Если тебе не трудно, то это прекрасная идея.

Так, этот вопрос решили. Дальше.

— А что мне надеть из одежды?

— Это уж тебе виднее, — теряется Азамат.

— Да я вот думаю, что лучше — подчеркнуть, что я с Земли, или надеть одно из тех шикарных платьев, которые ты подарил? Тебе что будет приятнее?

Он смотрит на меня с почти нездоровой признательностью, и я глажу его по руке, испачканной в масляном соусе. Руки-то и помыть можно, а мне надо сейчас же, сию секунду всеми возможными средствами показать, как мне хочется сделать ему приятное.

— Надень синее платье, — говорит он. — Тогда все сразу заметят твои земные глаза.

Удивительно, как он умудряется произнести слово «земные», как будто оно значит «небесные».

* * *

Потом мы идем на почту отправить маменьке цветочки и камушки. Почта тут прогрессивная, пространственно-временная. То есть по сути тот же туннель, как те, через которые летают корабли, только тут сквозь него проходит просто контейнер на рельсах. Азамат говорит, что и на Муданге есть такие туннели, но естественного происхождения и очень неустойчивые. Не очень ценные вещи отправлять можно, а вот людям лучше не соваться, порубит в капусту.

Азамат отвозит меня «домой», то есть на корабль (причем, залезая в машину, мы оба хихикаем, как подростки), выгружает мою посуду и бытовую технику, а потом извиняется, что вынужден укатить «по делам». Ладно, я поняла, что меня это не касается.

Я чапаю к себе в каюту, но по пути налетаю на лазурную парочку.

— Рада вас видеть снова на борту, — легко улыбаюсь Эцагану, а потом старательно растягиваю улыбку и на Алтонгирела тоже.

Эцаган ощеривает ровные белые зубы:

— Спасибо, Лиза! Я так рад, что можно на родном корабле долететь домой!

У духовника, естественно, энтузиазма поменьше.

— Конечно, — говорит он иронично, — это чисто ее заслуга. Наша леди так хочет избавиться от мужа, что готова для этого лететь

хоть на край Вселенной.

У меня руки сами сжимаются в кулаки, вот честно. Я думала, это просто фигура речи.

— Все не можешь придумать, как перед учителем будешь оправдываться? — спрашиваю сладенько. — Бе-э-эдный.

Дразню его, а сама думаю: вот ведь наговорит всей этой чуши Азамату... Хотя тот и сам себе страшилок напридумать горазд.

Алтонгирел полностью разделяет мою неприязнь.

— Вам нечего ловить на Муданге, — говорит он глухо.

— Лучше бы подсказал что-нибудь дельное, как Старейшин убедить, — кривлюсь я. Духовник закатывает глаза:

— Если бы я видел хоть малейший шанс женить Азамата по-настоящему, я бы сделал для этого все! Но это не-ре-аль-но!

— Спасибо за поддержку. Ну ладно, хотя бы суперпапаше нос укорочу.

Алтонгирела передергивает.

— Он не из тех, кто легко ломается под пыткой.

Эцаган откашливается.

— Это ничего, что я тут стою?

— Ничего, солнце. — Я пользуюсь поводом прекратить бессмысленное препирательство. — Привыкай, у нас тут все время такая дружеская атмосфера.

Делаю им ручкой и смываюсь.

Мне, между прочим, есть чем заняться. Надо перенюхать все духи и выбрать что-то на вечер. Потому что, я так подозреваю, лучше выставить напоказ как можно больше дорогого хлама, если я не хочу подводить Азамата перед его согражданами. Может быть, стоило оставить хоть пару украшений — не для себя, а для понта.

В качестве помещения для нюхательного сеанса выбираю сушильню. Там, по крайней мере, вентиляция хорошая, да и сейчас почти никто не стирает, все шляются целый день по планете. Я пригоняю коробку с духами на сервировочном столике и усаживаюсь на какой-то пуфик в углу под вентилятором. Ну, с богом.

* * *

К тому моменту, как мои нюхательные рецепторы окончательно атрофировались, я пришла к выводу, что нынешняя духовная... э-э... духовая... э-э-э-э-э... парфюмерная индустрия никуда не годится. Из

всей коробки мне действительно понравились три запаха, и еще около десятка я оказалась способна терпеть в небольших концентрациях. Надеюсь, Азамат не будет уж очень страдать из-за моей придирчивости. Он ведь знает, что со мной можно и без этих тонкостей.

От воспоминания про то, как мы сегодня обошлись без тонкостей, внутри что-то сладко вздрагивает, и по всему телу проходит волна тепла. Спасибо, я уже просекла, что втрескалась по самые надпочечники.

В этот момент, конечно, нелегкая приносит Алтонгирела. А я-то надеялась, что дневную норму общения с ним уже выполнила.

— Чем ты тут занимаешься? — спрашивает он, морща нос. Завидую, он еще хоть что-то чувствует...

— Выбираю аромат, — отвечаю нарочито жеманно.

— Хм... — Он смотрит на меня, как будто пытается разобраться, что на мне написано. — Хочешь сказать, ты не выкинула всю коробку еще вчера?

— Зачем? Азамат попросил выбрать — я выбрала.

Духовник на секунду задумывается.

— Я буду приятно удивлен, если ты постарайся притвориться перед другими наемниками, что уважаешь Азамата.

— Да мне даже притворяться не придется. Другое дело, что у нас разное представление об уважении.

Алтонгирел задумчиво кивает, потом подходит и садится рядом со мной. Батюшки, снизошел! Страшно подумать, что его заставило...

— Меня кое-что смутило в твоей истории покупок.

Кажется, не зря смутило.

— А где ты ее взял? Ты что, за мной следишь?

— Нет, просто почитал логи с твоей карты.

— У меня земная карта из земного банка, как ты мог...

— А я наемник в лучшей команде наемников, еще вопросы будут?

М-да, и не скажешь ничего... Ладно, любопытство сильнее гордости.

— Так что тебя там смутило?

— Ты не покупала противозачаточных пилюль.

— Пилюль?! Тут еще продается это ископаемое?!

Он моргает.

— Что, прости?

— На Земле уже сто лет никто не пользуется таблетками, это вредно! — объясняю я.

— Хм. Ну ладно, но ты ведь вообще ничего от этого не покупала.

— А какое, собственно, тебе дело? — наконец спрашиваю я. Врач во мне все-таки иногда пересиливает гордую женщину.

— А такое, — размеренно начинает он, — что раз ты не брала никаких средств, то, значит, не предусматриваешь секса. А женатому человеку нельзя обращаться за этим к профессионалкам. Получается, что ты его посадила под замок. И мне это не нравится. Уж выбрала его в мужа, так выполняй свои функции. Какого рожна ты его за нос водишь? Такой подарок возьму, сякой не возьму... Думаешь, у него без тебя проблем мало?

Мне становится смешно от этих излияний, тем более что они уже совершенно беспочвенные. Но с другой стороны, я даже слегка проникаюсь уважением. Ради дружбы или потому что должность обязывает, но ведь нашел в себе силы перебороть отвращение и недоверие и подкатить ко мне с таким интимным разговором. Неожиданно для себя чувствую даже какое-то духовное родство с этим неприятным человеком: я бы ведь тоже стала его лечить, наплевав на неприязнь.

— Интересно, — говорю, — а мысль, что я хочу детей, тебе в голову не приходила?

Он смотрит на меня, как на особо неудачливую двоичницу.

— Ну конечно. Вот сейчас ты за пару платьев подвергнешь риску прекрасную фигуру. Голову-то не морочь...

Потрясающие люди. Ладно, придется его успокоить пока что. Закатываю рукав просторной блузки до самого плеча.

— Вот, видишь, штучечка приклеена? Так на Земле теперь выглядят противозачаточные. Действует полгода, практически безвредное. Эта еще пару месяцев проработает, потом новую поставлю.

Алтонгирел, сдвинув брови, изучает крошечный чип телесного цвета, потом строго смотрит мне в глаза.

— Ну ладно, — говорит наконец. — Будем считать, что я тебе поверил. Если ты идешь на слет, то давай одевайся. Скоро выдвигаемся.

— Чудесно... — Я вскакиваю, сгребая те несколько флакончиков с духами, которые собираюсь оставить. — Ты, кстати, на досуге поинтересуйся у Азамата, отчего у него с утра хороший аппетит. И разберись с этой коробкой с духами, чтобы его лишний раз не расстраивать.

На этом я благополучно покидаю благоуханное помещение.

* * *

Кручусь перед зеркалом, подбираю туфли под платье, пытаюсь придать волосам какую-то форму, отличную от комка спутанного серпантина... Кажется, последний раз так суетилась перед выпускным. А потом решила, что кому я не нравлюсь о натюрель, тот может идти глухим бескрайним русским лесом. Оказывается, однако, есть еще цели, ради которых стоит пострадать.

Стук в дверь, это Азамат. Смотрит на меня масляными глазами, что-то бормочет про неотразимость. Вероятно, я выгляжу несколько лучше, чем обычно. Но главное — он в моей рубашке!! Я улыбаюсь до ушей, чем, скорее всего, свожу на нет всякий эффект от прихорашивания.

— Все подошло? — спрашиваю, рассматривая творение рук своих на модели. Вроде нигде не перекосилось.

— Да, конечно, — кивает он.

Конечно. Ха!

Но вообще ему идет. И потому, что фигуру подчеркивает, и еще потому, что получается некое единство внешности и одежды, устраняется анахронизм.

Нарассматривавшись вдоволь, снова пытаюсь усмирить волосы при помощи мокрого гребешка. Азамат некоторое время наблюдает за моими действиями, потом подходит поближе.

— А можно я тебя расчешу?

Ага, понравился груминг, значит.

— А говорил, в чужих космах копать противно, — подкалываю его.

— Лиза, ну что ты, в тебе не может быть ничего противного, — уверенно говорит муж и осторожно кладет руки мне на плечи. Да-а, мы учимся устанавливать физический конта-акт, хорошо-о... Даже отклоняюсь чуть назад, чтобы прислониться к нему. Его свадебная

платиновая подвеска холодит мне спину сквозь тонкое платье. — Ну можно?

— Не стоит, — говорю и чувствую на ухе его тихий вздох. — Я бы рада, — добавляю быстро. — Но если мои волосы расчесать, они превращаются в пену для ванны.

Он покатывается со смеху, инцидент исчерпан. Неожиданное веселье, однако, добавляет ему храбрости, чтобы сделать ответственное дело. Он принимается рыться в кармане штанов и извлекает какую-то коробочку. Чувствую, кто-то решил-таки восполнить нехватку бриллиантов.

— Лиза, я понимаю, что тебе это не очень нравится, но я подумал... может быть, эту вещицу ты все-таки наденешь хоть разок.

— Пожалуй, надену, — говорю, беря у него коробочку. — Я как-то запоздало сообразила, что тебе хочется похвастаться перед знакомыми...

Конец фразы забываю, потому что в этот момент открываю коробочку. Там цепочка с подвеской — такой самой подвеской, как те, что на нас надел Алтонгирел, только маленькой.

— Ой, — говорю, — здорово... Это типа на замену?

— Ну да, — кивает Азамат. — Раз уж ты так хочешь надеть хом, я подумал, что можно облегчить тебе задачу.

В таком размере наши востроклювые птички выглядят очень изящно, намного симпатичнее безликих толстеньких драгоценностей из ювелирных магазинов. Они, видимо, по-прежнему из платины, а глазки синенькие, небось тоже не стекляшки. И обо всем-то он подумает!

— Спасибо, — говорю. — Мне это нравится гораздо больше всех тех украшений вместе взятых!

— Правда? — Азамат приподнимает бровь. Его собственный хом лукаво поблескивает поверх темной рубашки.

— Конечно! Такое тоненькое, изящное... прелесть! — Я быстренько застегиваю цепочку под волосами. — А эти штуки, хомы, они все одинаковые?

— Нет, конечно, каждая пара уникальна.

— А где ты тогда эту взял?

— Сделал. — Он пожимает плечами, как будто мы говорим о пришивании пуговиц.

— Сделал? — повторяю заворуженно.

— Ну да. У меня тут знакомый держит небольшую мастерскую... ну вот, я к нему и зашел, он меня всегда к станку пустит. Там всего делов-то на полчаса, это же не детали для гравитационных сенсоров, где все до нанометра вымерять надо.

С ума сойти! Сделал — маленький хом — из платины — для меня. Чтобы мне не тяжело было.

— Азамат, ты просто счастье, — говорю только что не со слезами на глазах. — Ты самый прекрасный человек в мире. Серьезно!

Тянусь целоваться, хоть он и не умеет... ой, уже умеет! Ну то есть выходит у него довольно робко и неуклюже, но принцип явно понял. Ох и забористо...

— Ты утром притворялся, что ли? — спрашиваю, когда мы разлепляемся.

— Нет, — усмехается он. — Я просто порылся в Сети... Вы, земляне, ведь всегда про все пишете с картинками и обучающее видео снимаете, за что ни возьмись. Просто раньше мне незачем было...

* * *

Я на радостях загоняю Азамату еще шприц антибиотиков на дорожку, и мы наконец-то выдвигаемся.

В машине Алтонгирел косится на меня с недоверием и почтением, как будто внезапно познал мою божественную сущность. Похоже, поговорил-таки с Азаматом. Можно, конечно, поинтересоваться, но в машине, при всех, как-то не хочется.

Народ разodelся, кто как мог. Алтонгирел вздел один из своих бесчисленных халатов и подпоясался так элегантно, что эта прямолинейная конструкция на нем чрезвычайно эффектно смотрится. На Эцагане халата нет, только ярко-синие штаны и малиновая рубаша, расшитая по всей груди черными оленями, если, конечно, это олени. Народная вышивка иногда весьма загадочна. Тирбиш в счастливо-оранжевом кафтане с вышитыми вишенками, а на ногах у него те самые сапоги, какие я видела в шкафу у Алтонгирела. Длинные, как чулки, и такие же мягкие. Хранцицик и Ирнчин почти в одинаковых кафтанах и поглядывают друг на друга с неудовольствием. То ли похожесть — дурной тон, то ли им одна женщина их шила. Вообще, наблюдается некая тенденция: кто помоложе, те больше в рубашках, только редко что-то еще сверху надето. А вот старшие наоборот в

нескольких слоях плотной ткани. Ахамба и Орвой (тот, что с родинкой) также имеют на головах причудливые шапки: у Ахамбы она больше похожа на церковный купол с красной пимпочкой на вершине шпиля, а у Орвой скорее что-то сродни папахе. На общем нарядном фоне несколько выделяются наши пилоты, на которых традиционная одежда выглядит столь же бесформенно, как их обычные свитера.

Мы проезжаем по фешенебельным районам, потом опять начинаются лабазы, а потом и вовсе не освоенная целина. Едем на сей раз в микроавтобусе, который за нами специально прислали. Водитель — явный муданжец, но наши с ним незнакомы и переговариваются негромко и помалу. Мы с Азаматом тоже молчим, я смотрю в окно, а его взор устремлен куда-то внутрь себя. В окне скучная красно-бурая земля до горизонта, у которого светятся огоньки населенной части планеты. Хоть бы газончиком засеяли... хотя у них тут, кажется, мало пресной воды, пришлось бы завозить или фильтровать для полива.

И тут впереди из пыльной лиловой дымки проступают горы. Прямо натуральные, серые, мрачные горы, высокие такие.

— А я и не знала, что на Гарнете есть горы, — говорю.

— Гарнет не любит хвастаться тем, что далеко от моря и туристических центров. А в этих горах посторонним делать нечего.

— А-а... мы именно к ним едем? — уточняю я. Что-то пейзаж вокруг плохо сочетается с длиннополым платьем.

— Да, — кивает Азамат, потом замечает мою встревоженность. — Не волнуйся, подниматься будем на чистеньком офисном лифте.

У меня отлегают от сердца. Если на лифте и без пыли, то хоть на Джомолунгму.

— А как там с ветром?

— Ну ветер, конечно, сильный, — соглашается Азамат, — но мы не будем подниматься на склоны. Место встречи — внутри, в самом сердце скалы.

Дальше расспрашивать боязно. Будем надеяться, что в пещерах не очень мокро и не очень холодно...

* * *

Первую свинью подкладывает лифт. Он оказывается прозрачным со всех сторон, даже по углам никаких железяк. В итоге чувствуешь себя зависшим в воздухе посреди каменной шахты, и что влечет тебя вверх — непонятно. Я вцепляюсь в Азамата так крепко, что не

чувствую пальцев. Он сначала никак не может понять, чего это я, но потом догадывается меня приобнять. Так и стоим столбом посреди лифта, а остальные прижимаются к стенкам и комментируют, мимо каких пород камня мы проезжаем. Мне на них смотреть тошно. Над головой угрожающая чернота, никакого неба.

Наконец пытка завершается: одна стенка прозрачной конструкции просто растворяется и мы выходим в пещеру. Ну не все так плохо. Во-первых, пещера хорошо освещена миленькими цветными лампами в форме бараньих рогов по стенам. Во-вторых, все поверхности тут выложены аккуратно отшлифованным камнем, посверкивающим в пестром свете, как снег. По крайней мере, интерьер цивилизованный. И не холодно вроде бы.

Азамат мягко подталкивает меня вперед, и мы идем в глубь скалы. Пещера оказывается коридором и по мере продвижения расширяется, потолок уходит все выше, а потом и вовсе становится неразличим в темноте, когда его перестает достигать свет низко повешенных ламп. Я все еще придерживаюсь за Азамата на всякий случай, хотя уже и не так истерически. Звуки наших шагов постепенно становятся все громче, рождают эхо и гремят над головой, как будто там скачет конница. И почему нельзя было встретиться в ресторане, а?

Коридор приводит к зале; у гигантских дверей, оформленных как стрельчатая арка, стоит высокий тощий старик с длинной седой бородой, заплетенной в две игривые косички с пестрыми бусинами. На самом старике длинный халат, расшитый золотом. В руках у него электронная книга со списком приглашенных.

Азамат придерживает меня за локоть и отводит в сторону, позволяя остальным пройти.

— Мы зайдем последними, — говорит он мне шепотом, но гулкая пещера все равно разносит его слова.

Я только киваю.

Старик имен не спрашивает, он и так всех знает, только вычеркивает в своем списке тех, кто уже пришел, а потом пронзительным зычным голосом выкрикивает в дверной проем имя пришедшего.

— Мне надо будет представиться? — шепчу я Азамату, стараясь не произвести вообще никакого звука.

Эхо все-таки подхватывает мои слова, но превращает их просто в невнятный шелест. Азамат мотает головой.

Когда все наши втягиваются в залу, мы приближаемся к привратнику. Он деловито помечает Азамата в списке, потом окидывает нас безразличным взглядом, задерживаясь на большом, гордо сверкающем хоме Азамата и моем маленьком хомчике, подмигивающем сапфировыми глазами.

— Азамат Байч-Харах с женой, — трубит старик за дверь и отступает.

Возможно, мне мерещится, но по зале как будто прокатывается смутный гул. Я изо всех сил стараюсь придать своей осанке и лицу хоть какое-то достоинство и не выглядеть как забитый кролик. Азамат отпускает мою руку, и это совершенно не облегчает задачу.

Если до сих пор я думала, что нахожусь в очень просторном помещении, то теперь понимаю, что это был крысиный лаз по сравнению с собственно «гостиной». Она невероятных размеров и кажется еще больше из-за леса естественных колонн, похожих на песочные часы. Стен я вообще не вижу, только колонны и колонны, которые становятся все чаще, чем дальше мы продвигаемся вглубь. До уровня двух-трех человеческих ростов они украшены резными узорами, похожими на те, что вышиты на одежде у мударжцев. А выше эти узоры плавно переходят в естественные наросты и пятна камня, проблески слюды или чем там оно все блестит.

А блестит действительно все. Я даже не понимаю, где установлены лампы, но их цветные лучи, как сквозь витраж, обдают все вокруг радужным мерцанием, как будто сами скалы расщепляют белый свет на спектр.

Чуть не забываю, что надо идти вперед, но, когда тепло, исходящее от Азамата сквозь тонкую рубашку, исчезает, понимаю, что слегка отстала, залюбовавшись, и скорее нагоняю его.

Людей в зале немного, человек тридцать, не считая наших. Видимо, еще две команды. Как только спускаемся по широкой лестнице вниз к другим гостям, снова слышится пронзительный голос старца-привратника, объявляющего вновь прибывших. Не отставая от Азамата, прохожу мимо всех присутствующих, стараясь выглядеть спокойно и благожелательно. Азамат кивает знакомым, те кивают в ответ. Мы доходим до ненаселенной части залы и останавливаемся у

колонны в ожидании новых гостей. Они следуют нашим маршрутом, кивают Азамату и проходят еще дальше, застывая у колонн, как шахматные фигуры. Понимаю, что до сих пор не заметила ни одной женщины, и мне становится не по себе. Ну не одна же я тут, правда? Я ведь понятия не имею, как себя вести, и очень надеялась следовать примеру других дам.

Однако вот мимо нас проходит пара: молодой плечистый парень с видом героя трагической повести об индейцах, а с ним женщина несколько старше него, действительно очень красивая, с правильными тонкими чертами смуглого лица, правда, довольно пухленькая. На ней пронзительно-зеленое платье до самых пят с очень широкой юбкой, которая висит, как сложенные крылья бабочки, а сверху еще неудобного вида кафтан, так густо расшитый золотом и серебром, что должен быть очень тяжелым. Ее завитые волосы аккуратно разложены по плечам. Мне кажется, она изо всех сил держит голову ровно, чтобы локоны лежали симметрично. В ушах у нее небольшие, но широкие кольца, усыпанные крупными камнями всех цветов, а на шее прямо-таки броня из цепей и цепочек, бус и ожерелий и прочих неопишуемых сияющих украшений, нижним ярусом под которыми красуется причудливой формы хом, кажется, на нем изображены какие-то хищные птицы. Вот интересно, муданжских девушек с детства тренируют носить на шее ведро с водой?

На меня эта краля, конечно, не смотрит, она вообще не шевелит ничем, кроме ног, да и те так задрапированы, что она как будто плывет. Им для этих дам нужно горизонтальный эскалатор тут установить. Мне внезапно становится смешно при мысли о конвейере расфуфыренных теток. Скорее всего как раз потому, что обстановка меньше всего располагает к смеху.

Мы стоим и ждем прибытия новых гостей долго и мучительно. Кой черт нас тянул приехать одними из первых, а? Я замечаю, что кое-кто поблизости потихоньку шушукается, и вроде бы от этого не происходит немедленного обвала, так что решаюсь заговорить с Азаматом:

— Долго еще ждать?

Он поворачивает ко мне голову и слегка улыбается.

— Устала? Еще две команды должны быть, насколько я знаю. После этого сможешь отдохнуть с другими женщинами.

— Я пока только одну видела.

— Есть еще две.

— А чего так мало-то?

— А кто ж своих жен с собой в космос таскать будет? Тут только те, которые недавно поженились. Ну и госпожа Эрдеген.

Я хотела спросить, кто это такая, но тут мимо нас снова потопали гости, и Азамат отвлекся на приветствия. Я вижу еще одну женщину, совсем молоденькую круглолицую пышечку, которая озирается по сторонам с живым детским интересом. Едва не вздыхаю с облегчением: по крайней мере, не все тут такие мороженые селедки, как та, первая. Впрочем, на этой золота висит не меньше. Ладно, если что, скажу, что у меня волосы из золота и мне его носить скучно.

Гигантские двери мягко затворяются, оставляя старца снаружи, и тут все приходит в движение. Внезапно собравшиеся разом принимаются говорить, кричать приветствия через весь зал друг другу, мужчины здороваются, ударяя кулак о кулак. Азамат незаметно подталкивает меня в глубь зала, где прежде виденные мной дамы уже стоят рядышком и беседуют. Я говорю себе, что все это — театральная постановка во сне, я — не я и далее по тексту. И иду.

Когда подхожу достаточно близко, чтобы быть включенной в разговор, старшая женщина поводит рукой в сторону младшей и говорит мне:

— Динбай.

Младшая тоже делает такое же движение в сторону старшей и объявляет:

— Эсарнай.

Тут у меня наконец-то кликает в голове: кажется, последнее слово — это роза, то есть, скорее всего, имя. Это они так представляются. Ну меня назвать некому, так что я киваю и говорю:

— Элизабет.

Реакция у них разная: Эсарнай вроде бы приободряется и повыше поднимает голову; Динбай, наоборот, как-то виновато улыбается. Она ростом только чуть выше меня, да и Эсарнай ненамного выше. Видимо, муданжские женщины в принципе существенно ниже своих мужчин. Что ж, я не внакладе.

Что делать дальше, не знаю, но тут на волне невообразимого аромата к нам присоединяется еще одна дама, старая как мир, в белой

меховой горжетке и шляпке с пунцовыми перьями.

— Здравствуйте, госпожа Эрдеген, — хором приветствуют две другие, и мне ничего не остается, кроме как повторить за ними. Будем считать, что я успела выучить, как по-муданжски «здравствуйте».

Госпожа Эрдеген стягивает губы звездочкой и говорит:

— Ну пойдемте уже, я настоялась.

У нее такая типичная для старой аристократки манера речи, что мне опять становится смешно. Эти четкие влажные звуки в сочетании с низким хрипловатым голосом, это «настоялась», похожее на растопыренные колья забора барской усадьбы...

Вслед за ней мы поднимаемся по очень пологой и длинной лестнице в небольшую светлую комнату с окном, где в углу на жаровне из того самого светящегося камня пытит чайник, а на столике расставлены крошечные чашечки, молочнички, пиалы с творогом и по центру в вазе — полоски сушеного мяса, как букет. Динбай тут же кидается разливать чай, а госпожа Эрдеген усаживается на подушки у столика и повелевает:

— Чай забелить не забудь!

Я смотрю на все это, честно говоря, в тихом ужасе. Не знаю уж, кто эта старая мымра, но я ей прислуживать не буду ни за какие коврижки. Впрочем, кажется, и не должна. Во всяком случае, Эсарнай спокойно садится напротив, а она ведь примерно моего возраста. Да еще и имена у нас на одну букву начинаются. Наверное, Динбай потому и прислуживает, что она Динбай. Мрак.

Сажусь на подушку, скрестив ноги, как можно дальше от Эрдеген. От ее духов дыхание спирает, не иначе она два флакона на себя вылила. А у меня и так сегодня обонятельная травма. Динбай наполняет чашку старухи, потом мою. Я, естественно, благодарю и тут же ловлю несколько изумленных взглядов. Ну знаете!

— Вы говорите по-муданжски? — светским тоном спрашивает Эсарнай.

Я делаю вид, что мучительно пытаюсь ее понять, и отвечаю на всеобщем:

— Я знаю только некоторые слова.

— Ах вот как. — Она легко переходит на всеобщий, хотя акцент у нее довольно сильный. Затем пододвигает ко мне молочник. — У нас принято на Цаган-идир есть и пить все белое.

Я снова благодарю и вслед за старухой наливаю себе в чай молока. Я не фанат этого дела, правда, но раз так принято...

— Почему вы все время благодарите? — с легкой улыбкой спрашивает Эсарнай.

— У нас так принято, — отвечаю не менее светским тоном с такой же улыбкой. — Хорошо воспитанный человек всегда всех благодарит.

Младшие женщины переглядываются, видимо, запоминают на будущее. Ох и нахватаются они от меня манер, я так чувствую. Старуха, кажется, заснула.

— Вы ведь первый раз на встрече? — спрашивает Эсарнай.

Динбай наконец-то уселась напротив меня, сбоку от Эрдеген, и тут же принялась с энтузиазмом уплетать творог с мясом. Ага, творог едят ложкой.

— Да, впервые. Я вообще недавно попала к Азамату на корабль.

Эсарнай кивает, а я пробую творог. Он соленый, похож на брынзу. Ничего, съедобно. Я побаиваюсь расспросов насчет того, почему вышла за Азамата, так что переключаю их на культурный контекст:

— А что такое Цаган-идир?

— Белый день, — доходчиво поясняет Эсарнай.

Блин, это-то я поняла!

— Это праздник! — радостно говорит молчавшая доселе Динбай. Эсарнай бросает на нее недовольный взгляд, но той уже все равно. — Зима-до-свиданья-весна-здравстуй! Солнце-ярко-луна-ярко-день-белый!

Меня слегка сносит этим потоком счастливых восклицаний, а Динбай аж покраснелась. Она вся такая круглая и румяная, как яблочко, и, видимо, очень активная. Но на всеобщем говорит так себе.

— Так сегодня праздник? — спрашиваю я. На Земле-то зима месяц как началась.

— Да, на Муданге сегодня первый день весны, — поясняет Эсарнай. — Новый год. Точнее, это на севере, а на юге наоборот осень начинается, но празднуют все равно по северу.

— О-о, вот как. У нас сейчас тоже Новый год. Только мы его посреди зимы празднуем.

* * *

Мы сидим там еще часа два, пока свет за окном не угасает совсем, и тогда зажигаются цветные лампы в форме рогов. Из радостного

лопотания Динбай и спокойных объяснений Эсарнай я узнаю несколько сказок и поверий, связанных с Белым днем. У них, оказывается, зимой очень пасмурно, и они считают, что на это время какой-то подземный гад проглатывает солнце, а потом, в Белый день, приходит некая крутая богиня, вспарывает ему живот, и солнце выскакивает. Так что день этот солнечный и длинный, и ночью тоже очень светло, потому что все три луны светят вместе.

— У вас три луны? — переспрашиваю я. Знаю, конечно, что на других планетах может быть сколько угодно лун, но я ведь мало где высаживалась, да еще и ночью...

— Да, они летом светят по очереди, так что всю ночь светло. А в Белый день светят все вместе, так что очень-очень светло.

Потом мне еще рассказывают, что дождь идет, потому что из моря взлетает дракон и разбрызгивает воду по небу, а еще что весна — хорошее время для свадьбы.

— Но вы ведь не полетите на Муданг, так что это неважно, — заключает она.

— Мы как раз собирались лететь на Муданг, — непринужденно вставляю я.

— Но ведь Азамат не может... — осторожно говорит она с полувопросительной интонацией.

— Алтонгирел говорит, что его пустят на несколько часов, чтобы поговорить со Старейшинами.

Эсарнай приподнимает брови и опускает глаза, как будто я сказала нечто неуместное.

— И-и... Алтонгирел считает, что Старейшины одобряют ваш брак?

— Алтонгирел сам нас поженил, — пожимаю плечами.

— О!

— Старый идиот! — внезапно кричит Эрдеген.

Динбай немедленно кидается к ней.

— Госпожа Эрдеген! Госпожа Эрдеген, проснитесь!

— Как будто я сплю! — возмущается старуха и зевает.

— Кто она? — шепотом спрашиваю я у Эсарнай.

— Жена одного из капитанов, — шепчет та в ответ. — Он ее всю жизнь с собой возит. Сам-то уж плесень старая. Но, говорят, в молодости она была такая красивая, что про нее песни слагали.

— Госпожа мешать? — тоже шепотом спрашивает Динбай у меня.

— Да нет... вот только эти ее духи... — Я машу рукой перед носом и морщусь.

Дамы опять переглядываются.

— Дорогие, — авторитетно заявляет Эсарнай.

Я изображаю на лице оскорбленное достоинство.

— Да хоть какие дорогие... запах такой сильный, что я еле могу дышать. Дорогой вещью еще надо уметь пользоваться.

Кажется, мой высокомерный тон производит эффект: обе дамы внезапно одаривают нашу старушеницу взглядами, полными собственного достоинства. Видимо, до сих пор они комплексовали, что не могут себе позволить употребить два флакона духов за один вечер. Мне вообще не очень нравится, что они так прислушиваются ко мне, получается, я прямо-таки законодатель мод какой-то. С другой стороны, если уж они меня богиней считают, то неудивительно... Но вообще надо быть осторожнее с высказыванием своего мнения по пустякам.

* * *

Через какое-то время снизу начинают доноситься звуки, похожие на музыкальные, и мои сотрапезницы будят Эрдеген. Мы все вместе спускаемся вниз. Я довольно быстро нахожу Азамата, он в приподнятом духе.

— Ну как успехи? — спрашиваю.

— Замечательно, — улыбается он. — Куча выгодных сделок. Ты как там, не умерла от скуки с драгоценной госпожой?

— Драгоценной?

— Ну Эрдеген. Это значит вроде как «моя дорогая».

— Так это не ее имя?

— Нет, конечно. Она в юности была такая красивая, что, говорят, сама своего имени не знала.

Мы прогуливаемся по залу, рассматривая невероятный интерьер. В дальнем углу накрывают на стол, с другой стороны между колоннами я вижу стол для игры в бараньи. Условно-музыкальные звуки доносятся от входа, где на ступенях несколько мужчин настраивают причудливые расписные инструменты.

— А почему имена скрывают? — задаю давно мучащий меня вопрос.

— Ну... — Азамат прищуривается. — Считается, что если знаешь имя человека, то можешь им повелевать. Или отобрать у него что-нибудь, например, удачу или красоту. Конечно, на самом деле это могут только лесные знающие, но люди боятся...

— Знающие что?

— Знающие. Просто знающие. Они тоже могут общаться с богами, как и духовники, но по-своему, нехорошими способами.

— А духовники за ними охотятся? — хмыкаю я.

— Нет, что ты. Не любят их, конечно, их никто особенно не любит. Но они ведь за бесплатно не вредят, только по заказу. Так что с ними воевать бесполезно.

Мы приближаемся к столу с едой, как раз когда всех приглашают садиться. Я замечаю, что мои дамы умащиваются поближе к своим мужьям, и делаю то же самое. Мужики за столом беззастенчиво на меня пялятся, некоторые даже тычут пальцами, обсуждают вслух.

— Смотри-ка, настоящая тощая землянка...

— И как они детей рожают, не пойму.

— Зато легонькая, наверное...

— Ну изящная, ничего не скажешь. А что хилая — так кто ж такую работать заставит.

— Как, она работает?! Целитель?!!

— А ты не слышал, что ли?

— Вон Эцаган...

— И не скажешь, что что-то было!

— Нормально Азамат прибарахлился, и красиво, и в хозяйстве полезно!

Какой-то пожилой мужик начинает хохотать так, что давится и чуть не падает под стол. Я сижу, изо всех сил стараюсь не обращать внимания, твержу, как мантру: только-бы-не-покраснеть, только-бы-не-покраснеть...

— Они ведь меня обсуждают? — тихо спрашиваю у Азамата.

— Да, ты сегодня просто тема вечера, — усмехается он. — Все в восторге.

— И тебе приятно, что они так вот вслух меня обсуждают? — спрашиваю с плохо скрываемым гневом. Азамат замечает и склоняется ко мне:

— Потерпи, солнце. Я знаю, что у вас так не принято, но тут никак по-другому быть не может. А уж если на Муданг прилетишь, там просто каждая собака будет на тебя тарашиться, тут уж ничего не поделаешь. Но ты им всем нравишься, хоть этому порадуйся.

Я хочу что-то ответить, но тут на стол водружают жаркое. Я понимаю только, что это кто-то на вертеле, без головы и очень большой.

— Что это? — спрашиваю.

— Баран, — отвечает Азамат.

— Такой огромный?! — Может, он слово перепутал?..

— Да, это муданжский баран. Они у нас крупные.

М-да, на Муданге все крупное, это точно. И обильное.

Алтонгирел и два других духовника режут тушу и раздают гостям, сопровождая свою деятельность заковыристыми причитаниями. Куски мяса все берут в руки и не кладут на тарелку, и я стараюсь следовать этому правилу, хотя оно все еще горячее. Азамат предупредительно подсовывает мне салфетку, не иначе с собой взял.

— Спасибо, солнце, — говорю. — Я бы без тебя тут уже совсем рехнулась.

Баран пахнет бараном, но не до отвращения. Есть его можно. Азамат тихо комментирует:

— А голову сожгли в качестве угощения богам, хотя здесь, на Гарнете — это бред, какие тут боги. А ведь там такие вкусные...

— А ты тоже веришь в этого, который солнце проглотил? — перебиваю. Я, конечно, аппетит редко утрачиваю в силу профессии, но предпочитаю не смотреть в глаза тому, что ем.

Азамат ухмыляется:

— Я гляжу, тебя просветили, и ты думаешь, что это чушь.

— Ну... — Не хочется ссориться из-за религиозных убеждений, но не врать же...

— Не волнуйся, это все... женская правда. Уж извини, так говорят. Женщины много чего боятся и придумывают себе сказки, чтобы не так страшно было. А уж какая там реальная основа — это только Старейшины знают.

* * *

Когда от барана остается один скелет, начинает звучать музыка, которая так распространяется в нашем необычном помещении, что как

будто льется вниз по колоннам. Сперва просто какие-то мелодийки, потом подключается вокал. У меня от этого вокала волосы по всему хребту не просто дыбом становятся, а прямо вибрируют, как струны: более неприятного тембра голоса еще поискать. Вот уж действительно: громкий, зато противный.

— Эх, как заливается, — говорит сидящий слева от меня мужик. На всеобщем говорит, то есть мне.

— Ты погоди, — гудит Азамат в ответ. — Сегодня Ахамба спеть обещался.

— Да ну! Вот это будут трели! Но и Охтаг неплох, что скажете, Элизабет?

— Уж очень высокий голос, — говорю. Про прищемленную кошку опустим.

— Ну вот и я говорю, здорово поет! — радуется мой сосед и вылезает из-за стола, чтобы пойти послушать поближе.

Певец затягивает что-то более протяжное. Вокруг начинают подпевать такими же противными тенорочками. Азамат, откинувшись на спинку стула, шевелит губами.

— А ты чего не поешь? — спрашиваю.

— Да что ты, какой из меня певец. У меня же голос, как у быка, — смеется он.

— Хороший у тебя голос, — возражаю. — Гораздо приятнее, чем эта дверь скрипучая.

Азамат хохочет.

Наконец акустическая пытка заканчивается, и снова звучит одна только музыка. Тут уже и мы подходим поближе, послушать. Инструменты у них симпатичные: пестрые, раскрашенные, с нарисованными солнцами и людьми. Есть похожие на небольшие квадратные контрабасы, их несколько штук разной высоты, и играют на них смычком, сидя. Есть что-то вроде шепелявой свирели, которая издает столько же шума, сколько и звука, но приятно напоминает ветер. Есть барабаны и еще что-то щипковое, за чужими спинами не разберу.

Потом музыка приобретает отчетливую танцевальность, и внезапно на площадку перед лестницей выкатывается пылающая от смущения и азарта Динбай, волоча за руку, вероятно, своего мужа — статного молодого парня с короткими волосами, натурально стоящими

дыбом. Она принимается кружить вокруг него, в такт музыке помавая руками, причем так быстро перебирает ножками под своей длинной юбкой, что получается невыразимо смешно. Блестящие нити в ее одежде сверкают, драгоценная броня на шее позвякивает. Парень поначалу теряется, но потом, когда музыка становится быстрее, он тоже подключается к танцу, и скоро они уже вместе кружат по «сцене», совершая руками такие быстрые и плавные движения, что трудно поверить, будто у них по два локтя, а не по восемь. Его хом в виде, насколько я могу судить, двух бобров, подлетает в воздух при каждом резком движении и, наверное, сильно бьет по груди. Народ начинает хлопать и присвистывать, молодые ребята скоро тоже присоединяются к пляскам, и Динбай, должно быть, чувствует себя настоящей королевой бала. Ни за что не поверю, что Эсарнай станет выделывать такие фокусы, да и за себя ручаюсь.

Танцы затягиваются надолго, и те, кому стало скучно смотреть, переключаются на бараньи и еще какие-то национальные игры. Я присоединяюсь и снова кой-чего выигрываю, правда, поздравляют с этим выигрышем Азамата.

И вот наконец, когда танцевальный пыл уже слегка затух, к оркестру присоединяется Ахамба. У него тоже есть квадратная скрипка, но он берет на ней только отдельные стонущие ноты, предоставляя остальным музыкантам подхватывать его мелодию. Я с трудом разбираю, что он поет, тем более что не узнаю многих слов, когда он их растягивает на полминуты. И все же некое печально-обнадеживающее повествование складывается.

Из зимней стужи прочь
Мы вышли без потерь.
Белее снега ночь,
Крадется в ней серый зверь.
Гнедой мой конь силен,
Резвится на снегу.
Хозяйке бью поклон,
Добиться ее не могу.

Голос у него красивее, чем у предыдущего оратора, но тоже довольно высокий. Правда, на последних, повторяемых и до неузнаваемости растянутых строчках каждого куплета он показывает три, если не четыре октавы с самыми неожиданными переходами.

Уж Царь-Дракон восстал
Из моря в туче брызг,
Уж Ирлик-хон отдал
Украденный солнечный диск.

Богатый Хивгэн-хэн
Подарки ей дарит,
Красотка Эрдеген
С несчастным мной не говорит.

Кое-кто вокруг снова начинает подпевать, кое-кто, я вижу, утирает слезы. Эх их пробирает, однако. Видно, общая проблема.

Гнедой мой конь с пятном
Белей, чем снег в степи.

Уеду я верхом
Вдали ждуть весенние дни.
Вернусь на зеленом коне,
Сверкающем, как изумруд.
Все песни поют обо мне,
Хозяйка моя тут как тут.

Последний куплет с измененным ритмом он повторяет три раза, и тут уже подключаются почти все, а некоторые еще и постукивают сапогами об пол в такт, и атмосфера как будто пропитывается магией общего стремления, единения усилий. Азамат внезапно обнимает меня за плечи и целует в макушку, и вид у него просветленный, и глаза его лучатся надеждой.

Глава 16

Обратно на корабль нас отвозит все тот же молчаливый водитель. Команда с пьяно-блаженными физиономиями дрыхнет, свешиваясь с сидений. Как же им все-таки немного надо.

У меня ощущения двойственные: с одной стороны, это, конечно, прекрасный культурный опыт, некоторая тренировка перед Мудангом. С другой, не могу сказать, что мне нравится быть выставочным экспонатом, да еще и таким популярным. Боюсь, что я не очень долго смогу изображать примерную супругу и вести себя по их правилам. В какой-то момент сломаюсь и примусь навязывать ближайшему окружению свой собственный устав, и это попортит мне и им много крови, хотя вряд ли к чему-нибудь приведет. Не очень радостная картина будущего...

Зато вот Азамат очень радостный. Он, кажется, сегодня не пил, во всяком случае, я не видела, да и этой их молочной сивухой от него не пахнет. Но ластится, как кошка по весне. И так обнимет, и сядет, и в волосы поцелует, и щекой потрется... в общем, кто-то дорвался. Ему, конечно, сегодня много похвал досталось благодаря мне. И не только за бараньи. Пожалуй, ради его искренней нежности я все-таки способна потерпеть тыканья пальцами. Раз уж он от этого так счастливееет...

* * *

Уже на корабле, после душа, в ночи, я, тщательно упаковавшись в длинный и очень приличный халат, стучусь к Азамату. Замок когда-то успел починить, зараза! Теперь не прокрадешься...

Он открывает с легким удивлением.

— Чего ты?

— Э-э... ну как бы... а войти можно?

Он отстраняется, чтобы меня впустить. Он снова упакован в свой гидрокостюм, по ошибке принятый за пижаму. Когда дверь закрывается, волной воздуха до меня доносит запах облепихового бактерицидного мыла.

— Мне надо взглянуть, как поживает твоя шкурка, — помахиваю тюбиком цикаತ್ರивина. — Раздевайс!

Он тут же хмурится.

— Да ладно, это пустяки, сам справлюсь, сегодня уже и так...

Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем он перестанет пытаться отделаться от профессиональной помощи? Впрочем, у меня есть очень убедительная морковка для вешания перед носом.

— Значит, так, — говорю, — хочешь секса — будешь лечиться!

Азамат закрывает глаза с видом полного поражения. Я просто вижу, как у него на лбу появляется бегущая строка с какой-то народной глупостью про бесплатный сыр.

— Да ладно тебе, — глажу его по руке, а сама едва сдерживаю хохот. — Тебе же самому лучше будет.

Он кивает без энтузиазма, садится на кровать и принимается стаскивать верх от пижамы.

Эластичные бинты, конечно, уже все пропитались, правильно я на сей раз пластырь взяла. Осмотр показывает, что лечение идет впрок, но ему еще предстоит примерно кругосветное путешествие. Повторяю

утреннюю процедуру, пока Азамат делает вид, что равнодушно смотрит в сторону. Наконец он заклеен вдоль и поперек, и можно прервать тягостное молчание. То есть мне-то оно не особо в тягость, я когда делом занята, иногда забываю, что людям свойственно общаться, но вот кое-кому весьма некомфортно.

— Все, — говорю, — живи.

И топаю мыть руки. У Азамата делается какой-то уж вовсе горестный вид. Пока намыливаюсь, доходит:

— От этого крема ногти истончаются, поэтому нужно обязательно смывать, — поясняю.

— Тем более не стоит тебе в нем пачкаться, — пожимает плечами муж и принимается одеваться.

— А чего ты одеваешься? — спрашиваю. — Думаешь, я щас уйду, что ли?

Он смотрит на меня снова озадаченно. Ох, чует мое сердце, нарвусь я на очередное культурное отличие, будь они неладны.

— А ты хочешь остаться? Ну хорошо, я не против...

Присаживаюсь к нему на колени.

— Я думала, мы сегодня еще чем-нибудь приятным позанимаемся, если ты не устал.

Он коротко шевелит бровями, и взгляд его совершенно меняется. Боже мой, дошло! Ну что ж, обучаемость хорошая.

Большие способности к усвоению информации дорогой супруг демонстрирует также и в искусстве поцелуя. У меня очень быстро отключается циничная соображалка, так что я получаю от этого процесса — как и ото всех дальнейших — море удовольствия, совершенно не сравнимого с прежним опытом. Все-таки Азамат мне безумно нравится, мне горячо просто оттого, что он близко, а уж когда мы сплетаемся вместе, я плавлюсь и вовсе до жидкого состояния. Хочется прочувствовать его всего, впитать его запах и голос, силу и доброту...

— Чего ты меня все время наверх перетаскиваешь? Дай полежать!

— Боюсь придавить...

— Ну знаешь! Я не такой задохлик!

— Прости, — перерыв на поцелуй, — но так тебе точно не будет больно.

— Мне в любом случае не будет больно, у тебя мания величия, а так у меня ноги устают. Так что хватит тут разлеживаться.

На сей раз выходит еще бодрее, чем утром в машине, и не один раз. Правда, Азамат все-таки явно предпочитает быть снизу, видимо, привычные ему тамлингские девки малолитражны. В итоге я устаю первая, хотя это, конечно, прекрасная усталость, но после очередной дозы кайфа в прилежащее ядро я окончательно перехожу в горизонталь, примостившись у Азамата на плече, и отрубаясь, как будто меня обесточили.

* * *

Солнечное утро включает меня обратно, по ощущениям — часов в десять, ровно в том же положении. Бедный Азамат, я ему, наверное, все плечо отлежала, а он, конечно, меня не спихнул бы ни за что, терпел небось. Ну да ладно, хоть сейчас спит, не подорвался никуда в шесть утра. Надо надеяться, я его вчера тоже укатала, как ту сивку.

Откатываюсь к стенке, потягиваюсь. Вставать неохота, да и незачем вроде — Азамат спит, завтрака нет и не будет, дел срочных тоже не предвидится... Наверное, я снова задремываю, а когда просыпаюсь второй раз, Азамат уже полностью одетый сидит за буком и ожесточенно печатает.

— Доброе утро, — говорю, сладко зевая.

— Угу, доброе, — бубнит он в ответ. Я настораживаюсь:

— Что случилось?

— Ничего, — отвечает, не отворачиваясь от экрана.

— А что ты делаешь?

Он наконец-то смотрит на меня, но каким-то совершенно чужим, холодным взглядом. У меня по хребту пробегает холодок.

— Какая тебе разница? — спрашивает глухо и вряд ли ждет ответа.

Я сажусь, натягивая одеяло под подбородок: мне резко неуютно в неглиже.

— Азамат, — говорю мягко, — ты чего такой злой?

Кажется, мой вопрос только больше его сердит. Он бросает в мою сторону прожигающий взгляд и отворачивается. Господи, да что ж такое? Я вроде ничего не сделала плохого. Никому вчера не нахамила, разве только Алтонгирелу немного, но по сравнению с тем, как я с ним обычно говорю, ничего особенного. С муданжцами себя вела по

струночке. Может, он что-то такое обо мне узнал в Сети?.. Что я не была замужем? Или, может, у него из-за меня какие-то проблемы с властями? Но блин, я даже ничего убедительного придумать не могу, в чем так провинилась!

— Слушай, — говорю робко, — ну не сердись, я...

Замолкаю, потому что он резко встает и в два шага оказывается прямо надо мной, резким движением поднимает руку — шарахаюсь к стенке, заслоняясь локтем, и тут он замирает. Я тяжело дышу, как после гонки.

— Ты чего? — говорит он в недоумении.

— Это ты чего? — Я вся дрожу, и голос тоже.

Он смотрит на меня, как на сумасшедшую, протягивает руку и берет с полки над кроватью какой-то диск. Я идиотка...

Прислоняюсь к холодной стене голой спиной, вздыхаю с облегчением. Здорова же я с утра пугаться по самым идиотским поводам. До Азамата, впрочем, тоже начинает доходить.

— Лиза, — говорит он так, как будто не верит, что это он говорит, — ты что... меня испугалась?

— Ну есть немного... — отвечаю смущенно. — Ты с чего-то злой как черт, а я с утра плохо соображаю...

Он внезапно шарахает диском об стол так, что коробочка разбивается на щепки.

— Ты что вообще обо мне думаешь?! По-твоему, если я урод, то со мной и обращаться можно как угодно, и ждать от меня можно чего угодно?! Представляешь, у меня еще сохранились кое-какие остатки достоинства, трудно поверить, да?!

Я снова вжимаюсь в стенку, сметенная силой звука. Какое счастье, что каюты хорошо изолированы, еще не хватало, чтобы весь корабль слышал, как мы ругаемся. Но вот из-за чего он злится? Никак не пойму. Когда я ему на достоинство наступить успела, а? Ночью отлежала, что ли?

— Что я тебе сделала? — спрашиваю. — Я не понимаю, и поэтому мне страшно.

Он поджимает губы и снова отворачивается. Отлично. Имеется в виду, что, если моя ошибка мне не очевидна, значит, я законченная сволочь. Прекрасная тактика, если хочешь выгнать человека из своей жизни, но, к сожалению, мирного исхода не имеет в принципе.

— Азамат, пожалуйста, — говорю со всей убедительностью. — Пожалуйста, не злись. Я уже поняла, что сделала что-то ужасное, но у нас с тобой разные представления об ужасном. Клянусь, что не хотела тебя обидеть!

— А-а, — говорит он медленно и продолжает после долгой паузы: — так ты не нарочно?

Никакого облегчения в его голосе не слышу, и вообще, мне кажется, что он сейчас заплачет. М-да, кажется, сбылось мое вчерашнее предчувствие, что я где-то обязательно налажаю. Теперь вот надо убирать за собой.

Быстро напяливаю халат и выбираюсь из всклокоченной постели. Азамат стоит ко мне спиной, глядя в окно. Я осторожно беру его за руку, он довольно равнодушно косится на меня, потом снова возвращается к созерцанию космопортового пейзажа.

— Ты мне не веришь? — спрашиваю, хотя чего уж тут спрашивать.

— Верю, почему, — пожимает он плечами.

А какого тогда рожна?.. Страдает, что наорал, что ли?

— Так чего ты расстраиваешься?

— Мне жаль, что тебе со мной плохо.

Так. Ну все, хватит. Заберите меня из этой дурной мелодрамы. Сейчас я проснусь, и все станет, как вчера!

Дергаю Азамата за другую руку, и он послушно разворачивается ко мне.

— Слушай, — говорю, — друг дорогой, а ну-ка давай выкладывай в подробностях, чем я тебя обидела.

— Да я уже понял, что ты не нарочно...

— Выкладывай, а то щас нарочно добавлю! Я, знаешь ли, очень не люблю начинать день со ссоры, это не идет на пользу моему настроению. Да и вообще, Азамат, мы с тобой разговариваем через двойной языковой барьер и почти ничего не знаем о том, что другой считает правильным, а что обидным. Тебе не кажется, что нам надо в обязательном порядке подробно обсуждать любое непонимание?

— Это все так, конечно, я только думаю, что все равно ничего путного у нас не в...

Тут он напарывается на мой взгляд и замолкает. Да, взгляд у меня тяжелый, знаю. В детстве мама запрещала кепку носить, а то, говорит,

из-под козырька совсем как дуло.

— Ну — говорю.

— Ну... ты могла бы вчера уйти спать к себе.

Вот тут у меня уже и правда самопроизвольно открывается рот.

— Аэ-кхэ, раньше тебя, кажется, не обижало, что я остаюсь на ночь... И вчера ты у меня дрых — и ничего...

— А я так и не понимаю, зачем тебе это надо было. Ты попросила — я остался. Но после секса это уже вовсе ни в какие ворота. — Он снова поджимает губы. — Я уж ждал-ждал, может, ты подвинешься, я бы сам ушел в другую каюту... В итоге заснул.

Наверное, такими большими у меня глаза никогда еще не были и не будут.

— Ты мог бы меня разбудить и выгнать, если тебе было так неприятно.

— Ну что ты, как я мог тебя выгнать... И потом, это ничего не изменило бы, только поругались бы посреди ночи. — Он кривится и смотрит в сторону.

У меня закипают мозги. Нет, это что-то невообразимое, я не вижу тут логики вообще! Тру лицо ладонями. Может, это я все еще туплю с утра?

— Слушай, — говорю, — Азамат, присядь. И объясни мне толком, чем плохо то, что я осталась на ночь? Чем именно тебя это оскорбляет?

— Ну как чем? — Он послушно садится, я плюхаюсь к нему на коленку в надежде, что физический контакт заставит его думать обо мне в приятном ключе. — Тем, что ты заснула, конечно!

— Я каждый вечер засыпаю, — говорю. — Ты можешь мне объяснить, почему именно вчера тебя это обидело?

Он уже явно не знает, какими еще словами сказать, чтобы мне стало понятно.

— Ну... ну прямо после секса... то ли тебе так скучно было, то ли я тебя утомил так, что ты просто где сидела, там и упала! Я понимаю, если бы тебе это было в принципе неприятно, а так получается, что я тебя в тоску вогнал. Думал, ты нарочно меня дразнишь, но если ты действительно просто заснула, то лететь на Муданг нет ни малейшего смысла.

Несколько секунд я сижу неподвижно и перевариваю. Это ж как надо вывихнуть мозги...

— Э-э... — содержательно говорю наконец, — а что, по-твоему, от хорошего секса нельзя устать? Особенно после длинного и трудного дня? Тем более что ты хочешь, чтобы я была сверху? Это, знаешь ли, выматывает.

Он хмурится.

— Ну собственно о том я и говорю. Если я тебя утомляю, то зачем я тебе нужен?

Боже, упаси меня от дикарей с комплексами!

— Видишь ли, Азама-а-ат, — сладко тяну я. — Если я устала, это еще не значит, что мне не понравилось. Вчера все было просто чудесно, и я бы, конечно, не заснула на лету, если бы знала, что ты обидишься. У нас это просто в порядке вещей. У нас даже выражение «спать с кем-то» означает заниматься сексом...

— Да? — восклицает Азамат, широко раскрывая глаза. — А я-то все никак понять не мог...

Я начинаю ржать и обнимаю его за шею, чтобы он не принял на свой счет.

— То есть у вас принято оставаться на ночь? — продолжает осмысливать он.

— Ну да, конечно. Понимаешь, мне и в голову не могло прийти, что это может тебя обидеть.

Он качает головой в полном шоке.

— С ума сойти, как же странно у вас все устроено... Но ведь на одной кровати спать неудобно...

Я уже давлюсь от смеха.

— Тебе разве было неудобно?

— Да мне-то что, я как лег, так и проснулся, не пошевелившись. И ты тоненькая, мало места занимаешь. Но остальные-то как?

— У нас, — говорю между спазмами хохота, — кровати делают большие, на двоих!

— Хм... — Он серьезно задумывается над проблемой. — Это выход, пожалуй. Но все равно ведь нужно с собой одежду приносить на утро... а то и полотенце... Зачем так сложно? Можно ведь просто уйти к себе и не мучиться.

— Ну-у, видишь ли, обычно если муж и жена ладят между собой, то никакого «к себе» и нету. Просто спят вместе, и все.

— То есть как, в одном доме? — еще больше удивляется Азамат.

— Конечно, в одном доме, — удивляюсь и я тоже, — а у вас что, в разных?

— Конечно, в разных! Ну только если совсем уж бедные и не на что второй построить... но хоть в разных комнатах...

— А у нас вместе, — мотаю я головой. — Что делать будем?

— То есть?

— Ну ты предпочитаешь, чтобы я жила где-нибудь подальше?

— Не-эт! Что ты... То есть обычно так и делается, но мне очень нравится с тобой, я не думал, что...

Он окончательно путается в словах, и я его целую, чтобы выглядело, как будто это я не дала ему договорить.

— Не переживай, знаю, что ты не пытаешься от меня отделаться. И я вполне способна ночевать в своей каюте. Хотя конечно, с тобой мне уютнее и спокойнее, но если тебе это неприятно, то так и быть...

— Да нет, я совсем не против. Если это у вас так принято, то пусть так и будет. Мне очень хорошо с тобой, просто у нас без нужды вместе не спят...

— Ну и кто из нас создает себе трудности? — усмехаюсь я.

Вот если Азамат сидит на низкой кровати и коленки у него торчат вверх, а я сижу на его коленке, то ему совсем немного надо до меня нагибаться. Чем мы и пользуемся некоторое время, пока жажда к знаниям у меня не побеждает прочие желания.

— Слушай, а вот эти женщины, которые были вчера на встрече, — они красивые?

— Ну Эрдеген когда-то была, хотя я этого уже не помню, а две другие — да, конечно, — пожимает плечами Азамат. — Особенно Эсарнай, конечно.

Ну, хоть тут мы примерно совпадаем в оценке.

— То есть у вас приветствуется, чтобы женщина была потолще? — продолжаю выяснять я.

— Естественно, красивая, дородная женщина — это просто мечта.

— Хм. А как тогда у вас получается, что я красивая?

Азамат пару раз моргает, осмысливая мой вопрос.

— Ну Лиза, ну ты сравнила! То ведь муданжские женщины, самые обычные. У муданжской женщины если тела много, значит, здоровая, детей здоровых родит, да и уговорить проще. Стройные, конечно, красивее, так они и дрожат над своей красотой, лет до тридцати не

рожают, а там уже и дети получают хиленькие. Но кто же тебя так будет оценивать! Ты же вылитая Укун-Тингир с картинок из древних легенд!

— Вылитая... кто?

— Сейчас покажу, еслипустишь, — усмехается Азамат.

Я сползаю на кровать, и он достает с полки одну из пластиковых книг, раскрывает на середине. Книга оказывается репродукцией какого-то древнего-предревнего манускрипта, просто сфотографированные листы бумаги — или даже пергамента? — сшиты в книжку. Разобрать слова невозможно, буквы на себя не похожи, да еще и затерлось все. Зато каждая страница в красивой узорчатой рамочке, а первая буква превращена в картинку на пол-листа. На картинке девица с абсолютно белыми волосами, похожими на каракуль, тычет мечом в брюхо некой твари вроде перекормленного тритона. Девица действительно довольно тощая.

— А, — говорю, — это который солнце проглотил?

— Да-да, ты же вчера слышала эту легенду.

— Угу, но думаешь, я имя запомнила, что ли? И ты считаешь, что я на нее похожа? — присматриваюсь повнимательнее и обнаруживаю, что у Укун-Тингир в качестве пояса завязана змея, а на шее ожерелье из черепов. Миленько.

— Ну это ведь только одно изображение, вот тут, смотри, другое... — Он садится рядом со мной и перелистывает несколько страниц. Там моя ипостась восседает в очень неудобной позе на такой же скрюченной клыкастой лошади, размахивая жезлом с черепом на конце, а вокруг пляшут сине-зеленые черти. — Когда много изображений увидишь, понимаешь, что есть некоторые неизменные черты, хотя каждый рисует на свой лад. Да и в самих легендах, вот тут, например, сказано: «богиня, белая и тонкая, как плачущее дерево». Ну то есть береза. И вот, дальше: «волосы скручены, как у ягненка».

— С ума сойти, — говорю. А что тут скажешь? У меня как-то нет опыта внезапно оказываться богиней с каракулем на голове. — И как ты это читаешь? Половина букв затерлась ведь.

— Да я по большей части помню, что там написано. Пару букв видно — и ладно, достаточная подсказка. Я ведь учил книжное дело.

— Да? А я думала, ты по технической части...

— А я и то, и другое, — с легкой гордостью говорит Азамат. — Мы жили в столице, когда учился, так что мне не нужно было ни уезжать домой, ни на домашние дела время тратить, ну и было как-то неудобно, что все мои друзья заняты целый день, а я слоняюсь без дела. Вот и пошел в два учения одновременно.

— Ты мой умница! — привстаю, чтобы чмокнуть его в нос. Пусть хвастается, что получил два образования, да еще и не из корыстных соображений. Все лучше, чем эти его утренние закидоны.

Кто-то стучит в дверь, и Азамат немедленно ее открывает, даже не посмотрев, кто это. Я бы предпочла подождать хоть пару секунд, чтобы себя оглядеть, вдруг халат не застегнут, мало ли... Тем более что за дверью Алтошенька. Ну и утро у меня выдалось.

Алтонгирел открывает рот, замечает меня и издает какое-то кваканье.

— Мы вас уже обыскались. Обоих! — укоризненно говорит он наконец.

— А в каюте посмотреть только сейчас догадались? — ухмыляюсь я.

— А ты вообще молчи, — отвечает мне духовник. — У тебя кровать с вечера нетронутая стоит, мы уж думали, ты сбежала.

Я еще только набираю воздух, чтобы ему ответить, но Азамат опережает:

— Полегче, друг. Смотрю, тебе понравилось ходить румяным, — говорит он многозначительно, потом смягчается: — Я элементарно проспал, а потом мы тут увлеклись... разговором. Мог бы просто мне позвонить.

— Звонил, естественно, у тебя что-то не так с телефоном.

Азамат извлекает из кармана куртки телефон, почти как у меня, только побольше раза в два.

— Ах ну да! — восклицает. — Сегодня же Новый год! Я просто забыл вчера его поставить заряжаться, а как раз год с прошлой зарядки прошел.

Алтонгирел укоризненно качает головой:

— Что-то мне это не нравится, друг. На часы не смотришь, дату забываешь...

И косится на меня так, вроде как я виновата.

— Счастливые часов не наблюдают, — фыркаю.

Алтонгирел открывает рот, чтобы ответить, но тут его взгляд падает на открытую у меня на коленях книжку с изображением, э-э, Укун-Тингир.

— Азамат... — выдыхает он в суеверном ужасе и продолжает помуданжски, — ты вообще чем думаешь?!

Азамат только недоуменно поднимает брови.

— Ты что, сдурел?! Зачем ты ей дал книжку? — продолжает его честить духовник.

— Картинки показывал.

— Картинки! — восклицает Алтонгирел, хлопая себя по бедру. — Ты бы ей еще легенды рассказывать принялся!

Я сижу, изображая лицом разновидность зимней обуви. Это что, чисто мужское знание? Или за пределы нации — ни-ни? Еще в шпионаже обвинит, знаю я его...

— А что, собственно, тебя не устраивает? — Азамат, кажется, не меньше озадачен, чем я.

Алтонгирел в прямом смысле хватается за голову, да так, что вот-вот шею себе свернет.

— Ну кто, кто разговаривает с женщинами о книгах?! Она же затоскует мгновенно и пошлет тебя к Ирликхоновой матери!

Я изо всех сил напрягаю уголки рта, чтобы не ползли вверх, заразы, еле дышу уже, так хочется смеяться. Ну ничего, сейчас я тебе покажу, Алтончик!

Делаю вид, что зеваю, прикрывая рот рукой, чтобы не видно было, как меня «улыбает» против воли.

— Азамат, а дай мне еще книжку с картинками? Это, по крайней мере, интереснее, чем слушать ваш непонятный язык.

У Алтонгирела сегодня явно рыбный день, вон как жабрами хлопает. Азамат покатывается со смеху.

— Спасибо, что пытаешься помочь, — говорит он духовнику, — но мне кажется, я несколько лучше тебя знаю, как обращаться с женщинами.

Алтонгирел оскорбленно фыркает и складывает руки на груди, дескать, умывает их ото всякой ответственности.

— Мы сегодня отчаливать собираемся?

— Да, но ближе к ночи. Сейчас будет большая пробка у захода в туннель.

Алтонгирел задумчиво кивает.

— Ладно, пойду оповещу остальных, что вы нашлись.

— Ты что, серьезно всех переполошил?

Духовник только криво ухмыляется в ответ и уходит, захлопнув дверь.

— Все хорошо? — спрашиваю.

— Да-а, — отмахивается Азамат. — Алтонгирел любит преувеличивать.

Говорит он это с каким-то отеческим умилением, как моя мама про своего кота.

— А чего он вообще такого ответственного из себя строит? — спрашиваю. — Он же уволился.

— Да нет, я не успел его рассчитать, а потом стало незачем. Так что до Муданга он по-прежнему в должности.

Я морщусь.

— Замечательно. То есть он и дальше будет с полным правом донимать нас ценными советами.

Азамат посмеивается:

— Я тебя уверяю, его советы — еще не самое худшее. Он просто пока что единственный, кто не боится советовать тебе. Потому что я уже наслушался от всего экипажа...

— А им, конечно, всем есть дело до твоей личной жизни!

Азамат только качает головой. М-да, а ведь если они ко мне привыкнут, то и мне перепадет наверняка. Правда, не знаю уж, что может быть хуже Алтонгирела.

— Но я рад, что он остался, — вдруг говорит Азамат. — Мне было очень тяжело с ним прощаться. Понимаешь, он ведь единственный, кто от меня не отвернулся.

— Понимаю, — киваю в ответ. — Хотя это просто значит, что остальные были законченными сволочами и идиотами.

Азамат мечтательно улыбается.

— Лиза, ты очень добрая.

Даже не понимаю в свете моей последней реплики — он это иронично или как? Мне становится немного неловко, и я цепляюсь за первое, что вижу:

— А почему ты часы так неудобно ставишь?

— А я, бывает, вечером заснуть не могу долго, а у часов экран в темноте светится, и я лежу, смотрю, как минуты идут, и так противно... всякие глупости думать начинаю. Так что предпочитаю их не видеть.

— О, это, кстати, знакомо, — удивляюсь я. — Только у меня обычно так бывает, когда утром рано вставать и какое-то ответственное дело. И я страшно боюсь не выспаться, и вот лежу, смотрю, сколько мне спать осталось, и нервничаю.

— Надо же, — усмехается Азамат, — до сих пор ни разу не встречал человека с той же проблемой.

Его благодушное настроение несколько убывает, когда я заставляю его снова раздеться и обмазаться, но он относительно быстро восстанавливает душевное равновесие. Глядишь, еще привыкнет. Потом мы едем завтракать куда-нибудь в ресторан. Кажется, он приволакивает меня во что-то невероятно дорогое, но я терплю. Если уж считает, что таким образом выражает свои чувства, то грех ему мешать... тем более что и еда, и сервис меня вполне устраивают. Господи, сказать кому — решат, что зажралась тетка вконец.

— Тебе больше ничего не нужно купить? — спрашивает Азамат, разобравшись с первым блюдом. Муданжцы вообще обильно завтракают.

— Да нет вроде...

— Уверена? А то теперь пять дней до Брошки, да и там уже почти ничего нет такого, чего нет на Муданге.

— А чего нет на Муданге?

— Ну пилюль твоих точно нету. С нижним бельем туговато... и вообще, всякие искусственные материалы редко завозят.

— Ну пилюль и одежды мне теперь на пару жизней хватит твоими стараниями, — смеюсь. — Разве что швейную машинку купить, а то я все Эцагановой пользуюсь.

Азамат смотрит на меня неуверенно.

— Ну если хочешь... Слушай, — он сглатывает, — а ты прямо так уверена, что мы туда надолго?

— Я намерена приложить некоторые усилия к тому, чтобы мы там остались надолго.

— Какие, например?

— Ну для начала я бы встрясла из Алтонгирела в подробностях, как надо вести себя со Старейшинами и что говорить, чтобы произвести наилучшее впечатление. Потом, наверняка их можно как-нибудь расположить к себе...

Азамат начинает мотать головой еще до того, как я договорила.

— Нет, Лиза, ничего не получится. Они же не по собственным симпатиям судят. У них есть предсказания, по которым они могут понять, получится у нас семья или нет. И тут ничего не сделаешь.

— Предсказания еще можно по-разному истолковать, — пожимаю плечами. — Откуда им, например, знать, что для меня хорошо или плохо?

— Старейшинам достаточно знать, что хорошо или плохо для Муданга, — печально усмехается Азамат.

— И что, Алтонгирел не замолвит за меня словечко после того, как я вылечила Эцагана?

— Ну рискну предположить, что они согласятся тебя оставить потому, что ты хороший целитель. Но не факт, что решат оставить меня.

— Но я без тебя не останусь.

— Ты можешь выйти замуж за кого-нибудь другого.

— Азамат, радиостанция на бронепоезде! Я. Без. Тебя. Не. Останусь.

Он улыбается счастливой улыбкой идиота.

— А со мной бы осталась?

— Мне казалось, в этом смысл всего полета, нет?

— Ну а надолго?

— Э-э... — Я как-то об этом не думала с точки зрения срока. — Зависит от того, насколько смогу там комфортно существовать. Я имею в виду, как ко мне будут относиться. Если как к обезьяне в цирке, то, наверное, долго не выдержу. Но буду стараться. — Азамат несколько мрачнеет, видимо, считает, что именно так все и будет. — В крайнем случае заберу тебя на Землю.

Он качает головой так, как будто я ему свои детские сны рассказываю. Ну ладно, погоди, увидишь еще, что Земля реально существует.

* * *

Мы все-таки идем за машинкой и берем стационарную большую модель, которая умеет делать несколько сотен разных швов, различает нитки по толщине, пришивает пуговицы и штопает. А потом я еще до кучи прихватываю кухонный комбайн — просто потому, что Азамат ну очень хочет, чтобы я еще что-нибудь купила.

— Вообще, — говорит он, поглядывая на часы, — сегодня будет еще одна вечеринка, вот там, где мы вчера завтракали, помнишь?

Помнить-то я помню, но третье застолье за три дня — это многовато.

— А ты очень хочешь туда пойти? — спрашиваю.

— Не то чтобы очень, но я не хочу сидеть на корабле во время стоянки, а дела уже все переделаны.

— Ну пойдем погуляем.

— В смысле?

— Просто... по городу. Или, может, тут парк какой-нибудь есть.

— Ну есть тут неподалеку парк, а что ты там делать собралась?

— Не знаю, — пожимаю плечами, — гулять.

Азамат так и остается в озадаченности, но мы отзваниваем Тирбишу на корабль, чтобы принял наши покупки, и едем в парк.

Это оказывается даже лесопарк — он большой и довольно дикий, только дорожки проложены аккуратненько. Парк тянется вдоль побережья, так что среди деревьев можно видеть замечательный морской пейзаж. Я когда-то в раннем детстве была на Гарнете. Ну или даже не в очень раннем... лет в десять или одиннадцать. Мы ездили от школы отдыхать. Я, правда, мало что помню из этого отдыха: море и море, на Земле моря такие же, и мороженое такое же, и аквапарк. Наверное, путевка была со скидкой, потому мама меня и запихнула.

Зато я хорошо помню, как мы возвращались, потому что на нас напали, как теперь понимаю, все те же джингоши. Согнали к нам на корабль еще каких-то взрослых, которых тоже где-то захватили. Лопотали чего-то по-своему, ничего не понятно, воспитателей заперли отдельно, все режут... Я тихо забила в угол за дверь, и меня какой-то дядя загородил широкой спиной, так что меня даже не посчитали. Потом всех увели, а мы с дядей остались. Он, кажется, пытался договориться с террористами на их языке, но я же ничего не понимала. Потом мне удалось незаметно просочиться в вентиляцию, потому что я читала много приключенческих романов про космос, и там все всегда

ползали по вентиляции. Правда, последнее время инженеры стали умнее и делают трубы узкими, чтобы человек не пролез. Но какой я была человек — в одиннадцать-то лет, тем более что я в принципе мелкая. Вот и пролезла. Вылезла на капитанском мостике, там никого, потому что корабль на прицепе. Ну чего, дети всегда быстро в интерфейсе разбираются, а на пассажирских кораблях управление — как в компьютерной игре, все ясно подписано и с картинками. Так я за пульт уселась, подогнала кресло по высоте и рванула в сторону Земли, приговаривая «бввввв!» — тут ума-то много не надо, скорее уж пустоты в голове. Не знаю, наверное, джингоши должны были принять какие-то меры, чтобы захваченным кораблем нельзя было управлять изнутри, но, видно, что-то у них пошло не так, и мы благополучно улетели. Тот дядя, который меня заслонял, кажется, подрался с оставшимися на корабле двумя или тремя джингошами, но они же мелкие, а дядя был о-го-го, настоящий положительный герой из фантастического фильма. Ну он их и уложил штабелями. Потом, когда нас перехватили земные охранные службы, дядя долго говорил мне что-то хорошее, только я не поняла на его языке. Он еще какие-то игрушки подарил. И дома грамоту вручили. Там, где вручали грамоту, был очень вкусный зеленый чай.

Потом, правда, от этой истории произошла некоторая польза. Меня, конечно, засекретили — разве Земной союз признается, что у них с безопасностью такая лажа? А чтобы у меня и родных не было соблазна трепаться о своих подвигах, ЗС взял нас под свою опеку. Мы с братом на халяву получили очень недешевое образование, а брата еще и трудоустроили потом в тот же самый Земной союз. Маме же с тех пор регулярно заказывают дизайн парков и палисадников у правительственных зданий. Меня тоже хотели воткнуть личным врачом какой-нибудь шишки, но тут я как раз встретила Кирилла, и мне стало ужасно мешать то, что я должна от него скрывать свои проблемы на работе, ведь болячки старперов из ЗС — государственная тайна. Так что решила, что пропади он пропадом, этот блат, я и сама могу всего достичь и добиться, да и вообще. Вот, добилась. Просидела четыре года на нищенской зарплате, потом Кирилла убили где-то в космосе, опознавать даже нечего было. А потом я из принципа все-таки пролезла без протекции врачом на корабль, чтобы осуществить давнюю мечту. Не могу сказать, что мне и правда все еще так хочется

летать, особенно в свете последних событий. Зато добилась того, что в ЗС меня так основательно забыли, что на родную планету пускать не хотят. Вот и все амбиции.

Я уже совсем собиралась поведать смиренно топающему рядом Азамату эту героическую историю со мной в главной роли, но тут замечаю какое-то движение в кустах справа от дорожки чуть поодаль. Присматриваюсь.

— Там кто-то сидит, — говорю шепотом.

— Да, заяц.

— А как ты его разглядел?

— А он дорогу переходил, когда мы еще из-за угла выворачивали.

— Ты его еще тогда заметил?

— Ну да.

— А чего ж не сказал?

— А зачем он тебе?

— Интересно... Я никогда живого зайца не видела.

— Да? — Азамат удивленно поднимает брови. — А говорят, на Земле много зверинцев.

— Ну в зоопарке видела, конечно, но это же совсем другое дело!

Азамат склоняет голову набок.

— Хочешь, поймаю, рассмотрю поближе?

— То есть как «поймаю»?

— Ну так, живым.

— А ему не будет больно?

Азамат начинает смеяться.

— Нет, не будет.

— Обещаешь?

Он кивает несколько раз, продолжая скалиться.

— Ну лови, — развожу руками.

Заяц, конечно, уже куда-то ушел из-под того куста.

— Ты пройдишь дальше по дорожке не спеша, а я сейчас.

Делаю пару шагов вперед, потом оборачиваюсь — Азамата нет. То есть дело не в том, что его нет на дорожке, его просто нет! Вокруг ни веточка, ни травинка не шевелится.

Заинтригованная, я честно продолжаю идти вперед, и еще шагов через десять передо мной из воздуха, не иначе, сгущается дорогой

супруг с зайцем наперевес. Ох и огромная скотина! Азамат держит его за уши, и зверю, по-моему, это очень не нравится.

— Ой, — говорю, — ну поставь его, не мучай!

— Если поставлю, ускачет, — резонно замечает Азамат.

— Ну ты придерживай.

Он сажает добычу на дорожку, не отпуская ушей. Однако заяц действительно очень большой. Рябой такой, глаза темные, туповатые, морда прямоугольная. Жуть.

— А почему ты решила, что это он? — спрашивает Азамат.

— Нипочему, сказалоь так, — хихикаю. — А ты думаешь, она?

— Я вполне уверен, что она.

— Ты ей уже и под хвост заглянул?

— Нет, так... похоже больше на самку по поведению. Это трудно объяснить, но, если много зайцев видел, начинаешь различать.

Я наконец рискую пощупать пойманного зверя. Шерсть у него довольно жесткая, он немного дрожит.

— Класс, — говорю. — Ладно, выпускай, он же перепугался, бедный.

Азамат усмехается и отпускает руку. Заяц еще с полминуты сидит неподвижно, потом осторожно подается вперед, а потом как рванет — только хвостик и мелькнул.

Я достаю из сумки гигиенические салфетки.

— На, — говорю, — вытри руки, мало ли что на нем живет.

Азамат берет у меня салфетку и, следуя моему примеру, тщательно вытирает ладони.

— Знаешь, — говорит задумчиво, — обо мне, кажется, никогда и никто так не заботился, как ты.

— Ну, — отмахиваюсь, — мать, наверное, заботилась.

— Может быть, — размышляет он, — но только если совсем в младенчестве. Года в три меня отец у нее забрал, и потом я ее редко видел.

— А... зачем забрал?

— Ну как, все, говорить научился — должен жить с отцом.

— О!

— У вас не так?

— У нас родители обычно вместе живут, если не поссорились.

— Ах да! Никак не могу к этому привыкнуть.

Мы оба смеемся, потом Азамат внезапно серьезнеет.

— А можно спросить... что случилось с твоим отцом?

— Ничего, — усмехаюсь. — Его никогда не было.

— О... И часто на Земле так бывает?

— Ну... может, не часто, но бывает.

* * *

Мы бродим по лесу еще долго. Я подбиваю Азамата рассказывать мне про птиц, которых мы слышим, а он и видит — мне удалось разглядеть примерно каждую пятую из тех, что он показывал. Он, правда, не знает, как всех их назвать на всеобщем, но и мне не все названия что-то говорят, так что, помучившись со словарем в мобильнике, решаем просто называть всех на мударанжском, надо же мне учить слова, если я туда собираюсь. Потом еще много веселья вызывает мое мударанжское произношение, которое Азамат все старается поправить, а я в упор не слышу разницы. Впрочем, он довольно быстро соображает, как мне объяснить эту разницу, ну или хотя бы позволяет почувствовать, что прогресс налицо.

Мы довольно далеко уходим от моря, и нам уже давно никто не встречается, кроме зверья. Кстати, попадаетея еще пара зайцев, а Азамат вроде как и лису видел, но мне до его зоркости далеко. Мы набредаем на тихое лесное озеро, где в ряске пасутся несколько выводков утят, и устраиваем привал на стволе дерева, низко нависающего над водой. Это какой-то дубо-буко-платан из тех, которые моя мама сажает при ведомственных учреждениях, потому что он дает много тени — в очереди стоять легче, да и ветки у него разлапистые, можно присесть. У нашего дерева ветки такие толстенные и плоские у основания, что я рискую предложить заняться любовью, уж очень романтичное местечко. Азамат сначала даже не верит, что я серьезно, а потом смотрит на меня таким помутившимся взором, что удивительно, как в воду не рухнул. У него даже на обожженной щеке румянец проступает — впрочем, может, крем действовать начал.

Потом мы, такие веселые, что почти пьяные, доходим до другого края лесопарка и обнаруживаем там небольшую, приятно пахнущую таверну, где заказываем обед, поскольку проголодались уже на совесть. Там оказывается полностью земное меню, и Азамат долго и мучительно не может ничего выбрать, потому что понятия не имеет,

что это все такое, а я не знаю, насколько тут съедобна земная еда. В итоге мы оба берем котлеты по-киевски — и получаем море гастрономического удовольствия, тут это блюдо почти так же прекрасно, как в исполнении моей двоюродной бабушки. Я хвастаюсь Азамату, что умею это готовить, и понимаю, что меня еще поймают на слове.

Возвращаемся на такси: уже начинает темнеть. Мы здорово так погуляли, да и за столом крепко посидели. Дома, то есть на корабле, уже все в сборе и как раз думают, не позвонить ли нам. Тирбиш даже сварганил ужин, от которого мы вынуждены отказаться, потому что объелись на совесть. За стол, впрочем, садимся со всеми за компанию. Эцаган пользуется тем, что я заняла его место, и подсаживается к Алтонгирелу. Я потягиваю чаек в блаженно-сонном состоянии, вполуха слушаю, как Алтонгирел шепотом допрашивает Азамата:

— И где вы были?

— Гуляли.

— То есть как — гуляли?

— Пешком. По лесу.

— Ты что, в лес ее поволок? Ты сдурел?!

— Это она меня поволокла, и ей понравилось.

— Да ты ее больше слушай! Небось опять только вид делала, что понравилось, а ты и поверил! Хоть бы в казино сводил девушку, а то — в лес!

Я в последний момент стискиваю зубы, чтобы не прокомментировать. Чур меня, чур, еще только азартных игр не хватало!

— И где вы ужинали? — продолжает Алтонгирел свой допрос.

Азамат покорно отвечает, но он такой же блаженно-осоловевший, как я, и ему, видимо, вообще все равно, что вокруг происходит.

— А там за лесом таверна.

— Эта мерзкая забегаловка?! Я там пять лет назад отравился!

— Там хозяин сменился с тех пор, — вставляет Эцаган, который тоже с ухмылкой слушает этот разговор.

— Там теперь земная кухня, — говорит Азамат, — потрясающе вкусно. Вот куда Тирбишу надо было бы сходить.

Духовник закатывает глаза.

— Боги, Азамат! Ты через неделю предстанешь перед Старейшинами, тебе надо думать о том, чтобы женщину покрепче к себе привязать, а ты о Тирбише! Надо было идти в какой-нибудь развлекательный центр, чтобы тут же тебе и номера, может, удалось бы ее уложить, а ты придумал тоже — в лес! Что она тебе, на дереве даст, что ли?!

У Азамата становится очень интересное лицо — ироничное и мечтательное одновременно. Я прячусь в чашке, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не фыркнуть.

— Знаешь, Алтонгирел, — произносит Азамат, неожиданно кладя ладонь духовнику на плечо, — тебе стоит отвлечься от моих проблем. Постарайся просто быть повежливее с Лизой.

На этом Азамат встает и объявляет отбытие, отчего все резко выскакивают из-за стола и разбегаются в разные стороны, кроме меня, Гонда, Эцагана и Алтонгирела, который так и сидит, широко раскрытыми глазами таращась на свое плечо, как будто там выросло щупальце.

* * *

Гарнет уже полностью влезает в иллюминатор, когда я в клубах пара выпадаю из душа, так и не разрешив мучащую меня дилемму: идти сейчас к Азамату или нет? С одной стороны, вроде бы он сказал, что мое общество ему приятно, в том числе и ночью, хотя вдруг я не так поняла. С другой, он уже сегодня днем опять забыл, что у нас принято жить вместе, значит, ему это все еще очень странно. С третьей, он вполне может считать программу на сегодня оконченной. С четвертой, вдруг он вообще занят и не в каюте?

Мои метания прерывает сам Азамат, постучавшись в дверь.

— О, — говорю, — ты прямо мысли мои читаешь. Я как раз к тебе собиралась.

— Ну что ты, Лиза, — хмурится он, — конечно, я не читаю твоих мыслей, это мерзкое темное дело, и я бы никогда...

— Хорошо-хорошо! — перебиваю. — Это просто выражение такое, я только имела в виду, что ты прямо угадал момент!

— А, вот как. — Он расслабляется. — Ну замечательно. Я как раз хотел сказать, что не стоит тебе в халате ходить по коридорам.

— Да я вроде специально приличный халат купила...

— Ну все равно нехорошо, — кривится он. — Это вообще-то я к тебе ходить должен...

— Я бы предпочла, чтобы мы оба были подвижными субъектами, — хмыкаю в ответ. — Так что мне, каждый раз в уличное одеваться, что ли?

— Я, собственно, хотел кое-что предложить... — произносит он задумчиво. — Правда мне немного неудобно, как бы ты не подумала, что я это заранее так спланировал...

Моргаю.

— Что спланировал?

— Да ничего не планировал, в том-то и дело. Так случайно вышло, только теперь выглядит, как будто нарочно.

— Ну если ты говоришь, что случайно, то я тебе поверю, — пожимаю плечами. Еще б понять, о чем речь...

Азамат облегченно выдыхает.

— Тогда смотри.

Он подходит к столу, берет за ручку верхнего ящика, потом поворачивается ко мне:

— Можно открыть?

Там у меня вязанье, насколько я помню. Киваю.

Он открывает ящик, просовывает руку вглубь и что-то там делает. Я слышу тихий гул, оборачиваюсь на звук и вижу, как стена с иллюминатором быстро ползет вверх. Я только и успеваю открыть рот, когда вся стена втягивается в потолок, а за ней открывается... каюта Азамата.

Несколько секунд хлопаю жабрами, забыв, что у меня есть легкие. Наконец подбираю оброненный дар речи.

— А как же иллюминатор?

— А, это просто экран, у тебя же каюта в середине корабля, откуда тут настоящий иллюминатор...

— И... ты хочешь сказать, что случайно дал мне каюту, смежную с твоей?

— Я так и знал, что ты не согласишься, — вздыхает он. — Вас всех разместили в одинаковые каюты, подряд от входа. Тебе досталась последняя. Просто так число совпало.

— А то, что тут стенка поднимается, — тоже совпадение? — продолжаю тарашиться.

— Все стенки поднимаются, — усмехается он. — Правда, в обитаемых каютах я всегда запираю их изнутри, вот тут, в ящике, кнопка. Но если отпереть, то поднимаются вообще все переборки. Собственно, холл — это шесть кают с поднятыми стенками между собой и коридором.

— Чума-а-а-а, — протягиваю я, осознавая масштаб дизайнерской мысли. — Кру-у-уто, слушай, это же должно быть очень удобно!

— А это и есть удобно. Только — тссс! — он смешно прикладывает к губам палец — не прямой, а согнутый петелькой. — Кроме Алтонгирела и Ирнчина, никто в команде об этом не знает.

— Почему?

— Ну я просто новичкам без нужды не говорю, а вышло так, что уже много лет не было нужды. Молодняк — играть начнут, поотпирают чужие каюты... А то еще украдут мою идею. Так что это вроде как секрет.

Я только качаю головой.

— Если захочешь поднять стенку между своей каютой и кабинетом, сними с полок все нужное, потому что сами полки спрячутся в стенку, — продолжает наставлять Азамат. — Ничего не пострадает, но из потолка ты никак не достанешь, если что-то понадобится.

— Хорошо, что там стеллаж у другой стены стоит... — говорю и вижу хитрую улыбку Азамата. — Ну да, ты же и ставил, ясно. Значит, по утрам стенку будем закрывать, чтобы если кто заглянет, не заметил, так?

Азамат кивает. Я осматриваю получившееся в итоге двойное помещение. Забавно, такая четкая линия отделяет мой бардак от порядка Азамата. А кровати у нас в итоге бок о бок стоят.

— Ну что, — говорю, — сдвинем кровати и освоим новые пространства?

Азамат очень доволен собой.

Глава 17

Мы снова дрыхнем до десяти, что для меня, впрочем, вполне нормально, а вот Азамат сильно удивлен. Даже пытается извиняться, видно, все еще подсознательно уверен, что спать после секса — непростительное оскорбление, особенно много спать.

Я его успокаиваю, после чего мы снова разделяем каюты и идем завтракать. От завтрака, конечно, остались рожки да ножки, хотя Тирбиш и пытался нам что-нибудь зажать.

— Ну вы бы еще завтра пришли, — разводит он руками, выставляя на стол остатки сыра.

Этот сыр свежий и пахнет заправскими носками, и что-то меня совсем не тянет его есть. Тут Тирбиш светлеет лицом:

— А я же вам йогурты купил!

Тут и я светлею всем, чем могу.

— Молодец! — говорю. — Умница ты мой прозорливый!

Последнего слова он, кажется, не понимает, зато подводит меня к холодильнику, до отказа набитому разными кисломолочными продуктами. Тут и йогурты, и кефирчики, и творожки, и даже сметана. Ну ладно, ряженки нет, но так ее почти нигде нет. Я нагребая себе завтрак атлета и делюсь с Азаматом несладким кефиром. Ему вроде бы нравится.

Едва мы успеваем доесть, является Алтонгирел, и вид у него заговорщицкий.

— Азамат, — говорит он, — зайди ко мне, кое-что обсудить надо.

Азамат без вопросов встает и уходит вслед за духовником. Уж не раскусил ли он меня... Я вопросительно смотрю на Тирбиша, тот пожимает плечами.

— Наверное, что-то насчет вашей свадьбы, — говорит.

— А при мне что, уже нельзя?

— Может, Алтонгирел капитану амулет какой хочет дать...

Эта мысль мне нравится. Конечно, с Алтонгиреловой манерой все толковать строго противоположным образом лучше бы он вообще не вмешивался, но... кто знает, каким образом склонны понимать Старейшины. Ой, ладно, что-то у меня эти переживания уже в печенках. Пойду, что ли, в кабинете посижу с вязаньем. Называется, хотела к Новому году закончить.

Первым делом, конечно, лезу в бук, а там письма от дорогих родственников. Матушка получила лилии и бегаёт теперь по потолку, потому что раньше мая сажать не имеет смысла. А еще она уже вяжет-вяжет-вяжет, а что, если сделать рукава три четверти?

Я отвечаю, что ни в коем случае никаких четвертей и чтобы горло было закрытое. Мода такая, вру. А то с матушки станется лично

заявиться только для того, чтобы обидчикам зятя по шее надавать.

Письмо от брата примерно сводится к «третий день пьем ваше здоровье», слегка приукрашено описаниями того, как все выпадают в осадок от новостей. Правда, в конце он все-таки вспомнил спросить, все ли у нас хорошо.

Я ему отвечаю, что все шоколадно, особенно если муданжские Старейшины одобряют наш брак, а критериев никто не знает. Пусть ломает голову, что все это должно значить.

Когда я наконец-то всем все отправляю и собираюсь перейти к вязанию, раздаётся робкий стук в дверь. Немедленно открываю, ожидая, что это Азамат, — ан нет, это вовсе даже парень с красными волосами.

— Э-э, здравствуйте, — говорит он неуверенно.

— Привет, — отвечаю с широкой улыбкой. — Заходи, не стой на пороге. Чем могу быть полезна?

— Меня зовут Бойонбот, — говорит он, как будто это и есть его проблема. Но заходит и дверь закрывает.

— Очень приятно, — киваю. — Элизабет.

Кажется, я угадала: название имени заставляет его немного расслабиться.

— Я... э-э... спросить хотел. Вы ведь ну типа целитель, да?

— Да-да, — говорю. — Именно так, я целитель.

— А, так вот, я хотел спросить, — повторяет он. — Просто интересно. У вас ведь на Земле придумали, наверное, что-нибудь для глаз?

— В смысле, чтобы улучшать зрение? — уточняю.

— Ну вроде того, да.

— Много чего придумали, — говорю. — Очки для начала.

— А... кроме очков? — несколько упавшим голосом спрашивает он.

— А какого рода проблемы со зрением? — интересуюсь.

— Никаких проблем! — быстро выпаливает он. — Это я так, чисто из любопытства!

У меня начинает зарождаться нехорошее подозрение.

— У вас что, плохо относятся к людям с плохим зрением? — спрашиваю его.

— Ну как... не то чтобы плохо, но работать таким людям трудно... и их редко берут.

— И ты думаешь, Азамат тебя уволит, если выяснится, что ты плохо видишь? — заключаю я.

Он пару секунд ловит ртом воздух, потом беспомощно кивает.

— Вы ему скажете?

— Не имею права, — пожимаю плечами. — Я по закону не могу обсуждать здоровье пациента ни с кем, кроме других врачей. Целителей в смысле.

Как стремительно человек может воспрянуть духом!

— Ну а теперь, когда мы выяснили, кто пациент, — говорю, берясь за ретиноскоп, — давай узнаем, что именно у тебя с глазами.

Обнаруживается, что у него легкая близорукость — а еще проблемы с дыханием, если я слишком близко стою. Чудесно, ага. Выдаю ему прирастающие линзы: разок надел, полгода не помнишь о проблемах со зрением. Потом они растворяются.

— Тебе, — говорю, садясь за бук, — надо бы операцию сделать. На Гарнете это можно. Как-нибудь возьмешь отпуск, направление я тебе напишу. А теперь рассказывай давай, сколько тебе лет, чем болел...

Бойонбот еще несколько минут мечется между счастьем, что он теперь все видит, и подозрениями, зачем это мне понадобилось про него столько знать. Приходится писать историю болезни на родном языке, чтобы никто в команде точно не прочел. Ну варвары! За это беру у него анализ крови — группу узнать, да и вообще из интереса. Результаты радуют — он ничем не болен, но самое главное, ни у него, ни у Азамата нету антител на неизвестные мне инфекции. То есть надо надеяться, неизвестных мне инфекций на Муданге тоже нет...

* * *

Наконец отпускаю ошарашенного и проанализированного Бойонбота и снова тянусь за вязаньем. Не тут-то было. Следующим номером ко мне является прыщавый заместитель Тирбиша. Что ж, это хорошо, я и сама собиралась с ним пообщаться с применением пары лосьонов и гормональных регуляторов.

— Вы я лечить, — говорит он как-то угрожающе, — я вы платить.

— Неа, — говорю. — Я ты лечить, Азамат я платить.

Он ненадолго задумывается.

— А Азамат вы лечить?

— Да, — киваю.

— Уже? — переспрашивает подозрительно.

— Азамат, — говорю, — сильно болеть. Долго лечить.

— А, — понимающе кивает он. Потом настораживается. — А я сильно болеть?

— Лицо? — уточняю.

Он энергично кивает.

— Не сильно, — говорю.

Достаю универсальный лосьончик, подруга-дерматолог, помнится, рекомендовала. Да и Сашке в свое время помогло. Подвожу клиента к зеркалу в ванной, беру прилагающуюся к флакону губочку. Выдавливаю, принимаюсь мазать. Парень, конечно, шарахается. Все-таки у них лицо — запретная территория. Отдаю ему губку, показываю движения, как мазать. Он справляется вполне успешно.

— Утром и вечером, — говорю. — А теперь мне нужна кровь.

Черт, я даже не подумала, как это жутко звучит. Парень сильно напрягается.

— Я смотреть на кровь, — начинаю объяснять доступными средствами, — и знать, как быстро лечить.

Пациент мотает головой и отступает на шаг. Ну здравствуйте! Как я гормональный анализ сделаю, а?

— Небольно, — говорю. — Плохо не будет.

Пациент пятится к двери, пряча за спиной флакон с лосьоном. Ну нет, так не пойдет. Беру телефон и звоню Азамату.

— Лиза? — ужасно удивляется он.

— Ты занят? — спрашиваю.

— Э-э... а что?

— Мне нужна твоя помощь, но это не срочно, если занят, не отвлекайся.

— А, нет, не занят. В чем дело?

— Зайди ко мне в кабинет, если тебе не трудно, а?

Пациент тем временем упирается спиной в дверь, но открыть-то ее могу только я с пульта... Парень хмурится и шевелит губами, мучительно пытаюсь как-то объяснить, но, видимо, заготовленный для визита словарный запас недостаточен.

От стука в дверь он подскакивает на полметра и отлетает в сторону, позволяя Азамату войти без помех. Мой муж в полном непонимании переводит взгляд с меня на своего подчиненного, чье лицо имеет отчетливо синеватый оттенок — лосьон не сразу впитывается.

— Объясни ему, пожалуйста, что мне нужно взять кровь, — говорю, сдерживая смех. Уж очень у обоих мужиков вид обескураженный.

— Ты решила нас всех проверить? — Азамат поднимает брови. — Надо было предупредить, я бы всем заранее объяснил.

— Ну всех проверить, конечно, надо, но этот сам пришел, и мне обязательно нужно сделать анализ, чтобы знать, как его лечить.

Азамат кивает и принимается быстро и убедительно говорить помуданжски. Насколько понимаю, главные его аргументы — что я не собираюсь при помощи взятой крови творить над замповара никакого страшного колдовства. М-да, об этом я не подумала. Юноша, впрочем, не очень верит, и тогда Азамат говорит, что я просто не умею колдовать. Тот окидывает меня подозрительным взглядом и выражает сомнение. Азамат вздыхает.

— Лиза, можно у тебя попросить волосок?

— В смысле? Волос с головы? — хлопаю глазами.

— Да, если это не нарушает никаких приличий...

Пожимаю плечами, выдергиваю пару волосин. Азамат осторожно берет их, достает — о боже! — зажигалку и подпаливает. Они, естественно, начинают мерзко смердеть, после чего он их быстренько отправляет в унитаз.

— Убедился? — спрашивает моего пациента.

Тот кивает с виноватым видом.

— Ну вот, — говорю, отгоняя ладонью запах от лица, — навоняли тут мне.

— Извини, — улыбается Азамат. — Пришлось доказывать, что ты не знающая.

— А была бы знающая, пахло бы розами, что ли? — ворчу.

— Нет, просто сгорел бы мгновенно и без запаха.

Ну да, а еще бы я оказалась легче утки, и что там славная инквизиция использовала для выявления ведьм...

— Теперь можно кровь взять? — спрашиваю, помахивая нераспечатанной иглой.

Парень нервно косится на капитана. Азамат выразительно кивает, дескать, а ну-ка строем на укол. Пациент сглатывает и подходит ко мне. За процессом взятия крови он наблюдает очень внимательно, и ему, видимо, тоже не больно. Наверное, болевой порог у них у всех высокий. Наконец я его отпускаю, объяснив с помощью Азамата, что, когда будут результаты, я ему дам таблетки. Парень пользуется первой же возможностью смыться.

— Неужели я такая страшная? — спрашиваю. — Он ведь сам пришел, никто его не гнал сюда.

— Ты не страшная, — улыбается Азамат. — Ты грозная. А пришел он потому же, почему и все придут. Они теперь считают, что ты все можешь.

— С чего это? — недоумеваю.

— Ну помнишь, ты Алтонгирела по лицу ударила после того, как он тебя оскорбил?

— Еще бы я забыла, — хмыкаю.

— Обычная женщина так бы никогда не сделала, тем более Алтонгирел — духовник... У нас ведь ни в коем случае нельзя бить по лицу. А раз ты с этим не считаешься, значит, точно богиня. Ну и выглядишь так.

Я закатываю глаза.

— Чудесно. Ты хоть, надеюсь, понимаешь, что я по глупости ему врезала?

Азамат хитро улыбается.

— Знаешь, в таких делах трудно сказать, где глупость, а где боги твою руку направили. Я бы вот ни за что не поверил, что ты можешь его с ног сбить, если бы не видел своими глазами. Как знать, может, тебе и помог кто... — пожимает плечами.

У меня, кажется, оставшиеся после проверки волосы зашевелились на голове. До сих пор я как-то не задумывалась особенно над религиозными вопросами... Но если он так верит в высшие силы, то... то... я точно за него замуж хочу?!

Азамат смеется. Это хорошо.

— Лиза, ну не пугайся так. Я понимаю, ты предпочитаешь решать сама за себя. Совсем необязательно тебя кто-то подтолкнул. В конце

концов, боги помогают почти исключительно слабым в минуты отчаяния, а к тебе ни то, ни другое не относится. Не переживай. — Он гладит меня по плечу.

Я все еще расту на том месте, где приросла к полу, и чувствую в себе способность покрыться листьями.

— А ты... — произношу медленно, побаиваясь ответа, — веришь, что боги существуют?

Азамат очень высоко задирает брови.

— А ты что, никогда их не видела?

Я нахожу в себе силы сесть, пока не упала.

— А ты их часто видишь?

Азамат усмехается.

— Ну не часто, конечно, тем более что они не покидают Муданга. Там раз пять видал. Это когда отличить удавалось, конечно.

— От чего отличить?

— От людей. Бога ведь трудно узнать, если специально не высматривать. Но я постараюсь тебе показать хоть одного, когда будем дома. У вас на Земле они, наверное, тоже редкость, как зайцы. — Он смеется.

Я постепенно прихожу к выводу, что мы что-то очень разное понимаем под словом «бог».

— У нас их, может, и вовсе нету, — говорю осторожно.

— Есть, конечно, — убежденно заверяет Азамат. — Вы ведь все с ними в родстве. Правда, может, они с вами совсем смешались, не знаю...

Я решительно мотаю головой.

— Слушай, — говорю, — для меня это все ужасы какие-то, я до сих пор была уверена, что богов выдумали люди, а на самом деле их нет. И мне немного не по себе от того, что ты говоришь.

Азамат задумывается на некоторое время, потом отвечает:

— Я, наверное, неправильно перевожу с муданжского это слово. Давай, если у нас получится остаться на планете, я тебе постараюсь показать бога, тогда и поймем, в чем ошибка.

Я вздыхаю с облегчением. Религия религией, но Азамат мой муж, и так тому и быть.

— А как они по-муданжски? — спрашиваю.

— Брхон, — охотно сообщает Азамат.

— Будь здоров, — не удерживаюсь я. Оба смеемся.

Палеными волосами все еще пахнет, и я интересуюсь, как провентилировать помещение. Азамат показывает кнопку на пульте, но предлагает выйти, пока тут будет продуваться, а то еще и меня продует. Охотно следую за ним.

— Алтонгирел давал какие-нибудь ценные указания? — спрашиваю как бы между делом, когда мы прогулочным шагом движемся в холл.

— Он предложил провести моцог, но до этого я и без него догадался, — задумчиво пожимает плечами Азамат.

— А теперь на всеобщем, — прошу.

— Ах да, прости, — спохватывается он. — Моцог — это... у вас такого нету, насколько я знаю. Ну тоже связано с богами, вроде как чтобы привлечь их на свою сторону, надо от чего-то отказаться в их пользу.

— И от чего же? — настораживаюсь я. Кто этих варваров знает...

— Это зависит от цели, но, чтобы свадьба удалась, обычный моцог — день не есть мяса и ночь не спать.

— А богам от этого какой прок?

— Точно не знаю, — протягивает Азамат, — я же не духовник и не Старейшина. Но по идее, что не достанется мне, достанется им, и они должны быть благодарны.

Ну ладно, здесь по крайней мере есть логика, хотя и несколько первобытная.

— И когда ты намерен это устроить? — спрашиваю.

— Да сегодня, наверное. За завтраком я мяса и так не ел, а завтра ничего важного не будет, можно и ночь пропустить. Тем более я уже два дня вон сколько сплю.

— А что насчет секса?

Азамат поджимает губы, поглядывает на меня виновато.

— Лучше бы тоже воздержаться, конечно.

— Чтобы им досталось? — поднимаю бровь. Он смеется:

— Ну уж нет! Но хоть чтобы не завидовали.

— Ладно, — говорю, — сутки я потерплю.

Азамат снова поджимает губы.

— Вообще... лучше бы ты не так легко согласилась.

— Ой прости, ты обиделся? — Я запоздало соображаю, что ему моя покорность в этом вопросе может быть неприятна, да и...

Он хохочет.

— Нет, что ты! Просто на богов лучше действует, если соблюсти моцог трудно. Поэтому сегодня на обед тхи, ну и я стараюсь побольше всяких дел сделать, чтобы устать и спать хотелось. Иначе не подействует, понимаешь?

— А чем тхи так примечательно? — спрашиваю, пытаюсь вспомнить, что это вообще такое.

— Ну как, вкусная, праздничная еда, — поясняет Азамат.

Ой, да, вспомнила! Это же очередная сырятина, только вымоченная слегка в каком-то рассоле. Не-эт, я это не буду! Хм. А не воспользоваться ли мне вынужденным постом в благих целях? Мясо сырое я и так не стала бы есть, секса не дадут, а ночь просидеть для меня не проблема, я три года работала сутки через двое. Зато Алтонгирел сможет потом нашептать Старейшинам, что я-де старалась, моцог соблюдала с мужем, и вообще.

— Слушай, Азамат, — говорю, — а может, я к тебе примкну?

— А тебе-то зачем?

— Тебе же не одному нужно, чтобы нас поженили. Мне тоже по-хорошему надо поднапрячься.

Азамат долго смотрит на меня, потом на пару секунд закрывает глаза, а потом так меня обнимает, что я готова просить о пощаде, странно, что кости не хрустят.

* * *

Мои гениальные идеи достаточно часто оборачиваются мне же во вред, чтобы уже начать задумываться, прежде чем их высказывать вслух. Вот эта, например, привела меня в каюту Алтонгирела и оставила один на один с ее хозяином. И ведь могла бы сообразить, что этот чертов моцогнельзя начать просто так, от балды. Тем более Азамат утром к духовнику заходил, ну ведь очевидно же за этим!

А, ладно, теперь уже ничего не поделаешь, осталось терпеть. Если я сбегу на середине, Алтоша точно не оценит.

Алтонгирел сидит за столом, подперев голову рукой, и смотрит на меня так, как будто восхищается размахом моей бессовестности.

— Ты знаешь, я никогда не считал Азамата доверчивым человеком, — размышляет он вслух. — А теперь вот все понять не

могу, что ты с ним такое делаешь?

— Тебе рассказать или на бумажке записать по пунктам? — спрашиваю. — Первое, я его люблю. Второе, я его уважаю. Третье, я его лечу...

— Ах, ну да, — перебивает духовник. — Ты ведь ему заливаешь, что можешь его вылечить.

— Неправда, я ему совершенно честно говорю, что могу сделать шрамы менее заметными, хотя не могу убрать бесследно.

— Ага, ага, — отмахивается Алтонгирел. — Его тут нет, а мне можешь не рассказывать. Мне, в общем, все равно, ради чего ты с ним связалась, лишь бы он от этого не пострадал. Но вот сейчас просто интересно, чего же ты хочешь добиться от богов?

— Чтобы нас с Азаматом поженили, — пожимаю плечами. Чего тут не понять?

Алтонгирел прищуривается.

— У тебя случайно внебрачных детей нету?

— Че? — искренне удивляюсь я. — С чего вдруг?

Он еще некоторое время на меня пристально смотрит, потом расслабляется.

— Да так, подумалось... Обычно так хотят выйти замуж только женщины с левыми детьми. Чтобы даже моцог провести... у тебя должна быть какая-то развесистая причина. Может, на Землю возвращаться не хочешь? Ты не преступница ли, часом?

— А не пойти ли тебе ненароком? — интересуюсь, подобрав дар речи. — А то я могу, например, ухо ампутировать...

Не знаю уж, понимает ли Алтонгирел слово «ампутировать», но высказывать свои безумные предположения резко перестает.

— Ладно, — говорит, — хватит тут болтать, если тебе обряд нужен, то не отвлекай меня.

Закашливаюсь от неудачной попытки сказать несколько грубостей одновременно. Можно подумать, это я тут лясы точу!

Алтонгирел достает из одного из своих многочисленных сундучков некое подобие венка из засушенного вьющегося растения с острым и пряным запахом и надевает его мне на голову. Потом разворачивает на столе платочек с какой-то трухой, берет что-то вроде жезла с большим бубенцом на конце и принимается напевно бормотать непонятные мне слова, позвякивая жезлом поочередно то над одним,

то над другим моим плечом и периодически посыпая меня трухой из платочка. Уж не знаю, что я должна при этом думать, но на всякий случай загадываю желание. Постепенно бормотание Алтонгирела переходит в пение. У него, кстати, неплохой голос, чистый и мелодичный, кто бы мог подумать.

Внезапно все заканчивается. Венок с меня снимают, жезл отправляется в сундук.

— Ну чего ждешь? — спрашивает духовник нетерпеливо.

— А уже все? — неторопливо произношу я. Хочешь меня выгнать побыстрее, так фигушки.

— Нет, знаешь, еще надо постоять на голове, — ехидно отвечает он.

— Надо было заранее предупредить, я бы штаны надела, — говорю невозмутимо. Он тяжело вздыхает. Я хмыкаю. — Откуда мне знать, как выглядят ваши обряды и когда они кончаются?

— Хорошо, говорю: обряд закончился. Можешь идти на все четыре стороны.

Я стою.

— Видишь ли, Алтонгирел, — произношу медленно, с удовольствием растягивая слова, — думаю, что это не последний раз, когда мне придется проходить какой-нибудь обряд. Я бы предпочла, чтобы в следующий раз ты вспомнил, что для меня все это в новинку, и пояснил, что от меня требуется. Особенно когда дело дойдет до Старейшин. Не хотелось бы пролететь только потому, что я не знала, в какой момент вставать.

Он снова одаривает меня долгим взглядом прищуренных глаз, потом говорит:

— Слушай, чисто из любопытства, чего ты хочешь от богов?

— По-моему, ты уже спрашивал. Что-то тебя память подводить стала, а вроде молодой.

Он закатывает глаза.

— Да, конечно, я так и поверил, что ты моцог проводишь ради замужества. Наверняка ведь о чем-то еще просишь.

Я пару секунд осмысливаю информацию.

— Ты хочешь сказать, что моцог может мне помочь осуществить любое желание, а не только то, о котором я сказала? То есть ты сейчас, когда надо мной тут ворожил, никак не ограничивал, ради чего все это?

Он смотрит на меня странно, сначала приподняв брови, потом слегка нахмурившись.

— Слушай, что тебе нужно от Азамата, что ты его так старательно добиваешься?

— Ну если обобщить, — задумываюсь я, — то, наверное, мне нужно, чтобы он был со мной. Желательно — всегда. И конечно, было бы неплохо, если бы ему это доставляло удовольствие.

Алтонгирел еще несколько секунд таращится на меня округлившимися глазами, потом снова достает жезл и еще какую-то склянку миллилитров на пятьдесят. Поводит жезлом у меня перед носом и где-то за спиной, приговаривая, потом вручает мне склянку.

— Пей.

— А что это?

— Не скажу. Хочешь замуж, так пей.

Я одариваю его мрачным обиженным взглядом и откупориваю пузырек. Немного пахнет спиртом. Ну была не была. Пью.

Это оказывается настойка какой-то травы, горькая и крепкая, но не очень противная. Дух, правда, вышибает, так что я вынуждена за неимением лучшего занюхать рукавом, хоть он слабенько пахнет стиральным гелем.

Алтонгирел внимательно за мной наблюдает, забирает склянку.

— Все, можешь идти. Теперь твой моцог только ради свадьбы, ничего другого не получишь.

Ага, смотри-ка, он обучаем!

— Хорошо, — говорю радостно, — спасибо.

И быстро смываюсь, оставив Алтонгирела озадаченно качать головой.

Забористую настоечку все-таки неплохо бы закусить, так что я чапаю на кухню, где Тирбиш уже вовсю возится с обедом.

— Привет еще раз, — говорю, устремляясь к холодильнику. — На меня не готовь.

— Почему? — огорчается он. — А мне так интересно было, что вы скажете...

— Мне сегодня нельзя, — объясняю.

— Ну вот, — ворчит он. — Капитану нельзя, вам нельзя, зачем тогда заказывали...

— Так мощог ведь, — говорю, выскребая йогурт со стенок коробочки.

— Что, и у вас? — удивляется Тирбиш. — Вам-то зачем?

Мне лень вступать в еще один спор из-за этого, так что я просто поясню:

— А чтобы Азамату одному не скучно было. Так противно, когда все вокруг едят и спят вволю, а тебе нельзя.

— Это да, — смеется Тирбиш. — Правда, мощог лучше удастся, если противно, но с вашей помощью по-любому удастся.

Милый он и очень в меня верит. Интересно, будет ли прилично, если я ему тоже что-нибудь сварганю? Надо будет Эцагана спросить, раз уж он снова с нами.

— А ты что-нибудь кроме мяса на обед делаешь? — интересуюсь.

— Ну тут будет немного овощей, но они все в мясном соке, вам тоже нельзя.

— Ясно, тогда ничего, если я тут что-нибудь сготовлю постное?

— Вы сготовите?! — изумляется Тирбиш. — Может, я?..

— Да ладно, ты с общей едой возишься, чего я буду тебя отрывать, — говорю.

— Как... чтобы вам не напрягаться, — бормочет Тирбиш.

— Ой уж прямо так напрягусь на двоих еды сделать, — отмахиваюсь.

— На двоих? — переспрашивает он, роняя нож.

— А сколько? — моргаю. — Азамат и я. Двое ведь?

— А... Ага... — выдавливая Тирбиш, нагибаясь за ножом. — Если так, то конечно... Вам стол расчистить?

— Умещусь, — заверяю его. И что его так потрясло? — Лучше скажи, где у тебя овощи и мука.

Овощи у него обнаруживаются даже вполне человеческие. Оказывается, я в какой-то момент успела выдать ему список еды, которую хочу добавить к стандартному мударанжскому рациону. Видимо, это было примерно тогда, когда я в сушилке духи нюхала, а этот день был так насыщен событиями, что я уже плохо помню всякие мелочи. Однако на мой автопилот можно положиться.

Заполучив ингредиенты, принимаюсь за дело, напевая что-то себе под нос. Может, Алтошина настоечка так действует, но я в исключительно благостном настроении. Тем более что возиться

особенно не надо, я же комбайн с хлебопечкой водрузила тут же на кухне, в углу, спросив разрешения все того же Тирбиша. Он тогда еще странно так на все это смотрел. Думал, пользоваться не буду, что ли?

В общем, скоро у меня уже хлеб печется, а в духовке отдыхают баклажаны под сыром — нормальным магазинным сыром из коровьего молока. Не знаю, оценит ли Азамат, но, если что, доберется своим вонючим овечьим.

— Ну вот, — говорю, споласкивая после себя нож и разделочную доску. — Больше под ногами мешаться не буду, оно теперь само дойдет, я только пару раз загляну.

Тирбиш только качает головой и что-то бормочет. Я было открываю рот, чтобы его расспросить, чему он так удивляется, когда наше кулинарное уединение нарушает Дорчжи.

— Ско-оро обед-то? — канючит он совсем по-детски, и только потом замечает меня, тут же густо краснеет. — Ой, здрасте... Я это... капитан заставил с ним вместе техосмотр запасного двигателя... того... сделать. Теперь очень есть хочу.

— Капитан, наверное, тоже хочет, — нравоучительно говорит Тирбиш. — Но не приходит меня торопить.

Дорчжи пожимает плечами:

— Он крутой, — этим все и объясняется.

Я смеюсь. Кстати, что-то мне было от него нужно... А!

— Слушай, Дорчжи, — напоминаю, — а ведь ты обещал меня научить гизик плести.

— Да-а, — оживляется тот. — Хотите сейчас?

— Почему бы и нет, — отвечаю. — Надо же чем-то до обеда заняться.

— Тогда я сейчас принесу нитки, — кивает он и бодренько скрывается за дверью.

— Здорово, — улыбается Тирбиш. — У Дорчжи хорошо учиться, он очень здорово плетет. У него отец торгует веревками, поясами всякими.

Дорчжи возвращается с несколькими цветными клубками тонкой гладкой нитки и какими-то деревяшками, мы перебазируемся в столовскую часть кухни и начинаем урок. Объяснение в основном происходит на пальцах. Начало весьма неожиданное: нитки предлагается намотать на край столешницы по всей длине. Зато потом

можно чувствовать себя Пенелопой: сидишь, гоняешь челночок туда-сюда. За какие-то полчаса у меня уже готов первый кривоватый шнурок, пестренький такой, узорчатый.

Дорчжи за это время выучил несколько новых слов на всеобщем — тоже польза. Вот, рассматривает он мое произведение и кричит Тирбишу:

— Как будет «тянуть»?

Тирбиш:

— «Тянуть»!

— О! — Дорчжи оборачивается ко мне. — Не тяните так сильно или тяните везде одинаково.

Я ржу и стараюсь соответствовать.

Следующий шнурок мы делаем пошире, и я замечаю, что способ плетения позволяет создавать довольно ровные геометрические узоры.

— А можно, — говорю, — сплести так, чтобы буквы получились?

Еще минут десять уходит на то, чтобы объяснить Дорчжи мою отнюдь не новую идею.

— А зачем слова? — Он морщит лоб, изо всех сил стараюсь понять.

— Например, какое-нибудь хорошее пожелание можно вписать, — придумываю я, размахивая руками для выразительности. — Или поздравление!

— Хм... — До него, кажется, начинает доходить. — А можно ведь, наверное... Тирбиш, как будет «заговор»?

— Да кто ж его знает! — доносится из кухни.

Я прикусываю губу, чтобы не захихикать. После того как сегодня Азамат объяснял запасному повару, что я не ведьма, мой словарь обогатился всякими «заклинаниями», «зельями» и «заговорами». Вообще, я чем дальше, тем лучше понимаю по-муданжски. Что и неудивительно, впрочем.

Пока Дорчжи с Тирбишем стараются сообразить, как объяснить мне свою идею и разрешит ли Алтонгирел выводить заклинание на шнурке, я не теряю времени и несколько коряво изображаю нитками три слова о самом главном — пошленько, конечно, но зато коротко и по делу. С этим шнурком мне Дорчжи почти не помогал, только на словах, и я решаю, что его-то и подарю, а первый себе оставлю, в хозяйстве пригодится.

Близится обед, вынимаю из духовки свой противень, тут и хлебушек поспекает. В общем, не жизнь, а сказка.

— Прячьте, — говорит Тирбиш, выходя из кухни. — Сейчас все придут.

— А я хотела сейчас и подарить, — говорю, сматывая нитки.

— Не-эт, зачем, — мотают головами оба мударжца. — Вы ему подложите куда-нибудь.

— А что, у вас принято подарки тайком подкладывать? — спрашиваю, пряча шнурки по карманам. Хорошую юбку в «Трех тюльпанах» отхватила — длинную и сплошь в карманах. Для жизни на мударжском корабле просто лучше не придумаешь.

— Конечно, — говорит Тирбиш. — То есть можно, конечно, и в руки отдать, но ведь намного приятнее, когда случайно находишь подарок, правда?

Ну, о вкусах не спорят. Тирбиш отправляется скликать народ на обед, я следую за ним, пока не нахожу Азамата где-то в техническом отсеке. Он тщательно отмывает руки у общественной раковины.

— Капитан, обед готов, — неуверенно говорит Тирбиш.

— Да я пропущу, наверное, — отвечает Азамат, не оборачиваясь.

— Я тебе пропущу! — откликаюсь. — Что ж теперь, совсем не есть, что ли?

Он поворачивается на звук моего голоса со своей фирменной удивленной улыбкой.

— А ты запаслась постной едой? Тогда я сейчас.

— Давай-давай, — говорю, — я подойду через пару минут.

Пока Азамат с гарантией не в каюте, иду подложить ему гизик. Захожу, естественно, через свою каюту, поднимаю стенку и оставляю шнурочек на крышке бука, завязав бантиком. Получилось довольно мило. Шнурок красно-зеленый, как Рождество, но расцветку Дорджи предложил, а я ему верю, тем более что Азамат любит красный и носит зеленый.

В дверях столовой мы сталкиваемся, Азамат сразу садится за отдельный стол, а я иду с Тирбишем на кухню проконтролировать сервировку незнакомого ему блюда. Ничего, справился, я тем временем хлеб нарезала и сметану в пиалушки разложила. А еще заварила себе чай. По-моему, мы лопнем.

Нам сервируют во вторую очередь, так что все уже радостно чавкают сырым мясом, когда Тирбиш выкатывает столик с нашими баклажанами и прочими излишествами. Азамат отвлекается от потягивания травяного чая и задирает брови:

— Я смотрю, ты не устаешь экспериментировать, — говорит Тирбишу.

— Это не я, — смущается Тирбиш. — Это ваша супруга.

До Азамата доходит не сразу.

— Ты что, готовила для меня? — говорит он наконец, почему-то шепотом.

— Для нас вообще-то, — пожимаю плечами. — А что в этом такого удивительного?

— Боги, Лиза, да не надо было, — бормочет супруг. — Я думал, ты свои йогурты есть будешь, а то бы сам что-нибудь сварганил...

— Конечно, я йогурты, а ты ничего, здорово. Если хотел поголодать денек, так бы и сказал. Впрочем, не хочешь, не ешь, заставлять не буду, — ворчу и вгрызаюсь в баклажанчик. Хорошие баклажаны Тирбиш купил, не горчат совсем.

— Не обижайся, — внезапно строго говорит Азамат, я аж жевать перестая. Он очень серьезен. — Мне просто неудобно, что я не позаботился о твоём обеде.

Закатываю глаза в лучших традициях Алтонгирела.

— Азамат, у меня своя голова на плечах, тебе не нужно обо мне каждую секунду заботиться. Ешь давай, пока не остыло.

Он все еще о чем-то думает.

— Странно получается, — протягивает. — Ты вот обо мне позаботилась, а от меня того же не ждешь?

— Жжу, — говорю с набитым ртом, — но в жажумных пжежелках. И хватит уже переживать из-за глупостей, а то я все съем, и тебе не достанется.

Он усмехается и наконец-то — неужели! — принимается за еду. Уже хлеб почти остыл, блин, пока он тут телился.

Однако хорошо идут баклажанчики. И сыр не смущает, и сметану на хлеб мажем дружно, ох и растолстею я с этим постом... Смешно смотреть, как Азамат старается меня похвалить побыстрее — от баклажана до баклажана. Тем временем запах моей стряпни заполняет

столовую и перебивает запах мясного маринада, и теперь в нашу сторону все поглядывают. Мы, вероятно, выглядим очень довольными.

— Тирбиш, а что это они такое вкусное едят? — слышу я Эцагана.

— Что-то земное, — сообщает Тирбиш и понижает голос до шепота: — Госпожа Лиза сама готовила.

Над общим столом разносятся ахи и вздохи, Азамат старательно смотрит в тарелку. Я, наоборот, оглядываюсь, вроде как мое имя прозвучало... и ловлю на себе странный взгляд Алтонгирела. Таким смотрят на неизлечимого больного в последней стадии. Брр.

— Кажется, Алтонгирел возненавидел меня с новой силой, — говорю.

— Это он просто завидует, — хихикает Азамат. — Он сам отвратительно готовит.

Мне остается только подвигать бровями в том смысле, что у этого человека, кажется, вообще нет положительных качеств.

— Он хоть что-нибудь делает хорошо? — спрашиваю.

Азамат пожимает плечами:

— Боги его любят. Слушай, ну как же вкусно, кто бы мог подумать, что это какие-то жалкие овощи!

— Чего ж жалкие? Хорошие овощи.

— А что, они бывают лучше и хуже? — смеется Азамат. — По мне-то все одно трава.

— Конечно, бывают. И что-то мне подсказывает, тамлинги знают в них толк. Они ведь чуть ли не все вегетарианцы.

Азамат только качает головой, закусывая хлебушком. Хлеб тоже хорошо удался на тамлингских дрожжах.

— А нельзя у вас попробовать земной еды? — спрашивает из-за общего стола какой-то стриженный парень, с которым я еще не успела познакомиться как следует.

Против него тут же поднимается волна бухтения, чтобы не наглел.

— Щас, — говорю. — Жуйте свое мясо и радуйтесь.

Азамат посмеивается.

— Только чур ужин я делаю, — заявляет он внезапно. — А то все-таки плохо это, что я тебя работать заставляю.

— Ничего подобного, — смеюсь. — Просто у нас взаимопомощь. Но вперед, делай ужин, будем чередоваться.

Сметаем мы все подчистую.

* * *

После обеда ухожу к себе, хочу проверить почту, а на буке у меня сидит зверь. Я даже не сразу понимаю, что он не настоящий, а игрушка. Или статуэтка, не знаю, как назвать. В общем, сидит там очень натуральный заяц размером с мышь от бука, и, кажется, он вырезан из дерева. Хм... В мой кабинет кроме меня только один человек мог попасть, и он, видно, свято следует правилу подкладывать подарки тайком. Очаровательная зверушка, просто как настоящая. Похоже, у нас взаимобмен налачился.

В буке письмо от мамы, которая наконец-то получила золотишко после восьми проверок на таможне. Мне кажется, что по поводу лилий она радовалась несколько больше, но зато этим добром уже успела похвастаться всем подругам, бабушке и Сашке, который (вот невежа!) велел беречь все это дело для потомков, а потом сдать в музей. Бабушка же, оторванная от сотого перечитывания Троллопа, отстраненно заявила, что лучше бы эти деньги пошли на создание школ и библиотек и что вот она, между прочим, самолично внедрила на двух планетах тотальную грамотность, а мы... Дальше ее никто не слушал, потому что бабушка, кроме своих достижений в области просвещения, может говорить только об ошибках в речи телеведущих. Что-то я смотрю, мое семейство выглядит просто оплотом культуры, кто бы мог подумать.

По контрасту с этим приходит письмо от подруги, той самой, которая собиралась работать в космосе. Ее занесло в М-81 в штате тамлингского летучего ресторана в качестве санинспектора. Собираются припарковаться на несколько месяцев, а там эти страшные, огромные, как их, на букву му, она их боится. Отлепив лоб от столешницы, объясняю, что бояться можно всех, кроме них.

Стук в дверь. Открываю, там тот самый парень, который просил поделиться баклажанами. Плечистый такой, даже несколько полноватый.

— Абозорху, — представляется он с несколько самодовольным видом, протягивая мне руку. Это первый муданжец, который вспомнил о рукопожатии.

— Элизабет, — киваю, отдавая дань вежливости. — Чем могу быть полезна?

— Вы знаете, в последнее время я что-то стал плохо спать по ночам, — говорит он, не отпуская мою руку, пока я не тяну ее на себя. — Вы не могли бы мне помочь?

— Как часто не можете заснуть?

— Да каждую ночь, часами.

Что-то он не выглядит сильно уставшим.

— А днем спите? — спрашиваю.

— Нет, какое, днем работать надо, я ведь навигатор.

— И сильно устаете?

— Да ужас вообще, — отвечает грустным голосом, поднося руку ко лбу. — Только и думаю весь день, как спать буду. Вот даже к вам пришел, хотя никогда в жизни у целителя не был, — и берет меня за руку опять. — Вы же мне поможете?

— Помогу, помогу, — высвобождаюсь. — Кофе, чай пьете?

— Только гармарру, — говорит он, подходя ко мне поближе.

Хм, а пахнет-то от него не гармаррой.

— А алкоголь? — спрашиваю подозрительно. — Для храбрости приняли?

— Ну-у есть немного, — смущается посетитель. — Все-таки к такой прекрасной женщине идти со своими проблемами... Знаете, были бы вы моей женой, ни за что бы не допустил, чтобы вы работали.

— Это очень интересно, — говорю холодно, — но, к счастью, я не ваша жена. Так вот...

— Неужели вам нравится такое положение дел? — с придыханием спрашивает он, оказавшись внезапно как-то очень близко. — Неужели вам не хочется нормального, здорового мужчину? Почему вы не выбрали меня, я ведь был так близко!

Я открываю дверь с пульта.

— Пошел вон, — говорю. — Раз здоровый, то нечего тебе тут делать.

Из-за двери на меня смотрят круглые глаза — оказывается, там топчется Ирнчин. Поскольку Абозорху не рвется выполнять команду, я быстро пользуюсь ситуацией.

— О, Ирнчин! — говорю приветливо. — Тут молодой человек заблудился немного, выведи его, пожалуйста!

Ирнчин, на которого Азамат в свое время водрузил обязанность меня охранять, подчиняется беспрекословно. Впрочем, ему стоит

только приблизиться к Абозороху, как того и след простывает.

— Он вас не обидел? — спрашивает мой хранитель строго.

— Да нет, так, клеиться пришел, несмотря на то что я замужем.

— Да-а, этот такой. Небось и представился «Абозорху»?

— Да, а как?

— Нету у него никакой «А»! — рявкает Ирнчин. — Придумал, понимаете, и головы дурит девушкам.

— Логично, — говорю. — Удивительно, что он такой один. Ну ладно, а ты-то по делу или так, в гости?

— Да я... — мнется Ирнчин. — Тирбиш хорошо, конечно, готовит, но этот маринад...

* * *

Выдав Ирнчину ложку сиропа от изжоги, отправляюсь на поиски Азамата. Ему, вероятно, будет интересно узнать, что кто-то в его команде ко мне приставал.

Он обнаруживается на капитанском мостике, где делает строгое внушение пилотам, чтобы не крошили чипсами над пультом управления. Впрочем, это, видимо, не впервые, и на результат он не очень надеется, так что при моем появлении легко оставляет тему.

— Лиза! — оборачивается он с широкой улыбкой. — Спасибо тебе! — демонстрирует кончик косы с моим гизиком. По-моему, хорошо вписался.

— Тебе тоже спасибо, — говорю, — очаровательный заяц.

Притягиваю его за косичку вниз, чтобы поцеловать. Потом смотрю — пилоты на меня косятся, как будто я делаю что-то ужасно неприличное. Азамат слегка краснеет.

— Ну ты уж при посторонних-то, — упрекает меня тихо, выводя с мостика. — Я думал, сказать что-то хочешь.

— Э, — говорю, — надо было предупреждать, что у вас нельзя целоваться при посторонних.

— Не то чтобы совсем нельзя, красивым-то можно...

Опя-а-ать начинается.

— А моей красоты на двоих не хватит? — спрашиваю, скривившись.

Азамат смеется.

— Вряд ли. Это как рваное платье надеть — неважно, как ты выглядишь, все равно неприлично.

— О боже, Азамат, не надо таких сравнений! Этим красавцам до тебя... как до Земли. Тут вот зашел ко мне один, этот, Бозорху.

Азамат поджимает губы.

— И чего он?

— Ну я так поняла, он был в своем репертуаре. Хорошо Ирнчин мимо проходил, спугнул его.

Азамат угрюмо молчит, а я продолжаю разглагольствовать:

— Это ж надо так обнаглеть, приставать к жене своего же капитана. Он тебя вообще, что ли, не уважает? Так хоть за кошелек свой побоялся бы!

— Лиза... — перебивает меня супруг. — Не кипятись. Тебе стоит привыкнуть к тому, что никто не будет принимать твой выбор всерьез. Всем слишком очевидно, что я тебя не заслуживаю.

— Ты еще и защищать его будешь?! — поражаюсь.

— Ну а что я еще должен делать, — разводит руками Азамат. — Он красивее меня, и я не могу ставить ему...

— Вломить ему промеж глаз ты должен! Чтобы неповадно было руки распускать! — взрываюсь я. — Или ты как, собрался позволять всяким придуркам ко мне подкатывать?

Азамат смотрит на меня круглыми глазами.

— Как тебя задело... — говорит он наконец. — Прости, если что не так... Я правильно понял, ты хочешь, чтобы я не позволял другим мужчинам с тобой флиртовать?

— А что, — говорю с такими же круглыми глазами, — тебя это не заботит?

— Как это может меня не заботить? — Он смотрит в сторону. — Конечно, заботит. Просто я не вправе тебя ограничивать...

— Знаешь, дорогой, — говорю неверным голосом, — я не для того за тебя выходила, чтобы потом изменять тебе со всякими молокососами, у которых мозги между ног. Мне очень обидно, что ты обо мне так думаешь.

— Лиза, я... — начинает он и замолкает в поисках слов. — Я так не думаю. Точнее, я вообще об этом не думал еще. Я никогда не был женат и правда не задумывался, как относиться к изменам. Просто привык, что мое мнение в личных вопросах обычно не учитывается. Следить за красивой женой — последнее дело, только ссориться. А уж я-то вообще ничего не могу от тебя требовать.

— А я тебе и не предлагаю требовать от меня. — Я несколько смягчаюсь. Могла бы и догадаться, что это он не меня в подлости подозревает, а себя в несовершенстве, как обычно. — Меня только интересует, чтобы все прочие мужики хорошо понимали, что я не буду с ними спать.

— Спать? — повторяет Азамат.

— Заниматься сексом, — поясняю стальным голосом.

— Ах да, прости, забыл. Хорошо, нет проблем. С Бозорху я поговорю немедленно.

— Уж сделай милость, — соглашаюсь. — А то это уже ни в какие ворота... И предупреди его, что если он снова ко мне полезет, я-то не постесняюсь ему нос сломать.

Азамат кривится, как будто я говорю о каком-то отвратительном сексуальном извращении.

— Лиза, ну пожалуйста. Ты ведь ему всю жизнь искалечишь.

— Вот тогда и прочувствует на своей шкуре все унижения, — беззаботно пожимаю плечами. — А то он, понимаете ли, нормальный, так значит, можно к чужой жене прикалываться.

Азамат, до сих пор слушавший меня с угнетенным видом, внезапно улыбается.

— Знаешь, так странно внезапно находить среди твоих чужих и диких представлений идеи, которые мне созвучны.

Я слегка давлюсь — это мои-то дикие?! С другой стороны, это я знаю, что я из метрополии, а он из какой-то дыры, для него-то, наверное, все строго наоборот...

— У меня похожая ситуация, — говорю. — С той разницей, что вас много.

— Ты молодец. — Он гладит меня по голове. — Я знаю, что ты очень стараешься все делать по-нашему, и понимаю, как это трудно. К сожалению, ребята не всегда об этом задумываются.

— Да мне в принципе достаточно, чтобы ты понимал, — сообщаю ему. — Остальные пусть что хотят, то и думают.

— Слушай, — внезапно спрашивает Азамат, — а как тебе удалось выпить целую фляжку пионовой водки и уйти на своих ногах?

Глава 18

Загадочно ответив Азамату, что это, дескать, секрет фирмы, я отпускаю его разбираться с обидчиком, а сама иду возвращать Эцагану

его швейную машинку, благо у меня теперь есть своя. Он сидит у себя в каюте за бессмысленным занятием: пинками подбрасывает какой-то маленький предмет в воздух. Предмет каждый раз приземляется обратно ему на мысок и снова отправляется вверх. В общем, для этого, безусловно, нужна изрядная тренировка.

— Привет, — радостно говорит Эцаган, не прекращая своего занятия.

— Привет, — говорю. — Я так рада, что ты снова тут, а то прямо не знала, к кому пойти за советом.

— За советом лучше к Алтонгирелу, — отвечает он. — Ой, моя машинка! А я уж и забыл, что вам ее отдал. Вам разве больше не нужно?

Эцаган даже немного огорчается.

— Я себе купила собственную, — говорю. — Хотя эта совершенно прекрасная. И спасибо тебе еще раз за ткань.

— Пожалуйста. — Он пожимает плечами.

Мне кажется, парень как-то меланхолически настроен.

— Тебя опять не выпускают, что ли? — спрашиваю.

— Да нет, выпускают, конечно, я же теперь пассажир.

— А чего ты понурый такой?

— Да не хочу я на Муданг, — вздыхает уныло. — Мне не с чем туда возвращаться. Ничего не сделал, ничего не достиг.

— Да подожди еще, — говорю, — у тебя еще вся жизнь впереди, достигнешь, куда ты денешься.

— Ага, на Муданге достигнешь, как же... Там везде эти джингоши, умхнувш...

Последнее слово, видимо, было ругательством. Надо запомнить. Пока только развожу руками.

— Эцаган, если б я могла тебе чем-то помочь, обязательно бы так и сделала.

Он кивает, принимая мои слова, потом ловит мысками обеих ног свой мячик и потягивается.

— Значит, собираетесь еще много шить?

— Было бы неплохо, — говорю. — Вот просвети меня, если я кому-то кроме Азамата что-нибудь сошью, это как воспримется?

— Ну-у, смотря что... — протягивает Эцаган. — А вы Азамату многошили?

— Нет, пока только рубашку, и еще гизик сплела.

— Это маловато, — строго отвечает Эцаган. — Если сейчас кому-то еще подарки делать начнете, получится, что этот кто-то вам почти так же важен.

— Ой, — говорю, — нет, мне так не надо. Мне надо, чтобы Азамат лидировал с большим отрывом.

— Ну тогда нашейте ему кучу всего, а потом уже можно что-нибудь простенькое остальным.

— Отлично, — говорю, — так и сделаю. Поможешь мне с фасонами?

Эцаган прямо загорается этой идеей.

— С удовольствием! — говорит. — Может, и я шить научусь? Только вот не знаю, хорошо ли это будет выглядеть, если мы станем много времени вместе проводить...

— Надо будет кого-нибудь третьего рядом усадить, — усмехаюсь, — чтобы был свидетель, что мы ничего плохого не делаем.

Эцаган, похоже, принимается всерьез обдумывать мою идею, высказанную исключительно в шутку.

— Да ты что, — говорю, — у нас с тобой десять лет разница, не говоря уже об ориентации.

— Десять лет? — повторяет он недоуменно. — В какую сторону?

— То есть как «в какую»? — ржу. — Мне двадцать восемь.

Он таращится на меня, как будто привидение увидел.

— Вы, земляне, не стареете, что ли? — спрашивает наконец.

— А чего, — говорю, — по-твоему, это так много?

Тут внезапно открывается дверь и входит... правильно, Алтонгирел!

— Ты знаешь, что ей двадцать восемь лет? — тут же спрашивает у него Эцаган, тыча в меня большим пальцем.

Духовник делает кислую рожу.

— Не знаю, но не удивлен. Земляне дольше живут, — потом он поворачивается ко мне. — Это, кстати, хорошо, что ты старше, чем выглядишь, а то Старейшины не любят большую разницу в возрасте. А теперь можно узнать, что ты тут делаешь?

— Так просто зашла... — начинаю я, но Эцаган меня перебивает:

— Мы хотим организовать швейный клуб!

Алтонгирел высоко поднимает брови и пару секунд обдумывает услышанное.

— Только в моем присутствии, — наконец говорит он.

Я кривлюсь.

— Я в твоём присутствии себе пальцы пристрочу, — говорю. — А больше нас некому проконтролировать?

— Только самому Азамату, — пожимает плечами Алтонгирел. — Но у него и другие дела есть, и тем более шить-то ты ему собралась, надо надеяться? Не в его же присутствии.

— А мне ты не доверяешь? — с усмешкой спрашивает Эцаган.

Вот только не хватало мне их посорить...

— Я могу сколько угодно тебе доверять, — отстраненно говорит Алтонгирел, — но Старейшинам глубоко наплевать на это. А мы все заинтересованы в их расположении.

Я тяжело вздыхаю. Господи, неужели когда-то этот вопрос решится и мне не надо будет больше думать о реакции Старейшин, а?

— Ладно, — говорю, — я потерплю.

— Вот и прекрасно, — деловито кивает Алтонгирел. — А теперь марш в игровую, и так вчера ничего не делали.

И уходит. Эцаган бодренько подскакивает и принимается натягивать чулки-сапоги прямо поверх треников.

— Куда он нас послал? — спрашиваю.

— Игры начались, — говорит парень радостно. — После Белого Дня неделю надо играть, чтобы год был счастливым.

— Во что играть? — моргаю.

— Во все, — подробно объясняет Эцаган. — Пойдемте.

* * *

Мы спускаемся уровнем ниже — мой топографический кретинизм не позволил мне даже задуматься, что у корабля есть другие уровни. Там обнаруживается внушительных размеров спортзал, где уже собралась почти вся команда. В команде у нас, как я наконец-то посчитала, пятнадцать человек. Точнее, тринадцать плюс Эцаган и Гонд. Из них я уже хорошо знаю четверых — Алтошу, Тирбиша, Ирнчина и Дорчжи, еще более-менее знакома с тремя — это Хранцицик, Ахамба и Бозорху, будь он неладен, еще двоих знаю по именам — Орвой и Бойонбот, ну и, наконец, есть еще запасной повар, который не представился, пилоты, которые почти не появляются даже

за столом, и длинноволосый парень, который когда-то давно еще на земном звездолете охранял нас на пару с Гондом. А ведь это было всего двенадцать дней назад, подумать только! Парень этот кого-то мне напоминает — ах да, мужа Эсарнай. Интересно, может, братья?

Так вот, в зале присутствуют все, кроме Алтонгирела, Азамата и пилотов. И присутствуют они не просто так. Они играют в бабки. Нет, на полном серьезе, посреди зала выстроены в линию костяшки, и все по очереди по ним швыряют еще одной. Первобытный боулинг, ага.

— О, Лиза! — окликает меня Тирбиш. — Присоединяйтесь?

Меня дважды просить не надо, я уже привязалась к этим косточкам. Мы играем с полчаса, но я так чувствую, это только начало. Тут является Алтонгирел в халате — в смысле парадном халате, хотя и не таком нарядном, как тот, что он надевал на встречу с другими муданжцами.

— Разогрелись? — спрашивает он бодрым голосом. — А теперь давайте в тивик.

Вот есть у нас всякие сказки про гусли-самогуды, от звука которых все вокруг против воли принимаются плясать. Теперь я знаю, как это выглядит. Муданжцы разделяются на две команды, каждый достает какую-то металлическую шайбочку, подбрасывает ее в воздух... и принимается подкидывать то одной ногой, то другой, но не носком, а внутренней стороной лодыжки. В итоге вся шарашка скачет на месте, быстро поочередно задирая то одну, то другую ногу коленом вбок, и все это с ужасно сосредоточенными физиономиями, да еще и считают вслух! Я хохочу, зажимая себе рот, чтобы их не сбить, давлюсь, но даже кашлять не могу, так мне смешно. В итоге Хранцицик меня замечает и сбивается, его шайба падает на пол. Однако игра продолжается. Постепенно игроки один за другим теряют свои фишки, и в итоге остаются только Эцаган и тот парень, похожий на мужа Эсарнай. Они больше не стоят на месте, а кружат вокруг друг друга, глядя не на шайбы, а друг другу в глаза. В какой-то момент Эцаган все-таки дожимает противника, и тот промахивается. Он, впрочем, тут же поднимает свою шайбу и кидает ее Эцагану, который с выражением превосходства на лице ухитряется отбить ее ногой вместе со своей шайбой и продолжает подкидывать уже две. Остальные принимаются улюлюкать, и я невольно присоединяюсь — пожалуй, это и правда круто.

Алтонгирел дает знак прекратить, Эцаган ловит ладонью свои шайбы и отходит в сторону.

— Это никуда не годится, — сурово распекает проигравшую команду Алтонгирел. — Ваше мастерство с прошлого года совершенно не выросло. Эцаган как был лучшим, так и остался, а ведь он был ранен. Что, больше никто не может работать над собой? А?!

В таком духе он ворчит еще некоторое время, хотя, по-моему, все очень здорово попрыгали, у меня вот до сих пор живот болит от смеха. Ребята мрачнеют, и в воздухе начинает попахивать адреналином. Впрочем, когда Алтонгирел объявляет, что следующим номером будет борьба, я понимаю, зачем он всех разозлил. Теперь вместо шайб парни извлекают что-то вроде фехтовальных масок, только очень крупноячеистых. Отхожу к двери на всякий случай и сталкиваюсь там с Азаматом, который как раз входит.

— А-а, — говорит он с довольным видом, — я как раз вовремя.

— Ты пропустил разминку, — говорю я.

— Боюсь, что она мне не понадобится, — вздыхает он. — Вряд ли кто-то из них отважится меня вызвать. Когда в прошлом году нам пришлось на праздники задержаться на Гарнете, корабль был неисправен, вот там были мне противники. А тут все в другой категории. Ирнчин еще когда-то пытался со мной бороться, но ему это надоело.

— Ну ничего, — говорю, беря его под руку. — До Муданга доберемся, там-то найдутся желающие.

— Да-а, летом-то большой будет выбор, когда все съедутся... — кивает Азамат, и я практически могу посмотреть у него в глазах краеведческий фильм по воспоминаниям.

Тем временем Тирбиш бодреньким речитативом в стихах вызывает Бойонбота, а тот немного смущенно откликается, явно путаясь в ритуальных словах. Насколько я понимаю, они сводятся к тому, что я такой крутой хочу помериться силой с тобой таким крутым. Очень позитивно. Пока они кружат друг напротив друга, Алтонгирел затевает бойкую песенку о том, как победа сильнейшего должна благотворно сказаться на достижениях всей нации. Мне просто удивительно, как этот циничный, высокомерный человек может с такой отдачей и совершенно искренне распевать подобную муть.

— Алтонгирел все-таки очень странный, — говорю я Азамату.

Он уже вынырнул из мира грез и внимательно и серьезно следит за происходящим на «арене».

— Мм? — откликается он, видимо не желая отвлекаться. — Он прекрасный проводник воли богов.

А дальше начинается собственно бой. Насколько я могу понять, у борцов задача не столько надавать сопернику, сколько увернуться от его ударов. Во всяком случае, попадают они друг по другу крайне редко и, видимо, не очень больно, зато мечутся как бешеные: прыгают, кувыркаются, изгибаются... Еще у них есть совершенно чумной удар ногой по голове, который, к счастью, еще ни разу ни одному из этой парочки не удался, потому что второй все время подныривает. Время от времени эти удары сыплются подряд с обеих сторон, так что получается и вовсе танец какой-то: пинок-нырок-пинок-нырок, и так в противофазе. Алтонгирел ходит вокруг них почти вплотную, периодически перегораживая нам весь вид своим халатом.

— Бойонбот кой-чему научился, — бормочет Азамат. — Но устает быстро...

В итоге Тирбиш побеждает: сбивает противника с ног. Бойонбот, впрочем, не выглядит расстроенным. Подбегает к Азамату тяжело дыша, на ходу стаскивает маску, улыбка до ушей.

— Видели, сколько я продержался?

— Да, молодец, тебе очень хорошо удается...

Дальше сыплются термины, видимо, названия приемов. Азамат очень подробно разбирает весь раунд, и как он только помнит, кто там что сделал...

Следующим номером Тирбиш довольно быстро укладывает Ахамбу, и тот не подходит к Азамату, а просто присаживается у стены.

— Слишком осторожничать стал, — качает головой Азамат. — Жаль, жаль...

Следующим номером Эцаган выносит Тирбиша, который, как и Бойонбот, совершенно не расстраивается по этому поводу, они даже исполняют какой-то муданжский аналог рукопожатия: сцепляют локти и кружат на месте в знак примирения.

Впрочем, Эцаган в следующий тур не переходит: его после долгой схватки почти на равных побеждает Дорчжи. Ну тут я скорее удивлена, что Эцаган так долго держался, он ведь такой шупленький по сравнению с этим шкафом. Хотя ловкий, конечно.

Дорчжи также вышибает Бозорху и запасного повара, который, кстати, ни фига не зашел за своими таблетками. Надо будет его отловить.

У Гонда сломана рука, он отказывается участвовать, и правильно. Хоть в чем-то парень разумный. Так что Дорчжи сцепляется с Орвоем и проигрывает. Азамат очень сердится, подзывает его и долго отчитывает, что, дескать, расслабился, решил, что самый крутой, и по невнимательности пропустил роковой удар. Дорчжи понуро кивает. Тем временем из следующего поединка выходит победителем неизвестный мне парень, похожий на...

— Кто это? — спрашиваю у Азамата.

— В смысле... как кто? Тебе имя назвать? — лукаво улыбается он.

— В смысле, мне кажется, что он похож на мужа Эсарнай.

— О, ты заметила? Обычно земляне нас вообще друг от дружки не отличают.

— Это как это? — говорю. — Вы же все разные.

Азамат смеется.

— Эндан — брат Экдала, но они поссорились несколько лет тому назад, так что постарайся при нем его не упоминать, обидится.

— А кто из них Эндан, а кто Экдал? — не понимаю я.

Азамат снова хитро улыбается. А, это от меня таким образом скрывают имя. Прекрасно. Остается только покачать головой.

Эндан-Экдал проигрывает Хранцицику (вот уж от кого я не ожидала такой прыти!), и теперь тот вцепляется в Ирнчина не на жизнь, а на смерть. Бой длится минут пятнадцать, всем уже скучно.

— Их надо растаскивать, — говорит Азамат.

Алтонгирел, как раз оказавшийся к нам лицом по ту сторону единоборцев, поднимает вопросительный взгляд на капитана. Тот машет ладонью из стороны в сторону, дескать, разгоняй. Духовник открывает было рот, но тут, изогнувшись, аки змея, Ирнчин каким-то хитрым ударом по лодыжке валит Хранцицика на обе лопатки. Красные и потные, они довольно формально сцепляют локти и расходятся, вставая в круг с прочими борцами. Под руководством Алтонгирела все вместе возносят хвалу богам и обещают приложить по двенадцать раз столько усилий, сколько они вложили в битву, чтобы Муданг процветал.

Когда все расходятся из зала, Алтонгирел приближается к нам.

— Слушай, Азамат, с этими двумя надо что-то делать. Так не может продолжаться, они каждый праздник портят.

Азамат пожимает плечами.

— А что мы-то можем сделать? Вот доберемся до Муданга, может, там что-нибудь разрешится.

— Ну да, жди, — мрачно кивает Алтонгирел.

— А что они не поделили? — спрашиваю.

Алтонгирел фыркает:

— Женщину, что ж еще. Привечает, сучка, обоих, никак не определится. Я уж с ней и так, и эдак...

Мне страшно представить задушевный разговор в исполнении Алтонгирела. А он продолжает развивать мысль:

— Ты бы, кстати, с ней поговорила, когда там будем. Может, тебя послушается.

— А что я ей скажу? Вдруг она и правда выбрать не может. — Не нравится мне эта идея.

— А ты бы сама кого выбрала? — спрашивает Алтонгирел.

— Азамат, — говорю, тыча пальцем в духовника, — это провокация.

Капитан усмехается.

— Да ладно, скажи уж. Нам ведь интересно, как вы, земляне, судите.

— Мы, земляне, и я лично — это очень разные вещи, — говорю сухо. — Если вас уж так волнует этот вопрос, то мне лично больше приятен Ирнчин, хотя бы потому, что он производит впечатление человека, хорошо делающего свое дело.

— Ты все злишься на Хранцицика за Эцагана, — говорит Азамат.

— Конечно, злюсь, — отвечаю. — А чего он лезет туда, где ничего не понимает? Хорошо хоть не навредил.

— М-да, — кривится Алтонгирел. — Это вряд ли будет аргументом для нашей самки.

— Тебе пойдет быть немного добрее, — весело говорит ему Азамат.

Духовник кривится еще сильнее.

— Чем советовать, лучше бы поразмялся. Я что-то вообще не помню, когда ты тут был в последний раз.

— Недели две не был, — припоминает Азамат, снимая куртку и извлекая из ее кармана кожаные перчатки.

Алтонгирел вытряхивается из халата, глядит на меня пустым взглядом.

— Смотреть будешь? — спрашивает наконец.

— Если никто не против... — говорю. Мало ли, может, он меня стесняется.

— Смотри-смотри, — усмехается. — И пусть твоими глазами боги смотрят. — С этими словами он поводит рукой у меня перед лицом, очень близко, а потом разворачивается и отходит в ту часть зала, где шли поединки. Азамат уже там, в маске и перчатках. Они, я так понимаю, нужны, чтобы противнику было не противно. Ну или богам...

Азамат и Алтонгирел сходятся беззвучно, спокойно, медленно переступая. А потом вдруг вместо людей я вижу только вихри, мелькающие настолько быстро и ритмично, что у меня в глазах вырисовывается фрактал, а в воздухе стоит тоненький свист и тихое шарканье ног по полу.

Так же внезапно снова возникает картинка: Алтонгирел врезается спиной в стену, Азамат конденсируется из воздуха сбоку от него, лицом ко мне. Одной рукой он придерживает свою косу.

— Сильно ушиб? — спрашивает.

— Нет, ничего, — отвечает духовник, отлипая от стены и переводя дыхание. — Я, правда, привык, что ты волосы убираешь, а не используешь в качестве дополнительной конечности.

Он потирает грудь по диагонали — видимо, как раз так пришлась коса.

— Знаю, что привык, — отвечает Азамат насмешливо. — Отвыкай. Ты ведь хочешь совершенствоваться?

Алтонгирел кивает, и схватка возобновляется. То ли они устали, то ли мои глаза привыкли к скорости движения, но теперь я иногда вижу отдельно мелькающие конечности и лица или хотя бы два более-менее цельных пятна вместо разрозненных мазков.

Второй раунд заканчивается еще быстрее, Алтонгирел прокатывается несколько метров по полу, медленно садится и тяжело дышит. Азамат тоже немного запыхался. Подходит к духовнику, присаживается на корточки.

— Все, — хрипло говорит тот. — Хватит на сегодня.

— Тебе надо поработать над обзором, — советует Азамат. — Ты не видишь меня, когда разворачиваешься.

— А как, как?! — восклицает духовник, с трудом вставая на ноги.

— Головой надо быстрее крутить, — смеется Азамат и дальше объясняет что-то еще, чего я не понимаю, а потом переходит к наглядной демонстрации: разворачивается на месте, да так быстро, что я как будто вижу его сразу со всех сторон.

Алтонгирел поджимает губы с видом упертой решимости. Он этот прием победит...

Я слегка встряхиваюсь, чтобы прогнать застрявшие в сетчатке призраки движений, и мужчины меня замечают.

— Насладилась? — спрашивает Алтонгирел, и я киваю, поскольку обнаруживаю, что где-то забыла голос.

— Круто, — выдавливаю наконец. — Невероятно здорово.

Слов у меня в голове непростительно мало, но офонаревший вид, похоже, их компенсирует. Азамат довольно улыбается:

— Тебе бы на настоящий бой посмотреть... Это-то так, урок.

— Боюсь, что настоящего боя я просто не увижу, — говорю. — Я и этот-то еле-еле...

Они оба смеются. Кажется, это первый раз, когда у Азамата и Алтонгирела одновременно хорошее настроение.

Мы идем наверх, причем Азамат несколько хозяйским жестом притягивает меня поближе, и я обхватываю его вокруг пояса одной рукой. Только сейчас, практически уткнувшись ему под мышку, замечаю, что вот этот сладковатый травянистый запах — это на самом деле запах пота, а вовсе не какого-нибудь талька, как я сначала думала, когда еще вся команда скакала с шайбочками. Алтонгирел вон мокрый весь, а пахнет чем-то вроде сена.

* * *

Ужин Азамат, как и обещал, готовит сам. Не всем, конечно, а только на нас двоих. Это оказываются большие и плоские кунжутные лепешки, в которые завернут маринованный салат, грибы или ореховая паста. Мы обедаем так, что потом еще час не можем встать из-за стола, только сидим, хлещем чай и ржем до слез и икоты, как пьяные. Алтонгирел пытается строить нам укоризненные рожи, но мы это встречаем только свежим взрывом здорового смеха, так что духовник

решает сделать вид, что с нами незнаком. Не знаю уж, сколько блюд может изобразить мой дорогой супруг, но, если даже ничего, кроме этого, я все равно согласна считать его великим кулинаром, о чем ему с большим удовольствием и сообщаю. Он не остается в долгу и говорит мне, что я готовлю лучше, чем любая женщина, чью стряпню он пробовал. Таким образом наш разговор превращается в состязание на комплиментах, и вот тут уже Алтоша начинает смотреть на нас благосклонно. В итоге мы осыпаем друг друга ворохами добрых слов. Среди прочего я узнаю о себе, что бессмертна, ибо непременно попаду в самые популярные сказания и песни, а именем моей матери назовут звезду. В свою очередь я как человек по определению приземленный сообщаю Азамату, что он фантастически красив и любое государство должно было бы гордиться, если бы он соизволил его возглавить. Соревнование затухает естественным образом, потому что мы так хохочем, что не можем вымолвить ни слова. Если Алтонгирел и счел кого-то победителем, до нашего сознания он это не донес.

Ближе к ночи народ расплзается по каютам, все такие довольные, а нам-то спать нельзя, хотя устали мы оба на совесть. Кстати, совесть моя напоминает о своем существовании тем, что я нагоняю в коридоре моего прыщавого пациента, вставляю ему гормональные таблетки и напоминаю намазать лицо. После этого возвращаюсь на кухню, где Азамат все еще сидит за пустым столом, не иначе ждет меня.

— Что делать собираешься? — спрашиваю.

— Да надо бы ванну устроить, — говорит он. — В моцог обязательно нужно хорошо вымыться, отмокнуть. Только ванна на корабле одна, придется нам по очереди...

— Зачем? — удивляюсь я. — Можем и вместе.

Азамат несколько секунд переваривает это предложение.

— Это у вас тоже на Земле так принято? — говорит наконец.

— Ну не поголовно, но и ничего невероятного, — отвечаю.

Он, конечно, еще немножко сопротивляется, но сдается. Правда, ванна после такого обильного ужина противопоказана, так что сперва мы решаем заняться чем-нибудь еще, например, мирно поиграть в шахматы у себя в совмещенной каюте.

Шахматы у них тоже не как у людей — огромные, и фигуры так выглядят, что я очень быстро проигрываю, потому что запутываюсь в них напрочь. Что ладья — это телега с лошадьми, я еще уяснить могу.

Но вот кто из этих милых зверюшек — ферзь, а кто слон... нет, увольте, это надо на свежую голову. В итоге я просто сижу и рассматриваю фигурки, они все очень тонко и правдоподобно вырезаны.

— Пешек мой брат делал, — говорит Азамат, — а старшие фигуры я. Он тогда еще совсем мальчишкой был, не все мог.

— Так это ты делал? — спрашиваю, рассматривая фигурку императора со сложной прической, облаченного в пестрые одежды — причем пестрота видна даже на некрашеном дереве. — У тебя просто золотые руки!

— Да ну что ты, это так, поделка. Ты просто не видела, что делают настоящие мастера.

— А у тебя есть еще эти... поделки? — спрашиваю, сглатывая слюнки. Ох как я хочу на это посмотре-эть...

— Да есть, конечно, — говорит. — Это же знаешь, как... ты в свободное время вяжешь, а мы вот фигурки режем всякие.

Он вынимает из шкафа внушительных размеров коробку и слегка ее встряхивает для звука — там гремит и шуршит. Ну-ка, ну-ка.

Боже, чего там только нет! Звездолеты, люди, звери, утварь, оружие, машины, дома, деревья, листья, компьютеры, телефоны и прочая техника, букеты, книги, мебель, лампы, мягкие игрушки, одежда и обувь, головы с разными прическами и даже статуя Свободы — все не больше маникюрных ножниц. Это уже какой-то следующий шаг после «что вижу, о том пою».

— Ва-а-ау, — только и могу сказать я.

— Можешь взять все, что нравится, — усмехается он. — Или ничего не бери, а я специально что-нибудь вырежу именно для тебя.

— Спасибо, — говорю, не выбирая из предложенных вариантов. Что же мне напоминает это обилие?... Ах да, те игрушки, которые мне подарил тот дядя, когда я в десять лет увела у джингошей наш корабль... Тоже был муданжец, что ли?..

Я открываю рот сказать об этом Азамату, но он уже достал вторую коробку поменьше, а та-ам... там фигурки всех членов команды. Первым делом выхватываю Алтонгирела:

— Да-а-а, у него именно такая рожа!!! — радостно воплю я, забыв все и вся.

Азамат посмеивается.

— Он колоритный, его легко похожим сделать, — говорит. — Ты вот на Дорчжи посмотри.

Про Дорчжи мне тут же становится все понятно: натуральный такой деревенский парень, здоровый как бык и такой же непосредственный.

Я угораю над застенчивым Бойонботом, хозяйственным Тирбишем, неразличимыми и вечно помятыми пилотами. Азамат с удовольствием наблюдает, как меня скрючивает от хохота. Когда команда кончается, вижу на дне коробки еще одну фигуру и удивляюсь: неужели и себя изобразил? Но все оказывается веселее. Это я.

Азамат в последний момент пытается выхватить у меня фигурку, тараторя, что она-де не доделана еще, но я очень хочу посмотреть. Боже, какая я красивая. Правда, мне казалось, я поуже в бедрах, но это несущественно.

— Штаны твои у меня не вышли, — оправдывается Азамат. — Я сделаю другую, если хочешь...

— А мне эта нравится, — говорю. — Давай ты лучше ее разденешь, а я ей из тряпки платье сошью?

— Такое маленькое платье?

— Ну да, а чего, я в детстве на кукол шила...

— Хм... — Азамат озадачивается новой идеей настолько, что забывает смущаться. — Так это можно всех их одеть. Тем более я там с одеждой особенно не старался... были бы пестренькие.

— Так и сделаем, — решительно говорю я. — Только сначала мыться.

* * *

В ванне мы дружно фантазируем, кого во что нарядить с учетом имеющихся у меня материалов. Под это дело я успеваю обработать дорогого супруга гелем со шлифующим действием. Воспаление на груди почти сошло, там теперь тоже можно массировать. А еще я запускаю руки в Азаматовы волосы, и он так расслабляется, что едва не засыпает.

* * *

Утро застает нас в холле, тщательно переплетенными на диване перед столиком, уставленным фигурками в пестрой одежке. Азамат

только что закончил вырезать фигурку себя, а я вознамерилась сшить на нее красный свитер.

— Ну куда мне красный свитер, Ли-иза, — канючит он. — Ну неприлично...

— А красный звездолет — прилично?

— Ну то все-таки звездолет, а это одежда.

— А если б моя мама тебе связала, стал бы носить?

— Конечно, если подарок...

— Вот, так и считай. — Я неумолимо втыкаю иголку в шерстяной лоскуток.

— Лиза, но это же игрушка, ее надо одевать типично...

— Моя игрушка, — заявляю, выхватывая у него фигурку. — Как хочу, так и одеваю!

Он принимается хохотать, а я отворачиваюсь и вижу в дверях сонного Алтонгирела с высоко задранными бровями. И то сказать, достойное зрелище: я лежу поверх Азамата, сплетясь с ним ногами, его волосы развешены по всей спинке дивана и подлокотнику, и мы через мою голову тянем друг у друга деревянную фигурку. Меня на мгновение ослепляет вспышка фотоаппарата.

— Алтонгирел, ну какого рожна! — немедленно раздражается Азамат.

— Да так, — криво улыбается духовник. — Когда еще такое безумие увидишь? Пускай остается для истории.

Азамат порывается встать, чтобы отобрать у Алтонгирела мобильник, но я же сверху...

— Терпи, — говорю, — и привыкай. А то моей матушке одной фотографии мало, она скоро еще попросит, а лучше видео.

Азамат что-то невнятно бухтит, а Алтонгирел слегка настораживается:

— Ты показала своей матери его фотографию?

— Конечно, — пожимаю плечами.

— Зачем?

— А как же? Должна же она видеть, кого в семью принимает.

Алтонгирел хлопает глазами, и я слышу у себя над головой пояснения Азамата:

— У них родственники больше лезут в дела друг друга, чем у нас.

— А-а, — кивает Алтонгирел. — И что сказала твоя мать?

А я прям помню, что она там сказала... ах да.

— Спросила, какой национальности и правда ли, что такой высокий.

— И все? — подозрительно уточняет Алтонгирел.

— Ты, конечно, не поверишь, — хмыкаю я, садясь, — но да, все.

Он, конечно, не верит, но тему оставляет.

— Вам можно есть мясо, только не налегайте особенно, не больше обычного. А спать не раньше шести вечера, чтобы не компенсировать. Это ясно?

Мы киваем, после чего Алтоша продолжает свой путь. Азамат вывинчивается из-под меня и пытается его перехватить, но я повисаю у него на руке:

— Оставь фотку в покое! — говорю. — Алтонгирел, пришли мне ее побыстрее!

Алтонгирел мерзко хихикает и скоренько убирается из холла, а Азамат смотрит на меня исподлобья, но вроде бы не очень сердится.

* * *

Когда я дохожу до бука, туда уже просится пакет от духовника, присланный по сетке. На снимке Азамат получился довольно хорошо, да и все эти волосы его... вот я вышла похуже, собственно, одни ноздри видно. Но все равно посылаю картинку родичам, пусть повеселятся.

Маменька отвечает почти тут же — видимо, засиделась над корректурой какого-нибудь садового каталога, это с ней зимой на каждом шагу бывает, на улице ведь работы нет, а домашним растениям все равно, в какое время суток она с ними будет возиться.

Ого, да тебя в него можно три раза завернуть! Знаешь, я тут видела в магазине кулинарную книгу с пропорциями для очень большой семьи, вот тебе такую надо купить.

А что это у вас там за куколочки такие? А мне можно?

Так ты теперь к нему на этот его мудлак полетишь? А там почта ходит? Давай наснимай там растительности, наверняка есть какие-нибудь новые формы, может, удастся что-нибудь вывезти интересенькое...

В стенку стучится Азамат — ого, да у него и там, как на двери, сенсорный звонок установлен? Жму на кнопку в ящике, продолжаю набивать ответ маме.

— Матушка просит куколку твоего изготовления, — говорю.

— Обязательно, — легко соглашается он. — А у нее есть какие-нибудь любимые птицы или звери?

— У нее любимые растения, — говорю. — Но лучше сделай куклу, чтобы наряжать можно было.

Азамат задумывается.

— А как она выглядит?

— Мама?

— Да.

— Ну примерно как я, плюс двадцать килограмм и очки.

— Очки? — удивляется он. — Неужели у вас на Земле не умеют лечить зрение?

— Умеют, — говорю, — но это надо денег заплатить, в больницу лечь... а ей лень. Тем более жить ей это не сильно мешает, и вообще ей нравится, что в очках глаза кажутся больше.

Пока я говорю, а Азамат качает головой, переваривая информацию, просматриваю мамин дневник в поисках фотки попримличнее — то есть без лопаты или мотыги, а то с этими муданжскими представлениями о работающих женщинах Азамат меня совсем зажалает. Наконец нахожу.

— Во, — зову его, — гляди.

Он подходит и склоняется над буком, устилая мне весь стол волосами. Долго с интересом изучает снимок, на котором матушка гордо помещена посреди собственного цветущего сада и прижимает к обильной груди не менее внушительный букет в сине-сиреневой гамме. Одета она в дачную майку такой ядерной расцветки, которая сделала бы честь любой муданжской национальной одежке. Волосы чуток подлиннее моих, но такие же желтые и пушистые, забраны назад леопардовым хайратником. Выражение лица — просто Наполеон на троне.

— Она очень красивая, — наконец говорит Азамат, я не удерживаюсь и фыркаю. Он продолжает: — И такая молодая... Тебе, наверное, совсем мало лет...

— Двадцать восемь, — бурчу я.

На меня смотрят округлившимися глазами.

— Во сколько же она тебя родила?

— В тридцать два.

Глаза округляются еще больше. Скоро европеоидом станет.

— Дарлинг, — говорю, — у вас на Муданге в году сколько дней?

— Шестьсот пятьдесят семь...

— А у нас почти вдвое меньше.

Он долго смотрит на меня, не моргая.

— Погоди, — говорит, — правильно... вы ведь живете по космическому времени и на планете тоже... так вы в два раза чаще возраст отмечаете, вот в чем дело! Боги, я даже никогда не задумывался об этом! Вроде как год — он и на Земле год.

Я покатываюсь, а потом призадумываюсь.

— Сколько же тебе по земному счету получается?.. Около шестидесяти?

— Поменьше немного, — щурится он. — Я и в юности много летал, а в космосе мы считаем годы по Земле. А ты, значит, по-нашему только-только совершеннолетняя, как я и думал.

— А сколько вы живете? — спрашиваю с некоторой опаской.

— Ну как, в сорок лет уже в Старейшины приглашают, а там еще лет десять — пятнадцать. Отец вон за семьдесят перевалил, но это большая редкость.

— Да уж, — говорю, — дерьмо не тонет.

— А что твоя матушка пишет? — Азамат быстро переводит тему.

Чего это он, не нравится, что я его папашу поношу? Ладно, психоанализ оставим на другой раз, когда голова не такая дурная будет. Спать-то вроде бы уже не хочу, но этого одного мало, чтобы хорошо соображать.

Перевожу ему мамино письмо, он долго хохочет над кулинарной книгой.

— У вас и правда, что ли, женщины готовят? — спрашивает. — Но ведь это тяжелая работа: овцу зарезать, ошкурить, нарубить...

— Солнце мое, — говорю, — на Земле ты овцу нигде не найдешь. Найдешь ты в магазине кусок неизвестно чьего мяса размером в два кулака, без кости и жил, а жир отдельно в баночке. Да и то это еще поискать надо, а в большинстве случаев оно уже со специями, в панировке и полуготовое.

— М-да, — задумчиво мычит Азамат. — Это, наверное, удобно...

Но по лицу вижу, что в гробу он видал такое удобство.

Потом я еще долго объясняю, кто такие ландшафтные дизайнеры и зачем они существуют в природе, а также что это уважаемая профессия, хотя и сопровождается копанием в земле, но нет, не волнуйся, на тяжелых работах пользуются рабочими или техникой. Мама, правда, и сама здорова вскопать поле-другое под вдохновение, но Азамату об этом знать незачем.

За завтраком мы чинно кушаем рыбный супчик с лапшой, а потом за разными бессмысленными занятиями коротаем день. Азамат вырезает очень похожую маму, и я под его чутким руководством изображаю для нее национальный костюм. Мы решаем, что ее надо одевать как замужнюю, потому что с двумя детьми девкой ходить неприлично, так что помимо кофты и юбки мне приходится шить некое подобие фартука, пальто, как было на Эсарнай, и сложный головной убор — тут не обходится без клея.

Водружаю получившуюся красоту на полку, чтобы отойти и полюбоваться на расстоянии. Чудо. Рядом у Азамата на стенке висит картинка — я ее раньше за полками не замечала. Какая-то пестрая мазня в рамочке, ничего не разберешь, разве что местами наводит на мысль о мышах и дискотеке. Странно, обычно примитивная живопись, наоборот, однотонная, но с человечками, зверюшками там... хотя, может, я не осознаю их видение мира.

— Твой земляк, — внезапно говорит Азамат.

— Кто? — не понимаю я.

Он кивает на картинку.

— Художник.

Я решаю, что мне это уже снится, но на всякий случай подхожу поближе, прибавляю свет и вижу внизу под репродукцией подпись: «Базили Кандински, композиция № 6».

— Разве нет? — переспрашивает Азамат, заметив мой офигевший вид.

— По идее да... — задумываюсь. — Знаешь... я, э-э-э, не знаток искусства, честно говоря...

— Да, понимаю, у тебя другое образование, — легко соглашается он.

— А-а... — начинаю я и замолкаю, не зная, как спросить, за каким рожном он держит у себя на стенке эту бессмысленную мазню. Еще обидится или расстроится, что я так плохо знаю свою культуру. —

Хочу сказать... он ведь довольно специфический художник... Тебя чем-то привлекло именно это произведение?

— Я очень люблю музыку, — следует ответ. — И меня поражает, как вам, землянам, удается ее рисовать.

Решительно прекращаю этот разговор: он явно не для моего слабого ума.

* * *

Наконец наступают долгожданные шесть часов дня, можно валить спать. Как это прекрасно, когда от места работы до койки всего одна переборка. Правда, только мы собираемся укладываться, припирается Алтонгирел, которого Азамат пускает в нашу сдвоенную каюту, дескать, он же знает про переборки, чего ж скрывать. Придется потом провести с дорогим супругом поучительную беседу о том, что я вовсе не жажду пускать Алтошу к себе лишний раз.

Он застывает на пороге, и когда Азамат с пульта закрывает за ним дверь, этой дверью его подталкивает внутрь.

— Очень интересно, — говорит, оглядывая наше обобщенное пространство. — Кому из вас стало тесно?

Азамат начинает объяснять, что у нас так принято, но Алтонгирел быстро его обрывает какой-то едкой фразой по-муданжски, в которой мне мерещится что-то про подкаблучников.

— И чтобы до полуночи никакого секса, — строго завершает монолог духовник уже на всеобщем.

Я показываю ему язык, а Азамат только хмуро кивает и разделяет каюты. Какой же он все-таки послушный, жуть просто. Только бы Старейшины нас одобрили...

* * *

Просыпаюсь, чуть не падая с кровати. Немного придя в сознание, понимаю, что позвонил телефон, и я пыталась его схватить, но спросонок промахнулась мимо тумбочки и чуть не ухнула по инерции вниз. Наконец мне удается сграбастать изворотливое устройство и нажать на нем нужную кнопку.

— Да!

— Лиза, — там Азамат, — нужна твоя помощь на мостике, пилота дернуло током, он без сознания.

— Ща! — ору я сиплым голосом, подрываюсь в «кабинет», хватаю аптечку для первой помощи и скатанные рулоном носилки,

мчусь на капитанский мостик.

Когда я туда прибегаю в пижаме и тапочках, пострадавший уже успевает очнуться. Лежит на полу около пультов, скулит тихонечко.

— Ток убрали? — спрашиваю.

— Естественно, — едко отвечает второй пилот. Смотрю — пульт дымится. Да никак у них тут рвануло что-то. Осматриваю первым делом руки — так и есть, входной ожог на пальцах, а выходной обнаруживается на ступнях. Дышит нормально, пульс более-менее.

— Больно?

— Мгм, — кивает.

Пока я его обезболиваю да заклеиваю ожоги, начинаю постепенно врубаться в происходящее. Азамат тут же, полностью одетый — толком поспать не дали, гады. Стоит «у руля», отдает короткие команды второму пилоту. На экранах... джингошские корабли.

— Как он? — бросает Азамат, не оборачиваясь.

— Все нормально, но ему придется пару дней полежать.

Капитан согласно мычит.

— Я позову кого-нибудь, чтобы его унесли, — говорю.

— Гонда с Эцаганом, — быстро отвечает он. — Остальные заняты.

Оба парня обнаруживаются в своих каютах мирно спящими. Беспощадно их бужу и отправляю на мостик.

— Я бы и один его унес, — ворчит Эцаган.

— Мне надо, чтобы он лежал во всю длину и немного головой вниз. Так что понесете на носилках как миленькие.

Пока я собираю раскладные боковые палки, ситуация за бортом развивается.

— Капитан, они окружают.

— Знаю, — рычит Азамат сквозь зубы, ожесточенно химича над сенсорной панелью. — Смотри, кто помедленней, Хранцицик на орудиях.

Пару секунд длится тишина, Эцаган с Гондом настороженно оглядываются. Боже мой, вот только космического сражения нам сейчас не хватало!

— Вижу брешь! — радостно выкрикивает пилот.

Чувствую совсем небольшой толчок, и мы резко меняем ориентацию в пространстве. Чего я вообще смотрю на экраны, у меня тут свое дело... Внезапно Эцаган и второй пилот хором выкрикивают:

— Капитан, там...

— Это туннель!

Мне кажется, я слышу, как Азамат скрипит зубами, но от клавиш он не отрывается.

— Значит, в туннель.

— Но это же явно ловушка!

— Посмотрим.

И мы всасываемся в туннель.

Донести пострадавшего до моего кабинета оказывается гораздо труднее, чем ожидалось: на сей раз нас изрядно швыряет. Ребята оба бледные, а пилот все просится обратно на мостик, хотя у него практически не работает левая рука.

— Что у вас там случилось? — спрашиваю, чтобы отвлечь его. — Неисправность какая-то?

Из его сбивчивого и не очень грамотного ответа понимаю, что виноват все тот же хакер, который уже один раз вмешивался в управление кораблем. Что-то он где-то там замкнул в пульте, не знаю уж как, или это я все не так поняла, но факт тот, что Азамат сейчас от него отбивается, ни на секунду отвлечься не может, а второй пилот в это время пытается рулить.

Тут нас подбрасывает особенно сильно, и он прикусывает язык.

* * *

Пару часов тянется мучительное ожидание. Я прибавляю в медкаюте температуру, чтобы пациент не мерз, закатываю ему капельницу, чтобы рука побыстрее восстанавливалась, и сижу, жду. Переделась в уличное. Укачивает. Страшно.

Откровенно бояться я себе запрещаю — в конце концов, у меня нет причин не доверять Азамату наше спасение, а если я тут сейчас истерику раскатаю, это только добавит всем проблем. Так что я сижу за буком, тупо листая форумы с национальными узорами разных народов, и скачиваю себе все подряд. Хочется пить, но с недосыпа и перепугу очень не хочется двигаться. Вот если пациент попросит, заодно и себе налью.

Пациент скоро засыпает — реакция на обезболивающее. Я брала знакомую фирму, а она в основном специализируется на стоматологических препаратах, но и для травм они замечательно подходят. Там удобно сделано обезболивающее, совмещено с успокоительным, чтобы пациент не боялся. Прихватываю его нетуго смирительными поясами, дабы не свалился.

Пить все-таки хочется, тем более что в каюте жарко. Решаю доковылять до кухни, держась за стеночку. Там, конечно, никто ничего не готовил, а ведь время завтрака уже прошло. Ну у меня-то мои йогурты есть... При виде еды понимаю, что голодная как собака. А вот Азамат там бедный пашет, тоже ведь со вчерашних шести вечера ни крошки не ел.

При обыске кладовой обнаруживаю несколько палок сырокопченого мяса, гроздью висящих на стене. Пробую на всякий случай — жуется довольно легко, соленькое такое. Нас снова подбрасывает, меня слегка прищемляет дверью. Ничего, переживем. С некоторым трудом над раковиной нацеживаю в чистую бутылку молока из большой коробки, закрываю крышкой и ползу на мостик.

Тут кроме Азамата и пилота топчутся Ирнчин и деверь Эсарнай. Все в мыле, глаза безумные, на экранах такое, что меня мутит от одного взгляда — все крутится, несется, извивается... бе-э-э. И они в этом еще умудряются лавировать. Азамат переместился за манипуляторы — надо думать, хакер отстал — все лицо в поту, то и дело пытается рукавом вытереть, а то глаза застилает. Хорошо, у меня всегда с собой платочки. Протираю ему физиономию аккуратно, чтобы обзор не перекрыть.

— Лиза? — выдыхает он, с остервенением выкручивая манипулятор.

— Я, я, — говорю.

— Сейчас мы выйдем... — бормочет он, — из узкой части... станет полегче...

— Да ты не отвлекайся, — отвечаю. — Я в тебя и так верю.

Он не улыбается, но лицо его немного светлеет. Присаживаюсь у стеночки — кормить его в таком режиме совершенно невозможно, придется подождать.

Минут через десять и правда становится полегче: теперь истерическое вихляние в пространстве продолжается не все время, а с

перерывами в пару минут.

— А, Лиза, ты еще тут? — замечает меня дорогой супруг. — Что-то нужно?

— На, — говорю, — жуй, пока есть возможность.

— Ой, да ладно, я бы перебился, пока...

— А ну быстро.

Перебиться-то он, может, и перебился бы, но уминает всю палку в три укуса. В чем-то все-таки мама была права...

Остальные трое поглядывают на капитана с завистью, обещаюсь принести еще еды на всех. Тут у них снова начинается опасный участок, и я уползаю, придерживаясь за стенку.

Копченость идет на ура, к тому же теперь меня еще отдельно ценят как сотрудника, не занятого в управлении кораблем и в его обороне непосредственно и оттого свободно бегущего по звездолету. В итоге приходится всех обносить.

* * *

Фотографии муданжских пейзажей в иллюминаторах начинают меняться на вечерние, когда Азамат наконец-то выпадает с мостика.

— Все, — говорит он счастливо, потирая уставшую шею. — Мы выбрались. Эти сволочи думали, что мы там разобьемся, преследовать даже не пытались.

— Вот идиоты, — отвечаю радостно. Оказывается, все это время я очень-очень боялась, но понимаю это теперь только по чувству облегчения. — Как будто не знают, что ты у меня непобедимый!

Он хохочет, я заставляю его наклониться, и мы долго и душевно целуемся посреди холла. Он пахнет молоком и мясом, и ему абсолютно все равно, что на нас смотрит полкоманды. Сегодня можно, заслужил. Моя одежда пропитывается его потом, и я прижимаюсь плотнее, потому что хочу перенять его запах заодно с силой и удачей. Мой отважный рыцарь, муж мой.

Все-таки приходится разлепиться, жизнь-то не стоит на месте. Мы тащимся мыться, усталые и счастливые, с чувством, что все дела в кои-то веки доведены до конца и ничто не висит над душой. Можно просто получать удовольствие от жизни. Оккупируем ванну второй раз за сутки, и я устраиваю Азамату подробный массаж всего тела, чтобы прогнать даже само воспоминание о каких-то неурядицах. Мы много, долго, вдумчиво целуемся, а потом занимаемся любовью, вспенивая

воду и нарочно поднимая фонтаны брызг — этакая оргия жизни после спасения.

Наконец мы вытаскиваем свои промокшие насквозь тела на берег, кутаем их в теплые халаты и перекантовываем в спальню, где позволяем им рухнуть в произвольных положениях на сдвоенную кровать. Сегодня никакой чумной духовник нам не указ.

— Где мы теперь? — спрашиваю в полусне.

— В кровати, думаю, — бормочет Азамат не более осмысленно.

— Не-эт! — хохочу. — В какой галактике?

— А-а, так в Водовороте. Этот туннель выводит почти к самому Мудангу, завтра вечером уже причалим.

— Ого! — просыпаюсь я. — То есть получается, мы срезали путь?

— Ну да, получилось, как в той сказке... эти кусты — мой дом родной.

Мы снова смеемся, потому что сейчас все вызывает только смех. Азамат жмет что-то на пульте, и из потолка, в который ушла стенка, выдвигается на ножке экран-иллюминатор, в котором видна система со звездой и несколькими планетами. Азамат увеличивает одну из дальних, приближает ее к нам. Она вся равномерно синяя, маленькая такая и похожа на стеклянные шарики для аквариумов.

— А где суша? — спрашиваю.

— Сейчас на другой стороне, — говорит Азамат странным ласковым голосом, как будто о маленьком ребенке. — Днем увидишь.

Я закрываю глаза и жду дня.

Глава 19

Утром мы оба нервничаем и оба это тщательно скрываем. Не знаю, как у меня, а у Азамата получается плохо. Пялится в иллюминатор пустым взглядом, зубы чистит минут двадцать, наверное, да еще и личное пространство у него вдруг некстати увеличивается: обниматься мы не хотим, мазаться тоже, и вообще, давай опустим стенку, переодеться надо. Ну необмазанным он от меня не уходит, и так вчера пропустили, хотя в ванне я, конечно, его всякими гелями полила, но это не то же самое. И все-таки, как только я заканчиваю втирание, он мгновенно закрывается у себя, не успеваю и глазом моргнуть. Прекрасно. Самое то, что нужно, ага.

Что ж, мне ничего другого не остается, как брести на завтрак в гордом одиночестве. К счастью, никто не обращает внимания на мою

кислую рожу, поскольку все увлечены мыслью, что вечером уже будем дома. Никто — кроме, конечно, Алтонгирела.

— Дай угадаю, — говорит он с мрачным ехидством, когда я падаю напротив, — закрылся и никого видеть не хочет?

Я даже не отвечаю, только строю рожи. Надо думать, это типичная реакция на стресс. Ладно, кому что. Я на нервах вышиваю, Сашка покупает бытовую технику, Кирилл зачем-то во всех комнатах свет включал и ругался, если я выключала... ну а Азамату, значит, одному надо побыть.

— Ладно, — отмахивается Алтонгирел, — это максимум до обеда. Потом надо будет собираться, и его все равно задержают.

Киваю, в принципе я так и думала, что долго ему там не просидеть. Набираюсь духу и говорю Алтонгирелу:

— Нам вообще с тобой поболтать бы.

— О чем? — пожимает он плечами.

— О том. Я так понимаю, все будет сегодня?

Он кивает, чешет подбородок. Потом снова пожимает плечами, даже два раза подряд.

— Ладно, приходи после еды, поболтаем, если тебе это от волнения помогает.

Закатываю глаза — ну почему ему вечно нужно выставить меня ипохондричкой? Его что, в детстве какая-то женщина обидела, что он теперь нас всех так люто ненавидит? Однако после завтрака послушно плетусь за ним.

— Я, собственно, не знаю, о чем с тобой говорить, — сообщает он, зайдя в каюту и закрыв за мной дверь. — Азамат тебе нужен, это я понял. Ты ему — тем более, это и джингошу ясно. Девка ты в принципе неплохая, хотя и с закидонами, но совесть есть, еще бы пользоваться научилась... Именем ему опять же подходишь. Плохо, конечно, что ты командовать любишь, а Азамат слишком послушный. Надо тебе помирнее стать, хотя бы задачу такую перед собой поставить. А дальше уж — что боги решат.

— Это, конечно, прекрасно, — говорю, — что я так завидно выгляжу в твоём описании, но мне-то интереснее, как проходит церемония. Где это будет? Сколько соберется народу? Сидя, стоя? Что надо будет делать?

Алтонгирел делает такое лицо, как будто ему вместо старших курсов вуза предложили преподать в дебильном интернате.

— Это будет в Доме Старейшин в Ахмадхоте. Старейшины соберутся все, то есть восемнадцать человек. Еще я, ты и Азамат. Будем сидеть на циновках, и не вздумай вскакивать, это невежливо. А делать надо будет, что Старейшины велют.

— Ну хоть примерно? Там же, наверное, каждый раз более-менее одно и то же?

— С чего ты взяла? — поднимает бровь Алтонгирел. — Азамат, мягко говоря, необычный человек, а ты-то уж и подавно. Нет, дорогая, у вас будет полный эксклюзив, и даже если я и знаю некоторые элементы, тебе о них рассказывать не стану, ты инопланетянка — так и должна оставаться в неведении.

— Неужели ты совсем не хочешь нам помочь? — вздыхаю я.

— Я могу хотеть чего угодно, но не собираюсь подделывать волю богов. Если им ваш брак на руку, то все у вас пройдет гладенько, а если нет, то не склеится, как ни мухлюй.

М-да, толку от него не добьешься. Ну ладно, чему быть, тому не миновать, хоть оно дерись. Так я ему и дала миновать, ага.

— Эй, Лиза, — окликает меня Алтонгирел с опаской, — не вздумай угрожать Старейшинам. Боги любят смиренных, набей себе это в трубку и скури.

На этом он меня выставляет за дверь, а я еще долго размышляю, правда ли во всеобщем есть такая пословица или это калька с муданжского.

* * *

Вышивания у меня нет, так что я сажусь за вязанье, врубив по буку бесконечный мистико-детективный сериал. Какая-то у меня жуткая невезуха на свадьбы: одна вообще не состоялась — Кирилл сделал предложение, а через месяц его не стало; вторая — силком, третья вот... нервотрепка сплошная.

К счастью, на обед Азамат вылезает-таки из берлоги, хотя и почти не ест. Алтонгирел на это смотрит крайне неодобрительно, видимо, тоже считает, что голодный желудок в ответственном деле не подмога. Так что я в очередной раз пренебрегаю его заветом сидеть смирно, отбираю у Азамата рульку, которую он уже четверть часа меланхолично и безрезультатно гоняет по тарелке, нарезаю

маленькими кусочками, потом раскладываю по краю так же нарезанный сыр с зеленью — и принимаюсь канючить, дескать, съе-э-эшть кусочек, ну ма-а-аленький, ну пожа-а-алуйста. В итоге я преуспеваю: скорее всего, Азамату просто перед командой неудобно становится. Алтонгирел корчит рожи, стараясь не улыбаться, чтобы не одобрить ненароком мои действия. Зато я хотя бы спокойна, что муж накормлен. А то мышц вон сколько, а жира — меньше, чем на мне, кажется. При таком сложении не есть — это над собой издеваться, я считаю.

Потом начинаются сборы. Азамат мечется, надо ли ему вещи паковать, и Алтонгирел советует оставить пока — чтобы не сглазить. Дескать, не говори гоп. Я решаю тоже последовать его совету: во-первых, страшно лень шевелиться, а во-вторых, пусть лучше Азамат почувствует лишний раз, что я с ним заодно, куда он, туда и я, и прочие сентиментальности. Общение у нас не клеится, тем более что капитан бегаёт по всему кораблю, разбирается, что выгружать, а что оставить из трофеев, рассчитывает премиальные (у них заведено перед прилетом на родную планету делить оставшиеся бюджетные деньги между собой, на случай, если кто-то пропустит следующий вылет) и занимается прочими с виду полезными делами. Мне быстро надоедает путаться под ногами, так что я снова сажусь вязать и постигать путь смирения. Ничего, немножко осталось. Сегодня вечером все решится.

* * *

Второй пилот все еще валяется у меня в кабинете, но лечить там больше нечего. Рука у него ожила, омертвевшая кожа слезла. Я выдаю ему крем с витаминами, пластырь и выписываю восвояси. Все-таки удобная штука эта их регенерация — быстро выздоравливают. Потому, наверное, и медицина такая чахлая, что спрос невелик.

Азамат вызывается сам посадить корабль, и первый пилот покидает мостик с напускной галантностью, дескать, пожалуйста, Азамат-ахмад, все для вас, не буду мешать воссоединяться с родиной. Я же, наоборот, решаю, что норму по смирению на сегодня выполнила — по крайней мере до визита к Старейшинам, — и нарушаю уединение супруга под предлогом, что никогда в жизни не видела, как звездолет садится на планету. Это, кстати, правда: земные машины слишком большие, их вообще не сажают, а до поверхности добираются на шаттлах размером с маленький самолет.

Экраны-иллюминаторы показывают мне со всех сторон горы. Слева от нас за них уже начинает заходить солнце. Мне кажется, что оно немного странной формы, и, присмотревшись (благо экран не передает настоящей яркости), я понимаю, что солнца там два, большое и маленькое, они просто так близко расположены, что сливаются в одну фигуру.

— У вас два солнца? — спрашиваю я прежде, чем вспоминаю, что Азамата лучше не отвлекать.

— Да, — отвечает. Как ни удивительно, но он, кажется, успокоился. — Мы их называем Солнце и Присолнышек. Он удобный, за полсуток как раз описывает полный оборот вокруг большого солнца. Легко время определять.

И правда удобный. Я немедленно проникаюсь уважением к этой неразумной звездочке, которую угораздило закрутиться вокруг другой.

Итак, вокруг нас плоскогорье, а за ним еще чуть-чуть видна какая-то зелень — и это в первые дни весны.

— А там сейчас холодно? — внезапно озадачиваюсь я. До сих пор как-то не задумывалась об этом, а тут ведь одеваться придется... А у меня теплая одежда-то есть вообще? На Гарнете меньше двадцати двух в принципе не бывает.

— Там градусов двести восемьдесят по Кельвину, — задумчиво отвечает Азамат, аккуратно выводя ручку манипулятора, чтобы мы продолжали ровненько снижаться. В атмосфере-то ветер, все дела...

— А... в Цельсия не переведешь?

Он даже поворачивается, чтобы смерить меня насмешливым взглядом, потом жмет на что-то, и в углу экрана высвечивается табличка: «Температура у поверхности 283К».

— Значит, десять, — снисходительно переводит мне Азамат. — Вот уж не штука посчитать.

— Я никогда не помню, сколько вычесть надо, — отмазываюсь. — А вы всегда по Кельвину считаете?

Мало мне было градусников с Фаренгейтом, ага...

— Кто на инженера не учился, вообще не считает в градусах. А при строительстве кораблей в кельвинах удобнее мерить.

Мы продолжаем спускаться, я уже различаю на склонах редкие деревца, что-то хвойное. Однако в блузочке в десять градусов не

выйдешь, придется что-то искать. Со вздохом оставляю Азамата рулить и отправляюсь одеваться.

Перекопав шкаф, прихожу к выводу, что из теплого у меня только дареные меха, которые я все сложила в один общий мешок, потому что доставать в ближайшее время не планировала. Но не знаю... На плюс десять... в мехах... Да и вообще, а вдруг Старейшинам не понравится, решат, что выпендриваюсь... Нет, надо это все согласовать.

И я снова иду приставать к Алтонгирелу. Интересно, он когда-нибудь будет от меня бегать, как я от него раньше?

Духовник уже закончил паковаться, сидит на чемоданах, смотрит на меня с неммым вопросом в глазах, почему меня в детстве не утопили.

— Пойдем, подберешь мне, что надеть, — непреклонно сообщаю я.

Он закатывает глаза, но идет. По дороге ворчит, что, дескать, я неспособна усвоить простые истины, сказали же, что мои хлопоты ничего не изменят. Угу, знаем-знаем, в школе вон тоже говорили, что формы нету, поэтому приходите, в чем хотите. А потом: джинсы — дурной тон, а на трениках коленки пузырями, иди переодевайся в приличное. Нет уж, я своим представлениям о приличном давно не доверяю.

Как выясняется — правильно делаю. Первым номером Алтонгирел категорически запрещает мне надевать тамлингское платье.

— Ты землянка, вот и одевайся, как землянка!

— А зачем подчеркивать мою крутизну? — удивляюсь. — Мне казалось, в этом как раз вся проблема...

— Ты меня позвала, чтобы спорить? Надевай земную одежду, только не штаны, я тебя умоляю, Старейшины ведь пожилые люди, могут и помереть от такой радости...

Перекапываю шкаф второй раз и раскладываю на кровати все наличные юбки. В конце концов Алтонгирел однозначно указывает на синюю годе. Потом аналогичным образом мы подбираем блузку. В итоге я собираюсь щеголять в водолазке и вязаном блейзере. Вроде бы все эстетично, но я начинаю чувствовать себя старой девой...

— Теперь самое интересное, — говорю. — У меня нет никакой верхней одежды.

— А что, все меха ты выкинула? — мягким, исполненным ненависти голосом спрашивает Алтоша.

— Нет, вот они в мешке, но я не знаю, что из этого можно носить...

Духовник деловито вытряхивает содержимое мешка на кровать третьим слоем и принимается копать в разноцветных чужих шкурах. Вспоминаю, как Азамат тогда про готовку говорил... нарезать, ошкурить... надеюсь, мне не придется это наблюдать, не говоря уж о том, чтобы самой... Я рыбу-то живую не беру никогда.

— Во-от оно, — радостно восклицает Алтонгирел. — Я же помню, что Азамат брал что-то подходящее.

— А ты с ним ходил, что ли?

— Часть времени, — уклончиво отвечает духовник. Держит передо мной пальто за плечики. Коричневая кожа, короткие широкие рукава, подбитые мехом, длиннющее, и ниже колена тоже сплошной мех.

— Это для запекания ног? — спрашиваю.

— Это чтобы сидеть мягко было, идиотка, — миролюбиво сообщает Алтонгирел, вешая пальто на спинку кровати. — Говорил же, на полу, на коленках сидеть придется.

Ну ладно, будем считать, что это он обо мне позаботился. А еще лучше — что это был Азамат. Дальше я получаю строгую инструкцию надеть оба хомы и «не выпендриваться», не хамить Старейшинам и ему в их присутствии, не упоминать, что работаю, и вообще всем своим видом выражать, как я хочу быть хорошей женой, что бы это ни значило. Ни на одно собеседование на работу я никогда так не готовилась.

Прибредаю обратно на мостик, с непривычки волоча ноги под тяжестью настоящей кожи и меха, когда Азамат как раз только-только нас посадил. Сквозь атмосферу все всегда медленно ползают, не знаю уж, почему.

— Как ты благородно выглядишь, — говорит он мне с огоньком в глазах. Похоже, на смену нервам пришел азарт. В данной ситуации это хорошо. — Пошли на выход.

— Понесешь мой хом до места? — прошу. — А то, я боюсь, карман оторвется.

— А что ж ты маленький-то?..

— Алтонгирел сказал оба.

— А, ну если Алтонгирел сказал...

Все эти мелкие разговорчики кажутся мне последними попытками зацепиться. Вроде как с одного корабля на другой переброшена пара канатов, а между ними место пустое, вот и пытаемся его паутинкой затянуть, чтобы хоть что-то было. Внезапное внимание к детали: а как он вот это слово произносит, с какого конца начинает строить фразу, какими жестами себе помогает? Как выбившиеся из косы пряди елозят по воротнику куртки, в какую сторону стоптаны ботинки, совсем ли черные глаза или все-таки можно отличить зрачок от радужки?..

Мы проходим мимо столовой, и Азамат оказывается между ней и мной, а я собиралась взять с собой бутылочку воды, потому что на нервной почве всегда хочу пить. Я еще даже не успеваю ничего озвучить, только поднимаю руку и беспорядочно шевелю в воздухе пальцами, но он вдруг отходит, освобождая мне проход.

— Ты чего? — Я даже удивляюсь.

— Думал, ты хочешь зайти на кухню, нет?

Я смеюсь. Неужели мы можем друг другу не подойти?

* * *

Впрочем, нервничать оказывается еще рано. Мы вытряхиваемся из теплого светлого звездолета на горное плато, открытое всем ветрам. По одну сторону гор два солнца тонут в море травы, но нам, конечно, надо на другую, где все серое и безжизненное, и только какие-то огонечки вдали видно.

— И как мы отсюда? — спрашиваю, кутаясь поплотнее в пальто. Может, еще не поздно сбегать за всеми остальными меховыми изделиями?

— По канатной дороге, — отвечает Азамат, повысив голос, чтобы было слышно сквозь ветер. Я чуть в обморок не падаю.

— Я там окоченею! — в ужасе кричу я.

Он мотает головой.

— Кабинки закрытые и с подогревом!

Ну ладно, уломал. Позволяю отвести себя по долбленной лестнице на несколько метров вниз, в серые сумерки, где находится посадочная площадка канатной дороги. Она, видимо, функционирует все время, по крайней мере, не останавливается, чтобы впустить пассажиров, так что Азамат подсаживает меня в подъезжающую кабинку (мне высокогато),

а сам залезает, когда мы уже почти отплываем от площадки. Кабинки рассчитаны на четверых, но мы уезжаем вдвоем, не знаю уж, как остальные.

В кабинке действительно быстро становится тепло. Азамат для меня поворачивает регулятор температуры на несколько делений. Свет очень яркий, из-за него ничего не видно снаружи. Не могу сказать, что я в данный момент способна любоваться пейзажем, но замечаю тоскливый взгляд, которым мой дорогой смотрит за окно, и предлагаю выключить свет.

Мы спускаемся почти вертикально, и я боюсь смотреть вперед, ибо там должна открываться бездна. Хорошо хоть кабинки не как тот лифт на Гарнете, не совсем прозрачные, а то бы я до низа не дожила, наверное.

Потом скала немного наклоняется, и начинаются сосновые заросли. Сосенки тут крошечные, максимум метра три в высоту, и такие же лиственницы. Растут они довольно плотно, макушками шаркают по дну кабинки.

— А как вы грузы транспортируете? — спрашиваю. Не в кабинках же, правда...

— На лифтах под гору, а оттуда монорельсом по туннелю, — объясняет Азамат, не отлипая от окна. — Но это медленнее, чем по канатной, к тому же тут виды...

Виды меж тем подрастают — теперь мы прем над полноразмерным сосновым лесом. Огоньки вдалеке немного приближаются и начинают напоминать город, тем временем сумерки сгущаются все сильнее, и внизу уже не различить цветов, только черные контуры. Посреди города и в обе стороны от него, особенно влево, я вижу какой-то блеск.

— Это река, — объясняет Азамат. — Ахмадмирн, наша великая прамаменья, с водами которой все мы вышли на свет из недр...

Он явно настроен на лирический лад и продолжает нести что-то мифологическое, местами переходя на муданжский, а местами и вовсе напевая. Я ныряю ему под мышку и прижимаюсь виском где-то в районе нагрудного кармана, слушая, как наполняются и сжимаются его большие легкие, и стараюсь впитать этот ритм в подкорку, чтобы жить дальше в согласии с ним.

Начинаю чують запах своих духов — Алтонгирел заставил попрыскаться одними из дареных. Это странно, потому что обычно я не чую тот аромат, который на мне, и оттого всегда боюсь переборщить. Кажется, это и произошло, потому что запах вдруг становится ужасно сильным, принимаюсь вертеться и обнюхивать себя — как же так вышло, что вдруг почувяла?

— Слушай, — говорю, — это от меня так?..

— Черемуха, — с блаженной улыбкой идиота отвечает Азамат. — Весной в столице всегда цветет черемуха. Ты удачно выбрала духи, в запахе черемухи все счастье весны. «Из зимней стужи прочь мы вышли без потерь...»

И он снова принимается что-то напевать, прижимая меня поближе. Какое это странное сочетание: ночь, горы, холодный ветер, огни впереди, густой запах цветов и басовитое мурлыканье над ухом — мне кажется, эта картина будет вспоминаться мне теперь всякий раз при слове «надежда».

* * *

Мы вытряхиваемся из кабинки прямо на дорогу, и я очень радуюсь, что надела сапожки — грязь под ногами та еще.

— Не в лужу? — заботливо спрашивает Азамат. У него не было особенно времени смотреть, куда я спрыгиваю из шустрой кабинки.

— Не более, чем везде вокруг, — пожимаю плечами.

Половина команды уже здесь, другая следует за нами, но нам никто, кроме Алтонгирела, не нужен, а он прибыл первым. Они с Азаматом обмениваются решительными взглядами, и мы снимаемся с места, а с нами примкнувший Тирбиш.

Собственно, эта дорога, как мне объясняют, окружает город, и от нее через более-менее равные промежутки идут радиальные улицы, а в центре всего как раз и стоит Дом Старейшин. В мударжском языке это здорово устроено: всякие слова типа «дом», «человек», «зверь», «работа» могут присоединяться к чему угодно в качестве пояснения. Например, «устройство человек» — механик, «спать мебель» — кровать, и так далее. Вот и «Старейшины дом» мало чем отличается от, скажем, «куры дом», то есть курятник.

Дома вокруг одно-и двухэтажные, построенные, как мне объяснили, из самана. Они очень забавные, как игрушечные, все такие закругленные с углов, с балконами и нишами в неожиданных местах.

У третьего по счету дома от окружной дороги мы останавливаемся. Это жилище Тирбиша. Он заходит внутрь ненадолго, мы видим только силуэты в освещенном, но зашторенном окне, а потом выходит вместе с мужчиной постарше, скорее всего, отцом. Мужчины раскланиваются, обмениваются приветствиями, пока Тирбиш выгоняет машину. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не заржать: представьте себе внедорожник без верха, который растянули вширь почти вдвое, да еще на колесах от трактора. Мы грузимся внутрь, Азамат ворчит, что с удовольствием прошелся бы по городу пешком, всего-то час ходьбы до центра, но Алтонгирел ему веско возражает, что он тут не один, а в темноте да по слякоти пусть его враги ходят. Задорная машинка проявляет себя прекрасно: не знаю уж, какая там дорога, но не трясет вообще, как по озеру плывем.

— Хорошо справляется, — говорит Азамат затылку Тирбиша, хлопая по сиденью.

— Ну! — охотно соглашается тот. — Недаром же я у вас учился!

Дальше понимаю плохо, но, видимо, фишка в том, что машину эту Тирбиш собирал сам, а у Азамата их на счету сотни. Интересно, тоже все на скамейки похожи?

* * *

И вот мы у Дома Старейшин. Это очень простое здание, одноэтажное, прямоугольное, только чуток сглаженное по углам, крыша из какой-то странной блестящей черепицы, окон мало, и они сдвинуты к торцам, а посередине вообще нету. Стоит дом на высоком фундаменте, к дверям надо по лестнице довольно круто подниматься. Как же эти стариканы-то восползают?.. Но времени задумываться у меня нет, да и вообще, стоит переключиться на какие-нибудь более благородные помыслы. Соринку у мужа из волос вынуть, например, типа внимание проявить, хом у него взять, напялить.

Азамат искательно заглядывает мне в глаза, я сжимаю его руку, мы синхронно делаем глубокий вдох и ныряем в двери.

В доме тепло, даже душновато, и смердит какими-то благовониями. Я ожидала чего-то в таком духе и запаслась леденцами от головной боли, которая у меня всегда начинается от всяких ароматических палочек. Брат в детстве на основе этого делал вывод, что я настоящая нечисть.

Азамат не дрожит, еще не хватало, но движения у него дерганые, неуклюжие. Войдя, мы оказываемся в маленьком тамбуре, где положено оставлять обувь. Мужикам-то хорошо в носках, а я что-то не подумала... и духовник не сказал ничего, конечно. Такие сапоги, как у меня, с мягким ворсом внутри, лучше теплоизолируют, если между ними и ногой ничего нет, тогда и нога не потеет, вот я носков и не надела. Ну ладно, буду босиком, хоть не запарюсь в пальто, может быть. В противоположном от входа конце тамбура отодвигается занавеска, из-за нее выходит молодой человек в традиционном халате и приглашает нас внутрь. Кстати, Алтонгирел тоже вырядился, да и Азамат мою рубашку надел, а с гизиком он и так не расставался.

За занавеской длинная зала, и мы оказываемся прямо в центре. Мебели тут почти нет, только вдоль торцовых стен комоды, а под дальней от нас стеной на возвышении, на больших подушках, восседают все восемнадцать Старейшин. Они действительно выглядят старыми. Половина из них носит жидкие длинные бороды и усы, переплетенные лентами и гизиками и унизанные бусами (в том числе, кажется, драгоценными), другая половина — чисто выбритые. Практически все седые, причем абсолютно белоснежной сединой. На Старейшинах богато вышитые халаты, яркие штаны и длинные мягкие сапоги, на некоторых еще те самые шапки с башенкой посередине. Комната ярко и равномерно освещена желтыми лампами, встроенными заподлицо в потолок.

Азамат и Алтонгирел (а Тирбиш с нами не вошел) поясно кланяются, и я повторяю за ними, поскольку не получаю никаких других инструкций.

— Азамат Байч-Харах, — скрипуче говорит сидящий напротив меня огромный дед с золотой цепочкой в бороде.

Азамат делает два шага вперед и садится на колени.

— Алтонгирел, ученик Изинботора, — называет дед.

Алтонгирел тоже идет вперед, но занимает место не рядом с Азаматом, а у ног одного из бритых Старейшин поближе к левому краю, красивого, статного и не очень старого еще мужчины. И тут же принимается ему что-то нашептывать. Тот кивает и громко говорит:

— Элизабет Гринберг.

У него такой сильный мударжский акцент, что я еле опознаю свое имя. Иду вперед и сажусь рядом с Азаматом, дико озираясь — а вдруг

я должна сделать что-то другое? Но вроде нет.

Старейшины принимаются перешептываться, потом дядя напротив меня (видимо, местный церемониймейстер) спрашивает:

— А это твое имя — что?

Я с некоторым трудом соображаю, что он хочет узнать значение. С надеждой гляжу на мужа, но он не реагирует, смотрит перед собой, хотя вроде не в прострации.

— Азамат, — шепчу, — ну поговори с ним!

Он только коротко мотает головой. Алтонгирел смотрит на меня, как на убийцу. Вот подонок, мог бы заранее предупредить, что разговаривать нельзя! Ладно, будь проклята конспирация.

— Элизабет, — говорю неверным голосом, — божья клятва, — в мударанжском языке удобно, что непонятно, кто кому поклялся, потому что этого я в свое время так и не удосужилась выяснить. — Гринберг — зеленая гора... это просто место... происхождение...

Господи, как же меня колбасит! Еще никогда не было так страшно говорить на чужом языке. Кроме обычных страхов «а вдруг что неправильно» тут еще и сознание вины, что обманывала мужа... конечно, меня никто не спрашивал, понимаю ли я мударанжский, но это хилая отмазка...

Кошусь на Азамата — а он на меня со своей фирменной удивленной улыбкой, даже немного умиленной. Решил, что я специально несколько слов выучила, что ли? Ладно, потом будем разбираться. На Алтонгирела старательно не смотрю.

Старейшины, впрочем, принимают мое знание языка как должное — ни тени удивления. Самый крайний справа дедок, сморщенный, как изюм, корябает что-то в толстом ежедневнике. Остальные откидываются назад в свободных позах и некоторое время изучающе на нас смотрят. Я потихоньку беру Азамата за руку. Смирение смирением, но вдруг они решат, что я не хочу за него?

Один из Старейшин, бородатый и какой-то особо ухоженный, хмыкает и качает головой.

— Азамат, — говорит он, — бормол у тебя изменились?

Муж мотает головой. Старейшина кивает. Этот язык голов мне несколько приелся, но он хотя бы понятный в отличие от загадочных бормол.

Старейшина подзывает ученика, который провожал нас внутрь, и говорит ему что-то неразборчивое, тот идет к одному из комодов у стены, выдвигает и вынимает верхний ящик и подносит его нам. В ящике бешеная прорва деревянных статуэток-игрушек, изображающих все на свете, примерно как Азаматова собственная коллекция, только раз в десять побольше.

— Вызывай, — говорит Старейшина.

Азамат немного роется в гремящих деревяшках и извлекает три предмета: книжку, саблю и старика с посохом. Раскладывает их перед собой.

Старейшина кивает и поворачивается ко мне:

— Вызывай.

Ну, я понимаю, что надо выбрать фигурки. Но по какому принципу?! Сформулировать это по-муданжски я не смогу, даже если вспомню все слова и правильные формы, просто потому что слишком нервничаю и голова не варит. Так что я только беспомощно разеваю рот и растопыриваю ладони, дескать, спасите, не понимаю ничего.

Старейшина с золотой цепочкой сжаливается:

— Тебя описывают бормол выбери.

Ох, что-то я прослушала на уроках в колледже... Ладно, поищем бормол, которые «меня описывают». Что я им о себе хочу сказать? Что я буду хорошей женой. Что требуется от хорошей жены? Дети, вестимо. Роюсь в статуэтках, но детей не нахожу. Ни люльки, ни коляски, ни бутылочки, ничего даже отдаленно напоминающего о ребенке. Правда, там есть некоторые предметы, которые я не могу соотнести с реальностью, но их выбирать я боюсь. Ладно, что еще нужно от жены? У них женщины не готовят, это мимо. С любовью тоже туго, да и как они ее изобразили бы? Сердечком? Кстати, сердца даже как органа тут нет. Из одежды нахожу шапку и сапоги, но подозреваю, что они значат что-то еще... Боже мой, тут так всего много, я могу что-то просто не найти, даже если оно есть! И уже так долго роюсь, и уши у меня красные, я чувствую, и это меня так злит, прям щас расплачусь! Нет, тихо, девочка, смирение, сказали тебе! Ищи.

На глаза попадает подушка. Такая, на которой сидят. Вышитая (это прямо прорезано), со вмятинкой посередине. Что ж, и то хлеб. Подушка — это удобство, уют, утеха, постель, в конце концов. Правда,

может, тогда уж кровать... но еще полчаса искать — нет уж, они меня выгонят. И так вон некоторые зевают, Алтонгирел лицо руками закрыл. Бли-и-и-н, я такая дура...

Ладно, подушка. Едем дальше. Будем исходить не из того, что я хочу сказать, а из того, что есть в наличии. Вот вижу зонтик, полуоткрытый. А у Азамата старик с посохом. Ну резво вспоминаем Библию, в каком-то детективе попадалась цитата про жену... «опора спокойствия его»... Конечно, где Библия, а где Муданг, но все-таки древний текст, архетипический. Тем более зонтик, не просто тросточка. Можно и как защиту от невзгод понять. Короче, пойдет.

Остался всего один. Господи, а лучше боги, вы, эти, муданжские боги, подкиньте что-нибудь уже, а? Так, еще раз, у Азамата старик, меч и книга. Ну меч — это не ко мне, разве только как фаллический символ... но нет, спасибо, искать тут ножны я не буду, все идут лесом, это уже слишком. Старик — опять же посох, а что он еще может значить? Кроме нужды в опоре? Старость — мудрость, так? И книга. Надо бы что-то с книгой... Вон Алтонгирел не верил, что мне может быть интересна книжка, значит, это будет сильная отличительная черта, да еще и наша с Азаматом общая. Он — книжник, я тоже с образованием, у них это диковинка, но у нас общие интересы... О! Вижу книжку. Ура! Есть!

Гордо и с великим облегчением выкладываю из ящика книжку. Она поменьше, чем у Азамата, но это вполне логично, он все-таки специалист, да и старше.

Голова у меня совсем ватная, а ведь это еще наверняка не конец. Соберись, девочка, это тебе не экзамен на международный сертификат, который можно сдать на будущий год. Это на всю жизнь.

Старейшины тихонько шипят. Те, что подальше сидят и паршиво видят, просят им рассказать, что я выбрала, и им по испорченному телефону передают. Тогда дальние тоже начинают шипеть на вдохе. Не знаю уж, что это значит.

Азамат... Азамат, дико вытаращившись, переводит взгляд с меня на фигурки и обратно, как будто у меня там топор, скалка и череп как минимум. О-ох как плохо, что я не знаю принятых значений фигурок... Алтонгирел, сука, ты должен был мне это сказать, ведь знал наверняка, что надо будет выбирать! Да и Азамат знал, у него даже с давних пор один и тот же набор есть, всем известный. Боже мой, ну в чем я

облажалась, что вы на меня все так смотрите? Ну не знаю я, не знаю, что надо было выбрать!

Ухоженный Старейшина чуть влево от Азамата качает головой.

— Это невозможно, — говорит он.

Господи, уж не про нас ли?!

Остальные общим гулом соглашаются — нет, конечно, никак.

Азамат бледнеет и опускает глаза, я вцепляюсь в его руку. Нет, ребята, так не пойдет, я не верю, вы еще не закончили! Что это за идиотская соционика?!

Дед с золотой цепочкой в бороде внезапно покатывается со смеху, хлопает себя по коленке:

— На какую девку позарился! И ведь привез, не сбежала!

Я уже готова убивать. Сидит, хохочет, козлиной бородой своей трясет. Остальные поддакивают. Ладно же, давайте я с вами по-вашему...

— Он мою душу украл! — выпаливаю. Съели?

Скорее уж подавились. Смех мгновенно умер, но лица их не стали просветленнее, скорее уж нахмурились, как будто я неприличный анекдот рассказала. Азамат на меня смотрит со всей своей высоты, дескать, ты что, брось бяку. Алтонгирел беззвучно артикулирует: «Спя-ти-ла». Мне остается только закусить губу — в основном чтобы не вцепиться зубами кому-нибудь в глотку. Вот только заплакать не хватало. Не надейтесь, унижаться не буду.

Ладно, мы сейчас выйдем. У Азамата есть на планете двенадцать часов. Прошло от силы три с момента посадки. Эти Старейшины ведь не живут здесь, они уйдут на ночь. Вряд ли всем скопом, по команде. Значит, можно будет отловить нескольких по одному, поговорить. От мужиков помощи ждать не приходится, но ничего, я сама. Я красивая, гордая, сильная. Попрошу в виде исключения, частным порядком. Предложу полечить... да хоть глаза, линзы-то выдать не штука. А вон тот носом шмыгает. А у этого в животе урчит как-то нехорошо, и держится он за него. Есть чего полечить. Или деньгами. Плевать, что все это нереально. Утром Азамат улетит, а я останусь и буду ездить им по мозгам, пока не согласятся. Я хорошо играю в клеща...

Азамат пытается стряхнуть мою руку, но я впились на совесть. Смотрю на Старейшин, жду чего-то. Один мне помахал, дескать, уходи уже. А вы думаете, я могу встать? Прожигаю его взглядом, и он

хмурится. Так-то, махать мне тут, старая плесень. Какого черта ты мне не даешь жизни, а?

Я накручиваю себя до того, что уже готова действительно их побить, но тут крайний правый дед с ежедневником вдруг привлекает общее внимание громким болезненным воплем. Я подскакиваю, в голове проносятся дурные мысли, вот уж с кем поведешься... — не призвала ли я на их головы какое-нибудь проклятие? Или это мой шанс пошантажировать почтенный Совет?

Но вопль относился не к внезапной хвори, а к дыре в памяти. Дедуля шатко поднимается на ноги и ковыляет к комодам, приговаривая что-то вроде: «Где же это было, где же эт-то бы-ыло, цыпочки-лапочки, листочки мои...» Он принимается рыться в ящиках, сопровождая свои действия бесконечным количеством свободно льющегося фольклора.

Надо мной вырастает Алтонгирел и тянет за рукав. Сейчас я уйду, как же. Нет уж, не раньше, чем этот дед найдет, что ищет. И Азамата не отпущу, хоть руку отрывай. Мое. Не трожь. Не трожь, кому сказано! Ты и так мне сегодня все испортил. Вот получи локтем в коленку. Попадаю в сухожилие, Алтоша еле сдерживается, чтобы не взвыть, губу прикусывает, но отходит. Кажется, кто-то из Старейшин это видел, и теперь по рядам идет новая сплетня. Азамат несколько безучастно наблюдает за старичком у комода, с тем же успехом можно смотреть на водопад.

А водопад мой тем временем прерывает свой поток речи и с победным воплем (мало отличающимся от первого) извлекает какой-то древнющий документ, обтрепанный так, что непонятно, как еще вместе держится.

— Глядите-ка! — радостно взывает дедуля к остальным Старейшинам. — Поглядите, нашел!

Листочек кочует из рук в руки, оставляя на лицах задумчивое выражение. Старейшины с левого края устают ждать, когда до них дойдет, вскакивают и подходят сами, заглядывают через плечи... Я начинаю чувствовать, что про нас все забыли.

Наконец наш церемониймейстер поднимает голову, стараясь не отрывать взгляда от загадочного листочка, и бросает нам:

— Выйдите, нам посоветоваться необходимо, мы с вами еще не решили.

Мы с Азаматом выходим в тамбур, а оттуда куда-то вбок, в одну из комнат с окнами. Азамат устало опускается у стены и потирает лицо. Я сажусь рядом. Господи, я вся упрела там в этой духотище. Мы долго молчим.

— Зачем ты это сказала?

— Что?

— Про душу.

— В моем сознании это хороший довод.

— Это неприлично говорить при посторонних. Тем более при Старейшинах.

— Да, я поняла по взглядам. Кстати, спасибо за моральную поддержку, ты столько усилий приложил, чтобы у нас все получилось.

Понимаю, что глотаю слезы. Мне кажется, я не доживу до второго приговора. Азамат тяжело вздыхает. Ну да, сейчас будет мне рассказывать, как мое недовольство лишний раз указывает на то, что мы не пара.

— Лиза, я не могу угадать, что для тебя очевидно, а что — совершенная дикость. Для этого... нужен какой-то взгляд извне. Мне даже в голову не могло прийти, что ты не будешь знать, что делать с бормол. Ты ведь у меня их видела, мы столько о них говорили...

— А ты знал, что я понимаю ваш язык? — перехожу к следующему пункту претензий. Ладно, с фигурками, может, и правда не сообразил. У меня такие случаи с иностранцами в гостях тоже бывали.

— Нет, конечно, я очень удивился!

— А тогда как ты себе представлял, каким образом я должна общаться со Старейшинами?

— Я говорил об этом с Алтонгирелом... Он считает, что, если боги хотели бы нашего брака, они бы тебе помогли. Так и случилось...

— Черта с два они помогли! Я просто в колледже его учила два года!

— Боги могут менять и прошлое, — пожимает плечами Азамат.

Я роняю голову на колени. Господи, да что же это такое! И это первые часы на планете! А он уже такой чужой... Нет, нет, не надо так думать, все наладится! Он ведь такой хороший, он все для меня делает, он умный, смелый, сильный, непобедимый и прекрасный! Так

трогательно обо мне заботится, и это его такое родное лицо из прошлой жизни, улыбка доброго бога...

— Азамат, — говорю, — ты меня любишь?

Глупо, но нужно.

— Конечно, — удивляется он. И неправильно понимает. Черт.

— А душу я у тебя украла?

Опускает глаза.

— Зачем тебе это?

— Мне надо знать. Пожалуйста, скажи. Мне это важно.

Я слышала тогда, но это было так ненадежно...

— Ну да, — произносит он, почти не открывая рта. И смотрит на меня с опаской. — Я знаю, что ты не нарочно...

— Хорошо, — говорю. — Значит, твоя душа у меня, а моя у тебя. И нам никак не распутаться, мы очень крепко связаны вместе. Не забывай об этом, пожалуйста.

Он хочет что-то ответить, но тут нас зовет все тот же ученик.

Когда мы входим в зал второй раз, я уже уверена в ответе. Мне шибает в нос затхлый душный запах набитого людьми помещения, но я знаю, что нам недолго предстоит тут быть.

Старейшина с цепочкой откашливается, поглядывая все в тот же ветхий листочек, который явно еще сильнее обветшал после такого активного чтения.

— Мы... решение пересмотреть вынуждены. Забытыми текстами, неправильно решили.

Я сглатываю его грамматику, примерно соображая, что это должно значить. Великий и могучий, да.

Наставник Алтонгирела внезапно взрывается:

— Неправильно! Это не так называется! Боги нам иное решение навязывают!

— Слишком громко, — веско говорит дед с цепочкой, и учитель Алтоши замолкает. — Голосовать пришлось, — поясняет он нам.

Ого, да мы тут будем самой популярной сплетней на несколько месяцев, я так чувствую.

— Так вот, — продолжает «спикер», — Старейшина Унгуц великой памятью обладает, древнее пророчество вспомнил. Того пророчества посередине ты написана. Вот, кхм, — откашливается, приближает листок к глазам. — Волос витой, плечи узкие, белая

жена... э-э... се грозная богиня есть. Так... Это вам не надо... Вот, дальше. Черное лицо, однако теплая душа высокий воин ту жену полу-у-учит... ну и дальше все хорошо кончается, а уж как — не ваше дело. Побыстрее говоря, мы вас поженить должны. Поскольку боги ясно говорят когда, нечего и раздумывать.

Учитель Алтонгирела, а с ним еще двое фыркают и ругаются себе под нос, но большинство есть большинство, да еще и подавляющее.

Старейшина-духовник, все это время тихо сидевший справа от «спикера», подзывает нас к себе жестом. Мы встаем и подходим. Азамат, по-моему, с трудом держится на ногах. Бритый старик берет наши хомы в руки, что-то шепчет, еле-еле выдыхая, отпускает — и они становятся абсолютно невесомыми. Он опускает руки и делает вид, что его вообще тут нету.

Старейшина-церемониймейстер улыбается нам по-отечески и молвит — вот именно, что не говорит, а мо-олвит:

— Сту-упайте, сту-упа-айте, и пусть у вас волею богов все получится.

Мы уходим, оставляя за спиной пятнадцать благословляющих улыбок и светящихся пар глаз.

Глава 20

Азамат даже пугается моего истерического хохота, а уж тем более когда я сползаю по прохладной шершавой стене Дома Старейшин — решает, что мне плохо. А мне не плохо, мне очень-очень хорошо и легко так невыразимо, кажется, вот сейчас прямо отсюда могу на крышу сигануть, как блоха. Ну или ветерком подует — улечу.

Наконец, досмеявшись до слез, кашля, икоты и колик, я нахожу в себе силы прекратить хаос, а то Азамат и правда нервничает, а уж он-то больше меня заслужил сейчас вздохнуть с облегчением. Сидит передо мной на корточках, за руки держит, воркует по-муданжски:

— Лиза, Лизонька, ну что ты, тише, тише...

Обнимаю его.

— Поднимай, — говорю.

Он встает со мной в охапке, как будто с пустыми руками, так легко. Ему, наверное, теперь тоже легко, как мне, и даже легче. Когда он меня ставит, мне кажется, что он сам уже парит над землей, нависает оттуда сверху, огромный, как столб дыма, вот-вот ветром развеется. Но и я сама представляю из себя сгусток черемухового

запаха, не более. Подпрыгиваю на месте, не знаю зачем, и вдруг и правда подлетаю так высоко, как никогда раньше не удавалось.

— Ух ты! — заявляю авторитетно. Гляжу вниз — да нет, ничего особенного, те же плитки, которыми вся площадь вокруг Дома Старейшин выложена. Подпрыгиваю еще раз — и снова невероятно высоко. Хом болтается на шее, как пенковый: вижу, но не чувствую.

Азамат смеется:

— На Муданге притяжение меньше, чем на Земле, планетка-то маленькая!

— А почему я это только сейчас заметила? — удивляюсь.

— Кто тебя знает? — пожимает плечами Азамат. — Мысли тяжелые думала, наверное.

— Зато теперь голова абсолютно пустая, — пожимаю плечами. — Автопилот пьян, так что командуй, как мы живем дальше.

— Ну для начала я бы что-нибудь съел, — сообщает Азамат с таким аппетитом, что я немедленно заражаюсь идеей. А заодно вспоминаю про припасенную воду и выхлебываю полбутылки на радостях. Оказывается, у меня ужасно пересохло во рту.

— Веди, — говорю, — туда, где кормят!

— Еще бы я знал, где теперь кормят... — бормочет он растерянно. — За столько лет все могло десять раз поменяться...

На наше счастье из-за угла выруливает Тирбиш. Правда, он сразу засекает озабоченный вид Азамата и меня в слезах, и лицо его делается таким жалостливым, что аж сердце сжимается.

— Что... все? — неловко спрашивает он, подходя.

— Все отлично! — говорю с широченной улыбкой сквозь слезы. — Мы просто не можем решить, где лучше закатить пир горой в честь окончательного соединения прекрасных нас семейными узами!

Тирбиш по ходу моего монолога демонстрирует все больше зубов и под конец начинает напоминать акулу. Азамат похлопывает меня по спине.

— Лизонька, у тебя точно вода в этой твоей бутылке?

— Точно, — говорю, неуклюже протягивая ему бутылку. — На, проверь. Я вообще удивляюсь, что ты такой спокойный, можно подумать, твердо знал, что все так и выйдет!

— Твердо знал! — фыркает Азамат. — Да я до сих пор поверить не могу! Тем более мне прошлой ночью наснилось столько вариантов,

как все случится, что я уже совсем не отличаю, где сон, где явь.

— Так пошли в «Щедрого хозяина», там быстро разбудят! — предлагает Тирбиш, махнув влево, где, видимо, и находится оное заведение.

— Он еще стоит? — удивляется Азамат. — Я думал, после смерти старого Угуна «Хозяин» долго не проработает. — Он продолжает говорить, пока мы садимся в машину. — Его племянник ведь ни за что не хотел переезжать в Ахмадхот, а больше и родственников вроде бы не было живых.

— Не хотеть-то он не хотел, — говорит Тирбиш, выруливая с площади на одну из радиальных улиц, — да только старый Угун его не спросил. Устроил все так, чтобы трактир ни на день не закрывался, вы же помните, как он это умел.

Мы подъезжаем к особо глубокой луже, и Тирбиш форсирует ее, не снижая скорости. Фонтаны из-под колес, конечно, до небес, но нас даже не качнуло. Сашка бы за такую машину полцарства отдал, у него вокруг дачи дороги-то в межсезонье не лучше.

Нужный нам трактир оказывается совсем близко — оно и немудрено, Ахмадхот вообще небольшой город. Это тоже саманный дом, большой и круглый, насколько я могу судить, с маленькими окнами, подсвеченными красным и оранжевым, а над входом торчит уж очень толстый козырек. Темновато для рассматривания, свет только из окон соседних домов да из фар Тирбишева драндулета.

— Развернись, посвети, — говорит ему Азамат. — Лиза ведь не видела...

Тирбиш послушно разворачивает машину так, чтобы фары глядели на здание трактира, и становится видно, что козырек — вовсе никакой не козырек, а голова вроде змеиной. Через несколько секунд я понимаю, что все здание представляет собой гигантскую черепаху с монументальными ножищами-колоннами, подпирающими покатую крышу-панцирь.

— Ух ты-ы-ы... — протягиваю я, рассматривая исполинскую черепаху. Она правда как живая, не стилизация какая-нибудь, не намек, а просто того и гляди двинется на нас, разевая свой драконий клюв.

— Пойдем, пойдем, — посмеивается Азамат. — Налюбуешься еще на архитектуру.

А сам довольный как слон, что я так впечатлилась.

— Да уж, — говорю, — это не гарнетское стекло с пальмами.

Мужики ржут.

Внутренность «Щедрого хозяина» не уступает наружности. Там и правда красно-оранжевое освещение, не очень яркое, но видно хорошо. Потолок представляет собой гигантский зонтик, вдоль спиц которого развешаны фонарики, бусики, ленточки, шнурочки, статуэточки и прочая дребедень. Посередине зала, очевидно, кухня, распространяющая во все стороны здоровые запахи вкусной, сытной и разнообразной пищи. Там заправляет сурового вида тетка в три обхвата, а к ней иногда присоединяется снующая по залу официанточка в свободных штанах, тоже не дистрофичная, мягко говоря.

Сам зал представляет собой очень толстый ковер, по которому хаотически раскиданы подушки для сидения, а между ними с трудом втиснуты столики соответствующей высоты. Сейчас тут довольнолюдно, хотя и не аншлаг. Вокруг столиков поблескивают черные лоснящиеся муданжские затылки. Посетители по большей части вальяжно раскинулись на подушках, попивая, пожевывая, покуривая и похохатывая. Действительно сидят и едят единицы. Удивительно, но при всем при этом совсем не душно, не то что у Старейшин.

Мы устраиваемся вокруг столика неподалеку от входа.

— Все-таки женщина готовит? — замечаю я. — Нарассказывали мне тут...

Азамат поднимает взгляд на кухарку.

— Сам удивляюсь, — кивает Тирбишу: — чего это она?

— Ее племянник Угуна нанял, — говорит Тирбиш с хитрой физиономией. — Она вдова с Восточных островов. Всю жизнь хотела жить в столице, да муж на это заработать не успел. А тут Удан ей предложил халявное жильё да парнишке ее образование. Она же с годовалым осталась. Ну так она решила, что ради такого дела можно и поработать, пока на повара не скопит. Да и втянулась, сыну уже пятый год пошел, а она все здесь. Девчонок со своего острова притаскивает, а они там красивые такие... По паре месяцев поработают — и замуж.

— Это так Восточные острова вообще без женщин останутся, — усмехается Азамат.

Тут к нам подходит официантка, похожая на свежую булочку.

— Чего будет угодно? — спрашивает она, без тени стеснения рассматривая меня. То так голову повернет, то сяк.

Азамат открывает было рот, но Тирбиш вдруг перебивает и заказывает какое-то непроизносимое блюдо, которое, насколько я поняла, ему здесь особенно нравится. Он тут же извиняется перед Азаматом и поясняет:

— Бул-Ивсин потрясающе готовит... — тут он снова говорит то непроизносимое слово, — вам обязательно надо попробовать!

— Не уверен, что Лизе понравится, — качает головой Азамат, но сглатывает при этом очень выразительно.

— Да я не шибко голодная, — отмахиваюсь. — Не понравится — обойдусь, так что бери что хочешь.

Сдобная официантка приносит нам чаю, и Азамат, понюхав его, тут же зачем-то требует еще. Оказывается, обо мне печется: принесенный чай содержит в себе бараний жир и острые приправы и для меня совершенно несъедобен. Но вот второй чайник тоже тут, и можно спокойно разлечься на подушках в ожидании основного блюда.

— Ну расскажите же, как все прошло! — не выдерживает Тирбиш.

Азамат кратко излагает ему основные моменты, даже слишком кратко, на мой вкус, и поглядывает на меня все время как-то странно. Мое эпатажное заявление про кражу души он и вовсе пропускает.

— Так вы понимаете по-муданжски?! — в полном ужасе говорит Тирбиш, краснея. — Ой, боги, да мы ж при вас столько всего... ой, простите!

Азамат только головой качает — тоже, похоже, только что дошло.

— Да ничего особенного вы при мне не говорили, или я не поняла. Я ведь не так чтобы хорошо знаю язык...

— Кошмар, ужас, — бормочет Тирбиш.

— Да тебе-то ладно, — говорит Азамат. — Я пытаюсь прикинуть, чего я мог наболтать, вот где ужас начинается. Удивительно, как Лиза вообще за меня пошла, если все понимала.

Я хмыкаю.

— Скорее уж наоборот, честно говоря. Тебе крупно повезло, что я случайно подслушала вас с Алтонгирелом у твоей незапирающейся двери, а то бы сошла на Гарнете, и поминай как звали.

Азамат пару раз моргает, пытаюсь припомнить, о чем был разговор, потом бледнеет, краснеет и закусывает губу. Тирбиш, кажется, перестает дышать. Я покатываюсь со смеху.

— Да ладно, — говорю. — Теперь-то чего нервничать?

— Да та-ак, — нетвердым голосом протягивает Азамат, потом облегченно переводит дух. — Все никак не могу привыкнуть, какие невероятные вещи кажутся тебе важными и привлекательными.

— А пора бы, — говорю, наставительно грозя пальцем. — Не все же мне одной под вас подстраиваться. Кстати, объясни мне наконец, что было не так с этими фигурками?

— Какими фигурками? — Тирбиш хватается за другую тему, как утопающий. Видно, сильно ему неудобно.

— Бормол? — переспрашивает Азамат. Можно подумать, большой выбор. Киваю. Он трет подбородок. — Не то чтобы с ними было что-то не так, просто... — поднимает на меня робкий взгляд. — Ты их всерьез выбирала?

— Ты думаешь, я могла в таком деле пошутить?! — огрызаюсь я несколько более агрессивно, чем оно того заслуживает. Видимо, злость, что никто мне ничего заранее не объяснил, все еще не улеглась.

— Нет, конечно, — быстро говорит Азамат. — Просто мне казалось, что я тебя уже неплохо знаю, а тут вдруг такие символы... Ты пыталась напугать Старейшин, что ли?

Нет, так мы никогда друг друга не пойдем.

— Азамат, — говорю, — расскажи мне, что значат мои бормол.

— Ну как... — Он разводит руками, потом чешет в затылке. — То и значат. Куда еще рассказывать-то?..

— А какие? — спрашивает Тирбиш.

— Можно ему сказать? — уточняет у меня Азамат.

Я киваю, чувствуя, что сейчас начну убивать.

Он быстро бормочет по-муданжски, и Тирбиш резко спадает с лица, а потом окидывает меня благоговейным взглядом. Проблема в том, что то, что сказал Азамат, совершенно непохоже на то, как по-муданжски называются те предметы, которые я выбрала. Настораживаюсь.

— А ну-ка повтори названия на всеобщем, — говорю ему.

— Э-э... — Азамат на секунду задумывается, — трон, небеса, молитвы.

Я роняю голову в ладони. М-да, где мне было догадаться.

— Алтонгирел — идиот, — заключаю я в итоге. — Да и ты немногим лучше. Уж извини, но предметы, которые я выбрала, называются подушка, зонтик и книжка. А все остальное — это ваше больное воображение.

Азамат смотрит на меня пару секунд не моргая, а потом как грохнет хохотать, Тирбиш аж подскочил.

— Ну, коне-эчно, — стонет мой муженек, — ты же не знаешь значений! Ой, не могу, Лиза, а я-то волнуюсь! Боги, да если бы Старейшины знали...

Тирбиш чешет в затылке:

— Вот это да-а... И ведь не поспоришь, правда же подушка, зонтик и книжка!

Азамата накрывает второй волной хохота. Я сижу, посмеиваюсь дебильненько, жду, пока его отпустит и я получу какие-нибудь объяснения. Ну ладно, параллель зонтик — небо я еще могу себе представить. Подушка — трон — уже хуже, но если на ней сидят... А уж книжка — сборник молитв, что ли? Ну и как, откуда я могла это знать?!

Ишь, как его разбирает, прямо как меня у Дома Старейшин. Тоже стресс выходит небось. Но все-таки Азамат гораздо сдержаннее меня, так что у него это не так долго длится. Поднимается только что не из-под стола в сидячее положение, утирает слезы.

— Лиза, — всхлипывает он, — с тех пор как ты появилась, я смеюсь вдвое больше, чем за все пятнадцать лет изгнания вместе взятые!

— Это меня не сильно удивляет, — говорю. — Лучше объясни, как я должна была, по-твоему, понять, что есть что в этих несчастных фигурках.

— Ну это же... все равно что ты бы про дом сказала, что это кусок глины! В голову ведь не придет, что можно не знать такие вещи! Да и вообще, если забыть о значении, то как ты выбирала-то? Не по внешнему сходству ведь!

Высоко задираю брови, стараясь выразить на лице как можно большее фе.

— Я, естественно, наделила их значениями по функции. Подушка нужна, чтобы было мягко и уютно, зонтик от дождя, книжка — чтобы

не скучать, тем более, у тебя ведь тоже книжка была...

Он воздевает руки к небесам:

— У меня были летописи, я ведь книжник! А ты взяла молитвенник!

— Чем они отличаются на вид-то?!

— Молитвенник узкий, потому что стихи в столбик пишутся, — объясняет он, снова начиная смеяться.

— Дал бы мне рулетку, — говорю, — я бы померила и сравнила!

— Ты лучше скажи, — Азамат с трудом борется со смехом, — зачем тебе был зонтик? От какого тебе дождя защищаться надо?

Я открываю рот... и чувствую, что краснею, припоминая тот сентиментальный бред, который был у меня в голове. Тем более при Тирбише уж и вовсе неудобно... А этот сидит, похохатывает, зонтик ему смешно.

— Ну видишь ли, — отвечаю прохладно, — мне Алтонгирел велел постараться показать себя хорошей женой. Вот я и старалась выбирать такие вещи, которые описывают хорошую жену.

— И при чем тут зонтик? — фыркает Азамат, трясаясь от смеха.

Мне это начинает надоедать. Подзываю его пальцем, чтобы наклонился поближе. Он перегибается через столик, а Тирбиш, наоборот, откидывается назад, чтобы не слушать.

— Видишь ли, дорогой, — говорю довольно раздраженно, — я считаю своим долгом защищать тебя от злословия и поддерживать в трудную минуту. Конечно, если ты находишь это смешным, я могу воздержаться.

Отодвигаюсь, чтобы заглянуть ему в лицо. Смеха и след простыл, конечно. Жалко его так осаживать, вон извиняться принялся... Господи, как же я с ним жить-то буду, если даже после такого крошечного выговора сердце сжимается и хочется все вернуть как было. Пускай смеется, если ему весело, на его долю и так достаточно злобы выпало.

Пересаживаюсь к нему под бок, обнимаю, насколько дотягиваюсь.

— Не мечись, — говорю. — Если я намекаю, что ты неправ, это еще не значит, что я тебя ненавижу.

— Надеюсь, — улыбается он, целует меня в макушку.

Тут является официантка с нашей едой, Тирбиш оглядывает и девушку, и подносы плотоядно, тем более что на нас ему смотреть

неудобно. Официантка пялится пару секунд на нашу скульптурную группу, краснеет, быстренько составляет с подноса блюдо и уматывает — не иначе сплетничать.

На блюде тушка чего-то типа кролика в окружении белых хлопьев.

— Кто это? — спрашиваю.

Азамат щурится, напрягая память.

— Сурок.

Тут вдруг становится очень шумно — в трактир вваливается толпа народа, в гуще которого я различаю Алтонгирела.

— Вот, точно они! — кричит какой-то мужик от двери. — Я ж говорил, Азаматов хохот ни с чем не спутаешь.

Пришедшие довольно бесцеремонно рассаживаются за нашим столом. Хорошо, что я подседа к Азамату, а то оказалась бы в гуще чужих тел. Он, не задумываясь, отрывает от тушки половину и отдает Тирбишу, а остальное так и держит на весу. Видимо, иначе сожрут.

— Ты будешь? — спрашивает меня, как бы не замечая толпы вокруг.

— Кусочек... — без энтузиазма соглашаюсь я.

Он выдает мне, видимо, голень. Ох, как же я не люблю соотносить еду с тем, что бегаёт! Впрочем, на вкус эта тварь оказывается вполне приемлемой, особенно если не думать. Азамат наливает мне молока и предупреждает не запивать чаем, а то, говорит, невкусно будет. Верю беспрекословно.

Практически напротив меня усаживается Алтонгирел с видом мецената-юбиляра, можно подумать, это его свадьбу мы тут празднуем. Девушка-булочка приносит два кувшина с выпивкой, которые практически тут же пустеют, хотя мы и не участвуем. Мне кажется, Азамат хочет выпить, но отказывается вслед за мной.

Один из вновь прибывших произносит длинный хитроумный тост, но, поскольку эта чарка у него явно не первая, я почти ничего не понимаю — только то, что пьют они за Алтонгирела.

— Молодец! — от души хвалит его мужик постарше справа от меня, показывая какую-то конструкцию из пальцев. — Вот это я понимаю, в корень смотришь! Это ж надо так разглядеть! Даже учитель твой не увидел, что они подходят, а ты прямо раз — и все! Великий Старейшина из тебя получится, под стать Ажгдийдимидину!

Я чуть не давлюсь — и от имени, и от ситуации. Шепчу Азамату:

— Это у вас принято так, не молодоженов поздравлять, а того, кто их поженил?

— Они с нами говорить стесняются, — объясняет Азамат. — Ты и для нас в космосе почетная гостья была, а тут и вовсе божество, тем более про твои бормол уже полгорода знает, я думаю.

Видимо заслышав знакомое слово, Алтонгирел обращает ко мне свой царственный лик, открывает рот — и наступает тишина.

— Можно узнать, чего ты хотела добиться? — спрашивает он меня с высоты своего величия.

Ну и что я должна отвечать?

Азамат приходит на выручку, быстро и тихо что-то объясняет. На лице Алтонгирела, который с меня взгляда не сводит, на секунду мелькает удивление и даже уважение (или мне мерещится), но тут же снова сменяется маской превосходства.

— Что же, — говорит он размеренно, — это ничего не меняет. Одна трактовка бормол не отменяет прочих. И твое понимание, и наше описывают тебя в равной степени, это вопрос точки зрения, а суть едина.

Он замолкает и отпивает из чашки, обозначая, что речь окончена. Все вокруг начинают скандировать хвалы Алтонгиреловой мудрости, а мне предлагается утереться.

Я уже собираюсь предложить Азамату пойти отсюда на фиг, но он успевает первым:

— Ты будешь еще есть?

— Нет, спасибо. Доедай и пойдем.

Он кивает и быстро дожевывает сурка. Брр. Хотя я его тоже ела... Нашариваю в кармане влажные салфетки — я без них никуда — и выдаю ему руки вытереть. Мы уже даже встали, когда дверь таверны снова распаивается и врывается высокий раскрасневшийся мужик в неподпоясанном шитом халате поверх пижамы, пузо наружу, борода торчит во все стороны, глаза на лбу, дышит, как насос.

— Азамат!!! — вопит он срывающимся голосом, но так громко, что все посетители оборачиваются. — Ты вернулся!!! Боги милостивые!!!

А после этого происходит уж вовсе нечто феерическое — этот большой дядя прямо-таки напрыгивает на моего мужа, обхватывает его

руками-ногами и повисает на нем, как коала на дереве, перемежая сдавленные возгласы полнозвучными рыданиями. Азамату только и остается, что поглаживать его по спине да приговаривать что-то утешительное.

— Кто это? — шиплю я Алтонгирелу.

— Младший брат, — как ни в чем не бывало отвечает духовник.

Видимо, у младших братьев заведено именно так приветствовать старших, иначе я чего-то не понимаю.

— А он всегда такой э-э... эмоциональный? — спрашиваю.

Те из мужиков вокруг, которые понимают на всеобщем, фыркают и смеются.

— Возможно, тебе это в новинку, — начинает Алтонгирел, и я уже жалею, что спросила, — но некоторым людям свойственно выражать свои чувства, а не представления о том, какими они должны быть.

— Несомненно, — говорю, — например, обиду на всех баб.

Я завоевываю еще несколько сдавленных смешков, а тем временем пылкий братишка все-таки отпускает моего мужа. Точнее сказать, он становится на свои ноги, хотя в вертикальном положении все еще находится только благодаря Азамату. Я обхожу этот монумент сбоку, смотрю на мужа вопросительно. Тот нежно улыбается в ответ.

— Он всегда боялся космоса, — говорит Азамат через голову братика. — Поэтому мы не виделись все это время...

Ох, смотрю, семейка у меня образуется... Честно говоря, я от этого деверя ожидала чего-то большего. Думала, он на Азамата будет похож, что ли... А он и лицом не похож, да еще борода эта длиннющая, козлиная, и пузо круглое поверх пижамных штанов. М-да.

— Мне тебя так не хватало, — бормочет этот дядя Азамату в воротник.

Хорошо хоть этого шрамы не смущают. Азамат в кои-то веки человеком себя почувствует. У меня за спиной возобновляется процесс прославления Алтонгирела.

Наконец ошарашенный родич находит в себе силы держаться на ногах самостоятельно и отпускает Азамата. Я тут же беру дорогого супруга под руку в надежде, что он нас официально познакомит. Он понимает намек.

— Это Арон, мой брат. Ты как предпочитаешь назваться?

— Как обычно, как тебе, ты же знаешь, я полное имя не люблю.

— Хорошо. Арон, это Лиза, моя жена.

Арон хлопает на меня мокрыми глазами. День истерик.

— Так это правда? Действительно земная женщина?

Я киваю.

Внезапно он набрасывается с объятиями на меня — хорошо хоть не с ногами! Я очень выразительно артикулирую Азамату, чтобы забрал от меня своего родича, а тот все бормочет, захлебываясь:

— Спасибо Вам, спасибо, спасибо!

В мударанжском кроме «ты» и «вы» есть еще «Вы», которое употребляют при обращении к богам в молитве, насколько я помню. Ну да, я уже прониклась своим величием, а теперь отпусти.

Азамат не сразу, но все-таки ухитряется отцепить его от меня, а подоспевшая официантка приносит кувшин гармарры, которую Арон выпивает залпом до дна. Памятник поставлю тому, кто заказал, если только это не Алтонгирел.

Когда мой чувствительный деверь обретает способность снова воспринимать мир, Азамат заводит речь о ночлеге.

— Не хочется на корабле ночевать, после стольких лет без дома... У тебя же наверняка летний пустует?

— Да, да, пустует, — кивает Арон, вытирая нос, — но вообще... знаешь... Я так хотел, чтобы ты вернулся... так надеялся...

Азамат гладит его по плечу, выжидательно глядя. Надеюсь, он не предложит ночевать у него? Я не уверена, что он не залезет к нам третьим под одеяло...

— В общем, — продолжает Арон, — я за твоим домом присматривал. Чтобы крыша не протекла, следил, тропинку выкашивал... Короче говоря, вещей там, конечно, нет, но это я дам, а так вообще...

Я вижу, как у Азамата округляются глаза.

— Ты... сохранял мне мой дом? Все эти годы?

— Ну да, — Арон застенчиво краснеет, — я так тебя ждал...

Еще одной семейной сцены моя хрупкая натура не выдерживает, я отворачиваюсь и звучно сморкаюсь. Удивительно, что то же самое делает Алтонгирел. Ну все, теперь вечно буду мучиться, он это всерьез или тоже от цинизма?

Азамат тянет меня за локоть, в глазах душа прямо даже не в зеркале, а из окошек глядит.

— Ты поняла, да?

— Я поняла, что кое-кто любит тебя почти так же сильно, как я.

Он улыбается с влажными глазами, и Арон тащит нас скорее к дому по другую сторону площади. Мы пробегаем пешком до Дома Старейшин чуть ли не быстрее, чем на машине, потом в горку чуть-чуть, потом за калитку, сквозь кусты и мокрую траву по прелой листве — и вот он дом. В темноте не вижу ничегошеньки, но Арон где-то на стенке нашаривает выключатель, и над входом вспыхивает радостная желтая лампочка. Арон отходит, предоставляя Азамату открыть дверь:

— Я сейчас домой сбегаю, постели вам принесу!

Я слышу, как его ноги быстро чавкают по листве и грязи.

Азамат не спешит: к ручке двери привязана толстая веревка с несколькими узлами, покрашенными в разные цвета, между ними на отдельных ниточках навязаны перья и камушки. Муж все теребит ее в руках.

— Что это? — отваживаюсь спросить я.

— Надпись, — отвечает он. — «Хозяина нет дома, но он скоро вернется, потому что здесь его любят».

Глава 21

Азамат наконец дергает за ручку, вернее, кольцо, и большая деревянная дверь с трудом поддается, дребезжа досками от усилия. Мы входим в большое темное помещение. Муж нашаривает на стене выключатель и зажигает свет.

— Однако просторная у тебя прихожая, — говорю. Какого размера сам дом, я разглядеть не успела в потемках, но, надо думать, под стать хозяину. И потолки метра три с половиной.

— Да-а, это все замечают, — с гордостью говорит Азамат, оглядывая комнату и дверь, через которую мы вошли. — Ага, дверь он менял... Прогнила, наверное. А что у нас в чулане делается?..

Слева от входа между вешалками приоткрыта дверца в чулан. Азамат заглядывает внутрь и издает разочарованный возглас:

— Бо-оги, какой бардак... Ладно, завтра разгребем.

Мне из-за его плеча видны только какие-то палки-рукоятки, не иначе садовый инвентарь. Эх, матушку бы сюда, уж она бы нам сад сделала по последнему писку моды.

Напротив чулана плетеный диванчик под огромным витражным окном со стрельчатым верхом. Цветным стеклом (или пластиком, не

знаю) выложены какие-то диковинные цветы и фрукты, а по кайме народный орнамент.

— Витраж тоже сам делал? — спрашиваю. Азамат перестает ужасаться состоянию чулана и поворачивается ко мне:

— Кого? А, окно? Да, сам. Как ты его назвала?

— Надо же, я знаю на всеобщем на одно слово больше тебя, — хихикаю.

Дальше мы обучаем Азамата слову «витраж», а меня вообще всем домашним названиям на муданжском. После этого мы проходим меж двух галошниц через проем, завешенный пыльной занавеской, в гостиную. Там большое пространство голого деревянного пола, справа украшенное диванчиком, а слева печкой цвета загара, которая частично уходит в глиняную стену. Слева от меня еще одна занавеска, Азамат ее аккуратно отдергивает, чтобы не особенно пылить, — за ней лестница на второй этаж и дверь в туалет.

— Пойду гляну, в каком там состоянии... — бормочет он, скрываясь за дверью.

Я решаю его не смущать и обхожу печку справа. В правой стене еще одна дверь, как я выясняю, на кухню. В дальней — на открытую террасу, а совсем уж за печкой — в ванную, которая тут отдельно и содержит в себе огромную, почти круглую, отделанную пластиком яму и угол все той же печки. Тут, наверное, очень тепло, если протопить. Мне-то уже давно совсем не так жарко, как было в Доме Старейшин, так что я очень надеюсь, что печка в рабочем состоянии. На террасу я только выглядываю, но не выхожу. Там тоже есть какая-то мебель, но ею вряд ли можно пользоваться.

Тут из лестничного закутка возникает Азамат.

— Я открыл воду, — говорит. — Теперь всем можно пользоваться. Арон тут серьезно поработал, — качает головой. — Чтобы необитаемый дом сохранить в таком хорошем состоянии...

— Мало ли, может, тут кто-нибудь жил.

— Не-эт, я бы почувал, — улыбается Азамат.

Ну как скажешь...

Тут, собственно, объявляется Арон, пригнавший машину с тряпками. Азамат пытается его еще раз поблагодарить, но тот только отмахивается и тараторит:

— Вот, перинки привез, свежие, этого лета состриг, а вот, смотри, ковер для общей комнаты, я же старый забрал, а это вот новый, прошлой зимой справил, бери, бери, ты же знаешь, от меня не убудет...

Он оставляет два тюка в прихожей и убегает обратно к машине; Азамат идет помочь таскать, а я тем временем забираюсь на второй этаж по довольно крутой лестнице с двумя поворотами. Лестница только чуть слышно поскрипывает.

С верхней площадки открываются двери в две узкие спальни и одну непонятную захламленную комнату, а также в коридорчик, ведущий к балкону. При каждой комнате свой санузел, как и на корабле. Что ж, неплохо: дом достаточно большой, чтобы развернуться, но недостаточно — чтобы умереть при уборке.

Спускаюсь и обнаруживаю бурную деятельность: Арон подметает пол самым натуральным веником, какой я только в музее и видела, а Азамат развешивает по стенам какие-то занавески.

— А это зачем? — спрашиваю.

— Чтобы о глиняные стены не запачкаться, — отвечает он, пристегивая плотную занавеску под потолком, а потом и у самого пола, к каким-то невидимым крючкам. Занавеска, собственно, оказывается гобеленом с птицами и зверями. Азамат отходит на пару шагов и окидывает дело рук своих придиричивым взглядом.

— Ты уж извини, что старые... — бормочет Арон с несчастным видом.

— Спасибо тебе большое, — говорю, — за заботу. Очень рада, что у... моего мужа такой замечательный брат!

Я вообще-то хотела сказать «что у меня такой замечательный деверь», но вовремя сообразила, что не знаю слова «деверь» по-муданжски. Арон улыбается счастливой улыбкой идиота и пару раз кланяется мне, тараторя что-то совершенно невнятное. Азамат похлопывает его по плечу:

— Ладно, ладно тебе, она не любит чрезмерного почтения.

Не иначе на меня тут уже молятся... Азамат тем временем обращается ко мне:

— Надо бы съездить на корабль, вещи забрать.

Я как представлю, что опять нужно переться наружу, в холод и слякоть, да еще в эти горы, где ветер...

— А я тебе для этого сильно нужна? — спрашиваю. — Может, ты там возьмешь мое шмотье и косметичку, а я пока тут приберусь?

Азамат открывает было рот, но тут же закрывает: да, дорогой, если бы я не хотела убираться, то и предлагать бы не стала. Пожимает плечами.

— Хорошо, тогда мы сейчас все привезем. Смотри не переутомись тут, — добавляет он с напускной грозностью.

Они с Ароном выходят в прихожую, и я слышу, как Азамат по дороге объясняет, что жена предпочла остаться и заняться нашим обустройством.

— Уберется? — в ужасе переспрашивает Арон. — А она тебя потом в дом-то пустит?

— Как знать, — смеется Азамат.

* * *

Когда их становится неслышно, я берусь за дело. Веник так веник, на даче ведь чем-то подобным дорожки подметаем, хотя и пластиковым, конечно, а тут из травы, но это не так важно. Зато быстро согреваюсь, стряхиваю пальто и вешаю в прихожей — так двигаться легче. Конечно, начинать надо было со второго этажа, но на первом все равно одним разом не обойдется, так что ничего страшного. Как всегда, уборочный азарт накрывает меня с головой, так что я даже одной из снятых старых занавесок, как следует промытой в ванной (о счастье, горячая вода из крана, а я-то боялась...) протираю полы в спальнях на втором этаже — кроватей-то нет, все перины прямо на пол стелятся, а дышать пылью совсем не хочется.

Перины представляют собой квадратные зашитые мешки, набитые шерстью. Одеяла — вязаные из нее же. Надеюсь, у меня не будет аллергии, впрочем, от этого дела я закупила огромную партию разных препаратов.

Мужики возвращаются, когда я уже занялась кухней. Посуды тут нет, только пара огромных печных горшков, как на картинках в сказках. И эти еще, хвататы, вот.

Азамат доходит до порога гостиной, задумывается и разувается. И то верно, по ковру можно и в носках.

— Кинь мне тапочки, — говорю.

— Мы еще не все привезли, — сообщает он, извлекая мои тапочки из гигантской сумки, которую затем оттаскивает наверх.

Видимо, моя одежда... ох, ну и барахла же у меня теперь... — В машину не все поместилось за один раз, так что сейчас еще поедем.

— Тут совсем нет посуды, — говорю. — А еще я, помнится, покупала всякие моющие средства...

Средства Азамат благоразумно захватил первым рейсом, так что я радостно отправляюсь обрабатывать места общественного пользования бактерицидными жидкостями. Арон только и вертит головой туда-сюда, наблюдая, как я бегаю с бутылочками и губками.

Азамат спускается, морщась.

— Лестница скрипит, перебирать надо... — бухтит. Вот перфекционист! — Арон, у тебя посуды лишней не найдется? А то на корабле вся Тирбишева.

— Думаешь, Тирбиш пожалеет нам пару тарелок? — хмыкаю.

Но Арон уже пустился трещать, как он всю посуду забрал и совсем забыл, ах он растяпа. Мы с Азаматом весело переглядываемся, и они снова уходят.

Пока мужчин нет, успеваю домыть все недомытое и даже распахать свои вещи по шкафам в комнате. Шкафов там много, они все встроенные, с купейными дверями и отделаны изнутри чем-то странным: вроде бы дерево, но уж очень похоже на пенку. Азамат, конечно, сначала привез все мои вещи, а свои только во вторую ходку. Ну ладно, у нас наверняка разные представления о том, что где должно лежать, так что пусть сам раскладывает. Места я ему оставила прорву.

Технику и лекарства пока оставляю внизу, надо сначала решить, где у меня будет кабинет, чтобы не таскать лишний раз.

* * *

Вторым рейсом они привозят Азаматовы вещи, посуду, мои йогурты и еще какую-то еду из запасов Арона, на чем он и откланивается, оставив нам машину во временное пользование. У него, дескать, есть запасная. С ума рехнуться.

— Свет мой, — говорит Азамат, приобнимая меня, пока я мою руки на кухне, — чего бы тебе сейчас хотелось?

— Чтобы тепло было, — говорю. — Я тут пока колбасилась, еще как-то грелась, а теперь опять замерзаю.

— Так я сейчас печку натоплю. — Он тут же скрывается где-то в доме, а потом я слышу лязг, скрип и гудение огня.

Выйдя из кухни, нахожу Азамата перед печной дверцей, совсем рядом с ванной. Не знаю уж, чем они тут топят, но горит хорошо и теплом так и веет.

— А почему бы не сделать батареи? — спрашиваю. — Так ведь быстрее и проще, да и по затратам должно меньше выходить...

Азамат пожимает плечами, не отводя взгляда от пламени в топке.

— Люблю, когда в доме живой огонь. Тем более есть блюда, которые без печки не приготовишь. А тебя что-то в этом не устраивает?

— Не, — мотаю головой, — ничуть, только я зажигать ее не умею.

— И это мешает тебе чувствовать себя самостоятельной, — усмехается Азамат.

Мешает, конечно, но я только машу рукой. Кстати, о блюдах. Я наконец-то провяла.

— Давай, — говорю, — разбирай свои вещи и не поджаривайся тут особенно, тебе вредно. А я пока погрею что-нибудь на ужин.

Среди принесенной еды обнаруживается коробочка с чьей-то увесистой голенью и уже знакомыми мне белыми хлопьями, которые я, впрочем, так и не попробовала в «Щедром хозяине». Горячий камень я уже нашла в одном из шкафчиков, осталось приладить его на стержень, торчащий из плиты, и повернуть так, чтобы светился не очень сильно. И пусть кто угодно другой исследует, почему и как оно все работает.

Запах того, что оказалось бараниной, притягивает Азамата, и мы вместе ужинаем за капитальным кухонным столом, как на корабле. Белые хлопья на вкус похожи на очень-очень рассыпчатую картошку. Азамат объясняет, что это чома, прекрасный и всеми любимый муданжский корнеплод, который в теплых широтах выращивают круглый год, но, увы, он совсем не хранится, поэтому его совершенно невозможно брать с собой в космос. Собственно, больше мы ни о чем за ужином не говорим, потому что чома и правда очень вкусная, да и баранина ничего...

Вот за чаем можно и поболтать. Я замечаю, что мы оба все еще не сняли хомы, и меня начинает разбирать любопытство.

— А у тебя хом тоже легким стал? — спрашиваю. И как раньше не поинтересовалась?

— Конечно, — кивает Азамат. — Иначе мы бы недолго прожили вместе, в тяжелом-то браке. А теперь нам легче должно стать, на то и обряд.

Пока я все это осмысливаю и скребу в затылке, он спрашивает:

— Я так понял, ты нам вместе постелила наверху?

— Ну да, — говорю, — если ты не против.

— Я не уверен, что засну сегодня, — задумчиво говорит муж.

— Ну уж я постараюсь, чтоб ты заснул, — усмехаюсь. — А то я одна в незнакомом доме только и буду от каждого шороха подскакивать.

— И чего ты такая нервная? Я просто думал прогуляться по городу...

— Завтра вместе прогуляемся, — отвечаю. — По городу, за городом, где хочешь. Покажешь мне все.

— А ты хочешь посмотреть? — удивляется он. — Ну хорошо, тогда можно и завтра. — Под моим недоуменным взглядом он кивает: — Да, точно, ты ведь и на Гарнете гулять хотела... У нас-то, понимаешь, люди предпочитают по домам сидеть и делом заниматься, это меня все куда-то тянет...

— Ничего удивительного, — говорю. — Мне бы через пятнадцать лет тоже захотелось пройтись и осмотреться. У нас люди гуляют для удовольствия, если время есть, это да.

— Жаль, Алтонгирел этого не знал, — усмехается Азамат. — Он так долго мне расписывал, как я все неправильно делаю...

— Я слышала, — говорю со вкусом.

— Точно! — Азамат взмахивает рукой и хохочет. — Ты же все понимала!

Он еще долго смеется и трясет головой, а потом облакачивается о стол и долго на меня смотрит.

— Сегодня такой безумный день, — говорит. — Я чуть с ума не сошел, когда Старейшины нам сперва отказали. И потом эти ребята в трактире... я им еще завтра устрою взбучку за такое хамское поведение. Ты извини, что сразу их не прогнал... просто не соображал ничего. Знаешь, чувство такое было, как будто это все не со мной. И вообще, весь день как сон. А теперь вот, на собственной кухне — вроде бы отпустило немного, возвращаюсь к реальности.

Я беру его за руку через стол, и мы еще долго так сидим, и нам все теплее и теплее.

* * *

— Печка прогрелась, — сообщает Азамат. — Давай-ка мыться и спать, если уж гулять ты меня не пускаешь.

В ванной жара, как в парилке, я довольно долго просто лежу пластом, пытаюсь привыкнуть к температуре, но прихожу к выводу, что ничего не выйдет, мне просто слишком жарко, чтобы двигаться.

— У тебя есть два варианта, — говорю Азамату, который сидит рядом и деловито намыливается. — Либо открыть окно, либо помыть меня без моего участия.

— Второй мне больше нравится, — без раздумий заявляет он с задорной искоркой во взгляде.

Эге, да кто-то осмелел, я смотрю. Ну что ж, давно пора. Впрочем, на деле он по-прежнему невероятно осторожен, как будто боится, что я растворюсь, если посильнее потереть.

— А где будет жить мой комод? — спрашиваю лениво, пока муж возится с моими волосами.

— Я его пока поставил в мастерской, а ты уж потом сама решишь, куда его. В спальне-то особенно некуда, только если один из шкафов перегородить.

— Мастерская — это на втором этаже, где какие-то мешки и опилки?

— Ну да, у меня на сборы времени еле хватило тогда, а уж убираться — и вовсе некогда было. А брат ничего там не трогал. Он, кстати, не очень тебя напряг? Ты на него как-то странно смотрела поначалу.

Смеюсь.

— Он душка, — говорю. — Просто забавный такой... и я думала, он больше на тебя похож.

— Он на мать похож. — Азамат пожимает плечами.

— А-а, — говорю я глубокомысленно. — В любом случае, даже если бы мне что-то не понравилось, все равно он твой брат, и я рада, что он у тебя есть. Кстати, как по-муданжски будет «деверь»?

— Никак. У нас есть только дети, родители, братья и сестры.

— А... бабушки-дедушки?

— Тоже нету.

— С ума сойти, — удивляюсь вяло. — Это же так неудобно!

— А зачем они? — Муж буксирует меня по воде к крану, чтобы смыть шампунь. — Их видишь-то пару раз в жизни, случайно. Да и братья не так часто рядом живут, это просто Арон с детства привык, что я всегда помогу, если что, и поселиться решил неподалеку, чтобы так и дальше было.

— Так ты его избаловал, — хмыкаю.

— Есть немного, — улыбается Азамат, безуспешно пытаюсь прикрыть напускным раскаянием гордость. — Но он хороший парень. Двое детей уже, оказывается.

Последнее мой муж произносит с особым пиететом — впрочем, оно и понятно, тут в детях, видимо, измеряется социальный статус.

Азамат споласкивает меня под гибким краном, бормоча, что душ он обязательно установит в ближайшие дни — я только киваю с идиотской улыбкой и послушно дрейфую по поверхности — и извлекает меня на воздух, попутно заворачивая в полотенце.

— А с твоим... умершим мужем ты тоже вместе мылась? — внезапно спрашивает он.

Всю мою расслабленность как рукой снимает.

— Иногда, — говорю, запахивая халат, — а что?

— Чего ты так испугалась? — хмурится Азамат. — У вас не принято говорить о мертвых?

— Да нет, принято, — пожимаю плечами, стараясь изобразить равнодушие. — Просто ты до сих пор о нем ничего не спрашивал, вот я и удивилась...

Азамат долго на меня смотрит молча, теревит в руках полотенце.

— Я не чувствовал себя вправе, — говорит он наконец. — Но теперь нет смысла откладывать.

— Что откладывать?

— Вопрос про него.

— Какой вопрос?

— Ты знаешь.

Я обескураженно поднимаю глаза, а до сих пор, оказывается, упорно смотрела в сторону, и понимаю, что и правда знаю.

— Я всегда отбивалась, если он пытался поднять меня на руки, — произношу задумчиво. — И когда болела, лечилась так, чтобы он не видел.

Мы снова долго молчим, потом Азамат медленно кивает. Привлекает меня к себе, гладит по голове и плечам, нагибается к моим губам, его огромное тело везде вокруг меня, но тут уже у меня закипают мозги.

— Пойдем, — говорю, — куда попрохладнее. Пожалуйста.

Смеется.

— Ты у меня как редкий цветочек. То холодно, то жарко, но уж если с климатом угадать, расцветаешь всем на зависть.

* * *

В спальне у нас с климатом все хорошо, и все же Азамат пытается меня укутать в пару-тройку одеял.

— Ну ты меня еще в перину заверни, — ворчу.

— Перин нет, — жизнерадостно отвечает он. — Только шерсть. Арон ненавидит, когда перья колотятся сквозь чехол. Он разводит «женских овец», у которых шерсть мягкая и не пахнет, именно чтобы матрасы делать.

— А... — говорю, соображая, что и где я перепутала. — Нам в колледже дифжир переводили как «перина».

— Что ж они у вас там пух от шерсти не отличают? — возмущается Азамат.

Я закатываю глаза.

— Дорогой, ты всерьез думаешь, что у нас кто-то что-то набивает перьями? Из шерсти еще одежду делают иногда, а всякие подушки-матрасы уже много веков с искусственными наполнителями.

— А, ну да, — усмехается он, укладываясь вокруг меня, — никак не привыкну, что такие обычные вещи можно совершенствовать при помощи технологий. У нас как-то принято считать, что технологии — они для войны, ну и для транспорта еще, а все прочее — по старинке.

— Я только рада, что вы догадались модернизировать туалеты, — говорю. — А то пришлось бы тебе совершить прорыв в сфере сантехники.

Мы смеемся, получая столько удовольствия от самого процесса, что вскоре уже забываем, что послужило причиной. Потом я берусь за цикаತ್ರивин и принимаюсь обрабатывать своего ненаглядного на ночь, а он вдруг заявляет, что ему щекотно. Я решаю, что это хороший признак, и продолжаю втирания — он жмурится, хохочет, пытается пощекотать меня, потом мы много и обстоятельно целуемся, катаемся

по теплому ложу, закукливаемся в одеяльный кокон с накаленной сердцевиной, обжигающим тугосплетенным ядром, вечным двигателем на силе трения, шумно дышим в такт резонирующим пульсам, наши слившиеся души вспыхивают двойным светом, ослепляя друг друга, чтобы открыть внутреннее зрение, которое не замечает между нами границы, а чего мы не видим, того и нет, ведь это наше слияние творит миры и пересоздает нас самих — куда-то же надо девать тот бесконечный поток любви, который хлещет из нас, пропитывая жизненной силой всю нашу и пару-тройку соседних вселенных.

Глава 22

Пробуждение у меня тяжелое: Азамат все-таки укрыл меня всем чем мог, так что я теперь чувствую себя изрядной лепешкой.

Самого его, впрочем, рядом нет. Неужто все-таки свалил гулять один? А я-то вчера расстаралась, убеждая его, что он мне важнее всего на свете! Нет, конечно, и правда важнее, чего уж там. Все познается в сравнении, и теперь я начинаю понимать, что с Кириллом меня не покидало ощущение необязательности: мы могли и не встретиться или встретиться и разойтись, а вот решили пожить вместе, а могли бы и не решить. А если бы со мной что-то случилось, нашлась бы другая... Правда, случилось-то с ним, а другой нашелся у меня, хоть и нескоро, — но и это по-своему показательно.

К Азамату же я принайтována намертво. Не знаю уж, если вдруг я исчезну, его выгонят снова или как? Но проверять не буду. Если поначалу мне еще казалось, что его бы любая землянка с руками оторвала, то теперь понимаю, что нет. Меняхватило вчера на то, чтобы не поссориться с ним из-за бормол и его бесконечной покорности судьбе. Я легко меняю свою жизнь в соответствии с условиями, могу сорваться с места, могу осесть на чужой планете за много миллиардов световых лет от дома, лишь бы цель оправдывала. Конечно, почти любая земная женщина могла бы стать ему женой. Но я еще и могу быть с ним счастлива.

Ну да ладно, утренняя рефлексия никогда не была моим сильным местом, как, впрочем, и все утреннее, так что стоит уже пойти выяснять, куда это мой драгоценный и единственный подевался. Может, хоть зайдет за мной посреди своей прогулки, если уж с утра не усидел.

Однако только выхожу на лестничную площадку, как тут же становится стыдно: никуда Азамат без меня не ушел, он просто завтрак готовит. И очень кстати. Я скатываюсь по ступенькам, существенно приободренная.

В кухне довольно дымно, но дело вовсе не в том, что муж что-то упустил, просто мударжская еда в принципе довольно часто так готовится, все в дыму и чаду.

— Привет, — жизнерадостно кричит он мне от плиты, где что-то ужасно шкварчит. — Ты как раз вовремя, сейчас уже все будет!

— Давно встал? — подхожу ближе.

— Часа два назад. — Муж прерывается на утренний поцелуй. — Ты меня и правда вчера укатала, как и грозилась. Не замерзла?

— Ничуть. Я бы даже сказала, что пара этих перин, которые не перины, была лишней. Ты меня греешь лучше любой печки. — Я падаю за стол в мягкое кресло, все равно Азамат мне не доверит сервировку.

— А, так это я уже когда встал, тебя укрыл. Утром как раз холоднее всего, потому что печка остывает.

Он раскладывает в две пиалы что-то кашеобразное, пахнущее мясом и молоком.

— Погода сегодня отличная, — говорит. — Мокро, конечно, но солнечно. Я выходил до калитки, когда молочник проезжал, вот, молока купил... Там все просто сияет! Так что прогулка должна быть приятной.

— У меня прогулка будет приятной уже потому, что ты сияешь, — говорю, пробуя загадочное варево. Оно практически гомогенное и похоже скорее на подливку, чем на самостоятельное блюдо, но довольно вкусное, о чем я не забываю сообщить.

— Куда ты хочешь сходить первым делом? — спрашивает Азамат, молниеносно расправившись со своей порцией.

— Можно подумать, я знаю, куда тут можно сходить. Думала, мы просто погуляем, разведем местность.

— Хорошо, — широко улыбается он. — Тогда, наверное, начнем с высокой стороны.

— С какой?

— Ну та половина Ахмадхота, в которой мой дом, находится на возвышении. А по другую сторону от Дома Старейшин — низкая

сторона. Вот, «Щедрый хозяин» там стоит.

— Хм. А есть какая-то разница, где жить?

— Небольшая, — пожимает плечами Азамат. — На низкой стороне больше тракторов, шумнее, и за ней космопорт, так что в любое время суток ездит кто-нибудь. Здесь потише.

— А чего их тогда различать, если почти никакой разницы?

— Ну как, между ними ведь река...

— Погоди, ты же говоришь, граница по Дому Старейшин проходит.

— Нет, граница проходит по Ахмадмирну, а Дом Старейшин стоит на мосту, ты разве не заметила?

Изо всех сил напрягаю память, пытаюсь воссоздать окрестности этого самого дома. Помню плитку под ногами. Но вот реку...

— Мост очень широкий, — усмехается Азамат, — а по краям много кустов, так что ты могла перил и не заметить. Думаю, оттуда и стоит начать осмотр.

* * *

На улице и правда очень солнечно, и черемухой пахнет еще сильнее, чем вчера. Сад вокруг дома представляет собой смешанный лес, в котором половину деревьев я никогда в глаза не видела, несмотря на все матушкины старания натащить на дачу экзотики со всех концов вселенной. Я опознаю дуб, сосну и пихту, а в среднем ярусе агаву и какой-то боярышник. Под ногами блестит круглыми листочками что-то ползучее с маленькими белыми цветочками, вроде вьюнка.

Дом у нас жизнерадостного рыжего цвета и покрыт такой же блестящей черепицей, как Дом Старейшин.

— Это чешуя морского дракона, — гордо сообщает мне Азамат. — Ловить их — дело опасное, зато уж если поймашь, два дома можно покрыть. Кстати, я ведь не продал излишки... можно будет использовать.

Мы выходим на расквашенную, залитую солнцем радиальную дорогу, на которую из-за заборов свешиваются ветви диковинных деревьев, частично увешанные сморщенными прошлогодними фруктами. Азамат срывает несколько больших бордовых ягод с ближайшей грозди, что-то вроде фиников, протягивает мне. Они оказываются ужасно сладкими, как это бывает с перезревшими

фруктами, но Азамат ест их с таким блаженством на лице, что мне сразу становится ясно: вкус детства. Будем считать, я тоже в восторге. Мне вообще Азамат особенно сильно нравится, когда довольно улыбается, он от этого сразу делается ужасно родным.

Лавируя между лужами в колеях и валами жидковатой глины по обочинам, движемся вдоль очаровательных пряничных домиков, припрятанных за деревьями с разноцветной листвой. Запах черемухи смешивается с ароматами других рано цветущих деревьев и кустов, с запахами кофе и острого жареного мяса. Пару раз Азамата окликают знакомые, он отвечает на приветствие, но разговоров не начинает, да и окликнувшие, разглядев его поближе, пятятся прочь.

Радиальные улицы пересечены кольцевыми, и вместе они образуют кварталы со стороной в три-четыре дома. Через три таких квартала от нас обнаруживается открытый рыночек на лужайке под сенью пеканов.

— Замечательно, очень хорошо, — бормочет Азамат, проходясь вдоль рядов. — На обратном пути обязательно сюда зайдём.

Впрочем, он тут же подходит к ближайшему лотку и покупает у лучезарного бурого и кряжистого лотошника корзинку фруктов. Похоже, у кого-то витаминный голод.

Мы доходим до площади с Домом Старейшин, и теперь, при утреннем свете, я вижу, что он и правда стоит на очень большом мосту. Ахмадмирн в этом месте шириной метров сто, а мост почти квадратный, так что получается практически туннель. Парапеты невысокие, мне до пояса, и по обеим сторонам все заросли кустами и лианами. Мы перегибаемся через бортик, чтобы посмотреть на черную воду со слепящими белыми солнечными бликами, над которой колышутся бороды пунцовых листьев какого-то ползучего растения. Чуть слева от меня на бортике сидит гигантский лазурный зимородок и даже не думает меня бояться.

— Здесь, под мостом, где темно, водится одна потрясающе вкусная рыба, через пару недель можно будет ловить, когда отнерестится, — с энтузиазмом рассказывает Азамат.

— А вы все сами себе еду добываете или все-таки можно где-то купить? — озадачиваюсь я.

— Можно, конечно, — пожимает плечами Азамат. — Но это значит признаться, что ты плохой охотник. Да и потом, если своими

руками добыть, то как-то вкуснее...

Мы спускаемся с моста на пологий низкий берег и еще с полчаса гуляем вдоль воды на приятном ветерке. Я все в том же полумеховом пальто, но под него надела штаны, и теперь очень рада: скакать по кочкам в юбке мне совершенно не улыбается. Азамат с таким смаком уписывает фрукты, что я тоже соблазняюсь и присоединяюсь. Бледно-желтые сморщенные груши оказываются похожими на очень сладкую тыкву, а серые персики — скорее на хурму. Азамат рассказывает, что разновидностей этой хурмы на Муданге очень много, практически в каждом саду она какая-нибудь другая, такой большой разброс. На дне обнаруживаются и вовсе безумные плоды: длинные, скрученные спиралью стручки цикламенового цвета. Азамат называет их обезьяньими серьгами. Внутри у них большие сладкие горошины. Азамат легко ломает пальцами твердые стручки, а мне это не под силу.

Выбравшись из речной долины, мы зигзагами ходим по низкой стороне города. Здесь и правда много едален, и все они построены в форме каких-нибудь тварей: свернувшейся змеи, сидящего волка, быка, барана, даже сурка. На самой окраине обнаруживается один трактир — Азамат говорит, что новый, он его не помнит, — так тот вообще в форме какой-то мифической твари вроде барса с крыльями. Проходя мимо него, муж вдруг притормаживает и показывает мне на что-то на дорожке к двери.

— Видишь тень?

На дорожке и правда есть тень, как будто от человека. Она лежит неподвижно, потом как будто поворачивается и движется мимо нас через дорогу и в глубь города. Я принимаюсь вертеть головой, пытаюсь понять, что же ее отбрасывает.

— Не ищи, — усмехается Азамат. — Это была тень бога. Он тут прошел пару часов назад, судя по следам, а тень, как всегда, забыл. Хотя бывает и наоборот, тень забегает вперед.

Я открываю было рот, чтобы что-то сказать (убей не знаю что), но тут из дверей трактира выходит Старейшина Унгуц, тот самый, которому мы обязаны состоявшимся браком.

— А, Азамат-сын, — радостно говорит он. — Жену свою погреть зайди. Со старым Унгуцем вместе чайничек чаю выпить...

Азамат кидает на меня вопросительный взгляд, и я ожесточенно киваю. Этого деда я из своей чашки готова поить. Как скажет, так и

будет.

* * *

Интерьер заведения, носящего гордое название «Лесной демон», мало отличается от «Щедрого хозяина», только заправляет там могучий молодец, раскрасневшийся от жара плиты. У него недлинные, вытравленные до мутно-желтого волосы, убранные со лба повязкой, и жиденькая борода, как будто нарисованная.

Старейшина Унгуц располагается полулежа за одним из столиков — судя по промятым подушкам, он только что отсюда встал. Хозяин, оказавшийся вблизи еще больше, чем я думала, чуть ли не выше Азамата и намного шире, приносит огромный чайник из местной зеленой глины, расписанный ковылем. Азамат снова вынужден заказать еще один для меня, потому что в этом оказывается гармарра, а мне еще рано баиньки. Наш сморщенный дедок что-то говорит, и Азамат усмехается, но переводить отказывается, дескать, мужская шутка. Я сильно сомневаюсь, что в природе существуют мужские шутки, которые наш завотделением не успел мне рассказать за обедом, ну да тем более нет смысла вытягивать из Азамата, что там про меня сказал Старейшина.

Наш пожилой сотрапезник возлежит, пожевывая полоску сушеного мяса, разглядывает меня.

— Алтонгирел не сам догадался, — наконец изрекает он. — Земляне по чужой указке не женятся.

Я улыбаюсь, довольная, что тут есть хоть кто-то понимающий. Унгуц качает головой, бормочет:

— Ишь ты, какие нынче богам бормол угодны. То все смирение да покорность, а тут нате вам, зверюшку дикую впустили. Перемены грядут, да-а...

Азамат неуверенно поглядывает на меня и пытается что-то возразить, но Старейшина отмахивается.

— Знаю все, знаю, чужие люди, чужие мысли... Но нам за себя думать надо...

Он еще что-то бухтит под нос, я ничего не разбираю, потом запускает руку в длинный карман штанов и достает резную фигурку — нераскрывшийся бутон какого-то диковинного цветка.

— На вот, — говорит, протягивая мне, — ты ведь это вчера не нашедши искала.

Я принимаю бутон двумя руками — этому жесту вежливости нас преподаватель в колледже обучил. Старейшина усмехается, а Азамат смотрит на меня растроганно, как будто понял обо мне что-то великое и прекрасное.

— Будет твоей бормол коллекции началом, — говорит Унгуц, поднимаясь в сидячее положение, скрещивает ноги и наклоняется над столом ко мне. Он довольно щупленький дедок, сидя даже ненамного выше меня. Его сморщенное лицо обрамлено сахарно-белыми волосами и бородой, в которые кое-где вплетены серебристые шнурочки. — Бормол, — говорит он наставительно, — каждый у себя держит, в руки другому не дает. Случись пожар в доме, бормол вынесешь. — Он задумывается ненадолго, потом добавляет. — Ну, можно муж вынесет. Другим не даришь, незнакомым не рассказываешь. Дома поставишь в только-ты-бываешь комнате. Вернешь дарителю, — он наставительно поднимает палец, — страшнейшее оскорбление. Особенно от тебя: равно как боги отвернулись.

На этом Унгуц решает, что его миссия как наставника выполнена, и заваливается обратно на подушки, кивнув Азамату, чтобы налил еще гармарры. Я рассматриваю бутон: он сделан невероятно изящно. Узкие лепестки скручены в спираль, листочки завернуты кудряшками. Прожилки на дереве проходят как раз так, что получаются прожилки на лепестках.

— Очень красиво, — говорю осторожно. — Спасибо вам большое.

Старейшина смеется, а Азамат, улыбаясь, протягивает мне свеженаполненную пиалу.

— Чужаки по-муданжски говорят, второй раз слышу, — говорит Старейшина Азамату, — но все смешно.

— А вы еще кого-то знаете, кто муданжский выучил? — спрашивает Азамат.

— Молодой был, на Гарнете работал, — пожимает плечами Унгуц, — там один восемь-языков-знал парень был. Наш язык от меня учил. Как-то имя-то его... Вайен-чин.

— Валентин? — ошеломленно переспрашиваю я.

— Да-а, да-а, так, — кивает Старейшина.

— Это мой учитель, — говорю. Ибо вряд ли в мире есть два Валентина, выучивших мударжский язык. Правда, насчет восьми языков я про нашего препода не знаю, ну так я про него вообще почти ничего не знаю, если вдуматься.

— О! — хохочет Старейшина. — Боги мне задолжали!

И снова покатывается, чуть не давясь, выставя напоказ полный рот крепких, здоровых, рыжеватых от курева зубов.

Мы с Азаматом весело переглядываемся: кажется, на сей раз он точно так же, как я, ничего не понимает.

— Почему Старейшины так странно говорят? — задаю давно мучающий меня вопрос. — Я легко понимаю, когда ты или Алтонгирел говорите по-мударжски, а эти совсем по-другому слова ставят...

— Это потому что всеобщий очень сильно на мозги садится, — объясняет Азамат. — Считается, что у тех, кто его выучивает, личность меняется. На мударжском ведь все главное в конце, и можно очень долго говорить и в это время решать: сказать правду или нет, о будущем или о прошлом, согласиться или возразить... а во всеобщем с главного начинаешь, вот и получается, что думать надо очень быстро. Старейшинам же ничего быстро делать не пристало, поэтому у них речь очень правильная. А мы, наемники, косноязычные.

— А разве ты не можешь говорить, как Старейшины? — спрашиваю. Как-то обидно думать, что Азамат по местным меркам косноязычен.

— Могу, конечно, — улыбается он. — Не зря же я книжник. Так и Старейшина Унгуц всеобщий знает, а говорит правильно.

Я чувствую, что краснею. Что-то я не сообразила, что раз он на Гарнете работал, то и на всеобщем понимать должен. Могла и подождать с идиотскими вопросами.

Унгуц, впрочем, смотрит на меня благодушно, потягивая свою гармарру.

— Азамат ведь у меня учился книжному делу, — спокойно говорит он на всеобщем, почти без акцента. — Я же его первым начал и всеобщему учить. Я бы предложил тебя поучить мударжскому, но, думаю, Азамат и сам справится.

Азамат слегка кланяется, и я тоже. Старейшина снова долго смотрит на меня изучающим взглядом, потом вдруг обращается к Азамату:

— Ты бы с ней на игры сходил, похвастался.

— А что, игры еще идут? — оживляется муж.

— А как же! Конные уже прошли, а сейчас бои. После обеденного отдыха четверть будет. А завтра уже лучники... Сходил бы, о себе напомнил. Ты как Непобедимый в любое время в игру вступить можешь.

Азамат поворачивается ко мне, и я сразу понимаю, что он готов хоть сию секунду туда помчаться. Еще бы, так страдал, что нет достойного противника...

— Ты не против, если мы после обеда... — начинает он, и мне даже смешно делается.

— Конечно, сходим, можешь и не спрашивать, я знаю, что ты хотел попасть на игры.

Азамат целует меня в висок, а Старейшина только посмеивается, глядя на нас.

* * *

До начала четвертьфинала еще три часа, так что мы отправляемся домой, чтобы пообедать и переодеться. Мне полагается нацепить что-нибудь подороже и покрасивее, а Азамату — спортивное. Унгуц проходится с нами до Дома Старейшин, и я обнаруживаю очевидную практическую пользу от высокой стороны города: сзади в дом можно войти без лестницы, там порог вровень с землей. Мы же идем дальше и по дороге заходим на тот рыночек, который заметили утром, закупаемся там еще горой фруктов, чомой, сыром и тушкой ягненка, на которую я предпочитаю не смотреть, чтобы не портить себе аппетит. Понимаю, конечно, что молодое мясо вкуснее, но...

Азамат весело насвистывает, подготавливая ножи для ошкуривания, и я решаю, что на кухне мне сейчас делать нечего, так что пока отправляюсь фотографировать сад для маменьки.

Сад у нас, по моим меркам, просто прекрасный: много тенистых деревьев, из них довольно большой процент со съедобными плодами, а под ногами плотная низкая травка, на которой можно посидеть и полежать. А главное — ничего не надо полоть! Хотя некоторые кустики я бы подстригла, да, особенно колючие.

В саду довольно зелено, потому что многие деревья тут явно не сбрасывают листву на зиму. Листья сплошь крупные, темные и блестящие, а под ними висят сморщенные прошлогодние плоды,

которые никто не убрал. Многие деревья увиты какими-то дикими родственниками тыквы, ипомеей и еще всякими лианами. У белых цветочков в траве длиннющие малиновые тычинки, как выставленные языки. В одном углу сада обнаруживаю сгущение белых цветочков, которые опознаю как дикий лук. Надо сказать Азамату, а то он его купил, а ведь есть свой...

Когда возвращаюсь в дом, ягненок утрамбован в булькающий котел, и я вздыхаю с облегчением. Поскольку Азамат все еще чем-то занят на кухне, приношу туда же бук и сажусь перекидывать маме фотки.

— У нас там лука целая делянка, — говорю. — Можно не покупать.

— Да? Это прекрасно. Надо только проверить, не выродился ли... за столько лет.

От мамы пришло письмо, что она довязала свитер (вот это я понимаю, скорость! Видимо, азарт разобрал...).

— А где, — спрашиваю, — у вас тут почта?

— А как раз рядом с игровым полем. Слушай, точно, надо ведь твоей матушке куклу отправить.

— Ага. Да и от нее тут посылочка ожидается. Номер туннеля скажи?..

* * *

После еды мы быстренько собираемся. Азамат вспоминает, что не сунул вчера стирать свою рубашку моего изготовления и очень сокрушается по этому поводу — на игры положено являться в самом нарядном и только на месте переодеваться в спортивную форму. Утешаю его как могу, а сама тихонько строчу маме сообщение на телефон, чтобы поскорее отправляла, потому что уже нужно.

Меня полагается одеть во все самое яркое, чтобы издалека было заметно. Я немного чувствую себя выставочным экспонатом в музее игрушек, но уклад есть уклад, а я действительно хочу, чтобы Азамату все позавидовали. Так что послушно наряжаюсь в оранжевую водолазку с синей юбкой и белый полушубок, в котором, конечно, слишком жарко, но там ведь придется долго сидеть под открытым небом, лишним не будет.

* * *

К месту игр мы едем на машине на север. От города это недалеко, минут пять всего, но Ахмадмирн там уже намного шире, наконец-то видно, что это великая река. Наша цель — огромное поле в локальной впадине, на естественных склонах которой установлены плетеные сиденья, как у Азамата в прихожей. Мы проезжаем вдоль края впадины до подножия восточных гор, где и выходит почтовый туннель. Выбравшись из машины, подходим к неприметной пещерке. Оттуда вдруг раздается поток страшных проклятий.

— Не помню, говорил я или нет, — произносит Азамат, — но туннель довольно ненадежный, очень ценных вещей лучше не посылать. Впрочем, если там сейчас у кого-то что-то съелось, то в ближайшие дни десять это вряд ли повторится. В этом есть некоторая периодичность.

Пещера довольно большая, и я с облегчением понимаю, что она оборудована как любая нормальная туннельная почта на Земле или на Гарнете, а именно — автоматическая. Это значит, что посылать и получать можно в любое время, а не только когда служащий на месте. От выхода туннеля, который припрятан где-то в глубине, по движущейся ленте посылки выезжают в зал, сканеры считывают с них имя получателя и отправляют в соответствующий ящик. Собственно, в зале только ящики и видны, на много метров в обе стороны.

Мы идем минуты две, пока находим Азаматов ящик.

— Вот еще одно преимущество гласного имени, — говорит он. — Тирбиш полчаса к своему ящику идет.

Он открывает дверцу — а там битком набито.

— Ого, ну тут и баракла... Видно, скопилось за то время, что меня не было. Ладно, давай это пока все в машину свалим, сейчас нет времени разбираться.

Он кидает монетку в стоящий рядом автомат, получает оттуда большую сумку и сгребает в нее содержимое ящика. Только я открываю рот на тему того, что мамина посылка должна быть где-то тут, как она падает в расчищенный ящик. Узнать ее легко — красный свитер в прозрачном пакете.

— Во, — говорю. — А это тебе от матушки. Примерь-ка.

У Азамата аж глаза на лоб лезут.

— Ты серьезно? Боги, да когда ж она успела?..

— Да она это быстро умеет, если хочет, — ухмыляюсь я. — Давай надень, посмотрим, впору ли.

Свитерок приходится как раз. Матушка все-таки не удержалась от выпендрежа с фасоном: широкие рукава длиной три четверти, а дальше из них торчат более узкие, из тонкой пряжи, и то же самое с горловиной, встроенной в как бы открытый ворот. Азамат вертится передо мной ощупывает себя со всех сторон, благодарит матушку бесконечно.

— Ну вот, — говорю, — теперь и одет нарядно, можно идти хвастаться.

Азамат аккуратно складывает упаковку от посылки и вдруг извлекает оттуда открытку:

Дорогому зятю на свадьбу.

Плодитесь и размножайтесь.

Ирма Гринберг.

Азамат закрывает куклу в ящике и поворачивает рычажок на дверце с «приема» на «отправку». Текст открытки в моем переводе производит на супруга такое сильное впечатление, что он молчит до самой машины, в которую мы скидываем содержимое ящика и Азаматову куртку за ненадобностью. Свитер на солнышке просто огнем горит, матушка моя человек прямолинейный: сказали красный, значит, будет такой красный, чтоб светился.

У машины на нас нападает Арон с улыбкой шире бороды.

— Ты просто посмотреть или участвуешь? — спрашивает он, пропустив приветствие.

— Надеюсь, что поучаствую, — улыбается Азамат, закрывая багажник, в который упихивал посылки.

Арон оглядывает его от пояса и выше округлившимися глазами:

— Какой у тебя... это жена сделала?

— Мать жены, — улыбается Азамат.

Арон обходит его кругом пару раз, рассматривая мамино изделие, при этом страшно напоминает павлина в зоопарке, гуляющего вокруг кормушки с новым кормом. Вышагивает так странно, глазом косит, на лице изумление.

— Невероятно... и пряжа такая роскошная... о прошлом году мой сосед такую привозил, он на Бругу летает торговать — так никто не купил, слишком дорого!

Азамат бросает на меня обеспокоенный взгляд.

— Не волнуйся, — говорю, — моя мать состоятельная женщина и очень себя любит. Раз сделала, значит, могла себе позволить.

На самом деле у нас такая пряжа стоит гораздо дешевле чистой шерсти, хотя я их плохо различаю на ощупь, но пусть Арон думает, что вещь и правда дорогая.

Мы наконец-то двигаем на стадион, где уже довольно много народу. Арон откланивается, потому что сидит где-то в гуще людей с семьей, а мы отправляемся искать места поближе к полю, чтобы Азамату было недалеко идти.

— А ты правда непобедимый? — спрашиваю я, провоцируя его на хвастовство.

— Это просто звание, — скучно отвечает он. — Если четыре года подряд выиграть, то на всю жизнь получаешь звание Непобедимого Исполина, даже если больше не участвуешь в соревнованиях.

У края поля натыкаемся на одного Старейшину-духовника в золотом халате и с карманным буком в руках. Азамат подходит к нему записаться на участие. Старейшина окидывает его странным взглядом, но записывает. Тут я замечаю, что нам кто-то машет из второго ряда, — это Старейшина Унгуц. Эге, и он сюда доехал. Однако важное мероприятие, похоже.

Мы садимся рядом с Унгуцем.

— Все-таки выбрались, — одобрительно улыбается он. — Молодцы. И хорошо, подобающе одеты. Лизонька, хом наружу вынь, чтобы поверх шубы был... ага, вот так. Мужнин будешь в руках держать и тереть, это на удачу.

Похоже, у меня появился путеводитель в этом диком мире.

Наш разговор заглушает внезапная музыка, а потом на поле выплывают несколько десятков девиц в ярких платьях и забавных шапочках, их ручеек рисует по полю петли и круги, при этом они все время делают какие-то выкрутасы руками, так что действительно очень похоже на рябь на воде.

Потом музыка стихает, а вместо нее раздается оглушительный вой какого-то духового инструмента, такой, что, по-моему, горы затряслись. Я с перепугу зажимаю уши и вжимаюсь в Азамата.

— Это просто рог трубит к началу боев, — объясняет он, посмеиваясь.

Старейшина тоже хихикает.

— А что ж он такой безумно громкий-то?! — жалобно блею я.

— Чтобы в городе все слышали, а лучше и за горами.

— В этот раз, — поддакивает Унгуц, — хорошо дунули. За горами слышно было, я думаю. Хороший знак.

Златооблаченный Старейшина-духовник поднимается на нечто вроде трибуны и зычно оглашает:

— Великие мужи Муданга, слушай!

Народ вокруг гаркает в одну глотку:

— Есть слушать!

— Величайший, сильнейший из сильных, выдвинувшийся из тысячи борцов, преисполненный неубывающей мужественности, вступивший в семью могучих, Тигр Гирелбойгол вызывает борца Шриновча, прославленного народом Исполина, наимогущественнейшего, выдвинувшегося из трех по три сотни борцов, достигшего расцвета сил и мощи!

Упомянутые граждане появляются из двух шатров по краям поля и орут:

— Благодарим за честь!

Они сходятся, и начинается бой. Вокруг них, почти вплотную, выются двое в ярких халатах, из-за которых иногда ничего не видно.

— А что эти двое там делают? — спрашиваю я нетерпеливо.

— Они... — Азамат задумывается, подыскивая слово, — секунданты. Следят за правилами и наставляют.

— Это называется «тренеры», — поправляет Старейшина на всеобщем. — Хорошо, конечно, что ты много слов знаешь, но иногда надо быть проще, сынок.

Азамат смущенно улыбается, но мне кажется, ему нравится тон Унгуца. Впрочем, неудивительно, если родной отец такой моральный урод, то умный и добрый учитель его легко заменит.

Бой кончается неожиданно быстро: юноша в звании Тигра до Исполина еще не дорос и проиграл. К нам подходит очередной человек-в-халате и намекает Азамату, что пора идти в шатер разминаться.

— А вы не его тренер? — спрашивает он у Старейшины.

— Куда мне, — хохочет Унгуц. — Я-то уж плесень старая!

— Так что же, вы без тренера? — обращается озабоченный халатоносец к Азамату. Тот смущенно пожимает плечами:

— Нет, сам разберусь...

— Да ладно! — перебивает Старейшина. — А Алтонгирел на что?

— А я ему не говорил, что буду на играх.

— А то он сам не догадался! Уже полчаса как в шатер вошел, иди давай.

Азамат так и двигает прочь, небрежным жестом бросив мне хом. Приходится ловить мужа за карман штанов, возвращать и нагибать — как же не поцеловать на удачу?! А то, что потом все вокруг на меня квадратными глазами смотрят, так это бесплатное приложение.

Но вот он ушел, а я сижу с Унгуцем, смотрю бои. Честно говоря, не то чтобы мне было сильно интересно, я только радуюсь, что они обходятся практически без травм. А еще понимаю, что до Азамата этим всем далеко, потому что прекрасно вижу их движения, а когда Азамат с Алтошей махались, ничего я не видела. Сижу, позевываю, в общем, развлекаюсь только титулами борцов. С первого ряда на меня то и дело оборачивается какой-то дед. После третьего невероятно долгого и нудного боя дед не выдерживает и спрашивает:

— Чего ты, женщина, сидишь тут вообще, если так скучно?!

Я слегка обалдеваю от такой постановки вопроса, но решаю не откусывать голову сразу же.

— Муж участвует, — выговариваю мучительно. — Пришла посмотреть.

Все-таки мне очень тяжело пока говорить на мударжском. Понимать-то понимаю, но, как только нужно заговорить, мигом забываю всю грамматику и половину слов.

Дед разворачивается на сиденье так, чтобы получше меня видеть.

— Это ты Азамата жена? — спрашивает. Я киваю. — И как он?

— Как он — что?.. — моргаю.

— Он спрашивает про здоровье, — поясняет Унгуц. — Это целитель.

— Тот целитель, что его лечил? — уточняю.

Старейшина кивает. Так, главное — не взорваться.

— Хорошо он, — цежу сквозь зубы. — Очень хорошо. Хотя не вам за это спасибо.

— А я что? — удивляется дед. — Я его спас! А что шрамы — так с этим я ничего поделывать не могу.

— Конечно, — шиплю я. — Расправить кожу, чтобы не загибалась, было совершенно невозможно! Зашить — в голову не пришло!

Не знаю уж, насколько я верно сказала то, что хотела, но горецелитель от меня отшатывается.

— А чего ты за него вышла, если так не нравится моя работа? Исправить решила, что ли? — Он имеет наглость смеяться. Ну погоди же...

— Да, — киваю, — решила. Это долго, конечно, зато потом все ко мне лечиться пойдут. И все деньги мои будут.

Теперь уже и целитель, и Старейшина на меня как-то странно смотрят.

— Так про Эцагана — это не байки? — спрашивает Унгуц, кивая куда-то назад. Присмотревшись, замечаю в той стороне одиноко сидящего Эцагана, который со скучающим видом наблюдает за боем. — Ты и правда целительница?

— Правда, правда, — киваю. — И лучше многих.

У местного лекаря вдруг загораются глаза:

— Целительница?! С самой Земли?! — Он встает коленями на лавку, поворачиваясь спиной к полю. Вокруг начинают шипеть, что мы мешаем. — Научите меня, как вы лечите!

— Я этому десять лет училась, — отвечаю, проморгавшись.

— Ничего! — заверяет лекарь. — Я еще десять лет проживу, мне Старейшины обещали, правда же? — Он поворачивается за поддержкой к Унгуцу.

Тот кивает, усмехаясь. Я еще ничего не успеваю сообразить, когда Старейшина кладет мне руку на плечо и говорит по-отечески:

— Не ссорься с ним, Лиза. Учить его, я думаю, бессмысленно, старый слишком, зато вы можете вместе книги про целительство писать, чтобы другие могли пользоваться. Я думаю, боги предвидели, что от тебя тут будет польза.

— Я вообще-то собиралась практику открыть, — говорю.

— Откроешь, — заверяет меня Унгуц. — И целитель Ндис тебе поможет. Без его, э-э... рекомендации все равно к тебе никто не пойдет. Я вот всякое повидал в жизни, но женщина-целитель — это

даже для меня слишком. Так что ты не спеши, освойся сначала, язык подучи... Опять же Ндис тебе расскажет названия болезней. Ты, главное, не кипятись. Раз уж Азамата принимаешь с его уродством, то и нас прими.

Ндис все это время смотрит на меня пожирающим взглядом, и я понимаю, что есть один только способ от него отделаться.

— Ладно, — говорю. — Старейшина меня убедил. Я с вами поработаю.

Ндис осыпает меня благодарностями и возвращается на место, садясь лицом к полю. Там как раз объявляют новую пару борцов, и титулы у них такие длинные, что я вся извожусь, пока доходит до имени, — но нет, ни один из них не Азамат. Господи, какой же длины у него титул, если они идут по нарастающей?..

— А-а, — внезапно говорит Старейшина, — это навсегда. Эти двое равны, пока один не споткнется, так и будут кружить. Скучища.

Я несколько падаю духом.

— Ну расскажите мне пока, кто тут еще есть примечательный, — прошу его. А то, наверное, спать неприлично, вон как народ вокруг скандирует.

Старейшине моя идея нравится, он садится повыше на сиденье и оглядывается.

— Ну кто... Вон видишь, тетка сидит?

— Та, что из «Щедрого хозяина»?

— Она, она. С ней две девчонки-официантки, видишь?

— Ага, одну из них вчера уже встречала, ту, что потолще.

— Тебе надо со второй познакомиться. Тоже очень самостоятельная девка. Приехала из такой глухомани, сказать страшно, а замуж нейдет, хотя вьются вокруг нее изрядно. Я думаю, вы с ней сдружитесь, две белые вороны.

Указанная ворона, впрочем, вполне черная. Этакая чернобровая красавица с длиннющей косой, сидит, орехи какие-то щелкает. Ну что ж, с виду на человека похожа, можно и пообщаться.

— Она хотела в ученицы к повитухе пойти, — продолжает Старейшина, — а та говорит, слишком красивая ты для этого. Я, говорит, буду тут стараться, учить тебя, а ты выскочишь замуж — и поминай как звали. Не взяла ее, в общем. Смотри, может, она к тебе пойдет?

Вот этот подход мне нравится гораздо больше. Я и сама уже думала, что делать буду, если сама заболею. Пожалуй, идея взять ученицу мне нравится.

Старейшина меж тем продолжает сканировать окрестности на предмет интересных людей.

— А вон, гляди-ка, кто приехал! — удивленно восклицает он вдруг. Потом как-то каверзно хихикает: — Вот обалдеет-то, когда Азамата увидит!

— Кто?

— А вон видишь, справа в первом ряду старик в зеленой шапке? Это отец Азамата.

Я аж через Старейшину перегибаюсь, чтобы посмотреть на это чудо природы. Он очень высокий — даже отсюда видно, как возвышается над сидящими рядом мужиками. Классические бело-седые волосы, борода с бусинами, орлиный профиль прямиком из вестерна. Одет ярко, глядит высокомерно. Мой сверлящий взгляд, видимо, приобретает материальные характеристики, потому что папаша вдруг оборачивается и смотрит на меня, приподняв бровь, дескать, вам чего?

А мне уже ничего, потому что я его узнала. Это он был на том корабле, это он меня заслонял от джингошей, это он подарил мне горстку игрушек, это на него так похож Азамат, когда улыбается и кажется родным...

Я откидываюсь на спинку сиденья, невидящим взглядом уставившись на поле.

— Ты чего? — вопрошает Старейшина. Я решаю разъяснить все тут же:

— А он... тоже в молодости на Гарнете работал?

— Кто, Арават? Нет, он всегда был охотником... На Гарнете бывал пару раз, но даже не снизошел до изучения всеобщего, а уж после того, как джингоши на него напали, вообще не высовывался с Муданга.

— О-о, — говорю я как бы удивленно, — джингоши напали?

— Ну да, было такое дело... Он сопровождал мальчишек, у которых отцы на Броге работают, а матери на Муданге живут. У нас ведь принято, как говорить научился, к отцу переселять. И корабль перехватили джингоши, отбуксировали почти до самого Гарнета, потом их на какой-то другой корабль перегнали, земной, что ли...

Арават эту историю столько раз рассказывал, что у всех уже уши замылились. В общем, взяли их в заложники, а у джингошей представления никакого, сами-то плодятся, как крысы. Так они когда заложников берут, обычно ребенка какого-нибудь убивают и отправляют на родину, дескать, платите, а то всех так пришлем. Арават пытался их уговорить, чтобы детей не трогали, чтобы его убили, он ведь уважаемый человек, переполох будет не хуже. Ну а пока он там препирался, какая-то девчонка пролезла на мостик и увела корабль чуть не до самой Земли, а с оставшимися на борту джингошами Арават быстро разобрался, тоже ведь с двадцати лет Непобедимый Исполин. Потом, когда вернулся, всех детей с этой девчонкой сравнивал, смогли бы они так выкрутиться или нет. А потом Азамат... вот тоже, нашел время выслуживаться... ну, ты знаешь, как его ранило-то?

— Сказал, гранатой... — бормочу я, изо всех сил стараясь слиться с местностью.

— Да уж, гранатой... — невесело хмыкает Старейшина. К счастью, на меня он вообще не смотрит, а продолжает рассказывать. — Джингоши попытались захватить Сирий, это город у нас такой, на севере. Там большое месторождение платины. А Азамат как раз в тех краях был по какому-то делу, вечно у него на всякие катастрофы нюх. Там, в Сирии, большой такой дворец стоял, от старого императора остался, чудаковатый был мужик, в Ахмадхоте жить не хотел... Так к чему я... Да, дворец этот. Когда Сирий обороняли, женщин и детей согнали внутрь, а сами стояли под стенами. И долго стояли ведь, уже и припасы кончились, и вода. А во дворце фонтан. Ну вот, Азамат как самый молодой из всех, кто там случился, таскал им воду. И вот он был как раз внутри, а джингоши перешли в атаку, и один возьми да и кинь гранату. И ведь гранатка-то была такая, знаешь, для космических боев, чтобы людей поубивало, а обшивку не испортило, а то если разгерметизация... в общем, понимаешь, слабенькая. Но попала ровно во дворик, где фонтан, а водой такие гранаты не тушатся. Дворик — колодец по десять локтей стороной, и полным-полно теток с младенцами. Они как начали вопить, что тут бомба, остальные, что за дверями были, двери быстренько и заперли, все же о себе думают. Ну и что парню делать оставалось?... — Старейшина замолкает, накручивая кончик бороды на палец. Тяжело вздыхает, потом продолжает: — В

общем, привезли его в Ахмадхот, еле откачали, опять же Ндис, что мог, сделал. И тут является Арават, весь под впечатлением от земной девочки. Она-де всех спасла, а на самой ни царапинки. А тут ему собственного сына предъявляют... в таком виде...

Я все-таки не могу удержаться и всхлипываю, так что Старейшина отвлекается от рассказа и переключается на меня. Зря он это, так себе зрелище, должно быть.

— Э, Лиза, ты чего?

Я смотрю на него и молчу, иначе разревусь в голос. Выразительно смотрю. Он хмурится, а потом вдруг тихонько ахает:

— Ты, что ли... это ты и была?

Я только киваю.

Не знаю, что он мне собирался сказать, но очередной бой на поле кончился, и ведущий зарядил объявлять титулы следующих борцов, причем там уже пошли такие слова, что я и близко не понимаю, что они значат. Когда список растягивается на вторую минуту, Старейшина сообщает мне:

— Вот, сейчас будет Азамат.

Я поспешно вытираю лицо и стараюсь успокоиться. Призраки прошлого не должны омрачать настоящего и все такое.

Из ближайшего шатра выходят Азамат с Алтонгирелом, напротив них останавливаются противники. Трибуны снова принимаются скандировать, но имени мужа я не слышу. Ладно же, сейчас исправим. Надо ведь мне куда-то эмоции стравить. Набираю побольше воздуха и принимаюсь орать в одном ритме с остальными, но другое имя. Голос у меня громкий, зато противный, и на фоне общего басовито-мужского гула я выгодно выделяюсь. Азамат находит меня взглядом и кратко улыбается. В непосредственной близости от меня болельщики начинают обескураженно затыкаться — спорить боятся, что ли? Целитель оборачивается ко мне, смотрит недоуменно, а потом присоединяется. Где-то за спиной я различаю голос Тирбиша. Что ж, неплохо для начала. Кошусь на папашу: он отчетливо побледнел и упорно смотрит на поле, сжав губы. Так-то тебе.

Бой начинается, и я, как и в тот раз, перестаю видеть Азамата, хотя противник у него не такой шустрый. Теряю в руках Азаматов хом под самым подбородком, чтобы видно было, а к моему голосу присоединяется все больше народу. Не проходит и минуты, как

противник оказывается навзничь на песке, и тренер помогает ему подняться. Я перехожу уже на чистый визг, хотя и понимаю, что это была легкая победа. Борцы расходятся до объявления следующего участника. Пока ведущий излагает бесконечные титулы (а он вынужден повторить Азаматовы с начала), я тихонько кропаю маме сообщение на телефон:

Мама, пришли мне срочно резные статуэтки из прозрачного шкафчика на кухне.

Азамат выходит второй раз и примерно так же легко укладывает прошлогоднего финалиста. Ко мне уже присоединилась добрая половина болельщиков — поняли, кто в курятнике петух, я смотрю. Папаша делает вид, что его происходящее никак не касается. Ничего, погоди, скоро коснется.

После третьего боя Азамат даже не уходит в шатер. Стоит на поле, маску снял, медленно поворачивается, окидывая взглядом трибуны.

Ведущий откашливается, а Унгуц вдруг покатывается со смеху:

— У него уже язык отсох твоего мужа объявлять!

— Желает ли кто-нибудь, — с расстановкой начинает ведущий, — вызвать на бой...

И дальше следуют все титулы с самого начала плюс упоминание о трех свежих победах. Самое ужасное — это что по окончании тирады никто не вызывается, и Унгуц совсем заходится от смеха, потому что ведущий вынужден повторить вопрос три раза, если никто не вызовется.

После второго на поле все-таки выходит какой-то дядя, вот этот точно крупнее Азамата, самый настоящий Исполин.

— Ишь ты, — комментирует Унгуц, — кто пожаловал. Он еще до Азамата Непобедимым был, только улетел наемничать надолго. Интересно, интересно...

Целитель снова поворачивается к нам:

— Они ведь никогда не бились, правда же?

— Не-эт, — отвечает Унгуц, — Они на год разминулись.

Несчастный ведущий наконец прорубается сквозь бесконечные титулы обоих борцов и объявляет начало боя. Сперва оба стоят неподвижно, осматривают друг друга то так, то этак. Потом внезапно в центре поля возникает смерч, Алтонгирел от греха отходит в сторонку. Старейшина Унгуц следит жадными глазами, он-то, наверное,

различает, что там происходит. Трибуны притихли, какое уж тут болеть.

Мутное пятно внезапно разделяется, Азамат отъезжает назад, поднимая из-под ног тучи пыли. Однако быстро тут земля просохла на солнышке. Могучий противник расставляет ноги пошире, и через секунду я уже опять ничего не различаю, а тут еще от мамы приходит ответ, что она все отправила, но жаждет объяснений. Подождет.

Второй раз клубок расцепляется, когда старший Исполин слегка запутывается в ногах, но удерживается и не падает. Азамат, мне кажется, запыхался, но я прямо отсюда чувствую, как ему нравится сам процесс. Старейшина закусил кончик бороды и машинально пожевывает.

Что происходит дальше, не совсем понимаю, то ли на Старейшину Унгуца отвлеклась, то ли еще что, но Азамат, видимо, напал неожиданно не только для меня — и великан-противник загремел на обе лопатки в пыль.

Боже, что тут началось. Народ ринулся с трибун на поле с дикими воплями, Азамат затерялся где-то в толпе. Смотрю на Старейшину в ужасе, он только похохатывает:

— Не бойся, не разорвут. Это, деточка, признание. Ты сиди, они еще четверть часа его поздравлять будут, а потом благословение, призывы, всякое прочее... можешь сходить поесть, в общем. К мужу тебе все равно не пробиться, а в шатер женщинам и нельзя.

Мне несколько обидно, что не могу сразу пойти поздравить Азамата, но с другой стороны... а куда это папаша линяет? Нет уж, погодите-ка.

— Я сейчас, — бросаю Старейшине и мчусь наверх, а потом на почту. Ключ от ящика Азамат мне отдал вместе со всеми личными вещами, теперь только имя отыскать... ага, вот он, А-за-ма-т, четыре буквы. В ящике меня дожидается фирменная упаковочная коробочка с почты, что возле маминого дома, вся такая в ирисах. Бормол все в ней. Перебираю их еще раз напоследок. Рыба с драконьей мордой, женщина за пальцами, воин с мечом, кошка, ветка туберозы, мешочек, распираемый изнутри монетами. Как я любила играть с этими фигурками! Думала, что получила их от хорошего человека. Кирилл как-то раз в приступе демагогии стал меня убеждать, что невозможно

совершить такое доброе дело, чтобы никому от него не стало хуже. А я еще приводила в пример, вот, я же совершила...

Все это проносится у меня в голове мимолетом, когда я уже бегу наружу. К счастью, дорогой свекор ходит медленно, я перехватываю его в самой толпе на краю трибуны — и становлюсь на дороге.

— Здравствуй, — говорю, когда он поднимает голову посмотреть, кто это ему мешает пройти. Он хмурится, оглядывает меня.

— Ты еще кто?

Я молча протягиваю ему горсть бормол, а когда он не берет их, просто хватаю его руку и вываливаю фигурки ему на ладонь. Он смотрит на них озадаченно, перекатывает между пальцами. Вокруг нас образуется небольшая толпа зевак: как же, грозная землянка встретила отрекшегося отца свежего Исполина!

На лице Аравата отражается узнавание, и он поднимает взгляд и тут же весь озаряется той самой родной улыбкой, которую в такой точности унаследовал от него Азамат, мне даже больно становится где-то внутри.

— Это ты та девочка! — восклицает он совершенно Азаматовым голосом, и я не знаю, чего мне стоит не заплакать. Он протягивает мне обратно свои бормол, они соблазнительно светятся на солнце рыжеватым деревом.

— Я жена Азамата, — говорю медленно и четко, и каждое слово падает как камень мне же на ногу. — Мне не нужны твои подарки. Ты недостойн своего сына.

Вона какое слово вспомнила, когда припекло. Ну все, не стоит дожидаться, пока он сообразит, что мне ответить. Разворачиваюсь и ухожу сквозь расступившуюся толпу. Тишина, не знаю, когда успевшая повиснуть, прорывается шепотком. Я могу быть уверена, что завтра весь Муданг будет в курсе моего жеста. Спускаюсь вниз к полю, где толпа начинает потихоньку отходить от шатра. Ноги у меня довольно деревянные.

Старейшина Унгуц сразу замечает мое далеко не радостное настроение и аж привстает.

— Что ты сделала?

— Я сделала ваш бормол по-настоящему первым в коллекции, — отвечаю легко.

Он опускается обратно на сиденье со вздохом.

— Ты знаешь... — произносит он после паузы. — Арават не такой уж плохой человек...

— Вы одобряете, что он отрекся от Азамата? — рявкаю я. Мало мне сегодня было разочарований в людях!

— Нет, конечно, — пожимает Унгуц плечами. — И все же он сделал много хорошего в жизни.

— Ну так я его жизни и не лишаю, — выдавливаю со слезами в горле. — Просто подумала, будет символично, что именно я не в восторге от его решения.

— Лиза, — окликает меня подошедший Тирбиш. — Так это правда, что вы и есть та девочка, про которую...

Я коротко обнимаю его, потому что он такой хороший и наивный, потом вытираю слезы и иду к шатру ждать Азамата. Старейшина Унгуц бормочет мне в спину, что мой бутон начал раскрываться слишком быстро.

* * *

Азамат выпадает из шатра покрасневшийся, да еще в мамином свитере, от него пахнет фруктовым вином, а в руках корзина со всевозможными сладостями. Он демонстрирует чудеса эквилибристики, умудряясь обнять меня и не просыпать сласти. Я, как всегда после стрессов, особенно липуча и отпускать его не собираюсь, только хом навешиваю обратно. Рядом с ним мне сразу становится намного легче, а то даже мелькала мысль где-то в глубине подсознания, что вдруг он мне станет меньше нравиться теперь, когда я соотнесла его лицо с воспоминанием о его отце. Но нет, слава богу, на том теплом восторженном чувстве, которое у меня появляется от его улыбки, выходки его папаши не сказались.

— Я слышал, как ты всех перекричала, — говорит он. — Спасибо тебе. Это такая редкость, чтобы женщина на играх активно за кого-то болела...

— Надеюсь, это не против приличий? — усмехаюсь. — А то с меня станется. Но ты и сам всех здорово на свою сторону перетянул, ишь как этого большого дядю сделал!

Азамат смеется в голос.

— Да они тут на планете расслабились, я смотрю. Я ведь далеко не все могу, что мог бы... то есть ты понимаешь. — Он немного

путается в словах. Как же быстро на мударжцев спиртное действует, жуть. — С такими борцами куда нам джингошей скинуть, эх-х-х.

Мужики вокруг опускают головы, кто понимает на всеобщем.

— Азамат-ахмад, — окликает его подошедший Тирбиш, — а что бы вам не поучить нас, как на корабле бывало? После сегодняшнего-то, я думаю, найдутся желающие.

Его предложение встречают дружным одобрительным гомоном, какой-то тучный мужик у меня за спиной предлагает одно из своих полей отвести под занятие, благо оно так хорошо укрыто между скал, что никто их там не увидит. Подошедший Эцаган тоже загорается идеей продолжить тренировки под руководством капитана и предлагает взять на себя организационную сторону. Я высматриваю у шатра ведущего, подманиваю его поближе и уговариваю составить список желающих принять участие. Если у Азамата еще и были какие-то возражения, то их смело толпой.

— Лиза, да тут целый полк, — шепчет он мне, глядя, как все больше мужчин, оповещенных о возможности поучиться у «самого Байч-Хараха», стекаются обратно на поле, чтобы записаться.

— Ну подели их на группы, — пожимаю плечами. — И пусть более сильные тренируют более слабых, а ты сиди в кресле да оценивай. И потом, наверняка сейчас многие на энтузиазме запишутся, а потом отпадут.

— Да нет, я не про то, — говорит он ошарашенно. — Справиться-то я с ними справлюсь, но странно, что столько народа вообще хочет иметь со мной дело! Я ведь мало того что урод, так еще и не сын своему отцу...

— Ну твой отец нынче не в почете, — усмехаюсь я.

К нам подходит Алтонгирел, останавливается перед Азаматом и некоторое время просто стоит и смотрит то на него, то на меня. Потом отводит взгляд и произносит:

— Ну что же... этот брак принес более обильные плоды, чем я ожидал. Но тебе, Лиза, надо быть очень осторожной. Все эти люди, которые записываются на уроки к Азамату, на самом деле просто хотят оказаться под сенью твоего могущества. И ты должна их не разочаровать.

— Предлагаешь немедленно научиться убивать взглядом и воскрешать словом? — хихикаю я.

— Нет, — кривится Алтонгирел. — Но придется тебе хотя бы первое время поизображать образцовую жену.

— С этого места поподробнее, — напрягаюсь тут же, — а то я уже договорилась с целителем переводить земные медицинские справочники на муданжский.

Алтонгирел закатывает глаза.

— Старейшины никогда в жизни тебе этого не разрешат...

— Старейшина Унгуц это сам предложил! — перебиваю я.

— Старейшина Унгуц... — Алтонгирел сглатывает ругательство. — Что он тебе еще предложил?

— Взять ученицу.

Духовник мотает головой, а Азамат прижимает меня покрепче. Гляжу на него — он выглядит страшно довольным.

— Ладно, — сдается Алтонгирел. — Я уже понял, что Старейшина Унгуц теперь весь твой. Боги с тобой, бери ученицу, переводи свои книжки, только умоляю тебя, ходи в женский клуб, не хами старшим, и пусть Азамат тебе дом построит где-нибудь... подальше.

Когда мы наконец-то вылезаем из ямы с трибунами, неподалеку прямо на траве уже расстелены скатерти и все уставлено яствами. Азамат щедро раздает сласти из своей корзинки, я еле успеваю все попробовать. К счастью, оно все не такое сладкое, как на первый взгляд кажется, только очень жирное.

— Это и весь приз? — спрашиваю разочарованно, когда корзинка начинает показывать доньшко. Я как-то ожидала, что хоть медальку дадут или статуэтку платиновую...

— Нет, еще участок земли у дальнего края Дола и табун. Хоть лошадь себе подберу, а то старый мой друг меня не дождался...

Я не придумываю ничего лучшего, как присвистнуть. Однако и правда вестерн, вот и ранчо теперь есть.

Нас усаживают на ковры и подушки в торце импровизированного длинного стола рядом со Старейшинами, кормят сырыми фруктами и мясом, потом мясом, тушенным с фруктами, потом еще в каких-то комбинациях, и все это под хримгу и фруктовое вино. Впрочем, алкоголь я игнорирую, а то еще развезет из-за папаши... не стоит Азамату праздник портить. Да и вообще, кто-то же должен будет сесть за руль.

Под конец застолья начинает темнеть. Азамат уже давно растянулся во весь немалый рост на ковре и пристроил голову мне на колени. Я же каверзно расплела ему волосы и сижую, глажу по всей длине, сколько дотягиваюсь. Он только что не мурчит. Народ вокруг уже даже перестал тыкать в меня пальцами и шушукаться. Кажется, все приняли как должное, что у Байч-Хараха ужасно ласковая жена.

Начались песнопения. Интересно, что бородатые Старейшины принимают в них живейшее участие, и у многих даже вполне приличные голоса. С моей пролетарской точки зрения гораздо приятнее, чем у профессионального певца, который надрывается вместе с музыкантами. А вот бритые Старейшины рта не раскрывают.

— А почему духовники не поют? — спрашиваю сонного Азамата.

— Еще бы они запели, — усмехается он. — Если духовник поет, то получается молитва-заклинание, ну знаешь, гуйхалах. А вон тот Старейшина... который нам хомы заговаривал... он и говорить не может, такая в нем сила. Чуть губами шевельнет, уже чудеса творятся. Любовь богов даром не дается, знаешь ли.

Ох, знаю. И очень надеюсь, что Азамат уже заплатил за сто лет без бед. Я поднимаю лицо к небу и возношу свой собственный молчаливый гуйхалах, чтобы все дальнейшие сражения в жизни он выигрывал так же легко, как сегодняшнее. Музыка подхватывает мою просьбу и уносит в темнеющее небо над головами счастливых людей.

Top of Form

Юлия Жукова

Сами мы не местные

Глава 1

Из мемуаров Хотон-хон

В начале было двое богов – как ни удивительно, мужчина и женщина. Удивительно то, что про мужчину так мало известно. Вот про женщину все вам расскажут с большим удовольствием: ее звали Укун-Танив, а потом стали вежливо называть Укун-Тингир (хотя что значат оба имени и чем второе вежливее первого – это знание, доступное только Старейшинам). Она носила прическу из четырех кос, обожала рыбу и была исключительно красива. Жила она, понятное дело, на далекой Земле (по-муданжски она так и будет «Даль») и потому была бледная и кудрявая, как все земляне.

С богом-мужчиной же творятся какие-то чудеса. Называют его обычно просто «старый бог», причем для этого используют современные слова, а иногда даже молодежный жаргон, что-то вроде «заплесневелый предок». Старейшины по идее знают какое-то более уважительное имя этого персонажа, но ни за что не делятся им с простыми людьми. Жил он тоже непонятно где – мотался по Вселенной без определенной цели. Далее, внешность праотца и вовсе загадочна. Очень мало легенд, в которых он был бы описан хотя бы похожим на человека. Чаще всего это дракон или змей в перьях, хотя может быть волк, леопард, в северных районах барс, на юге скорее шакал. Но даже когда он предстает в человеческом обличье, то все равно сохраняет звериные черты – хвост, когти, клыки, рога, крылья, мех или чешую на лице и руках. Часто также говорится, что он был (и остается, ибо поныне здравствует) настоящим великаном. После этого обычно все принимаются дружно жалеть богиню-мать.

Итак, эти настолько разные существа все же нашли общий язык и вступили в брачный союз, одобренный самими стихиями. И сошлись они на брачном ложе, и породили бесчисленное множество самых разномастных детей, которых теперь жители Муданга и называют богами. Любопытно, правда, что все эти дети гораздо больше похожи на отца, чем на мать, то есть совсем не белые и не кудрявые, хотя и довольно красивые, но главное – каждый из них напоминает какого-нибудь зверя, птицу или гада, а вот рыбообразных богов совсем нет.

Укун-Танив от родов страшно устала и закатила своему мужу такой скандал, что звезды тряслись. А потом хлопнула дверью небесного шатра (некоторые книжники считают, что она просто задела «поющий ветер», висевший над порогом) и улетела к себе на Землю. От всех этих сотрясений поднялась пыль, и ее скатало ветром в шарик, который и есть планета Муданг.

Старый бог вздохнул, почесал когтистой лапой перья на голове, да и стал выдумывать, какими бы подарками заманить обратно расстроенную подругу. А заодно – что делать с полчищами новорожденных детей, которых она и не подумала взять с собой? Чтобы стимулировать мыслительный процесс, он взял тот шарик пыли и стал его катать в руках, да так плотно скатал, что внутри все сплющилось и пыль стала драгоценной платиной. А чтобы выровнять поверхность, старый бог поплевал на руки, отсюда на планете возник

великий океан Гэй. Повесил бог получившуюся игрушку посреди Вселенной и принялся ее всячески украшать. Заслал туда своих младенцев и наказал им сделать из подручных материалов всякую зелень и живность. Пока они были заняты, старый бог решил отдохнуть, встретился с друзьями да и выпил лишнего. А когда очнулся, смотрит – а по его шарикку бродят какие-то двуногие существа, вроде на детей похожи, ан не совсем, и от жены что-то в них есть, но тоже немного, и на него самого только отдельными чертами похожи. Чудеса, да и только.

С другой стороны, подумал старый бог, чем же еще заморозить супругу, как не чудесами? Взял он аккуратно парочку загадочных существ и послал ей через туннель, дескать, возвращайся, смотри, какие у меня тут штуки есть.

Укун-Танив человечков получила, осмотрела, наморщила носик и решила их облагородить. Наделила их своей красотой и силой, открыла им тайны природы и поселила у себя на Земле. Понаблюдала некоторое время, как они привыкают к новым условиям. Потом вздохнула, оторвалась от любопытного зрелища и полетела к мужу. Надо же было поощрить его за такой любопытный подарок.

А у мужа творится бедлам. Создал он себе планету, населил ее всяким зверьем, выпустил туда своих человечков, они ходят, бедные, куда приткнуться, не знают, чем заняться, не понимают. Жалко ей стало бедных несмышленишек, но одаривать их как своих земных ей тоже не хотелось, все-таки злилась еще на мужа немного. Тем более тут еще все эти дети, вот пусть они человечкам и покровительствуют. А она дала муданжцам живительную влагу из своих грудей, которая пролилась на планету дождем и обратилась в пресную воду. В эту воду поселила она своих любимых рыб и задумалась, что бы еще такое сделать, да ненароком взглянула на мужа. А тот счастливый стоит, улыбается, дивится на новый мир, который они вместе сотворили. И такое влечение ею овладело, что никаких сил обижаться на него не осталось. И отправились они снова на брачное ложе, но прежде Укун-Танив мановением прекрасной своей длани освободила человеческих женщин от всякого подобного влечения, чтобы они могли сохранять достоинство и не прощать своих мужей за спасибо и улыбку. Правда, совсем уничтожить влечение ей не удалось, ведь никакую силу нельзя вовсе уничтожить. Поэтому с тех пор большинство муданжек

свободны от похоти, но зато уж если какая несвободна, то отдувается всю жизнь за всех своих соотечественниц, и все ей мало.

Дальнейшая судьба Укун-Танив и ее мужа никому толком не известна, даже Старейшины честно разводят руками. Бог землетрясений, он же Ирлик-хон, мангуст-оборотень, однажды напророчил (во всяком случае, некоторые считают, что это было пророчество, а не просто пара лишних чарок на пиру, как думают авторитетнейшие из Старейшин), что когда-то в далеком будущем супружеское ложе богов совсем износится и тогда старый бог притащит раздраженную жену на планету, чтобы здесь ею овладеть, а она будет упираться, и на каждом ее суставе откроется рот, и она будет этими ртами кусаться, как дикий зверь. Но что случится из-за этого – никто не знает. То ли конец истории, то ли новые дети... Как бы там ни было, большинство Старейшин даже не считают это пророчество настоящим.

Некоторые полагают, что Укун-Танив регулярно посещает мир, и в это время ее надо называть Укун-Тингир, иначе обидится – и не видать урожая. Другие говорят, что Укун-Тингир – это другая богиня, возможно, сестра или дочь Укун-Танив. Все согласны только, что Укун-Тингир не живет на Муданге все время, а прилетает иногда, в моменты особой исторической значимости, когда надо помочь людям справиться с каким-нибудь глобальным несчастьем вроде проглоченного солнца. У Ирлик-хона, очевидно, есть все основания ее не любить, он ведь еще не отомстил за распоротое брюхо.

Есть и еще одна любопытная деталь в образе старого бога. Среди всех богов, которых он расселил на Муданге, есть у него любимый сын, самый умный, хитрый и смелый среди всех богов. Толын-чун (так его зовут) тоже оборотень, как и все его сестры и братья, и обращается он в крылатого черного барса (на севере) или шакала (на юге). На экваторе иногда рассказывают, что видели подозрительных шакалов и барсов вместе – ведь у муданжских богов тоже есть дети, и почему бы им не встречаться иногда... В любом случае муданжцы очень любят рассказывать друг другу легенды, истории и просто анекдоты об этом боге, причем самого разного толка, от возвышенных прославлений до полной похабщины. Поскольку рассказы о Толын-чуне так популярны среди муданжцев, то довольно часто случается, что наемники или другие муданжцы, живущие не на своей планете, принимаются

рассказывать о нем на всеобщем людям с других планет. И в этих рассказах они все упорно называют его «демон», хотя и затрудняются объяснить, почему именно это слово из чужой культуры кажется им наиболее соответствующим.

– А ты сам-то как считаешь, одна это богиня или две?

Мы с Азаматом возлежим на подушках в «Лесном демоне» и вяло покусываем копченые сурчиные лапки. К этому экзотическому мясу я все-таки привыкла, особенно если подавать его мне не целой тушкой, а по кусочкам.

– Я, вслед за Старейшиной Унгуцем, придерживаюсь довольно маргинального мнения, что у богов, особенно у старших богов, вообще нет некой единой сущности. Старый бог потому так по-разному и описан, что он на самом деле не один, а множество существ, объединенных одной личностью. Укун-Танив имеет более определенный облик, потому что у всех примерно одинаковые представления об идеальной женщине. В то время как представления об идеальном мужчине бывают довольно разные. Во всяком случае, у нас и в плане внешности. Так что я думаю, что Укун-Тингир – это некая производная Укун-Танив, хотя по сути они одно.

– Будем считать, что я тебя поняла. – Я звонко чавкаю копченостью. Здесь это означает высокую похвалу повару, а кто я такая, чтобы обижать нашего гостеприимного хозяина?

С того дня когда Азамат подтвердил свое право на титул Непобедимого Исполина (пропустим полторы страницы уточняющих его заслуги званий), прошел почти месяц, а состояние природы и не думало никуда меняться. Впрочем, если учесть продолжительность муданжского года, то неудивительно, что сезоны тут такие неторопливые.

Азамат у меня совсем замотался с этими боевыми учениями. Я уже жалею, что ухватила тогда за эту идею. Нет, ну одно дело несколько раз в неделю погонять пару десятков парней и объяснить им приемчик-другой. Но народу собралось столько, что мой дорогой супруг вынужден проводить свои уроки по пять-шесть часов каждый день без выходных, а некоторые особо наглые еще и на индивидуальные занятия напрашиваются, хотя бы и за деньги. А ведь на тренировке он не может сесть на почетное место и только покрикивать. Ему же надо все самому показать, всех обойти, да не по

одному разу... В общем, тяжелое это дело. С другой стороны, ему настолько льстит внезапное всеобщее внимание, что прекратить или хотя бы сократить уроки он ни за что не хочет.

Да и вообще, я только теперь понимаю, что все время до нашей свадьбы он пребывал в глубочайшей депрессии. Во всяком случае, весь этот месяц энергия из него хлещет так, как раньше мне и не снилось. Он двух минут не может посидеть, чтобы чем-нибудь не заняться. Несмотря на выматывающие уроки борьбы, он успел подновить дом, собрать себе и мне по смешному муданжскому автомобилю, а теперь в бешеную рань, пока я сплю, возится в мастерской с каким-то летательным аппаратом. Бук стоит-пылится в спальне, его уже давно никто не открывал. Хозяин начитался за пятнадцать лет и теперь хочет активной деятельности. Вечером, конечно, в койку падает замертво, но зато никаких дурных снов. Просыпается еще затемно, я, естественно, тоже вскидываюсь, далее следует бурное и насыщенное исполнение супружеского долга, после чего я остаюсь спать, а он убегает готовить завтрак и мастерить свою авиетку.

За завтраком я имею удовольствие созерцать его счастливую физиономию, а потом он укатывает на тренировку. Я еще некоторое время просыпаюсь, что-то жую и тыкаю в бук, после чего прогулочным шагом отправляюсь к целителю.

Он оказался неплохим мужиком, достаточно вменяемым и сообразительным, правда, нечеловечески любопытным. Мы с ним затеяли фундаментальный проект перевода на муданжский язык Большой медицинской энциклопедии, но дело движется невероятно медленно, потому что многие описанные там болезни и симптомы здесь вообще неизвестны, да и словарного запаса мне не хватает, чтобы их толком объяснить. Целитель живет в забавном домике, больше похожем на башню, а кабинет для наших занятий находится на верхнем, третьем этаже. Поскольку для муданжского дома три этажа – это много, то там даже устроен лифт, чему я очень рада: потолки-то высоченные. Так вот, в кабинете окна представляют собой витражи с обнаженными женским и мужским телами и просвечивающими сквозь них схематичными органами. Сверху все это великолепие снабжено названиями «Карта частей мужа» и «Карта частей жены». Мой словарный запас постепенно пополняется, а работа над энциклопедией

движется, и «Карты» обрастают липкими листочками с надписями на двух языках – как что называется.

Параллельно мы также пытаемся установить, какие тут известны лекарственные травы, от чего их применяют и насколько это эффективно. Результат иногда просто потрясающий. Например, подорожник здесь такая же обычная трава, как у нас, но о его целебных свойствах муданжский коллега ничего не знал. Зато обнаруживаются какие-то неизвестные мне доселе растения, с помощью которых в два приема лечатся вообще все венерические заболевания и СПИД, хотя как именно они работают, целитель объяснить затруднился. Не знаю, насколько вообще правда все, что он мне рассказывает. Не очень-то мне верится в научность их методов исследования.

Обедать я иду в «Щедрый хозяин», где меня встречает радостная Орива. С ней мы тоже некоторое время перетираем за недуги и целительство. На полноценные уроки мне пока не хватает языка, но она девка способная и очень хочет научиться, так что посредством картинок и скульптур из теста мы все-таки приходим к взаимопониманию.

С ней меня свел Старейшина Унгуц. Он вообще как-то ненароком взял нас под свою опеку. То есть, насколько я понимаю, Азамата он и раньше привечал, а теперь и меня за компанию забрал под крылышко. Своих детей-то у него нет – погибли по разным причинам. Остался взрослый внук-наемник, летающий черт знает где, и внучка пяти лет от роду, воспитанию которой дедуля и посвящает весь свой досуг.

Ориву он привел к нам домой без предупреждения на следующий день после боев. Азамат был на заднем дворе и разделывал ягненка, так что дверь открыла я, по уши в тесте и с капустным ножом наперевес. О том, как у них положено встречать гостей, у меня были довольно смутные представления, так что я решила по крайней мере не врать. Здравсте, говорю, гости дорогие, если часок посидите на диванчике, то как раз дождетесь обеда. Унгуц чуть с крыльца не рухнул, так хохотал, а Орива вытаращила на меня огромные сияющие глаза и выпалила, что будет абсолютно счастлива, если я возьму ее в обучение. Я говорю, это замечательно, но давайте вы в дом войдете, чаю попьете, а потом уже будем важные дела обсуждать. Дедуля Унгуц в своей любимой манере покудахтал про «ишь ты, деловая» и

«врасплох не застанешь». Они вошли, расселись, я им чаю сообразила и обратно на кухню втянулась плюшки лепить. Кухня у нас к гостиной впритык, так что я вроде бы и не ушла никуда, и разговор могу поддерживать, насколько я вообще могу поддерживать разговор на муданжском. И вот Старейшина Унгуц принимается у меня выяснять.

Ты, говорит, роды принимать умеешь?

Умею, говорю. Двадцать два раза принимала.

Он косится на меня сквозь дверной проем, ворчит, что-то мало, дескать, обычно повитухи к моим годам уже на вторую сотню заходят.

Так, дедуль, говорю, у меня профиль другой. Уметь-то я умею, но зарабатываю обычно тем, что режу, – и для большей наглядности ножиком ему машу.

Он все смеется. Сколько ты, спрашивает, училась?

Я говорю, в двенадцать лет начала, в восемнадцать меня к первому больному пустили, потом еще три года под присмотром работала, а потом еще семь лет без присмотра.

Смотрю, Орива малость приуныла. Поясняю, что годы земные почти вдвое короче. Потом они некоторое время пересчитывают... Это соотношение календарей меня просто убивает, кстати. Я до сих пор живу по земному, иначе рехнусь. Недель у них вообще нет, а месяцев почти двадцать два, причем это «почти» каждый год меняется. Они ведь честно считают свои месяцы по лунным циклам, а лун-то три... В общем, я только знаю, что муданжский месяц примерно равен земному плюс-минус два дня, а от Белого Дня отсчитывают новый год и соответственно новый месяц. Азамат сделал мне какое-то мудреное хронометрическое устройство, где надо крутить круги, но я все время забываю, как им пользоваться. Тогда он мне написал программку, в которую можно ввести земную дату и получить муданжскую или наоборот. Эту драгоценность я залила в мобильник, на чем мое календарное образование и закончилось.

В общем, пока гости считали годы, пришел Азамат и застыл в дверях веранды памятником самому себе.

Здравствуйте, говорит, Старейшина Унгуц, а что же вы не предупредили?

Старейшина хихикает и говорит: да я хотел предупредить, а твоя супруга нас сразу за чай усадила, что ж мы, возражать будем?

Оказывается, у них, если хочешь к кому-то в гости прийти, надо заранее лично явиться и попроситься. По телефону или через Сеть предупредить нельзя, это невежливо, обязательно самому прийти. Вот если к себе кого-то зовешь, то это и по телефону можно. Ну так кто ж их знал?

Впрочем, из всех нас неудобно было только Азамату, который предпочел бы к приходу гостей в доме прибраться. Ну да ничего, пускай привыкает. Я и порядок – вещи плохо совместимые в одном доме. А Старейшина Унгуц хихикал и намекал, что все еще неплохо обернулось, а то я ведь могла непрошенных гостей и вовсе на порог не пустить. Да и когда бы им еще довелось земных плюшек попробовать?

По итогам обеда было решено, что Орива будет и дальше работать в «Щедром хозяине», потому что на обучение уйдет много лет, а жить на что-то надо. Я же постараюсь первым делом обучить ее всему связанному с родами, а уж потом, если мы обе захотим, перейти к прочим областям. Меня это тоже устраивало. Когда-то ведь и самой рожать придется, и лучше чтобы под рукой была акушерка, которой можно доверять. Еще мы решили, что платить за обучение она мне не будет, потому что я пока не настолько хорошо владею языком, чтобы полноценно преподавать, но зато она будет бесплатно мне ассистировать, когда я буду кого-нибудь лечить. Насколько я поняла, это на Муданге нормальная практика для индивидуальных учеников.

Орива от меня была в полном восторге, в основном из-за того, что она назвала смелостью. Я, дескать, не стесняюсь ни своей работы, ни своего дома, ни даже того, что не знаю, как принимать гостей. Я на это высокомерно приподняла бровь и (уже гораздо менее высокомерно в силу языковой беспомощности) заявила, что стесняться должны те, кто неспособен сам себя обеспечить, что если кому мой дом не нравится, то я их не заставляю тут сидеть, а что касается правил гостеприимства, так я по своим, земным, действую, вот и относитесь к ним как к плюшкам. Орива, которая, видимо, сильно комплексовала из-за своей чрезмерной по муданжским представлениям самостоятельности, просто возликовала и сообщила, что намерена стать моей лучшей подругой вот прямо сейчас и навсегда. Унгуц одобритительно посмотрел на нее, Азамат влюбленно посмотрел на меня, в общем, все расстались очень довольные. Кстати, у Азамата хунь-бимбик ничуть не хуже, чем у Тирбиша, получают.

Так что теперь я регулярно совмещаю обед с просветительской беседой и демонстрацией накопанных в Сети фотографий по теме. Прочие посетители «Щедрого хозяина» иногда заглядывают в экран бука, над чем это прогрессивные дамы там склонились, но, кажется, не понимают, что на фотографиях, а то бы едальня могла понести убытки.

А вот после встречи с Оливой начинается мой локальный ад под названием женский клуб.

Женских клубов в городе много, но, как меня уверяют все, к кому я успела с этим пристать, они абсолютно одинаковые. Смысл клуба в том, что собираются по пять-шесть замужних теток и коротают вечерок за рукоделием и беседой. Это, конечно, не ужас какое обязательное мероприятие, но это фактически единственное место, где может происходить светское общение. Замужние женщины на Муданге никогда не работают, если их мужья хоть на что-то годятся. Праздники у муданжцев сильно ритуализованы и проходят обычно под открытым небом. Там можно потанцевать и попеть, вкусно поесть и выпить, продемонстрировать детей и подаренный матерью или сестрой кафтан. Но вот поговорить там не особенно получается, да и не дело в праздник болтать попусту. Есть еще семейные праздники – дни рождения, годовщины свадьбы, дни поклонения семейным богам-покровителям, дни посещения могил предков и еще всякие другие дни, в которых я не успела разобраться. Но в такие дни в дом вообще чужих не пускают, только семью, а в понятие семьи у муданжцев входит только супружеская чета с детьми, ну или еще если у кого из супругов есть неженатый брат или незамужняя сестра. Даже родители – это уже пренебрежительное хматан, седьмая вода на киселе. А приглашать много гостей просто так на посиделки и вовсе не принято.

Вот и получается, что бедным тетенькам нужны специальные клубы, чтобы пообщаться. Внешне клуб – это такая банька, втиснутая между чьей-нибудь оградой и улицей на ничейной земле. Внутри там мягкие лавки, стол, яркое освещение и чайные принадлежности. Сладкое к чаю каждая прихватывает с собой, у кого что дома найдется. Приходить можно в любое время, в клубе почти весь день кто-то есть, дома-то скучно.

У клуба есть и другая функция – информационная. Во-первых, здесь всегда можно услышать и обсудить свежайшие сплетни, а во-вторых, если ты ходишь в клуб, значит, выставляешь свою жизнь

напоказ, тебе нечего скрывать и стесняться, значит, ты добропорядочная гражданка. Именно поэтому Алтонгирел мне и велел обязательно сюда наведываться, и лучше ежедневно. Никаких возражений у меня это не вызвало, а уж с тех пор как Азамат стал пропадать на тренировках дни напролет, мне и вправду стало особо нечего делать дома.

Мой первый визит в клуб вряд ли когда-нибудь сотрется из памяти. Это было на третий день после боев. Я уже ловила на себе озадаченные взгляды соседок, недоумевающих, чего это я все где-то бегаю с таким деловым видом, а в клуб не иду. И вот я пришла, вся такая нарядная, с корзинкой печенья и вязаньем. Это было ближе к вечеру, солнце начинало задумываться о том, чтобы сесть.

– Здравствуйте, – говорю я пятерым собравшимся в тот день дамам. – Я Элизабет, жена Байч-Хараха из Глубокого дома, пожалуйста, позаботьтесь обо мне.

Это приветствие я, конечно, не сама выдумала. Азамат мне его написал и повторил четыре раза, а потом еще заставил отрепетировать, чтобы я не заржала в середине. Глубоким наш дом называется потому, что стоит далеко от парадной калитки, глубоко в саду. А просьба позаботиться – это ужасно формальный способ нового жильца поздороваться с соседями.

Меня встретило гробовое молчание под аккомпанемент изучающих взглядов. А потом дамы вдруг резко отвернулись от меня и принялись разговаривать между собой.

– Я же говорила, что она придет.

– Да кто бы с тобой спорил! Мы только не знали когда.

– Одеты хорошо.

– Неужели настоящая землянка?

– Муж у нее кошмарный, конечно...

– Да, и как бедняжку угораздило?

Азамат много раз уже мне объяснял, что мударжцы всегда так делают: когда стесняются говорить с человеком, начинают говорить друг с другом о нем. Это чудовищно неприятно, но даже Азамат, по моему, не совсем осознал почему. Ему это кажется вполне естественным. Однако пережевывание костей дорогому супругу я тут терпеть не намерена.

Я громко кашляю, водружаю на стол свои печенюшки и сажусь на ближайшее свободное место, как водится, без приглашения. Кстати, этот вопрос я тоже прояснила. Оказывается, человек должен сам выбирать, стоять ему или садиться, и если садиться, то куда, потому что этим он выражает некую степень вежливости по отношению к окружающим. В каждом интерьере все сидячие места очень четко расположены с точки зрения почетности, это определяется высотой, удаленностью от двери, удобством, приближенностью к хозяину дома или самому красивому из присутствующих. А в едальнях и на праздниках специально не делают сидений, чтобы все гости чувствовали себя одинаково важными персонами.

Я сажусь как середнячок – рядом с дверью, но место удобное и напротив меня довольно симпатичная дамочка.

– Угощайтесь, – говорю с благожелательным видом.

Дамы с любопытством заглядывают в мою корзинку.

– Я таких никогда не видела, – говорит одна.

– Это земной рецепт, – отчеканиваю я специально выученную фразу.

Они снова на меня воззряются, как консилиум стоматологов на особо лихо закрученный зубной корень.

– Ты что, сама пекла? – с ужасом и недоверием спрашивает одна, от удивления растеряв всю свою застенчивость сразу вместе с вежливостью.

– Ну да, – пожимаю плечами.

– Тебе что, делать нечего? – спрашивает другая в том же тоне.

– Я люблю готовить, – непробиваемо отвечаю я. К этому я тоже была готова.

Они переглядываются и осторожно пробуют печенье. Оно им приходится по вкусу, и постепенно обстановка разряжается. Мне даже сообщают, что у меня хорошо получается.

– Ты, наверное, одна жила, вот и привыкла готовить, да? – находит рациональное объяснение моей причуде дама напротив.

Я неопределенно киваю.

Меня угощают чаем и всякими местными сладостями, я старательно хвалю поваров моих соседок. Дамы выглядят очень довольными и советуют мне, кого лучше нанять в этом качестве, а кого нельзя пускать на свою кухню ни в коем случае. К этому я тоже готова; я им

сообщаю, что, если мне понадобятся услуги повара, я привлеку Тирбиша. Этим заявлением я зарабатываю восхищенно-одобрительный возглас «О-о-о-о-о!», и тема поваров затухает. То-то.

Я решаю, что настал подходящий момент, чтобы закинуть удочку на интересующую меня тему – не поучит ли меня кто-нибудь шить муданжскую одежду.

– А кому ты хочешь шить? – оживляются дамы с таким откровенным подтекстом, что я начинаю чувствовать себя добычей стервятников.

– Да всем... – мямлю я. – Мне бы научиться, тогда уж буду думать кому...

В конце концов, если они меня научат, почему бы и им не сделать что-нибудь? Раз уж тут это так ценится...

Дамам идея нравится. Они извлекают свои текущие проекты – у кого шитье, у кого вышивание, показывают мне, сыплют швейными терминами, я ничего не понимаю, говорю им об этом раз тридцать, в итоге мы решаем, что завтра в то же время они принесут разной самошитой одежды, и я выберу, что из этого я хочу научиться делать первым номером.

Постепенно они успокаиваются и принимаются за свое рукоделие. Я тоже достаю вязанье. Они спрашивают меня чуть-чуть, но я мало что могу сказать о материале и способе вязки. Скоро им надоедает выслушивать мои мучительные и корявые объяснения, и они начинают разговаривать между собой на свои темы, практически не обращаясь ко мне.

Вот упомянули какую-то общую знакомую.

– Да она уже четвертого рождает. Это ж надо было за такого выйти – только успеет одного родить, а муж уже на следующего накопил. Я ей говорю, требуй больше! А она: да ладно, зато он довольный все время, меньше пристает.

Все хохочут. Интересно, у парня как, если довольный, то не хочется? Или просто налево ходит?

– Мой вот тоже почти уже накопил, – вздыхает моя ближайшая соседка. – Прямо не знаю, что делать. Я первого-то еле родила, потом месяц не вставала. Даже страшно... К той же повитухе ни за что не пойду.

– Приходите ко мне, – говорю. – Я это тоже умею.

– Ты повитуха? – удивляются они.

– Ну я вообще-то целитель, но роды принимать тоже умею.

В муданжском сознании это совсем разные профессии.

Конечно, теперь приходится долго объяснять, как на Земле организовано образование, да почему я должна работать, да неужели такая кошмарная работа может нравиться, и все в таком духе. Лучше бы уж молчала, разбирались они тут как-то без меня до сих пор... хотя это и ужасно эгоистичный подход.

– Кошмар! – восклицает моя соседка. – Ты шьешь, готовишь, работаешь, и в придачу к этому такой жуткий муж!

– Ужасно, – вторит ей другая. – Как же он так тебя обманул?

– Такой урод отвратительный! – стонет третья.

– Да еще изгнанник! – напоминает четвертая.

– Небось и денег нет, потому тебе и приходится работать, – предполагает пятая.

Я изо всех сил сжимаю зубы в надежде, что сейчас они заткнутся хоть на секунду и дадут мне вставить по возможности вежливое слово. Как бы не так.

– Мерзкий, гадкий мужик, мало того что женился обманом, так еще и наживается за твой счет!

– Вот паразит! Да таким, как он, вообще размножаться нельзя!

– Недаром от него родной отец отрекся!

Это становится последней каплей. Я непослушной рукой заталкиваю вязанье в корзинку и встаю.

– Прошу прощения, – говорю сквозь стиснутые зубы, – но если вам так неприятно со мной общаться, вы могли бы мне об этом прямо сказать. Совершенно необязательно поливать дерьмом моего мужа!

Я все-таки срываюсь на крик, что плохо, потому что я и так говорю с акцентом и ошибками.

Они замирают в недоумении настолько искреннем, что я даже не выскакиваю из клуба, хлопнув дверью, как только что собиралась.

– Ты что, обиделась? – догадывается старшая.

– Нет, знаете, я просто в восторге! – отвечаю ядовито и тут же об этом жалею. Могут ведь и не просечь иронии...

Немая сцена продолжается, когда вдруг одна из дам охает, хлопает в ладоши и привлекает всеобщее внимание. Другие склоняются к ней,

она что-то шепчет, я не разбираю, но, кажется, там мелькает имя Алтонгирела. Только этого не хватало мне для полного счастья!

Старшая с подозрением что-то переспрашивает, потом откашливается и обращается ко мне:

– Ты... не любишь, когда о твоём муже плохо говорят?

На сей раз я нахожу в себе силы ответить четко и ясно:

– Да, я этого очень не люблю. Мне удивительно, что вы вообще об этом спрашиваете.

Они снова переглядываются.

– Не обижайся, – говорит мне старшая дама. – Мы просто хотели тебя подбодрить.

– Тебе надо поговорить об этом с духовником, – советует моя соседка.

Вы хотите мне сказать, что это – тоже культурная фишка? Ребят, да я же тут загнусь... Ладно, поговорить с кем-нибудь вменяемым надо обязательно, а оставаться здесь решительно невозможно.

– Обязательно поговорю, – отвечаю. – Доброй ночи.

Домой я приплелась в подавленном состоянии. По-хорошему, надо было им всем в рожи плюнуть, но после моей выходки на боях Алтонгирел уже трижды мне мозги компостировал, чтобы держала себя в руках. Унгуц, правда, кажется, считал, что так этому старому хрену и надо, да и ничего особенно ужасного я не сделала. Ну вернула ему бормол. Я так понимаю, это значит примерно «я тебя ненавижу». Ну прилюдно – значит унижительно. Его авторитет от этого сильно пострадал, особенно после того как распространилась весть, что я и есть та самая девочка, про которую он всем уши прожужжал. И что, хотите сказать, он этого не заслужил? Да идите вы.

Но дело было не в Алтонгиреле, конечно. Покидая наш дом вместе с Оливой, Унгуц мне строго указал, чтобы я объяснила мужу, что там произошло вчера, пока он получал награды. Дескать, поступила-то ты, может, и правильно, но и расхлебывать это тоже тебе. И не хватало еще, чтобы Азамат от кого другого узнал. Можно подумать, я сама всего этого не понимала... хотя хорошо, что Унгуц на меня надавил, а то бы еще не знаю сколько оттягивала момент.

В общем, в тот же вечер выложила я Азамату свою нехитрую историю.

На известие, что я и есть та самая девочка, он отреагировал на удивление спокойно.

– Ты знаешь, я даже что-то такое подозревал, – ухмыляется, смотрит ласково. – Ты же не думаешь, что я могу счесть тебя виноватой в моих несчастьях?

– Да я в общем-то никаким боком туда, но в принципе неприятный осадок остаться может...

– Ну что ты! – И тянется обнять.

– Подожди, – говорю, – это еще не все.

А вот то, что я прилюдно поругалась с его папенькой, Азамата огорчило даже больше, чем я ожидала. Я понимала, что он не обрадуется. Даже когда я направлялась наперерез Аравату, заготовливая гневную тираду, я прекрасно понимала, что делаю это не для Азамата, а для себя. Он бы, конечно, предпочел, чтобы все жили в мире друг с другом. Но есть вещи, на которые я неспособна. Не то чтобы я была особенно принципиальной. Скорее я просто слишком импульсивна. Если бы Арават мне попался хотя бы через день после того, как я узнала о своей роли в истории Азамата, я бы по крайней мере поговорила с ним наедине. Не потому, что он этого заслуживает, а потому, что Азамат все еще его уважает. Но что сделано, то сделано.

– Ну, Лиза... – Азамат морщится и отворачивается. Надолго замолкает. Вздыхает.

Я жду. Я просто вижу, как он хочет меня обругать, как он бесится внутри, но не дает этому выхода, потому что боится меня обидеть. А я ему хочу сказать... ох что я ему хочу сказать! И внезапно я очень ясно вижу, что мне с этим человеком предстоит прожить много долгих сложных лет, и я не смогу все это время молчать, и он не сможет. И в какой-то момент, когда мы поругаемся из-за ерунды, это всплывет, и будет очень страшно. Потому что, когда понимаешь, что человек давно на тебя обижается, начинаешь сомневаться в искренности всего хорошего, что он тебе говорил и делал.

Сейчас тоже страшно. Но надо, надо.

– Он сволочь и заслужил это. Вернее, это так, фигня, заслужил он гораздо больше!

– Ты его не знаешь...

– И поэтому могу судить объективно.

– Но ведь без него ты не смогла бы увести корабль!

– Да, и мне очень обидно, что внешне хороший человек оказался такой дрянной личностью.

– Лиза, перестань, пожалуйста! – Он чуть повышает голос.

– Нет, не перестану! Я не понимаю, как ты можешь его защищать, после того что он с тобой сделал!

– Он мой отец!

– Нет.

– Что – нет?!

– Он от тебя отказался! Ты понимаешь это вообще? Ты представь, вот будут у нас дети. Что такое мог бы сделать твой ребенок, чтобы ты от него отказался?!

– Да как ты можешь так сравнивать? У него нас могло быть сколько угодно, а я...

– У тебя их тоже может быть сколько угодно, тут нет никакой разницы! Просто он тебя убедил с детства, что может делать с тобой все, что хочет, а ты все равно должен уважать его решение! Ты представь, как он должен был к тебе относиться, чтобы от тебя отречься!

– Это неважно, Лиза, неужели ты не понимаешь? – Он встает и принимается метаться по комнате.

– Это важно! Потому что или он полный идиот, или он тебя ненавидел! Ты это понимаешь?

– Да! Нет! Я не хочу! – Останавливается. Наконец-то смотрит на меня. – Я не хочу так думать. Я не хочу, чтобы он меня ненавидел.

– И предпочитаешь притворяться, будто это ты виноват? Азамат, оттого что ты и дальше будешь ему кланяться, он не начнет относиться к тебе лучше.

Он падает обратно на диван и трет лицо.

– Оттого что ты его обругаешь, я не стану относиться к нему хуже. Я умом понимаю, что он неправ. Я понимаю, что сам бы никогда так не поступил. Но я все равно... хочу, чтобы он меня простил.

– Нет, – говорю, придвигаясь поближе и заглядывая ему в лицо. – Ты хочешь, чтобы он попросил прощения.

Он долго молчит, шаря невидящим взглядом по комнате.

– Может быть, – говорит он наконец. И вдруг спохватывается: – Значит, ты понимаешь, что я хотел бы с ним помириться?

– Конечно понимаю.

– Тогда зачем ты мне рассказываешь, какой он плохой? Мне ведь это неприятно!

– Чтобы ты перестал сдерживаться, покричал на меня, выяснил, что я тебя понимаю и люблю со всеми твоими закидонами.

Азамат высоко задирает брови и намеревается сказать что-то ужасно язвительное о моих манипуляциях, но ему не дают. В нашу гостиную внезапно врывается Алтонгирел с воплем:

– Вы чего орете на всю улицу?! Вы что, поссорились?! Азамат, ты сдурел?!

Я уже совсем собираюсь сказать какое-нибудь хамство, но тут Азамат наклоняется ко мне, и мы долго выразительно целуемся. Я успеваю забыть, что Алтонгирел вообще тут есть. Но Азамат напоминает.

– Он – тоже мой закидон, – говорит. – Не надо с ним ругаться. Договорились?

Так вот, иду это я из клуба и думаю: вот черт, и бабам противным в рожи не плюнула, и в рамках приличий не удержалась. Уж надо было или все терпеть, или устроить полноценный скандал. А то ни нашим, ни вашим. И Азамат сейчас еще скажет, что не надо было с ними ругаться, тут ведь так принято. А то еще начнет мне доказывать, что они были правы. И что-то мне с каждым днем труднее его любить сквозь весь этот Муданг, прости господи.

Захожу домой – а там гости. Алтонгирел, Эцаган и Тирбиш. Интересно, а меня, значит, не позвали? И по каким соображениям? Эцаган вообще, кажется, не рад меня видеть.

– О, Лиза, ты уже вернулась? – задает бессмысленный вопрос Азамат, входя с кухни с тарелкой какой-то еды.

– Нет, я тебе мерещусь, – ворчу я, роняя свою телесную оболочку в кресло, предварительно выкинув из него пенковую упаковку от нового сервиза.

Мужики загадочно переглядываются.

– Ну как клуб? – продолжает идиотские вопросы Азамат.

– А то ты не видишь, что я в восторге!

Нет, он что, нарочно?

– Вижу, вижу, – говорит он примирительно. – Просто интересно, чем они тебе так досадили? Вроде все приличные женщины...

Мне очень много чего хочется сказать, но я сдерживаюсь при гостях. Конечно, все свои и меня они видели в состоянии похуже, чем сейчас. Но все-таки... так и истеричкой прослыть недолго, если буду по каждому поводу при всех сцены устраивать. Да и объяснять опять, почему меня так задевает, когда оскорбляют Азамата, я немного стесняюсь. Алтонгирел мне и так украденную душу все время напоминает.

Азамат нависает над спинкой кресла и гладит меня по голове, его коса ложится мне на плечо.

– Ну рассказывай уже, любопытно ведь, что ты с ними не поделила.

– «Что, что»?... – отмахиваюсь. – А то сам не знаешь. Тебя, естественно.

– А поподробнее?

– Да ничего интересного. Начали тебя опускать. Один раунд я выдержала, но потом... в общем, они реально отвратительные вещи стали говорить. Я встала, сказала, типа, не хотите меня видеть, так и скажите. Они, видимо, не поняли, чего это я. Потом пошушукались и говорят такие, сходила бы ты к духовнику. Не знаю уж зачем. Ну я попрощалась и ушла.

– И что, даже никого не побила? – с каким-то даже разочарованием уточняет Алтонгирел. – И уродкой не обозвала?

– Ну я, конечно, очень хотела, но как-то... в общем, можешь считать, что вы с Азаматом меня выдрессировали. Я решила сначала поинтересоваться, нет ли и тут какой-нибудь культурной заморочки. А уже потом пойти и придушить их по одной.

Алтонгирел делает очень кислую рожу. Азамат вдруг принимается хохотать. Тирбиш расплывается в широченной улыбке. Эцаган единственный реагирует вербально:

– Так нечестно, капитан, вы Тирбишу подсказали!

До меня наконец доходит. Пенковая упаковка от сервиза, к счастью, не улетела далеко, так что я успеваю настучать ею всем троим, прежде чем они осознают, что я вооружена и опасна. Азамат, стратегически занявший позицию за креслом, все-таки уворачивается.

– И сколько же ты поставил, дорогой? – рычу я, понимая, что догнать и треснуть я его все равно не смогу.

– Ну что ты, Лиза, я не ставил! Это была даже не моя идея. Вот Эцаган с Алтонгирелом продули изрядно, особенно Алтонгирел!

– На что он ставил, у меня вопросов нет. А остальные двое?

– Тирбиш выиграл, – охотно повествует Азамат, по-прежнему держась за креслом. – Он ставил на то, что ты разозлишься, но сдержишься.

– А Эцаган?

– А я вообще хорошо о вас думал! – обиженно заявляет Эцаган. – А вы меня бить! Я ставил на то, что вы ни с кем не поругаетесь и вернетесь в хорошем настроении!

Ах вот чего он так скис! Погодите...

– Хочешь сказать, ты думал, что я стерплю, когда моего мужа обижают? Ничего себе хорошо ты обо мне думал! Да это я тебе еще мало врезала!

К сожалению, догнать Эцагана тоже нереально. Приходится швырнуть в него пенкой и наплевать на все это. Решив, что я снова смиренная, мужики рассаживаются по местам.

– Лизонька, – проникновенно говорит Азамат, награждая меня муданжским уменьшительным, – они не хотели обидеть ни тебя, ни меня. Просто женщинам обычно приятно слушать гадости о своих мужьях от подруг. Это такая женская солидарность. Они на самом деле не думают того, что говорят, они просто так друг друга поддерживают. Можно сказать «ты сегодня хорошо выглядишь», а можно «у тебя муж сволочь», и это будет значить одно и то же.

Вот и живи на этой планете.

Короче говоря, из клуба я не ушла. Хотя на следующий день, едва заявившись, разразилась заранее выученной проникновенной тирадой о том, что у нас на Земле такое совсем не принято, что я это воспринимаю как оскорбление лично мне и что не надо, пожалуйста, плохо говорить о моем муже, потому что он очень хороший человек. Если бы еще в муданжском языке различались слова «хороший» и «красивый», может быть, меня бы правильно поняли. А так просто решили, что я со странностями.

Так что в клуб я продолжаю ходить, и меня это не слишком радует. Про Азамата больше никто не заикается, но зато своих мужей они поносят так, что у меня уши вянут. Дольше часа в день я там просто высидеть не могу. А учителя по части кройки и шитья из них

тоже не супер, потому что у каждой свои узоры и приемы, передаваемые из поколения в поколение внутри семьи, и делиться ими с соседками ни одна не хочет. Шов, говорит, должен получиться вот такой. А как его делать – сама догадывайся.

Вот и лежим мы с Азаматом в «Лесном демоне», грызем сурчинные лапки и треплемся обо всякой фигне. Хотя вообще-то говорить надо о насущном.

– Азамат, солнышко, а ты не хочешь куда-нибудь съездить на несколько дней?

Он моргает на меня как-то обиженно.

– Я тебе мешаю?

О господи, он неисправим.

– Я имела в виду вместе съездить, естественно.

– А... а куда ты хочешь? На Гарнет?

– Да нет, зачем сразу на Гарнет? Просто из города куда-нибудь. Развеемся. Погулять... У тебя, помнится, табуны какие-то несметные имеются. Да и вообще, я же вижу, как ты смотришь на дорогу из города. Тебе же хочется на природу...

– Хочется, конечно, – вздыхает. – Я ведь по всему этому больше всего скучал. Таких лесов, как у нас, больше нигде нет...

– Ну а чего ты тогда тут дурака валяешь? Давно бы уже выбрались.

– Ну так дела...

– Подождут твои дела. Пятнадцать лет как-то обходились, уж пару дней-то перебьются!

– ...ну и потом, – продолжает он, не особенно меня слушая, – сезон сейчас не тот. Это тебе не парк на Гарнете. Там же снег лежит, холодно. Здесь, в столице, климат мягкий. А уже даже на северной оконечности Дола, где мои табуны, там совсем неподходящие для тебя температуры.

– Я тебе открою страшную тайну, – говорю. – В моем городе на Земле зима длится полгода, а где бабушка живет – там и все три четверти. И морозы до минус сорока по Цельсию. Так что не надо меня тут запугивать снегом, лучше купи две пары лыж – и поедем смотреть на лошадок. И вообще, прежде чем отказывать себе в удовольствии из-за меня, можно хотя бы поставить меня в известность.

Он довольно улыбается мне через столик.

– Лыжи, – говорит, – у меня есть. Но я ставлю тебя в известность, что ты вряд ли сможешь на них передвигаться.

Глава 2

Летательный аппарат, который Азамат конструировал, себя оправдал, хотя я поначалу боялась в него садиться. Больше всего эта штука похожа на жука-оленья, только зеленая и переливается. В ней четыре места, как в машине, хотя и потеснее, чем в мударжских ящиках на колесах. Взлетает такая штуковина на антигравитации, то есть, не меняя положения, медленно всплывает метров на пятьдесят, а там уже жмешь на газ, если так можно выразиться, и летишь рогами вперед. Азамат объяснил, что это вполне обычный мударжский вид транспорта, удобный в условиях бездорожья. Детали стоят довольно дорого, но если у человека деньги есть, то и такая леталка, скорее всего, имеется. А называется она унгуц. Да-да, ты не ослышалась, наш дорогой Старейшина получил в качестве имени название летательного аппарата. Говорят, он потому только и согласился стать Старейшиной, что всю жизнь мучился, за что же боги ему такое имя дали.

Еды на двухдневный выезд мы набрали как на неделю. Тут и всякое соленое-копченое, и сладкое, и несколько термосов чая, кофе, горячего молока (Азамат его иногда пьет просто так, брр) и бульона, термопак с несколькими видами второго и еще черт в ступе не иначе. Вместе с горой теплой одежды и дифжир, которую меня заставил-таки взять заботливый муж, получилось столько барахла, что пришлось часть свалить на заднее сиденье, в багажный отсек уже не помещалось.

– Ну как же так, Азамат, – говорю, подпихивая в салон внушительных размеров аптечку, – неужели ты всегда столько всего с собой таскаешь, когда выбираешься в лес? Или паковаться разучился?

– Если бы я один ехал, – ухмыляется он, – я бы взял соль, зажигалку и ружье, а остальное можно на месте добыть. Но тебе нужен комфорт.

– С чего ты это взял, интересно? – ворчу я, хотя уже не так убедительно. Все-таки спать на снегу без одеяла – это не есть мое представление об отдыхе. Ладно уж... – Где твои обещанные лыжи?

Лыжи прячутся в стенном шкафу в мастерской. Они не очень длинные, зато широченные, из потемневшего от времени дерева, а по нижней стороне подбиты пятнистым мехом.

– Ого...

– Ты все еще уверена в своих силах? – насмешливо спрашивает Азамат.

– Они что, правда деревянные? – Я действительно несколько выбита из колеи этим антиквариатом.

– Конечно, вот, посмотри. – Он наклоняет одну лыжу, чтобы я могла пощупать.

Она очень гладкая, расписана прямо по дереву какими-то хитрыми узорами, от меха пахнет то ли жиром, то ли дегтем.

– Такие старые... Они не развалятся?

– Ну что ты! – Он смеется. – Такие лыжи несколько поколений служат. Их еще мой дед делал, а он был первоклассным охотником и в лыжах толк знал. – Азамат ласково поглаживает свои сокровища по выгнутым спинкам. – Мне их отец на совершеннолетие подарил.

Тут он резко и неловко замолкает. Интересно, сколько мы еще будем об это спотыкаться...

– Ладно, – говорю, – я верю, что это хорошие лыжи. Только ты мне покажешь, как на них правильно ходить, а то придется меня на горбу таскать.

– Обязательно покажу и объясню, – серьезно кивает он.

Лыжи чудесным образом помещаются в переполненный багажник вдоль брюха нашего жучка, и мы наконец-то грузимся. Азамат жмет на кнопку, и над нами прямо из воздуха сгущается прозрачный купол, он же лобовое стекло, и рога становятся прозрачными.

– Как тебе? – с плохо скрываемой гордостью спрашивает Азамат.

– Круто... – говорю. Видимо, он долго работал над этой фишкой, надо же как-то похвалить.

– Обычно крыша выезжает из задней стенки, но так почему-то всегда женские юбки и косы прищемляет. Так что я это модифицировал.

Ну я, конечно, не в юбке, а коса из нас двоих только у него, ну да ладно, старался человек.

– Здорово придумал, – говорю. – А так в ней не застрянешь, если случайно руку сунуть, пока она появляется?

– Нет, – смеется Азамат и принимается мне объяснять, как это работает и почему застрять в крыше никак нельзя. Я даже понимаю. Но пересказать точно не могу.

Тем временем мы отрываемся от земли и всплываем вертикально вверх, вот уже и крыши домов внизу видны, а вот уже и полгорода. Азамат мягко, почти незаметно трогается с места, и мы плывем над рекой прочь из кольца скал, на север, к свободе.

Чтобы добраться до наших владений, надо пропахать полконтинента, – к счастью, поперек, а не вдоль. Азамат обещал, что это займет четыре-пять часов, если будет хорошая погода. Погода сегодня ничего, оба солнышка исправно светят, но ветер суровый, так что Азамат держится поближе к земле, где не так сдувает.

Дол, на берегу которого пасутся призовые табуны, – это очень большое почти пресное озеро. Азамат говорит, что пить из него не слишком приятно, хотя и можно, а если в нем плавать, то ощущения как от пресной воды. Сейчас, правда, плавать не сезон.

Мы довольно рано встали, чтобы долететь засветло и еще успеть там погулять, поэтому меня уже клонит в сон, но мне жалко Азамата, который за рулем, естественно, спать не может, так что я пытаюсь поддерживать разговор. Говорим мы теперь с ним вообще забавно: я почти все время на всеобщем, а он почти все время на мударанжском. Я сама попросила так делать, чтобы побыстрее учить язык, но безумие получается изрядное, потому что мне все время приходится вставлять местные названия продуктов, одежды, утвари и прочего, а ему – родственников и всякие душевные состояния, для которых в мударанжском очень неразвитая терминология.

– Как твои воины? Учатся хоть чему-нибудь?

– Учатся, и неплохо. Тех, которые ни на что не годились, я на прошлой неделе попросил нас покинуть.

– Неужели? Прямо вот так и попросил? – Мне действительно трудно себе представить, чтобы Азамат кого-то выгнал, пусть даже в вежливой форме.

– Ну а что делать? – тут же смущается он. – Люди время тратят, я тоже, а толку никакого... Конечно, считается, что мужчина должен смыслить в военном деле, но ведь это дано не всем.

– Да нет, я только за! Ты и так за троих пашешь, еще не хватало всяких бездарей на себе тянуть. Я просто удивилась, что ты на это решился, ты ведь всегда такой... покладистый.

Он с кривой ухмылкой косится на меня.

– Лиза, видишь ли, есть люди, которые мне дороги, и с ними я действительно стараюсь по возможности соглашаться. Это не значит, что кто угодно может навязать мне свои предпочтения.

– Да я верю, верю! – быстро киваю я. – Только когда в следующий раз будешь кого-нибудь выгонять, позови меня посмотреть, а? Мне любопытно.

– Хорошо, – усмехается он. – Думаю, как раз в ближайшие дни назреет необходимость. Ты вот лучше скажи, тебе никто не докучает?

– Кроме дам из клуба?

Азамат закатывает глаза.

– Ясно, – вздыхаю.

А кто мне еще может докучать? Мужики, конечно, не всегда приятно реагируют на мое появление на улице. Многие свистят, обсуждают меня вслух, иногда рыгают, проходя мимо. Это все, безусловно, противно, но я точно знаю, что они меня не тронут. Если уж Азамат, который так надо мной трясется, говорит, что никто не посмеет меня и пальцем коснуться, то мне и в самом деле нечего бояться. Правда, в «Щедром хозяине» мелькает этот мужичок... мелкий по муманджским меркам, бритый, всегда очень ярко одет. Он там тоже обедает, как я, и в то же время. И потом, мне кажется, я его несколько раз видела около клуба... На всякий случай излагаю все это Азамату.

– Да-да, – кивает он угрюмо. – Он не просто тебе попадается, он весь день за тобой ходит.

– А ты откуда знаешь? – выпаливаю я, еще не окончательно осознав сказанное.

– Попросил Эцагана за ним последить. Этот «мужичок» уже ко мне подходил с разговорами на тему, кто чего достоин. Я помню, как ты к этому относишься, так что сказал ему, что его мнение никого не интересует. Теперь либо он от тебя отвяжется, либо придется подходить кивать...
– Ну ни фиги себе! Все самое интересное – и без меня? Нет, ты, когда ему объяснять будешь, обязательно меня позови, я хочу это видеть!

Я серьезно очень плохо себе представляю, как это Азамат кому-то «объясняет подходить кивать». Бои – боями, но чтобы он всерьез кому-то вред причинил...

– Ты что-то нынче кровожадная, – усмехается он. – Неужели твои подруги в клубе все еще про меня высказываются?

– Какие они мне подруги! – взываюсь я. – Эти курицы бесполезные, от них никакого толку! Сидят мужей своих поносят. И ведь небось неплохие мужики! Это кошмар какой-то просто. Я туда иду каждый раз как наказание отбывать непонятно за что. Последнее время еще придумали мне кличку, а я понятия не имею, что она значит.

– А чего ж меня не спросила? – хмурится Азамат.

– Забыла. Я тебя вижу-то за ужином и утром, и мне как-то не хочется с тобой об этих дурах разговаривать. Хоть бы кто-нибудь с болячками обратился, я бы хоть поработала, а так вообще непонятно, на что все время уходит.

Азамат хмурится еще сильнее.

– Так что за кличка?

– Хесай.

Мне померещилось или он зарычал?

– Скажи им, что зависть глаза выедает.

Ого! Чем же это они меня приласкали, что дорогой супруг так обозлился?

– Что это значит-то, хоть объясни.

– Устрица, – цедит он сквозь зубы. Я молчу и жду продолжения. Оно следует после паузы. – Так называют женщин, которые получают удовольствие от секса.

– Чудесно, – хмыкаю я. – А чего ты так злишься?

– Во-первых, хотел бы я знать, откуда они это про тебя взяли. Я ни с кем не обсуждал наши личные дела.

– Я сама могла что-то такое сказать, – пожимаю плечами. – А что, это надо хранить в тайне?

Он тяжело вздыхает.

– Видишь ли... устрицы настолько любят это дело, что им абсолютно все равно с кем. Ты и так у всех на устах, а если они еще решат...

– Ну Азама-а-а-ат! – взываю я. – Ну надо же было предупрежда-а-ать!

– Да понимаю, – смущается он, – но все как-то кажется, это такие очевидные вещи... Я ведь и сам поначалу думал, что ты... прости.

Я только качаю головой. То-то он так удивился, когда я потребовала охранять меня от посягательств со стороны других мужиков.

– Ну ладно, – говорю. – Как мне их убедить, что я не устрица?

– Даже не знаю... Понимаешь, у нас есть женщины, которым совсем это не нравится, а бывают, только очень редко, такие, которые в любую минуту и с кем угодно готовы. А ты не то и не то.

– Значит, придется объяснить, что у землян все по-другому.

– И надеяться, что они поверят, – вздыхает Азамат.

Как-то это все грустно. Мы надолго замолкаем, и я начинаю зевать.

– Да ты спи, – уговаривает Азамат. – Долго еще лететь.

– Я и так почти все время сплю, когда ты рядом.

Он снова вздыхает. День вздохов просто какой-то.

– Мне надо как-то менять график. А то мы действительно почти не видимся, и получается шакал знает что.

– Ну тебе ведь эти занятия важны, это ведь то, чего ты хотел: тебя уважают, ты всем нужен... э, а почему мы спускаемся?!

– Потому, что я хочу остановиться.

Я за всеми этими разговорами даже не заметила, когда мы долетели до снега. Или, может, мы в горах? В общем, тут довольно холмисто и снег лежит везде, ровненький такой, нетронутый. Мы мягко садимся, поднимая облака рассыпчатых снежинок.

– Выходи, – говорит Азамат, отключая крышу.

– Куда, мы же еще не долетели!

– Выходи-выходи!

Я уже ничего не понимаю, но послушно выхожу. Он обхватывает меня за плечи и отводит от унгуца ближе к склону того холма, на котором мы стоим.

– Во-он, видишь, на горизонте горы? Это Ахмадхот. Когда мне было лет четырнадцать, мы с друзьями часто сюда летали зимой покататься по снегу.

– И что?

– А то, что это очень весело, – говорит он и вдруг резко притягивает меня к себе, и мы летим вниз по склону в обнимку, поднимая фонтаны снега. На нас обоих скользкие, непромокаемые

костюмы, так что разгоняемся мы капитально – если бы он меня не держал так крепко, я бы порядочно испугалась.

Наконец мы тормозим, чуть не с головой уйдя в снег. За нами остался очень выразительный след на склоне.

Азамат смеется и протирает залепленное снегом лицо.

– Боги, что ж ты так визжишь-то?

– А что, с горки надо молча кататься? – Я тоже вся в снегу, но отряхиваться пока бессмысленно. Впрочем, не то чтобы я жаловалась. Вот только как теперь наверх выбираться?.. Я еле замечаю мокрый поцелуй в мокрую щеку.

– Лиза, – говорит Азамат внезапно серьезно, – пожалуйста, не думай, что чье-то там внимание и уважение мне важнее, чем ты. Я растерялся поначалу, но продолжаться так не будет. И так целыми днями только и думаю: скорее бы вечер, скорее бы домой и тебя увидеть. Одно время еще уговаривал себя, что у тебя дела, работа и я тебе там совсем не нужен. А выходит, у нас даже нет времени новостями поделиться. Это моя вина, и я исправлюсь. Не злись, пожалуйста. Хочешь, обругай меня, только не злись больше.

Ишь ты, заметил! А я все гадала, когда меня прорвет и я ему выскажу все, что думаю об этом Муданге, об этом браке и о нем лично. Ну раз заметил, то можно сэкономить нервы.

– Да живи уж, – хмыкаю. – Че тебя ругать, если сам раскаиваешься? Теперь до следующей глупости любить буду. А сейчас расскажи мне, пожалуйста, как мы будем обратно подниматься?

– А вот об этом тебе беспокоиться не на-адо, – говорит он, сажая меня на плечо.

На одно, всю. Вообще-то у меня не такая уж маленькая задница, а на муданжской диете – так и вовсе... Пока я раздумываю, как это он так балансирует, мы уже наверху. И только я начинаю прикидывать, как бы не натащить в салон талого снега, как мы уже опять летим вниз с горы, я опять визжу, а Азамат хохочет, и снег везде, и небо синее-синее, и жизнь абсолютно прекрасна!

Мы прокатились четыре раза, после чего все-таки уселись в кабину, предварительно отряхнувшись. К этим костюмам снег не пристает, а какой все-таки попал внутрь, скоро должен раствориться и остаться в фильтре воздухоочистительной системы. Мне страшно подумать, сколько еще примочек есть у этого агрегата.

После таких упражнений я все-таки засыпаю. Это даже отчасти справедливо, потому что Азамат сегодня встал несколько позже, чем обычно, а вот я недоспала.

Когда я продираю глазки, мы уже садимся. В салоне играет музычка, что-то невыразимо прекрасное и вряд ли мударжское, но, поскольку мы как раз сели, Азамат все выключает.

– Приехали, – жизнерадостно оповещает он. – Вылезаем или сначала по кофейку?

Я выбираю по кофейку, а еще по котлете и по плюшке. Я и завтракала сегодня так себе. Над нами по-прежнему синющее небо, которое видно сквозь прозрачную крышу. На сей раз мы на равнине, только кое-где видны небольшие перепады в снежном покрове. Я проглатываю остатки кофе и даю отмашку вылезать.

Азамат извлекает лыжи и небольшой рюкзачок, который вешает себе за спину. Эти его исторические лыжи крепятся на обычные ботинки ремнями вокруг ступни.

– А зачем на них мех? – спрашиваю я, топчась на месте и внезапно понимая, что палок-то нет.

– Чтобы по склону не съезжать. Ты что-то потеряла?

– Ну как бы... э... а не предполагается чего-нибудь, на что опираться, когда идешь?

– Ты хочешь палочку? – Он поднимает брови. – Ну вон до леска дойдем, я тебе вырежу.

И машет куда-то в голубую даль, я там и не вижу того леска.

– Ладно, – говорю, – если что, за тебя зацеплюсь. Показывай, как шагать...

Это оказывается не так чтобы трудно, хотя с непривычки мне очень не хватает палок. Дома-то мы с братом на всякие лыжные курорты часто ездим покататься, но там-то горы, пластик и тренажерный зал для разминки. Ну ничего, привыкну. Азамат идет медленно, под меня подстраивается.

– Не спеши, – говорит. – Бежать никуда не надо, с горки мы сегодня уже катались.

Лесочек, как выясняется, не так уж далеко, я даже не запыхалась. Впрочем, и шли мы довольно медленно. Азамат тут же изображает мне две рогулины, и я сразу чувствую себя увереннее. Местность тут несколько более бугристая, но, как выясняется, мех не дает не только

назад откатываться, но и вперед сильно скользить, так что вниз по склону идешь пешком точно так же, как по ровному месту.

А в лесу хорошо. Какие-то птицы фитенькают, следов кругом тьма, белки скачут. Они здесь снежно-белые и огромные, чуть ли не с кошку размером. На Муданге вообще все зверье крупнее, чем на Земле, – вероятно, из-за слабой гравитации. Деревья, впрочем, тоже ничего себе. По краю леса еще молодые, тоненькие, а чуть вглубь – сплошные гиганты в три обхвата каждое, и крона где-то в небесной вышине теряется. Некоторые замотаны заснеженными лианами.

Азамат тихо рассказывает: вот у этого дерева листья съедобные, а вот это летом воду запасает, если надрубить чуть-чуть, польется. Над головой бесшумно пролетает жутковатых размеров хищная птица.

– Как бы жеребенка не упер, – качает головой Азамат, но, по моему, он скорее предлагает птичке поспорить, чем действительно переживает за своих лошадей.

Мы осторожно переходим замерзший ручей, поднимаемся вверх по довольно крутому склону. Там растет куст чего-то вроде калины. Азамат тут же срывает несколько ярко-красных гроздей сморщенных ягод и предлагает мне:

– На, попробуй. Эти только по берегам Дола растут.

Ягоды кисло-сладкие с мелкими мягкими косточками и липнут к зубам, как карамель.

– Здорово, – говорю. – У вас даже зимой в лесу что-нибудь съесть можно.

Мы двигаемся дальше, вот только Азамат теперь принимается каждые пять минут спрашивать, не устала ли я. Я отвечаю все менее и менее добродушно и в итоге толкаю его в сугроб. И когда эти муданжцы научатся ждать от меня подвоха? Он ведь и правда падает. Естественно, мы долго ржем.

– Да, – говорит, – теперь я понимаю, как ты тогда Алтонгирела уронила. А то он все «боги», «боги»...

Лес редееет, зато мы все чаще идем в гору. Мне, конечно, теперь неохота признаваться, что я и в самом деле устала, но что-то уже совсем тяжело становится. Только я набираюсь духу, чтобы все-таки признаться, как мы выходим на открытую ровную площадку, с которой разворачивается потрясающий вид на собственно Дол.

– Ух ты-ы-ы, – только и выговариваю я.

Слева возвышаются совершенно монументальные горы, гораздо выше, чем те, что окружают Ахмадхот. Справа чуть-чуть леса, а потом сколько хватает глаз бескрайняя степь под снегом. А прямо – слепящая, искрящаяся на солнце водная гладь под ультрамариновым небом. И ни единой души нигде. Я поняла наконец, чем так прекрасны мударжские пейзажи – в них нет и следа человека! Я хочу немедленно поделиться своим открытием.

– Как это здорово, что тут никого нет!

– Однако, – смеется Азамат. – Ты сильно устала от людей!

– Да нет, не в этом дело... просто на Земле нет такого места, где бы не было людей, понимаешь?

– Что ж у вас, совсем дикой природы не осталось?

– Да нет, заповедники-то есть, но туда ведь не пускают. То есть если ты работаешь в охране или изучаешь какое-нибудь зверье, то по специальному пропуску можешь пройти, а все остальные – только по туристическим тропам группами по десять человек. А здесь можно так вот запросто войти в лес – и никого...

Азамат смеется и мотает головой, дескать, подумать только, какие у землян проблемы.

Мы плюхаемся на лежащий на земле ствол чересчур раскидистого дерева неизвестной мне породы и отдыхаем, любуясь нетронутым древним пейзажем. Азамат снова принимается что-то напевать, как тогда на канатной дороге. На сей раз я все-таки спрашиваю, что это.

– Это из цикла песен о сотворении мира. Тебе-то я его очень кратенько пересказал, а там ведь на самом деле про каждую речку отдельно, не говоря уж о горных хребтах. А Дол – это вообще отдельная тема. Горсть старого бога, в которой скопилось молоко Укун-Танив... Безумно красивая песнь. Когда будет праздник начала лета, обязательно послушай, тогда весь цикл поют.

– Да мне и в твоём исполнении нравится. У вас эти певцы все верещат, как будто им что-то отдавили.

– Ты просто по-настоящему хорошего певца еще не слышала. Ахамба, конечно, неплох, но он скорее интонацией берет, а не голосом. Ну да ничего, услышишь еще.

Мы снова что-то съедаем, а потом идем вниз, к берегу. У самой кромки полоса льда метр-два шириной, а дальше вода плещется. Азамат довольно потягивается.

– Весна!.. – Внезапно он настораживается и оборачивается в сторону полей. – Не так тут безлюдно, как ты говорила... У нас сейчас будут гости.

Минут через пять я начинаю различать какую-то движущуюся точку на горизонте. Мы отходим от воды под деревья и ждем, кого это принесет нелегкая. Наконец перед нами притормаживает всадник на большой ярко-рыжей мохнатой лошади. Всадник, мужик примерно одного с Азаматом возраста, спрыгивает в снег и приветствует нас согласно этикету – кланяется, перекрестив руки на груди и положив ладони на плечи. Азамат руки тоже скрещивает, но не кланяется, а только чуть кивает. К счастью, женщины в присутствии мужа вообще не должны здороваться с посторонними.

Незнакомец открывает рот и принимается говорить – и я понимаю, что ни шиша не понимаю. То есть вроде все по-муданжски, но ни хрена разобрать не могу. Однако я чувствую, что Азамат еле заметно расслабляется. Очевидно, тут никаких проблем.

– Очень рад встрече, – говорит Азамат. – Да, мы с супругой как раз решили осмотреть землю, которая мне досталась. Наш унгуц стоит за этим лесом. Я думаю, мы сейчас вернемся к нему и нагоним вас, а там вы нам все покажете?

Всадник отвечает утвердительно, хотя и косится на меня с сомнением. Думаешь, не дойду?

Азамат с ним прощается, он вспрыгивает обратно на своего веселого конька и неспешно удаляется откуда явился.

– Кто это был? – спрашиваю с интересом, разворачиваясь к лесу.

– Один из пастухов, – недоуменно отвечает Азамат. – Он же представился.

– Я ничего не поняла, что он говорил!

– А-а... ну да, он из Долхота, они там немного не так говорят... Но все то же самое, только чуть-чуть звучит по-другому. Ты привыкнешь.

– Надеюсь, – вздыхаю я. Стоило столько времени учить этот долбаный язык, чтобы обнаружить, что у него еще и диалекты есть! – Так чего он хотел?

– Ему Старейшина Унгуц птичку прислал, что мы сегодня здесь будем...

– Птичку?!

Азамат хохочет.

– Да нет! Это просто говорится так... ну вроде как сообщил или намекнул... То есть я не знаю, как именно. Может, человека послал, может, позвонил... кто его знает. Поэтому так и говорят, птичку послал, когда не знаешь, как именно. Так вот, он хочет показать нам табун, а еще говорит, что тут есть постоянные шатры, в которых можно заночевать.

– Хорошо, – киваю. – В постоянном шатре ведь теплее?

– Да, там печка и шкуры на полу.

Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Вот сейчас как раз один из таких моментов. Скажи мне кто два месяца назад, когда я собиралась бороздить космические просторы, что через эти самые два месяца я буду деловым тоном обсуждать с мужем, что в постоянном шатре теплее, потому что там печка и шкуры, – да я бы сразу психовозку вызвала!

Глава 3

Я плюхаюсь на сиденье унгуца и с трудом удерживаюсь от того, чтобы немедленно заснуть. Все-таки тяжело с непривычки шастать по лесу на лыжах. Но, как я понимаю, это не последний на сегодня аттракцион.

Мы взмываем над полем и летим прочь от внушительных гор вдоль берега вслед за едва различимой в снегу фигуркой всадника. Солнце уже намекает, что оно тоже за день нагулялось и хочет баиньки где-то там, за снежным горизонтом. Мы же вызывающе показываем ему длинный нос с рогами и летим к новым приключениям.

Минут через пять мы обгоняем нашего пастуха, он машет нам снизу рукой и указывает, в какую сторону лететь дальше, что мы и делаем. Еще через пять минут, судя по всему, прибываем на место.

Здесь снежная гладь подвытоптана, из нее, как луковицы, торчат четыре шатра, у них из вершинок вместо перьев струится дым. Азамат сажает нас в нескольких шагах от крайнего жилища. Вылезать наружу мне очень не хочется, но в шатре спать все-таки удобнее, чем в кабине, так что мы снова вытряхиваемся на снег.

Едва коснувшись ногами земли, я замечаю, что на нас с лаем несутся два пса, вероятно, пастушьи помощники. Да как несутся – уши и язык развеваются где-то за спиной, задние лапы вперед передних – в общем, того и гляди, врежутся в бок унгуца. Я порываюсь запрыгнуть

обратно в кабину: не то чтобы я боялась собак, но эти уж очень жаждут встречи, на мой вкус.

– Лиза, да чего ты от собак шарахаешься? Они ведь табун охраняют, это свои собаки.

– Ага, только они нас впервые видят и вряд ли им дали наш словесный портрет.

Азамат хихикает и отмахивается от меня, а когда собаки подбегают поближе, рывкает на них какое-то жуткое сочетание согласных, которое, видимо, означает «цыц».

Собаки тормозят так, что снег столбом, а правая даже наворачивается через голову. В глазах их сразу воцаряется покорность, мольба о прощении и надежда, а вдруг дадут что-нибудь сгрызть.

– Ничего себе охраннички! – говорю. – Это, если правильное слово знать, кто угодно их окоротить может?

– А вот и не кто угодно, – наставительно говорит Азамат. – А только тот, у кого право есть. Это же не просто так дворняги, их специально выводили, чтобы чуяли, что у человека на уме. Я вот знаю, что я их хозяин, – они ко мне и подлизываются.

Псы и впрямь принялись тереться у его ног и просительно заглядывать в глаза. Только бы лизаться не начали, надеюсь, манерам их тоже обучают...

Тут на звук собак из шатров появляются люди – трое мужиков, укутанных в длинные шубы до самых пят. Азамат кричит им что-то приветственное, и мыдвигаемся им навстречу. Мужики поначалу совершенно неприлично на него пялятся, потом немного неуверенно кланяются. Азамат кивает в ответ, и мы заходим в шатер.

Муданжский шатер – это такая огромная круглая палатка из шкур, на первый взгляд кое-как накинутых на каркас. Посерединке разведен костер, обложенный в два ряда аккуратными камушками, а под боком у него пригрелась металлическая печечка без одной стенки; ее труба изогнута, а на сгибе припаяна перевернутая воронка, своего рода вытяжка, в которую уходит дым от костра, и все это поднимается к дыре в потолке. Пол застелен шкурами, на каркасе растут крючочки для подвешивания одежды, утвари и мешков с чем угодно. Каркас у шатра металлический, в нем отражается и бликует золотистое пламя. В шатре весьма просторно, человек десять легко улягутся; крыша у самых стен на высоте моего плеча, а в центре метра четыре. На печке

пыхтит чугунок, время от времени выплевывая несколько пенистых капель, которые с шипением стекают по его боку, наполняя воздух сытным дымным запахом.

– Мы уж думали, вы вовсе не приедете, – неожиданно понятно говорит один из пастухов. У него тоже есть акцент, но какой-то другой, более четкий. – Зачем столичному барину переться в эту глушь...

– А я не столичный, – хмыкает Азамат, – я из Худула, мне степь что лужица.

– А-а, земляк! – с явным облегчением восклицает пастух.

Другой тоже что-то говорит, но его я, увы, не понимаю. Внятный продолжает:

– А я по другую сторону Рулмирна от Худула родился. Поехал вот в столицу на заработки, да и осел на полдороге. Красиво тут...

Они некоторое время обсуждают местные пейзажи, пока мы рассаживаемся у огня, а пастухи заканчивают приготовления к ужину. Эти потрясающие люди так и ходят тут в своих длинных шубах, кажется, вообще без застежек. И варежки прямо из рукавов растут, только кончики пальцев и можно высвободить. Мне-то в верхней одежде через пару минут становится невыносимо жарко, так что я стаскиваю для начала шапку и шарф. Появление в студии моих лохматых кудряшек вызывает резкую паузу в разговоре; пастухи оторопело переводят взгляд с меня на Азамата и обратно.

– Жена, – наконец коротко и категорично произносит Азамат.

Я довольно улыбаюсь и подсаживаюсь к нему поближе, чтобы ни у кого не возникло сомнений.

– Красивая... – протягивает северянин таким тоном, каким говорят «не может быть!».

– Сам удивляюсь, – усмехается Азамат.

Молчание затягивается, и мне становится неловко.

– Может, я схожу до унгуца, принесу еды? Раз уж мы ее столько набрали...

Азамат немедленно подрывается пойти вместе со мной.

Уже около самолетика он также порывается сам дотащить и термопак, и одеяла, и какую-то одежду для спанья, но руки у него все-таки только две, так что я обращаю его внимание на то, что термопак с колесиками и его можно катить. И укатываю, пока Азамат не придумал контраргументов.

Сквозь шатер прекрасно слышно, что говорят внутри. Даже лучше, чем мне бы хотелось, – конечно, они обсуждают Азамата. И откуда у такого уroda такая жена, и с какой стати он получил эту землю, неужели не нашлось более достойных, и так далее. И это только из того, что я могу понять. Собаки у них тут явно умнее людей.

Когда я вхожу, они, конечно, замолкают, но и это не очень-то почтительно выглядит. Они ведь знают, что сквозь шкуры все слышно, а у мударжцев такой слух, что Азамат, наверное, от самого унгуца все разобрал. Я уже собираюсь с духом сказать заготовленную гадость, но тут меня огорошивают вопросом:

– Как муж?

Это спросил один из долхотчан, так что я поначалу не уверена, что правильно его поняла. Поэтому я переспрашиваю, повернувшись к северянину. Он повторяет все точно так же:

– Как муж?

– Как его здоровье? – уточняю я.

Они смеются и мотают головами. Мударжцы очень забавно мотают головой – до предела и притормаживая на дальней точке, как будто методично оглядываются через оба плеча. Я недоумеваю:

– А что тогда?

– Ну... ну как муж? – продолжают настаивать пастухи.

– Нормально, – пожимаю плечами, окончательно сбита с толку. – Здорово. Хороший муж, очень заботится.

Мужики смотрят на меня как на больную. Чего им от меня надо?

Тут входит Азамат.

– Они дают тебе возможность на меня пожаловаться, это проявление вежливости, – чеканно объясняет он и, пока я хлопаю жабрами, продолжает в том же сухом, наставительном тоне, повернувшись к пастухам: – Моя жена с Земли, у них многие вещи устроены по-другому, так что ей надо все подробно объяснять.

О да. Он их прекрасно слышал. И злой теперь, как лесной демон.

– Мне не на что жаловаться, – тут же вставляю я.

Они как-то нехорошо косятся на Азамата. Небось решили, что он меня запугал и не разрешает о себе дурно говорить. А мы-то с ними едой делиться собрались!

К счастью, тут наконец подъезжает наш провожатый; я слышу, как он тормозит свою лошадь каким-то нечеловеческим гортанным звуком.

– А, Азамат-ахмад! – радостно восклицает он, едва войдя в шатер, а потом продолжает что-то говорить про то, легко ли мы нашли да как тут устроились, насколько я могу понять.

Меня, да и всех присутствующих, несколько удивляет его обращение. Северянин тут же тихонько у него спрашивает, дескать, ты чего тут поклоны разводишь, это же просто хозяин земли, и не бог весть какой важный.

Наш провожатый прямо-таки задыхается от возмущения, а потом широким жестом отмахивается от своих коллег:

– Что с вас взять, вы ж никогда на Белый День не ездите в столицу. Вы бы видели, как он на боях выступил, все бы поняли сразу, бездельники!

Во всяком случае, я думаю, что он сказал примерно это. Я начинаю понемногу привыкать к долхотскому акценту, особенно если уши тремя слоями утеплителей не закрыты. Во всяком случае, за «бездельников» точно отвечаю!

Азамат явно польщен, и я тут же расслабляюсь. Обидчиков поставили на место, а моего мужа есть кому защитить и без меня. Благодарь! Вот сейчас еще поужинаем...

Тут уже совсем жарко. Я решительно вылезаю из комбинезона и верхнего свитера, а потом и Азамата вытряхиваю из лишней одежды. Нечего ему перегреваться. Потом углубляюсь в изучение термопака: такой моделью я еще не пользовалась. Обычно отдельно переносной холодильник, отдельно жаровня. А тут комплект – три отделения, в каждом коробочка с едой. Для каждого можно указать количество градусов. Хочешь – минус двадцать, а хочешь – плюс сто. Только выключить вовремя не забудь... или оно само выключается, когда закипит?

Мужики тем временем обсуждают что-то про лошадей и прогнозы погоды на весну и лето, основанные на поведении перелетных птиц, облаков, рыбы в море и чем-то еще столь же точном. Впрочем, может быть, в этом и есть зерно истины.

Поклонник Азаматовых боевых успехов обещает завтра нас первым делом отвести в конюшни, чтобы мы прониклись, восхитились и покатались. Азамат его тут же осаживает:

– Давайте не очень рано, моя жена любит утром поспать.

– Да я вообще удивляюсь, – отвечает тот, – что вы такой цветок потащили в степь по снегу.

– Это еще кто кого потащил, – смеется Азамат. – Моя супруга – суровая земная женщина, может взрослого воина с ног свалить одним ударом, а тут подумаешь, какие-то лыжи!

Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не заржать, глядя на благоговейные лица пастухов.

Мы ужинаем их похлебкой с нашими пирогами, после чего они расходятся по другим шатрам, а нам оставляют этот в полное распоряжение. Они сначала, конечно, хотели освободить нам два шатра – как же, не могут ведь богатые супруги из столицы провести ночь вместе! Но Азамат им строго указал, что я не умею, да и не должна, управляться с печкой, а тем более костром, и вообще, ему не нравится идея оставлять меня одну – и при этом выразительно так посмотрел на троих из четырех пастухов, что сразу стало ясно, что именно ему не нравится. Про костер он, кстати, соврал, с костром я управляться умею. Впрочем, я никогда об этом не говорила, так что он имеет право не знать.

Вот тут-то и возникает первая трудность выгуливания меня на природе. А именно – я не могу лечь спать, не помывшись хотя бы символически. А Азамат, конечно, предусмотрел все, кроме этого. В шатре же никакого тазика и в помине нет, а мытье на улице в этом сезоне исключено...

Азамат, правда, находит простое решение: отворачивает пару шкур, под ними песчаная земля, слегка подогретая теплом постоянно поддерживаемого костра и потому не насмерть заледеневшая. Воду впитает, во всяком случае.

Потом выясняется, что воды в канистрах с водой хватит на чай и суп, но никак не на помыться. Так что мы (я, естественно, настояла на том, чтобы не один Азамат маялся с моими запросами) одеваемся, выходим наружу и нагребаем снега во все имеющиеся емкости, а потом греем все это до получения нужного количества воды. Даже больше чем нужного, примерно вдвое. Так что, когда наконец доходит до мытья, сначала Азамат поливает меня, а потом я его. Он сначала сопротивляется, но у меня есть веский довод: по грязному мазаться плохо.

– Ну можно ведь сегодня пропустить, – осторожно предлагает Азамат, которому совершенно не хочется раздеваться и мокнуть.

– Солнце, давай проясним этот момент, – говорю я, выразительно двигая бровями. – Если я сказала «каждый день», это значит каждый день. И откосить ты сможешь не раньше чем я удостоверюсь, что ухудшение не начнется снова. Так что никаких пропусков, а то знаю я вас, мужиков. Сегодня день пропустим, а потом неделю, а потом месяц, а потом вообще забудем на все, потому что не помогает. Нет уж!

– Хорошо! – Он поднимает руки, дескать, сдаюсь.

Вот и славно.

Помимо чисто лечебных соображений мной руководят и другие, а именно – у Азамата такое красивое тело, что грех отказывать себе в удовольствии его лишней раз пощупать и полюбоваться на него. Самому Азамату я пыталась это объяснить, но он не только не поверил, а и вовсе решил, что я зачем-то ему вру, чтобы что-то у него выклянчить, что уж вовсе странно, ведь он и так все с радостью для меня сделает... Короче, я решила пока помолчать о своем извращенном представлении об удовольствии, чтобы не провоцировать семейные ссоры. А вась когда-нибудь он успокоится и начнет мне верить, но явно не в ближайшие месяцы.

Когда с мытьем и малярными работами покончено, у нас образуется новая тема для спора: Азамат хочет укутать меня в восемь одеял, но ему самому в таком коконе будет жарко, а я, естественно, предпочитаю вдвое меньше утеплителей, зато мужа под боком. В итоге мы сторговываемся на том, что тремя одеялами мы укрываемся вместе, а потом на меня кладем еще несколько индивидуальных. Надо ли говорить, что ночью я все это радостно стряхиваю и дальше сплю при комфортной температуре Азаматова тела.

Поспать подольше не удастся – я просыпаюсь от дикого ржания и топота, как мне кажется, прямо рядом с моей головой.

– Лиза, ты куда? – сонно спрашивает Азамат, когда я подскакиваю, не совсем еще соображая, где мы и почему.

Ах ну да, это просто сквозь шатер все так слышно хорошо.

– Эти ваши лошади очень громкие и неожиданные, – ворчу я, откапывая в ворохе одежды мобильник с часами.

На них семь. Отвратительно, но, с другой стороны, мы вчера и легли максимум в девять, так что я должна была выспаться. А спала

мертвецки после всех нагрузок и споров. Ноги воют волком, я, конечно, все потянула вчера. Но у меня с собой мазь от мышечной боли. Ладно, надо уж вставать, а то, если сейчас обратно лягу, разве что к обеду удастся меня поднять. Азамат, впрочем, какой-то унылый.

– Ты же обычно в это время уже встаешь, – говорю. – Спал плохо, что ли?

– Полночи вообще не спал, – пожимает плечами он. – Слушал...

– Что? – Я оглядываюсь по сторонам.

– Все. Ветер, лошадей, собак, мышей под снегом... иногда сова или лиса рядом охотились. Разок, кажется, шакал заходил, но тут я не уверен...

Глажу его по голове.

– Так тебе на охоту надо было выбираться, а не со мной гулять. Так бы и сказал, что ж ты все мучаешься?

– Да я не мучаюсь, – он начинает выбираться из-под одеял, – мне просто скучно спать, когда вокруг столько всего происходит. Ничего, переживу. Давай одеваться... хотя ты же сначала, наверное, поесть хочешь?

– В семь утра я на это не способна, – хмыкаю. – Так что не буду заставлять тебя ждать.

Я быстро натираюсь кремом от растяжения, мы одеваемся и выпадаем из темного теплого шатра в лучистый продувной день.

Муданжские лошади – это нечто. Я, конечно, вообще лошадей в жизни мало видела и больше в фильмах и на картинках, чем вживую. И все-таки, я думаю, тут какая-то особая порода.

Во-первых, они исполинские. Та, на которой вчера за нами приехал пастух, – довольно миниатюрная по сравнению с основной массой табуна. Мне объяснили, что пастухи ездят только на своих собственных лошадях, а особо крупные экземпляры, понятно, и жрут в особо крупных размерах, и это невыгодно. К тому же мы стояли на снегу на лыжах, а того снега там было немало, лошадь же благополучно проваливалась по колено, так что оценить ее рост было трудновато.

Во-вторых, они косматые. Длинные, аккуратно расчесанные пряди спускаются со спины почти до колен и слегка кудрявятся под брюхом и шеей. Собственно, гривы как таковой у этих тварей нет, она не

выделяется на фоне прочей обильной шевелюры. А хвост – ну хвост, классическая такая метелка.

– А им летом не жарко? – спрашиваю, пока мы прогуливаемся вдоль выстроенных на парад диковинных зверей, по ошибке названных лошадьми.

– Здесь – нет, – отвечает Азамат. – А на юге лошади лысые.

Конюшня, где этих скотин держат зимой, оказывается, стоит прямо рядом с шатрами, только она белая и снегом засыпана, так что мы ее вчера с воздуха не разглядели. Впрочем, что это я, Азамат-то все разглядел, это у меня глаза где-то не там растут.

Азамат подходит то к одному, то к другому гигантскому копытному, рассматривает морду, приподнимает губу, гладит по шерсти. Собаки вьются вокруг нас вперемешку с пастухами – и тем и другим любопытно и тревожно, что скажет новый хозяин.

– А ты собираешься одного себе взять? Домой? – интересуюсь я. В Ахмадхоте вроде тепло. Как бы не пришлось эту скотину брить на лето...

– Почему только одного? – удивляется Азамат. – Двоих как минимум, а то и еще кое-кому в подарок можно прихватить.

– Ты же не думаешь, что я буду на этом ездить? – с содроганием уточняю я.

– А почему нет? – снова удивляется он. – Отличные кони. Все твои соседки обзавидуются, когда увидят. Не все же тебе пешком ходить, а по городу на машине не всегда удобно, улицы-то узкие.

– Может, я лучше на велосипедике... – безнадежно блею я. – Я же не умею на лошади...

– Ну вот, – хмыкает Азамат. – На лыжах умеешь, а на лошади нет. Для столичной дамы с певчим именем это никуда не годится. Уж придется научиться, лапочка моя.

Лапочкой он меня вполне искренне назвал, но в общем контексте это как-то неприятно прозвучало. Мы проходим еще несколько шагов, и Азамат останавливается перед очередной здоровенной скотиной совершенно сахарно-белого цвета. Скотина что-то меланхолично пережевывает и поглядывает на хозяина из-под полуопущенных ресниц.

– Попробуй-ка вот эту, – кивает мне муж. – Ты на белой лошади будешь смотреться просто сногшибательно.

– А падать я с нее буду головоломательно, – передразниваю я его по-муданжски. Ему страшно нравится, когда я принимаюсь коверкать его родной язык, даже завел заметку в мобильнике, куда записывает мои экзерсисы, как за маленьким ребенком. Пастухи реагируют грохочущим смехом, хотя, казалось бы, довольно очевидное построение. – Ты подумал, как я на эту махину забираться буду?

– Естественно, – кивает он, поворачивается к соседней лошади и одним махом с места запрыгивает ей на спину. – Иди сюда, я тебя подниму.

Я понимаю, что вот она, смерть моя, но то ли воздух на Муданге такой, то ли я уже давно крышей подвинулась, во всяком случае, мне претит струсить перед этими пастухами, после того как Азамат меня вчера отрекомендовал. Так что я, изо всех сил стараясь успокоить сердцебиение, послушно подхожу поближе. Он нагибается, подхватывает меня под мышки и без труда усаживает верхом на белую кобылу. И только тут я понимаю, что на ней нет ни седла, ни вожжей, НИЧЕГО!!!

– Азамат, я без понятия, как ею управлять, – быстро выговариваю я.

– Да легко, – заверяет он, хлопает ладонью по холке своей твари, и та трогается медленным шагом.

Моя безо всякой команды шагает следом. Ну ладно, пусть идет, по крайней мере пока она идет за Азаматом. Главное – не думать о том, что все вот это подо мной – живое тело с собственными мозгами и мнением обо мне... ой нет, я сказала, НЕ думать об этом! А то точно грохнусь. И так, люди во всех уголках мира на протяжении тысячелетий ездили на лошадях... а по статистике травматизма этот транспорт на каком месте? Не знаю, и хорошо.

Азаматова скотина ускоряется, моя тоже. Меня начинает потряхивать, а держаться не за что, разве только за шерсть. Я инстинктивно прижимаю колени и пятки к бокам лошади в надежде, что так буду прочнее сидеть. Эта зараза прибавляет шаг. Я хватаюсь за шерсть на шее – она опять ускоряется! Азамата мы догоняем в два прыжка, и я с трудом подавляю желание за него ухватиться – так ведь и повисну!

– Останови ее как-нибудь, – верещу, проносясь мимо.

Видимо, у меня достаточно перепуганный вид, чтобы Азамат наконец понял, что все плохо. Он еще раз хлопает свою лошадь по шее, догоняет и обгоняет мою и разворачивается поперек движения. За это время мы успели ускакать в степь так далеко, что пастухов уже не видно.

Я тяжело дышу, вцепившись в протянутую Азаматом руку, и дрожу как осиновый лист. Моя лошадь фыркает, трясет головой и порывается из-под меня уйти, но Азамат ее окликает и заставляет стоять на месте. Мы друг другу очень не нравимся.

– Куда ты рванула?

– Я рванула? Это она рванула! Моя бы воля, я бы с места не двинулась! Она сама за тобой пошла, а потом, что бы я ни делала, она все быстрее и быстрее...

– Лиза, не тараторь. Если ты будешь так бояться, она не будет тебя слушаться.

– Что значит – не будет? Уже поздно. Наши отношения безнадежно загублены на корню. Снимай меня, на фиг, я накаталась!

– погоди, погоди, не мельтеши. Лошадь остановить очень просто, надо только вот так крикнуть...

Он снова издает тот жутковатый гортанный рев, которым они тут тормозят лошадей. Я честно пытаюсь его изобразить, но у меня ничего не получается. Кобыла переступает с ноги на ногу, у меня начинает кружиться голова.

– Почему ты мне его не показал ДО того, как сажать меня на лошадь, а? – дрожащим голосом спрашиваю я, прикидывая, в какой сугроб будет мягче спрыгнуть, если эта тварь опять куда-нибудь рванет.

– Я был уверен, что ты знаешь, – не моргнув глазом отвечает он.

– Ну почему?!

– Ну а как иначе на лошади ездить?

– Никак! Азамат, я же тебе говорила, что никогда не ездила на лошади, даже не сидела!

– Что... вообще никогда? – потрясенно переспрашивает он, свободной рукой поглаживая морду моей кобылы, чтобы не ушла.

– Вообще! Ни разу! Ни секунды! Ни чуть-чуть! Ни во сне, ни у мамы в животе, НИ-КОГ-ДА!! Как тебе еще объяснить?!

– Кхм. Я решил, что ты преувеличиваешь, – растерянно кается он. – Ладно, тогда слезаем.

Наконец-то! Наконец-то он меня снимает с этого ходячего кошмара!

Правда, только для того чтобы обучить правильным звукам, но и то хлеб.

– Прости, пожалуйста, – бормочет он, спрыгивая в снег рядом со мной. – У нас ездить на лошадях учатся года в три-четыре, а то и раньше. Это все равно как не уметь водопроводный кран открутить.

– У нас в аэропортах раздают буклеты, – язвительно отвечаю я, – в которых нарисовано, как открывать краны и спускать воду в унитазе в стране, в которую прилетел. Еще вопросы будут? Тем более ты знал, что я зверей только в зоопарке и видела.

– Ну то звери, а то лошади! – в отчаянии восклицает Азамат.

Мне становится смешно. Он все-таки иногда ужасный дикарь, но по крайней мере сверзиться мне не дал.

Дальше мы сидим в снегу (поскольку ходить по нему невозможно, слишком глубоко) и обучаем меня правилам дорожного движения. Когда я пять раз подряд без запинки воспроизвожу все звуки и жесты и что они значат, Азамат решает, что меня можно испытать второй раз. Я от этой идеи не в восторге, но чувствую себя увереннее.

Поначалу все идет хорошо. Я заставляю кобылу стоять, пока Азамат отъезжает. Потом он останавливается, а мы подходим поближе. Потом мы крутимся на месте. Мне снова становится не по себе: кажется, я так задолбала свободолобивую скотину, что она вот-вот меня совсем скинет. Но я изо всех сил подавляю панику и притворяюсь, что это я тут главная, а не она. Интересно, долго ли она будет мне верить.

Наконец мы направляемся обратно к конюшне. Поначалу едем ровно, но Азамату ведь нейдет... Он подбавляет скорости, соответственно мы тоже. Вон уже и шатры видны, и прочие кони. Моя кобыла, сама не своя от счастья, что вот он дом и вменяемые люди, которые умеют обращаться с лошадьми, прибавляет ходу. Я ее окликаю, но это не производит должного эффекта. Окликаю снова, погромче, – ни фиги. Азамат уже далеко позади, что-то кричит, но я не разбираю. Рычу на лошадь во всю глотку, а ей хоть бы что, понимает

ведь, что ничего я ей не сделаю. Я уже не столько боюсь, сколько злюсь. Я, значит, тебе побоку? Со мной можно не считаться, да?!

В итоге, как раз когда мы на бешеной скорости подлетаем к пастухам, я забываю, на фиг, всю Азаматову науку и на чистом родном языке, не знакомом ни пастухам, ни тем более лошади, обкладываю ее до десятого поколения в обе стороны, одновременно изо всех сил дернув за ухо. Кобыла разворачивается практически на лету – как я удержалась верхом, понятия не имею, ухо я ей оттянула на совесть, думаю, – и останавливается. Прочие кони стоят так же, как мы их оставили, – строим через равные промежутки.

– В стрррой, сука! – изо всех легких командую я, потягивая ее несчастное ухо в ту сторону, где зияет прогал между лошадьми.

Лошадь тихонько ржет, пригибает голову и мелкой трусцой пендюхает на свое место. Я из последних сил перекидываю через ее зад свою правую ногу и спрыгиваю на землю, отхожу подальше, еле переставляя копыта... тьфу, в общем, все поняли.

Тут в вихре поземки прискакивает Азамат. Он, кстати, отлично смотрится верхом. На лошади сидит так, как будто прямо там и родился. Впрочем, видимо, это недалеко от истины. Пастухи тоже подбегают.

– Азамат-ахмад! – вопит любитель боев. – Вот это, я понимаю, жена! Как она на своем страшном земном языке лошадь-то построила!

– А какие маневры! – вторит северянин. – Я уж думал, они вместе кувырнутся, на такой скорости лошадь разворачивать – вот это да!

Азамат, впрочем, оценивает обстановку трезвее.

– Лиза, ты что! – напускается он на меня на всеобщем. – Разве можно так за уши драть! Она же могла тебя сбросить!

– Она в любом случае собиралась меня сбросить, – отмахиваюсь я. – А так хоть я ей напоследок объяснила, как она мне нравится.

– Никогда больше так не делай! Пообещай мне!

Ого, да он побледнел. Что-то я, похоже, и правда перемудрила. Точнее, наоборот...

– А что я должна делать, если она не слушается? Я все делала правильно, а если она команд не понимает, я, что ли, виновата? – оправдываюсь я.

– Она не звездолет, – тихо говорит Азамат. – Это не так чтобы кнопку нажал – полетели, другую нажал – остановились. Она живое

существо, с ней надо взаимодействовать.

– Вот в этом-то и проблема! – киваю я. – Она живое существо, а я не хочу ездить на живом существе, я хочу на машине, которая либо слушается, либо сломалась!

– Ну разве так трудно найти общий язык с лошадьёю? – вопрошает он.

– А я и искать не собиралась! Лошадь хороша в зоопарке за решеткой! Все, хватит с меня на сегодня катаний, пойду в шатре посижу, позавтракаю наконец.

– Но, Лиза...

– Тебя я не задерживаю.

И я решительно, не оглядываясь, уйду в шатер. Есть-то и правда хочется.

Пастухи за моей спиной пытаются успокоить Азамата. Дескать, подумаешь, с женой поругался, это ж все время случается. Недавно женился? Привыкай. Да и разве можно на женщину так ругаться, если она такая крутая?

Мне от этих разговоров как-то не по себе. Я-то знаю, что я не крутая, а тупая. Да и примерять на себя образцы поведения муданжских женщин тоже не улыбается. Вот поганая кобыла!

Костерок в шатре еле тлеет, приходится его взбодрить, прежде чем что-то на нем греть. Можно, конечно, в термопаке, но мне очень нужно самоутвердиться – тут я хотя бы все умею!

Пожевав разогретых хунь-бимбик, я несколько прихожу в себя и начинаю прикидывать, какой у меня нынче день цикла, а то что-то я распахивалась без причины. Ну подумаешь, лошадь. Бывало и похуже. А тут еще и Азамата обидела. Он ведь не нарочно меня подставил, да и не потому, что махнул рукой и не позаботился. Он всегда обо мне заботится, когда может. Просто мы немного друг друга не поняли. Наверное, у меня за месяц злоба накопилась.

Вообще, что-то я давно с семьей не общалась. А надо бы. Вот сейчас позвоню Сашке, расскажу, какая я дура, он мне поддакнет, я успокоюсь и пойду к мужу извиняться и обниматься. Вот только сети тут нет конечно же.

Но у нас с собой было! Я ведь предусмотрительный человек и, когда еду в степь зимой кататься на лошадях, обязательно беру с собой антенну на парашюте. Это такой пистолетик; выстреливаешь в небо,

вылетает проволочка с воздушным шариком и высоко-высоко ловит сигнал тебе в бук. Потом жмешь другую кнопку, она втягивается. Только шарики одноразовые, менять надо потом. Все просто и закономерно, не то что эти лошади, брр!

Подсоединив пистолет-модем к буку, выхожу в эфир. А там Сашка, растрепанный, глаза на лоб, на щеках нездоровый румянец.

– Лизка! Где тебя черти носят?! Ты уже вторые сутки офлайн!

– Да мы тут на природу выехали... – бормочу я. Мало мне было Азамата перепугать сегодня.

– Ну а почему ты не в Сети?!

– Так тут ее нет. Сейчас вон антенну выстрелила – появилась. – Я выразительно дергаю за проволочку, которая уходит от пистолета через дырку в крыше шатра в небо.

Сашка выдыхает и явно считает до десяти.

– Ты бы хоть предупредила, что собираешься в такую глушь.

– Откуда ж я знала, что тут Сети не будет! Не такая уж глушь, между прочим. Тут содержится табун лошадей, которым Азамата наградили на боях.

– А еще табун коз и табун поросят, – передразнивает меня братец. – И коллега по работе.

– Ну тебя, – говорю. – У меня и так день не задался, еще ты тут по мозгам ездешь. Рассказал бы лучше что-нибудь хорошее.

Сашка рассказывает, что у них опять сменился шеф, что ему уже донесли про меня, причем наболтали с три короба о том, как я умею ставить палки в колеса всяким бюрократам, так что он изрядно испугался и собирается прислать мне прямо на Муданг официальные извинения, прямо на бумаге напечатанные. Я посоветовала не тратить на это бумагу, мне и на пластике сгодится, тем более что я неплохо устроилась в принципе, если только с лошадой не падать...

На этом месте приходится Сашке все-таки изложить, во что я тут ввязалась. У него снова глаза на лоб полезли.

– Ну ты авантюристка! Ты не могла ему просто сказать, что не сядешь на лошадь?

– Да понимаешь, он так убедительно говорит... – пожимаю плечами. – Сразу как-то верится, что он знает, как надо.

– Ну да, замечательно, – кривится Сашка. – Теперь ты на него наорала при чужих и ушла, хлопнув дверью. Это, конечно,

суперстратегия. Что-то ты, сестренка, сдавать стала. До сих пор ты гораздо трезвее мыслила в бытовом плане. Гормончики разгулялись?

– Да вроде сейчас не время, – вздыхаю. И тут меня посещает Страшная Мысль.

Сашку она, видимо, тоже посещает, судя по остекленевшим глазам и кривой, нездоровой ухмылке.

– Я так понимаю, тебя можно поздравить?

– Ты погоди, – говорю. – Дай хоть проверю.

Тест не занимает много времени и показывает дату зачатия – неделю назад. Чертов чип сдুলся раньше времени. Хотя там ведь везде в инструкции пишут, что стресс и сильные переживания сокращают срок действия...

Мы с Сашкой еще некоторое время молча сидим перед экранами, пялясь друг на друга и в пространство. Потом я встаю.

– Пойду пообщаюсь с мужем.

И закрываю бук.

Когда я выхожу из шатра, Азамата нигде не видно. Подхожу к пастухам, которые тусуются у конюшни, что-то там чистят.

– Где он? – спрашиваю без уточнений, и так ясно.

– Поехал кататься, – отвечает северянин. И добавляет ободрительно: – Сильно расстроился.

Дескать, я добилась своего.

– Меня это не радует, – отрезаю я.

Возвращаюсь в шатер, подключаю антенну к мобильнику, звоню Азамату, но он, конечно, недоступен. Ладно, подожду.

И вот я жду. Сначала посидела еще за буком, поотвечала на скопившуюся почту. Подруга моя прислала много ругани за то, что ей наговорила про муданжцев. Ее тоже попытались насильно выдать замуж. Она прострелила духовнику руку и сбежала, бросив кучу вещей. Надеется, что сможет получить их потом по почте, если муданжцы не поломают все в виде мести.

Я не придумала ничего лучше, чем наивно поинтересоваться, зачем она стала наниматься к ним в штат – ведь до сих пор мы обсуждали ее работу на станции под началом тамлингов, а не на корабле у муданжцев. А то бы я ее обязательно предупредила.

Потом начинаю собирать библиотеку по беременности на раннем сроке – какие пить гормоны, чтобы на людей не бросаться, какие

делать дыхательные упражнения, чтобы не откусить голову мужу, да как этого самого мужа правильно подготовить к мысли, что в семье будет пополнение... в таком духе, в общем.

За этим занятием я провожу пару часов. А мужа нет. У меня уже ноги затекли сидеть тут на подушках.

Выползаю на улицу. Пастухи где-то в поле гоняют лошадей, чтобы форму не потеряли, наверное. Я хожу туда-сюда от конюшни до шатров, но моя прогулка ограничивается площадкой притоптанного снега. Можно, конечно, лыжи надеть, но куда тут пойдешь? Кругом степь, я даже уже не помню, в какой стороне Дол, а в какой горы.

Азамата нет. Я еще раз ему звоню – хренушки.

Возвращаются пастухи, издали принимают обсуждать мою одинокую фигуру на краю обжитого пространства.

– Ишь ты, ждет! Если прощения попросит, я поверю, что этот Азамат и правда такой крутой, как ты говоришь! – веселится северянин. – А то, может, ей просто мужского общества не хватает, а?

– Ты поговори, поговори! – кричу ему я. – Может, нос тебе сломаю.

Он испуганно затыкается. Хорошо, что я все-таки не струсил и полезла на эту лошадь. А то фиг бы он поверил, что я представляю опасность.

Пастухи подходят поближе, обсуждая, что надо бы пообедать.

– Он не сказал, далеко ли поехал? – спрашиваю у нашего первого знакомого.

– Нет, – пожимает плечами он. – А тут особенно и не привяжешь к месту. С запада река, с востока горы, а на север степь и леса до самого Сирия.

Леса. Это вам не парк на Гарнете...

– Он оружие взял?

– Нет, – хмурится пастух. – Он вообще ничего не взял, так, постоял, вскочил на коня и поехал.

Я сплевываю в снег.

– Мужчины!

Пастух даже отступает на шаг.

– Да ладно вам, вернется он скоро. В степи о времени трудно помнить... подождите.

Я честно жду еще полтора часа. Потом начинаю прикидывать варианты.

На лыжах я далеко не уйду, с тем же успехом можно оставаться на месте. Унгуцем я управлять не умею. Лошадью тоже...

– Слушайте, – подхожу к нашему вменяемому пастуху, – вы не могли бы съездить за ним? Может, он тут где-то неподалеку кругами ездит, просто отсюда не видно...

Тот хмурится.

– Не мое это дело, барышня. Если хозяину угодно кататься, пастуха это не касается.

– А если хозяйке не угодно, что хозяин катается?

– А вы не хозяйка, – пожимает плечами он.

– Здравствуйте! Я его жена!

– Ну и что? Лошади его, земля его и жена его. Как он скажет, так и будет.

Ах вот как. Прекрасно.

– А тебе вообще наплевать, если его там уже волки доедают? – цежу я сквозь зубы.

Он снова пожимает плечами.

– Им что один, что двое – без разницы. А если хозяину охота одному побыть, мешать ему – последнее дело.

Я высказываюсь примерно в том же духе, что раньше в адрес лошади, и топаю к унгуцу.

Один пристальный взгляд на панель управления сообщает мне: не разберусь. Это вам не земной пассажирский звездолет. Эту штуку Азамат делал сам, по мударанжской технологии и для себя, то есть никакого понятного интерфейса тут нет и быть не может. Если бы это было средство наземного транспорта, я бы еще рискнула на малой скорости. Но летать я пока не умею. Остаются проклятые копытные.

Ладно, пока вот что. Азамат, помнится, говорил, что взял бы в лес ружье. Наверное, и правда взял, так ведь? Пороемся в багажнике. Ага, вот оно, родимое. Даже примерно понятно, где предохранитель, а где спусковой крючок. И заряжено. И, насколько я знаю Азамата, почищено. Черт же их знает, может, они до сих пор пулями стреляют или чем там... Я по внешнему виду не определяю.

Выхожу обратно к конюшне и окидываю взглядом поголовье скота. Конечно, мне теперь вообще верховая езда противопоказана. Но,

во-первых, нервничать мне противопоказано тем более, во-вторых, всего-то неделя прошла, а в-третьих, Сашкина жена, например, занимается конным спортом, и у них там тетки аж до пятого месяца катаются без последствий. Тут главное – найти конягу помирнее.

Ну на ту белую я бы в любом случае не села. Прохожусь среди лошадей, искательно заглядывая в разноцветные глаза. Их выражение мне не особенно нравится. Внезапно я вспоминаю, что лошадь можно покормить! Сахара у меня, конечно, нет, только заменитель, а его, наверное, не будут. Зато есть какое-то печенье. Я быстро разыскиваю пакет в шатре, возвращаюсь к табуну с печеньем в вытянутой руке.

Меня довольно быстро обступают, выражение глаз становится более приятным. Пастухи высовываются из другого шатра и с интересом наблюдают за моими действиями. Пока я на них отвлекаюсь, мне в бок тыкается чья-то морда. Это оказывается довольно толстое и невысокое существо, видимо большой гурман. Оно морковно-рыжее и очень, очень лохматое. Что ж, если оно любит вкусненькое, то мы, может, и договоримся.

Северянин подходит поближе.

– Вы их не кормите сладким, – говорит. – Избалуете.

– Я не кормлю, я выбираю, – говорю. И тут меня осеняет. – А у вас есть... не знаю, как по-муданжски сказать, ну такая штука на спину лошади, чтобы сидеть удобнее было?

Он кривится.

– Это только для детей.

– Можете считать меня ребенком, только давайте сюда эту штуку!

– Вы что, тоже гулять собрались?

– Ага.

Он мотает головой.

– Хозяин не разрешал.

– Он запретил? – уточняю я.

– Нет, но и не разрешал.

– Значит, так, – говорю. – Пока хозяина нет, я за него. Если он не запретил, значит, можно. У меня есть ружье, а у тебя нету, поэтому я уеду в любом случае, но лучше дай мне на чем сидеть, а то я упаду и ты будешь отвечать перед хозяином!

Северянину задница оказывается дороже правил, так что седло он мне приносит и, после того как я выразительно потряхиваю ружьем,

закрепляет на выбранном мной толстом коньке. Это оказывается самец, или как они там у лошадей называются. Стремян у седла нет, но с одной стороны есть веревочная лестница, по которой можно залезть наверх. Это хорошо, потому что даже небольшой муданжский конь все равно очень большой. Я вставляюсь в седло, счастливо вцепляюсь в ручку впереди и сообщаю коняге, что можно трогаться. Он нехотя делает два шага. Я выдаю ему печенье и – на чистом, не приукрашенном культурой и воспитанием родном языке – объясняю, что если он будет слушаться, то получит еще. Коняга обреченно вздыхает и трогается рысцей. То ли он такой толстый, что работает как амортизатор, то ли просто походка такая, но трясет на нем гораздо меньше.

Примерно через полчаса необременительной прогулки я замечаю на горизонте какое-то пятнышко. Еще минут через десять становится ясно, что это Азамат. Думаю, он меня признал еще раньше. И уже прямо отсюда я вижу, как у него округлились глаза от этого зрелища.

Когда до него остается совсем немного, я командую коню стоять, снабдив это требование парой непечатных обстоятельств места и образа действия. Мне кажется, он так лучше понимает, чем эти безумные муданжские вопли. Потом я честно даю ему еще печенье.

– Лиза... – оторопело приветствует меня Азамат. – Ты чего... одна, верхом, в седле... Кто тебя отпустил?

– Попробовали бы они меня не отпустить, – хмыкаю я, веско похлопывая по ружью.

Азамат нервно проводит рукой по лицу.

– Ты там никого...

– Не убила и даже не ранила, не волнуйся. Ты лучше скажи, куда тебя черти понесли. Я там сижу волнуясь, эти козлы ходят насмеваются. Без оружия, без еды... Эцагана ты за подобное уволил, помнится, а сам чем думаешь?

– Лиза, ну что ты... Ты правда волновалась? – спрашивает он как будто с надеждой.

– А ты думал, я что, радоваться должна?! – вскидываюсь я. Конь подо мной вздрагивает от моего визга и отступает назад. – А ты стой, скотина безмозглая! – добавляю я снова на родном.

Потом мне становится стыдно – опять на Азамата кричу, еще и лошадь ни за что обругала. Показываю копытному еще печенье и

отвожу руку, пока он не развернется головой в сторону лагеря. Тогда разрешаю съесть. Азамат наблюдает за моими ужимками с интересом и недоверием.

Поскольку у меня конь низкий, а у Азамата высокий, то он сидит теперь где-то там наверху, бедро на уровне моего плеча. Я кладу руку ему на коленку.

– Ты извини, что я тебе такой скандал устроила, я просто очень испугалась. А потом еще полдня переживала, где ты да не случилось ли чего.

– Лиза, ну что со мной может случиться в степи? Неужели ты думаешь, что тут есть какой-то хищный зверь, с которым бы я не справился одним ножом?

– Понятия не имею, – говорю. – Я ни зверей здешних не видела, ни как ты с ними справляешься. Да и вообще, что это за детские выходки?

Он похлопывает меня по плечу.

– Извини. Я действительно расстроился, но это недолго длилось. Просто я решил последовать твоему же совету и «не мучиться», а как следует погулять одному, послушать, посмотреть. Ну и увлекся, целую вечность ведь на воле не был. Я думал, ты будешь дуться, а ты, оказывается, волновалась... Никак мы друг друга не пойдем.

– У меня временное обострение ненависти к человечеству, – сообщаю я. – Оно пройдет – и снова будем понимать. Потерпи чуток.

Я уже открываю рот, чтобы рассказать о новом повороте событий, но Азамат вдруг сжимает мое плечо.

– Лиза, послушай. – Он очень серьезен. – Это важно. Ты так и не пообещала мне не дергать лошадь за уши. Более того, ты одна, без спросу выехала в степь на незнакомой лошади. Если уж ты сама говоришь, что испугалась, так будь осторожна! Ты себе не представляешь, как я за тебя боюсь!

И все в таком духе. Ладно, что поделаешь, переживает человек, пусть выговорится, я потерплю. Даже пообещаю ему, что не буду дергать лошадь за уши и за прочие места и сзади обходить тоже не буду. Правда, пожалуй, про беременность я пока помолчу. А то, если он узнает, что я все это сегодня проделала еще и брюхатая, он же с коня сверзится.

Глава 4

Когда мы подъезжаем к лагерю, у кромки вытоптанного снега нас ожидает северянин, нервно переминаясь с ноги на ногу.

– Хозяин! – принимается он голосить, едва мы оказываемся в зоне слышимости. – Я бы ее ни за что никуда не отпустил, но она мне ружьем пригрозила! Под прицелом велела седло принести!

– Врет, – шепчу я, криво ухмыляясь.

Азамат усмехается и гладит меня по плечу. Пастух продолжает в красках расписывать, какая я опасная, как меня даже лошади боятся, а стихии слушаются.

– Ладно уж, – отмахивается от него Азамат. – Хорошо, что отпустил, а то бы она тебя убила. Она духовника моего однажды чуть не застрелила.

Пастух, который начал было успокаиваться, что хозяин не злится, снова перепугался, отвесил мне три поясных поклона и сбежал к остальным.

– Чего ты их запугиваешь? – спрашиваю.

– Не обращай внимания, – неловко улыбается он. – Это я свой авторитет укрепляю. А то если они решат, что я просто так тебе все разрешаю, то презирают. Решат, что у меня денег не хватает на твои капризы, вот и... отдаю натурой, так сказать.

– А так они тебя будут считать укротителем тигров?

– Ну вроде того. – Он виновато опускает глаза. – Извини, но так проще, чем что-то доказывать...

Я задавливаю в себе желание закатить еще один скандал. Хватит, наругались на сегодня. В конце концов, никто меня на Муданг насильно не волок.

– Да ладно, – говорю довольно искусственным голосом. – Ты же не виноват, что они идиоты. И что все бабы у вас курицы долбанутые, тоже не виноват.

Он долго на меня смотрит, потом говорит:

– Спасибо.

Я так понимаю, за усилие над собой. Чует ведь. Как мне все-таки повезло с мужиком. И как ему не повезло с родиной.

Когда мы слезаем с лошадей, я наконец замечаю, что Азамат все это время сидел не на той буроватой кобыле, которая стояла в строю рядом с моей белой, а вовсе даже на чем-то серебряном.

– Ой, – говорю. – Какая у тебя скотина, прямо металлическая. Так блестит...

– Да-а, – польщенно говорит он. – Я вот решил его и взять. Таких серебряных больше нигде не разводят, только по берегам Дола, а я всегда такого хотел. Сейчас поездил – жеребец сильный, послушный, с мозгами, да еще молодой совсем. В общем, я определился. А ты как?

– Да я вроде тоже, – киваю на свой рыжий диванчик.

Азамат хмурится.

– Ты его взять хочешь?

– Ну да, а чего? Сидеть удобно, не трясет, слушается. И не очень большой. Чего мне еще надо?

– Так это ж мерин...

– Ну так мне с ним не трахаться! – выпаливаю я.

Пастухи прыскают со смеху и долго не могут успокоиться. Азамат слегка краснеет.

– Ты полегче в выражениях, – шепчет он мне. – Женщины при мужчинах о таких вещах не говорят.

– Фи, какое лицемерие, – кривлюсь я. – А чем плохо, что мерин?

– Ну это как-то... неспортивно.

– Спасибо, спорта мне на сегодня хватило. Еще возражения есть?

Азамат вздыхает.

– Ладно, бери этого. Ребят, – он поворачивается к пастухам, которые все никак не отсмеются, – представьте коней-то.

– А ты до сих пор не знаешь, как их зовут? – удивляюсь я.

– Нет, а ты знаешь?

– Нет, так то я... Я и забыла, что у них имена бывают.

– Бывают, а как же, – кивает Азамат. – И если конь хороший, его имя охраняют как человеческое.

Наш провожатый первым отсмеялся достаточно, чтобы внятно произнести имена.

– Этот, – он указывает на Азаматов выбор, – Князь. А второй – Пудинг.

– Как?! – опешиваю я.

– Пудинг... – повторяет пастух. – А что?

Я поворачиваюсь к Азамату.

– Откуда у вас пудинг?

Азамат пару секунд на меня озадаченно смотрит, потом переспрашивает:

– А это слово для тебя что-то значит?

– Ну как, – говорю, – пирог такой... праздничный...

Они начинают ржать. Азамат трясет головой, явно умиляясь чему-то, чего я не понимаю.

– Кто говорил, что у Императора не было чувства юмора! – хохочет он. Потом наконец снисходит до того, чтобы объяснить мне, в чем дело. – Этим именем впервые наш последний Император назвал своего любимого коня, который тоже был небольшой, толстый и спокойный. Оно с тех пор так и кочует. Но никому в голову не приходило, что у этого слова есть какое-то значение! Так, звучит забавно, и все тут...

– Ясно, – ухмыляюсь я. – Я тебе испеку как-нибудь. Только это долго, там тесто должно настаиваться две недели или типа того. Зато очень сытно.

Пастухи немедленно преисполняются уважения к даме, которая, о-о-о, понимает толк в кулинарии. Чувствую, Азамат задался целью и правда выдать меня за воплощение этой их воинственной кормящей богини. Дверью шатра я уже хлопала, осталось детей наплодить. Кстати, надо ему сказать, но при пастухах как-то нехорошо, наверное...

Мы обедаем все вместе в шатре. Мне кажется, что день уже прошел: столько всего успело произойти, и я так долго ждала – хотя на самом деле сейчас всего полпятого. Еды у нас по-прежнему вагон и маленькая тележка, а ведь уже пора домой возвращаться.

– Ну что, Азамат, – говорю, – ты признаешь, что не надо было брать столько вещей?

– Я признаю, что они тебе не понадобились, – аккуратно отвечает он. – Но ведь нам ничем не помешало то, что они были с собой, правда?

Я закатываю глаза.

– Я тебе что, младенец, мне сменные пеленки с собой таскать везде? В следующий раз ничего лишнего, а то прям стыдно.

Кажется, это слово действует на него волшебным образом – он тут же серьезно соглашается и больше не спорит. Я начинаю прикидывать,

что пойдет в салон, а что в багажник, и оказываюсь перед неразрешимой проблемой.

– А как мы возьмем лошадей?

Азамат фыркает чаем.

– Уж не в багажнике, это точно. Ты что, Лиза, как мы их возьмем? Их отправят на пароме в Долхот, а оттуда монорельсом до нас. Через несколько дней приедут.

– А... тут есть монорельс? – удивляюсь я. Как-то у меня плохо укладывается в голове, как муданжцы умудряются сочетать свеженькие земные удобства с первобытнообщинным строем в головах.

– Есть, конечно. От всех больших городов к столице и кольцевой. Вот если от Долхота в Сирий ехать, то рельс проходит прямо под горами, по пещерам. Ох и красиво там... надо будет летом съездить, сейчас это направление почти не работает, весной много обвалов бывает. А если ехать на Орл, то под водой. Там прозрачный туннель прямо в толще воды, а по нему вагончики бегают. Можно на всяких морских гадов посмотреть. Красота, в общем. Да и обычный монорельс неплох. Я всегда из столицы к матери ездил, а не летал. Уж очень там леса живописные... сидишь в поезде, а по обе стороны такие деревья гигантские, почти вплотную. Иногда под вывернутым корнем проезжаешь. Те горы, что тянутся от Ахмадхота до Худула, – они самые старые на всем Муданге. И растения там тоже древние. А я в детстве обожал все древнее.

У меня аж слюнки текут, так хочется поскорее все это увидеть. Правда, неплохо бы дождаться весны, чтобы полазать по огромным корням да пощелкать цветочки – маме отправить фотки...

– Это у вас мать так далеко жила? – поражается северянин. – Это ж сколько у вашего отца денег было – ездить-то из столицы в Худул?

– Да он нечасто ездил, – смущается Азамат. – Но вообще, с деньгами у него было слава богам... – Азамат мнется, стараясь отойти от скользкой темы. – А мать, наверное, до сих пор жива. Она очень рано меня родила, да и если бы умерла, мне бы сказали.

– А она знает, что ты вернулся? – спрашиваю тихонько.

Он пожимает плечами.

– Вряд ли. Кто бы ей сказал?

– А ты сам?

– Я не говорил.

Я потерянно моргаю.

– Ты ей вообще давно последний раз звонил?

Он на меня странно смотрит.

– Я не уверен, что у нее есть телефон.

До меня начинает постепенно доходить.

– А ты... в принципе, когда с ней общался?

– До того как... – Он неопределенно взмахивает рукой в районе лица.

– А она вообще знает, что ты жив-то? – похолодев, спрашиваю я.

Он слегка приподнимает брови.

– Ну ей сказали, на что я стал похож. Вряд ли ей очень хочется на меня смотреть.

– Это ты так думаешь или она сама так сказала? – продолжаю допытываться я. Мы уже давно перешли на всеобщий, так что пастухи только переглядываются и недоумевают, о чем это мы.

– Я так думаю, – вздыхает он. – Ну ты сама посуди, если уж отец...

– Я совершенно не вижу тут связи. Или ты считаешь, что его кренинизм передается половым путем?

Азамат смотрит на меня с убийственной укоризной.

– Я просто хочу сказать, – поясняю я, – что твоя мать еще имеет шанс оказаться хорошим человеком. Во всяком случае, я бы не стала так категорично ее клеймить.

– Естественно, она хороший человек! – взвизгивается Азамат. – Она прекрасный человек, я ее очень люблю!

– Тогда какого ж черта ты ее игнорируешь? Ты поставь себя на ее место – она узнаёт, что ты ранен, а потом семь лет ни слуху ни духу! Семь долгих муданжских лет! Тебе не стыдно, вообще?

– Да на какого шакала я ей сдался?!

– Азамат, она твоя мать! Даже муданжская мать не может просто так наплевать на своего ребенка, не выродки же вы все тут, в самом деле!

Он еще плечами пожимает – ну в чем тут можно быть не уверенным?!

– Отец же смог.

– Так то отец! Он тебя не рожал! А материнский инстинкт никакая внешность не спугнет!

– Ну хорошо, – перебивает меня Азамат повышенным голосом. – И что ты теперь предлагаешь? Семь лет уже прошло, их не вернуть.

– Во-первых, выясни ее телефон и позвони.

– И что я ей скажу?

Пастухи поняли, что с ними больше никто разговаривать не собирается, и начинают расползаться по своим шатрам.

– Во-первых, что ты жив и здоров. Во-вторых, спросишь, как она сама, здорова ли, не нужно ли ей чего. А там уж смотря что ответит.

– Ладно, – вздыхает он и не двигается с места.

– Ну и чего ты сидишь? Звони уже!

– Что, сейчас, что ли?

– А почему нет?

Он, не сводя с меня оторопелого взгляда, достает телефон и несколько расслабляется.

– Сети нет.

Состроив ехидную улыбочку, я протягиваю ему хвост от пистолетика. Не отвертись, дорогой.

Звонит он брату. Тот долго вообще не может понять, что и зачем от него требуется. Видимо, тоже давненько с матушкой не общался. Наконец Азамат говорит «понятно» и прощается.

– Она теперь живет не в Худуле, а в деревеньке на побережье, и связи там практически нет. Арон ее номера не знает, но даже если бы знал, все равно вряд ли удалось бы дозвониться.

– Ясно, – вздыхаю я. – А название деревни он сказал?

– Да...

– А найти ее ты сможешь?

– Ну да, а что ты...

– Я предлагаю прямо сейчас туда полететь.

– Лиза, это часов семь отсюда!

– Заодно поучишь меня управлять унгуцем. А то я сегодня чуть не рехнулась, как тебя искать да как выбираться, если с тобой что случится, не дай бог.

– Лиза, но я со всеми договорился, что завтра уже буду дома!

– Вечером будешь.

– Но тренировка!

– Ну вот что. Я понимаю, что ты ухватишься за что угодно, чтобы только не навещать маму. Так что я тебе повышу мотивацию. Есть кое-что, чего ты обо мне не знаешь, хотя очень хотел бы узнать. Пожалуй, когда узнаешь, это перевернет всю твою жизнь. Но пока ты не наведишь маму, я тебе ничего не скажу.

Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– Ты все-таки имеешь какое-то отношение к Укун-Тингир?

Я приподнимаю брови и безжалостно отчеканиваю:

– Не ска-жу.

Он изучает меня еще с минуту, потом встает, проходится по шатру. Потом берется за телефон и выбирает контакт.

– Алтонгирел? Слушай, я задержусь еще на день. Предупреди всех, чтобы зря не ездили...

Управлять унгуцем несложно, если рядом сидит Азамат и доходчиво объясняет, какой рычажок для чего. Оказывается, что добрая половина всех значков на панели не имеют никакого отношения к управлению, а вовсе даже являются охранными символами, типа как у нас народ иконы, могоидовиды и нэцке по кабине расклеивает. Вокруг навигатора символы богов-погодников, на рулевом рычаге обереги от невнимательности, на контроле взлета и посадки молитва богу гостеприимства. Впрочем, после предварительного ликбеза, успешного взлета и получаса полета я вполне овладеваю управлением и без подсказок. Погода по-прежнему хорошая, ведет меня внятный и правдивый электронный навигатор, Азамат тихо скрипит зубами на соседнем сиденье.

– А твоя мама любит рыбу? – внезапно спрашивает он меня.

– Терпеть не может, – озадаченно отвечаю я. – А что?

– Да так... – отмахивается он. Потом, помолчав, снова спрашивает: – А волосы она длинные носит?

– Ты же видел фотки.

– Ну мало ли...

– Недлинные, как у меня примерно.

– Ясно. А...

– Азамат, если ты этими расспросами пытаешься выморщить из меня ответ на свой вопрос, то можешь не надеяться.

Он разоблаченно вздыхает.

– Ты можешь мне хотя бы объяснить, зачем тебе непременно надо, чтобы я встретился с матерью? Ты ведь понимаешь, что у вас принято поддерживать более близкие отношения с родственниками, чем у нас.

– Если бы мы были на Земле и ты такое отчудил, я бы вообще не знала, что и думать. Понимаешь, я ведь не заставляю тебя с ней общаться постоянно. Я знаю, какие бывают пожилые люди неприятные, у меня для этого бабушка есть. Просто я думаю, что она заслуживает знать, что с ее сыном все в порядке, ведь это каждой матери важно. Она-то от тебя не отрекалась.

– Нет, – задумчиво соглашается он, – не отрекалась. Но и не приехала из Худула, когда я был ранен.

– А ей сразу сказали?

– Ей и отцу сказали одновременно. Не совсем сразу, но быстро... Кстати, помнится, ты очень резко высказывалась обо всех моих друзьях, которые за меня не вступились. А ведь она тоже не вступилась. И что ты об этом думаешь?

– Я не знаю, – тихо говорю я. – Если бы я знала, что она за человек, у меня могли бы быть предположения...

– Но ты не набрасываешься на нее с руганью, хотя она поступила точно так же, как все?

Я кошусь на Азамата. Он явно нервничает, но гнет свою линию. Это, в общем, хорошо, если он наконец начинает осознавать, что не заслужил своего изгнания. Однако с матушкой и правда что-то не так. Женщины у них странные, конечно, но чтобы вот так бросить свое чадо? Может, она пыталась повлиять на отца, только Азамат об этом не знает?

– Я не верю, что она совсем ничего не пыталась сделать для тебя. И пока я ее своими глазами не увижу и своими ушами не услышу от нее, что ей неинтересна твоя судьба, я не поверю.

Он пожимает плечами, а потом вдруг нагибается и целует меня в макушку.

– Мне очень хочется надеяться, что ты права, – тихо говорит он. – Раньше я всегда думал, что мать меня любит. А потом вдруг оказалось, что я этого не заслуживаю. А когда появилась ты, все снова повернулось с ног на голову, и теперь получается, что я вроде как ни в чем не виноват, а она... В общем, наверное, я просто боюсь. Я в молодости все похвалялся тем, что ничего не боюсь, а Унгуц мне

всегда говорил, мол, придет и твое время бояться, и вовсе не там, где ты ждешь.

Кажется, я тут уже лишняя. В те редкие моменты, когда Азамат принимается анализировать свои чувства, он почему-то обязательно делает это вслух, хотя может напрочь забыть, что я нахожусь рядом и все слышу. Иногда это бывает забавно. Например, когда он только начал вести тренировки, я регулярно заставляла его расхаживающим по комнате и рассказывающим самому себе, какими словами он про себя называет те или иные ситуации во время боя и как их лучше классифицировать, – а потом он удивлялся, откуда это я так хорошо разбираюсь в происходящем «на ринге», не сошел же он с ума, чтобы женщину грузить боевыми стратегиями.

За этим бормотанием он благополучно засыпает. Вот и славно, а то ведь он прошлой ночью не отдохнул почти.

Степь под нами тем временем переходит в невысокие горы, поросшие каким-то странным лесом. Видимо, тем самым, где под корнями деревьев поезд может пройти. Во всяком случае, кроны весьма внушительные, и я не взялась бы сказать, широколиственные они или хвойные. Наверное, и правда что-то безумно древнее, а то и вовсе неземное.

Слева от гор и до самого моря тянутся смешанные леса. Навигатор мне пиликает, что надо сворачивать к западу, но только после того как позади останется река, а то над ней какие-то завихрения. Над горами все вполне спокойно, они действительно невысокие. Я тихонько включаю музыку и с удовольствием обзираю величественные мударжские пейзажи под мерное сопение рядом.

Азамат просыпается, когда на горизонте уже чернеют высоченные северные горы на фоне еще не совсем черного неба. Сквозь прозрачную крышу видно столько звезд, что чувствуешь себя внутри какого-то ювелирного изделия с бриллиантами.

– Я уже собиралась тебя будить, – говорю. – А то темнотища, да и лететь уже недалеко осталось, насколько я понимаю.

Он протирает сонные глаза, заливаает в себя пол-литра кофе и углубляется в навигацию. Включает инфракрасный экран на лобовом стекле, чтобы все было видно, выискивает по навигатору точное расположение деревушки, в которую нам надо.

Худул остается по правому борту ярким букетиком огней. Мне кажется, он раза в три меньше Ахмадхота. Поднимается ветер с океана, и мы начинаем снижаться куда-то во тьму, к подножию гор, на побережье бескрайней древней воды.

– Как же это ее так далеко занесло? – спрашиваю я, когда мы выбираемся из унгуца.

Азамат сказал, что, когда являешься без приглашения, транспорт надо оставлять за чертой деревни, чтобы не смущать соседей, так что мы сели в леске на пологом склоне, а теперь пешком по дороге идем в село.

– А она где-то в этих местах и родилась в семье рыбаков. Имя-то у нее гласное, но вообще она... как бы это сказать... ничего особенного. Не столичная, даже не городская, не богатая, не очень красивая. Когда отец стал ухаживать, в семье очень удивились. Ну и она быстренько предложила пожениться, пока он не передумал. Он, конечно, был сильно старше, но зато красавец, великий охотник и Непобедимый Исполин, Рожденный в Седле – это титул победителя конных соревнований.

– Понятно, – говорю. – То есть он взял себе девочку с улицы, чтобы сэкономить на ухаживании, а потом она ему слова поперек сказать не смела. Похвально, что и говорить.

– У нас... принято с большим уважением говорить о родителях, – после паузы произносит Азамат и резко меняет тему: – Алтонгирел мне напомнил, что тебе надо строить дом. Ты по дороге какое местечко не присмотрела?

У меня встает дыбом шерсть на загривке. Алтонгирел еще вечером после свадьбы строго указал, что Азамат должен мне построить отдельный дом где-нибудь подальше от столицы, чтобы я не путалась под ногами и все видели, как он богат. Мне, понятное дело, совершенно не нравился такой расклад. Я хочу жить с мужем и в городе, потому что там есть работа. Пусть сейчас народ пока меня не воспринимает как целителя, но ведь привыкнут же они когда-нибудь! Да и мои занятия с целителем и Оливой прекращать совершенно не хочется. Особенно теперь, когда мне самой скоро понадобится профессиональная помощь. Короче говоря, теперь каждая моя встреча с Алтонгирелом оканчивается ссорой на почве жилищного вопроса.

– Я, кажется, уже неоднократно и весьма однозначно заявляла, что не собираюсь никуда от тебя съезжать. Я живу на Муданге только для того, чтобы быть рядом с тобой. А если тебя рядом нет, то с тем же успехом можно вернуться на Землю.

Азамат вздрагивает и чуть не роняет термопак, в котором остались еще две кулебяки и какие-то фрукты.

– Я тебя понял, – мрачно говорит он.

Мы в молчании подходим к деревне и звоним в первую же калитку. Азамат надвигает капюшон в надежде, что хозяева не разглядят его в темноте. То ли в этом доме живет семья побогаче среднего, то ли просто потому что край деревни, в общем, нам отвечают по домофону, что сильно облегчает жизнь и им, и нам. Азамат быстро спрашивает, где живет «жена Долгого Охотника». Ему быстро объясняют, как пройти. Я ничегошеньки не понимаю в этом указании, потому что северный акцент у хозяина дома уж очень жестокий, да половина сказанных слов – какие-то местные ориентиры, которые я себе даже представить не могу. На Муданге я часто чувствую себя абсолютно беспомощной.

Азамат, однако, легко находит дорогу, и вот уже мы стоим перед высоким и частым деревянным забором с выразительно выструганными копиями по верху.

Азамат поглубже вдыхает и дергает шнурок звонка.

Глава 5

Очень, очень, невыносимо долго никто не отзывается на звонок. Азамат уже успевает четыре раза заверить меня, что мать не слышит или не выходит принципиально, что уже поздно, она наверняка спит, а если и не спит, то шакал знает кому не откроет посреди ночи... Да и если она придет и выслушает наши сбивчивые объяснения и – что еще менее вероятно – поверит нам, то все равно совершенно необязательно откроет дверь. Она, дескать, запросто может предпочесть помнить сына молодым, красивым и геройски погибшим, а не живым уродом. И все в таком духе. Я в ответ довольно ядовито обращаю его внимание на то, что ночевать нам все равно негде, разве только в унгуце, но Азамат не поместится поперек сидений, даже если его вдвое сложить. А судя по общей приветливости этого дивного местечка, никто нас с распростертыми объятиями в свой дом не пустит, даже за деньги.

Местечко и правда живописное. Деревенька в одну улицу, по обеим сторонам которой реденько понатыканы деревянные дома. Пока мы ждем, Азамат успевает объяснить, что они тоже саманные, но обшиты деревом снаружи и изнутри, потому что здесь, на севере, холодно, а от мороза саман часто трескается. С обеих сторон от деревни с гор спускаются две мелкие, громко журчащие речки, надо думать ледяные. Они впадают непосредственно в океан Гэй, окружающий муданжский единственный материк со всех сторон. Уже взошла Вторая луна, и в ее свете видно, как перекатываются холодные, бледные волны, шелестя и фыркая под крутым берегом.

Азамат прислонился плечом и головой к забору и бездумно водит пальцем в перчатке по краю калитки – вверх-вниз. Я снова дергаю за шнурок. Наверное, и правда не стоило его сюда тащить на ночь глядя. Где мы, действительно, будем спать? Придется лететь домой, и Азамат, конечно, сядет за руль. За нашу безопасность я не переживаю, Азамат вполне способен соображать и с большего недосыпа, но я хочу, чтобы он нормально отдыхал, а не водил по ночам самолеты.

И тут мы слышим скрип входной двери. Переглядываемся.

– Это наша? – спрашиваю я довольно бессмысленно.

– Кажется, да, – отвечает Азамат, прислушиваясь. Если поначалу он еще нервничал, подбирая слова и спрашивал меня, что мы будем делать, если она не захочет с нами разговаривать, то теперь все движения его души, как и моей, обращены в надежду, что она уже наконец выйдет к калитке!

Мы слышим скрип шагов по снегу. Они медленные, но довольно уверенные. А то я еще побаивалась – вдруг она болеет и ходит с трудом? А мы ее тут выдергиваем из постели посреди ночи... Шаги замирают у самой калитки.

– Кто? – вопрошает хрипловатый старушечий голос. По земным меркам она, конечно, в весьма почтенном возрасте, но по муданжским-то ей всего пятьдесят пять, как утверждает Азамат.

– Ма, это Азамат, – неровно произносит он заветные слова.

За калиткой воцаряется озадаченное молчание. Я стискиваю руку Азамата, не занятую термопаком. Из-за калитки доносится невнятный шепот, мы переглядываемся, но ничего не разбираем. Наконец «ма» решает продолжить разговор, хотя и намного тише, как будто боится, что кто-то подслушает:

– Отец-то знает, что ты тут?

Мы снова переглядываемся.

– Он знает, что я на Муданге, – аккуратно отвечает Азамат. – Но мы не разговаривали.

Там снова повисает молчание.

– Так тебе, что ли, можно тут быть? – выдает следующий вопрос моя загадочная свекровь.

Азамат, однако, светлеет лицом.

– Да! Ма, я женился и теперь снова могу тут жить.

За калиткой слышен вздох, но чем он вызван?

– Ну ладно, – неуверенно говорит наша старушка. – И чего тебе тут занудилось?

Азамат на секунду теряется, а потом принимается быстро говорить, явно сам удивляясь, откуда это взялось:

– Понимаешь, моя жена с Земли, а у них принято знакомиться со всеми родственниками. Ну и мы тут были, э-э, не очень далеко, вот и решили зайти к тебе. Ты извини, что так поздно...

Я смотрю на Азамата вытаращенными глазами. Нет, я, конечно, говорила ему, что моя мама им интересовалась и что на всякие праздники у нас принято собирать родню, но сегодня я точно не говорила ничего о том, что мне надо познакомиться с его матерью из-за каких-то традиций. Впрочем, Азамат удивлен собственными словами не меньше, чем я. Видимо, просто так и не решился сказать, что соскучился по матери. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

– Ох ты ж... – бормочет мать. – Так она там с тобой, что ли?

– Да. – Азамат кивает, как будто собеседница может его видеть, а потом быстро добавляет: – И она понимает по-муданжски.

Мать снова охает.

– Чего ж вы не предупредили?

– Ма, мы живем в Ахмадхоте. Далековато ездить, чтобы предупредить. А телефона твоего даже Арон не знает.

Кажется, Азамат начинает расслабляться. Он уже говорит нормальным голосом и, видимо, чувствует себя увереннее.

– Да ему-то зачем... – ворчит мать за своей калиткой.

Интересно, она из каких-то соображений все еще не открыла дверь или просто растерялась?

По ту сторону снова повисает тишина, так что Азамат не выдерживает и окликает родительницу:

– Ма? Ты там еще?

Вместо ответа мы слышим лязг щеколды, калитка открывается.

Ма оказывается практически с меня ростом. Маленькая сутулая старушка в такой же длинной сплошной шубе, какие были у пастухов. Из-под капюшона белеет косынка, а лица в темноте не разобрать.

Азамат неожиданно сдавливая мою руку и прижимается крепче к забору. Испугался, что сейчас она его разглядит, что ли? Чувствую, надо перехватывать инициативу в свои руки.

– Здравствуйте! – говорю я жизнерадостно, изобразив на лице придурковато-счастливую улыбку. – Очень рада видеть вас в добром здравии, имигчи-хон!

Я величаю ее имигчи, что значит примерно «уважаемая матушка». Так обращаются к старшей замужней женщине, если она выше по социальному положению или особенно многодетна. Хон – это обычная дань вежливости, «госпожа» или «господин». Я понимаю, что, согласно муданжским представлениям, она ниже меня по положению, потому что, собственно, земляне всегда выше всех, но надо же польстить бабушке...

– Ох, здрасте... – мямлит она, совершенно растерявшись.

Вот и чудненько. Я немедленно набрасываюсь на нее с объятиями, пользуясь этим, чтобы шагнуть за калитку.

– Мне так важно с вами познакомиться, – тараторю я. – У нас на Земле принято знакомиться с родителями мужа еще до свадьбы, чтобы получить их одобрение, но, увы, мы с Азаматом никак не могли навестить вас до свадьбы, и это меня очень расстроило!

Кажется, ошибок я нагородила вагон и маленькую тележку. Интересно, сколько процентов она понимает из моей восторженной болтовни.

– Ох, – снова говорит несчастная старушка. – Вас же в дом пригласить надо, а у меня там не прибрано....

Я на это быстро и безграмотно отвечаю в том смысле, что дом матери всегда прекрасен, в каком бы состоянии он ни пребывал, и что я девушка со скромными запросами, и что раз уж мы без объявления прибыли, то и в мыслях не имеем требовать порядка в доме. После этой тирады я тайком кошусь на Азамата, который обошел нас сбоку,

чтобы стоять против света. Он закрывает рот рукой – жест, у муданжцев означающий «ну ты и заливаешь!»).

Матушка, однако, поддается на мои косноязычные уговоры и, закрыв калитку обратно на щеколду, ведет нас к дому по скрипящей тропинке.

– А про одобрение родителей – это правда? – шепотом спрашивает у меня Азамат на всеобщем.

– Была когда-то, – так же отвечаю я.

Мы поднимаемся по слегка присыпанному снегом крыльцу, при этом я подаю бабуле руку для опоры, чем, кажется, окончательно ее добиваю. Она нервно хихикает и заваливает меня комплиментами, из которых я понимаю хорошо если треть. Впрочем, это не так важно, лишь бы она пока не задумывалась о внешности Азамата. Когда мы войдем в дом да сядем за стол в тепле и при свете, ей придется хотя бы сделать вид, что она рада видеть сына, иначе будет уж совсем неловко. А вот с порога еще может и прогнать. Я, конечно, все еще плохо понимаю устройство загадочной муданжской, а тем более женской души. Но ведь все мы, черт возьми, одни и те же обезьяны!

Сквозь тугую дверь в темные сени (почему-то именно так мне хочется назвать это место), оттуда через другую тугую дверь – на кухню. Ну вот, опасная зона позади. Теперь надо быстренько тут окопаться.

Кухня вся так и пылает желто-оранжевым светом дешевых самодельных ламп, созданием которых подрабатывают подростки, учащиеся на инженеров. Бок печи, выступающий из правой стены, пышет жаром. Мне хватает секунды, чтобы спрогнозировать тепловой удар, так что я стремительно принимаюсь раздеваться. Азамат еще колеблется – ему волю дай, так бы и остался в капюшоне. Я выразительно показываю ему кулак.

Матушка тоже стягивает через голову свою шубу и остается в самодельном, но невышитом халате, мешковатых женских штанах и белой косынке, из-под которой торчит хвостик короткой косички. Она выглядит совсем старенькой и сморщенной, хотя по земным меркам ей всего около ста. У нас в этом возрасте женщина еще женщина, а не коряга. Впрочем, непохоже, чтобы Азаматова мать особенно следила за собой. Да и подтяжку тут не сделать...

– У меня ж ничего нет на стол поставить, – принимается причитать она. – Только рыба одна вчерашняя, да ты такую и не станешь есть небось...

– А у нас все с собой! – радостно возвещаю я, извлекая из термопака фрукты и ставя пироги на подогрев. Хорошо все-таки, что я их так много напекла. Впрочем, при наличии техники, которая сама все режет и перемешивает, уж кулебяки-то можно пластать хоть сотнями.

Матушка до сих пор стояла к нам спиной, оглядывая свое жилище в поисках еды, а тут наконец обернулась. Азамат тут же шагнул в тень, но мог и не напрягаться – я благополучно перетянула на себя все внимание почтенной родственницы.

– О-о-ой, – медленно выдохнула она. – Какая беленькая... Как из сказки! Боги, да кто ж тебе позволил ночью зимой по лесам тут шастать? Азамат, куда ж ты смотришь?

Азамат только пригибает голову, чтобы выбившиеся из косы пряди прикрыли обзор. Я отвечаю вместо него.

– Зима тоже белая, – говорю. – А как мороз стукнет, никому мало не покажется. Вы по внешности-то не судите.

– Хе-хе! – восклицает она как-то пронзительно и снова осматривает меня с ног до головы. – Чудно говоришь!

Тут термопак сообщает, что все разогрелось, так что я принимаюсь выгружать на стол горячие пироги, попутно объясняя, что это сделано из теста по земному рецепту, да, я готовила, а вообще у нас традиция в гости ходить с угощением, особенно если издалека. Бабушка не знает, чему больше поражаться – моим пирогам или фруктам посреди зимы.

Из мемуаров Хотон-хон

Сельскохозяйственные культуры на Муданге круглый год можно выращивать только в экваториальной зоне. Уже даже в Ахмадхоте зимой плодоносят процентов пятнадцать съедобных растений. А торговля с регионами налажена плохо. Точнее, совсем не налажена. Однако дело не в том, что муданжцы такие неорганизованные, а в том, что завоеватели-джингоши приспособились устраивать досмотр всем видам грузового наземного транспорта и забирать себе деликатесы. А летательные аппараты типа «унгуц» имеют принципиально ограниченную грузоподъемность, так что перевозить на них овощи и

фрукты оказывается неприбыльным делом, да и сами «унгуцы» довольно дороги и доступны далеко не всем фермерам и торговцам.

Матушка суется, расспрашивает меня, какой чай лучше заварить, откапывает по закромам всякие сласти (кстати, вполне свежие и в таких количествах, что ими одними можно было бы поужинать). Я стараюсь принять посильное участие в сервировке стола. Наконец стол накрыт, пиалы расставлены, огромный глиняный чайник водружен посередине, вокруг него наши гостинцы. Меня она пытается усадить на почетное место, но я многословно заверяю ее, что это она, как мать и хозяйка, должна его занять, а мы, молодые, лучше на диванчике.

И вот мы усаживаемся: матушка во главе стола, а мы по длинной стороне справа от нее, причем сначала я, а потом Азамат. Таким образом, она видит только его левый профиль, на котором почти нет шрамов.

Мы изрядно проголодались за время полета, так что набрасываемся на пироги без раздумий. Матушка же вертит в руках какую-то очередную разновидность хурмы, которые так многочисленны на этой планете, и бормочет:

– Надо же, посреди зимы... Это ж сколько денег! – Она наконец обращается к Азамату: – Потерпел бы уж, скоро снег стает, тогда и фрукты покупать, а то одна растрата!

Азамат удивленно сглатывает.

– Ма, я сейчас богаче, чем был отец, когда на тебе женился. Уж на корзинке фруктов не разорюсь!

– Да ты что! – ахает она. – Это ты на чужбине так заработал?

Во всяком случае, я предполагаю, что это неприязненное слово, которое она сказала, означает «чужбина». Мне забавно, как Азамат к ней обращается, это его «ма». Это и правда первый слог слова «мать», но по-муданжски он звучит как эх, так что на мой слух получается довольно смешно. На курсах нам ничего про такое обращение не говорили, да и за этот месяц я такого ни разу не слышала. То ли очередная северная черта, то ли вовсе Азаматово личное изобретение.

Пока я обо всем этом думаю и жую, Азамат рассказывает про наемничью жизнь, долго и подробно. Про то, как он участвовал во Второй джингошской кампании и как потом после виртуального заседания главнокомандующих через экран нетбука с ним чокался

бокалом маршал Ваткин. Про разные народы, населяющие другие планеты, про книги, которые он прочел, и науки, которые изучил (оказывается, этот потрясающий человек закончил онлайн-курсы по экономике, юриспруденции, физике и химии вдобавок к двум муданжским образованиям). Матушка слушает, в прямом смысле открыв рот, только изредка кладет в него дольку хурмы или какую-нибудь ягоду. Мы сидим так полночи, слушая спокойный и размеренный голос Азамата, который на самых низких нотах больше похож на звук бас-гитары, чем на человеческий голос. Потом он рассказывает, как я попала к нему на корабль и как стала его женой. Кажется, об этом он еще никому не рассказывал. В его исполнении все выглядит несколько иначе, чем я думала. Оказывается, он собирался надолго припарковаться на Гарнете, если я решу там обосноваться, и даже рассматривал вариант рвануть вслед за мной на Землю, хотя, собственно говоря, не надеялся, что ему что-то обломится. Еще он очень боялся за Алтонгирела и был твердо уверен, что я несчастного духовника обязательно убью, не в этот раз, так в следующий. Вообще, он как-то слишком всерьез и за чистую монету воспринимал все мои угрозы и намеки и долго искал хоть какую-нибудь литературу, в которой бы объяснялось, почему я веду себя совсем не так, как прочие знакомые ему женщины, и хорошо это или плохо. Поскольку сравнительный культурный анализ землян с муданжцами еще никто не проводил, нашел он, понятно, немного...

– А где ты ее поселил? – спрашивает матушка, кивая в подтверждение разговора.

– Да пока там же, в столице, – отвечает Азамат и робко косится на меня, дескать, не выдай.

– У вас такой чудесный сын, – говорю я, – что я от него никуда уезжать не хочу.

– Ну... – она пожимает плечами, – это, знаешь, мало ли чего ты хочешь... Ты, конечно, важная особа, но надо же и о муже подумать. Его ведь посчитают жадиной, если он тебе при таком богатстве не сможет где-нибудь на другом конце материка дом построить.

Пожалуй, в таком раскладе мне это еще никто не представлял.

– Правда, что ли? – уточняю я у Азамата.

Он опускает глаза.

– Вообще-то да.

– Так бы сразу и сказал. – Я пожимаю плечами. – Если это тебе для репутации надо, то строй, пожалуйста.

– Серьезно? – Он оживляется. – А где бы ты хотела?

– Да хоть там же, на берегу Дола. Где лес и горы, и вода близко. Красивое место, почему бы и нет. Все равно ведь будешь лошадей своих навещать.

– Каких лошадей? – не понимает мать, и мы ей радостно рассказываем, как Азамат в очередной раз победил в соревнованиях и как я напугала пастухов.

Мать почему-то тяжело вздыхает, а потом говорит:

– Какой же ты славный у меня. Точно как наш духовник говорил, вся благодать на тебя ушла, на Арона ничего не осталось. И надо ж такой беде приключиться.

Она замолкает, Азамат нервно сглатывает. Надо как-то разрядить обстановку.

– Ну ничего, – говорю. – Теперь-то все хорошо. Мы счастливо живем, Азамата все уважают...

Она кивает с рассеянным видом, явно думая о чем-то своем.

– Я думала, ты не захочешь, чтоб тебя таким видели. Арават бы точно не захотел, а вы же с ним как из одной кудели спрядены. А когда узнала, что он сделал... собрала манатки, что из родительского дома сохранились, да и ушла из его дома. Какого, говорю, шакала мне нужны эти его деньги, если он у меня ребенка отобрал?

Глаза у нее слезятся, и я на автопилоте кидаюсь ее обнимать и утешать и только потом замечаю, что Азамат, собственно, в наилучшем состоянии. Матушка вдруг ловко протискивается между мной и столом и проталкивается поближе к Азамату.

– Дай хоть я на тебя посмотрю, милый ты мой. Мне ведь такого наговорили... я думала, ты и работать не сможешь после этого.

Азамат послушно поворачивается и убирает с лица растрепанные волосы. Матушка судорожно вздыхает, но все же находит в себе силы погладить его по изувеченной щеке, а потом порывисто обнимает его, утыкаясь лицом в красный свитер, и долго плачет, приговаривая «ничего, ничего». Азамат осторожно, бережно гладит ее по спине, поднимает на меня взгляд и влажно улыбается. Я улыбаюсь в ответ.

Пока мать и сын обмениваются сантиментами, я завариваю еще чаю и совершаю вылазку до унгуца и обратно, чтобы взять одежду и

всякую дребедень. Все-таки спать когда-то надо. Возвращаюсь как раз вовремя – Азамат уже начинает задаваться вопросом, куда я делась.

– Ох, где ж вас положить-то? – снова начинает причитать матушка. – У меня и комната ведь всего одна, и кровать...

– На печке, – тут же предлагает Азамат.

– Ну это я супругу твою на печку положу, а тебя-то куда?

– А мы там вдвоем не поместимся? – интересуюсь я, вспоминая что-то из древних сказок. Вроде бы если на печке можно спать, то она реально большая должна быть...

– Да вы что! – всплескивает руками матушка, но Азамат уже заглянул в комнату.

– Поместимся, – рапортует он. – Ты, ма, не переживай, мы привыкли рядышком спать.

Ма еще долго не может примириться с таким аскетизмом, но поскольку других спальных мест все равно нет, то и возразить ей нечего. Потом я требую мыться, и Азамат по указанию матери притаскивает из сеней бочку, в которую мне наливают теплой воды. Муданжцы вообще народ чистоплотный, но идея мыться проточной водой дальше столицы пока не ушла. Азамата я, естественно, тоже загоняю освежиться, а потом, уже на печке, натираю своим «земным снадобьем», как называет его матушка (ей приходится объяснить, чем это вдруг запахло).

– Целительница? – пораженно переспрашивает она со своей кровати из-за печной занавески. – С ума сойти, слово-то какое! Я его только в песнях о белой богине и слышала.

– А что, она тоже целительница? – интересуюсь я, с усилием втирая крем в просторы Азаматова торса.

– Да, она может наделить человека целебной силой, – расслабленно отвечает он и вдруг только что не подскакивает. – Лиза! А ты ведь мне кое-что обещала!

Я хитро улыбаюсь.

– Ну да, было дело.

– И?

– А при маме можно? – шепотом спрашиваю я на всеобщем.

– Да уж говори скорее! – отмахивается он.

– Я беременна.

Глава 6

Он резко садится и, естественно, впечатывается лбом в потолок, не рассчитанный на такие габариты. Хватается за голову и шипит. Мне это живо напоминает какую-то дурацкую комедию, и я покатываюсь со смеху, изо всех сил пытаюсь сдержаться, чтобы его не обидеть, и от этого хохоча еще заливицей.

– Вы чего там? – спрашивает снизу матушка. Причину членовредительства она не поняла, потому что я говорила на всеобщем.

– Все в порядке, – говорю, давась смехом, – только потолок тут низковат.

Азамат тем временем несколько приходит в себя и снова ложится навзничь, потирая лоб. Я легонько поглаживаю его по пострадавшей части тела.

– Так это была шутка? – жалобно спрашивает он.

– Нет, только не подсакивай снова, – покатываюсь я, придерживая его за плечико.

Он долго молчит, так что я решаю, что он и не собирается никак комментировать новость.

– Ты уверена? – наконец уточняет он.

– Солнце, если бы я не была уверена, я бы не стала тебе говорить. Сегодня утром делала тест, он показал недельную давность.

– Тогда еще можно долететь до Гарнета, – облегченно говорит он.

– Зачем? – не понимаю я. Рожать еще рано, мягко говоря...

– Ну ты, как мне показалось, целителю не сильно доверяешь.

А, так он хочет, чтобы меня кто-то наблюдал?

– Я зато себе доверяю, – говорю. – А к тому времени, как рожать надо будет, я Ориву доучу. Не сидеть же нам на Гарнете девять месяцев, в самом деле.

Азамат внезапно с видом чрезвычайной заинтересованности поворачивается на бок и нависает надо мной.

– Так ты собираешься рожать?! – спрашивает он шепотом.

Я хлопаю глазами.

– А что, есть какие-то неблагоприятные для этого обстоятельства? Чего ждать-то, если уж залетела?

Он рухает обратно с таким счастливым видом, что уже граничит с безумным, сплетает пальцы и принимается тараторить нечто в стихах, что я определяю как гуйхалах за мое здоровье.

– Лизонька, – выдыхает он наконец, – если бы у меня только были слова! Я знаю столько слов, столько томов прочел на двух языках, а сказать о своем счастье ничего не могу... – Он снова поворачивается (уже все одеяла узлом завязал) и утыкается лбом мне в висок. – Может, если я как следует подумаю, ты услышишь? Ты ведь всегда чувствуешь меня.

Я снова не могу сдержать хихиканье, хотя оно происходит скорее от умиления, чем от юмора. Ладно, по крайней мере, он не упал с печки, не попытался мне заплатить и не выдумал себе повода для расстройства. Правда, на время родов я его, пожалуй, привяжу к кровати под наблюдением пяти-шести телохранителей, а то что-то стремно немного... А еще меня волнует, что ему станет советовать проклятый духовник...

– Слушай, Азамат, – говорю, не поворачивая головы.

– Мм?

– Не говори пока Алтонгирелу.

Он опять приподнимается на локте. Вот же активность напала на ночь глядя.

– Как же? Он ведь наш духовник, он должен знать... Да и все равно поймет.

– Давай проясним этот вопрос. Он твой духовник, а не мой. Вот станет пузо заметно, тогда скажем. А пока я еще жить хочу. Кстати, учти, что у меня в ближайшее время сильно испортится характер. Сегодня утром ты уже видел, в чем это выражается. Так что ради Алтонгирелова собственного блага, пожалуйста, не говори ему пока.

Азамат тяжело вздыхает, но соглашается.

– Ладно, понял... Но вообще, если уж он тебя так раздражает, тебе надо другого духовника себе выбрать, чтобы с ним советоваться, а то не дело это.

– Ну вот познакомлюсь с кем-нибудь вменяемым... – вяло соглашаюсь я. Главное, мы пришли к компромиссу.

– Что вы там все шушукаетесь? – доносится снизу голос матушки. – Легли спать, так спите уже.

– Так точно, командир! – говорим мы неожиданно хором, хохочем и блаженно отрубаемся.

Утро у нас весьма позднее – заснули-то часам к шести, не раньше. Впрочем, у меня оно, конечно, гораздо позднее, чем у остальных

членов семьи. Сквозь неглубокий сон уже засветло я слышу стук топора, льющуюся воду, еще какой-то скрип и возню. Очевидно, Азамат помогает по хозяйству. Идентифицировав звуки как безопасные, я удовлетворенно поворачиваюсь на бок, стекаю в нагретую Азаматом ямку в матрасе и упываю в сон еще часа на четыре.

Сползаю с печки я только на запах обеда, поскольку желудок принимается категорически требовать наполнения. Я долго ищу тапочки около печки, все это время через полуоткрытую дверь наблюдая общественную жизнь на кухне. Азамат с энтузиазмом жарит расстегаи с какой-то некрупной рыбкой, матушка смешивает пряно пахнущий соус.

– Так и сказала? – пораженно говорит матушка. Видимо, Азамат опять ей что-то про меня рассказывает.

– Ага, – довольно кивает он.

– Ну это уж... прямо неприлично.

– Я так понял, у них об этом совершенно прилично говорить. Правда, они выражаются по-другому, но вообще это вроде бы считается чем-то хорошим.

– Чего уж тут хорошего, мучение одно, – ворчит матушка.

О чем это они, господи?

– Ты зна-аешь, – задумчиво тянет Азамат, – конечно, если только один человек души лишается, то ему очень плохо. Но когда оба... это как-то... в общем, это здорово. И спокойно так – я, например, точно знаю, что Лиза меня не подведет и не будет мне нарочно пакостить. Вот подумай, много людей могут похвастаться такой уверенностью в супруге? Или вот, скажем, она всегда рада моему приходу. Ты не представляешь себе, какое это счастье.

Ах ты боже мой, романтическая любовь в восприятии муданжцев. Можно прямо записывать и вставлять в краеведческую хрестоматию.

– Представляю, – улыбается матушка. – Ты в детстве тоже всегда мне радовался.

На этом я решаю вторгнуться в семейную идиллию, а то еще накапают мне в еду.

– У нас говорят, что человек может быть счастлив, только если сохранил в себе частицу детства, – приторным голоском объявляю я вместо доброго утра. – Чем нас сегодня кормят?

Азамат нагибается и целует меня в макушку, отведя подальше руки, измазанные в тесте.

– Здравствуй, солнышко. Ты опять с утра путаешь слова.

– Ничего я не путаю, – говорю. – Нас же теперь двое!

Матушка оказывается весьма сообразительной, правда, в результате она роняет ложку.

– Ты тяжелая, что ли? – спрашивает она с оторопелым видом.

Я поднимаю ложку.

– Ага. А что, Азамат вам не сказал?

Азамат, помявшись, объясняется:

– Я подумал, раз уж ты духовнику говорить не хочешь, то прочим и подавно не стоит... Беременные женщины обычно очень суеверны.

– Как у тебя вообще я и суеверность в одной фразе совместились? – вздыхаю я. – Ты хоть раз за мной что-то такое замечал?

Он виновато мотает головой.

– А вот и зря, – встревает матушка. – У вас, на Земле, может, люди хорошие, а у нас завистливые шибко, особенно женщины. Попортят тебе ребенка, не приведи боги. В силу знающих можно и не верить, но тут и попроще способы есть. Так что лучше уж до лишних ушей не допускать.

– Это другой разговор, – соглашаюсь я. В пакостность местных баб мне поверить раз плюнуть. – Но вам-то можно доверять, имигчихон!

Она вся расцветает от обращения. Вообще, она сегодня гораздо лучше выглядит. И надела что-то нарядное: цветные юбки в три слоя, белую рубашку с широкими рукавами. Правда, на время готовки эти рукава она подтянула за ленточки, продетые по кайме, и завязала на загривке. А сверху нацепила веселенький пластиковый фартучек, разрисованный гиппеаструмами.

– Так что же, – возобновляет она разговор, когда я подаю ей вымытую ложку, – ты действительно собралась рожать?

– А чего вы оба так удивляетесь? – никак не возьму в толк я. – То есть я, конечно, плохо понимаю, как вы при ваших порядках вообще размножаетесь...

Азамат хихикает, а матушка серьезно объясняет:

– Ну как же, ты ведь красивая. А красивые женщины до последнего с этим тянут, чтобы фигуру не портить. Да и вообще, охота тебе с младенцем возиться, когда ты в самом цвету? Мне страшно подумать, сколько Азамат выложил за это дело.

– Нисколько, – отрезаю я, прежде чем Азамат успеет на меня цыкнуть. – Он и не знал, я ему только вчера сказала.

Матушка повторно роняет ложку, но ловит ее в полете.

– Ну вы, земляне... – бормочет она, качая головой. – Это ж вы, значит, и моцог не проводили? И Старейшин не одаривали? Да что же это будет-то?

– Будет как на Земле, – пожимаю плечами. – У вас свои обряды, у нас свои. Буду пить «снадобья» и одаривать «великих целителей».

А что еще я могу ответить на такой укор?

– А-а, – успокаивается матушка. – Ну это тебе виднее. – Она задумывается ненадолго, потом развивает свою мысль: – Рожать надо по своим правилам, а не по мужниным.

На том и договариваемся. Азамат слушает наш разговор, благоразумно помалкивая, чтобы не нарушить мою эквилибристику.

А расстегаи с устричным соусом – это вещь, и муж у меня самый лучший. Вообще, мужчина у плиты, да еще в фартучке, – это ужасно эротично. Во всяком случае, мне никакого другого афродизиака не надо.

После еды мы некоторое время расслабленно перевариваем. Азамат стаскивает с головы какой-то хайратник, – оказывается, мать с утра подарила. Красивый такой, красно-синий, очень ему идет. Вот только муж у меня со вчера непричесанный. За всеми вчерашними открытиями он даже не расплел косу, и теперь она напоминает водоросль – грозу купальщика. Я лениво встаю, откапываю в сумке свою щетку, потому что где Азаматова, я не знаю, а спрашивать лень, и принимаюсь приводить его в порядок.

– Ишь ты, – усмехается матушка, которая наблюдает за моими движениями, подперев щеки кулаками, – нежности какие. Ты его как кошка котенка вылизываешь.

– Еще бы, – говорю, – за таким богатством уход нужен. Красотища ведь невероятная.

Это слово я на днях переняла от Унгуца и очень им горжусь.

Азамат смущается, а матушка как будто чем-то недовольна.

– Да уж, – протягивает она, – красиво-то красиво, да грустно.

– Почему? – удивляюсь я.

– Из-за отца, – неохотно бросает Азамат.

Я озадаченно моргаю.

– Какая связь между твоими волосами и этим нехорошим человеком?

Азамат поднимает на меня взгляд исподлобья.

– Ах да, тебе еще не говорили, наверное... Длинные волосы носит старший мужчина в семье.

Ну хоть теперь понятно примерно, почему Азамат своих волос стесняется. Но, ой, мамочки, так это что же, если вдруг папаша проявит остатки совести и они помирятся, он пострижется?! Да я этого старого козла голыми руками порву!!!

– Ай, – удивленно говорит Азамат. – Ты чего дергаешь?

– Прости, задумалась. А насчет волос... ты взгляни на это под таким углом: если бы они у тебя были короткими, я бы вряд ли вышла за тебя замуж.

Азамат запрокидывает голову, чтобы недоуменно воззриться на меня.

– Теперь ты поясни, пожалуйста, какая связь.

– Ну помнишь, когда я по милости твоего духовника обкушалась грибочков? И к тебе спать пришла?

– Ну.

– Ну вот, я как тогда на твои волосы налюбовалась под кайфом, так и... понеслось. В смысле, мне кажется, э-э, как бы это сказать помуданжски? В общем, что моя душа именно тогда поменяла место жительства. И после этого я стала про себя тебя на «ты» называть, в моем-то языке есть разница.

– С ума сойти, – бормочет Азамат.

А я вдруг понимаю, что и тут Алтонгирел, зараза, угадал. Он же хотел мне глаза открыть на Азамата. И открыл ведь! Не дай бог, узнает...

Матушка только головой качает, ворча что-то о противоестественных землянах, которые ходят друг к другу ночевать и выбирают супругов по волосам. Азамат снова откидывает голову, позволяя мне продолжить груминг, а потом говорит:

– А я потерял душу с самого начала, когда ты, едва поднявшись с пола и без оружия, так уверенно заявила, что не пойдешь куда велено, и тут же придумала, почему мы должны тебе это позволить. Я так растерялся, что близко к тебе не подходил потом – боялся потерять самообладание.

Коса заплетена, и мы начинаем прощаться. Пора возвращаться, а то потемну летать все-таки небольшое удовольствие, даже с инфракрасным экраном. Мы клятвенно заверяем матушку, что будем навещать и подвозить всякие южные вкусности. Она в свою очередь обещает держать телефон заряженным и подключенным к выносной антенне, которую мы ей оставили.

– А вы не хотите поближе перебраться? – спрашиваю. – Подыскали бы местечко поприятнее, построили бы там дом с удобствами...

– Нет, – легко отказывается она. – У меня тут подруги есть, рыбка ловится круглый год, а больше мне ничего и не надо особенно. Вот на счастливого ребенка посмотреть только.

Мы по очереди обнимаем ее на прощанье и улетаем из-под заснеженной горы вверх, в синеву, а потом прочь, на юг, над гигантскими деревьями, плоскими горами и широкими равнинными реками.

Когда мы подлетаем к Ахмадхоту, уже довольно темно, хотя мне кажется, что три дня назад в это же время было гораздо темнее. Весна все-таки. Ахмадхот, подсвеченный яркими окнами, напоминает паутинку в росе. Зависнув для посадки над садом, мы видим все окрестные дома. Вон заросшее хозяйство Ирнчина, вон мой клуб, вон Дом Старейшин и толпа у него... Мы мягко опускаемся в траву.

У дверей нас поджидает – кто бы другой, а? – Алтонгирел, будь он неладен. А я так надеялась сегодня без него обойтись.

– Ну как лошади? – ядовитенько спрашивает он, как будто точно знает, что никаких лошадей мы не видели, а все это было предлогом для чего-то еще.

– Отличные лошади, – радостно заявляет Азамат. – Я себе взял серебряного. Как говорит Лиза, красотища невероятная.

Мы входим в дом, раздеваемся, и Азамат сразу разводит огонь в печке. Вообще, этот их саман хорошо держит тепло, тут градусов

пятнадцать, но Азамат все никак не может привыкнуть к мысли, что я могу существовать при низких температурах.

– А еще, – продолжает муж радостно, – мы навестили мою мать. А я и не знал, что она от отца ушла. – Он поднимает взгляд от топки на Алтонгирела и поводит бровью.

Алтонгирел, по-моему, и сам этого не знал, но ему запахло признаваться.

– Я думаю, тебе было полезно узнать это от нее самой, – спокойно говорит он, глядя в сторону. Мне остается только головой качать. Алтонгирел решительно меняет тему: – Как драгоценной госпоже понравились пейзажи?

– Я была просто очарована, – в тон ему отвечаю я.

Азамат вдруг как будто что-то вспоминает и взбегает по лестнице на второй этаж, а возвращается со своим запыленным буком. Аккуратно протирает его тряпчочкой на кухне, потом усаживается на диван и раскладывает бук на коленях.

– Иди-ка сюда, Лиза. Будем дом проектировать.

Я присаживаюсь рядом, по пути отмечая, как на секунду офигевает Алтонгирел.

– Начнем с размера, – предлагает Азамат, разминая пальцы. – Ты какой хочешь?

– А какой престижнее?

– Ну большой, конечно.

– Давай большой, – легко решаю я.

– Хорошо. – Азамат начинает вбивать параметры нового проекта. – Три этажа?

– Ага, – киваю. – И лифт. И балконы на все стороны. И, если можно, отопление такое, чтобы рычажок повернул – и тепло.

– Да легко, – улыбается Азамат, стуча по клавишам.

Минут через пятнадцать домик сверстан, а Алтонгирел чувствует себя обделенным нашим вниманием.

– Что ты с ней сделал? – спрашивает он у Азамата.

– Это не я, это мать. Никогда бы не подумал, что они так споятся.

– Почему? – удивляюсь. – Она очень разумная женщина в отличие от этих дур из клуба.

– Обычно женщины настолько разного возраста не понимают друг друга, – объясняет он. Я никак не реагирую, и он обращается к

духовнику: – А у вас тут что новенького?

– Да вот Старейшина Унгуц ногу сломал.

– А что ж ты молчишь-то, зараза?! – взвиваюсь я. – Где он?

– Да в Доме Старейшин. Его-то дом рухнул вчера ночью.

– Что?! – подскакивает Азамат. – Как рухнул?!

– Да так, – пожимает плечами духовник. – У него дом ведь древний совсем был. А старику ремонтировать тяжело. Вчера тут дождь был, вот крыша и просела. Удивительно, как зиму продержалась.

Я стремительно одеваюсь, подхватываю из прихожей чемодан-аптечку и запрыгиваю в машину.

Старейшина сломал не просто ногу, а чертову шейку проклятого бедра, язви ее в душу. Лежит он в подсобной комнате, делает вид, что все в порядке. Парниша-духовник отчитывается, что дважды приносил еду.

– Что ж вы так неаккуратно, – причитаю я, наводя сканер на поврежденную кость. Перелом внекапсульный, надо штифт ставить, а потом нашему деду лежать и лежать, а тут и матрац нужен особый, и уход... – На три дня нельзя уехать! Больно?

– Ну так... – неопределенно отвечает он.

Еще ведь хорохориться будет! Ну н-на тебе обезболивающего.

– А где целитель? – спрашиваю у подошедшего духовника.

– Занят.

– Что значит занят, если тут у человека травма?!

– Не кричи, Лиза, – просит Унгуц. – Ему звонили, он там жену чью-то лечит от заразной хвори. А у меня незаразное, я и подождать могу.

Ну да, давайте погеройствуем. И ведь главное – больницы-то нет. Есть дом целителя с комнатой для больных. И все. Ну ладно же...

Я решительными ломающими жестами раскладываю носилки и выхожу на крыльцо, у которого тусуется толпа любопытных.

– Мне нужна пара красивых мужиков, – объявляю.

Нужны-то мне, конечно, сильные, но сильные они тут все, а вот на красивых обязательно откликнутся. И правда, ко мне уже бегут пятеро. Выбираю двоих, что покрупнее, и с их помощью транспортирую дедулю в машину и располагаю поудобней. Дома уже Азамат с Алтонгирелом вносят его на верхний этаж во вторую спальню.

– Хоть бы мужа спросила, не возражает ли, – ворчит Алтонгирел.

– Что-то мне подсказывает, что не возражает.

Я вызваниваю Ориву, чтобы ассистировала, и в двух словах рассказываю Унгуцу, что я собираюсь с ним сделать и зачем.

– Хорошо, – покорно соглашается он. – Вот только дочка дочки моей... У нее же теперь крыши над головой нету. Азамат, уж ты придумай что-нибудь...

Мы переглядываемся.

– Тащи ее тоже сюда, – говорю. – Потом разберемся.

Он согласно кивает и растворяется в воздухе.

Глава 7

Мы с Оривой наконец-то покидаем импровизированную операционную, оставив пациента спать, пока обезболивающее работает. Внизу на кухне Азамат разделяет какую-то гигантскую птицу, а Алтонгирел, нависнув над столом, вещает что-то о нравственности и приличиях, как обычно. С другой стороны стола сидит маленькая девочка, такая маленькая, что я вижу только ее макушку с хитрой прической. Я устало падаю в кресло и без особого энтузиазма прислушиваюсь, что там опять не нравится зануде-духовнику.

– Азамат, но ты же не можешь допустить, чтобы в твоём доме жил посторонний мужчина! – возмущается Алтонгирел.

– Не посторонний мужчина, а Старейшина Унгуц. Он был моим Наставником, если помнишь, – невозмутимо и, видимо, не в первый раз отвечает Азамат, вытягивая из тушки потроха. – А, Лиза, ну как он там?

– Спит как младенец. Ему теперь неделю надо полежать, потом можно будет ходить по дому. Через месяц будет как новенький.

Алтонгирел шепотом уточняет у Азамата, сколько точно составляет неделя – никак не выучит, семь или восемь дней. Потом смотрит на меня как-то боязливо.

– Так где, по-твоему, Старейшина будет лежать эту неделю?

– А какие есть варианты? – спрашиваю на всякий случай, хотя уже примерно представляю ответ.

Вообще, надо бы Азамату помочь, а то этот духовник из него уже все соки выпил, пока мы оперировали. Но меня хватает только на то,

чтобы, не вставая, достать из холодильника корзинку подмерзших фруктов и вгрызться в первое попавшееся эбеновое.

– В Доме Старейшин или на постоянном дворе, – пожимает плечами Алтонгирел, предостерегающе косясь на Азамата.

– Ага, – говорю, – а ухаживать за ним там шакал будет, что ли? Нетушки, пусть тут остается.

– Что?! – рывкает Алтоша, да так звонко, что девочка за столом пригибается. – И ты туда же?! Нет, я понимаю, у Азамата на радостях крыша поехала, но ты-то должна соображать! Вот так взять и разрешить кому-то жить в своем доме!

Я озадаченно смотрю на Азамата.

– А в чем проблема?

– Да ни в чем в общем-то, – улыбается он. – Я так и думал, что ты будешь не против, если Старейшина у нас поживет, пока ему новый дом не построят.

Меня немедленно переполняет вопросами.

– А кто будет строить? И почему Алтонгирел считает, что я должна быть против? И на каких таких радостях у тебя могла поехать крыша, дорогой? – Последний момент меня особенно занимает. Уж не проговорился ли?

– На радостях, что ты наконец согласилась насчет дома, – подмигивает мне Азамат. – Строить будут все кто может, потому что помочь Старейшине – благое дело, вроде моцога. А что касается его проживания у нас...

– Это ни в какие рамки не лезет! – встревает Алтоша. – Ты понимаешь, что люди подумают?

– Нет, – честно говорю я.

Азамат только отмахивается.

– А то они сейчас обо мне хорошо думают. Ну решат, что Лизе Старейшина приглянулся. Это гораздо лучше, чем если они опять начнут на Тирбиша грешить. Старейшине по крайней мере в глаза никто не будет гадостей говорить.

Я давлюсь хурмой.

– Ты что, хочешь сказать, кто-то подозревает, что я изменяю тебе с Тирбишем?

– Ага, примерно полгорода, – снова усмехается Азамат. – Да ты не переживай так, людям ведь только дай повод почесать языки. А ты –

такой хороший повод, всем же любопытно, что ты за зверек. Да и трудно поверить, что ты со мной связалась без какой-нибудь корыстной цели. Так что про тебя все время будут болтать. Ну, может, лет через десять привыкнут. А Тирбишу только на пользу, что его подозревают. Обзываются, конечно, но больше от зависти. Никто ведь не станет тебя порицать за измену.

Ага, то есть я в очередной раз на полном ходу влетела в непреложную муданжскую истину, что чем человек красивее, тем он может быть безнравственнее. Ладно, хорошо, хоть Азамат не расстраивается из-за этого. Хотя надо будет потом наедине с ним еще раз все проговорить, чтобы точно никаких обид не было.

– Так что, теперь они будут думать, что я тебе со Старейшиной изменяю?

– Вряд ли у кого-нибудь хватит смелости это так сформулировать, – протягивает Азамат, сдерживая смех, – но что-то в этом духе, да.

Меня слегка размазывает такими новостями, я сижу над корзинкой, бессмысленно перебирая фрукты.

– Интересно, – говорит вдруг Орива. – А как целитель с этим справляется? У него ведь все время больные дома живут.

– Целитель – одинокий старик, – скрежещущим голосом поясняет Алтонгирел. – А Лиза – молодка. А ты вообще девка, а туда же. Ваше женское дело – шить, детей рожать да в обществе мужа украшать. А вы тут устраиваете бунт в муравейнике...

Твердолобая жизненная позиция Алтонгирела способна вывести меня из любого ступора и шока.

– А вот это уже дискриминация! – радостно объявляю я, подхватываясь с кресла. – А я все еще гражданка Земли, так что смотри у меня, еще под суд попадешь с такими разговорчиками. Азамат, ножик мне подкинь, пожалуйста.

Алтоша отшатывается, а когда понимает, что нож мне был нужен сливы резать, заливается краской. Орива хохочет. Из-под стола слышится робкое хихиканье старейшинской внучки, про которую все благополучно забыли.

– А ее ты тоже здесь оставишь? – тычет пальцем духовник, являя собой образчик праведного гнева.

– А что, думаешь, кто-то заподозрит Азамата в таком извращении?

Тут уже краснеют все, кроме меня и девочки, которая вряд ли что-то поняла.

– Ну и здорова же ты охальничать, – вздыхает Алтонгирел. Ну, я думаю, что он сказал примерно это.

Азамат только качает головой, а когда я подхожу помочь по хозяйству, тихо говорит:

– Так шутить женщина может только среди других женщин, а мужчина среди других мужчин. Я понимаю, что тебе трудно привыкнуть, но это важное правило вежливости.

– Ну конечно, – кривлюсь я. – Ребенка на улицу выставить можно, а по делу высказаться при мужиках нельзя. Можно подумать, если я в клубе что-то такое ляпну, они оценят.

Алтонгирел внезапно хватается за голову.

– Ой, Лиза, а что скажут твои соседки! Это ж бабы, они язык за зубами держать не будут! Тем более ты там вроде как своя... Вот позорище, они ведь и про Старейшину не постесняются небылиц наплести...

В кои-то веки опасения Алтонгирела оказываются мне созвучны. Как представляю, что я услышу завтра вечером в клубе... ох.

– Ладно, с этим мы завтра будем разбираться. А пока надо организовать ночлег. Азамат, у тебя, кажется, в чулане ширмы были? Давай отгородим один диван в гостиной и там девочку устроим. Там как, из руин дома можно какие-то вещи извлечь или совсем труба?

– Можно, только все грязное, естественно, – отвечает Алтонгирел. – Завтра будут разбирать завал, что смогут – извлекут.

Азамат уходит расставлять и протирать от пыли старенькие ширмы, я набиваю птицу сливами, обкладываю чомой и отправляю в духовку. Сливы эти замечательные, их можно как уксус использовать, чтобы замачивать жесткое мясо. Это меня Тирбиш научил. И при этом они почти не кислые на вкус! В общем, я их теперь покупаю ящиками и кладу во все подряд. Азамат вроде не жалуется.

Орива тем временем подсаживается к нашей маленькой гостье и затевает беседу. Я с ужасом понимаю, что не разбираю ничего, что говорит девочка. Я ведь с мударжскими детьми еще не общалась, а они, заразы, так противоестественно лепечут... Однако надо все-таки и мне с ней познакомиться, раз уж она тут жить будет теперь.

Подхожу и присаживаюсь на корточки перед стулом.

– Привет, – говорю. – Меня зовут Лиза.

Девочка темненькая, большеголовая, с круглым лицом и узкими черными глазами; она немного похожа на Унгуца.

В ответ на мое приветствие она что-то тараторит, надо думать, свое имя, но я ничегошеньки не разбираю.

– Ты извини, – говорю, – но я пока плоховато понимаю помуданжски. Ты хочешь сходить к Старейшине Унгуцу?

Она решительно мотает головой, потом произносит что-то вроде «спит, так пусть спит». Только сейчас я замечаю, что ее неплохо бы помыть – яркое шерстяное платье и рейтузы по низу все перемазаны дорожной грязью, а на руки она явно опиралась, когда вставала.

– Давай-ка пойдем тебя искупаем, – предлагаю я приказным тоном. – А там как раз ужин сготовится.

Девочка, кажется, не против. Я предоставляю Ориве довести ее до ванной, а сама тем временем добываю полотенца и свою футболку, что поменьше. Есть у меня соблазн выдать ей ту самую, с марихуаной, но она и мне велика была, а эта козявка сквозь вырез вся проскочит.

В ванной мы возимся ужасно долго, потому что все бутылочки невероятно интересные, а что в них, а зачем бывают разные мочалки, а как вода попадает в кран, а, ой, ПЕНА!!!

Когда я, вся мокрая и упревшая, выхожу из ванной в клубах пара, оказывается, что футболка была не нужна: приехал Тирбиш и привез детскую одежду, одолженную его самой младшей сестрой. Всего у него сестер и братьев девять, и сейчас мать на сносях. Трудлюбивый у Тирбиша отец, ничего не скажешь.

Девочка, оказывается, его хорошо знает и, как только мы садимся за стол, залезает к нему на колени. Тирбиш с ней воркует как с родной, хотя у него это, наверное, в привычку вошло. Я уже почти сплю, день был какой-то уж очень длинный. Сквозь слипающиеся веки наблюдаю за дрессировкой мелкой и думаю, что знаю, кто будет нянькой у нашего с Азаматом чада. И правда, чего далеко ходить...

– Лиза! – Возмущенный голос Алтонгирела вырывает меня из приятных раздумий. – Зачем ты напихала в гуся слив?! Они же сладкие!

– Не хочешь, не ешь, я, что ли, тебя заставляю? – усмехаюсь я и, видимо, засыпаю прямо на столе.

Утро у меня на следующий день бурное. Азамат подорвался ни свет ни заря куда-то организовывать строительные работы. К счастью, гигантского гуся вчера даже с участием Тирбиша не всего съели, а то бы пришлось до завтрака на рынок топать, в доме-то шаром покати.

Я, впрочем, тоже просыпаюсь рано, от грохота внизу. Едва не скатившись со ступенек, обнаруживаю, что это старейшинская внучка уронила ширму, вероятно пытаюсь ее отодвинуть. При виде меня она неожиданно прячется за диван.

– Ты не ушиблась? – спрашиваю.

– Уши-и-иблась, – слышится в ответ испуганное блеяние.

Как выясняется, она ободрала локоть. Я обрабатываю ссадину так, что от нее моментально не остается и следа, что невероятно радует ребенка. Хоть шарахаться перестает. И чего это она вообще? Забыла за ночь, где находится, что ли?

Умыв ее, усадив за стол и снабдив тарелкой с мелко крошеной едой, я иду проверить, как там Старейшина. Дедусь валяется, заложив руки за голову, и с блаженством на лице смотрит в окно, где на карнизе тусуются очаровательные сине-оранжевые птички.

– Весна, – радостно сообщает мне Унгуц вместо здрасте. – Жукоеды прилетели. Скоро рыба под мостом пойдет... Эх, как думаешь, Лиза, смогу я еще этим летом с крыши дома рыбу ловить?

У обезболивающего, конечно, разные побочные эффекты бывают, но за этим конкретным помутнений рассудка вроде не числится. Может, я что-то не так поняла?

– С крыши? – тупо переспрашиваю.

– Ну да, у меня дом-то на самом берегу, так что как раз на крыше сидишь, как на мостках... ох... – Его лицо резко мрачнеет. – Дом-то... А где моя девочка? Азамат ее нашел?

– Да, – вздыхаю облегченно. Кажется, с дедом все в порядке. – На кухне внизу сидит, завтракает. Вы как себя чувствуете? Есть хотите?

– Так она тут ночевала, что ли? – удивляется он, приподнявшись.

– Ну да, а куда ж ее девать?

Старейшина пару секунд моргает, потом откидывает голову, что-то бормоча под нос.

– Чего? – переспрашиваю я. Ну пожалуйста, хоть этот пусть не говорит, что это неприлично!

– Я говорю, удивительно, как Алтонгирел разглядел, что вы с Азаматом думаете одинаково. Что он чужого ребенка в свой дом пустит не задумываясь, я не сомневался. Но что ты... Это прямо удивительное совпадение, чтобы муж и жена оба были такими добрыми людьми.

– А чего тут особо доброго? Не последнюю краюшку отдаем, место-то есть.

Он задумчиво кивает, видимо оставшись при своем мнении.

После завтрака и осмотра пациента (я же теперь, как большая, старательно заночу всех, кого лечу, в базу, создаю им там медкарту, пишу дневники... раньше в больнице меня вся эта волокита ужасно раздражала, а здесь даже как-то успокаивает, как будто я не единственный компетентный врач на планете) я оставляю младшую на попечении старшего и наоборот, а сама таки топаю на рынок. С тачкой. А что делать? На машине туда бессмысленно, это ж один квартал всего, а на сам рынок не заедешь. Да и у нас к двери не подъедешь, только к задней, но она на зиму заколочена, потому что зачем зимой открытая терраса. А в руках нести тоже не хочется. Азамат-то носит, ну так он и меня не заметив поднимает. Кстати, интересно, на лошади ведь необязательно самой сидеть, там же как-то можно навьючить багаж... Может, когда мне моего мерина пригонят, можно будет его как тачку использовать?

На рынке, как всегда, слякотно и пахнет раскисшими фруктами. Впрочем, свежими фруктами там тоже пахнет, а еще горячими медовыми сладостями, пряностями, копченым мясом и рыбой и прочими разными вкусами. Я вообще очень люблю покупать еду и планировать, что я из нее сделаю и с чем съем. А сегодня к этому примешивается смутное желание угостить всех чем-нибудь таким, да и Азамата надо каким-нибудь деликатесом побаловать, а то он сегодня, по-моему, даже не завтракал.

Женщин на рынке мало – как покупательниц, так и продавщиц. Это, в общем, понятно: торговцы – народ небедный, жены у них дома сидят. А столичные покупатели и вовсе слуг отправляют на рынок, сами-то разве что за одеждой лично прогуляются. Магазины на Муданге тоже есть, они обычно располагаются в гостиной дома ремесленника, который делает товар. Еще есть несколько магазинчиков импортных товаров, привезенных с Броги, Гарнета,

Тамля или еще каких-нибудь других планет. Но мне лично все это разнообразие не очень нужно. Еду все равно на рынке покупать надо, а всякие блага цивилизации у меня с собой. Хуже то, что инопланетные производители напрочь отказываются посылать товары на Муданг по туннелю, потому что он естественный и слишком часто проглатывает или выплевывает в неожиданном месте то, что по нему едет, чтобы страховые компании могли на этом заработать. Так что когда у меня возникнет потребность в каком-нибудь немуданжском товаре, самым быстрым способом это получить будет попросить Сашку отправить с Земли. Тамошняя почта пока не знает, что тут туннель плохой, и выпендриваться не станет.

Однако как ни мало женщин на базаре, а вот же молоко я покупаю у тетки. Она, правда, с лица страшенькая, но за двумя своими коровами ходит хорошо. На Муданге коров мало держат, не знаю уж почему, так что молоко обычно козье или овечье, а мне оно не слишком нравится. Я, правда, и пью-то его раз в неделю, ну еще в кофе добавляю или там в тесто. А вот Азамат может в день литра три выдуть только так – и холодного, и горячего, и парного (вот уж гадость!), – и еще в печку ставит в толстостенном горшке, чтобы пенка образовалась. На местном молоке эта пенка выходит сантиметров пять, а то и десять толщиной, а на вкус что-то вроде очень жирных взбитых сливок. Но все равно пенка, бе.

Так вот, эта добрая женщина согласилась лично для меня делать пресный творог и сыр. Надо будет еще попросить Сашку прислать вкусного кефира, чтобы она оттуда бактерию расселила.

А вот рядом с моей молочницей, как ни странно, супружеская чета. Он – мелкий (по муданжским меркам) мужичонка, тощенький такой и проворный, личико обезьянье бородой прикрывает. Она – мощная, крупная (опять же по муданжским меркам) тетка с зычным голосом и большими, сильными руками. Поскольку на Муданге вообще сильно развит половой диморфизм, то супруги в итоге почти одного роста. Наверное, это считается очень некрасиво, насколько я уже имею представление о муданжском чувстве красоты.

Торгуют они орехами, сухофруктами, медом, каким-то псевдолечебным варевом и тому подобной бакалеей. Но я застыла перед лотком не поэтому. На мужике классический теплый муданжский халат распахнут, под ним рубашка и штаны ну так

расшиты, просто-таки так расшиты, что я и товара-то не вижу. Да и халат, хоть вышивки на нем немного, сидит как на принце каком-то. Так аккуратно и точно, что почти изящно, хотя в неподпоясанном виде этот предмет одежды изящным быть не может в принципе.

Осознав, что неизвестно сколько времени стою перед прилавком с разинутым ртом, я решаю немедленно во всем сознаться.

– Здравствуйте, – говорю. – Какая у вас одежда красивая, я прямо залюбовалась. Это кто же такая мастерица?

– Жена, – довольно отвечает он, – кто ж еще.

Вот тут-то я и рассматриваю эту самую жену. Она издает гулкий клич, выполняющий роль смеха.

– Что ж тут у вас, в столице, шить разучились, коли мои поделки такое удивление вызывают?

– Да у нас, – говорю, – каждая мастерица от других свои приемы скрывает, а в итоге у каждой только что-то одно хорошо получается.

– Эх вы-ы, – протягивает торговка, – корыстолюбцы! Можно подумать, на продажу делают! Это же самому дорогому человеку в подарок!

Тут у меня в голове что-то щелкает. Я принимаюсь медленно набирать всякую фигню с прилавка, а тем временем невзначай задаю классический муданжский вопрос:

– А что же вам дома не сидится? Небось денег-то хватает...

– Да я уж насиделась, – жизнерадостно сообщает тетка. – Шестерых сыновей вырастили мы, все уже, хватит дома сидеть. Мужу-то и помогать надо иногда, я так считаю. Тоже ведь не юноша. А заодно тут и подзаработаем на старость, и со всякими разными людьми потремся, оно и развлечение!

– Это вы хорошо придумали, – говорю. – А далеко живете-то?

– Да час на машине вниз по реке, – кивает в ту сторону. – Мы ж сами-то не выращиваем, у других покупаем летом свеженькое, сушим-варим и зимой продаем. Хотя, может, кто-то считает, что это нечестно, да мне кажется, так лучше выходит. А то, если у кого сад, это же надо успеть все собрать да переработать, а спешка до добра не доводит, как думаете? А мы потихонечку все переберем, лучшее выберем и на зиму сохраним – и вам же вкусней будет, правда?

– Не сомневаюсь, – усмехаюсь я. – Давайте-ка мне вот этого, вон того, еще этих вот пять сортов и вон тем заполируем, а еще, скажите,

вы уроков шитья не даете? А то я бы поучилась за денежку.

– Да, мил моя, кто ж за такое деньги берет?! – восклицает она, а потом хитро на меня щурится. – Да ты не та ли инопланетянка, про которую все говорят?

– Скорее всего, та, – признаюсь. – Вряд ли нас тут две таких.

– Да уж, – хохочет торговка. – И что, прям с Земли? Ну надо же! А правду говорят, будто ты за этого наемника Байч-Хараха замуж вышла? Правда? И как он?

Я поджимаю губы, памятуя, что ожидается в ответ на этот вопрос.

– Отлично. Прекрасный мужик.

– Хорошая ты девка, я смотрю, – широко улыбается она. – Так, значит, учиться хочешь? Ну давай вечером, как торговля кончится. Хотя у тебя ж клуб, наверное...

– Шакал с ним, с клубом. Не хочу я туда идти, и никто меня силком не затащит, – категорично объявляю я. – Лучше подругу позову, и будет у нас собственный клуб прямо у меня дома. Глубокий дом знаете? С драконьей чешуей на крыше?..

Глава 8

Дома подозрительно тихо. Порыскав по комнатам, устанавливаю, что девчонки там нет. Вот зараза мелкая, нельзя на час оставить с дедом! Кидаюсь к Старейшине, дескать, так и так, нету нигде.

– Так она в клуб ушла, – невозмутимо объясняет он, приподнимаясь на подушках.

– В какой такой клуб? – моргаю. Они чего, такие маленькие уже посещают этот гадючник?!

– Ну как – какой, детский. Грамоте учиться.

– А-а, в школу, что ли? – облегченно догадываюсь я.

– Не-ет, – смеется Старейшина. – В школу парни идут с двенадцати лет. А это просто детский клуб; они там играют, учатся, поделки мастерят, сказки слушают...

– Ах вот оно как. А кто их учит?

– Ну, Ирих ходит к Старейшине Асундулу и его жене, а так вообще обычно какая-нибудь пожилая чета, у которой свои дети уже все взрослые, устраивает клуб для соседских. Родители им за это подарки дарят, а дети иногда и по хозяйству помогают.

Мне все это живо интересно, надо же знать, где и у кого будет учиться мое чадо. Не лететь же ему на Землю за образованием...

– А как ребенок впервые попадает в клуб?

– Да как, приходит, и все.

– В любой?

– Обычно в ближайший, но можно и в другой какой, если, скажем, друзья там. Ну и понятно, кто с певчими именами – отдельно, а кто с глухими – отдельно.

– А их по-разному учат?

– Конечно, певчие-то потом могут в школу пойти, так что их больше учат всякой мудрости человеческой, а простых людей учат руками работать, ну и грамоте-счету, куда ж без этого.

– Так, выходит, на Муданге все читать умеют? – несколько удивляюсь я. Для такой дикой культуры это довольно странно. На Тамле, например, грамотных процентов двадцать, а на Эспаге и того меньше.

– Ну да, – задумывается Унгуц. – Разве что безродные не умеют, потому что кто ж их учить будет... А так все. А чего там буквы-то запомнить, они же простые.

Это в чем-то правда. В муданжском языке все пишется как слышится, почти без исключений, а буквы – это просто таблица умножения. Они бывают гласные и согласные (что, очевидно, очень важно для муданжской культуры). Согласные поглубже, гласные поизящнее и пишутся над следующей согласной. Буквы А и Т – основные. С помощью разных хвостиков, петелек и надстрочных украшений они превращаются во все остальные буквы. При этом одна и та же закорючка на разных буквах значит одно и то же. Например, кружочек над буквой делает П из Т и О из А, а галочка слева превращает Т в Д, П в Б и так далее. В итоге алфавит выглядит как таблица, где к стандартному элементу в каждой строчке прибавляется все больше значков. Азамат мне даже показывал какую-то математическую игру, где надо на доске с этой таблицей расставлять фишки так, чтобы все значки в закрытых клетках составляли в сумме какое-то магическое число. В общем, разновидность sudoku.

Я вынуждена прервать интересный разговор, потому что звонит Азамат уточнить, на сколько комнат делить третий этаж, а я понятия не имею, сколько мне их там надо. Обещаю подумать минут десять и перезвонить, а для стимуляции хозяйственной мысли иду вниз раскладывать по местам покупки. Их много, они вкусные, и меня это

несказанно радуется. Наконец, набив холодильник и отчаявшись принять хоть какое-то решение, перезваниваю мужу. У него там на заднем плане крики, лязг и стук молотка. Чувствую, жилищный вопрос тут решается быстро... Азамат обещает сегодня быть дома к обеду. Надо же что-нибудь ему вкусненькое приготовить.

К Унгуцу я снова поднимаюсь час спустя, заготовив полуфабрикаты для обеда.

– О, Лиза-хян! – радуется он, награждая меня ласкательной частицей. – Как же мне тут скучно одному, ты не представляешь! Да ты небось сейчас опять меня пилюлями напичкаешь и ускачешь куда-нибудь?

– Да надо сходить с Оривой позаниматься, – говорю. – А вечером тут буду. Э-э-э... Ирих скоро из своего клуба придет?

– А кто ж ее знает? – пожимает плечами Унгуц. – Если там интересно, то не скоро. А иногда скучно бывает, так через час приходит. А чего же ты вечером дома? У тебя ведь тоже клуб должен быть.

Я строю противную рожу. Получать нагоняй от Унгуца не хочется, но не скрывать же, в самом деле... Да и может, он не будет ругаться...

– Я решила больше туда не ходить. Я свой клуб организую, прямо тут, в гостиной.

Унгуц смотрит на меня как под гипнозом, потом медленно качает головой.

– Бедный Алтонгирел, – неожиданно выдает он. – Измучаешь ты его совсем.

Проморгавшись, я решаю прояснить этот момент.

– Вообще-то Алтонгирелу совсем не обязательно обо мне беспокоиться. Я его своим духовником не назначала, или как там у вас это делается... Я бы с удовольствием выбрала на эту роль кого-нибудь с более широкими взглядами.

– Ишь ты, – усмехается Унгуц. – Духовника она захотела с широкими взглядами. Духовники, моя дорогая, нужны, чтобы волю богов приводить в исполнение в точности и следить, чтобы правил никто не нарушал.

– Хотите сказать, они все такие? – упавшим голосом протягиваю я.

– Да Алтонгирел для своего возраста, можно сказать, мудрый. Остальные-то попроще будут. Широта зрения, она, знаешь, с годами приходит. Вот кому хотя бы лет пятьдесят, те дальше видят, понимают, для чего правила нужны, а когда ими можно пренебречь для общего блага. Но только тогда они уже Старейшины, а не личные духовники своих приятелей. Мудрых людей на всех не хватит, они должны планету в руках держать. А среди молодых тебе искать нечего, только хуже найдешь. Алтонгирел-то вон какой дальнзоркий оказался, тебя с Азаматом свел.

– Да ни шакала он нас не свел! Он меня собирался за кого-то другого выдать, а как узнал, что у меня имя певчее, то пришлось предоставить мне выбор! Вот я и выбрала! Я, понимаете, а не он!

Унгуц покровительственно усмехается в бородачку.

– Я тебе, Лиза, назидательную историю расскажу. Вот называли меня при рождении таким именем дурацким. Даже родители смеялись. А уж в клубе да в школе вообще спасу не было. Я все ходил к Старейшинам и выспрашивал, за что же мне такое имя. А они молчок. Так я для себя решил тогда же, в детстве: мол, надо так жизнь прожить, чтобы в старости меня позвали в Старейшины, вот тогда не отвертятся, скажут. И это мне, как видишь, удалось. Как стукнуло мне сорок годочков, призвали меня на Совет и говорят, дескать, Унгуц, изрядно ты послужил отчизне, давай принимай посвящение. А я отнекиваться. Дескать, у меня дел полон дом, куда мне еще тут судьбу планеты решать. А дело было под Новый год, и в тот год ни один человек еще в столичный Совет не вступил. Но есть же правило, что каждый год надо Совет пополнять, а то ведь старики... умирают часто. Так они меня давай уговаривать. А я такой им и говорю: мол, приму посвящение, если скажете, за что меня так назвали в детстве. Тут старший духовник улыбается так весело и протягивает мне бумаженцию, а там написано, дескать, сына Унгала Белоглазого назвать Унгуц, ибо из него выйдет хороший Старейшина или хороший вор, так вот, чтобы дорогу не спутал, повесить ему приманку. Видишь, Лиза, боги-то, они все знают наперед. Плохой духовник, который богов не чувствует, он бы тебе выбора не дал, да и вообще с этой женитьбой не затеялся. А Алтонгирел, я думаю, много усилий приложил, чтобы вас свести, даже если он сам так не думает.

Я не могу сдерживать смех. Да уж, против собственной воли Алтоша о нас порадел, это точно.

Хорошо хоть Унгуц не ругается за клуб. Но вот что от Алтонгирела я никуда не денусь – вот это плохо. Хотя... кто знает, если эти их боги так хитро все устраивают, может, Алтоша тоже зачем-то нужен? Или это меня пытаются заставить что-то делать? Тьфу, пропасть, не хватало еще головой повредиться на религиозной почве.

Орива воспринимает мою идею о собственном клубе без особого энтузиазма.

– Да я вообще не большая мастерица, – пожимает плечами она.

– Вот и поправишь это!

– Кабы я хотела, я бы научилась, а так уж очень это все женское, скучное... А вы будете что-нибудь про целительство рассказывать за работой?

– Конечно, почему нет? Не молча же шить! И всякое обучающее видео буду ставить.

– Тогда я за! – мгновенно светлеет лицом Орива. – А кто еще будет?

– Да пока только мы троим, у меня больше подруг нету... Хотя... – Тут мне в голову приходит мысль, за которую Алтоша мне точно эту самую голову откусит, но духовника бояться – за порог не ходить, я так считаю. – Слушай, а ты не против, если с нами еще парень будет? Он просто давно просился поучиться шить, а все никак не складывалось...

– Парень – шить? – изумляется Орива. Потом догадывается: – А-а, это такой смешной мальчик, который у вас бывает иногда? С завитыми волосами, да? Он ведь, кажется, пара Алтонгирела?

– Он самый.

– Хм, надеетесь, что Алтонгирел к вам меньше цепляться станет? Ладно, я не против. С этим парнишей еще веселее будет.

Азамат и голубцы поспевают одновременно, так что я горда собой. Азамат весь сияет, – видимо, созидательная деятельность доставляет ему много удовольствия. Он стаскивает Унгуца вниз, на диван, и вручает ему какие-то книги и вещи, которые удалось вынуть из-под завала.

– Тут в прихожей все лежит, и одежда, и все. Только кухню совсем погребло, а так даже немного мебели уцелело. Сегодня уже все

разобрали, завтра отстраивать начнем, – бодро рассказывает он, уплетая обед. Голубцы мне удались, даже притом что капуста тут нет и ее пришлось заменить каким-то местным салатом.

– Так это ты там все утро торчал? – интересуюсь. Я как-то думала, он уже за мою стройку взялся...

– Я торчал на разработках. Это где стройматериалы берут. Заодно заказал все, что будет нужно для твоего дворца. – Он подмигивает. – Сейчас поем и полечу туда, надо же пастухов предупредить, что все это приедет. Не волнуйся, дней за десять управлюсь.

– Так быстро?! – обалдеваю я. – Я думала, пару месяцев...

– Ну это если б я был один, а мне ж никто не мешает нанять рабочих.

– А как же твои тренировки? Ты сегодня не занимаешься?

– А не с кем. Все, кто на тренировки ходят, заняты на старейшинском доме. Конечно, после обеда можно было бы, но ведь устали все, толку не будет. Ничего, передохнут, в голове уложится, там и быстрее пойдет.

– Ну ладно, ты вообще сегодня домой-то вернешься?

– Вернусь, правда к ночи. Ой, Лиза, там еще остались эти забавные пирожки, или как ты их называешь? Припаси мне на ужин, а? Ты ведь вечером в клуб, а я только приду и упаду после всех этих разъездов.

Я открываю рот и набираюсь духу, чтобы объяснить про клуб, но тут Азамату кто-то звонит, и он вскакивает из-за стола и принимается собираться, одновременно что-то отвечая в гарнитуру. Ладно, пусть развлекается, если ему так нравится.

Азамат уезжает, зато приходит целитель, которому передали, что Старейшина Унгуц здесь. Он осматривает пациента с таким видом, как будто за студенткой проверяет, и мне это очень неприятно. Над экзоскелетом он надолго зависает, не зная, что сказать. Зачем эта штука нужна и как устроена, ясно с первого взгляда, а вот почему муданжцы сами не доперли такое сделать... хи-хи. После этого он прогнозирует полгода лежания и принимается перечислять средства от пролежней, но я его быстро затыкаю. Нечего мне тут пациента обезнадеживать.

– Ничего подобного, – говорю. – Дней через семь забегаете. У матери моей матери такой перелом был, а она вас постарше, и ничего,

через месяц на работу вышла.

А дальше, поскольку у обоих стариков глаза на лоб лезут от идеи, что моя старая бабка должна работать, приходится быстро соврать, что она ведет детский клуб. На самом деле она университетский профессор, но ведь разница только в возрасте учащихся, по сути...

Потом я предоставляю старикам общаться между собой, а сама пишу сообщение Эцагану. Звонить я не хочу, а то ведь он живет с Алтонгирелом, и тот может докопаться, кто и зачем звонил, и тут же примчаться в гнев. А я пока к этому не готова. Вот соберемся вечером с Оривой и моей новой знакомой, они местные, помогут мне свою позицию отстоять хоть перед целым Советом. Одна я, конечно, тоже справлюсь, но перенервничаю, а мне это сейчас особенно вредно.

Эцаган отвечает моментально, заглавными буквами и с большим количеством сердечек до и после текста. Общий смысл этого печатного вопля сводится к тому, что он с радостью придет. Ну вот и чудненько.

С теткой с базара (надо будет как-нибудь осторожно поинтересоваться, как ее зовут, а то уж очень неудобно) мы договорились, что вместо платы за уроки она будет здесь ужинать и что-то прихватывать домой мужу, он ведь тоже по вечерам занят, и получается, что ужин готовить некому. Так что я убираю в холодильник обещанные Азамату голубцы и принимаюсь за приготовление ужина. И как они живут тут, если женщины не готовят?..

Эцаган является первым. При нем огромная спортивная сумка, в которую он, видимо, сгреб все швейные принадлежности, какие у него были. Физиономия сияет, а кудри в особенности тщательно уложены. Можно подумать, на свидание пришел. Я немедленно приставляю его к делу – отволочь задремавшего Старейшину обратно наверх, нечего ему в нашем клубе делать.

– А что, Лиза, – говорит Эцаган, спустившись, – вы доделали то, что вязали на корабле?

– Да давно уж, и отправила маме. Это ведь ей свитер был.

– Ах да, точно, вы ведь, кажется, говорили. А с тех пор вы больше ничего не мастерили?

– Да так, пару гизиков сплела... Я ведь все надеялась, что меня научат в клубе, а эти курицы ни на что не способны.

Эцаган рассеянно кивает. Видимо, бесполезность столичных дам – ни для кого не секрет, это только я все узнаю на собственном опыте.

– И как, ваша мама была рада? Наверное, здорово, что вы ей посылаете вещи так издалека. Редко кто родителей так любит.

– Да моя мама была настолько заинтригована историей с бормол, что она тот свитер и не заметила!

Приходится объяснять Эцагану, с какого боку моя мама имеет отношение к этой истории. Вообще, я ей тогда в пылу мести так размашисто пообещала все объяснить, хотя на самом деле не имела ни малейшего желания это делать. Она бы стала долго возмущаться и призывать меня к действиям, которых я совершать не могу и не хочу, потому что это может задеть чувства Азамата. А объяснять про чувства маме тем более не стоит, потому что она считает, что у мужиков их нет, а если есть, то это размазня, а не мужик. Впрочем, она вообще противоположный пол не жалует. Так что пришлось выдать ей скорректированную версию, что, дескать, встретила тут того дядю, который меня от джингошей защищал, а он меня не узнал, так что и понадобились бормол в качестве доказательства. В общем, ни разу не соврала, и на том спасибо.

Орива является через полчаса, а следом за ней, собственно, наша наставница. Я не была уверена, спокойно ли она отнесется к присутствию Эцагана – тетка-то она разумная, но мало ли... Однако ее внимание в первую очередь привлекли гобелены на стенах – те самые, что в первый вечер привез Арон.

– Боги, старье-то какое! Да разве ж в такие стены можно приличных людей пускать? А еще богатый дом! Куда ж ты, хозяйка, смотришь?

Я пытаюсь что-то возразить, дескать, откуда мне знать, как эти гобелены выглядеть должны, если я ни в одном жилом доме тут не была? И вообще, это временная мера...

– Так, ясно, вот с гобеленов и начнем, – прерывает меня эта бурная женщина. – Ты вот, парниша, давай-ка быстренько рамки нам сделай, деревяшки-то в хозяйстве найдутся?

Мы с Эцаганом вламываемся в Азаматову мастерскую и откапываем там несколько деревянных реек, из которых он быстро и ловко сооружает четыре больших рамки с надпилами по двум сторонам, как зубья расчески.

Когда мы спускаемся, дамы внизу уже распотрошили мои и Эцагановы запасы материалов и нашли там подходящие нитки.

– Ну вот, – говорит наша наставница. – Теперь натягиваем основу...

– Погодите, – говорю. – Может, мы как-нибудь друг другу представимся? А то мне очень неудобно, что я не знаю, как к вам обращаться...

– А чего неудобно? Давно бы уж выдумала, как меня называть. Ну, если воображения не хватает, зови меня Орешница, так меня на рынке кличут. Кудряша я знаю, тебя саму все зовут Белая, остается только этой девочке кличку придумать.

– Есть у меня кличка, – тут же отзывается Орива. – На островах меня Задирой кличут, за то что в детстве дралась много... – добавляет она чуток сконфуженно.

Орешница смеется, Эцаган демонстративно отсаживается подальше, старательно изображая на лице испуг. Урок продолжается.

Через некоторое время я осваиваю методику, хотя продвигается дело небыстро. Орешница-то уже сантиметров двадцать сплела и нас всех четыре раза обежала и поправила, а мы пока тормозим. У Оривы выходит несколько лучше, потому что она в детстве этому уже училась.

– Ну ладно, – говорит наконец Орешница. – Суть вы поняли, теперь надо узоры выплетать. Не лысую же тряпку на стену вешать... Давай рассказывай, хозяйка, какие узоры делать будем?

Я сдерживаюсь, чтобы не ляпнуть, что мне нравятся олешки с большими рогами. Хватит с меня бормол, теперь, пока не узнаю, по какому принципу эти узоры вообще делаются, ничего не скажу. Примерно в этом смысле я и высказываюсь.

– Э-э, да ты ж как дитя малое, не знаешь ничего, – осознает Орешница. – Да-а, тебе и правда учителя нужны, сама не освоишься. Ну давай на первый раз сделаем что-нибудь обычное, что в каждом доме на гобеленах изображают. Например, небо и землю. Уж это-то ты видела?

– Я, может, и видела, только не знала, что это небо и земля...

– Ну они такие, – Эцаган с Оривой принимают объяснять, размахивая в воздухе руками, – тут круг, тут квадрат, там солнце, здесь вода.

Орешница тяжело вздыхает и прохаживается вдоль висящих на стене старых гобеленов.

– Вот иди смотри – самый простой рисунок.

Я подхожу. Самый простой рисунок не содержит в себе ни круга, ни квадрата, не говоря уж о прочих прибабасах. Это что-то типа гигантского цветка из четырех лепестков, тычинки которого завязались узлом в экстазе, а по углам выросли труссы.

– И где тут земля и небо? – несчастным голосом взываю я.

Все трое кидаются объяснять хором, так что приходится их заткнуть, чтобы выслушать Орешницу.

– Вот круг посередине, в нем крест и точка, видишь? Это Солнце, а точка – Присолнышек. Крест указывает дни равноденствия и солнцестояния. Дальше, четыре угла видишь? Это земля. Ну и что, что не квадрат, но ведь четыре угла! Теперь, видишь тут змею? Это вода.

– Так змея или вода? Я вижу тут рельсы!

Орива покатывается со смеху, наставница вытирает пот со лба.

– Змея означает воду. А изображается как лента с поперечными полосками. Теперь понятно?

– Да. А вот тут, с краю, тоже вода?

– Нет, конечно, это странствия.

– Но ведь тоже лента с полосками!

Орешница хватается за голову.

– Там полоски за край ленты выходят, – тихо объясняет мне Эцаган.

Орива уже валяется на диване, согнувшись и дрыгая ножками.

– Ребят, я так не могу! – взываю я. – Давайте вы как-нибудь по порядку мне все объясните, а?

К счастью, в этот момент из детсада, то есть клуба, является дитя, так что мы садимся ужинать, а Унгуцу я отношу тарелку наверх.

– Вкусный суп, – несколько удивленно сообщает Орешница. – Надо же, догадалась зелени положить.

Зеленью на Муданге называют всю еду растительного происхождения, в том числе овощи и фрукты. Что она имеет в виду, я не понимаю. Совсем тупой меня считает, что ли, после всех этих узоров?

– Да ты не обижайся, – хихикает Орешница. – Просто молодые жены обычно брезгуют зеленью, потому что это еда для бедных. А

ведь она вкусная и полезная.

После ужина мы возвращаемся к изучению узоров. Но теперь я научена горьким опытом и усаживаю гостей рисовать мне узоры позаимствованными у ребенка фломастерами. Каждому велено нарисовать все изображения одной идеи, которые он сможет вспомнить. Когда память исчерпывается, бумажки передаются по кругу, на случай если другие что-нибудь могут дополнить. Ирих мы тоже в это впрягаем, она вполне способна рисовать узоры, поскольку в клубе им довольно много этого добра дают для срисовывания. Готовые картинки я собираю, рассматриваю и стараюсь запомнить. Надо будет вообще их засканировать и красиво разложить по папочкам в буке. Для меня это всегда был очень действенный метод систематизации.

Все идет прекрасно, только в какой-то момент Эцаган начинает хихикать. Видимо, это занятие кажется ему очень смешным и дурацким. Орива немедленно присоединяется, и они заводят друг друга до того, что давятся смехом. Ирих тоже не отстает. Когда и Орешница принимается похохатывать, я понимаю, что пора сворачивать лавочку. И вот тут входит Азамат.

Некоторое время он просто стоит, вбирая взглядом картину: я на полу среди бумажек с яркими узорами, рядом к дивану прислонены несколько рамок с нитками и началом гобелена, на диване Орива с Эцаганом, упав в разные стороны, содрогаются в приступах хохота, пряча лица в подушки; в кресле напротив сидит незнакомая крупная тетка и гулко гогочет, утирая глаза платочком.

– Это что, эпидемия? – осторожно интересуется мой супруг.

Просмеявшись и поочередно умывшись, мои гости возобновляют прерванное занятие, пока я кормлю Азамата. Ему несколько неудобно перед незнакомой женщиной, что я о нем так забочусь. По идее ведь должно быть наоборот. Но она, почувствовав его смущение, тут же заверяет, что и сама всегда мужа пичкает, чтобы ел дома, а не тратил деньги по тавернам.

– Мы расчистили плато почти у самого берега, – отчитывается он между голубцами. – Ребята там останутся, заложат стены по плану, потом я опять приеду руководить.

– Ты мое солнышко, жуй давай, – воркую я. Нет, ну правда, какая прелесть, мужик при деле и доволен собой. Вьюсь вокруг, глажу его по голове. Соскучилась за день вообще-то. – А мы вот тут пытаемся

обучить меня традиционным орнаментам. Не хочешь картинок порисовать? Или устал?

– Да я понял уже, давай гляну, может, добавлю чего-нибудь.

Поглядев в картинки, он хмыкает.

– Вы бы хоть договорились, по какому региону рисовать. Вы-то двое здесь всегда жили, а девушка с южных островов. Так у нее сразу три страницы водных символов и ни одной горы. И вот тут, где земля, у всех овцы, а у тебя бизоны, и рог не в ту сторону завернут, потому что у вас он не бараний, а козлийный... А Кудряш насмотрелся узоров у приятеля в книгах. Вот эти уже пару веков никто не использует, а вот этот вообще только на одеждах Старейшин изображать можно.

Я так понимаю, Азамат называет Эцагана по кличке, потому что считает Орешницу посторонней. Боже, как сложно. И все мои надежды за сегодня постичь значения муданжских орнаментов рухнули...

– Да ты книжник, что ли? – ахает Орешница. – Ну куда уж мне с книжником тягаться по части узоров! А что ж ты сам-то жену не обучил?

– Да как-то... незачем было вроде, – смущается Азамат.

– Ну кане-ешна! – Она всплескивает руками. – Небось сам только и мечтаешь, чтоб она тебе сорочек нашла, а узоры незачем! И как это у вас, мужиков, получается? Нет уж, давай-ка ты ее научи знаки читать, а тогда и за нитки возьмемся, а то смех один!

На том мы и договариваемся. Я, как обещала, выдаю Орешнице с собой порцию ужина. Эцаган уносит свою рамку, чтобы дома еще поткать. Спящую Ирих Азамат укладывает на простынку и укрывает перинкой с изображением охоты на запятые, насколько я могу судить.

– Ты не обиделся на Орешницу? – спрашиваю его, когда мы ложимся спать.

– Да нет, чего на нее обижаться? Она все правильно сказала, это я недодумал. Она и вообще умная тетка. Когда мне было лет семнадцать, мне даже нравилась одна девушка, очень на нее похожая поведением. Но такие женщины бывают только с глухими именами, а это был бы скандал...

– Немудрено, что тебе такие нравятся. При том, какие у вас здесь женщины в норме, тут каждая капля совести на счету.

Азамат усмехается в темноте.

– Это не в норме, это в столице. Ну в других больших городах такие тоже есть, но меньше. Просто красивые куклы с гласными именами, из богатых семей, замужем за кошельками. Их не так много на самом деле.

– Интересно, а тогда почему ты всю дорогу ожидал, что я себя буду вести как они? И Алтонгирел тоже?

– А я мало общался с другими женщинами. Ведь до ранения я как раз и был таким кошельком. Богатый, красивый столичный сноб. У меня все невесты были как твои соседки в клубе. Тут хочешь не хочешь, а когда с другими не общаешься, забываешь, что они бывают. Алтонгирел тем более только таких женщин и видел, у него и мать такая была. А ты как богиня или что-то типа того, по идее должна еще сильнее в сторону элиты выделяться. И трудно поверить, что тебе провинциалки с глухими именами ближе, чем аристократки. И кстати, Орешница ошиблась, я вовсе не мечтаю, что ты мне что-то сошьешь, потому и не сподобился тебе узоры объяснить. Столичные куклы шьют от скуки, потому что должны и чтобы от мужа чего-нибудь добиться. А к тебе все это не относится, и я и не думал, что тебе захочется что-то такое делать...

– Ой, ну не прибедряйся! Ты же знаешь, что я всегда рада сделать тебе приятное. И не расстраивайся из-за узоров. У тебя завтра будет время?

– Да, после обеда я весь твой.

– Ну вот, посидим, ты мне все расскажешь. Еще и Унгуца привлечем, чего он зря место занимает... И не переживай, Орешница все понимает, Эцаган тебя все равно уважает, а что там Орива думает, тебе вообще побоку. Давай лучше спать, а то ты такой уставший, что в темноте видно.

Азамат хмыкает мне в волосы и придвигается поближе. Он как-то так умеет обнять, что я прямо чувствую, как я ему нужна.

– Да, кстати, – в полусне вспоминаю я. – Ты действительно не переживаешь, что про меня всякие слухи ходят? Про Тирбиша и так далее?

– Боги, Лиза, это ты со вчера об этом думаешь?

– Нет, я просто заметила себе, что надо тебя еще раз спросить наедине. Вот спрашиваю.

Он целует меня в макушку.

– Пока ты так обо мне заботишься, переживать мне совершенно не о чем.

Глава 9

На следующее утро Азамат просыпается в почти человеческое время и никуда бегом не бежит. Разбор завалов – дело опасное и ответственное, а новый дом отстраивать могут и без него, хотя он все равно до обеда туда ходит. Ну а раз спешки нет, я тут же предлагаю предаться мирским удовольствиям. У нас с ним вообще, как по учебнику, секс исключительно в ранние часы утра.

– Как? – ужасается Азамат. – Ты ведь беременная.

– Ну что же теперь, лишать себя маленьких радостей?

– А это разве не опасно?

– Солнце, ну как ты думаешь, из нас двоих кто лучше знает, что можно делать во время беременности, а что нельзя?

Дорогой супруг на удивление легко со мной соглашается. Не иначе уже приготовился поститься, бедный.

После завтрака в компании Унгуцева семейства мы все расходимся по своим делам, только Старейшина остается дом сторожить. Он бодр и весел, и даже невозможность передвигаться самостоятельно его не угнетает. Ирих отправляется в клуб, Азамат на стройку, а я к целителю. До реки мы идем вместе. Азамат что-то мурлычет себе под нос, вокруг уже вполне выраженная весна. Подо всеми заборами повылезали оранжево-синие цветы, похожие на ирисы. На них то и дело приземляются птички-жукоеды и что-то склевывают из сердцевинки, вероятно жуков. Птичка очень забавно сидит на цветке – обхватив лапками толстый водянистый стебель, растопырив крылья для баланса и засунув голову прямо в сам цветок. Поскольку раскрашены они одинаково, кажется, что это такие бешеные цветы с лепестками-крыльями.

На смену отцветшей черемухе распускаются мелкие яркие фиолетовые цветы на деревьях, похожих на калину, и на них тут же собираются кроваво-красные бабочки, так что воздух весь рябит густым цветом. За бабочками охотятся серебристо-сиреневые ласточки, но у них, видимо, проблемы с цветовым зрением, потому что они то и дело клюют трепещущие на ветру цветы.

Все сегодняшнее занятие я объясняю целителю, как я лечу Унгуца. В итоге он преисполняется уважения к земной технологии

(что, вставить железку прямо в кость?!), но я так и не узнаю для себя ничего нового. На всякий случай, чтобы хоть с пустыми руками не уходить, записываю рецепт нескольких мазей от пролежней, потому что мои представления о местных целебных травах все еще оставляют желать много лучшего.

Потом я захожу к Ориве и, поскольку надо же и самой развивать свои познания в этой области, показываю ей несколько сайтов с гимнастикой для беременных и где-то объясняю, а где-то перевожу, что зачем делается. Заодно обсуждаем тему гормонов и выясняем, какими антидепрессантами, разработанными для беременных, лучше пользоваться женщинам с разным складом характера. Ее это почему-то страшно забавляет. Оказывается, дело в том, что она пронаблюдала три беременности двух старших сестер, и картины идиотизма до сих пор очень живо всплывают в памяти. Я содрогаюсь и решаю сегодня же напрямч Сашку прислать мне сорок бочек арестантов, то есть препаратов. Обед мне готовить лень, так что я просто покупаю в «Щедром хозяине» двух сурков, жаренных с авокадо, и топаю домой.

Звоню Сашке на бук. Он появляется на экране, какой-то растрепанный.

– Привет, – говорю. – Ты мне препараты для беременных пришлешь? Я тебе сейчас скину, что мне нужно...

На заднем плане раздается глыканье, а потом мамин голос протягивает:

– Ага-а-а-а...

Ох ты ж... Сашка у мамы. Ну ладно, он ей, наверное, уже сказал.

– О, привет, мам! Я тут что-то замоталась совсем, никак тебе не соберусь позвонить. Да, вот представляешь, теперь у тебя и по моей линии внуки будут.

– Внуки – это очень хорошо. – Мама потирает руки. – А скоро?

– Да нет, еще весь срок впереди.

– Ну муж-то хоть рад?

– Рад – это не то слово. Он прям светится изнутри. Кинулся немедленно устраивать быт, строить мне дачу. Он вообще душа. Говорит, всю жизнь мечтал, что у него будут дети.

– С ума сойти, – качает головой Сашка. – У такого человека, как Байч-Харах, должно быть на каждой станции и на каждой планете по выводку.

– Ладно, – перебивает мама, – ты лучше скажи, ты нас-то наведишь внука показать?

– Не знаю, ну почему бы и нет? Посмотрим, если на меня не навалится полный Муданг пациентов, то и навещу. И Азамата приволоку похвастаться. Ему вообще полезно на Земле побывать, – может, самооценка повысится.

– Ой, а кто это у тебя там на заднем плане? – внезапно спрашивает Сашка.

Оборачиваюсь, там Унгуц переполз по дивану так, чтобы мне в экран заглянуть.

– Это, – говорю, – Старейшина, который учил Азамата книжному делу. Он тут ногу сломал, так что живет пока у нас, чтобы под надзором. Кстати, представляешь, похоже, мой препод по муданжскому из колледжа тоже у него учился! Ты там передай привет, что ли...

– Клево вы там устроились, – говорит Сашка, явно думая о чем-то еще. – Слушай, тут мама такое отчудила... В общем, помнишь, как новый начальник хотел тебе на бумаге извинения прислать? Он там шухер навел дикий по всему департаменту. А тут выходные, он свалил, сидят только замы, всего боятся. И тут является наша маман во всей красе, только что не с лопатой, и говорит, мол, что такое, начальник обещал компенсацию, а ее все нет, а жертва беременная, рожать скоро, а ну давайте все документы! Они такие, зайдите в понедельник, когда шеф будет. А маман такая, я работаю с девяти до шести, как это я к вам в будний день приду? Нет уж, давайте сейчас! Ну они полезли в базу смотреть, какая там должна быть компенсация, а у шефа там только стоит куча восклицательных знаков. Ну они переполошились и написали приказ на максимальную, а это отдельный дом в зеленом районе столицы. Пятнадцать минут до центра, приходящая уборщица, подземный гараж, двадцать соток сада. Так что мы тут сейчас переезжаем маму, собственно, уже почти переехали, остались только мелочи всякие. А то начальник сейчас с генерального совета-то придет в офис, ему там как расскажут, так он же захочет все отменить – но маму поди высели, когда она уже всю мебель расставила!

Я несколько офигеваю. Нет, матушка у меня по бюрократической части, конечно, всегда была крута. Но это даже для нее особое

достижение. На Земле такая теснота, что люди поворачиваются по команде, а тут дом в столице, да еще с садом!

– Круто, – говорю. – Фотки пришлите хоть. И физиономию шефа, когда узнает... И препараты не забудь!

Стоит мне разъединиться, Старейшина тут же спрашивает с живым интересом:

– Это ваша семья?

– Ну да, мама и брат.

– Какие красивые... – протягивает он. – Они не собираются нас навестить?

– Нет, они меня зовут их навестить, но тоже не скоро. А мама, если вас это интересует, – добавляю лукаво, – вообще никогда не выбирается в космос, она его боится.

– А-а, ну что ты, Лиза, я же безо всякой задней мысли! Ты только одна к ним не уезжай, еще не захочешь возвращаться...

Я заверяю Старейшину, что никакого желания торчать на Земле, когда тут у меня муж и дом, я не имею, а сама себе помечаю, что без Азамата никаких визитов домой. Если уж Старейшина сразу забеспокоился, этот вообще сляжет.

Азамат легок на помине. Является, присыпанный опилками и качественно промазанный глиной, и сразу в ванную. Я ставлю греть сурков.

– О, а я собирался сегодня у плиты постоять, – несколько разочарованно говорит муж по выходе из ванной. – А ты опять трудилась, значит?

– Не-а, я их купила. Но ужин в твоём распоряжении.

– Заметано, – улыбается он и встряхивает гривой, брызги летят по всей комнате. Удивительно, но в присутствии Унгуца он не стесняется ходить с незаплетенными волосами.

После обеда Азамат подгребаёт меня поближе на диване и раскрывает передо мной одну из тех книг, что когда ещё стояли на полках в его каюте.

– Ну слушай, рыбонька. Все узоры делятся на два основных типа: отдельные изображения и связанные. Отдельные – это, например, круг или квадрат, рога, бабочка, зверь или человек. Я, конечно, только примеры привожу, всего-то не перечислишь. Связанные – это такие узоры, в которых элементы соединены в непрерывную цепь, это может

быть простая последовательность завитков или молоточков либо бесконечно вьющееся растение, бесконечно сплетенная веревка, кружево, наконец, это может быть ряд отдельных изображений, свитых вместе и обведенных единым контуром. У этих разных видов орнамента разные цели. Отдельные изображения рассказывают историю, а связанные представляют собой нарисованную молитву. Есть такая пословица: «Мужчина творит гуйхалах словами, а женщина – руками». Это, впрочем, не совсем верно, потому что и женщины могут молиться словами, а мужчины часто вырезают те же узоры по дереву, когда украшают новый дом. Да, я тоже это буду делать, так что заодно и подберем узоры для твоего дворца.

– А чего ты его все дворцом называешь?

– Так называется любое большое здание, то есть выше двух этажей. А что тебя смущает?

– Плохой перевод, – скрежещу зубами я. – Вообще, пора бы уже составить нормальный мударджский словарь... Ну ладно, пока давай разберемся с насущным. Значит, узоров два типа, и у них разные функции. А какие надо вышивать?

– И те и другие. Причем можно совмещать на одном изделии. Например, можно изобразить биографию человека и окружить молитвой за его здоровье и благополучие. Или изобразить то, что собираешься делать, а вокруг пустить молитву за успех предприятия.

– Хм. И хочешь сказать, можно реально так понятно изобразить историю, что все поймут?

– Нет, конечно, – усмехается Азамат. – Так, чтобы вообще всем понятно было, мало кто может сделать. И это будут какие-то совсем общие вещи. Но в семье и среди друзей обычно понимают. А главное, тут ведь важно не столько чтобы поняли люди, сколько донести свою просьбу до богов. Важно во время работы вкладывать силу своего желания в узор. Тогда боги тебя услышат. Ну а там уж чем больше труда вложено в изделие, тем вероятнее они выполнят просьбу. Поэтому детские работы так хорошо действуют, хотя они с виду не очень убедительные – потому что ребенку нужно гораздо больше терпения и усердия, чтобы закончить вышивку или гобелен.

– Так мои будут на вес золота, – смеюсь, – я же не лучше ребенка в этом смысле.

– Вот и хорошо. Все, что ты соткешь сейчас, пока плохо умеешь, боги с радостью исполнят.

– Ну ладно, это я поняла. Давай дальше про узоры.

– Собственно, общей информации не так уж много. Мне осталось сказать, что чем проще рисунок, тем более абстрактное понятие он выражает. А чем подробнее – тем более конкретное. Например, прямоугольник означает богатство, изобилие, а косая черта – человеческий опыт. Вот такие углы и треугольники, – Азамат открывает передо мной страницу со всякими геометрическими фигурами, повернутыми разными боками к зрителю, – означают правду, благодарность, почтение, уверенность в себе, талант, вдохновение, готовность прийти на помощь...

У меня аж голова кругом идет от мысли, что такие идеи можно изобразить парой черточек.

– Так, ясно, это я без шпаргалки не воспроизведу. Давай про конкретные.

Он пролистывает пару десятков страниц и показывает мне картинку с горбатым комаром, играющим на дудке.

– Вот знакомься, это твой бог-покровитель. Он дал людям музыку, которая лечит тело и душу.

– А почему он такой... насекомый?

– Ну вот уж такой он. Все боги умеют превращаться в какое-нибудь животное или хотя бы растение. Этот вот превращается в комара. Смотри дальше. Вот это типичное изображение песни из мифа.

Он открывает новую страницу, там посередине крест, по четыре стороны от него лежат распластанные аксолотли, причем один, видимо, робот. Вокруг всего этого разложена колбаса, у которой с одного конца голова и руки, а с другого – юбка и ноги.

– Это очень старое изображение, – поясняет Азамат. – Его часто копируют, хотя теперь мы видим и представляем вещи иначе, чем когда оно было создано. Смотри, вот этот белый зверь – морской дракон, бог-повелитель всего подводного, наместник Укун-Тингир. Вообще, все, что здесь изображено, – это о воде. Зверь внизу – это калан, брат шакала, живущий в воде. Слева зверь-облако, справа Муданг. А вокруг – богиня радуги, которая хранит людей от воды и молнии.

– Погоди, где Муданг? – переспрашиваю я.

– Ну как же, вот. – Он тычет пальцем в того самого робота-аксолотля и повторяет медленно: – Моу-Танг. Громовая птица. Понимаешь?

– Так это и есть название вашей планеты? Громовая птица?

– Ну да, а ты до сих пор не знала? По легенде, наша планета – яйцо Громовой птицы. В центре нее дремлет птенец. Но однажды он пробудится, развернет крылья, полыхнет молнией из глаз, каркнет громом и понесет наш народ к славе и могуществу.

– Ничего так деталька... – моргаю я.

– Ну да, – усмехается Азамат. – Но это же все иносказательно... Ладно, ты вот сюда смотри. Вот тут между зверями всякие растения видишь? Вот это ковыль, которым лошади кормятся. Вот это великое дерево, с которого можно достать до небес...

– Рехнуться можно... и как ты это все понимаешь?

– Так на то я специально учился. Конечно, догадаться нельзя. Но если какой мастер или мастерица сделали что-то очень красивое, их обычно спрашивают, что они имели в виду, и объяснения записывают, прикладывая к ним копию изображения. Раньше, давно, просто от руки перерисовывали. Теперь, конечно, снимают в цвете. Вот смотри, то же самое изображение, вышитое на рубахе морехода. Красиво, а?

И правда, в текстильном исполнении все эти кривые твари выглядят совсем не так ужасно, просто как орнамент. Пестренько, почти симметрично, этаким цветком.

– Так что же у нас на гобелене выткано? Там ведь похожая фигня, тоже четыре угла, в середине крестик...

Азамат снимает со стены и раскладывает на столе означенный гобелен.

– Точно я сказать не могу, потому что это вышивала жена Арона, а я ее совсем не знаю. Но она вроде бы отсюда, из столицы, – значит, символы можно попробовать определить. Я думаю, что здесь изображена жизнь ее отца. Его я тоже не знаю, но обычно женщины описывают жизненный путь или отца, или мужа, а это явно не Арон. Вот смотри, тебе правильно говорили, что квадрат – это земля, а круг – солнце. Да, квадрат не очень похож на квадрат, но тут важно, что у него четыре угла. Они специально подчеркнуты символом изобилия, бараньими рогами. Дальше, ты должна учитывать, что когда в изображении есть деление на небо и землю, то земля и вода

сливаются в единое целое, разве что цветом чуть-чуть отличаются. Поэтому тут знаки земли и воды вперемешку. Теперь, вот этот треугольник – это шатер. Вход в шатер всегда с юга, а у этого вход близко к воде, – значит, человек родился на берегу океана. Дальше вот тут точки – это следы зайца. Значит, он охотился на зайцев. А вот тут такие приплюснутые треугольники на ножках видишь? Это он грибы собирал. А потом начинаются странствия...

– Ой, да, это слово я уже слышала, а что это значит?

– Да буквально путь человека. Вот он пошел на восток и вышел на оленью тропу – видишь оленьи следы тут? По этой тропе он пошел на юг, сражался в окружении врагов (двойной красный круг) и попал в столицу (вот тут много треугольников-домов). Там он встретил свою жену, видишь, линия странствия раздваивается? Значит, два человека стало. И одна из линий упирается в символ Солнца с Присолнышком, который также означает беременную женщину. А выше... – Азамат проводит пальцем по выцветшей ткани туда, где линия по идее должна выходить из солнца с другой стороны. – Ничего нет. Похоже, она умерла в родах. Ну вот, а он нажил состояние – вот тут тропа входит в прямоугольник – и был удачлив в творчестве. Он, видимо, занялся каким-то ремеслом, тут вокруг пожелание таланта, а это обычно мастерам желают. Вот и все. Тут еще есть разные детали, которые я не разбираю. Например, около его родного дома изображены его бормол, но это я не расшифрую.

– Покажи-ка, – внезапно просит Унгуц, который все это время сидел на другом диване так тихо, что я и забыла про него.

Азамат подносит ему гобелен.

– Вот это черепаха, – уверенно сообщает Унгуц. – А остальные морские какие-то, это уже надо туда ехать и у местных спрашивать, что у них там что значит...

– Так... бормол не везде одинаковые? – интересуюсь я.

– Конечно, – в один голос отвечают мне два книжника. Потом Азамат уступает старшему, и тот развивает мысль: – С ними точно так же, как с вышивками. Каждый мастер вкладывает в статуэтку то, что хочет пожелать или выразить. Есть общие места, конечно, но точное значение знают только боги и мастер, который ее вырезал.

– А те бормол, что у вас в Доме Старейшин? Их значения тоже точно неизвестны?

– По-разному, – протягивает Унгуц. – Это ведь все бормол, которые нам когда-либо дарили друзья и враги. Бормол ведь можно вырезать и с дурным пожеланием. То, что ты видела, только малая часть. Это потому, что ты еще молодая. Вот пройдет лет пять, заново тянуть будешь, из большего числа выбирать... Так, о чем я... Ах да. Разные люди приносят нам свои бормол. Обычно к ним прикладывают записку, в которой мастер излагает, что он хотел передать своей фигуркой. Но бывает, что люди не хотят рассказывать о своих просьбах и пожеланиях или по каким-то причинам не могут. Бывает, что эти записки и путаются, и теряются, мы же не боги, чтобы всему учет вести...

– Так что, получается, – прищуриваюсь я, – что те бормол, что я вытянула, могут значить совсем не то, что все подумали?

Унгуц смеется поскрипывающим смехом.

– Не-ет, я еще не настолько стар, чтобы ты меня подловила. Что уж там мы подумали про значение твоих бормол – это наше дело. Тебе этого знать не полагается и не нужно совсем. Молодым да горячим вообще бесполезно знать о будущем.

– Хм. – Я пожимаю плечами. – Ну и ладно, как скажете. А бутон-то ваш что значил?

– А это ты и без меня знаешь. Ты целый месяц сидела тихонечко, силы копила, а сейчас вон разворачиваться начала – клуб ей не нужен, подавай уроки на дому, да дворец, да коня... А там уж и завязь скоро пойдет небось. Так-то. А что, неужто у тебя других нету, кроме моего?

– Э-э... – Я усердно отгоняю неприятные воспоминания. – А я не знаю, Азамат, помнишь, ты мне зайца подарил? А он тоже бормол?

– Да, заяц – символ весны и оттепели у нас на севере. Это ведь как раз было самое начало весны, к тому же с тобой моя жизнь потеплела.

Глава 10

Дома, на Земле, я всегда с удовольствием готовила, когда на это было время. Правда, это сопряжено там с некоторыми трудностями. В большинстве магазинов вообще не продают сырой еды. Проще всего купить готовую или хотя бы расфасованные по экологически чистым коробкам комплекты полуфабрикатов, которые надо только высыпать из пакетиков в тарелку и подогреть. На таких всегда приведены полные списки веществ и элементов, из которых они состоят, с процентами и предупреждениями диетикам типа «Орехи. Внимание,

содержит орехи!»). В больших продвинутых гипермаркетах встречаются также отдельно упакованные полуфабрикаты, которые требуют – вы не поверите – обжаривания на сковородке или варения в кипятке в течение примерно пяти минут. И только в самых шикарных торговых центрах, в цокольном этаже, втиснутые между элитным чаем и уютным винным погребком, прячутся крошечные лавочки с сырым мясом, овощами, крупами и тому подобными исходными продуктами, обычно прикрытые для эстетизма яркими тропическими фруктами. Там даже недорого, но, входя в такой магазин, чувствуешь себя как минимум членом элитарного клуба, а то и адептом древнего культа.

На Муданге ситуация совсем другая. Мясо чаще всего покупают живым, оно блеет, рвется на волю и норовит схватить цветочки в саду. Это, конечно, вызывает у меня некоторые содрогания лицемерного свойства, но в школе нас учат, что цель каждого вида – как можно более широкое распространение, и всякий скот добился этого именно за счет того, что человек стал его разводить в пищу и охранять от хищников. А что касается технической стороны дела – ну так у меня есть муж, способный разделать тушку на аккуратные кусочки тихо, быстро и не оставив за собой брызг крови на стене сарая.

Другая трудность в приготовлении пищи на Муданге заключается в том, что здесь мало привычных мне продуктов. Даже всякие тыквы и корнеплоды, внешне похожие на земные, довольно сильно отличаются на вкус и используются совсем в других блюдах. Плюс к тому собственно муданжская кухня обходится практически исключительно мясом и молоком с производными. Фрукты они едят только сырыми, зелень и некоторые корнеплоды добавляют в качестве приправ, а овощи считаются невкусной и непитательной едой для бедных, у которых не хватает на мясо, так что их никто и не пытается приготовить вкусно, кроме разве что особенно умудренных жизненным опытом поваров. (Я, наверное, дико выгляжу, когда хожу по рынку со своей тачкой и выспрашиваю у побитых жизнью торговцев овощами, как называется и готовится тот или иной предмет у них на прилавках.) Из зерновых культур тут один ячмень, который добавляют в качестве наполнителя в супы или смалывают в муку, а дальше изделия из теста либо варят, либо жарят. Есть дикая кукуруза, но она такая сладкущая, что из нее можно сахар добывать, хотя чаще на сахар пускают тростник, а кукурузный початок дают в качестве

соски детям. Еще тут выращивают огромное количество всяких агав, из которых делают все на свете, от веревок до клея, но ничего съедобного.

Что касается собственно мяса, это в основном баранина, козлятина и дичь. К дичи я отношусь плохо, во-первых, по этическим соображениям (ей-то никакой выгоды от того, что человек ее жрет), во-вторых, по гастрономическим – она жесткая, костлявая и сильно пахнет. У муданжцев-то челюсти железные, они способны пережевывать сырое, сыровяленое и жаренное на открытом огне, а я на это малоспособна. Праздничная еда у них отбирается не потому, что вкусная, а потому, что исконная. То есть как первобытные люди глодали обгорелые кости, так и тут... ну, во всяком случае, мне так кажется. Чего стоит хотя бы их любимое праздничное угощение – целый взрослый огромный баран, зажаренный при помощи раскаленных камней, засунутых прямо под шкуру. Мне страшно подумать, как они потом это мясо от этих камней отдирают. Нет, конечно, в хорошей таверне всегда подадут что-нибудь мягонькое и соченькое, но любой муданжец способен без труда прожевать ботинок из натуральных материалов.

Так это я все к чему. Раз земные блюда из местных компонентов готовить не удастся, а местные блюда не всегда и не во всем отвечают моим запросам, то приходится экспериментировать. Вот как с теми сливами. Азамат поначалу поудивлялся моей изнеженности – местные-то тетки жуют ничуть не хуже, чем мужики, а то как бы они наели свои фигуры? Однако мои эксперименты ему пришлось по вкусу, разве что чай он по-прежнему предпочитает с молоком и бараньим жиром, а супы принципиально несолеными. В последнее же время он и сам втянулся в кулинарные эксперименты, хотя и посмеивается, что я люблю все маленькими кусочками и чтобы взглядом разломить можно было. А уж после того как он освоил кухонную технику, в нашем доме настал гастрономический рай. Муданжцы все-таки склонны относиться к научным и инженерным достижениям с излишним пиететом и никак не догадаются, что можно сделать устройства, которые облегчают самые обычные бытовые работы. Хорошо, хоть стиральные машины у тамлингов переняли, а вот уже швейные – до сих пор редкость.

Сегодня Азамат взялся реализовывать свою свежую выдумку – вырезку, шпигованную крабьими яблоками. Это такие крохотные оранжевые яблочки с пряным запахом и маслянистым соком, которые растут по океанским побережьям, где на них пасутся такие же оранжевые крабы – срезают гроздь плодов, сбегают боком-боком на землю, хватают свой урожай и боком-боком несут закапывать в заготовленную для этого нору, чтобы весь год питаться. Сама я этого пока не видела, но Азамат очень вдохновенно рассказывает, да и фотоархив мударжской природы у него внушительный. Боже, уж скорее бы потеплело, мне так хочется везде поездить, посмотреть на эту красотень!

Ужин удастся на славу. Даже Унгуц, который вообще-то большой любитель пожевать чего-нибудь деревянного и пересоленного (благо зубы еще все на месте), не может нахвалиться.

– Мне, – говорит, – вам за постой платить надо, это ж отдельная комната и трехразовое питание. Я дома-то два раза ем, и то не каждый день, мне же столько не надо. А тут такие запахи с кухни все время, что сразу есть хочется – страсть!

После ужина нас ждет приятный сюрприз: приехали наши лошади. Азамат сразу обзванивает всех знакомых, чтобы похвастаться. Его серебристый Князь всем своим видом выражает готовность к свершениям, натурально скребет копытом тропинку и гнет шею. Мой диванчик, впрочем, настроен так же благодушно, как всегда. Стоит спокойно, оглядывается, чего бы пожевать. Я даю ему продолговатый кусок бурого сахара, и скотинка тут же меня узнает и приветствует негромким ржанием. Чувствую, пока я окончательно освоюсь с ним управляться, он перестанет проходить в калитку.

Смотреть лошадей съезжается две трети старой команды, да еще кое-кто с тренировок. Азамат постепенно обрастает приятелями, и это очень хорошо. А то подумать только – был у него один Алтоша!

Этот, впрочем, легок на помине. Является мрачный, губы свои лошадиные поджал, на меня косится, как будто я враг народа, но при посторонних ссору не затевает, и то хлеб.

Все обступают Азаматова коня, щупают, хвалят. Порода редкая, жеребец могучий, всё зашибись. Над моим Пудингом посмеиваются, а я делаю высокомерный вид и отвечаю, что он мне для езды, а не для понтов.

– Да на такую спину можно беседку поставить, – усмехается тот парень из команды, у которого брат – муж Эсарнай. – Подушки положить, занавески повесить и ездить как тамлингские аристократы.

Все хохочут, только Алтонгирел где-то в своих злобных мыслях витает. Ох, чуется мое сердце, влетит мне сегодня за все шалости...

Несколько человек пришли со своими конями в поводу, так что затевается прогулка. Я не участвую – все-таки без нужды лезть в седло мне пока не хочется. К счастью, участвует Алтонгирел, так что мне можно не прятаться.

– Ну как узоры? – спрашивает безлошадный Эцаган.

– Да вот полдня просидели, вроде что-то поняла... Думаю, завтра уже можно собраться, поплести. Мы сегодня еще с Азаматом придумаем, что я хочу изобразить...

Эцаган радостно сверкает глазами и тут же звонит кому-то отменить встречу. Надо же, как ему нравится!

Когда все возвращаются с выгула лошадей и народ начинает расходиться, я потихоньку забиваюсь под бок раскрасневшемуся Азамату, чтобы удобнее было за широкую спину прятаться. Он все понимает и, когда последние гости рассасываются, слегка загораживает меня от духовника.

– Ты что-то сегодня не в духе? – спрашивает он осторожно.

Алтоша чешет загривок, глядя в сторону.

– У Наставника Изинботора брат заболел. Тамошний целитель не справляется, так что наш час назад вылетел на Орл. Не знаю теперь, когда вернется.

– О, так ты хочешь сказать, что у меня в ближайшее время будет много клиентов? – не выдерживаю я.

– Будет, будет, – ворчит Алтонгирел. – А ты и рада, что хорошему человеку плохо!

– Ничего подобного, просто прикидываю перспективы.

– Ну да, – продолжает он в том же тоне, – перспективы... Замужняя женщина, супруг обеспечивает всем, о чем только мечтать можно, и на тебе, работает! Вот стыдобища! Ты хоть понимаешь, как Азамат выглядит в этой ситуации?

– Да ладно тебе, Алтонгирел, – примирительно говорит Азамат. – Она ведь такая необычная, от нее и не ждут нормального поведения. Ну подумаешь, хочется человеку собственный доход иметь...

– Да не будет никто ей платить! – отмахивается Алтонгирел. – Ну ты сам подумай, кто станет давать деньги чужой жене за работу? Тем более если все знают, что муж богатый? Это тебе «ну подумаешь», а нормальный мужик бы за такое ребра ломать пошел!

– Интересненькое дело, а что же, предполагается, что я бесплатно лечить должна? Или за еду? – встречаю я.

– Да нет, просто будут платить целителю. Ты же вроде как вместо него, – пожимает плечами Алтонгирел.

– Ну а он будет мне отдавать?

Азамат поджимает губы.

– Это вряд ли. Я, конечно, с ним поговорю на эту тему, но он никогда с Муданга не вылетал и вряд ли поймет... Что-то он тебе давать будет, вроде как ребенку карманные деньги, хотя и то будет считать, что это я должен делать.

– Просто чудесно, – бормочу я расстроено. Что-то мне резко разонравилось на этой чудесной планете... Карманные деньги, тоже мне... А как там насчет моей ставки в команде, на которую я шла? – Слушай, Азамат, все это чушь. Я ведь с тобой контракт заключила, правильно? Ты мне по нему должен платить, на это есть документ в межпланетной юрбазе. И ты на мое имя открывал счет, так ведь? Значит, теперь, если я кого-то лечу, они должны платить тебе, а ты это будешь переводить на мой счет, вот и все. И пенсионные отчисления тут, и налоги уплачены. А если кто заартачится, что за женскую работу не платят, вот тут уже ты можешь пригрозить переломанными ребрами. Как тебе такой план?

Оба мужика на несколько секунд замолкают, прикидывая, потом обмениваются взглядами.

– Хороший план, – говорит Азамат. – Удачный.

– Только тебе придется всем объяснять про контракт и суровое земное законодательство, – добавляет Алтонгирел. – Иначе Азамата сочтут жадиной и эксплуататором. А так – закон есть закон, это все понимают. И если ты собираешься таким образом зарабатывать много лет, лучше накинь срок контракта, а то если скажешь, что на год, а на следующий перезаключишь, то тебя не поймут.

– Боже, Алтоша, неужели я слышу от тебя дельный совет? – не выдерживаю я и тут же проклиная все на свете, потому что приходится объяснять, что это я сделала с его прекрасным именем и

надо ли на это обижаться. Заодно подтвердилось, что оно означает «золотой свет». Да уж, солнышко...

Наконец он уходит.

Мы с Азаматом так и стоим на улице, он все чешет за ухом своего коня.

– А твое имя значит что-то типа «великий вождь»? – спрашиваю.

– А ты откуда знаешь? Унгуца подоила?

– Нет, просто у нас на Земле это имя тоже есть.

– Да? – Он страшно удивляется. – А еще какие-нибудь местные имена у вас есть?

– По-моему, есть Дорджи, хотя немного по-другому звучит. Тирбиш тоже есть, только немного с другим произношением. Это ведь значит «не тот», да?

– Да-да, так называют, чтобы отвести шакала, если ребенок рождается слабым или больным.

– Угу, в земных энциклопедиях имен то же самое написано, только вместо шакала другой демон. Так что не удивляйся, бывают и международные имена.

– Здорово, – улыбается он. – Значит, мы и правда когда-то пришли с Земли.

– Слушай! – Я вспоминаю, что давно хотела спросить. – А что значит слово «бормол»?

– А это просто звук, как они гремят в коробочке. У них есть еще другое, истинное название, но Старейшины стали их так называть между собой, и это приросло.

Наконец Азамат отводит лошадей в... ой, а у нас, оказывается, есть стойла! Вон там в кустах за сараем еще домик стоит, а в нем натурально три загончика для муданжских исполинских коней. В этих бешеных кустах тут небоскреб потерять можно, право слово. Маму бы сюда запустить, да где ж ее возьмешь...

Пудинг, по-моему, сразу отрубается, а вот Князь явно недоволен, что на сегодня развлекательная программа закончена.

– А что они есть будут? – интересуюсь, обозревая темный сарай.

– Сейчас Тирбишев младший брат подойдет с кормом, я с ним еще вчера договорился. Парень лошадей обожает, вот и пусть поработает с ними, и деньги в семью. А если хорошо справляться будет, я ему на будущий год жеребца подарю.

Мы забуряемся обратно в дом, где оба наши постояльца уже проснутся баиньки, так что продолжение урока приходится перенести в спальню. Мы растягиваемся на стопке одеяло-матрасов, которая служит тут кроватью, и принимаемся листать пластиковые книжки с яркими, блестящими картинками. Муданжцы не жалеют краски на свою этнографическую литературу, и если в узоре что-то вышито серебром и золотом или украшено драгоценными камнями, то на фотографиях оно отпечатано сверкающей краской.

– Ну как, – спрашивает Азамат, – есть идеи, что будешь плести?

– Я думаю, надо начать с чего-нибудь простого и милого. Пустить по контуру вот такие примитивные молоточки, а в серединке... ну не знаю, что попроще можно красиво сделать? Вот тут где-то красивая картинка мелькала...

– Я думаю, тебе надо начать с воды. У тебя много синих ниток? Ладно, завтра покажу тебе магазин, где все это продается. Вот смотри, простая картинка. Синий ромб, по углам рога, в середине узор из стилизованных рыбок. В принципе это пожелание удачной рыбалки, но с молитвой по кругу получится вообще пожелание удачи и благоволения водной стихии.

– Звучит убедительно. А почему ты думаешь, что мне именно с воды надо начинать? Она самая простая?

Азамат делает странный жест руками – разводит и роняет.

– Я даже не знаю, с чего начать объяснять... Вода – женская стихия, особенно важная во время беременности. Воду на Муданг принесла Укун-Танив, а ты ей родственница. Сейчас весна, и это время воды... Лиза, тут надо искать специальные причины, чтобы начать с чего-то другого!

– Хм, как скажешь. А какая стихия мужская? Земля?

– Нет, конечно. У тех, кто живет на Муданге, – это огонь. Земля – это сосуд жизни, из нее рождается наша пища, в нее же уходят наши мертвые. Небо – стихия богов и странников, то есть тех, кто не живет на планете.

Я хотела было спросить, почему небо, а не воздух, но вспомнила, что в муданжском это почти одно и то же слово. То ли я не расслышала, то ли разницы нет. У меня есть более насущный вопрос.

– А как это с цветами соотносится? Вода синяя, а дальше?

– Вода синяя или зеленая, это зависит от того, с чем она сочетается. Небо синее, белое или желтое. Поэтому если у тебя небо и вода, то их надо красить по-разному. Земля зеленая или коричневая. Огонь желтый или оранжевый.

– А красный?

– А это люди.

– Они тоже стихия?

– Да нет, какая из людей стихия, они же везде... Просто люди. Красным можно что угодно красить, получится просто смысловое выделение, дескать, тебе вот это важно. Только учти, что красные нитки, которые у нас делают, быстро выцветают, их надо подновлять, так что лучше не усердствовать.

Хм! А кто сказал, что я должна вышивать муданжскими нитками? На Земле-то уж научились делать стойкие красители. Ладно, пока надо освоиться с техникой, а там уже буду переделывать под себя. Я зарисовываю себе этот и еще несколько согласованных с Азаматом простых узоров, после чего мы откладываем книжки и переходим к занятию, более соответствующему нашему положению. А потом мне всю ночь снится верховая езда по пересеченной местности.

На следующий день Азамат, как и обещал, отводит меня в магазин. Это первый муданжский магазин, в котором я оказалась, и мне, конечно, интересно.

Мы звоним в домофон у калитки небольшого опрятного домика, и нам открывают без вопросов. Витриной этому заведению служат два больших верандных окна и резная вывеска над дверью «Козьи, овечьи, оленьи».

– Козьи – что? – немедленно спрашиваю я.

– Шкуры. Ребята, которые работают по коже и шерсти, обычно ленятся уточнять.

Мы заходим по крутому крыльцу внутрь. На веранде очень светло, и не только из-за больших окон. В потолке светятся десятка полтора маленьких экономных лампочек, так что теней нет вообще и все мотки шерсти сияют чистым цветом. А их тут... Собственно, половина веранды заставлена стеклянными этажерками, на которых разложены стандартные мотки. Пастельных цветов довольно мало, все сочное, чистое и яркое. Правая половина веранды увешана изделиями

из кожи – обувью, куртками, какими-то ковриками с резными орнаментами, всевозможными чехлами, поясами, хайратниками...

В тот же момент, как мы вошли, навстречу нам из глубины дома вышел хозяин. Он не слишком высокий, зато в плечах пошире Азамата, с огромными ручищами – закатанные рукава вот-вот лопнут.

– Чего желаете? – осведомляется он с крокодильей улыбочкой.

– Ниток для гобелена, – отвечает за меня Азамат, потому что я несколько замешкалась при виде этого Кинг-Конга.

– Эт легко. – Он делает широкий жест правой лапищей, едва не снеся пару этажерок. – Вот тут у нас гобеленные живут. Смотрите-берите, чистый цвет, запаха нет, весь дом одет.

Мне становится немного смешно. На Муданге вообще часто появляется ощущение, что участвуешь в юмористической инсценировке народной сказки.

Нитки у него и правда изумительно красивые. Мягкая овечья шерсть поблескивает в ярком свете, от пестроты кружится голова. Я, конечно, набираю вагон этого дела, а потом до кучи еще прихватываю пару поясов и сапоги. Еще в отдельной витринке у него насыпано немножко цветного бисера, но очень уж дорого. У меня, конечно, найдется и на него, а у Азамата и подавно, но что ж такие бешеные деньги платить, если можно попросить маму прислать мои залежи, которые у меня еще в школьные годы скопились?

Азамат как-то тоскливо косится на куртки, но ничего не берет.

– О чем задумался? – спрашиваю его, пока счастливый торговец упаковывает мне товар. – Куртку хочешь?

– Да хотеть-то хочу... – протягивает он, подходя поближе к предмету вождлений.

Я никак не могу понять, что его смущает. Обошел два раза, пощупал подкладку, подергал швы. По-моему, даже если эта штука не идеально сделана, тут за одну красоту заплачивать не жалко. Темно-коричневая кожа с выдавленными растительными узорами, да и покрой такой изящный... Видимо, Азамат приходит к тому же выводу, потому что внезапно с видом отчаянной решимости подзывает меня.

– Лиза, слушай, можно тебя попросить об одолжении?

Я таращу глаза.

– Ты меня можешь просто попросить, без одолжения.

Он вздыхает и снимает куртку с крюка, чтобы показать мне поближе.

– Понимаешь, у нас ведь не принято покупать одежду, сшитую вручную. Но мастеров по коже не так много, а спрос на изделия очень большой. Поэтому кожаную одежду все-таки продают, но как бы недоделанную. Вот тут, видишь? По рукавам и спереди такие сеточки вставлены? Это чтобы вышить узор, не протыкая кожи. Так вот... Ужасно неловко о таком просить, но тебе ведь неоткуда узнать об этих тонкостях...

И стоит с ноги на ногу переминается. Я фыркаю.

– Ну конечно я тебе вышью! Тут делов-то на два вечера. И вообще, не стесняйся, а то я могу еще десять лет не узнать, что тебе чего-то такого хочется.

Азамат сияет и кидается к продавцу. Мне еле удается его удержать и заставить померить куртку, а то вдруг не тот размер. И весьма кстати, потому что она и правда маловата. Хозяин, поняв, что кроме всего прочего мы прицелились на дорогое штучное изделие, улыбается в полтора раза шире и кидается в дом за нужным размером. На том экземпляре немного другие узоры, даже благороднее, чем на витринном. Азамату как раз впору – в плечах не жмет и на талии плотно. Он даже несколько удивляется.

– Вы как на заказ делали, – говорит он хозяину. – Мне обычно вся одежда в поясе широка, а тут точнехонько.

– Да уж, что же вы, семейный человек, а такой тощий, – мимо вопроса отвечает хозяин. Потом знающе подмигивает: – Жена небось все соки выпила?

Азамат как-то неприятно криво улыбается, что с учетом особенностей его физиономии выглядит уж вовсе зловеще. Хозяин тут же извиняется за фамильярность. Азамат расслабляется и как ни в чем не бывало продолжает разговор.

– Жена-то, наоборот, только что с ложки не кормит, да мне всю жизнь еда впрок не идет.

Мы расплачиваемся муданжскими смешными квадратными монетками. Их делают из какого-то редкого и очень ценного, но также и очень легкого сплава, так что можно носить с собой целый капитал, и это нетяжело. Они коричневатого оттенка с искрой и гремят в кошельке, как орехи. Единственное неудобство – они работают по

двенадцатеричной системе. То есть не десять, а двенадцать мелких монет (них) составляют одну покрупнее (хёр). Всего есть восемь монет, но восьмую, самую ценную (мингь), с собой не носят, а хранят дома про запас. За один масштабный заход по рынку я трачу пять-шесть монет пятого калибра или одну-две шестого, если покупаю решительно все. Собственных банков на Муданге нет, но в каждом Доме Старейшин стоит терминальчик, через который можно снять деньги со счета где-нибудь на том же Гарнете, а можно и положить. Не знаю уж, кто управляет терминалы, но, наверное, Старейшины...

Азамат относит покупки домой и отправляется руководить строительством моего «дворца». У меня, конечно, руки чешутся тут же что-нибудь сделать со всем принесенным богатством, но в дверь стучат. Открываю – там какой-то неизвестный мальчик.

– Привет, – говорю, – тебе чего?

Он робко поднимает голову и вдруг отскакивает на два метра.

– Да что случилось? – недоумеваю я.

– Б-б-б... Белая госпожа, простите за беспокойство, отец заболел, кланяться прислал, не откажите...

А, так это вызов.

– Не откажу, – говорю. – А чем заболел?

– Рукой... – растерянно отвечает мальчик, который явно не ожидал такого скорого согласия.

– А что именно с рукой?

Молчание.

– Сломал, что ли? – допытываюсь.

– Да! – энергично кивает мальчик. Кажется, когда я на него не смотрю, он меньше меня боится.

– Ладно, – говорю. – Сейчас возьму лекарства, и пойдём. Далеко живете-то?

Оказалось, что в двух часах на лошади. А лошадь припаркована за углом.

– Нет уж, – говорю, – поедём на машине, а лошадь ты свою потом заберешь. Гони вон в наше стойло, и поживее.

В машине он забивается в самый дальний от меня угол и говорит, только если я спрашиваю. Я заезжаю за Оливой, и мы выкатываем на тракт вдоль реки.

Орива приходится как нельзя кстати, потому что я бы из путаных объяснений юнца никогда в жизни не поняла, куда ехать.

Молодой мужик с глухим именем, отец кучи детей. Читай, работает руками, и работает хорошо. Перелом для него – практически конец света. Сидит бледный, только что губы не трясутся. Смотрит на меня с подозрением.

– Госпожа целительница... – выговаривает неуверенно. – Я не знаю, сможете ли вы что-нибудь сделать...

Что в мои способности никто заранее не верит, я уже привыкла. Так что вместо законного возмущения перехожу сразу к допросу и осмотру. Предплечье сломано не только что, уже больше недели как. Получил на стройке кувалдой, с кем не бывает, ага. Конечно, шину никто не накладывал, типа само срастется, а оно что-то не срастается, и вообще как будто кость исчезла. Приставляю Ориву держать мне сканер, чтобы я видела, куда тыкать спицы экзоскелета. Процесс довольно утомительный, а пациент, которому с обезболивающим совсем не больно, все время норовит тоже заглянуть в экран и страшно мешается. Наконец рука собрана. Я строго грожу ему пальцем: полмесяца руку не нагружать, еще полмесяца корсет не снимать, в процессе звонить мне и ездить на осмотр. Мужик несколько обалдевает от моего уверенного тона, но обещает все исполнить, лишь бы руку сохранить.

Когда я спешу на вызов, я почти не замечаю, что происходит вокруг, так что по выходе из дальней комнаты, где располагался пациент, я внезапно обнаруживаю себя в окружении кучи народу. Все эти друзья и родственники кидаются на меня с благодарностями, едой и подарками, что совершенно выбивает меня из колеи. Орива потешается, глядя на мою ошарашенную физиономию.

– Да что вы шарахаетесь, Лиза, они же от чистого сердца! – Сама она уже получила пару браслетов и меховую жилетку и жует пирожок.

– Да я как-то привыкла деньгами...

– Деньгами само собой, но если подарки не взять, хоть несколько, то они обидятся, – шепчет она мне.

– А есть тоже обязательно?

– Можете сказать, что муж требует, чтобы вы ели дома. Так часто бывает, они поверят.

Так что я беру вышитый головной платок, серьги, одеяло и какие-то бормол, а потом долго и старательно вру: сначала про требовательного мужа, потом про контракт. Наконец удается им втемяшить, в какой форме я хочу получить вознаграждение. Домой я возвращаюсь в полном обалдении. Мальчишка на заднем сиденье (ему же надо лошадь забрать) все так же молчит. Орива хрустит какой-то едой и очень довольна жизнью.

Стоит мне притормозить около дома, парнишка выскакивает через борт и бегом мчится к стойлам, а потом – ни спасибо, ни до свидания – галопом на лошади через забор и прочь отсюда.

– Чего он так испугался? – недоумеваю я.

– У вас глаза ненормального цвета, все дети боятся. Ирих сначала тоже боялась, но ей Унгуц объяснил, что это не плохо.

– А что ж ты этому не объяснила?!

– Да станет он слушать чужую тетку! Тем более я же с вами заодно. – И она снова покатывается со смеху.

Я всегда считала смешливость хорошим качеством, но сегодня что-то призадумалась.

Поскольку целитель в отъезде, а Орива на сегодня уже получила свою дозу практических знаний, я не торопясь созваниваюсь с мамой, договариваюсь насчет бисера. Она тоже его очень любит, правда, низать ей лень, так что она предпочитает клеить. Но мои древние коробочки одну за другой успешно отправляет на Муданг. Я все еще помню, как добраться до почты, так что совершаю вторую на сегодня автомобильную прогулку по окрестностям Ахмадхота, забираю бисер (одна коробочка все-таки потерялась по дороге, но это не трагедия, я же все равно не помню, что именно в ней было) и возвращаюсь домой, где могу спокойно валяться на диване и вышивать мужу куртку.

Сеточка, которая вставлена в лацканы и рукава, идеально подходит для крестика, так что я нахожу в Сети красивую схему с красными драконами, ставлю на буке какую-то передачку про животных серий на четыреста и сажусь стегать – сначала крестиком, а глазки и гребень еще для блеска бисером. Еда у нас еще со вчера осталась, Унгуц на соседнем диване шуршит своими бумажками, благодать... Я даже не успеваю досмотреть первый сезон передачки, когда на груди уже все вышито. Меня подмывает кому-нибудь похвастаться, а тут как раз Старейшина сидит.

– Гляньте, прилично выглядит?

– Ух ты, как ярко! – восклицает Старейшина. – Земные нитки небось? У нас-то растительные нитки так ярко красить не умеют, только шерсть. Да с бусинами... Смотри, как бы Азамат не постеснялся такую красоту носить, а то с его внешностью может решить, что неуместно...

– Я ему постесняюсь! Вы-то не думаете, что ему не подобает?..

Унгуц хитро щурится.

– Лизонька, я думаю, что как ты сделаешь, так и хорошо. В дареной вещи твое отношение проявляется, а не его самомнение, так что тут тебе решать. Раз ты считаешь его достаточно красивым, чтобы в эдакое пламя одевать, другие пусть завидуют. Но это, конечно, сильно... и драконы, не трава какая-нибудь... чего это тебя на драконов понесло вдруг?

Пожимаю плечами.

– Мне всегда смешно, когда всякие щуплые подростки ходят все в драконах и тиграх с ног до головы. А Азамат – он такой большой и сильный, такой крутой, ну и мне хочется правильно акценты расставить. Я хочу сказать, если уж он не будет носить такие выразительные узоры, то всем остальным тем более не подобает.

Унгуц кивает мне благосклонно.

– Тоже логика. И все-таки бусины на куртку... Я понимаю, ожерелье бы сделала или рубашку парадную расшила... А то даже для вас дороговато, мне кажется.

– Ой, да у меня этих бусин! А кончатся, попрошу маму купить, на Земле они недорогие.

– Вот оно как, – удивляется Старейшина. – Ну тогда тебе, конечно, сами боги велели этим пользоваться. У нас-то бусины вручную делают, а это очень трудная и кропотливая работа, вот и стоят они кучу денег. А импортные редко привозят...

Ближе к вечеру является мой клуб. Я немедленно хвастаюсь всем свежевывшитой курточкой. У Эцагана и Оривы реакция одна: «Ой, бусины! И не жалко денег?!» Орешница несколько более сдержанна и даже говорит пару комплиментов моей вышивке, прежде чем страдальчески вздохнуть, дескать, мне бы хоть столько бисера, уж я бы развышивалась...

Я щедрым жестом отдаю ей одну из коробочек, ту, где всякого разного понамешано, от каких-то старых бус. Это приводит всех в бурный экстаз, и в этом состоянии мы стремительно плетем начатые позавчера гобелены до посинения.

Из детского клуба приходит Ирих, и я тут же кидаюсь к ней с расспросами.

– А ты правда меня боялась, из-за того что у меня глаза голубые?

– Чуть-чуть, – смущается она.

– А почему? Вот волос моих никто же не боится!

– Потому что у тети-грозы синие глаза, – мямлит она.

В моем представлении о мударжском пантеоне никакой тети-грозы не обнаруживается, так что приходится просить помощь зала.

– Укун-Танив знаю, Укун-Тингир знаю, Громовую птицу знаю... и кто из них тетя-гроза?

– Никто! – смеется Орешница. – Тетя-гроза живет в синих тучах, и от нее происходят молнии и гром. А непослушные дети от нее получают уколы в пальцы.

– Когда током бьет, – поясняет образованный Эцаган.

– Ах вот оно что... Но теперь-то ты знаешь, что я не тетя-гроза? – на всякий случай спрашиваю у Ирих.

– Знаю, – пищит она. – Потому что от вас не... не бьет туком, то есть тыком...

Ага, значит, если меня кто испугается, надо сразу хватать и надеяться, что их не стукнет «тыком», тогда поверят, что я – это я. Технология!

Развесив свои произведения по окружающей мебели, мы решительно садимся ужинать, и тут как раз возвращается Азамат, присыпанный опилками. Входит и сразу улыбается, окидывая взглядом нашу компанию.

– Знаешь, Лиза, – говорит он мне, подойдя пообниматься, – мне все больше нравится твоя идея насчет этого клуба. Каждый вечер прихожу домой, а тут полно хороших, веселых людей, стол от еды ломится, что-нибудь интересное обсуждают. Я всегда мечтал по вечерам собирать друзей у себя, но выходило нечасто, а тут прямо сбылось. И даже еще лучше – гости-то твои, так что я могу и помыться пойти, и спать лечь, если хочу, можно ролью хозяина пренебречь.

Он еще что-то хочет сказать, но тут замечает свою преобразившуюся курточку. Наступает минута молчания, которое прерывается только сдавленным хрюканьем Оривы. Азамат вертит вышивку то так, то этак, рассматривает, поглаживает осторожно тыльной стороной пальцев.

– Лиза, ты столько для меня делаешь, что мне уже страшно, – говорит он наконец, но по лицу-то видно, что ни черта ему не страшно, вон сияет весь. – Может, посоветуешь, во что я могу облечь свою благодарность? А то, боюсь, как бы не захлебнуться.

Я только развожу руками.

– Да ты и так в долгу не остаешься. Ничего, такой большой, уж выгребешь как-нибудь, не потонешь. Давай лучше освежись и примерь курточку, интересно же, как смотреться будет.

Смотрится отлично. Азамату вообще, по-моему, идут яркие цвета, а тут совсем благородно получилось. О чем мы ему дружно и сообщаем, от чего он становится сам не менее красным, чем драконы. Орешница же умиленно вздыхает и бросает невзначай:

– Надо же, как я угадала, куда ты за нитками пойдешь... А кожевник еще не верил, что у него кто-то купит куртку по такой выкройке...

Глава 11

В следующие несколько дней у меня резко добавляется работы. Народ разнюхал, что я как-то круто лечу переломы, и попер. Теперь у меня два-три посетителя каждый день – с тех пор как я вывесила в Сети свой телефон и адрес, пациенты стали прибывать на дом по предварительному созвону. Как выяснилось, к целителям все-таки ходят без очной договоренности заранее. Поскольку я прослыла специалистом по переломам, то на меня тут же обрушились все старые и криво сросшиеся конечности; двоим вообще пришлось протезы ставить, через бывшую однокурсницу заказав их с Земли за процент. Я подумала и заключила с ней контракт на поставки, потому что ни Сашка, ни мама большую часть препаратов на Земле просто не смогут купить, даже если я рецепт напишу. У нас за этим тщательно следят, иногда нам же во вред. Номера лицензии обычно недостаточно, надо очно являться.

На Муданге, кстати говоря, есть свое сетевое пространство, причем довольно давно. А поскольку попасть туда можно с любого

телефона, то народ вполне активно пользуется. Там есть новостные страницы каждого региона, карты, реклама магазинов и объявления о работе, и даже довольно смешной сайт знакомств, на который полагается выкладывать свои фотографии в голом виде со всех сторон по стойке «смирно», а при входе спрашивают не возраст, как у нас, а класс имени.

Вечером у меня исправно собирается клуб, и мы закончили по первому гобелену. Воплощение нашего с Азаматом дизайна выглядит очень красиво, так что я его гордо вешаю на стену на самом видном месте. Орешница свой мне тоже оставляет в подарок, а у нее там что-то ужасно сложное и многозначительное, я только опознала вилку, которая замужество, и того самого комара с флейтой. Надо думать, плохого не пожелает. Теперь пора переходить к каким-нибудь другим видам рукоделия. Вон и мама Азамату еще один свитер связала, потоньше, зато с узорами. Азамат теперь бегаёт по потолку и пытается послать ей платиновое кольцо потяжелее, а я его удерживаю.

Строительство моего домика практически завершено, остались отделочные работы, и Азамат все разрывается: с одной стороны, хочет поскорее похвастаться, а с другой – дуракам полработы не кажут. Я его успокаиваю тем, что торопиться мне некуда, пускай разукрашивает свое творение сколько хочет. Его тренировки возобновились, но теперь он все-таки последовал моему совету, выбрал из своих учеников лучших и назначил учителями над прочими, а сам только иногда заезжает проверить.

Дом Старейшины Унгуца отстроили, и сегодня как раз состоится торжественное переселение. Унгуц уже немножко ходит с палочкой, не по лестнице, конечно, но до туалета без посторонней помощи добирается.

Ближе к вечеру мы все вместе грузимся в машину: Азамат, Унгуц, Ирих и я. Ехать до дома Унгуца всего ничего, но дедусь так далеко еще не сможет пройти. Построили дом точнехонько на месте старого и в том же ракурсе. Старого я, впрочем, не видела, но раз Азамат так говорит, значит, так оно и есть. Угол крыши и правда нависает над крутым берегом Ахмадмирна, поросшим чем-то вроде стелющейся туи.

Перед домом уже скопилась небольшая толпа – Старейшины с учениками-духовниками, важные горожане и просто всякие заинтересованные и не очень граждане. Ирих в предвкушении аж

подпрыгивает на сиденье. Унгуц не подпрыгивает, но выражение лица у него точно такое же. Азамат помогает ему выбраться из машины, а Ирих прямо выстреливает следом. Без деда, видно, боялась в толпу лезть. Теперь же толпа расступается, пропуская Старейшину к его законной собственности. Он потихоньку шкандыбает с палочкой, во все глаза рассматривая постройку.

– Отлично! – наконец выносит он вердикт и обводит всех собравшихся сияющей улыбкой.

Собравшиеся дружно вздыхают с облегчением. Надо думать, в норме Старейшины намного капризнее. А домик действительно симпатичный. Шоколадного цвета, с красной крышей, закругленным фасадом и крылечком, похожим на вход в раковину улитки. Муданжские дома часто бывают такой формы.

– Слушайте, но он ведь уже сам ходит! – доносится до меня шепоток сзади, и к нему тут же примыкают другие.

– А прошло-то чуть больше дюжины дней!

– Эта Азаматова пигалица и правда чудеса творит...

Чувствую, работы в ближайшее время еще прибавится. Но подумать о приятном мне не дают – сквозь толпу к нам проталкивается Алтоша, еще мрачнее, чем в прошлый раз. Подходит, не здоровается, уставляет на меня прожигающий взгляд. Я в ответ изображаю лицом то, чем садятся на крыльцо. Азамат переводит взгляд с него на меня и обратно, потом не выдерживает:

– Алтонгирел, ты что-то сказать хочешь?

Тот кивает и обращается к Азамату:

– Наставнику звонил наш целитель. Он не справляется. Сказал, что это неизлечимо. Конечно, на все воля богов, но ты ведь знаешь Изинтовтоя... и я знаю... Странно, чтобы его уже сейчас забирали. Я вот думаю, может, это Лизе знак туда наведаться?

– А где он живет?

– Да на Орле, они же оба оттуда.

Азамат кривится, а я не устаю дивиться способностям Алтонгирела. Другой бы пришел, ручки просительно сложил и затянул бы: дескать, хороший человек умирает, доктор, помогите! А этот – раз! Знак свыше, изволь повиноваться, а он вовсе ни о чем не просил, наоборот, сообщил важную информацию. Нет, ну круто, впору аплодировать.

– В принципе можно и слетать... – протягивает Азамат без особого энтузиазма. – Лиза, ты как?

– Хорошо бы узнать симптомы для начала. Если я могу что-то сделать, то обязательно полечу.

Алтонгирел явно светлеет лицом. Кажется, есть шанс, что он простит мне клуб. Странно, что до сих пор ни словом не обмолвился.

– Ну про болезнь тебе лучше сам Наставник расскажет, он тут где-то. Давай я тебя ему представлю для убедительности, а сам пойду паковать.

– А-а ты тоже полетишь, что ли? – нервно уточняю я.

– Конечно, а как же! – поднимает брови духовник.

Я обращаю умоляющий взгляд на мужа. Тот только вздыхает.

– Я плохо ориентируюсь в тех краях, да и семья у Изинботора такая... в нынешнем виде меня могут и на порог не пустить. Я, конечно, полечу с тобой, но и Алтонгирел тоже, обязательно.

Вот непруха так непруха!

Вслед за Алтонгирелом я просачиваюсь сквозь толпу туда, где стоит его наставник. Изинботора я видела только однажды, на памятном Совете Старейшин. Это статный моложавый мужчина с очень красивым лицом. Ему по идее должно быть за пятьдесят местных лет, иначе у него не могло бы быть такого взрослого ученика, но на вид намного моложе. Волосы у него длинные, с сединой только на висках, они нетуго заплетены в несколько кос и украшены нитями бисера. На шее ряды бус – просто нанизанные подряд мелкие драгоценные камни и резные бусины-обереги. Красивые мударжские мужчины любят на себя повешать камушков, а уж известные люди вообще из украшений не вылезают. Что интересно, женщины в этом отношении намного скромнее. То ли все-таки тяжело таскать на себе все эти булыжники, то ли принцип такой же, как у птичек: раз выбирает самка, то самец должен прихорашиваться и хвастаться.

Изинботор смотрит на меня из-под полуопущенных век, не поворачивая головы. Это, наверное, дико неудобно, да и видно должно быть очень плохо. Но, вероятно, большинство созерцаемых таким образом об этом не задумываются и резко чувствуют себя дрожащими тварями. Я обхожу Старейшину и встаю прямо перед ним, чтоб не окосел, бедный, за время разговора.

– Элизабет, – тихо произносит он мурлыкающим голосом.

– Здравствуйте, – киваю я. – Расскажите, пожалуйста, что там с вашим братом.

Он немного хмурится из-за того, что я сразу перешла к сути, не спросив предварительно о его собственном самочувствии и не обсудив переезд Унгуца, ради которого мы все тут собрались. Но нужда, видимо, пересиливает приверженность к традициям, так что он только легко вздыхает, откладывая нравоучение на потом, и отвечает:

– Ему уже больше месяца все время плохо.

– Как именно плохо? – уточняю я, потому что Изинботор явно не собирается продолжать.

– Его покинули силы. – Он пожимает плечами. – Он сильно похудел и очень бледен, почти не встает с постели.

– Так, – киваю. – Что-нибудь болит?

– Изредка боли в теле.

– Где именно в теле? – допытываюсь я. Ох уж мне эти муданжцы и их косноязычное духовенство...

Он сверкает на меня глазами.

– В теле. Не мое дело признавать неприятные подробности. Ты знаешь, что это за болезнь?

Я закатываю глаза и про себя проговариваю пару нехороших фраз.

– При таком расплывчатом описании это может быть пара сотен разных болезней. Мне надо знать точнее!

Он поджимает губы, а Алтонгирел сверлит меня укоризненным взглядом.

– У него кружится голова, – наконец выдает Изинботор. Потом, резко понизив голос, добавляет: – И тошнит.

Я закрываю лицо раскрытой ладонью. Это безнадежно.

– Пожалуй, я лучше позвоню нашему целителю и спрошу его. Может, он заметил какие-нибудь более характерные симптомы.

Я подхватываю Азамата, которому уже изрядно надоело ловить на себе косые, неприязненные взгляды бывших знакомых и слушать перешептывание незнакомых эстетов, мы раскланиваемся с Унгуцем и его внучкой, обещаем заходить в гости и принимать их у себя и смываемся.

От целителя, впрочем, удастся добиться немного. Боли оказываются в животе, а плюс к этому еще онемение мизинцев. В общем, похоже, что-то дающее анемию, вопрос: что? Но пока я там не

окажусь, ответа я не найду, так что паковать надо полный комплект всего, и быстро, а то целитель говорит, что «он плох, очень плох».

Лететь решили с утра пораньше, потому что ночью по малознакомому маршруту Азамат меня везти не хочет. В итоге вставать приходится в бешеную рань, только-только солнце поднимается, а Третья луна еще на небе.

Мы грузимся в Азаматов унгуц. Как всегда с Алтошей, первая же простая операция приводит к скандалу. Он, видите ли, хочет лететь на переднем сиденье, а я, типа, женщина толстозадая, обязана располагаться на заднем, чтоб не мешать. А у самого, между прочим, когда сидит, коленки на метр в стороны разведены, и левая так и норовит в приборную панель ткнуть в неподходящий момент. В конце концов Азамат находит решающий довод:

– Ты на Орле сто раз был, а Лиза впервые. Дай ей в окно-то посмотреть!

– Можно подумать, она способна оценить пейзаж! – фыркает Алтоша.

– Я не только оценить способна, я еще и камеру взяла, нащелкаю видов, а потом вышью что-нибудь или сотку! И можешь обзавидоваться.

На этом его все-таки удается запихать на заднее сиденье, хотя ворчать он не перестает еще долго.

Щелкаю я действительно много. Встающее солнце очень красиво отдельными бликами освещает горы, над которыми мы летим. Азамат знает перевал к югу от столицы, где совсем низко и нет всяких неприятных воздушных потоков и смерчей, которые почти всегда образуются над мударджскими горами. Вообще, место у столицы отличное: по земле можно только с одной стороны добраться, по воздуху – с двух. А все остальное – только для альпинистов. Горы здесь старые, невысокие, но никакой транспорт все равно не пройдет, разве что парнокопытный.

Выбравшись с гор, мы некоторое время летим над степью, кое-где размеченной вспаханнами полями. Здесь уже вымахала молодая трава – мы ведь летим на юг, а Ахмадхотский хребет хорошо экранирует эту местность от северного ветра, так что здесь значительно теплее, чем даже в незамерзающей столице. Потом пересекаем широкую и спокойную равнинную реку. Азамат говорит, что она впадает в Дол и

потому называется Тажилмирн, «питающая река». На Муданге десять крупных рек, не считая бесконечного количества мелких, и эта явно из тех десяти.

Алтонгирел дремлет на заднем сиденье, но при малейшем изменении нашего положения в пространстве подскакивает и принимается несколько сумбурно рассказывать Азамату, где какую впадину надо огибать, а где лучше снизиться.

А вот потом начинаются джунгли. Самый настоящий тропический лес, влажный и горячий, полный ярких красок и невероятных тварей. Широта, на которой находится пролив между материком и островом Орл, – это примерно и есть экватор Муданга. Здесь довольно холмисто, а мы летим на одной и той же высоте, поэтому вопли птиц и прочих голосистых тварей становятся то громче, то тише. Азамат приоткрывает по бокам купол унгуца, так что можно высунуть голову и поглазеть. Я прямо вижу, как внизу по веткам скачут пестрые птицы и мелкие обезьянки. Правда, когда к нам в салон залетает муха размером со скарабея, мой интерес к джунглям резко угасает. Муху мы выгоняем, а купол закрываем, тем более что уже очень хочется включить кондиционер, а то жарко.

Наконец через пять часов полета, как раз в самую жару, мы начинаем снижаться.

– А я думала, Орл – это остров, – говорю. Мы же приземляемся на берег континента.

– Остров и есть, – отвечает Азамат. – Но через пролив летать плохо, там такие ямы... Даже в хорошую погоду есть риск плюхнуться в воду, а сегодня тут ветрено.

– Так мы дальше поплывем, что ли?

– Лучше. Мы поедем подводным монорельсом. Вон видишь, станция?

На пологом берегу метрах в двухстах от кромки воды и правда стоит какой-то коровник с крышей, кажется, из пальмовых листьев или чего-то подобного.

Алтонгирел тут же реагирует на мою вытянувшуюся физиономию:

– А тебе, конечно, подавай все прозрачное и блестящее и чтобы у входа цветущие вишни? Нам такая показная роскошь не нужна, нам надо, чтобы функцию свою выполняло...

Я ставлю на землю свой чемодан, открываю верхний паз, достаю шприц и выразительно показываю Алтоше. Он сглатывает и затыкается. Я убираю шприц в нагрудный карман и похлопываю по нему ладонью, дескать, гляди, я вооружена. На духовника действует отлично.

Меж тем Азамат заходит в здание станции и выходит оттуда, неся на плече моток каната с крюком на конце. Этот крюк он зацепляет за край какого-то невидимого отверстия в хвосте нашего унгуца, после чего машет нам, чтобы шли за ним. Мы заходим внутрь через широченные ворота, которые Азамат открывает на полную. Почти от самого входа на полу начинается извилистая резиновая дорожка, у противоположной стены на оси висит катушка, с которой тянется канат. Азамат отгоняет нас в сторонку, где у стены торчит панель управления. Он щелкает рычажком, и катушка начинает неторопливо наматываться, подтягивая наш унгуц хвостом вперед внутрь здания. Когда он весь оказывается на дорожке, Азамат выключает катушку и отцепляет крюк. Тогда Алтонгирел жмет еще какую-то кнопку, и дорожка начинает двигаться вместе с унгуцем и Азаматом. Мы присоединяемся. Таким макаром мы переезжаем в другой конец псевдокоровника, где по углам стоят два шкафа. Дверца одного отъезжает вниз до половины, и мужики перекладывают в него наш багаж, после чего он снова закрывается. Видимо, это лифт.

– Ничего не забыла в салоне? – спрашивает меня муж, прежде чем нажать еще на какую-то фигулину в стене.

Я мотаю головой. Мы сходим с дорожки, а наш унгуц занимает почетное место в углу рядом с лифтом. Тут до меня доходит, что платформы вдоль стен – это места для транспорта. После этого мы грузимся во второй лифт и едем вниз.

У мударжцев, видимо, ненормальное пристрастие к прозрачным лифтам. Что на Гарнете, что здесь, пособие для начинающих геологов как на ладони.

– Ты у меня в доме, надеюсь, непрозрачный лифт сделал? – спрашиваю подозрительно.

– Только крышу, чтобы днем на освещении экономить, – отвечает он и улыбается. – Я помню, как ты на Гарнете боялась.

– А в общественных местах они у вас всегда такие?

– Если есть на что посмотреть. Здесь вон какие породы красивые мимо плывут. Если бы скучная земля была, сделали бы с закрытыми стенками. А так – приятно иметь возможность взглянуть на то, по чему ходишь.

Лифт привозит нас, как мне сначала кажется, на платформу метро. Над головой метрах в пяти закругленный свод, за краем платформы по обеим сторонам тот самый рельс, который моно. На нем стоит одинокий вагончик.

– Ну вот – Азамат делает пригласительный жест. – Заходи, устраивайся, тут ехать часа три, если я правильно помню.

– Чуть меньше, – скрупулезно поправляет Алтонгирел.

Внутри вагончик обставлен большими мягкими сиденьями по четыре со столиком посередине. Никакой кабины машиниста тут нет, так что мы рассаживаемся в носу, чтобы смотреть вперед, а не только по бокам. Я с Азаматом, а Алтоша через проход. Наши вещи уже здесь, стоят в заднем конце вагончика в чем-то типа детского манежа из сетки. Азамат вызывает прямо на лобовом стекле менюшку и что-то на ней жмет. Двери закрываются, и мы трогаемся.

– А управлять ты будешь? – спрашиваю.

– Да нет, оно автоматическое. Катится по рельсу в туннеле, и все тут. Управлять можно только дверями, кондиционером и прозрачностью окон.

Собственно под землей мы проезжаем метров сто, а потом вдруг все вокруг заливают голубоватый свет и мы оказываемся в прозрачной трубке в толще воды. За спиной довольно круто вниз уходит стена, из которой мы выехали, а вокруг уже вьются пестрые рыбки и крошечные, почти прозрачные медузки. Кажется, что туннель лежит на дне, но Азамат объясняет, что на самом деле он установлен на коротких подпорках, а дно внизу можно увидеть, если сделать прозрачным окно в полу. И немедленно делает.

А там коралловый риф, прямо метрах в двух от пола. Красочные ветвистые кораллы, твердые и мягкие, высокие и плоские, почти полностью покрывают дно, между ними видны только небольшие пятна песка. Я аж ноги поджимаю, потому что кажется, что вот-вот на рыбку наступлю. Рыбы тут тоже всех цветов, особенно популярны желтый и фиолетовый. Морские звезды ползают, ежи всякие безумные – малиновые, оранжевые, в горошек...

Азамат одним глазом смотрит на подводный мир, другим на меня с умильным выражением – ему очень нравится, что мне все нравится.

– Гляди, вон каракатица, видишь?

– Где?

– Ну вон щупальцами машет в песке. Это она закапывается, чтобы напасть из засады.

И правда, вижу зверюгу размером с воробья, которая методично двумя щупальцами нагребает себе на голову песок и камушки. Господи, как же смешно! Жаль, что мы так быстро едем, я бы за ней еще понаблюдала.

Еще нашим взорам являются сады бесконечных морских анемонов и лилий, некоторые сидят на крышках больших крабов. Азамат уже привык, что я не вижу и половины зверья, которое видит он, и все время показывает.

– Вон там у лилового коралла краб себе на спину губку тащит, видишь? А вон зеленая в крапинку, это рыба-попугай. Ух ты, гляди, рыба-рыбак! Да ты не увидишь, наверное, ее от коралла не отличишь... А вон еще! У нее верхний плавник как маленькая рыбка, а, видишь, да?

Ага, вижу, вроде как мелкая рыбка трепыхается, а под ней красный коралл, да только у коралла глазки и ротик немаленький. Еще нам встречаются разнообразные ракообразные и загадочные мохнатые белые трубки, по которым ползают мохнатые белые крабы. Креветки всех расцветок ковыляют по дну и проплывают мимо – красные, с оранжевыми пятнами, белые в фиолетовую крапинку, янтарно-желтые, синеголовые с огненными лапками и даже загримированные под орхидеи прямо с лепестками, даром что никаких морских орхидей тут не растет.

– Видишь розовые цветы? – Азамат кивает в сторону зарослей очередных анемонов. – Как думаешь, что это?

– Ну звери какие-то... Анемоны, нет?

– Это черви. Их самих не видно, в дне прячутся, а видно только то, чем они еду собирают. Если внимательно посмотришь, увидишь, что эти розетки иногда втягиваются...

Тут вдруг становится темно, и я инстинктивно поднимаю голову, чтобы выглянуть в переднее окно. Над нами проплывает нехилых размеров скат с раззявленной пастью.

Азамат усмехается у меня за спиной.

– Этот не хищный, он воду фильтрует. Да и в любом случае к нам в туннель даже кит не вломится, все рассчитано.

– А тут и киты есть?

– Здесь слишком мелко, вот заплывем поглубже, там могут быть. Хотя сейчас не сезон, тут ведь ранняя осень, а они в это время в холодных водах.

Через некоторое время мы действительно еще погружаемся, так что света становится меньше и все кажется голубоватым, пока не подплывет совсем близко к стенке туннеля. Кораллы уступают место зарослям морской капусты всех форм и оттенков, а в ней бурлит своя собственная жизнь – косяки рыб, плавающие крабы, потрясающей красоты улитки, раковины которых словно облеплены пестрым жемчугом. Азамат указывает куда-то в гущу травы, и, когда приглядываюсь, я различаю там совершенно фантастического морского конька, как будто поросшего листьями. Хвост и плавники его похожи на ветки плакучей березы, на спинке дебри.

– А вон другой, – тычет пальцем Азамат. – Смотри, какой яркий, у них сейчас нерест...

И правда, яркости другому не занимать. Он не такой облиственный, как первый, скорее похож на комара, с воздушными шариками вместо плавников, голова и спинка у него украшены желтыми точечками на темно-синем фоне, а шея и хвост светятся огненно-рыжим и небесно-голубым.

Дальше появляется довольно сильное течение, и водоросли больше не стоят лесом, а пригибаются по ходу воды. Тут и там стенки туннеля усеяны улитками и странными шипастыми головастиками. После напряженного ковыряния в лексиконе мы устанавливаем, что это морские воробьи, а по-муданжски – сидящая рыба, потому что она может брюшком приклеиваться к камню или еще чему, чтобы не сносило течением.

– Слушай, а давно этот туннель существует? – спрашиваю.

– Да лет полтора уже, – отвечает Азамат.

Это муданжских, ага.

– А как он до сих пор не зарос, на фиг?

– А у него такое покрытие, что мало что может прилипнуть. Вот эти рыбки, да улитки, да еще один-два трубчатых червяка, но ни

растения, ни кораллы не зацепляются. Во всяком случае, пока я не слышал, чтобы приходилось чистить стенки.

Мы всплываем, то есть туннель отходит ото дна, так что теперь мы едем в толще воды ближе к поверхности. Здесь снова светло, но вокруг в основном рыбы косяки и не так много интересного. По крайней мере, я так думаю, пока слева от меня не прощмыгивает кроваво-красная птица с блестящей рыбой в клюве.

– О, мы попали в самую охоту цохл! – восклицает Азамат. – Это добрый знак.

Добрый знак тут повсюду. Куда ни глянь, со всех сторон постоянно ныряют алые птицы, хватают рыб и выныривают, отгалкиваясь лапами, как лягушки. Оказывается, зрелище бесконечной рыбалки завораживает ничуть не меньше, чем всякое горящее пламя.

Впереди справа белеет столб пузырьков.

– Ну вот кита заказывала? Сейчас увидишь, – обещает Азамат, прихватывая меня за плечи, видимо, чтобы не боялась. А я и не боюсь, мы же не в воде плывем.

Из глубины вертикально вверх поднимается гигантская скотина с бородавками на морде и прилипшими к брюху рыбами. По бокам у него складки, как морщины, передние лапы чуть больше среднего человека, разверстая пасть аккуратно вбирает в себя косяк мелкой рыбы, согнанный в кучку кругом пузырьков. Кит медленно и величественно всплывает мимо нас до самой поверхности, выныривает на половину длины, а потом снова ныряет, сверкнув над водой хвостом, и уходит вглубь. Мы даже перебегаем к задним окнам, чтобы посмотреть ему вслед.

От нашей беготни просыпается Алтонгирел, который умудрился задрыхнуть практически сразу, как мы отчалили, так что мы про него и забыли вовсе.

– Чего вы носитесь? – ворчит он спросонок.

– Кита смотрим, – радостно объясняю я.

– Кита... – хмыкает он. – Зачем тебе ки... ох, троганая устрица...

Последнее является легким ругательством, так что мы резко поворачиваемся в ту сторону, куда смотрит духовник. Слева по ходу мимо нас проплывает гигантская тварь. Сначала я вижу только, что она существенно больше кита, бесконечно длинная и ровная по всей

длине, как змея. Приглядевшись, я различаю чешую и полупрозрачные гребни на спине и брюхе.

– Морской дракон, – торжественным шепотом говорит мне Азамат. – Вот из чешуи такого у нас крыша.

– Это ты это поймал?!

– Ну да. Правда, давно. Не на удочку, конечно. Для этого надо клетку сделать и поставить в подходящем месте, а потом его загнать... Ну хорош, правда?

Да уж, с этим не поспоришь.

Наша подводная прогулка заняла всего два часа сорок минут, а впечатлений у меня осталось, как будто неделю в море просидела. Заспанный Алтонгирел предпочитает игнорировать окружающий мир, что весьма меня устраивает. Азамат тоже повеселел. Ехать на Орл ему не очень хотелось, но эта экскурсия компенсировала его неприятные ожидания.

У выхода из станции, аналогичной коровнику на континенте, нас уже ждет машина с высокомерным юнцом за рулем. При виде Алтонгирела он вылезает из машины, и они многопафосно раскланиваются. Мы стоим в сторонке и ждем. Наконец Алтоша поворачивается и тягучим голосом объявляет:

– Нас любезно согласился встретить сын печального брата моего Наставника.

«Печальный» и «больной» по-муданжски – одно слово, но звучит смешно. Алтоша продолжает, теперь обращаясь к сыну брата и так далее:

– Вот Белая госпожа с Земли, о которой говорил целитель. Ею повелевают боги, посему ее успех или неудача в исцелении вашего уважаемого отца есть воля богов.

Я изо всех сил стараюсь сохранять непроницаемое выражение лица. У меня с этим плохо. Еще в школе всегда приходилось сидеть на задней парте, чтобы не смущать учителя своими рожами.

Сын брата кивает, а потом переводит неприязненный взгляд на Азамата.

– А это кто?

– Байч-Харах – ее муж, – торопливо поясняет Алтонгирел каким-то заискивающим тоном. – Непобедимый Исполин, э-э, платиновый карман.

– Но он же урод, – с легким удивлением говорит этот мажор.

Я перестаю следить за выражением лица.

– Ну да, – разводит руками Алтоша, – но не будет же она одна, без мужа ездить...

– Может, и так, – приподняв верхнюю губу, говорит этот юный дебил, – но в свою машину я его не пущу. Пускай сам добирается как хочет.

Я только рот открываю, но слов никаких в голову не приходит, одно жидкое, кипучее возмущение.

– А далеко? – негромко спрашивает Азамат.

– Артун, – сквозь зубы бросает этот засранец.

Артун это пятнадцать – тридцать километров, в зависимости от местности. Это он предлагает Азамату пешочком прогуляться? Что-то тут не видно никакого поселения, где можно было бы взять напрокат транспорт.

– А тут нельзя поблизости хоть лошадь купить? – Алтонгирел явно мыслит в том же направлении.

– Не знаю, – пожимает плечами наш чудесный провожатый. – Можно поискать.

Алтонгирел снова разводит руками и с недовольным выражением на лице косится на Азамата.

– Пойдешь или подождешь?

– погоди, – встречаю я, наконец обретя дар речи. – Что это за бред? Почему этот провинциальный сброд позволяет себе оскорблять моего мужа?

Выражение «провинциальный сброд» я почерпнула от дам в клубе и вот уж не думала, что воспользуюсь.

Юнец немедленно надул щеки и стал похож на морского воробья.

– Да как ты смеешь, женщина...

– Это как ты смеешь, молокосос? Отец лежит умирает, а ты тут губу задираешь, кого в машину пускать? Смотри, как бы не выяснилось, что его отравили, а то я уже знаю, кто виноватым окажется.

Юнец и Алтонгирел оба распахивают глаза вдвое шире нормы, а Азамат тихо меня уговаривает:

– Лиза, не надо. Это нормально...

– В устрицу такое нормально! – так же шепотом отвечаю я. Потом поворачиваюсь к сынку Изинтовоя, который несколько замешкался с ответом. – В общем, так, мальчик. Меня сюда пригласили лечить твоего отца, я не напрашивалась. У меня дома дела и другие пациенты, от которых меня оторвали ради него. Если моя помощь не нужна, так мне нетрудно прямо отсюда вернуться, мне понравилось под водой кататься. А если нужна, то ты закроешь рот, откроешь дверь машины и оставишь при себе свое мнение о внешности моего мужа.

По мере того как я говорю, лицо у юноши становится все краснее. Видимо, нечасто ему дают такой отпор. Алтонгирел схватился за голову и ерошит волосы, шепча что-то про безголовых инопланетянок. Ничего, киса, и тебе достанется горяченьких. Азамат придерживает меня за плечо и шепчет, чтобы я успокоилась. Ага, десять раз. Плевать я хотела на ваши обычаи и приличия, всему есть предел.

Мой оппонент наконец разевает рот, чтобы что-то сказать, и я поглубже вдыхаю в предвкушении урагана, а то и драки. Если он сейчас продолжит в том же духе, что начал, я воспользуюсь тем, что женщин не бьют, и навалю ему по полной морде, хоть она у него и довольно худая. От напряжения я даже прикусываю уголок губ, смотрю на него с кривой ухмылкой, нагнув голову, как Азаматов конь.

И вдруг парень бледнеет и отступает. Как заколдованный открывает заднюю дверь машины, потом садится за руль и сидит неподвижно, глядя перед собой. Алтонгирел оглядывает его, меня, потом медленно выдыхает и машет, дескать, залезайте, а сам бежит за вещами в псевдокоровник, вывозит их на тележке и сгружает в открытый багажник. Мы с Азаматом залезаем на заднее сиденье, Алтоша обходит и вскарабкивается на переднее – эта машина еще выше, чем Азаматова. Двери захлопываются, наш водитель трогается с места.

Мы едем в гробовой тишине минут двадцать, когда наконец среди зеленых лесистых холмов показывается большое село.

– А я думала, тут город, – шепотом и на всякий случай на всеобщем говорю я Азамату.

– Город в глубине острова. А... твой пациент живет в деревне близко к побережью.

Море и правда проглядывает бликами слева на горизонте, где холмы пониже.

Машина останавливается на центральной улице перед большим, богато украшенным домом. На калитке висит веревочка с цветными узлами и перьями. Я уже видела такие, когда ездила по вызовам. Она значит «глава семьи болен и не принимает». Очень меня забавляет это их веревочное письмо, как статус в чате. Наш провожатый распахивает калитку, и я направляюсь вслед за ним, прихватив чемодан, однако Азамат тихонько меня окликает.

– Я не пойду с вами, мне там нечего делать. Найду тут постоянный двор и там тебя подожду.

Я не успеваю ни возразить, ни согласиться, потому что Алтоша подталкивает меня в спину, и мы идем в дом.

В первой же комнате, пестрящей невероятным разнообразием гобеленов, мне навстречу поднимается целитель.

– А-а, ну наконец-то! Вот вы и прибыли. Ну что, дело к обеду, поедим – и за работу?

Муданжцы свято исповедуют принцип «если врач сыт, то и больному легче». На меня разок смертельно обиделись за то, что я отказалась есть до осмотра больного.

– Как печальный? – спрашиваю. – Изменения, ухудшения?

– Да все так же, – вздыхает целитель. – Лежит, мучается. Боюсь, недолго ему осталось. Но вы поглядите, вдруг это из тех болезней, что мне вовсе неизвестны.

– Давайте я на него взгляну, а насчет еды потом. Я поздно завтракала, – вру я. Это быстрее, чем вдаваться в нравственные рассуждения.

Целитель снова вздыхает и провожает меня в дальнюю комнату. Я смотрю, он тут уже освоился. Сынок пациента порывается было следовать за нами, но Алтонгирел говорит ему не ходить. Будет некрасиво, говорит. Так что я избавлена от посторонних глаз, хоть за это спасибо духовнику.

Изинтовтой похож на Изинботора, насколько я могу судить по его осунувшейся физиономии. Только где у Старейшины высокомерие, у этого горделивое страдание. Однако не думаю, что симулирует, и правда анемичный вид. Губы совсем белые, глаза с желтизной.

– Здравствуйте, – говорю. – Я целительница с Земли. Рассказывайте, в чем у вас проблема.

Спрашиваю на всякий случай, вдруг целитель отмел какой-нибудь симптом как выдумку, с него станется. Но нет, больной повторяет все то же самое: головокружение, тошнота, слабость, боли в животе, онемение мизинцев. Осматриваю живот. Он вздутый, похоже на опухоль. В сочетании с прочими симптомами получается анемия, а то и вовсе рак. И это очень плохо. То есть это, конечно, всегда плохо, но в данном случае особенно. Во-первых, потому что это одна из тех болезней, о которых целитель ничего не знает, а прочие муданжцы – так и подавно. И я задолбаюсь объяснять. Во-вторых, потому что я вряд ли смогу его вылечить. На Земле-то у нас уже научились, но проблема в том, что для каждой микроразновидности опухолей, которой страдает сотая доля процента онкологических пациентов, разработана своя методика лечения, и, чтобы установить, какая именно подходит именно этому человеку, требуется иногда пара лет постоянного врачебного наблюдения с чуть ли не ежедневными анализами, а при остром заболевании некоторые больные редкими разновидностями и не выживают. У меня же тут и оборудования соответствующего нету, и препаратов, да и вообще, я одна на планету и не онколог, тем более не гематолог. Придется мужика на Землю посылать, а он еще может не согласиться. А чтобы он легально смог попасть на Землю и там лечиться (допустим, у него есть на это деньги, вроде небедный), надо сначала провести комплексный анализ его всего вдоль и поперек, да чтобы результат был заверен двумя врачами разного профиля, причем один из них должен быть инфектологом, а где ж я среди ночи на Муданге инфектолога возьму? А как на Гарнете и других цивилизованных планетах обстоит дело с лечением онкологии, я понятия не имею.

Унылая перспектива, естественно, отразилась на моей физиономии, и целитель тут же все понял. По-своему.

– Надежды нет? – с надрывом спрашивает он.

– Надежда есть всегда. К сожалению, нет гарантии. Мне нужно взять у вас немножко крови, – со вздохом говорю я, предвкушая объяснения. – Если вы опасаетесь, целитель вам подтвердит, что я не использую ее вам во вред...

– Берите, – отмахивается он. – Мне уже хуже не будет.

Ха! Оптимист.

Но мне же лучше. Обтираю руки стерилизующими салфетками (черт же знает, какое у них тут мыло и какая вода). Протираю руку пациента. Беру кровь, достаю портативный анализатор, жду.

В дверь без стука заходит девушка, явно родственница Изинтовоя.

– Отец будет есть? – спрашивает она непонятно у кого.

Больной выкатывает глаза из-под век и слабо кивает.

– Немножко...

Я тем временем открываю бук и принимаюсь строчить письмо знакомому гематологу. Девушка входит вторично, с подносом. Чтоб этих муданжцев с их манерой входить без стука! Содержимое подноса, однако, не слишком-то соответствует вялому «немножко».

– Вот извольте. – Она ставит небольшую тарелку на тумбочку у кровати, а остальной поднос – перед целителем. – И Белую госпожу уговорите поесть, а то что же она...

Ладно, так и быть, уговорили. Все равно надо ждать результата анализа, а жрать я уже хочу как следует, утром-то в меня кусок не лезет. Ну-с, чем нас кормят? Какая-то рыба. Ну да, тут богато в этом смысле. Ох, а что ж она такая непрожаренная?..

Смотрю, целитель уминает за обе щеки. Пациент вяло ковыряется.

– Чего ж вы не едите, Лиза? – осведомляется целитель. – Что-то не так?

– Да она сырая почти. У вас нормальная?

– А так и должно быть, эту рыбу едят полусырой. Вы вон из пиалы семечек тыквенных возьмите и вместе ешьте. Это ж у местных любимое блюдо...

Что-то кликает у меня в голове. Худой, тошнит, боли в животе и сырая рыба. А в тыквенных семечках есть антигельминтики. Может, все-таки не анемия?

Отставляю тарелку и выхватываю из чемодана сканер.

– Дайте-ка я одеяло отогну, кое-что проверю. Вы тарелочку-то поставьте...

Больной что-то вяло бухтит, я не очень слушаю. Начинаю просматривать кишечник – и точно, вот он, лентец. Желтый, огромный! Тут как раз и анализ поспекает с подтверждением.

– Вам повезло, – усмехаюсь. – Сейчас мы вас вылечим.

Препараты от глистов я вожу с собой всегда, потому что с этим мударжским сыроедением удивительно, как тут все поголовно ими не болеют. Надо было сразу догадаться, конечно, а то анемия, рак, ужасы всякие... Если бы тут местный целитель был, он бы сразу понял, в чем дело. Наверняка у жителей побережья часто глисты бывают, только их семечками выводят.

– Что же с ним? – вопрошает целитель, жуя.

– Червь. Вот полюбуйтесь. Это от сырой рыбы.

Сую ему экран. Целитель любуется. Секунд пять. А потом быстро-быстро покидает комнату, уронив тарелку.

– Что там? – в ужасе спрашивает Изинтовтой.

– Потом увидите, а то еще заблюете тут все... Сейчас скушаете лекарство и часа через три еще разок, а потом будете месяц пить таблетки. И все, выздоровеете.

Червь послушно отвалился и через несколько часов (пока я писала дневники, искала в чемодане закопанное на самое дно минеральное слабительное и осматривала гобелены в гостиной) вышел, все двадцать пять метров. Я, естественно, не преминула наглядно объяснить домочадцам, почему плохо есть сырое. Правда, пациента потом пришлось выводить из обморока. Когда он немного очухался, я выдала ему витамины, снабдила инструкцией, как принимать, и поскорее покинула дом. На членов семьи Изинтовтоя так скоропостижно снизошло озарение, что в доме плохо пахло. Не скоро они меня забудут, ох не скоро...

На свежем воздухе Алтонгирел слегка оклемывается и ведет меня на постоянный двор, где нас ждет Азамат. Мы замечаем его издали – он сидит на террасе, вытянувшись во весь рост по касательной к плетенному диванчику, потягивает чай и что-то читает с телефона. При нашем приближении его лицо принимает озабоченное выражение.

– Боги, Алтонгирел, что там еще произошло?

– Ничего, – выдавливает сине-зеленый духовник. – Она его вылечила. Но, м-мать-устрица, могла бы и не показывать...

– Ну что ты, это очень познавательно, я считаю, – лучезарно улыбаюсь я. – Солнце, закажи нам ужин, а то я с утра так ничего и не ела...

– Не нам, – быстро поправляет меня духовник. – Я ничего не буду!

Я ржу, Азамат недоумекает, но подзывает трактирщика. Тот немедленно предлагает местный деликатес.

– Только не сырую рыбу! Надеюсь, ты ее не ел? – быстро говорит Алтонгирел.

Азамат недоумекает еще больше:

– Нет, а что?..

– Ты не переживай, Алтоша, – успокоительно говорю я. – Это не только в рыбе и не только в местной. Это в любом сыром мясе может быть. Ну немного другой формы или цвета...

Алтонгирел вытаращивает глаза, машет на меня руками и убегает в кусты. Азамат начинает смеяться. Когда озадаченный трактирщик уходит с заказом, я в мягкой форме пересказываю мужу, в чем было дело. Ему-то я про глистов рассказывала, надо же было объяснить, почему я сырое не ем.

– С ума сойти, – качает головой он. – Чего только в природе не бывает...

Меня страшно радует его философское отношение к миру.

Возвращается Алтоша, бледный, но живой. Тут мне приносят огромную миску дымящейся лапши с морепродуктами, и ему опять становится плохо. Правда, не настолько, чтобы бежать в кусты.

– Теперь я все понимаю, – стонет он, стараясь не смотреть, как я уплетаю креветок. – Если она после такого может есть, то неудивительно, что ей плевать на твою внешность.

Азамат смеется, а я вот резко вспоминаю, с чего все началось.

– Да, кстати, – говорю. – Что это было за... – тут я вставляю пару словечек, которые Азамат меня специально просил никогда не употреблять, – насчет непускания в машину? Ты что, серьезно собирался ему это спустить с рук? Алтонгирел, ты тоже хорош друг, хоть бы возмутился!

– А чего тут возмущаться, – пожимает плечами духовник.

– Лиза, ты не понимаешь, – перебивает его Азамат. – Это нормальное отношение к таким, как я. Я же тебе говорил, семья Изинботора очень традиционная, они бы меня и на порог не пустили. Ну или в машину, какая разница. В столице народ разный, всякое повидали, а тут глухая деревня, хоть и богатая. Чего ты от них хочешь...

– Я хочу, чтобы они тебя уважали, это довольно очевидно, по моему. Но ты, видимо, считаешь, что их надо поддерживать в их дикарстве?

– Нет, я просто боялся, что ты и ему влепишь по лицу, а это был бы чудовищный скандал.

– А я похожа на человека, которого можно напугать перспективой скандала? – интересуюсь я.

– Нет, но я похож, – угрюмо отвечает он. – Ты зря думаешь, что, если весь Муданг узнает, как ты меня защищаешь, ко мне станут лучше относиться. Скорее уж наоборот.

– Значит, ты предпочитаешь топтать тридцать километров по солнцепеку в неизвестном направлении, но не поставить подонка на место? Азамат, да ты ж его пальцем перешибить можешь! Почему ты должен терпеть от него оскорбления?

– Это не оскорбления. – Он пожимает плечами. Потом вздыхает. – Боюсь, ты никогда не поймешь.

– А я и не пытаюсь. Я состою в законном браке с благополучным человеком, и, если кого-то что-то не устраивает, это их проблемы, а не мои. И не твои. Если не хочешь, чтобы я тебя защищала, то защищай себя сам. У тебя получится, стоит только попробовать. – Я подмигиваю.

Азамат трет лоб.

– Да, я уже понял, что это единственный выход. В дальнейшем учту. Только, пожалуйста, не надо так больше делать.

– Как – так? Я же его не тронула.

– Ты жестом показала. Ну как я тогда в магазине...

Я с трудом вспоминаю, что действительно, когда мы ходили за пряжей, Азамат очень эффективно припугнул продавца какой-то особенной кривой ухмылкой. Хотите сказать, я сделала то же самое? Потому парень так и сбледнул?

– Вообще, я не нарочно, – признаюсь я. – А что это значит?

Азамат и Алтонгирел переглядываются и тяжело вздыхают.

– Это значит «не надоедай, убью» и подразумевает, что ты физически или духовно сильнее того, кому ты это сообщаем, и действительно можешь его убить. Такими вещами не разбрасываются. Тем более ты – не духовник, не знающая и вообще слабая женщина. Осторожнее надо быть. Бедный парень наверняка тоже решил, что ты

ниспослана Укун-Танив навести тут порядок. Небось уже побежал к духовнику возносить дары.

Глава 12

Собственно говоря, делать нам тут больше нечего, но дело к ночи, а мы все устали. По разным причинам. Азамат вел унгуц, я работала и маялась долгие часы в не слишком приятном доме, донимаемая целителем. А Алтоша переживал, как бы я не наделала еще глупостей. Теперь, бедняга, еле на ногах держится.

Азамат снял на постоялом дворе три номера, потому что так положено. Этот двор располагается на самом краю деревни, и практически сразу за ним метрах в двухстах море. С востока пролив, отделяющий Орл от континента, усеян островами и островочками, между многими из которых в отлив можно пройти вброд. Да и пролив – не открытое море, мелкий. В результате вода здесь очень теплая. Все эти сведения, частично известные мне и раньше, а частично только что выуженные из бездны Азаматовых знаний о родной планете, приводят меня к довольно очевидному выводу:

– Пошли купаться!

Мужики смотрят на меня несколько озадаченно, а потом одновременно высказываются.

Алтонгирел:

– Так темно уже!

Азамат:

– Я не взял с собой никакой подходящей одежды...

Я начинаю ржать.

– Совместите свои ответы – и получится универсальное решение. Чем же плохо, что темно?

– Понятно чем. Не видно, куда ныряешь, – хмурится Алтоша.

– Да тут наверняка есть какое-нибудь место, где все купаются. Там и дно расчищено, ни во что не врежешься.

Алтоша хмурится еще сильнее, но все-таки подходит к хозяину двора спросить, где тут купаются.

– А зачем тебе ночью одежда? – тем временем интересуюсь я у Азамата. – Не видно ведь ничего.

– Это тебе не видно. Ты, уж извини, несколько хуже видишь, чем мы, – вздыхает он.

Я пожимаю плечами.

– Если так стесняешься, ну надень трусы, и вперед.

– Да трусы-то ладно, там стесняться нечего. Мне, наоборот, футболку надо, шрамы прикрыть. А я набрал с собой приличных рубашек, в них плавать неудобно.

Вопрос «зачем?» задавать бессмысленно. Азамат почему-то считает, что в рубашке на пуговицах он выглядит лучше, чем в рубашке без пуговиц. Поскольку мое мнение по данному вопросу (что лучше всего он выглядит совсем без рубашки) считается предвзятым, я давно перестала поднимать эту тему.

– В конце концов, у вас все-таки не инфракрасные камеры в глазу. А ночи тут должны быть темнее, чем в Ахмадхоте. Никто тебя не разглядит. А если специально присматриваться будут, сами виноваты. И вообще, я надеюсь, мы найдем уединенное местечко, где больше никого не будет.

– Это вполне вероятно, – сообщает вернувшийся Алтонгирел. – Трактирщик говорит, что здесь весь берег пологий и песчаный, а в километре вправо есть дамские заливчики.

– Это что значит?

– Мелкие. Для тех, кто плавать не умеет.

– А что, неужели у вас бывает, что кто-то не умеет плавать? – поражаюсь я. У диких муданжцев это, по-моему, должно быть врожденным.

– Женщины, – пожимает плечами духовник. – Если они, конечно, не рыбачки. А что, хочешь сказать, что ты умеешь?

– Умею! – гордо сообщаю я. Эти муданжские женщины – просто идолы какие-то. И даже не деревянные. – Правда, небыстро, но далеко.

Духовник поджимает губы, а вот Азамат приободряется. Видимо, думал, что придется со мной в лягушатнике плюхаться.

В общем, купаться мы все-таки идем. Чуть вбок от деревни, но не доходя «дамских заливчиков». Ночь влажная, горячая, только с запада подует свежий ветерок. У Азамата есть фонарик, но, когда мы выходим на пляж, он его выключает. Воду находим на ощупь – и правда ужасно темно. Она совсем теплая, даже теплее воздуха. Людей вокруг ни души. Видимо, работает принцип, что жители курортных местечек не купаются. Мы оставляем одежду в кустах на берегу и шлепаем в воду, Алтонгирел чуть поодаль – ботинки, неужели

догадался Азамата не смущать? Азамат заходит едва-едва по колено и сразу ложится, а дальше уже по-крокодильи.

Через некоторое время мои глаза привыкают к темноте достаточно, чтобы отличать, где берег, а где горизонт. При некотором напряжении я вижу на фоне горизонта стройную фигуру Алтонгирела, который все никак не окунется – бредет примерно по пояс, шипит, чертыхается... Я уже примкнула к дорогому супругу в ползучем способе передвижения, поскольку в воде существенно приятнее, чем на воздухе, – ей-то положено быть мокрой и горячей.

Чуть поглубже мои руки начинают то и дело наткаться на что-то, а вернее, что-то начинает наткаться на меня. Не камни, не коряги, не водоросли...

– Азамат, а что это такое на дне, тычется все время?

– А это рыбки. Ты их вспугиваешь, а они от большого ума пытаются у тебя под руками спрятаться. Если хочешь, могу поймать...

– Да я все равно не увижу. – Я подползаю к нему поближе и говорю в самое ухо так тихо, как только могу: – Давай Алтошу обрызгаем!

Азамат кивает – его волосы провозят мне по носу. Потом он тянет меня за руку, и мы бесшумно ползем вперед. Примерно за метр до цели Азамат меня мягко останавливает и отсчитывает пальцем по моей руке: раз, два, три! И мы устраиваем локальное цунами.

Боже, какой визг поднимает Алтоша! Я так не хохотала с тех пор, как он меня опоил на корабле.

– Смотри не захлебнись, – мрачно комментирует он, успокоившись. Зато наконец пускается вплавь, хоть и со вздохом.

И тут всходит луна, о которой я благополучно забыла, планируя ночное купание. Это Вторая луна, в Ахмадхоте она появляется чуток за полночь, а здесь не знаю... Перелеты сбивают меня с толку. По идее мы сейчас на пару меридианов к востоку от столицы, но я не знаю, сколько их на Муданге всего, а официальных часовых поясов тут никто не вводил. Между Первой и Второй луной есть зазор часа в два, потому я и забыла про ночное светило. А вот Вторая и Третья луны пересекаются на небе минут на пятнадцать, и садится Третья луна на самом рассвете. Так что темно теперь уже не будет. Ладно, притворяемся, что так и было задумано. В конце концов, Азамат сам должен был сообразить, я-то что...

Оборачиваюсь на него – рожа изрядно кислая.

– М-да, я думал, луна позже взойдет. Не рассчитал...

Он поглубже вдыхает и ныряет. Мы уже довольно далеко отплыли, я едва достаю до дна. В свете луны стали видны острова, и, по-моему, они не очень далеко. Азамат выныривает и гулко отфыркивается, как кит. Я решаю последовать его примеру, ныряю до самого дна, а когда возвращаюсь на поверхность, мужики страшно ржут.

– Вы чего?

– Зачем ты так щеки надуваешь?

– Ну как, воздуху-то надо набрать!

– А почему в щеки? – покатывается Азамат.

– Потому что в глотке он у меня не держится и, стоит чуть глубже нырнуть, сразу выходит весь!

Они хохочут как дети. Алтоша откидывается на спину и колотит ладонями по воде, Азамат, наоборот, по максимуму погружается и булькает оттуда. Я хмыкаю, задираю нос и гребу к острову.

Поскольку плаваю я и правда медленно, мужики не сразу понимают, что я куда-то направились, а когда догоняют, до острова и до берега уже примерно одинаково.

– Лиза, ты куда? Ты что, обиделась? – Азамат, как всегда, закладывается на худший вариант. Между прочим, неплохая стратегия: от его виноватого взгляда я растую, даже если в самом деле обижусь.

– Нет, я просто на остров плыву.

– Зачем?

– Просто так. Остров. Прикольно.

Смотрит подозрительно.

– Ты точно не обиделась?

Понятно, теперь, пока его не потрогаешь, не отстанет. Азамат вообще очень падок на прикосновения. Муданжцы в большинстве своем недотроги, у них мало физических контактов в культуре. Рукопожатий нет, похлопывание по плечу унизительно, обнимаются раз в сто реже, чем у нас, целуются вообще только женатые или близкие к тому, за руку водят только детей, ну и так далее. Я до сих пор считала, что не люблю, когда меня трогают без нужды. С подругами обычно не целуюсь, от бабушки в детстве уворачивалась... Однако местные порядки даже для меня чересчур прохладные. А

Азамат ужасно ласковый. Если бы он вырос на Земле, он бы, наверное, был из тех людей, которые во время разговора вцепляются собеседнику в коленку и гладят по плечу. К счастью (а я этого терпеть не могу), он вырос не на Земле... Впрочем, он-то мне всегда приятен, это я так.

Так вот обнаружив, что меня можно в любой момент развести на погладить, пообнимать и поцеловать, он тут же принялся этим пользоваться в качестве ободрения. Если он не уверен, в каком я настроении, то единственный способ его успокоить – это как-нибудь потрогать. Мне нетрудно, конечно. Но забавно.

Вот и сейчас приходится перестать грести и повиснуть у него на шее, чтобы развеять подозрения.

– Я на такую фигню не обижаюсь, просто захотела на остров сплывать, – говорю и целую его в подбородок. Мне кажется, шрамы чуток сгладились. На вид все так же, а вот под губами месяц назад по-другому ощущалось...

– А что тебе делать на острове? – спрашивает он, уткнувшись мне в самое ухо. – Там просто лысые камни.

– Не знаю, привычка. Когда купаюсь где-нибудь, если близко остров, надо до него доплыть. А то чего, по кругу плавать, что ли?

Вот сейчас я его поглажу по голове, и он начнет меня отпускать. Не сразу. Потихоньку-полегоньку. Ага, руку передвигает с дальней лопатки на ближнее плечо, выпутывает нос из моих кудряшек... А кто сказал, что я хочу, чтоб он меня отпустил, кстати говоря? Я, может, плыть устала, повисеть хочу. Да и вообще. Теплое море, луна, любимый человек... и на фига мне этот остров?

– Ну вы тут еще сексом займитесь, – раздается над ухом ворчливый голос духовника. – Лиза, понятно, бесстыжая, но ты-то бы хоть постеснялся.

Азамат несколько смущается, но отвечает насмешливо:

– Что ж я буду отказываться, если дают? Я не так уж избалован вниманием, знаешь ли.

Я кусаю его за нос. Он принимается смешно выворачиваться, стараясь меня не оттолкнуть. В итоге я сама отпускаю, потому что хохот разбирает. Алтоша ворчит и отворачивается.

Мы доплываем до острова, на котором и правда лысые камни да пустые чайчьи гнезда, немного отдыхаем и отправляемся обратно. У

берега Алтонгирел демонстративно нас обгоняет и выходит из воды первым, не оборачиваясь и сильно виляя задом.

– По-моему, он все еще пытается тебя соблазнить, – хихикаю я.

Азамат делает страшные глаза:

– Или тебя. Примерно столь же вероятно.

Духовник одевается и уходит прочь по тропинке к деревне. Мы встаем из воды, распугивая мальков. Одежду мы повесили на ветку дерева у края пляжа. В лунном свете мне мерещится в развилке какая-то белесая дымка. Пока мы купались, поднялся ветер, и теперь завывает и скрипит деревьями. В общем, пора идти в номер и ложиться спать, пока не напридумывала себе пугалок. Впрочем, при наличии Азамата под боком ничего мне не страшно. Да и он утверждает, что спать стал гораздо лучше с моим участием – то ли устает сильнее, то ли во сне его тоже ощущение другого тела рядом успокаивает, а может, просто регулярный секс положительно действует на нервную систему.

Номера у нас идут подряд вдоль коридора, так что мы оставляем пустым средний и заселяемся в крайний, чтобы, не дай бог, не нарушить Алтошин сладкий сон. Ополоснувшись от соли, мы с комфортом усаживаемся на напольном лежбище, заменяющем тут кровать, чтобы расчесать Азамата, а то наутро это уже будет невозможно. Я быстро проверяю телефон – не звонил ли кто – и кидаю его рядом, по привычке. Азамат мурлычет что-то себе под нос на землетрясущих частотах и послушно поворачивает голову то так, то эдак, чтобы мне было удобнее.

– Завтра утром еще искупаемся? – спрашиваю для шума.

– Так мне не в чем.

Я закатываю глаза, хотя он меня и не видит.

– Да что ж ты так стесняешься? Ну подумай, увидит тебя кто-нибудь. Ты сюда, может, еще пятнадцать лет не приедешь, чего дергаться-то?

– Они будут меня презирать. А мне этого и так хватает...

– По-моему, им для этого необязательно заглядывать тебе под рубашку, судя по сегодняшнему прецеденту.

– Да. Но если еще и под рубашку заглянут, то будут презирать вдвое больше. Удивительно, но мне это будет вдвое больше.

– А я думала, ты считаешь, что это в порядке вещей.

– Это в порядке вещей, да, я не рассчитываю на другое отношение. Но это не значит, что мне приятно или даже все равно.

Я потихоньку жму пару кнопок на телефоне.

– То есть внутренне ты вообще не смирился с тем, что они тебя считают уродом?

– А что, с этим можно смириться? Если б я таким родился, еще был бы шанс, а так это смешно.

– И тем не менее ты считаешь нормальным, когда твои приятели тебя так называют? Как Алтоша это любит, громко и возмущенно. И стыдит тебя все время.

– А что мне остается? – Он пожимает плечами. – Я не могу себе позволить выбирать друзей или ссориться с ними. Если они меня терпят, хотя и считают уродом, я должен быть за это благодарным.

– А что ты чувствуешь, когда твои друзья называют тебя уродом?

Он некоторое время молчит, обдумывая.

– Одиночество. Я чувствую, что все люди связаны между собой, а меня как будто отстригли. И я могу на них только через забор смотреть, а близко подойти не могу. Я злюсь на них и тут же чувствую себя виноватым, что навязываюсь, и мне стыдно за злость. Но с другой стороны... главное, тут... они... – Он некоторое время путается в словах, и я чувствую, что его вот-вот прорвет. – Алтонгирел и Эцаган, Ахамба, Эндан, Убуржгун, Онхновч, даже Арон – мне иногда кажется, что им доставляет удовольствие меня унижать, как будто, если они лишний раз мне напомнят, что я хуже их, им самим станет лучше! Я не понимаю, неужели трудно иной раз просто промолчать? Конечно, ничего требовать от них я не могу, но просто интересно даже – неужели приятно человеку в лицо плюнуть?

Вот это уже больше похоже на нормальную человеческую реакцию. А то «в порядке вещей», «в порядке вещей»... Он временно иссякает, так что я решаюсь немного подстрекнуть:

– Может, они не понимают, что тебе обидно?

– Не знаю, – мрачно отзывается Азамат. – Чего уж тут не понять. Каждый раз как земля из-под ног уходит. Вроде только привыкнешь, что человек к тебе хорошо относится, и на, получи снега за шиворот, чтоб не расслаблялся. Не знаю, что тут можно не понять, мне кажется, у меня все на лице нарисовано, как на гобелене.

Вообще, надо отдать ему должное, ничего у него на лице не изображается в такие моменты. Но сейчас не это важно.

– А почему ты их не попросишь не обзываться? Все ведь взрослые люди, они должны понять.

– Мне кажется, они будут надо мной смеяться, что я переживаю из-за ерунды.

– Но ведь это не ерунда!

– Так я же ничего не могу изменить, поэтому надо смириться. А если я не могу смириться, то это мои проблемы, чего их на других перевешивать... Все равно, что бы они ни делали, я не могу с ними поссориться, других-то друзей мне негде взять. А без них совсем плохо...

– А если бы тебе было где взять других друзей, что бы ты сделал?

– Не знаю, – отмахивается он. – Все равно этому никогда не бывать, так чего бередить душу? Давай больше не будем об этом говорить, пожалуйста. Одно расстройство от таких разговоров.

– Ну мне кажется, тебе надо хоть иногда выговориться, а то так ведь и лопнуть можно, – вздыхаю я, потихоньку выключая запись на телефоне. Ох я кому-то устрою прочистку мозгов...

– Да ну. – Азамат встряхивает расчесанной гривой. – Вот выговорился, теперь полночи не засну.

– Ну с этим я тебе помогу. Только сначала намажемся...

Он гладит меня по голове.

– Я так счастлив, что ты это делаешь... Даже если никакого результата не будет, все равно я каждый вечер чувствую себя полноценным человеком. Хотя бы ты не брезгуешь, иначе бы я совсем загнулся.

– Какое может быть «иначе», Азамат, ты что? Или ты имеешь в виду, если бы какая-нибудь местная дурочка вышла за тебя по расчету? Так тут и здоровый человек загнется. Но я рада, что ты с удовольствием лечишься, это всегда повышает шансы на успех. Дай-ка я на другую сторону переползу...

Он ловит меня в процессе, так что я остаюсь сидеть на нем верхом, и притягивает поближе.

– Лиза, вот скажи, пожалуйста, зачем я тебе нужен?

У меня глаза на лоб лезут. Этого еще не хватало!

– Это что за вопрос такой вообще? Ты не перегрелся, часом?

– Я серьезно. Ты ведь абсолютно самодостаточна. У тебя доходная профессия, ты любишь работать, ты красивая, легко заводишь друзей, у тебя хорошие отношения в семье. И зачем тебе ко всему этому я со своими проблемами? А ведь ты на эту планету прилетела только ради меня, терпишь наши заморочки, когда меня оскорбляют, воспринимаешь это на свой счет... Зачем тебе все это?

– А что, украденные души – это уже не аргумент? – Я как-то теряюсь.

Он качает головой.

– Душа на пустом месте краже не поддается. Должны быть какие-то причины, основания. А если их нет, то со временем душа может и обратно вернуться, и ее не удержишь.

– Я не понимаю, Азамат, ты чего-то боишься? Так скажи прямо, и я тебе так же прямо отвечу. Ты же знаешь, я не люблю намеки.

– Я много чего боюсь. Но сейчас я просто пытаюсь понять, зачем ты тратишь на меня свою жизнь.

Я демонстративно чешу в затылке и гримасничаю, стараясь сбить пафос момента.

– Ну ка-ак бы тебе это объяснить, чтоб понятно и не обидно... Наверное, все причины можно объединить в две больших группы: про тебя и про меня. С какой начать?

– С первой, если тебе не трудно.

– Да раз плюнуть. Понимаешь, с моей точки зрения, ты просто очень клевый мужик. Во всех отношениях. То есть я твердо уверена, что лучше не бывает, а иногда мне вообще кажется, что я тебя придумала, потому что в природе такие не водятся. Ни на Земле, ни где еще. И не возражай, я знаю, что ты другого мнения, но я-то тебе свое высказываю. Ну вот это раз. А два – это то, что я сама довольно обычный человек. На Земле я практически не выделяюсь ни внешне, ни как-то еще. Нет, у меня, конечно, есть определенные достоинства и недостатки, которые отличают меня от прочих, но все равно я одна из многих похожих. И если у меня на Земле образуется мужик, то я очень хорошо понимаю, что он может в любой момент без особых причин сменить меня на другую похожую. Или что я могу точно так же подцепить в соседнем доме такого же. Ну и будут они отличаться пристрастиями в еде и спорте, цветом глаз и мнением, в какой шкафчик следует ставить чашки для гостей. А вот ты в

принципе другой. Ты не только на землян непохож, ты даже здесь сильно выделяешься, и не только внешне.

– Далеко не в лучшую сторону.

– А это не так важно. Да и вообще, это не самое главное. Самое главное для меня, хотя это страшно эгоистично и мне даже стыдно тебе говорить, но я думаю, именно это ты и хочешь услышать, – что я для тебя одна-единственная. То есть если не я, то никто. Я понимаю, что это не моя личная заслуга, а просто обстоятельства так сложились, но все равно, когда чувствуешь себя единственно необходимой, то уже все равно, какая галактика...

Он долго и внимательно на меня смотрит, и мне даже становится немного неуютно. Может, надо было пропустить последнюю часть этих откровенностей... Это ведь фактически значит, что мне выгодна его ущербность и, если он прямо об этом спросит, я не смогу ничего возразить. И тогда придется в красках расписывать, чем он прекрасен кроме того, что больше никому не нужен. Это в принципе довольно легко – достоинств-то масса, но я никогда не умела убедительно делать комплименты, и, помнится, первые мои попытки он сразу забраковывал.

– Я понял, – наконец произносит он. – Хотя ты меня удивила. Ты производишь впечатление человека с гораздо более высокой самооценкой.

– А что заставляет тебя сомневаться в этом впечатлении?

– Получается, что, если бы не мои проблемы, ты не была бы до конца уверена, что ты мне нужна?

Я беру минуту на размышления.

– Вообще, – говорю по обдумыванию, – я была бы твердо уверена, что я тебе не нужна, потому что, как справедливо считает мой брат, у тебя таких, как я, должны быть сотни на каждой планете.

– Но, Лиза! – восклицает он и вдруг начинает смеяться. – Моя душа была бы у тебя вне зависимости от того, как ты ко мне относишься! То, что ты со мной живешь и возишься, – это приятно, конечно, но самое-то главное дело в тебе самой! Я не понимаю, как кто-то может быть на тебя похож, по-моему, ты такая одна, и лучше нету, и даже сравнимых нету. Я, конечно, не был на Земле, но вполне уверен, что, даже если перезнакомлюсь со всеми земными женщинами лично, все равно ты будешь лучшей. А то, что ты захотела выйти за

меня замуж и выносить моего ребенка, – я тебе за это благодарен, но мои... мое... ты это, кажется, называешь любовью? Так вот любил бы я тебя так же и без этого!

– Так это здорово, – шепчу я практически ему в рот. – Получается, у нас одинаковые причины быть вместе. Мы оба уникальные совершенства и нуждаемся друг в друге для самооценки. – Я не удерживаюсь и хихикаю.

Азамат тоже усмехается, хотя и качает головой, в смысле, что я чушь порю, складывает меня рядом, нависает сверху и долго и трогательно целует. У него это по-прежнему забавно получается, как будто он боится обо что-то уколоться у меня во рту, но эффект мне очень нравится.

– Пусти руки помыть, – вставляю в промежутке.

Он неохотно откатывается в сторону.

Когда я прихожу из ванной, он уже благополучно дрыхнет. Ну вот, а я губу раскатала... Ладно, зато бессонницы точно не наблюдается. Укладываюсь ему под бочок, хотя по здешней горячей ночи это дурно пахнет альтруизмом.

Утро у меня начинается с тихих стонов над ухом. Оказывается, это Азамат проснулся, вспомнил, как вчера бессовестно задрях, и теперь ему ужасно стыдно.

– Лизонька, прости, пожалуйста, я даже не понимаю, как так получилось! Ведь и не устал, ничего, только моргнул – и уже утро! Извини, солнышко, ты очень обиделась?

– Да мне-то чего обижаться? Я, наоборот, порадовалась, что ты не будешь ворочаться полночи и выдумывать себе глупостей.

– Ой, ну это же такой стыд, взять и заснуть! Это ж надо! А еще сам обижался, идиот!

– Ну ладно тебе психовать, лучше бы ту же энергию на что-нибудь приятное употребил.

– Все, что угодно, рыбонька. Может, когда вернемся, походим по магазинам? Или свозить тебя куда-нибудь? Ты только скажи, что сделать, чтобы тебя умиловать?

– Да я не сержусь!

Никак не верит.

– Ну надо же мне как-то реабилитироваться после такого позора!

Ладно, надо так надо.

– Тогда пошли купаться.

Он нервно взглядывает в окно, где вовсю светло.

– Ох-х, ну ладно. Купаться так купаться.

И мы идем. Без завтрака, потому что мне еще рано завтракать, у меня пищевод еще спит.

На берегу, впрочем, по-прежнему никого нет. Где-то далеко на горизонте маячат лодочки с рыбаками, во всяком случае, Азамат утверждает, что они там есть. Я не вижу. Мы кидаем шмотки все на то же дерево с белесой дымкой (оказывается, она мне вчера не померещилась) и плюхаемся в воду с разбега. Она со вчера чуток остыла, но солнышко припекает, так что в самый раз освежиться перед дорогой. Плавать неохота, и так с утра ноги тяжелые после вчерашнего заплыва с непривычки. Подбираю с берега свою босоножку на толстой пробковой подметке и кидаю в воду. Она хорошо плавает, можно играть как с мячиком. Азамат сначала понять не может, что это я делаю, зато потом мы радостно брызгаемся, перекидываемся босоножкой и распугиваем чаек. Чайки, кстати, тут просто гигантские, я их боюсь.

Азамат расслабляется и перестает постоянно оглядываться по сторонам, зато начинает заигрывать. Заниматься любовью на пляже я не люблю, песок везде попадает. А вот прямо в море никогда не пробовала, ой, ну сейчас попробую!

– А ты гарантируешь, что мы не нахлебаемся воды? – спрашиваю, когда он меня стискивает в могучих объятиях.

– Ты, конечно, сводишь меня с ума, но не настолько, чтобы я забыл, где верх, где низ, – усмехается он и выбрасывает мою босоножку на берег.

А потом мы перестаем разговаривать.

Пожалуй, я возьму этот опыт на вооружение в перспективе лета, потому что в воде не жарко.

Когда мы, счастливые и на нетвердых ногах, вылезаем и одеваемся, я все-таки решаю спросить про фигню на дереве.

– Слушай, Азамат, а что это такое?

– Дерево-помор, они тут, на юге, всегда по берегам растут.

– А вот это у него что? – Я тычу пальцем в непонятную дымку над трещинкой.

– А это в него молния попала пару лет назад, вот и расколосось.

Трещина действительно похожа на след от молнии, это вчера в темноте я ее приняла за развилку.

– Ну а что белое-то?

Азамат внимательно осматривает несчастное дерево вдоль и поперек.

– Где ты видишь белое?

– Ну вот над этой трещиной болтается такая то ли дымка, то ли пленка, полупрозрачная, беловатая.

Азамат обходит меня сзади и пригибается, чтобы посмотреть с моего ракурса.

– Большая?

– Ну да, на метр где-то свисает. Вот. – Я встаю на цыпочки и дотягиваюсь до кончика пальцами. – Я ее касаюсь.

Он мгновенно отдергивает мою руку.

– Не трогай.

– Так что это?

– Не знаю. Я это не вижу, так что лучше не трогать.

– Ну как же не видишь? – не унимаюсь я.

Тут нас перебивает неожиданно явившийся из кустов Алтонгирел.

– А, я так и думал, что она тебя с утра на пляж потащит, – довольно сообщает он.

– И тебе доброго утра, – откликаюсь я.

Азамат, впрочем, продолжает смотреть на дерево.

– Алтонгирел, вот скажи, ты тут видишь белую дымку? – тихо спрашивает он.

Духовник смотрит, трижды уточняет место, потом мотает головой.

– И я не вижу, – откликается Азамат. – А Лиза видит.

Взгляд у Алтонгирела тут же становится серьезно озабоченным.

– А какой она формы?

– У самой трещины потолще, потом как будто мешок свисает, а поверх него такая занавесочка с длинным концом, – стараюсь я. Как описать форму дымки, если она ни на что не похожа?

– Ты ее не трогала?

– Чуть-чуть совсем потрогала за кончик.

– И как на ощупь?

– Ну-у... на пену похоже, только очень мягкую...

Мужики переглядываются.

– Пойдем отсюда, – тихо и решительно говорит Алтонгирел.

Азамат кивает, мягко берет меня за плечико и подталкивает к тропинке.

– Так что это? – спрашиваю я на ходу.

– Ничего, – мрачно отвечает Алтоша.

Ладно, не хочешь говорить тут, я подожду.

Мы быстро доходим до постоянного двора, где я тут же лезу полоскаться, а они заказывают завтрак. Полоскание происходит в огромном деревянном тазу, в который вода поступает из крана в стене. Как ее потом выливают, мне неизвестно.

Когда я спускаюсь на террасу завтракать, Азамат с духовником что-то оживленно обсуждают, сдвинув головы. Я замедляю шаг, надеясь что-нибудь ухватить, а то что-то тайна какая-то.

– Может быть, это временно, – с надеждой говорит Азамат.

– Это может пройти на несколько лет, но потом всегда возвращается.

– Но ведь она нормально соображает! – шепотом восклицает Азамат.

– Пока да. Но неизвестно, когда древесная слюна доберется до нее окончательно. Ты можешь и не заметить разницы...

– И что такое «древесная слюна»? – с вызовом спрашиваю я, подходя поближе. Ох как мне это все не нравится!

Они оба отводят глаза.

– Ну?

– Это... такая болезнь... – начинает Алтоша. – Результат сглаза.

– И в чем она выражается? – Я на всякий случай сажусь.

– Ну эта штука живет на деревьях и, когда выбирает жертву, становится видимой. И тогда распыляет свои споры на жертву...

– И что происходит с жертвой?

Они оба молчат гораздо дольше, чем мне бы хотелось. Наконец Азамат решается ответить:

– Постепенное сумасшествие.

Глава 13

– Так, с этого места поподробнее. – Я решительно ставлю локти на стол. – У меня еще есть шанс отмыться?

Оба мотают головами.

– Если ты ее уже видишь, значит, заражена.

– А как у вас получается результат сглаза, если эта штука сама выбирает жертву?

– Можно так сглазить человека, что он становится жертвой, – раздраженно поясняет Алтоша в своей излюбленной манере, как будто уже сорок раз повторил. Ладно, по мне, даже лучше, чтобы он вел себя как обычно, а то, когда он бледнеет и тарашится на меня как на смертницу, я начинаю паниковать. Может, еще пронесет...

– Ясно, а какие симптомы сумасшествия?

– У каждого свои.

– Например?

– Я так не помню. – Он пожимает плечами.

Ага. Значит, он не слишком хорошо осведомлен об этой дряни.

– А где есть эта информация?

Духовник тяжело вздыхает.

– В «Энциклопедии шакальих детищ» есть.

– Ее можно тут где-то взять?

– Зачем тебе? – протягивает он.

– Я хочу убедиться, действительно ли это то самое.

– Это я тебе и так могу сказать.

– А если я тебе не верю?

Он смотрит на меня странно.

– Ты серьезно думаешь, что, прочитав статью в энциклопедии, лучше разберешься в шакальих детищах, чем я после десяти лет обучения?

– Ну ты же не помнишь симптомы. – Я развожу руками. – Значит, может быть, что ты и еще чего-то не помнишь.

Алтоша вздыхает и поднимается.

– Сейчас принесу бук, у меня там есть вся литература...

Когда он уходит, за столом повисает тяжелое молчание. Азамат выглядит так, как будто уже меня похоронил.

– Ты погоди расстраиваться, – говорю. – Может, Алтоша облажался.

– Ты думаешь, у нас большое разнообразие таких тварей? Я вот до сих пор ни одной не встречал. Боюсь, что ошибиться тут трудно.

Я поджимаю губы.

– Знаешь, дорогой, я, конечно, уважаю твою честность, но вообще-то это ты меня должен поддерживать, а не наоборот.

– Прости. – Он встряхивается, и его лицо приобретает более спокойное выражение. – Что-то я расслабился, как будто теперь всегда все будет хорошо. Может быть, в вашей медицине есть способы лечения?

– Может, и есть, понять бы, что лечить. Если твой шибко мудрый духовник сможет накопать информацию про это «сумасшествие», то я вполне уверена, что хотя бы внешние проявления можно будет подавить, правда... – И тут я вспоминаю, что речь идет не только обо мне.

– Что? – поторапливает меня Азамат, потому что я зависаю.

– Да видишь ли, с беременностью это очень плохо сочетается. Если окажется, что мне надо лечиться немедленно, боюсь, придется затею с размножением отложить. Хотя... – Тут меня снова осеняет. – Это же может быть причиной!

– Как – причиной? – Азамат таращится на меня в ужасе.

– Да, может, и не было никакой древесной слюны, просто у меня глюки! Так бывает иногда, и у моей мамы было, ей автобусы в спальне мерещились. Вполне возможно, что у меня то же самое. Это ненадолго. Я-то думаю, что-то у меня все слишком легко идет: не мутит, ем все подряд, голова не кружится... Ну вот зато глюки появились.

При этих словах на террасе появляется Алтоша с букком. Я хихикаю. Он сразу настораживается. Небось уже за симптом принимает...

– Вот смотри. – Он поворачивает ко мне экран.

Я углубляюсь в чтение, хотя это трудно. Энциклопедию явно составляли давно, так что кое-где слова пишутся иначе, чем я привыкла, а многих я вообще не знаю, приходится спрашивать. В общем смысле там написано примерно то же самое, что сказал Алтонгирел. Указаны регионы, в которых эта фигня особенно часто встречается, – как раз тропики. Про симптомы сказано, что это зависит от индивидуальных особенностей жертвы: бережливый человек начинает подозревать всех в том, что его хотят обокрасть; ленивый человек совсем перестает работать и часто умирает от неподвижности; драчливый человек... ну это понятно. Непонятно только, чего мне ждать от себя, тем более что изменения происходят медленно и незаметно, часто по многу лет.

– Ну и какая у меня главная черта? – спрашиваю я, рассеянно глядя в текст.

– Доброта, – тут же говорит Азамат.

– Злоба непомерная! – одновременно с ним выпаливает Алтонгирел.

Я обвожу их выразительным взглядом.

– Хотите сказать, у меня уже раздвоение личности?

Поскольку они не находят что ответить, я снова утыкаюсь в несчастную статью в энциклопедии. О, да тут есть картинки! И...

– Оно не так выглядело! – радостно восклицаю я.

– Как – не так? – хмурится Алтоша.

– Ну вот гляди, тут нарисовано, как выглядит древесная слюна. В трех вариантах, трое разных больных рисовали. Она похожа на паутину, такие лучики по веткам приклеены, а в середине собственно плевков. А то, что я видела, выглядело по-другому. Оно только вниз свисало, а сверху был такой комок поплотнее.

Духовник смотрит на картинки с сомнением.

– И что, ты думаешь, если оно другой формы, то это не то? Но у нас ничего похожего больше не водится...

– Это я уже поняла, – перебиваю я. – Но согласись, это повод надеяться на лучшее?

Он растерянно пожимает плечами.

– Не знаю... конечно, лучше бы ты была здорова, но что-то мне в это плохо верится.

– Неужели? – удивляюсь я. – А я-то была уверена, что ты мечтаешь меня со свету сжить!

Духовник резко выпрямляется и бросает испуганный взгляд на Азамата.

– Смотри, уже начинается!

Я фыркаю. Азамат криво ухмыляется.

– Не волнуйся, это как раз для Лизы нормально. Она тебе так и не простила, как ты ее на корабле к стенке прижал. Так до сих пор и ждет, что ты ее придушишь.

Духовник бубнит что-то о бешеных телках, и я не отвечаю ему подзатыльник, только чтобы буйнопомешанной не сочли.

– И что мы теперь будем делать? – спрашивает духовник, проворчавшись.

– Лично я собираюсь пойти обратно на пляж и взять пробу этой штуки, а потом прогнать несколько анализов.

Мужики переглядываются.

– Это звучит разумно, – с нажимом говорит Азамат.

– А вдруг она еще сильнее заразится? – выдает Алтоша.

– Зараза к заразе не пристаает.

Алтоша мнется, не зная, что ответить, но в итоге сдается, заявив только, что одна я никуда не пойду. Поэтому меня торжественно провожают в номер за чемоданом, а потом на пляж.

– Вы только близко не подходите, – говорю я им. – Еще не хватало, чтобы вы тоже заразились.

Я надеваю перчатки и встаю на прихваченный с постоянного двора ящик, чтобы удобно было дотянуться до объекта. Сначала я пытаюсь отщипнуть кусочек, но вещество загадочной дымки оказывается плотным, как ткань, так что приходится отпиливать ножом. Упаковав добытый кусочек в пробирку, я приглядываюсь к утолщению наверху. Мне кажется, оно из чего-то другого. Я протягиваю руку пощупать – оно твердое и окружено волосками. Тут у меня из-под руки раздается какой-то звук, и в ту же секунду в гуще дымки мелькает искаженное лицо. Я с визгом отпрыгиваю, грохаюсь с ящика и задним ходом на четвереньках мчусь прочь, пока не натыкаюсь на Азамата.

– Лиза, ты что?!

– Мне померещилось... – Я стараюсь отдышаться и никак не могу отвести взгляда от злополучного дерева. – Как будто там какое-то лицо...

Азамат меня поднимает и отводит в сторонку. Я судорожно сжимаю в руке закупоренную пробирку.

– Какое еще лицо? – не своим голосом спрашивает Алтонгирел.

– Не знаю какое. Я не то чтобы хорошо его разглядела. Просто оно сначала как будто застонало, а потом появилось лицо. Звука вы тоже не слышали?

Азамат мотает головой, а духовник запускает пальцы в волосы.

– Ну откуда у древесной слюны лицо?! Она ведь гриб!

– Значит, это не древесная слюна, что я могу!.. – огрызаюсь я. Кажется, я уже могу стоять без посторонней помощи.

– По-моему, это значит, что у тебя крыша едет уже сейчас! – заявляет Алтоша. – Отдай-ка мне свою стекляшку.

– Зачем тебе пробирка? Ты в нее еще чего-нибудь постороннего напустишь.

– Затем, что психам нельзя давать бьющиеся вещи.

– Она не бьющаяся, а я не псих!

– Конечно, не псих, только лица на деревьях видишь!

– Да вы тут понавыращивали всякой дряни на своей дурацкой планете, заразили меня черт знает чем, а теперь считаете чокнутой!

– Мы вырастили и заразили? – переспрашивает духовник. – Азамат, ты это слышишь? У нее уже бред!

– Азамат, скажи ему, чтоб он от меня отстал! – принимаюсь ныть я.

– Но, Лиза, это действительно странно, – озабоченно говорит он. – Я никак не понимаю, откуда там могло взяться лицо. А если тебе примерещилось, то это довольно серьезно...

– Правильно, давайте меня повяжем и запрем под замок для верности! – не выдерживаю я. Он еще будет соглашаться с этим гадом!

Азамат делает шаг вперед и пытается взять меня за руку. А вот не дамся! Отскакиваю назад.

– Лиза, ты чего?

– А чего ты меня хватаешь? Правда, что ли, вязать собрался?

И тут у него становится такое лицо, – похоже, он действительно решил, что я рехнулась.

Я пчусь, переводя взгляд с одного на другого и в ужасе понимая, что если Азамат мне не верит, то и никто, никто на всей планете...

И тут я спотыкаюсь и падаю.

Темно. Ну ничего себе я головой приложилась! И холодно. Черт, неужели потеря крови? Караул! Эти двое ведь не допрут, как остановить! Мамочки, помогите!!!

А где они вообще? Тихо что-то. И нигде не болит. Странно. Но очень-очень холодно. И почему темно? А, о, вижу что-то светлое. Ощупываю голову – цела. Лежу на песке, но он холодный. Или у меня что-то не так с восприятием температуры, или... что? Даже если я тут до ночи провалялась, ночи на Орле теплые. А мне очень-очень холодно! Да и почему бы Азамат с Алтонгирелом оставили меня лежать, что за чушь?

Попробуем встать. Ну или хотя бы сесть. Хм, голова не кружится, конечности на месте. А светлое – что-то типа двери. То есть я в темном

помещении. Уже легче.

– Азамат? – зову негромко. Голос звучит гулко.

Тишина. Осторожно встаю и медленно бреду к двери, прощупывая пол мыском ноги, прежде чем сделать шаг. Наконец дохожу до проема.

Холодно. И ветер. Вокруг темно-зеленые горы. Я стою у входа в пещеру. Черт, да я сейчас задубею! Что за бред творится? Я правда рехнулась, что ли?

Слева замечаю какое-то движение. Присматриваюсь – там, ниже по склону, стоят две машины, рядом возятся люди, какие-то тюки загружают. Ба, да это же почта! Вон и край стадиона виден! Но как я тут оказалась?

Настолько быстро, насколько позволяет не очень пологий склон, поросший мхом, я спускаюсь к почте. Одна машина уже уехала, но вторая еще стоит. Когда я подхожу, хозяин как раз появляется на пороге почтовой пещеры. Я его не знаю, но это не так важно.

– Здравствуйте, – говорю, стуча зубами. – Не подбросите до города?

Он смотрит на меня как на полоумное привидение. Неудивительно, на мне маечка, легкая летняя юбка и босоножки, а вокруг все те же плюс десять.

– К Старейшинам? – наконец выдает он.

– Да-да, – охотно соглашаюсь я. Оттуда до дома добежать – нечего делать.

– Ну садитесь, – без особого энтузиазма приглашает он, распахивая дверь. В машине тепло, и это прекрасно.

По дороге я понимаю, что у меня нет ключей от дома. Это значит, что сначала придется забежать к Арону, у него запасные. Заодно от него позвоню Азамату, чтобы не волновался.

М-да, пробирку я потеряла где-то. Может, он найдет? А то, кроме меня, эту дрянь никто и не видит! Но неужели он и правда решил, что я двинулась? У меня нет ни малейшего представления, что у них тут делают с психами, но воображение подсказывает домик на отшибе с решетками на окнах. Азамат ведь не даст меня в обиду, правда? Боже, да как я могу в этом сомневаться? Он меня любит! Но он так на меня смотрел... А если Алтоша его убедит, что это вовсе не я уже, а проросшие споры слюны? Господи, да кто же меня защитит от всего этого произвола?! Нет, я буду, конечно, до последнего надеяться на

Азамата. Может, он хотя бы отвезет меня на Гарнет, а там уже будет проще, там есть психотерапевты. Но все равно остается шанс... меня мутит от одной мысли об этом, но все же... Мне нужно, чтобы кто-то влиятельный мне поверил. О, есть же Унгуц! Ну конечно! Вот к нему и побегу, это тоже близко! Он мудрый, он мне поверит! И кстати, он может быть в самом Доме Старейшин. Еще лучше... А вот мы и приехали.

Я спешно благодарю водителя и ныряю в дверь Дома Старейшин. Там, как всегда, душно. Из соседней комнаты возникает чей-то ученик, пытается объяснить мне, что в зал Совета сейчас нельзя, но я его откровенно посылаю. У меня очень важное дело, и лучше не откладывать разговор, а то еще Алтоша позвонит кому-нибудь, меня изловят и запрут, и все. Да, я паникерша, но это уже не раз меня спасало.

Я врываюсь в зал Совета. Увы, Унгуца там нет. Там вообще только один человек. Это Старейшина Ажгдийдимидин (вот же назвали, идиоты!), который нас венчал, если так можно выразиться. Тот самый, который такой крутой духовник, что говорить не может. Крутой духовник. Хм. До Унгуцева дома бежать по холоду и ветру уж очень не хочется, еще застужу себе что-нибудь. Я решительно задергиваю занавеску и приземляюсь на ковер рядом с духовником.

– Старейшина... – Я не доверяю себе произнести его имя.

Он медленно оборачивается, как будто только что меня заметил. Он не глухой, надеюсь? У него красивые бело-седые волосы, еще длиннее, чем у Азамата. Они заплетены во множество кос и перевиты платиновой цепочкой с драгоценными камнями. На шее у него несколько рядов разных бус, в ушах помногу непарных сережек. А вот на руках никаких украшений нет. Лицо у него немного смешное – сильно выпирающие вперед щеки, длинный нос, большие яркие глаза. Мне кажется, по мударжским меркам он не красавец. То и к лучшему.

Он кивает мне, обозначая, что слушает.

– Простите, что я так вломилась, – говорю. – Но у меня очень большие проблемы. Я была на Орле и увидела там на дереве какую-то штуку, а больше ее никто не мог видеть, и Алтонгирел сказал, что это древесная слюна, от которой сходят с ума, но я посмотрела в энциклопедии на картинку, и она не так выглядит, а потом я пошла и

посмотрела на дерево еще раз, и эта штука застонала, и там было лицо, но все решили, что я сошла с ума и мне мерещится, а потом я упала и оказалась в пещере около почты, и еще я беременна, так что может быть, что мне и правда что-то мерещится от этого, но я все равно не понимаю, как я тут оказалась! Пожалуйста, ведь вы мудрый человек, вы же понимаете, что это не обязательно древесная слюна?

Он смотрит на меня выжидающе, но я иссякла. Тогда он достает из-за пазухи блокнот и ручку и некоторое время пишет. Потом протягивает мне.

«Последнее произошедшее с тобой легко объяснить. Около почты есть много выходов пространственно-временных туннелей. Видимо, на Орле ты провалилась в один из них, а выпала тут».

Сначала мне становится легче: у части моих приключений есть разумное объяснение. А потом мне вдруг становится страшно: в туннеле ведь можно проболтаться сколько угодно времени и не заметить!

– А какое сегодня число?

Он невозмутимо пишет мне число, и я понимаю, что с тех пор, как мы купались в проливе, прошла неделя.

– О боги! Азамат! – выдыхаю я. – Он же... он же... не знает, куда я делась! Боги, бедный, что с ним сейчас! Мне надо немедленно ему позвонить! – Я вскакиваю, но духовник удерживает меня за юбку. Я медлю, и он быстро черкает:

«Он скоро будет здесь, подожди».

Ну ладно, наверное, лучше мне сразу ему показаться. Тем более если он сейчас за рулем, то лучше его так не отвлекать, еще забудет рулить... Сажусь обратно.

«Опиши мне подробно, что ты видела на том дереве», – гласит очередная записка Старейшины.

Я послушно принимаюсь рассказывать все по порядку. Как первый раз увидела дымку ночью, потом утром, потом открямзала кусочек.

– Бутылочку, в которую я положила кусочек, я потеряла, но, может, Азамат ее подобрал... – завершаю я свой рассказ.

Старейшина печально кивает, встает и берет с одного из стеллажей у стены пестрый талмуд. Долго его листает, что-то ищет. Потом кивает, достает еще бумажку. Я уже готовлюсь вскочить и

принять послание, когда он вдруг настороженно прислушивается и снова кивает. Черкает что-то на бумажке, вкладывает ее в качестве закладки и вместе с книгой двигает прочь из зала. Я растерянно следую за ним. Неужели все-таки все плохо?

Он выходит на крыльцо, и я вижу под стеной бледного, осунувшегося Алтонгирела. Он стоит глядя вдаль, грызет ноготь и нас не замечает. Старейшина наклоняется с крыльца и трогает его за плечо. Алтоша подскакивает и оборачивается. Он видит меня, открывает рот и издает сдавленное кряканье. Но тут в его руках оказывается книга. Теперь я вижу надпись на обложке – это все та же энциклопедия, только в печатном варианте.

Алтоша обескураженно открывает книгу на заложенном месте. Кверху ногами я могу различить там картинку с каким-то лохматым человеком в просторной одежде. Читать мелкие муданжские буквы в таком ракурсе мне трудновато. Алтонгирел тупо пялится в раскрытую книгу. На записке, вложенной Старейшиной, написано: «Идиот».

Меня разбирает нервный смех, но я его сдерживаю как могу. Ой, да, и где же Азамат? Если Алтоша тут...

– А где мой муж? – спрашиваю обоих духовников.

Старейшина проводит пальцем по губе и окидывает окрестности задумчивым взглядом. Алтонгирел встряхивается, заглядывает за угол дома и кивает мне:

– Тут.

Я оказываюсь за углом, не успев даже этого осознать. Азамат сидит на земле, прислонившись спиной к стене дома и подтянув колени к груди. Когда я хватаю его за коленку, он поднимает голову. Лицо у него страшное. Я кидаюсь его обнимать, чтобы только не смотреть.

– Лиза! Откуда?! – выдыхает он мне в висок. – Боги, Лиза!..

На этом его словарный запас временно иссякает, да и у меня ничего на язык не просится. Ну это ж надо было такому случиться, чтобы он меня на неделю вообще потерял! Да еще посреди закипающей ссоры.

Когда его объятия ослабевают достаточно, чтобы я могла дышать, спрашиваю:

– Ты живой вообще?

– Ну так, – невесело усмехается он. – Еще способен вернуться к жизни. Куда же ты делась?

– Да в туннель! Меня выкинуло около почты час назад примерно. Видишь, я все в том же.

Он оглядывает мою маечку и тут же стягивает куртку, чтобы меня укутать. А я и забыла уже, что холодно.

– Там не было ничего даже отдаленно похожего на туннель, – качает головой он. – Мы тебя везде искали...

– Да понимаю, – опускаю глаза. Вроде моей вины никакой, но так жалко его... – А ты пробирку не подобрал?

– Какую пробирку?

– Ну в которую я положила кусочек той штуки...

– А... Нет, боюсь, что нет. Мне как-то не до пробирки было. Из гостиницы мы твои вещи забрали, а вот о пробирке я не вспомнил. Ох, так что ж теперь, обратно туда лететь? Ты же ничего не успела узнать...

– Не надо никуда лететь, – тихо произносит у нас над головами Алтонгирел. – Она тут успела все рассказать Старейшине Ажгдийдимидину, – он как-то умудряется произнести этот кошмар без запинки, – и он определил, что это было. Морской дух в грозу поднялся из воды, они же любят в дождь порезвиться, а его молнией в дерево впечатало.

Азамат громко возносит гуйхалах во славу богов и за здоровье Старейшины. Сам наикрутейший духовник стоит тут же и с интересом изучает переплетенную конструкцию из конечностей, которую представляем собой мы с Азаматом.

– Но почему его, кроме меня, никто не видел? – интересуюсь я.

– Потому что ты родственница Укун-Танив, которая их создала, – безапелляционно заявляет Алтоша. – Их и здоровых только пожилые женщины видят, а больного, кроме тебя, никто бы не различил.

– Так надо же его вытащить из дерева! – соображаю я.

– Старейшина уже отправил послание на Орл, чтобы разломали то дерево по трещине и полили там все водой. Надо надеяться, он утечет в море.

Я глубоко облегченно вздыхаю. Меня эта их мистика доконает когда-нибудь.

Тут я понимаю, что Азамат у меня по-прежнему сидит на земле, а теплее не стало.

– Слушай, – говорю, поднимаясь, – ты бы встал. Отморозишь себе все!

– Сейчас попробую, – хмыкает он и с трудом поднимается на ноги. Без куртки он мне кажется еще тощее, чем обычно.

– Ты когда ел последний раз, золотце? – интересуюсь я с подозрением.

Он вопросительно смотрит на Алтонгирела.

– Когда я ел?

– Я ей лучше не буду говорить, а то она меня убьет, а тебя к кухонному столу привяжет, – кисло отвечает тот.

– Азамат, ты что?! – восклицаю я. – Я понимаю, что ты волновался, но, если ты с голоду помрешь, никому лучше не будет!

– Да я просто... – мямлит он.

Алтонгирел отмахивается.

– Помереть я ему не дал бы. Но насильно кормить чаще чем раз в двое суток не могу. А тебе, Азамат, я говорил, что, если мы ее найдем, первым делом ты получишь взбучку за то, что не ел.

– Получишь! – обещаю я. – Еще как получишь!

Он только улыбается и прижимает меня поближе.

Старейшина, наблюдавший все это с немым интересом, похлопывает Алтошу по плечу. Тот сразу серьезнеет и откашливается.

– Мы тут кое-что обсудили, пока вы... здоровались. Старейшина Ажгдийдимидин считает, что я не справляюсь с ролью вашего духовника.

– Ура! – дико воплю я. – Старейшина, вы мудрейший человек!

Старейшина едва заметно улыбается. Азамат, впрочем, расстроен.

– Но как же... – обращается он к Старейшине. – Алтонгирел ведь мой друг... Я понимаю, что с Лизой они плохо ладят, но меня-то он совершенно устраивает.

– Старейшина считает, – продолжает бубнить Алтонгирел, – что, из-за того что я не понимаю твою жену, ты не можешь быть полностью со мной откровенным. Это так? – Он прищуривается на Азамата.

Тот опускает глаза:

– Ну немного есть... Но это ничего важного, просто...

Оба духовника кивают.

– Не ты должен определять, что важно, а что нет, – говорит Алтонгирел. – Твоим другом я останусь. А вот наставлять вас отныне берется сам Старейшина Ажгдийдимидин.

Я готова плясать от радости. Мало того что этот человек за полчаса дважды проявил полное понимание моих проблем, так он еще и молчит!!!

Азамат выглядит так, как будто выиграл лотерею, билет которой не покупал.

– Но... Вы ведь не работаете с людьми уже много лет... Нет, я понимаю, что Лиза достойна лучшего, но я-то...

Алтоша закатывает глаза.

– Старейшина полагает, что с вами нельзя работать по отдельности. И вообще, Азамат, хватит уже выпендриваться, все и так понимают, что тебе делают большое одолжение, с твоей-то... – Он косится на меня и замолкает.

Не забыл еще пощечину. Впрочем, оттого что он не договорил, легче не становится. Я мгновенно зверею, Азамат сконфуженно кивает, а Старейшина никак не реагирует. Неужели и он не понимает? Ладно, Алтоша, я тебе еще устрою...

Но пока что мы идем домой. Азамат успел выгрузить наши вещи – Алтонгирел заставил, чтобы занялся чем-нибудь, пока тот сходит по каким-то своим делам. Хоть за это ему спасибо.

Азамат разжигает печку, а я скоренько варю лебяжий суп с лапшой. А потом и правда практически привязываю мужа к столу, наливаю ему полную миску и принимаюсь отчитывать, пока жует, чтобы лучше усваивалось. Он хмыкает и кричит, изображая раскаяние и не забывая похвалить мою готовку. Конечно, теперь, когда все устаканилось, аппетит у него зверский, так что, закончив первую миску, он берется за вторую, и тут уже я примыкаю. В конце концов, мне тоже есть надо, а ругать его – дело дурацкое. Разозлиться у меня не получается, и он это хорошо понимает.

– Но обещай мне, пожалуйста, – грозно говорю напоследок, – что это больше не повторится. У вас тут туннели на каждом шагу, да и мало ли какие глупости в жизни происходят. Но чтобы больше никаких голодовок! Через не хочу, а ешь!

– Обещаю, – серьезно отвечает он. – Я просто отвык, что обо мне кто-то заботится. Но слушай, как все здорово повернулось, что ты

внезапно оказалась здесь! И сразу все разрешили...

– Да я думаю, что в любом случае бы разрешили. Разница только в том, что это ты неделю нервничал, а не я. С учетом беременности это не худший вариант, уж извини. Я вообще собиралась к Унгуцу пойти, а тут этот подвернулся. И как вы его имя выговариваете?

Азамат усмехается.

– Я тебе по секрету скажу, Алтонгирел полгода выучить не мог. На то и расчет, человека с длинным, сложным именем трудно сглазить, ведь для этого нужно имя в заклинание вплести.

– С ума сойти, как все сложно... Кстати! Ты мне вот что скажи. Что бы ты сделал, если бы я действительно сошла с ума?

– Отвез бы тебя на Землю.

– А-а... – Я теряюсь. О таком варианте я даже не подумала. – А ты там, на пляже, действительно думал, что я рехнулась?

– Ну мне стало немного не по себе, когда ты руку отдернула. Я хочу сказать, на тебя это непохоже. А ты правда решила, что мы тебя свяжем и запрем?

– Не то чтобы я решила... Просто запаниковала. Ведь, если бы ты мне не поверил, мне тут больше рассчитывать не на кого.

– Вот для того и нужен духовник, – вздыхает Азамат. – Чтобы было на кого рассчитывать в любой ситуации.

Глава 14

Следующие несколько дней мы в основном сидим дома и приходим в себя. С Орла сообщили, что дерево они разломали и как следует промыли из шланга, так что, надо надеяться, дух уплыл в море. Я пошарила в Сети на предмет того, как сочетается беременность с пространственно-временными прыжками. Оказалось, что ей это параллельно. Просто считаем, как будто той недели и не было.

Азамат, конечно, трясется надо мной как никогда. С учетом того что целитель вернулся и пациентов у меня снова убавилось, мы почти все время проводим вместе. Только рано утром, пока я еще сплю, он решается отлучиться погонять своих вояк. А так, даже когда у меня собирается клуб, он пристраивается в уголке что-нибудь мастерить. Сделал мне три бормол – змею, сундучок и крокодила. То есть мудрость, безопасность и забота о детях. Оказывается, муданжские крокодилы широко известны как любящие родители.

Старейшина Никогда-не-выговорю с нами сегодня пообщался – сначала со мной, потом с Азаматом. Спрашивал меня, как проходит беременность и сколько у Азамата зубов мудрости. Я сообщила, что три, и осторожно поинтересовалась, зачем Старейшине такая информация. Он ответил, цитирую: «Это информация о тебе». Я немедленно стала выяснять, может, муданжцы все-таки целуются взасос? Старейшина поморщился и расспросил меня про Азамата подробнее: любимый цвет, любимые и нелюбимые блюда, история семьи, история жизни... В истории семьи я жутко плавала, ибо дальше родителей знаю только, что дед смастерил лыжи. Потом Старейшина стал расспрашивать то же самое про меня. В общем, вышла я от него в некотором недоумении и оупении и пошла в «Лесной демон» ждать, пока Азамат отмучается. Его отпустили быстрее.

– По-моему, Старейшина остался нами доволен, – говорит Азамат, приземляясь на подушки по другую сторону стола. На его лице светится облегчение, что я здесь и не пропала, пока он беседовал с духовником.

– А тебя он тоже допрашивал?

– А как же. Когда меняешь духовника, всегда так расспрашивают. Тем более нас двое. Он хотел понять, насколько мы друг друга знаем.

– А-а... Ой, слушай, я про твою семью мало чего могла сказать. Это ничего?

Азамат смеется.

– Я думаю, он был поражен, как много ты знаешь о моей семье. Ты даже видела обоих моих родителей и представляешь себе, что они за люди. А ты вот лучше скажи, какой у тебя любимый цвет? Я как-то не заметил никаких предпочтений.

– А их и нет. Я серый не люблю, а остальные прекрасны.

Он кивает.

– Я что-то в этом роде и сказал. А еще я не совсем понял, как у вас устроено образование. Как ты училась?

– Ну мы с семи до двенадцати лет ходим в школу, там учимся читать, писать, считать, водить машину, знать свои права, оказывать первую помощь, еще учим всеобщий и карту космоса – где какие народы живут, где чего добывается... И много занимаемся спортом. А потом выбираем специальность, и дальше уже по специальности кто сколько лет. Я шесть лет училась, потом еще три года работала под

надзором, а потом получила квалификацию и стала работать сама. Ну еще два года посещала вечерний колледж для работы в космосе, там же и ваш язык выучила.

– Плотный у вас график. У нас-то дети до двенадцати по большей части дурака валяют, только самые сознательные чему-то учатся.

– Да у нас тоже можно было бы половину разогнать... Но это все обязательно, иначе не дадут сертификат гражданина Земли. Так что, если тебе когда-нибудь приспичит переехать на Землю, придется сдавать экзамены. Впрочем, не думаю, что тебе это будет трудно, – усмехаюсь я.

Тут у него звонит телефон. Насколько я понимаю из его ответов, это строители, которым на Доле надоело сидеть без указаний две недели. Азамат отвечает невнятно и расплывчато, дескать, он не знает, когда сможет приехать.

– Да слетал бы завтра, – говорю. – Че ты им за сидение на заднице деньги платишь? Никуда я не денусь, не переживай.

– А может, ты со мной?

– Так ты же хотел меня уже в доделанный дом привести. Да и на лошади можешь там покататься, мне-то сейчас нельзя, даже если захочу. Тем более у меня завтра в клубе интересное будет, откладывать не хочется...

Интересное – это пошив халата. Мне страшно любопытно, как эта штука будет на Азамате смотреться.

Он мнется еще немного, но все-таки поддается на мои уговоры и обещает своим работягам завтра быть на месте.

А я пользуюсь этим случаем, чтобы совершить диверсию. С утра пораньше звоню Эцагану. Он с этими тренировками совсем жаворонком стал, хотя в норме любит поваляться.

– Ой, Лиза, здрасте! Что-то случилось?

– Нет. Слушай, ты не знаешь, кто такие Убуржгун и Онхновч?

– Знаю, они ходят на тренировки. Приятные такие мужики. А что, капитан вам их не представил? Они же вроде как тоже его друзья.

– Пока не представлял, но это сейчас неважно. Ты вот скажи, у тебя есть их контакты?

Контакты есть, и я их записываю.

– А зачем они вам, Лиза? – продолжает удивляться Эцаган.

– Попозже узнаешь. Ты сегодня свободен? Да? Тогда будь морально готов в районе обеда подойти к Старейшине Унгуцу. Я еще позвоню, пока.

Дальше я сажусь за бук, перекидываю на него запись с мобильного (который, к счастью, в целости приехал с Орла) и аккуратно вырезаю все имена. Потом звоню Унгуцу и договариваюсь зайти.

Унгуц встречает меня на пороге. Он все еще с палочкой, но уже бодро бегают.

– О, Лиза-хян! Давненько-давненько... Я уже слышал о твоих похождениях. Ты представляешь, Алтонгирел никому не позвонил и не сказал, что ты пропала. Мы тут и не знали... Он, видите ли, думал, что сам справится. А в итоге справилась ты, хе-хе.

В доме у него светло и чисто и пахнет свежим деревом. Над дверями висят венки из полевых цветов, которые тут не отличаются от садовых.

– Старейшина, – начинаю я, когда мы усаживаемся пить чай с медом. – У меня к вам небольшое дело.

Он заинтересованно склоняет голову набок.

– Вот вы, и Алтонгирел, и Арон, и многие другие люди хорошо относитесь к Азамату, так ведь?

– Конечно, – кивает он, дескать, само собой.

– Так вот. После возвращения на Муданг ему очень тяжело тут опять освоиться. Мне кажется, он не в своей тарелке. Тут ведь к нему совсем не так относятся, как среди наемников. Да и я сильно выделяюсь. Понимаете, я подумала, может быть, мы все вместе можем как-то облегчить ему... ну адаптацию, что ли...

– Хмм... – протягивает Старейшина. – Не совсем понимаю как, но... У тебя есть какие-то идеи?

– Есть. Но мне бы хотелось рассказать о них сразу всем, кого можно к этому подключить. Я бы не стала вас беспокоить, но, понимаете, я не всех их хорошо знаю, и мне будет трудно их собрать вместе. Поэтому я хотела вас попросить, может быть, вы им позвоните и попросите зайти к вам после обеда сегодня? Вам-то не откажут. Вот список людей с телефонами...

– Конечно, Лиза, для тебя – все что угодно! – улыбается он. – Старый Унгуц умеет быть благодарным!

Он тут же при мне всех и обзванивает, и все они, озадаченные, обещают зайти сразу после обеда...

Оставшееся до собрания время я провожу в «Щедром хозяине», обучая Ориву. Историю с Орла мы уже обсосали со всех сторон и теперь выясняем в подробностях, в каких тварях какие глисты живут и что надо делать, чтобы их не подцепить. А еще она вдруг осознала великий смысл диагностики. До сих пор ей казалось, что самое главное – знать, как лечатся все болезни. А тут вот поняла, что надо еще понять, что перед тобой. В общем, личностный рост во всей красе.

Ее я на свое мероприятие не зову. Не думаю, что от нее будет толк. Орива – хороший человек, но она из тех, кто старается не вмешиваться в чужие житейские неприятности. Она может помочь конкретно и материально, если попросят. Но мне нужно нечто иное.

Я заканчиваю обедать пораньше и быстренько добегаю до Унгуца, чтобы занять выгодное положение перед прибытием «фокус-группы». Старейшина прячет меня на кухне, а гостей аккумулирует в гостиной, как положено. Все они, ну или почти все, здесь уже были, потому что принимали участие в постройке дома.

Первым приходит Эцаган, который еще утром от меня получил приглашение. Затем Алтонгирел. Мне кажется, он старается всегда угождать Старейшинам, и не всегда бескорыстно, они и правда все его очень ценят. Затем являются Ирнчин и Ахамба, озадаченно перешептываясь. Унгуц со всеми весело здоровается и тут же увлекает их непринужденной беседой. У него это классно получается.

– Что тут происходит? – шепотом спрашивает Ирнчин у Эцагана, они сидят у самой двери кухни, и мне все слышно.

– Без понятия, но в это как-то замешана Лиза. Она мне утром звонила, спрашивала телефоны ребят с тренировки и предупредила, что Старейшина меня пригласит.

– Ох-х, – качает головой Ирнчин. – Надеюсь, она ничего не учудит. Она чудесная женщина, конечно, но с чувством уместности у нее не всегда...

Чуткий Эцаган нервно оглядывается.

– Не думаю, что стоит ее здесь обсуждать.

Приходит Арон, стоит в дверях, мнется, застенчиво оглядывает полужнакомых людей. Унгуц тут же его представляет как брата Азамата и усаживает рядом с собой, чтобы меньше нервничал.

Приходят двое мужиков с тренировок. Им около тридцати, у одного длинные волосы и борода, другой, наоборот, коротко стрижен и без бороды. И, наконец, последним является Эндан (теперь я точно знаю, которого из братьев как зовут. Азамат-таки проговорился!).

Теперь все в сборе. Они, конечно, не знают, кого Унгуц приглашал, но ощущение завершенности компании повисает в воздухе. Тем более что, оглядев набор гостей, многие догадываются, что тут дело в Азамате. Пора мне выходить.

У самой двери кухни стоит стол, а по бокам от него два больших кресла. Унгуц проследил, чтобы одно из них осталось свободным, вот в него-то я и приземляюсь. Мой бук всю дорогу стоял на столе, дожидаясь своего выхода.

– Ну вот, ребятки, – говорит Унгуц при моем появлении. – Я думаю, все знают эту даму хотя бы понаслышке. На всякий случай, поскольку мы все тут друзья, скажу, что она жена Азамата Байч-Хараха и называет себя Лиза, хотя на самом деле у нее гласное имя. Сегодня я собрал вас здесь по ее просьбе, так что давайте послушаем, что она хочет нам сказать. Мне, например, ужасно любопытно.

При этих словах Убуржгун и Онхновч переглядываются, хмурятся и косятся на дверь. С ними могут возникнуть проблемы. Ну да ладно. Я лучезарно улыбаюсь и звонко здороваюсь с аудиторией.

– Будьте здоровы дюжину дюжин зим, дорогие господа. Я позволила себе потратить ваше время по причине, которая, я надеюсь, покажется вам уважительной. У меня есть к вам одно очень важное дело. И когда я говорю «к вам», я имею в виду не только приглашенных, но и нашего достопочтенного хозяина. – Я киваю на Унгуца.

Он поднимает брови. Точно, он думал, что он мне только в качестве зазывалы нужен. Ну уж нет.

– Смею надеяться, – продолжаю я, – что все мы здесь считаем себя друзьями моего мужа. – Я обвожу их взглядом, дожидаясь, чтобы все кивнули. – Меня несказанно радует, что у него так много таких замечательных друзей. – Красивые обороты для речи я почерпнула у целителя. Он любит мудрено выразиться. – Итак, – я кладу ногу на ногу, чтобы разнообразить видеоряд, – все мы здесь любим Азамата. – Это не такое громкое заявление по-муданжски. Это примерно значит

«хорошо к нему относимся». Все снова кивают. – И никто из нас не хочет ему зла.

Все мотают головами.

– И никто из нас не хотел бы видеть его печальным. И не потерпел бы от других людей оскорблений в его адрес. Не так ли?

– Так, так, – встревает бородатый с тренировок. Я думаю, это Онхновч, потому что у второго Унгуц спрашивал о здоровье его отца. – Давай ближе к делу, женщина.

Эцаган и Ирнчин немедленно демонстрируют ему какие-то конструкции из пальцев, а Унгуц сощуривается. Это действует, Онхновч затыкается. Я слегка откашливаюсь.

– Что ж, давайте к делу. Видите ли, Азамата постоянно оскорбляют из-за его внешности. Я понимаю, что в этом нет ничего необычного, здесь так принято. И он, конечно, никогда бы не стал на это жаловаться. Но я, чисто из любопытства, расспросила его, что он чувствует, когда его называют уродом.

Я позволяю словам немножко повисеть в воздухе. Алтонгирел прикусывает губу, остальные только недоуменно хмурятся. Унгуц смотрит на меня со все возрастающим любопытством.

– И что он ответил?

– А вот это я вам сейчас дам послушать. – Я демонстративно поворачиваюсь к буку. – Я решила воспользоваться техникой, чтобы никто не усомнился в верности моего понимания. В конце концов, я не в совершенстве владею языком... Вот послушайте.

Я запускаю дорожку. Сейчас, в комнате полной людей, обиженный и сердитый голос Азамата звучит еще проникновеннее, чем тогда в номере. Я стараюсь не смотреть ни на кого прицельно, а только уголком глаза ловить выражения их лиц. Лица вытягиваются. Некоторые сдвигают брови в недоверии. Алтонгирел поджимает губы – явно принял на свой счет. Арон пару раз ахает. Эцаган невероятно заинтересовался узорами на ковре. Ирнчин прикрыл рот рукой. Ахамба и Унгуц изображают на лицах вселенскую скорбь. Онхновч скрестил руки на груди и явно готовится отпираться. Убуржгун удивленно чешет в затылке. Запись кончается.

Секунд десять висит тяжелое молчание. Потом разражается бубнеж.

– Да откуда ж было знать...

– Он такой не один, а другим каково...

– Да я только раз и оговорился!

– Я даже не думал, что это так...

– Надо извиниться...

– Да все так говорят!

Я откашливаюсь и прошу тишины.

– Итак, ребят, я думаю, все поняли, что это проблема.

– Да поняли, поняли, – нервно обрывает меня Алтонгирел. – Я и без тебя знаю, что меня вовремя отстранили, если не поздно. Или ты тут собрала всех провинившихся, чтобы Старейшина нас судил?

– Успокойся, пожалуйста, – улыбаюсь я. – Я не знаю, о чем ты, но здесь мы все в равном положении.

Несколько человек изумленно таращатся на меня.

– Мы в равном положении, – повторяю я, – потому что мы все любим Азамата и желаем ему добра. Как мы все теперь знаем, у Азамата есть проблема, которую он не в силах решить сам. Согласитесь, что, какой бы он ни был умный, сильный и хороший начальник, один против целой планеты он ничего сделать не может. А теперь посмотрим на себя. Мы все здесь красивые, известные люди с гласными именами. С нашим мнением считаются другие. Я уверена, что если мы объединим усилия, то сможем помочь ему преодолеть эту проблему довольно быстро, вы так не думаете?

Они явно удивлены моим позитивным настроем. Ждали, что я начну визжать и швыряться предметами? Щазз, мне в данном случае важен результат, а не месть.

– Но что мы можем сделать? – робко спрашивает Арон. Видимо, за те годы, что Азамата не было на планете, его папаша успел окончательно раздавить младшего сына. Ну или он такой родился, не знаю.

– А вот и давайте подумаем над этим. Давайте все предложим какие-нибудь варианты. Для примера я предлагаю вот что: если в вашем присутствии кто-то называет Азамата уродом, покажите этому человеку, что вы его осуждаете. У вас для этого много жестов.

Эцаган и Унгуц хихикают, Ирнчин кивает с каким-то хищным предвкушением на лице.

– Еще хорошо бы, – произносит Унгуц, теребя кончик бороды, – приглашать его на всякие праздники. Насколько я его знаю, он любит

большие застоля и, скорее всего, скучает по тем временам, когда его с радостью ждали у каждой скатерти.

– Да-да, – киваю я, – он и сам был бы рад позвать гостей, но боится, что никто не придет.

– Кстати, можно всем друзьям и знакомым рассказывать, что капитан – классный мужик, – вдохновляется Эцаган. – Я думаю, если человек от двух-трех людей это услышит, то хотя бы подумает, прежде чем плохо к нему относиться из-за внешности.

– Дело говоришь, – кивает Ирнчин. – А я думаю, надо обязательно с ним здороваться, если на улице встретишь.

При этих словах тренировочные мужики как-то приседают. Видимо, за ними водится притворяться незнакомыми.

– Ну еще, – робко говорит Убуржгун, – когда мы в трактире обсуждаем тренировки, упоминать его почаще и хвалить, потому что молодняк часто подслушивает...

– Хорошо, замечательно, – поддерживаю я.

– Да надо за своим языком следить, – решительно оглашает Онхновч то, что все старались не упоминать. Голос у него низкий и мощный, убедительно звучит. – Раз уж такое дело, тут одними словами не отделаешься. Он ведь борьбой занимается в перчатках, потому что народ брезгует. И надевает их долго каждый раз. А так подумать – что такого? Шрамы-то не заразные. Можно хоть разок сказать: мол, плюнь, мне это все равно.

Остальные согласно гудят.

– Вообще-то, – говорит своим высоким певческим голосом Ахамба, – у меня уже лет пять лежит набросок баллады о том, как он эти шрамы заработал...

– Ух ты! – оживляется Унгуц. – Давай-давай, это замечательная вещь должна получиться! Только лучше бы не балладу, а баю. А то баллад у нас в последние двести лет сочинили столько же, сколько за все время раньше. А бай новых давненько не слышали. Так что она и разойдется быстрее, и людям интереснее слушать будет.

– А чем они отличаются? – спрашиваю я.

– Ну как же, – Унгуц разводит руками, – баллады грустные всегда. Плохо кончаются. Они про хороших людей, у которых судьба не сложилась. А бая – доброе сказание о великом человеке. И заканчивается всегда хорошо.

Я начинаю улыбаться, как идиотка. Хорошо заканчивается-то – это ведь свадьбой? Что, я теперь еще и в фольклор попаду? Ну и ладно, лишь бы это Азамату добавило популярности.

Народ развеселился, идеи роятся, в том числе совсем безумные. С другой стороны, теперь они в деталях обсуждают высказанное раньше. У Онхновча несколько дней тому сын родился, скоро будут праздновать. Вот Азамата позовут. Унгуц обещает одергивать некоторых особо чванливых Старейшин. Дескать, после нашей свадьбы к его мнению стали больше прислушиваться на Совете. Эндан обещает донести нашу миссию до своих знакомых наемников, чтобы они тоже подключились, они-то Азамата уважают. Арон потихоньку интересуется у Алтонгирела, насколько груб тот жест, что Эцаган показывал Онхновчу.

Наконец тема кажется исчерпанной, во всяком случае до полевых испытаний. Я со счастливой улыбкой всех благодарю и заверяю, что, поскольку мы с Азаматом очень близки, я сразу замечу перемены к лучшему. Это чтобы ребята не расслаблялись, а то, если перемен не будет, я же так просто не отстану. Мы уславливаемся встретиться снова через две недели. После этого все расходятся, остаются только Унгуц и Алтонгирел.

Духовник вообще почти все время обсуждения молчал. Не могу сказать, что я ждала от него особенной активности, но поначалу он так виновато выглядел, что можно было ожидать попытки реабилитации. Однако он то ли слишком ушел в себя, то ли, по своему обыкновению, скептически отнесся к моей затее.

– Ну что? – спрашивает его Унгуц с хитрой усмешкой. От него, конечно, тоже не укрылась Алтошина молчаливость.

Тот как-то нервно разводит руками.

– Я вообще не понимаю. Я... столько лет... ничего не замечал! Я ведь его духовник, шакал побери! Ну был. Я же пытался как-то его понять, увидеть мир его глазами... Но мне никогда в голову не приходило, что он может так переживать из-за этой ерунды.

– Это не ерунда, – веско говорю я.

– Ну да, но... Кажется ерундой. Я иногда начинал прикидывать, а что бы я делал на его месте, но быстро прекращал эти мысли, с такими вещами не шутят, еще накликаю... А в итоге...

Он продолжает бормотать, и Унгуц жестом показывает мне: уходи. Я киваю и тихо покидаю дом.

Вечером у меня клуб, и мы шьем халат. У него довольно простой покрой, но много слоев, и еще его надо простегивать всякими сложными узорами. К счастью, у моей машинки есть такая опция, а вот Орешница умудряется проделывать это на руках и почти с той же скоростью. Орива, которая поначалу без энтузиазма относилась к моему рукодельному клубу, последнее время втянулась. Теперь она периодически что-нибудь дарит разным обеспеченным посетителям трактира, а потом получает от них драгоценные украшения и тамлингские шелка в качестве ответного знака внимания.

Ну вот халат дошит, клуб расползается, а где дорогой супруг?

Азамат является домой во втором часу ночи с совершенно безумным видом.

– Лиза, – возглашает он, – ты чем тут занималась?

– В смысле? – невинно моргаю я. – Как обычно, учила Ориву, потом клуб собрался... Еще к Унгуцу забежала днем.

– А Алтонгирела ты видела?

– Да, но он был какой-то унылый. А что?

– Да понимаешь, лечу это я с Дола, тут он звонит, дескать, поговорить надо. Ну, я у его дома приземлился, захожу. У него даже свет не включен, так, от печки чуток светит. Я спрашиваю: о чем поговорить-то хотел? И тут он как начнет извиняться! Я даже не понял сначала за что. Да и вообще... Не знаю, полчаса, наверное, просто извинялся – что он как-то не так ко мне относился, что он не понимал моих проблем, еще что-то в том же духе... Я говорю, ты что, ты же вообще единственный человек, который мне другом остался тогда! А он даже слушать не хочет, говорит, мол, ты никогда напрямую не скажешь, если обижаешься, но это не значит, что я не виноват. Вот я и думаю, Лиза, ты его не опоила чем-нибудь случайно?

Я только глазами хлопаю.

– Нет, что ты. Он при мне сегодня и не ел, и не пил. Может, кто из Старейшин с ним провел беседу?

– Может, – пожимает плечами Азамат и наконец-то усаживается на диван. – Но я на всякий случай позвонил Эцагану, чтобы присмотрел за ним. А то уж очень он разошелся.

– А разве Эцаган не с Алтошей живет?

– Ну у него есть свой дом на окраине, и он то там, то тут. Алтонгирел иногда должен на ночь один оставаться для некоторых обрядов, потому так и получается. Но сегодня уж какие обряды, если его так разобрало...

– А ты думаешь, это все бред? Что он говорил?

– Как сказать, – вздыхает Азамат, поводя бровью. – Не то чтобы это был бред, просто неожиданно и странно. Он, например, попросил прощения за то, что назвал меня уродом, когда нас с тобой женил. Казалось бы, он тогда и так получил и не должен бы чувствовать себя виноватым. А вот же... Я уж думаю, не подслушал ли он наш разговор в гостинице?

– Как знать, – пожимаю плечами. – Так ты извинения-то принял?

– Конечно! Раз двести ему повторил, что не держу зла, что он мой лучший друг и все в таком духе.

– Ну вот и славно! Не переживай. Подумаешь, совесть проснулась у человека. Бывает с лучшими из нас.

Азамат рассеянно кивает.

– Вот странно. Он все время повторял, что по мне не понять, обиделся я или нет. Ты тоже так думаешь?

– Мм... – Я крепко задумываюсь. Скажу да – совру. Скажу нет – подставлю Алтошу. Эх-х-х... – Пожалуй, определить можно, если знаешь, где искать. Для меня слово «урод» в принципе оскорбительное, поэтому я жду, что ты обидишься, и поэтому замечаю. А если считать это нормой, то, наверное, и правда можно не заметить.

– Вот оно как. – Азамат потирает пальцем нижнюю губу. Это распространенный муданжский жест. – Знаешь, а ведь это потрясающее облегчение – знать, что он не нарочно...

Глава 15

Странности Алтонгирела на этом не заканчиваются. На следующий вечер он наведывается к нам, хотя Азамата нет – он снова на стройке. Духовник зависает в дверях, окидывает меня безумноватым взглядом, потом все-таки проходит и падает на диван.

– Ты чего-нибудь хочешь? – спрашиваю осторожно. – Чаю? Или поесть?

Мотает головой, вздыхает. Открывает рот, закрывает, снова вздыхает. Наконец заговаривает:

– Я утром ездил к Аравату.

– О... И что он?

Алтонгирел пожимает плечами, потом вдруг подсакивает и принимается мерить шагами комнату, размахивать руками и возмущенно излагать:

– Ничего! Сначала не хотел меня впускать! Дескать, он со мной никаких дел не имеет, потому что я духовник Азамата. Я ему сказал, что это уже не так. Тогда впустил. Я говорю: чего вы все на него злитесь?! Можно подумать, он вам лично что-то плохое сделал. А он такой – не произноси его имени в моем доме! Я говорю, пора бы вам уже признать, что ваш сын – солидный человек, достойный уважения. В ответ – он мне не сын! Я говорю: как мне его называть тогда?! Я говорю, он ведь страдает от вашего отношения. Ваша, говорю, земная девочка и та от него в восторге, а вы все злитесь непонятно на что, Азамат ведь ничего плохого не сделал. А он мне – ты сам, говорит, земных идей понабрался. Какая, говорит, мне разница, что он там сделал или не сделал, когда он так выглядит! И выставил меня! – Духовник разводит руками так широко, что чуть не ударяется об стенку. – Ты представляешь?

– Представляю, – вздыхаю я. – А чего ты хочешь? Думаешь, он так вот возьмет и признает свою ошибку? По-моему, у него немного не тот характер.

Алтонгирел поджимает губы. Видимо, полагал, что, уж если он сам заявится к Аравату, тот немедленно послушается.

– Ты молодец, что вчера поговорил с Азаматом. – Я решаю его подбодрить немного. Надо же поддерживать в человеке лучшие начинания.

– По-моему, я его напугал, – хмыкает духовник.

– Есть чуток. Но и утешил тоже. Он вчера очень радостный был весь вечер. Так еще немного, и мы возвратим ему потерянное душевное спокойствие.

Алтонгирел не отвечает, и я иду все-таки сделать ему чаю. А то что-то он странный сегодня. Ну вот теперь еще и с ним возиться...

На чай он смотрит с подозрением, как будто ждет, что я его отравлю.

– Тебе новый духовник не намекал, что богатым людям положено держать слуг?

– Нет, – улыбаюсь. – Мой новый духовник прекрасен своей ненавязчивостью.

Алтоша корчит надменную рожу. Потом вздыхает:

– Что Азамат от меня скрывает?

Я аж опешила.

– А чего ты меня-то спрашиваешь? Во-первых, я не слежу, что он тебе говорит, а чего нет, а во-вторых, раз скрывает, значит, ему так надо.

– Да ла-адно, – скалится духовник. – По собственной воле он бы не стал. Это ты его попросила. Вот потому я у тебя и спрашиваю.

Я пожимаю плечами:

– Даже если и так, почему я должна тебе говорить?

– Потому, что до сих пор у Азамата от меня секретов не было. А теперь вот ты появилась, и вдруг я уже не нужен. Ты его и понимаешь лучше, и любишь больше, и защищаешь от всех на свете...

Я усмехаюсь:

– Не ты ли мне завещал быть хорошей женой? Вот видишь? Стараюсь.

– Да при чем тут... – начинает Алтоша, но осекается. – Ты хочешь сказать, у вас хорошая жена – это жена с функциями духовника, что ли?

– У нас хорошие супруги любят, понимают и поддерживают друг друга. А к духовникам разного профиля ходят те, у кого дома не все в порядке.

– Интересно, – бормочет Алтонгирел. – Интересно... А Старейшине Ажгдийдимидину ты об этом говорила?

– Нет, но, мне кажется, он и так понимает. Или его это не заботит. Короче, мудрый он человек.

Алтонгирел только головой качает, на меня глядя.

Тут возвращается Азамат. Он сегодня и обещался рано, вот приехал еще до клуба. Я едва успела дошить вчерашний халат.

– О, привет! – радостно восклицает он с порога, заметив Алтошу. – Рад тебя видеть! Ты просто так или по делу? Поужинаешь с нами?

Алтонгирел молча моргает пару раз, потом включается.

– Привет, э-э, я почти просто так. Как у тебя строительство продвигается?

Я зажимаю рот, чтобы не заржать. Алтонгирел и так неуютно себя чувствует после вчерашних извинений, а теперь еще Азамат рад ему вдвое больше, чем обычно. Бедняга аж растерялся.

– Отлично продвигается! – басит Азамат, стаскивая лыжный костюм. Интересно, а шубу тоже жена должна шить или можно, как с курткой, только украсить? – Еще пару дней ребята там все проверят, и можно будет заселяться. Так что, Лиза, – он вздыхает и присаживается рядом со мной, – можешь начинать собираться.

И ведь не хочет, чтобы я съезжала. Но чертовы условности. Ладно, потом разберемся, не при Алтоше же... Азамат меж тем продолжает:

– Там неподалеку есть пещеры с выходами аметиста. Мне вчера пастухи показали. Я подумал, ты ведь любишь самодельные украшения.

И протягивает мне бусики из небольших сиреневых камней, вплетенных в кожаный шнурок.

– Ты мое солнышко, – целую его в обе щеки. – А у меня для тебя тоже кое-что есть!

И достаю халат. Он ярко-синий, как небо над Долом, весь в завитках и поблескивает в свете ламп.

Господи, какой же Азамат очаровательный, когда благодарит. У него это всегда так искренне и счастливо выходит, как будто он получает удовольствие от самого процесса.

Алтонгирел трет под носом.

– Вы еще помните, что я здесь?

– Помним-помним, – уверяет его Азамат, улыбаясь до ушей. – Сейчас ужин делать будем, вот только я померяю...

Мерить одежду он обожает. Раньше стеснялся, а теперь привык и даже перед зеркалом крутится. Все-таки муданжские мужики любят наряжаться. Халат сидит очень хорошо, и цвет Азамату идет, как я и думала.

– Да, Лиза! – спохватывается мой благоверный. – Чуть не забыл, я же на почту заезжал, там тебе что-то прислали. Сейчас принесу.

Когда он выходит, Алтонгирел смотрит на меня как-то странно.

– Чего ты? – спрашиваю.

– Да все того же, – мрачно произносит он. – Ты ему весь мир заменяешь.

– Ты все-таки ревнуешь?

Но Алтонгирел не знает этого слова, да и Азамат уже вернулся. Оказывается, это Сашка решил подразнить и прислал мне квашеной капусты, соленых огурцов и красной икры. Я начинаю ржать, но объяснить, в чем дело, при Алтоше не могу. Вот зараза.

Алтонгирел остается на ужин, а потом являются мои клубчане. Эцаган тут же подсаживается к духовнику поговорить, как будто они дома не наговорились. Я отзываю Азамата.

– Пообщайся с Алтошей, пока у меня клуб, – говорю. – А то он страдает от недостатка твоего внимания.

– Ты серьезно? – недоверчиво переспрашивает Азамат.

– Абсолютно. Он, собственно, пришел меня попилить, что из-за меня он типа стал тебе не нужен.

– Как он может быть мне не нужен?! – шепотом восклицает Азамат.

– Вот походи и объясни ему это, пока он не сбежал.

В итоге Алтонгирел уходит от нас уже вместе с Эцаганом, когда расходится мой клуб. Выглядит он существенно довольнее, чем за ужином. Надо надеяться, получил свою дозу общения.

– Завтра как обычно? – уточняет Эцаган.

– Нет, – внезапно говорит Азамат. – Завтра я Лизу увезу, если она не против.

И смотрит на меня искательно.

– Э, ну как скажешь... – развожу руками. – А куда?

– Да я сейчас матери звонил, она говорит, что приболела. Я подумал...

– А, ну конечно, съездим к ней, раз так. Только с утра зайдем на рынок, ей надо еды подвезти будет...

Алтонгирел смотрит на нас как на психов, но ничего не говорит.

– Чего он? – спрашиваю, когда дверь закрылась.

– Не может понять, зачем я матери звонил, – вздыхает Азамат. – У него, понимаешь, мать была очень неприятная.

– Да у вас тут все тетки кошмар, за небольшим исключением.

– Так вот его мать была даже на общем фоне... неприятная.

– Господи, что ж она такое делала... или не делала?

Азамат одаривает меня долгим изучающим взглядом, как будто решается выдать секрет. Потом говорит пониженным голосом:

– Алтонгирел считает, что она убила его отца. Но учти, что, кроме меня, он этого никому не говорил.

– Ох, мамочки... Неудивительно, что он женщин так не любит. А почему она?..

– Не знаю, – мотает головой Азамат. – Он очень не любит об этом говорить. Он и про ее роль в смерти отца только намекнул как-то раз. В детстве он ее боялся, а потом, когда ее не стало... тоже странная история вообще-то... короче, мне кажется, он до сих пор побаивается о ней упоминать.

– Да ему лечиться надо. Я себе представляю, что такая тетка могла с ребенком сделать.

– А такие вещи можно лечить? – удивляется Азамат.

– Естественно! Хочешь, я найду ему хорошего специалиста на Гарнете?

Азамат задумчиво хмыкает:

– Может, и хочу. Он в любом случае собирается в ближайшее время улететь с планеты. Может, поживет на Гарнете пока...

– Он хочет уехать? Почему?

– Ну он ведь все еще ученик и как раз сейчас должен жить подальше от наставника. Так что ему нечего делать в столице, по-хорошему. До сих пор он тут только из-за меня торчал, но раз теперь у нас другой духовник, то Алтонгирел может продолжить обучение.

– О-о... А у него, кроме тебя, разве никого не было... э-э... прихожан?

– У него вся команда была под опекой. Половина ребят сейчас снова собираются в космос, вот он с ними и полетит.

– Слушай, – говорю, – а чего он вообще в духовники пошел, если у него у самого такие проблемы? Ну с матерью?

– Я же тебе говорил, Лиза, – вздыхает Азамат. – Он хорошо чувствует волю богов. Он очень талантливый. Не как опекун, это да, но как посредник. Людей он плоховато понимает, я согласен. Зато у него великая сила.

На следующее утро мы закупаемся провизией и отправляемся к матушке. Я прихватываю с собой Сашкину посылку. Не думаю, что мои муданжцы будут есть что-то из этого, разве только икру. Но зато я буду!

– А чего ты вчера так смеялась, когда я посылку принес? – интересуется Азамат. – С этой едой что-то не так?

– Все так, просто у нас есть такое представление, что беременных женщин тянет на соленькое. Вот Сашка и прислал, с намеком.

– А тебя тянет?

– Да нет, – пожимаю плечами. – Но хорошо, что он прислал, а то тут ни капусты, ни огурцов, да и солить вы не умеете...

Азамат косится на меня, приподняв бровь. Нет, я просто по домашней еде соскучилась, и это не каприз! И не надо мне тут! Ну и что, что у меня при мысли об огурчиках рот увлажняется...

Матушка у нас простудилась. Говорит, что по весне это с ней часто бывает. Все, говорит, ничего, еды соседи принесут, если на рыбалку не выйдешь, но вот бы кто дров нарубил... Да и из дома выходить очень не хочется.

Поэтому, когда мы прилетаем, Азамат даже не звонит в дверь. Он просто перепрыгивает через забор, а потом открывает мне калитку.

– А как соседи входят, интересно? – обескураженно спрашиваю я.

Он только плечами пожимает.

– Тут и молодые люди живут. Наверное, так же.

Мы заходим в дом, где натоплено до одури и довольно душно.

– Ой! – Матушка аж подскакивает. – Азамат? Ты правда, что ли, приехал?

– Ну да, – моргает он. – Я же тебе вчера сказал, что приеду.

– Да сказать-то ты сказал, – растерянно бормочет матушка, выбираясь из не очень удобного на вид деревянного кресла. – Но я думала, ты это так, подбодрить меня сказал. Сегодня-то уж точно не ждала. – Она усмехается.

– Ну, ма, ты даешь. – Он разводит руками. – С каких это пор я, по-твоему, обещания не сдерживаю?

– Да ладно уж тебе. – Она примирительно похлопывает его по руке. – Уж такое прямо обещание... Ой, Лиза, и ты тут?

– Конечно, тут, Азамат ведь сказал, вы заболели.

– Так тебе-то лучше бы ко мне не подходить, – хмурится старушка. – Еще подцепишь, а тебе сейчас болеть никак нельзя.

– Ничего, имигчи-хон, я умею так лечить, чтобы не заразиться, – улыбаюсь я. У нашей бабули все хорошо с головой, получше, чем у многих столичных жителей помоложе.

– Ну ладно, – говорит она с сомнением. – Но обниматься не буду!
– Это правильно, – соглашаюсь. – Мы тут вам фруктов привезли немножко...

Следующий час мы все при деле. Азамат выгружает привезенные продукты и готовит обед, я осматриваю матушку и накачиваю ее лекарствами, а матушка причитает, что мы слишком много всего привезли, она же столько не съест.

– С соседями поделишься, – невозмутимо говорит Азамат, нарубая в фарш парную сурчатину.

Матушка принимает от меня чашку горячего раствора от горла.

– У тебя и снадобья с фруктами, – удивляется. – Ну вы вообще меня избалуете, ребятки.

– А почему бы и нет? – ухмыляется Азамат, добавляя соуса.

Пока на одной плитке жарится сурок, на другой я затеваю блины. Все-таки весна, Масленица и все такое, хотя тут ее не празднуют, а на Земле она уже закончилась. Но мне хочется блинов с икрой, и все тут.

Короче, мы устраиваем пир горой. Матушка сначала еще отнекивается, дескать, от болезни аппетита нету, но когда мы все перед ней на стол выставили... в общем, пришел аппетит, еще получше, чем у меня.

В разгар пиршества из комнаты явилось существо. Крошечная черная кошечка, такая пушистая, что совсем как шарик.

– Ой! – говорю. – Котенок!

– Да не, это взрослая, – поправляет матушка. – Котята у нее там в коробке, три штуки. Куда бы их деть, не знаю.

– Это взрослая такая маленькая? – удивляюсь я. Она размером с буханку хлеба, не больше.

– А у вас на Земле кошки крупнее? – интересуется Азамат.

– Ну да... я просто привыкла, что у вас все зверье больше, чем у нас. А эти такие маленькие...

– У нас есть большие кошки, которые в степи живут и на всяких мышей охотятся. Но те совсем большие и опасные, их дома не держат. А эти мух едят, комаров, тараканов... В общем, полезные в быту.

– С ума сойти... А можно на котят посмотреть?

Матушка хихикает над моим любопытством и ведет меня в дальний темный угол комнаты у печки, где стоит деревянный ящичек с

паклей, а в нем три черные зверюшки размером с мышь от бука. Я умиленно пишу:

– Азамат, давай их возьмем, а?

– В город я бы не стал, – протягивает он. – Там собаки, машины... Да и насекомых меньше, всех люди выбивают. Что они там есть будут?

– А давай их ко мне возьмем, на Дол?

– Давай, – кивает он. – Там они пригодятся.

– Ну вот как здорово! – говорит довольная матушка. – А то тут уже у всех по выводу, девать их некуда. А тебя, что ли, мухи замучили?

– Нет, я просто очень кошек люблю, – говорю я, демонстративно извлекая мелкое мурчащее существо из ящика, чтобы помурзать.

Азамат и матушка переглядываются и пожимают плечами. Ну и ладно.

– Я тут кое-что нашла, – внезапно сообщает матушка и принимается рыться на захламленном столе. – Подумала, если вы приедете, надо показать. Вот!

Она извлекает старенький электронный фотоальбом на солнечных батарейках.

– О, фотографии детства, куда же без них! – смеюсь я.

– Нет-нет, что ты! – шугается матушка. – Детских нету, самые ранние лет семи. Маленьких ведь нельзя снимать, примета дурная!

– Оп-па... А почему?

– Младенческая смертность высокая, – вздыхает Азамат. – Ну ладно, ма, показывай, что у тебя там, самому же интересно.

Мы усаживаемся на диване по обе стороны от матушки, и она заводит свой агрегат.

– Во-от, это, когда ты первый раз ко мне приехал сам из Ахмадхота. Помнишь, летом?

На картинке скала у моря, яркий свет. На камне сидит щуплый мальчишка, поджав коленки, и сосредоточенно рассматривает какую-то мелочь в руках.

– Ага, – кивает Азамат. – Это я мелкого крабика поймал, помню.

– А вот мы с тобой, – комментирует матушка. – Это я попросила подружку нас щелкнуть. Ее-то уж пять лет как нету...

Здесь они оба стоят, и Азамат уже почти вровень с матушкой. Он смешной, стриженный почти под ноль, длинный и узкий. Матушка

совсем молодая, в красивой вышитой одежде. Теперь я вижу, что Арон и правда на нее сильно похож.

Дальше следует много-много изображений Азамата на деревьях, заборах, крышах, скалах...

– Ты по земле вообще не ходил, что ли? – спрашиваю.

– По земле он только бегал, – смеется матушка. – Заснять не успевала. А вот это когда ты Арона привез, помнишь?

– Помню, помню. Он такой странный был, – говорит Азамат, – ходил целыми днями, нудил, вот по маме скучаю. Я говорю, так поехали к ней. А он: зачем? а что там делать? Я так смеялся...

– Да это не он странный, это ты странный, – говорит матушка. – Я больше никого не знаю, кто бы к матери ездил каждое лето. Нет, Лиза, ты представляешь? В восемь лет, один! Поезд идет два дня, это ж с ума сойти от скуки. Да и отец был не в восторге...

– Отец никогда от меня в восторге не был, – отмахивается Азамат.

– Ну почему, лук же он тебе сделал. А Арону, любимчику своему, – нет.

– Да Арон из лука стрелять так и не научился. А отец просто хотел, чтобы я на соревнованиях победил, а для них обязательно семейный лук нужен, покупать нельзя.

Матушка качает головой и продолжает листать фотографии.

– А у тебя есть идеи, почему он тебя так не любил? – спрашиваю.

– Я был непослушный. – Азамат пожимает плечами. – Не делал, что он велел, или делал не так.

– Да вовсе это тут ни при чем, – категорично заявляет матушка. – Он просто хотел, чтобы был главным среди сверстников. Потому и на соревнования тебя пихал на все подряд, и на драки подначивал. А ты ни с кем ссориться не хотел, вот он и бесился.

Азамат тяжело вздыхает и молчит, так что мы возвращаемся к просмотру фотографий.

– Вот это уже постарше, тут тебе лет пятнадцать, – воркует матушка.

В пятнадцать лет Азамат еще смешнее. Он ужасно длинный и тощий, а плечи широкие, так что получается совсем вешалка. На лицо его легко узнать, и без шрамов он действительно довольно красивый.

– А это мы с Алтонгирелом, – удивленно говорит Азамат. – А когда это такое было? Я же его сюда не привозил!

– А это ты мне отдал карту с фотографиями, не помнишь? Это, наверное, Арон снимал.

Алтонгирел немного пухленький и губастый, с огромными странными глазами. То ли напуган чем-то, то ли болеет, то ли просто не в себе.

– Слушай, как он жутко выглядит, – говорю.

– Да вот – поддакивает матушка, – и я всегда говорила, странный мальчик. Он ведь духовником стал, да?

– Да, – кивает Азамат. – И он по-прежнему мой друг. Если, как ты говоришь, мне тут пятнадцать, значит, ему восемь, у него как раз только что мать умерла. А отец его погиб два года тому. Еще бы он хорошо выглядел.

Меня слегка передергивает.

Дальше идет куча трофейных фотографий, для которых Азамат явно позировал, причем с удовольствием. Тут и всякие призы, красивая дареная одежда, добытые хищные звери и гигантские рыбы и даже тот самый невероятный морской змей, похожий на угря, на фоне которого Азамат теряется. Теперь он уже не такой тощий, мышц поднарастил. Матушка качает головой.

– Какой ты всегда худющий был, это ж страх! Как не в себя ешь. Сейчас бы хоть поднабрал, а то женатому-то неприлично. Тем более, ты говоришь, жена тебя кормит.

– Кормит, и еще как, – охотно поддакивает Азамат. – И следит, чтобы обед не пропускал. Но тут, боюсь, не в коня корм...

– Ну хоть бы одевался попросторнее. А то все ребра напоказ, и жене-то небось не нравится...

– Жене-то как раз нравится! – тут же встречаю я. – Замечательная у него фигура. Я, наоборот, ему все шью так, чтобы талию было видно. А еда пусть лучше в энергию уходит, а не в жир.

Матушка качает головой.

– У вас мода такая, что ли? Ты и сама-то тощенькая. Ну ладно, раз нравится, то и хорошо. Ой, вот смотри, какая фотография хорошая!

На экране альбома Азамат полулежит в кресле, заложив руки за голову. Я так понимаю, ему тут уже за двадцать. Он стрижен «под горшок» и очень похож на отца. Матушка неожиданно подталкивает меня локтем и говорит заговорщицким шепотом:

– Скажи, красивый, а?

– Красивый, – соглашаюсь я. – Но мне с длинными волосами больше нравится.

– Лиза! – Азамат окликает меня с какой-то чуть ли не возмущенной интонацией.

– Чего? – Я поднимаю голову.

Он молча смотрит, потом говорит:

– У тебя просто выражение лица какое-то странное стало. Тебе что, неприятно смотреть на меня без шрамов?

– Да нет, все нормально, тебе померещилось...

Он продолжает на меня смотреть. Матушка устало вздыхает:

– Азамат, ну чего ты как маленький? Хочешь спросить, так спрашивай, твоя жена-то!

Я совсем теряюсь.

– Да нет, я просто... – мямлит Азамат. – Интересно стало, что бы было, если бы ты меня таким... нормальным встретила.

– Смотря при каких обстоятельствах. Если как и было, то вряд ли что-то бы изменилось, разве что дольше все это тянулось. Тут-то нас в два счета поженили, а потом мы сразу сюда рванули, а то бы встречались полгода...

– А если бы, скажем, на Гарнете столкнулись?

Я еще раз внимательно рассматриваю фотографию. Смазливый азиатский мальчик.

– Я бы тебя не заметила. Разве что подумала бы, что ты похож... ну на отца.

– А где бы... ах да.

Матушка переводит взгляд с меня на Азамата и обратно.

– Ты Аравата видела, что ли?

– Видела, – кисло протягиваю я. – Хотя лучше бы не видела.

Азамат пару раз порывается что-то сказать, наконец говорит:

– Тебя раздражает, что я на него похож?

Я делаю утомленную физиономию.

– Нет, меня раздражает, что он похож на тебя. Брось эти глупости, не может же он вечно тебе жизнь портить.

Азамат медленно выдыхает.

– Ладно, понял, бросил.

– Вот и умница. – Я протягиваю руку через голову матушки и глажу его по щеке.

– Ой, как у вас все сложно, – сетует матушка, пригибаясь. – У меня уже простуда прошла, а вы все отношения выясняете.

Глава 16

Блины пошли прекрасно, не зря мне Сашка мешок пшеничной муки прислал. Надо будет еще запастись. Икра, как я и думала, понравилась обоим, а вот овощи они поделили: Азамату по вкусу пришлась капуста, а матушке понравилось хрустеть огурцами, особенно под чому. А вот попавшуюся в банке засоленную головку чеснока они практически растащили зубами. Он тут то ли не растет, то ли неизвестен, а спрос явно есть.

После обильной трапезы матушка решительно объявила, что у нее послеобеденный сон, и удалилась в свой угол за печку. А мы пошли размяться. На улице все еще снег, но солнце уже теплое, а море синее-синее и довольно спокойное. Мы немного прошлись вверх по дороге вдоль скал, поизучали следы местной фауны и вернулись. Азамат решил, что он уже достаточно переварил обед, чтобы заняться полезными делами: дров нарубить, дверные петли смазать, сантехнику проверить... Я довольно бестолково верчусь рядом. Пользы от меня почти никакой, разве что инструменты подавать, а в доме сидеть не хочется.

Чуть поодаль от домика стоит большой сарай. В нем обнаруживаются какие-то домашние птицы, похожие на глухарей, такие же черные и огромные. Еще там помещаются две козы и маленькая косматая лошаденка. Азамат выводит копытных на улицу и – после того как я десять минут канючу – дает мне щетку для вычесывания лошади, а сам принимается чистить стойла.

– А ты нанять для этого кого-нибудь не можешь? – спрашиваю.

– Да можно, наверное, но сейчас все равно делать нечего. Тем более ты заметила, наверное, какая мать прижимистая. Она ворчать будет, что я растратчик, и все в таком духе. Ладно уж, не помру, тут на час работы.

От работы и я бы не померла, но уж очень пахнет. Страшно подумать, что тут бывает летом, когда жарко.

В общем, занимаемся мы полезными делами. Лошадь у матушки смиренная, как поставили, так и стоит. И вычесывание ей нравится, по моему. Азамат что-то напевает потихоньку, я поглядываю вокруг, на синее небо, на снежные горы... на калитку. А там одна доска ме-е-

едленно отодвига-а-ается, и из образовавшейся щели появляется рука и тянется к щеколде.

– Азамат, – зову тихо. – Там кто-то калитку взламывает.

Азамат выходит из сарая и становится рядом со мной, внимательно следя за вторжением. Калитка слегка скрипит и открывается, в проеме стоит мужик – матушкин ровесник. На нем взъерошенная шуба, в руках большая корзина.

– Здравствуйте, – громко говорит Азамат.

Мужик аж подсакивает.

– Ой! Здрате! Это откуда же... – Он замолкает, а потом взмахивает рукой над головой, дескать, догадался. – А-а, вы, должно быть, тот самый старший сын Ийзих-хон?

Азамат кивает.

– А-а, – радуется гость. – А я тут живу через дом. – Он машет рукой вдоль по улице. – Вот вернулся с рыбалки, хотел ей рыбки принести, а то ж она приболела... Я ж не знал, что вы приедете. Ну вы ей тогда передадите рыбу-то?

– Да мы с собой много еды привезли, так что вы лучше себе оставьте. Спасибо вам большое, что заботитесь о матери, но ей теперь на пару недель хватит.

– Уж ладно, уж возьмите, – настаивает сосед. – Мы же на ее долю нарочно наловили. Пускай заморозит, потом съест. Или с собой заберете, у вас в столице-то, поди, такой рыбы не сыскать, гляньте!

Он наклоняет к нам корзинку. Там такие туши, что я только на фотографиях и видела. Азамат подходит поближе восхититься уловом. Дальше они с соседом долго обсуждают, какие тут виды рыбы водятся да у какой сейчас нерест, а у какой ход, сыплют непонятными словами и получают от этого массу удовольствия.

– Может, в дом зайдете? – предлагает Азамат.

– Да не, я только на минутку заскочил, а так надо еще еды наварить... А вы не хотите завтра с утра с нами в море? Ийзих-хон вроде говорила, у вас сноровка есть...

– Да была, правда, я давно не рыбачил. Но, может, еще не все забыл. Я бы с радостью к вам присоединился, если вы не против.

– Да мы только за! – воодушевляется сосед.

Они уславливаются встретиться на рассвете где-то на берегу, а потом гость все-таки всучивает нам свою корзинку. И уходит, по

привычке задвинув щеколду сквозь щель в калитке.

– Ну вот Лиза, – улыбается Азамат. – Ты спрашивала, как соседи тут ходят. Вот так и ходят!

– А он меня совсем не заметил? – интересуюсь я.

– Да нет, заметил, только постеснялся спрашивать. Мать ему небось рассказала, что у меня за супруга, вот он и побаивается на себя твое божественное внимание обращать. А чего ты хочешь, тут ведь такая глушь...

Матушка восстает от послеобеденного сна в прекрасном настроении, суетится по дому, даже прибирает бардак в комнате.

– Тебе не помочь, ма? – участливо спрашивает Азамат, глядя, как старушка запихивает вещи на полки, до которых еле дотягивается.

– Да ты поможешь, я потом не найду ничего в жизни. Ты сегодня и так помог, сиди уж теперь, отдыхай. Ой, да, кстати! – Она внезапно перебегает в другой конец комнаты, где в углу стоит внушительных размеров сундук. Открывает его, перегибается через бортик, да так туда и закапывается по пояс. Даже одну ногу приподнимает для эффективности. – Я тут порылась, – слышится ее приглушенный голос, – хотела тебе сварганить что-нибудь. Нового ничего не успела, зато старое нашла, что Арон тогда привез из твоего. – Она наконец выныривает с холщовым мешком в охапке. – Постирала, перешила кой-чего. Вот погляди, может, пригодится.

– Ой, ма, да не надо было! Мне вон Лиза шьет, что ты напрягаешься... – тушует Азамат.

– Ты и шьешь? – удивляется матушка, обернувшись ко мне. Я уже говорила, но она в тот момент, видимо, была слишком поглощена вопросом откармливания Азамата. – Ну и здорово, но это ж одежда, ее много не бывает. Тем более чего она тут у меня место занимает? Ты возьми что подходит, а из остального я лучше наволочек нашью пестрых, хоть польза будет.

– Тоже верно, – соглашается Азамат и садится разбирать вещи.

Боже, какое все яркое, у меня аж в глазах рябит! Тут и тесемочки, и вышивка, и мережки, и шитье, даже кружева кое-где, хоть и мужская одежда. В отдельном мешочке целая вязанка бус, браслетов и колец.

– Ой, это только если подарить кому... – вздыхает Азамат. – Куда мне теперь бусы...

– Ты погоди дарить-то, – хмурится матушка. – Сын вырастет, вот ему и отдашь. Тут еще моего отца камни есть, ты это из семьи не выводи!

– Да ты что! А какие от твоего отца? Я и не знал...

– А ты бы слушал хоть раз, когда я тебе про них рассказывала, – усмехается матушка. – А то надел и побежал. Вот эти, вот эти, еще вот то кольцо... А вот это маленькое, детское, может, на Лизу пойдет?

– А я не ношу колец, – развожу руками.

– Ну ты же иногда все-таки надеваешь украшения, хоть и нечасто, – говорит Азамат.

– Только бусы и серьги, а на руки ничего. Они мне для работы нужны.

– Вот это, я понимаю, причина, – смеется матушка. – А ты все на внешность валишь. Ты, Азамат, учись у Лизы. Не хочешь бусы носить, говори: а, они за косу цепляются, мне, мол, неудобно!

Потом мы заставляем Азамата перемерить по крайней мере половину одежды из мешка. Штаны на нем почти все отлично сидят, а вот рубашки в плечах маловаты.

– Ты руки-то насосом накачал, что ли? – хихикает матушка. – Эх, жалко, такие вещи красивые. А вот эту померь, она вроде побольше, да и неяркая...

Азамат берет рубашку и тут же кладет обратно.

– Нет, эту даже мерить не буду. Ты помнишь, кто ее шил?

Матушка морщит лоб:

– Невеста твоя, что ли?

Азамат кивает.

– Вот гадюка подколодная! – Матушка всплескивает руками. – То-то я и смотрю, тускло как-то и вышивки мало. Хорошо все-таки, что ты на ней не женился.

– Сам радуюсь, – ухмыляется Азамат и приобнимает меня за плечи. – И не только из-за рубашек. Кстати, ма, я ведь тебе еще не показал, какой мне Лиза сделала диль...

И бежит за халатом.

Утром мои супруг со свекровью отправляются рыбачить вместе. Она, дескать, уже выздоровела. Ладно, с этими муданжцами и не в такое поверишь. Я же остаюсь дрыхнуть дальше. А то там темно, холодно, мокро, рыба... брр.

Возвращаются они счастливые, тяжело груженные и сбрызнутые соленой водичкой.

– Такой лов, Лиза! Я и не помню, когда я последний раз на такой рыбалке был! – с порога восклицает Азамат. – Мы бы весь день там просидели, но место в лодке кончилось, куда рыбу складывать! Представляешь? И кроме рыбы еще кое-чего попало, там, пара осьминогов, каракатицы...

Я понимаю, что сегодня нас ожидает еще один пир, только из рыбных блюд. К счастью, готовить нам не приходится: сосед приглашает всех к себе, а то у матушки тесновато. Азамат наряжается с головы до ног и доволен до жути.

Дом у соседа радостный. Там светло, тепло, все стены завешаны гобеленами, полно народа. Две младшие дочери живут вместе с матерью через улицу, и все пришли помогать с приготовлениями. Подарили мне диль и трехслойную зимнюю юбку. За столом мужики, размахивая руками, обсуждают рыбалку, Азамат рассказывает, как он поймал морского дракона. Краем уха я слышу, как матушка наставляет соседского парня лет двадцати:

– Ты смотри у меня, язык не распускай. Скажешь что-нибудь про Азаматово лицо, узнаешь, что не только у твоего отца ремень есть.

Эге, думаю с улыбкой, да тут все схвачено.

Мы улетаем сытые и довольные и берем курс прямо на Дол, потому что надо же отвезти котят. Они сидят в тазике на полотенце (никакой более подходящей емкости для перевозки зверья не нашлось) и трогательно пищат. На лапках они уже вполне неплохо держатся, так что мне приходится то и дело отцеплять эти лапки от бортиков и утрамбовывать обратно в тазик. А то будет у нас полный салон котят, совершенно не приученных к лотку.

– Вот – говорю, – можно сказать, подготовились к земному ритуалу. В новый дом первыми запустим кошек.

– А для чего это? – интересуется Азамат.

– А я почему знаю... Примета.

– Хм-м. – Он задумывается. – Это не примета. Это какой-то обряд. Примету нарочно вызвать нельзя, это знак от богов.

– Ну обряд так обряд, мне это как-то все равно. Я и не собиралась ему следовать, просто раз уж у нас с собой кошки, то почему бы не запустить их первыми.

– Э, Лиза, ты так не говори. Обряд нельзя проводить просто так, случайно. К нему надо подготовиться. Хотя бы в уме придать ему значение. Иначе он никак не сработает. Подумай, может, кто-нибудь из твоих родственников или друзей знает, что это за обряд и почему он именно такой.

Я вздыхаю и открываю в мобильнике поисковик. Мои родственники совершенно точно знают об этом не больше моего.

– В старину первой в дом запускали кошку, – перевожу я с экрана. – Считалось, что кто первым войдет в дом, тот первым в нем и умрет. По одной версии, кошку таким образом приносили в жертву, по другой – кошка сама э-э... демон, она может распугать всех прочих. – Я затрудняюсь перевести на какой угодно язык выражение «нечистая сила».

– Ну вот – серьезно кивает Азамат. – А ты говоришь «какая разница». Видишь, как все продумано!

Мне остается только закатить глаза.

– А у вас, что ли, нету никаких обрядов на новоселье?

– Есть, а как же. В дом надо входить сытыми, в дорогой или дареной одежде. И на ночь надо оставить еду на столе и на крыльце для домашних и лесных духов.

– Я уже знаю, кто эту еду съест, – усмехаюсь я, отцепляя очередного котенка от своего рукава.

– Эти? Да нет, ты что, они только насекомых едят. Ну еще улиток и головастиков. Их потому в городе и не держат, что уж очень диета специфическая. Если насекомых не хватит, то разве что креветками подкормить можно, а это дороговато...

– А как же молоко?

– А, ну... не знаю, маленькие, может, еще будут... Я не предлагал никогда.

– Чудные вы люди, – говорю, – кошкам молока не предложить!

Мы продолжаем обсуждать приметы до самого прилета, и я узнаю много нового не только о мударжской культуре, но и о своей собственной. Правда, многие совсем уж безумные идеи я Азамату не перевожу. Еще решит, что надо им следовать, а мне меньше всего на свете хочется задерживать дыхание в лифте или при покупке чего-нибудь вечером бросать деньги на пол. Впрочем, Азамат и сам не все

подряд исполняет. Приметы, как и страхи, тоже бывают женскими, то есть выдуманными от общей бестолковости.

Потом мы ужинаем тем, что прихватили с пира, и напяливаем на себя все лучшее из одежды, а заодно и все украшения.

– Как мать вовремя мне их отдала, – радуется Азамат. – Сам бы ни за что не подумал взять, а ведь драгоценные камни на новоселье счастье приносят!

Наконец мы подлетаем к Долу. Закатное солнце окрашивает его воды золотисто-оранжевым, на скалах галдят гигантские водоплавающие птицы, небо аж фиолетовое, вдоль берега сосны, как пожар... Азамат чуть не забыл рулить от такой красоты. Но не забыл.

Однако когда мы приземляемся на уютной полочке в скале и по широкой дорожке обходим выступ к тому месту, где на крутом берегу стоит мой новый дом, тут уже я забываю, как ходить. Он и правда настоящий дворец. Основная его часть круглая, только на первом этаже есть еще полукруглая пристройка с запада, выходящая окнами на море. Стены кажутся оранжевыми в закатном свете, но они не однотонные, а украшены выпуклым рельефом. На основном здании это могучие раскидистые деревья, на которых, как плоды, висят круглые окна с узорными наличниками. А на стене пристройки всходит солнце. Так вот прямо и поднимается из чего-то вроде волн, раскинув лучи до самой крыши. Все пространство между лучами – тоже окна, и они синие-синие, наверное из тонированного стекла. И в них отражаются небо и вода. На третьем этаже круглое здание обернуто галереей балконов. Но самое потрясающее – это крыша. Она вся блестит, потому что сделана из той самой чешуи, и она коническая. На вершине из крыши вырастают две птичьих головы на длинных перевитых шеях, а сама она представляет собой четыре крыла, внахлест накрывающих весь дом.

Когда я вспоминаю, как дышать, оказывается, что Азамат отобрал у меня тазик с котятами, потому что я его чуть не уронила.

– Нравится? – спрашивает он, сверкая широченной улыбкой.

– А ты думал! – едва выговариваю я.

– Тебе крыша нравится? – уточняет он, как будто это не очевидно.

– Мне все нравится! Это просто обалденно... Я никогда ничего красивее не видела, даже ничего подобного.

– Ну хорошо, – кивает он. – Я просто помню, что тебе вроде бы нравился наш хом, вот я и сделал похоже, а потом что-то засомневался...

– Не сомневайся! – Я лезу лобызаться, но тазик с котятками страшно мешает, тем более что они на холодке в два раза энергичнее разбегаются. – Ну пошли скорее внутрь... ой, а где дверь?

– За углом, – Азамат кивает влево, – если только так можно сказать о круглом здании.

Дом стоит не на открытом месте. Дальняя от нас его сторона опирается на скалу, которая возвышается над нашим небольшим плато и закрывает вид на дом с суши. А с воды его должно быть отлично видно. Так вот Азамат ведет меня к тому месту, где стена дома смыкается со скалой. И там и правда высокая широкая дверь, над которой сплели ветви два рельефных дерева. На ручке, как водится, висит узелковое послание. Азамат зачитывает:

– Здесь живет любимая жена, прекрасная могущественная богиня.

Я только глаза закатываю. Хотя этот дом тянет не меньше чем на замок фей, это точно. Азамат зажигает свет под козырьком, открывает дверь и ставит на порог тазик с котятками. Конечно, теперь, когда вылезать стало можно, они решили, что им страшно и надо сидеть в середине и жаться друг к другу, а то и вовсе спать лечь. Однако любопытство пересиливает, и через несколько минут первый отправляется на разведку, я только его подталкиваю, чтобы на улицу не пошел. Двое оставшихся скоро отправляются следом.

– Ну пошли, – говорю я.

И мы идем.

Войдя, мы оказываемся в полукруглой прихожей с пятью дверьми, как в лабиринте. Две налево ведут в ванную и туалет, две направо в чулан и на второй этаж, а прямо – в жилую часть дома. Я вхожу и обнаруживаю, что мне снова предлагается выбор: налево гостиная, направо кухня. А посередине печка.

– Ой, – говорю, – все-таки печка?

– Нет, – Азамат мотает головой, – только маскируется. Там внутри современная отопительная система. Вот тут, какходишь на кухню, на стене щиток. Выставляй температуру по желанию. А так там только в гостиной маленький камин для уюта.

Кухня вся блестит, она очень большая и занимает ту самую пристройку с солнцем. Изнутри окна-лучи тоже ужасно красиво смотрятся, а по обеим сторонам стена усыпана крошечными, с кулак размером, окошечками всех цветов радуги, сквозь которые проникают веселые лучи.

Из кухни под аркой можно пройти в гостиную, где вдоль стены тянется глиняный выступ, покрытый теплыми и мягкими перинами, а рядом стоят несколько кресел и мой комод, прилетевший с самого Гарнета. Из гостиной есть выход на открытую террасу над морем.

– Там от террасы лестница прямо к воде. Я там лифт делать не стал, но, если хочешь, сделаю эскалатор.

Тут я вспоминаю, что в доме есть еще два этажа. Азамат выводит меня обратно в прихожую, а оттуда направо к лифту. Вокруг шахты лифта вьется винтовая лестница, на всякий случай. Мы поднимаемся на второй этаж. Там просто четыре комнаты, а посередине коридор, по обе стороны которого возвышаются две толстых каменных трубы – продолжения «печки». В комнатах кровати – нормальные кровати, а не перины на полу. На третьем «печка» снова смыкается воедино, никаких комнат нет, просто огромный зал и балконы. И потрясающий вид.

– Ты мне так и не сказала, что должно быть на третьем этаже, – оправдывается Азамат, как будто у меня какие-то претензии. – Так что я ничего делать не стал. Если что придумаешь, переборки поставить можно легко.

У меня начинает кружиться голова от высоты и изобилия, так что я с размаху сажусь на пол.

– В ближайшую вечность, – говорю, – мне вряд ли что-то еще понадобится. Спасибо тебе, солнце, это действительно очень круто.

Азамат приземляется позади, наклоняется и кладет голову мне на плечо. Я прислоняюсь виском к его виску.

– Теперь твоя очередь меня чувствовать, – говорю. – Потому что слов у меня нет.

Он позвякивает бусами.

Азамат расставляет в положенных местах блюда с мясом, лепешками и молоком. Спать мы ложимся рано, хотя «спать» – в данном случае кокетство, конечно. После трех часов такого «сна» приходится идти мыться второй раз. В ванной, кстати, тоже цветные

микроокошечки. Вот после этого Азамат довольно быстро засыпает, а я еще долго лежу, таращась в окно на звездную ночь над водой, голова у меня пустая-пустая, и хочется совершить что-нибудь великое.

На следующее утро я заново осматриваю весь дом при дневном свете. Здесь невероятно солнечно, надо будет закупить отражающей пленки, а то летом мы поджаримся. Впрочем, Азамат уверяет, что все предусмотрел. Ну ладно, верю-верю!

Котята наши куда-то рассосались. Я встретила одного, причем за работой: он кушал на кухне отогревшуюся муху.

– Надо им имена придумать, – говорю.

– А ты их отличаешь друг от друга? – спрашивает Азамат.

– Пока нет.

– И я нет. Вот научишься отличать, тогда и назовешь.

Из угощений «для домового» исчезло молоко, а остальное только понадкусано слегка. Впрочем, то, что стояло на улице у двери, исчезло совсем, даже одно блюдо кто-то уволок.

Мы завтракаем, щурясь на сверкающую воду под окнами, потом спускаемся вниз по широкой виляющей лестнице, перила которой опираются на столбики в виде идущих человечков.

– Вот тут слева чуть подальше есть пещерка, там можно лодку держать. Тут вообще удобно, много пещер в скалах, хоть сарай, хоть конюшню делай. И унгуц есть куда спрятать от непогоды, – рассказывает Азамат. Ему самому ужасно нравится играть в этот конструктор, а мое одобрение – это приятный бонус. Ну да я не внакладе, а то, если бы он все это нехотя отгрохал, я бы ему по гроб жизни была должна.

Когда мы возвращаемся и начинаем думать, что делать дальше, внезапно раздается стук в дверь. Я аж подсакиваю. Откуда тут люди?! Конечно, где-то неподалеку должны быть наши пастухи, но их бы Азамат за три километра услышал.

– А, – говорит Азамат, – это наш сторож знакомиться пришел.

Он открывает дверь, и на пороге появляется жилистый дядя с седой бородой, но не старый на вид.

– Здравствуйте, – рявкает он на весь дом и вежливо кланяется мне чуть не до полу. – Меня кличут Кедром, я тут эта... мебель делаю и вот за вашим домом приглядываю. Счастья вам в дом!

Я обалдело киваю, не зная, надо мне с ним здороваться или нет... Обычно не надо, но он же явно ко мне обращается.

– Здравствуй, Кедр, – кивает Азамат. – Жена моя, Белая госпожа, рада тебя видеть. Ты о ней позаботься, как доброму человеку положено. И тебе счастья в дом.

Они еще обмениваются двумя-тремя любезностями, после чего Кедр нас покидает.

– Убедительный дядя, – говорю. – А он всегда так громко говорит?

– Нет, это он от смущения. Ты все никак не привыкнешь, что твое присутствие на людей сильно влияет, особенно на мужчин.

– А он... – я мешкаю, потому что не хочу дурно говорить о хорошем человеке, – как бы это сказать... Не повлияю ли я на него слишком сильно? Особенно если тебя тут не будет?

– Не-ет, что ты, Лиза! Он порядочный человек, у него огромная семья... Да и потом, – Азамат присаживается рядом со мной и заглядывает мне в лицо, – понимаешь, для простых людей ты... как бы не совсем человек. То есть они могут восхищаться и благоговеть, но я вполне уверен, что им в голову не придет воспринимать тебя... как женщину. Надеюсь, тебя это не очень обижает.

Я смеюсь.

– Меня это скорее радует.

– Вот и славно. Кстати, один из сыновей этого Кедра будет заходить раз в неделю тут убираться и приносить продукты. Я бы ему и почаще велел, но я знаю, что ты к слугам не привыкла...

– Хорошо, хорошо, – говорю, – раз в неделю самое то. Ты у меня умница и все прекрасно продумал. Такими темпами я и правда себя возомню какой-нибудь принцессой и возгоржусь.

Мы хихикаем, потом Азамат смотрит на часы.

– Мне надо бы уже собираться. Завтра опять тренировка, а дома и есть нечего... – Он вздыхает. – Я завтра вечером опять прилечу. Долго я без тебя не смогу все равно.

Я прочищаю горло.

– Азамат, – говорю. – А что заставляет тебя думать, что я тут останусь?

Он моргает.

– Тебе не нравится?!

– Мне очень нравится, мне просто безумно нравится! – уверяю я его, для убедительности поглаживая по руке. – Мы обязательно будем сюда выбираться, когда у нас будет свободное время. Вместе.

И смотрю на него волевым взглядом.

– Но... Лиза... – Он теряется. – Это же твой дом.

– Ага, а ты мой муж.

– Но почему ты не хочешь тут жить?

– Ну, милый, ну мы же это уже обсуждали. – Я делаю щенячьи глазки. – Я хочу жить с тобо-о-ой, а где – мне все равно. Ну и в столице работа есть хоть какая. А тут я одна от скуки загнусь на второй день. Не буду же я в самом деле целыми днями гобелены плести.

Азамат вздыхает и трет лоб. У него смешное выражение лица – вроде и облегчение там, и озабоченность.

– А зачем ты тогда вообще согласилась, чтобы я тебе этот дом строил?

– Ты же сказал, тебе это для репутации надо... Но никто же не будет следить, действительно я тут живу или нет. Ты уж прости, я как-то не ожидала, что ты реально такие хоромы отгрохаешь, я бы предупредила, что я тут жить не собираюсь. У нас просто так заведено, есть дом в городе, а есть за городом, чтобы туда ездить отдыхать по выходным. Ну вот я и подумала, пускай у нас тоже будет загородный дом, не вечно же в столице кваситься. Будем сюда приезжать...

Мне кажется, он все-таки расстроился, хотя и старается не подавать виду.

– Ну ладно, – говорит, – если тебе так удобнее... Давай тогда тоже собирайся. Котов-то оставишь, надеюсь?

– Конечно! Я их тут теперь и не найду, они мелкие... Они тут с голоду не помрут?

Азамат поводит бровью.

– Я скажу сторожу, чтобы он им ставил молоко.

Мы быстро собираемся и грузимся в унгуц. На обратном пути разговор не очень клеится, и Азамат включает музыку, а я достаю шитье – на позапрошлом собрании моего клуба как раз проходили рубашки, я сделала выкройку, теперь вот пытаюсь правильно сметать, не перепутав лицо с изнанкой. Азамат то и дело косится на меня, но

молчит. Только когда я на воздушном ухабе всаживаю иголку себе в палец, кладет мне руку на коленку и говорит тихонечко:

– Лиза, я знаю, что ты меня любишь и поэтому не осталась. Мне просто странно...

Я целую его в плечо.

Мы прилетаем домой, а там так хорошо! Цветочки какие-то в палисаднике расцвели, тепло, моросит весенний дождик, внутри все такое свое... Конечно, там, на Доле, потрясающе красиво, но тут все-таки дома. Мы ужинаем в «Лесном демоне», гуляем по городу, заходим к Унгуцу, машем руками встреченному на улице непроизносимому Старейшине, отмокаем в горячей ванне и занимаемся любовью с таким остервенением, как будто после большого перерыва дорвались.

– Ну что, – говорю с вызовом, – хочешь, чтобы я сейчас торчала на побережье Дола?

– Совершенно не хочу, – хмыкает Азамат мне в ключицу, обвивает меня всеми конечностями, как паук, и так засыпает.

Наутро мне уже кажется, что замок на скале мне приснился, уж очень все буднично. Азамат ни свет ни заря смылся на свои тренировки, я сходила к целителю, попыталась ему объяснить, что такое аллергия. Он не понял. На Муданге слишком антисанитарно, чтобы тут такие звери водились. На обратном пути я провела несколько бывших пациентов, кое-кому выдала еще лекарств. Зашла к Унгуцу потрепаться. У него сидел Ажгдий... дими... короче, наш духовник. Посмотрел на меня, приподняв бровь, написал записочку: «Почему я только сейчас от Старейшины Унгуца узнаю про твою затею с диктофонной записью?»

– А чего, – говорю, – надо было вас предупредить? Так никаких проблем же не было, все всё поняли и взяли на вооружение. Азамат только удивляется, чего это с ним все подряд здороваться стали.

«Предупреждать не обязательно, – пишет Старейшина, – но надо было мне рассказать в тот же день, раз уж решила за меня делать мою работу. Твои действия повлияли на души этих людей, я должен быть в курсе».

– Ну ладно, – говорю. – Я как-то не подумала... Понимаете, у нас такие вещи все время делают, в школе, например...

«У вас – это у вас, – категорично-четким почерком выписывает духовник. – Между прочим, Алтонгирел вчера улетел с Муданга, а я

только сейчас узнал почему. В дальнейшем, пожалуйста, рассказывай мне о своих затеях сама».

Я клятвенно обещаю все рассказывать, получаю прощение с улыбкой, выпиваю чашку какого-то кошмарного сена и иду домой. У нас опять еда кончилась, надо на рынок... Едим мы ее, что ли?..

На рынок я гордо иду с Пудингом. Ему это нравится точно так же, как и мне. На нем пристегнуто седло, по обеим сторонам которого висят мешки, куда можно положить очень много всего. Уздечек тут на лошадей совсем не надевают, так что я повязала ему на шею веревочку, за которую и тяну в нужном направлении. Он послушно идет, ибо знает: в конце пути его ждет вкусненькое. Мы проходимся по рынку, не торопясь выбираем, что купить. Пудинг зависает у лотка, где торгуют тростниковым сахаром. Дома его полно, но приходится купить кусочек, чтобы уволочь это чудо в сторону. Продавцы надо мной потешаются, конечно, но я не против. У них точно нет такого рыжего, косматого и благодушного мерина.

Орешница с мужем сегодня не торгуют, у них какое-то семейное торжество. Клуб соответственно тоже отменяется. Народу вокруг негусто, разгар рабочего дня все-таки, из покупателей в основном старичье. Я притормаживаю у лотка с кухонными ножами. Как раз тут на днях думала, что у нас маленького ножичка нет. А на Доле так вообще посуды по минимуму, Азамат решил предоставить мне захламлять мою жилплощадь. Я принимаюсь вертеть в руках разные ножи, интересуюсь их качествами, какой для чего лучше подходит... Внезапно продавец замолкает. И вокруг повисает какая-то нехорошая тишина. Я оборачиваюсь, пытаюсь понять, что случилось. Гляжу – покупателей как ветром сдуло. Один только стоит у лотка напротив. Маленький какой-то, черненький... Ба, да никак джингош! И чего, полагается прятаться, что ли? Но он же только один... Оборачиваюсь обратно, чтобы спросить продавца, что делать, а его уже тоже след простыл. Но я-то не могу так вот взять и исчезнуть, да еще с лошадью!

И тут этот хмырек замечает меня и семенит ко мне. Он с меня ростом, если не ниже. Подходит, изображает улыбку на прыщавой физиономии.

– Земная женщина хотеть, – говорит на ломаном мустанжском.

– Не, – говорю, – не хотеть. Земная женщина муж иметь. Большой, сильный. Страшный. Наемник.

На него моя тирада не производит никакого впечатления. То ли не понял, то ли не поверил... Короче говоря, это быдло хватает меня за задницу! Прямо нагибается и обеими руками!.. И еще тянет на себя! Я даже подумать не успела. Даже не сообразила промеж ног двинуть. А о чем он думал – приставать к женщине, которая держит в руках огромный мясницкий тесак? А я и думать забыла, что в руке у меня что-то острое, просто долбанула с размаху, чтобы он отцепился, козлина, и, только когда брызнула кровь, поняла, что снесла ему голову на фиг, нож-то острый, как зараза, и тяжелый...

Следующим номером я порадовалась, что на мне одежда, какую не жалко, а то всю ведь кровью залило. И только после этого озадачилась – а что, собственно, мне будет за содеянное? Вроде как самооборона, но мы же на Муданге...

Внезапно рынок ожил, невесть откуда возникли продавцы и стремительно принялись паковать товар. Хозяин ножей вырос у меня за спиной и окликнул меня.

– Бегите! Их тут сейчас будет много! Бегите скорее к мужу и прячьтесь!

Он смахивает свой товар в ящик, но тесак все еще у меня.

– Я возьму? – говорю робко.

Он только отмахивается и повторяет:

– Бегите отсюда!

Я сую тесак в седельную сумку – Пудинг по-прежнему невозмутимо стоит рядом и жует сахар, хотя ему бок забрызгало кровью. Прикидываю: бежать домой? Но ведь там меня легко найти, а торговец сказал прятаться... К мужу – это я плохо знаю куда. То есть примерно знаю, но это же надо сначала машину вывести... А, у меня же лошадь есть. Вредно, конечно... Правда, убивать людей тоже вредно... Ма-ать, я же его убила!

Так, цыц. В седло и к Азамату, сопли потом.

К счастью, лесенка к седлу пристегнута, а то черта с два бы я залезла. До Пудинга, кажется, доходит, что что-то не так, и он принимается трусить прочь от рынка. Я от души наподдаю ему пятками по бокам – сейчас-то надо быстро! Он очень удивляется, но ходу прибавляет, а когда мы выезжаем из города, даже переходит на галоп. Я и не знала, что он может.

Мы скачем и скачем, и я уже перестаю узнавать местность. Где-то тут слева должна быть долина между двумя горами, вот там и проходят эти тренировки. Проблема в том, что долина эта незаметная, за что ее и выбрали...

– Пудинг, – говорю, – ищи Азамата!

Впрочем, не особо-то я верю, что он может что-то найти. Вспоминаю, что у меня есть телефон. Достāju. Конечно, тут нет сети, о чем речь...

Внезапно Пудинг тормозит и поводит ушами. Не знаю, мерещится мне или нет, но похоже, что от дороги влево отходят две колеи. Даже если это и не туда, куда мне надо, торчать на дороге посреди поля – не самая лучшая идея, если за мной гонятся. Я решительно тяну Пудинга за веревочку влево, он послушно спускается в траву.

Как это ни удивительно, мы угадали. За небольшим выступом открывается довольно широкое поле, где куча народу прыгает, бегаёт и дерется. Азамата я замечаю почти сразу – он в мамином красном свитере, наверное, чтобы его было хорошо видно ученикам. Скачу к нему, едва не сшибая этих самых учеников. Он меня, конечно, издали заметил, но менее круглыми его глаза от этого не стали. Подскакивает ко мне, только что под копыта не бросается.

– Боги, Лиза, что случилось?! Ты вся в крови!

– Я убила джингоша! Что мне делать?

Глава 17

Из мемуаров Хотон-хон

Первая джингошская кампания началась шестнадцать лет назад, когда Джингошская империя попыталась захватить несколько свежезелененных планет в кластере Вирго и неожиданно встретила вооруженное сопротивление армян и землян, которые предугадали ее планы. Джингоши понесли тяжелые потери – как человеческие, так и материальные: в битве они лишились большого количества новых кораблей и оружия. Чтобы возместить утраченное, им пришлось поднажать на покоренные планеты и вытянуть из них побольше ресурсов. На Муданге джингоши в норме собирают дань редко и понемногу, поскольку эта планета больше интересуется их как платиновый прииск, а за свое добро гордые муданжцы держатся крепко. Но при том количестве колоний, которое Джингошская империя сгребла под себя за последние три-четыре века, ей

приходится быть постоянно очень хорошо укрепленной, иначе покоренные народы быстро почуют брешь и вырвутся на свободу. Поэтому джингоши решили собрать внеочередную дань с самых отдаленных своих колоний, пока никто не заметил, что у них не хватает ресурсов. И собрали. Ценой нескольких миллионов жизней. Муданжцы действительно очень гордые, и, если бы Старейшины не велели прекратить сопротивление, мужское население планеты могло бы существенно сократиться. А если учесть, что муданжские женщины в большинстве своем неспособны ни к какой оплачиваемой работе, а многие даже еду себе приготовить не умеют, это была бы настоящая катастрофа.

Однако джингошам уплатили, и они отстали, хотя и лишились огромного количества бойцов, гораздо большего, чем муданжцы. Джингоши, как уже говорилось, берут числом, как муравьи. Каждый отдельный джингошский солдат туповат и плохо дерется, зато у него десяток жен и каждая рождает по два-три ребенка каждый год. Зафиксированный рекорд плодовитости джингошской женщины – это пятнадцать близнецов, правда, шесть из них не выжили. Если же муж погибает, его жены достаются по наследству братьям и тоже не простаивают. Само собой, при такой демографической ситуации джингошам постоянно требуются новые земли и источники ресурсов, а вот цена человеческой жизни невысока. Слово «джингоши» – это не самоназвание нации, это тамлингское слово, означающее «муравей».

Тем не менее джингоши всегда мстят за своих. У них очень развиты семейные узы; в семью входят такие отдаленные родственники, что часто сами они не помнят, в каком поколении и какое именно между ними родство, тем более при таком количестве жен. Но если ущерб нанесен одному родичу, на его защиту тут же собирается пара десятков человек. И они даже не посмотрят, насколько опасно мстить. Они могут все погибнуть, главное – не дать спуску обидчику. Именно поэтому, если в муданжском поселении объявляется джингош, все муданжцы стараются исчезнуть, чтобы, не дай боги, не оскорбить захватчика, иначе не миновать беды всему поселению. Джингоши, естественно, этим пользуются: нарочно напрашиваются на драки, а потом собирают родичей и грабят деревню. Или, если жители уже научены горьким опытом и разбегаются, джингоши спокойно сгребают с лотков товары, выносят из домов ценности.

Вторая джингошская кампания началась как раз с чего-то подобного, хотя и не имела непосредственного отношения к Мудангу. Стайка джингошей напала на эспажанского продавца, который прилюдно поймал за руку их родича, пытавшегося умыкнуть с прилавка что-то ценное. Дело было на Гарнете, и рядом случилась группа армянских спецназовцев и команда муданжских наемников. Джингошам крупно досталось, но они на этом не успокоились, поскольку у двоих из них были родственники в имперской канцелярии. Через неделю по земным и армянским войскам был нанесен неожиданный удар, и начался вооруженный конфликт, затянувшийся на два года. Это произошло через восемь лет после Первой кампании. По итогам конфликта было подписано мирное трехстороннее соглашение между землянами, муданжцами и джингошами, но все понимали, что жить ему недолго, тем более что армяне отказались в нем участвовать, а земляне в случае чего очевидно будут поддерживать армян, но не джингошей, а муданжцы подписали соглашение, только чтобы оградить свою планету от нового грабежа. Да и то сказать, это было решением одного конкретного муданжца, прочие же наемники весьма условно его поддержали; в те годы он еще не пользовался таким авторитетом, как сейчас. Удивительно было только то, что после всех этих событий джингоши не перерезали население Эспаги, которая тоже чуть больше века назад стала их колонией. Видимо, за перестрелкой с землянами забыли, с чего все началось.

– Как – убила? – ошарашенно спрашивает Азамат.

Вокруг нас собирается толпа.

– Ну я пошла на рынок, а там этот хмырь стал меня лапать около лотка с ножами, ну я ему ножом и врезала! Вот!

Запускаю руку в седельную сумку и извлекаю окровавленный тесак с квадратной мордой. В толпе раздаются возгласы и свист, ближайшие мужики даже отшатываются.

Азамат окидывает взглядом тесак, меня и Пудинга. Потом негромко говорит:

– Лиза. Убери нож обратно, пожалуйста.

Я слушаюсь, хотя с трудом попадаю рукой в сумку. Меня немного трясет.

– Так, молодец. Теперь слезай с лошади. Ничего, я тебя поймаю.

Ловить меня ему не приходится, скорее уж наоборот, я так вцепилась в лесенку, что еще полминуты не могла отойти. Азамат расстегивает свитер и прячет меня под полой.

– Ты видела других джингошей?

– Нет, – выдавливаю сквозь стучащие зубы. – Но продавец сказал, что их сейчас много набежит. И все попрятались и разбежались.

Краем глаза вижу, что из толпы к нам протискиваются Эцаган, Ирнчин и Онхновч.

– Что делать будешь? – раскатисто спрашивает последний.

– Уезжайте, капитан, – встревоженно говорит Эцаган, косясь в сторону дороги. – Вы же знаете, как они всегда...

Азамат недолго молчит, потом произносит:

– Что делать – это не вопрос. Я не могу допустить, чтобы Лизе пришлось прятаться всю жизнь. Пора уже поставить этих обезьян на место.

Я слышу согласные выкрики со всех сторон, даже из глубины толпы, хотя Азамат говорил негромко. Я чувствую, что он кивает у меня над головой.

– Все, кто хочет ко мне присоединиться, приходите сюда завтра в это же время. Ирнчин, у тебя тут где-то рядом унгуц припаркован, так ведь? Одолжишь? И коня припрячь, а то он приметный.

Азамат доводит меня до синенького двухместного унгуца, складывает в багажник мои мешки и седло, а Пудинга на веревочке передает хмурому Ирнчину. Мы взлетаем. Я пытаюсь помахать рукой, но она плохо слушается. Над городом мы не пролетаем, нам в другую сторону, но издалека мне мерещится там какое-то неприятное шевеление. Стаскиваю промокшую от крови кофту – все равно в унгуце тепло – и заталкиваю под ноги.

– Азамат, – говорю, с некоторым трудом ворочая языком, – что теперь будет?

– Тебе все-таки придется пожить в своем доме, – хмыкает он. – А я пока обеспечу, чтобы у джингошей появились другие проблемы, чем тебе мстить.

– А что по муданжскому закону полагается за убийство?

– Джингоша? – Азамат даже поворачивает ко мне голову. – Формальный выговор за то, что его дружки попортят хозяйство

соседям. Впрочем, после того, как мы пообщаемся с этими дружками, Старейшины, скорее всего, поленятся тебя отчитывать.

– Но они, в смысле джингоши... никого не убьют из-за меня?

– Могут и убить, – пожимает плечами Азамат, снова обращаясь к ветровому стеклу. – Но они в любой момент могут кого-нибудь убить. Ты не переживай, я это так не оставлю.

– Ты будешь с ними воевать?

– Естественно. Да мне не привыкать, Лиза, чего ты так нервничаешь? Все будет хорошо.

Тон у него спокойный и веселый, но мне что-то плохо верится, что победить джингошей так легко. В конце концов, они тут уже двести лет сидят. Хотите сказать, до сих пор никому в голову не приходило их отвадить? С другой стороны, мне вполне очевидно, что Азамата не отговорить. Тут и затронутая честь, и азарт, и старые счеты... В общем, зарезанный мной джингош – скорее повод, а не причина. А я могу только тихо сидеть и не мешаться под ногами.

– Азамат... – зову тихонечко. – Ты только это... если что случится, сразу ко мне. А то этот ваш целитель...

Азамат снова косится на меня, потом что-то прикидывает в уме.

– А твои зелья и аппараты все дома остались?

– Угу.

– Хм. – Он на пару минут задумывается, потом достает телефон. – Арон? У меня веселенькие новости. Грядет Третья джингошская кампания. И я в этом по уши. Ты не заметил еще в городе суеты? Ага, тогда поторопись. Беги ко мне и заведи всякое лекарское барахло из левой спальни на втором этаже. Сложи в мой унгуц, подбери семейство и лети на север Дола. Я тебе координаты скину на навигатор сразу, только отзовись.

Арон что-то отвечает, и Азамат кладет трубку.

– Ты не против, если они составят тебе компанию? А то я немного опасаюсь за него, джингоши ведь быстро выяснят, чья ты жена, а за ними водится нападать на близких родственников.

– Конечно-конечно, – говорю. – Пускай присоединяются, дом большой, – киваю я. Семью Арона я, к стыду своему, еще ни разу не видела. – А то я там одна вовсе со страху помру. Хотя вообще всех знакомых зови, я только рада буду.

– Хм, – снова говорит Азамат. – А это идея. О том, где твой дом стоит, знают только работники, которых я нанимал, да мои друзья. И все они сегодня были на тренировке. Дом только с воды и виден, с берега скалы закрывают. Я еще, когда место выбирал, смеялся: мол, прямо боевое укрепление строю. Обзор опять же хороший... Может, там штаб сделать? Все равно нужно какое-то место, я думал, к матери всех созвать, но это уж очень далеко. Ты как, не против, если мы все к тебе вломимся?

– Азамат, какое против! Вламывайтесь, конечно! – Я даже дрожать перестаяю от радости. Я-то уж думала, до конца этой эпопеи его не увижу, а так буду в самом центре событий! Ну или хотя бы информационного потока. – Тем более если Арон привезет мои аппараты и препараты, я же там и лечить смогу, если, не дай боги...

– Тоже верно, – кивает Азамат. – Ну что ж, решено. Ты как себя чувствуешь?

– Да нормально вроде, – пожимаю плечами. Первый шок спал, руки не трясутся, не мерзну, в голове ясно.

– Тогда можно тебя попросить порулить немного? Мне бы надо разослать всем указания, да еще кое-кого из наемников подбить поучаствовать...

Меняться местами в тесном унгуце не очень удобно, так что Азамат просто сажает меня к себе на колени, а потом отодвигается из-под меня вправо. Унгуц все это время висит неподвижно над редкими елочками. Прочно усевшись за рулем, я трогаюсь с места. Система управления здесь почти не отличается от той, что на нашем унгуце, только функций меньше. Азамат закапывается в мобильник. Мобильник маленький, а Азамат большой, медведем нависает над блестящей штучкой, смотрится забавно. Кажется, я и правда в порядке. Даже странно.

Арон звонит часа через два, говорит, что вылетел со всей семьей, забрав все, что смог упихать. Надеюсь, он ничего не поломал из моих хрупких устройств.

Всю дорогу до Дола Азамат строчит послания, звонит и принимает звонки, договаривается о поставках, собирает людей, передает координаты. Он делает это так привычно, как будто всю жизнь воевал. Ну, вообще, это не далеко от истины, соображаю я. Последние пятнадцать лет он, собственно, этим и зарабатывал. А чем

он жил до того, я, кстати, понятия не имею. Но в Первой джингошской-то участвовал...

– Азамат, – спрашиваю, когда в его переговорах образуется пауза, – а почему вам в прошлый раз не удалось их прогнать?

– Да потому, что у нас вечно каждый за себя, – ворчит он. – Уважаемый мужик скорее умрет, чем признает, что сосед лучше него разбирается в военном деле. И каждый город перед другими нос задирает. Кто подальше – Орл, Сирий, – те вообще Ахмадхот как столицу не признают.

– Да?!

– Ну да. То есть Старейшины-то признают, а вот горожане... в общем, разобщенные мы слишком, не можем толковую армию собрать.

– А почему тогда ты думаешь, что на этот раз удастся?

Азамат хмыкает и лукаво косится на меня.

– А потому, что я наемник. Более того, я, Лизонька, самый успешный наемник среди всех муданжцев, да и всех джингошей, пожалуй. А перед наемниками все города головы склоняют, нам ведь закон не писан, а некоторым и Старейшины не указ. Так что я намерен собрать здесь побольше ребят из космоса. Завтра утром еще постараюсь кое для кого добиться от Старейшин, чтобы изгнание отменили. Конечно, не мне о таком просить, но, я думаю, они и сами предложат... В общем, мы справимся, Лиза. Не трусь.

Дом стоит где стоял. Все-таки это был не сон. В дневном свете он не оранжевый, а ласкающего глаз абрикосового цвета. Азамат оттаскивает на кухню мои мешки, выгружает еду и посуду. Я приземляюсь за кухонным столом, пытаюсь придумать себе занятие. Азамат что-то моет в раковине, старательно загоразивая мне обзор широкой спиной. Я догадываюсь, что это нож. Потом прячет его в ящик под разделочным столом.

– Ты голодная? – спрашивает Азамат.

Я невнятно пожимаю плечами, пытаюсь прислушаться к себе.

– Наверное, немного.

– Тогда я сейчас чего-нибудь сварганю. – Он идет к холодильнику.

– А тебе разве не надо сидеть на телефоне?

– Сегодня вечером уже нет. Нам теперь надо подождать, пока все соберутся. Ты не волнуйся, у меня все под контролем.

Мне кажется, он разговаривает со мной немножко упрощенно, как с ребенком. Ну что ж, зато все ясно и не надо думать.

Наловленную вчера утром рыбу Азамат оставил здесь. Большую часть ее в морозилку запихнул, а несколько рыбин убрал в холодильник мне на ужин. Он же думал, что я тут останусь. А потом, видно, забыл заморозить.

– Ой! – восклицает он, открыв холодильник. – Хорошо, что мы сегодня вернулись, а то бы тут все протухло!

Достает пластиковую бадейку с рыбой и мутной водой, опрокидывает в раковину, включает воду, моет рыбу. Я регистрирую каждое его движение так же жадно, как тогда, перед свадьбой. Видимо, все-таки нервничаю. Скорее бы Арон прилетел с моими таблетками. У меня там есть успокоительное, которое при беременности можно. Азамат вылавливает одну рыбину из раковины и кладет на стол. Она дергается. Я немного удивляюсь. С другой стороны, температура в холодильнике градусов семь, а в море рядом с матушкиной деревней хорошо если два. И воды в бадье было много, да и почему мударжская рыба должна быть менее живуча, чем мударжские люди? Азамат разрезает рыбину вдоль, она дергается, выступает кровь, высовывается плавательный пузырь. Меня окатывает кровью, джингош падает. Я вскакиваю.

– Лиза, ты чего? – Азамат оборачивается, потому что я уронила стул.

– А... Померещилось, – выдавливаю я, стараясь унять сердцебиение и таращась на чистый и пустой кухонный пол.

Азамат отпускает рыбу и моет руки, края рыбьего брюха смыкаются с влажным звуком, я вижу распахнутую трахею. Азамат ловит меня, и я не успеваю стукнуться коленками об пол. От него пахнет рыбой. Меня сейчас вырвет.

– В туалет, – из последних сил выговариваю я, остатками сознания категорически не желая загаживать пол на замечательной новой кухне.

Азамат успевает доволочь меня до унитаза как раз вовремя. Меня тошнит, как никогда в жизни не тошнило. Долго и так скручивает, что, кажется, каждую клеточку отжало, как бы прямо сейчас не родить. И все время перед глазами перерезанное горло джингоша, голова

откидывается назад не то с хрипом, не то с хлопом, у меня лицо в крови и кофта...

Азамат держит меня под мышки и вокруг груди, у него теплые руки. Тошнота наконец отпускает. Он тащит меня к маленькой туалетной раковине умыться. Я пью воду из-под крана. Она становится соленой. Это у меня слезы текут. Слышу какой-то звук – не то рев, не то вой, он очень громкий, и Азамат тут же вцепляется в меня, начинает уговаривать. Это, наверное, я кричу.

– Лиза, тебе больно?

Мотаю головой. Никак не могу замолчать, рыдания скручивают меня, как приступы рвоты, все лицо напряжено, рот растянут, слезы льются ливнем. Азамат садится на пол, сгребает меня в охапку на колени, прижимает к себе и принимается укачивать. Я реву как двухлетняя и ничего не могу с этим поделать. Голошу с подвывом, но от этого как будто становится легче, как будто что-то развязывается внутри.

Не знаю, сколько времени проходит, пока я наконец затыкаюсь. Мне немного стыдно и очень мокро от слез и пота, не знаю, горячего или холодного. Азамат держит меня одной рукой за плечи, другой вокруг коленок. Я плохо вижу его из-за воды в глазах.

– Тебе гармарры заварить? – спрашивает он.

– Не... не знаю, можно ли... при беременности... – отвечаю заплетающимся языком. – И на кухню не хочу.

– Ты никогда раньше не убивала? – спокойно спрашивает он. Это хорошо, что он не нервничает. Значит, все правильно. У него все под контролем.

– Только на операционном столе, – истерично хихикаю я.

Он гладит меня по голове.

– Я почему-то думал, что тебя не напугать... такими вещами.

– Какими?

– Ну...

– Ну говори уже! Лучше я еще раз блевану, чем всю жизнь слов бояться.

– Отрубленной головой, – послушно озвучивает он.

Меня не тошнит.

– Не думаю, что я ее совсем отрубил. Она не откатилась, и среза позвоночника я не видела. Она просто откинулась назад и вбок.

Он немножко выжидает, не скрутит ли меня опять.

– Что же тебя напугало? – спрашивает наконец.

Я приподнимаю голову, чтобы заглянуть ему в лицо.

– Я человека убила, – говорю доходчиво. По-моему, он не понимает. – Азамат, я не собиралась! Я хотела его оттолкнуть или стукнуть – а тут фонтан крови, и... я про нож забыла.

– Понятно, – шепчет он и целует меня в макушку. – Умоешься?

– Угу.

Он снова ставит меня на ноги около раковины. Легко, как кошку. Я промахиваюсь мимо тапочек. Хотя пес их знает, где они вообще. Пол холодный.

– Ты бы не сидел на голом полу, – бормочу, набирая в руки воды. Азамат хихикает. У меня коленки дрожат и как-то даже подсакивают.

– Пойдем в спальню, – говорит, давая мне полотенце.

Но идет только он. Я не люблю босиком, поэтому я еду. Он кладет меня на кровать, накрывает двумя перинами и своей большой рукой, пристроившись рядом. Мы медленно, с большими паузами говорим о пустяках. Кажется, об узорах на шерстяных носках. У меня мерзнут ступни. Я их не грею, а то засну, и неизвестно еще, проснусь ли. Из теней и щелей являются мои котята, устраиваются на выступающих частях меня тремя клубочками. Азамат хочет их прогнать, но я не даю. Перины навалились сверху, мне кажется, что я в двустворчатой раковине, гляжу из-под козырька.

Что-то мелодично звенькает под потолком.

– Это Арон прилетел, – говорит Азамат. – Я их впущу, скажу, чтобы тебя не беспокоили. Подождешь немного? Я потом опять приду.

Киваю, называю ему, какие мне нужны таблетки.

Азамат действительно возвращается – не знаю через сколько. Приносит мне снотворное и стакан воды. До утра ничего не помню.

Просыпаюсь от того, что хочу есть. Это хороший признак, по-моему. Вокруг темно, Азамат рядом сопит, большой, теплый. Вылезать из кровати страсть как не хочется, тем более что котята все еще растут на мне, как галлы, но в животе так урчит, что как бы благоверного не разбудить. Ой, он и впрямь проснулся!

Протирает глаза.

– Лиза, ты чего не спишь?

– Есть хочу. А ты?

Он сонно улыбается.

– А мне вставать пора, лететь к Старейшинам.

– Так ночь на дворе!

– Ну вот как раз долечу – будет утро. – Он пожимает верхним плечом. – Принести тебе пожевать чего-нибудь?

– Не, я лучше встану, хоть провожу тебя. – Я принимаюсь вывинчиваться из-под одеял, стараясь не разбудить скотинок.

Один все-таки просыпается и с отчаянным писком повисает на моей водолазке. Я ведь вчера так и не разделась, и не помылась. Фу! Надо будет постельное белье поменять.

– Ну как хочешь, – говорит Азамат и направляется прочь из комнаты.

Я поспешаю следом, отмечая, что мне просто страшновато заходить на кухню одной. А потом Арон проснется, и перед ним мне будет стыдно. Мне и так-то неудобно.

– Ты извини, что я вчера такую истерику закатила... – начинаю.

Азамат останавливается так резко, что я чуть не придавливаю котенка об его спину. Поворачивается.

– За такие вещи не извиняются.

– Ну мне все-таки неловко, со мной обычно такого не бывает...

– А знаешь, сколько раз мне было неловко перед тобой? И ты же сама всегда говоришь, что все в порядке вещей и так и надо. Я уже привык и расслабился. А теперь оказывается, ты все еще меня стесняешься?

– Да нет, просто... – Я мешкаю, чешу котенка за ухом. – Я скорее сама себя стесняюсь. Это уж очень... не в моем стиле. – Снабжаю последнее слово идиотским смешком.

– Я понял, – говорит Азамат, обхватывая меня за плечи и продолжая движение к лифту. – У вас на Земле женщины пытаются внушить себе, что они тоже мужчины. Сами себя обеспечивают, выбирают себе пару по прихоти, а не по расчету, получают удовольствие от секса – и стыдятся своих слабостей.

– А ваши что, не стыдятся? – спрашиваю я по возможности серьезно: котенок залез мне на плечо и шумно нюхает мое ухо, и от этого тянет хихикать.

– Конечно нет. Женщина и должна быть слабой. А лучше – это не мое мнение, не подумай – еще и глупой. Тогда рядом с ней любой

чувствует себя исполином.

– А ты не думаешь, что это занижает планку? Получается, чтобы казаться себе крутым, достаточно найти слезливую дуру, так ведь?

– Иногда да, – неохотно соглашается Азамат. – С другой стороны, даже на слезливую дуру надо произвести впечатление. Да и потом, когда от тебя целиком зависит благополучие другого человека, это не дает расслабляться. Самому можно и жить под елочкой, и питаться ворованным. А жене нужно, чтоб хозяйство, слуги, украшения, а уж если дети... Дисциплинирует, одним словом.

Я перевариваю все это, пока мы входим на кухню. Автоматически сажусь туда же, куда вчера. Азамат включает кофеварку. Котенок слезает с меня на окно и тут же принимается скрадывать гигантскую златоглазку.

– Так хочешь сказать, тебя устраивает моя вчерашняя истерика.

– Нет, конечно, тебе ведь было плохо, как это может меня устраивать? Но я не перестаю восхищаться, Лиза, это ж надо было столько часов терпеть, и казалось, что все нормально... Я-то думал, ты разреवेशься, прямо как с лошади слезешь.

– Я не терпела. У меня просто реакция замедленная. И я не знаю, что со мной такое надо сделать, чтобы я разревелась на глазах у такой толпы народу. У меня, знаешь, достоинство есть.

– Знаю, – ухмыляется Азамат, наливая нам кофе. – Очень хорошо знаю. Так что брось передо мной хорохориться, я тебя и с истериками люблю, а стыд тебя не украшает.

– Но-но! – грожу ему пальцем. – У меня пока только одна истерика была, смотри не накликай!

– После того как разберемся с джингошами, сделаю пожертвование Старейшинам, чтобы сплели гуйхалах за твой душевный комфорт, – смеется Азамат. – Ты, кажется, есть собиралась?

– Ага. – Встаю и направляюсь к холодильнику, но останавливаюсь. – Рыба еще там?

– Только в морозилке. Свежую вчера Арон с семьей съели. Надеюсь, ты не про...

– Нет-нет! – быстро выпаливаю. – По мне, хоть бы они ее всю съели. Я теперь не скоро на свежую рыбу смотреть смогу.

К счастью, в холодильнике много другой еды, так что, пока Азамат собирается, я жарю нам огромный омлет из лебяжьих яиц с

оленьей колбасой и мударжским аналогом маслин.

Доев, Азамат еще немножко сидит за столом, трет глаза.

– Когда тебя ждать? – спрашиваю.

– Скорее всего, сегодня же к вечеру. И я буду не один. Возможно, кто-то прилетит раньше меня.

– А... мне всех пускать?

– Чужие не знают про это место, – ухмыляется Азамат. – Но на всякий случай пускай только знакомых и тех, кто с ними. Хотя я сильно удивлюсь, если найдется такая продажная душа, чтобы выдать тебя джингошам. Разве что среди наемников. Но они только завтра начнут собираться. Не волнуйся. Я самое позднее к утру вернусь.

Киваю рассеянно.

– Вчера не намазались, – говорю. – Возьми с собой крем на всякий случай.

Азамат фыркает, я неумолимо продолжаю:

– Понимаю, что тебе не до того, но вдруг будет минутка!

– Ладно. Ты еще напомни, чтобы я тепло оделся и...

– ...И не сидел на полу! И вообще, осторожнее там. Ты, конечно, Байч-Харах, но это не повод расслабляться.

– Знаю, знаю.

Он целует меня и выходит за дверь. Котенок скребется в окно. На улице пасмурно, над Доллом висят грозовые тучи.

Глава 18

Азамат улетел, я наелась, а спать совершенно не хочется. Ну и ладно, тогда я сейчас помоюсь как следует, а то потом понаедут всякие мужики, при них в халате не походишь. Я устраиваю себе горячую ванну, отпариваюсь и отмываюсь так, как будто моцог провести решила. Но когда я нервничаю, от еды меня не отвадить. Потом вылезая в гостиную с намерением посидеть потупить, пока не придумаю, чем полезным можно заняться. Занятие образуется само: разбирать привезенные Ароном вещи. А привез он и правда все, что смог отодрать. Кроме медицинского барахла еще вся техника, включая кухонный комбайн, документы, драгоценности, посуда, одежда... В общем, я удивляюсь, что он куски стен не привез. Непонятно только, как ему удалось все это за два часа упаковать. Есть, правда, пара жертв: несколько пиал и пузырьков побились, но в пузырьках, к счастью, не было ничего ужасного или уникального.

Я решаю выделить под смотровую одну из четырех комнат на втором этаже. Правда, для этого приходится сначала установить, свободна ли хоть одна. Заглядываю в щелку: ага, тут спит Арон, а на второй кровати ребенок. В другой комнате обнаруживаю еще двоих, видимо жену и дочь. В третьей спали мы с Азаматом, а четвертая пустая. Вот и славно. Транспортирую аппаратуру при помощи сервировочного столика. Как все-таки прекрасно, что в моем доме есть лифт!

Когда я заканчиваю оснащать себе кабинет, солнце уже должно было показаться, но все небо замазано облаками как штукатуркой, и сквозь них не очень понятно, какое там время суток. Я продолжаю разбирать шмотье, расставлять посуду в шкафчики на кухне, стараясь не греметь, чтобы не разбудить гостей. Состояние у меня странноватое – вроде все спокойно, но нет-нет да екнует где-то, и сразу тянет в окно посмотреть, а там без изменений. И зуд деятельности не проходит. Боже, Арон даже короб с рукоделием приволок. Это такой как бы сундук, сплетенный из волокна агавы, мне его Азамат подарил пару недель назад, чтобы хранить всякие нитки-иголки. Ну вот хоть будет чем себя занять. А пока надо супа наварить и какого-нибудь рагу, чтобы много было и потом об этом не пришлось думать, когда народ нахлынет.

На плите булькают три больших котла, а я сижу в углу и плету новый гобелен, когда на кухню спускается Арон.

– Ой, здравствуйте! – говорит он так радостно и удивленно, как будто считал меня давно погибшей.

Я по мере сил приветливо улыбаюсь.

– Здравствуй. Как спалось?

– Отлично, Лиза-хон! Спасибо! А Азамат уже уехал, да?

Киваю. За то время что я прожила на Муданге, я привыкла к так называемой «чистой» речи, незатронутой влиянием всеобщего языка. Поэтому Аронова манера говорить уже не вызывает у меня в памяти анекдоты о малых народах родной страны. Ну почти никогда.

– Ой, а что это на плите? – заинтригованно спрашивает он.

– Еда, – говорю. – Вот то, что в левом котле, думаю, уже можно есть.

Арон пару раз озадаченно моргает, потом отражает на лице понимание.

– А, да, Азамат ведь говорил, что вы иногда готовите! Это так странно...

– Я в курсе, – усмехаюсь. – Тарелки в шкафчике над раковиной, ложки вон стоят.

Арон послушно накладывает себе рагу с чомой и садится завтракать.

– Лиза-хон, – начинает он через пару ложек, – а правда, что вы ездили к матери?

– Ну да, даже два раза, а что?

– Как она там? Азамат сказал, она рыбачит?

– Ага, он даже с ней во второй приезд в море ходил. Она ничего, бодренькая. Была очень рада его видеть. А ты с ней не поддерживаешь контакт?

– Да нет как-то... – Он невнятно пожимает одним плечом. – Раньше с Азаматом вместе к ней ездил иногда, а потом... Тем более она от отца ушла, а он так злился... Дескать, какое она право имеет, он ведь ее взял из такой глуши да из бедной семьи, должна по гроб жизни его слушаться. В общем, я как-то побаивался к ней ездить, вдруг он узнает.

– А тебе-то чего бояться? – приподнимаю бровь. – Ты-то женат. Даже если он от тебя отречется, тебе ничего не грозит.

– Ну что вы, Лиза-хон, это же такое бесчестье!

Я прикусываю язык и не спрашиваю, не кажется ли ему, что бояться навестить мать – это гораздо худшее бесчестье. К счастью, продолжать разговор мне не приходится, потому что на кухне появляется Аронова супруга. Она довольно ширококостная, но не толстая, разве что слегка полноватая. На ней самодельная одежда – юбка, блузка и диль, все примерно одинакового темно-малинового цвета с зелеными узорами. Правда, узоров мало и они не очень режут глаз. На голове у нее не совсем ровно повязана косынка, узелок сбоку украшен тряпичным цветком на булавке. На лицо она довольно симпатичная, хотя и не сказать, что красавица. Губки бантиком, глубоко посаженные глаза, абсолютно прямые брови. Хотя из меня такой же ценитель мударанжской красоты, как из Азамата психотерапевт, чего уж там.

– Доброе утро, – киваю я ей. – Я Лиза, будем знакомы.

– Алтоновч, – кивает она в ответ, но глядит как-то настороженно. Впрочем, тут же улыбается, видимо поняв, что выглядит неадекватно. – Спасибо, что принимаете нас в своем доме.

– Пожалуйста, – говорю. – После того как Арон нам помог с домом, я могу только ответить взаимной любезностью.

Вежливость никогда не была моей сильной стороной, да. Супруги, впрочем, улыбаются, по крайней мере, моя кривая речь их повеселила.

– Завтракать будете? – спрашиваю у Алтоновч (это «золотой лист», а вовсе не отчество от имени Алтонгирел), указывая на кастрюли.

Она поворачивает голову в ту сторону, потом еще дальше, заглядывает в гостиную, потом снова обращает к нам свое озабоченное лицо.

– А... слуг тут нет? – наконец спрашивает осторожно.

– Нет, – отвечаю, потом задумываюсь. – Вообще, тут где-то неподалеку живет сторож, у него там сыновья... если что-то нужно, можно их попросить сделать, только я не уверена, что знаю, как с ними связаться... а что?

Супруги недоуменно переглядываются.

– Да нет, ничего, – с неловкой улыбкой говорит Арон и встает. Потом поворачивается к жене: – Ты садись, я тебе сейчас все сделаю.

А, то есть дама не привыкла сама себя обслуживать. Ну ладно, не мое дело, пускай Арон с ней возится, раз она ему нравится.

– А можно узнать, что вы плетете? – спрашивает она в своем вежливом тоне, пока Арон достает пиалу и наполняет ее моим варевом.

– Да так, – пожимаю плечами. – Наверное, очередной гобелен на стену, здесь их вон сколько... Но я пока еще только учусь плести, у меня довольно криво получается. Кстати, Арон, спасибо, что привез мои вещи, они мне тут очень пригодятся.

– Не за что, Лиза-хон, – улыбается он широченной улыбкой.

– А какой узор? – интересуется Алтоновч.

Арон ставит перед ней еду и дает ей ложку. Она тут же принимается есть, даже не поблагодарив. Арон отходит в сторонку и садится под окном, разглядывая небо, как я с утра.

У меня пока сделано рядов десять затейливым ярко-зеленым цветом, и по краям кисточки висят. О том, что, собственно, выплестать,

я еще и не начинала думать. Только блокнотик с конспектом Азаматовой лекции об узорах рядом положила.

– Ну-у, вообще, надо бы что-нибудь такое сделать за победу наших, так сказать... – Открываю блокнот и принимаюсь листать в поисках подходящих символов. – Вот например, спокойствие и надежность или там уверенность в себе... еще вот обереги от обмана можно...

Алтоновч отвлекается от еды и смотрит на меня странно.

– А что в середине?

Пожимаю плечами:

– Еще не придумала.

– Но ведь это самое важное! – удивляется она.

– Да я просто от нечего делать за этот гобелен взялась, – признаюсь. – Просто чтобы заняться чем-нибудь, пока Азамата нету.

В ее глазах мелькает ужас и осуждение, но тут же сменяется вежливым интересом. Похоже, сейчас меня навсегда перестанут уважать.

– Ну... посоветуйте мне что-нибудь, – заискивающе предлагаю я.

Не знаю уж, было ли это ошибкой или прозрением, но... через десять минут у меня голова пухнет от возможных вариантов узора, сюжета и цветовых решений. Я с некоторым трудом разделяю предложенные центральные мотивы на два типа: изображение сцены победы и изображение благоволящего бога.

– Сцена победы – это с такими палочными человечками, что ли? – уточняю.

Она кивает, с энтузиазмом приканчивая завтрак. Арон смотрит на нас с довольной улыбкой. Женщины говорят о рукоделии, все как надо. Я воображаю себе Азамата в виде палочного человечка и себя а-ля комар-переросток, и мне это не нравится.

– Нет, – говорю, – я уж лучше бога изображу. Только какого? И как?

И меня окончательно берут в оборот.

Через некоторое время на кухню выползают дети. На вид мальчику лет пять-шесть, девочке три-четыре. Я начинаю задумываться, как бы их так усадить, чтобы доставали до стола, подушки, что ли, подложить, надо будет сказать Азамату, чтобы сделал

детский стульчик... Но Арон просто усаживает их на диван вдоль стенки и выдает им пиалы в руки.

– Может, все-таки за стол? – спрашиваю. – Так ведь неудобно...

– Вырастут, будут за столом сидеть. – Он пожимает плечами.

– А если прольют или уронят?

– Я все вытру, не волнуйтесь, – отмахивается он.

– А если обожгутся?

Вместо того чтобы ответить мне, Арон грозит пальцем детям. Мальчик втягивает голову в плечи, девочка выпячивает губу, потом оба возвращаются к еде. Я хлопаю глазами, но решаю воздержаться от комментариев. После еды девочка уныло интересуется, нет ли здесь клуба, и, узнав, что нет, так же уныло зависает рядом с нами слушать про изображения богов на гобеленах.

Арон ненадолго куда-то уходит, потом возвращается, принеся с собой холодный воздух.

– Какой же у вас дом красивый, Лиза-хон! – радостно говорит он, перебив свою жену. – Азамат потрясающе умеет строить.

– Да, – соглашаюсь, – я, когда первый раз увидела, все слова забыла. Азамат удивительный мастер.

– А вы тут еще не охотились? – спрашивает Арон. – Не знаете, как с дичью?

– Без понятия, – пожимаю плечами. – Это к Азамату вопросы.

– Но вы не против, если мы пойдем осмотримся?

– Да осматривайтесь на здоровье, – говорю. – Только учтите, что я дичь не люблю.

Арон кивком головы подзывает мальчика, который все это время молча сидел на диване у окна и болтал ногами, и они вместе уходят исследовать местность.

Через пару часов они возвращаются бегом и очень радостные: на горизонте появились свои! Я бросаю все и выскакиваю на улицу, но никого в небе не вижу. Вспоминаю о балконах, забегаю обратно в дом и поднимаюсь наверх. С третьего этажа мне удастся различить на горизонте три точки. Пока я меряю шагами балкон и приглядываюсь, точки растут, наконец становится виден зелено-бронзовый унгуц Азамата, и я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не завизжать и не замахать руками. Вроде как у нас тут секретная база, мало ли. Когда они подлетают совсем близко, я проделываю обратный путь: лифт –

прихожая – вокруг дома, а потом мечусь, не зная, остаться ли мне у двери, или побежать на посадочное плато встречать мужа, или это опасно, и я понятия не имею, как положено примерной мударжской жене вести себя в такой ситуации, чтобы не уронить авторитет мужа в глазах соратников.

В итоге все-таки остаюсь у двери, и скоро из-за поворота выходит небольшая толпа с Азаматом во главе. Здесь Тирбиш, Эцаган, Онхновч, Ирнчин, Эндан и еще человек десять, которых я хорошо если в лицо узнаю.

– Рада тебя видеть так скоро, – говорю с идиотской широченной улыбкой, от которой не могу избавиться.

Азамат выглядит озабоченным, но улыбается в ответ и приобнимает меня за плечи, а потом разворачивается, чтобы представить меня незнакомым мужикам.

– Это моя жена. Пожалуйста, относитесь к ней с почтением и не забывайте, что она целитель и с радостью оказывает профессиональную помощь.

Я киваю, мужики здороваются, я улыбаюсь знакомым.

– Да-а, немудрено, что ты из-за этой пташки за ружье взялся, – протягивает толстый сидящий мужчина в кожаной куртке с вышивкой. – Я за свою-то гусыню пару сотен голов снести готов, а тут такая канарейка!

Все смеются, я делаю вид, что польщена.

– Ну пойдете внутрь. – Азамат приглашающе взмахивает рукой, и все тянутся за ним и за мной.

Азамат негромко велит младшим парням выволочь из чулана перины-матрацы, после чего мы все поднимаемся на третий этаж, застилаем пол и рассаживаемся в круг. Вернее, это они рассаживаются, а я все никак понять не могу, надо мне тут оставаться или нет, а Азамат ничего не говорит, потому что кому-то внезапно потребовалось побеседовать с ним вполголоса. Вообще, у меня сильное желание постучать себе по голове, чтобы там все встряхнулось и улеглось правильным образом, а то я что-то совсем не соображаю. В итоге, когда все рассаживаются, я остаюсь стоять и обнаруживаю, что места рядом с Азаматом уже нет. Я решаю, что делать мне здесь все-таки нечего, когда Азамат вдруг зовет меня через плечо:

– Лиза, я бы тебя попросил кое-что нам рассказать, если тебе не трудно.

Интересно, а я так и должна у него за спиной стоять? Или мне еще на стул залезть и прочитать стишок о войне? Я начинаю злиться, отчего в голове немного проясняется. Смотрю по обе стороны от Азамата – сидят незнакомые мне мужики, оглядываются на меня, ухмыляются, дескать, ну что, хватит дерзости с места согнать или подальше сяду? Вообще-то, конечно, дерзости мне не занимать, но ведь Азамат их собрал для дела, а вдруг они обидятся и все бросят? Ссориться сейчас не стоит... Но если я сяду на менее почетное место, да еще в моем собственном доме, это уже будет сродни целованию ног. А я пока не вижу причин так унижаться. Азамат тревожно оглядывается на меня, – видно, тоже только что понял, что мне деваться некуда. Вот ведь дурацкие обычаи... Но впихнуться между ним и соседом совершенно некуда. Оба сидят по-турецки, коленки в стороны торчат, как у лягушек, почти касаются. Ну ладно же.

Подбираю юбку сбоку, чтобы соседу слишком много ног не показывать, перешагиваю через коленки и сажусь на Азамата – ну на его ногу, понятно. Ему, наверное, не очень удобно, но вообще-то сам виноват, мог бы раньше сказать, что мне надо будет остаться. Он на секунду обалдевает, но тут же делает вид, что так и надо, еще и рукой меня обхватывает, чтобы не съехала вбок. Остальные гудят множественными «Ого!» и перешептываются.

– Совсем стыд потерял, – ворчит какой-то стареющий сухарь.

– Да тут потеряешь, с такой-то бабой, – хихикает его сосед. – Такая и правда убьет – не поморщится.

– Да вы бы потише, – раскатывается величавый голос Онхновча. – Эта женщина – подарок богов. Знак, что Азамату они благоволят. Смотрите не прогневите.

Шепоток стихает, и в наступившей тишине Эндан вдруг делает стремительный жест, как будто выхватывает саблю из-за пояса и заносит над головой, и выкрикивает:

– Танн!

Все, кто помоложе, тут же повторяют этот жест, и весь дом звенит от боевого клича. Азамат наклоняет голову, благодарно, но уверенно улыбаясь.

– И так, – произносит он, когда все унимаются. – Лиза, нам вот что интересно. Когда ребята вчера добрались до рыночной площади, там не было ни трупа, ни торговцев, только лужа крови. Нам важно знать, к какому клану принадлежал тот джингош. Расскажи, пожалуйста, что ты запомнила из его внешности.

Он говорит спокойно, но незаметно прижимает меня, видно, боится, как бы мне опять плохо не стало от воспоминаний. Но я с самого утра как в ватном коконе, уже и думать забыла о вчерашнем. Теперь бы еще вспомнить детали...

– А они различаются по лицу или по одежде?

– По одежде, – отвечает Эндан.

– По лицу тоже, – мрачновато сообщает Эцаган, – но это надо научиться различать.

Ну я не научилась, так что вспоминаем одежду. Вообще, военная форма у джингошей бурая, только пояса разных цветов, в зависимости от ранга. Эдакие мальчики в коричневом...

– Пояс у него был зеленый, – говорю. – На голове такая шапка... э-э-э... – Понимаю, что не знаю ни слова «фуражка», ни слова «берет» ни на одном языке, кроме родного. Господи, как же это объяснить? Да и важно ли?

– А значка на шапке никакого не было? – интересуется давешний толстый дядя.

– Какой-то был, – киваю охотно. И я его даже помню. – Такая золотая лестница, а сверху полумесяц, как лодка... – рисую руками в воздухе для наглядности.

Стоит мне это произнести, как поднимается галдеж.

– О, так ничего удивительного, если он аджрын, еще бы...

– Аджрыны все у них высшие чины в армии, понятно...

– А мы точно хотим с ними затеваться?..

– Не трусь, зато, когда мы их перебьем, остальные сами разбегутся!

Азамат немного хмурится, потом окликает Эндана, и тот достает из заплечного мешка трубу, а вернее, рулон. Раскатывает его в центре круга и включает – оказывается, это карта Муданга. На ней тут же загораются точки городов, Азамат наклоняется, придерживая меня, и отмечает наше местоположение.

Кто-то из соседей справа тоже наклоняется и выделяет равнину между восточным хребтом Ахмадхота и южным концом Дола.

– Надо их сюда загнать да в Доле и утопить.

– Пожалей водичку, – смеется толстяк. – Да и как ты их загонишь? Они в столице садиться не станут, там же горы вокруг, шакал подлетишь! Попрут к своим, на прииски.

– А они разве уже не в столице? – спрашиваю тихонько у Азамата.

– Он имеет в виду подкрепление, – бормочет тот, не сводя глаз с карты.

Эндан отмечает на карте несколько мест, – видимо, это платиновые прииски. Они располагаются вдоль обеих горных цепей, ближе к сердцу континента.

– Значит, надо в междуречье, – тоном «вы все идиоты» сообщает сухарь-моралист, тыча в карту.

– Я тебе говорю, нельзя в междуречье, – тут же перебивает его сосед. – Там лошади наши, мы не успеем их вывезти! Ты понимаешь, какой это урон!

– Ну а куда мы их денем, в горы закопаем, что ли?! – вскидывается Эцаган. – Это они на нас нападают, а не мы на них. Вы, может, умеете расположить противника как вам удобно? Я – нет!

Азамат откашливается, снова наклоняется и отменяет все лишние выделения на карте. Потом ударяет пальцем в лесок, из которого берет начало Сиримирн, как раз в самом узком месте между большими хребтами.

– Вот тут, – говорит он размеренно, – между Ахмадулом и Короулом расположены их крупнейшие разработки. Я думаю, что их корабли будут приземляться у подножия Ахмадула. Короул-то чужаков не впускает. А между хребтами здесь огромное болото. Я думаю, что мы окружим их здесь. И утопим.

Я вынуждена зажать рот рукой. Понимаю, конечно, что короул – это всего-навсего «черные горы», но ничего не могу с собой поделать.

– А мы-то там откуда появимся? – спрашивает Онхновч.

– Отсюда, – Азамат отмечает область по другую сторону Ахмадула, – отсюда, – он рисует стрелки от столицы и от моего дома к верховьям какой-то большой безымянной реки, вытекающей из того самого болота, – отсюда, – он обводит Короул, – и отсюда, – последняя

стрелка ведет от Сирия вверх по течению Сиримирна. – Ну и из космоса, конечно.

– Интересно, – хмыкает толстяк, – а нас Короул, по-твоему, примет?

– С нами боги, – пожимает плечами Азамат. – Имеет смысл хотя бы попытаться...

– Да вот прям так сирияне и стали нам помогать! – перебивает его сухарь. – Они скажут: мол, сами кашу заварили, сами и расхлебывайте!

– Мне не скажут, – как-то зловеще усмехается Азамат.

– Это почему? – удивляется толстяк. – Они никогда столичные инициативы не поддерживают.

– Потому, – нравоучительно говорит Онхновч, – что Азамат сирийских женщин ценой собственной красоты спас. Они ему на две жизни вперед должны теперь.

Народ замолкает, осваиваясь с этой мыслью.

– Вот же ж шакал! – выпаливает толстяк.

Азамат раскатисто хохочет.

– Ну ладно, – продолжает обсуждение Эцаган, после того как все просмеялись. – Я вот чего не понимаю, капитан: а почему вы думаете, что джингоши не догадаются, что мы хотим их окружить? Допустим, они не знают, что Сирий вам должен, но все равно ведь могут перестраховаться. Да и место тут очевидно окруженное, хоть у них там и база...

Азамат снова тянется к карте, чтобы объяснить свою позицию. Ему довольно неудобно каждый раз для этого перегибаться через меня, так что я решаю облегчить ему задачу.

– Я тебе еще нужна тут? – спрашиваю. – Может, я пойду?

– Ты мне всегда нужна, – улыбается он. – Но можешь идти отдыхать, от тебя нам вряд ли еще что-то понадобится. Когда еще народ соберется, проводишь их сюда, хорошо?

Я целую его в щеку, к негодованию моралиста, и покидаю третий этаж.

Новые гости не заставили себя долго ждать. Где-нибудь через час прибыл унгуц, а в нем Унгуц, а на заднем сиденье наш духовник.

Оба с интересом оглядывают дом и – один величественно, другой прихрамывая – шествуют в гостиную, где и оседают.

– Вообще, – говорю, – все наверху, обсуждают, что делать будут... Вы не хотите присоединиться?

Ажгдийдимидин только мотает головой, а Унгуц отмахивается.

– Пусть мальчики поиграют, – говорит он. Потом добавляет, как бы задним числом: – Да и Азамату мешать не стоит, – и подмигивает духовнику.

Тот укоризненно сдвигает брови.

– Вы поесть не хотите? – спрашиваю.

– Отчего же, можно и поесть, – охотно соглашается Унгуц, усаживаясь поудобнее. – Ты, Ажги-хян, Лизкину стряпню еще не пробовал ведь? Ну вот сейчас и восполнишь это досадное упущение.

Мне приходится срочно смыться на кухню и включить воду, чтобы Старейшины не слышали, как я фыркаю и давлюсь смехом. Ажги-хян, блин!

На кухне тусуются Ароновы дети. Где их родители, я не знаю.

– Вам не скучно? – спрашиваю, пока еда разогревается. – Может, вам бук дать поиграть?

– Отец не велит, – мрачно сообщает мальчик.

Девочка задирает нос:

– А я не умею.

– А почему не велит? – Я развиваю более содержательный ответ. Интересно, а когда с ними не разговаривают, эти дети все время молчат? Видимо, да. Мальчик так ничего и не отвечает. Я вздыхаю. – Ладно. На вот у меня есть блокнот и цветные ручки. Хоть порисуй... Игрушки-то с собой не взяли?

Он как-то странно пожимает плечами, берет у меня блокнот, но ничего с ним делать не рвется.

Старейшины углубляются в еду и всем своим видом показывают, что я тут лишняя, так что я возвращаюсь на кухню. Дети сидят как сидели.

– Ну чего вы такие мрачные? – спрашиваю. – Не выспались? Домой хотите?

– Мы нормальные, – категорично отвечает девочка.

Мне становится смешно.

– Ну давайте хоть в слова поиграем, – предлагаю я в расчете, что мой словарный запас на муданжском должен примерно совпадать с детским.

– А как? – оживляется мальчик.

Дальше я мучительно стараюсь объяснить суть игры. Наверное, они все-таки лучше меня говорят. Но наконец мне удается растолковать, чего я от них хочу, и мы приступаем. В принципе получается неплохо, только девочка поначалу капризничает и заявляет, что имеет право говорить слова «не совсем на ту букву», ведь «я же девочка». Я ей сообщаю, что я тоже девочка, а правила нужны, чтобы было интересно. Кое-как все-таки удается ее убедить им следовать, хотя, кажется, она просто иногда путает буквы. И то сказать, маленькая же.

Нас прерывает Ажгдийдимидин. Возникает в арке между кухней и комнатой и протягивает записочку: «Не хочешь ли ты мне рассказать о вчерашнем?»

– Вас интересует, как я его убила или что было потом? – уточняю.

Он дважды кивает. Вероятно, хочет услышать и то и другое. Потом жестом указывает детям, чтобы ушли в гостиную, где Унгуц встречает их с распростертыми объятиями.

– Ба-а, какие тут знатные го-ости! – слышу я его веселый голос.

– Пойдемте наверх, – предлагаю духовнику.

Он кивает, и мы перемещаемся в мой кабинет на втором этаже.

Я довольно конспективно отчитываюсь о вчерашнем дне. Все свои переживания по поводу убийства я уже выплеснула на Азамата и как-то изжила, и возвращаться к ним совершенно не хочу. Само выплескивание мы сегодня тоже обсудили, так что и там не осталось ничего затруднительного. Ну стошнило, ну поплакала. С кем не бывает.

«Ты уже выговорила ему», – гласит очередная записка духовника. Вопросительной частицы там в конце и не планировалось.

– Ну да, – говорю. – Естественно. Вы же не думаете, что я вашего приезда должна была ждать? Азамат все понял, его даже не напрягло, когда я сорвалась. Я сегодня утром попыталась извиниться, так он возмутился, считает, что я имела полное право...

Старейшина смотрит на меня изучающе.

«Бывает, что тебе хочется с ним поссориться?» – пишет.

Я моргаю.

– Нет, зачем?

Он не отвечает, вместо этого пишет:

«В ближайшие дни у него не будет времени с тобой возиться, и тебе придется это стерпеть. Если не сможешь, по крайней мере не закатывай публичного скандала, это подорвет его авторитет».

Я аж задыхаюсь от возмущения.

– Естественно, я понимаю, что у него теперь дел по горло! И со мной не нужно возиться, я сама справляюсь! Стоило один раз пустить слезу – и вы уже думаете, что я всегда такая?! И вообще, я бы ни за что не стала устраивать сцену при посторонних!

Он насмешливо улыбается, зараза.

«Тебе придется держать себя в руках, даже если кто-то усомнится, что ты на это способна», – пишет он, а когда я раздраженно вздыхаю, гладит меня по голове и смотрит так, как будто я породистая кошка, только что получившая медаль на выставке. Как будто оценивает в последний раз, прежде чем вручить хозяевам приз.

Наш разговор прерывается из-за звоночка под потолком. Кто-то еще прилетел. Иду открывать, предварительно выглянув в окно. Человек на пороге один, и он мне смутно знаком. Открываю. Это Экдал, брат Эндана, муж Эсарнай. Очень экаяющая семейка. Он высокий, статный и красивый, этаким индейский принц с лицом, исполненным аристократической скорби.

– Здравствуй, – говорю, – давно не виделись. Заходи.

Кто бы мне объяснил, по какому принципу я выбираю, с кем быть на «ты», а с кем на «вы», когда говорю по-муданжски.

Он перешагивает через порог, но дальше не идет.

– Азамат здесь? – спрашивает без приветствия.

– Да, наверху, со всеми... Проводить тебя или сначала отдохнешь?

Он мнется, смотрит на меня пристально, оценивающе. Наконец открывает рот:

– Эндан... здесь?

– Да. – Киваю пару раз для убедительности.

– Он... с самого начала здесь?

– Ну как... – пожимаю плечами. – Он прилетел вместе со всеми сегодня днем.

– Нет, я хочу сказать, – Экдал хмурится, – он сразу решил участвовать в кампании? Сразу, как все заварилось?

– Почему я знаю, – пожимаю плечами. – Когда я вчера прискакала на поле, где они тренировались, он там был. И там все были за то,

чтобы побить джингошей, во всяком случае, я не помню, чтобы кто-то возражал. Но у меня не очень-то хорошо голова варила. А потом он прилетел со всеми вместе, сидит там сейчас, обсуждает, где лагерь устраивать.

Экдал глубоко вздыхает, кажется облегченно, и принимается вертеть головой, соображая, куда дальше идти. Тут из лифта является Старейшина-духовник и жестом подманивает внезапно оробевшего наемника. Я следую за ними в гостиную, где Экдалу приветливо кивает Унгуц.

– Ага, смотри-ка, кто пожаловал!

– Азамат сказал... – начинает Экдал нервно.

– Знаем, знаем, – скрипит Унгуц. – Мы твое разрешение еще утром подписали, вот. – Он запускает руку за пазуху дилия и извлекает свеженький пластиковый свиток. – Держи, до конца войны можешь быть на планете, но потом чтобы в течение двух дней предстал перед Советом с невестой!

– Спасибо, Старейшина Унгуц! – сердечно благодарит Экдал и даже опускается на одно колено перед Унгуцевым креслом.

– Ладно, ладно, – усмехается старик. – Лучше Азамата благодари, мы-то люди подневольные... Иди отдохни да своим отзвонись. Ильд, малыш, проводи дядю.

Аронов сын послушно показывает Экдалу путь на кухню.

– А у него есть невеста? – ошеломленно спрашиваю я. Я же точно помню, что у него есть жена, Эсарнай.

– Ну так он же на Муданге не женился еще, нашел себе красотку на Гарнете и возит везде. А перед Советом появляться боялся, еще не одобрим, придется же другую искать, – доходчиво объясняет Унгуц. – Вот потому пока что она ему только невеста.

– Странно, – говорю. – А хом носит, как будто он легкий...

Старейшины переглядываются.

– Если только никто не смухлевал, – произносит Унгуц с веселой искоркой в глазах, – то нам и решать ничего не придется... Ох, ну и век мы с тобой застали, Ажги-хян, вона как боги изгнанников привечают, как будто порядочные люди уже не в счет!

Я снова смываюсь на кухню, пока не оскорбила слух своего духовника конским ржанием.

Экдал на самом деле явился не один, но решил не приводить всех своих людей в мой дом, а велел им разбить лагерь на плато, соседнем с тем, куда приземляются унгуцы. Там есть удобное местечко, объяснил он мне, где скала нависает над площадкой, и с воздуха не видны белые шатры и небольшой звездолет, на котором ребята прилетели.

– Так тебя проводить к остальным? – спрашиваю.

– А можно сначала чего-нибудь пожевать? – с надеждой спрашивает он.

Аристократическая скорбь с лица вся куда-то делась. Перенервничал, бедняга. Наливаю ему и детям супа.

– Где ваши родители? – спрашиваю у мелких.

– Отец на охоту пошел, – говорит Ильд. – Мать у себя в комнате.

– Ой, да я бы сам налил, – спохватывается Экдал.

– Сиди уж, – говорю. – А чего ты про брата спрашивал?

Он вздрагивает.

– Да мы... – начинает он, и весь трагизм снова возвращается в его взгляд, как будто никуда и не уходил. Ну просто Гамлет, ни дать ни взять, даром что индеец. – Мы разругались из-за джингошей. Я пытался поднять восстание, а он был против. Меня же за восстание и изгнали, чтобы не мутил воду... А потом Эндан подался в наемники и назло мне все время с джингошами работал. Поэтому, понимаете, мне важно знать, что он одумался. Что он, как и я, хочет избавиться от них планету. Иначе я не смогу его простить.

– Ну если бы он не хотел с ними воевать, его бы тут не было, – пожимаю плечами, поставив перед ним тарелку.

– Этого мало, – горько произносит Экдал. – Я не могу называть братом человека, который тупо поступает, как все. Мне надо, чтобы это было его собственным решением.

Я сижу напротив него за столом и смотрю, как он ест. Он невероятно красивый и, кажется, единственный в мире человек, который может изящно есть суп. Я смотрю на его исполненное пафоса лицо и в очередной раз убеждаюсь, что ужасно люблю Азамата.

Глава 19

После того как Экдал присоединяется к прочим конспираторам, я еще часа четыре плету гобелен и слушаю сказки, которые Унгуц рассказывает Ароновым детям. Самого Арона так и нет, видать, неудачная охота, вопрос только – насколько... Вот тоже нашел время!

Еще не хватало, чтобы его пришлось искать. Сейчас вот Азамат спустится, спросит, куда его братишка делся, и что я отвечу? Азамату еще один повод понервничать совершенно лишней. А телефон у Арона, конечно, недоступен, откуда в горах связь...

– Что-то надолго ребята там засиделись, – скрипит Унгуц, глядя на часы. И правда, за окном давно стемнело. – Небось уже все важное обсудили, теперь по пустякам спорят.

Я принимаю его слова как руководство к действию. Разогреваю ужин и отправляюсь наверх мужа выковыривать. Он-то наверняка как затемно позавтракал, так и не ел ничего с тех пор.

Захожу на третий этаж – а там дымовая завеса. Все сидят курят что-то несусветное: не табак, не травку, а какие-то пряности. Тянутся вязкие, сонные разговоры, Азамат уже третий раз пытается произнести слово «обеспечить», помогая себе зажатой в руке трубкой.

Я решительно распахиваю три окна подряд и, когда все оборачиваются на шум, грозно провозглашаю:

– Ужинать подано, извольте покинуть помещение!

– Лизонька, так мы еще не закончили, – начинает Азамат заплетающимся языком.

– Вы закончите, когда тут же и отрубитесь на полу, в дыму. Давайте дуйте вниз, вы же голодные и не соображаете уже ничего, окосели все!

Последнее оказывает действие: народ встряхивается и топает к лифту. Я открываю остальные окна. Людям тут спать, в конце концов!

– Суровая у тебя супруга, хе-хех, – усмехается толстяк.

– Она очень обо мне заботится, – отвечает ему Азамат, глядя на меня.

Кухня наполняется народом, и Азамат в толчее не замечает отсутствие брата. Детей я отправляю к матери с сервировочным столиком, чтобы она тут не отсвечивала. От еды все веселеют, начинают шутить, в кухне стоит громовой хохот. Я ужинаю вместе с ними, выслушивая сомнительные комплименты, потом потихоньку принимаюсь разгонять всех по койкам.

– А ты сама-то? – спрашивает Азамат, вставая.

– А я сейчас всех разгоню, помоюсь и приду. Ты ложись.

Когда он наконец уходит, я потихоньку подкатываю к Старейшинам. К этому времени внизу остались только они, решив

расположиться на ночь там же, в гостиной, еще Онхновч и несколько малознакомых мне граждан, не успевших за хохотом доесть ужин.

– Слушайте, – говорю, подсаживаясь к Ажгдийдимидину, – у нас Арон загулял. Пошел на охоту, сразу как Азамат прилетел, и пока не возвращался. Я не хочу Азамату создавать повод для беспокойства, но... как думаете, с ним все в порядке?

– А он не говорил, надолго ли пошел? – спрашивает Унгуц.

– Мне – нет. Если и говорил, то сыну, а из него ж слова не вытянешь. Но вещей Арон вроде бы не брал. В смысле чтобы ночевать...

– Он местность-то знает? – встречается подошедший к нам Онхновч и шумно отхлебывает из чашки с очередным чаем из гербария.

– Откуда бы? – говорю. – Он тут вчера вечером впервые оказался.

– Ну а Азамат ему рассказал, что тут где?

Пожимаю плечами. Я понятия не имею даже примерно, было ли у Азамата время вчера с Ароном пообщаться, и совсем не хочу о своих приключениях рассказывать посторонним.

– Не знаю, удалось ли им вчера поговорить, Азамат был занят...

– Ну насчет зияний-то уж точно сказал!

– Каких зияний?.. – моргаю.

– Так называются входные отверстия туннелей, – подключается незнакомый мне мужчина, высокий и жилистый.

Я медленно перевариваю сказанное.

– То есть тут тоже есть туннели, и Арон мог в них провалиться?

– А что, неужели Азамат вам не говорил? – удивляется мужчина.

– Да я не уверена, что он сам знает.

– Ну вы даете! – фыркает Онхновч. – Вы что же, думали, такое красивое место до вас никто не занял просто так? Да если б не зияния, тут бы уже давно город стоял! Не может быть, чтобы Азамат об этом не слышал.

– Может, и слышал, я откуда знаю, – хмурюсь я. – Мне не говорил, это точно. Но он эту землю получил на следующий день, как мы поженились, ему было не до географии... Потом, он так обрадовался, когда я согласилась, чтоб он мне отдельный дом строил, – наверное, когда я место указала, решил не разочаровывать.

Я внезапно чувствую острую потребность защитить мужа, хотя самой весьма любопытно, знал он или нет. Старейшина-духовник

незаметно тянет меня за рукав, и я замолкаю. Он показывает мне записку: «Успокойся, никто не сомневается, что твой муж самый умный». Нет, все-таки у меня очень правильный духовник, он действительно умеет восстанавливать мое душевное равновесие.

– Так что с Ароном делать будем? – Я возвращаюсь к более животрепещущей теме, чем репутация Азамата.

– А чего с ним сделаешь? – философски пожимает плечами Онхновч. – Если он никуда не провалился, то сам придет, а если провалился, мы его все равно не достанем. Выпадет где-нибудь в другом месте.

– Ага, через пару лет! – киваю я.

– Или сто лет назад, тут уж как повезет. Но если мы сейчас по темноте пойдем его искать, то сами все попроваливаемся, а толку никакого не будет. У нас ведь даже карты зияний нет. Так что лучше помолиться и спать пойти.

Я, конечно, очень хорошо отношусь к Арону, но идти его искать сейчас и правда кажется мне нецелесообразным. К тому же я немного злюсь на него – ну вот чего ему дома не сиделось, а? Война на дворе, а он тут на охоту пошел, блин!

– Ладно, – говорю, – может, еще объявится сам... Только Азамату пока не говорите, он нервничать будет.

Все согласно кивают, а высокий мужик, не привыкший еще к моим повадкам, корчит удивленную физиономию.

– Вот это да! А я-то еще сомневался, что Азамат будет хорошим начальником с такой-то головной болью в юбке.

Я распахиваю всех спать и присоединяюсь к Азамату. Стены в доме толстые, но, когда едешь в лифте, слышен могучий храп на третьем этаже, где дрыхнет большинство прибывших. Я им включила отопление посильнее, чтобы компенсировать проветривание от дыма.

Азамат спит без задних ног, раскинувшись на кровати, что ему совершенно несвойственно. Я обмазываю его цикатравином, и он не просыпается. Забиваюсь под бочок и пытаюсь спать, но выходит плохо. В голову лезут всякие неприятные мысли про Арона, про джингошей и про то, что я даже не знаю, чем завершилось сегодняшнее обсуждение – а что, если завтра он опять куда-нибудь помчится, бросив меня нервничать наедине с Ароновой странной семейкой? И где Арон, язви его в душу?!

К счастью, последний вопрос решается сам через пару часов. Я успеваю забыться неглубоким неприятным сном, когда раздается стук входной двери и шарканье в прихожей. Я пулей слетаю вниз, едва успев запахнуть халат. Включаю свет – Арон жмурится и закрывается рукой. Пытался тут в темноте нужную дверь нащупать, идиот, сейчас бы споткнулся о чужие вещи и весь дом перебудил.

– Где тебя шакалы носили?! – напускаюсь на него. – Все в порядке?

– Да все отлично, Лиза-хон, – весело отвечает он. – Так, приключение небольшое было... Выслеживал оленей да попал в зияние. Азамат говорил, что они тут есть, но я так увлекся... В общем, выплонуло меня на берегу Дола тут часах в пяти ходьбы. А сегодня день-то еще тот же? А то у меня карта-то есть, а вот часы эти я в туннеле еще не проверял. – Он помахивает наручным ориентировщиком.

– Тот же, – ворчу. – Ночь глухая, мы уже думали, не пойти ли тебя искать.

– Ну что вы, Лиза-хон, – отмахивается он. – Чтобы я да из лесу не выбрел? Обижаете...

– Можешь обижаться сколько угодно, но мне хватило за тебя нервничать весь вечер. Хорошо еще, Азамат не знал, что ты не дома. А то бы и он тоже переживал вместо того, чтоб дело делать. Нет уж, хватит, давай до конца военных действий никакой больше охоты. А если бы на тебя там джингоши напали? Сиди уж лучше дома, занимайся со своими детьми.

Арон надувает губы.

– Что уж вы так строго... Я зато дичи принес!

– Где? – Я недоверчиво его оглядываю, вроде никакого багажа...

– А вот. – Он кивает на гигантский окровавленный мешок у двери. – Там олень, птица всякая и еще сумка с грибами...

– А кто будет мою новую прихожую от крови отмывать?! – шепотом верещу я. – Будь добр, убери это отсюда сейчас же, только тихо!

– Да я сейчас оленя зажарю...

– Чего?! Ты с дуба рухнул? У нас полон дом спящих людей, в том числе двое Старейшин в гостиной, а она с кухней почти одно

помещение! Нет уж, дорогой, давай загружай свою дичь в холодильник и марш спать!

– Ой, – Арон аж голову в плечи втягивает, – еще и Старейшины... Ну ладно, а поесть-то хоть чего-нибудь можно?

– Сейчас соображу, – ворчу я и жестом зову его с собой на кухню. Включаю маленькую лампочку над плитой, чтобы не очень тревожить Старейшин.

Наконец Арон с тарелкой горячей еды отправляется к себе в комнату, а я, счастливая, что все разогнаны по местам, заваливаюсь спать дальше. Азамат, кажется, моргает, но скоро засыпает вместе со мной.

Утром он в не очень веселом расположении духа. Едва позавтракав, идет общаться с Экдаловыми ребятами и встречать вновь прибывших. Впрочем, я довольно быстро отвлекаюсь, потому что очередной унгуц из столицы привозит Ориву. Я о ней почему-то начисто забыла, видно, совсем у меня голова плохо варила эти два дня. Впрочем, моя ассистентка ни в чем меня не заподозрила, радостная выскочила из унгуца и немедленно поинтересовалась, нет ли работы.

– К счастью, пока нет, – криво улыбаюсь я. – Что там в столице делается?

– Да так, бардак некоторый. Джингошей-то там нет, но все мечутся, не знают, что делать, у Старейшин уже языки поотсыхали народ успокаивать. Особенно теперь, когда все дееспособные мужики куда-то улетели. А у вас что новенького?

– Да вот вчера Арон загулял, вернулся ночью с оленем, хотел его тут жарить над головой у спящих Старейшин, представляешь? Чуть не убила.

– О да-а, этот может, – хихикает она. – Мужики вообще такие дети... Никогда замуж не выйду. Хотя олень – это неплохо. Надо его и правда поджарить, все равно чем-то кормить всех этих вояк придется.

Однако за оленя уже принялся сам добытчик. Нам он предлагает ощипывать лесных птиц, но я побаиваюсь пухоедов, поэтому самоустраняюсь и сажусь дальше плести свой гобелен.

Азамат является к обеду, мрачный, отрывает кусок мяса, кивает Арону и поворачивается, чтобы уйти.

– Погоди, солнце, – нагоняю его уже в прихожей. – У вас какие планы вообще? Ты пока тут?

– Пока что мы все тут, – неохотно отвечает он, взглянув на меня и тут же отведя взгляд. – Завтра выдвинемся занимать позиции. Ты останешься здесь с Ароном, Оривой и Старейшиной Унгуцем. Сегодня еще должны подвезти продовольствие, оружие и... всякие прочие нужные вещи. Если тебе что-то нужно из лекарств и тому подобного, скажи об этом Экдалу, он поддерживает контакт с прочими наемниками. Я ответил на твой вопрос?

– Почти. Расскажи мне еще вот что. Онхновч утверждает, что тут есть выходы туннелей, он их называет «зияния». Ты мне ничего не говорил...

– А, да, есть. Но они в горах и в лесу, я не думаю, что ты одна туда пойдешь. – Он замолкает, внимательно оглядывает меня и поправляется: – Я очень надеюсь, что ты одна туда не пойдешь.

– Не пойду, не пойду, – улыбаюсь. – Ну ладно, все, больше тебя не отвлекаю.

Азамат быстро взглядывает на меня, потом в окно.

– Я скажу ребятам, чтобы достали тебе туннельную куницу. Если будет время, займетесь тут с Ароном картографией...

Он снова сверкает на меня глазами и уходит прежде, чем я успеваю переспросить. То ли замышляет что-то, то ли просто нервничает... Ладно, ближе к ночи разберемся, надо надеяться.

Вторая половина дня занята бесконечной готовкой. Арон, правда, оказывается весьма полезен в хозяйстве, но его одного не хватает, тем более что он не может читать надписи на кнопках и табло разных бытовых приборов, если они на всеобщем. Все время прилетают и улетают какие-то корабли и унгуцы с мужиками. Я уже с радостью начинаю думать о том, что завтра все эти бесконечные люди наконец-то свалят из моего дома, хоть даже и на войну.

Очередное заседание штаба оканчивается не очень поздно, и Азамат самолично гонит всех ужинать и спать, поскольку стартовать завтра рано. Я и глазом моргнуть не успеваю, как оказываюсь в койке верхом на муже и с тубиком крема в руке.

Азамат глядит в потолок, бездумно растирая руки, пока я вожусь с прочими областями поражения.

– Ты чего-то сегодня угрюмый, – роняю я и делаю выразительную паузу. – Прямо как будто злишься на кого-то. – Я снова замолкаю,

ожидая, что он что-нибудь скажет, но он молчит, и мне приходится продолжить: – Уж не на меня ли?

Он по-прежнему молчит. Это уже совсем не прикольно: либо не слушает, либо и правда на меня.

– Але! – окликаю его и похлопываю по щеке, которую собралась мазать. – Разговаривать будем сегодня?

– Извини, я задумался, – неохотно говорит он.

Я понимаю, что он просто не хочет разговаривать. Ну здравствуйте. Вот только не хватало накануне разлуки поссориться. Но прежде чем я успеваю открыть рот и высказаться по этому поводу, он все-таки пересиливает себя и продолжает:

– Мне иногда кажется, что некоторые вещи можно спустить на тормозах, но я совершенно не могу перед тобой притворяться, что все в порядке, когда у меня на душе паршиво. Я надеялся обойтись без выяснения отношений, но увы. – Он тяжело вздыхает и наконец-то смотрит прямо на меня. – Можно узнать, к кому ты ходила вчера ночью? Нет, не так – неважно к кому, но ведь ходила? Это серьезно?

Меня не хватает даже на то, чтобы заржать. Я просто закрываю глаза и делаю пару глубоких вдохов.

– Азамат. Вчера я ходила встречать с охоты твоего высокоинтеллектуального брата, который пренебрег предупреждением насчет зияний, убрел шакал знает куда, провалился в туннель, вернулся посреди ночи и едва не перебудил Старейшин попыткой устроить пир на весь мир, прямо не раздеваясь.

Азамат смотрит на меня круглыми глазами.

– Арон вчера поздно пришел? Я думал, он лег спать еще до того, как мы закончили треп.

– Да, – киваю, – я приложила некоторые усилия к тому, чтобы ты так думал, потому что не хотела, чтобы ты из-за него нервничал.

– Боги... – До Азамата начинает доходить. – Он что, правда в туннель попал? Но он ведь уже здесь, я его видел днем, да?

Я хихикаю.

– Видел, видел. Его ненадолго засосало и выплюнуло тут не очень далеко.

Азамат трет лицо руками и вздыхает.

– Вот идиот. Я же ему говорил!.. – Он убирает руки и смотрит на меня просительно. – Прости. Я тоже идиот.

– Да уж, действительно. Я вчера полночи не спала из-за этого придурка, семейку его по комнатам кормила, чтобы у тебя вопросов не возникло, пыталась подбить мужиков его поискать – а ты, значит, за все мои старания решил, что я тебе изменяю?

– Да я умом-то понимаю, что не может такого быть, но тут... И ты еще вечером меня спать отправила, а сама осталась, и столько посторонних людей в доме, а ведь это нехорошо, не положено замужней женщине в доме чужих мужчин принимать. Тем более все такие красивые, богатые, удалые... Столько комплиментов тебе наговорили. У меня прямо внутри все узлом завязалось.

– Ага, такие комплименты, что век бы их не слышать, – ворчу я, обтирая салфеткой руки от крема и укладываясь вдоль Азамата. – Давай все-таки ты будешь ума слушаться, а не комплексов и звериных инстинктов. У тебя, знаешь ли, перед всеми этими удалыми есть существенное преимущество. А именно: ты мой муж. Пусть у них внутри завязывается, а ты расслабься, – зеваю. – Ну зато теперь ты знаешь, что такое ревность. А то, помнится, в начале нашего знакомства это слово тебе ничего не говорило.

– А-а, – задумчиво отвечает Азамат. – Действительно, было такое. Надо же, у вас и слово специальное для этого чувства придумали... Так ты меня простишь?

– Да прощаю, прощаю. – Целую его в щеку, которая не в креме. – Только обещай мне, что не будешь больше обо мне думать всякие гадости. А то завтра ты улетишь неизвестно куда неизвестно до когда, и мы не сможем просто так взять и все выяснить. Так что ты лучше заранее внуши себе, что я тебя жду и никто другой меня не интересуется. Договорились?

– Мгм. – Он кивает, зарываясь носом мне в волосы. – Обещаю.

– И вот еще что, в следующий раз, когда захочешь включить меня в круг своих соратников, забей мне место, пожалуйста. А то мне не понравилось сидеть на насесте, как курица.

– А я не понял, чего ты не согнала никого?

– Да мало ли, еще обидятся и не станут участвовать в твоей кампании. Откуда я знаю, может, они важные шишки?

– Лиза, ну ты что? Кто ж важнее тебя, да еще в твоём собственном доме?

– А чего ты их сам не согнал?

– Так на меня как раз могли бы обидеться: мол, какой-то урод им будет место указывать. А тебя бы они послушались без вопросов.

– Слушай, как ты ими управлять собираешься без меня, если они так о тебе думают?

– Ну так то на войне! Там я мастер своего дела, военачальника не слушаться – все равно как целителя, только себе хуже сделаешь, это все понимают. Тем более все Старейшины меня решительно поддерживают, даже самому странно. Они до сих пор, наоборот, были против восстаний... Ладно, я чувствую, ты сейчас заснешь. Спокойных тебе снов, золотая моя.

Утро начинается забавно. Не успеваю я как следует проснуться от того, что Азамат встал, как из-за приоткрытой двери в коридор слышатся какие-то скандальные интонации. Высовываю нос за дверь поглядеть, что там творится. Оказывается, Азамат поднял братца ни свет ни заря, выволок в коридор и отчитывает за охоту:

– А если бы ты потерялся! А если бы тебя выкинуло на другом конце материка! Или вообще в море? Мне бы пришлось отзывать людей с постов и искать тебя! А если бы джингоши взяли тебя в заложники? Нас бы тут всех мужиков поубивали, и настал бы конец Империи Муданг из-за твоей долбаной охоты! Нашел время! Ребята вон удивляются, что я до сих пор не поседел, так ты решил это исправить? Чтобы до конца военных действий – то есть пока я не скажу – без Лизы в лес ни шагу! Это понятно?

Заспанный Арон таращит стеклянистые глаза и старается угадать с ответом, чтобы брат больше не сердился. А я думаю, что очень правильно не стала Азамата беспокоить, пока Арон не вернулся. Пусть он напридумывал себе бог весть каких объяснений моего поведения. Из-за пропавшего брата он бы психовал гораздо сильнее.

Азамат убеждается, что посторонних дома не осталось, и тоже выходит за порог. Мы целуемся, недолго и не очень интенсивно, но я изо всех сил стараюсь запомнить это ощущение, а заодно окружить мужа каким-то защитным коконом, чтобы никакая беда до него не добралась, пока меня рядом нет.

– Звони каждый день, а лучше два раза, – напутствую. – А то я сама позвоню в какой-нибудь неподходящий момент.

И вот он уходит вслед за остальными по дорожке к посадочной площадке, а потом несколько разноцветных унгуцев взлетают и

рассеиваются по небу, устремляясь на север. Я стою на ветру в картинно развевающейся юбке, мерзну, хочу спать и чтобы все поскорее стало как раньше.

За спиной хлопает дверь, Орива накидывает мне на плечи дубленую куртку. Арон материализуется рядом и провожает взглядом улетающие унгуцы.

– Ну он мне и задал трепку! Прямо как в детстве. Только хуже. Эх-х, – Арон вздыхает, – как же мне его не хватало все эти годы! Ну ладно, пойдемте обратно в дом, а то тут холодно. Вчера ночью нам туннельную куницу привезли, можно будет сегодня заняться.

– А что такое туннельная куница? – спрашиваю, заходя в дом и вешая дубленку на крючок.

– А куница и есть, – лаконично отвечает Арон и открывает чулан. Там на куче прочего барахла стоит проволочная клетка, а в ней и правда куница – синяя с фиолетовой головой, аккуратные ушки, желтая грудка, черная морда и длинные когти – да с таким длиннющим хвостом, что я сначала приняла его за меховую подстилку. – Ее за хвост держишь, на спину ей ориентировщик пристегиваешь и пускаешь впереди себя. Если в туннель зайдет, сразу выдергиваешь. На ориентировщике тогда отмечается, где зияние. Если туннель короткий, то может даже отметиться, куда он выводит, но это редко бывает.

– А время того места можно узнать? Ну в прошлое или в будущее закидывает?

– Н-нет, – качает головой Арон. – Время никак.

– Ну все равно классная идея. Очень полезная для Муданга.

– Ага, – радуется Арон. – Это нашего отца отца отец придумал.

– Да прямо! – фыркает Орива. – Этих куниц еще при Императоре вывели, и каждый горазд своим предкам приписать идею. У меня соседка тем же самым хвасталась!

– Ну, может, эта идея пришла в голову нескольким людям одновременно, – не отступает Арон.

– А давайте у Старейшины Унгуца спросим? – предлагаю я. – И куницу-то, наверное, покормить надо?

Зверюшке перепадает недощипанная вчера мелкая птица. Арон, правда, скрипит зубами, что мы его дичь зверю скармливаем, но он сегодня наказан, а я заявляю, что со своей порцией добычи могу делать что захочу.

Тут в чулане нарисовываются мои котята, не знаю уж, шум их приманил или запах дичи. Завидев нового зверя, они тут же начинают шипеть и выгибать спины, как большие. Куница в ответ рывкает и уволаскивает птицу поглубже в клетку.

– Откуда же тут кошки? – удивляется Арон.

– Да от твоей матери, – хихикаю. – Она поделилась лишними.

К счастью, прежде чем котята придумали стратегию, как изгнать чужого хищника, сверху спустились дети, и котятам стало ни до чего. После завтрака я скрутила из пластикового листка и нитки игрушки, и больше ни о детях, ни о кошках думать не приходится. Только бы не разнесли ничего.

Унгуц восстает к завтраку не рано.

– Ох, вчера Ажги-хян ворожил-ворожил, сна никакого мне не дал, – жалуется. – Я хотел тоже с ним поехать, посмотреть, как там все сложится, но он мне велел тебя пасти, Лизка. Не знаю уж, чего он такого от тебя ожидает, но лучше на рожон не лезь, – грозит мне пальцем.

– Да я и не собиралась, – говорю. – А вот расскажите нам, кто придумал куницами с ориентировщиком искать зияния?

– А это не моментально случилось, – говорит он, склоняя голову набок. – Сначала много веков назад люди поняли, что если один человек заходит в туннель, держась за конец веревки, а другой конец держит стоящий на месте человек посильнее, то первого можно вытащить обратно, хотя и тяжело. Потом догадались на тот конец зверюшку привязывать. Да только не всякий зверь в туннель идти захочет, а многие из привязи выскакивают. Ходили и с крысами, и с кошками, с собаками и птицами, у кого что было под рукой. Потом, при предпоследнем Императоре, когда стали популярны электронные карты, создали вот такие ориентировщики, как у Арона, наручные. Тогда же один хитрый парень насобачился прицеплять эту штуку на зверье. Вот его-то все и считают изобретателем, хотя над самими ориентировщиками много людей работало. Но у того парня детей было, по разным сведениям, то ли пятнадцать, то ли тридцать. И все хорошее образование получили, богатыми людьми сделались, и у них тоже деток было немало. У меня у самого в родне кое-кто из них числится, и у тебя, Арон, тоже, да и вообще, во всех крупных городах есть их потомки. А что касается куниц, то их придумал разводить

предок того мужика, с которым ты вчера говорила, Лиза, высокий такой, помнишь? Его так и кличут Кунчий, у них это прозвище в семье по наследству передается. И с каждым поколением Кунчих у куниц хвосты все длиннее и длиннее. Так, глядишь, через пару сотен лет уже все туннели отметим, куда выводят.

– А чем куницы удобнее других зверей?

– А они любопытные и незаметные. А то были случаи, когда туннель в чей-то огород выводит, собаку человек запустил, а ее там подстрелили! Куницу-то еще заметить надо. Тем более когда такая куница стареет и становится негодной, весь этот хвост можно на мех продать. Тоже выгода. Конечно, это не такой хороший мех, как с меховых пород, но все равно денег стоит.

Итак, мы выпускаем куницу из клетки. Она настороженно обнюхивается, пока Арон довольно бесцеремонно наматывает кончик ее хвоста на руку и застегивает у нее под пузом напульсник ориентировщика.

– А чем помечать-то будете? – спрашивает Унгуц.

– А, щас. – Арон заглядывает в чулан. – Где-то я тут видел... о! – Он торжествующе извлекает баллончик с оранжевой флюоресцентной краской.

Мы тепло одеваемся. Орива связывает нас троих веревкой на всякий случай, прихватывает корзину, и мы идем на подвиги.

– А зачем корзина? – спрашиваю.

– А вдруг грибов наберем, – отвечает Орива.

Я оглядываюсь. На воде уже льда нету, да и в степи снег сдуло по большей части, но в лесу он еще лежит, хотя и почернел вокруг деревьев.

– А в этом сезоне бывают грибы? – спрашиваю и тут же вспоминаю, что Арон позавчера вроде как тоже чего-то набрал.

– А как же, – радостно говорит Арон. – Конечно, летом их больше и разнообразнее, но и сейчас есть, весна же!

Мы поднимаемся немножко в гору и оказываемся чуть выше посадочной площадки. Куницу Арон несет на руках, хотя она все время порывается начать самостоятельное исследование местности. Наконец он останавливается и спускает непоседливого зверя на естественный поводок.

– Где-то тут неподалеку я и провалился... Надо осторожно. А грибы, да... Лиза-хон, вы Азамата спросите, чего они так рано лезут. Он про лес все на свете знает.

– А тебе он не рассказывал, что ли? – спрашивает Орива.

– Наверное, рассказывал, да ты думаешь, я помню, что ли?

Мы медленно, стараясь наступать в куний след, гуськом спускаемся в ложбинку между сопками. Внезапно куница суется влево и исчезает.

– Ага-а, вот оно! – восклицает Арон и размашисто поливает соседние кусты и деревья из баллончика. Потом дергает за хвост, и куница выпадает обратно из небытия, пыльная и встопорщенная. Отряхивается, обиженно твякает и продолжает топтать мимо зияния.

– Она сама нарочно в туннель лезет, что ли? – спрашиваю.

– Хорошая куница сама лезет, да, – кивает Арон. – По крайней мере, если оттуда ничем плохим не пахнет. Тогда встает и рычит.

Мы углубляемся в лес на склоне, отмечаем еще пять зияний, мне становится скучновато.

– А как далеко мы собираемся уйти?

– А вот как корзинку грибов наберем, так и повернем, – предлагает Орива.

– Я пока еще ни одного не видела, – говорю.

– Да были там слева, – сообщает Арон, – но надо же куницу вперед пускать, а то еще провалимся. Ничего, набредем...

И мы набредаем. Точно поперек тропы лежит здоровенное лиственное дерево, вывернутое с корнем давнишним ураганом. Его ствол с верхней стороны, куда солнце попадает, порос сплошным покровом оранжевых шариков с ноготь размером.

– Ну вот, – говорит Арон. – Грибы.

– И это можно есть? – подозрительно уточняю я, хотя и так понятно, что муданжцы считают это едой.

– Еще как! – радостно сообщает Орива, извлекает складной нож и принимается срезать, а вернее, сколупывать шарики со ствола. У них даже ножек нет, так прямо и сидят на коре, и с кусочками коры отделяются. Пахнут они мхом.

Грибочков у нас образуется полкорзины, и до следующего поваленного дерева мы успеваем еще одиннадцать раз потерять

куницу. Когда же корзина наполняется, возвращаемся домой другой дорогой, на которой нам попадается только три зияния.

Дома нас встречают Алтоновч, дети и котята. Я сразу кидаюсь кормить уставшую куницу, а дети с удовольствием усаживаются мыть грибы. Это и правда довольно забавно: оранжевые шарики хорошо плавают, а мусор от них в воде отмокает, так что занятие получается сродни пусканию корабликов. Только когда мелкие начинают этими грибами друг в друга пулять, Арон их прогоняет и приступает к готовке. Алтоновч мирно вышивает что-то огромное и бесконечное. Мы с Оривой устраиваемся за столом и принимаемся за интенсивный курс по огнестрельным, лазерным и колотым ранам, последствиям взрывов и всему, на что хватает моей бурной фантазии.

Через пару часов звонит Азамат. У него все хорошо, они долетели и сейчас разбивают лагерь. Джингошей пока не видно. Я рассказываю ему про куницу и про грибы. Он авторитетно подтверждает, что грибы съедобные. Ладно, поверю.

Дети играют с котятами, куница дрыхнет у блюда с молоком, Арон готовит, его жена вышивает, я рассказываю Ориве про диафрагму, Унгуц читает в буке новости с Гарнета. Все при деле, почти идиллия. Тучи над Доллом и не думали рассеиваться.

Глава 20

А на следующее утро я просыпаюсь от жуткого ощущения паники. Еще совсем рано, солнце только-только выглянуло из-за горизонта, на воде уже лежат оранжевые блики. Кажется, что это не восход, а закат, ведь на восходе свет розовый, холодный...

Я вылетаю из койки как ошпаренная и, даже забыв надеть халат, распахиваю дверь и пересекаю коридор, чтобы выглянуть в северное окно. Так и есть – над северным горизонтом оранжевое марево, в небе мигают огоньки приземляющихся звездолетов. Я распахиваю окно. Ветер завывает, огибая скалу, и мне чудится гул летающей техники, выстрелы, крики и сирены, и отрезвляет меня только то, что через полконтинента я вряд ли могу что-то слышать. Но гудит, зараза.

Я возвращаюсь в комнату, отыскиваю телефон. Никаких сообщений. Звонить я не буду, еще не хватало его отвлекать, но... он что, не ожидал атаки? Или решил меня не предупреждать? Одеваюсь, руки плохо слушаются, ноги не вставляются в штанины, потому что

рвутся куда-то бежать. На всякий случай открываю бук – там сообщение.

«Здравствуй, рыбонька. Не хочу тебя будить посреди ночи неприятными известиями, поэтому не звоню. Джингошский удар ожидается утром. Мы готовы его встретить. Я вряд ли смогу тебе позвонить завтра, просто не будет свободного канала связи. Но ты не переживай, мы справимся. Нас очень много. Всех раненых будут направлять к тебе на самом быстром доступном транспорте. Будь осторожна с зияниями и не унывай, это будет короткая битва. Я помню, что ты меня ждешь».

Я перечитываю послание несколько раз, как будто надеясь, что оно вырастет или изменится. Потом на нетвердых ногах бреду на кухню завтракать и глазеть на небо в ожидании «самого быстрого доступного транспорта». И на нервной почве съедаю целую буханку хлеба с маслом из овечьего молока, которое вообще-то не люблю.

Работа не заставляет себя долго ждать. Скоро я различаю на мутно-рыжем фоне неба маленький юркий унгуц, сверкающий синим антипиреновым покрытием. У нас тоже таким авиетки «скорой помощи» покрывают, чтобы не загорались от трения воздуха... Я бужу Ориву и бегу включать аппаратуру. Через десять минут у меня элементарно не остается оперативной памяти, чтобы думать об Азамате и джингошах. Меня занимают только огнестрельные ранения, оторванные конечности и потеря крови, а редкие просветы я использую на то, чтобы обучать пилотов первой помощи, потому что лететь все-таки далеко. Но Азамат ни за что бы не взял меня туда.

Орива – толковая девка, и учение пошло ей впрок. После первого десятка раненых она уже сама справляется с большинством процедур и почти не дергает меня вопросами. Но рук все равно не хватает. Арона я приставляю оттаскивать обработанных больных на третий этаж и звать меня, если у кого-то из них ухудшится состояние, о чем немедленно сообщит реанимационный браслет. Некоторые поступившие с не очень серьезными травмами – например, сломана рука или челюсть – используются в качестве бессмысленной рабочей силы: повернуть, подержать, подать, принести. Ухо болит от гарнитуры, она мне не по размеру, Азаматова, но я заранее не сообразила, а надо все время быть на связи с Ароном и Оривой.

Но место в доме ограничено. За два дня, о которых я помню только, что спать удавалось максимум по два часа кряду, все поверхности, способные уместить лежащего человека, оказываются заняты. Арону весьма кстати приходит в голову мысль использовать шатры, оставшиеся на посадочной площадке, и перевести выздоравливающих туда. Какое же счастье, что на мударжцах все так быстро заживает! Еще через два дня, когда я уже вообще не понимаю, на каком свете нахожусь, поток раненых резко ослабевает.

– Что у вас там происходит? – спрашиваю у Ирнчина, закрепляя корсет: он поступил с переломами отростков позвонков, спинной мозг чудом не пострадал.

– Как, Азамат же вам писал!

– Ты серьезно думаешь, что у меня есть время читать? – говорю, хотя мне тут же становится стыдно. Он же нашел время написать!

– Ох-х... – вздыхает Ирнчин. – В общем, проблемы у нас некоторые. Ну не проблемы, так... Капитан это предвидел, так что волноваться не о чем, но...

– Ну говори уже, чтоб тебя!

– Джингоши временно отступили, но хотят вернуться с подкреплением. Это нормально, конечно, сами бы так сделали. Мы намереваемся их перехватить прямо в космосе, и так вон сколько леса уже пожгли. Проблема в том, что в качестве подкрепления они, как считает капитан, приведут ребят Соччо. Он хоть и наемник, но оказался родней кому-то из командования, которое мы тут разбили. А у Соччо был тот хакер... Ну помните? Который нас взломал два раза. Алтонгирел, правда, все это время пытался выяснить, как он до нас добрался или хотя бы кто он такой и как его убить. Но не знаю, доспел ли чего-нибудь.

– Ясно, – вздыхаю. – Так вы теперь даже не на планете будете? А далеко? Может, мне тоже надо куда-то выбираться?

– Нет-нет. – Ирнчин пытается помотать головой, хотя это бесполезно, он весь зафиксирован. – Капитан ничего такого не говорил. Будем все равно сюда посылать, только теперь на звездолете. Да и, прямо скажем, когда война в космосе, то травмы или по мелочи, или уж разгерметизация – и тогда сразу каюк, везти нечего. Мы же не будем с ними по коридорам перестреливаться. Так что вам должно полегче стать, а то как муж вернется – и не узнает.

Письмо Азамата я действительно получила. Он пишет примерно то же, что рассказал Ирнчин, только еще добавляет, что в ближайшие дни не будет на связи, поскольку опасается, что его письма буду читать не только я...

Мой график и правда становится посвободнее, и теперь я много времени провожу на посадочной площадке, потому что туда приземляется скорый звездолет. Он маленький, круглый и похож на жучка, а в небе становится невидимым. Некоторые поступившие в первый день уже отчалили на нем обратно на фронт, так что кое-кого из тяжелых удастся разместить в доме, но все равно в шатер приходится наведываться.

Я иду по раскисшей весенней грязи, растоптанной моими и чужими ногами на пути от дома до посадочной площадки и обратно. Солнце уже очень теплое, но ветер холодный и какой-то влажный, хотя он с севера. На скале справа от меня начинает пробиваться зелень, какие-то цветочки бледные торчат. Ой, а что это там шевелится? Оп-па, да это же мой котенок! И куда его несет в скалы? Охотится на какого-то жука, что ли?

– Кис-кис! Иди обратно, нечего тебе там делать! – зову я. Забавно, кстати, что я совершенно неспособна разговаривать с кошками помуданжски и даже на всеобщем. Им-то все равно, а я просто не могу себя заставить сказать «мрж-мрж», это ведь совсем не то!

Котенок, однако, на меня никак не реагирует и продолжает планомерно карабкаться вверх. До сих пор им холодно было на улице, они и не расползались из дома особенно. А теперь отогрелись, паразитики. Ладно, надо его забрать отсюда, а то еще провалится в зияние. Да и вообще, тут всякие звери-птицы хищные, на фиг, на фиг. Перехватываю поудобнее чемоданчик с инструментами и прочим бутором – иду-то я криво сросшийся перелом распиливать, очередной шибко умный вояка решил, что само срастется, не стоит меня беспокоить, а теперь вот страдает, что рука кривая, – и лезу в гору.

– Кис-кис, – говорю, – ну куда тебя несет?

Котенок, завидев меня, ускоряется. Можно подумать, сожру. Вот зараза мелкая! Я делаю резкий выпад вперед, чтобы его схватить, но, конечно, промахиваюсь и тут же оступаюсь, меня заносит вправо, я взмахиваю чемоданом и приземляюсь на пятую точку... совсем в другом месте.

Отлично. Я все-таки провалилась. Интересно, далеко ли и надолго ли. Ох-х, бедный Азамат... Так, телефон у меня с собой, но сети нету, а как же! Вот ведь долбаная планета! На Земле давным-давно все уголки охвачены. Ладно, куда хоть попала-то?

Попала, похоже, опять в пещеру. За спиной стена, впереди узкий коридор, оттуда исходит приглушенный красноватый свет. На дневной непохоже, ну да уж какой есть. Встаю, поднимаю чемодан и иду вперед. Под ногами что-то неприятно хрустит.

Коридор заканчивается довольно быстро, но не выходом, а залом, по размеру как один этаж в моем доме. Потолок невысокий, Азамат бы рукой дотянулся. Свет идет с противоположного конца зала. У дальней стены стоит некая конструкция, видимо, кресло, но судьба его была печальна: спинка разрослась, как корни, впилась в стену, а ножки – в пол, и вся эта хрень занимает места раз в пять больше, чем нужно, чтобы посадить человека. Впрочем, сидит в ней некто, на человека похожий весьма условно. Сначала я вижу только золото и красные перья. Потом, когда мои глаза привыкают к тусклому свету, исходящему от золотого кресла, различаю под всей этой роскошью смуглые руки и ноги и решаю, что это все же человек.

– Э-мм, здравствуйте? – говорю осторожно.

Оно не реагирует. Я повторяю приветствие погромче – с тем же эффектом. Может, это статуя? Решаю подойти поближе, но с первого же шага наступаю на какую-то палку, что-то хрустит, моя нога соскальзывает. Я нагибаюсь и рассматриваю, на что наступила. Кхм, ребят, да это же бедренная кость. А вот лопатка валяется. А вон там две черепушки... Какая прелесть. Я что, в склеп попала? Кстати, понятия не имею, как на Муданге принято хоронить. Но вроде Азамат что-то такое говорил про могилы предков, нет? Ладно, постараюсь ни на чьих останках не топтаться и подойти поближе к статуе. Может, за ней выход?

Подхожу, высоко поднимая ноги. Костей тут очень много, и чем ближе к монументу, тем гуще. Произведение искусства оказывается существенно выше, чем я думала. Это и правда изображение человека, даже мужчины, только он зачем-то одет в красную юбку. Впрочем, то, что я на гобелене изобразила, тоже скорее в юбке, хотя должно быть самцом. То ли древняя мода, то ли богам так положено. Юбка у него кокетливая, с разрезом, а вернее, это просто полотно на веревочке,

которая завязана на правом бедре. Все остальное, что надето на изваянии, – украшения, причем, судя по блеску, самые настоящие. Одних бус столько, что на кольчугу потянут. Тут и просто низанные камни, и плетение из бисера, и всякие литые и кованые кулоны из золота и платины... Руки все прямо от плеча в кольцах и браслетах, на них торчат во все стороны красные перья. Ногти длиннющие, золотые – что на руках, что на ногах. На голове тоже перья, воткнутые в сложносочиненный головной убор. А лицо раскрашено красным и черным – глаза обведены, вокруг них точки, по щекам мелкие узоры... Интересно, имеется в виду, что этот бог таким родился или он по утрам три часа перед зеркалом макияж наводит? Я хихикаю.

Деревянные глаза моргают и становятся золотыми и светящимися, статуя подается вперед. Я с визгом отскакиваю на два метра и падаю вверх ногами, споткнувшись о чьи-то кости.

– А-а, – произносит изваяние высоким певучим голосом. – Вот так привычнее.

– Извините, – говорю хрипло после визга. – Я вас приняла за статую. Вы очень неподвижно сидели и ничего не ответили...

Существо сдержанно улыбается.

– Это я от скуки. Люди так по-разному пугаются, хоть какое-то развлечение.

Я закатываю глаза. Чудесно, я попала к скучающему психу.

– Ну если я вас развлекла, – говорю, – то не покажете ли вы мне, как отсюда выбраться? Я попала в зияние и теперь понятия не имею, где я и когда.

Он медленно кивает несколько раз, потом задумывается, рассматривая меня.

– Почему ты засмеялась?

А я засмеялась? А почему бы тебе не ответить на мой вопрос сначала? Ох, чувствую, я конкретно попала. Так когда это я смеялась? А!

– Представила себе, как вы это все на лице каждое утро рисуете.

Он снова задумывается. Говорят, одиночество плохо влияет на скорость мышления.

– Я ничего не рисую, – говорит он наконец. – Узоры появляются сами, по настроению. И не только на лице. – Он подается вперед еще сильнее, бусы повисают вертикально, и становится видно роспись на

его груди и животу. – Но я рад, что тебя это позабавило. Человеческий смех придает мне сил.

– Всегда пожалуйста, – говорю. – Как отсюда выйти?

– Никак, – просто отвечает он.

Я пару раз моргаю.

– В смысле вы мне не позволите? – уточняю.

Он пожимает плечами.

– Да нет, мне-то что, иди, только выхода нет.

– Как... совсем? – тупо переспрашиваю я. Мое сознание всегда плохо справлялось с понятием «невозможно».

– Ага. – Он кивает мне за спину. – Вон видишь, сколько костей валяется? Они все не смогли отсюда выйти. И ты не сможешь. Помыкаешься дня три-четыре, а потом умрешь от жажды.

– А... если копать?

– Платиновую руду? Ну-ну, копай, я посмотрю.

Я медленно опускаюсь на землю среди костей.

– Погодите... А вы-то что здесь... как здесь... – Поднимаю на него вопросительный взгляд. – Я хочу сказать, вы же как-то живете? И вы тоже не можете выйти?

– Выйти-то я, может, и мог бы, если бы мог встать с кресла, – хмыкает он. – Но я тут прикован. – Он выразительно позвякивает браслетами, и становится понятно, что он не может оторвать запястья от подлокотников.

– Но вы ведь не умерли от жажды!

– Ну еще не хватало, чтобы боги от жажды умирали! – фыркает он. – Я бы тут эти двести лет и без пищи просидел, спал бы только все время. А так сюда иногда люди проваливаются, и если удастся дотянуться, то я их ем. Так что даже не сильно ослаб... – Он вздыхает, а я стремительно отскакиваю к дальней стене. – Да ладно тебе, не бойся, я уж подожду три дня, пока ты сама помрешь. Только, когда почувствуешь, что все, подползи поближе. А то так обидно, лежит еда протухает, а дотянуться не могу...

Мне становится по-настоящему жутко, но я решительно сдерживаюсь. Не хватало еще в такой ситуации тратить воду на слезы. Значит, это и есть бог. Что ж, выглядит вполне подобающе. Говорит только как-то уж очень запросто. Почти как Азамат. Ох-х, что же

делать... Не могу же я и правда тут скопытиться так по-идиотски! Бедный мой Азаматик...

Некоторое время мы сидим молча. Потом я решаю, что надо этого бога все-таки разговорить. Вдруг он врет или что-то скрывает... авось проговорится. Или, может, он сам чего упустил.

– Вообще, – говорю, – вы первый бог, которого я вижу.

– Да я уж понял, – усмехается он. – Был бы не первый, ты бы ко мне обращалась как подобает.

Я открываю рот переспросить, но тут же сама вспоминаю, что в муданжском есть специальное «Вы» для обращения к богам. Вот ведь не думала, что понадобится!

– Ой, – говорю, – извините. Мне исправиться?

Он хохочет.

– Да нет, можешь не стараться, все равно подлинного почтения я от тебя не добьюсь, и будет сплошное лицемерие.

– Ну как хотите, – пожимаю плечами. Потом собираюсь с духом и говорю: – Но мне тоже странно, как вы говорите. Я думала, боги говорят еще величественнее, чем Старейшины. – Некоторые муданжские слова все еще даются мне с большим трудом.

– А перед кем мне тут блистать? – Он встряхивает головой, от чего несколько длинных золотисто-рыжих прядей волос падает поверх бус ему на грудь. Перья смешно колышутся. – У разной речи разные применения. Старейшинам надо показаться мудрыми и загадочными, вот они и выражаются как сосновые коряги. Если я какому духовнику во сне являюсь, то и тон выберу грозный, чтобы он мои слова не забыл, когда с печки рухнет. А от тебя мне надо только, чтобы ты меня не боялась, вот я и говорю, как тебе привычнее и понятнее.

– А вы не можете кому-нибудь присниться и сказать, чтобы нас выкопали? – Я тут же хватаюсь за его слова.

– Не-эт. – Он с печальной улыбкой качает головой. – Я уже двести лет никому не снился.

– Это с тех пор как Императора не стало, что ли? – уточняю. А то что-то подозрительное совпадение.

– Ну, когда я сюда попал, младший из династии был еще жив, – хмурится бог. – От других провалившихся в мою тюрьму я слышал, что джингоши его убили и захватили власть... Приятный был парень, с юмором. Жаль, немного я с ним пообщался при жизни, думал, после

смерти доберусь, а тут такая засада... Что у вас там теперь-то творится? Ты вроде на муданжку непохожа.

– Я с Земли, – говорю.

Он негромко присвистывает.

– Вышла замуж за столичного богача, – добавляю многозначительно. – А тут на днях так получилось... я убила джингоша, случайно, а его родня пришла мстить... в общем, мой муж теперь с ними воюет, собрал всех толковых мужиков, надеется изгнать эту мелкую заразу прочь с планеты.

Бог поджимает губы.

– Ни шакала у него не получится.

– Почему?! – Я аж подпрыгиваю. – Он отличный командир, много лет наемником был, команда у него прекрасная, проблем с поставками никаких! Почему сразу – не получится?

– Потому что, – доходчиво объясняет он, – чтобы победить, нужно покровительство бога войны. У джингошей оно есть. А я, Властелин Битвы, Владыка Подземного Царства, Ирлик-Мангуст, заперт в этом ящике, и никакой надежды выбраться у меня нет!

Глава 21

Еще какое-то время мы с Ирликом сидим в тишине, осмысливая свое плачевное положение. И это ведь, значит, тот самый Ирлик-хон, который солнце проглотил. Подумать только... Интересно, а шрам от испарывания у него на брюхе остался? Хотя вряд ли, на муданжских богах все должно заживать бесследно. Неужели такого монстра можно просто взять и приковать к креслу?

– А как получилось, что вас сюда посадили? Как джингоши вас поймали?

– Это были не джингоши, – вздыхает Ирлик и сдувает с губы рыжий локон. – Меня свои подставили.

– Муданжцы?!

– Да нет, другие боги. Ты небось про меня немного знаешь?

– Про солнце знаю, – отвечаю, слегка покраснев. Ужасно неловко, особенно как представляю, как он его глотает...

– Вот-вот, – мрачно кивает он. – Все остальные истории про меня примерно такого же свойства. Пришел Ирлик, сделал пакость, и его наказали.

– А на самом деле? – робко интересуюсь я.

– А на самом деле, если бы я тогда солнце не тронул, была бы у них сейчас черная дыра вместо солнца! Это ж надо было выбрать систему с двумя звездами! А теперь жалуются – вот везде туннели, опасно... Или вот все любят рассказывать, как я у маленькой Укун-Тингир хурму отобрал только что не изо рта. А что та хурма ядовитая была – это все как-то быстро забыли, да. – Его тон становится все выше и обиженнее, а сам бог начинает неуловимо напоминать Алтонгирела.

Я не удерживаюсь и хихикаю.

– Опять смеешься, – замечает он. – Ну ты даешь, молодка. До сих пор у меня тут только один смеялся, ну так то был старик-воин, который ничего не боялся и оставшихся дней не жалел. Чем я тебя теперь насмешил?

– Да так, на одного знакомого ты похож.

– С Земли?

– Нет, с Муданга.

Ирлик недоверчиво поднимает бровь.

– Это на Муданге такие люди теперь водятся, что на богов похожи?

– Не лицом, – объясняю. – Манерой, что ли. Да тот мой знакомый так держится, как будто пару Вселенных создал, не меньше.

Владыка Подземного Царства хмыкает.

– Интересно, каков же из себя твой муж. Я смотрю, ты очень переживаешь, что больше его не увидишь.

– Я переживаю, что он меня не увидит, – поправляю я. – Мне-то что, умру – и нету, а он скучать будет. Я же еще и беременная, а он всю жизнь хотел ребенка...

– Да ты расслабься, – дружелюбно предлагает мне Ирлик. – Он все равно войну проиграет и погибнет, не долго успеет поскучать.

– Спаси-и-ибо! – скалюсь я. – Утешил, сволочь.

Мангуст моргает.

– Ты полегче в выражениях-то. Я, знаешь ли, не привык к такому тону.

– Ну правильно, а гадости говорить привык.

– Я вообще-то не имел в виду издеваться, – вздыхает Ирлик и продолжает таким тоном, как будто заранее твердо уверен, что я не слушаю: – Я просто хотел сказать, что при нормальных

обстоятельствах люди, которые приятны друг другу, на том свете встречаются и хорошо себя чувствуют, если не очень хотят обратно. Но, конечно, меня все всегда воспринимают в штыки, и чего я каждый раз обижаюсь, как в первый?

– А вы не пробовали получше выражения выбирать? – ворчу я. – Ну ладно, простите уж. В нормальной ситуации я бы не стала богу хамить, а сейчас просто... нервничаю. Только, пожалуйста, не надо больше повторять, что там с Азаматом случится, а то в вашем исполнении это звучит слишком уж... как предсказание.

Он смотрит на меня склонив голову, изучает.

– Надо же, извинилась, – говорит наконец негромко, скорее самому себе, чем мне. Потом повышает голос: – Так на что похож этот твой красавец?

– А он не красавец, – говорю. – По крайней мере, по вашим меркам. У него шрамы на лице.

– Значит, другую жену не заведет, – понимающе вздыхает Ирлик. – Но раз армию собрать смог, значит, и правда хороший полководец. Э-эх, поразмяться бы с таки-и-им, – мечтательно протягивает он, распрямляя ноги. Они босые, а на щиколотках среди прочих браслетов красуются два массивных золотых кольца, прикованных цепями к креслу. Цепи мелодично звенят.

– Слушайте, – говорю, – а предыдущие, э-э, посетители пробовали ваши оковы резать?

– Пробовали, – охотно и печально отвечает Ирлик. – Пилой, топором, алмазом, даже из разных пушек по ним стреляли. Меня обожгло, а толку никакого. А что, у тебя в этом чемоданчике что-то острое есть?

– У меня есть лазерная пила, – говорю. – Она вообще-то для костей, но и металл должна брать. Может, я попробую попилить?

– Валяй, – радушно соглашается Мангуст. – Не распилишь, так хоть время скоротаешь.

Я откидываю верхние створки чемоданчика и извлекаю инструмент. Он свежезаряжен и откалиброван, я ведь собиралась на операцию. Хорошо, что там не смертельный случай был, так-то выживет, хоть и с кривой рукой.

Подхожу к богу с некоторой опаской. Все-таки жрет человечину... Но он только с любопытством рассматривает предмет в моих руках и

содержимое чемодана. Вблизи от него веет теплом и медом. Включаю пилу, осторожно примеряюсь к цепи между ногой бога и креслом, – может, цепочка легче разрежется, чем толстый браслет, да и меньше риска повредить клиента. Но фиг вам. Лазер тонет в тяжелом звене, не оставив ни царапинки. На всякий случай пробую по очереди все четыре браслета – с тем же результатом.

Бог расстроено поджимает губы.

– Вот ведь каждый раз заранее знаю, что ничего не выйдет, а так обидно!

Я тоже гримасничаю. Больше ничего хотя бы теоретически способного разрезать кандалы у меня нет.

– А из чего они? – спрашиваю для шума.

– Без понятия, – пожимает плечами Ирлик. – Но на них лежат заклятия дюжины богов. Тут и тряпочные не поддадутся.

Я нависаю над ним в глубокой задумчивости, остановив стеклянный взгляд на ближайшем запястье. Изящное такое, тонкое запястье, но ладонь большая, никак не пролезет в плотный браслет, даже если вывихнуть большой палец. Только если...

– А на вас самом заклятия есть?

– На мне? – удивляется бог и фыркает горячим воздухом, как обогреватель. – Нет, конечно. Я еще не настолько силу растерял, чтобы меня заколдовать было можно.

– Так, – говорю, – хорошо. А прикованы вы только за руки и за ноги?

– Только? А этого мало? – усмехается он.

– Ну я за всеми украшениями не вижу: шея и тело свободны, да?

– Да, но... – Он замолкает и мельком заглядывает мне в глаза. – У тебя есть какая-то идея?

– Мгм, – киваю. – Скажите еще вот что. Внутреннее устройство у вас сильно отличается от человеческого?

– Смотря когда, – протягивает он. – Сейчас не очень, а вот когда злюсь или радуюсь сильно, то близко ничего похожего нет...

– А вы можете сделать так, чтобы ваше тело стало совсем-совсем человеческое?

– Могу, но зачем? Я тогда сразу есть захочу... – Он косится на меня. – А то и еще чего-нибудь.

– Потерпите, – противно улыбаюсь я. – Затем, что человеку я могу отрезать руки-ноги и пришить обратно.

Я выдерживаю драматическую паузу. Ирлик-Мангуст от удивления уставляется на меня, и наши взгляды встречаются. Странное ощущение, как будто смотришь на огонь вблизи – припекает. Я поспешно несколько раз моргаю и слегка отворачиваюсь.

– Ой, – говорит он, – извини. Опять забыл в глаза не смотреть. Очень больно?

– Да нет, – говорю, – так, горячевато.

– А, ну, значит, земляне устойчивее, – улыбается он.

Лапочка. Зубы все золотые.

– Так как? – спрашиваю. – Рискнете?

– А ты такое делала раньше? – с подозрением спрашивает бог.

– Ага, – киваю охотно. – Много раз. И там были не гладенькие, аккуратные разрезы от пилы, а, скажем, зверь оторвал, или какой-нибудь станок, или взрывом. И этих людей с оторванными конечностями мне доставляли через три – шесть часов уже полумертвыми. У нас тут, конечно, условия так себе, – я отпिनываю в сторону чей-то позвонок, – но так и вы наверняка более устойчивы к инфекциям, чем люди.

– То есть ты вот так вот просто отрежешь мне руку, вынешь и приставишь обратно?

– Ну не так просто, конечно. Это будет довольно долго, мне ведь придется каждый сосудик сшить. Но в итоге все будет как раньше, неотлично.

– Делай! – выпаливает он с таким азартом, что мне тут же хочется вкатить ему успокоительного, чтобы не дергался. – Делай, девка! Это настолько безумно, что должно получиться!

– Отлично, – говорю. – Вы в человека-то превратитесь.

Он ненадолго сосредоточивается и слегка изменяется. Становится чуть-чуть поменьше, поуже в плечах. На лице и теле исчезают узоры, зато появляются веснушки. Преображенный бог хлопает на меня оранжевыми ресницами. Теперь он немного смахивает на Ирих. Температура тела у него вполне человеческая.

– Ох, как же хочется жрать! – морщится он. – Ну ладно, авось немного осталось терпеть... Начинай с левой руки, хорошо?

И я принимаюсь планировать операцию.

Самым трудным оказывается найти место для микроскопа, под которым я буду сваривать нервы и сосуды. Подлокотник кресла покатый и извилистый, с него все соскользнет. Приходится насобирать костей почище, промыть их спиртом (которого у меня, к счастью, очень много) и сварганить из них и бинтов некое подобие столика. Затем я несколько раз просчитываю в уме все возможные сложности, подготавливаюсь по полной, обезболиваю и беру за пилу.

В скрюченном положении ужасно болит спина, особенно если учесть, что я всю неделю пашу в том же самом положении без передышки. Еще очень неудобно без ассистента, но что делать. Вот уж действительно, хочешь жить – умей вертеться. Ох хочу... Пациент забавно смотрится в маске, а первые минут десять хохотал над моим видом в стерильном костюме, маске, очках и шапочке, ничего делать не давал. Еле успокоился.

Левую руку я заканчиваю через три часа. Жрать хочется ужасно. У меня, правда, есть питательные растворы, можно будет потом вколоть и ему, и себе, но потом. Их не так много, а конечностей четыре. Крови бы хватило, хотя лазерная пила не дает большого кровотечения, но все равно есть потери.

Ирлик осторожно шевелит указательным пальцем.

– Она не очень слушается, – говорит капризно.

– Да вы подождите хоть несколько часов, дайте прирасти! Вот сниму фиксатор, тогда будете шевелить, а пока не вздумайте, а то пальцы тоже закатаю.

Он сверкает на меня покоричневевшими глазами, но мучить руку перестает.

Еще через четыре часа я справляюсь с правой рукой. Под конец совсем уже еле шевелилась, надо делать перерыв. Достāju капельницы с питательным раствором, ставлю одну Ирлику, другую себе. Разгребаю кости с пола, ложусь по стойке «смирно».

– Отдыхаем, – говорю. И отрубаяюсь на десять часов.

Когда просыпаюсь, пациент встречает меня радостной улыбкой. Он уже без проблем пользуется обеими руками. С левой даже гипс отковырял. Ни намек на разрез там не осталось.

– У меня свободные руки! – ликует он, ерзя на месте. – А с ногами дольше будет или быстрее? Я даже есть уже не хочу, только бы выбраться!

– Есть вы не хотите, потому что всю ночь питались, – говорю, снимая пустую капельницу. – А с ногами будет быстрее, если вы мне поможете.

– Легко! – бешено кивает он.

Ну вот теперь у меня есть ассистент. Бестолковый и опасный, но есть. Всего через пять часов обе ноги свободны.

Я достаю влажную салфетку и тщательно, с упоением утираю пот с лица. Только сейчас чувствую, как тут душно, в этой комнатухе. Удивительно, как до сих пор не задохнулась. Властелин Битвы тут же начинает проверять конечности на прочность: щупает руками, пытается наступить.

– Да не трогайте! – молю. – Ведь хуже сделаете! Ну подождите еще хоть пару часов!

– Ты себе не представляешь, как я хочу встать с этого трона! – с душой говорит он.

– Представляю. Разрешаю лечь на пол.

Удивительно, но он послушно ложится. Видно, ноги все-таки дороги. Я тоже ложусь, распрямляю спину и некоторое время дремлю, пока меня не будит нетерпеливый бог:

– Три часа прошло. Левая уже совсем хорошая. Можно мне обратно привычную форму принять хотя бы? Я не буду на правую наступать...

– Ладно, – разрешаю. – Принимайте. Только дайте я сначала фиксатор сниму, а то сдавит.

И вот Ирлик-Мангуст снова выглядит так, как когда я впервые его увидела. Но на достигнутом он не останавливается, увеличивается в росте еще больше, заполняя почти весь зал, и теперь так пышет жаром, что мне становится нехорошо. Я поспешно убираю свои причиндалы в чемодан.

– По-моему, стоит попробовать отсюда выбраться, прежде чем я тут зажарюсь, – говорю.

Он плотоядно облизывается и хватает меня за руку. Я невольно отшатываюсь.

– Да не трусь! – укоряет он меня. – Не сожру. Просто, когда вылезем, надо будет подкрепиться... Давай сюда свой ящик и держись крепче.

Он продевает меня в свои бусы и прижимает локтем к самому животу. Я изо всех сил вцепляюсь в прохладные украшения на его горячем теле. Внезапно поднимается ветер – обжигающий, пыльный, пахнувший горелыми костями. Он все усиливается и мечется вокруг нас, образуя смерч, а потом мы резко стартуем вверх. Земля кругом трясется, я зажмуриваюсь и закрываю нос воротником, чтобы не надыхаться пыли. Все дрожит и раскаляется, по мне ручьями течет пот, но мы движемся к поверхности. Пару раз приоткрыв глаза, я вижу алые, плавящиеся камни, и мне становится нехорошо.

– Горячо? – кричит мне сверху Ирлик-хон.

– Да-а! – блею я.

– Не бойся, я вокруг тебя остужаю!

Мне страшно подумать, на какую глубину его засобачили, потому что поднимались мы невыразимо долго. Вообще не понимаю, как я это пережила. А уж тем более – как это пережил эмбрион. Хотя я Ирлика предупреждала. Может, подумал и об этом, бог все-таки. Одно радует – при таких температурах ни одна зараза на нем не выживет, это точно.

Наконец кошмарный подъем заканчивается. Я от большого ума смотрю вниз – там разверстая земля, дым, лава... но далеко. Даже очень далеко. Ой, мама!

– Ты еще и высоты боишься? – доносится сверху насмешливый голос. Меня под зад подхватывает гигантская рука. – Та-ак, где тут ближайшее пастбище? А, вон!

Он стартует с места на скорости хорошего унгуца, и меня мгновенно продувает ледяной ветер. К счастью, летим мы недолго, через минуту опускаемся на заснеженное поле с оленями. Те, конечно, порываются удрать, но Ирлик стремительно окружает пятерых скотин огненным кольцом. Потом он выпутывает меня и ставит на землю. Я кутаюсь в теплую куртку, однако здесь гораздо холоднее, чем у Дола, так что я подхожу поближе к огоньку.

Ирлик еще немного изменился. Перья на его украшениях превратились в шипы, похожие на горящие сучья. Рисунки на теле мерцают как красные угли, а кожа сильно потемнела. Огненные волосы заплетены в две неплотные косы, которые стелются за ним по земле.

Он проходит внутрь круга, хватает одного здоровенного оленя за рог, другой рукой отрывает ему заднюю ногу и с упоением вгрызается

в мясо, пачкаясь в крови. Не жуя, проглатывает первую порцию и поднимает окровавленное лицо к звездному небу, жмурясь от удовольствия. Потом продолжает трапезу.

Я сижу на корточках у огня и жду, пока он насытится. Я бы тоже не отказалась перекусить. На втором олене он меня замечает, выдирает из оленьего бока кусок, ошпаривает огнем на ладони и кидает мне. Я срезаю скальпелем обугленную корку и осторожно пробую мясо. Оно жесткое и несоленое, но по крайней мере не сырое, а есть очень хочется. Где у меня тут был физраствор?

Наконец олени заканчиваются. Ирлик-хон тушит огонь, выходит из протопленного круга и умывается снегом. На лице бога снег вскипает и шипит.

– Ну что, рванули на войну? – жизнерадостно предлагает он мне, сверкая очами и зубами.

– А домой нельзя? – спрашиваю робко.

– Домой! – бросает он презрительно. – А муж? А долг перед родиной?

– Родина у меня в другом месте, – говорю. – А муж предпочитает, чтобы я была дома и лечила раненых. Тем более меня там ищут... Мы хоть в то время вылезли? Я же не знаю, туннель, по которому я к вам попала, – он сколько времени съедает?

– Здесь прошло столько же времени, сколько ты просидела в моем подземелье, – отвечает бог. – Но мне скучно тебя домой нести! Такая женщина, как ты, должна воевать! Так что я тебя доставлю к мужу, а там разберетесь.

– Но это даже не на планете! – жалобно протестую я.

– Ну и что? Думаешь, я в космосе перемещаться не умею?

– А чем я там буду дышать?!

– А-а... – Он слегка сбавляет обороты. – Ну тогда я пронесу тебя через Подземное Царство прямо на какой-нибудь звездолет. Как, говоришь, мужа твоего имя?

– Азамат. А я в Подземном Царстве не умру?

– Если не будешь там ничего есть и пить, то не умрешь, – спокойно обещает Властелин Битвы.

И, не слушая никакие мои дальнейшие возражения, сгребает меня в охапку и проваливается вместе со мной сквозь землю. Я едва успеваю ухватить свой несчастный чемоданчик.

В Подземном Царстве просторно и нежарко. Мы летим по пасмурному небу над сумеречным садом, украшенным неяркими праздничными огоньками, время от времени пересекая холодные темные овраги. Ирлик-хон здесь совсем не похож на человека, он представляет собой черное облако, насколько я могу судить, с четырьмя лапами. Его глаза горят так, что их видно прямо сквозь толщу его, так сказать, тела. Я же нахожусь внутри него, лежа на внутренней стороне его живота, хотя она ничуть не плотнее тумана в середине туловища, которым я дышу. А дышу ли я? Ох, лучше не думать.

Мы забираем выше, пространство вокруг сужается и закручивается, как в космическом туннеле, и вдруг я выпадаю на ковролиновый пол в коридоре какого-то корабля. Ирлик слегка меня поддерживает, чтобы зад не отбила, но тут же отпускает.

– Ну вот! – весело говорит он. – Твой муж тут совсем близко, ты скоро с ним встретишься! А я пошел развлекаться! Удачи тебе, земная женщина, и спасибо! – Он внезапно заливается оглушительным смехом и исчезает.

Вот уж смех без причины – признак чертовщины. Ну ладно, свалил, и слава богу. Да-да, ему.

Я прислоняюсь к прохладной переборке и тяжело вздыхаю. Мотаю головой. Так. Надо встать и понять, где я нахожусь.

Первое удается с третьей попытки. Второе... Я с полчаса блуждаю по коридорам, пока наконец нахожу капитанский мостик. Там загадочным образом пусто. Куда этот черт меня занес?!

Бросаюсь к пультам. Интерфейс незнакомый, да еще и значки какие-то, каких я никогда не видела, буквы – не буквы... Мать моя женщина, да это же джингошский корабль! Ах ты су-ука! Так. Собраться и связаться с Азаматом. У меня ведь есть мобильник!

Азамат отвечает не сразу и звучит озабоченно, он явно сильно занят.

– Солнце! – выпаливаю. – У меня катастрофа, долго объяснять, факт тот, что я упала в туннель и теперь на джингошском корабле! Забери меня отсюда!!!

Кажется, он что-то роняет там.

– Боги, Лиза, КАК ты туда попала?!

– Вот боги и постарались! Пожалуйста, Азаматик, ты ведь можешь меня локализовать? Ты недалеко?

– Щас, – бросает он, несколько секунд пищит клавишами. – Ага, ты прямо у нас под носом. Сейчас кину шлюпку. Этот корабль подбитый, там должна быть утечка, но еще на несколько часов воздуха хватит. Экипаж оттуда уже сбежал, насколько я знаю. Ты кого-нибудь встретила?

– Нет, никого. Я тут на мостике, никого нет.

– Хорошо, тогда ищи выход, плана у меня нет, к сожалению. Шлюпка уже летит к тебе. Боги, да что... – Он явно переключается на какую-то другую информацию, я слышу в трубке чей-то рапорт и завывание орудий.

– О'кей! – кричу. – Тогда до встречи! – Отключаюсь.

Теперь надо найти выход. Я поворачиваюсь к двери, через которую вошла на мостик. Она автоматически закрылась, а сейчас должна автоматически открыться. Я подхожу поближе, и она правда открывается. Но по ту сторону стоит... Кирилл.

Глава 22

– Это я все еще в Подземном Царстве, что ли? – слышу я собственный голос.

Кирилл, мой несложившийся муж, уже два года покойный, стоит в дверях и не сводит с меня полоумного взгляда. Молчание длится мучительно долго, а ответ на вопрос для меня действительно очень важен.

– Ау, – говорю, – ты меня вообще видишь?

Он принимается истерически кивать. Вероятно, порастерял слова.

– Л-Лиза... – наконец хрипло выдыхает он. – Здравствуй! Я... меньше всего на свете ожидал тебя здесь увидеть...

– Ты живой? – задаю я упрощенный вариант своего вопроса.

– Э, да-а, – не очень уверенно отвечает он.

– Точно? – с подозрением переспрашиваю я.

– Да, да, конечно. – Он нервно хихикает. – Ты же не веришь в привидения, правда? Просто, понимаешь, это секретная информация.

Я не понимаю.

– Что – секретная информация? Что ты живой?

– Да, понимаешь, это все Земной Союз. – Он внезапно принимается тараторить с бешеной скоростью: – Это было так ужасно,

все эти годы притворяться, что меня нет в живых, я так ненавижу себя за то, что должен скрывать это даже от тебя!.. Но иначе для тебя было бы опасно! – Он хватается меня за плечи, и я наконец-то ощущаю его материальность. – Ты не должна никому говорить, что я жив, понимаешь? Я здесь... – он оглядывается и понижает голос до шепота, – я здесь агент под прикрытием, это задание Земного Союза, а ты же знаешь, как они серьезно относятся к секретности! Пожалуйста, ради твоей собственной безопасности, не говори никому!

Я только стою и моргаю, да и то скорее вишу в его крепких руках, как тряпичная кукла. О боже мой, Кирилл жив, и все это время был жив... И у него такое бледное лицо, и глаза мутно-зеленые с коричневыми крапинками, и он всего на голову выше меня, и ничего этого я уже не помню! Я помню его зеленый свитер, и как он сидит в компьютерном кресле подобрав ноги, и как он любит растаптывать ложечкой чайный пакетик, когда чай уже допит... А лучше всего я помню зеленый мрамор приемного кабинета в штаб-квартире Земного Союза, где мне сообщили новости, выдали справку о смерти, фотографию в черной рамке и коробочку с наградами. А потом меня и трех других вдов поили водкой с шоколадными пирожными.

– Хорошо, – наконец выдавливаю я, – хорошо. Послушай, Кирилл...

– Ш-ш-ш! – Он пригибается к самому моему лицу. – Называй меня Инсей, на случай если кто-нибудь услышит!

– Хорошо, – снова киваю я. – Послушай...

Но тут я понимаю, что не могу продолжить. Я ведь хочу ему объяснить про Азамата, про то, что не надо от меня ждать чувств и так далее, ведь у меня теперь другой муж, а это ужасно трудно сказать, и что он подумает... Но я должна сказать это Кириллу, а не Инсею. А если у него здесь другое лицо и – как это? – легенда, то ему нет дела до моих брачных переживаний. И все-таки надо прояснить этот момент, а то еще возомнит... Хотя если он не должен называться своим именем, то и девушка у него должна быть другая, а то ведь догадаются... Так?

Ему надоедает мое молчание, и он перехватывает инициативу:

– Лиза, слушай, как ты здесь оказалась?

Я открываю рот – издаю невнятный гортанный звук – закрываю рот – вдыхаю – открываю рот...

– Я провалилась в пространственно-временной туннель, – наконец выдаю я наиболее правдоподобную и наименее лживую версию.

– И он ведет на корабль?! – не верит Ки... Ин... он.

– Ну, я думаю, он ведет в это место пространства, а что корабль оказался именно в ней, так это счастливая случайность, – самозабвенно вру я. Но у меня нет шансов объяснить ему про Ирлика, если я даже про Азамата заикнуться не могу.

– Да. – Он вздыхает с облегчением. – Конечно. Счастливая, ты ведь могла так погибнуть. Боже мой.

Он крепко и неуклюже меня обнимает. Мне это кажется странным, хотя я не могу сообразить почему. Наконец он разматывает руки и, убедившись, что я могу стоять сама, проходит на мостик и садится в кресло, жестом предлагая мне сесть в соседнее. Меня посещает смутное сомнение – вроде как я собиралась отсюда выйти, но, вместо того чтобы над этим покрепче задуматься, я удивляюсь, что он предлагает мне сесть, это необычно. В смысле не для него необычно, а для меня. Я сажусь.

Передо мной приборная панель звездолета с непонятными значками.

– А что это за корабль? – спрашиваю.

– Это... ты знаешь, кто такие джингоши, правда ведь?

Киваю. Это такие раскосые черные гады, а еще они как-то связаны с сырой рыбой.

– Ну вот – продолжает он. – Они террористы. А я... – он снова понижает голос, хотя мы же говорим не на всеобщем, а на родном, – я за ними тут приглядываю и сообщаю куда надо. Под прикрытием, понимаешь?

– А этот корабль не в опасности? – спрашиваю. А то война ведь.

– Нет, – усмехается он. – Муданжцы думают, что они нас подбили и весь экипаж слинял, так что они не будут на нас заряды тратить. А на самом деле мы целехоньки, а чтобы подобраться поближе к ним, мне экипаж не нужен...

Он листает какие-то картинки на сенсорном экране. Это все снимки космоса с кораблями. По-моему, большинство из них неисправны. Наконец он выбирает один, вызывает менюшку и принимается изучать какие-то параметры. Я перевожу взгляд на

передний экран, который вместо лобового стекла. А, так вон эти корабли. Значит, он просто выбирал область укрупнения.

– Ты извини, – говорит. – У нас сейчас трудная ситуация, мне очень нужно поработать. Ты посиди пока, я потом тебе найду каюту.

Я киваю.

Он на что-то жмет, и из динамика слышатся муданжские голоса. Так странно, я вроде бы как в прошлой жизни, с Кириллом, но тогда я еще не слышала живых муданжцев. Я с усилием тру лицо руками. Голоса говорят что-то странное, какую-то чепуху. Кирилл ругается себе под нос, вызывает на экране шкалу, начинает тягать туда-сюда курсорчик.

– ...Тукановы носы, – говорит голос из динамика, – нешибко провинчиваются одесную...

У голоса сильный долхотский акцент. Я хихикаю.

– Ты чего? – вздрагивает Кирилл.

– Говорит смешно.

Он смотрит на меня постепенно расширяющимися глазами.

– Ты же учила муданжский! – внезапно вспоминает он.

– Ага, – хихикаю.

– Что он сказал?

Я перевожу.

– Что за чушь?

– Сама не знаю. А зачем он тебе?

– Да у них санитарный корабль, сволочь, невидимый, я его никак отловить не могу никакими приборами, а он раненых увозит куда-то, а потом здоровых возвращает... уж не знаю, кто их лечит с такой скоростью, этих тараканов-переростков...

– А что ты с ним сделать хочешь? – спрашиваю. Это же свои, пусть лечатся...

– Да я бы его хакнул да против них же обернул...

– А ты умеешь? – удивляюсь я. Мне казалось, он никогда особенно не дружил с софтом.

Он резко втягивает воздух и смотрит на меня затравленным взглядом. Потом закусывает губу.

– Эт-то, собственно, и есть моя работа. Понимаешь...

– Но ты же пилот!

– Нет.

Я моргаю. Да что сегодня за день такой, или я вообще сплю?

– Это тоже из-за ЗС, – быстро говорит он. – Я должен был скрывать свою профессию. Говорил, что пилот, но на самом деле я хакер...

Я медленно перевожу взгляд на большой экран. Справа виден нос одного из звездолетов совсем поблизости, а хвост уходит за край экрана. Но он ярко-красный, и я его знаю, это корабль Азамата. Он близко, я у него под носом, за мной кого-то должны были прислать, я шла к выходу, я на джингошском корабле, джингоши воюют с Мудангом, и у них есть этот хакер...

Я вскакиваю и кидаюсь к выходу, но дверь не открывается передо мной, я ударяюсь, оборачиваюсь, Кирилл стоит рядом с бешено вертящимся креслом, наставив на меня маленький карманный лазерный пистолет.

– Кому ты побежала рассказывать? – медленно спрашивает он.

– Ну ты параноик, – отвечаю неверным голосом. – Открой дверь, мне плохо, я в туалет побежала. Что я кому могу рассказать? Зачем?

– Ты не просто так тут оказалась, – все так же медленно продолжает он. – Они тебя подослали. Ты не любишь, когда твои таланты пропадают, я же знаю. Выучила муданжский, – значит, стала работать с муданжцами. Я не верю в совпадения. Так что садись на место спокойно и не мешай мне.

– Кирилл, да что ты, с ума сошел, – начинаю я, но он перебивает меня истерическим воплем:

– ТИХО!!! Я тебе сказал, как меня зовут!

Пистолет в его руке при этом нехорошо вздрагивает. Пожалуй, лучше пока не пытаться взывать к разуму.

– Хорошо, хорошо! – бормочу я. – Молчу и сижу тихо. Только убери пушку, родной, пожалуйста!

Он пинком подкатывает ко мне кресло. Я послушно сажусь. В этот момент у меня начинает пиликать телефон.

– Заткни его! – взрывается этот страшный, чужой мужчина. – Дай сюда!

Не дожидаясь никаких действий от меня, он подскакивает вплотную, выхватывает телефон у меня из кармана и запускает им об стенку, только пластик брызжет осколками. Это был тот самый

телефон, что мне Азамат подарил. Я чувствую комок в горле, и, как ни стараюсь сдержаться, на глазах все равно выступает теплая влага.

– Думала, сможешь потихоньку их предупредить? – по-своему интерпретирует мои слезы этот подонок.

Он вынимает из форменных брюк ремень и пристегивает мою правую руку к ручке кресла, одновременно держа меня на мушке. Ему страшно неудобно, но он очень боится меня, я это прямо чувствую, а значит, не отведет дуло и, чуть что, будет стрелять. Снизу мне виден индикатор заряда – полный, зеленый. Хозяин пистолета теперь расстегивает ремень на мне – отличное мударжское изделие, натуральная кожа, ручная работа – и пристегивает мою левую руку к подлокотнику. После этого он отходит на пару шагов, шумно вздыхает и вытирает пот.

– Сиди тихо, – говорит. Доходит до своего кресла, изможденно падает в него, но тут же снова подрывается, кидается к шкафчику в противоположном конце помещения. Достает бутылку с водой, лихорадочно отвинчивает крышку, пьет.

Чтоб ты подавился.

Он и правда давится, да не просто кашляет, а еще хватается за рот, как будто ошпарился. Так тебе, суке. Из бутылки проливается немного жидкости, но это не вода, а кисель какой-то – вязкий, прозрачный, он тянется и тянется, но все никак не капнет, и вот уже почти до пола повис, а джингошская собака все кашляет и трясет бутылку, и тут кисель разводит в стороны руки-крылья, поднимает от пола прозрачное лицо и взмывает вверх, отбирает у человека пистолет и тут же поддает ему обухом в нос. Кирилл взвизгивает, хватается за нос, отшатывается, падает, а прозрачное существо мгновенно переметывается ко мне, продевается в пряжку ремня, потом второго, они расстегиваются и падают на пол, я хватаю пистолет, а мокрый и студенистый морской дух обвивается вокруг меня с шелестящим смехом и наполняет капитанский мостик запахом моря близ Орла.

– Спасибо, – говорю я по-мударжски.

Дух отвечает что-то журчащим шепотом, хотя я не уверена, что это были слова. Он снова перетекает по воздуху к Кириллу, сидящему на полу в полном ужасе, обвивает его руки, заведя их за спину – Кирилл борется, но тщетно, – поднимает его в воздух и усаживает в кресло перед большим экраном.

Первое, что я делаю, это вклею Кириллу качественную пощечину. Потом перекидываю пистолет в другую руку и вклею еще одну.

– Лиза, я... – начинает он робко.

– Ты два раза чуть не угробил корабли, на которых я летела, а теперь угрожал мне напрямую, ты работаешь на джингошей и воюешь против нас, тварь! Тебе не помогут никакие оправдания про Земной Союз! Они не могли послать тебя против Муданга, потому что подписали акт о неприкосновенности Азамата Байч-Хараха, а он возглавляет муданжскую армию!

Кирилл бледнеет до синевы и затравленно смотрит на меня.

– Я не знал, что это он.

– Ка-анечно, ты не знал! – ухмыляюсь я и убираю пушку в карман. Стрелять я все равно не буду, еще морского духа задену, а он крепко держит моего горе-террориста. – Вот только ты работаешь на Соччо, а он прекрасно знал, с кем имел дело тогда, зимой, когда ты по его приказу угробил двух Азаматовых ребят и полный штат детского лагеря! Тебе не снятся оторванные головы в свободном полете, нет? А мне вот снятся! Потому что я там была и чудом успела унести ноги! И потом, когда вы нас окружили – не надо притворяться, что ты не знал, кого взламываешь! – Я глубоко вздыхаю, собираясь с мыслями. – Но это еще не самое худшее.

Он осторожно поднимает взгляд и втягивает голову в плечи.

– Давно ли ты переквалифицировался из пилотов в хакеры, дорогой?

– Я всегда был хакером, – хрипловато сообщает он. – Я и учился...

– Очень интересно, – говорю. – И ты ничего мне не говорил все четыре года, что мы жили вместе, потому что так велел Земной Союз. Прекрасно, какой лояльный работник. И как же тебе, наверное, было трудно врать мне каждый раз, когда я просила помочь мне разобраться с новой техникой, – я нагибаюсь поближе и показываю ему загнутый палец, – настроить бук, починить мобильник, скачать что-нибудь... Как тяжело, наверное, было день за днем изображать из себя чайника, а?

– Ну да, очень трудно, – мямлит он.

– И конечно, тот факт, что у меня мать и брат работают при Земном Союзе, а я сама от него окончила институт, это все недостаточные причины, чтобы раскрыть мне великую тайну твоей профессии, не так ли? И уж конечно– конечно! – недостаточные, чтобы прислать мне весточку, что ты жив!

– Но таков был приказ! – восклицает он.

– Ага, у джингошей! Если бы в ЗС знали, что ты жив, Сашка бы тоже знал! Он ведь сидит на кадровых базах, в том числе на секретных! Это значит, что в ЗС тоже были уверены, что тебя прибило. Значит, ты инсценировал свою смерть, а сам перешел к джингошам, так ведь? А?

Морской дух, постоянно журчащий у Кирилла над ухом, смотрит на меня с любопытством, потом усиливает хватку. Кирилл скулит, дух снова смотрит на меня: мол, так?

– Ну да, перешел! – выкрикивает Кирилл. – Они меня шантажировали!

– Чем же?

– Не скажу!

Дух с бурлящим энтузиазмом заламывает ему руку. Кирилл кричит:

– Перестань! Скажу! Я им продал сведения!

– А, так джингошам можно знать секреты ЗС, а мне нельзя? Это суперлогика! Может, мне надо было тебе заплатить, а?

Кирилл воет. Я машу рукой, обращаясь к духу, чтобы ослабил хватку. Он подчиняется, вздохнув шорохом волн.

– Ты им расскажешь? – тонким голосом спрашивает Кирилл.

– Ты сам им расскажешь, – тепло говорю я и иду к своему чемоданчику. Достая из него маску, очки и шапочку и надеваю. – А теперь поведай мне, солнышко, на какие кнопочки надо нажать, чтобы выйти на связь с твоими друзьями и с моими друзьями.

– Одновременно? – переспрашивает он, нервно наблюдая за моими приготовлениями.

– Ага. Я хочу устроить пресс-конференцию.

Он стонет, но, когда булькающий дух угрожающе тянет его руку, быстро начинает диктовать.

Через минуту экран покрывается многими маленькими экранчиками. Я надеваю стерильный балахон и перчатки. На одном из

экранных я вижу бледного Азамата с кругами под глазами. Бедный мой. Ну ничего, скоро все будет хорошо. На остальных экранах рябят недоумевающие лица, джингоши спрашивают, что происходит, почему главный канал показывает рожу Инсея и какое-то пугало рядом, муданжцы просто пытаются врубиться, что все это значит.

Наконец кто-то из джингошей выкрикивает нечто на своем языке. Азамат тут же оживляется, поворачивается вправо и негромко говорит на муданжском:

– Это их хакер.

Отлично, он услышал и понял по-джингошки.

Взгляды Алтонгирела, Эцдала и еще нескольких муданжцев становятся гораздо более осмысленными. Дух радостно булькает и помахивает подолом своей хламиды. Джингоши начинают волноваться. Азамат бросает через плечо распоряжение, я слышу какие-то удары в дальнем конце корабля. Надо торопиться.

– Что ты со мной сделаешь? – лепечет Кирилл, глядя, как я достаю скальпель.

Я молча принимаюсь расстегивать на нем штаны.

Визгу было много, хотя я поступила по-божески и оттяпала только половину того, что надо было за то, как он со мной обошелся. Тем более операция-то сама быстрая, только кровью на экран брызнуло, а дальше я все мгновенно заварила. И даже дала ему общий наркоз, чтобы не помер от шока. Убивать-то я его не собиралась, только оставить сувенир на память, так сказать.

Взглянув последний раз в позеленевшие лица джингошей, я выключаю видеосвязь и снимаю операционное обмундирование как раз вовремя, чтобы ворвавшиеся на мостик Эцаган и Онхновч меня узнали.

– Лиза! – Эцаган кидается на меня с объятиями. – Мы чуть с ума не сошли, что случилось?!

– А этот... – Онхновч замечает спящего Кирилла в руках журчащего духа. – Он кто?

Я с трудом убеждаю Эцагана меня отпустить.

– Это, – говорю, – тот самый джингошский хакер. Заберите это тело, пускай его Алтонгирел допросит с пристрастием, когда оно очнется. Со мной все хорошо, просто сегодня безумный день...

Эцаган зачем-то подхватывает меня на руки, а Онхновч забирает Кирилла вместе с креслом. Дух облетает их обоих, журча и переливаясь, я машу ему рукой и посылаю воздушный поцелуй. Он машет в ответ и исчезает. Муданжцы переглядываются.

– Там кто-то есть? – неуверенно спрашивает Эцаган, направляясь на выход.

– Был, – говорю. А я и забыла, что другие его не видят.

Эцаган грузит меня в крохотный звездолетик, а Кирилла, кажется, кладут в багажное отделение. Я внезапно понимаю, что страшно устала, и ноги меня не держат, и руки у меня дрожат, и мутит, и глаза слезятся, и вообще, кажется, я простудилась. А все чертов Ирлик со своими полетами!

Мы причаливаем к Азаматову кораблю снизу, Эцаган залезает наверх, а Онхновч подает ему меня. Едва я более-менее встаю на ноги, как упираюсь носом в необъятную грудную клетку Азамата. Он пахнет потом, и в его объятиях я чувствую себя как ручка в колпачке.

– Лизонька, – он горячо дышит мне в макушку, – что случилось?

Он ждет, я не отвечаю, за спиной шорох, Азамат меняет вопрос:

– О боги, так это ты этого... хакера? Ты поэтому задержалась?

Я киваю, возя лбом по его мокрой рубашке.

– Н-да, – произносит Азамат. – Я мог бы догадаться. Но за что ты его... так? Что он тебе сделал?

Я немножко отталкиваюсь назад, чтобы посмотреть на него.

– Он... Это Кирилл. Мой бывший... который, я думала, погиб.

Азамат вздрагивает.

– Твой... твой муж?!

– Ну нет. То есть по смыслу да, но мы не были женаты. Официально. Так что все в порядке. Сделай с ним что-нибудь, чтобы я его больше не видела.

– Да уж. – Азамат на секунду мрачнеет лицом, и я вдруг живо себе представляю, как он может «подходчивее объяснить» моим непрошеным кавалерам, что они непрошеные. Ух-х, аж дрожь пробрала. Азамат тут же переключается в обычный режим и гладит меня по голове. – Ты хорошо себя чувствуешь? – спрашивает озабоченно.

Кажется, вот сейчас меня и стошнит... но вместо этого я оглушительно чихаю.

– Я простудилась, – говорю. – И очень устала. Положи меня куда-нибудь, и я не буду тебе мешать воевать дальше.

– Воевать уже не с кем, – раздается у меня над ухом гнусавый голос Алтонгирела. – Джингоши улепетывают со всех моторов, Экдал за ними погнался, но, думаю, мог и не стараться. Они как полюбовались, как их козыря... кхм, оскопили, сразу и подались. Ты, кошмарная женщина, ты живая вообще?

– Частично, – говорю. – Это хорошо, что джингоши того. На то и был расчет. И я его не совсем этого. Только наполовину. Еще сможет сволочей наплодить. – Я зеваю.

Азамат подхватывает меня и несет. Кажется, сначала мы движемся к каютам, но тут он принимает звонок на гарнитуру, а там Экдал, да так орет, что мне все слышно:

– Джингошей засасывает какое-то огромное световое пятно, я еле смог развернуться! Не знаю, что это, похоже на малую звезду, но очень странное! Азамат, посмотрите!

– Сейчас, я не у экрана, – бросает Азамат и прямо со мной бегом мчится на мостик.

Я ради такого дела протираю глаза. У большого экрана толпятся мужики, в гробовой тишине изучающие это явление природы: прямо по курсу огромная треугольная разъявленная пасть, и в нее стремительно летят джингошские кораблики и какие-то обломки.

– Почему не поворачиваем?! – взрывается Азамат, и все приходит в движение, нас швыряет, он еле-еле удерживается на ногах. – Аварийную гравитацию! К шакалам отсюда, быстро!

Мне кажется, корабль дрожит от его голоса. Мы поворачиваем, переживаем несколько ужасных мгновений перегрузки, но потом все восстанавливается, и вот светящаяся пасть уже видна только на малом экране заднего вида.

– Что это была за хрень? – спрашивает чей-то обалдевший голос.

– Это Ир... – начинаю я, но снова чихаю.

– Все каналы, – отчетливо говорит Азамат в гарнитуру. – Курс на Муданг. Сворачиваемся.

Глава 23

Сплю я недолго, несмотря на всю кажущуюся усталость. Впрочем, постоянное чихание и заложенный нос – не очень способствующие сну явления. Так что вместо отдыха я забиваюсь в

душевую кабинку, полную горячего пара, и прогреваю организм. Становится несколько лучше. Я вылезаю, заматываю голову толстенным полотенцем и облачаюсь в найденные в сумке у Азамата футболку и свитер. Они мне до колена, а под них я напяливаю там же откопанные носки, которые мне до колена с другого конца. Выгляжу я во всем этом, надо думать, сногсшибательно, но у Азамата в каюте нету зеркала, а поднимать стенку мне лень.

События вчерашнего дня я помню плохо, а что помню, то не выстраивается в логическую последовательность. Подземное царство, Кирилл, Ирлик, дух, Азамат... Чушь какая-то получается. Но не могу избавиться от ощущения, что наломала дров. Неужели я видела Кирилла? И он оказался такой сволочью? И я ему за это устроила публичную экзекуцию... Вроде помню, что так и было, но все как во сне. Да и вообще, чем я думала? Ну да, он меня обманывал, и дважды чуть не убил, и под дулом держал, и воевал за джингошей. Это не считая того, что он продал джингошам какие-то секретные данные, пригрохал неизвестно сколько народа и чуть не взорвал сорок семь детей. Так и надо было его за все это отдать в жаркие объятия ЗС, а я что сделала? Это называется – законопослушная землянка, которая только в кино насилие и видела. А клятва Гиппократата? Что на меня нашло вообще? Азамат сидит нервничает, Эцаган с Онхновчем ждут у входа, а я устроила допрос с пристрастием в прямом эфире. Бред собачий, даже стыдно. Кирилл-то заслужил, но я-то хороша! А Азамат небось уже всем похвастался, что это я хакера поймала. Хорошо хоть у меня мозгов хватило замаскироваться, прежде чем включить трансляцию. Ох, надо быстро найти Азамата и сказать ему, чтобы помалкивал!

Когда я прихожу на мостик, Азамата там нет, только какие-то незнакомые мне люди, которые еще и открыто пялятся на мои голые коленки. Однако он вскоре появляется.

– О, Лиза, ты не спишь? Я думал, ты теперь до посадки не встанешь. – Тут он замечает мой вид и начинает смеяться. – Ну ты придумаешь ведь нарядиться!

– А что делать, у меня же нет запасной одежды, а та вся ужасно грязная.

– Да понимаю, – кивает он, продолжая посмеиваться. – Я попрошу у Эцагана для тебя что-нибудь, он все-таки поменьше. Пойдем.

Мы выходим в коридор, такой родной и знакомый, он ведет на кухню. Меня настолько захватывает это странное чувство узнавания, что я чуть не забываю, зачем искала Азамата, но он заговаривает первым:

– Я хотел тебя спросить... Видишь ли, мы допросили... кхм, этого человека и узнали столько интересного, что лучше всего было бы передать его на Землю, потому что Земной Союз нас озолотит за этого кадра. Меня только смущает, что ты, хотя и состоишь у меня на службе, все же не военный чин и не гражданка Муданга. Насколько я понимаю, по земным законам, у тебя могут быть неприятности.

– Могут, – энергично киваю я. – И будут. Если узнают, что это была я.

Азамат призадумывается.

– Вообще, я никому не говорил. Вот Эцаган с Онхновчем могли...

– Самое худшее, что сам Кирилл знает. Он-то уж не промолчит, – вздыхаю я.

– А ты знаешь, это как раз не проблема, – весело отвечает Азамат. – У него, похоже, от потрясения что-то повредилось в голове. Он, видишь ли, утверждает, что ты его заколдовала.

Я прыскаю от смеха.

– Да, ему, наверное, именно так и показалось...

– А как ты его скрутила? Я ведь тоже видел, что он был как будто привязан к креслу, но без веревки... А он говорит... как-то он забавно сказал... – Азамат морщит лоб, припоминая. – Что-то вроде «грязная сила» или «немытая»...

Я неприлично ржу.

– Он имел в виду, что его схватили демоны. Просто с перепугу забыл, как это на всеобщем называется.

– Ах вот оно что... Так как ты этого добила?

– Да это была не я. Помнишь того морского духа с Орла? Он, видно, тоже решил повоевать за Муданг и спрятался в бутылке с водой, из которой Кирилл хотел попить. Ну и вылез, схватил его. А Кирилл-то духа не видел, и никто другой тоже.

– Хм. – Азамат задумчиво улыбается. – Мне попадались упоминания в легендах, что морские духи могут мгновенно перемещаться из одной воды в другую, но я никогда бы не подумал, что это распространяется даже на космос. Однако приятно, что он тебя

запомнил. – Он с довольным видом косится на меня. – Так это я к чему, наш подопечный теперь бормочет, что его укусила бутылка, а потом его руки сами собой заломились за спину. Я подозреваю, что, даже если он и выдаст тебя, мало кто примет его всерьез.

– В таком раскладе действительно, – рассеянно киваю я. – Конечно, со мной захотят побеседовать, но это можно будет уладить.

– Отлично, тогда я могу спокойно сдать его Союзным войскам?

Я киваю, и Азамат тут же командует гарнитуре соединить его с каким-то неизвестным мне наемником и сообщает ему, что пленного можно отправлять по адресу, как и планировалось.

– Он не на нашем корабле? – спрашиваю я, когда Азамат заканчивает разговор.

– Нет, ты же сказала – чтобы больше его не видеть, – улыбается он. – Ну вот все улажено.

Мне становится несколько легче дышать. Хотя бы никаких уголовных последствий у моей выходки не будет. Остаются только сомнения и расстройство.

– Слушай, – говорю, – а где наш Старейшина?

– Он остался на планете, будет встречать нас в космопорту. Присутствие такого могущественного духовника, как он, часто вызывает сбои у сложной техники, поэтому в космос ему летать опасно. А зачем он тебе?

– Да так, – говорю, – поболтать хотела. Тебя вот не напрягло, что я с Кириллом сделала?

– Ну вообще, мне показалось, что это немного не в твоём стиле, – осторожно говорит Азамат. – Но у меня пока не было времени особенно об этом задумываться. А ты считаешь, что...

Но тут мы приходим к Эцагановой каюте, из которой только что вышел сам Эцаган, и разговор автоматически заканчивается.

– Классно выглядите, – усмехается Эцаган, окидывая меня взглядом.

– У тебя лишних штанов не найдется? – спрашиваю несчастным голосом.

– Сейчас поищем. – Он распахивает дверь и приглашает меня войти.

Находятся у него только легинсы, но и то хлеб. Правда, их приходится четыре раза подвернуть, зато они не съезжают. До посадки

доживу, и ладно. Только бы не разболеться совсем.

– А ты Арону позвонил? – спрашиваю Азамата. – Они же там меня ищут, наверное.

– Он сам позвонил, еще вчера, – задумчиво говорит Азамат. – Сразу как ты исчезла. И где ты столько времени...

– Капитан, земля! – настагает нас вопль из коридора.

Оказывается, мы уже садимся на Муданге, надо собираться и выходить.

На этот раз мы сели не на самом ветру, а между высокими скалами – более удобные для посадки открытые места уже все заняты наемничьими кораблями. Все радостно высыпают на воздух, машут руками, прыгают на месте и даже обнимаются, что муданжцам совершенно несвойственно. Я плетусь за Азаматом, к которому то и дело подбегают всякие люди с целью от души похлопать по спине. Его кожаная куртка скоро станет совсем мягкой в ключевых местах. Я не очень хорошо себя чувствую и не могу понять – это температура или тут просто так жарко? Солнце-то наяривает о-го-го.

– Лиза, ты как? – спрашивает Азамат, отвлекаясь от очередных поздравлений с успешно завершенной кампанией. – Тебе жарко, наверное...

– А сколько тут примерно градусов?

– Когда приземлялись, было двадцать пять.

– Ого, так это мне надо все обратно снимать... – Я уныло оглядываю огромное открытое плато, полное муданжских мужиков. – Хотя, боюсь, не оценят.

– Скорее даже слишком оценят, – хмыкает Азамат. – Донизу никак не потерпишь?

Я намереваюсь ответить, но вместо этого чуть не сажусь прямо на землю, Азамат едва успевает меня подхватить.

– Ты чего? Тебе так плохо?

– Да голова закружилась, – говорю, – ничего особенного. Помоги мне снять свитер, пожалуйста, а то я совсем сварюсь.

Конечно, заметив, что у нас что-то происходит, народ начинает скапливаться вокруг, интересоваться, не нужна ли помощь, и просто глазеть, как раздевают земную женщину. Я уже снова стою сама, хотя предпочла бы лежать, и предоставляю Азамату объяснять все за меня, потому что мне страшно лень шевелить губами.

– Ну ладно, ребят, не толпитесь, дайте уже нам спуститься, моей жене надо прилечь...

Ребята начинают было расступаться, когда кто-то – и вовсе не Азамат, который стоит рядом, – обхватывает меня сзади вокруг груди и поднимает. Я тут же забываю о всех болезнях, визжу, дергаюсь, пинаюсь, пытаюсь заехать нахалу в глаз, хватит с меня неожиданных ухажеров! Приходится извернуться, да и стоит он против солнца и, конечно, уворачивается, и тут я по запаху меда и дыма понимаю, что это Ирлик. Во всей красе – под три метра, пылающие красные узоры по смуглой коже, огненные патлы и тонна золота на шее.

– У йопт, – вежливо вскрикиваю я, – Ирлик! Ведь щас бы врезала по физиономии! Ну поставь меня на место уже! Понравилось таскать, что ли?!

Ирлик хохочет, демонстрируя всем желающим драгоценные зубы, и все-таки ставит меня на землю. Я отхожу на два шага в сторону Азамата, который переводит изумленный взгляд с меня на Ирлика и обратно. Народ вокруг отшатнулся на пару метров, но не убегает. Я замечаю бледного Алтонгирела с глазами овальными по вертикали и Старейшину Ажгдийдимидина с непроницаемым выражением лица, если не считать пульсирующей жилки на лбу.

– Да ла-адно тебе, шарахаешься как от неродного! – Ирлик разводит руками в звенящих браслетах. – Мы ведь с тобой огонь и воду, так сказать, и спали вместе...

Я чихаю от возмущения.

– Ирлик, шакал, хватит людям голову морочить! Я тебе тогда не дала и сейчас не дам, у меня муж есть! – Я демонстративно вцепляюсь в Азамата, который на меня смотрит со своей характерной удивленной улыбкой. Не знаю уж, что он имеет в виду, но мне становится неловко за обращение к Ирлику на «ты».

– Ишь какая злая, – обижается Ирлик и внезапно подмигивает Азамату. Потом снова обращается ко мне: – А я думал, спасибо мне скажешь, что подкинул тебе материала для резьбы по мясу.

– А я как раз хотела поинтересоваться, за каким шакалом надо было забрасывать меня к Кириллу, – сообщаю я несколько тише.

– На страх врагам, конечно! – радостно отвечает Ирлик и снова покатывается со смеху. – Ты бы видела их физиономии, когда... ой, не

могу, у меня чуть брюхо не треснуло! И всего-то понадобилось два слова заклятия, а какой эффект!

– Какого заклятия? – моргаю я.

– Ну как же, для подначки! А то ты по природе слишком уж разумная и миролюбивая, а мне так скучно! – Ирлик улыбается так широко, что становится непонятно, где кончаются зубы и начинаются ожерелья.

– Так это ты... – начинаю я, но возмущением все слова смывает. Кое-как совладав с собой, я корчу кривую рожу. – Отлично. Спасибо, что хоть сказал, а то бы я всю оставшуюся жизнь мучилась, что это меня переключило внезапно. – Я хочу еще что-то добавить, но снова оглушительно чихаю. – Вот и простудилась из-за тебя!

Ирлик на секунду перестает хохотать и всматривается в меня, прищурив густо накрашенные глаза. На его лице появляется и тут же исчезает кривая ухмылка понимания, после чего он одним плавным движением оказывается прямо передо мной в позе «лотос», прикладывает обе разрисованные когтистые ладони к моему животу и дует на них. Меня прошибает жаром.

– Что ты... – начинаю я, но он перебивает:

– Чада твои будут здоровые и прекрасные, как я. Что внутри, что грядущие.

Протараторив все это, он откидывается назад в приступе божественного хохота, выгибается, совершает умопомрачительный кульбит (и как в юбке не запутался, понять не могу!) и перекидывается маленьким алым мангустом, который, напоследок пошевелив подвижным носом, исчезает в расщелине скалы.

Я несколько прифигеваю от множественного числа и ошарашенно провожаю взглядом яркого зверька, когда вокруг меня начинается какое-то движение. Очнувшись и оглядевшись, я понимаю, что все мужики вокруг попадали на колени за исключением Старейшины, который сплел пальцы халой и беззвучно шевелит губами, и Азамата, который вцепился в меня, как клещ, и смотрит счастливо и обалдело.

Я осторожно прокашливаюсь – и чихаю.

– Можно уже встать, – говорю сиплым голосом, вытирая нос платком, который Азамат мне протянул. – Он ушел.

В ответ по коленопреклоненной толпе пробегает волна восклицаний:

- Белая богиня!
- Всеобщая мать!
- Владычица судеб! Вечная весна!

Я беспомощно поворачиваюсь к Азамату. Он обзирает происходящее, как мне кажется, с юмором. Во всяком случае, мне хочется надеяться, что он не начнет опять городить околесицу про мое божественное происхождение. Он переводит взгляд на меня, и уголки его губ слегка дергаются.

– Они встанут только в одном случае, – шепотом говорит он, подхватывает меня под мышки и сажает себе на плечо.

И правда, Алтонгирел тут же встает, а вслед за ним постепенно и остальные. Азамат, как мне кажется сверху, величественно относит меня до кабинки канатной дороги и сгружает внутрь. Остальные подтягиваются за нами к площадке, с которой надо грузиться в кабинки, и Алтонгирел проворно подсаживает к нам Старейшину, а затем забирается сам. Вчетвером мы и отъезжаем вниз над головами низкорослых сосенок.

Алтонгирел, все еще бледный, пялится на меня как на привидение, а на щеках горят красные пятна. Азамат довольно ухмыляется, но держит меня крепко, как будто боится, что я тоже сейчас превращусь в какую-нибудь зверюшку и ускачу в лес. Старейшина Ажгдийдимидин разглядывает меня не моргая, а потом внезапно открывает рот и хриплым, высоким, непривычным к использованию голосом произносит:

– Рассказывай.

И я выкладываю как на духу все с того момента, как увидела на склоне котенка, и до исчезновения Ирлика минуту назад. Все попытки не рассказывать то, чему присутствующие и так были свидетелями, проваливаются с треском, слова из меня так и прут. Некоторых я, кажется, и не знала до этого рассказа. Неудивительно, что наш духовник вынужден молчать, если в его голосе такая сила.

Когда я объясняю, как получилось, что оказалась на короткой ноге с Ирликом, Алтонгирела немного отпускает, да и Старейшина перестает смотреть на меня так напряженно. В конце он только задумчиво качает головой.

– М-да-а-а, – протягивает Алтонгирел, когда я наконец иссякаю. – А я уж чуть не решил, что ты и правда... – Он откашливается и

принимает независимый вид.

Азамат, который с интересом слушал мой рассказ, хитро улыбается.

– Хотите сказать, что такого поворота событий вы не предвидели? – спрашивает он у обоих духовников.

– Вот уж нет, – с душой выпаливает Алтонгирел, а потом осторожно косится на Ажгдийдимидина. Тот кивает, и Алтоша продолжает: – Мы знали, что участие Лизы необходимо для победы, но не знали, что именно она должна сделать. Потому и оставили Старейшину Унгуца, чтобы он за ней присмотрел и подтолкнул в нужный момент. Но Ирлик-хон и без нас взял свое.

– Ты думаешь, он заморозил котенка? – с интересом спрашивает Азамат.

Алтонгирел пожимает плечами, а Старейшина помахивает ладонью, дескать, почему бы и нет.

– Ну, – вставляю я, – он говорил, что не мог оттуда сняться никому. Думаете, ворожить все-таки мог?

Алтонгирел вопросительно оборачивается к Старейшине, тот неохотно извлекает из-за пазухи блокнот и черкает в нем: «В заклитиях богов часто бывают бреши и лазейки. Возможно, ворожить на котят он мог».

– Надеюсь, что с тем котенком ничего не случилось, а то я этому Ирлику... – заносчиво начинаю я, но Старейшина затыкает меня испепеляющим взглядом.

Азамат наконец отпускает меня и сладко потягивается.

– Эх-х, стар я становлюсь для таких приключений. Устаю сильно...

– Да ты перенервничал, – успокаивает его Алтонгирел. – Тебе как Арон вчера позвонил, что Лиза пропала, ты ж не в себе был все это время. Хотя я тебе и говорил, между прочим, что мы ожидали чего-то в таком духе.

– Арон вообще хорош, – фыркаю я. – Думать же надо. Мало ли что я пропала. Все равно понятно ведь, что раньше, чем война кончится, Азамат просто не сможет меня искать. Нет, вот надо человеку нервы трепать. Могли ведь и проиграть из-за этого.

– Да ладно, Лиза, не злись на него, – устало просит Азамат. – Он привык со всеми проблемами ко мне за советом бежать, а тут такое

дело...

– Ну ага, и за пятнадцать лет не отвык. Смотри у меня, я тебе не дам так ребенка воспитать, чтобы, чуть что, к папе!

– Да, кстати, – оживляется Алтонгирел. – Так вот что вы от меня так дружно скрывали. Можно узнать почему? – Он нацеливает убийственный взгляд на Азамата.

Тот пожимает плечами.

– Это я его попросила, – говорю.

– Не сомневаюсь, – едко отвечает Алтоша. – И что же такого тайного в беременности, что духовнику сказать нельзя? Стыдишься, что ли?

– Да пошел ты, – хихикаю я. – Просто ты и так нас все время доставал идиотскими советами, а я как представила, что будет, если ты узнаешь о беременности... В общем, попросила Азамата ради твоей безопасности помолчать, а то, знаешь, беременные женщины вспыльчивы, могла и покалечить ненароком... – Я многозначительно подмигиваю.

Старейшина Ажгдийдимидин давится смехом: видимо, смеяться ему тоже не положено, но очень хочется. Алтоша краснеет.

– Я ненадолго на Муданге, – сообщает он Азамату обвинительным тоном. – Прослежу, чтобы в праздники все хорошо прошло, и снова улечу с наемниками.

– Ты просто хочешь хорошо поесть и музыку послушать, – сонно отвечает Азамат. – А наемников тебе еще поискать придется, сейчас многие останутся, кто раньше летал, а кто и полетит, то не скоро.

– Посмотрел бы, на что у тебя жена похожа, – мстительно говорит Алтоша. – А вам сейчас перед Советом Старейшин представать.

– По-моему, присутствующий Старейшина ничего не имеет против моего вида, – парирую я.

Наш духовник слегка сдвигает брови и принимается выводить свой комментарий на листке блокнота: «Светские Старейшины, в отличие от меня, обращают внимание на то, во что одета женщина. Мы зайдем к моей сестре, у нее найдется на тебя платье».

– Спасибо, – киваю, прочитав. Интересно, какая у Старейшины сестра. – А у меня дома ничего не осталось разве? – спрашиваю Азамата. – Я хочу сказать, я дома переодеться не могу?

Азамат тяжело вздыхает.

– Мой дом сожгли тем же вечером. Хорошо, что Ирнчин успел выпустить коня.

– Ох, елки... – Меня пришибает новостью. – Как хорошо, что Арон все забрал... Слушай, я же не спросила, а много народу погибло?

– Я знаю о троих, – отвечает Азамат. – Один был у нас дома, но я не уверен, что ты его запомнила. Такой седой...

– Который глупости говорил?

– Хм, ну да, наверное.

– А остальные двое?

– А, то были не мои ребята, ты их не видела. Как у тебя-то там, на Доле? Я звонил Арону, пока ты спала, но не спросил.

– Да у меня должно быть все хорошо, – говорю. – Когда я попала к Ирлику, у меня там острых не оставалось, а с выздоравливающими, надеюсь, Орива справилась. Вы когда последний раз отправляли ко мне раненых?

Азамат прикидывает в уме.

– Еще раз после твоего исчезновения, там двое было. А больше серьезных ранений не было.

– Ну, я надеюсь, все обошлось. Потом позвоню Ориве...

– Так сколько из раненых выжило? – спрашивает Алтонгирел.

Я на него странно смотрю.

– Все. Все, кто до меня живым доехал, выжили.

Теперь на меня все трое странно смотрят.

– И Ирнчин? – осторожно спрашивает Азамат.

– Конечно! Он вообще меня вводил в курс дела, пока я его обрабатывала.

– И тот парень, которому обе ноги оторвало? – с отвращением уточняет Алтонгирел.

– Ну естественно! Только на будущее: ноги тоже надо было прислать, я бы пришила. А так придется ему протезы заказывать, ну да я уж постараюсь, чтобы он не заметил разницы.

– Владычица судеб! – Шепот Алтонгирела срывается на писк.

Азамат начинает хохотать.

– Ну так мы живем, ребята! – громогласно радуется он. – Вот это победа! Даже оплакивать почти некого! Ха-ха-а!

Старейшина с приятно удивленным выражением лица качает головой. Потом он хмурится и черкает мне: «Ирлик-хон теперь от тебя

не отстанет. Он любит людей, способных на невероятное».

– И что мне в связи с этим делать? – спрашиваю.

Старейшина пожимает плечами и отмахивается. Видимо, ничего не поделаешь.

Сестра Старейшины живет на самой окраине города, практически носом в горы. Она примерно его возраста, маленькая, тощая, такая же бело-седая и с таким же шнобелем. Алтонгирел объясняет ей проблему, я покорно смотрю в пол и всячески показываю, как мне неудобно обращаться к чужим людям за одеждой. Мне и правда страшно неудобно.

Женщина обменивается взглядами с братом и говорит:

– Ну на такой случай у меня ничего нет, сейчас у дочери посмотрю.

Упомянутая дочь лет двадцати оказывается моей фанаткой – краснея и запинаясь, просит пофотографировать меня в том платье, которое она мне даст. Я великодушно соглашаюсь. Насморк мой чуток отступил, по крайней мере не чихаю и температуры нет.

В итоге меня обряжают в простое голубое шелковое платье с разрезами по бокам чуть не от талии, а также в новенькие («только вчера купила, ни разу не надевала, что вы!») трусики, страдающие минимализмом. Сапоги я оставляю свои, хотя и с боем. Но ведь в Доме Старейшин все равно разуваться!

Мы с Азаматом долго благодарим щедрую старейшинскую родню и топаем в центр города. На радиальной улице нас догоняет кое-какой народ, спустившийся из космопорта, если так можно назвать плато в горах, где приземляются звездолеты. У моего платья есть существенный минус: пялятся все. Но и существенный плюс: в нем не жарко в раскаленной долине. Даже Азамат, при всей его теплоустойчивости, снял куртку и перекинул через плечо, так чтобы мою вышивку по-прежнему было видно.

– Однако лето близится, – с удовольствием констатирует он.

На площади перед Домом Старейшин толпа такая, что не протолкнуться. Алтонгирел принимается окликать собравшихся, чтобы дали дорогу воеводе, и постепенно все начинают расступаться. Азамат ждет, пока путь совсем расчистится, и берет меня под руку. Мы шагаем вперед, и тут справа от меня кто-то выкрикивает – я уверена, что это Тирбиш, хотя и не видела, кто кричал:

– Азамат – Император!

С противоположного конца раздается свист, Азамат усмехается, но теперь уже два голоса отчетливо повторяют:

– Азамат – Император!

– Танн! – поддерживают их голоса напротив, и пара десятков кулаков колотит воздух.

– Да вы шутите, – неуверенно бормочет Азамат.

Я идиотски хихикаю.

Тут в толпе слева кто-то принимается ритмично стучать в барабан – или бубен, я не разбираю. В такт этому стуку толпа начинает скандировать:

– А-за-мат – Им-пе-ратор! А-за-мат – Им-пе-ратор!!!

Я тяну его за руку, и мы наконец-то движемся к Дому Старейшин, а весь Совет высыпал на крыльцо и одобрительно кивает нам и толпе. Унгуц тоже там, а через мгновение по его левую руку вырастает Ажгдийдимидин, не знаю уж, как он провинутился вперед нас. Мы медленно подходим, и Азамат преклоняет колена перед крыльцом. Я, естественно, тоже. Скандирующая толпа порождает из себя камеры и принимается нас снимать со всех ракурсов, – правда, с моей стороны гораздо больше. Унгуц улыбается нам как родной дедушка и надевает на нас наши хомы. Старейшина-церемониймейстер прочищает горло и намеревается что-то сказать ликующей толпе, но скандировать никто не прекращает, и Ажгдийдимидин машет ему, дескать, брось, без толку. Тогда Старейшина Асундул нагибается к нам и, стараясь перекричать толпу, говорит:

– Народное голосование, как видите, требует тебя, Азамат, новым Императором сделать. Наши знания этому не противоречат, напротив, так в древних пророчествах сказано. Еще когда вас женили, мудрый Старейшина Унгуц старинный список пред наши взоры представил, в котором твое, Азамат Байч-Харах, правление предначертано. Так пусть же судьба свое возьмет! – С этими словами он принимает из рук другого Старейшины ларец и извлекает из него что-то вроде шапки Мономаха, только еще с высоченным золотым шпилем, на конце которого вертится, как флюгер, ромб, вписанный в круг. Эту-то конструкцию он и водружает на голову ошарашенному Азамату.

Толпа взрывается победным кличем, как будто стреляют по барабанам: «ТРААААРРРНННННННН!!!!!» – потом свист и вопли

радости, кто-то успел сбегать за инструментами, теперь дуют в рога и стучат в бубны, а трое здоровенных мужиков приволокли огромную трубу, метров десять длиной, и четвертый – я его узнаю, это торговец кожаными изделиями – как дунул в эту штуковину, так горы задрожали! Я вцепляюсь в Азамата, чтобы звуком не снесло, а он в меня, чтобы удостоверится, что не спит. Глаза у него широко раскрытые, неверящие, губы дрожат, но улыбается, оборачивается к беснующейся толпе и машет рукой.

Глава 24

Не успеваем мы очухаться от неожиданно привалившего счастья, как доблестные воины сменяют военно-разрушительную деятельность на организующе-созидательную, и вот уже земля перед Домом Старейшин покрывается клеенками и войлоком, а сверху скатертями и подушками, и все это увенчивается едой – у кого что нашлось – и бутылками в гораздо больших количествах.

Азаматова команда собирается вокруг нас, сверкая счастливыми хулиганскими улыбками.

– Да будет ваше правление таким же чудесным, как его начало! – весело восклицает Эцаган и немного дурашливо кланяется.

– Спасибо, – растерянно отвечает Азамат, все еще абсолютно обескураженный. – Я вообще не понимаю, как такое могло...

Тирбиш и Эндан переглядываются и хихикают, Эцаган подмигивает мне.

– А так все и должно было быть, – убежденно сообщает Дорчжи. – Лучший капитан, хороший Император.

Кто бы мог подумать, что я стану жертвой политического заговора.

К нам подковыливает Унгуц и почтительно кивает Азамату. Тот кивает в ответ, и старик неожиданно заключает его в пылкие объятия.

– Молодец, мальчик! – горячо говорит Старейшина. – Вот это, я понимаю, жизнь. Я всегда знал, что из тебя выйдет толк!

Азамат часто моргает и принимается сбивчиво оправдываться, ребята пляшут на него с идиотскими улыбками, смущая еще больше. Я трогаю Тирбиша за плечо.

– Спасибо, – говорю негромко.

Он оборачивается и потешно кланяется, прижав руки к груди. Я смеюсь и глажу его по голове. Эцаган хмыкает и тоже кланяется, и его

я тоже треплю по кудрявой макушке.

– Белая госпожа раздает благодать? – с усмешкой интересуется Онхновч.

Я неопределенно повожу руками; ко мне выстраивается очередь. Меня не покидает ощущение, что я их обманываю, а с другой стороны, отказать совершенно невозможно. Да и потом, если уж эти люди выбрали Азамата над собой правителем, то и меня в расчет приняли, надо думать. Это, наверное, дает мне право совершать над ними какие-то псевдосакральные действия... Как Азамат меня учил – обряду нельзя следовать слепо, надо постараться поверить, что он сработает. Вот я сейчас и постараюсь от души пожелать каждому воину здоровья, долголетия и трезвости ума.

Вообще, я, конечно, ошарашена развитием событий, но, в отличие от Азамата, не могу сказать, что я совсем не ожидала такого поворота. То есть именно императорства не ожидала, но в принципе была уверена, что его как-то отметят, наградят или хотя бы просто станут больше уважать. А они, значит, решили, раз он хороший руководитель, так надо его и впредь в этом качестве использовать... Хотелось бы еще знать, какие, собственно, функции у муданжского Императора.

Стоило Азамату оправиться от поздравлений Унгуца, как на него налетает Алтонгирел, и тоже с объятиями. Вот уж не ожидала, что он на это раскачается, да еще и прилюдно. А после этого народ, видимо, решает, что все можно, раз уж Старейшина и духовник не побрезговали, и надо пользоваться шансом пощупать Императора, а то когда еще такой представится... В общем, Азамат получает годовую дозу тактильных контактов за какие-нибудь пятнадцать минут.

Тем временем обстановка вокруг дополняется мангалами и жаровнями, на которых аппетитно шкварчат и дымят гигантские бараны, сурки и лебеди. Подъезжают машины с фруктами и горячими лепешками, народ начинает рассаживаться, и вот уже тут и там слышны тосты за здоровье Императора и продолжительность его рода. Наемники успели раструбить на всю столицу про явление Ирлика народу и его благословение, но, вопреки ожиданиям, обсуждают даже не столько это, сколько сам факт, что у Императора уже намечается наследник. Каждый, кто впервые слышит эту новость, облегченно вздыхает. Н-да, Ийзих-хон была бы очень недовольна таким разглашением сакрального знания. Кстати...

– Азамат! – зову. – Ты не хочешь кое-кому позвонить, новости рассказать?

– Ох, я даже не знаю, как об этом говорить. – Он разводит руками. – Мне кажется, ни ма, ни Арон не поверят. Конечно, позвонить все равно надо...

Но тут его настигают Экдал и еще один наемничий капитан постарше, и Азамат снова временно теряет связь с реальностью. Я решаю все-таки обзвонить родственников, отбираю у мужа телефон и отхожу в сторонку, за угол.

Матушка подходит к телефону очень не сразу.

– Ой, Лиза, я вот только-только с рыбалки вернулась, едва вошла... Что у вас там стряслось? Шум какой-то...

– Вы, – говорю, – имигчи-хон, сядьте поудобнее. Так вот Азамата выбрали Императором.

На том конце раздается вдох с подвывом.

– Ой ты боги милосердные... Да как же он... А вдруг не справится?

– Кто – не справится? Азамат? Когда это он не справлялся?

– Тоже верно, – несколько повеселев, соглашается матушка. – Но так это у него теперь вообще роздыху не будет от дел. Ой, а я ему тут сорочек нашила, а на кой они ему, обычные? Ему теперь только с золотом да самоцветами пристало носить...

– Да вы не спешите, – говорю. – Во-первых, найдет он время. Двести лет как-то без Императора жили, так уж пару дней перебьются. Во-вторых, сорочкам вашим он все равно будет рад, даже если его вот прямо сейчас золотом засыпят. В-третьих, его еще не так просто заставить драгоценности носить.

– Твоя правда, – бормочет в трубку Ийзих-хон. – Твоя правда... Он у меня такой, да... О-ох, – она облегченно вздыхает, – ну раз так, то хорошо. Наконец-то оценили его по достоинству.

– Вот именно, – поддакиваю. – Вы-то как, имигчи-хон? У вас все в порядке?

– Да у меня-то что может случиться? – удивляется старушка.

– Ну как, джингоши всякие, война и прочее...

– А что, неужто опять эти твари черные взбесились?! – охает она.

– Ну так, – говорю, – с чего Азамата-то повысили, думаете? Он их с планеты выгнал, к шакалам.

– Да ты что! Вон оно как... А мы тут сидим, ни сном ни духом... Вот соседский парниша в телефоне по сетке смотрит новости иногда, так он говорил, что вроде как очередная стычка была там, к востоку, да мы как-то и не задумались. Мало ли чего эти шакалы там устроили. А оно вон как... Ой, Лиза, ну ты мне вестей принесла – воз. Сейчас улов разберу и пойду соседям рассказывать, это ж теперь на пару лет поговорить хватит!

На этой оптимистической ноте мы заканчиваем разговор. Я уже начинаю искать в телефонной книжке Арона, но тут мне звонит Сашка.

– Лизка! Слушай, тут разведка донесла, будто Байч-Харах стал Императором Муданга! Это че ваще?

– Чистая правда, – говорю. – Мы сами еще обтекаем, это было минут двадцать назад, кто уж успел...

– Погоди-погоди, Лиза, а ну-ка давай по порядку. Это сегодня случилось?

– Ну да, вот только что.

– Ага... – Сашка стучит по клавишам. – Сегодня, двадцать первого мая, в... э-э... говоришь, двадцать минут назад?

– Ну, может, тридцать, я щас ваще во времени не ориентируюсь.

– Ладно, пусть будет примерно в полдень по земному времени. Так, дальше. Азамат Байч-Харах, известный наемник и участник двух джингошских кампаний...

– Трех.

– Что?

– Трех джингошских кампаний.

– Их всего две было...

– Третья только что кончилась.

– М-мать, Лизка, да что у вас там? Почему у нас никто ничего не знает про третью кампанию?

– Потому, что она имела место на Муданге и в его космическом пространстве.

– Но у тебя-то все хорошо?

– Да. Вот видишь, мужа повысили.

– Опупеть. Ладно, дальше. Был назначен Императором?

– Нет, избран. Народным собранием. И одобрен Советом Старейшин. И не забудь упомянуть, что кампания завершилась

успешно для Муданга: мы отвоевали независимость от Джингошской империи. По прикидкам, трое погибших и с полсотни раненых. Еще вопросы есть?

Сашка некоторое время молча обалдевает.

– Трое? С полсотни? Этот твой Азамат, он че, мертвых поднимать умеет?

– Вряд ли ЗС оценит, если ты так напишешь, но можешь рискнуть, – усмехаюсь я. – Кстати о мертвых. Ты в курсе про Кирилла?

– Не-ет, а что?

– Он жив.

– Лизка... Это я попал в фильм про зомби или у тебя бред?

– Ты скоро сможешь с ним встретиться, – весело продолжаю я. – Он оказался джингошским шпионом, инсценировал свою смерть и чуть нас всех не угрохал вчера.

– Гонишь, – отвечает Сашка тоном «ну дальше что было?!».

– Мы с ним пообщались... На нем это сказалось необратимо. Он будет, скорее всего, пытаться меня обвинить в членовредительстве, но у него немного крыша поехала от стыда за свое поведение...

Сашка, как всегда, мгновенно схватывает мои намеки.

– Да ты врач по призванию и мухи не обидишь, наверняка свои же джингоши ему и... членонавредили. Тем более ты теперь императрица, у тебя неприкосновенность. Погоди-ка... – Он снова стучит по клавишам. – Я видел сегодня в сетке приказов что-то про захваченного шпиона... ага, вот «Было велено выслать экипаж на перехват шпиона у муданжцев». Так это он, значит? С ума сойти. Ну ты в порядке или в шоке?

– Что-то среднее, тут просто куча событий, да еще работы было море. Главное, что семью этот засранец мне не разрушил, а остальное образуется.

– Ну и слава богу, – вздыхает Сашка.

Я хихикаю.

– Маме-то что сказать?

– Я ей сама позвоню.

– А, ладно, тогда я побегу начальству новости доложу.

– Погоди, ты как меня отрекомендуешь?

– Ну как, так и скажу, моя сестра, императрица Муданга, че?

– Вот не надо. Ты насчет сестры помолчи пока, а то с этой историей с заложниками, да и с этим Кириллом... Пусть сначала подтвердят неприкосновенность, а потом уж представлюсь. Да и насчет императрицы я не уверена...

– То есть как?

– А так. Это Муданг, детка. Скажи лучше «жена Императора». И учти, что по правилам перевода с муданжского на всеобщий слово «император» должно писаться с большой буквы, этому нас еще на курсах учили!

– Хорошо-хорошо! – быстро соглашается Сашка и бежит подлизываться к начальству.

Я звоню маме.

– Лизка, я тут в саду, по локоть в грязи, чего тебе опять срочно прислать надо?! – Родительница явно не в духе.

– Ничего, – говорю. – Просто звоню сказать, что Азамата выбрали Императором.

Мне уже надоела эта фраза, но переделать никак не получается.

– Ого, – спокойно говорит мама и задумывается. – Так это вы теперь ваще не приедете, похоже. Вот вечно этих мужиков куда-то тянет на подвиги... Нет бы о семье подумать!

Я ржу, пока мама перечисляет недостатки мужского пола. Наконец мне надоела это слушать.

– Он не нарочно, – говорю. – И пока не сообщай бабушке, а то она будет мне названивать и требовать, чтобы я тут немедленно открывала школы и университеты и переводила письменность на латиницу, знаю я ее.

– Да она и так уже мне все уши прожужжала, чтобы я на тебя повлияла, чтобы ты организовала на Муданг этнографические экспедиции, пока они не весь свой фольклор порастеряли. Ты ей там запиши хоть былины какие-нибудь, а то ведь не отстанет...

Я клятвенно обещаю выслать подборку местного фольклора и возвращаюсь в реальность.

Стоящий неподалеку народ смотрит на меня озадаченно, я же говорю на родном языке уже не знаю сколько времени. Ладно, надо еще позвонить Арону, а потом можно будет расслабиться.

– Хотон-хон! – радостно восклицает Арон, едва взяв трубку.

– Че? – моргаю я.

– Ну как же, вы теперь Хотон-хон! А Азамат – Ахмад-хон!

– А-а, так ты уже знаешь?

– Конечно! Алтонгирел мне сразу после церемонии написал, а сейчас уже вся Сеть завалена снимками, человек пять успели вас пощелкать!

– В смысле – успели? – снова не понимаю я.

– Ну как же, теперь-то нельзя, вы же теперь не просто так люди.

– То есть как, мне теперь Азамата фоткать нельзя?

Арон задумывается.

– Ну, вам-то, может, и можно. Но простым людям точно нельзя. Вы об этом лучше Старейшин спросите.

– Ладно, – говорю. – У тебя-то как дела? Как там мои печальные?

– Да у нас тут все хорошо. Задира без вас справилась, я ей даже помог немного, хотя я в этом, как говорится, уха от копыта не отличаю. Вот с отцом плохо, Хотон-хон, – добавляет Арон, резко погрузнев. – Он ведь тоже воевал, и его ранили. Я сейчас к нему собирался лететь прощаться.

– Погоди-погоди... Когда он успел повоевать-то? На планете военные действия шли дней пять, да он и живет ведь совсем в другом месте...

– Так джингоши вызнали, кому вы родственница, – уныло сообщает Арон. – Меня и мать не нашли, а на отца напали. Им-то плевать, отрекся он там или как. Отряд, правда, послали небольшой, да всех их и перерезали, отец ведь хоть и не Старейшина, но очень уважаемый человек, за него любой...

– А ты-то откуда об этом знаешь?

– Да мне сосед его птичку прислал, вот и унгуц за мной отправил, он меня знает, я ведь к отцу езжу иногда, особенно...

– А какие у него травмы?

– Да почему же мне знать, Хотон-хон?

Из-за угла Дома Старейшин раздаётся скандирование чего-то вроде «пей до дна!» – из-за этого я почти перестаю слышать Арона.

– А где он живет точно, можешь координаты прислать? Сейчас, прямо сейчас! – ору я в трубку.

Не знаю уж, что он там ответил, но через минуту приходит сообщение с координатами для навигации на унгуце. В этот же момент из-за угла появляется Азамат. Шапку свою он держит в руках,

бережно, как кошку, сам осоловелый, но счастливый, вблизи попахивает хримгой.

– Лиза! Я тебя потерял. Куда ты запропастилась?

– Звонила всем родственникам, – говорю. – Азаматик, я тебя поздравляю, – привстаю на цыпочки и притягиваю его к себе за косу, чтобы поцеловать, – но мне пока рано праздновать.

– Есть еще раненые? – огорчается он. – Тебе организовать транспорт?

– Да, и хорошо бы с водителем.

– Может быть, мне с тобой слетать? Я, правда, выпил...

– Нет, ты давай празднуй, ты заслужил. Тебе все передают поздравления, и моя мама, и твоя, и Сашка, и Арон.

На самом деле никто ничего не передавал, но это ведь и без слов очевидно, правда? А вот про папашу ему пока лучше не знать...

Тем временем празднующие принялись петь торжественные марши под аккомпанемент уже знакомых мне причудливых инструментов. Мы просачиваемся между двумя компаниями, дерущими глотки примерно на таком тексте:

Долго длились поколенья,

Мир с собою воевал —

День дланью приминал

Миллионы жизней.

Танн!

Дряхлый, старый, сумасшедший,

Седым, уродливым стал гольп —

Должен был по предсказаниям

Скоро уступить иному.

Танн!

Жизнь катит в гору!

Танн!

Желтого шакала гольп

Почернел углем пожарищ,

Ждал черный император

Покорения Муданга!

Танн!

На-кась выкуси!

Красной молнией

Полдень пал.
Конницы слыша топот,
Красным день стал.
Красной степью черный джингош
Как побитый пес убегает.
Танн!
Жарким пламенем
Полдень пал.
Жизнь, как стекло, дробя,
Жарче бой стал.
Жалкий черный бандит джингош,
Жизнь спасая, в степь убегает.
Танн!

Несмотря на принятую дозу хримги, Азамат проворно договаривается с каким-то трезвенником насчет унгуца, отдает мне свой свитер и жареного сурка с термосом чая, после чего я грузюсь в неторопливого вида унгуц и улетаю на северо-запад. Уже с воздуха звоню Ориве, проверяю, действительно ли в моей импровизированной больнице все живы, и наказываю ей собрать Арону чемоданчик-аптечку, а то мой, боюсь, так и остался на джингошском корабле.

Я очень благодарна пилоту, который невозмутимо ведет унгуц, не обращая внимания на белобрысую земную женщину, час назад ставшую Хотон-хон (что бы это ни значило), в голубом шелковом платье и буром мужском свитере, свирепо уплетающую жареного сурка.

Арават живет на окраине Худула, где в могучую реку Рулмирн впадает небольшой приток. На востоке, за горами, дымно, а когда мы поднимаемся повыше, проглядывают черные, выгоревшие проплешины – там, куда пришелся джингошский удар. Пилот, тоже заметивший пожарище, цокает языком.

– М-да-а, леса пожгли о-го-го... Вдоль всего Сиримирна такие язвы. Хорошо, хоть снег еще лежит, по лесу не пошло... Так мало того, в северных горах где-то вулкан извергся, там тоже лес погорел. А еще, говорят, за Сирием круг какой-то нашли, в снегу протопленный, и все кровью залито. Не знаем даже, кого там убили, наших или чужих. Вы уж, Хотон-хон, мужу передайте, чтобы разобрался, а то ведь жуть...

Я киваю, не отрываясь от сурка. Вот значит, где мы были.

Мы садимся прямо посреди городской улицы, распугивая детей, гусей и собак. Стоит открыть крышку кабины, как мир взрывается звуками – лай, кудахтанье и бляенье, визги-писки, стуки-лязги, женское причитание, мужские окрики через улицу. Как только я, сверкая ляжками, выбираюсь из унгуца, подбегает Арон, успевший долететь первым.

– Хотон-хон! – голосит он на весь город, по-моему. Шума становится в два раза меньше: все люди замолкают и оборачиваются. – Я все привез, как вы велели!

– Спасибо, родной, – говорю, одергивая свитер. – Может, в дом пойдем?

Дом у Аравата тоже стоит в саду, как наш сгоревший стоял, но зато он просто огромный. Четыре этажа, насколько я могу видеть, еще и внизу какие-то пристройки лепестками, чем-то похоже на мечеть. Саманные стены украшены цепочками геометрических орнаментов, образующими контуры гигантских цветов, в середине которых голубеют окна. Дверь распахивается нам навстречу крылом бабочки. Понятно, откуда у Азамата инженерные таланты.

Безмолвный молодой слуга проводит нас в покои хозяина дома – огромную светлую комнату со сводчатым потолком. У открытого окна белеет постель, а в ней борода.

Арон вносит вслед за мной обещанный чемоданчик и, пятясь, удаляется из комнаты. Я подхожу к пациенту.

– На что жалуемся? – спрашиваю как можно более безразлично.

Он смотрит в окно. Если бы я не знала, что передо мной Арават, то вряд ли узнала бы. Он бледный, лицо вытянулось, белые волосы всклокочены и расползлись по подушке, белая рубашка, белое одеяло... короче, впору в гроб класть. Он, видимо, и сам так считает.

– Все-таки пришла? – спрашивает через силу. Судя по характерной невнятности речи и спекшимся губам, у него обезвоживание.

– Что именно с вами случилось?

Он издает хрип, притворяющийся смехом.

– А говорила, недостоин...

Я трогаю его лоб – горячий, как печка.

– Вы ранены? – продолжаю допытываться.

– Тебя Азамат прислал? – спрашивает. – Я его не звал прощаться.

– Никто меня не присылал, – говорю. – Вы мне скажете, в чем проблема, или нет?!

– Скажи ему, если хочет просить, чтобы я смилостивилась...

Я рывком откидываю с него одеяло, чтобы выяснить уже, куда его ранили, но он внезапно меня отталкивает, да так сильно, что мне приходится сделать два шага назад, чтобы удержаться на ногах. Ладно, не хочешь по-хорошему, будем по-плохому.

Выхожу на просторное крыльцо. Там сидит Арон с каким-то мужиком, вероятно соседом. Вокруг скопилась небольшая толпа.

– Он не в себе и отказывается говорить, – сообщаю я. – Кто-нибудь может мне объяснить, что именно с ним случилось?

Мужик на ступеньках, заметив меня, встает.

– Так джингоши напали, – разводит руками он. – Побили его... Он их, конечно, тоже побил. Трех убил один, потом мы подросли и...

– Куда именно его били? В какое место больше всего?

Мужик теряется.

– Ну... вот сюда... и сюда... везде помаленьку, а как же...

– Ясно, – вздыхаю. – А что, здесь вообще целителя нет?

– Есть, – отвечает сосед. – Но Арават не пожелал обращаться.

Я только кривлюсь. Пару секунд оглядываю толпу, размышляя, не позвать ли троих-четверых мужиков поддержать этого героя, пока я буду его осматривать. Но боюсь, как бы они не приняли его сторону. Возвращаюсь в спальню. Арават зыркает на меня из-под натянутого до самых глаз одеяла. Я поворачиваюсь к нему спиной и заряжаю шприц снотворным. Будем как с Алтошей в старые добрые времена...

Я успеваю впрыснуть полшприца, когда он, резко махнув рукой, ломает иголку и сбивает меня с ног. Вот ведь реакция! Но ничего, все равно подействует. Вот уже и заснул, пока я поднималась. Теперь мне наконец удастся его распеленать и просканировать.

При осмотре и анализах обнаруживается, что у него сломано два ребра и отбиты почки, да еще по мелочи синяки и ссадины по всему телу. А в почках, как водится, камни. И то сказать, деду-то под сто тридцать, если по Земле считать. Одна почка уже сдулась, а вот вторую еще можно спасти...

К счастью, среди прочего оборудования я велела Ориве отправить гемодиализатор. Я, правда, не думала, что придется его подсаживать, но раз уж пришлось, то хорошо, что не надо его дожидаться. Этот

приборчик больше всего напоминает чайную чашечку из бабушкиного сервиза, только прозрачный и силиконовый. Его можно использовать как внешний аппарат, временно, а можно имплантировать в качестве искусственной почки, и пускай себе фурычит, только раз в год фильтр менять. Ну или, если оставшаяся почка нормально заработает после операции, искусственную можно будет вынуть. Продают их, естественно, стерильными и в герметичной упаковке, как все искусственные органы. Хорошо, что я их тогда на Гарнете закупила вместе с сердцами и печенями.

Я закрываю дверь и вставляюсь в стерильный костюм.

Операция длится шесть часов. Ирлик, пошли мне в ближайшее время какой-нибудь быстрой работы, чтобы не больше получаса над пациентом нависать, а? Еще эти чертовы люди, которым всем надо обязательно вломиться в операционную... Правда, после первого же визита я крикнула Арону, чтобы никого не впускал, если только хочет еще хоть раз увидеть отца живым, и он встал в дверях намертво. Но я все равно слышала, как какие-то люди пытаются сквозь него пройти, и меня это жутко раздражало, отчего работа не становилась ни легче, ни быстрее. И все-таки я справилась. Хотя пациент, наверное, предпочел бы, чтобы я облажалась, а потом до конца жизни мучилась угрызениями совести. Ну уж нет, дедуля, угрызения совести будут по твоей части.

Я собираюсь открыть дверь, чтобы выпасть в коридор с победным воплем «Все-о-о-о!», когда замечаю справа, у самой двери, полку, на которой аккуратно, с математической точностью расставлены деревянные статуэтки. В том числе те, которые я вернула. Я так привыкла видеть их за стеклом серванта в большой комнате, что автоматически зацепилась взглядом за знакомое, не совсем еще понимая, что это.

Я выхожу из комнаты в куда менее приподнятом настроении.

– Жить будет, – мрачно сообщаю Арону и троиим посетителям. – Пришлите кого-нибудь выкинуть мусор и поменять белье.

Потом мы с Ароном ужинаем в огромной, гулкой столовой. Арон очень рад, что отец поправится, а мне вот довольно тоскливо, и он учтиво сдерживает свою радость, чтобы меня не раздражать, но у него не всегда получается. Потом я пишу инструкцию по обращению с больным и вручаю ее и пакет с лекарствами соседу, который

единственный может уговорить Аравата принимать таблетки. Потом я категорически ложусь спать, наказав всем заинтересованным лицам разбудить меня, если в состоянии пациента наметятся изменения.

Будят меня раньше, чем я бы предпочла. Арават проснулся слегка за полночь и, не обнаружив давешних симптомов, немедленно попытался встать. Двое парней, дежуривших у постели, еле смогли уложить его обратно без членовредительства.

По темному дому я иду вслед за соседом на шум.

– Я здоров! – рычит Арават. – Нечего меня тут больше держать, я здоров! Я чудесно исцелился!

Сосед входит в комнату, придерживая мне дверь.

– У нас все чудеса известно какого происхождения. – Он кивает на меня, сонную, в мятом платье.

– Добрый вечер, – говорю не приветливо. – Как самочувствие?

– Ты, шакаля девка, меня усыпила против воли! – возмущается Арават и снова порывается встать. – Да пустите меня уже, я здоров!

– Ты здоров, пока лежишь, – зеваю. – А как встанешь, тут-то почка и отвалится. Вот полюбуйся, какие из тебя булыжники сыплются. – Я достаю из кармана свитера пакет с мелкими круглыми камнями, которые вымыла и забрала, чтобы Ориве показать.

Освещение в комнате тусклое, включена только одна лампа из четырех под потолком, да еще ночник, но я отчетливо вижу, что Арават краснеет. Он сопит, раздувая ноздри, и прожигает взглядом сначала меня, а потом и всех остальных.

– Ну мы выйдем, наверное, – неуверенно предлагает сосед, и все трое быстро выметаются за дверь.

Мне резко становится неудобно. Не потому, конечно, что я боюсь Аравата, а потому, что не знаю, как с ним себя вести. Он вызывает во мне сильнейшую неприязнь, но я не могу твердо сказать, оттого ли это, как он поступил с Азаматом, или оттого, как я сама при первой встрече закатила ему прилюдную истерику. То есть, конечно, и то и другое, но не знаю, что больше. И потом, если бы дело было только в его вине, то я могла бы великодушно пренебречь своими эмоциями на то время, что он мой пациент. Но вот когда сверху накладывается еще и собственный стыд, то уже не получается никуда от этого деться. Но не просить же у него, в конце концов, прощения, хоть и для собственного спокойствия, а не для его!

– Тебе мало было меня один раз на всю столицу ославить, – начинает он, как будто прочитав мои мысли. – Теперь еще всем в городе раструдишь о моих болячках?!

– Если это единственный способ заставить тебя долечиться, то да, – огрызаюсь я.

– Тебе-то до меня какое дело, женщина? – ворчит он, правда немного поумерив ярость. – У тебя передо мной долгов не было.

– А я не для себя стараюсь, – говорю.

– Он все-таки тебя прислал, – щурится Арават.

– Да ну что ты, – протягиваю я. – Он и не знает, что ты болен. Ему сейчас вообще не до того, ты же понимаешь, не успел он войну выиграть, как на него это императорство свалили, теперь ни отдохнуть, ни уехать, уж не знаю, что будет, когда ребенок родится... – сетую я, изо всех сил копируя тон, каким клубные кумушки жалуются на мужей.

Арават вцепляется в спинку кровати и подтягивается на руках в сидячее положение, не сводя с меня расширенных глаз. Какой же он все-таки высоченный, это ж страх.

– Какое императорство? – хрипло переспрашивает он.

– Ну как – какое, – моргаю. – Ты тут совсем забурел, я смотрю. Новости хоть почитай на досуге, пока валяться будешь. И не пытайся больше встать, пожалуйста, а то придется тебя привязать к кровати.

Он съезжает обратно в горизонталь, все еще буравя меня взглядом. Эмоция в нем чувствуется очень сильная, только не могу понять какая.

– Спокойной ночи, – говорю, гашу свет и выхожу из комнаты.

На кухне – это то самое гигантское помещение, где нас кормили, – сидят сосед, двое парней-сиделок, пилот и Арон и пьют кофе.

– Ну как он? Вы ему объяснили? – набрасываются на меня с вопросами.

– Объяснила, а еще я ему намекнула на последние новости, так что у него теперь есть стимул пожить подольше, – усмехаюсь я.

Арон отводит взгляд и качает головой.

– Не думаю, что он простит Азамата.

– Я тоже не думаю, – с фальшивой жизнерадостностью соглашаюсь я. – Но я думаю, если он очень постарается, то Азамат простит его.

Мужики гогочут.

– Мне тут Азамат звонил, – говорит Арон, наливая мне кофе. – Сказал, что вы забрали его телефон, а теперь не берете трубку. Я ему сказал, что у вас идет операция, но он очень просил позвонить потом, на номер Алтонгирела.

– Ну щас. – Я принимаюсь шарить по карманам свитера. Он отяжелел и обвис от напиханных в него вещей. Ага, вот и телефон.

– Азаматик, котик, что там такое? – воркую в трубку, прихлебывая кофе.

– А, Лиза! Я просто узнать, долго ли ты там пробудешь? А то я уже соскучился! – Тон у него радостный, а язык немного заплетается. – Тут так весело, мне ужасно жаль, что ты пропускаешь! И люди интересуются, куда ты делась, всем же любопытно посмотреть...

На заднем плане там музыка, смех, треск костров. Мне резко хочется прочь из этого тоскливого дома, туда, к мужу и к веселью.

– Ну вообще-то я тут закончила, – говорю. – Так что если кто-нибудь меня отвезет, то я могла бы и прямо сейчас вылететь.

– Отвезу, отвезу! – встречает мой пилот. Выглядит он вроде не очень сонным.

– Ну вот – говорю в трубку, – доброволец есть. Так что жди.

Азамат издает победный клич и принимается заверять меня в своей вечной любви. Я хихикаю и, кажется, краснею. Наконец он меня отпускает, пообещав ждать с нетерпением. Мои компаньоны за столом отворачиваются и делают вид, что ничего не расслышали.

Я быстро собираю немногочисленные пожитки, еще раз инструктирую домочадцев насчет Аравата, и мы с Ароном грузимся в унгуц. Арон заводит волынку насчет того, что не надо было мне при всех обсуждать болезнь Аравата, тем более камни в почках – это так стыдно, так стыдно... Минуты через три я бесстыже отрубаясь у Арона на плече, восприняв его бубнеж как колыбельную.

Мы прилетаем уже на рассвете. Некоторое время кружим над городом, но потом все-таки садимся на окраине, потому что все улицы застелены скатертями и засижены горожанами, празднующими победу. Видимо, к этому времени здесь собрались не только столичные жители и воины, но и мирное население всего остального континента, кому транспорт позволил. Я иду по улицам, лавируя среди людей и еды, в дыму от костров и жаровен, затиснутая между Ароном и пилотом,

потому что мое появление вызывает у празднующих столь бурную радость, что мне как-то не по себе. Наконец мы добредаем до моста с Домом Старейшин, где сидит Азамат в окружении ближайших соратников, рядом на крылечке расположились Старейшины, а напротив них большой оркестр, наяривающий победительные марши. На левом берегу у моста пестрая компания молодежи обоего пола отплясывает, подпевая:

Темной ночью шум клубится,
Тихо Тажилмирн течет.

Танн!

Теплой ночью танцы водят —
То у нас праздник на дворе!

Танн!

Светлой ночью шум растекся,
Сонно Сиримирн струится.

Танн!

Слышно песни, свист и пляски,
Смех у нас всю ночь звенит!

Танн!

Азамат вскакивает, едва заметив меня, обнимает, подхватывает и крутит под бурное ликование окружающих. Потом наконец усаживает меня на подушки, услужливо освобожденные Убуржгуном и Энданом.

— Ну как, у тебя все успешно? — спрашивает Азамат, прижимая меня к своему горячему боку.

— Ага, — киваю. — Теперь корми меня и развлекай. А то там были такие кислые рожи, что и еда вся прокисла.

Азамат хохочет.

— Ну этого добра у нас хватает! Ребят...

Но мне уже несут всяких разносолов, а оркестр заводит новую плясовую.

— Чего-то у них песни не в рифму, — хихикаю.

— А это очень старые песни, — объясняет Азамат. — Они рифмуются началом строчки, а не концом. Новые-то уже все перепели, пока тебя не было. Ну да ничего, завтра заново начнут.

— А завтра опять праздновать будут? — спрашиваю, откусывая какого-то мяса.

Но Азамат отвлекся, потому что к нам пробился Арон и кинулся поздравлять брата. К тому же оказалось, что то, что я откусила, представляет собой почти чистый перец, так что я слегка давлюсь и слезы из глаз брызжут.

– Э, ребят, кто Хотон-хон дал красной сажи?! – возмущается Онхновч. – Это ж не женская еда!

– Ой, извините... – доносится откуда-то у него из-за плеча.

Мне передают кувшин с водой. Правда, к тому времени как он меня достигает, я уже немного отошла от первого шока и распробовала адское блюдо. Перец, конечно, зверский, но, черт, вкусно!

– Ничего, – говорю, придвигая поближе лоханку с кроваво-красными колбасками. – Пойдет.

Народ принимается улюлюкать и аплодировать, заключать пари, сколько колбасок я осилю. Азамат крадет у меня колбаску и наливает в маленькую пиалу чего-то из бутылки.

– Ваще-то мне лучше... – начинаю я, но он перебивает:

– Не отказывайся, это особое вино для беременных, у нас все его пьют, и повитухи прямо рекомендуют, оно очень полезное! Хоть пиалушку выпей, а то красную сажу без вина вообще есть нельзя!

Ну ладно, немножко можно.

Беременное вино оказывается шипучим, сладким и вообще без признаков алкоголя, хотя настроение мое существенно улучшается. В мою честь произносят тосты, Азамат держит меня за плечи – или держится за меня, он-то выпил прилично. Вокруг мельтешение, все танцуют, музыка, песни, хохот, блеск стекла, огня и мясного жира...

Глава 25

Я просыпаюсь в какое-то странное время суток. Вроде утро, да не утро, вокруг тускло, прохладно, на мне стопка одеял толщиной в метр, рядом Азамат посапывает. Вылезать из-под одеял совершенно не хочется.

Чуть-чуть поворочавшись, принимаюсь оглядываться. А, так мы в шатре. И сейчас, видимо, дело к вечеру, потому и освещение такое. Ну что ж, логично. Проблема только в том, что я не помню, как я здесь оказалась, но в принципе это можно реконструировать.

Под боком шевелится Азамат, протирая глаза. Потом потягивается и вылезает из-под одеял.

– Не замерзла? – спрашивает, поеживаясь.

– Пока нет, – хмыкаю. – Слушай, я это несчастное платье уже вторые сутки не снимаю. Где бы помыться и во что бы переодеться, а?

– Ну переодеться тебе вчера надарили. – Он кивает в сторону кучи разноцветного барахла под стеной шатра. – Даже мне вчера кое-чего подарили, правда, по-моему, не все по размеру подойдет. А помыться – сейчас к Арону пойдём, мы тут близко от его дома.

Я усилием воли заставляю себя выбраться из-под теплых одеял и выкапываю в куче вещей что-нибудь наименее отягченное драгоценными камнями и наиболее носибельное. Азамат прихватывает мои вещи вместе со своими под мышку, и мы идем к Арону.

Арон сидит дома один и плачет.

– Да ладно уж тебе так сокрушаться, – утешает его Азамат, который, видимо, знает, в чем дело.

Я холодею и таращусь.

– Что стряслось?

– Да он все дом наш жалеет, – поясняет Азамат. – Он за ним столько лет присматривал, а тут раз – и все сторело.

– А-а, – облегченно выдыхаю я. – Ну это, конечно, очень грустно. Я бы тоже расстроилась. Собственно, я и так расстроилась, только времени на это не было. Но зато мы все живы и здоровы.

– Вот и я говорю, – поддакивает Азамат. – Мы легко отделались, в семье ведь никто не пострадал. А дом новый построим, это не штука.

– Да понимаю, – всхлипывает Арон, роняя слезы в бороду. – Но уж очень жалко...

Я ухожу мыться, оставив Азамата успокаивать братишку.

Боже, какое счастье – вымыться и переодеться в чистое! Хорошо и то, что дамы, одарившие меня шитыми нарядами, не забыли и про белье, хотя, на мой вкус, оно все чересчур кружевное и малофункциональное. Но, наверное, дарить можно только такое.

За легким завтраком мы слушаем доносящиеся из-за окна песни и вопли.

На рубахе голубой,

Небесно-синей,

На вороте косом

Нет тесьмы.

Желтой нитью не расшита,

Шить тебе недосуг.

Шелк пропал и позабыт,
Жить мне одному!
Ты другого ждешь с охоты,
Так скоро я забыт!
Теперь мой путь лежит далеко,
Топь да степь меня зовут.
Ждал, что вышьешь шелком ворот,
Жаль, долго ждал!
Жизнь моя нужна кому ли —
Шить по ней узор?

– Это так теперь и будет? – спрашиваю.

– Еще сегодняшнюю ночь и завтрашнюю будут праздновать, – говорит Азамат. – Так положено. Сегодня, кстати, должны были съехаться лучшие певцы и сказители, так что у тебя будет шанс послушать песни о создании мира в самом лучшем исполнении.

– А их записывать можно? – спрашиваю.

– Ну вообще, у каждого уважающего себя сказителя есть студийные записи, – пожимает плечами Азамат. – С другой стороны, на празднике часто получается выразительнее и вдохновеннее. Так что, если хочешь, пиши.

Записывающей техники у меня, правда, негусто: Азаматов бук и Азаматов же мобильник. Лучше действительно студийный диск купить, бабушке-то на выразительность наплевать, ей для архива.

Через некоторое время мыдвигаем к Дому Старейшин, где уже настраиваются новоприбывшие музыканты. Азамат предлагает мне вчерашнего беременного вина, но я пока не горю желанием снова отрубиться на произвольном месте. Все-таки муданжские чудодейственные снадобья хороши только для самих же муданжцев. А вот остались ли еще мои остренькие колбаски?..

Красная сажа обнаруживается у костра прямо под мостом, где сидят несколько незнакомых мне наемников, их женщины и Эцаган. Этот вчера, как выясняется, упился в хлам еще до моего возвращения и продрых большую часть празднества, так что сегодня намерен восполнить.

– Что же ты так себя не бережешь? – спрашиваю, старательно забывая, что меня сама вчера отсюда кто-то унес. В конце концов, я была уставшая, после работы и вообще.

– Да меня как все стали поздравлять, и с каждым же выпить надо, а я и накануне не спал, вот и получилось... – смущенно объясняется Эцаган. – Мне уже Алтонгирел за это вставил по печенку, вы уж не начинайте, Хотон-хон...

Видимо, мне придется смириться с тем, что никто больше не будет называть меня по имени.

– А тебя-то с чем поздравляли? – спрашивает один из наемников, раскуривая трубку с какой-то зеленью.

– А я успешно провел группу через Короул! – немедленно сообщает Эцаган. – Да, Хотон-хон, вы же этого еще не слышали, наверное... Рассказать?

– Конечно, расскажи! – Я усаживаюсь поудобнее и беру себе еще колбаску.

– Ой нет, только не опять! – стонет другой наемник и вместе еще с двумя встает и отходит к другому костру.

Мы сидим довольно близко к воде, от нее тянет прохладой, и я поплотнее закутываюсь в теплый, расшитый золотом диль. Азамат на мосту зацепился языком за одного из сказителей, так что пока оттуда льется только негромкая музыка.

– Дело было так, – с горящими глазами принимается рассказывать Эцаган. – Капитан, то есть я хочу сказать, Ахмад-хон, назначил меня главным в той группе, что должна была зайти с Короула.

– Ни шакала себе! – вылупляется тот наемник, что был не в курсе Эцагановых походов.

Я только мучительно припоминаю, что, когда Азамат предложил одну группу отправить через этот самый Короул, многие были против.

– Ага, – довольно кивает Эцаган. – Ахмад-хон мне и раньше самые опасные миссии доверял, а тут уж сами боги велели, я ведь дважды бывал на Короуле!

– Чего ж ты там забыл? – спрашивает жена наемника, грудастая и крашенная в рыжий.

– Да его вечно несет куда не надо, – отмахивается наемник постарше, лежащий поодаль, подперев голову рукой и задумчиво побалтывая остатками хримги в пиале.

– Так ведь прикольно! – объясняет Эцаган, разводя руками. – Надо же понять, чего все боятся!

– Это у него так стресс выходит, – снова встречается старый наемник. – Как что плохое случается, сразу лезет на рожон. То по пещерам Короула бродить, то на морского змея охотиться, то на джингошей...

– И правда, – поддакивает другой наемник, – тебя Ахмад-хон разве не за это из команды попросил?

Эцаган поджимает губы и собирается ответить какой-нибудь грубостью.

– Дайте ему уже рассказать, – говорю. – Чего привязались к парню? Ну молодой, ну горячий, зато с каким сложным заданием справился!

Молодой наемник ахает, остальные оборачиваются.

– Ой, Хотон-хон, мы вас не заметили! Простите! Давай, Кудряш, рассказывай, раз Хотон-хон просит!

Эцаган кивает мне, широко улыбаясь. Я в ответ подмигиваю.

– Короче, дело было так. Мы перелетели на ту сторону гор прямо от штаба и под прикрытием добрались до Красных Рогов – это как раз напротив места столкновения с джингошами. Часов за пять добрались, унгуцы оставили и сразу пошли вглубь, чтобы к утру уже до джингошского лагеря добраться. В этом месте горы узкие, можно за полдня и ночь перейти. И вот входим мы в пещеры...

На этом месте три наемничьих жены встают как по команде и уходят к другому костру.

– Чего это они? – моргаю.

– Боятся, – пожимает плечами один из наемников. – Женщины, что с них взять?

Я только кривлюсь и киваю Эцагану, чтобы продолжал.

– Так вот входим мы в пещеры, а там воды по колено, а в ней череп светится!

– Вот шакал! – охает наемник, а его жена – единственная оставшаяся – заметно бледнеет.

– Ну и что вы сделали? – спрашиваю с интересом.

– А я камнем в него кинул, он и рассыпался, – гордо заявляет Эцаган. – Это там такие мелкие светящиеся рачки живут, они группами собираются, и иногда получают такие формы, что можно на что-то подумать. Ну, я всем объяснил, что да как, а они мне, дескать, а что, если это предзнаменование? Ну, к счастью, Ахмад-хон с нами

почти всех боеспособных учеников духовников отправил, они быстро остальных успокоили. Сказали: мол, это Короул джингошам смерть пророчит.

Я хихикаю, но этого, кажется, никто не замечает.

– Короче, – говорит Эцаган, – идем дальше. Фонари все включили, чтобы теней не осталось, а то знаете, как бывает – пещеры гулкие, в каждом темном углу что-нибудь мерещится...

– Да откуда же Хотон-хон может такие вещи знать? – встречается один из наемников. – Кудряш, ты что?

– Ну вообще-то я бывала в пещерах. Правда, те были уже все исхожены, но все равно, когда пещера большая, там гулко и темно, еще и звуки какие-нибудь, и впрямь жутковато.

– А зачем вы туда ходили? – изумленно спрашивает жена наемника.

– Затем и ходила, – хмыкаю. – Побояться.

Они ржут минуты три, мне даже неловко становится, что развеяла Эцагану всю атмосферу для страшных рассказов. Наверху, на мосту, настраивается оркестр, незнакомый голос тянет «о-о-о» на одной ноте. К чему бы это?

– Ладно, – продолжает Эцаган, отсмеявшись. – Идем, значит, мы дальше. Под ногами снова сухо стало, даже местами свет через какие-то щели пробивается. Я этот путь знаю, ходил по нему, когда первый раз там бывал. Ну мы, как полагается, веревку тянем и номерки раскладываем, регулярно пересчитываемся. И вот выходим в такую пещеру, где прямо совсем светло. Ну не как днем, но как в первых сумерках. После тьмы-то все светло. А там даже зелень какая-то по стенам пробивается. Заходим, значит, мы в эту пещеру, а навстречу нам бабка с козой!

– Ой! – Жена наемника аж лицо в руках спрятала.

Остальные сидят такие напряженные, ждут продолжения. Одну меня смех разбирает, но я сдерживаюсь.

– Я говорю, – продолжает Эцаган, – спокуха, ребят, тут может быть второй выход, мало ли, на плато и деревня может быть. Ну все столпились, на бабку пялятся, а она такая: ой, ребятки, да какие славные-красивые, зашли бы к нам в деревню, а то у нас уж давно молодых не осталось, помогли бы малость по хозяйству, старики-то не справляются, а мы бы вас козлятинкой свежей угостили, да с

молочком... – Эцаган смешно и убедительно подражает старухиной манере речи. – Ну мужики мои чутка расслабились, стали прикидывать, нельзя ли нам задержаться, старым людям помочь. А я стою, смотрю на козу и все думаю: что ж с ней не так? Говорю: мол, извините, у нас время ограничено, мы к вам в другой раз лучше зайдем... А сам все на козу смотрю. И тут доходит – шерсть-то у нее длинная, а под брюхом не висит. Я присел слегка, под брюхо-то заглянул, а оно распорото!

– А-ай! – визжит моя соседка и зажимает уши.

Несколько мужиков бормочут гуйхалахи.

Эцаган делает драматическую паузу, так что приходится его подстегнуть.

– Ну, ну, и что дальше?

– Да ничего особенного. – Он пожимает плечами. – Я ребят пугать не стал, еще шарахнутся от призрака, потеряются. Я духовников двоих вперед подтолкнул, шепнул им: мол, читайте заклятия от горных духов. Они как жезлы достали, старуха вдруг заторопилась, дескать, у нее там суп варится, не до нас ей, в другой раз так в другой раз. И ушла вместе с козой.

– Ох ты демон! – выдыхают слушатели. Тот, что справа от меня сидит с супругой, гладит ее по голове: мол, можешь руки убрать, страшилка кончилась.

– Идем мы дальше, – продолжает Эцаган. – Опять вглубь спустились, где темно, устали, решили небольшой привал сделать, и так быстрее шли, чем рассчитывали. Ну подогрели еды, чаю вскипятили... Тут что-то шуршит.

– Небось летучая мышь, – неуверенно предполагает один наемник.

– Мы тоже сначала так подумали, – зловеще улыбается Эцаган. – Но уж очень на шаги похоже.

Все вокруг поеживаются.

– Я всем сказал помолчать, а Ирнчину послушать. Он ведь у нас слухарь.

– Кто? – не понимаю.

– Ну слухарь. Слышит очень хорошо. А вы не знали? Он еще в детстве, когда у него сестра маленькая умерла, с ней через землю разговаривал, вот так он слышит, представляете?

Мне наконец-то становится не по себе, Эцаган может гордиться.

– Так вот Ирнчин послушал и говорит, ходит там какой-то человек, под нос бормочет, а за ним веревка по полу тянется. А бормочет, что у него соль кончилась. Ну я фонарик выключил, чтобы горного духа не раздражать, они же свет не любят... Взял баночку с солью, пошел за угол поставил, подальше туда. Возвращаюсь – на меня уж на самого как на призрака смотрят. Я говорю, ребят, расслабьтесь, это ж известно кто, во всех пещерах водятся такие духи. Это ежели человека друзья в пещере бросили и он там умер, то дух его так и ходит по той пещере. По-хорошему, надо останки захоронить, но обычно в горах не до того. Тут главное – самим никого не потерять, а то дух разгневается, ну и если он чего просит, то дать. Мне про это Алтонгирел кучу всего рассказывал. В общем, в итоге затих этот персонаж. Мы пошли дальше.

– Там еще много ужасов? – слезливо спрашивает моя соседка.

Эцаган задумывается.

– Два.

Она прерывисто вздыхает, на меня косится, но не уходит.

– А как духи соль едят? – спрашиваю. – Точнее, они вообще едят?

– Не-а, – мотает головой Эцаган. – Не едят. Но у него соль могла, например, водой размыться, а ему важно, чтобы все снаряжение было в порядке, хоть он и не пользуется. Мертвым всегда такие вещи важны. Иногда бывает, знаете, мужик жене заплатит за месяц секса, и вдруг случается что-нибудь с ним. Так приходит с того света, чтоб отработала!

В этот момент надо мной нависает тень, а на плечо ложится громадная ладонь. Я слегка вздрагиваю. Соседка взвизгивает и шарахается.

– Лиза, там сейчас на мосту будут исполнять песни из «Сотворения мира», – с энтузиазмом говорит Азамат. – Пошли, ты же хотела послушать!

– Щас пойду, – говорю, угощая его острой колбаской. – Тут Эцаган страшные истории рассказывает, я хотела дослушать.

– Тебе вообще-то не стоит такие вещи слушать, – хмурится мой супруг, приземляясь рядом.

– Действительно! – поддакивает муж моей соседки. – Беременным женщинам пугаться нельзя!

– Да знаете, – говорю задумчиво, – после того как меня Ирлик попросил, когда буду умирать, подойти поближе, чтобы он смог дотянуться и сожрать мой труп, меня почему-то не пугают ваши бабки с козами. Даже не знаю, с чего бы это?..

Моя соседка наконец-то падает в обморок, Эцаган бледнеет, а Азамат фыркает смехом и обнимает меня одной рукой.

– А... – начинает Эцаган, – вы мне потом свои страшилки расскажете?

– Если духовник не запретит, то почему бы и нет, – пожимаю плечами. – Так что там у тебя дальше было?

– Дальше... – Эцагана явно несколько смутило, что мои приключения были страшнее, и он немного комкает свой рассказ. – Ну мы еще на зачарованный клад набрали. Такой, знаете, типа лежит гора сокровищ всяких старых, а на самом деле это такая хищная тварь. Потянешься за драгоценностями, а она ка-ак отхватит руку! Один из наших так потерял кисть, представляете?

– Представляю, – говорю. – Мне его привезли. А я еще понять не могла, собак на вас там спустили, что ли...

– Ну вот, – продолжает Эцаган. – А потом уже на выходе лесного демона встретили. Во всей красе, огромный, черный, шерсть лоснится, – видно, хорошо ему там живется. Никто ведь в леса Короула не ходит, боятся. Ну мы ему оружие показали, говорим, нас много, все отборные воины, вооружены до ногтей, а лес твой нас не интересуется, мимо идем. Так что не трать силы. Он нападать не стал, но так и шел за нами до самого края леса, следил, чтобы дичь не стреляли и деревья не валили. Ну так нам и правда не до того было. Вот и прошли. – Он разводит руками.

– Молодец, Кудряш, – с улыбкой кивает Азамат. – Молодец. Отлично справился. Я совершенно правильно тебя назначил на эту операцию.

– Да вы уже говорили, – смущается Эцаган.

– И с удовольствием повторяю. Тебя и смелостью, и умом боги щедро наделили.

– А что ж вы его из команды поперли тогда? – интересуется лежащий наемник.

– А чтобы урок выучил, – наставительно говорит Азамат. – Что нельзя идти в бой на горячую голову. Хочешь доказать свою доблесть,

так охолони сначала.

Эцаган снова смущенно кивает.

– Ну что, – Азамат прихватывает меня под мышки, – идем Айрухона слушать?

– Кого?

– Ну как же, Лиза, это же самый знаменитый на Муданге сказитель!

– А-а... Ну пошли.

Он поднимает меня в воздух, ставит на ноги и ведет на мост. Моя соседка, как раз пришедшая в себя, тоже поспешно тянет мужа за нами.

– Чего ты над бедной женщиной издевалась? – неожиданно спрашивает Азамат.

– Над какой женщиной? А что я ей сделала?

– Заставила ее страшные истории слушать.

– Я заставила?!

– Конечно, ты! Ты ведь теперь Хотон-хон, образец для всех женщин. Ты сидишь слушаешь, значит, и она должна.

– Но три других ушли!

– А они, видать, не на Муданге родились. С Брошки или с Гарнета, не знаю. Ты им не указ.

– Так что мне теперь, не слушать Эцагана было, что ли, из-за этой клуши?

– Нет, зачем, просто надо было ей сказать, что она может уйти, если хочет.

Я продолжительно выдыхаю.

– Ладно, поняла. Кстати, объясни мне, что значит Хотон-хон? Это типа императрица?

Азамат задумывается, шевеля губами.

– Ну примерно... Не могу припомнить, чтобы где-то официальный перевод попадался. Знаешь, я бы скорее сказал «первая леди». У вас ведь есть такой термин, правда?

– Угу. Ты имеешь в виду, что у меня нет реальной власти?

– Реальная власть у тебя и без титула была, – ухмыляется он. – Вот формальной нету, да и то над мужчинами. Над женщинами – сама видишь. Они теперь будут одеваться как ты, причесываться как ты,

слушать твою любимую музыку и так далее. Я думаю, ты понимаешь, что это большая ответственность...

– Да уж, – вздыхаю. – Боюсь, что мне придется нанять персонального стилиста, который бы смог сбалансировать мои нужды и общественный вкус.

Азамат задумчиво кивает.

Мы подходим к крыльцу Дома Старейшин и усаживаемся у стены рядом с нашими Старейшинами, откуда открывается хороший обзор оркестра. Музыканты, надо сказать, шикарные. Некоторые помоложе, другие постарше, но все большие такие дядьки, волосы длинные по ветру летят, одежды сверкают, пестрые, расписные инструменты в больших руках пищат по-женски. Вокалист, то есть сказитель, еще не очень дряхлый старик, сидит на маленькой табуретке, а коленями упирается в землю, точнее, в ковер на земле. Видимо, в таком положении петь удобнее. Впрочем, пока он все еще тянет свое «о-о-о».

– Почему он так воет?

– Распеваётся, – с удовольствием объясняет Азамат. – Цикл большой, надо хорошо голос подготовить.

Голос у сказителя похож на Алтонгирелов, тоже такой приятный тенор. Наконец все приготовления закончены, публика расселась, окончательно стемнело, и сказитель начинает петь примерно следующий текст (насколько я могу разобрать все эти устаревшие слова и обороты):

Когда севера гора великая галькой маленькой была,
Когда южные леса густые гребнем камыша взошли,
Когда Гэй море-океан плевком старого бога был,
Когда реки полнокровные молоком богини-матери
пролились,
Когда великая дева Укун-Тингир малым дитяtkом была,
Тогда в очаге из раскаленных камней родился Унчрух.
О-танн-данн!
Народился Унчрух, императорский сын,
Народился Унчрух, отцов наследник.
Наклонясь над колыбелью, сказал ему отец:
Не сместить тебе меня на троне, пока безбородый.
Не тридцать и не сорок весен скитался Унчрух
по степям.

О-танн-данн!

Волос длинный, как Сиримирн, голос громкий,
как грохот волн,

Воин сильный, как Рул-гора, нету слабых мест,
кроме сердца.

– Азамат, – шепчу я, – А разве «унчрух» не значит «круглый сирота»?

Он кивает.

– А как тогда получается, что у него отец есть? И волос ведь длинный...

– Ну, – Азамат пожимает одним плечом, – в старые времена люди иначе мыслили. – Видя, что я не удовлетворилась таким ответом, он продолжает: – Его отец мертв, он говорит с того света.

– А почему если он мертв, то трон не уступает? Кто же правит?

– Трон не уступает, потому что священный предок. К ним раньше относились как к богам.

Я безуспешно пытаюсь постичь муданжскую народную мудрость, а Азамат снова заслушался эпосом. Унгуц тянет меня за рукав и шепчет:

– Ты, Лиза, проще на вещи смотри. Вот Азамат у тебя – при живом отце сирота.

Мне только и остается, что прикусить язык. Тем временем, насколько я уловила, сказитель пояснил, что отец героя, первый Император Муданга, требовал, чтобы сын непременно женился на какой-нибудь богине, и только с этим условием соглашался уступить трон. Так что герой-псевдосирота поперся свататься к Укун-Тингир, которая, судя по зачину, была его на несколько годков старше. Хотя кто этих муданжцев разберет...

Идет Унчрух свататься – великий воин, равных
по силе нет,

Идет воин свататься – тело каменное, кровь платиновая,

Идет каменный богатырь – земля под ним проминается,

Из-под ног ключи бьют, следы руслами становятся.

О-танн-данн!

Многих врагов великий воин побил,

Многих чудищ на пути своем завалил,

Многие раны в бою получил,

Многой землею их зарастил.

О-танн-данн!

А в тот гольп Укун-Тингир занята была...

– А что такое гольп? – спрашиваю Азамата.

Он хмурится, явно нехотя отвлекаясь от прослушивания, прихлебывает вина. Наконец говорит:

– Эпистема.

Перевел, блин!

Унгуц у меня над правым ухом покатывается, а за ним Ажги-хян посмеивается в кулачок.

– Эпоха это, – объясняет Унгуц, похихикивая. – То есть Азамат-то, наверное, правильно сказал, да на радостях, видать, забыл, что у тебя образование другое!

– Да уж, мягко говоря, – ворчу я.

– А, Лиза-хян, не сердись, – увещевает меня Унгуц. Я и не сержусь, так просто... – Ему всегда очень важно сказать правильно и поступить правильно. В детстве его дразнили: мол, на печке родился, горячий очень.

– А он и правда на печке родился?

Унгуц пожимает плечами.

– Правда, – отвечает Азамат. – А ты бы лучше слушала, меня и в другой раз обсудить можно.

Тем временем сказитель повествует, что Укун-Тингир уже второй гольп была замужем за Ирликом-Мангустом. От такого поворота я несколько офигеваю. Кто бы мог подумать. Впрочем, выясняется, что ее еще в раннем детстве за него сосватали впрок, а она, дескать, теперь не рада, потому что он плохой муж – за скотиной не ходит, ремеслами не занимается, а сидит себе в своем Подземном Царстве, бросив на жену всю работу по дому. Конечно, я могла что-то неправильно понять, но в общих чертах так. Мне наливают беременного вина, и под него я выслушиваю минут десять жалоб этой самой богини на несправедливость судьбы. Однако она бы и это стерпела, но в один прекрасный день Ирлик охамел настолько, что проглотил солнце.

И на весь Муданг воцарилась тьма,

И шакал, и мангуст, и демон лесной

Из Подземных Владений пролезли наверх

И накинулись на простых людей...

Тогда Укун-Тингир решает положить конец бесчинствам мужа, обряжается в доспехи (минут пятнадцать описаний) и отправляется в Подземное Царство, где, найдя ничего не подозревающего Ирлика, вспарывает ему живот.

Однако Ирлика так просто не проймешь. Солнце-то он отдал, зато решил теперь регулярно исполнять супружеский долг, чтобы женушка не скучала, заодно и присматривать, чтобы лишний раз за оружие не хваталась. Ирлик покидает Подземное Царство и воцаряется на небе вместе с женой. Вот тут-то муданжцам приходится плохо, он ведь видит, если какое чудище, которое он породил, на планете убивают, и сразу мстит убийце семью годами несчастий. Пасет, короче, свое потомство. А Укун-Тингир о людях радеет, они ведь такие беззащитные. Она им и помогает чудовищ бить: то меч вовремя подбросит на дорогу, то при рождении благословит... В итоге в небесных чертогах супругов постоянно происходят скандалы с битьем посуды и хлопаньем дверьми. Вот во все это и является Унчрух. Мои попытки выведать у господ книжников, почему он не мог посвататься к незамужней богине, не увенчались успехом.

К счастью для Унчруха, Ирлика как раз не было дома. И вот является этот красавец-герой к Укун-Тингир, а она и давай ему плакаться, какой у нее муж плохой – ну это уж так на Муданге заведено.

Обозлился Унчрух, проклял злого Мангуста,

Обнял красавицу Белую богиню и вернулся вниз.

Обошел он весь Муданг, собрал всех богов,

Обплыл и океан, и небеса облетел.

О-танн-данн!

Сколотил великую рать, сорок сороков богов,

Скромно им всем поклонился и пошел на Ирлика войной.

Струсил Ирлик одинокий, собрал всех своих чудищ

и гадов,

Строем выставил пред входом на небо.

О-танн-данн!

На этом месте сказитель снова принимается гудеть свое «о-о-о», все расслабляются и начинают шуметь.

– Лиза, если есть вопросы, задавай сейчас, пока сказитель отдыхает, – говорит Азамат, потягиваясь.

– Есть, – киваю. – Я ведь пересказывала тебе свой разговор с Ирликом. У него были причины солнце проглотить. Не хотите это как-нибудь отразить в эпосе?

Азамат вздыхает и качает головой.

– Во-первых, у нас нет причин ему верить. Во-вторых, эти песни перешли к нам прямиком от Унчруха и повествование ведется с его точки зрения. Если он не знал, зачем Ирлик проглотил солнце, или не верил ему, мы не можем менять его слова.

Мне становится немножко жалко Ирлика, хотя он все-таки очень странный персонаж.

Между тем является Алтонгирел, сияющий счастьем так, как я никогда раньше не видела. В руках у него стильный тонкий фотоальбом с огромным экраном, на экране что-то, что Алтоша радостно демонстрирует Старейшинам. Те ахают и охают, передавая друг другу.

– Что там? – Унгуц и Азамат тянутся посмотреть.

Оказывается, это снимки битвы в космосе, сделанные одним из пилотов запаса. Один из них особенно хорош – на нем в центре кадра Муданг, у которого с одной стороны задымление там, где извергся вулкан, а с другой вереница звездолетов возвращается на планету после боя. Чуть впереди отчетливо получилась треугольная морда Ирлика, заглатывающая последние джингошские корабли. В целом похоже, что у планеты выросли два крыла, а спереди торчит хищный клюв.

– Моу-Танг, Моу-Танг! – бормочут Старейшины, восхищенно поглядывая на Азамата. – Громовая птица вылупилась!

Наконец отдохнувший сказитель продолжает. Я с волнением слушаю человеческий рассказ о том, о чем мне уже сообщил Ирлик. Унчрух с армией богов побеждает демонов и чудовищ, добирается до Ирлика и засаживает его в подземную темницу. После этого Укун-Тингир и Унчрух радостно женятся, приживают кучу детей и живут долго и счастливо, но...

В темнице глубокой, в келье жестокой

Вечно бдит страшный Ирлик-Мангуст.

В пылу веселья, посередь новоселья

Великие боги собрались на пир.
О-танн-данн!
Ввела богиня мужа в покои,
Весной-красотой обольстила его,
Великие боги в застолье упились, и
Вырвался Ирлик из тюрьмы под скалой!
О-танн-данн!

Я так и не поняла, нечаянно это произошло или Укун-Тингир нарочно всех отвлекла, особенно мужа, чтобы Ирлик смог сбежать... Тем временем Ирлик не просто восстанавливает свою власть в Подземном Царстве, но и захватывает весь Муданг в отместку сопернику, заставляя всех людей подчиняться силам зла и приносить им жертвы. Унчрух, узнав об этом, отправляется в космос бороться с Ирликом, а следом и Укун-Тингир. Видимо, разнимать своих мужиков.

Но весть нехорошую, весть горемычную
Наутро герою стая птиц принесла:
Нету жены дома, нету красавицы,
Наутро не вышла мир собой освещать.
О-танн-данн!

Ирлик-хон, злое создание, прекрасную деву украл!
Иначе и быть не могло бы, не выносит он чужого счастья!

Ирлик-хон, злое создание, однако, Унчруху сказал:
Истинно это не я взял жену твою, отправилась она тебя спасать!

После того как Унчруху так плюнули в лицо – чтобы слабая женщина мужа защищала, да это неслыханная обида! – подрались они, как говорится, не на жизнь, а на смерть.

Как уж бились они, небо и земля сливались,
Как уж бились они, море поворачивалось,
Как уж бились они, прекрасные деревья с корнем падали,
Как уж бились они, реки морями разливались!

О-танн-данн!

Как уж бились они, горы тряслись и рушились,
Как уж бились они, черный туман тянулся,
Как уж бились они, кровавый дождь моросил,
Как уж бились они, зловонным ветром дуло!

О-танн-данн!

Как уж бились они, горячим и холодным ветром дуло,

Как уж бились они, воды морей кипели,

Как уж бились они, гольп размывался-рушился,

Как уж бились они, громовая птица расправила крылья!

О-танн-данн!

Внезапно у меня в кармане пиликает мобильник Азамата. Я вынимаю его, чтобы заткнуть, но в последний момент замечаю, что на экране муданжским по белому написано «отец». Вытаращив глаза, я тереблю Азамата и показываю ему сие фантастическое явление природы. Азамат сначала не врубается, потом вдруг осознает, переводит на меня встревоженный взгляд и все-таки жмет на прием. Я не слышу, что там в трубке, тем более что Азамат прикрывает ее ладонью, чтобы не мешать остальным слушать эпос. Проходит несколько секунд. Потом наконец Азамат раскрывает рот и отчетливо произносит:

– Ты меня с кем-то перепутал.

И кладет трубку. И так и сидит, бессмысленно уставившись на телефон.

– Чего он хотел? – шепчу, беря мужа за руку.

– Поздравить, – бесцветно говорит Азамат.

– И?..

Азамат вздыхает, отворачивается от телефона и неохотно возвращается в реальность.

– Он решил сделать вид, что ничего не было.

К нам подсаживается Алтонгирел. Унгуц и наш духовник тоже заметили оживление и склонились поближе.

– Что стряслось? – спрашивает Унгуц.

– Отец звонил, – быстро поясняет Азамат. – Он готов забыть об отречении.

– Забыть? – моргает Унгуц. – Ты хочешь сказать, отменить его?

– Нет. Он просто стал так со мной говорить, как будто ничего не случилось.

– И что ты? – допытывается Алтонгирел.

– Я сказал, что он меня с кем-то перепутал.

– Ты что! – шипит Алтоша. – Он теперь опять надуется! Надо было с ним помириться, ты же не думаешь всерьез, что он станет

просить прощения?!

Азамат поднимает на него такой взгляд, что металл плавить можно.

– Извини, но я не готов просто забыть пятнадцать лет своей жизни!

Алтонгирел отворачивается и с досадой хлопает себя по коленке, Унгуц закрывает глаза и качает головой. Я утыкаюсь Азамату в плечо и глажу его. Ну, блин, мужики-и!

Тем временем эпическое сражение успело изменить направление: теперь уже Ирлик и Унчрух сражаются не друг с другом, а плечом к плечу против черных космических демонов, а нашедшаяся Укун-Тингир им в этом помогает. Интересно, это не специально под случай концовку переписали? Но спрашивать у Азамата не рискую: он и так не слушает, а думает, извиняюсь, думу горькую, будь неладен этот эпос. Конечно, наши победили, и после этого Ирлик возвращается в Подземное Царство, Укун-Тингир – в Небесное, а Унчрух становится Императором Муданга и правит до самой смерти. Когда он умирает, он обращается в горный хребет, который теперь называется Короул, и именно поэтому все боятся туда ходить.

Сказитель еще несколько минут тянет свое «о-о-о» и наконец смолкает. Воцаряется странноватая тишина, та самая, которая не отсутствие звука, а присутствие заглушки. Потом все принимаются вопить «танн!», колотить воздух и подносить сказителю драгоценные дары, еду и напитки. Азамат сидит, привалившись спиной к стене дома, и задумчиво кивает.

Через несколько минут к нам подходит незнакомый мужчина и кланяется Азамату. Тот в ответ нагибает голову. Мужчина высокий, плечистый, щеголяет солидными усами с подкрученными на гусарский манер кончиками.

– Многие люди мне говорили, – начинает он учтивым, приятным тоном, – что Ахмад-хон неравнодушен к моему творчеству. Могу ли я послужить своему Императору?

Азамат признательно улыбается.

– Я был бы счастлив вас послушать вживую. К сожалению, до сих пор у меня не было такой возможности.

– Есть ли у вас пожелания? – любезно уточняет этот, видимо, певец.

– Мм... Я бы предпочел что-нибудь возвышенно-печальное.

– Печальное? Но сейчас праздник... – удивляется исполнитель. Азамат как-то невнятно поводит бровью, и этот забавный персонаж тут же соглашается: – Ну конечно, надо ведь помянуть павших героев. Император имеет право печалиться о своей стране и в праздник.

Азамат снова наклоняет голову.

– И еще, пожалуйста, спойте балладу об Он-чуае.

Исполнитель совсем озадаченно поднимает бровь, но безропотно соглашается.

Еще минуту он договаривается с оркестром и наконец приготавливается петь. В отличие от сказителя, он поет стоя. Первые же звуки его голоса меня глубоко поражают: он невероятно высокий. Выше чем мой собственный. При этом он такой мелодичный и чистый, что действительно напрашивается сравнение со звоном хрустальных бокалов.

Начинает он с плача по погибшим:

Западной излучины реки

Одурманил аромат меня.

Завещали: друга береги —

Нету друга больше у меня.

Тянутся три русла на восток,

Три печальных воина бредут.

Больше не ступить им на порог,

Больше дома их дела не ждут.

Соберу коней своих лихих,

Нагружу их ношей тяжело:

Скорбные души моей стихи,

Дичь, зерно, коренья и вино.

Отгоню табун во столярный град,

Созову народу целый мир.

Пище и вину не буду рад:

В память о друзьях устрою пир.

Видимо, это относительно недавнее творчество, раз в рифму, по земному образцу. Азамат украдкой вытирает глаза.

– У тебя правый глаз слезится? – спрашиваю невпопад.

– Да, – отвечает он, сдвинув брови. – А что?

– Раньше только левый, – говорю.

– Думаешь, твой крем начал действовать? – скептически ухмыляется Азамат.

– Естественно, он действует! – надуваюсь я. – Просто медленно, и ты не замечаешь. Экдал!

Экдал сидит наискосок справа от меня, оборачивается на оклик.

– Вот скажи. Ты Азамата с начала весны не видел. Что-нибудь изменилось?

– А! Так вы его все-таки чем-то лечите? – оживляется наемник. – А я-то думаю, неужели это он просто на радостях настолько лучше выглядит!

– Вот видишь, – говорю Азамату.

– Тихо, – шикает он. – Послушай лучше песню. Это баллада об утрате души.

Баллада оказывается длинной, примерно в половину эпоса. Из начала я только успеваю понять, что некий доблестный воин влюбился в красотку с Восточных островов, и она ответила ему взаимностью, правда, преподносится это с таким трагизмом, как будто они оба повесились. Впрочем, не знаю уж, чем там кончится. Потом началась война, и герой должен был покинуть родные края.

В степи бескрайней седой ковыль,

Седое небо, седая пыль.

Трав аромат в небеса унесло,

И нету друзей, кроме тени его.

Войну они благополучно продули, и Он-чуай вынужден скрываться в горах несколько лет, пока не соберется новое войско, чтобы разбить узурпаторов.

Имя свое в землю зарыл,

Камнем прикрыл и место забыл.

Кто войну проиграл,

От людей кто сбежал,

Имя тот потерял.

Думы свои заковал в металл,

Чтобы в жизни никто его не узнал...

Тем временем его девушка вышла замуж за полководца-победителя, естественно не по любви, и мается.

В граде моем очень ждут его,

Если дождутся – ему не жить.

Чужие мы, хоть с двора одного,
Степь не пройти, море не переплыть.
Целыми днями ждала я тебя,
Ждала, и ткала, и слезы лила,
Дни напролет, в окно глядя,
В солнце, и в дождь, и в грозу ждала.
Быстрый и сильный явился с победой
Воин чужой посреде бела дня —
Он и развлек меня беседой,
Счастьем, теплом окружил он меня.
Были объятья его мне сладки,
И ненавистны были они.
Он-чуай, Он-чуай, все ли в порядке?
Что ж от меня ты бродишь вдали?
Я тебя жду и этим болею,
Этим печалюсь, этим тужу.
Нужды мне нет работать, потея,
Но себе места я не нахожу.
Ты, победитель, слышишь мой шепот —
Сын наш с тобою канет во тьму,
Ибо однажды раздастся топот —
Он-чуай явится в нашем дому.
Будешь разорван ты и растерзан,
Жаром спален и потоплен водой.
Ведь так легко разорвать нашу песню,
Что никогда не была живой.

Пока она так оптимистично размышляет, ее исходный самец все-таки умудряется всех победить и вернуться домой со щитом. Наслышанный, что его женщина не дождалась и вышла замуж за другого, он убивает соперника на подходах к деревне, даже не поинтересовавшись у дамы ее мнением. Однако, придя к ней домой, застывает с окровавленным кинжалом над кроваткой ребенка, поскольку тот так похож на мать, что Он-чуай не может его убить. В итоге они так остаются жить втроем, в мире и любви.

- А почему это баллада? – спрашиваю у Азамата.
- То есть как?
- Ну там же все хорошо заканчивается.

Он качает головой.

– Если речь идет об украденных душах, то это всегда баллада. Да еще ему пришлось смириться, что сын его врага будет жить. Впрочем, если бы он убил ребенка, это тем более была бы баллада. Так что, понимаешь, когда у персонажа украли душу, это всегда трагедия, даже если формально все хорошо кончается.

– Я надеюсь, ты это только о песнях, а не о жизни? – уточняю.

Азамат смеется.

– Моя жизнь стала трагедией гораздо раньше, чем я потерял душу. Ну а у тебя и отношение совсем другое. Так что о нас вряд ли сложат балладу...

– О тебе, Азамат, уже сложили баю, – радостно сообщает ему Унгуц. – И хватит заставлять Аблар-хона петь баллады на празднике. Ему тоже повеселиться надо!

– Погодите-погодите, – хмурится Азамат. – Какую еще баю?

Унгуц только машет на него, а оркестр тем временем начинает играть задорную мелодию под руководством Ахамбы.

Расстилайся, песня, на дворе!

А расскажем баю детворе!

Как у нас великий стольный град,

Вкруг него и горы стали в ряд!

В граде том круг солнца золотой,

С ним в обнимку малый круг второй,

Небо черное – защитник всей земли,

Нам тебя прославить повели!

В том же бодром темпе нам рассказывают биографию Азамата без купюр – как он родился на печи в далеком северном городе, как ездил летом к матери, как заботился о брате, как побеждал на соревнованиях, был всеобщим любимцем, участвовал в Первой джингошской, совершил подвиг, был ранен и изгнан «по воле жестоких богов», как обучился военному делу и участвовал во Второй джингошской, прослыл отличным капитаном, как «боги смилостивились» и «подарили» ему меня, как он снова победил в боях (даже титул умудрились зарифмовать, неленивые люди), как он выиграл Третью джингошскую кампанию и стал Императором. Заканчивается все это счастье гуйхалахом за здоровье Азамата и его будущего сына, ну еще и мое до кучи.

Азамат смеется, краснеет и утирает слезы, мне дико и весело, весь город хлопает и стучит разными предметами в такт музыке, я запрокидываю лицо к небу, потому что голова все равно кружится, а когда возвращаюсь в реальность, замечаю, как маленький ярко-рыжий зверек хлещет у Азамата из пиалы хримгу, ритмично помахивая хвостом.

Глава 1

Когда Азамат рассказал мне, что названия месяцев на Муданге происходят от архаичных имён разных богов, и каждый месяц посвящён своему богу, мне не потребовалось ни заглядывать в календарь, ни обращаться к Старейшинам, чтобы предсказать, что рожать я буду на стыке месяца Укун-Тингир и месяца Ирлик-хона. Сезоны на Муданге неравной длины: весной и осенью по пять месяцев, а летом и зимой по шесть, только зимой ещё несколько дней съедаются, потому что год составляет немножко меньше двадцати двух месяцев. Ну или потому что бог стужи, на которого приходится третий месяц зимы, -- карлик. Тут уж кому какое объяснение ближе. Укун-Тингир посвящён пятый месяц лета, потому что это самое урожайное время в северном полушарии, в котором лежит большая часть муданжского континента. Конечно, при такой длине лета в принципе урожай собирают по несколько раз в сезон, но всё же месяц Укун-Тингир -- это пик изобилия. Ну а Ирликом, понятное дело, всё заканчивается, потому что он ведь крадёт солнце. Равноденствие выпадает приблизительно на последний день лета, и после этого дни становятся короче ночей, к тому же весь месяц муданжские луны проскальзывают по небу ещё до заката, а ночью воцаряется беспросветная тьма. В этот месяц муданжские дети, собираясь в пустующих по ночам клубах, рассказывают страшилки, а молодёжь развлекается гаданиями и прочей ворожбой, примерно как у нас на святки. В это же время активизируется разнообразная нечисть, которая боялась показать нос, пока грозная Укун-Тингир приглядывала за планетой в свою смену.

Вот и лежу я теперь в шезлонге на веранде своего дома с видом на искрящиеся в полуденном солнце воды Дола, слушаю, как Азамат воркует над колыбелькой, и вроде как восстанавливаюсь после родов. Хотя и восстанавливаться-то особенно не приходится: всё прошло без сучка, без задоринки, даже понервничать не успела. Я долго думала,

лететь ли мне на Гарнет или довериться Ориве, которую я уже несколько месяцев прицельно учила принимать роды, но Азамат категорически заявил, что не доверит мою жизнь ни местным, ни гарнетским повитухам, и договорился с Земным Союзом о поставке партии врачей с целью обеспечивать медицинскую поддержку развивающемуся региону Вселенной. Честно говоря, я ужасно обрадовалась, и не столько даже тому, что буду в надёжных руках (я-то Ориве вполне доверяю), сколько тому, что будет с кем поделиться пациентами. Последнее время ко мне стали выстраиваться такие очереди, что пришлось задрать цену вдесятеро, чтобы хоть как-то справляться с потоком страждущих. И тут же, конечно, включилась совесть, и стала меня пилить, что помощь надо оказывать тем, кто в ней больше нуждается, а не тем, у кого больше денег, и всё в таком духе. Удивительно, как внезапно слишком мало пациентов превратилось в слишком много. Короче говоря, когда Азамат сказал, что подписал визы пяти врачам, я даже немножко поплясала от радости, хотя уже было тяжело.

Набрать миссионеров оказалось довольно трудно. Во-первых, мало кто вообще хотел лететь за тридевять галактик на этот никому не нужный Муданг, даже ради очень больших денег. И то сказать, у всех семьи, друзья, и все привыкли, что с работы домой можно добраться максимум за несколько часов, да и то если очередь на туннель слишком длинная. А тут земными средствами передвижения три недели, муданжскими полторы... С другой стороны, абы кого привозить тоже нельзя -- окажутся жуликами какими-нибудь, обманут солидных людей, и вот он международный скандал. Поэтому всех желающих пришлось проверять под микроскопом, и многие не прошли тест на вшивость. Ещё заметное количество порядочных людей сами сошли с дистанции, и зная методы Земного Союза, я не могу их осуждать. В итоге осталось четверо, и тут я вспомнила про Янку. Мы с ней переписывались всё то время, что я осваивалась на Муданге, и я много чего ей понарасказывала о местных обычаях. Она, конечно, от муданжцев несколько пострадала, её ведь тоже, как меня, пытались силком замуж выдать, но зато у неё уже был опыт культурного контакта, хоть и негативный. К тому же она училась вместе со мной в космическом колледже и тоже ходила на муданжский язык, а это очень большой плюс, поскольку на Муданге совсем мало

народу говорит на всеобщем. Так что я принялась Янку уговаривать. Ломалась она долго и крови всем попортила изрядно, но после того, как Азамат лично перед ней извинился за поведение своих сограждан и пообещал, что никто больше на её свободу не покусится, она всё-таки согласилась. И пока что об этом не жалеет. Вон она сидит на перилах, крутит рыжий локон и пожёвывает полоску вяленой сурчатины, наслаждаясь видом на девственную муданжскую природу.

-- Он опять заснул, -- разочарованно сообщает Азамат.

Я усмехаюсь.

-- А ты чего хочешь, чтобы он бегал на второй день?

-- Нет, конечно, -- вздыхает Азамат, и по вздоху понятно, что именно этого он и хочет. -- Просто никогда не видел таких маленьких детей...

Я закатываю глаза. Эту фразу я за последние двое суток слышу примерно двухсотый раз. А какого труда нам с Янкой и Оливой стоило уговорить начинающего папу вообще взять ребёнка на руки! Он же такой маленький-хрупкий, ах-ах-ах, да я не знаю, как его держать, а вдруг помну, а вдруг напугаю! Девчонки ещё поначалу в другую комнату уходили поржать, а потом плюнули на приличия, всё равно Азамат ни на что, кроме младенца, внимания не обращал. Потом ему стало казаться, что ребёнок плачет, потому что его боится. Потом ребёнок задрых у него на руках, всем своим видом демонстрируя беспочвенность папиных страхов. Азамат некоторое время повосхищался, а потом стал переживать, что это малыш всё время спит, а не заболел ли он? В общем, среди этого бардака я волновалась только, как бы от смеха кровотечение не началось.

-- погоди, -- успокаивает его Яна своим низким блюзовым голосом, -- ещё на стенку полезешь от его активности.

-- Если он в меня пойдёт, то да... -- мечтательно соглашается Азамат. -- Лиза, а ты в детстве активная была?

-- Не-а. Я в основном молчала и улыбалась. Но он больше на тебя похож, посмотрим, может, и характером тоже.

Похож -- это немного не то слово. Когда Янка мне впервые показала моё дитяtko, я почувствовала себя ксероксом. Разве что глазки голубые, так они могут со временем потемнеть. А так просто микро-Азамат. То-то матушка порадует. Конечно, подрастёт, может ещё проявятся какие-нибудь мои черты, но пока вообще ничего

общего, даже немного обидно, в конце концов, это я его носила. С другой стороны, теперь уж точно ни у кого язык не повернётся предположить, что Азамат ему не отец. А то я уже наслушалась сплетен и обвинений.

-- Слушай, Азамат, а нельзя парочку Старейшин сюда выписать на именование? А то уж очень не хочется в столицу переться.

-- Ты плохо себя чувствуешь? -- тут же настораживается он.

-- Да нормально я себя чувствую, просто как представлю, что надо собрать вещи, засунуться в тесный унгуц, потом ещё в Ахамадхоте жара, духота, машины, прокисшими фруктами везде пахнет... Может, не будем мучить ребёнка?

Азамат качает головой.

-- И обычного-то человека именовать должен весь Совет, а уж будущего Императора -- обязательно. А все Старейшины даже по твоей прихоти сюда не полетят, тем более, что столичным жителям ведь интересно на наследника посмотреть, убедиться, что он здоровый и красивый. Так что лететь надо, никуда не денешься. В принципе, если ты не хочешь, то можешь остаться, твоё присутствие не обязательно.

-- Ну ага, конечно! Мало того, что имя моему ребёнку будут придумывать какие-то чужие дядьки, так ещё чтобы я не присутствовала? Нет уж. Надо хотя бы проследить, чтобы на моём родном языке это имя нормально звучало, а то знаю я вас, назовёте каким-нибудь Хунь-Кирдыком, и что я маме скажу?!

-- А что не так с этим именем? -- удивляется Азамат. -- Я знал одного хорошего человека...

Продолжение тонет в нашем с Янкой дружном хохоте.

-- Ну ладно, ладно, -- успокаивает нас Азамат. -- Я написал Старейшине Ажгдийдимидину, объяснил, что у вас на Земле совсем другая традиция с именами, и он пообещал, что Совет посчитается с твоим мнением.

В столицу мы выбираемся на следующий день всей компанией. Янка там вообще-то работает, вместе с Оривой, которую я ей отдала во временное пользование, пока я в декрете, так сказать. Коллеги-земляне пока побаиваются переселяться в другие города и толкуются в столице, где немного повыше процент говорящих на всеобщем. Старейшина Унгуц и ещё двое книжников по возможности интенсивно учат их

муданжскому, но всё равно они ещё долго не смогут свободно общаться с пациентами без переводчика, а пациенты совершенно не жаждут посвящать этих переводчиков в свои проблемы. Янка, конечно, тоже не ахти как разговаривает, примерно как я в начале всей этой эпопеи, но её пациенты часто и сами говорить не умеют, она же педиатр.

Азамат сажает нас прямо перед Домом Старейшин, вынимает меня из кабины и аккуратно ставит на крыльцо, косясь на Янку. Всё никак не поверит, что меня уже можно размещать в пространстве вертикально. На площади почти никого нет, только несколько ребят сидят на перилах над рекой, да ещё мимо проходят какие-то люди. Мы заходим внутрь.

В Доме Старейшин как всегда жарко, душно и пахнет благовониями, от чего мелкий на руках у Янки тут же начинает хныкать. Я не успеваю даже обернуться, как Азамат его уже перехватил и принялся укачивать, одновременно командуя прислужнику открыть окна.

-- Старейшины этого не любят, -- хмурится прислужник.

-- Плачущих детей они любят ещё меньше, -- веско отвечает Азамат.

Янка и Орива выходят ждать нас снаружи в теньке, а нас приглашают в Сердце Дома, то бишь, зал, где сидит Совет. Гляди-ка, и правда все восемнадцать собрались. Унгуц нам радостно подмигивает, Ажгдийдимидин кивает, мы киваем обоим в ответ. Прислужник и тут открывает два окна и занавешивает их тяжёлыми гобеленами, чтобы никто с улицы не подсмотрел за тайнством.

-- Тэк-с, -- начинает Старейшина Асундул и прокашливается, глядя в какой-то листок. -- Что у нас дальше... Именование наследника.

Можно подумать, они сегодня прямо с утра всем составом заседают и уже забыли, ради чего! Хотя наверное это что-то обрядовое, чтобы нечисти голову заморочить, сделать вид, будто дело не важное. Ох и набралась же я тут суеверий!

-- Азамат Байч-Харах, значит... -- продолжает бубнить Старейшина Асундул. -- Урик, ты списки предков составил?

Прислужник кивает и принимается раздавать всем Старейшинам листки с огромным списком имён, насколько я могу видеть, исключительно мужских.

-- А что, имена предков как-то влияют?.. -- спрашиваю у Азамата шёпотом.

Он прищуривается.

-- Скорее помогают выбрать.

Прислужник Урик, закончив со списками, прикатывает большой прозрачный экран, из тех, которые с одной стороны картинку показывают, а с другой выглядят, как тонированное стекло, и ставит его между Старейшинами и нами. Ага, то есть, нам туда смотреть не предлагается. Старейшина Асундул, прищурившись, начинает что-то двигать на экране пальцем.

-- Так, ну, глухие я сразу убираю? -- уточняет он, оглядывая Совет. Все согласно гудят. Азамат тихонько выдыхает. Тоже ведь переживал, а вдруг мальчику не судьба править, вдруг глухое имя дадут. Можно подумать, Старейшинам очень надо следующего Императора заново выбирать. Они только расслабились, что можно часть обязательств на кого-то свалить...

Кстати об обязательствах. Азамат теперь крутится, как белка в колесе, конечно. Каждый десятый день у него судебный -- разбирает тяжбы. В остальное время он пытается оживить институт полиции, который благополучно загнулся за двести лет, и ведёт постоянные переговоры с другими планетами, к счастью, в основном по Сети, хотя пару раз уже выезжал на какие-то станции. Ещё он надеется к зиме обновить дороги, чтобы обеспечить торговое сообщение между экватором и севером, а ещё пришлось создать регулярную армию, джингоши-то не спят, вот, опять же, надо что-то делать с джингошскими платиновыми карьерами, пока свои же до центра планеты всё не растащили, а в перспективе хорошо бы вступить в экономический союз с Землёй, Ареем и Тамлем, а они требуют устойчивого природопользования... В общем, я бы уже давно слегла, а Азамат ничего, вертится. Старейшины, правда, сильно помогают, да и бывшие соратники тут же получили посты с полномочиями. Вот уж что Азамат хорошо умеет делать, так это организовать осмысленную деятельность. Так что в итоге он даже время от времени может себе позволить выходные, вот например, чтобы посидеть под дверью пока я рожаю и от души понервничать.

-- Да-альше, -- тянет Старейшина Асундул. -- Ну тут в списке все на "А", это менять не будем? Хорошо-о... Так, занятые от-кдю-

чаем... Ну вот, ребят, смотрите, что есть.

Старейшины вытягивают шеи, прищуриваются, кое-кто достаёт очки. Шевелят губами, бормочут, переспрашивают друг друга. Один Ажгдийдимидин глядит в пространство, как будто происходящее его вообще не касается.

Унгуц отрывается от созерцания экрана.

-- Ну, это всё хорошо, но давайте на ребёночка-то посмотрим!

-- Да, да, точно, -- гудят остальные, как будто только что вспомнили об этой немаловажной детали. Азамат встаёт и, неся мелкого на вытянутых руках перед собой, предъявляет его всем Старейшинам по очереди.

-- Ой ты какой хороший! -- не удерживается Унгуц. Асундул на него цыкает, но сам тоже улыбается в бороду.

-- Здоровый? -- уточняет Изинботор. Азамат кивает.

Ажгдийдимидин смотрит на ребёнка таким взглядом, как будто вспомнил что-то весёлое, но ничего не пишет и не показывает. Я считаю, это хороший признак. Наконец все обнесены, и Азамат возвращается ко мне.

-- Совет предлагает вам удалиться и подождать решения, -- будничным тоном сообщает Старейшина Асундул. Мы выходим в ту самую комнату, где сидели в ожидании приговора по свадьбе. Там сейчас почти прохладно, потому что ветер с реки продувает через два окна.

-- Ты как? -- спрашивает Азамат, пододвигая мне подушку для сидения.

-- У меня как всегда начинает болеть голова от благовоний. Тебе не показалось, что наш духовник как-то уж очень безразличен к происходящему?

Азамат пожимает плечами.

-- Я думаю, он уже знает, как малыша назовут, так что ему должно быть скучно. Ты заметила, как он на него смотрел? Что-то хорошее у него в судьбе увидел, не иначе...

Минут через десять Урик приглашает нас обратно. Старейшина Асундул держит на вытянутой руке очередной листочек. Надо будет ему дальнорюкые линзы поставить.

-- Совет Старейшин в составе, по старшинству: Унгуц, Асундул, Удолын, Агылновч... -- он продолжает перечислять всех

присутствующих, но у меня по-прежнему мударжские имена в голове плохо держатся, -- Ажгдийдимидин и Изинботор, по поводу имени сына Азамата Байч-Хараха решение принял. Имя то -- Арамат.

Вот я так и знала, что налажают!

-- Я против, -- говорю с тяжёлым вздохом. Я так надеялась обойтись без драки... Ещё и живот заныл вдобавок. Азамат смотрит на меня с сочувствием.

-- Как это против? -- моргает Асундул. -- Это решение Совета!

-- А так против, -- тоскливо поясняю я. -- Был уговор, что если на моём языке имя звучит нелепо, то вы это примете в расчёт, правда же?

Старейшина Асундул явно собирается возмутиться, но наш духовник быстро вкладывает ему в ладонь бумажку. Асундул некоторое время щурится, читая мелкий почерк коллеги.

-- Ну ладно, -- говорит он наконец растерянно. -- Уговор был, не спору. Но почём же нам знать, какое имя как на твоём языке звучит?

Я только собираюсь картинно развести руками, дескать, это вам виднее, дорогие мудрецы, когда меня перебивает один из самых древних дедов, кажется, Агылновч.

-- Да она свои варианты сначала предложит пусть!

-- Правильно, правильно! -- соглашаются все.

-- Ладно, гхм, Элизабет, -- кивает Старейшина Асундул. -- Как бы ты этого ребёнка назвать хотела?

-- Ну-у, например, Олег, -- предлагаю, несколько растерявшись. Поскольку Азамат почти сразу поставил меня перед фактом, что называть ребёнка будут Старейшины, то я как-то и не думала на эту тему.

-- Хм, -- Старейшина Асундул почёсывает бороду и обводит окружающих взглядом. Окружающие тоже почёсывают бороды, у кого они есть. Азамат приподнимает брови, потом улыбается мне и снова оборачивается к ребёнку. Не иначе, примеряет.

-- По-моему, неплохо, -- осторожно говорит Унгуц.

-- Да тебе всё нравится, что она предлагает, -- усмехается его сосед.

-- Ладно тебе, правда ведь имя хорошее, -- укоряет его Агылновч. -- А что оно значит-то по-вашему, молодущка?

-- Э... -- я лихорадочно припоминаю хоть одну дурацкую рекламу типа "хочешь узнать тайну своего имени? пришли сообщение!" -- там обычно в качестве завлекалки приводят примеры... -- Ну-у, мне трудно перевести-и, -- тяну время изо всех сил. -- Ну, там про благословение... и свет... примерно так... Так звали одного из наших первых князей! -- выпаливаю я наконец-то подвернувшийся довод. Правда, историю я помню плохо, и что это был за князь, не имею ни малейшего представления. Да и само слово "князь" на мударжском означает строго принца, то есть, наследника трона, но никак не собственно правителя. Не говоря уж о том, что я спокойненько обобщила свою страну до всей Земли... Ну да ладно.

-- О-о, неплохо, -- кивает Асундул. -- И не занято. Ну что, как думаете, подходит имя?

Все согласно кивают, кто с большим, кто с меньшим энтузиазмом.

-- Ну хорошо. В таком случае, Совет в составе, по старшинству: Унгуц, Асундул, Удолын... -- весь список звучит заново, -- Ажгдийдимидин, Изинботор и жена Императора Элизабет, по поводу имени сына Азамата Байч-Хараха решение принял. Имя то -- Алэк.

Молчу-молчу. Меня всё устраивает.

Азамат снова встаёт и подносит спящего, кхм, Алэка Ажгдийдимидину. Тот извлекает из-за пазухи дилля духовнический жезл, несколько раз взмахивает им над ребёнком, отчего по залу распространяется приторный запах очередного благовония, что-то нашёптывает и кивает Азамату. Тот кивает в ответ, я тоже киваю, остальные Старейшины кивают, и мы выходим на крыльцо.

Мама дорогая, сколько же снаружи народу! Кажется, вся столица пришла посмотреть на нашего первенца. Впрочем, я не удивлюсь, если так оно и есть.

-- Князь именован! -- вопит кто-то из толпы.

-- Князь именован!! -- вторят ему ещё несколько голосов. Кто-то принимается играть на дудке, ближайшие граждане тянут шеи, чтобы рассмотреть своего будущего Императора. Азамат осторожно перехватывает мелкого поудобнее и поднимает над головой, чтобы все видели. Люди хлопают в ладоши, свистят и кричат "Танн!". Азамат светится счастьем, а я стараюсь благосклонно улыбаться, хотя не отказалась бы прилечь. Наконец к нам пробивается Тирбиш и

сообщает, что у него прямо за домом припаркована машина, и в ней уже сидят Яна с Оривой. Пока мы пробиваемся туда сквозь толпу, на меня сыплются подарки -- одежда, украшения, бормол, редкие пряности, гобелены, пелёнки, конвертики, башмачки, ползунки... К счастью, Тирбиш прихватил Большой Мешок, и складывает туда всё это барахло, а мне остаётся только благодарить.

-- Куда вас отвезти? -- спрашивает он, садясь за руль.

-- Давай в "Лесного демона", -- говорю. -- Там в это время обычно нет никого.

Можно было бы, конечно, домой, но там-то как раз полон дом народа. На месте сгоревшего Азаматова коттеджика столичные активисты за неделю отгрохали целый офисный центр, мы даже воспротивиться не успели. Поскольку нам для жизни так много места не требуется, а вот новой Императорской канцелярии нужно какое-то помещение, то Азамат решил просто разместить её в своём доме, всё равно он теперь на семейное гнёздышко не похож. Там, конечно, есть жилая часть со спальнями, кухней и куском сада, на который не выходят окна офисов, но всё равно довольно уютно.

В "Лесном демоне" я блаженно растягиваюсь на подушках, наблюдая, как Азамат с Тирбишем воркуют над ребёнком, теперь вдвоём.

-- Очуметь, -- бормочет Янка. -- За всё время, что практикую, таких трепетных мужиков не встречала.

-- Это Муданг, детка, -- хихикаю я.

Азамат что-то заказал, но я пока есть не хочу. Зато хозяин заведения, принеся заказ, никуда не уходит, а тоже присаживается поворковать, поздравить Императора и меня с чудесным отпрыском и пожелать удачи и красоты.

Пока происходит обмен любезностями, в трактир входят Эцаган и Алтонгирел, который несколько дней назад временно вернулся с Гарнета специально, чтобы посмотреть на мелкого, когда он родится. Эцаган с ним теперь не летает, потому что Азамат его назначил, грубо говоря, шефом полиции. Я не очень разбираюсь в муданжской системе чинов.

-- Ой какой маленький! -- с порога восклицает Эцаган. -- А можно его подержать? Здравствуйте, Лиза, здравствуйте, капитан! Ну можно?

Я начинаю посмеиваться, от чего у меня снова болит живот. Янка только головой качает.

-- Привет, -- скалится Азамат. -- Можно, наверное, только ост... О, Алтонгирел, привет!

Эцаган тут же усаживается по-турецки в торце нашего столика и укладывает мелкого на свои скрещённые ноги.

-- Ой ты хоро-о-о-оший какой, краси-и-ивый, да как похож на па-апу, ой, а глазки какие голубые! Алтонгирел, смотри!

Алтонгирел, который обменивался приветствиями с Азаматом, тут же отвлекается и идёт смотреть на глазки. Алэк начинает хныкать. Алтонгирел осторожно гладит его по голове, от чего хныканье вовсе не прекращается, а потом смотрит на меня с каким-то странным выражением.

-- Ты это, Лиза, -- он сглатывает, -- будь хорошей матерью.

-- Уж постараюсь, -- хмыкаю я, принимая более-менее сидячее положение. -- Давай-ка его сюда, он уже есть хочет, да и затискали вы его совсем.

Алтонгирел кивает, забирает мелкого у Эцагана и подносит мне. Я начинаю пристраивать его на подушку для кормления, как вдруг Алтонгирел снова нагибается и целует меня в макушку.

-- Да благословят тебя боги, -- говорит он в ответ на мой ошарашенный взгляд. Азамат и Эцаган переглядываются со странными улыбками.

Как следует меня эпатировав, Алтонгирел с неподобающей поспешностью покидает помещение.

-- Что это с ним? -- спрашиваю.

-- У него вчера было какое-то видение, -- лукаво ухмыляется Эцаган. -- Он ничего не рассказывал, но, наверное, это было про вас.

Я поджимаю губы.

-- Что ж ещё он мог про меня такого увидеть? Мне кажется, уже вся моя жизнь по пророчествам так расписана, что можно ежедневник не вести. Последние месяца два только ленивый не пытается предугадать, что я сделаю завтра. Тут вон на днях Азамату жаловалась: какой-то духовник-недоучка предсказал долхотским горожанкам, что после родов я стану носить шпильки по десять сантиметров, так они бедные накупили этого добра и теперь мучаются, по улицам в них

ходят. А в Долхоте помнишь, какие улицы? Это ж один сплошной глинистый буерак, а не город!

Эцаган хохочет, а Азамат вздыхает.

-- Надо с городскими дорогами что-то делать, это никуда не годится. В Ахмадхоте-то не лучше. Но Алтонгирела ты зря в один ряд с такими записываешь. Уж если он что предсказывает, то это точно от богов идёт. Он потому и взбудораженный такой, что контакты с богами для людей непросто проходят.

-- Ну не знаю, -- пожимаю плечами. -- Для меня просто...

Мужики переглядываются и смеются.

-- Это вам сейчас так кажется, Хотон-хон, -- хихикает Тирбиш. -- Вы просто тогда себя со стороны не видели.

Я открываю рот, чтобы возразить, но тут в таверну снова впадает Алтоша, только уже не один, а с "нашими" Старейшинами -- Унгуцем и Ажгдийдимидином. И тоже застывает с раскрытым ртом, вытаращась на меня. Так и смотрим друг на друга, как на приёме у дантиста.

-- Ну чего ты, Алтон-хян? -- Унгуц похлопывает его по плечу. -- Кормящей женщины не видел никогда?

Алтонгирел стремительно краснеет, это видно даже в неяром свете таверны.

-- Ну-у, как бы... -- с трудом выдавливают он, -- а обязательно делать это у всех на виду?

-- А что мне, всех выгонять, что ли? -- удивляюсь я. Вот ещё тоже блюстителю приличий на мою голову. Старейшины, которые усаживаются за нашим столиком, посмеиваются.

-- М-мне казалось, обычно женщины уходят для этого в другую комнату, -- осторожно намекает Алтоша. Всё-таки что-то изменилось в его отношении ко мне. Ещё весной так бы и сказал прямым текстом: "Пошла вон!"

-- Не нравится, не смотри, -- фыркаю я.

Алтонгирел вопросительно косится на Азамата, дескать, как же ты такое позволяешь? Азамат смотрит на него исподлобья.

-- Ты же не думаешь, что я должен Лизу выставлять из-за стола на время кормления? Она, между прочим, ещё не совсем здорова...

-- Не думаю, -- быстро отвечает Алтонгирел и садится в дальний угол, так, чтобы не видеть меня из-за Тирбиша. Ребёнок помахивает

ему вслед кулачком; выглядит довольно угрожающе.

-- Алэк, значит, -- Унгуц подвигается поближе и принимается рассматривать мелкого.

-- А что это имя значит по-муданжски? -- спрашиваю. Имена из двух слов я обычно могу перевести, а такие короткие, насколько я знаю, очень старые, и за века приобрели всякие сложные значения.

-- Так назовут человека, который всегда добьётся своего. Целеустремлённого, -- Унгуц ласково гладит мелкого по животу, -- энергичного, удачливого...

Ажгдийдимидин дёргает Унгуца за рукав, а потом стучит кулаком об пол, что у муданжцев соответствует нашему жесту погрозить пальцем.

-- Да ладно тебе, -- отмахивается Унгуц. -- Я в прошлом месяце вообще благодать не раздавал, могу себе позволить!

Ажгдийдимидин сужает глаза и шкрябает на бумажке: "Копил?"

Унгуц поджимает губы.

Духовник продолжает писать: "Тут и без тебя хватит, расслабься".

-- Можно подумать, ты сам не больше обычного выложился, -- ворчит Унгуц, но от меня отодвигается.

-- Как... прошёл обряд? -- осторожно спрашивает Тирбиш, чтобы всех отвлечь. Остальные изо всех сил стараются не замечать диалог Старейшин. Простым людям не положено знать, что Старейшины могут быть неправы или не соглашаться между собой.

-- Предсказуемо, -- хмыкаю я. -- Хотя мне показалось, в этот раз было как-то формальнее, чем на свадьбе. Тогда нам и Старейшин не перечисляли, и никакого "совет решение принял"...

-- Ну ты сравнила! -- усмехается Унгуц. -- Именование -- обычная процедура, давно обкатанная, там и думать особенно не надо. А свадьба -- это же ответственное решение! Тем более, чего ждать от твоего ребёнка, и без имени понятно. А вот чего ждать от тебя, никто из нас не знал. Даже твой духовник. Правда же, Ажги-хян?

Духовник хмурится, но не возражает.

-- Вот-вот, -- продолжает Унгуц. -- У нас такого ещё не было, чтобы пришлось решать судьбу человека, которого ни один Старейшина до тех пор в глаза не видал! А именование-то что, именование мы раз по десять в день проводим, и обычно всего по

трое-четверо для этого собираемся, а то когда много народа, видно плохо. Впрочем, сегодня и так всё было ясно. Я как пришёл на Совет, мне Ажги-хян р-раз записочку, мол, можно расслабиться, Лиза всё равно сама имя выберет. Это Асундул вечно любит, чтобы всё по уставу было. Кстати, что-то он последнее время фамильярничать стал. При своих-то ничего, но с этими международными делами как бы не оконфузиться... Я понимаю, конечно, что он остальных Старейшин почти всех сам читать учил, но я-то его помню ещё когда он на лошади сидеть не умел!

Ажгдийдимидин жестом показывает мне перекатиться к нему поближе и вручает мне распечатанный листок. Видимо, подготовил речь заранее.

"По нашим традициям, -- гласит листок, и я уже начинаю нервничать, -- Хотон-хон положено иметь круг приближённых подруг из числа уважаемых горожанок. Пока ты была тяжёлая князем, Совет решил тебя не беспокоить. Однако теперь настало время задуматься, кого ты хочешь видеть вокруг себя. Выбирай женщин надёжных, опытных в обращении с детьми и в отведении сглаза".

-- Э-э-э... -- растерянно говорю я. -- Да у меня тут всего-то подруг две с половиной, из них одна с Земли. Зачем мне какие-то женщины, когда у меня вон Тирбиш нянькой?

Духовник, не теряясь, протягивает мне ещё одну распечатку.

"Приближённые подруги нужны, чтобы поддерживать тебя в грусти, развлекать в скуке, наставлять в сомнении и покрывать в грехе. Женщине не всегда может помочь духовный наставник, поскольку путь мыслей мужчины и женщины различны. Не забывай так же и о том, что столичные женщины об этой традиции знают и помнят и надеются войти в твой круг приближённых".

-- То есть, проще говоря, вы опять хотите вставить меня в клуб, только теперь круглосуточно и на дому? -- обречённо спрашиваю я.

"Тебе не обязательно с ними шить", -- пишет Ажгдийдимидин на обороте листка. -- "И можешь сама их выбрать".

-- Азама-а-а-ат, -- хнычу я. -- Мне опять велят общаться с местными тётками...

-- Ну почему только с местными? -- пожимает плечами Азамат. -
- Никто не будет против, если ты пригласишь в круг своих землячек.

Все поймут, я думаю. А ещё у тебя есть Задира и Орешница. Вот и круг.

-- Так это чисто формально или мы как-то собираться должны?

-- Формально, -- успокаивает меня Унгуц. -- Но видеться ты должна хотя бы раз в месяц с каждой из женщин.

Ну ладно, раз в месяц, может, и выкроится время. Не всё так плохо, как я сначала подумала. Это не районный клуб, это мои нормальные знакомые, и не очень часто. Подзываю девиц и объясняю на двух языках, что мне (а точнее, Старейшинам) от них занудобилось.

Янка пожимает плечами: надо так надо.

Орива вытаращивает свои и без того немаленькие глаза:

-- Вы правда хотите взять меня в круг? А мне разве можно? Я ведь не ахмадхотская...

-- Живёшь-то здесь, -- отмахивается Унгуц. -- А где родилась, кому какое дело.

Я киваю на Унгуца, мол, вот, слушай, что умные люди говорят.

-- Но вы серьёзно хотите меня взять? -- снова уточняет Орива. -- Я же не знатная никакая, даже не замужняя, не говоря уж что детей нет. Да и мы с вами не очень-то близки...

-- Ну, дорогая, у меня не так уж много близких людей, -- пожимаю плечами. -- Не волнуйся, тебе не придётся, э-э, как это там было? Наставлять меня в сомнении, во. Но если не хочешь, так и скажи, я не обижусь. Сама бы обошлась, да вот, заставляют...

-- Да вы что, для меня это честь! -- замеряет меня Орива. -- Сёстрам напишу -- вот обзавидуются! Ничо так, приехала подзаработать, бац -- и в кругу приближённых подруг Хотон-хон!

Я только головой качаю. Подумаешь, какая существенная разница! Ходить ко мне наряды шить -- это нормально, а попасть в круг приближённых -- уже честь. Никогда не угадаешь с этими муданжцами.

-- Две -- это мало, -- напоминает о своём существовании Алтонгирел. -- На первое время сойдёт, но начинай присматриваться к горожанкам. Нужно хотя бы четыре-пять.

-- А как я, интересно, могу выбрать надёжных подруг из совершенно незнакомых женщин? -- задаю я риторический вопрос. То есть, я-то хотела задать очень даже конкретный практический вопрос,

но духовники явно истолковали его как риторический. Проигнорировали, то есть.

Глава 2

После условного празднования в "Лесном демоне" мы всё-таки едем в новый Азаматов дворец, который у меня теперь язык не поворачивается обозначить как "домой". Азамат хочет поработать до вечера, раз уж он в столице, а потом можно будет снова смыться, заодно послать пилота за матушкой, пускай приедет посмотреть на мой дом и своего внука.

Стоит мне с комфортом расположиться на кровати, как в дверь моей местной спальни безапелляционно стучат.

-- Открыто, -- говорю.

Стук повторяется. Ладно, придётся соскестись с дивана и дочавкать до двери.

За дверью стоит мастер искусств, и у меня тут же заболевает голова.

Дело в том, что муданжцы супротив среднего землянина чудовищно суеверны. Я понимаю, конечно, что в отличие от нас у них это предписано государственной религией, но всё равно можно было бы и поубавить. Вот, например, есть этот ужасный запрет на фотографии маленьких детей. То есть, как я выяснила, фотографировать в принципе можно, если уж очень приспичит. Но фотографии следует хорошенько спрятать, чтобы никто их не увидел, пока ребёнок не подрастёт. Лучше даже самой не смотреть. А то, дескать, чужие люди проклянут или боги позавидуют или ещё сто двадцать восемь несчастий.

Примерно то же самое теперь и с нами. Мы с Азаматом можем снимать друг друга сколько влезет, но эти снимки положено беречь абсолютно ото всех глаз, в том числе нашего духовника, Старейшин, родителей... и лучше ещё друг от друга. Я, правда, не очень-то следую этому правилу: мама регулярно стребывает с меня свежие фотографии, чтобы поставить в электронную рамочку на каминной полке в своём новом доме. Да и Сашка повесил у себя над компом на работе суровый лик Азамата, а на вопросы коллег, зачем это, тайнственно улыбается. К счастью, правило насчёт фотографий -- это именно суеверие, а не закон, и нарушение его никак не карается.

Однако подданным из дальних регионов, которые не имеют возможности приехать в столицу просто чтобы поглазеть на нас, нужно каким-то образом нас показать. Кое-кто, конечно, успел обзавестись нашими изображениями до избрания, но эти люди, будучи столь же суеверными, как и прочие, держат свои снимки в строжайшем секрете. Очевидное решение проблемы -- рукописные портреты. На них суеверие не распространяется, потому что, дескать, нарисовать в точности всё равно нельзя, а значит, воспользоваться таким изображением для сглаза не получится. Тем более, что в таком портрете применяются всякие специальные приёмы приукрашивания, которые гарантируют безопасность.

Мой портрет столичный мастер искусств написал месяц назад, с максимальным животом. Оказывается, жену Императора положено рисовать беременной, поскольку это вселяет надежды на спокойный век без существенных перемен, да и вообще по муданжским представлениям беременная женщина -- самая красивая. Портрет мне, правда, не очень понравился. На себя я там совсем не похожа, поскольку моё лицо подогнули под муданжский канон красоты, только что глаза и волосы перекрашивать не стали. Логика в этом некоторая есть: представление среднего муданжца о красивой женщине к моим чертам лица не имеет никакого отношения, это просто стереотип, что все земляне красивые. О том, как вообще выглядят европеиды, имеет представление небольшая часть образованных жителей крупных городов. А какой-нибудь деревенский голова, поглядев на портрет первой леди, может и не проникнуться и не оценить экзотической красоты. Мне-то что, а человек расстроится. Вот мастер искусств и постарался меня так нарисовать, чтобы всем было доступно.

Гораздо хуже дело обстоит с Азаматом. Прежде всего, он первый в истории Муданга некрасивый Император. И скрыть этот факт уже точно не получится, потому что на второй день после избрания по планете уже ползали разнообразные жутковатые описания, в которых находилось место для клыков, бородавок и шакальей шерсти, не говоря уже о чешуе и прочих крыльях. Короче говоря, в данный момент население Муданга в большинстве своём твёрдо верит, что Императором у них нынче какой-то полубог-полудемон со звериной мордой и страшный до одури. Азамат, понятно, не в восторге, но для него это не было неожиданностью. Однако имидж правителя -- вещь

серьёзная, в прежние дни портрет Императора был в каждом доме хотя бы потому, что Императорами обычно были исключительно красивые люди. Есть даже отдельные любители, коллекционирующие портреты Императоров разных эпох... Совет Старейшин устроил особое заседание по этому вопросу и пришёл к решению, что рисовать Азамата надо. То, что он некрасивый, нарушает только одну традицию, а если не рисовать портрет, то нарушатся сразу две, а это уже слишком радикально для сознания среднего муданжца. Могут и возмутиться. Когда в теории вопрос с портретом был решён, немедленно возникла проблема на практике: ни один мастер искусств на всём Муданге никогда в жизни не рисовал ничего и никого некрасивого. И представления не имеет, как это делать. Старейшины собрали в столице всех самых выдающихся художников современности, и те несколько дней усердно ломали головы и кисти над проблемой, периодически требуя подать им объект спора и рассматривая его с разных сторон и расстояний. Это кончилось несколькими драками, но решение так и не было найдено. Азамат ходил злой, как три Алтонгирела, даже разок огрызнулся на кого-то в канцелярии, отчего вся столица потом ещё пару дней трепетала -- Азамат уже успел зарекомендовать себя как исключительно добродушного и терпеливого человека.

После того, как художников разняли и подлечили, кому-то из них пришла в голову светлая мысль попросить меня о помощи. Дескать, я же как-то терплю своего мужа, значит, наверное, знаю, как именно надо на него смотреть, чтобы было красиво. Я почесала в затылке и предложила им тупо нарисовать, как есть, потому что Совет Старейшин пришёл к решению, что надо рисовать, а не что надо рисовать красиво. Мне удивлённо сообщили, что нарисовать некрасиво совершенно невозможно, ибо всё искусство рисования заключается в том, чтобы сделать красиво. А для того, чтобы изобразить как есть, существует фотография. Я почесала в затылке второй раз, покопалась в Сети и продемонстрировала господам художникам подборочку старинных земных портретов всяких малоприятных граждан, дескать, вот, портреты, а некрасиво. Но мои доводы разбились в прах о несокрушимое представление муданжцев, что все земляне красивы, даже если у них по восемь подбородков, фиолетово-зелёный цвет лица и нет одного глаза. Я попыталась поискать портреты уродцев с других

планет, но ничего убедительного не нашла. Тогда я предложила нарисовать Азамата в левый профиль, на котором шрамов почти нет, а что есть, то можно проигнорировать, списав на то самое приукрашивание. Но мне категорически заявили, что у портрета Императора есть канон, а именно анфас, в полный рост, на лошади и с мечом, и изменить канону -- это такое же нарушение традиции, как не рисовать портрет вообще. В итоге, когда мастера искусств вновь потребовали Азамата на ковёр для рассматривания под лупой, он отказался в довольно грубой форме и заявил, что у него всё равно нет времени позировать, так что пусть рисуют без него, раз уж так подробно его изучили. Художники обиделись и разъехались, оставив столичных представителей профессии разбираться самостоятельно.

Так вот, стоит, значит, на пороге моей спальни мастер искусств, первый в столице, длинный тощий старый хрен с условно одухотворённым лицом и жиденькой косичкой до колен. Он ко мне навевается всякий раз как я бываю в столице, что в последнее время не очень часто на моё счастье. Чего он хочет, я не понимаю. То есть, понятно, что он надеется, что я как-нибудь решу проблему с портретом Азамата, каким-нибудь чудесным способом. То ли исцелю его, то ли богов попрошу... не знаю. От постоянных размышлений об этом несчастном портрете у меня даже появилась идея, но донести её до мастера мне не удалось с пяти раз, так что я отчаялась.

-- Здравствуйте, мастер, -- уныло приветствую я. -- Чем могу быть полезна?

-- Здравствуйте, Хотон-хон. Да вот, зашёл поинтересоваться, вы случайно с мужем не поговорили?

Собственно, я почти исключительно этим и занималась последние несколько дней между схватками и кормлениями.

-- О чём я должна была с ним поговорить? -- тоскливо протягиваю я, заранее зная ответ.

-- Ну как, о портрете об этом. Уже лето на исходе, а всё по-прежнему. Надо же что-то делать!

-- Так делайте, раз надо, -- говорю. -- Я-то тут причём? Моя забота вон в кровати спит.

-- Да как же делать-то? Вот ведь в чём проблема! Ещё, видите, он позировать отказывается...

В таком духе с ним можно разговаривать вечно. Это, кстати, ещё одна причина, по которой я не хотела лететь в столицу на именованье, но Азамату я о художниках напоминать не стала, а то он и правда клыки отрастит.

Я с горечью понимаю, что придётся предложить мастеру сесть, потому что стоять я уже устала, а он нескоро уйдёт, даже если я его грубо пошлю. Он принадлежит к категории счастливых людей с избирательным слухом. Но мне везёт -- дверь гостиной открывается и заходит какой-то ещё человек, мне не знакомый.

-- Мастер Овыас! -- окликает он с порога. -- Где вы... ой!

Последнее явно относится ко мне, потому что вошедший молодой человек застывает посреди комнаты, уставившись на меня круглыми глазами.

-- Куда ты вломился, болван! -- неожиданно эмоционально рывкает на него мастер. -- Здесь вообще-то императорские покои!

-- П-простите, Х-хотон-хон... -- мямлит несчастный парень, пятясь к выходу. Ну нет, он сейчас сбежит, а я останусь один на один с мастером? Нет, спасибо!

-- Подождите, -- я милостиво улыбаюсь парнишке и машу рукой в сторону кресел в гостиной. -- Присядьте, пожалуйста, и вы тоже, мастер, я сейчас.

Иду проверить, дрыхнет ли чадушко. Возвращаюсь в гостиную и закрываю за собой дверь.

-- Я была бы вам очень признательна, мастер, -- говорю сахарно, -- если бы вы не кричали в присутствии спящего князя. А то, понимаете, мне придётся отрывать мужа от управления планетой, чтобы его укачать...

Я, естественно, и сама прекрасно справлюсь, но муданжские мамы очень любят сделать вид, что дети их не слушаются, чтобы спихнуть все хлопоты на и без того перегруженных мужей. Мастер искусств сразу принимает виноватый вид и долго извиняется. Так-то тебе, старому зануде.

Я присаживаюсь напротив гостей.

-- Я Элизабет, -- сообщаю парнишке. Мне последнее время доставляет массу удовольствия смотреть, как муданжцы теряются, когда я им представляюсь. По их убеждениям моё имя должно храниться в строгом секрете, чтобы не приведи боги никто не

напакостил, а уж если так необходимо кому-то моё имя сообщить, то делать это должен кто угодно, кроме меня, потому что в устах другого человека имя несёт меньше силы... ну или какой-то подобный бред. Я-то вполне уверена, что если кто-нибудь захочет мне подгадить, его успех или неудача будут связаны не с тем, как я своё имя скрываю, а с тем, как хорошо меня охраняют телохранители и духовник. Зато в ответ на моё доверчивое представление рядовые муданжцы чувствуют острую необходимость выложить о себе всю подноготную, а потом ещё хвастаются перед друзьями, что я им благоволю.

-- Я Бэр, -- после секундной ошарашенной паузы выпаливает юноша. -- Подмастерье, учусь у мастера Овыаса. Я хороший ученик, родился под Долхотом, отец рыбак... Я зашёл за мастером, потому что он задержался в канцелярии, а надо уже семинар у первогодок начинать, а... простите, я не знал, что вы тут... Э-э...

-- Ничего-ничего, -- я продолжаю милостиво улыбаться. Мастер сидит мрачнее тучи. Ему, видимо, довольно стыдно за простака-ученика, да ещё и теперь я точно знаю, что ему пора идти. Ох, чувствую, парню влетит... Ладно, сейчас как-нибудь поправим ситуацию. -- Как вовремя вы зашли, а то, я боюсь, я бы тут надолго задержала мастера разговором. Что ж, в таком случае мы с вами, мастер, увидимся в другой раз...

-- Н-да, прошу прощения, -- он встаёт и угрюмо кланяется. Паренёк Бэр тоже порывается встать, но я останавливаю его жестом. -- Вы не возражаете, если я задержу вашего ученика ненадолго? Он ведь в курсе проблемы с портретом, правда?

-- Безусловно, -- слегка огорошено отвечает мастер, потом зыркает на ученика и наконец очищает помещение от своей персоны. Ну слава богу! Не знаю уж, что он подумал... хотя на самом деле знаю, только размышлять об этом не хочу. Они все думают одно и то же, что у такого человека, как Азамат, не может быть верной жены. Судя по всему, мальчишка не сильно отличается от своего учителя в этом отношении: сидит красный, как Азаматов свитер, теребит в пальцах край рукава.

-- Говоришь, ты хороший ученик? -- спрашиваю гораздо менее светским тоном. Если его удивить, есть шанс, что он перестанет ждать, что я его сейчас изнасилую.

-- Да-а, -- охотно отвечает он. -- Мастер даже позволяет мне заканчивать его картины.

Я уже успела разобраться в здешних художественных правилах достаточно, чтобы знать, что это очень высокая оценка умений ученика. Значит, есть шанс, что он справится с моей задумкой. Теперь надо его немного заинтриговать...

-- А хранить секреты ты умеешь? Только честно!

-- Вы хотите доверить мне секрет? -- спрашивает он шёпотом, таращась на меня во все глаза. -- Да я его под пыткой не выдам!

-- Отлично, -- усмехаюсь. -- Тогда слушай. Я хочу поручить тебе одну очень ответственную работу. Если ты хорошо справишься, то получишь вознаграждение как самостоятельный художник.

-- А если я не справлюсь? -- в ужасе уточняет мальчишка. Ему лет шестнадцать, наверное.

-- Ну, тогда придётся мне искать кого-то другого, -- пожимаю плечами. -- Зато если справишься, то сразу станешь мастером, и тебе будут заказывать картины всякие богатые люди.

У парня глаза начинают сиять, как лазеры.

-- И я смогу больше не работать у мастера Овыаса?

-- Естественно, -- я заговорщицки улыбаюсь. -- Ну что, берёшься?

-- Да! А что надо делать?

-- Надо нарисовать портрет Императора, -- развожу руками.

Парнишка моментально сникает.

-- Но ведь никто не знает, как это сделать!

-- Я знаю, -- говорю. -- И я тебя научу.

-- Вы умеете рисовать? -- изумляется он.

-- Нет, но у меня есть идея, -- я подмигиваю, чем окончательно отшибаю впечатлительному мальчику дар речи.

Пока он ищет слова в своём образно-одарённом сознании, я беру бук и открываю в нём две папки с картинками. Одна -- это отобранные специально для этой цели фотографии Азамата. Попытки объяснить мою идею мастеру Овыасу оканчивались ровно на этом месте: он категорически отказывался рисовать Императора с фотографии. Вторая папка -- это просто картинки, накачанные из Сети, в основном, иллюстрации к книгам.

-- Вот смотри, -- говорю, -- что можно сделать.

Мальчик уходит от меня просветлённый, с предвкушением в глазах, пообещав, что работа будет готова через три дня. Я же, натрудившись за день, прозаично заваливаюсь спать до вечера.

Вечером Азамат заходит за мной вместе с Тирбишем. Тот чем-то ужасно доволен.

-- Ну что, -- Азамат подхватывает мелкого уже привычным движением, -- полетели домой?

-- Давай, -- говорю, поднимаясь с дивана.

-- Тирбиша берём с собой, он готов приступить к обязанностям няньки, -- усмехается Азамат, а Тирбиш расправляет плечи. Мы уже давно с ним об этом предварительно договорились, и Азамат, как всегда, хочет подоткнуть мне прислугу со всех сторон.

-- Я как узнал, что Алэк родился, сразу собираться начал, -- улыбается Тирбиш. -- Капитан надолго не задержится, а вам ведь помощь нужна.

-- Ну раз ты хочешь уже приступить, то пожалуйста, -- пожимаю плечами. -- Только вот с твоей помощью я совсем обленюсь. Ты ведь, небось, и готовить будешь, и прибираться, знаю я тебя.

-- Можем составить расписание, -- усмехается он.

Таких чёрных ночей я в своей жизни ещё не видела. Огоньки Ахмадхота быстро скрываются за горами, а луны на небе ни одной, да ещё и летим на восток: в столице сумерки, а на Доле-то уже ночь глухая. Глядя из окна кабины в густую черноту, я даже не могу с уверенностью сказать, что мы летим, а не стоим на месте. Азамат, конечно, включает во всё лобовое стекло экран с инфракрасным изображением, да и маршрут этот мы оба знаем, как свои пять пальцев, но всё равно страшновато. Только на подлёте к дому за окном появляется что-то светящееся -- это габаритные огни нашей крыши.

В приморских горах летней ночью кипит такая бурная жизнь, что приходится закрывать окна в детской, чтобы ребёнок не просыпался от каждого птичьего вопля, волчьего воя и прочих приятных звуков. Я и сама побаиваюсь, хотя Азамат говорит, что дикие звери в дом никак войти не смогут, да и не станут пытаться, потому что мы не держим скота, а летом в лесу все сытые. Однако мои котята шляются туда-сюда через форточки и подвал, как хотят. Они, конечно, маленькие, но кто знает, насколько опасны могут быть местные дикие звери того же размера.

Когда мы собираемся в кухне за ужином, котята берут нас на абордаж громовым мурчанием и требуют молока и масла, к которым я их довольно быстро приучила. Получив лакомство, они переключают внимание на лампы, вокруг которых вьются грозного вида муданжские ночные бабочки. Назвать эти авианосцы "мотыльками" у меня язык не поворачивается. Азамат встаёт на стул и, отцепив крючочки, спускает с потолка несколько верёвок. Котята немедленно взбираются по верёвкам и принимаются с хрустом уплетать шумных насекомых. Идея с верёвками пришла Азамату в голову, когда ему надоело каждый вечер отбиваться от хищно настроенных кошек, которые пытались использовать его в качестве подъёмника. Они, конечно, по-прежнему маленькие по сравнению с земными кошками, но всё-таки не такие крошечные, как когда мы их только взяли, килограмм-то в каждом есть, если не полтора, и когти острые. Кстати, они все трое оказались котами. Назвала я их Электрон, Мюон и Тау, потому что маленькие, а для Азамата эти слова очень смешно звучат. У них, на Муданге, все термины из физики и химии названы по-муданжски.

На следующий день застенчивый Бойонбот привозит к нам Азаматову матушку. Это его синенький проворный унгуц доставлял мне раненых во время кампании. Я выхожу вместе с Азаматом на посадочную площадку встречать.

Кабина открывается, и становится видна матушка в новой вышитой косынке и сверкающем золотом диле. Она боязливо высовывается за борт, прикидывая расстояние до травы под брюшком унгуца -- в отличие от нашего, который прямо на брюхо и приземляется, у этого есть ножки, так что получается довольно высоко прыгать.

Азамат приходит на выручку: подцепляет матушку из кабины и ставит на землю, придерживая, пока она не обретёт равновесие.

-- Ма! Наконец-то ты к нам выбралась!

-- О-ой, ну ты и домище отгрохал! -- протягивает матушка вместо приветствия. -- Вот Арават-то не видел, а то б бороду свою от зависти съел! Ну дела-а...

Бойонбот тем временем спрыгивает на землю и обходит унгуц.

-- Здравствуйте, Ахмад-хон! Вот, доставил в целости. Куда вещи выгружать? Ой, Хотон-хон! -- он мгновенно краснеет. -- Здравствуйте, простите, не заметил вас сначала...

-- А, Лиза, и правда! -- матушка наконец отвлекается от созерцания дома. -- Тебе ходить-то не рано?

-- Вещи в дом, вон тележка для этого, -- Азамат кивает на вход природной пещеры, где у нас импровизированный сарай.

-- Ничего, хожу понемногу, -- говорю. -- Ребёнок небольшой, никаких проблем не было, так чего разлёживаться?

-- Ой, как я хочу на него посмотреть! -- матушка аж щурится от предвкушения. -- Няньку-то взяли?

Забавно, что слово "няня" в муданжском мужского рода, а если попытаться сделать из него женский, то получится слово "кормилица", но это совсем не то же самое. Кормилицы на Муданге -- явление редкое, потому что у незамужних женщин обычно нет детей, а замужние не подрабатывают, тем более, если у них собственные грудные дети. Так что услуги женщины-кормилицы стоят раз в двадцать больше, чем услуги мужчины-няньки.

-- Взяли, взяли, -- заверяет Азамат. -- Пойдём, всех сама увидишь. Тебе не жарко в диле-то, ма? Лето на дворе, даже у вас на севере не те погоды, чтобы так кутаться.

-- А у меня ничего нарядней нет, -- разводит руками матушка. -- Да нормально, потреплю, жара не холод.

-- Для кого наряжаться-то? -- не отстаёт Азамат. -- Тут нет никого, только мы, кошки и зверьё в лесу.

-- Ну так что ж я, к Императору домой в чём попало пойду? -- возмущается матушка. -- Сам-то в шелках!

Азамат качает головой.

-- Ладно, я потрясён красотой твоего наряда. Сейчас придём, переоденешься.

-- Вот правильно, я тебе всегда говорила: начинай с комплиментов.

Мы с Бойонботом ржём в кулаки, он при этом ярко-розовый.

Ребёнок у нас проветривается на террасе по другую сторону дома, так что Азамат сначала проводит матушку с обзорной экскурсией по дому, неприкрыто хвастаясь, какое у него тут техническое и эстетическое совершенство. Похоже, матушка -- единственный человек, с которым он не скромничает. Она, в свою очередь, так ахает и восторгается, что забывает, зачем приехала. Я решаю, что не надо им мешать и загоняю Бойонбота на кухню.

-- Как твоё зрение? -- спрашиваю.

-- Ой, -- он опять розовеет. -- Вы ещё помните... Вообще всё это время хорошо было, но в последние несколько дней стало похуже. Не знаю, может, я слишком много в экран смотрю...

-- Да нет, просто уже срок истёк у линз. Надо или менять или оперировать. Ты на Гарнет не собираешься в ближайшее время?

-- Собираюсь, а как же! Я ведь вместе с Алтонгирелом прилетел, мы опять на одном корабле работаем. А завтра улетим снова.

-- Тогда давай я тебе направление напишу и контакты клиники дам, а ты там возьми отпуск и подлечись. А то если сейчас новые линзы приклеить, ещё полгода ждать придётся, пока растворятся.

Пока я вожусь с распечатыванием, Бойонбот глазееет по сторонам, шурясь, чтобы рассмотреть всякие красоты Азаматовой работы.

-- Ой, что это? -- внезапно дёргается он.

-- Где?

-- Как будто зверёк какой-то промелькнул, вон там, под столом.

-- У меня три кошки.

-- Рыжих?

-- Нет, чёрных...

Я заглядываю за стол, но ничего там не нахожу. Ползать на четвереньках под мебелью я пока не готова.

-- Ладно, -- отмахиваюсь. -- Как забежало, так и выбежит.

Отдаю ему бумажки идвигаюсь на террасу.

-- Чего-то вы долго гостей встречаете, -- Тирбиш скучает на перилах по соседству с кроваткой, в которой детёныш спит без задних ног.

-- Азамат повёл матушку дом показывать, а он большой, -- говорю. -- Ты тут никаких зверей не впускал?

-- Не-ет, -- удивляется Тирбиш. -- А что, завелись?

-- Да вон Бойонботу кто-то под столом примерещился.

Бойонбот сконфуженно пятится и натывается на дверь, которую как раз открывает Азамат с той стороны.

-- Ну вот, ма, -- тоном экскурсовода говорит он, -- а тут у нас терраса, все тут и собрались.

-- Ой красота-а... -- вздыхает матушка, окидывая взглядом наш шикарный вид на Дол. -- Вот это дворец, я понимаю... Ой, Лиза, а

какой у тебя там гобелен висит! Вроде и сделан просто, а такой выразительный! И не побоялась самого Ирлик-хона выткать.

Я хихикаю.

-- Так это я за успех кампании старалась... Мне сказали, надо Ирлика делать. Я, правда, до победы только половину соткала, остальное потом, времени-то не было совсем.

-- Небось первый твой гобелен? -- матушка качает головой.

-- Второй, первый с рыбками в детской висит.

-- Ой, я и не заметила, у вас эта детская так завалена барахлом...

-- Ты на малыша-то посмотреть не хочешь? -- перебивает её Азамат. Видимо боится, что сейчас нам станут читать нотации.

-- Хочу, хочу! А где?

Азамат мягко подталкивает матушку к кровати, а дальше всё тонет в возгласах восхищения, таких сладких, что мне хочется принять инсулина. М-да, бабушка из неё вышла качественная. Бойонбот и Тирбиш сходят с террасы в сторонку, чтобы не вмешиваться в наши семейные дела.

-- Сама кормишь? -- строго спрашивает у меня Ийзих-хон.

-- Конечно, -- серьёзно киваю я.

-- Правильно, хорошо, -- одобряет она. -- Я вот тоже сама кормила, вон какой здоровый вымахал! -- она похлопывает Азамата по спине. Он ужасно доволен.

После так сказать смотрин мы усаживаемся пить чай, и матушка всё заглядывается на бескрайнюю гладь Дола.

-- Рыбки бы тут половить... -- мечтательно вздыхает она.

-- Легко, -- кивает Азамат. -- Лодка есть, снасти тоже, можем завтра утром выбраться.

-- Правда что ль? -- удивляется матушка. Потом щурится: -- А прикормить?

Азамат смеётся.

-- Ты просто очень хочешь в лодке по Долу покататься. Ладно, сейчас устроим. Только переоденься, ради богов!

Матушка даже не спорит. Я показываю ей комнату, в которой она будет спать, и через пять минут она выходит в плотных широких домотканых женских штанах и кожаном жилете с грубыми металлическими заклёпками.

-- Ну я собралась! -- бодро сообщает она. -- Где у тебя лодка?

-- Сейчас всё будет, -- усмехается Азамат, которому тоже надо переодеться во что попроще.

Ему, как и ожидалось, надарили тонну подарков, и поток всё не иссякает, так что он теперь на людях исключительно в дарёной одежде ходит, да и камней на нём болтается, как на Ирлике, по крайней мере, на работе. Самое забавное -- это серьги. Уши у Азамата не проколоты (на Муданге этого вообще не делают), а серьги вешаются на дужки вокруг уха, как очки. Первые месяца два Азамат стонал и выл, что отвык носить украшения, уши у него чешутся, пальцы от колец не гнутся и шея устаёт, не говоря уж о том, что выглядит он смешно в таком наряде. Но ничего, довольно быстро привык обратно. В молодости-то он любил приодеться.

Ещё мне пришлось выдержать небольшую стычку с Советом Старейшин из-за Аравата. Он написал Старейшине Асундулу, что отменяет отречение, так что Азамат теперь официально считается его сыном. Сам Азамат по этому поводу предпочитает молчать и сохранять отсутствующее выражение лица. А я исхожу ядом -- хорошо устроился старый гриб, как сын Императором стал, так конечно, признал мгновенно! Я даже не поехала его осматривать повторно, Янку послала, а то ненароком отравлю.

Но это всё Совета не касается, только нашего духовника немного, а он обязан сохранять тайну исповеди, и не может сообщить на Совете, что сын и отец, мягко говоря, не в лучших отношениях. Правда, по-моему, это и так должно быть понятно, но... Муданг... В общем, Совет намекнул Азамату, что раз у него теперь снова есть отец, то нехреново бы постричься. Азамат, как всегда, промолчал, но мне почудилось, что он колеблется. Я побегала по потолку, покудахта, подняла Унгуца посреди ночи и принялась его пытаться, как можно избежать экзекуции. Он два дня просидел в архиве, пока я бдительно караулила Азамата, чтобы не дай боги не поддастся на провокацию. Наконец Унгуц возник на пороге Дома Старейшин, покрытый библиотечной пылью, и, чихая, объявил, что до сих пор Императорами Муданга становились исключительно старшие мужчины в семье и, соответственно, волос никогда не стригли. А если стричь, то встаёт вопрос, куда девать остриженное, так чтобы никакой злоумышленник ни одного волоска не спёр, а то ведь по волосу порчу навести -- нечего делать. К тому же следует прибавить, что существуют гимны,

восхваляющие Императора, где его именуют "Старший Отец Народа", так что хотя бы поэтому знак старшинства следует оставить. Унгуц приводил ещё какие-то веские мифологические доводы, которые я не совсем поняла, но в итоге Совет единогласно принял решение оставить всё, как есть.

Я слегка задумываюсь о вечном, когда чувствую, что меня саму кто-то трогает за волосы. Оказывается это матушка.

-- Забавные у тебя кудряшки, -- улыбается она, поглаживая меня по загривку. -- Какое счастье Азамату перепало всё-таки!

-- Да он сам счастье, -- пожимаю плечами.

Счастье является нам в камуфляже и кликает парней: Тирбиша на службу, а Бойонбота помогать с лодкой. Азамат, как и обещал, сделал рядом с лестницей к воде эскалатор, так что я тоже с ними спускаюсь ручкой помахать. Плавать меня совершенно не тянет. Азамат вытягивает лодку из пещеры-сарая при помощи сложной верёвочной конструкции, и пока Бойонбот её придерживает, погружает туда матушку.

-- Я и сама могу на борт-то шагнуть!

-- Знаю, но так ведь быстрее, -- Азамат подмигивает.

Потом они с Бойонботом тоже грузятся в лодку и не торопясь отчаливают. Я, как и собиралась, машу вслед и поднимаюсь на эскалаторе обратно к террасе.

Там меня встречает немного растерянный Тирбиш.

-- Тут какой-то горец заходил, вас спрашивал, вот только что!

-- Какой ещё горец? -- моргаю. Я не знаю никаких горцев.

-- Молодой такой парень... Да вот только что за угол свернул! Сейчас я его окликну.

Тирбиш срывается с места, обегает террасу и дом, что-то кричит. Тишина. Он кричит ещё раз. Потом возвращается.

-- Не знаю, куда делся. Вот только-только вы отошли, тут он приходит. Паренёк меня младше, наверное. Красивый такой, для горца даже странно.

-- А как ты определил, что он горец?

-- Ну как же, у него волосы такие... -- Тирбиш прищёлкивает пальцами, подыскивая слово. -- Ну как ржавые. И на лице пятнышки мелкие. Такие только у северных горцев бывают.

-- Рыжий, что ли? -- уточняю. Никогда не видела рыжих муданжцев.

-- Можно и так сказать, -- кивает Тирбиш. Видимо у них в языке нет специального слова для обозначения этого цвета волос. Неудивительно, впрочем, если все одинаковые... ну или почти все. -- А вы точно никого такого не знаете?

-- Точно, -- категорически киваю я. -- Я бы запомнила.

-- Странно, он вёл себя так, как будто вы хорошо знакомы.

-- То есть?!

-- Ну, попросил с завтрашнего улова на его долю тоже рыбки приготовить.

Я хлопаю глазами так громко, что птицы на соседних деревьях затыкаются.

-- Рыбки?.. А откуда он мог узнать, что они на рыбалку собрались?

-- Вот и я удивился, -- пожимает плечами Тирбиш.

Я нервно проверяю, всё ли в порядке с ребёнком. Он сопит и в гробу видал галлюцинации под столом вместе с загадочными горцами.

-- К Алэку он не подходил, -- авторитетно заверяет Тирбиш. -- Даже на террасу не поднимался, только подошёл, вон там стоял.

Не то чтобы мне было сильно интересно, где он стоял, но я всё-таки подхожу поглядеть. Солнце перевалило за полдень, и на этой стороне террасы сейчас локальный ад, тени никакой, только на перилах чуть-чуть, и то непонятно, что её отбрасывает.

Я застываю. С усилием закрываю рот, пожимаю плечами и отхожу от перил с по возможности беспечным видом.

-- Ну, если он завтра придёт за своей рыбой, тогда и разберёмся.

Я не знаю, как Тирбиш отреагирует на визит Ирлика.

Наши рыбаки возвращаются очень довольные. Матушка у нас большой фанат водных пространств, если завтра рыбалка хорошо пройдёт, глядишь, и правда к нам переселится. Ребёнок как раз проснулся, напился и потребовал общения, и матушка тут же откликнулась на призыв. Нет, мне серьёзно кажется, что я могу не принимать никакого участия во взращивании этого дитяти.

А пока пользуюсь случаем и отвожу супруга в сторонку.

-- Слушай, Азамат, тут походу Ирлик в гости заходил.

-- Когда? -- хмурится он.

-- Да вот пока я вас провожала. Сказал Тирбишу, чтобы на его долю рыбы наготовили.

-- И Тирбиш не окочурился и не стал зайкой? -- Азамат поднимает бровь. -- Он, конечно, спокойный парень, но вот так невозмутимо поговорить с богом...

-- А он не понял, кто это был. Он мне его описал, а потом я тень заметила.

-- Что, хочешь сказать, Ирлик-хона можно не узнать? -- Азамат щурится в неверии.

-- Можно, -- киваю. -- Помнишь, я рассказывала, как он совсем человекоподобную форму принял? Тирбиш сказал, мол, горец какой-то заходил, рыжий. Ну а кто может с такой просьбой к нам тут зайти, спросить меня, а потом исчезнуть на ровном месте? Тем более, Бойонбот утром в кухне видел какого-то рыжего зверька.

-- М-да-а, -- Азамат чешет подбородок. -- Вообще, логично. Ирлик-хон ведь огненный бог, он воды боится, так что рыбу сам поймать не может. Ну ладно, угостим его, это не штука. Я, правда, думал попросить тебя сделать такие смешные рулетики, как ты делала пару месяцев назад, но на столько народа это долго, наверное...

-- А я вас всех научу, вместе будем крутить, получится быстро, -- предлагаю я. -- Только ты рыбу раздели, хорошо? А то я всё ещё нервничаю, когда её вижу. Я, конечно, работаю над собой, но...

-- Разделаю и закопчу, не беспокойся.

-- Ну тогда всё отлично, -- улыбаюсь.

-- Надо будет только немного в доме прибраться, -- Азамат оглядывает валяющиеся ровным слоем по террасе детские вещи.

-- Азамат-хян! -- окликает его матушка. -- Пойдём, куда вы там мои сумки отнесли, я же тебе сорочек нашла!

Глава 3

Наши мореплаватели привезли море рыбы. Уж казалось бы, живу тут почти год, а всё никак не привыкну к муданжским масштабам. Дома мы с друзьями иногда выбирались на какую-нибудь соседнюю планету-питомник, где можно довольно дёшево порыбачить, но то, что мы там вылавливали даже в самые удачные дни, не идёт ни в какое сравнение с муданжским изобилием. И это Азамат с матушкой на удочки ловили, потому что сетью получают сразу промышленные количества.

Азамат отгаскивает трепещущие мешки за скальный выступ, где у нас оборудован уличный очаг, чтобы не чадить в доме всякими дымными блюдами. Матушка, едва перекусив, семенит следом, закатывая рукава, а Тирбиш провожает её таким взглядом, что я его тоже отпускаю поюзаться с рыбой. Один Бойонбот сразу после рыбалки заваливается спать. Он сегодня поздно вечером улетает в космос вместе с Алтонгирелом, а ночью ему поспать не удалось, шакалий вой мешал, и вообще всякие жуткие звуки из леса. У нас с Азаматом и у Тирбиша окна на Дол, матушка ко всяким ночным звукам привыкла в своей деревне, а Бойонбот родился на Броге и большую часть жизни провёл не на Муданге, так что звуки дикой природы на него действуют устрашающе.

Когда рыба готова, мы садимся всем миром крутить роллы. Матушка сначала ворчит, мол, баловство это, готовую еду в рулоны скручивать, а с едой, мол, негоже баловаться, но процесс настолько затягивает, что вскоре её уже ничего не смущает.

-- Наверное хватит уже, -- неохотно говорит Тирбиш. -- Мы столько не съедим.

-- А нас ещё на одного больше будет, -- невозмутимо сообщает Азамат.

-- Это кто ж пожалует? -- удивляется матушка. -- Вы что тут, всю округу со своего стола кормите?

-- Да нет, это один хороший знакомый, -- Азамат лукаво на меня поглядывает, я киваю. -- Он вчера заходил, только Тирбиша застал.

-- А, этот горец! -- восклицает Тирбиш. -- Так вы его всё-таки знаете?

-- Да, знаем, -- подтверждаю. -- Просто вчера по твоему описанию не поняла, а потом догадалась.

-- А кто он такой? -- с любопытством спрашивает Тирбиш.

-- Странствующий охотник, -- не моргнув глазом врёт Азамат. Хотя кто знает этого Ирлика, может, это и правда. -- Он участвовал в последней войне, сильно помог в одном хитром деле... -- Азамат неопределённо машет рукой, якобы не хочет ворошить едва забытые военные переживания. -- В общем, я ему лично весьма благодарен, так что у моего стола ему всегда есть место.

Мне мерещится какой-то смешной звук, как будто мышь чихнула.

-- Ну ладно, -- разрешает матушка. -- Раз ты у него в долгу, то конечно, но вообще-то лучше бы ты гостей у себя в столице принимал. А то что за дело -- тут ребёнок маленький, жена ещё от родов не отошла, и вдруг каких-то посторонних мужиков в дом пускать!

Я открываю рот сказать, что этот конкретный мужик нашего ребёнка внутриутробно благословить успел, не говоря уже ни о чём прочем, но боюсь, что тогда Тирбиш догадается, о ком речь.

-- Ты, ма, не волнуйся, -- Азамат передаёт ей очередную "колбаску" для нарезания. -- У меня есть пара идей, кого пускать к ребёнку, а кого нет. Уж позволь мне в собственном доме решать. И гостя моего не обижай, -- он легонько постукивает кулаком по столу, усмехаясь.

Матушка тоже прыскает.

-- Ладно уж, ладно тебе, знаю, что сам с головой. Ишь, как за поводья взялся! -- добавляет она, подмигивая мне. -- Тебя-то ещё не загонял?

-- Меня загоняешь, -- фыркаю я.

-- Да уж, и то правда, -- благодушно соглашается матушка.

-- Хотон-хон, а что это за штука, в которую мы всё заворачиваем? -- переводит тему Тирбиш.

-- Не поверишь, водоросли, -- хмыкаю я. На последнем месяце беременности я вдруг страшно соскучилась по сушёной морской капусте, которую имею привычку грызть, как чипсы, и послала родственникам запрос. Сашка, которому вусмерть надоело всё время мне что-нибудь посылать, закупил сразу кубометр, благо продукт не портится. Можно подумать, я ему отсюда не шлю вкусностей, не говоря уж об изготовленных вручную драгоценностях, подарках для детей и коллег из кожи и дерева и даже национальной одежды. Удивительное совпадение, что именно в этом году на Земле мода на шмотки а ля этническая одежда народов расселения. Так что Сашка теперь щеголяет на работе бирюзовыми, синими и алыми шёлковыми рубашками с вышивкой, аутентичнее некуда. На Муданге всякая мастерица считает своим долгом сшить что-нибудь Императору хотя бы раз в год, но не у всех есть представление о габаритах этого самого Императора, так что куча одежды оседает на родных и близких. Интересно, кстати, как там у мальчика-художника портрет продвигается. Надеюсь, он хорошо понял идею.

Мы закончили крутить, когда кончился варёный рис, и это кое-что говорит о масштабах бедствия. К счастью, на Муданге принято всем есть на кухне, а не уносить в комнату, так что ничего перекладывать и сервировать не надо, только стол протереть немного. Я так понимаю, это связано с тем, что гости предпочитают видеть, как еда готовится, -- и для безопасности, и рецепт записать.

Как раз когда я начинаю думать, переходить нам к поглощению сразу или всё-таки дождаться Ирлика, раздаётся звонок в дверь. Азамат идёт открывать, изо всех сил стараясь не спешить. На вид-то он совершенно спокоен, но думаю, что в душе всё-таки немного нервничает. Я слышу обмен приветствиями в прихожей, хотя сквозь стену голоса звучат глухо и неразборчиво, а потом на пороге кухни появляется Ирлик собственной персоной.

К счастью, он выглядит по-человечески, а не, кхм, по-божески. Морковно-рыжие волосы в несколько кос заплёл, нарядился в изумрудно-зелёную рубашку с золотой вышивкой и мшистого цвета штаны, заправленные в сапоги-чулки; за спиной небольшая котомка. Что ж, и правда похож на охотника в базарный день.

-- Рад всех видеть! -- весело сообщает он, улыбаясь белоснежными зубами с лёгким металлическим отблеском. -- Меня Змееловом кличут, извольте новому человеку плошку поставить!

Плошка ему, впрочем, уже стоит. Тирбиш хихикает и привстаёт, называясь настоящим именем. Он, кажется, единственный из моих муданжских знакомых не держит имени в секрете, хотя, если учесть, что оно значит "не тот"... видимо, с ним и так ничего не сделаешь.

-- Ишь ты как выражается диковинно, -- смеётся матушка, восседающая во главе стола, -- прям как наш Старейшина.

-- Это вот моя мать, -- Азамат тут же её представляет.

-- Великая женщина, -- Ирлик легко кланяется. -- Вся планета вам благодарна за такого сына!

-- Да ладно уж ты скажешь, -- матушка отмахивается, розовея. -- Я-то что! Он сам с головой, да...

Ирлик приземляется рядом с Азаматом напротив меня.

-- Здравствуй и ты, Хотон-хон, -- лукаво говорит он, подмигивая мне.

-- Здравствуйте, -- улыбаюсь. Мне несколько неловко -- в прошлый раз я с ним была на "ты" и вообще держалась по-хамски,

конечно, он сам виноват, но продолжать в том же духе я не хочу, а возвращаться к вежливому обращению тоже странно.

-- Азамат, я впал в немилость у твоей супруги, -- тут же обиженно заявляет Ирлик, повернувшись к Азамату всем корпусом. -- Она мне выкает!

-- Она просто сегодня вежливо настроена, -- улыбается Азамат.

-- Ну что, может, приступим? -- предлагаю я, снимая крышку с гигантского блюда, выложенного роллами, как мозаикой.

Ирлик тут же забывает все обиды и набрасывается на угощение. Матушка сдвигает брови, но удерживается от замечаний, и скоро мы все дружно чавкаем. Оказывается, все были ужасно голодные. Минут через пять нашей трапезы является заспанный Бойонбот.

-- Ой, а что это вы такое едите? -- интересуется он, потом замечает Ирлика. -- Ой, здравствуйте, извините... -- он стремительно краснеет.

-- Привет! -- Ирлик машет ему роллом. -- Мы едим нечто настолько потрясающее, что не успеваем рта раскрыть, чтобы похвалить хозяйку! Так что советую тебе поторопиться!

-- Спасибо, -- Бойонбот неловко присаживается рядом с Тирбишем, который сразу начинает объяснять, что куда макать и как есть, и что там внутри.

-- М-м, как же я давно не едал рыбки, -- сладострастно протягивает Ирлик. -- Хотон-хон, ты волшебница.

-- Чего ж раньше не заходил? -- пожимаю плечами. -- Мы рыбу часто делаем.

-- Не мог! -- восклицает он, воздевая перепачканные руки к небу. -- Дел было по брови, хозяйство восстанавливал после этих... -- он косится на матушку и отмахивается: -- а, ладно, если я их правильным именем назову, ваша старейшая дама, -- он комично кланяется, -- меня из-за стола погонит.

-- Вот и нечего, -- соглашается матушка, методично купая ролл в соусе. -- Очень вкусно, Лиза, правда.

-- А я, между прочим, с гостинцем, -- сообщает нам Ирлик заговорщицким тоном. Азамат приподнимает бровь. Я протягиваю богу салфетку руки вытереть. Он долго полирует каждый палец, потом поднимает ладонь, дескать, подождите, развязывает свою котомку и

извлекает на свет огромную пузатую бутылку с зелёной, в цвет рубахи, жидкостью. -- Извольте угоститься, молодое вино из драконьих яиц.

Судя по аханью за столом, это что-то очень крутое, но я только давлюсь.

-- Прости, я не в курсе... из чего?

-- Это такой фрукт, -- тут же поясняет Азамат. -- Очень ценный и, э-э, труднодобываемый.

-- Ну, если честно, -- Ирлик оборачивается к нему и подмигивает, -- у меня есть одно местечко, где их ничего не стоит собрать. Ну что, -- он переводит задорный взгляд на Тирбиша с Бойонботом, -- кто против меня? Самый стойкий узнает, как туда добраться! Ты как, Ахмад-хон?

-- Не-ет, я мимо, -- Азамат откидывается на спинку стула. -- Мне сегодня ещё в столицу лететь. Я так только, попробую.

А сам парням взглядом показывает, мол, не вздумайте! Но они, кажется, соблазнились.

-- Мы попытаемся, -- Тирбиш улыбается во все шестьдесят четыре зуба.

-- Да, если позволите, -- поддакивает Бойонбот.

-- Тебе, вообще-то, тоже сегодня в столицу лететь, -- сообщает ему Азамат.

-- Ну... я позвоню ребятам, пускай без меня летят, я их на Броге догоню.

Азамат сдвигает брови.

-- Ну пожалуйста, Ахмад-хон! -- умоляет Бойонбот. -- Я про это вино только в сказках слышал! Разве можно такой шанс упускать! Я с вами поделюсь, если вдруг выиграю.

Азамат хохочет, а Ирлик делает вид, что он тут ни при чём.

-- Ой, мужики, -- качает головой матушка.

Меня сама смех разбирает. Не знаю уж, чем так хороши эти драконьи яйца, но перепить бога нашим ребятам точно не удастся, им даже Ирнчина перепить не удаётся. Однако Ирлик явно настроен сохранять инкогнито, а меня отвлекает писк радионяни -- наверху проснулось чадушко.

-- Оставьте мне немножко, -- говорю. -- А то меня долг зовёт.

-- Ой, да, Лиза! -- спохватывается Ирлик. -- Покажи ребёночка-то, я же его ещё снаружи не видел!

Я ухожу, предоставив ему самому выкручиваться, если кто-нибудь заметил оговорку про "снаружи". Интересно, у него ультразвуковое зрение? Или слух? Или в ладонях локаторы?

Когда я после кормления спускаюсь с мелким в кухню, от сушей остаётся хорошо если треть, а все уже сытые, даже Ирлик. Видимо, в человеческой форме он и насыщается, как человек. Азамат встаёт и перехватывает у меня ребёнка, то ли чтобы мне удобнее за стол было садиться, то ли опасается каких-нибудь финтов от Ирлика.

-- Вот, знакомьтесь, -- Азамат демонстрирует наше произведение.

Ирлик долго и внимательно смотрит на мелкого, так, что матушка начинает ёрзать на стуле. Потом осторожно проводит ладонью по жидким детским волосёнкам.

-- Хороший...

Ребёнок улыбается.

-- Ух ты! -- удивляется Тирбиш. -- Как вы на детей хорошо действуете! Он ещё ни разу не улыбался.

-- Теперь будет часто, -- подмигивает Ирлик. -- Весёлый будет парень, душа компании.

Матушка фыркает.

-- Тоже мне предсказатель нашёлся! Это вон на отца взглянуть достаточно, чтоб предсказать!

Ирлик так заходится хохотом, что чуть не опрокидывается вместе со стулом, а мелкий вторит ему птичьим попискиванием. Я только головой качаю, глядя на это безобразие.

Азамат подвешивает по правую руку от себя над кухонным диванчиком люльку и укладывает туда мелкого. Ирлик, отсмеявшись, откупоривает бутылку, Тирбиш достаёт невообразимо красивые крошечные хризолитовые пиалушки, и Ирлик своей рукой их всем наполняет.

-- Вы-то будете? -- спрашивает он сурово глядящую матушку.

-- Да не хорошо, вообще-то, в мужском обществе, -- вздыхает она. -- А с другой стороны, когда ещё доведётся...

-- Хотите, мы с вами в гостиную уйдём? -- хихикаю я.

-- А ты будешь? -- уточняет она.

-- Конечно, любопытно же!

-- Ну ладно, тогда я тоже буду. Но чуть-чуть!

Мы поднимаем тост за здоровье наследника. Вино оказывается действительно очень хорошим. Свежее такое, с интересным вкусом, немного похоже на персик, хотя вроде цитрусовое... Муданжцы, отпив, принимаются хвалить, перечисляя всякие недоступные мне, простому пользователю, характеристики типа многоцветности и проникновенности, если я правильно перевожу с муданжского, а потом углубляются в обсуждение, сколько именно часов надо выдерживать какую-то загадочную первую фазу, чтобы получить наилучший результат. Видимо, эту жидкость очень сложно приготовить. Ну ладно, мне-то что, пью и не заморачиваюсь.

После третьей пиалы Азамат с матушкой отказываются, а парни уже показывают первые признаки опьянения. Матушка предлагает мне пойти проветриться на веранду, пока "эти пьянчужки" тут пытаются выиграть свой приз. Мы прогуливаемся по высокому берегу, обсуждая сравнительное удобство муданжских и земных детских одежек, занятость Азамата и красоту пейзажа. Потом она решает, что ей положен послеобеденный сон и удаляется в свою комнату.

Азамат просит разрешения гостя и тоже встаёт из-за стола: ему надо собираться в дорогу. Вино на него почти не подействовало, а до вылета совсем выветрится, так что он категорически намерен сегодня улететь. Бойонбот с Тирбишем всё ещё пытаются перепить Ирлика, хотя у обоих уже языки заплетаются, да и сидят они как-то криво.

-- Помочь вам, что ли, -- хихикаю, садясь на своё место.

-- Им? -- Ирлик кивает на парней. -- Или мне?

-- Да ты-то и сам хорошо справляешься, -- говорю. Он наливает мне вина. Кажется, эта бутылка вообще не пустеет. Уже все упились, а там ещё половина.

-- Да-а, я столько воздерживался, что сегодня уж оторвусь, -- он подмигивает. -- За безделье!

-- А можно спросить? -- я чокаюсь с ним. Он кивает. -- Какое такое хозяйство ты всё это время восстанавливал?

Ирлик оглядывается на наших сотрапезников, один из которых уже спит на коленях у другого, и решает, что они всё равно ничего не воспримут.

-- Подземное Царство, конечно! Ты ж видела, на что оно было похоже!

-- Видеть-то я видела, но откуда ж мне знать, как оно должно выглядеть...

-- Ах да, -- он отмахивается. -- Я всё время забываю, что ты не из нас.

-- Ты в этом не одинок, -- фыркаю. -- Кстати, тебе действительно удобнее, что я на "ты"?

-- А, без разницы. Это я так, мужа твоего подразнить. Хороший он мужик, кстати. И воин хороший, и вообще.

-- Знаю, -- улыбаюсь. -- А можно ещё спросить?

-- Можно, только не про Подземное Царство, -- усмехается он. -- А то ещё под вино выболтаю что-нибудь, а тебе знать не положено.

-- Ой, нет, это мне совершенно не интересно, -- успокаиваю его. -- Я вот про что... тут периодически зверёк мелькает, рыженький такой... Ты за нами всё время присматриваешь, что ли?

Ирлик наливает нам ещё по одной.

-- Ну вот прям, -- говорит он медленно, потом осушает пиалу, -- делать мне больше нечего. Я к вам сторожа приставил. Тварь бессловесная, но если что плохое случится, сразу донесёт.

-- Спасибо! -- говорю удивлённо и искренне.

-- Да, нечего делать, -- отмахивается Ирлик. -- У меня этих сторожей... интересных людей столько нету. Да и у вас оба духовника такие, что ни один вменяемый знающий близко не подойдёт. Зато вот, - он вдруг подмигивает, -- прослышал о рыбалке. Эххх, поселиться у вас, что ли, до конца месяца?

-- Не думаю, что мы до конца месяца тут просидим, -- говорю. -- Азамат работает, я тоже скоро приступлю, буду разъезжать. Вот в следующем месяце, когда Азамат опять себе отдых выкроит, устроим тебе пир.

-- В следующем я не смогу-у, -- обиженно тянет Ирлик и наливает ещё. -- Следующий месяц будет месяц Учока, а он меня терпеть не может. Да и дождливо будет, -- он передёргивает плечами. -- Теперь до самой зимы не вылезу, карлик-то со мной не сладит.

-- Как у вас всё сложно, -- качаю головой. -- Ну давай за скорейшую следующую встречу.

-- Давай!

Мы выпиваем. Потом ещё, и ещё... и ещё. Я ощущаю приятную отстранённость от реальности и принимаюсь хохотать от каждой

глупости, хотя шутки Ирлика, наверное, действительно смешные. Сам Ирлик постепенно распластывается по столешнице под стать Тирбишу. При попытке налить ещё он так неловко держит бутылку, что я решаю помочь, а то как бы не разлил драгоценный напиток. Он зачем-то ловит мою руку на бутылке и несколько секунд держит, потом отпускает.

-- Эх, Лиза-хян... соблазнил бы я тебя, да не выйдет...

-- Почему? -- искренне удивляюсь я, не сразу осознав, что он сказал. -- То есть, хорошо, что не выйдет, ещё чего! Просто любопытно, почему...

-- Волос длинный, -- вздыхает он. -- Верная жена волос растит, от искустителей ограждается. Может, пострижешься?

Я мотаю головой по-муданжски: поворачиваю до упора то в одну сторону, то в другую. Этот жест мне и стрезва кажется смешным, а сейчас я просто покатываюсь со смеху.

-- Опять ты надо мной смеешься! -- Ирлик с досадой хлопает ладонью по столу. -- Ладно уж, понял, что мне тут ловить нечего.

С горя он одним глотком осушает бутылку и с грохотом ставит её на стол. От внезапного звука Тирбиш вздрагивает во сне и падает на пол, увлекая за собой спящего поперёк него Бойонбота. Шум выходит такой, что Азамат прибегает сверху с вытаращенными глазами -- и застывает на пороге, обозревая поле боя. Выражение его лица быстро меняется с перепуганного на укоризненное.

-- Они всё-таки допились.

-- Да мы тут все хороши, -- я медленно встаю из-за стола, чтобы голова не закружилась, но вроде ничего, моторика у меня нескоро нарушается. Однако Азамат замечает, что я с трудом говорю.

-- Лиза, ты что, тоже с ними?..

-- Да я не с ними, я так... Заболталась с Ирликом, а он всё подливает... Всю бутылку усидели на двоих.

Азамат уже у локтя, придерживает, чтобы не упала. Да нормально я стою!

-- Лиза, ну ты что! Эти-то двое не знали, но стесняюсь напомнить, Ирлик-хон всё-таки бог, разве можно с ним питейные соревнования устраивать!

-- Говорю тебе, я не со- соревновалась. Просто трепались мы... Кстати, -- я наклоняюсь над столом, что Азамат принимает за падение

и тут же тянет меня обратно. -- Да пусть, я посмотреть хочу... Ирлик? Ты с нами? Ау! -- я распрямляюсь. -- Слушай, он сам задрых.

Мы стоим и несколько секунд просто смотрим друг на друга, а потом начинаем ржать.

Отсмеявшись, Азамат достаёт телефон и, отойдя в сторонку, чтобы не будить спящих, звонит Алтонгирелу.

-- Слушай, тут такое дело... Нет, я ещё не вылетел... Нет, и Бойонбот тоже... Да подожди, я как раз звоню объяснить, почему! И не кричи. Понимаешь, к нам в гости зашёл Ирлик-хон и принёс бутылку вина из драконьих яиц. Нет, я-то как раз трезвый! Да не ори же ты, говорю! Ты что, не отличаешь, когда я пьяный, что ли? Вот именно. Слушай дальше. Они все напились и спят. Да, Бойонбот с Тирбишем. И сам Ирлик-хон тоже. Нет, не шучу. Ты можешь догадаться, что это не очень смешно.

Вопреки собственному утверждению, Азамат начинает посмеиваться и утирает тыльной стороной ладони левый глаз.

-- Так вот... Боюсь, что ни Бойонбот, ни я сегодня никуда не полетим. Я бы мог его погрузить на заднее сиденье и привезти, конечно, но мне не хочется оставлять Лизу один на один с пьяным богом, ты же понимаешь... Может, отложишь вылет до завтра? А то мне бы хотелось с тобой увидеться. Ну, скажи, что тебе было предсказание, будто сегодня несчастливая ночь для вылета. Вообще, я буду тебе очень благодарен, если ты зайдёшь к Ажгдийдимидину и всё это ему перескажешь, а то... ну, я немного волнуюсь, что тут будет завтра утром. Нет, конечно, я никому не расскажу. Ну давай, перезванивай.

Повесив трубку, Азамат выходит в прихожую, где ещё некоторое время хохочет до слёз. Я стою рядом и жду, пока его отпустит.

-- Слушай, -- говорю, когда он немного успокаивается. -- Надо бы их по койкам разложить...

-- Обязательно. Ты сама-то как?

-- Да я отлично, чуток весёлая, и всё. Ты же знаешь, мы, земляне, устойчивые к алкоголю.

-- Ну ладно, смотри. Только не вздумай сама их тягать, тебе нельзя поднимать тяжести.

-- Да я думала каталку разложить, только вот куда мы их класть будем? Матушка у себя уже спит, Тирбиша к ребёнку в таком

состоянии класть неразумно. Остаётся мой кабинет, гостиная и третий этаж без кроватей. Кого куда?

Азамат ненадолго задумывается.

-- Ирлика в комнату Алэка, -- наконец решает он. -- Только бельё сменить из-под Тирбиша. Алэка с кроваткой заберём к себе. А этих двоих на третий этаж, им сейчас даже лучше без кроватей.

-- А Ирлик не грохнется? А что если он во сне обычную форму примет?

-- Не знаю, -- Азамат разводит руками. -- Может, Старейшина чего подскажет.

Мы поднимаемся в мой кабинет и выносим каталку. Потом спускаемся, раскладываем её и взгромождаем на неё Ирлика. Вернее, это Азамат взгромождаёт, а я только по-идиотски хихикаю. Азамат и сам с трудом сдерживается.

-- Тяж-жёлый!

Мы поднимаемся обратно, я меняю постельное бельё, и Азамат стаскивает Ирлика на кровать, заботливо укрыв одеялом. Мы ещё некоторое время раздумываем, снимать ли с него сапоги, но решаем не трогать, чего доброго проснётся не в духе. Выкатываем кроватку и уходим на цыпочках. Потом раскатываем матрасы на третьем этаже и перемещаем на них ребят тем же макаром, только гораздо спокойнее.

Под занавес нам ещё ребёнок, внезапно проснувшийся в одиночестве на кухне, устраивает форменный скандал, но к счастью звукоизоляция в доме хорошая. Стоит нам успокоить мелкого, как звонит Алтоша. Мы оба подпрыгиваем, ребёнок снова заводится, я начинаю хохотать, Азамат тоже, но трубку-то взять надо, а то кто их знает, что они там подумают.

-- Да, да! -- выдавливают Азамат в трубку сквозь хохот. -- Нет, всё отлично, -- он вытирает глаза первым, что попало под руку -- уголком чистого подгузника. -- Да нет, я просто смеюсь, тут такое безумие... да хорошо всё, говорю! Уймись, Алтонгирел. У нас по-прежнему все спят. Мы их только на кровати уложили. Просто -- я не знаю, ты сам-то это вино пробовал? Оно очень сильно веселит. Так что сказал Старейшина? Гм... У нас только камин в гостиной. Ладно, я ему спиртовку поставлю. Так вы завтра улетаёте? А, что? Да, я обязательно поговорю со Старейшиной, как только доберусь до столицы. Н-ну да, и с Лизой поговорю... Да не переживай ты, всё хорошо! Боги,

Алтонгирел, ты так волнуешься, что я опять смеяться начинаю! Да, я тебя понял, хорошо, всё, до завтра!

-- Чего он тебе наговорил? -- интересуюсь, баюкая мелкого. Когда я разговариваю, он легче засыпает, кажется.

-- Сказал, что надо Ирлику поставить какой-нибудь источник огня, он им умывается... по слухам.

-- Он нам дом не подпалит?

-- Ну что ты, Лиза, он ведь повелевает стихией огня!

-- А сам себе наколдовать не может?

-- Может, но это дань вежливости.

-- Ладно, -- вздыхаю. -- Под твою ответственность. А о чём ты должен со мной поговорить?

Азамат отмахивается.

-- Потом. Вот шакал, на дворе-то ещё светло, а мне всё кажется, что ночь поздняя! Ну вино!

Снабдив Ирлика выдавшей вида спиртовой горелкой, мы по очереди принимаем душ и устраиваемся на веранде наблюдать закат.

-- О чём вы с Ирликом так разговорились-то? -- интересуется Азамат.

-- Ну как же, мне ведь страшно любопытно с богом потрепаться! Я его стала спрашивать обо всякой пурге. Он, например, сказал, что приставил к нам мангуста-сторожа, чтобы знать, если вдруг с нами что плохое случится.

-- Ого! Как он о тебе заботится!

-- Не только обо мне. Он очень тебе симпатизирует.

-- М-да? -- Азамат недоверчиво приподнимает бровь. -- А он тебе ничего... не предлагал?

Я закатываю глаза.

-- Он, когда совсем упился, сказал, что предложил бы, но не может, потому что у меня волосы длинные.

У Азамата обе брови ползут вверх под самые волосы.

-- На него это так действует?

-- Ага. А ты не знал?

-- Нет... Это ведь просто условность... А ты знала?

-- Я вообще не знала, что значат длинные волосы у женщин.

-- Кхэ, вообще-то я тебе говорил, давно ещё. Верность мужу они значат.

-- Э-э... да? А я была в сознании?

Азамат задумывается, припоминает.

-- Не уверен. Ты хотела спать, это было рано утром. Ладно, наверное, ты и правда не услышала, -- он кивает своим мыслям и разгрызает маньчжурский орех из вазочки, мне на это смотреть страшно. -- М-да, я думал, ты понимаешь.

-- Теперь понимаю, -- пожимаю плечами. -- Буду растить косы, раз такое дело. У меня в институте были. Расчёсывать, конечно, морока, кудрявые же, но отбиваться от Ирлика мне ещё меньше нравится.

Азамат разгрызает ещё орех, выковыривает ядрышко и отдаёт мне.

-- Я лучше бога?

-- Конечно лучше! Зачем мне этот алкоголик-пироманьяк? Только, Азаматик, давай ты будешь колоть орехи орехоколом, а то у меня прям всё внутри переворачивается, зубы твои жалко!

Азамат смеётся и подгребает меня поближе.

-- Это я так, дурачусь. Волосы там, не волосы... Знаю, что беспокоиться не о чем, просто приятно это лишний раз услышать, -- он целует меня, а потом принюхивается. -- Всё ещё вином пахнешь. Сколько ж ты его выпила?

-- Сколько Ирлик налил. Ну чего ты? Оно что, вредное?

-- Оно-то как раз полезное! -- усмехается Азамат. -- Это ведь эликсир удачи.

-- Да-а?! А чего ж ты так мало выпил?

-- Я выпил ровно столько, сколько нужно. Три тоста. Дальше сколько ни пей, больше удачи не станет, только опьянеешь. Ну, во всяком случае, так в легендах говорится. Я его один раз всего пил до сих пор, и только один тост, так что на собственном опыте судить не могу. Очень уж редкие эти фрукты.

-- А они правда фрукты? Такое название смешное...

-- Да-да, а по-другому они называются мангустовы яблоки. Тирбишу с Бойнботом выговор устрою за недогадливость, когда проснутся. Кто ещё мог эликсира удачи в таком количестве принести, как не бог?

-- Знаешь, -- говорю, подумав, -- лучше не планируй их ругать.

-- Почему?

-- Ну, если они напились этого эликсира, то вполне может так выйти, что ты почему-нибудь не сможешь устроить им выговор. Ты, конечно, его тоже пил, то есть, ничего плохого не случится, но... лучше не напрашиваться, правда же?

Мы снова покатываемся, и наш смех гулко отдаётся о скалы и разносится над розово-оранжевыми закатными водами Дола.

Глава 4

Мой опыт показывает, что вино из драконьих яиц, выпитое за ужином, делает утро радужно прекрасным. За окном сияющее зеркало Дола, которое, наверное, никогда не перестанет меня восхищать, лёгкий ветер треплет макушки сосен, иногда заклеочет какая-нибудь морская птица, а в остальном тишь и благодать. Ребёнка в кроватке нету, надо думать, Азамат забрал. А впрочем, вот и они.

Азамат заходит с мелким в одной руке и кружкой кофе в другой. Той самой кружкой, что я на Гарнете покупала.

-- Проснулась? А я научился из бутылочки кормить, -- он пристраивает мелкого рядом со мной на подушку.

-- Ах вот почему мне удалось так долго проспать, -- я сладко потягиваюсь. -- Надо будет сейчас ещё сседить, пока кофе не выпила, а то зачем ребёнку кофеин? Правда же не нужен? -- мелкий издаёт пару писков, не очень разумно таращась в потолок.

Азамат подаёт мне молокоотсос и наблюдает за моими манипуляциями, задумчиво покачивая головой. Мысль, что материнское молоко можно слить, заморозить и скармливать отпрыску по мере надобности, для муданжцев оказалась просто революционной. Даже Орива смотрела на меня квадратными глазами, когда я упомянула о такой возможности ещё до родов. Однако эта идея стремительно распространилась, мамы радостно кинулись спихивать кормление на няньку, при этом совершенно не соблюдая технику безопасности. Пришлось мне срочно писать и вывешивать в местную Сеть мануал, а Азамат послал на Гарнет торгового представителя закупить молокоотсосы и молокогрейки, которые правильно размораживают и не перегревают молоко. В кои-то веки стремление муданжских женщин во всём мне подражать принесло положительные результаты: они действительно очень стараются сделать в точности так, как я написала в мануале, так что надо надеяться, детям они не навредят. Но вообще неприятная это история.

С одной стороны, жалко тёток, которым надо постоянно быть при младенце, ни поспать нормально, ни развеяться. С другой, у мударжек вообще материнский инстинкт слабовато развит, а теперь многие целиком спихнули заботу о детях на мужей. С третьей стороны, стало больше кормилиц, потому что передача продукта потребителю существенно упростилась. В общем, я убеждаю себя, что так всё же лучше, а если какая мамаша своего новорожденного рада век не видеть, так её отношение не улучшится, если он ей ещё и спать не даёт по ночам.

-- Как наши гости? -- спрашиваю. -- Кто-нибудь встал?

-- Ма поднялась. Застала меня на кухне за кормлением, обиделась на тебя -- ты ж ей позавчера сказала, что сама кормишь. Никак не верила, что молоко твоё, думала, козье. Потребовала попробовать, дескать, по вкусу сразу отличит. Я дал немножко, ты не против?

-- Да пожалуйста, у меня много, -- смеюсь. -- Ну она поверила?

-- Да, на вкус узнала и устыдилась. Теперь очень жалеет, что в её время до этого не додумались.

Закончив сцеживание, предлагаю мелкому десерт, но он категорически заявляет, что сыт. Мы с Азаматом ещё некоторое время тискаем его. Ворковать с ребёнком, как и с кошками, я могу только на родном языке. Наслушавшись Азамата, я нахваталась всяких умильных словечек, но просто повторять за ним -- это ведь совсем не то же самое, как нести разнообразный трогательный бред самостоятельно. Азамата очень смешат звуки, которые я издаю. Он даже выучил несколько более-менее осмысленных слов типа "котик", "лапочка", "масенький" и что мне ещё не стыдно было переводить.

-- Этак я вместе с ним твой язык выучу, -- хмыкает Азамат.

-- Было бы неплохо, особенно если учесть, что моя мама говорит только на нём.

Азамат ненадолго задумывается.

-- Вообще, можно и ускорить процесс, наверное. У вас ведь есть какие-нибудь курсы, учебники, да? Если уж я всеобщий освоил и даже по-джингошки понимаю, может, и твой как-нибудь выучу?

-- Я спрошу у бабушки. Она у меня всю жизнь наш язык преподаёт, она и курсы подскажет, и какой учебник получше. Она, правда, суровая, всё-таки начальница.

-- Вот и отлично! Но я не устаю поражаться, твоя бабушка ведь уже пожилая женщина -- и всё ещё работает?

-- Ну, она преподаёт... Вон, у Старейшина Асундула жена ведёт детский клуб, а она моей бабки не моложе.

-- То всё-таки дети... А я вот даже не знаю, смог бы я в молодости учиться у женщины? Это сейчас я, тебя хорошо узнав, понимаю, что женщина может разбираться в какой-то сложной профессии. Но я даже представить себе не могу, сколько времени должно пройти и что вообще надо делать, чтобы наши обычные парни согласились учиться в школе у женщины.

-- Это ты мою бабушку не видел, -- смеюсь. -- Она не то что вашу молодёжь, она ваших Старейшин учиться заставит.

Мы спускаемся вниз, где Азаматова матушка уже наварила чомы на плотный муданжский завтрак.

-- Здравствуйте, имигчи-хон! Как спалось?

-- Ой, Лиза, не говори! Я как завалилась после обеда, так до утра и придавила! Старая я стала вино пить.

-- Ну чувствуете-то себя хорошо?

-- Отлично! Прямо как заново родилась! Да такой зуд в руках, делом заняться хочется. Вот, копчёной рыбки подогрела, чомы сварила... Да ты садись, Лиза, чего в холодильнике роешься?

-- Я рыбу на завтрак не могу, мне надо чего-нибудь сладкого. Сейчас вот пару яиц взболтаю с ягодой, будет бисквит.

Яйца лебяжьих с фермы в пяти километрах к востоку. Ягодку нам поставляют семья сторожа, они её в промышленных количествах собирают, нам-то некогда, да и местный лесной гнус ни одного репеллента не боится.

Азамат слегка прибирается на кухне -- ставит мыть детскую посуду, протирает стол и плиту, по ходу обнаруживает, что два моих кота угнездились в неубранной вовремя кастрюле. Котов приходится гнать, кастрюлю мыть.

-- Ой, наши котята! -- узнаёт матушка. -- Вот озорники, это ж надо было в кастрюлю влезть! Ну как они тебе, не мешают?

-- Отличные котята! -- говорю. -- Кстати, надо бы их побаловать. Азамат, какое у нас молоко свежее? Ну-ка, кися-кися...

Обычно на мой призывный клич они все трое являются, где бы ни были, но в этот раз третий, который Мюон, видимо, совсем загулял.

Матушка глядит, как кошки лакают из блюда и только головой качает.

-- Как наши красавцы? Не появлялись? -- спрашивает Азамат, разваливаясь на диване.

-- Пока нет, -- хихикает матушка. -- Я утром на лестницу к третьему этажу выглянула, там такой храп стоит! А Змеелов ваш тихий. Станный он вообще.

-- Да, есть немного, -- охотно соглашается Азамат. -- Ну так знаешь, ма, мы тут все со странностями, а одинаковым-то скучно.

-- Обо мне говорите? -- вопрошает лёгкий на помине Ирлик. Он тоже в хорошем настроении, видимо, от этого вина вообще похмелья не бывает. На плече у него сидит Мюон. Ясно, почему он за молоком не прибежал.

-- А как же! -- отвечаю, поскольку остальные несколько растерялись. -- Беспокоимся, дорогого гостя долго не видно.

Ирлик хохочет и плюхается на диван рядом с Азаматом. Мюон вальяжно перемещается с его плеча на подоконник и принимается умываться.

-- Эх, мягкие у тебя кровати, Байч-Харах! Где такую шерсть пуховую берёшь только?

-- У меня брат овец разводит как раз на шерсть для дифжир.

-- Ишь ты как хорошо устроился! Наведаться, что ли, к твоему брату? Он как, не очень нервный?

-- Есть немного, -- признаёт Азамат. -- Уж не пугайте его, будьте так добры.

Ирлик оглашает кухню ещё одним зарядом заразительного смеха. Матушка качает головой и ставит перед ним огромную пиалу с рыбой и чомой.

-- На вот, поешь, пока весь дом не перебудил!

-- Всенепременно, как повелит старейшая дама! -- Ирлик комично кланяется и набрасывается на еду, как будто месяц голодал.

-- Хорошо у тебя, Байч-Харах, -- хвалит он с набитым ртом. -- Жаль, я тебя к себе пригласить не могу, -- и подмигивает.

-- Сохраните своё гостеприимство до поры, -- ухмыляется Азамат. -- В конце концов понадобится.

-- О чём речь, конечно! -- Ирлик смеётся и давится. Я извлекаю из духовки бисквит и громко ставлю его на стол, доводя до всеобщего

сведения, что мне не нравится тема застольной беседы. После этого усаживаюсь напротив Азамата и тоже приступаю к завтраку.

-- О, кстати! -- Ирлик хлопает себя по коленке. -- Хотон-хон, ты ведь вчера у меня выиграла. С меня адресок. Давай карту, что ли.

Я приношу из гостиной карту -- ту, по которой весной военные действия планировали, -- и раскладываю на столе.

-- Вот. Только я всё равно вряд ли попрусь туда фрукты собирать. И уж точно не одна, -- зеваю. -- Так что считай, что это Азамат выиграл.

-- Я уж догадываюсь, что ты без мужа никуда, да ещё со всеми вокруг поделишься. Ладно, я сегодня добрый. Вот, смотри, вот это место, а пройти сюда можно под горой, вот тут вход. Только бери в сезон не больше, чем на бочку, я ведь тоже хочу!

-- Лиза, да ты никак вчера с ним в питье соревновалась! -- ахает матушка.

-- Я не нарочно, -- отмахиваюсь. -- Я ж не виновата, что на этой планете никто пить не умеет!

-- Не только соревновалась, но и выиграла! -- каверзно сообщает Ирлик и поворачивается к Азамату. -- Она тут не буянила потом?

-- А она не пьянеет, -- пожимает плечами Азамат.

-- Зверь! -- Ирлик восторженно качает головой. -- Кстати, спасибо за спиртовку, я оценил.

Азамат слегка кланяется. Ирлик доедает последние крошки бисквита и встаёт.

-- Ну что ж, спасибо, дорогой хозяин, -- он кивает Азамату, -- и дорогая хозяйка, -- он слегка кланяется мне, -- за гостеприимство и вкусную еду. Предрекаю, что удача, которой мы все вчера приобщились, сведёт нас вместе ещё неоднократно. Счастливой вам жизни без забот, и вам, дорогая матушка.

Матушка плавится от такого внимания и ласково гладит Ирлика по плечу. Мы все ещё раз раскланиваемся, и он выходит за дверь. Из любопытства поглядев в окно, я замечаю мелькнувший оранжевый хвост.

Минут через десять к нам снисходят Тирбиш и Бойонбот, протирая заспанные глаза и демонстрируя на щеках рельеф подушек.

-- Какое чудесное утро! -- приветствует нас Тирбиш, широко улыбаясь.

-- Ой, мы последние, да? -- смущается Бойонбот. -- Что же вы нас не разбудили?

-- Гостя провожали, -- ухмыляется Азамат.

-- Он, наверное, вчера всех перепил, -- вздыхает Тирбиш. -- но надо же было попробовать! Представляете, сад с драконьими яйцами!

-- Да уж представили, -- говорит матушка. -- Лиза вон получила карту. За что б хорошее...

-- Да ну?! -- вылупляется Тирбиш, окончательно просыпаясь.

-- А ведь правда, на корабле ещё говорили, что на Хотон-хон алкоголь не действует! -- вспоминает Бойонбот. -- Ну и правильно, и хорошо, пусть лучше у вас эта карта будет, а то ещё не в те руки попадёт... Как только этот Змеелов прознал про такое место?

-- Я полагаю, -- с расстановкой произносит Азамат, -- что он тот сад сам посадил.

-- Это как же? -- хмурится Тирбиш. -- Драконьи деревья лет семьдесят растут прежде чем плоды дать, если не сто. А Змеелов совсем молодой.

Азамат некоторое время выразительно смотрит то на одного парня, то на другого.

-- Ой! -- вдруг охает матушка и прижимает ладонь ко рту.

-- Так он не человек, что ли? -- осторожно спрашивает Бойонбот.

-- На демона не похож, -- пожимает плечами Тирбиш. -- На духа тем более...

-- Вы бы присели, ребят, -- ласково предлагаю я.

Они оба смотрят на меня насторожённо и послушно усаживаются. Мы с Азаматом переглядываемся, я ему киваю, дескать, ты говори.

-- К вашему сведению, -- мягко начинает Азамат, -- вы вчера пытались перепить Владыку Подземного Царства.

Бойонбот тоже закрывает рот рукой, а Тирбиш громко втягивает в себя воздух.

-- Какой же я идиот! Змеелов, да ещё драконьи яйца! Это же всё про мангуста! И вы говорили, что он нам во время войны сильно помог...

-- Но мы же его видели! -- спохватывается Бойонбот. -- После высадки, когда он ещё... ну, вы помните... Он совсем не так выглядит!

-- Дурень! -- подключается пришедшая в себя матушка. -- Он же бог, как хочет, так и выглядит! Вот я тоже хороша, надо ж было на тень посмотреть!

-- А тень была при нём очень послушно весь вечер, -- делится наблюдениями Азамат. -- Сегодня утром немного погуляла по кухне до его прихода, а потом снова к ногам пристала. Вот позавчера на веранде тень дольше него задержалась, Лиза её видела. Ты, Тирбиш, тоже мог бы.

-- М-да-а, неудивительно, что он исчез на ровном месте.

-- Ой, и под столом тоже он был? -- спрашивает Бойнбот.

-- Может, он, а может, посланник его.

-- То-то он всё смеялся, что я ему указываю, -- матушка зябко поёживается. -- Думаешь, обиделся?

-- Думаю, нет, -- улыбаюсь я. -- Мой опыт показывает, что он вообще не обижается. Но вы на всякий случай извинитесь при следующей встрече, ему будет приятно.

-- И часто он к вам заходит, что ты его уже так выучила хорошо? -- матушка таращится на меня округлившимися глазами.

-- Зашёл первый раз, но я с ним во время войны много общалась.

-- Ой, жуть, -- матушку, видимо, бросает то в жар, то в холод, потому что она принимается обмахиваться хваталкой. -- Неужто ребёнка благословил?

-- Дважды, -- кивает Азамат. -- Первый раз ещё внутри. Я только поражался, как это до тебя слухи не дошли, что Ирлик-хон благословил наследника.

-- А, -- отмахивается матушка хваталкой, -- в моей деревне никто в такие слухи не поверил бы. И мне бы враки рассказывать не стали про мою родню. О-хо-хо, ну Азамат, ну у тебя и жизнь весёлая!

-- А вы-то откуда узнали, что это он? -- Тирбиш продолжает нас допрашивать, видимо, всё никак в голове не уложится, что и правда вчера пил с богом. -- Только по тени?

-- Я его уже видела в этом обличье, -- говорю.

-- А что ж вчера не сразу поняли, что это он?

-- Поняла-то я сразу, но не хотела тебя пугать.

-- Да ладно, я бы не испугался! -- возмущается Тирбиш.

-- Нет, -- усмехается Азамат, -- ты бы просто глупостей наговорил. А Бойнбот начал бы заикаться. Знаю я вас.

-- П-погодите! -- Бойонбот немедленно демонстрирует, что с ним случается на нервной почве. -- Н-но ведь вы к н-нему н-не обращались, как к б-богу!

-- Видишь ли, Бойонбот, -- ухмыляюсь я, -- когда я его впервые встретила, я не знала, что он бог. Потом, когда узнала, спросила, надо ли мне его правильно величать. Он сказал, что не надо. Вот так и получилось, что я ним на "ты".

-- А я весь вечер старательно избегал обращения, -- сознаётся Азамат. -- Сказал бы "вы" -- Ирлик-хон мог и обидеться, а сказал бы "Вы", все бы сразу поняли, оно же совсем по-другому звучит. Вот хорошо на всеобщем, один-единственный способ обратиться, хоть к богу, хоть к кому. Вряд ли только Ирлик-хон на нём понимает. Кстати, Лиза, написала бы ты своей родственнице, пока я не уехал. Чтобы не откладывать в дальнюю суму. А ты, Бойонбот, давай собирайся, нам улетать надо.

Писать бабушке дело дохлое, потому что она не разделяет почту на домашнюю и рабочую, и среди сотен ежедневных писем легко затеряться. Я сверяюсь с календарём, устанавливаю, что сейчас в её городе восемь часов вечера и звоню бабуле.

-- Гринберг на связи! -- решительно сообщает бабушка, появившись на экране. Бойонбот шарахается и чуть не сносит стол.

-- Бабуль, привет, это я. Как у тебя дела?

-- А, Лизонька, -- смягчается бабушка. -- Как твои дикари, цивилизуются?

К счастью, мы говорим на родном.

-- Да вот, представляешь, мой муж решил выучить наш язык.

Бабушка с подозрением прищуривается.

-- И куда он для этого обратился?

-- Пока никуда, я подумала, что надо тебя спросить.

-- И то хлеб. А то я уж боялась, он от тебя учиться стал. А ты же сама, как инопланетянка, даже истории не знаешь толком, сколько я ни трудилась...

-- Ладно, ладно, бабуль, не обо мне речь. Ты можешь ему порекомендовать какие-нибудь удалённые курсы, самоучители там?

Бабушка постукивает торцом карандаша по столу, раздумывая.

-- Этот твой муж, он ведь заметный человек на этой вашей планете, так?

-- Ага, Император.

Бабушка склоняет голову набок.

-- Это значит, не просто курсы надо, а чтобы с дипломатическим уклоном. Ему же для переговоров язык нужен.

-- Ему язык нужен, чтобы понимать, когда я с ребёнком сюсюкаю.

-- Это всё болтовня, -- категорически отрезает бабушка. -- Он собирается иметь отношения с Землёй? Вот и пусть имеет их через нашу страну, а не через каких-нибудь... Ты, Лиза, в этих делах ничего не понимаешь. Твоего необразованного варвара надо просветить в области нашей многовековой культуры.

-- Вообще-то у него два высших образования...

-- В каком институте получал? -- настораживается бабушка.

-- Здесь, на Муданге.

Бабушка машет рукой.

-- Ещё курсы проходил по Сети, -- настаиваю я.

-- По Сети! -- с отвращением фыркает бабушка. -- Ты ещё скажи, что он газеты читал!

-- Ему Кандинский нравится! -- выпаливаю я последний аргумент за образованность Азамата.

-- Кандинский! -- восклицает бабушка. -- Говорю же, варвар! Ты, Лиза, как похвалишь, потом не отмыться! Всё ясно с твоим вождём краснокожих. Надо его воспитывать, воспитывать, и ещё раз воспитывать. Он на каких-нибудь языках говорит?

-- На муданжском, на всеобщем, и джингошский понимает.

-- На всеобщем хорошо?

-- Примерно как я.

-- Да ты тоже тот ещё носитель... Ладно, видимо, он не безнадежен. Но никаких курсов. Я сама составлю программу и буду с ним заниматься лично через визуальную связь.

Бабушка принципиально не использует слово "нетбук", как и многие другие заимствования из всеобщего.

-- А может, не надо? -- блею я. Бабушкино отношение к народам расселения никак нельзя назвать нейтральным и дипломатичным. -- Понимаешь, он ведь очень занятой человек. И различие по времени здесь и дома очень большое. Неудобно же будет... Тебе тоже некогда... Он бы самостоятельно позанимался, когда минутка выдастся...

-- Никаких минуток! -- отрезает бабушка. -- Учиться надо сознательно и на ясную голову. О времени мы с ним без тебя договоримся, чтобы не создавать испорченный телефон. Давай его сюда.

Я оглядываюсь в поисках Азамата. Он сидит через стол от меня и замороженно наблюдает моё общение с бабушкой. Шёпотом, чтобы бабушка точно не поняла (а то она немножко владеет мударжским, как и большинством языков мира) я подзываю его к буку.

-- Здравствуйте, молодой человек, -- произносит бабушка тоном, каким пожилой полицейский обращается к несовершеннолетнему воришке. -- Вы будете называть меня "профессор Гринберг". Вы сделали, возможно, единственный правильный выбор в своей жизни, решив изучать великий язык нашей страны. К вашему сведению, наилучшее время суток для изучения иностранного языка -- с девяти до одиннадцати утра, так что будьте добры освободить этот период от других дел. Я согласна периодически входить в ваше положение как высокопоставленного чиновника и переносить отдельные занятия, но это не должно становиться нормой. Итак...

Азамат только сидит и глазами хлопает, выслушивая бабушкину лекцию. К счастью, она решает не начинать обучение прямо сейчас, а только расписывает виды речевой деятельности и внимание, которое будет уделено каждому из них, типы упражнений, международные стандарты и подобную лабуду. Наконец, заявив, что завтра утром представит ему программу на полгода ежедневных уроков, она отпускает душу на покаяние и отключает связь. Азамат некоторое время выдыхает, глядя в пустой экран.

-- А ещё смотрел на тебя и удивлялся, что это ты лепечешь, как будто тебя ругают. Никогда не видел, чтобы ты перед кем-то так робела... теперь понимаю.

-- Я не робею, просто, ну, это же бабушка. Ты извини, я всё время недооцениваю, какое она может произвести впечатление на свежего человека. Я могу всё отменить, если хочешь.

-- Да нет, мне даже любопытно, -- усмехается Азамат. -- А ты вполне адекватно её оцениваешь. Помнишь, ты сказала, что она и Старейшин учиться заставит? Пожалуй, я согласен. А почему она считает, что ты плохо говоришь на родном языке?

-- Потому что я языком пользуюсь, как мне нравится, а она -- как положено. Не обращай внимания, она тебе ещё такого наговорит... Короче, если услышишь что-то странное, обязательно проверь, потому что она плохо понимает, что такое объективность. Но научит она тебя хорошо, за это не волнуйся. Если только выдержишь...

Я решаю присоединиться к Азамату и Бойонботу и слетать в столицу. Отговариваюсь тем, что у меня кончаются подгузники, хотя на самом деле есть ещё заначка на месяц. Но я так предполагаю, что ученик художника должен уже закончить трудиться над портретом, а мне не терпится посмотреть, что получилось.

Бойонбот садится за руль, мы с Азаматом устраиваемся на заднем сиденье. Азаматов унгуц оставляем здесь на всякий случай, тем более что я последнее время избаловалась и не вожу самостоятельно, а запрягаю кого-нибудь, чтобы не тратить четыре часа на сидение за рулём. Мы с Азаматом синхронно открываем буки -- он редактирует какой-то проект, я перевожу популярную статью о младенческой психологии. Раз уж с меня берут пример, так надо этим пользоваться и просвещать массы. Вот, бабушка бы мной гордилась, если бы догадалась, что мной можно гордиться. Многие мои знакомые удивлялись, когда узнавали, что моя мама закончила только какое-то аграрное училище и дизайнерские курсы, и это притом что в предыдущем поколении все академики. А я вот совершенно не удивлена...

По прилёте в столицу я быстренько со всеми прощаюсь и исчезаю, чтобы избежать встречи с духовниками. А то они как начнут расспрашивать про Ирлика, я тут заночую. Накинув на голову косынку, чтобы не привлекать внимания светлой шевелюрой, я огородами и переулками пробираюсь к Дому Художников -- большой общаге для учеников. Полноценные мастера живут и творят в собственных домах, а у подмастерьев на это обычно нет денег. К счастью мне не только не попался никто по дороге, но и Бэр увидел меня из окна второго этажа и сразу выскочил встречать, так что мне не пришлось его разыскивать. Не иначе, эликсир действует.

-- Здравствуйте, Хотон-хон! -- шепчет он, пританцовывая на мысочках в дверном проёме. -- Я всё сделал, получилось в лучшем виде! Посмотрите? Только у меня там грязно, даже не знаю, как бы...

-- Ничего, я потерплю. Давай, показывай.

Он ведёт меня по темноватой лестнице в свою мастерскую, где все поверхности щедро уделаны красками, а по стенам набиты гвозди для развешивания картин. Сами картины стоят по углам, как книги на полке, лицом к стене. Бэр тщательно запирает за собой дверь на замок и щеколду, а потом обращает моё внимание на единственное большое полотно в другом конце комнаты. Ну что ж, надо отдать должное мальчику, он нарисовал ровно то, что я хотела. Картина вытянута вертикально, и на ней, как и положено, Азамат изображён на коне, анфас, с мечом наголо. Конь очень на себя похож -- это серебристый Князь. Он скачет во весь опор, так что передние копыта вот-вот вылетят из плоскости картины и подомнут залюбовавшегося зрителя. Азамат, очевидно, как раз подскакивает на лошадиной спине, потому что его хорошо видно поверх головы огромной скотины. Но это всё -- традиция. На Муданге всех Императоров так рисуют. А вот инновация: вместо жёлтой сонной степи на заднем плане северные горы и гроза. Молния ярко освещает скалистые отроги и главных персонажей, оставляя в непроглядно-чёрной тени всё лишнее. Разметавшиеся волосы Азамата отсверкивают металлом и в беспорядке падают на лицо, из-под них видны горящие глаза, орлиный нос и волевой подбородок. Лезвие меча сияет, как полированное.

-- Восхитительно, -- говорю. -- Ровно то, что надо.

Бэр расплывается в польщённой улыбке.

-- Хвастаться не хочу, но я как закончил, посмотрел, и прямо понял, что так и надо. Он ведь грозный Император, вот пусть враги трепещут. Да, не забудьте взять, -- он протягивает мне мою флэшку. -- Я ничего не копировал, клянусь!

-- Верю-верю, -- киваю я. Этот парень гораздо больше моего печётся о фотографиях Азамата в контрастном закатном свете, которые я специально так делала, чтобы правая сторона лица была в тени. Азамат даже терпит их существование, настолько они удачные. -- Ну что, заворачивай, да пойдём, представишь Императору?

Пока Бэр возится с упаковкой, я звоню Азамату выяснить, где он. Он оказывается в "Щедром хозяине", прощается с Алтонгирелом. Ну вот мы им сейчас скрасим прощание. Поглядев на попытки Бэра тащить высоченную коробку с картиной пешком, я стучусь в ближайший дом и прошу хозяина подкинуть нас до центра города на машине. Хозяин с радостью соглашается, только робко протягивает

мне маркер. Эту систему оплаты я уже выучила: мне предлагается оставить в уголке лобового стекла благопожелание. К счастью, никаких слов выдумывать не нужно, достаточно нарисовать узорчик, как на гобелене.

Кроме Азамата и Алтонгирела за столиком в "Щедром хозяине" сидят наши Старейшины. У меня вообще складывается впечатление, что эти двое всё свободное время гуляют по кабакам, хоть и не пьют.

-- О, Лиза, ты вовремя, -- машет мне Азамат. -- Я как раз собирался рассказать о нашем вчерашнем госте.

-- Замечательно, только это немного подождёт. У меня для тебя сюрприз, дорогой. Бэр, открывай.

Бэр прислоняет коробку к стене и открывает крышку. Весь трактир стихает, рассматривая фантастическое творение молодого художника. Через несколько секунд тишины Азамат и Алтонгирел одновременно заговаривают:

-- Я же говорил...

Алтонгирел замолкает и кивает Азамату, мол, ты первый заканчивай.

-- Я же говорил, что это можно без меня нарисовать.

-- А я же говорил, что Лиза придумает, как это сделать, -- тут же сообщает Алтонгирел.

Ажгдийдимидин смотрит на него с кривой улыбкой. Тоже, видимо, заметил, что Алтоша работает над своей способностью уступать.

-- Красота-а, -- выдыхает Унгуц, не заметивший ничего вокруг. -- Да тебе, мой мальчик, все прежние Императоры завидовать должны. Эй, художник... как тебя, Бэр, если не ошибаюсь? Молодец, парень! Учитель твой вполнину так хорошо не смог бы. Я скажу Асундулу, чтоб перевёл тебя в мастера, это ж высший класс!

Бэр розовеет, но с опаской посматривает на Азамата, который, собственно, не вынес никакого эстетического вердикта.

-- Тебе-то как? -- спрашиваю, подсаживаясь к мужу.

Азамат поглаживает подбородок, рассматривает картину.

-- Я никогда не ношу шпоры, -- наконец сообщает он. -- А в остальном ничего, даже немного похоже. Хорошая идея насчёт гор, северяне сразу узнают местный пейзаж, порадуются, что я свои корни помню. Спасибо, мастер Бэр, отличная работа. Зайдите завтра в

Канцелярию, вам выдадут гонорар. А я сейчас кого-нибудь позову, чтобы занялись тиражированием, и так затянули с этим делом...

Азамат принимается звонить и отдавать распоряжения, а меня и Бэра Унгуц тянет за рукава.

-- Я смотрю, вы сработались. А тут как раз ещё дело есть. Мы с твоих, Лиза, рассказов, хотим выпустить новое издание книги об Ирлик-хоне, ну, знаешь, у нас эта серия биографий богов. Так вот, туда бы картиночку посвежее нарисовать, а то прежним-то уж века три будет. Ты, Лиза, его по-всякому видела, вот и опишешь, а Бэр нарисует. Договорились?

Глава 5

От общения Азамата с бабушкой сразу появились результаты: он выяснил положенный срок послеродового декрета и на правах работодателя категорически заявил мне, что до истечения этого срока к работе я не приступлю, потому что недаром же сведущие в медицине земляне общим решением его установили. Я не то чтобы сильно рвалась работать, но, во-первых, дома сидеть целыми днями скучно, во-вторых, кроме меня никто из земных врачей не ездит в глубинку, а в-третьих, не ровён час Азамат меня вообще засадит в терем по традиционному сценарию. Однако муж был непреклонен настолько, что мы даже немножко поругались. В итоге он написал мне расписку, что по истечении установленного срока никак не будет пытаться контролировать мою занятость. Ну и заниматься просветительской работой он мне тоже не стал мешать, тем более, что Старейшины попросили.

-- Пиши, деточка, -- покровительственно говорит мне Унгуц, открывая передо мной бук. Бэр сидит рядом и покусывает губы от нетерпения.

-- Вы, может, пока чаю попьёте... в другой комнате? -- робко предлагаю я. Это ж надо сосредоточиться, вспомнить, как всё было, а тут, понимаешь, в загрибок дышат, результата ждут.

-- Это легко, -- соглашается Унгуц и звонит на кухню.

-- А может, я пока князя порисую? -- осторожно спрашивает Бэр.
-- Вы не против?

-- Если можешь его при этом не разбудить, то пожалуйста. Тирбиш тебя проводит.

Тирбиш корчит кислую рожу, мол, только-только человек заснул, а тут его рисовать... Но послушно уводит Бэра на цыпочках в детскую.

За те жалкие два часа, что Алэк дрыхнет, я успеваю накатать в меру подробный рассказ о первой встрече с Ирликом и даже начать описание давешнего застолья. Но тут Тирбиш выносит проснувшегося мелкого.

После обмена дивайсами (Тирбиш отдаёт мне мелкого, а Унгуц забирает бук) мужики скучиваются у экрана, отталкивая друг друга головами и жадно читают, время от времени глыкая и хихикая. Унгуц по ходу исправляет несколько неправильных окончаний и пару глагольных времён.

-- Смешно пишешь, -- качает головой Старейшина. -- Совсем не по-нашему. Но зато уж точно все прочтут: мало того, что Хотон-хон написала, так ещё и смешно. Надо бы тебя побольше к делу приставлять, глядишь, начитаются да поумнеют.

-- Так я приставляюсь по мере сил, -- говорю. -- Вот, про кормление статью писала, про развитие детей, -- приподнимаю в руках мелкого для убедительности, -- про паразитов, ещё про что-то, не помню...

-- Надо тебе сделать собственную страницу и выкладывать туда эти твои писульки регулярно, глядишь, через пару лет будет энциклопедия, -- наставительно продолжает Унгуц. -- Теперь давай рассказывай Бэру во всех подробностях, как Ирлик выглядит...

У Старейшины Унгуца слово с делом не расходится. Через пару дней кто-то из его учеников сделал для меня сайтик, куда собрал всё, что я до того вывешивала на странице Императорской канцелярии. Бэр нарисовал для этого дела несколько стилизованных картинок меня -- за ноутом, со шприцом, с Алэком, -- и теперь они украшают каждый раздел. Увы, на этом создатели не остановились: к странице оказался прикручен форум для обсуждения проблем со здоровьем...

-- Ну тебя же никто не заставляет его читать, -- пожимает плечами Унгуц, когда я в панике прибегаю к нему на порог.

-- Ага, только бы ещё посетителям это объяснить! Сегодня с утра уже десять вопросов ко мне! А если я не буду отвечать, они там друг другу такого насоветуют...

-- Они и так насоветуют, -- отмахивается Старейшина. -- А тебя на ближайшие месяцы Азамат дома усадил, тебе делать нечего. Вот и

занятие. Потом, глядишь, земляки твои научатся по-муданжски говорить, будете попеременно народ просвещать. А то нешто ты собралась при ребёнке сиднем сидеть без дела, как настоящая богатая горожанка?

И подмигивает, старый шакал.

Ну ладно. В принципе, он прав. Скучать теперь точно не придётся. Но можно было бы сначала меня убедить, а потом уже делать, даже если знал, что убедить меня получится легко.

-- Да ладно тебе, Лиза, не дуйся, -- примирительно улыбается Унгуц. -- Смотри лучше, как Бэр расстарался для нашей книги!

Бэр и правда оттянулся в миниатюрах, как мог. Из моей встречи с Ирликом в подземелье получился целый комикс.

-- Может, наш разговор-то прямо в картинки вставить, в таких, знаете, пузырьках? -- предлагаю я, хихикая. Ирлик получился очень правдоподобный, даже всю нательную роспись Бэр воспроизвёл в точности.

-- Ну нет, -- усмехается Унгуц. -- Этак боги и обидеться могут. Да и жалко Бэрову работу пузырьками закрывать.

В итоге остаток месяца я провожу за общественно полезными занятиями: пишу статьи о гигиене, первой помощи и правильном питании и даю советы в форуме. Советов обычно бывает два вида: "не делай так больше никогда!" и "а ну быстро к целителю!". В целом не так уж много времени это и занимает, а рекомендовать лечение, не пощупав пациента, я почти никогда не могу. Бэр старательно иллюстрирует мои заметки красивыми схемками, поскольку вывешивать на всеобщее обозрение фотографии моих рук так же недопустимо, как и прочих частей моего тела.

В основном я занимаюсь всем этим на Доле, чтобы ребёнок поменьше дышал выхлопом. Конечно, Ахмадхот по земным меркам очень маленький город, а население чаще передвигается на лошадях, а не на машинах, ну так они об очистительных системах и не задумывались. Однако хотя бы раз в неделю выбираться в город приходится: отвезти ребёнка на рутинный осмотр к Янке, мужа повидать, на рынок зайти. За покупками я теперь хожу, как большая, верхом. Мой Пудинг невозмутимо пережил весь стресс, связанный с войной, и с тех пор ещё отъелся, потому что очень убедительно

клянчит, а физкультурой не занимается, я его и вижу-то два раза в месяц. Зато теперь сидеть ещё удобнее.

Нагрузив седельную корзину разноцветными причудливой формы фруктами, я спешиваюсь у лотка Орешницы.

-- А, Хотон-хон! Давненько вас не видно, -- она расплывается в улыбке. -- Вот, знакомьтесь, сынуля мой средненький.

Средненький сынуля немного повыше Азамата, угловатый, с длинной шеей и большими выразительными глазами, отчего слегка похож на жирафа.

-- Здравствуйте, не болейте, -- приветствую я, и парень кланяется мне, заложив ладони под мышки, как полагается при формальном приветствии.

-- Как князь-то поживает? Здоровенький? Хорошенький? -- спрашивает Орешница. -- Я вот ему одёжки нашила, да вы всё не заходите, я уж собиралась Кудряшу передать, а он теперь вона какой важный стал, тоже слуг набрал, на рынок ни ногой!

-- Да он занят очень, -- оправдываю Эцагана. -- Он же за порядком следит, это сложная работа, тем более, тут двести лет никто этим не занимался! А я дома сижу, на Доле. Вы бы хоть приехали как-нибудь, у нас там хорошо, купаться есть где и лес -- грибы, ягоды... На князя бы посмотрели, он такой улыбчивый!

-- Э-эх, соблазняйте, Хотон-хон! Но у нас же самое торговое время сейчас, куда я выберусь? Муж вон ездит по фермам, скупает урожай, дома все варят-сушат, я тут вот с ребёнком торчу, видите? -- она принимается суетиться, вытаскивая из-под прилавка какую-то корзину. Сынуля бросается помогать. Наконец они вдвоём водружают на прилавок гигантский зеленоватый короб. -- Вот, глядите, тут чуток одежонки для князя.

-- Ничего себе чуток! -- говорю, прикидывая, как взгромоздить эту тару на лошадь, чтобы не перевесила.

-- Да ну, он же вырастет быстро, и не заметите! Я, правда, и на вырост кое-чего сделала, вы уж там разберётесь. Заодно и вам с Императором пару вещичек, от меня и от старших моих детей. Да ладно, не развязывайте сейчас, дома посмотрите, не убежит!

Длинношейй парень деловито приторачивает короб к седлу и похлопывает Пудинга по крупу. Тот откликается:

-- И-и-и-хихи!

-- Послушайте, Орешница, -- вспоминаю я. -- У меня к вам небольшое дело. Я собираю круг приближённых подруг, вот, хотела вас пригласить. Вы как на этот счёт?

-- Ой, да вы что, золотая моя! -- фыркает Орешница. -- У меня же имя глухое, и живу я не в столице, да и вообще, приближённые подруги -- это с кем вы росли вместе, они вам как сёстры быть должны, а я-то тут причём?

-- Так у меня тут, на Муданге, никого из друзей детства нету, -- развожу руками. -- Есть моя подруга, с которой мы вместе учились, есть моя ассистентка, и всё. Про имя мне никто условий не ставил, зато сказали, что должна быть женщина опытная, которая может помочь советом во всяких домашних делах, и всё в таком духе. Я сразу о вас подумала! А что живёте не в столице, так тут главное, чтобы мы с вами виделись хоть раз в месяц. Я надеялась, может, мы снова клуб организуем?

Орешница качает головой.

-- Вот уж никогда бы не подумала, что буду звана в круг подруг Хотон-хон... Домой доеду, спрошу своего духовника, пристала ли мне такая честь. Вы бы тоже своего спросили, а то я думаю, ему такое и в голову не приходило. Но благодарю вас сердечно за предложение.

Ажгдийдимидин в тот день не присутствует в Доме Старейшин, поскольку никаких важных дел, требующих его участия, там не происходит. Урик нехотя рассказывает мне, как найти дом духовника, и я отправляюсь разыскивать.

Дверь открывает такой огромный человечище, что я поначалу принимаю его за Ирлика в божественной ипостаси. Однако, проморгавшись, понимаю, что на Ирлика этот монстр не похож: волосы тёмные с проседью, грубые мозолистые руки, качковое телосложение, а Ирлик всё-таки довольно изящный.

-- А, здравствуйте, Хотон-хон, -- рокочет тихим басом человек-гора. -- Я сейчас позову Ажги-хяна, подождите.

-- Здравствуйтесь! -- выдыхаю я, справившись наконец с отупением. Как-то я привыкла думать, что даже на Муданге крупнее моего мужа людей не бывает. Ну или хотя бы не во всех направлениях сразу: бывают или шире или выше. А этот -- как на компьютере пропорционально увеличенный. -- Извините, я немного задумалась...

-- Ничего, я привык, -- фыркает он, сдувая птичку с ближайшей ветки. -- Вы заходите.

Я следую за ним в просторный дом с высокими потолками и дверными проёмами.

-- Ажги-хян! -- зовёт он, почти не повышая голоса, но вибрации расходятся по полу. -- К тебе гости.

Ответа, понятно, не следует.

Старейшина обнаруживается в большой светлой гостиной, он лежит на стопке дифжир, подперев голову рукой, и явно только что читал электронную книжку. При виде меня он слегка сдвигает брови и кивает, переходя в сидячее положение. Человек-гора нас оставляет.

-- Здравствуйте, Старейшина, -- я усаживаюсь на ковёр перед ним. -- Я, собственно, зашла спросить, ничего если я в этот мой круг подруг возьму женщину с глухим именем? И живёт она не совсем в Ахмадхоте, но близко, мы довольно часто видимся. Зато она очень опытная, шестеро детей, прекрасная мастерица...

Ажгдийдимидин, кажется, меня вообще не слушает, а только вглядывается в моё лицо, как будто там с нашей последней встречи что-то новое появилось. Когда я замолкаю, он никак не реагирует. Я жду с полминуты, потом начинаю ёрзать и покашливать и склоняю голову набок. Это выводит его из ступора. Духовник выхватывает из кармана блокнот и стремительно строчит:

"Это ладно, ты лучше скажи, что ты завтра собралась делать?"

-- Домой ехать, -- пожимаю плечами. -- На Дол.

"Подожди до вечера", -- выводит духовник. -- "Погуляй по городу".

-- Зачем? -- удивляюсь я.

Старейшина корчит укоризненную физиономию, мол, нашла что спросить, глупая женщина. И правда, чего это я.

-- Ну хорошо, -- говорю. -- Погуляю. Так насчёт подруги -- не запрещено?

Духовник отмахивается и мотает головой.

-- Кто это такой у нашего духовника дома живёт? -- спрашиваю я вечером Азамата, когда он, отключившись от брэнного мира, воркует над Алэком.

-- Здоровенный такой? -- отрешённо уточняет муж. -- Это его пара.

-- Ох-х, бедолага, -- не удерживаюсь я.

-- Кто? -- удивлённо спрашивает Азамат, отвлекаясь от ребёнка.

-- Ажгдийдимидин. Ты же не думаешь, что он сверху?

Муж поджимает губы.

-- Лизонька, я тебя умоляю, не надо обсуждать личную жизнь Старейшин. Тем более духовников. Они ведь и услышать могут. Это не наше дело! Да и потом, насколько я знаю, жалеть Старейшину Ажгдийдимидина не приходится. Он очень счастлив со своей парой.

-- Да, но-о... -- начинаю я, но Азамат быстренько перебивает:

-- Ты завтра с утра уедешь?

-- Да нет, мне наш "Ажги-хян" до вечера велел тут погулять.

-- Ну Ли-и-иза! -- Азамат воздевает руки к небу. -- Я же тебя просил его так не называ-ать!

Я пользуюсь воздетыми руками и тыкаю его под рёбра.

Наутро я честно, как велено, отправляюсь гулять по городу, захватив с собой Алэка -- не оставлять же бедную крошку в одиночестве на целый день. С мелким мне, конечно, не очень хочется таскаться по людным улицам, где ездят машины. Замотавшись в слинг и воссев на Пудинга, я делаю круг почёта по окраинам. Очень медленно, потому что Пудинг считает своим долгом пожевать ягод с каждого куста, ну или на худой конец цветочек из-под забора. Хорошо, что муданжцы не держат палисадников с культурными декоративными растениями, а то ещё наорут на меня, а потом, когда узнают, помрут от ужаса.

Двигаясь от куста к кусту, Пудинг постепенно завозит нас на речной берег, где обнаруживает куртину дикой кукурузы и вставляется в неё по самое седло. Поняв, что вытащить его в ближайшие пару часов не удастся, я спешиваюсь, разворачиваю одеяло и располагаю себя и мелкого валяться на солнышке. Города отсюда практически не видно, зато вода так блестит, что смотреть больно. Я лежу, зажмурившись, и пытаюсь отгадать, зачем же Ажгдийдимидин послал меня гулять, и туда ли я пошла, куда надо? Может, он хотел, чтобы я по кабакам пошлялась? Или по улицам, чтобы встретить кого-то? Надо было уточнить... Но с другой стороны, он и сам, наверное, понимал, что дал весьма расплывчатые указания.

Примерно через полчаса мои раздумья оказываются прерваны шорохом шагов по траве и тяжёлым дыханием. Я разлепляю один глаз

-- нешироко, чтобы не очень много солнца в него попало. Ко мне идёт какая-то полная дама. Поняв, что мне не избежать приветствия и, возможно, светского разговора, я сажусь на одеяле и солнечно, под стать погоде, улыбаюсь. Дама как-то испуганно останавливается. Против света я её совсем не различаю, сколько ни прикрывай глаза ладонью.

-- Здравствуйте! -- пингую. Может, хоть по голосу опознаю?

-- Элизабет? -- неуверенно спрашивает она.

-- Она самая, -- киваю, приподнимая брови. На Муданге меня так не называет никто: либо Лиза, либо Хотон-хон, но никогда не Элизабет. Уж не нарвалась ли я на очередное божество? Это бы объяснило...

-- Вы меня, должно быть, не помните, -- перебивает мои мысли дама. -- Я Эсарнай с Гарнета.

-- А-а-а! -- хлопаю себя по лбу. -- Помню-помню, я только вас против света совсем не вижу!

-- Ой, простите, -- она обходит меня ниже по склону и наконец-то становится видна. Это несомненно Эсарнай, жена Экдала, но то ли естественное освещение ей не очень идёт, то ли она плохо себя чувствует, в общем, выглядит она похуже, чем тогда, на Гарнете.

-- Что-нибудь случилось? -- спрашиваю, жестом предлагая ей приземлиться на моё одеяло. Алэк сопит у меня под боком, игнорируя гостью.

-- Нет, ничего. Почему вы так решили? -- удивляется она, садясь.

-- Мне показалось, вы выглядите уставшей, -- осторожно отвечаю я.

-- Я действительно немного устала, -- соглашается она с какой-то нервной улыбкой. -- Никак не привыкну, что здесь всё так далеко и дико.

-- В смысле? -- моргаю я.

-- Ну, я ведь всю жизнь жила на Гарнете, -- поясняет она. -- Там нет таких мест, чтобы нужно было продираться сквозь траву и кочки.

-- Это да, -- ухмыляюсь я. -- А куда вы хотели попасть?

Вопрос её явно напрягает, она поводит плечами и отвечает неуверенным голосом:

-- Да так, пройтись... Я недавно приехала и никогда раньше не была на Муданге, вот, хотела осмотреться...

Мне чрезвычайно сомнительно, что такая дорогая женщина, как Эсарнай, на самом деле хотела погулять. Конечно, может, гарнетские муданжцы и отличаются от коренных, но вряд ли настолько. Я скорее поверю, что она пошла собрать цыкуты для соседки. Ну ладно, не хочет говорить, не буду выпрашивать.

-- А вы сами-то что тут делаете? -- спрашивает тем временем она. Мне кажется, по-муданжски она говорит не так сдержанно и вежливо, как на всеобщем.

-- Да вот, князя выгуливаю, -- усмехаюсь, теребя завязочку на Алэковой распашонке.

-- Князя?.. -- она изумлённо смотрит на мелкого и вдруг резко с шумом вдыхает. -- Ах! Это же вы -- Хотон-хон! Боги, как же я не сообразила! И обратилась по имени, ой, а вдруг кто слышал... -- она испуганно озирается.

-- Ничего, ничего, -- успокаиваю её. -- Имя моё все знают, я не любитель этих формальностей.

-- Ну надо же было так опростоволоситься, -- сокрушается Эсарнай. -- Мы ведь слышали всю эту историю на Гарнете, и Экдал мне говорил, что Байч-Харах всех собрал...

-- По чужим рассказам трудно помнить, -- пожимаю плечами. -- Не переживайте, я сама ещё не привыкла к своему положению. Только вчера была смешная чужачка, и вдруг -- бац! -- Хотон-хон.

-- Не знаю, к хорошему быстро привыкаешь, -- возражает Эсарнай. -- Чужачкой быть не очень сладко.

У меня негромко урчит в животе. Собеседница, кажется, не замечает или хорошо делает вид.

-- Не хотите ли присоединиться ко мне за обедом? -- спрашиваю я довольно формально, но по-другому вежливый вопрос никак не складывается.

-- А вы куда хотите пойти? -- спрашивает она, с сомнением окидывая взглядом крутой склон берега.

-- Домой.

-- Вы хотите сказать, во дворец? А меня туда пустят?

-- Конечно пустят! -- вытаращиваюсь я. -- Ещё бы они моих гостей не пускали!

-- Но ведь дворец -- это не ваш дом, а вашего мужа, -- замечает Эсарнай. -- Он не будет против?

-- Дворец -- это проходной двор, -- вздыхаю я. -- Дверь в спальню запираться приходится, а то если просто закрыть, подчинённых это не останавливает. Да и потом, Азамат столько работает, что в жилой части почти не появляется. А гостей он любит, особенно моих, потому что ему не обязательно их развлекать. Пойдёмте, у нас вкусно кормят.

Прежде чем куда-либо двигаться мне приходится за гриву выволакивать Пудинга из куста. Скотина у меня послушная, но без пинка не верит, что я и правда чего-то требую. Алэка я приматываю к себе, одеяло убираю в седельную сумку.

Номером вторым нашей программы оказывается вытащить Эсарнай за перегиб склона. Спускалась она где-то в пологом месте, а тут довольно круто, и влезть вверх по берегу Эсарнай сама не может, того и гляди покатится в реку. Пудинг уже ждёт нас на дороге, флегматично жуя дикие финики, и на мои крики не идёт. Можно было бы, конечно, обойти берегом до более удобного подъёма, но я хочу есть, а Эсарнай в длинной юбке и сапожках с каблуками будет ковылять по траве до ужина. Да и не так тут отвесно, я вообще не задумываясь залезла, даже с Алэком. Спускаюсь обратно на пару шагов, протягиваю руку. Эсарнай хватается, но так слабенько, что ничего не получится. Перехватываю её руку за запястье и в два шага вылезая на дорогу. Надо сказать, слоник она тот ещё. Чуть не падает на меня, когда я перестаю тянуть, и тяжело дышит.

-- Ой, Хотон-хон, простите, что я вас так напрягаю... -- пыхтит. -- Но я бы тут никогда не вылезла.

-- Вы на лошадь заберётесь? -- спрашиваю, оглядывая её с сомнением.

-- Сама?! Не-ет, -- мотает она головой. -- Только если мужчина посадит.

-- Ну тогда пойдёмте, тут минут десять до дворца.

-- Сейчас, подождите немножечко, мне надо отдышаться.

Она устало прислоняется к толстому боку Пудинга. Я стараюсь не выдать своего раздражения: я её тащила, а она устала!

-- Что же вы так легко утомляетесь? -- аккуратно спрашиваю с напускным сочувствием. -- Молодая ведь женщина. Не приболели часом?

-- Да я поражаюсь, какая вы сильная, -- разводит руками Эсарнай. -- Я, конечно, на Муданге недавно, но по материным рассказам, тут женщины по буеракам не скачут, как мальчишки!

-- Это правда, -- киваю. -- Но я предпочитаю иметь возможность погулять по городу, не зовя на помощь посторонних людей. Это, знаете ли, повышает самооценку. Ну ладно, пойдёмте уже.

Эсарнай понуро топает за мной до дворца. Поначалу я стараюсь идти медленно, чтобы она не перенапряглась, но потом замечаю, что чем медленнее я иду, тем больше она отстаёт, и расстояние между нами увеличивается. Когда я прибавляю шаг, она очевидно решает, что мне надоело ждать, и семенит поборнее.

Ко дворцу мы выходим с тыльной стороны, где калитка для обитателей, и мне не приходится ни тащить Эсарнай через административную часть, ни объяснять ей, почему мне не хочется этого делать. Подбежавший конюх принимает у меня Пудинга и распахивает двери.

-- Ну вот мы и пришли! -- объявляю радостно. -- Дальше на лифте!

Эсарнай, уже успевшая оценить высоту здания, вздыхает с облегчением.

В гостиной мы располагаемся в больших креслах, и я включаю на столике обеденное меню.

-- Ткните во всё, что понравится, -- инструктирую гостью, листая картинки с подписями. Когда состав блюд выбран, я жму на отправление заказа на кухню.

-- Как у вас удобно устроено, -- восхищается Эсарнай, продолжая передвигать по поверхности стеклянного столика электронные изображения.

-- Да, мне тоже очень нравится, -- соглашаюсь, распаковывая Алэка. -- Азамат очень любит оптимизировать всякие мелочи.

Алэка я укладываю в люльку, привешенную к рельсу под потолком. Таких рельсов там целая паутина, чтобы можно было гонять люльку за собой, в какой бы части комнаты я ни сидела.

-- Вот, это тоже он придумал, -- киваю на потолок. -- Чтобы князь всегда был под присмотром.

Эсарнай задумчиво кивает.

Тут привозят наш обед, и разговор переключается на гастрономические темы. Я замечаю, что Эсарнай в дополнение к муданжскому супу заказала пиццу. Дворцовый повар специально для меня старается держать запас земных продуктов, на случай приступа ностальгии.

-- Соскучились по гарнетской еде? -- спрашиваю между ложками.

-- М-хम्म, -- выразительно кивает Эсарнай. -- Я пиццу обожаю, а тут её нигде не делают. Пыталась от слуг добиться, но всё не то. Хоть сама к плите вставай!

-- А я и встаю иногда, -- усмехаюсь.

Эсарнай поднимает на меня круглые от ужаса глаза.

-- Что, прямо во дворце? -- спрашивает шёпотом.

-- Нет, обычно всё-таки у себя, на Доле. Тут слуг слишком много, они нервничают.

-- Так они же сами вам делают, вот...

-- Ну, это они пиццу делают. Заказывают на том же Гарнете партию мороженых полуфабрикатов, и пекут при необходимости. Но так не с любым блюдом можно, да и некоторые очень невкусно получаются.

Эсарнай уныло прожёвывает кусочек.

-- А я-то думала, это у меня одной такие трудности. А оказывается даже вам самой готовить приходится...

-- И мне, и другим целителям с Земли, которых Азамат пригласил. В основном, конечно, местные продукты едим, но если захочется чего-то родного, просим родственников прислать муку и остальное -- и вперёд.

-- Гарнетская почта с Мудангом не работает, -- вздыхает Эсарнай.

-- Азамат собирается это исправить, -- обнадеживаю я её. -- Я помню, он летом договаривался о чистке естественного туннеля от Гарнета в Водоворот. Конечно, не прямо на планету, но получается двое-трое суток пути. Азамат озадачил группу инженеров проектированием челноков разной вместимости, будут курсировать регулярно. Вот тогда и почта наладится, потерпите немного.

Эсарнай мнётся, рассматривая меня оценивающим взглядом.

-- Элизабет... вам ведь... вам нравится ваш муж, правда же?

-- Конечно нравится, -- киваю. -- Я бы не стала за него выходить, если бы он мне не нравился.

Она как будто переводит дыхание.

-- Мне мой тоже нравится. И я всегда думала, что так и должно быть. А тут вот пошла в местный клуб и...

-- О-о-о-о! -- не удерживаюсь я. -- С почином, моя дорогая! Я себе представляю, сколько нового вы о своём муже там узнали!

-- Нет, ну, в принципе, на мужа посетовать -- дело святое, -- замечает Эсарнай. -- Но всему должен быть предел. Моих соседок послушать -- получается, что они были бы рады, если бы вообще все мужчины с планеты исчезли. Мне жутко делается, как подумаю, что они там сидят каждый день и сквернословят. Так и сглазить недолго.

-- Эти могут. Хотя, с другой стороны, они такие бесполезные, что и силы слова у них никакой нет. Но слушать их всё равно омерзительно, очень вам сочувствую.

-- А как вы это терпите? -- Эсарнай смотрит на меня с надеждой. -- Вы же тут давно, наверное, приспособились как-то?

-- Ага, ушла из клуба через месяц, -- фыркаю. -- А надо было ещё раньше.

Она вздыхает.

-- Да-а, вы-то можете себе позволить просто уйти, вы же Хотон-хон. А я так не могу...

-- Ну, положим, когда я уходила из клуба, я ещё не была никакой Хотон-хон. Просто взяла и перестала там появляться. Даже духовник не возмущался, правда, у него были другие заботы. Так что мой вам совет: уходите без раздумий. Ничего вам никто за это не сделает.

-- Боюсь, соседки меня тогда совсем презирают, -- снова вздыхает Эсарнай.

-- Что значит "совсем"? -- удивляюсь. -- С какой это стати им вас презирать? Вы же красивая женщина с гласным именем и богатым мужем. Какое они имеют право к вам плохо относиться?

-- Так я же гарнетка. Они считают Гарнет такой глухоманью, что любая северная деревня в сравнении с ним -- почти столица. Я не с Муданга, не своя, и место мне на коврике у двери.

-- Очень интересно, -- качаю головой. -- Я вообще-то тоже немного из другой галактики.

-- Вы с Земли, это совсем другое, -- печально поясняет Эсарнай.

-- Знаете, я думаю, в таком раскладе вам тем более надо бросать этот гадючник. Я помню, как мне там было паршиво, но меня хотя бы уважали. А вам там совсем тоска. Так и рехнуться недолго.

Эсарнай с грустью отправляет в рот последний кусочек пиццы и молча жуёт.

-- Понимаете, -- говорит она наконец, -- вы уж простите, что я вам тут жалуюсь, но мне и поговорить-то не с кем особо... Сижу целыми днями дома одна, со слугами. Экдал меня навещает хорошо если раз в месяц, а то и реже. На Гарнете у меня мать, сёстры, подруги, а тут-то совсем никого. И вот я или в клубе сижу, слушаю, как меня и моего мужа грязью поливают, или дома одна в тишине размышляю надо всеми этими словами. И не знаю, что хуже.

По-моему, она сейчас заплачет.

-- Может, вам обратно на Гарнет поехать? Я хочу сказать, если вам там лучше... Какая Экдалу разница, где вас раз в месяц навещать?

-- Ему-то есть разница! -- с неожиданным ожесточением выпаливает Эсарнай. -- Он тут родился и вырос, он хочет отдыхать на родине, а не на чужой планете.

-- А вы с ним обсуждали эту проблему?

-- С Экдалом? -- удивляется она. -- Нет, конечно. Он же мужчина. Как я могу с мужчиной обсуждать свои женские дела?

-- Ну, мне кажется, что если вам так плохо, его это тоже касается, -- мягко говорю я, стараясь не показать, как меня вымораживает очередной аспект муданжского мировоззрения.

-- Не-ет, -- она категорически мотает головой. -- Он согласился на мне жениться, потому что у меня никогда не было никаких проблем. Если сейчас я потребую, чтобы он возился с моими женскими трудностями, он вообще перестанет меня навещать, и останусь я совсем одна.

-- И вернётесь на Гарнет, -- усмехаюсь я, хотя и понимаю, что для Эсарнай такой сценарий будет полной катастрофой. Развода-то нет, значит, нового мужа не найдёт, и кто её будет содержать? А Экдал, видимо, без женского внимания не очень страдает, раз жену навещает хорошо если раз в месяц. Я с ним поговорю, конечно, когда увижу, но с этой несчастной надо что-то делать. А то у меня уже нехорошие подозрения, на кой ляд она попёрлась к реке. Не исключено, что это из-за неё Ажгдийдимидин заслал меня погулять. Ладно, в принципе,

для муданжки она тётка неплохая, а у меня всё равно нехватка "подруг", можно и её пригласить. Может, мы на неё подействуем в лучшую сторону.

-- А вы рукоделием каким-нибудь занимаетесь? -- спрашиваю.

Она поджимает губы.

-- Вообще-то нет. Ради клуба попыталась научиться вышивать, но выходит плохо, только все пальцы исколола. А что?

-- Да я вот подумала, -- говорю, -- мне духовник дал задание создать так называемый круг приближённых подруг. По сути тот же клуб, только из дам, с которыми мне самой приятно общаться. Мы собираемся иногда по вечерам, шьём что-нибудь или плетём... Обычно весело бывает. Но я пока пригласила только троих, а надо хотя бы четверых. Вы не хотите примкнуть?

-- Ой, ну что вы, Хотон-хон, я ведь совсем не хотела навязываться! -- всплёскивает руками она. -- Да и какая я вам подруга? Один раз вместе за столом посидели... Спасибо большое, что вы ко мне так добры, но не стоит беспокоиться, я как-нибудь привыкну.

Я устало тру глаза. Отлично. Она просто хотела пожаловаться. Что самое худшее, она теперь так и будет приходить в гости и жаловаться, игнорируя разумные решения проблемы. А мне совершенно не интересно выслушивать её жалобы, зная, что ничего менять она не хочет.

-- Эсарнай, -- говорю я по возможности веско. -- Когда мы с вами встретились на Гарнете, вы ко мне хорошо отнеслись. Я это запомнила. Я всего лишь предлагаю вам ответную любезность, поскольку вы же сами только что в течение часа рассказывали мне, как вам трудно здесь, на Муданге. Я сочувствую и хочу помочь. Но у меня, в отличие от вас, нет свободного времени, чтобы обдумывать, кто что сказал, и что он имел в виду. И я не буду за вами бегать и настаивать, чтобы вы как-то изменили свою жизнь к лучшему. Я вас приглашаю в альтернативный клуб: никто никого не презирает, мужей не ругает, зато могут научить чему-нибудь интересному. Не хотите -- как хотите. Если вас устраивает положение дел, кто я такая, чтобы судить. Можете обратно идти гулять у реки, никто вам больше не помешает.

Кажется, последний мой комментарий попал не в бровь, а в глаз. Эсарнай заметно бледнеет и сглатывает. Повисает напряжённое

молчание, пока моя гостья с затравленным видом изучает подол своей блузки.

-- Я... -- наконец выдавливают она. -- Я... бы... хотела вступить в ваш круг, Хотон-хон. Позаботьтесь обо мне, пожалуйста, -- совсем тихо заканчивает она формальной фразой.

-- Обязательно, -- улыбаюсь я. -- Пожалуйста, называйте меня Лиза, мне так удобнее. Я постараюсь сегодня вечером всех собрать, чтобы вас с ними познакомить. А пока вам лучше будет пойти домой отдохнуть.

-- Хорошо, -- послушно кивает она. -- Мне вечером... вышивание брать?

-- Как хотите, -- пожимаю плечами. -- Если вам это не интересно, можете и не заниматься рукоделием.

-- Да? -- оживляется она. Но тут же озадачивается: -- А чем мне тогда заняться? Получится странно, если все будут шить, а я -- так сидеть.

-- А что вы любите делать? -- спрашиваю, чувствуя, как у меня начинает болеть голова.

Эсарнай надолго задумывается. Я успеваю извиниться, сходить в другую комнату за таблеткой, налить себе воды и выпить прежде чем она наконец выдаёт:

-- Мне нравится говорить на всеобщем.

Классно. Может, отправить её в помощь Унгуцу? Хотя если она может говорить, это вовсе не значит, что она может преподавать.

-- Вы ведь им хорошо владеете, не так ли? -- тяну время.

-- Мне кажется, что неплохо, -- пожимает плечами она. -- И я много песен на нём слушаю.

-- Хм, -- говорю я. -- А может, вы мне поможете в одном полезном деле?

-- Я? В каком? -- удивляется она. Видимо, мысль, что можно принести пользу, ей совершенно нова.

-- Да меня вот тут Старейшина Унгуц попросил попереводить со всеобщего на мунданжский всяких текстов про здоровье. Конечно, большинство из них сложные, там нужно хорошо разбираться в теме, но есть и простые... -- пока говорю, открываю и бужу бук, вывожу на экран оглавление моей подборки. -- Вот, например, "Как правильно учить ребёнка ходить". Или ещё "Почему надо мыть руки перед едой".

Тут специальных знаний не нужно, только понять, что написано, и изложить по-муданжски. Возьмётесь?

-- Не знаю, -- мнётся Эсарнай. -- Я такого никогда не делала. Даже не знаю, с какого конца взяться...

-- Советую начать с начала, -- хмыкаю я. -- А букром-то пользоваться умеете?

-- Ну... у меня есть планшет. Им умею. Это подойдёт?

-- Вполне. Давайте-ка приходите вечером, посмотрим, можно ли вас задействовать на благо нации.

Я это сказала в шутку, но Эсарнай, кажется, восприняла всерьёз. Смотрит на меня большими одухотворёнными глазами. Потом спохватывается и откланивается. Не знаю уж, сэкономлю ли я свои силы, усадив её за перевод, или наоборот, ещё больше потрачу... Но было бы очень неплохо приставить тётку к делу, пока она не рехнулась от забористой муданжской женской тоски.

Глава 6

Когда я наконец добираюсь распаковать тюк от Орешницы, понимаю, что она на сей раз превзошла себя не только в мастерстве, но и в материалах. Её скромный подарочек оказался ансамблем из трёх дилей с аксессуарами -- на меня, на Азамата и на Алэка, плюс ещё несколько маленьких дилей Алэку на вырост. И каждая вещь расшита драгоценными камнями с такой щедростью, как будто этого добра у неё горы.

В лёгком шоке отправляюсь на рынок с твёрдым намерением затащить-таки мастерицу в свой круг. А то она мне такие подарки дарит, а приближённой подругой ей, видите ли, не по чину быть. Ну уж нет.

-- Доброго вам дня, -- говорю, тормозя у её палатки. -- Ваши подарки меня глубоко потрясли.

-- Что ж так? -- озабоченно спрашивает она.

-- Вам, э-э... камушков не жалко?

Она покатывается со смеху.

-- Да что вы, Хотон-хон! У меня два старших сына их промышляют. Вот уж чего-чего, а этого у меня хватает! Семья богатая, вы за меня не волнуйтесь, Хотон-хон.

-- Так чего же вы тут за прилавком стоите, если у вас такое состояние? -- не понимаю я.

-- А так вы думаете, откуда богатство-то берётся? -- продолжает потешаться она. -- Муж за этим прилавком всю жизнь простоял, на шестерых детей скопил, да их прокормил, да ни одному подрабатывать не пришлось, пока ремёслам учились. Сейчас вот, по старости, тяжело ему одному, а мне дома скучно сидеть одной, вот и помогаю. Дети-то все взрослые, почти у всех свои дома, -- она кивает в сторону двоих парней, которые выгружают из машины ящики с сухофруктами. Одного из парней я уже видела, это тот, жирафоподобный. Второй мне не знаком, но жутко красивый. -- А одной сидеть, да шить без конца -- этак со скуки и помереть недолго. Тут-то, на рынке, и новости узнаешь, и поболтать есть с кем.

-- Отлично! -- улыбаюсь я. -- У меня как раз есть одна подруга, которой жизненно необходимо перенять ваш взгляд на мир. Пойдёмте-ка сегодня вечером ко мне, а? Клуб соберётся...

-- Да я занята, лапочка, -- мотает головой Орешница. -- Сами посмотрите, куда ж я отсюда пойду? Вон сколько всего продать надо!

После того, как я скупаю у Орешницы весь прилавок (а что, товар не портится, отвезу на Дол, будет что погрызть), ей ничего другого не остаётся как примкнуть к вечернему собранию. Её духовник был в полном замешательстве от вопроса, имеет ли она право вступить в мой круг, и не взялся брать на себя ответственность за такое важное решение. Вместо этого он написал Ажгдийдимидину, который всё разрешил. Потому он утром от меня и отмахнулся: знал, что проблема уже решена. Сыновья Орешницы берут на себя доставку и сборы, так что их мать сразу отправляется со мной во дворец.

Янку и Ориву мне удаётся выцепить и того легче: они так замотались в последние дни, что были рады высочайшему указу вечером отдохнуть. Они могут пройти во дворец в любой момент и уже должны быть в гостиной.

От рынка ближе идти через парадный вход, так что мы с Орешницей поднимаемся по огромной парадной лестнице -- и утыкаемся в широкую грудь охранника. Он отходит в сторону, пропуская меня, и тут же снова баррикадирует дверь.

-- Ку-уда? -- покровительственно спрашивает он Орешницу.

-- Это со мной, -- говорю.

-- На приём к Императору положено записываться в Доме Старейшин, -- сообщает охранник, не реагируя на меня.

-- Она не к Императору, а ко мне, -- поясняю.

-- А всё равно пускай записываются, -- возражает он, наконец-то обернувшись ко мне. -- Это же нужно, чтоб проверить, кто они такие, и лишних людей во дворец не пускать.

-- Здравствуйте, -- развожу руками. -- Я -- целитель, ко мне умирающих привозят, какая ещё запись?

-- Хотон-хон, может, действительно не стоит мне во дворец ходить? -- говорит Орешница. Ей очень неловко стоять на всеобщем обозрении посреди крыльца. Я выхожу обратно к ней.

-- Ничего подобного, тут просто кому-то голову напекло. Сейчас всё решим.

Набираю Ирнчину, который теперь глава госбезопасности.

-- Привет, -- говорю, -- а что это за быдло стоит у нас на главном входе и не пускает моих приближённых подруг?

-- Здравствуйте, Хотон-хон. А вы список подруг в мой отдел подавали? -- размеренно спрашивает Ирнчин.

-- Ещё чего, -- информирую я его. -- А мне кто-то сказал, что это надо сделать?

На том конце небольшая пауза.

-- Ваша правда, Хотон-хон. Не сказали... Ну так вы подайте, тогда пропустим.

-- Не, погоди, солнце. Я вот тут с одной из них на пороге стою и войти не могу. В собственный дом, между прочим. Объясни, пожалуйста, своему персоналу, что если я кого привела, то надо впускать.

-- А кто с вами? -- подозрительно интересуется Ирнчин.

-- Приближённая подруга, -- раздражённо вздыхаю я. Понимаю, конечно, что в новом ведомстве накладки на каждом шагу, но это уже начинает напрягать.

-- А имя?

-- Ну сейчас я буду тут на всю улицу имена называть! -- рявкаю я. -- Стоим тут на солнцепёке посреди города, как туристы! Давай быстро объясняй своему громиле, что моё слово -- закон, а остальное мы с тобой потом обсудим. Я ещё должна разрешения спрашивать, чтобы гостей пригласить!

-- Хорошо, хорошо, не кипятитесь, Хотон-хон, сейчас всё будет, - быстро меняет тон Ирнчин и кладёт трубку. Тут же включается рация

у охранника, и оттуда поступает команда нас пропустить.

Сплёвывая желчь, я втаскиваю слегка напуганную Орешницу внутрь.

-- Ох, не надо было мне приходиться, -- бормочет она. -- Вот и Ахмад-хон против...

-- Он тут ни при чём, я разговаривала с начальником охраны. И очень хорошо, что вы пришли со мной, а то я бы так и не знала, что они моих гостей не впускают. Не переживайте, это просто обычные проблемы с чиновниками.

В гостиной меня ждут трое: Яна, Орива и Эсарнай.

-- О, вы уже тут! -- удивлённо говорю я последней.

-- Да, я вошла через заднюю дверь, как мы с вами днём входили... Дорогу запомнила, вот, и пришла...

-- Отлично! -- я театрально вскидываю руки. -- Через парадную дверь меня саму еле-еле пропускают, а за задней вообще никто не следит! Безопасность на уровне! Ладно, с ними потом разберусь. Так, вы тут уже познакомились, я думаю? Отлично, а это Орешница. Орешница, это... -- и тут я понимаю, что не знаю никакого прозвища Эсарнай, а чтобы называть имя, нужно сначала спросить разрешения, тем более, что Орешницу я представила по прозвищу, а имени её я не знаю.... А-а-а-а!!! Взрыв мозга!

-- Гарнетка, -- прерывает мои метания сама Эсарнай.

Я с облегчённым вздохом падаю в кресло и заказываю на всех прохладительных напитков.

-- Что сегодня будем делать? -- оживлённо интересуется Орива.

-- Я надеялась, что вышивать, -- говорю. -- Потому что на более сложное я сегодня не способна.

-- Можно и повышивать, -- соглашается Орешница. -- Только вы контуры наметали?

Я двигаю бровями и извлекаю с полки пачку водорастворимых маркеров для ткани.

-- Я придумала лучше!

Когда все отдали дань угощениям и освоили рисование по ткани, я подзываю к себе Эсарнай. Она нервно зажимает под мышкой планшет.

-- Вот смотрите, -- перекидываю ей файл с текстом про первые шаги. -- Попробуйте первый абзац прямо под ним переписать по-

муданжски.

-- А что такое абзац?

Интересно, как их учат всеобщему, а?

-- Вот досюда, -- тычу пальцем, заодно отбивая строку, чтобы было куда писать. А то ещё не сообразит, кто её знает...

Она кивает и вчитывается в текст. Я возвращаюсь к рисованию контуров -- попроще, чтобы успеть за всеми, даже с перерывами на Эсарнай. Через пару минут смотрю, она уже тыкает в сенсорную клавиатуру. Небыстро, мягко говоря. Ну ничего, если ей понравится, уж печатать-то научится.

Вытянув шею, заглядываю в экран через плечо Эсарнай.

"Наблюдающий их ребёнка рост вверх есть великий опыт для родителей", -- печатает Эсарнай по-муданжски. Я роняю лицо в ладони. Кажется, это труба.

-- Погодите, -- говорю таким убитым голосом, что все вскидываются. -- У вас получается бессмыслица!

-- Да, -- охотно соглашается Эсарнай. -- Мне тоже так показалось.

-- Ну? -- не понимаю я. -- А зачем вы переводите бессмыслицу?

-- Тут так написано... -- растерянно сообщает Эсарнай.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Хорошо, что тут нет моей бабушки, а то Экдалу пришлось бы искать себе другую жену.

Отбираю у неё планшет и кладу экраном вниз.

-- О чём было первое предложение?

-- Ну-у... -- она мнётся. -- Ну что-о... Для родителей очень важно, как растёт их ребёнок...

-- О! -- говорю, поворачивая планшет обратно. -- Вот это и пишете.

-- Но там ведь не так...

Я кладу ей руку на плечо.

-- Наша задача -- донести до обычной муданжской матери, как надо и как не надо учить ребёнка ходить. Нам не надо каждое слово переводить, достаточно, чтобы было понятно. Пишите.

Она хмурится, но пишет. Потом замирает и молча смотрит на экран.

-- А можно, -- говорит наконец, -- я напишу "Для родителей смотреть, как растёт их малыш -- ни с чем не сравнимый опыт"?

-- Можно! -- широко улыбаюсь я. -- Нужно!

Она тут же радостно поправляет. Потом приступает ко второму предложению.

В этот момент у меня заводится радионяня, и я вскакиваю кормить Алэка, который спит в детской. Между прочим, дверь не заперта, а в чёрный ход может войти кто угодно... Не то чтобы кто-то на Муданге хотел бы причинить вред наследнику трона, но... кто его знает. А вдруг джингош какой завалился на планете...

Когда я возвращаюсь, Эсарнай добирается уже до третьего абзаца. При этом работает она в таком режиме: читает предложение, откладывает планшет на стол лицом вниз, думает, снова берёт планшет и записывает.

-- Можно просто файл свернуть, -- говорю.

Результатом я остаюсь вполне довольна, мне остаётся только показать ей толковый словарь, чтобы искать в нём неизвестные слова: муданжско-всеобщих словарей пока не составили. Клуб расходится в приподнятом настроении уже ночью. Узоры вышиты, статья переведена.

Азамат приходит из офисной части дворца во время вечернего кормления и тут же зависает посюсюкать над отпрыском.

-- Котик, -- говорю я медовым голосом, -- что ты знаешь о дворцовой охране?

-- Что ею занимается Ирнчин, -- тут же отвечает муж, щекоча Алэкову пятку.

-- Не отвлекай человека, -- ворчу. -- А знаешь ли ты, что задняя дверь никак не охраняется?

Азамат поднимает на меня взгляд и задумчиво хмурится.

-- Наверное, не успели ещё никого поставить...

-- Зато на парадную дверь успели поставить лба, который пытался не пустить Орешницу вместе со мной.

-- Ну ты разрулила это с Ирнчином?

-- Частично. Мы договорились обсудить это позже. Вот скажи, ты знал, что нашим гостям надо записываться заранее? Что я должна составить список своих подруг и подать в отдел безопасности?

Азамат тяжело вздыхает.

-- Не знал. Понимаешь, Лиза... Традиционно у Хотон-хон был личный телохранитель, а то и не один. Ирнчин мне об этом напомнил,

но... В общем, я подумал, что ты будешь не в восторге от того, что за тобой постоянно будет хвостом ходить посторонний мужик. Поэтому я попросил Ирнчина придумать какую-нибудь другую систему охраны тебя, да и Алэка заодно. Очевидно, он ещё не проработал новый план как следует. Не сердись на него, у него и кроме этого забот по горло, а доверять твою безопасность подчинённым он не хочет.

-- Боюсь, что его план мне не подходит в принципе, -- говорю. -- Ладно сейчас, когда я не работаю. Но потом-то я должна быть доступна для пациентов. Конечно, кому не срочно, могут прийти по записи. Но практика показывает, что кому не срочно -- те не приходят вовсе или уж по крайней мере не ко мне. Тем более, я ведь и на дом выезжаю, заметь, безо всякой охраны. И по улицам хожу одна, а узнать меня может любой младенец. Какой смысл в этих охранных мерах? Одна бюрократия!

Алэк преркает причмокивать и громко тьякает в поддержку моей позиции.

Азамат отводит взгляд.

-- Я бы, конечно, предпочёл, чтобы ты не ходила одна и не ездила по чужим людям. Но я знаю, что так не будет! -- быстро добавляет он, слышав, как я набираю в лёгкие воздуха, чтобы высказаться. -- Однако, честное слово, Лиза, мне было бы настолько спокойнее, если бы за тобой кто-нибудь присматривал... Ну сама подумай, а вдруг ты в тоннель провалишься опять, одна? А я даже не буду знать, где он был, этот тоннель? Да и не могу я гарантировать, что на планете не осталось ни одного джингоша. Муданжцы, конечно, все тебя любят... по идее. Но я не поручусь за каждого, понимаешь? Люди бывают разные и странные. Бывают и сумасшедшие. Бывают злые на весь мир.

-- Хорошо, хорошо, я тебя поняла, можешь не продолжать, -- останавливаю его. -- Я подумаю. Пока что я собираюсь свалить на Дол, там ты за меня не боишься?

-- Нет, -- улыбается Азамат. -- Там у тебя сторож есть.

-- Вот и отлично. А здесь ты бы предложил Ирнчину сделать видеофон у двери, чтобы желающие могли позвонить, поговорить со мной от дверей, и я бы сама решила, кого впускать. Мне, надеюсь, ты веришь?

Азамат быстро трёт пальцем нижнюю губу, но кивает.

-- Верю. Хотя лучше бы тебе не оставаться наедине с чужими людьми, даже если они пациенты... Но ладно, хорошо, договорились. С Ирнчином я этот вопрос проработаю.

-- Вот и славно, -- улыбаюсь я.

Азамат внимательно смотрит на уснувшего Алэка.

-- Ты прямо сейчас полетишь? Или мы успеем... попрощаться?

Я тоже изучаю мордочку мелкого.

-- Думаю, если прямо сейчас, то он проснётся. Лучше через часок, когда он крепче всего спит...

Примерно через неделю я снова приезжаю в столицу предьявить Янке чадушко и заодно дошить начатый проект в клубе. Эсарнай освоила пересылку файлов по Сети, и за это время от скуки одолела пяток статей по гигиене, а потом взяла отгул с целью почитать толковый словарь и поправить свои представления о грамматике всеобщего, а то у неё возникли трудности с некоторыми конструкциями. В целом мне уже кажется, что приставить её к делу было хорошей идеей. Муданжский она знает, естественно, лучше, чем я, так что мне остаётся только поправить пару терминов или распутать слишком сложное предложение.

Я плыву по улице, сидя на спине у Пудинга, и уже предвкушаю вечерние посиделки (после недели в обществе Алэка, Тирбиша и Ийзих-хон общения хочется ужасно), но тут мне внезапно звонит Сашка.

-- Лизка, привет! Ты сейчас где? -- произносит на том конце энергичный Сашкин голос.

-- Домой еду... -- моргаю.

-- Ну ты в столице?

-- Да... А зачем тебе?..

-- Отлично, топай к космопорту, мы через пятнадцать минут приземлимся.

-- Чё?... Кто "мы"?

-- Мы с мамой!

Я моргаю и мотаю головой. Что за бред. Мама не летает в космос. С Сашкой я разговаривала пару дней назад, он ничего не говорил про визит на Муданг, да и лететь земными средствами три недели!

-- Мы тебе устроили сюрприз, -- поясняет Сашка в ответ на моё офигевшее молчание.

-- Он вам удался, -- выдыхаю я. -- Ладно, сейчас свистну Азамата и пойду встречать, раз так...

Я разворачиваюсь и несколько бодрее, чем обычно, гоню Пудинга к дому. Он не слишком доволен, что его заставляют напрягаться, но раз в полгода можно, уж не утомишься. Торможу перед окнами кухни, стучу в стекло и передаю верёвочку, повязанную на шее у Пудинга, возникшему в проёме мальчику с вытаращенными глазами. Потом отправляюсь в кабинет Азамата в Канцелярии.

Когда в этот кабинетходишь, всё твоё внимание тут же поглощает огромный, массивный, инкрустированный сверкающими драгоценными камнями деревянный письменный стол с толстенной столешницей из зеленоватой яшмы. Только те, кто пережил моральную атаку стола, способны заметить, что за ним вообще-то сидит Император и благосклонно улыбается очередному несчастному, подавленному величественным предметом интерьера. Азамат-то, может, и предпочёл бы что-то покомпактнее и попрacticalнее, но это стол, за которым сидели по крайней мере четыре поколения Императоров, он хранился два века в тайном музее сокровищ короны, и вот, наконец, дождался своего часа, так что отказать ему в месте в кабинете Императора было совершенно невозможно.

-- Лиза, ты чего такая пришибленная? -- с порога озабоченно спрашивает Азамат, отвлекая меня от созерцания рубиновой подставки под письменные принадлежности.

-- Я просто очень удивлённая. Только что позвонил Сашка, оказывается, они с мамой вот сейчас приземляются у нас в космопорту. То есть, здесь, на Муданге!

Азамат удивляется несколько меньше, чем я. Он-то не знает, что вытащить мою матушку из родного сада под силу разве что экскаватору.

-- Ну это же отлично, ты ведь давно хотела их навестить! По-моему, очень мило с их стороны нанести нам визит.

-- Не вопрос, я очень рада, только как-то уж совсем неожиданно... Да и как они досюда добрались? У Сашки нет денег снять звездолёт на пару недель.

-- Я думаю, -- загадочным голосом начинает бесшумно возникший у меня за спиной Эцаган, -- их кое-кто подвёз. Алтонгирел мне по секрету рассказал, что ваш брат с ним договорился о перелёте с Гарнета сюда. Пойдёмте встречать?

-- Обязательно, -- Азамат подхватывается с места и, уцепив меня за руку, несётся по коридору, я едва за ним поспеваю. Он резко тормозит у какой-то двери, засовывает голову внутрь.

-- Ирнчин, я отойду, тут Лизины родственники приехали. Отложи заседание на завтра.

И мы мчимся дальше.

К высадке мы всё-таки опаздываем: из кабинок канатной дороги у подножия горы-космодрома уже вылезают люди. Первыми прибывают капитан Экдал, его брат Эндан, Алтоша и Орвой. Экдал как-то странно выглядит. Азамат вот тоже принялся его рассматривать.

-- Да ты никак постригся, друг, -- ухмыляется Азамат.

Экдал слегка розовеет.

-- Ну, я же вернулся из изгнания и с братом помирился...

-- И каково тебе старшим братом командовать?

-- Нормально, -- Экдал тут же обретает уверенность. -- Он ведь всего на год старше.

-- Мне надо будет с тобой поболтать, -- бросаю я Экдалу, следя взглядом за кабинками.

Из следующей как раз выпадают Сашка с мамой. Вот ведь и правда маму приволок! С ума сойти. Я подхожу поближе.

-- Лизка! Ну наконец-то! Мы чуть не сдохли во время полёта, так далеко!

Меня стискивают и обцеловывают, и только тогда до меня начинает доходить, что это же мои приехали!

-- А чего народу-то столько? -- спрашивает Сашка, крутя головой по сторонам, пока мама протирает очки и поправляет футболку, сбившуюся после бурных приветствий. Футболка зелёная с малиновыми цветами.

Я оглядываюсь. И правда, по всем улицам, выводящим к канатной дороге стекаются толпы людей. Азамат замечает мою растерянность и отвечает на всеобщем:

-- Дома слышат, а травы говорят. Людям любопытно посмотреть на Лизину родню, вы уж извините. Когда прибыли земные целители,

тоже вся столица сбежалась.

-- Ой, здравствуйте! -- Сашка стремительно хватается двумя руками ладонь Азамата, пока не увернулся, и от души трясёт. -- Я так рад с вами наконец-то встретиться лично!

-- Да-да, мне тоже очень приятно, -- растерянно бормочет Азамат, нависая над мелким Сашкой, как утёс над деревцем.

-- Это и есть муж твой, что ли? -- мама кивает на Азамата и вздевает очки на нос.

-- Ну да, он самый. Вот, знакомься.

-- Ух ты какой большой! Ну иди сюда, иди, мой хороший! -- она подманивает его рукой.

Азамат вопросительно смотрит на меня и подходит поближе.

-- Вот, -- говорю, -- знакомься, это моя мама. Мама -- Азамат.

-- Очень приятно, -- по слогам произносит Азамат по-нашему.

Мама издаёт удивлённый смешок и продолжает его подманивать.

-- Наклонись хоть!

Азамат послушно наклоняется и тут же оказывается в жарких объятьях и троекратно расцелован в обе щеки. Кто-то в толпе не сдерживается и гикает.

-- Хороший, хороший, -- одобрительно сообщает маман, похлопывая совершенно обалдевшего Азамат по плечу.

-- С-спасибо, -- с трудом выдавливает Азамат, изо всех сил стараясь прилично улыбаться.

-- Ну, -- мама упирает руки в боки, -- а где мой внук? Желая лицезреть!

-- А он дома, -- говорю. -- Во дворце. Пошли, познакомлю. Только он сейчас спит, как раз успеем пообедать. Капитан! -- кричу на ходу Экдалу. -- Кто у вас там по хозяйственной части, скажи, чтобы отвезли багаж к нам во дворец!

-- Уже везут, -- кивает Экдал.

-- Как доехали? -- Азамат вставляет ещё одну из недавно выученных фраз. Акцент у него получается кавказский, смешно.

-- Отлично! -- бодро отвечает Сашка. -- Только очень долго. Мы до Гарнета туннелем, но там очередь сутки!

Поняв, что мы куда-то направились, толпа расступается, и в ней становятся видны ещё знакомые лица.

-- Ой, Янка! -- Сашка кивает в толпу. -- Давненько не виделись! Как она тут, обосновалась?

-- Вроде да, -- пожимаю плечами. -- Пойдём, сам спросишь.

Братец забегает вперёд и прихватывает Янку за плечи.

-- Здорово! Ну как тебе Муданг? От Лизы-то я уже наслушался.

-- Нормальный Муданг, -- отмахивается она. -- Заморочек куча, конечно, но терпеть можно. Вот, знакомься, наша с Лизой ученица, Орива.

Орива, естественно, ничего кроме своего имени не разбирает, а на то, что её представили без спросу, несколько обижается.

-- Привет! -- радостно говорит Сашка на всеобщем, протягивая руку для пожатия. Орива смотрит на руку, не понимая, что с ней делать. Янка пытается объяснить, выходит плохо. Сашка теряется. Я начинаю ржать.

-- У нас принята другая форма приветствия, -- объясняет подошедший Азамат и подманивает пальцем стоящего в толпе Арона. - - Арон, знакомься, это брат Лизы, Александр, и их мать.

Арон, просияв, выбирается из толпы, как полагается, скрещивает руки, заложив ладони под мышки, и кланяется. Сашка неуклюже повторяет жест. Маме несколько мешает бюст, так что приходится локти повыше поднять, выходит совсем смешно, в итоге она просто хлопает Арона по плечу.

-- Всех рада видеть!

Арон вздрагивает и нацепляет широченную улыбку непонимания, Янка покатывается.

-- Мама, познакомься ещё, вот это Эцаган, я тебе про него рассказывала... Эцаган, ты ещё наобщаешься с Алтошей, погоди чуток!

Эцаган многословно здоровается и отвешивает поклон. Пока я перевожу любезности, Сашка принимается выпытывать у Азамата какие-то технические подробности устройства муданжских звездолётов. Мы постепенно движемся по радиальной улице к центру.

-- М-да-а, тут по-нашему-то никто и не говорит... -- протягивает мама, топя рядом со мной впереди процессии. -- И как ты их терпишь?

-- Вот Азамат говорит. Остальные более-менее говорят на всеобщем, для меня-то разница небольшая. А тебе бабушка сколько

лет твердила, что надо учить всеобщий? А ты всё зачем да зачем. Вот зачем!

-- Так кто ж знал, что ты в такую даль замуж выйдешь! А муж твой у тебя учится, что ли?

-- Да нет, всё у той же бабушки!

-- У бабушки?! -- ужасаются мама и Сашка хором.

-- Бабушка? -- Азамат слышит знакомое слово. -- Да, я уже знаком с вашей бабушкой.

Сашка картинно закатывает глаза.

-- Лиза, как ты могла! Ты что, решила совершенно деморализовать своего мужа?

-- Да он пока вроде держится. Зато смотри сколько уже всего сказать может!

Азамат вежливо улыбается, делая вид, что что-то понял.

Сашка внезапно обращает внимание на окружающую архитектуру.

-- Ого, какие домики! Mam, гляди!

-- Да ладно домики, ты смотри, какие цветы! А деревья! Да тут даже трава под ногами -- и та декоративная!

Сашка не особо её слушает, потому что мы как раз проходим женский клуб, торчащий на обочине. Братец останавливается и с любопытством скребёт пальцем стену.

-- Так вот ты какой, саман! -- он заглядывает в окно и встречается взглядом с вышивающими тётками. У тёток глаза становятся размером с мингь, то бишь, старшую монету. -- Ай, там люди! -- Сашка шарахается и принимается ржать.

-- Теперь я вижу, что он и правда твой младший брат, -- ухмыляется Азамат.

Мама тем временем пытается пробраться в чей-то неогороженный палисадник посмотреть цветочки, но Алтонгирел недвусмысленно преграждает ей дорогу. Мама нехотя возвращается на своё место в строю.

-- Этот с губами такой смешной! -- сообщает она мне шёпотом, как будто Алтонгирел может понять. -- Шарахался от меня всю дорогу. Ты ему что, ужасов каких-то про меня нарасказывала?

-- Нет, он просто, наверное, думает, что ты -- это я в большой концентрации.

Мама громко хохочет, запрокинув голову.

-- Ну ты его и задолбала в таком случае! Слушай, а капитан -- такой милый мальчик, вежливый, я, правда, не понимаю ни черта, но что вежливый-то, это слышно! Вообще все такие обходительные, понятно, что ты тут осела!

-- Ещё бы они были не обходительные с матерью императрицы! -- фыркаю я. -- Но вообще, конечно, они к женщинам очень трепетно относятся.

-- Так и Сашке, вроде, не хамили. Хотя конечно, если ты императрица... Всё время забываю, что это в самом деле. Ух ты-ы-ы, Саша, гляди какое черепашище!

Это мы дошли до "Щедрого хозяина", вестимо. Братец с мамой тормозят, как вкопанные и синхронно достают камеры, чтобы запечатлеть это произведение муданжской архитектуры.

-- Мы тут осядем или во дворец пойдём? -- спрашиваю Азамата.

-- Я думаю, будет жестоко так разочаровывать даму, -- говорит он, кивая на стоящую на пороге хозяйку в парадном диле с необъятной пиалой хримги в руках. -- Ей, видимо, сказали, что мы в их сторону направляемся.

-- Ладно, тогда давай сюда, напугаем моих сурчатиной, -- хихикаю я, подцепляю родичей под локти и влеку ко входу.

Вечером в трактире обычно куча народу и накурено ароматными травами, но сегодня, похоже, хозяйка всех выгнала. Мы располагаемся за почётным -- дальним от двери -- столиком, а Алтонгирел с Эцаганом и Янка с Оливой -- за соседним, чтобы не мешать семейным разговорам, и нас ещё до всякого заказа заваливают яствами. За гигантским бараньим окороком, жареным на камнях, следует сурок в крабьих яблочках и угорь с орехами. Ко всему этому прилагается чан чомы и крошечные чашечки с чаем.

-- Это из этих напёрстков предлагается пить? -- вопрошает маменька, брезгливо двумя пальцами приподнимая чашечку. -- У вас тут чай восьмидесятиградусный, что ли?

-- Нет, это они так показывают уважение, -- говорю.

-- Ну так скажи им, что мы всё поняли, а теперь пусть несут нормальную посуду. Мне всё это жирное мясо надо нормальным количеством чая запивать.

С этими словами она ставит напёрсток на поднос хозяйке, которая как раз принесла чайник. Прежде чем я успеваю открыть рот, хозяйка обращает на нас с Азаматом несчастный взгляд и жалобно произносит:

-- У меня мельче нету...

-- Мельче не надо, -- с ободрительной улыбкой говорит Азамат. -
- Надо крупнее. Принесите им средние пиалы для супа, они будут довольны.

-- Но я суп не собиралась подавать! -- ахает хозяйка. -- А надо?

-- Нет, -- Азамат улыбается ещё миролюбивей. -- Они будут пить чай из средних пиал для супа. Это земная традиция.

Хозяйка хлопает глазами, кивает и удаляется.

-- Как тут краси-иво... -- Сашка осматривает интерьер, благополучно пропустив мимо ушей все чайные баталии. -- Сегодня праздник, что ли?

-- Нет, -- отвечает Азамат, -- эти украшения -- просто обереги, охраняющие от порчи еды и вредных клиентов.

-- А амулета от вредного начальства у вас нет? -- ржёт Сашка. -- Или от соседей-придурков?

Азамат мотает головой, по-муданжски, до упора. Мама в ужасе на него вытаращивается.

-- Лиза, чего это он?

-- Ничего, это жест "нет".

-- Жуть какая, он шею-то не свернёт?

-- Эту шею поди сверни!

-- Тоже верно...

Возвращается хозяйка с пиалами, расставляет их на столе и наливает чай. Примерно по чайной ложке в каждую. Я зажимаю рот рукой, чтобы не заржать. Азамат легонько вздыхает и мягко забирает у хозяйки чайник.

-- Давайте я сам, мы и так вас загоняли.

Хозяйка розовеет, широко оскаливается, кланяется и убегает на кухню. Азамат наконец наливает маме полную пиалу чая, все довольны.

-- Ишь ты какой галантный, -- хмыкает мама. -- Не боишься, что уведут?

-- Честно говоря, не очень. Сама посуди, раз уж до меня пятнадцать лет никто не позарился...

-- Так чужое интереснее, чем ничейное.

-- По себе судишь?

-- Да мне они с роду не нужны, хоть женатые, хоть какие! А вот ты бы за своим присматривала. Тут-то я поняла уже, что тётки странные, но если вы с ним на Землю полетите -- вот там глаз да глаз! Найдутся бабы и поумнее тебя, и покрасивей. На императора-то!

Я корчу рожу в том смысле, что подозревать Азамата в измене -- не просто последнее дело, а вообще идиотизм. Азамат тут же вопросительно на меня смотрит, мол, что с матерью не поделила.

-- Мама считает, что ты такой потрясный мужик, что мне надо от тебя вилами гонять всех потенциальных соперниц.

До сих пор усилием воли молчавший Алтонгирел не выдерживает и фыркает в пиалу, производя веер брызг.

-- Вот поэтому пиалы для чая такие маленькие, -- наставительно сообщает Янка, до которой не долетело.

Азамат тем временем собирается с мыслями и, стратегически улыбаясь, говорит маме:

-- Ваша дочь не должна волноваться. Но спасибо за комплимент.

Мама некоторое время изучает его задумчивым взглядом, потом обращается ко мне.

-- Лизка, будь поосторожнее со своим знойным красавцем. Я тебе говорю, на Земле все бабы будут его.

-- Вы хотите взять Лизу на Землю? -- хмурится Азамат.

-- Мнэт, -- Сашка с набитым ртом мотает головой. -- Мно вам когда-то пййдётся пйыехать вмэште. Ой, как вкусно! Я хочу сказать, маршал Ваткин хочет вас видеть, а он с Земли не выбирается уже много лет, всё-таки пожилой человек. Так что он хотел бы, чтобы вы сами до него добрались. Вы ведь хотите вступить в экономический союз, правда? Ну так маршал вас ждёт с распростёртыми объятьями, только просит лично встретиться. Он же с вами об этом говорил, разве нет?

-- Говорил, -- кивает Азамат, не переставая хмуриться. -- Но мне теперь не так просто уехать с планеты на несколько недель. Да и требования для вступления в союз мы ещё не все выполнили.

-- Так я вам говорю, нафиг требования, вас уже ждут!

-- Нет, -- решительно отвечает Азамат. -- Пускай ещё подождут. Если моя планета вступит в союз, то с полным правом, а не по прихоти главнокомандующего союзными войсками. Я ни в коем случае не хочу его обижать, но я не хочу и быть у него в долгу. И тем более не хочу, чтобы другие союзники смотрели на нас сверху вниз, дескать, ничего не умеют, только мечами махать, а по знакомству провинтились на тёплое местечко. Союз -- это сотрудничество, и я там хочу быть на равных.

-- Мда-а, -- Сашка задумчиво трёт нос. -- Серьёзный вы человек, Азамат. Не то чтобы я в этом раньше сомневался, конечно... Но, боюсь, маршал всё-таки обидится.

-- Именно поэтому я ему говорю, что не могу приехать, потому что ужасно занят, и надо сначала навести порядок дома, а уж потом лезть в мировую политику.

-- Вы бы знали, какой у нас бардак, поняли бы, что он с вами не совсем согласен...

Азамат пожимает плечами.

-- Тогда скажите ему, что жена не хочет меня отпускать к земным красоткам.

Я давлюсь яблочком.

Дома Тирбиш выносит нам сонного Алэка, и меня сносит громовым сюсюканьем. Мелкий чужих не боится совершенно, а тут как бы и не совсем чужие... В общем, он ведёт себя, как в рекламе: улыбается и радостно пищит, хватая родичей за выступающие части организма.

Дверь приоткрывается, и оттуда раздаётся то ли свист, то ли шипение. Обернувшись, в полутьме различаю Алтонгирела, который манит меня в гостиную. Видимо, жаждет мне на маму пожаловаться. Встаю и выхожу.

-- Чего ты?

-- Да я так, поинтересоваться, они не жалуются, ничего? -- Алтонгирел стоит ко мне боком, нехарактерно теребит рукав и отводит взгляд.

-- А на что им жаловаться? Мама сказала, что с ней все очень вежливо обходились.

Духовник немного расслабляется.

-- Я просто... ну, пришлось объяснять нашим всякие штуки, ну, про чашки там, или про то, что надо место уступать... В общем, на тебя ориентировался. Странно всё это, я боялся, как бы глупость не сделать какую-нибудь. Тем более, ребята мне никак не верили. А родители твои молчат, как будто не для них стараюсь...

-- Спасибо тебе большое, у тебя отлично получилось. Для моих родителей такие вещи -- сами собой разумеются. Они просто не знали, что надо тебя поблагодарить. Так что я тебе говорю спасибо за них.

Алтонгирел кривится, но кивает. Потом принимается жевать нижнюю губу. Я жду, пока он соберётся с мыслями, но он всё никак.

-- Ну рассказывай, что ещё?

-- Твоя мать -- странная женщина.

Невольно усмехаюсь.

-- Это не новость.

-- Да? -- он разворачивается ко мне всем корпусом. -- То есть, она и для землянки странная?

-- Есть немного. Конечно, для Муданга гораздо страннее. А что она такое сделала?

-- Она... как бы это сказать... Она совсем не боится показаться смешной. Вот например, она ведь ни на всеобщем, ни на муданжском не говорит, а твой брат не всегда был рядом, так она его не ждала и не звала, а так, жестами показывала, если ей что надо. Кстати, она выучила несколько муданжских слов, специально нас заставила с ней их повторять. Вся команда по полу каталась от смеха, я думал, она разозлится, а она...

--...Хохотала громче всех. Ну да, а чего злиться-то? Вы же не ждёте, что она прямо возьмёт и заговорит правильно. Она даже не собирается учить муданжский, просто из интереса какие-то слова зазубрила.

-- Ну да, но всё равно. Если я что-то делаю первый раз, и у меня плохо получается, да ещё и у всех на виду, я страшно злюсь.

Я усилием воли сглатываю комментарий про подростковые комплексы.

-- Понимаешь, Алтонгирел, моя мама уже добилась в жизни всего, чего хотела. Она хороший профессионал, её уважают, ей много платят, у неё любящая семья и куча друзей. Я сомневаюсь, что у вас на борту был хоть один человек, настолько довольный собой. Она имеет

право больше ни в чём не преуспевать, она и так крутая. Понимаешь? Сказала что-то смешное и посмеялась, потому что это не важно. Мне кажется, тебе это должно быть близко. Ты ведь довольно высокого мнения о своих профессиональных способностях, да и все остальные считают, что ты очень хороший духовник, даже Ирлик. Ты можешь себе позволить расслабиться и не злиться по пустякам. Я думаю, тебя станут даже больше уважать, если ты будешь меньше беспокоиться об имидже.

-- Погоди-погоди, Ирлик-хон про меня говорил? -- настораживается Алтоша.

-- Ну, он сказал, что у нас оба духовника невероятно круты. Я так поняла, он имел в виду Ажгдийдимидина и тебя.

-- Странно, что он считает меня вашим духовником. И я не так уж хорош в своём деле. Ты-то это знаешь, даже если все остальные меня нахваливают. Я хорошо предсказываю, но я совсем не понимаю людей. Ажгдийдимидин вообще сказал мне, что я машина для предсказаний.

Мне кажется или у него дрожат руки? На всякий случай поглаживаю его по плечу.

-- Он, видимо, очень злился, раз так сказал. Но знаешь, мало кто может похвастаться, что хорошо предсказывает. Так что ты в любом случае крут, тебе просто есть, куда расти, -- кто бы мог подумать, что мне придётся убеждать Алтонгирела, что он крут!

-- Вот твоя мать тоже всё время так делает, -- неожиданно говорит он.

-- Как?

-- Трогает. И ещё обнимает, целует всех. Зачем?

-- Она так выражает, что ей приятны эти все.

-- Но я тебе неприятен, почему ты меня трогаешь?

На всякий случай убираю руку.

-- Потому что ты нервничаешь, и я хочу тебя успокоить. На землях это обычно действует успокаивающе.

Алтонгирел рассматривает меня в полутьме.

-- Я не люблю, когда меня трогают женщины. Я от этого только больше нервничаю.

Я открываю рот, чтобы извиниться, но он продолжает:

-- Но почему-то когда твоя мать трогает, то совсем другое ощущение.

Я развожу руками, не находя слов.

-- Ну, она же мать... Я правда не знаю, как это объяснить.

-- Мало ли что мать, от моей собственной матери у меня только синяки оставались! -- выпаливает Алтонгирел, и тут же спохватывается. -- Так, всё, я с тобой заболтался, мне пора идти.

Он делает пару решительных шагов к двери, когда у меня за спиной из детской выходит Азамат. Алтонгирел ему кивает и скрывается за дверью.

-- Чего это он? Мы даже не поздоровались толком, -- удивляется муж.

-- Он хотел сбежать от меня. Просто мы начали обсуждать мою мать, а потом случайно переключились на его, и он сболтнул лишнего.

Азамат понимающе кивает.

-- Да, если уж он со мной не хочет о ней говорить, то с тобой и подавно. Ладно, успокойся.

-- Надеюсь. Он вообще какой-то нервный сегодня был. Что-то мне кажется, этот его психоаналитик не столько помогает, сколько душу бередит.

-- Чего он тебе наговорил?

-- Знаешь, я не думаю, что ему понравится, если я буду это пересказывать. Лучше ты с ним сам поговори. Может, ему полегчает.

-- Попробую, -- Азамат пожимает плечами. -- Пойдём, там Алэк тебя требует.

Мама вручает мне мяучащее дитяtko и удовлетворённо вздыхает.

-- Одобряю, -- решительно говорит она.

-- А почему распашонка не этническая? -- возмущается Сашка.

-- Потому что в драгоценных камнях спать не удобно, - хихикаю. -- Азамат, покажи-ка им Орешницын подарок.

Осмотрев золотые, расшитые рубинами и изумрудами детские дильчики, Сашка признаёт поражение. Мама ради такого дела даже надевает очки посильнее.

-- Мда-а, Лиза, я так понимаю, домой тебя не ждать... Боже мой, но ведь ребёнок вырастет, и не жалко людям труда!

-- Наоборот, -- усмехается Азамат. -- Взрослая одежда сносится, а детскую пару раз наденут -- и в музей.

-- В какой музей?

-- Музей Императорских Даров, -- объясняет Азамат. -- Его как раз сейчас отреставрировали, через четыре дня откроют. Это в Долхоте, и нам обязательно надо будет там быть.

-- Это откуда твой стол, что ли? -- спрашиваю.

-- Ну, он там хранился, но выставляются там только вещи, которые не используются. В основном, одежда, потому что шита по телу. Но ещё всякие забавные вещи. Увидишь. Вы, Саша, тоже обязательно посетите, там будет интересно.

-- Ещё бы!

-- Это парадная форма? -- уточняет мама, ковыряя ногтем камушек на воротничке.

-- Ну вроде того, -- смеюсь. -- Это подарки.

-- Ой да! Подарки же! -- мама хлопает себя по лбу и убегает в комнату. Мне становится нехорошо.

-- Азамат, похоже, тебе привезли свитеров на всю оставшуюся жизнь.

Азамат не успевает ответить, потому что в дверях появляется мамин торец: она задом наперёд волочёт по полу чемодан.

-- Во, Азаматик, гляди! Я подумала, раз тебе понравилось...

Она открывает чемодан, и на ковёр высыпается гора вязаной одежды на все сезоны, душераздирающе благоухая лавандой.

Глава 7

Следующий день -- судный. Не в смысле, что все умерли, а в смысле, что это тот самый десятый день, в который Азамат вершит суд над добрыми гражданами. Посторонние в тронный зал во время суда не допускаются, а я вообще изо всех сил стараюсь не показываться вблизи дворца по этим дням, потому что все муданжцы твёрдо уверены, что меня, в отличие от Азамата, можно подкупить, или хотя бы разжалобить. На мой взгляд, разжалобить Азамата иногда даже проще, а подкуп -- это вообще смешно, при моём-то доходе и лавине подарков, которая регулярно сходит с тех же самых добрых граждан. Поэтому когда Азамат утром, облачившись в чёрно-алый диль, уходит на работу, я беру родичей под локотки и тихо-тихо мигрирую на

окраину города, к стадиону, где в судный день собирается внушительных размеров базар с окрестных ферм и мастерских.

Мама с братом представляют собой вид "турист обыкновенный" -- гавайка, шорты, панاما, камера. Что продавцы, что покупатели, забывают про товар и дела, неотрывно разглядывая странную немолодую женщину в голубых облегающих бриджах со стразами и лилово-жёлто-клетчатой рубашке с коротким рукавом.

-- Мам, ну я же говорила, тут женщины в штанах не ходят, -
- ворчу я, щелчками пальцев возвращая внимание торговца к золотым орлийским цитрусам, которые того и гляди растащат мальчишки.

-- Так у меня ни одной юбки нет! Тем более, жарко, я ляжки сотру.

-- Ну правильно, а так все будут пялиться...

-- Ну и пусть! О, гляди, какой колоритный! -- мама ввела в ступор очередного встречного покупателя, приподняла с обширной груди камеру и запечатлела недоумённое выражение на лице очередного типичного индейца.

-- Лиза, гляди, какие тут штуки! -- орёт мне с другого конца базарной линии Сашка. Я подбегаю поближе. Теперь пялятся уже на меня -- императрицам бегать не положено. Вот нет бы маме с Сашкой вместе ходить! Нанять, что ли, пастуха какого-нибудь за ними следить, а то ещё потеряются или поругаются с кем-нибудь на почве непонимания...

-- Чего у тебя? -- спрашиваю.

-- Гляди, тут полевые жаровни с какими-то светящимися камнями, говорят, вечные... Я такую на дачу хочу, на случай, если электричество отрубят.

-- Они не вечные, их надо раз в несколько лет заряжать от магнитного поля Муданга. Точнее, не знаю, такие маленькие -- может, и чаще. И зажигающий механизм снашивается.

-- Всё-то тебе мечты порушить! -- ворчит Сашка.

Базарный гомон сзади внезапно становится громче. Я оборачиваюсь, ожидая худшего. Судя по всему, мама где-то потеряла панамку и явила любопытным взглядам золотые кудри. Я утираю пот со лба и тащусь назад.

-- Золотые волосы... -- говорят вокруг.

-- Неужто это жена Императора?

-- Да нет, она вот идёт, глядите...

-- Откуда знаешь, что эта, а не та?

-- Сосед её видел, говорил, тощая..

-- Лизка, гляди, какие тут пояса, шнурочки, тесёмочки! -- мама роется в корзине с моточками.

-- Они называются гизики, -- говорю, потом поворачиваюсь к продавцу, который при виде меня согнулся в поклоне куда-то под прилавок. -- Здравствуйте. Извините за шум, моя мать впервые на Муданге...

-- Мать жены Императора!.. -- проносится по толпе вдохновенный шёпот. Я слышу с нескольких сторон слово "богиня" и тяжело вздыхаю. Народ Муданга твёрдо уверен в моём родстве с Укун-Танив, а тут, понимаешь, мать. Что сейчас будет...

-- Берите, берите! -- продавец принимается лихорадочно выгребать из корзины свои гизики и осыпать ими маму. -- Все берите!

-- Успокойтесь, не надо, ей так много не нужно! -- пытаюсь утихомирить его я.

-- Чего он? -- отшатывается мама. -- Ругается?

-- Нет, он хочет тебе их подарить.

-- Куда мне столько? -- ужасается мама и, сильно коверкая слова, пытается объясниться по-муданжски. -- Хватит! Выбрать! Я выбрать!

Через несколько минут мама "выбрать" не только гизики, но и платки, сапоги, ларцы, платья, заколки, камни, золото и даже книги, которые ей уж вовсе ни за каким рожном не сдались. Ну ладно, пусть теперь не говорит, что у неё юбки нету! Я понимаю, что безопаснее отойти в сторонку и подождать, пока население угомонится, так что быстро научаю маму говорить "благословляю" по-муданжски и отваливаю за угол в тенёк. Сашка уже давно где-то растворился, надо ему позвонить...

-- Хотон-хон! -- отвлекает меня кто-то от розыска Сашкиного телефона в мобильнике. Я безрадостно поднимаю голову -- но к счастью, это Арон.

-- О, привет! -- я искренне радуюсь. -- Ты тоже тут торгуешь?

-- Да вот, пришлось. Обычно у меня на базаре продавец стоит, а сегодня ему в суд было надо, не пропускать же базар.

Арон стоит в хорошо затенённой палатке из шкур, и на стенах её развешены шкуры, и на полу разложены, а на них расстелены

всевозможные перины-дифжир и разбросаны подушки.

-- Заходите посидеть, -- приглашает Арон. -- Я вам холодненького налью, вы мне покупателей привлечёте.

-- Да ладно, можно подумать, у тебя так их мало, -- усмехаюсь, но в палатку захожу, оставив сандалии у порога. -- Все же знают, что ты брат Императора.

-- Знать-то знают, но одно дело знать понаслышке, другое -- своими глазами видеть. Вот, присаживайтесь на подушечку, держите, -- он протягивает мне крышечку от термоса с ледяным соком водопадного дерева. Это такие мангры, которые растут по берегам водопадов, запуская корни в падающий поток. Сок у них -- почти чистая вода, только с лёгким приятным привкусом, очень здорово утоляет жажду.

-- От Азамата ко мне теперь странные клиенты приходят, -- продолжает Арон, пока я смакую живительную влагу. -- Дней дюжину назад приходил один горец, купил полсотни дифжиров.

Я чуть не давлюсь.

-- И нашлось у тебя полсотни?

-- Найдись-то нашлось, но он затребовал лучшие, так что пришлось быстро новых наделать, лучших-то у меня четверть сотни только было. Я сначала подумал, он постоянный двор обставлять собрался, но лучшие-то дорогие, их для себя берут, да для жены. Потом думаю, может, женщину умащивать подарками хочет, да уж очень в странном месте та женщина живёт -- потребовал он дифжир ему доставить в Короул! Представляете, Хотон-хон! Нормальный человек сначала бы даму свою из этого жуткого места вывез, а потом уж подарки дарил. И говорил так чудно... Горцы, они, конечно, все чудные, но этот и правда как будто с самих Чёрных Гор спустился, хоть там, вроде, и не живёт никто. Правда, после того как командир Кудряш сквозь них прошёл невредимым и отряд провёл, не так люди боятся, но и то мне пришлось поискать ребят, которые согласились бы туда товар отвезти. Кто он такой, Змеелов этот? Вы его знаете?

-- Видела пару раз, -- пожимаю плечами. -- Азамат сказал, он странствующий охотник. Он у нас ночевал как-то, и очень ему наши дифжир понравились, вот Азамат его к тебе и отправил. Я думаю, он для себя брал все полсотни, -- я пригибаюсь и прикладываю ладонь ко рту, чтобы якобы по секрету рассказать сплетню, -- ты бы видел,

сколько он ест! И выпить может больше, чем нормальный человек. И вообще, я слышала, что он в безлунные ночи превращается в великана и прыгает по пикам гор, как по камушкам!

Арон благоговейно выдыхает в бороду, в глазах его сверкает азарт заядлого сплетника. Конечно, сказку эту я только что сама сочинила, но она вполне в духе того, что муданжцы могут напридумывать про незнакомого странного человека. А Ирлик, думаю, не обидится, он, как мне показалось, любит мистификации.

-- То-то ему столько дифжир нужно, раз он великан... -- догадывается Арон. Кстати, не исключаю, что так и есть.

От увлекательного занятия -- наблюдения за Арном -- меня отвлекает Алтонгирел, который стремительно влетает в палатку и хватает меня за руку.

-- Лиза, беда! Твоя мать встретила Аравата!

Арон так пугается при упоминании отца, как будто речь идёт о лесном демоне, и это после Ирлика-то! Я начинаю лихорадочно соображать, чем эта встреча может обернуться.

-- погоди, Алтонгирел, она ведь про него ничего не знает.

-- Она, может, и не знает, но они уже познакомились.

-- Как они могли познакомиться, если мама не говорит помуданжски?

-- А так. Он подошёл и принялся её распекать за то, что одета неприлично. Ему говорят, это же мать жены Императора, так он ещё вдвое громче ругаться стал.

У меня появляется нехорошее предчувствие.

-- И что мама?

-- Взяла с ближайшего лотка фигу и сунула ему в рот. Лиза... Увела бы ты её от греха...

-- Если я там появлюсь, будет только хуже. Я-то понимаю, что Арават говорит. Ладно, пошли подкрадёмся...

Мы оставляем взволнованного Арона в палатке, а сами тихонько пробираемся задами к нужной линии и укрываемся за прилавком у очень толстого торговца книгами, безмятежно храпящего на хлипком складном стуле.

Мама с Араватом стоят в кругу зевак, но с нашего ракурса мало кто смог втиснуться между прилавками, так что кое-что видно.

Муданжцы наперебой, даже частично на всеобщем пытаются объяснить маме, кто перед ней. Наконец мама светлеет лицом.

-- А-а-а, так ты батя Азамата!

Арават хмурится и неуверенно кивает. Выглядит он неважно, но лучше, чем когда я его последний раз видела -- с отбитыми почками.

-- Ну это же совсем другое дело! -- тархтит мама. -- Извиняюсь, извиняюсь, кто же знал... -- она дружески похлопывает Аравата повыше локтя -- до плеча-то не дотянуться. Он несколько теряется и делает шаг назад, явно восприняв этот жест как агрессивный, но мама с широченной сияющей улыбкой хватает его руку и тепло пожимает. -
- Приятно познакомиться, я Ирма. Ирма, понимаешь? Я, -- она тычет пальцем в декольте, -- Ирма.

-- Арават, -- с отвращением цедит он. Я прыскаю со смеху, это ж надо такую рожу скроить!

-- Чего ты ржёшь? -- шепчет Алтонгирел, пихая меня локтем в спину. -- Они же сейчас подерутся!

-- Не, мама решила мириться.

-- Она что, не поняла, кто он?

-- Поняла, но она не знает, что он сделал. Я ей ничего не рассказывала про отношения Азамата с отцом.

Алтонгирел облегчённо выдыхает мне в затылок. Я отползаю чуток в сторону, а то он сейчас нагнётся и вообще на меня ляжет.

Мама тем временем суетливо осматривается, что-то замечает и говорит "Ага!", после чего довольно бесцеремонно всучает Аравату подержать свои сумки, он только стоит обтекает, не понимая, что с ними делать. Мама же, прижимая к себе что-то пёстрое, решительно направляется к закрытой палатке, где продают ткани и нитки, и ныряет под полог. Через пару минут она появляется обратно, выряженная в невероятной пестроты юбку, подозреваю, что прямо поверх бриджей. Арават приобретает торжествующее выражение лица, но не надолго: мама выуживает из сумки камеру, всучает ему и отходит к стенке палатки позировать.

-- Ну щёлкни, там всё просто, кнопочку нажал, и всё!

-- Тебя наверняка нельзя фотографировать, -- бормочет Арават, пытаюсь разобраться в надписях на чужом языке. Кто-то из толпы гогочущих зевак приходит ему на помощь. Я закрываю глаза растопыренной пятернёй.

-- Мама...

Тем временем мама решает, что индивидуальных портретов с неё хватит, и тянет Аравата за рукав. Тот чуть не спотыкается об сумки, но послушно тащится к палатке, где мама встаёт с ним в обнимку, как с картонным Микки-Маусом, и просит кого-то из толпы щёлкнуть их вместе. Я хочу эту фотку, у Аравата на ней должно быть такое выражение...

-- Слушай, Алтонгирел, пошли отсюда, а? -- шепчу я, давясь от хохота. -- Я больше не могу на это смотреть. Ничего хуже уже не случится.

-- Думаешь? -- сомневается Алтоша. -- По-моему, она ещё далеко не исчерпала свой потенциал.

-- Ну и шакал с ним, Арават сам нарвался, поделом ему. Всё, я ухожу, у меня ещё брат неизвестно где...

Алтонгирел спадает с лица.

Сашка обнаруживается в лавке кузнеца за приобретением кованых головоломок. Не в смысле что череп проломить можно, а в смысле что надо всякие металлические петли расцеплять. Мы ещё некоторое время гуляем по рынку, старательно обходя тот участок, где я оставила маму. К счастью, Сашка никаких ужасов не натворил, только научился вязать хитрые узлы, из тех, что на дверь вешают. Мы обедаем деликатесным змеиным мясом, которое в базарные дни привозят из Имн-Билча, а потом я показываю Сашке нашу почту, мы стреляем в тире, качаемся на канатных качелях, Сашка катается на лысом островном пони.

Ближе к вечеру, когда мы сидим на склоне горы и любуемся закатом, к нам подъезжает Алтонгирел на Эцагановой служебной машине с мамой на заднем сиденье и отвозит ко дворцу.

-- Ну как прошёл твой день? -- осторожно спрашиваю маму.

-- Ой, супер! Мне столько всего подарили, а я ещё столько всего купила, а потом случайно встретила твоего свёкра, представляешь? Ну, мы с ним пофоткались, сходили в кафе, я ему всяко расписала, как мне Азамат понравился. Но слушай, какой же он старый! А ещё говорят, на Земле люди поздно детей заводят. Ну да ничего, крепкий дедок, всё моё барахло до машины дотащил.

Сашка вопросительно косится на меня.

-- Молчи, -- цежу я, скосив рот в его сторону.

Мы тормозим у дворца, и я кликаю слуг выгружать мамины приобретения. Сашка смотрит на меня как-то осуждающе, дескать, совсем зажралась, сумки можно было и самим вынести.

-- Ещё не хватало мне на глазах у всего дворца сумки таскать, -- ворчу. -- Мне вон Алтоша потом вломит по первое число за непочтительное отношение к Императорской семье.

Алтонгирел задерживает меня у входа.

-- Ну чем там дело кончилось? -- спрашиваю. -- Мама сказала, они в трактир вместе сходили...

-- Да, я так понял, она очень хвалила Азамата.

-- Как ты это понял, если она только по-нашему говорить умеет?

-- Не знаю, я потом с Араватом парой слов перекинулся, пока она в машине устраивалась, он такой был... угнетённый.

Я фыркаю смехом.

-- Я думаю, она произвела на него сильное впечатление.

Из дверей выходит Азамат и устало потягивается, потом замечает нас.

-- Привет. Что вы всё по углам шушукаетесь? -- хмурится он.

-- Да так, тут, видишь ли, Арават попал в лапы Лизиной матери.

-- О боги... -- пугается Азамат. -- И что?

-- Ничего, все живы, -- пожимаю плечами. -- Пойдём в дом посмотреть фотографии для семейного альбома.

Фотки удались -- над некоторыми даже Азамат хохотал.

Когда мы укладываемся спать, Азамат так ластится, что мне сразу становится ясно -- нервничает. Дело не в том, конечно, что он только тогда и ластится, когда нервничает, он вообще очень ласковый, но вот это стремление спрятаться у меня под мышкой я уже однозначно идентифицирую. Я ему рассказала в лицах подсмотренную сценку из дурацкой комедии с участием моей маман, и он вроде бы даже посмеялся, а теперь вот опять заперезживал. Включаю ночник и выжидающе смотрю. Азамат выключает ночник и вздыхает.

-- Думаешь, твоя мама могла как-то на него повлиять?

Пожимаю плечами у него под рукой.

-- Я вообще не знаю, как он мог хоть что-то понять, что она говорила.

-- У неё очень выразительная мимика и жесты, -- усмехается Азамат. -- Ребята говорили, что на корабле она легко всё объясняла на

пальцах вообще без слов. А... отец... не дурак, в своё время очень увлекался всякими графическими загадками, уж понял, наверное. Что именно она ему сказала?

-- Тебя очень хвалила.

Азамат снова вздыхает.

-- Тогда это вряд ли что-то изменит. Меня теперь все хвалят, и ему это всё равно. Если уж даже то, что ты за меня вышла и выносила моего ребёнка, его не поколебало, то я вообще не знаю, что ещё может...

-- Ну, императорство-то его проняло, хоть и не до конца.

-- Да, но боюсь, большего я уже не достигну. Он теперь, кстати, на Арона злится, что тот мало чего добился в жизни.

-- То есть теперь ты у него любимый сын, что ли?

-- Да непонятно. Мне кажется, ему Ароновы дети не нравятся.

-- Я от них тоже не в восторге, честно тебе скажу.

Азамат пожимает плечами, я чувствую это, потому что его рука елозит под моей головой.

-- Давай спать, -- говорит он. -- Суд -- дело утомительное, хоть мне и нравится, а завтра полетим на Дол...

С утра, пока все собираются, я потихоньку прошмыгиваю на улицу и огородами пробираюсь к "Лесному демону", где давеча назначила встречу Экдалу. Время раннее, и больше никого в трактире нет. Экдал курит и нервно поглядывает в окна.

-- Здравствуй, -- приветствую, приземляясь на подушку с наветренной стороны, насколько это возможно в помещении.

-- Здравствуйте, Хотон-хон, -- кивает он, расправляя плечи. -- Чем могу быть полезен?

Я на секунду задумываюсь, залюбовавшись его точёным лицом. Заказать, что ли, Бэру его портрет? Да вот только поймут неправильно. Мне же чисто эстетически приятно на него смотреть, ничего личного...

-- Я хочу с тобой поболтать о твоей жене.

Он приподнимает смоляные брови.

-- Откуда вы знаете мою жену?

-- Э, -- крикаю я, сбитая с панталыку. -- Ну, мы познакомились на Гарнете, на слёте наёмников. А вообще, на минуточку, она входит в мой круг приближённых подруг и помогает мне переводить статьи по просьбе Старейшины Унгуца.

Экдал смотрит на меня, как громом поражённый.

-- Так вот почему она всё время что-то в планшете строчит... Я-то думал, любовника завела...

Я роняю голову в ладони.

-- Экда-ал, ну как так можно!

-- А что ещё я мог подумать? -- оправдывается он. -- Я даже не знал, что она умеет переводить. Книжников этому учат несколько лет. Да и хом у меня последнее время отяжелел...

-- Хом у тебя отяжелел, потому что ты пропадаешь шакал-знает-где месяцами, а жена твоя тут сидит одна, без родни, подруг и занятия. Соседки её презирают, другие мужчины ей не интересны. О чём ты думал, когда её сюда привёз?

-- Что значит, о чём? Это же наша родина! Её семья была вынуждена бежать с планеты из-за конфликта с джингошами, но теперь её место здесь!

-- А, извиняюсь, её мнения ты спросил?

Экдал хмурится.

-- Хотон-хон, я не понимаю ваших претензий. Я обеспечиваю Эсарнай всем, чем должен, и даже не требую детей. Если у неё плохие отношения с другими женщинами или ей нечем заняться, это не мои трудности.

Нет, его портрета у меня не будет никогда. Я даже не сразу нахожу слова от такого свинского подхода.

-- Конечно, не твои. Это мои трудности! Это мне духовник велит за ней присматривать. А ты тут вообще ни при чём! Летаешь, где хочешь, гуляешь направо и налево со знойными эспажанками, а жену чуть что подозреваешь в измене! И почему бы это у тебя хом отяжелел, а? Просто ни малейшего понятия!

-- Но, Хотон-хон, а что вы предлагаете? -- даёт задний ход Экдал. -- Что я, по-вашему, должен идти в женский клуб и разбираться с её соседками?

-- С соседками -- нет, а вот с их мужьями мог бы и потолковать по душам. Но для начала ты бы с самой Эсарнай хоть иногда поговорил!

Он грациозно пожимает плечами.

-- О чём можно говорить с женщиной?

Моя физиономия второй раз за разговор приземляется в ладонь.

-- Слушай, зачем ты на ней женился, а?

-- Она красивая, а суждения женатого человека ценятся выше, -- поясняет Экдал очевидные вещи.

-- К твоему сведению, она за тебя вышла, потому что ты ей нравился. У них на Гарнете так принято.

Он хмурится.

-- Она никогда мне этого не говорила...

-- А ты внимательно слушал?

Он молчит.

-- Вот и тема для беседы нашлась, -- подытоживаю я. -- Я сейчас уеду из столицы на несколько дней, а как вернусь -- проверю, насколько серьёзно ты отнёсся к моим словам. Если я для тебя недостаточный авторитет, придётся привлечь твоего духовника. А это значит, что Алтонгирелу придётся взять твою жену под опеку тоже, и он не будет тебе благодарен, это я провижу, можешь считать, по божественному наитию.

На Дол мы полетели большой компанией: кроме моей родни и Алэка ещё Алтонгирел с Эцаганом, Янка, Орива и два пилота -- Бойонбот и Шатун (это кличка), тот самый красавец-сын Орешницы, третий или четвёртый. Пилоты нам нужны по двум причинам: во-первых, лень рулить, во-вторых, надо будет отвезти Азаматову матушку обратно на север, а то у неё там осень, урожай не убран, дом в запустении, она ж у нас почти месяц сидит. Моё настроение, испорченное разговором с Экдалом, несколько выравнивается во всеобщем радостном гвалте, а когда мы взмываем в небо и устремляемся к морю над залитой утренним солнцем степью, я и думать забываю обо всяких домашних неурядицах. Только нежнее обнимаю Азамата, который никогда-никогда не бросит меня наедине с проблемами.

Мама с Сашкой приклеились к стеклу и обозревают пейзажи, периодически пиликают камерами. Азамат, открыв в буке словарь, пытается что-то втолковать маме про местную географию и связанные с ней легенды. Маман с энтузиазмом кивает всему, что он говорит, не особенно вслушиваясь.

-- Ладно, -- сдаётся Азамат. -- Будем считать, что домашнюю работу я выполнил.

-- Это тебе бабушка задала, что ли?

-- Да, я ей сказал, что твои родственники приехали, и она мне велела обязательно стараться с ними говорить на вашем языке, хотя бы по полчаса в день. А сейчас у меня как раз урок начнётся...

Дальше мы летим под звуки бабушкиных нотаций из нетбука, Азамат твердит упражнения, а мы втроём хрюкаем, изо всех сил стараясь не заржать в голос, чтобы не получить нагоняя от бабушки.

На пороге дома нас встречают Ийзих-хон и Тирбиш.

-- Азамат-хян, ну ты совсем заработался, тебя и не видно! -- сетует матушка. -- Хоть познакомь с гостями-то.

Я предоставляю Азамату разбираться с этими не говорящими на цивилизованных языках тётками. Впрочем, долго разбираться не приходится: мама кланяется по правилам, а потом заключает сватью в жаркие объятия.

-- Ух, -- отдувается Ийзих-хон, когда мои проходят внутрь смотреть дом. -- Правду говоришь, сынок, земляне к родственникам гораздо больше лезут. Меня отец твой так не обнимал ни в жисть.

Когда мы входим внутрь, мама уже бежит по этажам с улюлюканьем и восторженными возгласами и собирает по окнам котов. Потом спускается вниз, вся увешенная чёрными шкурками, и требует немедленно идти в лес.

Сашка растягивается на диване и снисходительно предлагает:

-- Правильно, идите все в лес, а я хочу по-мужски поговорить с племянником. Давай его сюда, Лиза, и иди гуляй.

-- Ещё чего! Ребёнка проветрить нужно после города. Да и тебя неплохо бы. Вставай -- и вперёд!

Обмазавшись репеллентами и обмотавшись москитной сеткой, мы идём размяться.

Насекомых в лесу оказывается меньше, чем я боялась. Азамат говорит, что к осени их всех съедают более-менее, так что жить можно. Мы вооружены гигантскими корзинами и куницей. В принципе, все зияния в пешей досягаемости мы уже нашли и огородили сетчатым заборчиком, но куницу-то тоже выгулять надо, а то сидит, бедная, в вольере под стеной, скучно. Мои, конечно, тут же затискали несчастную зверюшку и теперь сражаются, кто её будет вести. Не упустили бы совсем, а то сбежит от них, а самостоятельно жить в лесу она не сможет.

Ребёнок, едва я его примотала к себе, тут же отрубился несмотря на панаму с сеткой. Мы движемся рыхлой группой по редкому лесу, не отходя далеко от дороги.

Внезапно матушка останавливается, поводит носом и поднимает палец.

-- Чую грибы.

Мы тоже все старательно принимаемся.

-- Грибами пахнет, -- сообщает моя мама. Мы с Азаматом переглядываемся.

-- Ну давайте искать, разойдёмся немножко...

Мы рассредотачиваемся так, чтобы не терять друг друга из поля зрения, и скоро наши родительницы по запаху обнаруживают две фантастических грибницы.

Весной в лесу можно собрать только те смешные шарики, которыми мы питались, когда пересиживали войну. А с середины лета начинаются уже более привычные урожаи -- на ножке, со шляпкой, всё как полагается. Вот только размером они всё больше с табуретку, хотя совсем не старые. Мелкотню до пятнадцати сантиметров брать зазорно -- прогневишь лесных духов. Ну и расцветки у местных грибочков жизнерадостные, никаким мухоморам не снилось. Те, на которые мы набрели, фиолетово-оранжевые с плавным переходом от центра шляпки к краям.

-- Это можно есть?! -- ужасаются Сашка с мамой.

-- Можно, вот так, -- Азамат отламывает кусок ближайшей шляпки и отправляет в рот. -- Сладко.

Я рискую попробовать. Действительно сладко, как тёртая морковка.

-- Так чего, собираем? -- по-прежнему не верит мама.

Азамат мотает головой.

-- Из них не готовят. Ешьте здесь, домой другие возьмём.

Мы идём гулять дальше, периодически закусывая грибочком или какими-нибудь лесными плодами (назвать здешних монстров ягодами у меня язык не поворачивается).

Внезапно Сашка издаёт призывный клич -- он набрёл на необъятное поваленное дерево, усеянное серебристыми зонтиками с бахромой.

-- Привет, опята, -- изрекает маман.

В таком вот духе прочёсывая лес шеренгой мы постепенно собираем грибы всех цветов радуги, кроме жёлтого (они нам тоже попадались, но они ядовитые) и коричневого с золотом (золото оказалось то ли плесенью, то ли ещё каким паразитом). Ещё несколько очень похожих на уже собранные нами грибы Азамат с матушкой отбраковали как поганки, притворяющиеся благородными.

-- А чего они все таких бешеных цветов? -- спрашивает Сашка. - У нас грибы обычно в подстилке прячутся, мимикрируют...

-- Ближе к северу у нас они тоже всё больше серые да бурые, -- отвечает Азамат. -- А в этих широтах растут некоторые ядовитые травы, которые портят грибам почву, и эти травы едят всякие лесные звери, чтобы лечиться. Вот грибы их и приманивают -- пришёл кабан грибочком угоститься, заодно и лечебной травы пожевал, а грибы на её месте вылезли.

-- И не червивые вообще, -- дивится мама. -- Ну у вас тут жизнь, я скажу...

-- А... что, тут кабаны водятся? -- осторожно спрашивает Сашка.

-- А как же, -- пожимает плечами Азамат. -- Кабаны, волки, медведи, лисы, несколько разных крупных кошек, ну и всякие куньи, конечно, леса-то богатые.

Сашка нервно сглатывает и оглядывается.

-- Да вы не беспокойтесь, -- усмехается Азамат. -- Днём близко к жилью никто не подойдёт, да и я с оружием. Но если увидите какого зверя, кричите громко, он сбежит.

-- У нас глюков-то не будет с этих грибочков? -- вопрошает маман, закусывая очередной сыроежкой (их тут, оказывается, несколько видов разных цветов, только макушки у всех оранжевые).

Я перевожу вопрос, меня он тоже интересуется.

-- От этих нет, -- заверяют Азамат с матушкой и Тирбишем хором.

-- Вот если увидите такие тёмно-тёмно синие, а снизу серебристые, это грибы истины, их лучше просто так не есть, -- сообщает матушка, выразительно тыча пальцами в собственные синие штаны и Азаматову серебристую сумку, чтобы моя маман поняла, о каких цветах идёт речь. Мама даже повторяет названия.

-- Это не те ли, которыми меня Алтоша травил? -- интересуюсь.

-- Они самые, -- кивает Азамат. -- Но просто так сырыми мы их тоже не употребляем, только отвар или настойку.

Куница, которую ведёт Сашка, внезапно останавливается, вытягивается столбиком и рывкает куда-то в кусты.

-- Тихо, тихо, -- Азамат пригибается и одним пальцем гладит маленькую головку. -- Там лиса, она мимо идёт, тебя не тронет.

Куница, почувствовав моральную поддержку, рывкает ещё несколько раз для самоутверждения и успокаивается.

-- Что там?! -- выпаливают мои родичи.

-- Лиса, -- говорю.

-- Ли-са, -- повторяет Азамат. -- Надо выучить всяких зверей вообще. А как будет волк? Или тигр?

Я перевожу, Азамат повторяет.

-- Интересно, похоже на всеобщий немного. А как будет гхаррсан?

-- А это кто? -- такого зверя я не проходила. Я и остальных-то знаю только по названиям болезней да по детским книжкам.

-- Выдровая кошка.

-- Э... Я такого не знаю. А на всеобщем как?

-- Никогда не интересовался, -- пожимает плечами Азамат. -- Но если ты подойдёшь ко мне на пару шагов, то вон в той развилке над оврагом увидишь.

Я послушно подхожу и прослеживаю взглядом направление, в котором указывает Азамат. Там на золотой сосне и правда сидит кто-то жёлтый размером чуть покрупнее обычной земной кошки и таращит на нас светлые глаза. Тут ребёнок на мне, видимо, почувствовав напряжение, завякал, и загадочное существо ухнуло с дерева куда-то в глубь леса.

-- Я не знаю, кто это, -- мотаю головой. -- Оно хотя бы кошка или норка?

-- Скорее кошка, хотя трудно сказать. Ест всех, особенно любит разорять сурчатники.

-- Все сюда! -- доносится зов Оривы. -- Я нашла грибы-красавцы!

-- Ого! -- воодушевляется матушка и резко сворачивает на голос.

-- О, пошли, пошли, -- Тирбиш машет рукой моим, и все вместе мы топаем на Оривину полянку. Грибы и правда красивые, красные, с

высоко задранными краями шляпки, торчат во мхе, как рюмочки.

-- Кто в сапогах, собирайте, -- командует Орива, стоя на кочке. Полянка-то не полянка, а болотце.

-- А может, босиком? -- предлагает Сашка, шевеля пальцами в тряпочных кедах.

-- Что вы, там же змеи! -- хмурится Азамат. -- У нас по болоту только в сапогах можно. Так, ма, Тирбиш, Шатун и я -- собираем, остальные отойдите, где сухо.

-- Ну ладно, -- вздыхает Сашка. -- Пошли какие-нибудь более досягаемые грибы искать.

В отличие от околосемных планет-питомников, здесь грибы растут не по три-четыре, а большими куртинами, там, где ядовитой травы нету. Поэтому всё время смотреть под ноги не приходится, можно спокойно идти по пустому лесу, пока не наткнёшься на яркое пятно, и тогда уже сразу штук пятьдесят соберёшь.

Мы снова немного распределяемся. Осень ещё ранняя, листья почти все зелёные, под ногами мягкая травка, ничего не шуршит, тихо-тихо. Изредка какая-нибудь птица вякнет или прогудит мимо реактивное насекомое. Лес на склонах смешанный, хотя больше всё-таки хвойный, и чем выше, тем хвойнее. Местами из-под лесной подстилки торчат сияющие белые камни здешних скал -- тут много кварца. Местность даже приблизительно не ровная -- мало того, что с уклоном к морю, так ещё и рассечённая трещинами в скале. То и дело приходится обходить крутые овраги и расщелины. В пологие лощины я спускаюсь, потому что там-то и растут грибы, где пониже и помокрее. Впрочем, лето выдалось суховатое, так что я не рискую намокнуть. Страшно подумать, какие гиганты тут должны расти после мокрого лета, и в каких количествах.

Я в очередной раз свищу, чтобы понять, в какой стороне остальные, и не пора ли мне поворачивать. В ответ что-то тихо. Видимо, я спустилась за большой бугор, и меня не слышно. Поднимаюсь повыше и свищу снова. Тишина. Ладно, Дол отовсюду видно, не заблужусь, разве только прогуляюсь подальше. Пришла я вон оттуда, помню, как под поваленным стволом подлезала. Ну пошли обратно.

Вылезаю из-под ствола и натыкаюсь взглядом на фигуру перед собой. С той стороны дерева я никого не заметила. На низкой ветке

сидит мальчишка лет тринадцати, лохматый, перепачканный, в зелёной от травы одежде. Один из младших детей нашего сторожа, что ли?

-- Привет, -- говорю. -- Ждёшь кого-то?

Он молчит, только недоумённо меня разглядывает. Ребёнок на мне не спит, машет кулачком и что-то там попискивает негромко о своём.

-- Ты тут не видел большую компанию? -- спрашиваю. -- А то я что-то убрела далеко.

Мальчик так же молча машет рукой влево.

-- Ага, спасибо, -- улыбаюсь и принимаюсь высматривать между деревьев и бурелома более-менее проходимость траекторию. Мальчик спрыгивает с ветки и подходит поближе, медленно и неуверенно. Наконец замирает метрах в полутора.

-- Помочь чем-нибудь? -- спрашиваю, зная, что ко мне всегда боятся обратиться.

-- Твой? -- спрашивает он, кивая на мелкого. Голос у него сиплый, видимо, ломается.

-- Да, -- киваю. Мне немного странно обращение: сторожевы дети гораздо вежливее, а не понять, кто я, он не мог. Чем больше я смотрю, тем страннее кажется мне этот мальчик. Волосы по бокам головы у него торчат как-то противоестественно, руки очень длинные, и пальцы тоже. Одежда -- совсем старьё, обуви нет.

-- Красивый, -- как-то обиженно сообщает мальчик. У самого у него лицо немного девчоночье, маленький носик, тонкие губы, большие круглые глаза. В целом довольно симпатичный.

-- Ты тоже, -- улыбаюсь. Мало ли, может, человек переживает на эту тему. Подросток всё-таки.

Он ещё шире открывает свои круглые глаза, и вдруг в два прыжка оказывается на ближайшем дереве. Если б я не знала Азамата, то ни за что бы не поверила, что люди могут так быстро и ловко двигаться, но видимо парень просто много тренируется. Он тем временем добирается до вершины дерева и так же проворно спускается вниз. Свешивается на коленках с нижнего сука и протягивает мне ветку, усеянную какими-то орехами.

-- Спасибо, -- говорю я обескураженно.

Он как-то странно фыркает, всасывается обратно в крону, после чего сигает на соседнее дерево и исчезает в листве.

Я пожимаю плечами и топаю в указанном направлении. Минут через пять выхожу к грибному болоту, где наши сапогатые добытки как раз всё собрали и топчутся на берегу, обтирая с ног ил.

-- О, Лиза, -- замечает меня Азамат. -- А где остальные?

-- Бродят, я немного угуляла.

-- Надо их уже скликать, у нас ёмкости кончились. Ого, откуда у тебя эти орехи?

Тирбиш, Шатун и матушка тоже внимательно изучают ветку в моей руке.

-- Да я там, -- машу веткой в сторону, с которой пришла, -- какого-то мальчишку встретила, на дереве сидел. Он мне сорвал. Наверное, сын сторожа...

Азамат задумывается.

-- У нашего сторожа сыновья все взрослые. А он не назвался? Здесь поблизости больше и не живёт никто, тем более, с детьми...

-- Не назвался. Ну он такой, подросток скорее. Одежка вся драная, по деревьям прыгал, как белка.

Матушка вдруг вытаращивается на меня так, что мне не по себе становится.

-- А он сказал что-нибудь?

-- Ага, два слова. А что?

Матушка расслабляется, а вот Азамат наоборот.

-- Погоди-ка, а уши или руки его ты не разглядела?

-- Руки длинные очень, -- припоминаю. -- Ушей не видела, всё волосами завешено, но такое впечатление, что у него под этими волосами ещё что-то было кроме ушей.

-- А ногти? -- допытывается матушка. -- На руках или на ногах, какие?

-- Я как-то внимания не обратила, -- пожимаю плечами. Пытаюсь вспомнить, как это выглядело, когда он мне ветку подал. -- Он ветку держал не большим пальцем, а между указательным и средним. Да в чём дело-то?

-- Да видишь ли, -- Азамат вдыхает поглубже. -- Есть шанс, что это был лесной демон.

-- И чего тогда?

-- Ничего, -- Азамат мотает головой. -- Теперь уже ничего, а вообще это самый страшный хищник в любом муданжском лесу.

-- Э? Да? А предупредить?

-- Я был уверен, что их здесь нет. Но видимо пришли... Так, ладно, надо созывать всех и идти домой. Демон он или кто, нам тут больше делать нечего, всё равно места в корзинах нету.

Азамат набирает побольше воздуха и издаёт такой мощности свист, что, по-моему, земля дрожит. Через несколько минут все собираются, и мы поворачиваем к дому.

-- Так что, -- спрашиваю шёпотом, -- нам теперь в лес не ходить?

-- Нет, ходить можно, только аккуратно. Раз он тебе подарил птичьи орехи, значит, ты ему понравилась, и нападать он не будет. Но лучше иметь с собой что-нибудь съестное, если снова его встретишь. Сытые они не нападают, если не разозлить.

-- Я не понимаю, он ведь человек. Станный, конечно, но... Думаешь, он правда мог бы кого-то убить и съесть?

-- Ещё как. Лесные демоны только притворяются людьми, и не очень успешно. У них большие подвижные мохнатые уши и кривые когти на руках и ногах. У некоторых ещё и хвост торчит. Но всё-таки... Ты уверена, что он с тобой говорил?

-- Да, конечно, он на мелкого показал и спросил "Твой?", а потом сказал "Красивый".

-- Тогда наверное это всё-таки был не демон. Ну или не знаю, может, бывают полукровки, хотя я о таком не слышал. Демоны не могут говорить, они не люди. Это всё равно что твои кошки бы заговорили, понимаешь?

-- Может, это очередной Ирликов посланец?

-- Может... В любом случае, не повредит оставлять ему у края леса какую-нибудь еду. Лучше всего сливки или масло.

-- Так её кто угодно сожрёт.

-- Можно в банке с крышкой. Если это демон или человек, то отвинтит, а обычные звери не справятся.

Я пожимаю плечами. На этом Муданге куда ни плюнь, всё какая-то нечисть. Ну ладно, с нас не убудет лесных обитателей маслом покормить.

Когда мы возвращаемся из лесу, нас встречают мокрые Алтонгирел с Эцаганом и сообщают, что вода, как молоко, и что у нас очень удобный спуск к мосткам. Азамат быстренько уговаривает

матушку и Эцагана заняться грибами, а все остальные мы идём купаться.

С купальными костюмами на Муданге не шибко. Мужчины обычно обходятся шортами, а женщины натягивают что-то вроде короткого сарафана из грубой тёмной ткани, чтобы не просвечивал, когда намокнет. Я ещё в начале лета заявила, что это носить не намерена, и вделась в самый обычный закрытый купальник. Азамат повздыхал, что ему не очень приятно видеть меня почти голой при посторонних. Я ему на это ответила, что он мою раздетость компенсирует своей одетостью -- вечно майку под самое горло натялит, -- а мне на это тоже смотреть неприятно, так что мы квиты. На этом и успокоились.

Естественное дело, мама, которую общественные условности никогда не заботили, даже не озадачилась вопросом, в чём тут купаются. Нацепила своё леопардовое бикини без лямок, зато с золотыми пряжками, повесила на плечо бирюзовое полотенце и пошла спускаться. Если учесть, что она сфероподобна, то процент ткани к проценту кожи получается совсем уж мизерный.

Нет, ну, надо сказать, мужики хорошо справились, даже не закашлялся никто. Один Алтонгирел покраснел, но он в принципе считает женское тело чем-то ужасно неприличным.

-- Ну, а чего все стоят? -- Сашка шлёпает босыми пятками по ступенькам. -- Пошли в воду!

И мы идём. К счастью, Алтонгирелу с нами не надо, он сегодня уже купался.

Азамат прихватил и мелкого тоже.

-- Куда ты его там денешь внизу? Дай Тирбишу отдохнуть хоть чуток, -- занудствую я.

-- Зачем Тирбиш? Я сам займусь. Раз уж я здесь, и погода купальная, надо сына плавать учить.

-- В море? Ты бы в ванне сначала попробовал.

-- Да ну, в ванне скучно, правда, маленький? -- Азамат щекочет мелкому пузо, тот взвизгивает, как чайка. -- Не волнуйся, я в детстве на Ароне тренировался.

Я не то чтобы сильно волновалась -- понятно же, что Азамат ребёнка не утопит, а пупок у мелкого уже зажил. Но всё-таки в море... Кто его знает, унаследовал он папин иммунитет или нет. Пока, тьфу-

тьфу, не болел, но наверняка сказать нельзя. Вдруг из него вырастет мелкий ботаник, как Сашка, а вовсе не муданжский принц с косою саженью в плечах? Ох-хо-хо...

Впрочем, пока я размышляю, Азамат уже по пояс в море объясняет мелкому, что плюхать пятками по воде очень забавно. Мелкий шумно соглашается.

-- Не дёргайся, Лизка, -- Яна хлопает меня по плечу и подталкивает на мостки, чтобы не перегоразживала дорогу. -- У твоего мужа, по-моему, рецессивных аллелей вообще нету. Вода тут чистая, тёплая. Расслабься.

-- Тебе хорошо говорить, -- ворчу я, сползая с мостков в чистую тёплую воду. -- У тебя своих нету. А я за Азамата и то дёргаюсь.

-- Пока нету, -- задумчиво говорит Янка. -- Но, может, будут.

-- Что, и ты встретила знойного муданжца своей мечты? -
- вклинивается подплывший Сашка.

-- Цыц, -- отрезает Янка. -- Я ничего не говорила.

И уплывает, гордо задрав веснушчатый нос.

Мы переглядываемся, пожимаем плечами и гребём к Азамату, чтобы нас там обрызгали с визгом.

-- Ишь как ногами работает! -- замечает мама, приближаясь к нам. От неё по поверхности воды расходятся курги, как от небольшой лодочки.

-- Да-а, -- довольно кивает Азамат. -- Может крем взбивать. Ну что, малыш, окунёмся?

После купания мы перекусываем бутербродами, и Азамат с Тирбишем принимают за готовку. Ребёнок, накупавшись, отрубается прямо посреди шумной гостиной. Сашка звонит домой и рассказывает, что тут делается, мама с Ийзих-хон жестами обсуждают вязание, смешно закорючивая пальцы, Бойонбот задумчиво плетёт гизик, Янка и Эцаган лежат на диванах вдоль стены и балдеют от ничегонеделания. Мне этого занятия последнее время хватает, так что я хожу и ко всем пристаю.

-- Азамат, вам тут не помочь?

-- Да нет, справимся, ты там гостей развлекай пока.

-- Они сами развлекаются... А куда остальные делись? Я пока переодевалась, всех растеряла.

-- Ваша мать пошла посмотреть, что растёт вокруг дома, -- сообщает Тирбиш. -- И Задира тоже где-то снаружи, не знаю. Шатун очаг разводит на берегу.

-- А Алтонгирел медитирует, -- добавляет Азамат и усмехается. - Он после того случая на корабле теперь каждый раз, как грибы потрогает, потом медитировать бежит. Боится, что опять что-нибудь не так пойдёт,

Мы хихикаем. Мне наконец находится занятие -- чесать котов. Я усаживаюсь в углу и расслабляюсь под дробное мурчание.

-- А кто этот Шатун? -- спрашивает Тирбиш у Азамата, помешивая ароматный соус.

-- Сын Орешницы. Ты её знаешь, наверное...

-- А, да, точно. Это который неприкаянный?

-- Он самый.

-- Почему неприкаянный? -- спрашиваю.

-- Да что-то не везёт парню, -- Тирбиш пожимает плечами. -- Ни на одной работе долго не держится. Тугодум, говорят, и бабник. Хотя красивый, конечно.

-- И то сказать, -- продолжает рассуждать Тирбиш. -- Четвёртым из шести братьев быть тяжело. Старшие уже в люди вышли, младшие у тебя на шее, а сам -- ни то, ни сё.

-- О, Лиза, а где эти твои орехи? -- перебивает Азамат. -- Давай-ка их сюда.

-- Вон, на холодильнике лежат. А что из них делают?

-- Приправу. Они будут приятным украшением к соусу. Понюхай-ка.

Он давит пальцами один орешек и протягивает мне под нос. Пахнет остро ипряно.

-- Они редкие какие-то?

-- Не то чтобы редкие, но достать трудно. Веточки тоненькие, ломкие, лезть за ними -- себе дороже, разве что мелкого мальчишку загнать. Некоторые птиц приучают эти орехи собирать, потому они и называются птичьи.

Мама возвращается с осмотра местности, когда ужин уже почти готов.

-- Ну, я вам скажу, это никуда не годится, -- с порога заявляет она, уперев руки в боки. -- У тебя, Лиза, может, и нет времени

цветочков из соседнего леса принести, ну так хоть бы садовника наняла какого-нибудь!

-- Их тут нет, -- говорю. -- Только фермеры, но они цветы не выращивают. Тут вообще несъедобные растения никто не сажает.

-- У-у-ужас кошмарный, -- восклицает мама. -- Ну ничего. Мы это исправим. Вот завтра и начнём. Азаматик, у тебя тут лопаты есть? А тачка? А шланг?

Азамат выучивает много новых слов.

Грибной день удался на славу. Муданжские грибы -- всем грибам грибы, так пахнут, такие крепенькие, сытные, вкуснющие... Да и повара у нас -- не промахи. После ужина садимся вокруг очага на берегу -- темнота, костерок и море, вопли ночных птиц, стрёкот в траве, ребёнок булькает и дёргает Азамата за косу. Орива начинает что-то напевать, Шатун подхватывает, и скоро мы все, кто во что горазд, тянем позитивную муданжскую песню о том, что звёзды по осени капают в степь, и из брызг рождаются серебряные кони, быстрые, как молния, и спокойные, как долинная река.

Перед сном я выхожу на улицу и ставлю у подножия горы банку сливок.

С утра пораньше, то есть ещё до полудня, мама вздрембедается, поднимает младших мужиков и выходит на промысел -- замерять участок, определять почву, выравнивать местность. Я наблюдаю всё это с лужайки, где занимаюсь гимнастикой -- разгоняю послеродовой жирок. Азамат блаженно взирает на меня с террасы, положив голову на руку и опершись на перила.

-- Так держать, Хотон-хон, -- присвистывает Шатун, следя взглядом за тем, как я машу ногой. Тирбиш отвешивает ему тычок в рёбра.

Я замечаю под скалой что-то блестящее и постепенно двигаюсь в ту сторону с каждым приседанием. Эцаган ржёт в кулак. Блестящим предметом оказывается давешняя банка. Пустая, чистая, завинченная. Кидаю её Азамату. Он долго рассматривает банку со всех сторон, пока я изображаю горбатый мостик. Наконец упражнения кончаются, и я подхожу к нему.

-- Ну как, что-нибудь прояснилось?

-- Не очень. Банка то ли вылизана, то ли вымыта, не пойму. Вряд ли демон стал бы её мыть, да и закручивать обратно крышку...

-- То есть у нас в лесу живёт какой-то человеческий парень? Который сразу просёк, что сливки -- ему.

-- Тоже странно, -- вздыхает Азамат. -- Посмотреть бы на него... Пожалуй, сегодня ночью поставлю камеру.

-- Какие-то проблемы? -- интересуется Алтонгирел, появляясь на веранде из ниоткуда.

-- Да нет, -- Азамат пожимает плечами. -- Кстати, Лизонька, ты не хочешь на лодочке покататься, пока Алэк спит?

-- А он уже опять спит? Ну ты его вчера ухайдокал... Не вопрос, пошли кататься! Заодно откроем сезон... -- подмигиваю.

Азамат не сразу, но ухватывает мой намёк.

-- А тебе... уже можно? У нас женщины после родов ещё месяца три ни в какую, а то и больше.

-- Вашим женщинам только дай повод вытурить мужа из постели! А земная медицина на что? Я в порядке и вполне готова на подвиги.

Азамат на секунду замирает с глуповатым выражением на лице, а потом принимается быстро-быстро собираться.

Долблёная лодка горячая от солнца, весло одно, как у байдарки, и с него сыплются сияющие капельки. Иногда на меня, но это даже приятно. Здесь, внизу ветра нет совсем, но ворс из сосен на склонах гор колеблется и волнуется. Вода -- как будто масло, совсем гладкая, и круги от нас такие плавные, вальяжные, медленно расплываются и глохнут.

Мы молчим, радуясь, что в кои-то веки вырвались ото всех одни, пока ещё тепло, пока можно разомлеть под солнышком прежде чем ухнуть с головой в долгую муданжскую зиму.

Азамат причаливает к песчаному бережку. Я сразу лезу в воду, потому что от песка пышет жаром. Азамат стаскивает одежду и присоединяется ко мне.

-- Дай хоть посмотрю на тебя при нормальном свете, -- говорю. -
- А то мажешься ты в темноте, любовью занимаемся в темноте... Ага, гляди-ка, подживает.

Азамат скептически оглядывает себя спереди.

-- Ну, да, пожалуй, и правда вот здесь, сверху, получше стало. А шея как? -- он задирает голову.

-- Хорошая шея. Если не присматриваться, то почти незаметно.

Азамат недоверчиво усмехается, но не возражает.

-- Ладно, пошли уже плавать, а то я глупо себя чувствую по колёно в воде голый.

-- А по мне так в самый раз, -- хихикаю и шлёпаю его пониже спины. Он так возмущается, что теряет равновесие, и тут же роняет меня в воду с громким плюханьем. Я хохочу и отбиваюсь, потому что он меня щекочет, а потом затаскивает на глубину и принимается целовать, так жадно, как будто месяц не видел, а не только вчера полночи этим и занимался. Скоро для меня небо и вода сливаются в единый синеватый фон, а каждый вздох отдаётся эхом от скал, смешиваясь с чайчыми криками. Я растворяюсь в воде, а Азамат во мне, и мы расходимся кругами по поверхности, мягко оmyвая камни и пляж, сцеловывая друг с друга солнечные блики. Круги образуют водоворот, но он стремится не вниз, а вверх, фонтаном-фейерверком заполняет небо, и вот уже мы, рассеянные брызгами, с плеском опускаемся на застеленное морем ложе.

Азамат выныривает и отряхивается по-собачьи, гизик с косы свалился, и непослушные волосы немедленно расползаются по поверхности, как разводы туши. Я лениво лежу на спине, мечтая о том, чтобы потянуться, но даже это лень. Азамат цепляет меня под мышки и принимается гонять вокруг себя, рассматривая моё тело сквозь толщу воды.

-- Ты с этой своей гимнастикой теперь ещё стройнее, чем когда мы поженились.

-- Неправда, -- вяло отвечаю я. -- Мне дотуда ещё четыре килограмма...

-- Это волосы отросли, -- отмахивается Азамат. -- Они же у тебя из золота. Кстати, помнишь, ты говорила, что у Алэка глаза могут потемнеть? А когда?

-- А кто его знает. Может, через полгода. Может, раньше... А тебе так хочется, чтобы он был твоей точной копией, что ли?

-- Нет, наоборот. Я бы хотел, чтобы они у него остались такими синими, как у тебя. Такое вообще может быть?

-- Теоретически может, хотя вряд ли.

-- Надо будет Алтонгирела попросить за это помолиться. Представляешь: "князь Алэк Синеглазый". Звучит, а?

Я ухожу под воду побулькать.

Когда мы возвращаемся, вокруг дома уже кипит работа. Маман всё распланировала, мужики приволокли из леса крошечные деревца и понатыкали их по маминому указанию, а теперь обильно поливают из шланга.

-- О, капитан, -- Эцаган разгибается из-под микроскопической сосенки. -- Как вы долго, мы уж думали, не послать ли спасательную экспедицию...

-- Я бы вам устроил спасательную экспедицию, -- хмыкает Азамат. -- До самого Ахмадхота бегом.

Эцаган ржёт и подмигивает мне. Я ему грожу кулаком.

-- Вот, глядите, -- мама возникает перед нами и делает широкий жест рукой. -- Здесь у вас будет тенистая аллея.

-- Лет через тридцать? -- спрашиваю.

Азамат приседает и присматривается к листовным задохликам, торчащим из свежевскопанной земли.

-- Нет, эти быстро растут. Через два-три года с меня ростом будут.

-- Ну ладно, -- отмахиваюсь. -- Ты нам только оставь лужайку какую-нибудь, и чтобы без колючих кустов по краям, а то ребёнка надо где-то выгуливать.

-- Оставлю, оставлю, я вас знаю, -- заверяет маман. -- Вон там вон, с одной стороны скала, с другой дом, а с остальных воткну какую-нибудь неистребимую полынь, чтоб мягко было. Ладно, -- она поворачивается к мужикам и хлопает в ладоши. -- Всё на сегодня, отдыхайте. Пошли, пошли! -- машет руками, как будто мух отгоняет. Те ржут и расходятся.

-- То ли пойти искупаться, -- Эцаган задумчиво чешет в затылке. -- То ли поработать...

Из-за угла вырывает Тирбиш с мелким.

-- Хотон-хон, вас очень просят.

Мелкий и правда изображает слёзы -- нос наморщил и ноет.

-- Давай сюда.

У меня на руках ребёнок сразу раскрывает зажмуренные глаза и принимается с интересом смотреть вокруг.

-- По-моему, кто-то маленький манипулятор, -- смеюсь я.

-- Капитан, раз уж мы все здесь, может, потренируетесь с нами? -- предлагает Эцаган.

-- Можно, -- кивает Азамат. -- А то я уже тоже костенеть начинаю. Давайте, переодевайтесь и выходите на полянку.

Все, кто не участвует в тренировках, рассаживаются в теньке смотреть.

-- Вам, Ийзих-хон, ужасно повезло, -- говорит Орива. -- Можно не ездить в столицу смотреть бои, всё равно все самые лучшие воины собрались здесь.

Матушка смеётся, а Янка кривит губы.

-- Да ладно все, неправда! Если бы здесь все собрались, некому было бы страной управлять.

-- Тоже верно, -- соглашается Орива. -- Лучшие наёмники-то у нас нынче по должностям сидят.

Поразмявшись традиционными играми, мужики переходят к поединкам. Первыми сцепляются Шатун с Бойонботом. Похоже, Азаматовы весенние уроки не пропали даром -- уже этих двоих я почти не различаю, так быстро они двигаются. Сашка и мама тоже вытягивают шеи и всматриваются, то и дело удивлённо косясь на меня. В итоге Сашка решает проблему просто: достаёт телефон, записывает видео, а потом проигрывает вдвое медленнее.

-- Круто! Вот это я понимаю боевые искусства! Действительно почти балет!

Зрители-муданжцы, видимо, различают борцов получше, чем мы, слабовидящие земляне. Наконец Бойонбот распластывается на земле, тяжело дыша, и заявляет, что сдался.

-- Рановато, -- Азамат качает головой. -- И я тебе скажу почему. Ты переносишь вес против инерции, от этого сильно устаёшь, а надо экономить силы. Ты же не пытаешься в унгуце планировать поперёк ветра? И тут не пытайся...

-- Как он такие мелочи различает? -- поражается матушка. -- Вот это глаза! Я только вижу, кто бьёт, а кто уворачивается.

-- А ты, Шатун, -- тем временем продолжает Азамат, -- левую руку бережёшь. В чём дело? Болит? Ломал недавно?

-- Да нет, так, потянул немного. Боязно подставлять.

-- Если надо лечиться, лечись, а если нет, то не бойся. Лучше уж руку подставлять, чем живот. Ну, Тирбиш, готов? Поехали!

-- М-да, чемпионат по ушу отдыхает, -- протягивает Сашка. -- Выучить, что ли, пару приёмчиков? Только, боюсь, засмеёт меня твой

муженёк.

-- Саш, ну он же вежливый человек, он не станет над тобой смеяться, -- возмущаюсь я.

-- Да? Ну ладно, можно попробовать, когда он с настоящими воинами закончит.

Следующие два дня маман продолжает возиться в новоиспечённом саду и делиться с Ийзих-хон вязальными секретами, Сашка учится муданжской борьбе, я сижу с ребёнком, а молодёжь таскается в лес за грибами и ягодами.

Азамат установил камеру ночного видения, и наутро мы с ним сели глядеть, на что похож ночной поедатель сливок.

-- Это тот самый парень, -- говорю я, глядя, как на экране из леса украдкой выходит человек.

-- Слишком мелко, не могу разобрать, есть ли когти... -- бормочет Азамат.

Парень долго и тщательно осматривается, наконец подбегает к банке, хватает её и в три прыжка уносится обратно в лес.

-- Так, а кто же её обратно принёс? -- Азамат потирает нижнюю губу и перематывает пустые кадры. -- Ага, вот, снова появился.

На экране всё тот же парнишка опять выходит из леса, всё так же крадучись, замирая от каждого звука, почти на всех четырёх подползает к тому месту, где мы оставляли гостинец. Там он прижимается к земле и достаёт из-за пазухи пустую банку. Ставит её ровнёхонько на прежнее место и стремительно удирает.

Азамат просматривает оба появления по нескольку раз, наконец вздыхает и закрывает бук.

-- Нужна камера с разрешением побольше, здесь не видно. Но повадки звериные, ты заметила?

-- Да, есть немного... С другой стороны, если он всё время живёт в лесу, то выучился, наверное, красться...

-- Да, да, -- Азамат кивает. -- Ладно, сегодня ночью ещё раз попробуем. Я с унгуца сниму камеру, у меня там очень хорошая...

-- А ты этих демонов много видел-то раньше?

-- Два раза. Один раз в лесу, мельком, а второй -- когда отец его подстрелил. Приволок тушу в клуб, чтобы всем мальчишкам показать, как демон выглядит. Мы его тогда хорошо рассмотрели. Но тот был взрослый...

-- Могу себе представить, что сказали девочки в этом вашем клубе, -- кривлюсь я.

-- Да понятно что, -- усмехается Азамат. -- Кто в обморок, кто в слёзы, кто визжать и дёру... Хозяева клуба были не очень рады такому уроку.

Камера из унгуца оказывается хорошая, но довольно большая. Едва появившись на следующую ночь среди крайних деревьев, лесной житель её замечает и швыряет в неё камнем. Камера не бьётся и хорошо закреплена, но отворачивается в сторону, и всю оставшуюся ночь снимает море.

-- Хитрый, зараза, -- Азамат поджимает губы. -- Всё-таки вряд ли демон. Ну откуда демону знать, что такое камера, а? Ничего не понимаю...

Глава 8

Наступает день открытия музея. Азамат поднимает нас всех ни свет, ни заря, чтобы лететь в Долхот. Мы вслепую выползаем на кухню без энтузиазма пожевать чего-нибудь под кофе. Алэк закатывает форменный скандал -- что за аврал и катастрофа, мама сама утром кормит?! Только Азамат с матушкой бодры и веселы.

-- Вот посмотрю Императорский музей, и тогда уже точно домой поеду, -- категорично объявляет матушка.

-- Мгм, хорошо, я вас отвезу, -- бормочет Бойонбот.

Я с ужасом вспоминаю, что нужно парадно одеться.

-- Имигчи-хон, -- зову матушку, -- вы не могли бы Алэка нарядить, а то мне ещё самой что-то приличное надеть надо...

-- Конечно, конечно, Лиза-хян, о чём речь! -- матушка подпрыгивает с места и через мгновение за ней закрываются двери лифта, так что нам с Азаматом приходится ждать, пока он приедет обратно.

-- Я даже не помню, что у меня тут из нарядов есть. И какая погода в Долхоте... Боги, почему я об этом вчера не подумала?

-- Потому что вчера, если помнишь, мы с тобой вылезли из воды только для того, чтобы залезть в постель, -- усмехается Азамат. -- Расслабься, я тебя одену.

Он загоняет меня в комнату и усаживает на кровать. Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы заснуть обратно. Азамат выгружает из

шкафа какие-то вещи, перебирает их и по одной выдаёт мне. Я их послушно натягиваю, если понимаю, как.

-- А подарки Орешницы у нас в Ахмадхоте остались? -- интересуюсь.

-- Нет, я их взял с собой, и ты как раз сейчас надеваешь платье из комплекта, -- спокойно отвечает Азамат. Привык ко мне, понятное дело.

Я старательно трясу головой.

-- Так, надо просыпаться, а то уже вообще ничего не соображаю!

-- На лице что-нибудь рисовать будешь? -- он протягивает мне косметичку.

-- Да надо бы, там же, небось, толпа большая будет, видно плохо.

-- Думаю, приличная, -- кивает он.

Азамат тоже принимается одеваться, а я сижу малюю. В итоге обычно получается что-то среднее между гримом балерины и мордочкой матрёшки. Конечно, можно накраситься и в меру, но тут задача -- чтобы отовсюду было видно, на каком месте у меня глаза. Ну и потом, под слоем штукатурки как-то спокойнее на людях появляться: вроде не я, а так, формочка. Азамату бы тоже не помешал защитный слой, но мужикам не положено.

Наконец мы рассаживаемся по унгуцам -- при этом некоторые отрубаются обратно -- и машем из окна сторожу, который остаётся охранять дом. На сей раз мы улетаем вообще все. Грузоподъёмность унгуца довольно большая, так что количество пассажиров ограничивается только откормленностью -- ну или согласием сидеть у кого-то на коленях.

Наш путь лежит ровнёхонько поперёк Дола, так что мы имеем удовольствие наблюдать, как солнце поднимается над спокойными водами, озаряет скалы и лесистые склоны. Тирбиш с Алэком на руках притиснут мамой к окну, и непрерывно комментирует:

-- А вон видишь, тюлешек плывёт? А вон дельфинчик... Во-он беленький. Дель-фин, да-а...

Мне смотреть в окно гораздо интереснее, чем Алэку, которого больше занимают завязочки у Тирбиша на кафтане, так что я внимательно слеую всем указаниям. И правда, почти под нами, чуть справа, по воде скользит кто-то белый с длинным носом.

-- Гляди, птички, буревестнички, поморнички, -- продолжает сюсюкать Тирбиш.

Те, кто задрых, выпасться всё равно не успел, лететь-то недалеко. Вот уже и крыши Долхота блестят в утреннем солнце, как пайетки на платье. Я в Долхоте уже бывала, но времени осмотреть город не было. Мы опускаемся, судя по всему, на главную площадь, и сразу же из дома на дальней стороне высыпают какие-то люди и направляются к нам. Стоит нам выгрузиться, как специально обученные парни откатывают наши унгуцы куда-то за дома. Встречающая делегация так блестит, что я никак не могу их разглядеть. Впрочем, мы, наверное, не лучше.

-- Счастливы будьте, входя в покорный город Долхот! -- предлагает почтенный старец, первый из делегации добежавший до нас.

-- Веселы будьте, встречая необременительных гостей, -- вторит ему Азамат, кланяясь. Интересно, для того чтобы знать все эти приветствия, достаточно какую-то одну книжку прочесть или без специального образования не обойтись? И мы, и местные жители долго по многу раз раскланиваемся.

Предводитель встречающей делегации представляется как Старейшина Ойраг, местный церемониймейстер вроде нашего Асундула. Остальные -- тоже Старейшины, правда, почему-то все мирские.

-- Духовные наставники встретят вас после открытия музея, -- сообщает Ойраг. -- Вы без опекуна?

-- Мой друг Алтонгирел временно выполняет его обязанности, -- Азамат подталкивает Алтошу вперед. Тот что-то еле слышно шипит сквозь зубы.

-- Нашёл время обижаться, -- так же шёпотом отвечает Азамат.

-- Ну что же, отлично, отлично, -- радуется Старейшина Ойраг. -- Пройдёмте же, все ждут.

Мы пересекаем площадь и взбираемся на высоченное крыльцо одного из домов, за которым ждут таинственные все. Это оказывается толпа народа с наряженными лошадьми -- на спинах попоны, на головах какие-то штуковины с перьями, в длинную шерсть на шее вплетены нитки всех цветов радуги, так что шеи получают поперечно-полосатыми с пёстрой бахромой. На боках в попонах

элегантные вырезы, и видно, что шерсть выстрижена в форме узоров. На ногах тоже пёстрые кисти, копыта выкрашены золотом, хвосты завиты локонами.

К счастью, с высокого крыльца на лошадь сесть легко, как на лавочку, а то долго бы я в платье да в камнях шарахалась.

-- Покажите мне двух самых спокойных коней, -- велит Азамат. Ему подводят нечто сверкающее синее и искрящееся зелёное. Он кивает. -- Лиза, Ирма-хон, садитесь. Лиза, тебе придётся взять Алэка, так положено...

-- Что, сесть на это?! -- ужасается мама. -- Да я же с него навернусь, как нечего делать!

-- Поймаем, -- ободрительно улыбается ей Азамат. -- Давайте помогу, это легко.

Мама ещё некоторое время сопротивляется, но наконец общими усилиями мужики утрамбовывают её на лошадь. Я иду следующим номером. В принципе, я уже привыкла ездить верхом, но по случаю парада придётся сидеть в пол-оборота, и седла нет. Ох уж мне эти церемонии...

-- Александр, а вы как? -- спрашивает Азамат, вручая мне мелкого.

-- Я-то нормально, -- успокаивает его Сашка, усаживаясь верхом на первого попавшегося коня. -- Я, в отличие от Лизки, на лошади сидеть умею. У меня жена профессионально конным спортом занимается.

-- Ого, -- не удерживается Азамат.

-- Жена?! -- изумляется Алтонгирел. -- Конным спортом?!

У меня случается дежа вю.

-- Долго ещё удивляться будешь? -- хихикаю.

Азамат усаживает на следующую подошедшую лошадь матушку, которая ворчит, что и сама бы прекрасно справилась, остальные без труда устраиваются сами.

Старейшина Ойраг едет впереди, показывая путь. Мы выезжаем из проулка на широкую улицу, где нас мгновенно оглушают приветственные крики и осыпают фонтаны блёсток и ярких платков. Алэк пугается и принимается вопить, но его заглушает праздничный оркестр. Мне и самой хочется завернуться в пелёнку и поорать, но надо улыбаться и махать рукой. Улица кажется бесконечной, а люди

так и бросаются под копыта. Впрочем, лошади и правда спокойные -- прут себе, не обращая внимания ни на какие препятствия. Надо думать, конь, который позволяет себя так разрядить, уже познал Дао и впал в нирвану.

Улица всё-таки кончается -- в её торце стоит огромный дом, круглый, как многие муданжские дома, и украшенный барельефами со всякими символами Императора -- мечами, коронами, луками, конями, звездолётами и странными доисторическими деревьями. Прямо перед нами гигантская деревянная дверь неприступного вида. Старейшина Ойраг разворачивает своего коня прямо перед ней, включает на ухе гарнитуру и объявляет -- звук его голоса разносится над городом из динамиков со всех сторон:

-- Счастливы будьте, жители Долхота, ибо сам Император Муданга Азамат Байч-Харах прибыл со свитой, дабы возродить старинные традиции и заново открыть Музей Императорской семьи!

-- Танн! -- вдаривает народ.

-- Не будем же откладывать сей исторический момент! -- призывает Ойраг.

-- Танн!!! -- соглашается народ.

Старейшина жестом предлагает нам спешиться, и тут же какие-то амбалистые ребята уводят лошадей в сторону, чтобы не закрывали вид. Маму и меня аккуратно снимают с насестов и ставят на землю.

-- Итак, -- снова включается наш тамада, -- смотрите во все глаза и запоминайте, вы будете детям своим и детям своих детей рассказывать о том, что видели сегодня! Прошу, Ахмад-хон!

-- Тр-р-р-р-р-анн-н!!! -- взрывает толпа.

Азамат кланяется толпе, потом Старейшине, затем достаёт и вдумчиво натягивает перчатки. После чего приближается к двери, приседает и берётся за две ручки на нижней перекладине. Только теперь до меня доходит, что дверь открывается не вбок, а вверх, и что "открытие музея" муданжцы понимают совершенно буквально.

Гремит грозная музыка; я чувствую себя на представлении в цирке. Впрочем, окружающие совершенно серьёзны. Азамат поудобнее упирается ногами и рывком поднимается. Дверь уезжает в щель вверх. По толпе проносится тихий восторженный ропот. Азамат глубоко вдыхает и ещё одним рывком поднимает нижний край двери

над головой. Что-то щёлкает -- из боковых пазов выскакивают упоры, и дверь фиксируется в открытом положении.

Толпа взрывается поздравлениями и победными кличами, нас второй раз осыпают блёстками. Азамат стаскивает перчатки и снова кланяется всем присутствующим.

-- Да здравствует Император! -- выражает общественное мнение Ойраг. Весь город присоединяется. Ойраг выключает гарнитуру и подходит к нам. -- Прошу вас, благословите музей, став первыми посетителями.

Мы все кланяемся и проходим в тёмное нутро под жутковато нависающей дверью.

Внутри к Азамату сразу кидаются какие-то ребята.

-- Ахмад-хон, водички? Отдохнуть?

-- М? -- Азамат даже немного удивляется. -- Да нет, ребят, вы что. Я, честно говоря, думал, что она будет существенно тяжелее. В летописях так расписывают... Старейшина Ойраг, давайте скорее посмотреть коллекцию, мне безумно интересно!

-- Ты, может, не устал, а я вот что-то задолбалась с ребёнком на руках кланяться, -- ворчу я. -- Давайте его кто-нибудь ещё поносит, а? Надо будет заказать Орешнице слинг с бриллиантами, а то обычный смотрится недостойно жены Императора, видите ли.

-- Лиза, не бухти, -- подмигивает мне Азамат, забирая мелкого. Похоже, лёгкая победа над дверью его очень обрадовала. Впрочем, он сегодня с утра чрезвычайно весел.

-- Да я так, -- отмахиваюсь. -- Не всерьёз. Ну, и где начинается экспозиция?

-- А вот прямо здесь, Хотон-хон, -- указывает мне Старейшина Ойраг на полутёмный коридор, в конце которого брезжит бледный свет. -- Извольте пройти?

Мы входим в гигантский зал с портретами Императоров. Свет здесь тускловатый -- видимо, чтобы не выцветали. Рамы у картин узкие, но глубокие, полотно далеко отстоит от стены. Все под матовым стеклом и в полный рост.

-- Древнейшие изображения, -- наш экскурсовод поводит рукой вправо, -- не все сохранились. Вот этот портрет Огыра Исполина исходно был больше, но не поместился в Императорский дворец, и потому Император заказал уменьшенную копию. Портрет Эноя

Вулканического сгорел при пожаре в столице, вы видите репродукцию. А это известный всем Аяу Кот, про которого говорили, будто бы он был оборотнем. Вот в этой части картину пришлось реставрировать, она была разрезана несколькими лезвиями при загадочных обстоятельствах...

Императоры на картинах один краше другого. Надо понимать, это всё очень красивые мужики, но по самым первым портретам трудно судить, потому что там изображены какие-то роботы-трансформеры с челюстями на шарнирах. Муданжская наивная живопись -- это нечто. Портретное сходство начинает появляться примерно на середине зала.

Мама с Сашкой экскурсовода не слушают -- всё равно почти ничего не понимают, -- а просто ходят по залу, рассматривая лица из древности.

-- О! -- внезапно восклицает мама. -- Эцаган, да это ж ты!

Эцаган оборачивается на имя и вглядывается в портрет.

-- Хм, и правда похож, -- замечает Тирбиш.

-- Это Эйран Любвеобильный, -- невозмутимо комментирует Старейшина. -- Он пять раз вдовел, и каждая жена принесла ему от десяти до пятнадцати детей. По сию пору на Муданге многие люди являют с ним очевидное родство.

Эцаган и Тирбиш шушукаются и хихикают.

-- И вот, наконец, последний из павшей династии, Император Аэда Хитроглазый. Это официальное прозвище, но многие ещё помнят более вульгарные варианты...

По портрету сразу видно, почему он хитро... э-э-э, глазый. Больше всего Император похож на сдобный каравай, весь такой круглый и румяный, в лоснящейся бороде. А из-под густящих бровей выглядывают очень чёрные и очень сощуренные азиатские глазки. Конь, на котором сидит правитель, тоже убедительный -- поперёк себя шире и морда абсолютно пофигистичная.

-- Да будет ваше правление уроком для меня, -- бормочет Азамат и кланяется.

Репродукция портрета Азамата уже заняла положенное место справа от Аэды. Всё-таки мой муж даже в этом ряду выделяется в лучшую сторону.

-- Ваш портрет, Ахмад-хон, станет подлинным украшением нашей коллекции, когда из новости обратится в историю.

В следующем зале нам демонстрируют портреты императриц. Этот зал гораздо больше, потому что с каждой императрицы портреты рисовали по количеству беременностей. В среднем изображений каждой тётки два или три -- наследник и на всякий случай. Но, конечно, шесть жён Любвеобильного предка Эцагана занимают одну из стен целиком. А тётеньки, надо сказать, не маленькие. Понимаю, конечно, что беременные, но такие лица одной беременностью не наешь. И ещё интересно, что они все выглядят старше меня. Наш провожатый тоже это замечает:

-- Обратите внимание, Хотон-хон, вы останетесь в истории как самая молодая жена Императора во всех муданжских династиях.

-- А почему они все на таких тётушках женились? -- спрашиваю.

-- Женились-то на разных, но красивая женщина рано не родит, - Старейшина пожимает плечами, как будто это должно быть очевидно. Ну да, как же я могла забыть хоть на секунду, где нахожусь!

Тоскливая репродукция псевдо-меня совершенно теряется среди прочих необъятных тел.

-- Что-то мне мой портрет не нравится, -- говорю. -- Надо будет ещё ребёнка сделать, и чтобы Бэр рисовал, а не это старичьё с идеями.

Азамат незаметно привстаёт на мысочки, а потом откачивается обратно на пятки.

-- Как скажешь, милая, как скажешь...

-- М-да-а, Ирлик-хон, помнится, о грядущих чадах говорил, -- тихо замечает Алтонгирел, и тут же делает вид, что внимательно изучает шестую жену Любвеобильного, огромную бабищу, родившую двенадцать человек и пережившую своего мужа на тридцать лет.

В следующем зале тоже портреты -- несколько малолетних князей, дочери Императоров, Старейшины и просто всякие известные люди. Потом наконец мы добираемся до зала с нарядами и украшениями. Там свет сразу во много раз ярче, и все камни сверкают так, как будто на солнце смотришь. Старейшина Ойраг методично повествует, кто и для кого шил каждый наряд, в каком районе добыты для него камни, сколько они весят, сколько золота и платины ушло на оправы, и всякую подобную техническую информацию. Шатун с умным видом кивает, Азамат время от времени уточняет места

добычи, а я рассматриваю сами вещи. Прелесть муданжских украшений в том, что они не ограничиваются ценностью. То есть не просто гигантский рубин впендюрили -- и здорово, а действительно красиво делают каждую вещь, с задумкой, с сюжетом. Вся одежда обязательно расшита защитными орнаментами и благопожеланиями, но на большинстве предметов есть и ещё какие-нибудь более художественные мотивы. Например, танцующие птицы или играющие тигры или прыгающие из воды рыбы, и все они расшиты камнями, так тонко подобранными по цвету, что выглядят как живые.

-- А что они будут делать, когда зал кончится? -- спрашивает мама у Азамата, остановившись в дальнем пустом углу. Табличка внизу гласит, что здесь скоро появятся вещи, из которых вырастет князь Алэк.

-- Подвинут стену, -- отвечает Азамат. -- Саманные дома можно увеличивать. Музей уже много раз увеличивали. Когда-нибудь весь Долхот будет один музей.

Пятый зал содержит предметы домашнего обихода императорских семей. Это прежде всего посуда и книги. Над книгами Азамат надолго замирает и интересуется, можно ли как-нибудь на досуге прийти почитать старинные тексты. Конечно, они все давно перепечатаны и растиражированы, но он, дескать, полагает, что в старых рукописях могут обнаружиться неясные места -- где протёрлось или смазались -- допускающие двоякое толкование.

-- Конечно, приходите! -- радуется Старейшина Ойраг. -- Наш город всегда счастлив принять вас, Ахмад-хон!

-- Лизка, гляди! -- зовёт Сашка.

Подхожу -- стоят мои и Янка и ржут. В дальнем конце ряда с посудой выставлены муляжи еды. Причём самой разнообразной. Запечённые птицы и звери, пирожки и лепёшки, копчёная и сырая рыба, фрукты и их сок, приправы в исходном состоянии...

-- Да-а, здесь у нас собрание Императорской кухни, -- гордо сообщает Старейшина Ойраг. -- Можете полюбоваться, что подавали к столу Императорам в разные века. Например, при Императоре Огыре было принято запекать целого ягнёнка внутри сома. Император мог в одиночку съесть такое блюдо. Вот здесь, смотрите, если заглянуть в рот сому, можно увидеть голову ягнёнка... Император Иляк Нежноротый, наоборот, предпочитал, чтобы его завтрак был мелко

нарезан и отделён от костей. Именно для его стола было изобретено блюдо хунь-бимбик. Прошу взглянуть, здесь оно тоже есть.

-- Господи, какое безумие, -- бормочет Янка, рассматривая искусственный бульон. -- А из чего они?

-- В основном, из дерева, но некоторые вещи из воска, -- серьёзно отвечает Ойраг. -- А что вас так забавляет, юная леди? Искусство приготовления пищи -- это огромная часть нашей культуры, которую, к тому же, легко утратить. Тот факт, что среди древних книг присутствуют также и книги с наставлениями повару, вас почему-то не смутил, -- он делает недовольное лицо и ждёт, видимо, что хихикающая Янка раскается, но тщетно. -- Что ж, продолжим осмотр. Вот здесь, у противоположной стены, у нас отдел картографии. Мы собрали карты всех масштабов и областей за все времена. Как видите, самые первые карты изображают местность к югу от Худула и к западу от горной цепи Ахмадул, проще говоря, Великие Леса. Поясню для господ землян: мы полагаем, что первые люди, появившиеся на Муданге, обитали именно в Великих Лесах, хотя сейчас там практически никто не живёт в связи с великой опасностью этих мест. Худул был первой столицей Муданга, и назывался он тогда Урват, что на древнем наречии означает "земля, отвоёванная у леса". В Худуле до сих пор поддерживается традиция именовать детей на древнем наречии, -- он поворачивается к Азамату и кланяется. -- Мы счастливы видеть, что этот обычай жив и послужил для выбора имени вашего отца, вашего собственного и вашего сына.

Азамат с трудом сдерживает улыбку.

-- Смею заметить, -- Ойраг снова обращается к нам, что все эти три имени непосредственно связаны с основанием первой столицы. Арават -- это просто перегласовка имени Урват, Азаматом звался вождь, основавший город, а имя Алэк получили многие горные реки в той области за свою стремительность и силу.

Азамат на сей раз открыто улыбается и кивает.

-- Ни фигя себе совпадение, -- шепчу ему.

-- Не хочу тебя разочаровывать, -- хмыкает он, -- но, я думаю, уважаемый Старейшина потратил не одну ночь, выдумывая, как вплести моё имя в историю, чтобы выглядело красиво.

-- То есть он гонит?

-- Скорее немного подправляет факты. Нам очень мало известно о времени до первых Императоров. Есть простор для фантазии. Но ты не обижай его, так положено.

Следующий зал, по-моему, мало связан с Императорами, но, несомненно, содержит полезную историческую информацию. Здесь собраны монеты разных периодов, огромные таблицы старых алфавитов с пояснениями по чтению и полный список используемых на Муданге имён.

-- А что, новых не выдумывают? -- интересуется Сашка после того, как я ему объясняю, что перед ним.

-- Выдумывают, хотя редко, -- отвечает Азамат. -- Насколько я помню, список прирастает на пять-десять имён за столетие. Но здесь, как видите, есть куда добавить ещё штук двести. Можем пока расслабиться.

Новый зал возвращает нас к теме Императорской семьи, правда, весьма неожиданным образом: там стоят гробы. Красивые такие, в форме лодок с резными фигурами на носу и корме. Открытые. Пустые.

-- Здесь вы видите копии гробов, -- принимается вещать Ойраг, - в которых были сожжены тела Императоров. Пепел их похоронен в Великих Лесах, у истоков нашего рода.

-- А что, здесь огненное погребение? -- с интересом спрашивает Янка.

-- Естественно, -- пожимает плечами Алтонгирел. -- Бог Подземного царства -- бог огня. К нему можно попасть только через пламя.

-- Совершенно верно, совершенно верно! -- подхватывает наш гид. -- Подземное царство полно огня, как жерло вулкана!

-- Хм, странно, -- стараюсь припомнить. -- Я там огня не заметила, только сады и фонарики на деревьях.

Старейшина осекается и низко мне кланяется, а потом быстро меняет тему.

-- Ну что ты его подкальываешь? -- укоряет меня Азамат. -- Действительно есть такое поверье...

-- А для кого мы с Унгуцем книжку делали? Пускай идёт в ногу с наукой.

В том же зале что гробы также представлены жезлы Императорских духовников. Я видела такие штуки у Алтонгирела и

Ажгдийдимидина. Это толстая палка из дерева или кости длиной от локтя до кисти хозяина. Как объясняет Ойраг, духовники делают их сами из чего угодно, что для них обладает особым смыслом. Определённая порода дерева или кость конкретного животного становится основой. Затем жезл красят или оборачивают тканью какого-нибудь значимого цвета. После этого на изделие можно привешивать всё, что угодно: драгоценные камни, перья, зубы, бубенцы, миниатюрные портреты, статуэтки из дерева или металла, символы, капсулы с водой или свёрнутой бумажкой с текстом, орехи, гизики... В общем, кто во что горазд. Азамат по секрету сообщил мне, что у Ажгдийдимидина на жезле привешена флэшка, а у Алтонгирела зеркальце. Тирбиш в другое ухо нашептал, что существует куча анекдотов про всякие смешные и недостойные предметы, которые можно найти у духовника на жезле.

В дальней части зала, как мне сначала кажется, стоят просто какие-то несвязанные предметы. Бутылка, камень, меч, прядь волос в пузырьке, золотой зуб и даже огрызок, ну и ещё пара дюжин разных странных вещей.

-- А здесь у нас демонстрируются дары богов, -- объявляет Старейшина Ойраг. -- Неоднократно за историю Муданга Императоры удостоивались подобной милости. Вот это, например, прядь волос богини Ойны-Муур, подаренная Императору Аяю за радушный приём богини в облике выдровой кошки. Меча, созданного небесным кузнецом Адр-хоном, удостоился Император Окус Гроза Шакалов, основавший Имн-Билч.

-- Про огрызок расскажите! -- просит Шатун, хихикая вместе с Оривой.

-- Это остаток волшебного плода, -- хмурится Ойраг. -- Сам плод был получен Императором Йирихом Могучим и даровал ему невероятную силу.

Старейшина оборачивается к правой части витрины и ненадолго замолкает, решая, с чего начать.

-- А можно я угадаю? -- говорю. -- Бутылку кому-то подарил Ирлик!

-- Откуда вы знаете? -- удивляется Ойраг. -- Это и правда был дар Ирлик-хона Императору Аэде, в бутылки содержалось драгоценное вино из драконьих яиц.

-- У меня дома такая стоит, я в неё компот наливаю, удобная очень. Но если хотите, сдам, пока не разбили... Вы принимаете дубликаты?

-- До сих пор не случилось, но мы обязательно обдумаем этот вопрос! -- озадаченно отвечает Старейшина. -- Кхм, так, продолжаем. Здесь вы видите зубную щётку, подаренную Императору Овэату Покорителю Неба красавицей с Земли, когда он впервые в истории Муданга высадился на заселённой планете.

Дальнейшие несколько залов не очень интересные. Там представлены поделки Императоров и рукоделие их жён, украшения Императорских коней и собачьи шлейки, мебель и оружие. Мужики все дружно принимают рассматривать какие-то жуткие ятаганы и обсуждать технические детали, а я только тихо радуюсь, что кроме стола к нам в дом не перекочевало больше никаких предметов интерьера -- мы прекрасно обойдёмся без этих громоздких многоугольных конструкций, требующих аккуратного обращения и тщательного ухода. Азамат зависает над какой-то деревянной штуковиной в самом тёмном углу.

-- Что это? -- спрашиваю, подхожу.

-- Маска. Один из сыновей Императора Иляка родился уродом и всю жизнь носил её... Во всяком случае, при дворе. Он потом уехал куда-то на острова, там уж неизвестно, носил или нет.

Толстая деревянная маска не отличается изысканностью -- прорези для глаз и рта довольно грубые, поверхность рубленая, никакой краски и узоров нет. Я тыкаю Азамата между рёбер, он аж подскакивает. Обычно он на щекотку никак не реагирует, но тут, видно, совсем не ожидал.

-- Брось бяку, -- говорю. -- И не пугай ребёнка всякими гадостями. Пошли дальше, а то я боюсь, как бы нам ещё какой-нибудь трон не всучили.

Азамат перекладывает мелкого на левую руку, а правой приобнимает меня и выводит из зала.

-- Это последняя палата окружности, -- объявляет Старейшина Ойраг. -- Здесь представлены миниатюрные копии Императорских дворцов. После осмотра мы пройдем в центральную часть, где размещаются крупногабаритные экспонаты. Итак, приступим. Первые описанные дворцы восстановлены по иллюстрациям в хрониках,

поэтому могут быть не совсем точны. По сути своей первые дворцы были шатрами, их можно было складывать и перевозить. Однако некоторые из них, тем не менее, достигали внушительных размеров...

Дворцы дивно хороши, что складные, что стационарные. Яркие, пёстрые, блестящие, узорчатые, живописные... Особенно мне нравится дворец-шатёр для лесного кочевья, у которого на зелёных стенках пришиты деревья и олени, чтобы лучше мимикрировать в лесу.

-- Вот в этом размере они правильнее, -- говорит Сашка, задумчиво рассматривая более поздние саманные постройки. -- А то настоящие выглядят, как сильно увеличенные кукольные домики.

Налюбовавшись на дворечики, мы выходим в центральную часть. Она поделена надвое: с одной стороны разнообразный Императорский транспорт, с другой -- природа Муданга.

-- Начнём с устройств для путешествий, -- объявляет Ойраг, отпив из фляжки чего-то освежающего. -- Поскольку мы не сразу научились пользоваться лошадьми, первые транспортные средства предназначены для переноски слугами. Следующая эпоха -- передвижение на волах. Когда наконец приручили лошадей, появились вот такие лёгкие повозки со смягчёнными колёсами, и уже попытки совершенствовать их привели к развитию инженерного дела. В результате создавались транспортные средства, работающие на дровах, химических реактивах, горячих камнях и так далее...

Разнообразные Императорские повозки тоже очень красивые, расписные, с резными украшениями. Поглубже представлена эволюция тазикообразных муданжских автомобилей -- раньше они были совсем круглыми, но постепенно приобретали прямоугольность. За ними следуют разноцветные блестящие унгуцы, перламутровые и переливающиеся, похожие на гигантских жуков. Над всем этим возвышаются звездолёты -- большие и маленькие, яркие и незаметные, с лапками, плавниками, копытцами и усиками, военные и пассажирские, гламурные и жутковатые.

-- Не удивительно, что музей такой здоровенный, -- замечает Сашка, вертясь на месте, чтобы осмотреть как можно больше кораблей. -- Азамат, а у вас что, не принято на борту название писать?

-- Название? -- переспрашивает Азамат, поднимая брови.

-- Ну, имя корабля.

-- А у кораблей есть имена? -- уточняет Азамат заинтересованно.

-- Э... Ну, вот ваш звездолёт как называется?

-- Он принадлежит к классу захвата, двигательные механизмы "Паук" и "Стремнина"... Не совсем понимаю, о чём вы спрашиваете.

-- Как же, я про имя корабля! Вот, например, у маршала Ваткина корабль называется "Девочка", от Земли на Гарнет ходят рейсовые корабли "Красный гигант", "Голубая даль", "Стриж"... Неужели у вас таких названий нету?

Азамат переглядывается с Алтонгирелом.

-- А машинам вы тоже имена даёте? -- интересуется духовник. -- Или, там, кофеваркам?

-- Нет, -- ржёт мы с Сашкой. -- Ещё только кораблям, которые по воде плавают.

-- Это очень любопытно, -- задумчиво произносит Азамат, потирая нижнюю губу. -- Надо будет что-нибудь про это почитать. Именование транспорта, надо же...

Старейшина Ойраг перегоняет нас на вторую половину центральной части, где располагается выставка естественной истории. Начинается она с камней и металлов, с указаниями, где на Муданге известны их месторождения, на какой глубине обычно встречаются, с какими другими породами ассоциируются. Далее следует гербарий -- методично разложенные и засушенные растения или их кусочки, рисунки с натуры, фотографии, спилы стволов, семена и плоды. Всё это снабжено подробными описаниями, где какая травка встречается, не ядовитая ли, чем может быть полезна в хозяйстве. За растениями следуют грибы -- в виде восковых или деревянных муляжей -- и животные. Тут и чучела, и скелеты, и ракушки, яйца, гнёзда, фотографии, фигурки, в общем, всё, что только можно сохранить от зверья.

-- Да у вас вся планета по метру описана, -- поражается Сашка, изучая карту распространения мелкой ночной бабочки.

-- Конечно, -- довольно отвечает Старейшина. -- Когда Император требует добыть ему зверюшку, подданные должны знать, где её добыть. Многие Императоры -- в их числе особенно выделяются Исыкал Любознательный, Окоряг Мудрый и Аэда Хитроглазый -- вложили многие средства и собственные усилия в изучение нашей планеты. Они созвали умнейших людей, составили справочники и собрали коллекции. Император Аэда лично спроектировал туннели под

Ахмадульскими горами и подводный путь на Орл. К сожалению, он не дождал до постройки последнего, но всё же проект был реализован, и теперь любой житель Муданга может полюбоваться богатым подводным миром южного моря, -- Старейшина делает широкий жест в сторону витрины с псевдоаквариумом. В слегка подкрашенном прозрачном геле помещены муляжи рыб и вполне настоящие кораллы, раковины моллюсков и искусно сделанные анемоны.

-- Аэда был таким умным человеком, -- сокрушённо качает головой Азамат. -- Как, ну как он мог проиграть джингошам?

-- Ему не помогал бог войны, -- пожимает плечами Алтонгирел.

Чем глубже в зал, тем больше млекопитающих. Такого слова, правда, мударжцы не знают, звери рассортированы по среде обитания, по хищности-травоядности и по пользе для человека. Наконец-то мне удаётся поближе рассмотреть выдровую кошку -- в отделе с хищниками-вредителями. Она действительно жёлтая, чуточку в рыжину. Уши округлые, широкий нос, как у тигра, светло-жёлтые глаза под насупленными бровями. По одну сторону от неё выставлены всевозможные куницы, норки, горностаи, росомахи и какие-то неизвестные мне звери размером с медведя, но с длинным хвостом. По другую -- косматые тигры и львы, лысые пантеры с южных островов, гигантские степные коты, питающиеся гигантскими степными мышами размером с морскую свинку. Как всегда, мударжский язык очень любит всё категоризовать. Вот есть слово кот, и от него: степь-кот, выдра-кот, грива-кот, лысый кот, лес-горы-кот... Последний -- вообще нечто исполинское. Огромный белый барс в густом меху. Правда, лицом не вышел -- больше похож на домашнюю кошку, чем на леопарда. Носик узенький, мордочка острая, большие треугольные уши, огромные глаза. Душка, короче говоря.

-- Лизка, гляди, эпиорнис! -- вопит Сашка, я аж подскакиваю. Оборачиваюсь -- и правда, в витрине напротив красуется птица-великан с топорообразным клювом и жуткими когтищами. Эпиорнис или нет, я в них не разбираюсь, но что-то из этой серии...

-- Это у вас такое сейчас живёт? -- спрашиваю нервно.

-- Да, это из Великих Лесов. Там много всякой странной живности, вот, посмотри, рогатые черепахи, длинноногие совы, бескрылые лебеди, великие грифы, пятнистые львы...

Витрина и правда представляет собой собрание доисторических тварей -- не динозавров, конечно, но всё равно совершенно невообразимых. Украшает экспозицию трёхметровый мамонт, правда, не такой косматый, как на детских картинках, скорее пушистый, на манер кролика.

-- Слона-то я и не заметил, -- протягивает Сашка. -- Азамат, так это что, правда ныне живущие на Муданге звери?

-- Ну да, а что вас удивляет? Они, правда, плохо изучены, потому что мы стараемся не соваться в Великие Леса, особенно после того, как проложили сквозь них монорельс. Некоторые ещё на Западных островах встречаются, например, нелетающие птицы.

-- Понимаешь, вот этот, -- я показываю на мамонта, -- и вот этот, -- тыкаю в гигантскую птицу, -- у нас раньше жили, но вымерли. То есть, реально давно жили, люди только кости от них и видели, и восстановили облик...

-- Ты думаешь, они сюда с Земли попали? С ума сойти, сколько открытий... Слышите, Старейшина?

-- Да, да, внимательно вас слушаю, -- кивает Ойраг. -- Это очень интересно, очень-очень. Мы всегда подозревали, что люди попали на Муданг через зияния в Великих Лесах. Но чтобы и звери тоже...

-- А чего удивляться? -- говорю. -- Как будто зверь не может забрести в зияние по ошибке, как и человек. Мне вот другое интереснее: на Земле естественных зияний нету, во всяком случае, никто их не находил, а уж мы свою планету знаем до миллиметра. Как вы оттуда-то выбрались?

-- Зияния непостоянны, -- пожимает плечами Азамат. -- Они могли быть, а потом закрыться.

-- И в любой момент могут открыться новые? Хорошенькая перспективка.

-- Нет, ну есть зоны повышенной вероятности... В общем, выяснять нужно этот вопрос.

Нас прерывает хныканье Алэка.

-- Надо сворачиваться, -- говорю. -- Ребёнок устал, сейчас нам будет скандал.

-- Да-да, конечно, вам осталась всего одна витрина, Ирликовы отродья. Вот, здесь вы уже видели обычного барса, а вот напротив полюбуйтесь -- барс демонический.

Скотина на стенде очень похожа на "обычного", только угольно-чёрная и на коротких лапках. За цвет обозвали, что ли?

-- А вот шакал, -- Ойраг поспешно перебегает к следующему экспонату. Шакал тоже чёрный, большеухий и тоже как будто с провисшим брюхом.

-- Это их звериные ипостаси, -- тараторит Ойраг. -- Далее, смотрите, человеческая...

Мы переводим взгляды вправо и видим нечто: то ли чучело, то ли мумия голого человека, частично поросшего шерстью, с огромными ушами и когтями.

-- Ой, фууууууу! -- Сашка поспешно отворачивается. Мы с Янкой более привычные к противным зрелищам, но и то смотреть омерзительно. Хорошо, что мама где-то в соседнем ряду заплутала.

-- Какая гадость, -- говорю. -- Поставили бы хоть где-нибудь незаметно в середине экспозиции, а то теперь так и будет вспоминаться. Сюда ведь и с детьми прийти могут, да и женщины ваши все посыплются.

-- Да, -- соглашается Азамат, -- экспонат действительно очень неприятный. Может быть, лучше будет его убрать.

Старейшина хмурится.

-- Наш музей создан для того, чтобы люди могли получить знания и определить существ, встреченных в лесу. Если мы уберём этот экспонат, люди не смогут узнать, как выглядит лесной демон в человеческом облике.

-- По этому чучелу тоже непонятно, -- качает головой Азамат. -- Лучше уж тогда сделать муляж или фотографию.

-- Фотографий у нас нет, -- разводит руками Старейшина. -- А для муляжа нужна основа. Если бы кто-нибудь поймал демона и привёз к нам, мы бы сделали муляж, но это очень дорого...

-- Я попробую добыть вам фотографии, -- внезапно предлагает Азамат.

-- Ты что, сдурел?! -- выпаливает Алтонгирел, забыв, что вокруг кто-то есть. -- Это же чудовищно опасно!

-- Расслабься, -- успокаивает его Азамат. -- Я думаю, что у меня могли сохраниться фотографии с того раза, когда отец подстрелил демона в Худуле.

-- О, это было бы так великодушно с вашей стороны! -- Старейшина низко кланяется. Алтонгирел облегчённо выдыхает, а Азамат подмигивает мне. Алэк испускает предупредительный вопль.

-- Так, всё, -- говорю. -- Пошли отсюда, Ирликовых детищ посмотрим в другой раз, не самое приятное зрелище.

Тирбиш собирает отставших, и все вместе мы покидаем здание музея, чтобы угнеститься в уютном полутёмном трактирчике, где можно спокойно покормить ребёнка и переварить информацию. Я даже не предполагала, что этот музей -- настолько серьёзный проект. Вроде уже столько времени тут живу, а всё никак не привыкну к мысли, что мударжцы -- не просто дикое племя на границе обитаемой вселенной, а развитая нация, ценящая свою культуру и планету, нация с огромной исторической памятью и изрядными научными достижениями. Если раньше мне казалось, что всё так просто, надо обучить их делать всё правильно, открыть им глаза на истину -- то теперь я начинаю чувствовать, что лезу со своим уставом в чужую цивилизацию, у которой есть свои недостатки, но и свои достоинства, порой перевешивающие.

Азамат обнимает меня и целует в висок.

-- Музей произвёл тягостное впечатление?

-- А? Нет, просто задумалась... как бы всё не испортить. У нас на Земле так было: одна страна круче других, большего достигла в науке и технике, и все на неё равняются, а потом глянешь -- всё вокруг одинаковое, на одном станке сделано, и ни тебе культуры, ни языка, ничего. С одной стороны, хорошо, все сытые и здоровые. А с другой... В общем, боюсь, как бы мы, земляне, и вас не подмяли. Потому что от ваших предков на земле осталось несколько книжек и набор сооружений, на которые туристы приезжают поглазеть.

-- Я всё не устаю поражаться, -- медленно произносит Азамат, -- до чего же мы разные. Уж вроде и знаю тебя, столько всего вместе прошли, но ведь в голову не придёт, что женщину могут волновать такие глубокие проблемы. Но раз волнуют, то спешу тебя успокоить. Мы не настолько наивны, чтобы хватать всё и сразу, без разбора. Ваша медицина нам нужна, это несомненно. Наверняка есть и другие достижения мысли и опыта, которые мы с удовольствием бы переняли. Возможно, наши представления о семье не идеальны. Но мударжский народ любит и ценит свою историю и свою землю, и нам не так просто

навязать чужие представления. В конце концов, мы не первый век в космосе, и до сих пор это никак не повлияло на жизнь на планете. Конечно, если мы установим более тесный контакт с Землёй, влияние усилится, но мы будем осторожны. Муданг не исчезнет и не станет ухудшенной копией Земли. Это я могу тебе обещать.

-- Это очень приятно слышать, -- вздыхаю я, укладывая на подушку заснувшего Алэка. Потягиваюсь. -- Съедем чего-нибудь? Столько всего интересного в музее, я даже не заметила, как оголодала.

-- Да-а, сейчас, вон хозяин идёт. Кстати, Лиза... не в тему, но так... Ты это серьёзно насчёт второго ребёнка?

Пожимаю плечами.

-- Наверное, да. Только не прям подряд! Через годик где-нибудь. А ты что-то имеешь против?

-- Я?! Ты что, наоборот! Ты же знаешь, я всю жизнь мечтал, что у меня будут дети, и как я их буду учить всему, что сам умею... Боги, да я как представлю, что вот хотя бы Алэк подрастёт, говорить научится -- сколько бы мы всего вместе сделали! И на лошадях бы катались, и по морю ходили, и звериные следы читать бы я его учил, и руками работать...

Я сижу, киваю его словам, счастливая, аж внутри что-то сжимается. Всё-таки ни с чем не сравнимое удовольствие, когда можно просто взять и сделать человека счастливым, без жертв и почти без труда. Будет тебе второй ребёнок, будет тебе хоть десять, если со всеми справишься.

-- Алтонгирел?

От благостных размышлений и пылких речей нас отвлекает происходящее за соседним столиком. Алтонгирел стоит неподвижно, глядя в пространство широко открытыми глазами. Эцаган его окликает, видимо, уже не первый раз, но без толку.

-- Погоди, может, у него предсказание пришло, -- говорит ему Азамат.

-- Да ни фиги, знаю я, как это выглядит, когда он пророчит, -- мотает головой Эцаган. -- Такое впервые. Ау, солнце, очнись!

Алтонгирел внезапно вздрагивает, пытается как будто бы шагнуть вперёд и падает. Мы все кидаемся к нему. К счастью, он всё-таки приходит в себя. С трудом, но садится и мотает головой, мол, всё

в порядке. Азамат смотрит на него прищурясь и разгоняет всех лишних, остаёмся только мы и Эцаган.

-- В чём дело? -- тихо спрашивает он.

-- Будет тебе второй ребёнок, -- убитым голосом сообщает Алтонгирел. -- И раньше, чем ждёшь.

-- С Лизой всё будет хорошо? -- быстро спрашивает Азамат.

Алтонгирел невнятно кивает, вид у него несчастный и усталый.

-- Всё-таки предсказание? -- удивляется Эцаган.

Алтонгирел съёживается и прячет лицо в коленях. Оттуда, изнутри клубка, в который он смотался, раздаётся то ли стон, то ли согласие:

-- Мгм.

Я лезу в Азаматову сумку, где он всегда носит составленную мной аптечку на все случаи жизни, извлекаю антистрессовое, подзываю перепуганного хозяина, заказываю воды, растворяю таблетку и вливаю в Алтошу, которого для этого приходится чуть не силком раскрутить. Ещё через пару минут он успокаивается.

-- Эцаган, мы отсюда полетим обратно в столицу, -- заявляет он.

-- Мне обязательно нужно поговорить с Наставником. Мне открылся новый способ предсказывать... Я предпочёл бы им без крайней нужды не пользоваться.

Глава 9

Остаток трапезы проходит в молчании. Алтонгирел больше ничего не рассказывает из своего видения, а мы не расспрашиваем. В-первых, все понимают, что ему нельзя говорить лишнего, а во-вторых, ещё разнервничается, опять психанёт... ну его. Эцаган сидит мрачный, Сашка пытается всех развеселить какими-то анекдотами, но вскоре понимает, что ничего не выйдет.

Наконец являются местные безбородые Старейшины и просят аудиенции Императорского духовника. Азамат начинает их отговаривать, ссылаясь на то, что Алтонгирелу нездоровится, но тот только отмахивается, с некоторым трудом встаёт и уходит вместе с другими духовниками.

-- Чего они от него-то хотят? -- спрашиваю.

-- Пообсудить мою судьбу, -- безрадостно отвечает Азамат. -- Правда, боюсь, они не вовремя. Если Алтонгирел и правда только что про моё будущее что-то узнал, до встречи с Ажгдийдимидином будет

молчать, как лесной демон... Хотя в свете последних событий это не самое лучшее сравнение, -- с ухмылкой заканчивает он. -- Я бы, правда, не отказался узнать, что он имел в виду под вторым ребёнком. Что-то мне не нравится, как он это преподнёс.

-- Я думаю, он просто, как всегда, не ожидал от меня ничего хорошего, -- ухмыляюсь. -- Наверное, я залетела на этой неделе... или, может, на следующей залечу. Алтоша и вообще-то склонен всё драматизировать, а когда ему плохо, так тем более. Не переживай. Ты ведь не гуляешь налево, правда?

Азамат давится и долго не может прокашляться.

-- Лиза, ты что! -- сипит он наконец. -- Ты как обо мне думаешь вообще?!

-- С удовольствием, -- смеюсь. -- Расслабься, я пошутила!

-- Хорошенькие шуточки, -- Азамат угрюмо вытирает салфеткой слезящиеся глаза. -- За такие шутки мужику могут и хребет переломить, знаешь ли. И уж точно проклянут.

-- Азаматик, да ты обиделся на меня, что ли? -- протягиваю руку погладить его по голове, но он отстраняется. -- Ого, как тебя разобрало... Ну прости, ты же знаешь, я ничего подобного о тебе не думаю... Просто сморозила глупость, у меня иногда странные шутки.

Азамат вздыхает и с явным усилием преодолевает себя.

-- Я понимаю, что ты не хотела меня обижать и не думаешь, что я тебе изменяю. Но очень тебя прошу больше так никогда не говорить. Ты, видимо, не представляешь себе, насколько это оскорбительно.

-- И правда не представляю, -- соглашаюсь. -- А ещё я кое-чего не понимаю.

-- Спрашивай, -- Азамат вытягивается на подушках, пристраивая голову рядом с Алэком. -- Однако давно я так не злился... Привык к хорошему обращению, нечего сказать, надо как-то сдерживаться. Так чего ты не понимаешь?

-- Мне уже как-то стрёмно спрашивать. Ну ладно, попробую... Вот есть у вас этот обычай, что если замужняя женщина длинные волосы носит, значит, верная. Получается, если она коротко стрижётся, то все знают, что она мужу изменяет, так ведь?

-- Не совсем. Короткие волосы означают, что она не чувствует обязательств перед мужем, а значит, может изменить, особенно за деньги.

-- Хорошо, -- киваю, -- даже если так. Всё равно выходит, что нет ничего зазорного в измене. Раз можно это вот так взять и напоказ выставить.

Азамат изгибает бровь, всматриваясь в меня.

-- Это, естественно, работает только с красивыми жёнами, -- наконец поясняет он, и по тону понятно, что речь идёт о совершенно очевидных вещах.

-- А с красивыми мужьями?

-- То же самое. Они, конечно, волосы для этого не стригут, но красивый муж может изменять некрасивой жене, его никто не осудит. Но, Лиза, я обиделся не из-за этого. Измена -- это, конечно, отвратительно, и я бы никогда так не поступил, но ведь ты имела в виду нечто иное. Ты предположила, что у меня может быть ребёнок от какой-то другой женщины.

-- Только не заводись опять, -- поднимаю руку в предупреждающем жесте. -- Я просто глупо пошутила. Но вообще дети иногда становятся следствием супружеской измены, как это ни удивительно.

Азамат всё-таки снова хмурится.

-- Возможно, у вас к этому как-то проще относятся, но я тебе очень не советую шутить на подобные темы здесь, на Муданге. Даже для тебя это может кончиться плохо. Обвинить мужчину в том, что у него есть внебрачные дети -- это... невероятно унижительно. Я даже не знаю, с чем сравнить. Дети не от жены могут быть только у того, кто не может содержать жену, понимаешь? У кого не хватает денег расплатиться за беременность, и он делает ребёнка на стороне, по дешёвке. Или просто не умеет держать штаны застёгнутыми. Это гнуснейшее оскорбление достоинству мужчины.

-- Азамат, но ты же понимаешь, мне бы и в голову не пришло говорить тебе такие гадости, -- развожу руками.

-- Понимаю, понимаю, -- вздыхает он. -- Ты сама знаешь, как трудно сдержать первую реакцию. Прости, я тоже хорош, взъелся на пустом месте, знаю ведь, что ты ничего плохого не хотела сказать.

-- Ладно, не расстраивайся. Главное, что мы всё выяснили, -- укладываюсь на подушки по другую сторону от Алэка, наше с Азаматом дыхание ерошит волосёнки на голове мелкого. -- День был

долгий, ещё Алтоша этот со своими пророчествами... Ты, кстати, небось с ним полетишь в столицу?

-- Ну, мне было бы интересно знать, к какому выводу они там придут. И потом, я хотел захватить скрытую камеру, я знаю, кто хорошие делает, чтобы наш лесной приятель не заметил, а мы бы его запечатлели во всех видах.

-- Ты думаешь, он всё-таки демон?

-- Вот заодно и узнаем.

В результате в Ахмадхот мы летим снова всей честной компанией, потому что Тирбиш за обедом объяснил Сашке про тоннель под Ахмадульскими горами, и тот загорелся желанием проехать на монорельсе. А уж когда оказалось, что тот же самый монорельс проходит через Великие Леса... В общем, мне тоже покататься захотелось. Азаматова матушка к нам радостно присоединилась, потому что монорельс идёт до самого Худула, а там уж до её деревни можно машину нанять.

Алтонгирел возвращается от Старейшин ещё мрачнее, чем уходил, и молчит всю дорогу, даже просьбу подвинуться показывает жестами. Эцаган осторожно интересуется, хорошо ли дорогой друг себя чувствует, и может ему, Эцагану, не садиться к нему на колени, а нанять в Долхоте ещё унгуц. Алтонгирел в ответ просто дёргает Эцагана на себя, после чего мрачно упиливается в окно, полностью игнорируя живой груз на коленях. По прилёте в столицу он сразу направляется к Дому Старейшин. Азамат ловит его за рукав.

-- Я тебе настоятельно советую пойти сразу к Ажгдийдимидину, -- тихо наставляет он.

-- Тебе не кажется, что я лучше знаю, к кому пойти? -- огрызается Алтонгирел.

-- Не кажется. Тебе нужен совет и поддержка, а твой Наставник не слишком хорошо умеет предоставлять такие вещи.

-- Кто бы говорил! -- выпаливает Алтонгирел, вырывается и почти бегом мчится прочь.

К счастью, свидетелями этой сцены стали только Эцаган, Алэк и я. Остальные уже потянулись во дворец или по домам.

-- По-моему, кто-то забыл, что вышел из подросткового возраста, -- озадаченно тяну я.

-- Мне кажется, я его чем-то обидел, -- делится соображениями Азамат.

-- Тебе сегодня весь день обиды мерещатся, -- говорю.

-- Я думаю, его расстроило то, что он увидел в будущем, -- хмуро предполагает Эцаган. -- Пойдёмте, он там надолго, а потом захочет побыть один дома.

Мы расходимся: я с Алэком -- в жилую часть, а мужики -- в офисную, поработать остаток вечера.

В гостиной мама с Сашкой уже расположились за буками и вешают в блоги фотографии и дневные впечатления, потягивая чаёк. Я закрываюсь в спальне, располагаюсь с Алэком на гигантской нашей кровати, обкладываю его игрушками и самозабвенно воркую до полного отупения. Зато настроение поднимается. Детёнок такой улыбчивый, квакает негромко, трясёт резной погремушкой. Сам он, правда, пока не хватает всё вокруг, но если в руку засунуть, интересуется. И за моими движениями взглядом следит сегодня. Вчера ещё не следил. Сижу хихикаю вместе с ним, забавно, человек растёт.

В дверь робко скребутся, и Алэк так резво оборачивается на звук, что я уже жду, сейчас скажет "Войдите!" -- но приходится всё-таки самой.

Заходит Орива. При виде Алэка она широко улыбается и машет рукой. Он задумчиво пару раз сжимает-разжимает кулачок над головой.

-- Ой, он мне помахал, -- радуется Орива, присаживаясь на краешек кровати. -- Ничего, что я вас отвлекаю?

-- Да ты не отвлекаешь, -- говорю. -- Ты интересный объект для рассматривания. Ну-ка помаше ещё рукой...

-- Ого, да он за мной следит! Надо же, такой маленький... Он у вас прямо не по дням, а по часам растёт!

-- Кстати, -- вспоминаю я. -- Всё собираюсь у кого-нибудь спросить. С какой скоростью у вас дети растут? Год-то в два раза длиннее, чем у нас. Вот, например, когда дети ходить учатся?

-- Примерно в годик, хотя все по-разному. У моей сестры старший до полутора ползал.

-- Погоди, до полутора муданжских лет?

-- Ну а каких же?

-- Эммм... А такого, чтобы, скажем, в девять месяцев вставали -- не видела?

-- Да я не то чтобы много детей видела, -- пожимает плечами Орива. -- Но в девять, мне кажется, рановато. В пятнадцать -- двадцать пять больше похоже. А что, земные дети быстрее растут?

-- Пожалуй, да... -- чешу в затылке. -- Яна ничего по этому поводу не говорила?

-- Не знаю, она ворчит всё время, когда детей осматривает, особенно совсем маленьких, неразборчиво так ворчит, да и часто не по-муданжски, так что я не понимаю ничего. Но, может, вы и правы, она поначалу удивлялась, что дети старше, чем кажутся. Вообще, скорее бы уже вы снова к работе приступили. Вы и говорите понятнее и детей реже лечите, а Яна всё время.

-- Ну, естественно, она по ним специалист. А что тебе не нравится? Не любишь детей?

-- Не люблю родителей, -- морщится Орива. -- Тётки все сумасшедшие после родов, как мои сестрицы. А мужики трясутся и под руки суются, думают, они лучше знают, как их детей лечить, потому что вгрохали в них дикие деньги. Ой, простите! -- она быстро закрывает рот ладонью. -- Я не про вас. Но знаете, бывают такие...

Я хохочу.

-- Да уж, могу себе представить. Я-то гормональные стабилизаторы пью, но если ты вдруг заметишь, что я рехнулась, обязательно предупреди остальных земных целителей!

Орива краснеет, но хихикает.

-- Ой, ладно, что-то я заболталась. Вообще-то пришла с вами посоветоваться.

-- Советуйся, -- я пересаживаюсь на кровати поудобнее и подгребаю мелкого, чтобы Орива могла с ногами залезть. Она долго устраивается, складывает ноги и как-то мнётся. Странно, её обычно трудно смутить.

-- Я вот слышала, -- осторожно начинает она, -- что земные женщины получают удовольствие от секса.

И замолкает. Я прыскаю.

-- Правильно слышала, небось от меня же или от Янки.

Она смущённо пожимает плечами. Потом снова собирается с силами и продолжает.

-- А это врождённое или можно как-то... ну...

-- Не знаю, -- говорю. -- У нас считается, что если женщина не получает удовольствия, то либо у неё мужик идиот, либо надо лечиться. А почему с вами такая история -- это я не в курсе. Я же не учёный, а практик. Тут надо исследования проводить... А чего это тебя вдруг любопытство разобрало?

-- Да тут один парень мне всё предлагает... Деньги-то его мне не нужны, у меня теперь денег куча. Но он такой забавный, я всё думаю, может, правда дать ему, а потом думаю, да ну, только расстроюсь...

-- А ты вообще когда-нибудь пробовала?

-- Естественно, дома-то на островах только с этого и жила. Видите, насколько противно было -- аж в столицу приехала работать, только бы эти рожи похотливые не видеть! -- Орива передёргивает плечами в отвращении. -- Не понимаю, как это может быть приятно...

-- А ты пробовала с мужчиной, который тебе нравится?

-- Так мне до сих пор никто не нравился! Потому и пришла за советом, я кроме вас больше ни одной женщины не знаю, которая к мужу бы хорошо относилась.

-- Ещё одну такую женщину ты точно знаешь, это Гарнетка, -- говорю. -- Ладно, подай-ка мне бук, он у тебя за спиной стоит. Ты как, на всеобщем чутье понимаешь?

-- Немножко нахваталась...

-- Сейчас я тебе накачаю энциклопедий... для начинающих, так сказать. Видео, с субтитрами. Кстати, Старейшины сейчас над словарём работают, со всеобщего на муданжский. Он пока не закончен, но у меня есть предварительный вариант, я тебе его скину, поможет разобраться. Только не давай никому, пускай дождутся официального.

Орива подползает поближе и следит за тем, как я складываю в корзину один фильм для молодожёнов за другим.

-- Я вам что-нибудь должна? Вы же покупаете...

-- Да ну, там гроши. Лучше просто расскажешь, что из этого выйдет.

Орива удаляется вся в предвкушении новых знаний, сжимая в кулаке флэшку в виде сердечка -- у Азамата в коллекции разные есть.

Муж мой приходит, как и обещал, не поздно. От него веет прохладным ночным воздухом.

-- Ты с улицы, что ли? -- спрашиваю, потягивая носом.

-- Да, заходил к Алтонгирелу, проверить, как он.

-- И как?

-- Ничего, хандрит, но с ума не сходит. Эцагану позволил остаться, это хороший признак. Но на меня даже не смотрит, я уж не знаю, что и думать. И не признаётся ни в какую, в чём дело. Сказал только, что с тобой всё будет хорошо, и что этот загадочный второй ребёнок будет здоровый, и почему-то рассмеялся как-то нехорошо после этого.

Пожимаю плечами.

-- Душа Алтонгирела -- потёмки. Небось девочка будет, вот он и бесится.

-- Если бы только он, -- вздыхает Азамат, присаживаясь рядом со мной, и поглаживает уснувшего Алэка по пузу. -- Я ещё к Ажгдийдимидину зашёл. Кстати, оказалось, что Алтонгирел всё-таки меня не послушал и обратился за советом к своему Наставнику. А тот - - ты не поверишь -- сам никогда таких предсказаний, как Алтонгирел, не получал! То есть теперь Алтонгирел у нас официально превзошёл учителя, представляешь! -- Азамат так радуется, как будто за собственного сына. Но тут же грустнеет. -- Это мне Эцаган рассказал, а Ажгдийдимидин теперь на меня тоже волком смотрит. Алтонгирел к нему в итоге пришёл, куда деваться, раз Наставник без понятия... и рассказал, что увидел в будущем. Ох, Лиза, мне прямо не по себе делается. Старейшина всегда такой спокойный, всеведущий, язвит иногда, но это духовники все любят. А тут смотрит на меня, как на предателя. Я уж и так, и этак, по-всякому просил, намекните, может, я ещё не так поступлю, всё исправлю... А они только головами мотают оба и взглядами сверлят. Получается, вариантов нет, я обязательно сделаю что-то плохое?

Я притягиваю его к себе и крепко прижимаю.

-- Кто их разберёт, духовников ваших. Помнишь, как Алтонгирел на меня смотрел в начале? А потом оказалось, что он всё не так понял. Мало ли что ему там привиделось в пророчестве. Боги шутят. Наверняка они только кусочек видели, а цельная картина совсем другая. Ты лучше думай о приятном: у нас будет ещё ребёнок. Тебе даже обещали, что здоровый. А остальное приложится.

Азамат кивает, взяв ухом по моему виску, и я чувствую, как постепенно его сердце перестаёт бешено колотиться.

Горная цепь Ахмадул тянется с юга на север почти от побережья и до самого Худула. Это очень старые горы, срытые и прогрызенные ветром и поросшие щетиной хвойных лесов. Великая река Ахмадмирн промыла в хребте долину, в которой покоится столица Муданга. Вокруг на много сотен километров простирается степь, по которой кочуют скотоводы, а к югу, ближе к джунглям, где влажно, лиственные леса чередуются с садами. Монорельс начинается с востока от Ахмадхота и некоторое время идёт по пещерам под горами. Освещение там слабое, но видно, как блестят какие-то кристаллы в стенках, а когда поезд выезжает в пещеры побольше, там вообще красота со сталактитами и каменным звёздным небом над головой. Поезд идёт день, ночь и ещё один день. Пещеры заканчиваются к вечеру первого дня. В сумерках состав выезжает в степь, и можно наблюдать во всей красе, как солнце опускается в море ковыля, плавно переходящее в океан Гэй.

Ночью степь постепенно сменяется лесом, правда, совсем другого свойства, чем на юге. Основу его составляют гигантские древние деревья, а населяют его не менее древние причудливые твари из тех, которых мы видели в музее. Поезд по этим местам тащится медленно, позволяя получить массу впечатлений от диковинной флоры, а иногда и фауны. В темноте среди стволов то и дело мелькают горящие глаза, как в сказочном мультике, а гигантские деревья, которые даже мама не может определить, нависают жутковатыми силуэтами на фоне звёздного неба. Поезд то и дело проезжает короткие туннели -- это вздыбленные корни исполинских растений. Вагончики монорельса передвигаются почти бесшумно, и если открыть форточки, воздух наполняется душераздирающими звуками -- пронзительным уханьем, тоскливым воем, кровожадным рычанием...

Мы форточки быстро закрываем, занавески задёргиваем и ложимся спать. Из соседнего вагона изредка доносятся звон и пьяное пение, но тихо, так что спать не мешает, а мелкого мы не взяли. Азамат организовал для нас пустой вагон, а вообще их в составе десять, и все заполнены. Теперь, когда нет опасности, что джингоши тормознут поезд и отберут товар, южане кинулись торговать с севером. Осенью-то поток не большой, в это время и в Худульской области урожай есть, а вот зимой будет торговля -- к Старейшинам уже обратились с

просьбой добавить к худульскому поезду ещё десять вагонов для товара.

Утренний лес не такой жуткий, хотя совсем не похож по составу на прочие леса, в которых мне приходилось бывать.

-- Троходендрон, -- глубокомысленно изрекает мама, пристраивая камеру на краю форточки. Сашка ржёт, как подросток. Мама меняет камеру на бинокль и продолжает комментировать: -- А вот магнолии пошли, целая куртина! Смотри, какие цветочищи!

Азамат переспрашивает у меня значение её реплики, после чего заносит в блокнот слово "цветочищи" -- в тот же столбик, что "кошище" и "человечище". Последнего термина удостоился он сам, а кошище несколько минут назад вышло из леса поглядеть на наш поезд. Если до того мама всё страдала, что нельзя остановиться и пощупать палеоценовую растительность вблизи, то после явления местного хищника решила удовлетвориться съёмкой из окна.

-- Как же вы тут раньше жили? -- задаёт риторический вопрос Янка. -- Когда тут такие твари водятся...

-- Люди раньше были крупнее, -- доходчиво поясняет Азамат.

Янка на него неприлично выпучивается:

-- Что, ещё крупнее?!

Азаматова матушка покатывается со смеху.

-- О-о, о-о-о! -- вопит мама, щёлкая камерой. -- Я знаю, это древовидные папоротники!!

Мы с Сашкой и Янкой тоже прилипаем к стеклу и наблюдаем, как нам вслед машут исполинские папоротничьи вайи. Стекла на всех хватает: вагончик весь прозрачный, кроме пола. Азамат только посмеивается, глядя на наш энтузиазм.

-- Азамат, -- подзывает его мама, -- это дерево юг расти?

-- Нет, -- он мотает головой. -- Только здесь, в Великих Лесах.

-- Странно, -- мама стилусом черкает заметку на экране камеры.

-- А зима листья ронять?

-- Нет, -- подумав отвечает Азамат. -- Здесь близко море, а в нём недалеко действующий вулкан, и на дне много курильщиков. Вода тёплая, поэтому тут зимой не очень холодно. Снег редко выпадает.

Мама сосредоточенно его слушает и часто кивает. Общение явно идёт этим двоим на пользу в смысле изучения языков.

-- Э-эх, всегда мечтал залезть на секвойю, -- вздыхает Сашка, окидывая тоскливым взглядом пейзаж. -- Может, если на танке заехать, не сожрут?

-- Тут танк не проедет, -- серьёзно отвечает Азамат. -- На самом деле, иногда сюда заходят охотники, но только самые умелые и храбрые. Раз в год осенью собирается отряд добыть шкуру пятнистого льва или перья птицы-людоеда. Я, конечно, могу организовать, чтобы охотники взяли вас с собой, хотя они будут резко против, но это очень опасно.

-- Ой, да нет, что вы, Азамат, я не хочу на охоту!

-- Сюда вам лучше и правда не ходить, -- соглашается Азамат, -- а в обычном-то лесу можно и поохотиться. У нас, например, около Дола. Или вот к северу от Худула я знаю богатые места...

-- Нет-нет, я совершенно не хочу на охоту! -- пугается Сашка. -- Я ни стрелять не умею, ни по лесу ходить! И никакого удовольствия не получу.

Азамат приподнимает бровь.

-- Стрелять не умеете? А Лиза умеет...

-- Лизу этому в колледже учили, -- пожимает плечами Сашка. -- Да и вообще, она хирург, у неё рука твёрдая. А у меня служебное оружие самонаводящееся, мне никогда не нужно было.

-- Вот как, -- Азамат потирает нижнюю губу. -- И у вас это нормально, что мужчина не умеет стрелять?

-- Ну да, -- Сашка разводит руками. -- А зачем? Мы же не охотимся.

-- Не охотитесь... -- повторяет Азамат, осмысливая. -- А как же самооборона?

-- Для того есть вырубалки, -- объясняет Сашка. -- Знаете, всякие электрические, химические, ещё недавно новые изобрели... Они для близкого расстояния, стрелять не надо.

Азамат качает головой, бормоча что-то подозрительно похожее на "чудны дела твои, господи", и оставляет тему.

-- Глиптостробусы! -- возвещает мама от форточки.

Я оборачиваюсь посмотреть и замечаю между деревьями голову на длинной шее, меланхолично обкусывающую нижние ветки хвойника. Кисленького захотелось, э-э, лесному жирафику. Брр.

В Худуле я быстро нахожу извозчика для матушки. Из всей нашей компании мне это проще всего сделать, любой автовладелец хочет моего благословения на лобовом стекле. После прощания с Ийзих-хон Азамат приводит нас в трактирчик на окраине города. Там всего два посетителя: один курит что-то ароматное, другой попивает чай, листая новости в планшете.

-- Вылези моя борода, кого я вижу! -- восклицает трактирщик, выходя на звон поющего ветра у двери. Его седая борода такая длинная и густая, что вероятность её вылезания весьма невысока. -- Азамат-хян! Полжизни тебя не видел! -- он выставляет вперёд кулак для дружеского приветствия, но внезапно смущается: -- Ой, совсем забыл, старый дурень, к тебе ж теперь нельзя так запросто обращаться...

-- Можно, можно, -- улыбается Азамат и легко ударяет трактирщика по кулаку. -- Ещё не хватало тебе передо мной склоняться. Вот, лучше знакомься. Моя жена, её родичи и подруга. Ужин-то найдётся?

-- Ух, какие дамы! Птицы снежные, овечки юные! -- восхищается трактирщик, склонив голову набок. Потом приветствует нас традиционным поклоном и отвечает: -- А то как же! У меня может не быть завтрака или обеда и даже свежих сплетен, но ужин-то у меня есть всегда, ты ж меня знаешь! А для тебя, Азамат-хян, найдётся и особое угощение. Располагайтесь под фонариком, дорогие гости, я хочу на вас любоваться!

Он указывает нам на низкий столик под большим, ярко раскрашенным бумажным фонарём. Цветные блики падают на светлые перины-дифжир, на которых предлагается сидеть. Атмосфера совершенно сказочная.

Вскоре хозяин появляется снова во главе процессии из нескольких парней, очень на него похожих. Все они несут еду.

-- Будьте так добры отведать супа из речной акулы, печёных черепашьих яиц с грибной икрой и маринованных раков из самой реки Хинделин!

-- Да ты что! -- поражается Азамат. -- Где ж ты их взял?

-- Купил у одного рыбака свеженьких, да замариновал по своему рецепту. Думаю, будет случай, выставлю деликатесик, ан вот и случай подвернулся!

-- Ну садись тогда с нами, щедрый хозяин, поделись новостями. Это никак твои сыновья такие взрослые?

-- Они самые! -- трактирщик усаживается к нам и в пол-оборота представляет сыновей. -- Этих вот троих ты, небось, помнишь маленькими. А вот этого не застал уже.

Пока Азамат силится вспомнить старшеньких, Янка поднимает за клешню гигантского маринованного рака.

-- А что такого особенного в этой реке?

-- Я так понимаю, что Хинделин течёт в самой чаще Великих Лесов, -- говорю. -- Если уж в леса никто не суётся, то и в реку, наверное, тоже.

-- Туда можно заплыть с моря, -- объясняет Азамат. -- Но для этого нужно снискать позволение богов, иначе ни за что не выгребешь против ветра. У Великих Лесов очень грозные хозяева, и это главная причина, почему мы предпочитаем в них не соваться. Опасные звери, конечно, тоже отпугивают, но разгневанные боги -- гораздо, гораздо хуже.

Янка закусывает губу и принимается за суп.

-- Слушай, -- говорит она мне тихо, -- как ты с ним живёшь, если он в богов верит?

Сашка тоже наостряет уши, а мама слишком увлечена: трактирщик показывает ей, как разделявать рака.

-- Видишь ли, Яна, -- отвечаю тихо, но с расстановкой, -- в здешних богов довольно трудно не верить. Я одного знаю, классный чувак, обожает роллы с имбирём.

-- То есть они богами каких-то людей называют? -- уточняет Сашка.

-- Вроде того, правда, люди они специфические. То ли другая раса, то ли вообще иная жизненная форма. Мы всё-таки в очень далёкой галактике, фиг его знает... В любом случае, с этими ребятами не стоит ссориться.

-- Вкуснотища! -- радостно сообщает мама с полным ртом рака. Азамат извлекает блокнотик и вносит новое слово в столбец, где "темнотища" и "красотища".

Трактир оказывается постоянным двором -- над обеденным залом есть комнаты для ночлега. Несмотря на все уговоры Азамата,

тракторщик располагает нас бесплатно и выдаёт лучшие дифжир из собственного хозяйства.

-- Друг детства? -- интересуюсь у мужа, когда мы укладываемся.

-- Да, только он меня на двадцать лет старше. У его отца был детский клуб, в который я ходил, а Лентяй всегда для нас готовил. Потом, уже в последний год, что я тут жил, он построил этот трактор "У Лентяя". Он открывается не раньше полудня, да и закрывается не поздно, но еда у него самая лучшая, потому что по собственным рецептам. Он, знаешь, ленится всё по правилам делать, руками наломает, смешает и вперёд. А получается просто объедение. Да ты сама сегодня пробовала.

Я полностью согласна с оценкой.

Утром Азамат показывает нам Худул. Особых достопримечательностей тут нет, разве что дома все изукрашены особенно искусно, да река Рулмирн, да дивный вид на высоченные северные горы. Потом местные Старейшины ангажируют Азамата разрешить несколько сложных судебных дел, а мы в это время гуляем по городу. Я старательно увожу нашу компанию от того района, где живёт Арават. Не знаю, вернулся ли он из столицы, но повторно стравливать его с мамой мне не хочется.

Ближе к вечеру Азамат нанимает мужика с большим пассажирским унгуцем, мы располагаемся в просторном салоне и благополучно продрыхиваем до самого Дола.

На пороге дома нас встречает сторож с ружьём.

-- Ахмад-хон, в лес не ходите! -- гремит он вместо здарсьте. -- У вас тут демон завёлся.

-- Вы что, его подстрелили? -- с досадой спрашивает Азамат.

-- Не, пальнул пару раз, но не попал. Осторожнее, они такие мстительные твари...

-- Ой, ну что же вы... Я, конечно, сам хорош, надо было предупредить... Мы его специально подманивали, чтобы заснять для музея. Вот невезение...

-- Ох ты ж... Ладно, они наглые, если больше не пугать, скоро опять полезут. Тут и раньше демон жил, да я его пристрелил лет пятнадцать назад. Ох и хитрый был, зараза... А с тех пор не видел ихнего брата, видать, новый пришёл откуда-то. Ну я понял, больше

стрелять не буду! Не сердитесь на меня? Ну бывайте, хорошего отдыха!

Отдых у нас получается так себе. После божественной кормёжки Лентя котлеты из мороженого мяса кажутся безвкусными и камнем лежат в желудке. По крайней мере у меня. Мне как-то нервно. Во-первых, ребёнок не здесь, а в столице, что есть непорядок, но уж очень не хотелось его в поезде мариновать два дня. Зато теперь он там бедненький один, скучает. Конечно, с Тирбишем и полным дворцом слуг, но это же не то. Во-вторых, злюсь на сторожа. С этих муданжцев станется и по человеческим детям стрелять.

Азамат тоже ворочается, не спит. В доме тишина и темнота, только в лесу ночные птицы пищат. Наконец Азамат не выдерживает, садится на кровати и принимается шарить ногой по полу в поисках тапок. Я зажигаю свет.

-- Я тебя разбудил? -- спрашивает извиняющимся тоном.

-- Нет, заснуть не могу. Пошли, что ли, внизу посидим.

Азамат невнятно кивает, но с места не двигается.

-- Я вообще подумал сходить в лес попросить прощения. А то что-то мне не по себе.

-- Что, ночью?! Опасно же!

-- А днём не услышат. Демоны по ночам охотятся, в светлое время спят. Если уж идти, то ночью.

-- Но я же его днём видела!

-- Значит, вылез специально на тебя поглазеть. И я всё-таки не уверен, что это был демон. Сторож тоже вряд ли хорошо его разглядел. Он метко стреляет, значит, был далеко.

-- Если это был не демон, то причём тут, что демоны по ночам охотятся? -- ворчу я, натягивая футболку.

-- Кто бы он ни был, за сливками он приходил потемну. И извиниться надо, я прямо чувствую. Ты не волнуйся, у меня тут есть, как твой брат выражается, вырубалка. Я глубоко в лес не пойду, только покричу, кину сурчиную тушку и сразу домой.

-- У тебя эта вырубалка одна? -- спрашиваю, вставляясь в треники.

-- Лиза, тебе-то уж точно не стоит...

-- Никуда ты один не пойдёшь. Двоих одновременно хищный зверь не сожрёт, а если что случится, где я тебя искать буду? И потом,

меня-то этот демон знает, может, поверит.

-- Но ты без фонаря ночью по лесу не пройдёшь даже со мной за руку. А фонарь его отпугнёт.

-- Возьму инфракрасную камеру, буду в неё смотреть, у неё обзор большой.

Азамат качает головой, но понимает, что спорить со мной бесполезно, а запирать в комнате слишком хлопотно.

Камера довольно тяжёлая, приходится повесить её на ремень через плечо, зато экранчик большой, хорошо видно. Вырубалка выглядит просто как небольшой пистолет, её можно сунуть в карман. Азамат несёт в руке тряпичный мешок с освежёванной сурчиной тушкой и помахивает им, чтобы запах расходил. Мы заходим в лес по той же тропинке, по которой ходили за грибами. Метров через триста Азамат останавливается, кладёт перед собой мешок, складывает руки у рта и издаёт жуткое гулкое мяуканье. Я аж подскакиваю. Он взывает ещё несколько раз и жестом показывает, что надо отойти.

Метрах в пяти позади лежит поваленное бревно. Мы усаживаемся на него и принимаемся ждать непонятно чего.

-- А что это за звук ты издавал? -- спрашиваю шёпотом.

-- Манок на демонов, -- так же шёпотом поясняет Азамат. -- Отец научил. Говорил, они обязательно на него приходят. Посмотрим.

Мы сидим молча примерно полчаса, только пару раз Азамат встаёт отогнать от тушки какое-то мелкое зверье. Я поворачиваю камеру из стороны в сторону, стараясь разглядеть хоть что-то. Просто глазами видно только кусочки неба в ветках над головой, а остальное -- чернота.

Внезапно Азамат сжимает мою коленку и осторожно направляет камеру влево, на кусты. Увеличив изображение, я различаю среди листьев отражающие глаза, а потом когтистая лапа очень человеческим движением отодвигает куст в сторону. Азамат аккуратно жмёт на запись.

Демон выходит на тропинку и старательно принюхивается к тушке, не сводя взгляда с нас.

-- Прости, -- говорю громким шёпотом. Он вздрагивает и прижимает уши. -- Мы не хотели тебя обижать. Сторож просто испугался. Он тебя не задел?

Существо на тропинке пару раз дёргает головой, вроде как хочет помотать, но плохо получается. С его точки зрения я, наверное, странно выгляжу, смотрю-то не на него, а в камеру. Он делает ещё пару шагов на четвереньках к мешку и снова принохивается. Потом приподнимается и тарашится на Азамата.

-- Не злись на нас, -- тихо говорит тот.

Демон подходит совсем близко к мешку и осторожно трогает его передней, э-э, рукой. На экранчике камеры ясно видно, что никакая это не лапа, а нормальная человеческая рука.

-- Зачем? -- сипло спрашивает лесной житель, кивая на мешок.

-- Ну, не приходите же просто так, -- разводит руками Азамат. Парень отшатывается от этого жеста, но потом снова подкрадывается, быстрым движением распарывает мешок, впивается зубами в тушку и сигает куда-то вверх, мгновенно исчезая из вида.

-- Ого! -- выдыхает Азамат, останавливая камеру. -- Ну пошли, нечего тут сидеть.

Мы оставляем мешок лежать, где лежал, и быстро смываемся из леса, пока никакой местный хищник не решил проучить нас за наглость. Ближе к дому меня начинает разбирать смех, просто потому, что такая безумная вылазка удалась. Азамат выдерживает до дома, зато когда мы закрываем за собой входную дверь, складывается пополам от хохота. Хорошо, что у нас спальни звукоизолированы, а то бы весь дом перебудили.

-- Ну здорово! -- радуется Азамат, затаскивая меня в гостиную и включая бук. -- С ума сойти, я думал, ничего не выйдет! И ведь он правда говорящий!

-- Так ты теперь понял, демон это или нет?

-- Демон как есть. И уши, и когти, всё при нём. А что разговаривает... мы о них вообще мало знаем, видишь, даже фотографий в музее нет. Ну ничего, давай сюда камеру, теперь у них всё будет!

Глава 10

Последние несколько дней, что Сашка с мамой проводят на Муданге, мы все сидим в столице. На Азамата наваливается такая гора работы, что я его вообще не вижу, хотя вроде в одном здании сидим. Мама и здесь организует бурную деятельность: наводит марафет на остатки старого сада, среди которых построен дворец, а потом ещё

облагораживает Дом Старейшин, чтобы никому мало не показалось. Ещё она набирает с собой кучу электронных справочников по муданжским растениям с целью дома найти переводчика и их опознать. Сашка обещает в следующий раз прилететь с женой и детьми. Азамат ужасно доволен встречей с моими родичами. В космопорту мы всей семьёй учим Алэка махать ручкой на прощание.

А дальше всё возвращается в привычную колею: ребёнок, клуб, скучная работа за буком. Правда, работу по большей части удаётся спихнуть на Эсарнай. Пока у нас гостили мои родичи, с Эсарнай я почти не встречалась, зато на утро после их отъезда её пышные формы были первым, что я увидела, выйдя к завтраку. Алэк после кормления на рассвете отказался спать дальше, и я его выставила с Тирбишем гулять и завалилась обратно. А теперь, значит, вместо тихого завтрака в одиночестве у меня неожиданно светский приём.

-- О, -- говорю вяло, протирая правый глаз. -- Доброе утро. Как муж?

-- Ой, улетел вчера, -- невпопад отвечает Эсарнай, настолько отвлекшаяся на мой вопрос, что даже забывает поздороваться. -- Странный он какой-то. Сначала всё молчал и смотрел косо, потом устроил мне допрос, как я живу. А мне как раз в статье попалась цитата из какой-то земной книги, и я никак не могла понять, что она значит. Всю Сеть перерыла, даже в платной библиотеке зарегистрировалась, а толку ноль. И тут ещё Экдал со своими вопросами. Я ему и говорю, мол, тебя всё лето не интересовало, как я живу, чего теперь-то пристал, когда всё наладилось? Лучше бы, говорю, словари мне привёз, как я просила. А то наволок опять платины, как будто её на Муданге мало, а мне её и надевать-то некуда, потому что в обычный клуб я не хожу, у Хотон-хон никто украшений не носит, а муж меня никуда не водит и вообще видеть не желает.

-- А он что? -- спрашиваю нервно, мгновенно проснувшись. Похоже, мои миротворческие попытки всё совсем испортили...

-- Обиделся, -- жалуется Эсарнай. -- Говорит, я от тебя ничего не требую, даже детей не прошу, что ты меня попрекаешь? Ну, мне как-то неудобно стало за упрёки, действительно ведь он меня почти не трогает. Иной раз думаю, хоть бы попроставал, а то я уж и не помню, каков живой человек на ощупь. Ну и говорю ему: я, говорю, никогда

тебя не просила так ограничиваться. Хочешь детей -- давай детей, я хоть не одна тут в четырёх стенах сидеть буду.

Её прерывает слуга с завтраком.

-- Смелое решение, -- вставляю я, не зная, что ещё сказать. Мне приходила в голову мысль, что Эсарнай может пойти на пользу размножение, но я даже побоялась её обдумать, не то что высказать.

-- Вот и он тоже удивился, -- продолжает Эсарнай, вгрызаясь в тост с джемом. Теперь я поняла, почему она к завтраку пришла -- на Муданге джема не делают. Она, меж тем, продолжает: -- Сказал, мол, я не копил на ребёнка. А я ему -- мне твои деньги тут и тратить не на что, лучше натурой отдавай. Чтобы прилетал хотя б раз в месяц и три раза звонил, я бы хоть знала, что у меня муж есть. Он на меня так посмотрел странно и говорит: да, видно, тебе тут совсем плохо, если уж сама предлагаешь родить за спасибо. А потом посидел, подумал, и говорит этак остороженько: правда, что ли, я тебе так нравлюсь? Я отвечать-то не стала, отмахнулась только, но вы ведь знаете, у него лицо такое... Ой, в общем, зарделась я, как в первый раз его увидела.

-- Ну вы помирились? -- спрашиваю с надеждой.

-- Вроде того, -- Эсарнай мечтательно улыбается. Потом спохватывается: -- Ой, я самое важное-то не сказала! Я же пришла спросить, вы, наверное, умеете как-то узнавать, понесла женщина или нет? Да, и ещё, если всё-таки понесла, то пиццу можно? С ветчиной?

Положительный тест мою гостью обрадовал, после чего я отдала ей остатки джема и отправила восвояси, пока её обильное слюноотделение не испортило мне ковёр. Похоже, Экдалу придётся привезти для жены с Гарнета повара, потому что сама она к плите теперь уж точно не встанет, а полуфабрикаты я ей категорически запретила.

Однако у меня самой возникла пара вопросов к специалисту. А именно, к Ирнчину. И буквально эти вопросы звучат: где мой домофон и какого рожна гости ко мне являются раньше, чем я проснулась?!

В Ирнчина я почти врезаюсь на пороге его кабинета.

-- Хотон-хон, -- приветствует он меня лёгким кивком. -- Я как раз шёл к вам. Капитан мне передал ваше предложение провести видеофон в вашу гостиную, но разработка оборудования заняла некоторое время. Теперь всё готово, пойдёмте, я лично поставлю.

-- Разработка? -- моргаю я, пятясь. -- А купить было не проще?

-- Не проще, -- хмурится Ирнчин, выдвигаясь на меня и закрывая дверь. -- Система безопасности дворца должна быть абсолютно уникальна. Все приличные охранные системы сейчас делаются на Арее, а нам совершенно не нужно, чтобы ареяне смогли вскрывать наши замки. Не беспокойтесь, наша система качественная и отлаженная.

Когда мы доходим до жилой части, Ирнчин просит у меня пульт от комнаты, с него вызывает на стене у чайного столика гравитонный крепёж и прилепляет к нему извлечённый из кармана плоский прозрачный экранчик, аккуратно его выравнивает, чтобы не косо висел, после чего нажатием кнопки на пульте увеличивает гравитонный поток настолько, чтобы экранчик нельзя было оторвать человеческими силами.

-- Всё очень просто, -- говорит он, оживляя экранчик двойным постукиванием. -- Отсюда вам видно парадный вход, отсюда чёрный, -- он пролистывает изображение вправо. -- Если нужно видеть сразу оба, стяните их пальцами одновременно. Если захотите посмотреть покрупнее, можно вывести на любой другой экран через общую сеть, но разрешать вход можно только с этого устройства. У дверей установлен умный датчик движения, по сигналу которого этот экран будет включаться и звонить. Вот здесь можете настроить громкость звонка, мелодию, отключение на ночь... всё как везде. Допуск осуществляется вот таким движением, попробуйте.

Я несколько раз тыкаю в экран с поворотом, и шайтан-машина приятным мужским голосом сообщает мне, что "дверь открыта", а после минутного простоя, что "дверь закрыта".

-- Вот здесь вы можете удлинить или сократить время открытия двери, для каждого отдельного визита или постоянно. Очень вас прошу не выкручивать на максимум, это всё-таки делается для вашей же безопасности, -- строго добавляет Ирнчин. -- Если хотите, я могу открыть доступ на вашем телефоне, чтобы, находясь не дома, вы всё равно могли бы впускать гостей. Мне эта идея не очень нравится, но капитан попросил, при условии, что вы будете всегда держать телефон при себе и запароленным.

-- А мне его паролить не нужно, -- усмехаюсь. -- У меня в нём все меню на родном языке, и сменить его нельзя. Это мне Азамат так сделал. Теперь кроме него никто там ничего не найдёт.

Ирнчин задумывается на секунду, потом нехотя принимается ковыряться в моём телефоне. Моя защита срабатывает: пункты меню выстроены по алфавиту того языка, на котором они написаны. Ирнчин ухитряется методом тыка найти дворцовую сеть и загрузить необходимые приложения, но на установке обламывается полностью. Приходится ему помогать. Зато теперь он верит, что никто чужой моим телефоном не воспользуется.

-- Да, ещё один важный момент. Вот через это меню, -- Ирнчин снова переходит в управление на стенном экране, -- можно связаться с офисом охраны и потребовать удалить посетителя от дверей или из любого другого места дворца.

-- А потребовать сказать посетителю, что я сплю, можно? -- хихикаю я.

-- Можно, -- серьёзно кивает Ирнчин. -- Я рассмотрел вашу жалобу и перенабрал штат охраны, так что теперь все вежливые, и ещё сделал им строгое внушение слушаться вас как самого Императора.

-- Вот это отлично! -- радуюсь я. -- Спасибо тебе, дорогой Ирнчин, ты как всегда оправдал моё доверие! Нет, правда, классно всё продумано.

Ирнчин меня знает и кланяется только после последней фразы, которая была всерьёз.

-- Уверены, что не хотите телохранителя? -- уточняет он напоследок.

-- Теперь-то зачем? -- пожимаю плечами.

Он качает головой и уходит.

У Азамата в последнее время дел невпроворот. Оказывается, при старых Императорах была такая форма отчётности населения -- Император со свитой нагрывал с неожиданной проверкой в какой-нибудь занюханный угол континента, посмотреть, как наместники справляются, помочь советом или делом, ну и для себя составить представление, какие в глубинке проблемы. В те давние времена Император при этих визитах ещё и налоги собирал, но после смерти Аэды эта обязанность легла на Старейшин, и Азамат не спешит что-то менять. Старейшины-то всё время на местах сидят, так что срок отчисления налогов можно установить, чтобы все заранее готовились. А копить весь год, не зная, когда появится Император -- это как-то уж очень нервно. Да и потом, Азамат считает, что сбор налогов портит

имидж, а ему для присмотра за заместителями нужно доверие населения.

Так вот, сейчас они со Старейшинами реанимируют эту программу, а заодно стараются разрешить как можно больше неотложных проблем, пока Азамат ещё никуда не уехал. Мне остаётся только отдыхать на природе и ждать, пока у него кончится аврал. В поездках я его буду сопровождать, вот тогда и наобщаемся.

На Доле начинается настоящая осень, по склонам гор вдоль побережья становится хорошо видно, где лес хвойный, а где -- широколиственный и от этого окрашенный во все тёплые цвета спектра. Самая большая перемена, пожалуй, -- это тишина. Весной и летом тут непрерывно верещали самые разные птицы, а теперь вот тихо. Только изредка, раз в несколько дней высоко в небе протащится неторопливый косяк чего-то перелётного с унылым клёкотом, да и всё, больше никаких звуков. Во всяком случае, днём. Ночью, по контрасту, становятся слышны загадочные скрипы, шорохи и тьяканья, предположительно издаваемые лесными млекопитающими. Окна я закрываю поплотнее и завешиваю шторами, да и дверь комнаты частенько запираю: у Алэка под боком Тирбиш обитает, а мне одной как-то жутковато.

В целях успокоения паранойи я каждый вечер обязательно выставляю к скале банку со сливками или маслом -- авось, демон откушает и не пошлёт за мной свою лесную дружину. Наутро банка всегда пустая и чистая. Судя по всему, лесной житель её вылизывает, а потом споласкивает. Я пыталась наскрести со стенок материала на анализ ДНК, но ничего не наскреблось. Может, он небелковый? Но тогда зачем ему сливки?

Запись нашего ночного приключения Азамат отдал специалистам почистить и прояснить, а затем послал в музей вместе с большим экраном, на котором её можно постоянно крутить для удовлетворения любопытства зрителей. Правда оказалось, что на камере был выключен звук, поэтому ни наши реплики, ни голос демона не записались, но так, по-моему, даже лучше. Нечего кому попало слушать, как мы извиняемся. Долхотские Старейшины, конечно, такой экспонат высоко оценили, а вот Унгуц, не любящий оставаться в стороне, когда все занимаются какой-нибудь интересной мистикой, намекнул Азамату, что если бы мы этого демона

прикормили, то можно было бы и получше заснять. Или нарисовать. А то вот уже пора переиздавать пресловутых "Шакальих детищ", а в старом издании изображение демона делал какой-то охотник, не сильно одарённый изобразительным талантом, зато сильно напуганный. То есть, клыки, когти и шерсть во все стороны, как иглы дикобраза.

Для зарисовок с натуры Азамат направил ко мне Бэра -- кого ж ещё? -- на казённом унгуце с пилотом, от чего Бэр, никогда раньше не летавший на унгуцах, был в полном восторге и за четыре часа пути исчеркал набросками пейзажей два блокнота.

-- Представляете, -- рассказывает он нам с Тирбишем за обедом, -- мне даже пришлось отказаться от двух заказов! Со мной такого никогда раньше не было! Но тут то книги, то демоны, то столичные красотки, а я всё-таки не могу, как Ахмад-хон, круглые сутки работать. Вот, пришлось двух клиентов другу передать, потому что уже никак не вмещались. Я и здесь-то самое позднее до завтрашнего вечера, потом за мной прилетят -- и домой, а то послезавтра опять чью-то жену на сносях рисую, откладывать нельзя...

Поскольку днём демон не является, то после обеда мы с Алэком и Тирбишем сводили художника за грибами (тоже чрезвычайно живописными), а потом оставили в покое разбираться со свежими эскизами. Ближе к вечеру я перевела окна в прихожей в односторонний режим и усадила Бэра с биноклем наблюдать, как наш лесной приятель приходит за лакомством. Снаружи через окно не видно не только Бэра, но и лампы над его мольбертом. Демона же наш портретист рассмотрел хорошо, а потом ещё утром встал и пронаблюдал возвращение банки. Половину следующего дня Бэр трудится над красочным полотном, которое должно занять целую страницу в большеформатной новой энциклопедии. Тирбиш периодически подходит заглянуть через плечо и передёргивает плечами.

-- Как подумаю, что тут такое водится, так и хочется вас с князем в охапку подхватить -- и в столицу бегом! -- замечает он мне потихоньку на кухне.

-- Если бегом, то по дороге ещё десяток таких встретишь, -- усмехаюсь я. -- Да ладно, не переживай, он же не агрессивный. Милый такой мальчик, мало ли что демон...

Вечером Бэр представляет нам своё творение: мой лесной знакомый осторожно вылезает из густого лесного подростка на открытое место, обеспокоенно озираясь и растопырив уши-локаторы. Одна рука, которой он отодвигает ветки, вполне человеческая. Другая, немного выставленная вперёд, мохнатая и с когтями, на случай неожиданной встречи. Вид одновременно грозный и милый: сосредоточенная мордочка, пушистые уши, подростковая костлявость. Хочется погладить по голове и покормить. Ну, мне во всяком случае. Тирбиш тихо молится.

Осень на Муданге длиннее, чем на Земле и весьма беспорядочная. То дождь, то снег, то вдруг опять солнце и всё тает, и жарко -- хоть купаться иди. В плохую погоду на унгуце летать паршиво: его то и дело прибывает к земле дождём, и он тут же переоценивает свой вес, снова набирает высоту и подскакивает, так и летишь, прыгая вверх-вниз на пару метров каждые несколько секунд. Можно, конечно, подняться над облаками, но тогда не видно, где летишь, а навигатор в плохую погоду тоже паршиво работает. Так что в столицу я выбираюсь редко, в основном сижу дома с мелким или -- в хорошую погоду -- гуляю с ним по лесу, привесив спереди ребёнка, а сзади корзину для гигантских осенних грибов. Поедатель сливок днём не показывается, видимо, и правда спит. Пару раз казалось, что в кустах мелькнул рыжий хвост мангуста, но с уверенностью ничего сказать не могу, под ногами листья всех оттенков, тут родную бабушку увидеть можно, не то что рыжий хвост.

Яна пересиживает плохую погоду в столице, хотя, кажется, погода -- только предлог, под которым можно заниматься делами амурными, не привлекая внимания. Она даже ленится лететь на Дол, чтобы сделать Алэку прививки, так что приходится мне мотаться. Впрочем, чем ближе к зиме, тем яснее небо, хотя уже ощутимо подмораживает. Тирбиш просится до зимы повидаться с семьёй, поэтому в очередной раз мы прилетаем все вместе.

Живёт Янка в примечательном здании, которое для земных целителей специально спроектировал Онхновч, считающийся одним из лучших инженеров по жилым зданиям. Задумка "больницы" примерно такая же, как у нашего дворца -- одна половина жилая, вторая рабочая. Правда, в данном случае здание поделено

горизонтально: на первом этаже кабинеты и оборудование, на втором живут врачи.

Яна среди земных врачей -- единственная женщина. Азамат предпочёл набрать в основном мужчин, чтобы у населения шаблон порвало не прямо сразу, а потихоньку-полегоньку. Да и страшновато было нашим девушкам лететь невесть куда на дикую планету. Та же Янка благополучно всем растробила про милую муданжскую традицию выдавать замуж симпатичных сотрудниц.

Никто теперь в этом, конечно, не признается, но по муданжским меркам Яна ещё красивее меня. Она невысокая, рыжая (что муданжцам, не слишком просвещённым в книжном деле, гораздо привычнее, чем блондинка), пухленькая и любит приодеться. И голос у неё низкий и проникновенный, что здесь считается для женщины очень красивым. Она, правда, не поёт, но её всё время пытаются на это подбить. Певцов мужского пола они при этом предпочитают от тенора и выше, такая вот инверсия. В общем, ничего удивительного, что десяток муданжских парней, по году торчащих в космической глубинке, соблазнились на этот подарок судьбы.

Как выяснилось, к команде она оказалась приписана, потому что тамлинги сочли врача элементом охраны, а охраняли летучий ресторан тамлингской кухни муданжские наёмники под руководством Папаши Огнемёта, и они, конечно, всецело поддержали идею включить в штат земную красотку. Янка, поскольку ничего дурного не подозревала и, наоборот, наслушалась от меня воплей про то, какие муданжцы классные, тоже согласилась. А ребята на неё пооблизывались-пооблизывались, пару раз за неё подрались и пришли к выводу, что единственный способ сохранить команду -- это предоставить девушке выбор. И то сказать, все отборные воины, красивые, богатые, чего она обижается? Имена на "я", "ю", "е" и "йи" на Муданге считаются амбивалентными, то есть, человек с таким именем волен сам выбирать себе судьбу и пару. Среди наёмников правила имён не так почитаются, но и на планете Янкино имя позволяет ей выйти замуж за абсолютно любого мужчину безо всяких нареканий среди общественности. Вот ей и предложили выбрать из всех. А она перепугалась, выхватила пушку, которую носила для самообороны, постреляла не глядя, чтобы всех распугать -- и дёру до шлюпки. Умотала на ближайшую жилую планету, еле заряда хватило. Хорошо ещё, что корабль был

тамлингский, а то в управлении мударанжской шлюпкой она бы ни за что не разобралась.

Папаша Огнемёт со своей командой от Муданга отделились совсем, никто из них даже не побывал здесь после изгнания джингошей. Тем не менее, Азамат так чётко побеседовал с Папашей, что тот обещал больше никогда не вспоминать о славной свадебной традиции. Не знаю уж, чем мой муж ему пригрозил, но пока действует.

Янка ждёт меня в своём кабинете, нога на ногу сидя в высоком крутящемся кресле, и подпиливает ноготь. Из рыжих волос, завязанных в пучок, высоко торчит длинная деревянная заколка. Всё вместе очень похоже на рюмку коктейля на высокой ножке и с вишенкой.

Алэк при виде любимого врача радуется и принимается сучить ножками. Янка умеет обращаться с мелкотнёй так, что у них не начинается приступ паники от одного подозрения, что сегодня надо к врачу.

-- Привет, -- говорю, сгружая чадушку на осмотровый столик.

-- Сама привет, -- кивает Янка, допиливая ноготь. -- Щас, секунду, а то цепляться будет.

На ней белый халат, только какой-то странный. Через пару секунд до меня доходит, что он с глубоким декольте.

-- Это куда ж ты так вырядилась, мать? -- удивляюсь я. -- К тебе всё-таки дети ходят.

-- Сегодня только твой, а ему пока всё равно, -- она наконец откладывает пилку и спрыгивает со своего насеста, тряхнув бюстом. Я морщусь от одной мысли, насколько это должно быть неприятно, при её-то размерах. -- У меня зато после тебя один взрослый мальчик записан, а его обязательно надо отвлекать от происходящего, иначе сразу начинает рассказывать, что он здоров и лечить его не нужно.

-- Только один? -- фыркаю я. -- Мне казалось, мударанжцы все такие.

-- Да, но только одного я согласна отвлекать такой ценой, -- ухмыляется она, поправляя вырез. -- Ну ладно, как твой богатырь? Голову держит?

-- Понемножку держит. А если не секрет, что это за взрослый мальчик?

-- Секрет. А с боку на бок поворачивается?

-- Да давно уж, а при Азамате вообще всё время вертится. Видимо, энергия заразная. Так почему секрет? За мной вроде не водится дразниться, да и вообще...

-- Он просил, -- с серьёзным лицом поясняет Яна. -- Мы очень трепетные и не хотим преждевременной огласки, а то вдруг это испортит репутацию даме, то есть, мне, -- она корчит рожу и грубо гыгыкает, отчего Алэк, изучавший простынку, тут же оборачивается и замирает.

-- Ишь ты, -- кивает на него Яна. -- Вот это я понимаю, нормальное земное развитие. А то здешние дети -- это нечто. Самые скороспелые маму начинают узнавать к трём месяцам.

-- А папу? Или няню? Я хочу сказать, муданжские мамы сами своих детей хорошо если к трём месяцам узнавать начинают, и то неохотно.

-- Это да, -- кривится Янка. -- Но дети тут вообще медленнее развиваются, даже те, у кого сознательные папы, начитавшиеся твоих статей про игры и гимнастики. Кстати о гимнастике... Кто Ориве порнухи надавал?

-- Почему порнухи? -- фыркаю я. -- Образовательных видео по сексологии! Снятых, между прочим, хорошей студией. Я знаю их консультанта, нормальные ребята, не фантазируют, не передёргивают.

-- Отпирайся-отпира-айся, -- хмыкает Янка. -- У нас тут как-то в дождливый день три пациента отменились, я пошла к себе кофейку выпить, а Орива тут сидела с буксом. Возвращаюсь, гляжу -- сидит. В зубах палец, физиономия красная-красная, ещё попискивает время от времени и ладонью глаза закрывает. Ну всё, думаю, накурилась девочка. А оказалось, это она твоё "обучающее видео" смотрит, а там всё так стыдно, ах, так стыдно, ах-ах-ах, а выключить никак нельзя!

-- Ну, а как она ещё может реагировать, если тут коленка -- уже стыдно? Ничего, пускай краснеет. Авось, правильные мозговые центры заработают, или что тут у этих муданжек поломалось... Ладно, ты дело делать будешь или только разговоры разговаривать? У меня вон клиент уже весь извёлся, убери пробирки с видного места, а то он обожает их сосать!

Я остаюсь в столице на некоторое время, пока Тирбиш не освобождается. Здесь не так холодно, как на Доле, хотя тоже видно, что дело к зиме. Азамат по-прежнему пашет за четверых, не

отвлекаясь на глупости, и терпение моё в связи с этим заметно истончается.

Когда у Тирбиша заканчиваются семейные празднества, я отправляю его выгуливать Алэка, а сама забегаю на склад медикаментов пополнить запасы иммуностимулянтов, которые так хорошо идут осенью. Алэк не любит аптечный запах, который неизбежно стоит на складе, так что с ним я туда предпочитаю не таскаться.

По пути обратно, однако, я встречаю на улице мрачного Алтонгирела. Решаю подойти поговорить. Я его не видела с тех самых пор, даже не знаю, полетел он с моими родичами на Гарнет или нет и когда вернулся. Решительно перехожу улицу, чтобы оказаться с духовником лицом к лицу.

-- Всё хандришь? Как здоровье?

-- Не жалуюсь, -- угрюмо отвечает он, но сбежать не пытается. -- У тебя как семейная жизнь?

-- Тоскливо, -- сетую. -- Жду -- не дождусь, когда уже у Азамата эти объезды начнутся, а то не вижу его совсем.

Алтонгирел поджимает губы и рассеянно кивает.

-- Ты по-прежнему с ним не разговариваешь? -- интересуюсь. Он кивает. Я скрещиваю руки на груди. -- Бедный Азамат. Сидит тут один, пашет круглосуточно, семью не видит по нескольку дней, так ещё и лучший друг объявил забастовку.

Алтонгирел тяжело вздыхает и отводит меня за угол в какой-то проулок, подальше от посторонних глаз.

-- Ты бы знала, в чём дело... -- запальчиво начинает он, но сникает.

-- Так скажи.

-- Не могу.

-- Я понимаю, что тебе не положено, но хоть намекни! Ты же знаешь, мне можно доверять секреты.

Он смотрит на меня со вселенской грустью и мотает головой.

-- Я не потому не могу, что запрещено, а потому, что ссора с тобой его совсем подкосит. Он совершил отвратительный поступок, но он по-прежнему мой друг, и я сделаю всё, чтобы он не пострадал от последствий.

-- Какой поступок-то? -- недоумеваю я. Не верится, чтобы Азамат в сознании и трезвой памяти мог совершить что-то настолько ужасное, чтобы Алтошу покорило.

-- Ты, Лиза, всё ему прощаешь, -- уклончиво отвечает духовник.
-- Вот и это прости, не вдаваясь в детали. Забудь, и вам обоим будет легче.

-- Довольно трудно забыть то, чего не знаешь, особенно когда твоё поведение всё время об этом напоминает, -- замечаю.

-- Я постараюсь с собой справиться, -- вздыхает Алтонгирел, зажмуривается и трёт переносицу. Похоже, и правда что-то серьёзное, раз он даже при мне не делает хорошую мину.

-- Да уж постарайся, -- соглашаюсь. -- Мы с тобой оба знаем, что Азамат хороший человек, и если он что-то делает не так, то не со злым умыслом. Скорее всего, это какая-то ошибка, пусть трагическая, но он не нарочно. Наверняка даже ты не знаешь всех обстоятельств... Не суди преждевременно.

-- Да-да, -- охотно кивает Алтоша. -- Вот так и рассуждай. И не копай. Я скоро перестану на него обижаться, и всё снова будет хорошо. Вероятнее всего, ничего не было, я просто напутал.

Алтонгирел довольно неубедительно врёт, и всегда делает это в слишком очевидной ситуации.

-- погоди, -- говорю. -- Ты сказал, ничего не было? Но я думала, речь шла о будущем? Или это будущее уже наступило, а я и не заметила?

Духовник хватается за голову.

-- Боги, Лиза, да оставь ты эту тему в покое! Не было, не будет, тоже мне книжник нашёлся! Забудь, как сон! Ну хочешь, я завтра к вам на ужин приду? Только забудь, пожалуйста!

-- Приходи, -- пожимаю плечами. -- Азамат будет рад.

Но Алтонгирел, ретирующийся со сверхзвуковой скоростью, меня уже не слышит. Надеюсь, и правда придёт, Азамату хоть полегче станет.

Впрочем, до этого самого ужина мир успеваешь повернуться вокруг своей оси на триста шестьдесят градусов, да и Азамату становится не до Алтошиной обиды.

Я вытаскиваю мужа из кабинета, пригрозив двум Старейшинам повыдергать бороды, если они не дадут мне с ним пообщаться, но едва

мы садимся за обеденный стол, Азамата дёргают по мобильнику. Он сначала удивляется, потом радуется, потом расстроено говорит, что вот прямо сейчас очень занят, потом удивляется ещё раз и в конце концов соглашается куда-то пойти.

-- Надолго? -- вздыхаю я, копаясь ложкой в тарелке.

-- Боюсь, что да. Что-то серьёзное.

Я сникаю. Если так и дальше пойдёт, устрою этим паразитам кровавую революцию. Как они жили, интересно, без Императора двести лет? Или соскучились, что ездить не на ком?

В гордом одиночестве заканчиваю обед. Я-то надеялась хоть вечер с мужем провести, а у него опять что-то срочное. Нет, ну куда это годится -- на меня времени не находит, не говоря уж о ребёнке, а ещё второго хочет! Неужели нельзя как-то переставить приоритеты, найти заместителя, в конце концов, не маленький же, умеет распределять ответственность!

Внезапно входит Азамат. Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь язвительное, и давлюсь собственным ядом. Муж бледный, глаза лихорадочно блестят, шрамы по контрасту как будто ярче обычного, входит нетвёрдой походкой, как зомби. Я вскакиваю, кидаюсь к нему.

-- Что такое? Что случилось?

Азамат смотрит на меня так, будто сейчас расплечется, потом обнимает крепко-крепко, прижимается всем телом и долго не отпускает, сбивчиво дышит мне в волосы. Я глажу его по спине и терпеливо жду, пока успокоится. Успокаиваться он не спешит. Даже отпустив меня и сев на диван уставляется в пол с таким трагическим видом, как будто потерял последнюю надежду, не знаю уж, на что.

-- Лиза, я должен тебе кое-что рассказать, -- убитым голосом произносит он. -- Алтонгирел не хочет, чтобы ты знала, но я не смогу скрывать от тебя...

-- Да уж, расскажи, пожалуйста, -- подбадриваю, потому что он явно вознамерился крепко задуматься посреди фразы.

-- Помнишь, -- начинает Азамат медленно говорить, взвешивая каждое слово, -- перед тем, как меня изгнали, у меня была невеста?

Я киваю. И уже начинаю догадываться, к чему идёт дело.

-- Последний раз я её видел за день до прощания с Мудангом. Она едва взглянула на меня, сразу разорвала все обещания и заявила, что знать меня не желает. Я всегда думал, что она на самом деле и не

собиралась за меня замуж, и уж конечно такая фифа, как Алансэ, не стала бы мне помогать избежать изгнания.

Он умолкает, и я принимаюсь удить дальнейший рассказ.

-- Надо понимать, теперь она осознала свою ошибку и хочет всё обратно?

-- Нет, она знает, что обратно ничто не вернётся. Она и сама давно вышла замуж за другого человека.

-- Тогда в чём дело? Давай говори уже, мне хватило Алтонгиреловых секретов, ещё из тебя слова тянуть.

Азамат вздыхает, набирает в себя побольше воздуха и на одном дыхании выговаривает:

-- Когда мы расстались, она была беременна моим ребёнком и родила его.

Ну, я-то не удивлена. Мне всегда трудно было поверить, что у Азамата по разным концам вселенной не припрятан десяток детей. Не очень понятно, правда, на что эта красуля надеялась.

-- И чего она теперь хочет?

Азамат пожимает плечами.

-- Какая разница.

Я шлёпаю его по руке.

-- Аллэ! Что значит "какая разница"?! Ты же сам говорил, что у вас внебрачный ребёнок -- это катастрофа. Твоя фифа пришла тебя шантажировать, я правильно понимаю?

-- Да, но это не важно. Заплатить ей не проблема. Как я буду жить с таким срамом на совести -- вот вопрос.

-- Интересное дело! Она тебя кинула, ни словом не обмолвившись о беременности, а тебе срам! Это как это так получается?

-- Она не знала...

-- Ну конечно, а когда узнала, прямо не придумала, как с тобой связаться. И вообще, почему было не сделать аборт, если рожать не от мужа так стыдно, а?

-- Денег не было наверное...

-- А то бы ты ей не дал, если б попросила!

-- Я не знаю! -- слегка истерично перебивает Азамат, вскакивает и принимается мерить шагами комнату. -- Я плохо слушал, что она

говорила, только понял, что есть ребёнок, фотографию видел -- похож на меня...

-- Так. Азамат, успокойся и сядь, -- тяну его за рукав. -- Где сейчас эта женщина?

-- У Алтонгирела. Он её не выпустит, пока я не решу, что делать, -- Азамат садится и запускает пальцы в волосы. -- А я не знаю, что делать!

-- Ш-ш-ш, -- обнимаю его за плечи. -- Тихо-тихо, всё уладится, только уймись. Впадать в панику -- не твой стиль.

Азамат внезапно поднимает голову и смотрит на меня, как будто только что заметил.

-- Лиза... Ты... не сердись?

-- А мне-то на что сердиться? -- фыркаю я. -- Это ж было хрен те когда, я была маленькой девочкой и о твоём существовании даже не догадывалась.

-- Да, но я так опозорился! На тебя обижался за предположение, а оказывается и правда, как последний пропойца, до свадьбы не дотерпел...

-- Азамат, радиостанция на бронепоезде! Я сама внебрачный ребёнок, и Сашка тоже. Мне казалось, эта тема давно закрыта. Если кто тут на тебя и сердится, то только ты сам, и то совершенно беспочвенно.

-- Ты -- внебрачный ребёнок? -- удивлённо хлопает глазами. Я начинаю нервничать.

-- Мне казалось, мы это сто раз обсудили ещё на корабле. Я тебе говорила, что у меня нет и никогда не было отца.

-- Да, да, -- кивает, вспоминая. -- Я тогда подумал, что у землян, должно быть, как-то по-другому устроено зачатие... Так что же, твой отец не женился на твоей матери?

-- Я думаю, он её даже никогда не видел, -- нервно хихикаю. -- Сдал сперму в фонд, а кто её использовал, ему не скажут.

Азамат устало трёт лицо руками.

-- Так значит, ты не сердись, -- резюмирует он.

-- Только на общий идиотизм ситуации.

-- Ладно, -- он встряхивает головой и глубоко вдыхает. -- Тогда можно жить дальше. Алансэ хочет денег, участок под дом в столице и

важную должность для мужа. Она сама из Худула, но сейчас живёт где-то в глуши.

-- И что теперь, ты до конца дней будешь ей платить? Или Алтонгирел может похимичить, чтобы она сдержала обещание молчать?

-- У Алтонгирела идеи довольно кровожадные. Я, правда, просил его ничего не делать без моей команды, но думаю, нам лучше сейчас пойти туда.

Я быстро накидываю тёплый диль и выскакиваю из дома вслед за Азаматом. На ходу соображаю, куда прятать тело и есть ли у меня здесь отбеливатель, растворяющий кровь.

Подойдя к двери Алтонгирелова дома, Азамат не стучит, а звонит на мобильник. Духовник открывает, опасливо оглядываясь, но тут замечает меня, и сникает. Пропускает нас внутрь, закрывает дверь на несколько замков.

-- Я ей всё рассказал, -- с нажимом сообщает Азамат.

-- Как я мог только предположить, что ты действительно пошёл подумать, -- ядовито отзывается Алтонгирел. -- Ну что, доволен теперь? Мне ставить звездолёт на низкий старт? У нас больше нет Императрицы?

-- Прекрати нести чушь, -- перебиваю я. -- Ты нам всю осень трепал нервы вместо того, чтобы внятно рассказать, что тебе там приключилось. Давно бы уже решили эту проблему.

-- Приключилось?! -- рывкает Алтонгирел. -- Ты хоть представляешь себе, какое это дивное ощущение -- оказаться в её голове и слушать её поганые мыслишки о вымогательстве! Причём не в будущем, а в тот самый момент! -- он осекается, понимая, что сболтнул лишнего.

-- Хорошо, прости, я понимаю, что предсказание было неприятное. Но зачем ты молчал? Атмосферу нагнетал, что ли?

-- Просто не хотел ускорять неизбежное, -- мрачно отвечает Алтонгирел.

Я тихо ругаюсь.

-- Душечка, в следующий раз когда решишь сделать для нас что-то хорошее, подумай дважды и сделай строго наоборот. Очень тебя прошу.

-- Лиза, Лиза, не кипятись, -- Азамат опускает мне руку на плечо. -- Алтонгирел хотел как лучше. Ничего ужасного не случилось от того, что он промолчал. Всё равно бы пришлось с этим разбираться рано или поздно.

-- Ну да, только он три месяца с тобой не разговаривал, а так фигня, конечно.

-- Он бы со мной не разговаривал, даже если бы выложил всё сразу. Не злись на него, рыбонька.

Алтонгирел таращится на нас круглыми глазами.

-- Так вы даже не поссорились? -- изумлённо выдаёт он.

-- А ты так этого... -- начинаю я, но Азамат закрывает мне рот моим же воротником.

-- Лиза-Лиза-Лиза, не надо! Пожалуйста, милая, и так все на нервах. Алтонгирел, давай мы с ней побеседуем, решим, как быть.

Духовник пожимает плечами, принимает независимый вид и ведёт нас в глубь дома. Муданжцы не строят храмов богам, но дома духовников выполняют схожую функцию: везде какие-то финтифлюшки висят обрядового назначения, благовония благовоняют, и таинственный полумрак.

Даму Алтоша запер в кухне, которая выглядит вполне обычно, только в ней совсем нет окон.

-- Алансэ, -- представляет её Азамат. -- Это моя жена, Лиза. Ей захотелось с тобой познакомиться.

Алансэ -- очень красивая женщина, хотя возраст на ней сказался. Если не обращать внимания на морщинки, лицо просто точёное, можно с неё Клеопатру рисовать. Правда, формы не совсем подходящие, дама в теле, хоть и не чрезмерно. На выдающемся бюсте свободно разложены несколько рядов каменных бус, недлинные слегка завитые волосы украшены нитями самоцветов, строгий диль глубокого зелёного цвета с лёгкой вышивкой -- по муданжским понятиям, деловой костюм. При нашем появлении она не встаёт, хотя сильно удивляется, когда Азамат меня представляет. Не ждала, небось, что он меня приведёт.

-- Я думала, у Хотон-хон гласное имя, -- низким напевным голосом изрекает она.

-- Гласное, -- не спорит Азамат. -- Ума не приложу, зачем бы тебе его знать.

Алансэ кивает и вежливо улыбается, оставляя тему. Азамат садится на лавку напротив неё, я присоединяюсь, а Алтонгирел занимает позицию стоя у торца стола. Всё это происходит в молчании.

-- Давай обсудим твои требования, -- предлагает Азамат, скрещивая руки на груди.

Алансэ молчит, рассматривая меня, потом замечает:

-- А жену ты привёл, чтобы продемонстрировать своё бедственное положение? В бюджете страны нет денег на бусы?

Я смеюсь от неожиданности и идиотизма этого комментария, но Алансэ не оценивает юмора.

-- Она не сочла нужным наряжаться ради тебя, -- противным голосом сообщает Алтонгирел.

-- Нет, правда, зачем она здесь? -- дама обращается к Азамату, указывая на меня небрежно изогнутой рукой.

-- Мне было интересно, -- отвечаю сама, -- как так получилось, что вы родили этого ребёнка. Если я правильно понимаю, для вас внебрачный ребёнок не менее унизителен, чем для Азамата.

Алансэ бросает изумлённый взгляд на Азамата -- явно не ожидала, что он мне всё расскажет, -- но быстро справляется с собой и улыбается.

-- Думаете, я блефую и постесняюсь огласки? Нет уж, справедливость должна быть восстановлена. Конечно, для меня это тоже позор, но не прятаться же вечно. Я не могу допустить, чтобы человек с таким пятном на совести был Императором Муданга. Боги мне этого не простят. Если ему и суждено стать родоначальником новой династии, пускай искупит свою вину.

-- А ты не думаешь, что он её уже искупил, профилактически? -- язвительно интересуется духовник.

Азамат усмиряюще поднимает руку.

-- Тихо, тихо, давайте не будем ссориться.

-- И всё же, -- гну свою линию, -- как вышло, что вы решили родить?

-- О, на то было много причин, -- пожимает плечами Алансэ. -- Во-первых, я поздно заметила, что беременна. Во-вторых, у меня было мало денег, а обращаться за этим к Азамату казалось унизительно...

-- Зато сейчас не кажется, -- тихо комментирует духовник. Алансэ его игнорирует.

-- К тому же, -- продолжает она, -- я боялась, что после аборта не смогу больше рожать, а целители и повитухи требуют очень много денег, чтобы держать такую информацию в тайне от возможных женихов. Я решила, что раз уж богам угодно так меня мучить, возможно, в этом есть некий высший смысл.

Алтонгирел не сдерживается и заходится каркающим смехом. Кажется, я никогда раньше не слышала, как он смеётся.

-- М-да, вполне возможно, -- задумчиво соглашается Азамат. -- Так ты говорила, что хотела бы видеть своего мужа на высоком государственном посту.

Алансэ кивает и кокетливо склоняет голову набок.

-- Он, наверное, сильно удивится такому внезапному повышению, -- продолжает Азамат.

-- Он знает, что я была твоей невестой, и перед отъездом я ему сказала, что поговорю с тобой, так что он готов к чудесам.

-- А о природе чудес он догадывается? -- приподнимает бровь Азамат.

-- Хорошая память, -- с нажимом отвечает Алансэ. -- Я понимаю, твой первый порыв -- рассказать ему всё. Вижу, у тебя вообще слабость выбалтывать секреты супругам. Конечно, я бы предпочла оставить его в неведении, но он от меня всё равно никуда не денется, так что ты только испортишь жизнь хорошему человеку.

-- Что-то мне подсказывает, что его жизнь уже портить некуда, -- снова возникает Алтонгирел.

-- То есть ваш муж не знает о ребёнке? -- прямо спрашиваю я. Это уже не смешно.

-- Твоя жена внимательно слушает для такой внешности, -- говорит Алансэ Азамату. Я даже начинаю понимать, чем она могла ему нравиться.

-- Мне просто интересно, -- продолжаю, -- он не знает, что ребёнок не от него или вообще не знает о его существовании?

Она соизволяет на сей раз ответить прямо мне.

-- Во время беременности было трудно найти мужа, тем более после громкой истории с изгнанием Азамата. Пришлось скрываться в уединении, благо при тех печальных обстоятельствах это никого не удивило.

-- Значит, ребёнка ты прячешь? -- Азамат тоже устал от танцев вокруг да около и посерьёзnel. -- Где?

Алансэ мило улыбается.

-- У родственников. Не найдёшь.

Азамат щурится и поджигает губы.

-- Вообще мы бы хотели удостовериться, что он существует, -- говорю.

Она подталкивает мне по столу снимок мальчика лет десяти, настолько похожего на Азамата, что мог бы быть и самим Азаматом.

-- Снимок старый, -- говорю, -- и по-моему, это и есть Азамат.

-- Я сделала эту фотографию собственноручно в начале осени, -- холодно сообщает Алансэ. -- Но если вам угодно мне не верить, что ж, посмотрим, поверит ли Совет Старейшин.

-- Я что-то не поняла, так трудно сказать, где мальчик живёт? -- удивляюсь.

-- Она думает, -- говорит мне Азамат на моём родном, -- что мы его убьём.

-- Чего?! С дуба рухнула, что ли?

Азамат хмурится.

-- Не понял, что ты сказала, но некоторые люди так делают, чтобы... э-э... сохранить репутацию.

Я хватаюсь за голову. Эти дикари!!!

-- Ты можешь как-то её убедить, что не станешь убивать ребёнка?

-- Не думаю.

Алансэ с интересом, а Алтонгирел нервно наблюдают за нашим общением.

Тяжело вздыхаю. Насколько я успела изучить муданжцев, они не слишком рады бывают приютить у себя детей родственников. Либо она им за это платит (в чём я сомневаюсь), либо просто врёт. Азамат, похоже, пришёл к тем же выводам.

-- Давай её порасспрашиваем с твоими травками, -- говорит он Алтонгирелу на всеобщем. Алансэ хмурится -- видно, что-то поняла, но не всё.

-- Не думала, что у тебя поднимется рука на женщину, -- встревожено говорит она Азамату.

-- Успокойся, мы не причиним тебе вреда, -- миролюбиво отвечает тот. -- Я просто хочу удостовериться, что ты говоришь правду про мальчика.

Алтонгирел тем временем исчезает в недрах дома и возвращается с двумя мешочками чего-то сушёного. Из одного он аккуратно отмеряет две чайных ложки и заваривает их кипятком из водогрейки, помешивает, любовно отцеживает через ситечко твёрдую фракцию и даже добавляет холодной воды, чтобы дама не обожглась. Затем ставит пиалу с розовой жидкостью перед Алансэ и выжидательно опирается на угол стола. Алансэ внимательно рассматривает его, потом меня, Азамата и дверь за широкой Азаматовой спиной.

-- В случае моей смерти будет опубликовано письмо, где всё рассказано, -- наконец сообщает она.

-- Излишняя осторожность, -- улыбается Азамат. -- Я не стану убивать мать своего ребёнка. Но, согласись, я должен быть уверен, что ты не блефуешь, прежде чем выполнять твои требования. Всё-таки я много лет проводил операции с заложниками.

Алансэ поджимает губы и наконец решается -- одним глотком осушает пиалу.

Алтонгирел ставит на стол маленькие песочные часики с разноцветным песком, который насыпает красивые абстрактные картины. На торце выгравировано "Помни каждую минуту. Эц.". Пока время идёт, духовник нашёптывает что-то, вода руками над головой дамы.

Когда песок заканчивается, я перевожу взгляд на Алансэ. Она откинулась на спинку стула и, прикрыв глаза, рассматривает край стола. Лицо у неё спокойное и расслабленное. Алтонгирел наклоняется к ней и спрашивает:

-- Как умер твой отец?

-- Несчастный случай на охоте, -- тут же отвечает Алансэ, потом добавляет: -- но я думаю, что его нарочно застрелили.

-- Приятный, видимо, был человек, -- говорю. -- Под стать дочке. А к чему этот вопрос?

-- Проверяю, дошла ли она до кондиции, -- поясняет Алтонгирел. -- Ну, спрашивайте.

Я предоставляю слово Азамату.

-- Итак, напomini мне, Алансэ, зачем ты здесь?

-- Хочу слупить с тебя за ребёнка, -- меланхолично отвечает дама. -- Запоздало, конечно, но ещё можно.

-- Чьего ребёнка?

-- Твоего! За мужниного я уже с него получила, хватит на безбедную старость.

-- Мой ребёнок жив?

-- Живёхонек. Что ему будет-то...

-- Где он?

Алансэ секунду мешкает, потом всё-таки отвечает:

-- В приюте для безродных, где ему и место.

Азамат угрюмо кивает, его подозрения подтвердились.

-- В каком именно приюте?

-- Хромого Гхана на Сиримирне.

-- Кто кроме тебя знает о ребёнке?

-- Ну, Гхан, естественно.

-- А сам мальчик знает, кто его отец?

-- Нет, но тут одного взгляда достаточно.

-- Хорошо... Где ты держишь письмо, в котором рассказано о ребёнке?

-- Нет никакого письма, я это сказала для подстраховки.

-- А вообще какие-нибудь обличающие записи ты делала?

-- Очень мне было нужно! И так раз в год езжу в приют заплатить Гхану за молчание, уже не знаю, какой предлог выдумать, ещё не хватало обличающие записи дома держать!

-- Спасибо, -- Азамат кивает. -- Это всё, что я хотел узнать. Алтонгирел?

-- погоди, я ещё спросить хочу, если ты не против, -- говорю. -- Алансэ, почему ты всё-таки сохранила ребёнка?

-- Знающий сказал, что Азамат вернётся очень богатым. Не сказал только, как долго ждать, шакалий потрох.

-- Это больше похоже на правду, -- кривлюсь я.

-- Как ты предлагаешь с ней поступить? -- спрашивает Азамат у духовника, который занялся завариванием снадобья из другого мешочка.

-- Подчищу ей память, -- буднично отвечает Алтоша. -- Чтобы никаких воспоминаний о ребёнке. Хочешь, что-нибудь внушу?

-- Как ты собираешься это делать? -- удивляюсь я. У нас на Земле в принципе есть технологии, но они все связаны с нейрохирургией, сложными синтетическими веществами и громоздким оборудованием.

Алтонгирел смотрит на меня с высокомерной ухмылкой.

-- Я не просто так один из лучших духовников на этой планете. У меня свои методы.

Ну ладно, если это дела духовные, то я в них ничего не понимаю...

-- А ты уверен, что можешь заставить её забыть начисто о ребёнке, которого она сама родила? -- уточняю. -- Я, конечно, не знаю, какие у тебя методы, но, мне кажется, это будет сложнее, чем ты думаешь.

-- Если бы я тебе собрался память чистить, -- говорит Алтонгирел, -- то и правда десять раз подумал бы и сто раз проверил. А у этой кукушки никаких чувств к сыну нету. Так что не беспокойся.

-- Ну хорошо, -- соглашаюсь. -- Допустим, она действительно всё забудет. И что случится с мальчиком?

Азамат вздыхает и пододвигает к себе фотографию, чтобы ещё раз взглянуть на отпрыска.

-- Алансэ, а как его зовут?

-- Кир, -- быстро отвечает она. -- А ты уж понадеялся на гласное имя, а?

Азамат и правда несколько грустнеет.

-- Это не важно... Всё равно он мой. Лиза, ты сильно будешь возражать, если я возьму его к себе? Он тебе не помешает, правда...

-- Ты спятил, что ли?! -- выкрикивает Алтонгирел так, что даже расслабленная Алансэ подскакивает. -- Как ты себе это представляешь?! Люди что, идиоты? Не поймут, откуда у тебя ребёнок, похожий на тебя, как две ковылины?

-- Поймут, конечно, -- сокрушённо отвечает Азамат. -- Но не могу же я его оставить в приюте.

-- Боги, отбавьте ему совести! -- стонет Алтоша. -- Ты понимаешь, что полетишь из дворца на следующее утро и с планеты через два дня? Думаешь, если жена простила и я простил, то все простят?! Лиза, хоть ты ему скажи!

-- А что ты мне прикажешь делать?! -- взрывается Азамат. -- Уже забыл, как сам в приюте побывал? Плевать я хотел на дворец, в конце концов, я никогда не хотел быть Императором и не просил меня выбирать!

Алтоша немного притухает и продолжает увещевать уже тише:

-- Может, найти какую-нибудь хорошую семью на Броге или на Гарнете и отвезти его туда? Платить им, конечно, проверять иногда, чтобы хорошо обращались... Азамат, ну ты же нужен этой планете. И если тебя вышибут, то другого такого будут ждать ещё двести лет. Пожалуйста, Азамат, у тебя только-только жизнь начала налаживаться.

Азамат собирается что-то возразить, но я его перебиваю.

-- Погодите, у меня идея. Смотри, он ведь на мать совсем не похож. Можно сказать, что это наш с тобой ребёнок.

-- Лиза, ты ещё в школу не пошла, когда он родился, -- напоминает Алтонгирел. -- И уж точно не познакомилась с Азаматом.

-- Ага, но на Доле куча зияний, вон даже Арон разок провалился. А что если у меня была двойня, но один, э-э, в коляске укатился в тоннель? И выпал несколько лет назад в окрестностях Худула? Наверняка ведь у вас бывают такие случаи!

-- И вы не стали его искать? -- продолжает сомневаться Алтонгирел, но я уже вижу, как загораются глаза у Азамата.

-- М-м-мы решили не устраивать переполох на всю планету, всё равно новорожденный младенец вряд ли выжил бы после путешествия по тоннелю, а у нас ещё второй был, и не хотелось огорчать людей... Ну выдумай что-нибудь, у вас вообще к детям наплевательски относятся.

Алтоша и Азамат некоторое время думают и набрасывают версии. В итоге получается следующее: по стечению обстоятельств пропажу не сразу заметили, а когда догадались, что произошло, было уже поздно. Однако ребёнок выпал из зияния прямо в руки Алансэ, и она сразу увидела, что он очень похож на Азамата. Будучи корыстной по натуре, она пошла к знающему, который посулил ей возможную выгоду. Тогда она отвезла младенца в приют и стала ждать. Когда же Азамат вернулся на Муданг и стал Императором, она пришла его шантажировать, соврав, что ребёнок её. Таким образом и доброе имя Азамата не марается, и Алансэ заслужит общественное порицание, но умеренное, в конце концов, она спасла жизнь Императорскому сыну.

-- Теоретически это всё, конечно, возможно, -- кривится Алтоша.
-- Хотя уж очень маловероятно.

-- Спишем на чудо, -- отмахивается Азамат. -- Если кто-то не захочет верить, пускай не верит. Я никого не уговаривал делать меня Императором, а выбрали -- так пусть не копаются в моих семейных делах. Алансэ, расскажи-ка мне про того знающего, к которому ты ходила...

-- А ты сможешь ей внушить такую историю? -- спрашиваю Алтошу, пока Азамат записывает адрес.

-- Смогу. Ты права, это лучше, чем заставлять её забыть о ребёнке совсем. Так если что всплывёт, она не удивится. А кто присутствовал при родах?

-- Только Яна, но она всё поймёт, я с ней поговорю. Кому мы ещё говорим правду?

-- Ажгдийдимидину, -- без раздумий отвечает Азамат. -- Ну и Киру, понятное дело.

-- Ты думаешь? -- сомневается Алтонгирел. -- Может, мальчишке не стоит?

-- Ага, а потом он прознает и устроит нам сцену на весь Муданг? -- говорю. -- Нет уж, врать ребёнку -- последнее дело. Я думаю, он не создаст проблем, если ему всё хорошо объяснить. Отец у него умный, да и мамаша, при всех недостатках, не идиотка.

-- Тогда давайте всё распланируем, -- предлагает Азамат, записывая координаты знающего. -- Алтонгирел, ты изменяешь память Алансэ и отпускаешь её с миром. Я бы ей даже дал денег, в конце-концов за ребёнка-то я ей и правда не заплатил, да ещё она приютчику каждый год отдавала. Лиза, у тебя наверняка есть какие-нибудь дорогие тяжёлые украшения, которые ты никогда не носишь?

-- Куча, -- говорю. -- Отдам с радостью.

-- Сейчас тогда забежим во дворец, и я пришлю с посыльным. Потом мы с тобой, Лиза, одеваемся потеплее и летим в приют забирать мальчика. Алтонгирел, прости, но мне придётся тебя попросить разобраться со знающим, вот его адрес. Я бы составил тебе компанию, но уж очень не хочу откладывать визит в приют, мало ли что... Вдруг приютчик знает, что Алансэ сюда собиралась...

-- Не проблема, -- кивает Алтонгирел. -- Я уже и сам понимаю, что был неправ. Лучше бы действительно сразу всё тебе рассказал, до

того, как Алансэ сюда пришла. Тогда можно было бы спокойно, без спешки со всем разобраться. Пророчества на то и даны, чтобы заранее подготовиться к трудностям.

-- Зато ты уже успел позлиться на меня и простить, -- улыбается Азамат. -- Тогда мы пошли?

-- Идите, -- отпускает Алтонгирел. -- Только, Азамат... С Ажгдийдимидином я сам поговорю, хорошо?

-- Спасибо тебе шесть тысяч раз, друг! -- Азамат хлопает его по плечу.

-- Так будет лучше для всех, -- встряхивает головой Алтоша и снимает руку Азамата со своего плеча, слегка сжимая по дороге. -- Идите, успехов вам.

-- Тебе тоже. Пойдём, Лиза.

Мы бодрым шагом пробегаем небольшое расстояние от дома духовника до дворца, где я сразу закапываюсь в сундук с украшениями. Выуживаю оттуда несколько неподъёмных комплектов из платины с гигантскими камнями и выдаю Азамату.

-- Вот, по этим я точно страдать не буду, на именование князя понадалики кирпичей. А стоят, думаю, дорого.

-- Отлично. Я тебе взамен сам сделаю в сто раз красивее.

-- Лучше просто это время со мной и с ребёнком проведи. Точнее, с двумя.

Азамат заворачивает увесистую посылку в пару тряпочек, чтобы не прощупывалось, что там, кладёт в пакет и хватает наши шубы.

-- Сапоги тоже зимние надень, на Сиримирне уже снег вовсю.

Мы спешно переобуваемся, потом с шубами в охалке бежим к Азамату в кабинет, где его ждут покинутые Старейшины.

-- Прошу прощения, -- выпаливает Азамат с порога, -- но на сегодня всё отменяется. Возникли обстоятельства, требующие моего немедленного внимания.

-- Жена в постель позвала, что ли? -- хмыкает один из дедов.

-- Право же, Старейшина, -- Азамат осуждающе хмурится. -- Безусловно, наши опыты семейной жизни различны, но из-за такой обычной вещи я не стал бы бросать государственные дела. Уверяю вас, всё гораздо серьёзнее.

Старейшина просекает намёк и багровеет, зато второй заходится хохотом. Азамат тут же закрывает дверь, прихватывает меня и

смывается из коридора, пока не поймали. Он притормаживает только внизу, на служебном этаже. Оглядывается, хватая за рукав какого-то парня и просит отнести посылку в дом духовника Алтонгирела немедленно, быстро. Я добавляю "пожалуйста", после чего парень расцветает, вытягивается по струнке и берёт низкий старт в сторону Алтонгирелова жилища. Мы же выскакиваем во двор, где припаркованы унгуцы, заваливаемся в Азаматов бронзовый -- и оставляем оживлённые улицы Ахмадхота далеко за спиной.

-- Ты знаешь, куда лететь-то? -- спрашиваю, отсмеявшись и отдышавшись после нашего мультяшного побега. Не дожидаясь ответа, достаю телефон и строчу Тирбишу сообщку, что в ближайшие пару дней он при Алэке, как пришитый. Жалко маленького оставлять, но таскать ещё жальче, да и вообще, почти четыре месяца парню, переживёт!

-- До Сиримирна знаю, а подробности по карте посмотрим. -- говорит тем временем Азамат. -- Собственно, можешь пока заняться, вот тебе карта, -- он жмёт на несколько кнопок, и на стекле впереди и справа от меня появляется изображение. -- Там есть режим, чтобы показывать всякие общественные заведения...

-- Ага, нашла. Так, Сиримирн... Да тут почти ничего и нет, леса сплошные, десяток ферм и два клуба. Странно, на такой большой реке...

-- Там были джингошские карьеры. Теперь, наверное, начнут заселять.

-- А-а... Вот, нашла, "Приют Хромого Гхана". Прямо через горы от Худула.

-- Отлично, я даже знаю, по какой дороге она туда ездила. Ну вот и чудесно, курс есть, погода хорошая, часов через шесть будем на месте. Порулишь немного, я позвоню ребятам, чтобы не искали меня? До завтра-то вряд ли вернёмся.

-- Давай.

Азамат, к моему ужасу, вынимает рулевой рычаг из передней панели и вставляет в отверстие в панели передо мной. Тут же на ней загораются надписи и кнопки. Только теперь я замечаю, что вся панель управления унгуцем превратилась в сенсорный экран, хотя интерфейс остался прежним.

-- Ого! -- выдавливаю, хватаясь за руль и восстанавливая курс. --
Что это у тебя с унгуцем случилось?

-- Да вот, решил усовершенствоваться. А то пересаживаться
каждый раз неудобно. Без тебя плохо по ночам сплю, нашёл себе
занятие.

-- Надо с этим заканчивать, ты так у меня до старости не
доживёшь, -- ворчу. -- Я там сижу в монитор туплю, ты тут унгуц
перебираешь...

-- Я думаю, после истории с потерянным сыном, Старейшины
будут только рады меня отпустить погулять, решат, что голову напёк, --
смеётся Азамат и вставляет в ухо гарнитуру. -- Эцаган? Привет. Да, я
срочно сорвался... Слушай, ты ведь писал доклад к завтрашней
летучке? Да? Умница. Разошли его Старейшинам, а летучку отмени,
меня не будет, к шакалу формальности. Завтра можешь отдохнуть. Вот
на этот счёт не уверен, Алтонгирел выполняет для меня одно
поручение, может завтра быть занят. Нет, мы помирились. Ну хорошо,
спасибо тебе... Ирнчин! Да, знаю, я опять без предупреждения. Боюсь,
тебе придётся привыкать. Да-да, ты можешь взять отгул завтра,
летучки не будет. Вот и отлично, хорошего тебе отдыха.

-- Ирнчин хочет отгул? -- удивляюсь я вслух, когда Азамат
заканчивает свой обзвон.

-- Да, как ни странно. Ну, надо же и ему когда-то отдыхать, не
железный же он. Может, решил кого-то из родни навестить, мало ли.

-- Впервые за год?

Азамат задумывается.

-- Да, кажется, впервые. Давай руль.

Унгуц ещё немного дёргается на ветру, пока Азамат вставляет
рычаг на место. Я звоню Янке, но у неё глухо занято.

-- Ладно, -- вздыхаю, оставив попытки прозвониться. --
Расскажи мне пока, что это за место такое -- приют.

-- Это дом, где живут сироты и внебрачные дети, -- просто
отвечает Азамат. -- Обычно там один или два приютчика, которые
следят за порядком и учат детей каким-нибудь ремёслам. Живут они с
подачек непутёвых родителей, которые не хотят, чтобы об их детях
стало известно. Детей, за которых можно что-то выручить, обычно не
так много, а брать заметные деньги приютчики не рискуют. Люди ради

своей репутации способны на жуткие преступления... Так что жить там довольно плохо.

-- А что потом происходит с этими детьми, когда они вырастают?

-- Ничего особенного. Работают, как все. Правда, учат их плоховато, так что они редко чего-то заметного достигают в жизни.

-- И ты говоришь, Алтонгирел жил в приюте?

-- Ну, когда его мать умерла, родственники по отцу не захотели его брать, так что поначалу его отдали в приют. Но он оттуда сбежал через три дня -- с моей помощью -- и просто жил в своём доме на деньги, оставшиеся от родителей. Старейшина Унгуц тогда сильно похлопотал за него...

Я глубоко вздыхаю, чтобы унять праведный гнев. На Муданге хорошо жить, когда у тебя всё хорошо. Чуть какая неурядица -- и всё, пропал человек. Ну ладно же, посмотрим, кто кого! Я незаметно для Азамата грожу кулаком в окно проплывающей под нами планете.

Глава 11

Янке я прозваниваюсь через час. Поначалу она старается поскорее закончить разговор, но мне нужно, чтобы она осознала всю серьёзность ситуации, так что я продолжаю занудно рассказывать подробности проблемы. Вскоре, однако, Яна втягивается и начинает меня расспрашивать, по ходу всё сильнее распаляясь. В итоге мы полчаса предаёмся праведному гневу и расстаёмся очень довольные собой и друг другом. Тоже психотерапия -- почувствовать, что не я одна нахожу эту ситуацию безумной и недопустимой.

-- Как тихо стало... -- замечает Азамат через минуту после того, как я кладу трубку.

-- Я не собиралась столько трепаться, -- оправдываюсь. -- Но ведь нужно было её обязательно убедить...

-- Да нет, я не против. Кстати, я многого не понял из того, что ты говорила. Иногда так странно, вроде слова все понятные, а смысл не складывается.

-- Это нормально, -- пожимаю плечами. -- У меня с муданжским поначалу тоже так было...

Мы снова замолкаем, задумавшись о превратностях языка. Вскоре мне становится скучно, и я лезу в бардачок под сенсорной панелью, чтобы достать бук, в котором у меня незаконченный перевод.

А бука там и нет. И на заднем сиденье тоже нет. Есть только мамины сканворды -- пластиковый журнальчик, первые три решены, остальные чистые. Ручка тут же приколоты за колпачок. Начинаю автоматически заполнять клеточки -- я не очень люблю сканворды, но хоть какое развлечение. Эти, правда, совсем тупые, даже удивительно, что мама такие купила. Хотя, может, потому тут и бросила.

-- Что это у тебя? -- интересуется Азамат. -- Головоломка какая-то?

-- Ага, только уж очень простая. Решать скучно. Все слова такие, что даже ты знаешь.

-- Ну-ка, ну-ка, зачитай.

-- Ну вот, например: "одна из книг серии".

-- Том, -- тут же отвечает Азамат.

-- Ага. "Мера молекулярного веса".

-- Моль.

-- Пра-авильно. "Дачное ложе".

-- Какое... что?

-- Ну, в чём лежат на даче.

-- На чём? Что такое дача?

-- Ах да, -- вспоминаю. -- Ты же не знаешь. Это такое жильё за городом, типа моего дома на Доле, туда ездят в выходные отдыхать.

-- И в чём там лежат?

-- В гамаке.

-- А, слово "гамак" я знаю, -- радостно сообщает Азамат. -- Давай дальше.

-- Царь зверей.

Азамат ненадолго задумывается.

-- Вообще демон, но как он по-вашему...

-- Ты чего, какой демон! Лев!

-- Почему лев?

-- Ну как почему? -- моргаю. -- Потому что лев -- царь зверей. Откуда я знаю, почему!

-- Ну ладно, -- с сомнением соглашается муж. -- Наверное, у вас какой-то миф про это есть, а ты его не знаешь... Давай ещё.

-- Э-э-э... Так, ну повесть Гоголя ты не знаешь, президента США тоже... Соседка Харибды?.. Ясно. Блин, а не так всё просто, как мне казалось!

-- Можно я сам посмотрю? -- Азамат косит глазом в сторону журнальчика.

-- Конечно, давай руль.

Азамат передаёт мне управление и утыкается в сканворд. После долгих размышлений вписывает каллиграфическими буквами несколько физических терминов и названий планет. Потом зависает.

-- Что такое "...вопящего в пустыне"? -- наконец сдаётся он.

-- Глас, -- отвечаю тут же.

-- Это просто отлично, -- усмехается муж. -- А что значат все эти слова?

-- Ну... Это, кажется, из Библии.

Азамат хмыкает, достаёт телефон, долго в нём шарит, наконец зачитывает:

-- Неудачные попытки установить контакт.

Я прыскаю и хохочу.

-- Неправильно? -- озабоченно спрашивает Азамат.

-- Да нет, в общем, по сути правильно, просто очень современно. Так себе и представляю, сидит чувак в пустыне с антенной... А где ты это откопал?

-- В справочнике "Библия на всех языках с комментариями", -- охотно отвечает Азамат. -- Твоя бабушка мне его выдала с другими словарями. Ладно, вот ещё помоги... Ис-ко-па-е-мая птица. Я в словаре посмотрел, это значит, добытая из земли, как нефть. Что у вас там за подземные птицы водятся?

Я хохочу так, что сбиваюсь с курса. Азамат закрывает журнал и убирает обратно в бардачок.

-- Я ещё не готов решать твои "простые" головоломки, -- качает он головой. -- Давай руль обратно, пока в Сирий не улетели.

С рулём я расстаюсь неохотно: мне скучно, а если отвлекусь не на что, в голову лезут всякие неприятные мысли.

-- Слушай, а тебе не показалось странным, -- спрашиваю задумчиво, -- что на снимке мальчик такой маленький? Сколько ему сейчас лет, восемь?

-- Я не знаю точно, когда он родился, но я видел Алансэ за день до изгнания, и по ней не было заметно... Это было в середине лета. Значит, осенью родила. Так что сейчас ему должно быть или почти восемь или только что восемь.

-- Это ж четырнадцать с лишним земных! А на фотке ему от силы лет десять. Земных, я хочу сказать.

Азамат достаёт из нагрудного кармана снимок -- он небольшой и довольно тёмный, рассмотреть ребёнка трудно.

-- Не знаю, по-моему, восьмилетний мальчик так и должен выглядеть. Тем более, приютские дети кажутся младше, потому что их не так хорошо кормят.

-- погоди, -- я лезу в Сеть на лобовом стекле. -- Вот, глянь, сколько бы ты дал этим детям?

Азамат притормаживает и рассматривает подборку фотографий десятилетних мальчишек.

-- Около семи мударжских лет.

-- Семи? Не пяти?

-- Нет, что ты, в пять ещё совсем маленькие. Ты вспомни Ирих, внучку Унгуца. Вот ей пять.

Я задумываюсь. Возраст Ирих меня весной не смутил, но скорее потому, что я тогда не задумалась, сколько же ей по земному исчислению. А выходит, что земных ей примерно девять-десять, и она на это точно не тянет.

-- Значит, у вас и правда дети медленнее развиваются, чем на Земле, -- резюмирую я. -- Скорей бы ты уже договаривался с ЗС, чтобы кого-нибудь прислали исследовать вашу физиологию, а то тычемся, как в потёмках...

-- А ты разве не можешь сама этим заняться? -- поднимает бровь Азамат.

-- Я же не лабораторный работник... -- теряюсь я. -- У меня совсем другое образование, я практик, а не теоретик. Да и оборудования для таких исследований у меня нет, и пользоваться я им не умею. И так приходится работать по десяти специальностям вместо одной, потому что врачей мало, ещё не хватало брать на себя обязанности полевого антрополога.

Азамат хмурится и вздыхает.

-- Мне страшно полумать, насколько же вы, земляне, знаете больше нашего, если у вас даже целитель -- не просто целитель, а только по одной специальности. Не верится, что мы когда-нибудь вас догоним. Но я приложу все усилия, -- с этими словами он жмёт на ускорение, и мы устремляемся вперёд.

В лесах по берегам Сиримирна уже выпал первый снег, а опавшая листва на ночь обросла мохнатым инеем. Азамат сажает унгуц на обочине дороги, мы укутываемся в шубы и вылезаем в глухую холодную ночь.

Приют даже Азамат не сразу замечает, хотя мы приземлились очень близко. Это большой деревянный дом, тёмный от времени и слегка покосившийся, двухэтажный, но от этого не меньше похожий на барак. Ни одно окно не светится, видимо, обитатели уже все спят, только где-то за сараем поодаль глухо лает собака. Наш весёлый полёт так внезапно завершился, что я как-то не успела морально подготовиться к этому мрачному месту, хотя, конечно, понимала, что ничего хорошего тут не увижу и никто нас с распростёртыми объятями не ждёт.

С первого взгляда вход не обнаруживается, так что мы обходим постройку, хрустя сапогами по заиндевелой траве. Азамат заглядывает в окно, для чего ему приходится встать на цыпочки, но там так темно, что даже он ничего не различает.

Однако с другой стороны мы тоже не находим дверь, приходится огибать дом с торца, продравшись сквозь какие-то кусты.

-- Они тут вообще не ходят, что ли? -- вопрошаю, отцепляя юбку от колючих веток.

-- Странно, -- кивает Азамат. Потом снимает перчатку и щупает стену. -- Тут несомненно живут, стены тёплые. Ещё бы понять, как они попадают внутрь...

С торца тоже глухо. Мы нарезаем ещё два круга под стенами неприветливой постройки и протаптываем тропу прежде чем Азамат наконец замечает в кустах полуподвальную дверку. Поскольку ничего лучшего не предлагается, стучимся в неё. Ответа, естественно, нет. Азамат тяжело вздыхает, спрыгивает в приямок и с усилием открывает дверь. Потом помогает мне спуститься, и мы заходим внутрь.

Там заметно теплее, чем снаружи, хотя мы явно в подвале: пол земляной, потолок подпёрт брёвнами, в углу штабеля каких-то ящиков, пахнет прелыми овощами. Мы светим себе мобильниками.

-- Что это за чудо муданжской архитектуры? -- шепчу. -- Без окон, без дверей, полна...

-- Вон лестница, -- перебивает меня Азамат. -- Деревянных домов почти никто не строит, так что каждый импровизирует, как

может. Сейчас, подожди, я люк открою...

Лестница совсем новая, пахнет свежей сосной. Я очень стараюсь её не коснуться, потому что в слабом свете телефона на сучках поблёскивает густая смола. Азамат поднимается первым и откидывает тяжеленную крышку люка, потом помогает мне взобраться. Мы оказываемся в большом помещении с окнами и несколькими столами. Видимо, кухня.

Моя голова ещё только высунулась из люка, когда я слышу шаги. Азамат собирался подать мне руку, но оборачивается на звук. В кухне темно, а крышка люка перекрывает мне обзор, и я только слышу, что происходит, но ничего не вижу.

-- Кто здесь?! -- рявкает незнакомый голос.

-- Простите, что мы так поздно... -- начинает Азамат, но сам себя перебивает. -- Ну-ну, не волнуйтесь так, мы не воры.

-- Порядочные люди ночью через подвал не лазят! -- хрипло сообщает обитатель дома. Вероятно, это и есть Хромой Гхан. Я предпочитаю пока не высовываться, мало ли, вдруг у него там ружьё.

-- Да мы бы рады не лазить, но дверь не нашли, -- поясняет Азамат. -- Ну тише, вы что... -- слышу шорох ног, стук, кряхтение, глухой удар. Азамат снова заговаривает: -- Вот так, и не переживайте, мы никому не хотим навредить. Где у вас тут свет включается?

Местный сердито пыхтит, но топает куда-то влево, и через секунду кухня озаряется оранжевым светом дешёвой лампочки. Я зажмуриваюсь, привыкая к яркости. Азамат подходит к люку и помогает мне выбраться. В руке у него здоровенный топор.

Местный смотрит на нас из-под густых седых бровей, стоя в дверном проёме. У него растрёпанные серые волосы, чуть ли не всё лицо поросло недельной щетиной, а вместо правой ноги классическая пиратская деревяшка.

-- М-да, такая баба и правда вряд ли воровать полезет, -- мрачно изрекает он, оглядывая меня. -- Чего вам нужно?

Азамат аккуратно закрывает люк.

-- Вы и есть Гхан?

Местный кивает.

-- Мы хотим забрать ребёнка. Его зовут Кир. Есть у вас такой?

Гхан молчит и щурится, соображая. Наконец спрашивает:

-- И чтой-то он вам вдруг зандобился? Столько лет жил, спросу на него не было. Мать -- и то век бы его не видала.

-- Она на самом деле не его мать, -- говорю. -- Она его украла.

-- Да прям! -- фыркает приютчик. -- Парень всю жизнь здесь живёт. А она за него неплохо платит, между прочим. Кто б стал за ворованного платить, а? Да и на кой он ей сдался?

-- Она была моей невестой, -- объясняет Азамат. -- Хотела притвориться, что он мой внебрачный сын, и шантажировать меня, как только я вернусь на планету. Ей пришлось долго ждать, увы. Я бы с радостью забрал его давным-давно. Но и теперь ещё не поздно, -- Азамат запускает руку за пазуху и извлекает позвякивающий мешок. -- Моя благодарность вам за то, что позаботились о нём, имеет доказательства.

Глаза Гхана загораются ярче фонаря. Он приоткрывает рот и пытается что-то сказать, следя за Азаматом, который вешает топор на плечо, развязывает мешок, запускает туда руку и извлекает на свет горсть дулей -- монет седьмого порядка. Гхан шумно выдыхает, и я его понимаю. За мешок дулей можно купить хороший большой унгуц или тысячное овечье стадо. Гхан вряд ли когда-нибудь видел такие деньги.

-- Забирайте! -- выпаливает он, едва обрета дар речи. Потом, подумав, добавляет: -- Если найдёте...

-- А что, он не здесь? -- хмурится Азамат.

-- Да здесь-то он здесь, -- вздыхает Гхан, -- только уж больно хорошо прячется, а мне с такой ногой недосуг по балкам лазать, искать его. В подвале-то не видели?

-- Не-ет, -- говорю, -- а почему он прячется?

-- Да у меня с ним вчера... -- приютчик отводит взгляд и покашливает, -- спор небольшой вышел, понимаете, характер-то у него тот ещё... Короче говоря, он, чтоб меня позлить, от работы отлынивает, вот и прячется. Раз не в подвале, можете на чердаке посмотреть, только там света нету, я дам фонарь.

А сам всё на мешок у Азамата в руках косится.

-- Фонарь -- это хорошо, -- соглашается Азамат, убирая мешок обратно под шубу. -- Давайте, будем искать.

Лестницы на второй этаж и на чердак явно стали результатом позднейших усовершенствований этого сомнительного архитектурного произведения, потому что находятся в разных концах здания и очень

по-разному выглядят. На втором этаже мы проходим по длинному узкому коридору, в котором всего две двери: направо и налево. Не знаю уж, что за дверьми, но в коридоре точно спрятаться негде. Азамат несёт фонарь -- пластиковую трубку с поддоном и кольцом сверху, что там внутри светит, понятия не имею. Второй такой же у Гхана. Топор, к счастью, остался в комнатухе хозяина, из которой мы брали фонари.

Чердак довольно просторный, и у него даже есть мансардное окно, правда, оно до середины завалено какими-то досками, а под ногами в художественном беспорядке разбросаны двери, ставни, оконные рамы и прочие результаты ремонта. Ноги поломать, как нечего делать.

-- И часто дети сюда залезают? -- спрашиваю, припоминая, что никаких замков или ограждений на лестнице не было.

-- Да старшие-то постоянно тут толкуются, но днём, -- отвечает Гхан. -- Мелюзгу не пускают. А ночью -- только ваш, он у нас один может по ночам не спать, прям демон, право слово, уж извините.

Азамат не то кашляет, не то хмыкает. Поднимает фонарь над головой и оглядывает чердак.

-- По-моему, тут никого нет.

Гхан тоже осматривается.

-- Забился, небось, под какую-нибудь дверь или за штабелем... Я ж говорю, его найти -- только если по запаху, как собака. Хотите -- ищите, мне вторая нога дорога.

Азамат смотрит на него с сомнением, но всё-таки решает поискать: осторожно двигается в глубь чердака. Я забираю у Гхана второй фонарь и направляюсь к противоположному торцу, где к стене под углом прислонены какие-то щиты. Бреду я туда долго и мучительно, но под щитами никого не оказывается. Азамат тем временем заглядывает за штабеля у окна и проверяет ещё несколько тёмных мест, но тоже никого не находит. Гхан стоит на верхней ступеньке лестницы и явно нервничает.

-- Боюсь, как бы он в лес не сбежал, -- негромко произносит приютчик, видя бесплодность наших поисков. Азамат резко распрямляется.

-- А что, и такое бывает?

-- Разок было... О прошлом годе, как заслышал, что мать едет... Но то летом было, сейчас-то уж, надеюсь, ума хватит...

-- Тихо! -- внезапно шикает Азамат, застывает и прислушивается. Я задерживаю дыхание, но ничего не слышу. Азамат, однако, по возможности быстро пробирается к окну. -- Оно открывается?

-- Почём я знаю... -- бормочет Гхан. -- Я к нему не подходил лет двадцать.

Азамат тщательно осматривает конструкцию, потом на что-то нажимает, и створка распаивается наружу. Тогда он вешает фонарь на торчащую из штабеля доску, взбирается на что-то и встаёт на карниз, держась за край крыши. Голова его скрывается из поля зрения.

-- Кир! -- слышу я его голос, приглушённый окном. -- Кир, послушай, у нас к тебе дело. Ты не мог бы слезть?

Я слышу второй голос, но что он говорит, не разбираю.

-- Это очень неудобно объяснять на крыше, -- говорит Азамат. -- Я обещаю, что тебе не будет ничего плохого, если слезешь. Пожалуйста! Не будешь же ты там до утра сидеть?

Голос с крыши отвечает не очень дружелюбно, а Гхан вздыхает.

-- Будет. Этот будет сидеть, пока от голода не кильнётся. Дай-ка мне фонарь, женщина, я ему кое-что поубедительнее, чем "пожалуйста", скажу.

Я осторожно переставляю ноги между наваленным хламом и возвращаюсь к люку, где передаю фонарь Гхану. Он медленно, с большим трудом пробирается к окну. Азамат всё это время пытается убедить Кира слезть, но безо всякого эффекта. Весёлая жизнь нам предстоит, я чувствую, если на этого парня даже Азамат не действует.

Гхан наконец высовывается в окно и что есть мочи орёт:

-- Кир, шакал, а ну слез быстро, не то я твою тварюгу пристрелю!

Наверху слышится шорох, и на краю крыши появляется косматая голова. Я немного различаю её на фоне неба.

-- Не посмеешь, -- заявляет голова.

-- Да сдохнуть мне на этом месте! -- обещает Гхан. -- Вот прям щас пойду ружьё заряжать!

Из-под крыши доносится пара забористых выражений -- я такие и от наёмников разве что пару раз слышала -- потом голова втягивается

и начинается какое-то шебуршание.

-- Подвинься, -- мрачно требуют сверху. Азамат послушно влезает обратно в окно и отходит в сторону. С края крыши свешивается узкое длинное тело и одним движением переправляется на чердак. Автоматически закрывает за собой окно. -- Ну и чего вам от меня надо?

Азамат только открывает рот, чтобы объяснить, но Гхан встречается:

-- Иди складывай пожитки, тебя забирает отец.

Кир вздрагивает, втягивает голову в плечи и обводит Азамата совсем другим взглядом. Потом дёргается в сторону люка, но Гхан хватается его за локоть.

-- Только не думай, что можешь сбежать. Вы бы, уважаемый господин, его придержали, а то и правда в лес умотает, ищи его там свищи.

-- Кир, послушай, мы не сделаем тебе ничего плохого, -- снова принимается уговаривать Азамат. Парень оборачивается к нему, потом резко пихает Гхана локтем в живот, тот разжимает руку, и Кир мчится на меня, потому что я стою как раз между ним и люком. Как по этому чердаку можно передвигаться на такой скорости, я не знаю, но знаю, что мальчишку надо ловить, иначе ведь и правда спрячется в лесу и замёрзнет насмерть. Поэтому, когда он приближается, я отставляю ногу для устойчивости и хватаю его поперёк туловища обеими руками. Он даже не вырывается, просто замирает, как испуганная кошка, а через несколько секунд до нас добирается Азамат и прихватывает Кира за плечи.

-- Успокойся, -- говорит он с весёлой усмешкой. -- В догонялки другой раз поиграем. Пошли собираться.

Мы конвоируем Кира до двери в коридоре. За ней оказывается общая спальня. Гхан крепко держит мальчишку за пояс штанов, рассудив, что без них он не сбежит. Мы с Азаматом остаёмся в дверях, чтобы не наступить ни на кого из спящих. Кир подходит к матрасику на полу, снимает с него простынку, потом открывает стенной шкаф и выгружает небольшую кучку мятой одежды, сапоги и ещё какие-то предметы, завязывает простыню в тючок и закидывает за плечо.

-- Негусто вещей, -- замечаю.

-- Естественно, -- вздыхает Азамат. -- У них тут всего негусто.

Гхан подталкивает Кира к выходу. На соседних матрасах просыпаются несколько постояльцев, но виду не подадут, наоборот, накрываются одеялами с головой, только ноги подтягивают, чтобы не наступили.

В коридоре Гхан сворачивает не к кухне, а обратно к чердачной лестнице. Азамат придерживает Кира за плечи, пока Гхан выволакивает из угла стремянку, открывает окно и спускает её на улицу.

-- Так это и есть вход? -- интересуется Азамат.

-- Да, -- отвечает Гхан. -- Чтоб посторонние не шлялись.

Он садится на подоконник, перекидывает ноги наружу и шатко спускается по стремянке.

-- Давайте его сюда, -- предлагает, -- я приму.

Азамат оглядывает своего отпрыска.

-- У тебя тёплой одежды совсем никакой нету?

Кир смотрит на него презрительно.

-- Эта тёплая.

На нём какая-то жиденькая свитерюлька и залатанные шерстяные штаны.

-- Ясно, -- вздыхает Азамат, -- ладно, до унгуца добежишь. Давай полезай.

Однако Кир не рвётся лезть в окно.

-- До унгуца? -- ошеломлённо переспрашивает он. -- У вас унгуц?!

-- Ага, -- довольно кивает Азамат. -- Никогда не летал?

-- Ну полезай быстро, весь дом выстудишь! -- орёт Гхан снаружи. Из-за сарая доносится собачий вой. Кир так ничего и не отвечает, но всё-таки лезет в окно. Гхан его перехватывает и держит, пока мы спускаемся по лестнице.

На улице уже начинает светать, ночь сереет, снег создаёт белый фон. Азамат быстро шагает к унгуцу, чтобы поменьше морозить ребёнка, хотя тот не подаёт признаков замерзания. Внезапно он останавливается.

-- Кир, ну пойдём, -- подталкивает его Азамат, но парень встал намертво.

-- Я хочу взять Филина, -- угрюмо сообщает он.

-- Кого? -- не понимаем мы.

-- Да ты рехнулся! -- рывкает Гхан.

-- Я не полечу без Филина, -- упёрто заявляет Кир.

-- Кто это? -- спрашивает Азамат.

-- Щенок евойный, -- отмахивается Гхан. -- Вон, за сараем воет, слышите? Кир, не дури, никто твою скотину не поволочёт.

Азамат вопросительно смотрит на меня. Я пожимаю плечами. Конечно, собака в унгуце -- не очень удобно, будет под руки лезть, лизаться, да и вряд ли она натренирована терпеть до прогулки, но с другой стороны не бросать же её здесь. Я так понимаю, это её Гхан угрожал пристрелить. Да и мальчику будет спокойнее, если мы разрешим ему держать домашнее животное.

-- Ну давай возьмём, -- говорю.

-- Отлично, -- кивает Азамат. -- Пойдём, Кир, заберём твою собаку.

Парень вытаращивается на нас, как будто привидение увидел, но быстро приходит в себя и резво провожает Азамата за сарай. Гхан тоже очень удивляется и бормочет что-то насчёт сумасшедших богачей. Моё семейство является из-за сарая, влекомое рвущейся с поводка белой лайкой примерно полугодовалого возраста.

-- Уй ты, маленький, -- не удерживаюсь я. -- Это и есть Филин?

-- Ну да, -- разводит руками Гхан. -- Уж не знаю, где ваш пацанёнок его взял, то ли спёр, то ли подобрал где... Вы уж извините, что он такой упёртый, я его и так, и сяк воспитывать пытался, да не выходит ничего.

-- Видимо, в дедушку пошёл, -- бормочу я себе под нос. -- Ну чего, всё взяли? Грузимся?

-- Да, давай, -- Азамат волочёт Кира с Филином к унгуцу и открывает кабину с брелка. -- Полезайте на заднее сиденье. Гхан-хон, держи, -- он выдаёт приютчику мешок с монетами. Кир недружелюбным взглядом следит за передачей вознаграждения. Гхан расплывается в щербатой улыбке.

-- Всего вам доброго, да хранят вас боги, добрые люди! Я уж прослежу, чтоб никто в ваши дела не лез, -- подмигивает.

-- Спасибо, Гхан-хон, -- Азамат слегка кланяется. -- Но наши-то дела всё равно скоро всем известны будут, можете не стараться.

Мы залезаем в кабину, Азамат через плечо проверяет, на месте ли ребёнок и собака, и закрывает купол. Кир широко раскрытыми

глазами следит за каждым движением отца, а потом таращится в окно, наблюдая за взлётом. Филин тоже утыкает чёрный нос в стекло и посвистывает.

-- Ф-фух! -- я откидываюсь на спинку сиденья и принимаюсь наконец-то рассматривать ребёнка. Я и до того заметила, но сейчас удостоверилась, что он тоже ксерокс с Азамата, как и Алэк. По фотографиям земных детей мы с Азаматом пришли к выводу, что восьмилетний муданжец должен выглядеть примерно как двенадцатилетний землянин, но Кир кажется младше на пару лет. Это, впрочем, легко объяснимо. Во-первых, он очень тощий, -- я когда его схватила на чердаке, прямо сквозь свитер все рёбра почувствовала, -- а во-вторых, даже на Земле постояльцы детских домов обычно выглядят младше своего возраста.

Кир отлипает от окна и хмуро смотрит на меня. Я вытряхиваюсь из шубы, потому что салон нагревается, стаскиваю с головы тёплый платок. Ребёнок отшатывается и вжимается в спинку.

-- Здравствуй, -- говорю. -- Давай знакомиться. Я -- Элизабет, жена твоего отца. Его зовут Азамат.

Мальчик сглатывает и отвечает:

-- Я Кир. Куда вы меня везёте?

-- Учитывая, что уже почти утро, и никто из нас ещё не спал, -- отвечает Азамат, -- я думаю, сначала мы остановимся в Худуле отдохнуть, а потом, наверное, к тебе, Лиза, полетим? А то в столице меня сразу работать заставят, а хотелось бы сначала познакомиться поближе и вообще, -- он оборачивается через плечо и подмигивает, но Кир только отодвигается ещё дальше в угол. Пёсик устраивается у него под ногами, сворачивается там как-то и не подаёт признаков жизни.

-- Давайте сразу проясним ситуацию, -- предлагаю я, устраиваясь на сиденье боком, чтобы быть лицом к Киру. -- Во-первых, Азамат и правда твой отец. Алансэ была его невестой, но бросила его за несколько месяцев до твоего рождения.

-- Алансэ -- это мать? -- тихо уточняет Кир.

-- Да, а ты не знал её имени?

Он мотает головой. Я оставляю при себе всё, что хочу сказать об этой женщине. Азамат поджимает губы.

-- Мне очень жаль, что так получилось, -- говорит он. -- Алансэ только вчера мне о тебе сказала. Если бы я знал раньше, я бы тебя

забрал. Но я почти всю твою жизнь был в изгнании, вернулся только этой весной. И не знал, что она была беременна. Мне правда очень жаль, -- он оборачивается к Киру. Тот смотрит то на него, то на меня из-под насупленных бровей и молчит.

-- Так вот, -- продолжаю я. До Худула лететь всего ничего, и я бы предпочла, чтобы там ребёнок уже знал, кто кому кем приходится. -- Алансэ заявила к нам вчера и потребовала денег за молчание. Денег нам не жалко, но мы не хотим, чтобы ты жил в приюте, поэтому мы решили тебя забрать и сказать всем, что ты на самом деле мой ребёнок. Понимаешь?

Кир сосредоточенно на меня смотрит.

-- Как это ваш?

-- Ну, я ведь жена Азамата. Вот пусть все и думают, что я твоя мать. А Азамат -- отец. Понятно?

-- Вы хотите так сказать?! -- изумляется мальчик. -- Зачем?

Я перевожу недоумённый взгляд на Азамата.

-- Затем, -- медленно отвечает он, -- чтобы сберечь мою репутацию.

Меня этот ответ несколько удивляет, но, видимо, Азамат решил, что так ребёнку будет понятнее на первых порах.

Кир очень странно на меня смотрит, потом пересаживается поудобнее и обхватывает себя руками.

-- Ты не мёрзнешь? -- спрашиваю. -- Хочешь, шубу дам?

-- Нет, спасибо, -- бормочет он. Но шубу я всё-таки перекладываю на заднее сиденье.

-- Ладно, -- продолжаю, -- ты, главное, запомни, что если кто спросит -- я твоя мать. А Алансэ тебя украла в младенчестве. Я так понимаю, ты её не особо любишь?

-- Она хочет меня убить, -- пожимает плечами мальчик.

-- Уже не хочет, -- успокаиваю я. -- Наш друг-духовник изменил ей память, теперь она тоже думает, что я твоя мать.

-- Мне вы тоже память измените? -- спокойно интересуется Кир.

-- Нет, я думаю, ты и так никому не скажешь. Сам посуди, если кто-нибудь узнает, твой отец может лишиться работы и уважения многих друзей. Твоя жизнь уж точно не улучшится.

-- Ясно, -- он угрюмо кивает. -- Я не скажу.

-- Вот и отлично, -- улыбаюсь. -- Ещё только одна мелочь. Мы с Азаматом поженились недавно, этой весной, поэтому будем считать, что ты родился в этом году, но по недосмотру провалился в зияние. Ты ведь знаешь, что это?

-- Знаю, -- кивает Кир.

-- Замечательно. Теперь повтори, пожалуйста, что ты скажешь, если тебя спросят, как всё было.

Кир корчит рожицу, мол, не тупой, запомнил, но послушно повторяет:

-- Я сын Азамата и Элизабет. Когда был мелкой козявкой, провалился в зияние, назад. Там меня нашла Алансэ и отвезла в приют. А вчера она пришла к вам и сказала, что я сын Азамата, и потребовала бабло. Вот и всё.

-- Умница, -- хвалю. -- Азамат, твой сын -- отличный парень.

Муж ухмыляется, а Кир снова принимается ёрзать на месте.

-- Вот мы и в Худуле, -- сообщает Азамат. -- Попробуем постучаться к Лентяю. Он спит, конечно, но я не хочу, чтобы к вечеру весь город знал, что мы здесь.

Мы приземляемся на площадке за трактиром, уже почти светло. Азамат открывает кабину, а затем багажник, вынимает шерстяное одеяло и заворачивает в него удивлённого Кира.

-- Ничего лучше пока предложить не могу, -- извиняется Азамат. Кир поднимает на него возмущённый взгляд, но ничего не говорит, только отшатывается. При свете разглядел, что ли?

-- Сам знаю, что страшный, -- сообщает Азамат. -- Но уж какой есть.

Я тайком улыбаюсь. Азаматова самооценка идёт на поправку.

Мы стучимся в дверь (о счастье, о цивилизация, здесь у домов есть двери!) и через пару минут её открывает заспанный парень -- один из сыновей Лентяя.

-- Ой, -- заторможенно говорит он, потом задумывается и добавляет: -- здравствуйте.

-- Здравствуй. Прости, что в такую рань, но иначе не вышло. Нам бы две комнаты и поесть.

-- Ага... -- кивает парень. -- Хорошо. Отца будить?

-- Если сам справишься, то не надо, только не говори никому постороннему, что я здесь.

-- Понял, -- парень протирает глаза и пропускает нас внутрь. -- Комнаты щас покажу, еда -- только вчерашняя. Нормально?

-- Пойдёт, -- улыбается Азамат.

Лентяйский сын проводит нас на второй этаж в комнаты. Мы с Азаматом переглядываемся и соглашаемся, что я сплю отдельно, а он -- с ребёнком. Пёс увязывается за нами, Кир опасно косится на него и на сына трактирщика.

-- Собачку тоже покормите, хорошо? -- прошу я.

-- Ага, -- кивает парень. Потом задумывается. -- Мы вообще собак в комнаты не пускаем, можно я его внизу привяжу?

Кир тут же вцепляется в ошейник пса и с вызовом спрашивает:

-- На улице?

-- Да нет, зачем, у нас есть тёплая пристройка, где охотники своих собак оставляют.

-- Не врешь? -- прищуривается мальчишка.

-- Кир! -- возмущённо окликает его Азамат. -- Ты не мог бы повежливее разговаривать?

Тот только поджимает губы.

-- Пойдёмте посмотрим на эту пристройку, -- предлагаю я. Очень спать хочется, скорее бы уложить уже всех этих мужиков, считая пса.

Хозяйский сын отводит нас через кухню, где прихватывает кусок мяса на кости, и какое-то складское помещение в пристройку, где действительно тепло, на полу навалено сено, сильно пахнет собаками, а у дальней стены привязаны два больших длинномордых охотничьих пса.

-- Юного князя устраивают условия? -- насмешливо спрашивает парень.

Кир молча кивает, треплет Филина по холке и самолично привязывает поводок к слеге. После этого пёс получает ужин, которому радуется так, как будто неделю не ел, а мы идём обратно в комнаты, где Азамат уже организовал мне и Киру по горячей ванне и принёс из унгуца сменную одежду.

Отмытый Кир выглядит несколько лучше, чем невымытый. По крайней мере, серые свалывшиеся космы сменились на блестящие чёрные волосы. Мы спускаемся в обеденный зал, где получаем по солидной порции бараньего шашлыка с чомой и грибной подливкой.

Кир смотрит на мясо, как будто это платиновый слиток, и как только наш метрдотель отворачивается, хватает куски мяса руками и принимается стремительно уминать, почти не жуя.

Азамат ловит его за руку. Кир вздрагивает и сжимает кусок так, что сок течёт по руке.

-- Тише, тише, -- укоряет его Азамат. -- Не спеши, не убежит.

-- И никто у тебя из тарелки еду не отберёт, -- добавляю я.

Кир послушно умеряет темп, но всё время зыркает на нас исподлобья, то ли боится, что и правда отберём ужин, то ли надеется, что отвернёмся. Азамат наливает ему молока, чтобы не икал после скоростного заглатывания, но ребёнок и молоко опорожняет одним глотком, а потом переводит дыхание. В итоге мы ещё и по полтарелки не одолели, а Кир уже сидит, со скучающим видом ковыряет ложкой в чоме.

-- Наелся? -- спрашивает Азамат. Ребёнок пожимает плечами. -- Подливку попробуй, очень вкусная.

Кир послушно пробует подливку, но, видимо, не разделяет Азаматовых вкусовых предпочтений. Мы продолжаем жевать в молчании, Кир только время от времени косится на нас, и наконец набирается храбрости спросить:

-- А можно ещё мяса?

Азамат открывает рот, чтобы разрешить, но я его перебиваю:

-- Думаю, на сегодня хватит. Утром ещё съешь.

Кир сникает, а Азамат вопросительно хмурится.

-- Как бы ему плохо не стало, -- говорю. -- Жареное в сухомятку на голодный желудок, не жуя... Тем более, он, видимо, нечасто мясо ест. Пускай сначала это переварит.

Кир корчит рожицу и отворачивается.

-- Можешь ещё молока выпить, -- говорю. Он тут же оживляется. -- Только медленно. И помой руки, я тебя умоляю, весь перепачкался, смотреть страшно.

Азамат наклоняется ко мне и тихо говорит:

-- Лизонька, иди спать. Ты устала, золотко. Я прослежу, чтобы всё было в порядке.

Я ухмыляюсь.

-- Что, я уже настолько всех заклевала? Ладно, спокойной ночи, воспитанием займёмся завтра.

Встаю, обхожу стол, целую Кира в макушку и ползу на второй этаж. Ребёнок провожает меня неприязненным взглядом.

Глава 12

Я просыпаюсь через какие-то жалкие шесть часов, на дворе ещё светло. Не могу сказать, что отдохнула, но и заснуть обратно не выходит -- нервничаю. Ладно, пойду проверю, всё ли хорошо у моих мальчиков.

Картина, открывающаяся мне в соседнем номере, в чём-то комична. Оба спят в совершенно одинаковой позе, засунув голову под подушку и положив сверху локоть. Я не сдерживаюсь и фыркаю. Азамат вздрагивает и просыпается. Тут же вытаскивает голову на волю и вглядывается в Кира. Тот спит. Я открываю рот, чтобы привлечь к себе внимание, но Азамат сам меня замечает, подрывается с лежанки и выводит меня в коридор, тихо, но плотно закрыв дверь.

-- Ты чего? -- удивляюсь я.

-- Не буди его, -- понизив голос, отвечает муж. -- Он только недавно заснул. Сначала всё на меня тарацился, сам себя будил, встряхивался, как будто боялся спать. Я тоже всё дёргался, как бы он не сбежал, но потом усталость пересилила.

Я только головой качаю.

-- Ох и намучаемся мы с ним...

-- Лиза, ты можешь полностью переложить все заботы о нём на меня, -- тут же говорит Азамат. -- Он мой сын, и тебе с ним мучиться совершенно необязательно. Ты и так уже подвиг совершила, что его приняла в семью и меня простила. Никто от тебя не может ждать большего!

-- Ну ты что, Азамат! -- возмущаюсь я. -- Какая же у нас будет семья, если я не буду общаться с твоим ребёнком? Тем более, у тебя времени на него будет -- с кошкин зуб, а с мальчиком надо много заниматься, чтобы он как-то обжился, привык к нам... Я словами на ветер не бросаюсь, если уж назвалась матерью, то матерью и буду.

Азамат хмурится и явно колеблется, но наконец говорит:

-- Это очень благородно с твоей стороны, но не думаю, что тебе стоит себя заставлять... Он ведь тебе не понравился.

Я на пару секунд теряю дар речи.

-- С чего ты взял?

-- Ну, я же вижу, как ты на него смотришь, как разговариваешь. Ты даже к Ирих лучше относилась.

-- Солнце, да я с ним общалась-то часа три максимум, и, согласишься, за это время он успел создать кучу проблем. Нельзя же сразу прям полюбить!

-- Конечно, нельзя, -- соглашается Азамат. -- И не нужно. Если он тебе неприятен -- так не общайся с ним. Я разберусь. Ему и так досталось в жизни, я хочу, чтобы ему было хорошо, а ты только будешь его понукать и напоминать ему, что он чужой.

Я встряхиваю головой, чтобы убедиться, что не сплю. Вот только ссоры с мужем мне не хватало для полного счастья. Что ещё за идеи такие?

-- Это тебя так разозлило, что я ему не разрешила вчера вторую порцию мяса съесть? -- спрашиваю.

-- Ну, и это в частности, -- уклончиво отвечает Азамат. -- Он в приюте мясо видел раз в год по праздникам. Ну подумаешь, стошнило бы, велика беда.

-- Стесняюсь напомнить, -- говорю, -- но я врач. Для меня здоровье важнее чувств. Это касается всех пациентов, в том числе тебя. Помнишь, как тебе поначалу было неприятно передо мной раздеваться? И ты думаешь, раз я всё равно заставляла тебя лечиться, это значит, что я тебя не любила?

Азамат моргает.

-- Я как-то об этом в таком ракурсе не задумывался... М-да, извини, всё время забываю, что для тебя профессиональное важнее личного.

-- Ну, положим, не всегда, но когда речь идёт о здоровье моих близких, то я не задумываюсь об оскорблённых чувствах. Когда прилетим на Дол, первым делом Кира надо будет обследовать. Мало ли, может, ему вообще особая диета нужна, он в приюте мог чего угодно набраться. И тощий ужасно. Об этом бы подумал. Я ещё про Алэка тебя предупреждала: баловать не позволю! Надо было, когда вчера летели в приют, не сканворды гадать, а читать методички по усыновлению. В ближайшее время этим и придётся заняться.

Азамат некоторое время смотрит на меня изучающе.

-- Прости, -- говорит наконец. -- Я поспешил с выводами. Ты права, мы его ещё совсем не знаем. Но обещаю тебе, Лиза, пожалуйста,

что если он будет тебя раздражать, ты сразу скажешь мне и предоставишь мне его воспитывать самому. Я очень боюсь тебя потерять из-за него.

Вздыхаю и тру лицо.

-- Что ж ты так паникуешь каждый раз? Мы с тобой вместе до сих пор со всем справлялись. И с этим справимся, чего психовать-то? Никуда я от тебя не денусь. Только не надо сразу собак спускать, если я на твоё чадо не так посмотрю. Ты же не думаешь, что я буду ему нарочно вредить, правда?

-- Конечно, нет! Но, мне кажется, ты могла бы быть помягче...

-- Вот с этого и надо было начинать, а не с "не тронь, моё!". Я постараюсь быть с ним поласковой, понимаю, что ему этого в жизни очень не хватало. Но здоровье всё-таки важнее.

Азамат кивает и обнимает меня немного отчаянно, видно, и впрямь перепугался вчера. Глажу его по спине, целую сквозь рубашку. Кир -- не единственный, кому в нашей семье не хватало ласки.

-- Ладно, -- вздыхает Азамат, успокоившись, -- скажи мне теперь, пожалуйста, когда ему можно будет есть вдоволь?

-- Да можно-то хоть сегодня, только надо заказать что-нибудь полегче. Супчик, например, тушёное что-нибудь, варёное... Молоко, опять же, кефир. И пускай ест, сколько хочет, лишь бы не болел.

-- Ба-а, какие гости! -- слышится из-за моей спины. Я мгновенно оборачиваюсь. Оказывается, это Лентяй поднялся поздороваться.

-- Здравствуй, -- Азамат смущённо улыбается. -- Буду благодарен, если ты не станешь оповещать всех постояльцев, что я здесь.

-- Да уж знаю, -- ухмыляется Лентяй, поглаживая бороду, -- что ты тайком вчера пробрался. Но не переживай, постояльцев у меня сейчас нет. Двое ночевали, так они утром убыли. Не сезон сейчас, знаешь ли. Так что спускайтесь-ка вы в зал, да отобедайте свеженьким, уважьте хозяина.

-- Мы бы рады, -- начинает Азамат, -- но...

Тут дверь, у которой мы всё это время стояли, приоткрывается, и в образовавшуюся щель высовывается косматая голова Кира. Поняв, что его заметили, он вздыхает и выходит весь.

-- Доброе утро, -- приветствую я. -- Как спалось?

Он смотрит на меня, как на ненормальную.

-- А, вот и твой парнишка! -- радостно говорит Лентяй, как будто уже сто лет знает о существовании Кира. -- Как же, как же, мне сын про него говорил! Ну давайте, чего застряли, идёмте вниз!

-- Пойдём завтракать? -- предлагает Азамат Киру. Тот пожимает плечами и топаёт вместе с нами к лестнице.

Одежда на нём тоскливая. Всё те же вчерашние залатанные шерстяные штаны, рубашечка на пару размеров меньше, чем нужно, с оторванным карманом, ботинки... как будто сшитые из кусков валенка и стропы. Похоже, на босу ногу. Надо где-то прикупить ему одежды до того, как в столицу приедем, а то неприлично. Но Азамату лучше до ночи из трактира носа не высовывать.

-- Лентяй, послушайте, -- говорю негромко, -- нам бы мальчика одеть... Тут поблизости нет какого-нибудь магазинчика, чтобы продавец нелюбопытный был?

Лентяй задумчиво скребёт бакенбард.

-- У брата моей жены магазин есть, там всякое земное шмотьё, вроде как модное, да я в этом не понимаю ничего. Скучные такие тряпочки, да и толкает он их, скажу я вам, втридорога, но молчать будет, как демон. И идти недалеко.

-- Лиза, я не хочу, чтобы до официального заявления... -- начинает Азамат, но я перебиваю.

-- Ты останешься здесь, я с ним схожу. Косынку надену, кто приглядываться будет? Да и даже если узнают, я вполне могу тут пациента навещать, кому какое дело. Незаметно купить ему одежду в Ахмадхоте будет гораздо труднее, а в том, что есть, Старейшинам его не покажешь. Да и холодно, и антисанитарно.

Я ворчу частично на всеобщем, потому что в мударжском некоторые ключевые понятия по-прежнему отсутствуют, и Кир смотрит на меня настороженно.

-- Ты извини, -- поворачиваюсь к нему, -- что я непонятно говорю. Я сама с другой планеты, мне иногда трудно объясняться на мударжском языке.

Глаза у него становятся размером с блюдце.

-- Что предпочитаете на завтрак? -- спрашивает Лентяй, поскольку мы как раз уселись за столом.

Азамат тут же заказывает жидкое мясное рагу и сыр. Надеюсь, что Кир это потянет. Лентяй вальяжно удаляется на кухню. Ребёнок

ёрзает на месте и жуёт губу. Наконец решается спросить:

-- С другой... чего вы?

-- Планеты, -- повторяю.

-- А... что это?

Азамат хмыкает, а я в растерянности.

-- Планета, сынок, -- принимается объяснять он, -- это огромный шар земли. Вот мы сейчас находимся на планете Муданг. Это ты знаешь?

Кир неуверенно кивает.

-- Всё, что ты знаешь, умещается на этой планете, -- продолжает Азамат. -- И твой приют, и столица, и Северные горы, и Южные острова. И океан, конечно. Только солнца, луны и звёзды -- не на планете.

-- И она что, -- Кир поводит глазами в мою сторону. -- С солнца?

-- Нет, на солнце слишком горячо, там никто не живёт. Лиза просто с другой планеты.

-- А их много? -- поёживаясь уточняет Кир.

-- Как шишек в лесу, -- отвечает Азамат.

-- Во всём лесу?

-- Я бы даже сказал, во всех лесах.

-- Ого.

Кир утыкается взглядом в край стола и осмысливает объяснения. Азамат меж тем достаёт телефон, раскрывает в нём карту звёздного неба и кладёт перед Киром.

-- Вот, смотри. Узнаёшь летнее небо?

Тот кивает.

-- Вот тут видишь, где кончается горох и начинается кунжут? А теперь увеличиваем -- раз, ещё, и ещё... Видишь, спиралька? Это галактика Млечного пути, она так называется. А в ней... оп-па, вот она Земля. Оттуда Лиза к нам и прилетела.

Ребёнок переводит зачарованный взгляд с меня на карту и обратно. Наконец спрашивает:

-- А как выглядит Муданг? Снаружи?

-- Сейчас вернёмся, покажу, -- охотно отвечает Азамат и переходит обратно к галактике Водоворот. -- Вот, гляди. Наше Солнце с Присолнышком и планета.

-- Солнце такое большое?!

-- Ага, оно просто далеко...

Азамат продолжает объяснять азбучные истины, а я сижу и улыбаюсь. У мужа глаза блестят азартом, даже похорошел как-то внезапно. Дорвался наконец воспитывать потомство. Алэк-то ему маловат пока, едва-едва сидеть учиться. А тут вдруг настоящий человек, да ещё и любопытный, похоже, в папу.

Мы даже не замечаем, когда появляется Лентяй с завтраком. Он окидывает насмешливым взглядом Байч-Харахов и подмигивает мне, мол, тоже понимает, что происходит. Вид еды, однако, временно перебивает у Кира жажду знаний.

Ребёнок навораживает мясо-молочную кашу так, как будто месяц не ел. Азамат косится на меня, но я только отмахиваюсь. Раз уж ему вчера с шашлыка не сплехело, от этой штуки вряд ли что-то будет, разве только пронесёт. Так что пускай наслаждается изобилием.

Я стоически молчу, когда Кир выпрашивает добавки. Когда он начинает требовать третью порцию, у Лентяя высоко поднимаются его кустистые брови. Азамат смотрит на меня беспомощно, мол, что делать?

-- Несите, -- вздыхаю и принимаюсь одеваться. Аптечка у меня в унгуце.

Кир послушно выпивает таблетку для облегчения пищеварения и уминает ещё полпиалы, но потом всё-таки притормаживает. Смотрит на еду жадно, ложкой возит, но запихнуть в себя больше не может.

-- А где Филин? -- спрашивает наконец.

-- Там же, где ты его вчера привязал, -- отвечает Лентяй, с интересом наблюдающий за нами от двери кухни. -- Его уже кормили после полудня, но я думаю, он не обидится, если ты поделишься.

-- Ты сам-то не обидишься? -- уточняет Азамат. -- Ты же готовил.

Лентяй хохочет.

-- После третьей добавки трудно поверить, что клиента не устроил вкус! Уж вижу, что больше не лезет. Пойдём, пацан, побалуешь своего пса моей стряпней.

Мы берём напрокат одну из хозяйских шуб, чтобы Кир не замёрз и не привлекал внимания, я натягиваю косынку по самые брови, и в сопровождении самого Лентяя мы топаем за покупками.

Азамат остаётся в своей комнате собираться и звонить потерявшим его подчинённым.

Лавка Лентяева шурина и правда в двух шагах, мои предосторожности оказываются излишними, нам никто даже не встречается по дороге. Мы заходим в крепко сбитый небольшой домик с вывеской "Земля дизайн" (слово "дизайн" просто переписано со всеобщего муданжскими буквами).

Поскольку на Муданге магазины обычно находятся прямо в доме торговцев, у них нет определённых часов работы. Хозяин дома и не спит -- значит, заходи и покупай. О наличии хозяина свидетельствует верёвочный "статус" на двери. Если же ты большая шишка или собрался потратить много денег, хозяин не обидится и на побудку среди ночи. К сожалению, еду продают только на рынках, а там торговцы сворачиваются рано. Зато многие трактиры открыты круглые сутки, а по цене поесть дома и в трактире -- не существенно отличается. Замужним женщинам женатые трактирщики часто делают скидки, выражая таким образом солидарность с их мужьями, которым пришлось бы отрываться от работы, чтобы приготовить обед.

Товарный зал у нашего лавочника невелик, но густо увешен и завален самыми разными земными товарами -- от компьютеров до галстуков. Мы здороваемся, Лентяй занимает шурина разговором, а я подвожу Кира к стене, на которой висит одежда.

-- Ну, дружок, давай выбирать.

Кир опасно поглядывает на меня и на одежду.

-- Что, прям вот так? Что хочу, то и беру?

-- Сначала надо прикинуть, что тебе нужно.

-- Ничего мне не нужно, у меня всё есть, -- хмуро отвечает ребёнок.

-- То, что у тебя есть, годится разве что в лес за грибами ходить, да и то холодно. Тебе нужно всё новое купить, понимаешь?

Кир кивает, осматривает ассортимент и снимает с вешалки самые простейшие штаны серо-бурого цвета и такую же рубашку. На этом он останавливается и выжидательно смотрит на меня.

-- Замечательно, -- говорю. -- Но этого мало. Выбери, пожалуйста, ещё две пары штанов и десять рубашек, потом футболки, носки...

-- Зачем? -- перебивает Кир странным голосом. -- Зачем так много? Старейшины будут смотреть на мои носки? И зачем для поездки в столицу трое штанов?

-- Затем, что ты там жить будешь! И да, Старейшины будут смотреть на твои носки, потому что в Доме Старейшин нужно разуваться.

-- Жить в столице? -- недоверчиво переспрашивает Кир.

-- Ну конечно, твой отец ведь там работает!

Кир хмурится и ещё раз обводит взглядом вешалки. Потом понижает голос и, косясь на лавочника, занятого разговором с зятем, тихо говорит:

-- Трактирщик сказал, что этот магазин дорогой. Может, здесь немножко купить, а остальное потом, подешевле?

-- Это мысль разумная, -- ухмыляюсь, -- но тебе не стоит волноваться о деньгах. Во-первых, мы с твоим отцом очень богатые люди. Во-вторых, у нас обычно мало времени, поэтому раз уж мы пришли в магазин, так надо закупиться как следует, и потом об этом не думать. А в-третьих, в столице уж точно не будет дешевле, чем здесь.

-- Понятно, -- кивает Кир и снова принимается ворошить ассортимент.

-- Только я тебя очень прошу, -- говорю, -- выбирай то, что тебе действительно нравится, а не то, что кажется самым дешёвым. Это земные вещи, ты не можешь догадаться, какие из них стоят больше, а какие меньше.

Кир задумывается, потом оглядывается на меня и вешает обратно те два предмета, которые уже выбрал. Роемся он основательно, явно считая это ответственным делом, и в итоге нагребает всякой яркой дребедени -- красные, синие, зелёные штаны с узорчиками, рубашки всех цветов радуги, какие только допустимы для мальчиков, носки вырви-глаз и бельё в динозавриков. К этому добавляется кислотно-зелёная зимняя куртка, которая ему ужасно не к лицу, и такие же кроссовки. Ладно, изделия из кожи и меха мы лучше и правда в столице купим, а пока главное, чтобы ему нравилось и было тепло.

Ребёнок обозревает кучу барахла, которую принимается упаковывать лавочник, и задумчиво изрекает:

-- Я с вами никогда за всё это не расплачусь...

Боже, как предсказуемо.

С тяжёлым вздохом беру его за плечи и разворачиваю к себе так, чтобы смотреть в глаза.

-- Тебе не придётся ни за что расплачиваться. Родители покупают вещи своим детям, это нормально.

Кажется, я немножко перестаралась с доходчивостью -- он вдруг пугается и втягивает голову в плечи. Приходится притянуть его поближе, погладить по голове и спине. Он уже почти с меня ростом, поэтому ощущение странное. Вроде ребёнок, а глаза вровень с моими. И это он ещё сутулится. Видимо, будет такой же гигант, как Азамат.

Мы возвращаемся к трактиру, гружёные огромными сумками. Азамат уже сидит в унгуце, а один из сыновей Лентяя держит на поводке Филина, выгулянного перед дорогой. Пёс машет нам хвостом, который у него не скрученный в колечко, как у лайки, а просто прямой, волчий такой, с длинным мехом. В карих глазах светится любопытство, Филин с огромным интересом обнюхивает хозяина в новой одежде.

-- Ну, совсем другое дело, -- удовлетворённо замечает Азамат, вылезая из унгуца, чтобы забросить сумки в багажник. -- Такой приличный мальчик, не стыдно и при дворе показаться.

Кир кроит перекошенную рожу.

Мы забираемся в салон, делаем ручкой Лентяю и его сыновьям и отрываемся от земли. Филин решает понаглеть и забирается на сей раз на сиденье. Я строго грожу ему пальцем, но Азамат отмахивается.

-- Пускай лежит на мягком, лететь долго.

Кир поначалу смотрит в окно, разглядывая горы, леса и огоньки, зажигающиеся в Худуле, но потом становится темно, Худул скрывается за предгорьями Ахмадула, и ребёнок отрубается щекой на собачьем боку. То-то, ночами не спать!

Азамат включает тихую музыку и подпевает себе под нос, уверенно ведя машину. Погода нынче ясная, луна восходит оранжевая в пол-неба.

Я же осваиваю новые мощности унгуца. Подключаю телефон к панели управления, вызываю на стекло перед собой экран телефона, после чего принимаюсь заниматься сетесёрфингом на тему обращения с приёмным ребёнком раннеподросткового возраста. Листаю статьи, просматриваю форумы... и чем дальше, тем печальней видится мне ближайшее будущее. От обычной ситуации с усыновлением

детдомовского ребёнка наша отличается по двум пунктам: мы его не выбирали и не можем вернуть обратно.

Молоко у меня подпирает, постоянно напоминая про оставленного в столице Алэка -- уже две ночи маму не видел, бедный. Я, правда, начала его прикармливать, поэтому для еды я ему уже не так необходима, Тирбиш с банкой детского питания его вполне устраивает. Но всё равно неправильно это, бросать его на несколько дней. Ладно, будем считать, что поездка за Киром -- это ЧП, и в ближайшие месяцы ничего подобного не повторится.

Прилетаем мы под утро. За это время я успела начитать истории усыновления до предынфарктного состояния, забрать у Азамата руль, чтобы он тоже почитал и поужасался, дать ему поспать и вернуть руль обратно. Кир просыпается только на подлёте и вместе с Филином прилипает к окну, восторженно рассматривая мой дом.

-- Любуйся-любуйся, -- говорю. -- Это твой отец строил.

Когда мы выгружаемся и, сладостно разминая ноги, ползём к дому, навстречу нам выбегают мои коты. Честно говоря, когда я соглашалась взять ребёнка собаку, я и думать забыла про котов, да и вообще что мы полетим на Дол. Коты тоже не сразу врубаются, что у них могут быть проблемы. Мчатся к нам, мявча и мурлыча, и едва добежав принимаются усердно тереться об ноги.

Филин и Кир замерли в нерешительности. Кир, правда, на котов не обратил внимания, он всецело поглощён рассматриванием дома. А вот пёс смешно растопырил лапы и вертит головой, пытаюсь не упустить из виду ни одного из троих кошек. Потом он издаёт негромкий вопросительный вяф. Кир оборачивается и наконец-то замечает котов. Я беру Электрона на ручки и глажу, а он всё норовит понюхать, чем пахнет у меня изо рта.

-- Филин! Нельзя! Не смей! -- вопит Кир, дёргая за поводок. Пёс, впрочем, кажется, ничего и не пытался сделать. Но чтобы успокоить хозяина, ложится на землю, демонстрируя полное отсутствие интереса к котам.

-- Он у тебя кошек гоняет? -- спрашиваю.

-- Он их не видел никогда, -- озабоченно говорит Кир. -- Я и сам только издали...

-- Тогда давай их познакомим, -- предлагаю. -- Все трое -- коты, вот это Электрон, у Азамата на руках Тау, а Мюон самый

независимый, вон в сторонке топчется. На, хочешь подержать?

Кир осторожно принимает у меня Электрона, который тут же принимается обнюхивать его лицо. Нюхает-нюхает и чихает. Кир смеётся, тихо, не открывая рта, как будто не хочет признаваться, что ему смешно.

Тем временем Мюон подходит к Филину и начинается знакомство. Азамат выпускает Тау и с любопытством наблюдает, что будет. Филин тщательно принюхивается, потом, видимо, забывает, что хозяин сказал "нельзя", и пытается играть -- напрыгивает, приседает, клацает зубами. Кир замечает это и хватает поводок, чтобы оттащить пса, но тот именно в этот момент прикусывает Мюону хвост, кот удивляется, возмущается и залепляет Филину по носу когтистой лапой. Воздух над долом заполняется жалобным скулежом.

-- Филин, я же сказал нельзя!!! -- кричит Кир, вцепившись в ошейник пса. Мюон поворачивается к нему задом и пару раз выразительно копает лапой.

-- Мюон, зараза! -- я поднимаю кота за шкурку и легонько шлёпаю. -- Не бей маленьких!

-- Я думаю, Филин больше к нему не подойдёт, -- усмехается Азамат, присаживаясь на корточки. -- Да ладно тебе, -- говорит он псу и треплет его по холке. -- Нос заживёт, ничего страшного. Пошли в дом.

-- Его тоже в дом? -- уточняет Кир.

-- Ну, а куда ещё? -- разводит руками Азамат. -- У нас тут только дом и гараж. Конечно, не так холодно, как на Сиримирне, но жалко твоего щенка в незнакомом месте на ночь оставлять на улице. Тут лесные жители непуганые... Сегодня в доме переночует, а завтра соорудим ему конуру с подогревом, как тебе такой вариант?

-- Хорошо, -- осторожно отвечает Кир и заходит в прихожую со скулящим Филином на поводке.

Я разуваюсь первая и сразу включаю отопление. Мы все устали и нанервничались за последние сутки, так что связываться с приготовлением ужина неохота, а из готовой еды одни только мои молочные продукты в холодильнике. Азамат берёт себе бутылку несладкого кефира со злаками, я организую нам всем горчий шоколад. Кир спрашивает разрешения попробовать малиновый йогурт.

-- Ешь, пожалуйста, -- говорю. -- Только учти, что это из молока и сладкое.

Кир удивляется, но всё-таки открывает стаканчик и пробует инопланетное блюдо. Думает. И доедает. И потом ещё четыре штуки.

-- Неужто понравилось? -- удивляется Азамат. -- Ну и дрянью же вас кормили в приюте! Как ты это можешь есть?

Кир пожимает плечами:

-- Сладко.

Я наливаю всем какао и ухожу сцеживать молоко, а то сил никаких нету. Когда возвращаюсь, Азамату звонит встревоженный Алтонгирел, которому, оказывается, было обещано, что мы отзвонимся, как только долетим до дома. Азамат выходит в гостиную поговорить, а я иду мыть ванну, чтобы потом мыть в ней ребёнка перед сном.

-- Опять мыться? -- хмурится Кир, когда я возвращаюсь за ним с пижамой и полотенцем. -- Я же вчера мылся!

-- У нас заведено мыться каждый день, -- говорю. -- Благо всегда есть горячая вода, и это совсем легко.

Кир ещё сильнее сдвигает брови, опускает голову и понуро топает в ванную, а я -- вверх, стелить постели.

Наконец все дела переделаны, мужики распиханы по комнатам, и я сама провинчиваюсь под бочок к Азамату. Неужели я дома, почти со всей семьёй, и всё устроилось?..

Глава 13

Никогда не верила в дурные числа. Вот же встали мы в тринадцать ноль-ноль, и всё хорошо. И на кухню вышли, завтрак сготовили, и всё хорошо. Тирбишу я позвонила, но Алэк спал. Кошкам дали сметанки... А где собака?

-- Кир к себе в комнату его забрал, что ли? -- спрашивает Азамат, оглядываясь.

-- Вчера пёс оставался в гостиной... -- пожимаю плечами. -- Разве что потом нашёл лестницу и поскрёбся к хозяину... Наружу-то он выйти никак не мог, обе двери заперты.

Азамат бросает взгляд на часы.

-- Пойду подниму нашего героя.

-- Да зачем? Пускай спит.

-- Ну, я посмотрю, не у него ли пёс. Если нет -- надо искать. Да и завтрак остынет...

Муж выходит, а я принимаюсь загружать тарелки в посудомойку. Азамат вдруг вбегает обратно в кухню, глаза вытаращены, волосы, незаплетённые с утра, развеваются...

-- Его нет!

-- Как нет? -- ахаю я, едва удерживая тарелку.

-- Постель нетронута, куртка и кроссовки исчезли! -- тараторит муж, натягивая шубу.

-- В других комнатах смотрел? Или, может, он пошёл с собакой гулять?

-- Ты посмотри по дому, а я снаружи, -- бросает муж и выбегает за дверь.

Я высказываюсь по поводу Кира в том же духе, что он сам вчера на крыше высказывался по поводу Гхана. Это у нас теперь так и будет каждый день, что ли?

Вытираю руки и бегу осматривать дом. На третьем этаже пусто и пыльно, на втором мой кабинет мной же и заперт, остальные комнаты пусты, внизу проверяю все шкафы, чулан, ванную, лифт, снова поднимаюсь, сбегая по лестнице, заглядываю в туалеты... Нету его тут. Отчаявшись, натягиваю шубу с сапогами и выхожу наружу.

-- Дома нету! -- кричу Азамату. Он в растерянности стоит на тропе, ведущей в лес. Ох, что-то у меня в коленях слабость...

-- Тут следы, -- говорит муж неверным голосом. -- Его и собаки. Вместе ушли.

-- Думаешь, сможем догнать?

-- Надо попытаться. Пойдём скорее...

Мы чуть не бегом врываемся в лес, мчимся по натопанной дорожке, где в тонком вчерашнем снегу отчётливо видны рельеф подошв и собачьи лапки. Однако стоит кронам над головой сомкнуться, как снег кончается, а на мёрзлой земле ничего не отпечаталось...

Азамат ещё некоторое время находит какие-то улики -- треснувший под ногой сучок, обтрясённая от листьев ветка, клочок собачьего меха на кусту, -- но на очередной развилке дорожки и он теряет след. Стоит посреди леса, на лице страх и неверие, взгляд мечется...

-- Боги, да что же я такое сделал? -- шепчет. -- Ну что ему не понравилось?

-- Ты не виноват, -- качаю головой. -- Он просто никому не доверяет. Надо организовать поиски.

-- Да, конечно, -- Азамат поспешно кивает и принимается шарить по карманам в поисках телефона. -- Проклятье!

-- Дома забыл?

-- Да нет... Погоди, а кошелёк-то где?

Я удивлённо моргаю: зачем ему кошелёк? Запускаю руки в свои карманы -- а там ничего нет. Отлично.

-- Да он не с пустыми руками ушёл, -- хмыкаю. -- В чём-то это даже разумно, вот только в горах деньги не помогут.

-- Пойдём скорее домой, я позвоню с бука. Не приведи боги он на разбойника нарвётся, с деньгами-то!

-- Как думаешь, он далеко ушёл? -- спрашиваю на бегу обратно.

-- Не знаю, когда он вышел, но светает сейчас примерно в девять, значит, у него было четыре часа по свету, а тропы здесь хорошие, идти нетрудно. Пару артунов мог отмахать уже!

Мы выскакиваем из леса обратно к дому, Азамат чешет впереди, я семеню следом. Внезапно Азамат тормозит так резко, что я в него впечатываюсь.

-- Тихо, -- он поднимает палец и нервно оглядывается. Видок у него тот ещё -- сам бледный, волосы всклокоченные, лицо как будто вытянулось...

-- Что такое? -- спрашиваю шёпотом.

-- Мне кажется, я слышал какой-то голос, -- хмурится муж, поворачиваясь к лесу.

Я изо всех сил прислушиваюсь, но кроме ветра и скрипа деревьев ничего не слышу.

-- Думаешь, он решил вернуться и заблудился? -- предполагаю.

Азамат только качает головой и отворачивается. Вид у него совершенно убитый.

И тут уже я отчётливо слышу шаги.

Мы оба подскакиваем, как напружиненные, разворачиваемся в воздухе и впиваемся взглядами в гущу деревьев. Шаги приближаются.

-- Больше одного, -- хмурится Азамат. -- Это может быть сторож с сыновьями.

Наконец между деревьями начинает что-то мелькать. Я не разбираю, что именно, а вот у Азамата глаза расширяются.

-- Что там? -- дёргаю его.

-- Э-э...

Пока Азамат подбирает слова, я тоже начинаю различать. Из лесу к нам идут двое: Кир в своей кислотной куртке и прикормленный нами демон. Пёс трусит по другую сторону от демона. Азамат не выдерживает, срывается с места и бежит им навстречу. Я нерешительно слеую за ним -- не спугнуть бы лесного жителя...

Но он оказывается не из пугливых. Дойдя до крайних деревьев, останавливается и ждёт, пока мы подбежим. Кира он крепко держит повыше локтя, а Филина на поводке. Ребёнок выглядит жутко -- бледный, перепуганный, на лбу царапина. Пёс тоже хвост поджимает. Когда Азамат приближается, Кир шарахается и съёживается, но Азамат, похоже, не замечает -- сгребает его в охапку, поднимает над землёй и так держит, причитая.

Демон выпускает пленника и ухмыляется.

-- Ваш? -- спрашивает меня, когда я подбегаю.

-- Наш, -- вздыхаю тяжело. -- Спасибо, что привёл. Давай собаку...

Лесной житель протягивает мне поводок. Рука у него человеческая, только украшена прозрачными коготками. Уши под волосами и правда мохнатые, торчат в стороны, шевелятся сами по себе.

-- Ружьё утонуло, -- сообщает демон. Голос у него сиплый, как у сиамского кота.

-- Какое ружьё? -- не понимаю.

Демон кивает на Кира.

-- У него было.

Кир висит в руках у Азамата, как тряпочная кукла, и вид у него совершенно ошарашенный. Отец вцепился в него и только бормочет:

-- Что ж я тебе плохого сделал, сынок, а? Ну чего ты испугался? Разве я тебя обидел?

-- Говорил тебе, -- скрипит демон, -- не убьёт.

-- Ты, может, зайдёшь поешь? -- предлагаю демону. -- Сливки, правда, нету, но масла дадим... или мяса.

Демон широко зевает, демонстрируя длинные клыки с вертикальной красной полосой каждый.

-- Вечером, -- отрезает он и встряхивает ухом.

-- Хорошо! -- охотно соглашаюсь. -- Спасибо тебе огромное ещё раз!

Демон жмурится, фыркает и отворачивается, опускаясь на четвереньки. одновременно его рваная одежда темнеет, вверх выстреливает пушистый хвост, и вот уже к лесу трусит огромный чёрный барс.

Азамат с Киrom, как и я, провожают потрясёнными взглядами нашего лесного соседа.

-- Считается, что они никогда этого не делают в присутствии людей, -- произносит наконец Азамат и ставит Киру на землю. -- Ладно, пошли домой. Боги, Кир, мы тут чуть с ума не сошли, я уже собирался созывать людей, чтобы прочёсывать лес с двух концов. Почему ты сбежал?

Ребёнок угрюмо молчит.

-- Я думаю, -- начинаю негромко, -- что пытаться снова бессмысленно. Этот друг тебя найдёт в своём лесу, куда бы ты ни забился. А в степи наши табунщики примут тебя с распростёртыми объятьями. В любом случае, здесь поблизости нет никаких городов, а деревни редкие и хорошо спрятаны. Зато в лесу полно зияний. Хочешь выдумку в жизнь воплотить?

Мы входим в дом, и Азамат помогает Киру высвободиться из тяжёлой куртки. В ней явно бряцают монетки. Азамат смотрит на ребёнка в упор и вопросительно поднимает бровь. Тот тяжело вздыхает и извлекает из внутренних карманов два кошелька -- попросту мешка с монетами -- и Азаматов мобильник.

-- А про какое ружьё говорил демон? -- спрашиваю, забирая своё имущество.

-- Я взял из чулана, -- тихо, почти шёпотом отвечает Кир. Это первое, что он сказал сегодня утром. Он задумывается и быстро добавляет: -- Это не я его утопил! Я защищался от демона, но он как-то оказался у меня за спиной, схватил ружьё и бросил в озеро! Это не я!

-- Хорошо хоть, тебя не бросил, -- вздыхает Азамат. -- Ну чем ты думал, когда в лес пошёл? А если бы на тебя разбойники напали? Ты же весь звенишь, из-за гор слышно!

Кир сглатывает и косится на отца.

-- Она сказала, -- он мотает головой в мою сторону, -- что вы богатые, и столько денег не проблема.

Азамат закатывает глаза и принимается читать нотации, всё больше распаляясь по ходу.

-- Да причём тут деньги?! Тебя могли убить! Люди, звери, кто угодно! Ружьё он взял, против демона. Можно подумать, великий охотник. Мой отец с пяти лет охотился, за всю жизнь в демона один раз попал! -- он в сердцах распахивает чулан и осматривает оставшиеся ружья. Качает головой. -- Ты взял гарнетское. Ты хоть знаешь, что такое лазер? Как пользоваться самонаводящимся оружием? Даже если бы тебе встретился волк, а не демон, ты бы просто не понял, как стрелять! Оно же электронное, там режимы выбирать надо, а они словами написаны на неизвестном тебе языке!

Азамат закрывает глаза и делает глубокий вдох, чтобы успокоиться.

-- Пойдём завтракать, горюшко, -- говорю я и тяну Кира за руку на кухню. Ребёнок смотрит то на меня, то на отца круглыми глазами и пригибает голову. Филин с ободранным носом плетётся за нами, волоча поводок по полу. Вид у него несколько более виноватый, чем у хозяина.

-- Ты хоть еды с собой какой-нибудь брал? -- спрашивает Азамат более спокойным тоном.

-- Взял, -- тихо отвечает Кир. -- несколько банок этой молочной штуки. Но всё съел уже, не удержался.

Я подтаскиваю его к раковине.

-- Руки мой и за стол.

Азамат накладывает Киру порцию омлета и выдаёт псу суповую косточку с изрядным слоем мяса. Потом проверяет исправность телефона и звонит на ферму заказать ещё продуктов. Я тем временем протираю Киру поцарапанный лоб -- там фигня, конечно, но с их заморочками лучше не рисковать. Кир жмурится и с отвращением принюхивается к дезинфицирующей мази, потом садится за стол и неуверенно принимается есть. Я приземляюсь напротив с чашкой чая. Мы с Азаматом уже сытые, да и кусок в горло не лезет после утренних треволнений. Воцаряется неприятное молчание, нарушаемое только стуком ложки о миску. Азамат стоит у окна спиной к нам,

завернувшись в собственные волосы, как в плащ. Я смотрю на Кира, он зыркает то на меня, то на отца. Молчание затягивается.

Наконец Кир не выдерживает. Бросает ложку и выкрикивает Азамату в спину:

-- Ну что?!

-- Жду, пока ты ответишь на вопрос, -- спокойно сообщает Азамат.

-- На какой?!

-- Почему ты сбежал, -- поясняю я.

-- Какая вам разница?.. -- гораздо тише переспрашивает Кир.

-- Нам есть разница.

-- А что я должен был делать? -- вскидывается он.

-- Лечь в кроватку и спать, -- отвечаю доходчиво.

-- И что было бы дальше? Чего вы от меня хотите? -- Кир явно нервничает и злится. Азамат наконец-то отлипает от окна и присаживается к столу.

-- Мы ничего от тебя не хотим, -- спокойно говорит он Киру. -- Ты мой сын.

-- Наш сын, -- поправляю я.

-- Да, -- кивает Азамат. -- Наш сын. Мы просто хотим, чтобы ты жил с нами, чтобы тебе было хорошо.

-- И что я должен за это делать?

-- Да ничего ты не должен, -- вздыхаю я. -- Ты вообще, что ли, не представляешь, как дети в семьях живут?

Кир поводит плечами.

-- То законные дети.

-- Ты будешь считаться законным, -- напоминаю.

-- Но вы-то будете знать правду.

-- О боги, Кир! -- восклицаю нетерпеливо. -- Я сама незаконный ребёнок, успокойся уже! В этом нет ничего особенного, такой же человек, как все.

Ребёнок таращится на меня, как на привидение, несколько секунд. Потом уточняет у отца:

-- Это правда?

Тот кивает.

Кир сдвигает брови и некоторое время смотрит в стол.

-- Вы вчера говорили, что убьёте меня, когда я засну.

Мы с Азаматом синхронно вытягиваем головы вперёд и фонарело переспрашиваем:

-- Чего?..

Кир несколько смущается.

-- Ну, вы вчера говорили с кем-то по телефону... там, в другой комнате. И сказали, типа, я бы дождался, пока он отрубится, и того...

Я тупо моргаю. Азамат сначала тоже растерянно хмурится, а потом принимается хохотать.

-- Что ты на самом деле сказал? -- интересуюсь.

-- Это самое, -- покатывается муж, -- только не про того человека! Про знающего! Ой, не могу, Кир, ты уж если подслушиваешь, то подслушивай целиком! -- он немного просмеивается и трясёт головой. -- Речь шла о том, что делать со знающим, который надоумил твою мать тебя родить. Но даже его мы не собираемся убивать, я говорил об изменении памяти. Мой друг -- очень могущественный духовник, он может справиться даже с сильнейшими из знающих. Я просто предположил, что во сне человек более уязвим, вот и всё. Кир, -- Азамат окликает мальчишку, чтобы тот посмотрел на него. -- Я тебе клянусь, что ни я, ни Лиза не собираемся тебя убивать и вообще обижать. Понимаю, что тебе трудно в это поверить, но надеюсь, когда-нибудь удастся.

Ребёнок опускает глаза. На некоторое время снова воцаряется тишина, хотя уже не такая напряжённая.

-- Что мне будет за побег... и кражу? -- наконец спрашивает Кир.

Азамат смотрит на меня, слегка улыбаясь. Я поднимаю брови и качаю головой.

-- Два дня без сладкого, -- сообщает Азамат ребёнку.

Кир пару секунд ждёт, потом переспрашивает:

-- И всё?

-- Всё, -- заверяет Азамат. -- Один -- за то, что напугал нас, второй -- за то, что действовал на основе непроверенной информации. Тебе надо многому научиться, но в первую очередь -- думать.

-- Надо-то оно надо, -- быстро соглашается Кир, уводя речь от наказания, -- да кому я нужен, учить меня.

-- Мне нужен, -- с расстановкой говорит Азамат. -- Я и буду учить. Говорят, у меня неплохо получается.

Кир очень странно на него смотрит, а потом утыкается в тарелку. Там холодные остатки омлета.

-- Можно я доем? -- спрашивает ребёнок.

-- Естественно, -- говорю. -- Только давай подогреем. Смотри, вот это разогреватель. Ставишь сюда, жмёшь на кнопку...

Обучение началось.

После затянувшегося завтрака отвожу Кира в свой кабинет. Хорошо, что я не стоматолог, и ничего жуткого на вид у меня в кабинете нету. Посредине стоит операционный стол под лампами, у стены две кушетки и бесконечные шкафы. Аппараты на полках тоже выглядят безобидно. Единственное, запах специфический, а так бояться совершенно нечего.

Кир, нервно поводя носом, усаживается на кушетку и замирает, как каменный, пока я мажу его поцарапанный лоб.

-- Заживёт через несколько часов, -- говорю. -- А теперь давай раздевайся.

Кир несколько секунд переваривает просьбу, глядя в сторону, потом начинает медленно выполнять.

-- Ты не особенно тяни, -- прошу. -- Меня не процесс интересует, а результат.

Сама меж тем подкатываю большой стационарный сканер, дающий трёхмерное изображение за один прокат. Ребёнок всё снятое аккуратно складывает рядом на кушетку. Тощий -- ужас!

-- Труссы можешь оставить, -- говорю. -- И становись вот сюда.

Он послушно встаёт по стойке "смирно" и без малейшего движения выдерживает сканирование. Все бы так.

-- Отлично, -- хвалю, рассматривая получившуюся картинку. Она мало отличается от исходника, что так скелет, что смяк. -- Одевайся и иди сюда.

Кир поспешно напяливает обратно всю одежду. Такое впечатление, что если бы куртка не осталась в прихожей, и её бы надел. Подходит осторожно, старается держаться подальше.

-- Вот гляди, -- говорю, показывая на экран сканера. -- Это ты. Можешь полюбоваться на свой скелет.

Уже произнеся эту фразу, я вдруг начинаю сомневаться, не напугала ли ребёнка. Но, кажется, нет. Кир с открытым ртом тарашится на экран, где медленно крутится его скан. Я увеличиваю

голову и тщательно просматриваю все кости, но не обнаруживаю ничего, кроме последствий рахита, да и те почти незаметны. Никаких инфекций или признаков заболеваний сканер не отмечает. Я ожидала, что всё будет намного хуже.

-- Налюбовался? -- подмигиваю.

-- Нет, -- честно отвечает Кир. -- Никогда не видел скелетов живых людей!

-- Ладно, -- говорю, -- потом посмотришь. Главное, у тебя ничего не сломано, и меня это очень радует. Теперь я хочу убедиться, что ты здоров. Для этого мне придётся взять у тебя немножко крови. Больно не будет. Ты не против?

Кир отвлекается от экрана и нервно облизывает губы.

-- Я ничем не болею.

-- Ты можешь не знать. Не бойся, это совсем не страшно, зато будем знать наверняка, что всё хорошо. И я не знающая, ничего плохого я с тобой через кровь не сделаю. Ну как, согласен?

-- А если нет? -- ребёнок косится на меня, плотно сжав губы.

Я вздыхаю.

-- Ну, если нет, то придётся ограничиться осмотром и анализом ДНК... Э-э... Это значит, что я поскребу ваткой у тебя во рту. Но всё-таки кровь посмотреть было бы лучше. Это правда не ст...

-- Нет, а если я вообще не согласен никакие... ну, ничего? -- уточняет Кир.

-- Ну привет, -- развожу руками. -- А вдруг ты действительно чем-то болен? Лучше лечиться сейчас, пока ничего не болит.

-- Лечиться? -- переспрашивает Кир.

-- Да... -- не совсем понимаю, что он хочет услышать.

-- Это типа всякие отвары пить?

-- Возможно, хотя скорее таблетки, они не такие противные.

-- А есть?

Он спрашивает про еду, а не про наличие таблеток. В муданжском это совсем по-разному звучит. Смысла от этого не прибавляется, правда.

-- Что есть? Что-то я совсем тебя не понимаю.

-- Мне можно будет есть?

-- Конечно! -- удивляюсь я. -- Почему у тебя вообще такой вопрос возник?

Их там в приюте не кормили во время болезни, что ли?

-- Вы вчера сказали, что мне можно есть, пока я здоровый. Значит, если заболею, то нельзя?

Я, наверное, очень глупо выгляжу: стою посреди собственного кабинета и с рыбьим выражением лица пялюсь на ребёнка. Наконец титаническим усилием припоминаю, что он мог так неправильно понять.

-- Я сказала, что ты можешь есть, сколько хочешь, лишь бы не болел. Ты об этом?

Он серьёзно кивает. Я тяжело вздыхаю и тру лицо руками.

-- Ты опять всё не так понял. Я просто боялась, что ты слишком много съешь, и тебе от этого станет плохо. Так бывает, особенно от жирного и жареного. Азамат стал меня уговаривать, что, мол, ты в приюте редко мясо ел, так что ограничивать тебя сейчас -- неправильно. А я сказала, что ограничивать и не надо, главное, чтобы тебе плохо не стало от еды. Короче, даже если окажется, что ты чем-то болеешь, кормить тебя мы не перестанем.

Кир внимательно смотрит на меня на протяжении всей тирады, явно стараясь понять всё, что я говорю. Когда я замолкаю (совершенно без уверенности, что донесла свою мысль), он ещё немножко меня рассматривает, а потом заявляет:

-- Ну раз так, то ладно. А как вы будете доставать кровь?

Ребёнок изучает шприц так, как будто это новый мобильник. За процессом он тоже следит с невероятным любопытством, а потом ещё старательно вглядывается в экранчик анализатора, хотя там ничего захватывающего не показывают. Чтобы скоротать время, я немножко объясняю, что такое кровь и зачем она вообще нужна. Знаю ведь, что даже у образованных муданжцев об этом совершенно средневековые представления. Кир слушает с таким вниманием, как будто от этого его жизнь зависит. Так и не понял, что еду не отберём, что ли?..

В результатах теста, к счастью, не оказывается никакого криминала. Небольшой авитаминоз, да и только. Анализатор выводит результаты в виде цветной диаграммки, и ребёнок долгое время её изучает, даже интересуется, чего у него в крови больше всего, а чего меньше всего. Я тем временем прогоняю тест ДНК и убеждаюсь, что передо мной действительно сын Азамата. Не то чтобы у меня были какие-то сомнения, но так, для уверенности. Заодно показываю Киру,

где совпадают области в его и папином геноме. Я вполне уверена, что он ни финты не понимает из моих объяснений, кроме, собственно, мысли, что у него с Азаматом половина чего-то одинаковая.

Азамат, лёгок на помине, стучится в дверь.

-- Ты его тут не совсем ещё запугала? -- спрашивает.

-- Я не малявка, которую можно запугать, -- обижается Кир.

Азамат посмеивается, а я добываю из шкафчика шипучие детские витамины и растворяю для Кира одну таблетку.

-- На-ка вот, выпей. Чтобы всего хватало.

Кир изучает на просвет оранжевую шипучую жидкость, потом пробует. Странно на меня смотрит и залпом допивает.

-- Придётся тебе, -- обращаюсь к Азамату, -- немного скорректировать наказание. Детские витамины все сладкие, а ему нужно пропить курс. А ведь кое-кто, оказывается, не один, а два раза подслушал нас и всё неправильно понял. Надо с этим что-то делать.

-- Я думаю, постепенно утрясётся, -- Азамат подходит поближе и кладёт Киру руку на голову.

-- Ты не хочешь отдохнуть, ребёнок? -- спрашиваю.

-- Я не ребёнок, -- ворчит он в ответ. -- И я в унгуце выспался.

Азамат смеётся.

-- Да ладно, до двенадцати лет всё ребёнок. Ну раз не устал, то пошли, может, погуляем? На лодке покатаемся?

Кир смотрит на него исподлобья и тихо просит:

-- А можно я дома останусь?

-- Нагулялся уже, что ли? -- хихикаю. Он неопределённо пожимает плечами.

-- Ладно, -- легко соглашается Азамат. -- Тогда, может, поиграем? Мне летом подарили очень красивый набор для "Хитрого купца", да всё случай не подворачивался открыть. Играл в такое?

Кир мотает головой. Я тоже.

-- Ну, Лиза, тебе могу сказать, что это игра наподобие "Монополии". Её-то знаешь? Вот, только "Хитрый купец" гораздо подробнее. Пойдёмте в гостиную.

Мы спускаемся вниз, и Азамат извлекает из шкафа небольшой сундучок, расписанный золотыми узорами. Из него достаёт операционную флэшечку с игрой и четыре гало-проектора, расставляет их на ковре и включает. Они пару раз мигают и создают изображение,

кривовато растянув его между собой. Азамат выравнивает проекторы так, чтобы углы картинка были прямыми. Картинка, собственно, представляет собой карту Муданга, а с краю в рядок разместились маленькие Брога, Гарнет, Арей, Эспага, Земля и ещё несколько планет расселения и космических станций.

Кир заворожённо смотрит на проекцию, пока Азамат подкручивает рычажок на ведущем проекторе, чтобы пёстрый ковёр не просвечивал сквозь картинку. Далее из коробки появляется что-то типа мини-рулетки, в смысле, не той, которой меряют, а той, в которую деньги просаживают. Азамат объясняет, что она в муданжских настольных играх выполняет ту же функцию, что у нас кости. Следом за рулеткой Азамат вынимает стопку карточек с картинками и двухмерными штрих-кодами, а ещё маленький беспроводной сканер.

-- Тасовать умеешь? -- спрашивает Азамат Кира.

Тот снова мотает головой.

-- Ну смотри, -- Азамат показывает, как перемешивать карточки, потом отдаёт колоду Киру, и тот, немного помаявшись поначалу, быстро наловчается.

-- Суть игры такая, -- тем временем объясняет Азамат. -- Ты торгуешь каким-то товаром, сам выбираешь, каким. Сначала ты заводишь маленькую лавочку, где позволит исходный капитал. Потом начинаешь постепенно расширяться, нанимать продавцов, договариваться с поставщиками. Создаёшь магазины в больших городах. Если дела идут хорошо, можешь расширяться в космос, торговать с другими планетами. Ещё у тебя есть всякие возможности -- оплатить обучение работнику, шантажировать кого-нибудь, выиграть соревнования и получить приз, жениться на богатой вдове и так далее. Всё это на карточках. Но есть и плохие вещи -- неурожай, пожар, болезнь, работник может что-то украсть, ну, в таком духе. Ты можешь нанять знающего и подкидывать эти несчастья конкурентам. Но и они тебе тоже могут их подкидывать. Ну и наконец, вот тут на рулетке есть цветные сектора. Это вмешательство богов. Они непредсказуемы, хотя и зависят от того, какой бог вмешивается. Некоторые тебе благоволят, другие наоборот. Их можно пытаться задобрить, а можно узнать предсказания. Для этого надо нанять духовника. Ну давай начнём играть и разберёмся.

Игра оказывается действительно захватывающей, гораздо интереснее монопошки, а красочные изображения на карточках и очень хорошо проработанная проекция добавляют ещё больше кайфа. Некоторые персонажи даже узнаваемы, например, Ажгдийдимидин. Азамат говорит, что даже кое-кто из знающих срисован с натуры. Когда выпадают сектора *deus ex machina*, во всю проекцию появляется изображение какого-нибудь бога, грозного или милостивого. Ирлик нам ни разу не выпал, так что уж не знаю, похожи они на себя или нет.

Я выбрала акушерские услуги и худо-бедно организовала сеть "клиник" на юге страны, но прогорела на образовании для работников, потому что все чёртовы бабы повыходили замуж и бросили работу. Сижу, ворчу, что игра шовинистическая, хотя и понимаю, что реальность Муданга, скорее всего, именно такова. Кир решил торговать лошадьми, Азамат -- техникой. Поскольку я продула за первые полчаса, то дальше могу с интересом наблюдать за процессом.

Кир вытягивает из колоды карточку и долго вдумчиво на неё смотрит. Хмурится. Но игра идёт дальше, и надо делать ход.

-- Что-то непонятно? -- спрашивает Азамат.

-- Не, всё зашибенно, -- задумчиво отвечает Кир, вставляет карточку в веер и ходит с другой -- то есть, считывает сканером её штрих-код. Но задумчивость его не покидает. Наконец через пару ходов он поворачивается ко мне.

-- Вы читать умеете?

-- Да-а, -- растерянно киваю я.

-- Можете сказать, что это за карта? Только ему не говорите, -- кивает на отца.

Азамат хмурится и вдруг вскидывает голову.

-- погоди, так ты же читать не умеешь!

-- Умею! -- тут же резко отвечает Кир. И добавляет тише: -- Почти. Тут слово какое-то сложное.

-- Вас в приюте учили читать? -- удивляется Азамат.

-- Не нас, а меня, -- гордо заявляет Кир. -- Я спёр у Гхана его деревянную ногу и не отдавал, пока он мне не объяснил азбуку. Объяснил он, правда, плохо, я до сих пор не всё могу прочесть. Но буквы все знаю!

Мы с Азаматом переглядываемся в лёгком офонарении.

-- Какая сознательность, -- говорю. -- Меня в детстве было не заставить учиться читать.

-- Так вы женщина, -- пожимает плечами Кир. -- Вам работать не надо. А меня Гхан в двенадцать лет выгнал бы, и пришлось бы работу искать. А на работе сразу поймут, раз читать не умеет, значит, безродный, можно платить крохи и заставлять всё делать. А так я могу соврать, что, мол, родня в глухом лесу где-нибудь живёт, никто же не поедет проверять. Ну ладно, вы мне скажете, что тут за слово написано? А то не честно, он-то читать умеет как следует!

Азамат встаёт и выходит из комнаты, чтобы не подслушивать. Я гляжу на карточку, там написано "инвестор" и картинка с радушным мужичком с мешком денег. Слово "инвестор" заимствованное из всеобщего, немудрено, что Кир с ним не справился. Объясняю ему, что к чему.

Азамат возвращается и продолжает игру, но видно, что мыслями он где-то далеко. Проворонил выгодную сделку, потом обсчитался, чего с ним и в жизни-то никогда не бывает. В итоге выигрывает Кир, хотя и с небольшим отрывом.

-- Молодец, -- улыбается ему Азамат, собирая карточки. -- Ишь ты, хитрый какой!

-- Вы не в полную силу играли, -- ворчит Кир. -- Так неинтересно.

-- Ну, это ведь была ознакомительная игра, -- пожимает плечами Азамат. -- Но ты прав, я задумался. У меня тут есть... -- он встаёт, подходит к полке с электронными книгами и принимается их вытаскивать и листать содержание, -- сказки и легенды, они несложные, хотя многие для совсем маленьких детей, я ведь Алэку покупал... Но тебе надо, наоборот, что-то международное, чтобы там новые слова были. О, придумал! -- он ставит книжки обратно и достаёт из ящика комода местный большой бук. -- У меня есть тексты, которые я переводил с Лизиного языка в качестве упражнения. Там и рассказы, и статьи, и всякие отвлечённые вещи. Вот их мы с тобой и почитаем. Сейчас, выведу на большой экран... -- он включает висящую на стене большую панель и подсоединяет к ней бук по беспроводному каналу. На экране появляется интервью с директором какого-то гарнетского холдинга родом с Тамля.

-- Вот, попробуй почитать, -- предлагает Азамат.

Кир внимательно смотрит на экран и молчит.

-- Ну, чего ты, разве так сложно? -- подбадривает Азамат.

-- Нет, -- пожимает плечами Кир и снова замолкает.

-- Он тебя просит вслух почитать, -- говорю, сообразив, в чём дело.

-- Это как? -- спрашивает Кир.

-- Произноси то, что читаешь.

-- А! -- ребёнок кивает и принимается безо всякой интонации озвучивать: -- Скажите пожалуйста как получилось что вы приехали на... Га-р-нит... нет. Гарнет. У меня восемь старших братьев и не было ш... шен... шан...

-- Шансов, -- подсказывает Азамат. -- То есть, возможностей.

-- Ага. Шансов у-нас-ле-довать дело отца.

-- Очень хорошо, -- хвалит Азамат. -- Ты понимаешь всё, что читаешь?

-- Ну да, чего там. Если восемь братьев, понятно, что ему ни финты не достанется! Вот и поехал на заработки.

-- Отлично, давай дальше.

-- Какая была ваша первая работа. Я торговал х- чем?..

-- Хот-догами. Это еда такая.

-- М-м. Хот-дугами. Нет. Хот-догами. Так?

-- Да, молодец. Продолжай...

В таком духе Кир преодолевает всю статью, старательно заучивая все незнакомые слова. Азамат открывает следующую, про оптимальный распорядок дня. Кир справляется с первым предложением и останавливается.

-- Зачем вам нужно, чтобы я это читал?

Азамат удивляется.

-- Как зачем? Чтобы ты учился читать.

-- Я очень много слов не знаю, -- хмурится Кир. -- И некоторые буквы вместе совсем не так читаются, как я думал. Это всё с одного раза не запомнить.

-- Зачем с одного раза? Никто за один день читать не выучивается. Будем каждый день заниматься, глядишь, через два-три месяца будет результат.

-- Каждый день? И вы будете со мной сидеть каждый день и читать эту чушь?

-- Ну почему чушь, это всё полезные вещи. Не обещаю, что прямо совсем каждый день получится, я всё-таки работаю много, но постараюсь. В конце концов, время на занятия с сыном -- это святое, все понимают.

Кир хлопает глазами пару раз, потом оборачивается к экрану, несколько секунд сидит, вдруг вскакивает.

-- Можно я выйду?

-- Естественно, -- смеётся Азамат, и Кир исчезает в направлении туалета.

-- Хорошо хоть спросил, -- хихикаю я. -- Придётся тебе его в столице поселить, если хочешь каждый день заниматься.

Азамат растягивается на ковре в полный рост.

-- Да это понятно, и думаю, я ему ещё найду учителей. В школу-то его не возьмут, имя глухое. Ну хоть дома поучится чему-нибудь. Может, ремеслу какому или действительно торговлей займётся.

-- Он может получить нормальное образование на Земле, -- напоминаю. -- Главное пройти с ним школьную программу, а там пожалуйста. Кстати, если будешь ещё болтать с маршалом, попроси его обеспечить твоему ребёнку визу, я думаю, он не откажется.

-- Чтобы отправиться на Землю, Киру нужно ещё и всеобщий освоить. Это долго, а ему бы пока с родным разобраться. Ладно, время ещё есть, посмотрим, к чему у него склонности.

Азамат перекачивается на живот и снова утыкается в бук, находит сайт муданжского производителя развивающих игр для мальчиков и принимается отмечать галочками всё подряд.

-- В любом случае, -- говорю, -- всеобщий полезно выучить. А про Землю ему лучше пока не говорить, а то что он о нас подумает: только взяли, и уже куда-то отсылать собираемся. И так до сих пор не верит, что мы ему ничего плохого не сделаем.

Азамат кивает, не отрываясь от экрана.

Ко мне подходит Филин и тычется носом в коленку.

-- Тебя выпустить погулять? -- спрашиваю.

Он виляет хвостом.

-- Пошли, -- встаю и вывожу пса в прихожую, отпираю входную дверь. Но Филин стоит перед дверью ванной и нервно свистит носом.

-- Выход тут, -- говорю.

Пёс не обращает на меня внимания. Я замечаю, что в ванной горит свет, а в туалете нет. Небось, Кир там. Подхожу поближе, собираюсь его позвать, но слышу какие-то сдавленные звуки. Эге, всё-таки ему поплохело от переедания. Надо бы ему помочь, но меня он застесняется, небось, лучше Азамата позову.

Азамат, переполошившись, подскакивает к двери ванной и стучит. Ответа нет.

-- Кир! -- зовёт он. -- Тебе плохо?

-- Не-ет, -- слышится дрожащий голос.

-- Мы тебе можем дать лекарство, чтобы всё прошло!

-- Не надо, всё хорошо, -- доносится из ванной. Потом все звуки заглушает шум воды.

Наконец щёлкает замок, и Кир являет нам свой мокрый лик. Азамат тут же даёт ему полотенце и, поскольку ребёнок не пытается никак его использовать, вытирает ему лицо.

-- Точно всё хорошо? -- озабоченно спрашивает Азамат.

-- Точно, -- странным голосом отвечает Кир и тихонько хлюпает носом. Глаза у него красноватые.

-- Ты плакал, что ли? -- выпаливаю, не подумав.

-- Нет!!! -- рывкает Кир так резко, что становится очевидно: плакал.

Азамат подхватывает его под мышки и усаживает себе на локоть, второй рукой прижимая к плечу. Ребёнок, конечно, уже большой, но папа всё ещё гораздо больше.

-- Ну в чём дело, сынок, что-то не так? -- тихо спрашивает Азамат, поглаживая Кира по спине. -- Ты можешь мне пожаловаться, я не засмею.

Кир пытается вывернуться, но потом его опять развозит, он хлюпает носом и прячет лицо. Я понимаю, что у меня есть только два варианта: уйти и оставить их наедине, показав, что это их семейное дело, или присоединиться к Азамату, посюсюкать и таким образом дать понять, что меня происходящее с Киrom тоже касается. Пару секунд поколебавшись, выбираю второе. Подхожу поближе и тоже кладу руку Киру на спину.

-- Прятаться не обязательно, -- говорю. -- Иногда бывает, что надо поплакать, это полезно.

-- Уже взрослый, чтобы плакать! -- сдавленно отвечает Кир откуда-то из-под мышки.

-- Неправда, -- спокойно сообщает Азамат. -- Я тоже иногда плачу. И скажу тебе по секрету, даже Старейшина Унгуц пару раз при мне пускал слезу, а он старший в столичном Совете. Возраст тут совершенно ни при чём.

-- Ты-ы?! -- Кир так удивляется, что поворачивается к Азамату лицом, оно у него совсем мокрое и красное.

-- Ну да, -- кивает Азамат. -- Когда случается что-нибудь очень плохое или очень хорошее, или когда песню красивую слушаю. Так что у тебя-то за горе?

Кир явно собирается ответить, но, видимо, это вызывает новую волну эмоций, и он снова всхлипывает и закусывает губу.

-- Ладно, ладно, -- Азамат похлопывает его по спине. -- Пойдём, я тебе гармарры заварю.

И несёт его в комнату. Я оглядываюсь в поисках Филина. Тот спокойненько сидит под стеной и никуда не рвётся. Я показываю ему на дверь, но он встаёт и уходит вслед за Азаматом. Видать, нарочно меня привёл к Киру, чтоб утешила. Ну хотя бы пёс у мальчишки умный. Иду в кухню и приземляюсь на диван рядом с Киrom, глажу его по голове, пока Азамат гремит чайниками. Наконец ребёнок закачан успокоительным, и в его движениях появляется характерная вялость. Азамат садится по другую сторону от него, а Филин ложится у ног.

-- Ну расскажи нам теперь, -- прошу, -- что тебя так расстроило.

-- Не расстроило, -- мотает головой Кир. -- Просто так странно... Ты хочешь меня учить, -- он косится на Азамата, -- как настоящих детей учат. Я думал, ты меня забираешь, чтобы убить. И вчера так думал, и сегодня, -- у него по щекам снова начинают течь слёзы. -- И одежду купили, чтобы я вам поверил, а я не верил, потому что богатый человек может кому угодно что угодно купить, даже если не понадобится. А оказывается, ты правду говорил, потому что кого убить хотят, с тем не занимаются и не разговаривают, чтоб не привязаться и не пожалеть. Я знаю, мать на меня и не смотрела никогда, и ни разу не спросила ни о чём, и другие... -- он всхлипывает, я еле могу разобрать, что он тараторит, -- я видел, как других убивали в лесу, им иногда и одежду дарили, и игрушки, но не учили ничему, не разговаривали, а

одна женщина дочку свою убить хотела, а та ей говорит, мама, ты красивая, и они разговорились, а потом эта женщина Гхану говорит, я не могу её убить, она человек... Когда понимают, что ты человек, убить не могут...

Азамат притягивает его к себе, потому что сквозь рыдания уже ничего не разобрать, и ребёнок плачет, уткнувшись носом в отцовскую рубашку, а я держу его за руку и глажу по плечу, чтобы напомнить и о своём существовании.

Где-то через полчаса он засыпает, вцепившись в Азамата. Мы осторожно укладываем его поудобнее на диване и Азаматовых коленях. Я приношу мужу бук, чтобы не скучал пока ребёнок спит, а сама, за неимением других дел, принимаюсь готовить обед. В конце концов, у нас сегодня особый гость вечером.

Глава 14

-- Азамат, я надеюсь, ты понимаешь, что это так оставлять нельзя, -- замечаю через плечо в процессе нарезки лука.

-- Что именно? -- рассеянно уточняет муж.

-- Ситуацию с приютами. То, что там убивают детей. Что их не учат.

Азамат тяжело вздыхает и молчит. Оборачиваюсь. Он закрыл бук и смотрит на меня снизу вверх внимательно и тяжело.

-- Лиза, я знаю, что мударжские традиции и здравый смысл в твоём понимании не всегда совпадают, и мои собственные этические представления тебе бывают чужды. Но не надо путать меня с Киром. Это он -- забитый ребёнок, не видевший в жизни ничего лучшего. У меня, всё же, сформировались некие смутные представления о том, что можно, и чего нельзя делать.

-- Лапуль, я понимаю, что ты злишься, -- хмурюсь, -- только не надо на мне это вымещать. Я тоже не в восторге. Извини, если неправильно выразилась. На самом деле я хотела спросить, что именно ты собираешься предпринять.

Азамат долго выдыхает и допивает гармарру, оставшуюся у Кира в пиале.

-- У меня есть пара идей, но их надо обсуждать с Советом. Законы принимаю не я. Но вообще любопытно было бы выяснить, что они знают о ситуации. Кто-то же даёт имена этим детям. Кто-то видит их судьбы, -- он замолкает, задумавшись. Потом трёт глаза. --

Прости, я действительно на тебя сорвался. Я так хотел быть хорошим Императором, всё делать в согласии с традициями и спокойно наращивать благосостояние. А придётся всё-таки переворачивать горы. Люди-то не хотят перемен. Не хотят думать о плохом, о смерти и несчастьях. Я сам был твёрдо уверен, что уж проблему безродных до меня никаким ветром не донесёт. А оказывается, у меня есть такой мальчик... -- он осторожно кончиками пальцев, чтобы не разбудить, проводит по волосам Кира. Мне кажется, даже к Алэку он не относится с такой нежностью.

Кстати, между прочим, надо ещё раз позвонить Тирбишу, Алэк сейчас не должен спать. Да и молоко стравливать пора. Скорее бы уже добраться до столицы, а то что-то я совсем загуляла. Ещё неизвестно, как Азаматовы дети друг к другу отнесутся...

Мою руки и выхожу в прихожую с телефоном, чтобы не разбудить Кира, если Алэку вздумается повизжать. Тирбиш берёт трубку мгновенно.

-- О, Хотон-хон! Хорошо, что позвонили. Домой-то собираетесь? Алэк уже весь извёлся, в Алтонгирела игрушками швыряется.

-- Думаю, мы сегодня ночью прилетим, -- говорю. -- Я сейчас видеорежим включу, покажи мне мою деточку.

Деточка меня узнаёт, радуется и принимается изо всех сил колотить погремушкой по перильцам манежа. Я улюлюкаю и машу рукой в маленький экранчик. Боже, как же хочется домой, и чтобы всё было, как позавчера. Но теперь, с Киром, наверное, всё изменится. Азамату с ним интереснее, чем с маленьким, а я вообще непонятно как должна себя вести. Ясно, что мальчишке нужна поддержка, но меня он, кажется, от стенки не отличает. Алэк вот зато отличает, пищит и улыбается. У него-то мамин загул на пару дней -- худшее несчастье. Его все любят, все ему рады, как же, князь ведь, престолонаследник. И как он будет править этими людьми, которые его всю жизнь носили на руках? Тоже противоестественно, и совсем непохоже на нормальные человеческие отношения. Вот если Азамат решит проводить какие-нибудь глобальные реформы, и многим они не понравятся, то он всегда может сказать: вы сами меня выбрали, так терпите. А что скажет Алэк? Вы выбрали моего отца? Моя власть от бога? Хватит ли у него сил пойти наперекор любящим его людям, чтобы сделать что-то правильное? И как нам с Азаматом так вырастить этих мальчишек,

чтобы они потом не угробили всё, что мы создали? Такая тоска на меня навалилась, хоть плачь. Даже во время беременности такого не было. Скорей бы уже вечер, выдадим демону гостинец, и в столицу, в столицу! Гремьть погремушками!

Впрочем, как выясняется, демон со светским визитом -- это не то мероприятие, которое можно пережить, не включая мозг.

Остаток дня Кир спит, я вожусь по хозяйству, Азамат разбирает какие-то отчёты. Приезжает фермер, привозит свежих продуктов. Мы с мужем угрюмо молчим, думая каждый о своём. Хорошо, что ребёнок спит.

Однако вот уже и стемнело, а демона всё нет.

-- Думаешь, он придёт? -- спрашиваю нетерпеливо. -- Может, спросонок ляпнул, а потом одумался? Я не хочу тут до утра сидеть, у меня там младенец с ума сходит.

Азамат глядит на часы.

-- К ночному кормлению ты всё равно уже не успеешь, а потом Алэк до рассвета будет спать. Можем ещё подождать.

-- А чем мы демона кормить будем, если придёт? -- продолжаю занудствовать я.

-- Сурчатиной, -- пожимает плечами Азамат. -- Они её любят. Конечно, можно предложить на выбор... Вряд ли он захочет жареного или варёного.

-- А пить он будет? В смысле, спиртное?

-- Вряд ли... Слушай, ты по поводу визита Ирлик-хона меньше переживала. В чём дело?

-- Я просто нервничаю, -- сообщаю и для убедительности принимаюсь нарезать круги по кухне. -- И хочу в столицу побыстрее. Тебя уже, небось, с собаками ищут.

-- Никто меня не ищет, я отзвонился ребятам, все знают, где я.

-- Ну, отлично, а я вот...

-- Тсс! Слышала?

-- Что? -- я затыкаюсь и прислушиваюсь. Тишина.

-- Какой-то звук от двери был. Пошли посмотрим.

Мы выходим в прихожую, причём я стараюсь держаться у Азамата за спиной. Он открывает дверь. В свете лампочки под козырьком видно удаляющийся хвост.

-- Э, куда? -- вырывается у меня.

Хвост останавливается, темнота за ним разворачивается, появляются горящие глаза. И начинают неторопливо приближаться. У меня шерсть дыбом встаёт от этого зрелища, хоть и понимаю, что чёрного зверя в темноте не видно.

Перед самым порогом он преображается и неуверенно заходит в дом.

-- Здравствуй, -- Азамат слегка кланяется. -- Что же ты так робко стучишь? Мы едва услышали.

Демон пожимает плечами.

-- Дёрнул дверь -- заперто, -- сипит он.

-- Люди обычно держат двери запертыми, -- говорю. -- Надо просто постучать или позвонить. Ну ладно, проходи на кухню, поешь...

Демон хмурится. Он невысокий, только чуть-чуть выше меня, на лицо подросток, узкий, тощий, с большими руками и ногами. Из-за копны спутанных волос голова кажется слишком большой. Одет он по-прежнему в свои лохмотья, хуже даже, чем на Кире были.

Азамат открывает дверь кухни и приглашает гостя пройти, но тот медлит, принюхивается и поводит ушами. Боится, что там ловушка, что ли? Ох уж мне эти обиженные дети.

-- Пойдём, -- прохожу в кухню, маня лесного жителя за собой. Он следует за мной, хотя пару раз нервно оглядывается на Азамата.

Стол уже накрыт, и запах в кухне ужасно аппетитный. Я выдвигаю для гостя стул, сама сажусь в торце, Азамат -- напротив. Демон некоторое время изучает кухню и мебель, потом залезает на стул с ногами и усаживается в кошачью позу, пофыркивая носом. Из гостиной доносится жалобный скулёрж напуганного Филина, а потом шорохи -- видимо, Кир проснулся.

-- Ты предпочитаешь сырое или готовое? -- вежливо интересуется Азамат у демона, а я иду проверять ребёнка.

Он действительно только-только глаза открыл и теперь тоже принюхивается.

-- Уже ужин? -- сонно спрашивает.

-- Да, -- говорю, -- и у нас в гостях лесной демон.

Кир мгновенно просыпается.

-- Это ещё зачем?

-- Ну мы же его пригласили, -- пожимаю плечами. -- Не волнуйся, тебя в обиду не дадим.

Ребёнок садится и сползает с дивана, явно утратив аппетит.

-- Часто он у вас бывает?

-- Дома впервые, но мы ему выставяем гостинцы каждый раз, как здесь ночуем.

Из кухни доносится светский бубнёж Азамата, изредка перемежаемый хриплыми рваными репликами гостя.

-- Пойдём, -- подбадриваю Кира. -- Мне ужасно любопытно с ним поболтать. Тебе нет?

Кир пожимает плечами и угрюмо топает на кухню, протирая глаза кулаком. Садится напротив демона, между мной и Азаматом.

-- Привет, -- говорит он гостю безрадостно.

-- Сам привет, -- фыркает демон, скривив губы набок. То ли Азамат его успокоил, то ли появление Кира так порадовало, но он больше не дёргается из-за каждого движения. Перед ним уже стоит пиала с бульоном и лежит сырой сурочий окорочок. Кир хмуро смотрит на меня и накладывает себе в пиалу три порции. Я только усмехаюсь.

-- Давайте все познакомимся, -- говорю. -- Я Лиза.

Демон склоняет голову и смотрит на меня без выражения.

-- Азамат, -- представляется муж, кивая.

-- Кир, -- с набитым ртом бубнит ребёнок.

Гость пару секунд думает, потом произносит:

-- Хос.

-- Очень приятно, -- старательно изображаю светскую улыбку. -- Ты давно тут живёшь?

-- Раньше вас, -- уклончиво отвечает Хос.

-- А можно спросить, сколько тебе лет? -- продолжаю я. Уж спрашивать, так всё.

Демон долго думает, склонив голову набок, потом откусывает кусок мяса, не жуя проглатывает, запрокинув голову, и только потом, когда я уже решила, что он не понял вопроса, отвечает:

-- Десять вёсен.

-- Ого, так ты почти взрослый, -- замечает Азамат, как будто разговаривает с племянником.

Хос хмурится и кивает. Потом как-то странно урчит и вдруг говорит:

-- Через.

Потом думает ещё и продолжает:

-- Две весны уйду.

Мы с Азаматом отвечаем одновременно.

-- Уйдёшь из нашего леса? -- уточняет Азамат.

-- Ты плохо знаешь человеческий язык? -- спрашиваю я.

Хос втягивает голову и трясёт ею.

-- Он ни фиги не понял, -- чавкает Кир.

-- Да, -- соглашается демон.

Азамат кивает мне, мол, уступаю. Я повторяю свой вопрос. Хос опять долго думает, потом отвечает по частям:

-- Редко. Говорю. Раньше. Людей не было, -- он мучительно задумывается, даже помогает себе жестом, и наконец выдаёт: -- здесь!

-- Клёво, -- комментирует Кир. -- Есть кто-то тупее меня.

Не успеваю я его одёрнуть, как демон щёлкает по фасолине на блюде, и она прилетает точно Киру в нос.

-- Едой не играют! -- возмущённо восклицает тот.

-- А гостей не оскорбляют, -- нравоучительно добавляет Азамат.

-- Я пошутил, -- ворчит Кир.

Демон морщит нос и поворачивается к Азамату.

-- Да, так я спросил... -- вспоминает тот, -- ты уйдёшь из нашего леса?

Хос серьёзно кивает.

-- Лес мамки. Вырасту -- уйду.

-- О, так ты тут не один? -- удивляется Азамат. -- Я думал, вы всегда поодиночке живёте.

Демон мотает головой.

-- Котята с мамкой. Взрослые -- поо... -- он снова машет рукой, мол, все поняли.

-- Вот как, -- Азамат качает головой, свыкаясь с новой информацией. -- А все демоны умеют говорить?

Хос оскаливается и отвечает вместо своего обычного сиплого голоса каким-то жутковатым рыком:

-- Сам ты демон!!!

Кир давится бульоном, я пригибаюсь, Азамат широко раскрывает глаза.

-- Прости пожалуйста, я не хотел тебя обидеть... А как же вы сами себя называете?

-- Хозяева леса, -- надменно сообщает Хос. Потом снова напрягается, стараясь сформулировать следующую фразу, но видно, что ему истерически не хватает словарного запаса. Наконец он выдаёт: -- Кто скажет "демон", тот грязная макака.

Мы с Азаматом несколько офигеваем, а Кир не выдерживает и начинает хохотать.

-- Кир, успокойся, -- просит Азамат. -- Извини, Хос, мы действительно не хотим тебя обидеть, просто...

-- Знаешь, Хос, -- перебивает его Кир, -- я могу тебя научить паре выражений повеселее!

-- Давай ты не будешь этого делать? -- вздыхаю я. -- Детям не положено так ругаться...

Хос фыркает, Кир внезапно шипит, Хос хватается за край стола. Я понимаю, что под столом между этими двоими происходит война ногами.

-- Э! -- окликаю их. -- Парни, вы чего?

Хос морщится и цедит:

-- Копыта!

-- Не копыта, а ботинки, -- важно поправляет Кир. -- Новые. И вообще, кто бы говорил, у самого-то когти!

Хос оскаливается.

Азамат смотрит на всё это безобразие с блаженной улыбкой, подперев щеку ладонью.

-- Лиза, не нервничай. Мальчики знакомятся.

У меня начинается приступ истерического хихиканья.

Кир бросает на Азамата довольный заговорщицкий взгляд и снова утыкается в тарелку. Хос берёт окорочок и задумчиво вертит.

-- Тебе что-то не нравится? -- озабоченно спрашивает Азамат.

Тот пожимает плечами, откусывает и жуёт, потом запивает бульоном -- не через край пиалы, а через сложенные трубочкой губы, как будто это соломинка. Потом робко поднимает взгляд на Азамата.

-- Можно взять? В лес?

-- В лес мы тебе целого дадим, и ещё масла и сливок!

-- М! -- сипит Хос и вгрызается в ножку.

Когда остаются чисто обглоданные кости даже без хрящей, он вдруг вспоминает, что Азамат задал вопрос.

-- Говорим все, -- кивает. Думает. Ещё думает. Видимо, оставляет попытки вспомнить нужное слово. -- Это тайна.

-- Но? -- подсказываю я.

Демон -- то есть, хозяин леса часто кивает.

-- Но это тайна, -- повторяет для убедительности.

-- А почему ты со мной заговорил? -- спрашиваю.

Он грустно вздыхает.

-- Думал, богиня. Люди боятся и... -- он машет руками вокруг головы, показывая на мои волосы.

-- Ясно, -- ухмыляюсь. -- Извини, меня часто за богиню принимают.

-- Не говорите другим, -- просит Хос. -- Пожа-алуйста.

-- Не скажем, -- решительно заверяет его Азамат. -- Мы умеем хранить тайны.

Хос снова вздыхает, на сей раз облегчённо.

-- Кто ты? -- спрашивает меня. -- Человек?

-- Да, но я с другой планеты. Э-э... ты знаешь, что такое планета?

Он мотает головой.

-- Ты чё, -- удивляется Кир. -- Даже я уже знаю, что такое планета. Пошли покажу!

Он срывается с места, не доев, и мчится в гостиную, где на полу по-прежнему разложена игра.

-- Во, гляди, это вот наша планета, Муданг. А вот тут Земля, Гарнет, Арей...

Демон внимательно вглядывается в картинку, которая послушно увеличивается по команде Кира. То есть, не демон, а хозяин леса. Надо переучиваться, а то ведь ляпну.

-- Хорошо, что мы его позвали, -- вполголоса говорит мне Азамат. -- Смотри, как он на Кира положительно влияет. Мальчику нужен друг того же возраста.

-- Мальчику нужен друг, который бы помог ему освоиться в новых условиях, -- ворчу я. -- А не иная жизненная форма из леса.

-- Не уверен, -- Азамат склоняет голову набок. -- Ты видишь, какие у Кира амбиции? Более образованный друг его будет раздражать, заставит чувствовать себя неполноценным. В то же время, лучший способ усвоить новое -- объяснить кому-нибудь. Конечно, будет

прекрасно, если в столице Кир подружится с другими ребятами. Но не стоит запрещать ему общаться с Хосом.

-- Да ты что, конечно, я и не собиралась ничего запрещать! Этот д... э-э, хозяин леса очень милый парень. Пускай тусуются вместе, мне не жалко. Только потом не удивляйся, что у тебя сын вместо букв выучится по деревьям скакать.

-- А это тоже полезно, -- великодушно улыбается Азамат. -- Ловкость ещё никому не мешала. Глядишь, станет хорошим охотником или лесоведом...

-- Чем?

-- Лесовед -- человек, который прокладывает тропы, находит места для новых поселений, лесопилок, охоты или открывает месторождения. Это очень важная и ответственная работа, и мне бы в Канцелярии пригодился свой лесовед.

Пожимаю плечами. У Кира ещё есть время выбрать профессию, чего заранее планы строить. Но Азамат прав, любые знания и умения могут пригодиться, по опыту знаю.

Пёс Филин боком-боком прокрадывается из гостиной в кухню, чтобы страшный лесной житель его не заметил, и клянчит у Азамата пожрать. Хватает кусок и прячется под стулом в углу.

Наконец Хос, просвещённый в области устройства мира, решает, что пора домой. Азамат складывает ему мешок с гостинцами. Лесной житель с вожделением смотрит на стоящую в холодильнике банку сливок.

-- Ещё хочешь? -- спрашивает Азамат. -- Так бы и сказал, мы всё равно сейчас в столицу улетим, давай я тебе положу.

Тот активно кивает.

-- Слушай, -- говорю, оглядывая надетую на него ветошь, -- тебе одежды не надо?

Хос тоже оглядывает себя и пожимает плечами.

-- Так удобно. Некрасиво?

-- Ну так как-то...

-- Как с помойки, -- честно сообщает Кир.

Хос морщится и пихает его локтем.

-- Фу! -- кривляется Кир. -- Убери свой грязный локоть от моей чистой новой рубашечки!

Хос рыкает, но Кир уже не боится.

-- Только не надо драться, -- прошу устало. -- Сейчас я тебе что-нибудь принесу.

По дальним полкам обнаруживается некоторое количество странной дарёной одежды, которая не подошла ни Азамату, ни Сашке, а ещё на всякий случай прихватываю у себя в кабинете врачебную форму: свободную футболку и штаны нежно-бирюзового цвета. Хос влюбляется в этот цвет сразу же и радостно натягивает один из двух комплектов прямо поверх своих лохмотьев. Потом вдруг вспоминает о чём-то.

-- Есть... лишний... -- он активно жестикулирует, рисуя в воздухе квадрат. -- Тёплый!

-- Одеяло, что ли? -- гадаю.

Хос щурится.

-- Маленький.

-- Плед? Простыня?

Хос глубоко задумывается, смотрит на нас оценивающе, потом наконец признаётся:

-- Маленькая сестра.

И изображает, как будто качает на руках младенца.

-- А, пелёнку тебе! -- соображаю. -- Сейчас, погоди.

-- Так вот ты почему всё с собой уносишь, а тут не ешь, -- догадывается Азамат. -- Сестричку подкармливаешь?

Хос смущённо кивает.

-- Мамка старая. Надо помогать.

-- А отец где же? -- автоматически спрашивает Азамат.

-- Взрослый один живёт, -- пожимает плечами Хос. -- Ест много. Свой лес.

-- Вот как, -- хмурится Азамат. -- Ну ладно, я скажу нашему сторожу, чтобы оставлял тебе сливки. И чтоб не трогал вас.

-- С меня что? -- неуверенно спрашивает Хос.

Мы переглядываемся и пожимаем плечами.

-- Не знаю, -- говорит Азамат. -- Заходи иногда, поболтаем. Ой, да, вот что, не воруй с фермы, хорошо?

Хос трагически вздыхает.

-- У них сурки-и.

-- Вон тебе сурков полный мешок, -- встречает Кир. -- Если ты их так любишь, ну принеси на ферму оленя, тебе за него шесть сурков

дадут.

Хос удивляется.

-- Зачем олень? У них сурки!

-- У оленя ценная шкура и рога, -- объясняет Азамат. -- А сурка только съесть можно. И хранится оленина лучше. Тем более, на ферме они сурков каждый день едят, надоело уже, небось. А охотников среди них нет, значит, оленя едят редко. Только ты осторожнее, как бы они тебя не подстрелили. Лучше первый раз один не ходи. Я здесь буду, схожу с тобой, объясню им, что к чему.

-- Спасибо! -- скалится Хос.

Наконец, нагруженный сурками, сливками и пелёнками хозяин леса покидает наш гостеприимный дом. Кир скачет по комнате и верещит, что говорящий демон -- это клёво, и что он тоже хочет сходить на ферму, посмотреть, как вылезут глаза у фермера.

-- Обязательно сходим, -- обещает Азамат. -- А пока надо в столицу. Тебя ещё Старейшинам показать следует.

-- Зачем? -- Кир замирает, и всю весёлость с него как ветром сдуло.

-- Во-первых, я хотел бы знать, кто тебя именовал, и законно ли это. Во-вторых, нужно всем рассказать нашу историю, чтобы не было кривотолков. А что, ты боишься Старейшин? Почему?

-- Никого я не боюсь! -- возмущается Кир. -- У нас около приюта жил один, он мне всегда гадости говорил. К счастью, помер года два тому.

-- Кир! Ты что, нельзя так говорить! -- шикает на него Азамат. -- И не суди обо всех людях по одному человеку. Среди столичных Старейшин есть очень милые. Тот же Унгуц...

-- Это имя такое?! -- поражается Кир.

-- Ага, -- киваю. -- Пойдём выведем твоего пса погулять, пока не лопнул, а я тебе расскажу, почему Старейшину Унгуца так зовут.

Пока я травлю байки ребёнку, Филин бегает вокруг по своим собачьим делам, и в конце концов находит вольер с куницей. Она на него тьякает, пёс отпрыгивает: моих зверей он теперь боится, да и встреча с демоном всё ещё свежа в памяти, видимо. Я кидаю кунице еды, но она воротит нос. Наверное, с утра сторож кормил.

Не проходит и ночи, как мы все укомплектованы в унгуц и летим домой. Я почти сразу отрубаясь на заднем сиденье, используя

собаку в качестве подушки, а Азамат объясняет воодушевлённому и выпавшемуся Киру, как водить.

Утро застаёт меня и Алэка за радостным гулением в гостиной жилой части дворца. Я вчера в унгуце поспала, так что когда утром запищала радио-няня, сама пошла нянчить деточку, и уже не легла после этого. Азамат выползает из спальни незадолго до завтрака, растирая лицо ладонями.

-- Ох, что-то тяжёлые деньки выдались, -- сетует, плюхаясь на диван и принимаясь щекотать Алэку пузо. Ребёнок пищит и радуется. -
- Ну, как ты тут без нас, герой? Выжил? Тяжело князем-то быть, а? Ну ничего, больше не бросим маленького...

Азамат берёт его под мышки и поднимает над головой, типа, играем в унгуц. Алэк смеётся, дрыгая конечностями. Из гостевой спальни выходит зевающий Кир и так и замирает с открытым ртом.

-- Это кто? -- ошарашенно спрашивает он, как будто не очевидно.

Азамат опускает Алэка к себе на колени и разворачивает лицом к Киру.

-- Это твой братик. Алэк, знакомься, это Кир, ты его вчера не видел. Ну, помаши ручкой...

Мелкий радостно машет и широко улыбается. Кир со стуком захлопывает рот.

-- Он твой с Лизой вместе? -- уточняет, даже не думая ответить на приветствие.

-- Ну да, -- довольно кивает Азамат. -- Смотри, какие у него глазки голубые...

Старший ребёнок как-то неуловимо съёживается и ссутуливается. Я только сейчас понимаю, что за два дня мы не удосужились сообщить ему об Алэке.

-- Кир, это ничего не меняет, -- говорю негромко. -- Просто у тебя есть маленький брат, но ты всё равно наш, мы по-прежнему тебя любим...

-- У него и имя гласное! -- выпаливает Кир, полностью игнорируя меня. -- У тебя уже есть законный сын с гласным именем! Зачем я тебе?!

Азамат перестаёт качать Алэка на коленке и хмурится.

-- Ты мне нужен, потому что ты мой. И между прочим, первенец. Я всегда хотел много детей. Ты мне дорог и важен точно так же, как Алэк. Почему я должен выбирать?

Кир неверяще качает головой, обхватывает себя за плечи и остаётся стоять в дверях. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не закрыть лицо руками. Расслабились, называется! Как будто всё могло быть так просто -- заплакал и успокоился!

Приходится встать, подойти к ребёнку, приобнять его.

-- Кир, ну прости, надо было сразу тебе сказать, я понимаю, что ты уже настроился быть единственным, но...

Он вырывается и отходит в другой угол комнаты. Я тяжело вздыхаю.

-- Азамат, давай я с мелким посижу, -- предлагаю. Неподходящий момент нянчиться с младенцем, когда старший думает, что его все кинули.

Муж кивает и передаёт мне озадаченного Алэка, который никак не возьмёт в толк, почему взрослые вдруг расстроились.

-- И как же ваше враньё? -- ядовито интересуется Кир. -- Если вы только весной поженились, когда успели двоих сделать?

-- По легенде вы близнецы, -- поясняет Азамат. -- Не волнуйся, всё остаётся по-прежнему.

-- У него глаза синие, -- напоминает Кир. -- А у меня нет.

-- Так бывает, -- пожимает плечами Азамат.

-- Близнецы не обязательно совсем одинаковые, -- говорю.

В этот момент стучат в дверь -- это принесли завтрак. Кир прячется в своей комнате, пока слуги не уходят, да и потом не спешит вылезать.

-- Все ушли, иди есть! -- зовёт Азамат. -- Сегодня будет трудный день, не советую пропускать завтрак.

Кир молчит; дверь приоткрыта, но он забился в угол, где не видно. Азамат немножко ждёт, тяжело вздыхает, собирает на тарелку кунжутных лепёшек с лебяжьей подливкой и относит Киру в комнату.

-- Съешь, -- говорит строго. -- А то сейчас пойдём к Старейшинам, а у тебя в животе заурчит, вот стыд-то будет!

Кир ворчит что-то невнятное, но, видимо, принимается есть. Азамат подбирает ему одежду покрасивее на официальный выход. Я

сизу жую, делясь с Алэком подливкой, он держится за меня и хмурится в сторону Кировой двери.

После завтрака мы одеваемся в сдержанную парадную одежду и тихонько проскальзываем к машине. К счастью, на пути никого не попадается, а то очень не хочется до встречи со Старейшинами объяснять, кто такой Кир. Ребёнок замечает, что мы таимся, и снова начинает нервничать. К счастью, до Дома Старейшин ехать всего ничего.

На пороге нас встречает заспанный Урик. Азамат ещё вчера договорился со Старейшинами об этом визите. Они сами назначили раннее утро, видимо, тоже чтобы не привлекать к ребёнку лишнего внимания. Алтонгирел ведь должен был объяснить Ажгдийдимидину, что к чему.

Входим в залитый утренним солнцем зал, где вальяжно и расслабленно расселся Совет. При виде такого количества Старейшин Кир бледнеет и даже цепляется за рукав Азамата. Хорошо хоть за спину не прячется. Муж замечает и ободрительно похлопывает ребёнка по спине, и тот сразу же отодвигается. Я держу Алэка -- ему необходимо присутствовать. Младенец компактно разместился в новом вышитом слинге, который мне на заказ сделала Орешница.

Ажгдийдимидин смотрит на нас довольно безучастно, разве что немного поджав губы. Унгуц хмурится и явно переживает. Изинботор неприкрыто скептичен. Асундул вообще нас не замечает, теребит бороду и думает о своём. Мы здороваемся и рассаживаемся на ковре.

Асундул отвлекается от своих мыслей, прерывисто вздыхает и прокашливается.

-- Урик, давай экран.

Прислужник вкатывает в зал тот самый экран, которым пользовались, когда именовали Алэка. Асундул наконец фокусирует взгляд на Кире, и мне этот взгляд не нравится.

-- Ты, значит, Кир?

Тот нервно кивает. Старейшина больше ничего не говорит и начинает манипуляции с экраном. Пауза тянется долго, но из-за всеобщей сонности она не кажется напряжённой.

-- Есть такой, -- наконец объявляет Асундул. -- Именован на двадцать седьмой день месяца Умукха Старейшиной Интгилигом.

По залу разносится тихое аханье. Мы с Киrom напрягаемся, а Азамат печально усмехается.

-- Записан, -- продолжает разбирать Асундул, -- как сын Азамата Байч-Хараха.

Означенный Азамат приподнимает бровь.

-- А мать? -- подгоняет Изинботор.

-- Не указана, -- с нажимом отвечает Асундул и обводит собравшихся многозначительным взглядом.

-- Как это не указана? -- возмущается старик Удолын. -- Сколько лет именуую, ни разу не было, чтоб мать не указали!

-- Тебе экран показать? -- опасным тоном предлагает Асундул. -- Думаешь, я разглядеть не могу?

-- Тихо, тихо, -- басит Агылновч. -- Интгилиг был изрядный подлец, но дело своё знал. Раз не вписал мать, значит, были причины.

-- Знаем мы эти причины, -- скандально объявляет Изинботор. -- Звонкие они были и тяжёлые!

Поднимается жуткий гам. Старейшины спорят, орут друг на друга, доказывают свою правоту, Асундул стучит по полу какой-то деревяшкой, пытаясь призвать всех к порядку, ничего не добивается. Кого-то дёрнули за бороду, другой получил тычок в рёбра... Мы сидим, боясь напомнить о своём присутствии -- слыханное ли дело, чтобы Старейшины передрались! Кир скрючился на полу, голову руками закрыл, даже не возражает, что Азамат его за плечо придерживает.

Внезапно становится тихо. Это Ажгдийдимидин вышел из транса и приказал всем заткнуться. Как ни странно, на достигнутом он не останавливается. Его неверный дрожащий голос выводит в воздухе слова, и они как будто прямо так, материальные и тяжёлые, повисают под потолком, того и гляди на голову кому-нибудь упадут:

-- Старейшина Интгилиг поступил верно. Настоящая мать этого мальчика была ему неизвестна.

По залу как будто проносится холодок, я вдруг понимаю, что так напряглась -- аж мышцы сводит. Даже не сразу получается расслабиться. У остальных, похоже, та же проблема. Экран мерцает и отрубается с хлопком. Азамат натурально пододвигает Кира поближе к себе прямо по ковру и заставляет его разогнуться.

Первым очухивается Унгуц.

-- Ажги-хян, ну ты б ещё колыбельную спел, шакал тебя покусай!

Остальные Старейшины вполголоса соглашаются. Ажгдийдимидин передёргивает плечами и выражает на лице полное удовлетворение своим превосходством над коллегами, мол, это ваши проблемы, что так не можете.

-- Ну ладно, -- снова прокашливается Асундул. -- Давайте подведём итог. Имя законное, переименование не требуется. А теперь, Азамат, давай-ка объясни нам, кто же всё-таки мать этого мальчика, и как так вышло.

-- Его мать -- моя жена, -- спокойно сообщает Азамат.

-- Конечно, -- улыбается Асундул. -- Ты ещё скажи, что вас с ней в младенчестве обвенчали.

-- Этого говорить не буду, -- невозмутимо продолжает Азамат, -- но поясню, что с Киrom приключилась неприятная история. Он провалился в зияние и оказался в прошлом...

Азамат продолжает уверенно излагать нашу легенду, я смотрю на него, демонстрируя согласие и одобрение, и поражаюсь, до чего же он всё-таки убедительно врёт. Конечно, правду он тоже убедительно говорит, у него манера такая, но всё-таки это высший пилотаж.

Старейшины, впрочем, не все со мной солидарны.

-- Что-то твоя история, Ахмад-хон, гнильцой пахнет, -- задумчиво изрекает Изинботор. Как я хочу его утопить.

-- Какая ни есть, всё моя, -- разводит руками Азамат.

-- М-да-а, -- протягивает Удолын. -- И прямо невесте в руки... Чудеса, да и только.

-- Как вы умудрились коляску-то упустить? -- вслух поражается Унгуц. И этот туда же! Так и бы и дала затрещину, право слово!

Он ловит мой взгляд и быстро поправляется:

-- Хотя, конечно, женщины, чего с них взять...

Мой взгляд не становится добрее.

Старейшины продолжают недоверчиво шептаться. Азамат откашливается.

-- Я рассказал вам свою историю, -- веско говорит он. -- Ваше право мне верить или нет. Добавлю лишь одно: мальчик мой, я от него не откажусь и не стану его прятать. Если вы сочтёте меня негодящим

Императором, напомню, что я о такой чести не просил и с радостью проведу остаток дней в кругу семьи.

-- Вообще-то это предательство народного доверия, -- замечает Изинботор. Чтоб ты подавился, падлюка. -- За такое изгоняют.

-- Не понимаю, о чём вы, -- Азамат вежливо приподнимает брови. -- Но мне к изгнанию не привыкать. Переселюсь к жене на Землю, мне там будут очень рады.

Старейшины в панике переглядываются и истерически шепчутся, никак не могут прийти к решению. На Кира жалко смотреть.

Внезапно из коридора раздаётся надорванный голос Урика:

-- Я сказал нельзя! Там Император! Заседание Совета!

В ответ слышен невнятный рык, занавеска колышется, Урик издаёт предсмертный хрип, и в зал вваливается Ирлик собственной персоной, не в обличье Змеелова, а как есть, гигантский и в росписи. На нём новая жёлтая юбка, в руке что-то типа очень навороченных вил.

-- Кто-о тут задумал поднять руку на сына Императора?! -- гремит грозный бог, потрясая вилами. Один старичок в углу падает в обморок. Остальные выглядят так, как будто уже восстали из мёртвых. -- Смеее за меня решать, кому быть под моим покровительством? Мало вам было джингошского правления? Мало собак боялись? Я вам тут устрою Заседание Совета -- спалю эту хибару, как соломенную!

Для убедительности он пускает по рукоятке вил лёгкий огонёк.

-- Смилуйся, владыка всемогущий! -- не выдерживает Асундул, падая ниц. Почти все остальные следуют его примеру, только Ажгдийдимидин с Унгуцем остаются как есть -- первый в трансе, второй открыв рот с восторгом, как мальчишка, рассматривает бога. Мы тоже падать не рвёмся -- было бы странно. Азамат слегка склонил голову, мы с Алэком приветливо улыбаемся, Кир точно копирует выражение лица Унгуца.

-- То-то же, -- довольно произносит Ирлик и выключает вилы. Поворачивается к Азамату. -- Сразу надо было меня звать, ясно же, что эти сушёные водоросли, -- он презрительно кивает на Старейшин, -- ничего дельного не удумают. Ты уж не сердись на нас за такую историю, ты просто Учоку под руку попался, когда он хотел мне

насолить, вот и устроил неразбериху. Ну да ты мужик способный, вырастишь из сына человека, планета не пожалеет.

Он приседает на одно колено и проводит ладонью по голове Кира в благословляющем жесте.

-- Править тебе на роду не написано, -- говорит, обдавая всех нас жарким медовым дыханием, -- но все прочие пути открыты. Сам решишь, на какую дорогу ступить.

С этими словами и ещё разок погрозив Старейшинам стуком кулака по полу, Ирлик кувыркается в воздухе и исчезает.

Медленно-медленно Старейшины приходят в себя. Я отдаю Алэка Азамату и иду разбираться с тем, который шлёпнулся в обморок. Ничего, жив, шишку только набил.

-- Ладно, -- дрожащим голосом начинает Асундул. -- Хорошо. Ладно. Хорошо. Поняли. Мать, запишем, Элизабет. Отлично. Все могут идти.

Я подхватываюсь, Кир тоже, но Азамат остаётся сидеть.

-- Зачем спешить? -- довольно урчит он. -- Раз уж все в сборе, я собирался обсудить с вами проблему приютов. Видите ли, Кир обратил моё внимание на отвратительное обращение с безродными детьми и сиротами. Я уверен, что узнав такие подробности, вы захотите положить конец произволу... Лиза, ты можешь идти, мы тут задержимся.

Я с трудом сдерживаю смех, подхватываю Алэка и выхожу. В коридоре сидит бледный, но живой Урик, дрожит и дёргается. Рядом с ним стоит Алтонгирел, скрестив руки, смотрит на меня.

-- Чтоб у вас хоть раз всё гладко прошло, -- ворчит. -- Азамат там надолго? А то у дворца уже народ собирается, обещано официальное заявление.

-- Думаю, ненадолго, -- хихикаю. -- Старейшины сейчас на всё согласны.

Глава 15

Мне приходится приводить Урика в чувство силовыми методами -- вкатить ему лошадиную дозу успокоительного, иначе был бы риск, что парень натурально свихнётся. Алтонгирел соглашается подержать Алэка, пока я вожусь, заодно придирчиво его рассматривает. Алэк тоже весьма интересуется Алтошей -- у него на шее висит масса занимательных бус. Мне иногда думается, что муданжские мужчины

для того и носят эти ёлочные украшения, чтобы детям было чем заняться.

-- Как тебе новый ребёнок? -- тихо спрашивает духовник.

-- Смешно, -- говорю. -- Но с ним будут проблемы.

Алтонгирел одаривает меня странным расфокусированным взглядом, потом сообщает:

-- Арават видел вас в Худуле.

Я так опешиваю, что не придумываю ничего лучше, чем спросить:

-- А ты откуда знаешь?

-- Мне прислали птичку, -- пожимает плечами Алтонгирел. -- Он наблюдал за вами в окно магазина.

-- Ну, что ж, если он не нашёл себе занятия поинтереснее... -- развожу руками и поднимаюсь, чтобы забрать Алэка.

-- Мне пересказывали, что Кир ему понравился, -- продолжает духовник.

Я фыркаю.

-- Не сомневаюсь. Они весьма похожи.

Алтонгирел собирается что-то ответить, но тут из зала выходит очень довольный Азамат, а с ним несколько пришибленный Кир.

-- Привет, -- кивает обоим Алтонгирел. -- До чего договорились?

-- Долгая история, -- улыбается Азамат. -- Я вчера набросал несколько проектов, их предварительно приняли, теперь будем работать. Вот, гляди, -- он подталкивает Кира вперёд, чтобы показать духовнику. -- Вот такой у меня мальчик.

-- Алтонгирел, -- называется духовник.

-- Кир, -- буркает ребёнок, недобро глядя исподлобья.

-- Надо возвращаться во дворец, показаться народу, -- напоминает Алтоша. -- Кир, было бы очень неплохо, если бы ты сделал более радостное лицо, когда на тебя будет смотреть вся столица.

-- Хорошо, -- еле слышно отвечает ребёнок, пригибая голову ещё ниже. Азамат выводит его на крыльцо, придерживая за плечи. Ох, чувствую, будет нам сегодня скандал...

-- Надо Ирлика опять на суши позвать, -- заполняю паузу.

-- Да, обязательно нужно поблагодарить, -- кивает Азамат, помогая мне сесть в машину. У перил моста уже собрались какие-то

зеваки, переговариваются, тычут пальцами в Кира.

-- Всё интересное будет у дворца! -- кричу им.

Старейшины Ажгдийдимидин и Асундул тоже выходят и усаживаются в поданный ко входу автомобиль, за рулём чей-то ученик-духовник. Асундул с трудом держится на ногах, и ученику приходится чуть ли не втаскивать его в машину. Наш духовник задумчив и ни на кого не смотрит.

У дворца, впрочем, уже такая толпень, что Азамат сразу сворачивает к чёрному ходу, иначе не пробиться. Обычно Император обращается к подданным с крыльца, но сейчас даже на крыльце сидят друг у друга на головах. Алтонгирел делает жалкую попытку расчистить место, но собравшимся уже некуда деваться, толпа вокруг не пускает. В итоге мы поднимаемся на второй этаж и выходим на балкон. К счастью, туда любопытные ещё не залезли, хотя для муданжцев это должно быть нетрудно.

Сверху море голов выглядит жутковато. В Долхоте на открытии музея народу было раз в пять меньше. Здесь явно не только жители столицы и ближайших окрестностей. И когда успели съехаться-то?

Азамат выходит к перилам, и гомон стихает. Мы все выстраиваемся по стеночке, Старейшины по краям, я с Киром и Алэком посередине, Алтонгирел в дверях на всякий случай -- официально ему тут делать нечего.

-- Прекрасные доблестные воины, -- начинает Азамат с формального приветствия, -- вы собрались здесь, чтобы узнать о великой радости.

Он выдерживает паузу, пока граждане удивляются. Они явно не ждали ничего хорошего. Азамат продолжает:

-- Мой потерянный сын вернулся домой живым и здоровым.

Толпа снова принимается бормотать, а Азамат подзывает Кира к себе, чтобы собравшимся было лучше видно. Тот поднимает лицо и безо всякого выражения смотрит куда-то за край толпы.

-- Князь Кир, -- представляет его Азамат, -- родился в один день с князем Алэком, но был разлучён с нами волею богов, и вырос в иное время. Однако теперь мы снова вместе, и я прошу вас позаботиться о моём сыне, как заботитесь обо мне.

Я с трудом сдерживаю улыбку, меня всегда веселит это выражение.

Поняв, что Азамат уже закончил, толпа принимается гомонить, обсуждать новость, кто-то что-то выкрикивает. Старейшина Асундул, несколько оклемавшийся после явления Ирлика, тоже подходит к перилам и поднимает руку, требуя тишины.

-- Совет Старейшин Ахмадхота в полном составе постановил, что князь Кир был рождён от Императорской четы в ночь с месяца Укун-Тингир на месяц Ирлик-хона. Доказательством тому служит свидетельство самого Владыки Подземного царства, явившегося перед советом сегодня в час змеи и воспоследовавшее благословение оным богом оною князя. Старейшина Ажгдийдимидин, -- он протягивает руку вправо, где наш духовник неохотно выходит из транса.

-- Сим подтверждаю истину сказанного, -- с трудом произносит он достаточно громко, чтобы толпе было слышно. Впрочем, всех пробирает такая нервная судорога, что понятно и без слов.

Толпа вздыхает, восстанавливая душевное равновесие. Азамат кланяется и уводит Кира с балкона. Я машу всем ручкой (без этого же не отпустят) и тоже ухожу, а вслед за мной Старейшины.

-- Ну всё, -- отдувается Асундул. -- С меня на сегодня хватит. Поеду до дому и лягу спать на два дня. Успехов тебе, Азамат, не знаю уж, как ты справишься с двумя мальчуганами, которых сам Ирлик-хон благословил.

С этими словами он нас покидает. Два духовника, одинаково скрестив руки, стоят и рассматривают нас, как диковинных зверей.

-- Старейшина Ажгдийдимидин хочет с вами побеседовать, -- предупреждает Алтонгирел.

-- Догадываюсь, -- смущённо говорит Азамат. -- Со всеми вместе или по отдельности?

Старейшина машет ладонью из стороны в сторону, мол, отдельно. Потом подзывает Азамата и уходит с ним в незанятую гостевую комнату. Алтонгирел тяжело приземляется напротив нас и озабоченно смотрит то на меня, то на Кира, то на Алэка.

-- Нам дозволено разговаривать между собой? -- интересуюсь. Уж очень похоже на полицейский допрос.

Алтонгирел пожимает плечами. Я подсаживаюсь к Киру в углу дивана.

-- Ты живой?

Он набычился и не смотрит на меня.

-- Малыш, ну что ты злишься? Старейшины сказали что-то неприятное? Или Ирлика испугался?

-- Я никого не боюсь! -- автоматически огрызается ребёнок.

-- А чего тогда дуешься?

-- Мог бы догадаться, кто вы такие, -- бубнит Кир еле слышно. -- Все знают, что у жены Императора волосы белые.

До меня запоздало доходит, что Кир только сегодня узнал, кем, собственно, работает его отец. М-да, наверное, надо было предупредить мальчика. Хотя чего обижаться?

-- Мы не нарочно от тебя скрывали, -- говорю. -- Просто забыли сказать.

Алтонгирел молча одаривает меня изумлённо-возмущённым взглядом. Я хочу погладить Кира по спине, но он выгибается и уворачивается. Алэк у меня на руках сонно хлопает глазами, рассматривая брата. Молчание тянется долго и скучно. Наконец Азамат возвращается -- несчастный, с потемневшим лицом, какой-то весь разбитый. Я подхватываюсь с места.

-- Что ещё он тебе напорожил?

Муж мотает головой.

-- Ничего нового. Иди, твоя очередь.

Идти мне очень не хочется -- во-первых, тревожно оставлять Азамата в таком состоянии, во-вторых, ни малейшего желания узнавать очередную гадость. Алэк, тоже почуяв неладное, начинает хныкать, Кир насторожённо озирается. Алтонгирел подходит и кладёт руку Азамату на плечо.

-- Иди, Лиза, я за ними прослежу. Давай сюда князя.

Я неохотно выпутываюсь из слинга. Алэк на руках у духовника насупленно замолкает и поглядывает на меня, как на предателя. Из комнаты раздаётся нетерпеливый стук, и я иду внутрь, расстроенная и сбита с толку.

Ажгдийдимидин сидит и черкает что-то в блокноте. Стоит мне сесть, как он тут же выдаёт мне листок с вопросами.

"Как долго ты сможешь это терпеть?" -- гласит первый из них.

Поднимаю растерянный взгляд на духовника.

-- Что терпеть?

Он кривится, мол, не притворяйся, что не понимаешь.

-- Кира? -- уточняю я.

Духовник невнятно кивает, дескать, можно и так сказать.

-- Ну, я знаю, что будет трудно, -- начинаю я. -- Уже очевидно, что у него непростой характер, и вообще ему в жизни тяжело пришлось, он не ждёт от нас ничего хорошего...

Старейшина отмахивается от меня, мол, не по делу говоришь. Снова берёт блокнот и строчит:

"Ты согласилась молчать ради мужа. Насколько хватит твоего терпения?"

Пожимаю плечами.

-- А почему вы думаете, что моё терпение когда-нибудь обязательно кончится? Ну был один ребёнок, стало два. Я по-любому собиралась ещё рожать.

Ажгдийдимидин хмурится, изучая моё лицо, как будто пытается проникнуть в мысли. Может, и на самом деле проникает. Подумав, принимается за новую записку:

"Когда-нибудь при ссоре ты забудешься и выкрикнешь всю правду в лицо Азамату при всех. Лучше решить этот вопрос сейчас".

Нет, мыслей моих он явно не видел.

-- Во-первых, -- обстоятельно отвечаю я, -- мы никогда не ссоримся прилюдно. Во-вторых, я не вижу ничего плохого во внебрачных детях, и не стану использовать это как оскорбление. А в-третьих, что вы предлагаете? Стереть мне память?

Старейшина задумывается, постукивая пальцами по подлокотнику. Потом привлекает моё внимание к листочку с вопросами. Я читаю второй.

"Ты полагаешь, что человек, неспособный сохранить свою честь, может править планетой?"

-- А что, -- отвечаю вопросом на вопрос, -- мнения Ирлика по этому поводу вам недостаточно?

Духовник продолжает выжидательно смотреть на меня. Ладно, отвечу.

-- Азамат не виноват, что так получилось. Он не мог знать о Кире и ничего не мог сделать. Ирлик же вам сказал, что это какой-то другой бог всё так устроил, чтобы ему подгадить. По-моему, чести моего мужа от этой истории ничуть не ubyло.

Ажгдийдимидин продолжает смотреть на меня своим неприятным рассеянным взглядом, потом кивает на листок.

"Ты уверена, что мальчик и повитуха смогут сохранить тайну?"

Что-то мне начинает это надоедать. Просматриваю остальные вопросы.

"Убеди меня, что не наймёшь знающего, чтобы вернуть память Алансэ, если поссоришься с мужем".

"Что ещё ты готова вытерпеть от мужа? Почему?"

"Только ли ради него ты согласилась выдумать эту ложь или просто боишься, что придётся покинуть Муданг? Что тебя здесь держит?"

-- У вас какие-то странные вопросы, -- замечаю. -- Мне казалось, духовник нужен для того, чтобы успокаивать душу человека. А вы сначала Азамата растоптали, а теперь меня допрашиваете, как на суде. Я, честно говоря, надеялась, что вы посоветуете, как обращаться с Киром, чтобы он к нам быстрее привык.

Старейшина устало вздыхает и пишет:

"Не учи меня моему делу. Меня волнуют последствия для планеты. Мальчишка -- вообще не твоя забота, а мужа. Продолжай отвечать".

Изумлённо поднимаю брови. Мне казалось, Ажгдийдимидин разбирается в людях и лично во мне.

-- Нет, -- мотаю головой. -- Любая забота Азамата -- это моя забота. И уж новый ребёнок в семье -- тем более! Да и потом, вы хотите сказать, что дали какие-то советы Азамату? Судя по его виду, когда он от вас вышел, вы только и делали, что его ругали. Это, конечно, гарантирует планете светлое будущее.

Ажгдийдимидин поджимает губы. Я внезапно вижу его не как великого духовного наставника, всемогущего проводника воли богов, а просто как человека, делающего свою работу. Он невысокий, седой, хотя лицо нестарое. Морщины на лбу, а вокруг глаз нету, наверное, потому что эти глаза большие и всегда очень широко открыты. Бледный и тощий, с неухоженными руками, что для богатого муданжца с гласным именем вообще нонсенс. Одежда на нём вся дарёная и дорогая, но сидит плохо, и зелёный цвет ему не идёт.

Он устало берётся за ручку и долго пишет прежде чем предъявить мне бумажку.

"Я самый могущественный из живущих Старейшин. Вся планета на моей ответственности. Я не могу себе позволить

разбираться с вашими мелкими затруднениями, когда под угрозой положение Императора. Я взял вас под опеку, потому что Алтонгирел не справлялся, а между ним и мной никого нет. Если тебе нужен совет, как обращаться с ребёнком, спроси Унгуца, у него в отличие от меня были свои дети, и он не презирает Азамата за этот безнравственный поступок".

-- Унгуц всё знает? -- уточняю я.

"Догадывается" -- черкает духовник.

-- Так вы... презираете Азамата? -- продолжаю осмыслять написанное.

Ажгдийдимидин некоторое время сидит неподвижно, глядя в одну точку. Потом пишет:

"На Муданге внебрачный ребёнок -- это большой грех. Унгуц долго жил на Гарнете, может думать иначе. Я -- нет".

-- Вот как... -- бессмысленно отвечаю я. Вообще, это всё неудивительно. Ажгдийдимидин до сих пор показывал потрясающую широту кругозора для человека, ни разу не выдавшего иностранца. У всех есть свой предел. Не уверена, что, например, моя бабушка смогла бы принять некоторые муданжские нормы поведения. Что ж, ладно, будем разбираться самостоятельно.

Прокашливаюсь.

-- Могу вам обещать, что планета не пострадает от наших семейных неурядиц. Я понимаю, что сохранить тайну -- дело первостепенной важности, и я уверена во всех, кто её знает. Вы, помнится, просили меня предупредить, если соберусь делать за вас вашу работу. Ну так вот, предупреждаю. Сделаю, как смогу. Может, не быстро и не с первого раза, но сделаю. Не беспокойтесь.

Встаю и направляюсь к двери. Духовник по-прежнему на меня не смотрит, а внимательно изучает ковёр.

-- Кира позвать? -- вспоминаю я.

Он мотает головой.

-- Его вы тоже презираете? -- уточняю.

Духовник не шевелится.

-- Знаете, я ведь сама внебрачный ребёнок, -- замечаю. -- Можете и меня попрезирать за компанию.

Он поднимает взгляд, полный изумления и неверия, и некоторое время смотрит на меня, как будто ждёт, что я признаюсь в розыгрыше,

и мир снова встанет с головы на ноги. Но я только неловко развожу руками и выхожу.

В гостиной те же четверо: Азамат сидит поодаль в кресле, сжимая в руках пиалу с гармаррой, Алтонгирел с Алэком в охалке что-то вполголоса вещает понурому Киру. При моём появлении все поднимают головы. Старейшина выходит вслед за мной, кратко кивает Алтонгирелу и бесшумно выскальзывает из наших покоев. Я не знаю, к кому кидаться первому. Кир смотрит затравленно, Алэк обиженно, Алтонгирел выжидательно, а Азамат отчаянно.

-- Всё хорошо! -- громко объявляю я и улыбаюсь. -- Наконец-то всё кончилось, и можно отдохнуть! Азаматик, звякни, чтобы принесли чаю с чем-нибудь сладким. Я слышала, ребята с Гарнета тонну шоколада привезли, самое время её надкусить.

Несмотря на то, что на Муданге в изобилии растёт какао, шоколад они тут не делают, только напиток, или вообще едят плоды как есть.

-- Что он тебе сказал? -- болезненным голосом спрашивает Азамат.

-- Ничего интересного, -- пожимаю плечами. -- Он нас всех презирает. Я ответила, что это его проблемы. Ну закажи чаю, котик, я очень пить хочу!

Азамат послушно берёт со столика внутриворцовый телефон, вызывает кухни и диктует, чего мы желаем.

-- Почему вы ему не сказали, что Азамат -- Император? -- строго спрашивает Алтоша.

-- Не знаю, -- пожимаю плечами. -- Мы всё время говорили про Азаматову работу, и как-то казалось очевидным, в чём она заключается... Ну и потом, это ведь просто должность... Кто я по профессии, мы тоже не обсуждали.

-- Это не просто работа, -- вздыхает Алтонгирел. -- Для обычных людей Император -- практически бог, если не важнее. Боги где-то там, могут вмешаться, а могут и нет. Император же всегда на виду.

Развожу руками.

-- Ну прости, протупили. Столько всего надо было сказать и сделать, а потом он сбежал, да ещё Хос...

Алтонгирел хмурится.

-- Сбежал? -- оборачивается к Киру. -- Не советую. Из-под земли достанут.

-- Уже понял, -- ворчит Кир. -- Знал бы тогда, не стал бы и пытаться.

-- Ну, в этом я сомневаюсь, -- хмыкаю. -- Ладно, что в прошлом, то в прошлом, и тебя можно понять.

В этот момент раздаётся стук в дверь и Тирбиш вкатывает столик с чаем и шоколадом.

-- Азамат, хватит психовать, вылезай из угла и иди к нам, -- окликаю мужа.

Тирбиш во все глаза таращится на Кира.

-- Кир, знакомься, -- представляю, -- это Тирбиш, он нянчит Алэка. Тирбиш, Кир.

-- Здравствуйте, -- невыразительно произносит Кир. Ну, хотя бы не злобно, и на том спасибо.

-- Привет, -- Тирбиш широко улыбается своей самой располагающей улыбкой. -- Как тебе круто не повезло, парень!

Кир корчит рожу, но по-моему, он просто пытается не смеяться. Я сама прыскаю. Азамат наконец подходит к нам и усаживается на диван рядом с ребёнком. Тирбиш наливает всем чаю, между тем поглядывая на Кира.

-- Как же вам так удалось, Хотон-хон? -- спрашивает ненавязчиво. -- И потом даже не сказали ничего...

-- Подробности будут в новостях, -- отвечает вместо меня Алтонгирел. -- Не приставай, тут и так сложная ситуация.

Тирбиш виновато вжимает голову в плечи и быстро сматывается. Азамат провожает его несчастным взглядом.

-- За что ты его так?

-- Не хватало тебе сейчас перед слугами отчитываться, -- огрызается Алтонгирел. -- Чашку взял? Шоколадку взял? Вот и займись.

Я замечаю, что Кир даже не смотрит в сторону стола, так что сама подношу ему чашку и плитку горького шоколада с орехами -- уж какой принесли.

Ребёнок зыркает на меня подозрительно.

-- Шоколад почти не сладкий, -- говорю. -- Так что тебе можно. Или боишься, что отравлен?

-- Нет, -- Кир встряхивается, ёрзает на месте, устраиваясь поудобнее и берёт у меня угощение. Я сама откусываю полплитки сразу и только потом начинаю искать чашку. Надо понять, что мы делаем дальше и как. Надеюсь, у Азамата хватит ума сегодня не работать с подчинёнными, в таком-то жалком состоянии.

-- Сегодня, наверное, займётся делами по дому, -- как бы думаю вслух. -- Тебе, Кир, надо комнату выбрать, а то та, в которой ты спал, мне кажется, маловата. Обставить, в гостевых ведь ни столов, ничего... Вещи разложить. Азамат, организуй ребёнку мебель.

-- И не вздумай сегодня работать, -- добавляет Алтонгирел, словно прочитав мои мысли. -- Тебя кто угодно в чём угодно убедит. Вообще, прежде чем выходить на улицу, успокойся, а то у тебя вид -- как будто любимого коня похоронил, а сам полчаса назад убеждал народ, что случилась великая радость.

Азамат устало трёт лицо руками.

-- Хорошо, я всё понял. Вы хотите меня занять чем-нибудь безобидным. Кир, если ты доел и допил, то давай посмотрим, что дворец может тебе предложить.

Кир громко и с трудом проглатывает весь запихнутый в рот шоколад и вскакивает по стойке "смирно" в ожидании команд, большими глазами глядя на Азамата.

-- Смотри, -- Азамат прихватывает ребёнка за плечи и разворачивает в нужную сторону. -- Вот эта комната наша, а эта -- Алэка. Из остальных выбирай. Отсюда вид на улицу, отсюда на сад...

Мы с Алтонгирелом сидим в центре гостиной и крутим головами, как в мультике, следя за перемещениями Байч-Харахов. Азамат потихоньку приходит в себя, а Кир молча делает, что велят, с довольно бессмысленным видом. Алэк дремлет у меня на руках. В какой-то момент замечаю, что Алтонгирел уставился на меня.

-- Ты чего? -- спрашиваю, почему-то шёпотом.

-- Пытаюсь понять, как ты будешь жить в одном доме с приютским пацаном.

-- А в чём сложность?

-- Да так, ты и цивилизованных людей варварами считаешь. А эти-то вообще как из леса.

-- Буду цивилизовывать, -- пожимаю плечами.

Алтонгирел фыркает.

-- Ага, восьмилетнего парня! Как же! Ты знаешь, например, как они там моются?

-- Редко, -- уверенно отвечаю я.

-- Редко, холодной водой, без мыла, не говоря уже о прочих излишествах, -- дополняет Алтонгирел. -- И что, ты его будешь учить пользоваться шампунем? Почти взрослого парня? Я на это посмотрю.

-- Ну, это скорее Азамату придётся делать... -- тушуюсь я. -- Но мне кажется, если уж Кир сам научился читать, чтобы сойти за ребёнка из семьи, как-нибудь мыться-то научится! Пару раз вместе с отцом помоемся...

Алтонгирел закатывает глаза.

-- Азамат перед ним никогда рубашку не снимет.

-- Да ладно, он вроде успокоился. Тем более, шрамы-то уже совсем не такие страшные, ты просто давно его не видел.

-- Я тебя уверяю, -- качает головой Алтонгирел. -- Лучше приставь к этому Тирбиша, всё равно он твоего мелкого моет.

Мне не хочется признаваться, но Алтонгирел, пожалуй, прав. Азамат по-прежнему стесняется и комплексует, а Кир может это как-нибудь неправильно истолковать. У него вообще толковалка плоховато развита. Я неопределённо пожимаю плечами, дескать, посмотрим, как сложится.

-- Ты сама сказала, что будут проблемы, -- замечает духовник. -- Приятно слышать, что ты это понимаешь. Но когда они тебя допекут, очень прошу, не жалуйся Азамату. Лучше мне. Или, если мне не хочешь, то подруге своей. Эцагану можно, Унгуцу, тётке этой твоей, которая орехами торгует. Кому угодно, только не Азамату.

-- Почему? -- сдвигаю брови. -- То есть, спасибо, конечно, что предлагаешь себя в качестве жилетки, но с мужем-то я уж как-нибудь найду общий язык. Наоборот, лучше мы будем обсуждать все трудности и находить решения вместе, чем я буду у него за спиной кому-то третьему жаловаться на жизнь. Я вообще этого не люблю.

Алтонгирел качает головой.

-- Как хочешь. Но когда поймёшь, что Азамат неадекватен, приходи плакать ко мне.

Я тихо скрежещу зубами. Очень хочется Алтошу отшить, мол, сам сначала стань адекватным, потом других суди, но... Даже для себя

не могу притвориться, что в его словах нет доли истины. Плакать -- не плакать, а поругаться, чтобы снять стресс, может, и приду.

Духовник смотрит на меня с ухмылкой, как будто догадывается, что я думаю. Потом встаёт и потягивается.

-- Ну ладно, надеюсь, до вечера вы доживёте без присмотра. Пойду отдохну от вас, извергов.

Азамат с Киrom где-то в дальней комнате, судя по долетающим репликам, торчат из окна.

-- Алтонгирел, -- окликаю. -- Я так понимаю, ты Азамата простил?

Он закатывает глаза.

-- Это требует особого уточнения?

-- Ну вот Ажгдийдимидин не смог.

Алтонгирел приподнимает бровь.

-- Азамат -- мой любимый друг. А Старейшина с ним встречался пару раз в молодости, да потом ещё в предсказаниях. Ты не видишь разницы?

-- Вижу. Просто хочу разобраться. С вами, муданжцами, никогда не знаешь, что окажется сильнее -- личная привязанность или какие-нибудь безумные традиции.

Алтоша пожимает плечами.

-- По-моему, глупо обвинять человека в том, что его подставила женщина. Я злился на него за то, что он вообще связался с этой стервой, с первого взгляда же было ясно, что она из себя представляет. Потом, я боялся, что он поссорится с тобой из-за ребёнка, знал ведь, что он не сможет оставить парня в приюте... Но вообще я не очень уважаю традиции, которые позволяют бабам манипулировать людьми. Ладно, всё, меня ждёт успокоительная ванна, увидимся завтра.

Алтонгирел удаляется, повиливая бёдрами, а я сижу посмеиваюсь. Он, конечно, кошмарный шовинист, но в данном случае я совершенно согласна.

Азамат с Киrom снова появляются в гостиной.

-- Комнату мы выбрали! -- радостно и громко объявляет Азамат.

Алэк у меня на руках вздрагивает, просыпается и издаёт предупредительный вой сирены. Кир морщится. Я пытаюсь укачать мелкого обратно.

-- Ой, прости, -- Азамат подходит поближе и теребит Алэка. -- Ну тише, тише, это я...

Мелкий развивает новую, неслыханную прежде громкость.

-- Пожалуй, мы на сегодня наобщались, -- подытоживаю я, встаю и топаю в детскую укладывать чадушко. Оно надрывается, как будто его режут. Есть не хочет, погремушку не хочет, на руках пихается, по кровати кулачком стучит, в общем, показывает характер. На всякий случай проверяю его болевым сканером -- это такая штука для маленьких детей, которая сообщает, где у них болит. Но сканер никаких неприятных ощущений не регистрирует. Даже зубы ещё не режутся. Просто кого-то невовремя разбудили.

Не знаю, сколько проходит времени, но в какой-то момент я не выдерживаю и призываю Тирбиша, потому что один на один с орущим ребёнком мне не по себе, а появление Азамата может расстроить его ещё больше. Тирбиш гораздо опытнее меня в смысле укачивания младенцев, и он очень спокойный, так что с его помощью Алэка всё-таки удаётся уложить. Я вытираю честный трудовой пот.

-- Он долго не проспит, -- шёпотом говорит мне Тирбиш. -- После скандала спит от силы два часа. Потом развлекать надо будет.

-- Да зна-аю, -- вздыхаю.

У Алэка действительно в последнее время появилась такая милая манера: сначала всех утомить длительным концертом, потом поспать часик-другой, дожидаться, пока все расслабятся, займутся своими делами... а потом проснуться счастливым и отдохнувшим и потребовать всеобщего внимания к своей небольшой персоне. Удобно, конечно, что во дворце всегда можно найти желающих посюсюкать с князем, но увлекаться тоже не очень хорошо, ещё научат глупостям, да и кто этих муданжцев знает... Результаты воспитательных действий Тирбиша я, по крайней мере, видела: его младшие братья и сёстры выглядят здоровыми, довольными и такими же спокойными, как он сам. Да и вообще из всех муданжцев, которых я знаю близко, Тирбиш производит впечатление наиболее психически здорового человека, несмотря на молодость. Странно, что он до сих пор не женат. Видимо, здравый смысл не позволяет.

Мы на цыпочках выходим из детской и шёпотом прикрываем дверь. Вздыхаем с облегчением.

-- Ты когда вечером его мыть будешь, Кира тоже прихвати, -- говорю. -- А то, боюсь, его представления о чистоте не совпадают с моими.

-- Обязательно, -- кивает Тирбиш. -- А вы не против, что я с ним буду общаться? А то Алтонгирел...

-- Да ну его к шакалам! -- фыркаю. -- Алтонгирел вообще не имел права тебя выгонять отсюда. Пойдём посмотрим, чего эти мужики ещё учудили...

Мужики расставили на полкомнаты гало-экран и крутят на нём разнообразные варианты обстановки и цветовой гаммы Кировой комнаты. Как я понимаю, он выбрал самую большую и по совместительству самую удалённую от нас.

-- Уложили? -- оборачивается Азамат.

-- Угу. Постарайся не рывкать так, когда он спит, пожалуйста, -- Я устало падаю на диван и закидываю ноги на подлокотник. -- Ну, чего вы тут доспели?

-- Да вот, заказали кучу всего, в ближайшие дни привезут, -- с энтузиазмом отчитывается Азамат. Кир не выглядит особо воодушевлённым, по-моему, он устал.

-- Кир, ты отдохнуть не хочешь? -- спрашиваю.

Он пожимает плечами, но потом замечает удивлённый взгляд Азамата и мотает головой. Тирбиш присаживается напротив.

-- Нравится тебе дворец? -- спрашивает с улыбкой. Надо сказать, что когда Тирбиш так радостно спрашивает, нравится ли мне что-нибудь, я не могу не согласиться, даже если нахожу обсуждаемый предмет невыносимо вульгарным. Кир тоже не ускользает от чар.

-- Нравится, -- пожимает плечами. -- Тут тепло и места много.

-- Это только жилая часть, -- сообщает Тирбиш. -- А есть ещё офисная, она намного больше, но там народу-у-у...

Тирбиша перебивает распахнувшаяся настежь дверь, в комнату врывается что-то белое и стремительно проносится вокруг нас с воплями, дважды прошибает гало-экран и наконец тормозит, врезавшись в диван рядом с ногами Кира. Экран возмущённо моргает.

-- Филин, -- спокойно приветствует ребёнок. -- А где ты был?

-- Вяф-рряф! -- радостно отвечает Филин. В детской заводится Алэк.

-- О н-не-ет, -- взываю я.

-- Лежите-лежите, -- Тирбиш срывается с места и уносится в детскую.

-- Кир, твоему псу обязательно так орать? -- вопрошаю.

-- Он меня давно не видел, -- насупленно отвечает Кир.

-- А чего ты сам к нему не сходил? -- интересуется Азамат. -- Я-то про твою собаку не помню, а ты должен, раз завёл.

-- Занят был, -- тихо отвечает Кир. Пёс, к счастью, успокоился, да и Алэк немного поутих, только хнычет негромко.

-- Да ну, это занятие можно было прервать в любой момент, -- замечает Азамат. -- Сказал бы.

Кир, по-моему, не слушает, а общается с Филином. Чешет ему холку, гладит по морде. Пёс свистит носом и щурит золотисто-карие глаза. Очень красивая собака, но у меня по этому ковру ребёнок ползает довольно часто, да и сама я люблю на полу поваляться, и собачьи блохи мне там совершенно ни к чему.

-- Может, вам с Филином погулять? -- предлагаю осторожно.

-- Действительно! -- оживляется Азамат. -- Пошли на лошадях покатаемся. Я думаю, народ уже разошёлся, можно незаметно выскользнуть.

-- Разрешаю взять Пудинга, -- поддакиваю я.

-- Ну, на мерине парню как-то несолидно, но жеребец на конюшне найдётся. Ты на лошади уверенно держишься?

-- Справлюсь, -- буркает Кир. -- Пойдём, Филин.

Азамат, едва не подпрыгивая от предвкушения, выводит своих подопечных в коридор, и скоро я слышу ржание у чёрного хода под окнами спальни. Алэк тоже его слышит и принимается хныкать громче. Поняв, что покоя сегодня не будет, соскребаюсь с дивана и топаю в детскую кормить и развлекать чадушко.

Впрочем, заметив, что все смирились со своей участью, мелкий быстро успокаивается и начинает радостно греметь разнообразными игрушками и демонстрировать, как он уже умеет поворачиваться с боку на бок. И такой он радостный и всем довольный, что я совершенно забываю, что устала, что с утра ничего не ела, что жизнь сложна, и покоя нет...

В реальность меня возвращают гром и молния -- в прямом смысле слова. За окном повисает непроглядная стена воды. Я

рассеянно смотрю на серую муть, которую показывают вместо горного пейзажа, а Тирбиш охает:

-- Ой, сейчас мокрые приеду-ут... Пойду-ка я греть бассейн.

И тут я соображаю, что двое из троих моих мальчиков где-то в полях на лошадях. И правда отпаривать придётся.

-- Грей два, -- говорю.

Бассейнами Тирбиш называет большие ванны, расположенные этажом ниже. Они на самом деле не такие огромные, всего примерно два на два метра, а разогреть можно их дно и стенки, чтобы вода не так быстро стыла и прислоняться было не холодно. Такие штуки обычно ставят себе богатые провинциальные мударанцы, непривычные к душе.

Я звоню на кухне и требую варить суп и ставить чай -- отпаивать моих гуляк. Сама заготавливаю профилактические средства.

Азамат с Киrom являются скоро, но вымокшие до нитки. Зверьё они, к счастью, оставляют на конюшне, где предусмотрено какое-то тёплое помещение на такой случай. Я встречаю их в дверях с двумя стопками чистой одежды.

-- Даже не думайте в таком виде заходить в гостиную, -- грожу пальцем. -- Быстро мыться и сушиться, а потом ужинать!

-- Звучит хорошо! -- радуется Азамат, стряхивая с себя жидкий свитер. Жидкий в прямом смысле слова, так и растекается по полу.

-- Опять мыться? -- бубнит Кир. -- Каждый день теперь, что ли?

-- А как вы хотели, во дворце-то? -- замечает возникший у меня за спиной Тирбиш с полотенцем на плече. -- Пойдёмте, князь Кир, я покажу вам удобства.

Вымытых, тепло закутанных в полотенца и фланелевые халаты Байч-Харахов встречает горячий ужин из четырёх блюд. Кир, надо заметить, стал гораздо менее смуглым после вмешательства Тирбиша, и теперь всё время нюхает свои руки и пытается их вытереть о халат. Видимо, попался ароматный гель.

-- Так-то лучше, -- одобряю, оглядев их у входа в гостиную. -- Теперь ещё по стаканчику микстуры, и я могу о вас не беспокоиться.

-- Я не болею, -- хмурится Кир.

-- Вот чтобы и дальше не болел, -- говорю, размешивая в пиале апельсиновый иммуностимулянт. -- Она не противная. А потом после еды ещё свои вечерние витамины выпьешь.

На еду мы набрасываемся все, даже Алэк, которого я недавно лично кормила, требует поделиться бульончиком.

-- Ну как съездили? -- первым нарушает молчаливый треск за ушами Тирбиш.

-- Отлично! -- с воодушевлением отзывается Азамат. -- Прокатились вниз по реке почти до гор, потом небо темнеть начало, повернули, и только в самом городе уже под дождь попали. Но какое солнце перед грозой! Там, на севере уже снег лежит, а тут-то ещё кролики бегают, рыба плещет. Я считаю, очень хорошо покатались.

Кир неопределённо кивает, не отрываясь от тарелки. Он опять наедается так, что мне от одного вида плохо делается, но сегодня это даже оправдано.

-- Ну ладно, -- вздыхает Азамат, стаскивая с головы полотенце и принимается промокать им свои бесконечные волосы. -- Сегодня мне надо ещё поработать и завтра тоже, так что, Тирбиш, позанимайся с Киром, пожалуйста. А после полудня можно будет поиграть или поучиться. Дождёшься? -- он подмигивает Киру. Тот молча кивает.

Азамат встаёт, потягивается и уходит переодеваться, а то в халате в Канцелярию не пойдёшь. Когда он скрывается в коридоре, я подсаживаюсь к Киру и обнимаю его за плечи.

-- Он тебя не сильно вымотал? -- спрашиваю.

Кир оглядывается на меня изумлённо.

-- Я просто подумала, -- оправдываюсь, -- что сегодня можно было бы и поспокойнее день провести. Ты, когда устаёшь, так и говори, никто тебя не осудит. У Азамата энергии на семерых хватит, он тебя совсем загоняет, если будешь на всё соглашаться. Советую завтра поспать подольше и с утра побережь силы, посидеть дома, позаниматься чем-нибудь привычным. Хорошо?

Кир неуверенно переводит взгляд с меня на Тирбиша.

-- Он сказал играть и учиться...

Тирбиш улыбается уголком рта.

-- Я подчиняюсь Хотон-хон, как она говорит, так и будет.

-- Она ведь женщина, -- недоверчиво замечает Кир.

-- Она такая женщина, как не всякий мужчина, -- хмыкает Тирбиш. -- Идите-ка спать, князь Кир, у вас был трудный день. Постель я приготовил.

Кир снова косится на меня и на мою руку, которой я его обнимаю. Я быстро прижимаю его крепче и чмокаю в висок.

-- Доброй ночи.

Кир выкручивается из-под моей руки и выстреливает по коридору в свою новую комнату. Мы с Тирбишем, усмехаясь, провожаем его взглядами.

-- Чего ты к нему на "вы" обращаешься? -- спрашиваю.

-- Чтобы привыкал, -- пожимает плечами Тирбиш. -- Мне не трудно, а ему лестно. Шли бы вы и сами спать, Хотон-хон, а то как бы не пришлось капитану вас относить в спальню, вид у вас такой...

Глава 16

Когда я утром выхожу в гостиную, меня встречает приветственный грохот. Протерев глаза, я обнаруживаю Кира, поспешно поднимающегося с пола, а рядом с ним поваленный журнальный столик и кучу разбросанных книг. Похоже, кто-то споткнулся об ножку, и теперь не знает, что делать: убирать бардак или драпать.

-- Не ушибся? -- спрашиваю, поднимая столик.

Кир нервно топчется у стены и на вопросы не отвечает. Я принимаюсь собирать книги -- это Азаматовы сборники легенд и песен. Ребёнок опасно присоединяется, и скоро всё лежит аккуратными стопочками на столе.

-- Извините, -- тихо начинает Кир. -- Я их только посмотреть взял, не хотел ничего портить...

-- Да вроде и не испортил, -- пожимаю плечами. -- Это же новые книги, крепкие, ну подумаешь, на ковре повалялись. Куда ты так рванул-то?

Ребёнок втягивает голову в плечи.

-- Я не знал, можно ли их брать...

-- То, что нельзя брать, -- усмехаюсь, -- лежит в сейфе под замком. А тут в гостиной всякие люди ходят, и ничего секретного нет. - Усаживаюсь на диван и тянусь к телефону. -- Ты завтракал?

-- Нет, я только, гм, картинки рассматривал.

Я заказываю с кухни йогуртов и фруктов, потом замечаю подозрительный взгляд Кира и поясняю:

-- Сегодня тебе уже можно сладкое, наказание кончилось. И дай-ка мне стакан с водой, я тебе сделаю витамины.

Кир послушно подносит мне стакан и наблюдает, как в нём растворяется шипучая таблетка. Какой-то он чересчур послушный -- не ленится, не скандалит. Если учесть начало наших отношений, я ожидала больше проявлений характера. А он только молчит, смотрит в сторону и отвечает в минималистическом стиле.

-- Ну и как картинки? -- спрашиваю, чтобы заполнить паузу.

Он бросает на меня ещё один подозрительный взгляд, как будто знает, что я застала его на месте преступления, но почему-то не зову полицию.

-- Нормально.

Вот об этом я и говорю.

-- Мне особенно нравятся в книжке про Атвэя-охотника, -- говорю. -- Гляди.

Выуживаю из стопки пластиковое издание и протягиваю Киру. Там действительно потрясающие пейзажные миниатюры, рисунки животных и национальные костюмы разных областей Муданга.

Кир предельно аккуратно перелистывает пластиковые странички, отделанные под старину. Потом он замирает, засмотревшись на страницу. Я вытягиваю шею заглянуть, что там изображено, но Кир вздрагивает и тут же перекидывает полкнижки.

-- Там что-то неприличное? -- поднимаю бровь.

-- Нет, -- пожимает плечами он. Поднимает на меня взгляд и тут же отводит.

-- Чего ты от меня шарахаешься? -- спрашиваю.

-- Ничего. Я не шарахаюсь, -- быстро отвечает ребёнок.

Кого-то он мне напоминает... Ах да.

-- Оттого, что у меня глаза синие, что ли? -- предполагаю. -- На моей планете такое бывает. Я не имею никакого отношения к тётё-грозе.

-- Это детские выдумки! -- возмущённо фыркает Кир. -- Никакой тётё-грозы не бывает!

Я с пониманием улыбаюсь, и ребёнок, видимо, решает, что лучше сознаться, чем прослыть трусом, верящим в сказки:

-- Вы вчера сказали не читать, а я читал, потому и хотел спрятаться.

Я глубоко вздыхаю.

-- Никто тебе не запрещал читать, -- говорю. -- Я просто сказала, что это не обязательно. Тебе надо было отдохнуть. Но если хочешь -- читай, пожалуйста, мне не жалко.

Ребёнок смотрит на меня выжидательно, не последует ли каких-нибудь ограничений, потом кивает. Тут приносят завтрак, и Кир аккуратно сдвигает все книги на дальний край столика, чтобы на них что-нибудь не пролить. И только после этого уплетает полтора кило йогуртов.

Просыпается Алэк, мы идём на прогулку, потом немного возимся в манеже. Тирбиш приносит свежеподаренные подданными игрушки, я отправляюсь их дезинфицировать. Кир сидит в гостиной над книгами.

Мы с Тирбишем играем с Алэком, потом приходит черёд кормления, потом снова спать. Тирбиш сегодня укладывает мелкого без проблем и предлагает Киру заняться чем-нибудь поинтереснее, но то отказывается и продолжает читать.

-- Ты не обалдел ещё? -- интересуюсь.

Он мотает головой, не отрывая взгляда от страницы и дальше игнорирует происходящее вокруг.

В такой диспозиции и застаёт нас Азамат.

-- О, Кир, читаешь? Молодец, парень! Ну как, получается?

Ребёнок аж подскакивает от неожиданности -- видимо, не заметил, как Азамат вошёл.

-- Э, да, -- отвечает он, вытягиваясь по струнке.

-- Отлично! Ну-ка давай, почитай мне вслух.

И Кир читает.

Мои надежды не бросать Алэка в ближайшие несколько месяцев рушатся с треском на следующий же день. Прибегает взмыленный Урик и требует моего присутствия на Совете Старейшин, где приезжий целитель докладывает об эпидемии загадочной болезни в одной из деревень между Ахмадхотом и Имн-Билчем. Там же, на Совете, уже сидят Янка с Оривой и ещё двое земных врачей и безуспешно пытаются добиться от целителя подробного описания симптомов. Надо сказать, мне это тоже не очень-то удаётся, потому что как только уважаемый лекарь осознал, что перед ним, во-первых, эпидемия, во-вторых, неизвестно чего, он тут же смотал удочки и рванул в столицу за помощью. Если учесть, что ни защитного костюма, ни оборудования

для работы с неизвестной инфекцией у него нет, может, и правильно сделал. В любом случае ясно, что мне надо срочно ехать туда: мужики пока плохо говорят по-муданжски, а Янку местные не воспримут как авторитет, она ведь женщина. Меня, по крайней мере, будут слушаться.

Азамата я решаю не нервировать, а то он очень переживает, когда я работаю с заразными больными. Естественно, я принимаю все мыслимые и немыслимые меры предосторожности, но ему всё мало. Да и вообще, официально я по-прежнему в декрете, так что хорошо бы мне вернуться к ночи. Втроём да с ассистентами из местных ребята должны справиться с небольшой деревней, если эта деревня будет делать как велено.

В общем, вылетаем мы на двух унгуцах: я на Азаматовом, остальные -- на казённом с пилотами. Деревенька стоит на берегу небольшой речки, впадающей в Билчмирн, самую широкую муданжскую реку. Мы все заранее запаковались практически в скафандры, хотя лететь тут полдня. На мне лично круглый прозрачный со всех сторон шлем, чтобы было видно опознавательные признаки Хотон-хон. У ребят шлемы мягкие; они более функциональны, но непрозрачные. Имн-Билчевского целителя тоже упаковали и привезли, чтобы хоть посмотрел, как работают земные специалисты. Он не в восторге, но против Совета Старейшин не пойдёт. На мозговыносящие объяснения с местными Старейшинами уходит непозволительно много времени, даже несмотря на то, что меня сразу узнали, а Асундул лично звонил местным и предупреждал о делегации. Ещё дольше мы отбиваемся от предложений немедленно отобедать. Я в очередной раз поражаюсь, как эти люди вообще прожили тут столько веков и не вымерли.

Впрочем, как выясняется всего через час собственно работы с больными, дело не в инфекции, а в отравлении. Взяв стандартные пробы, мы обнаруживаем, что в речной воде, которую, естественно, пьёт вся деревня, концентрация меди и цинка превышает допустимую норму. После допросов с пристрастием становится ясно, что выше по течению реки находятся рудники. Раньше там джингоши ковырялись понемногу, а теперь, когда джингошей не стало, свои обрадовались и во всю муданжскую богатырскую силушку принялись рыть. И дорылись до реки, так что часть вод теперь промывает эти самые рудники. К счастью, грунтовые воды сюда поступают с другой

стороны, так что вода в колодцах чистая. Мы с радостью вылезаем из скафандров, тем более, что тут довольно жарко, юг всё-таки. Я толкаю с локальной возвышенности по возможности доходчивую речь о том, что в ближайшее время воду можно брать только из колодцев, пока господа инженеры не решат проблему с рудником, а теми, кто уже захворал, займутся мои коллеги, вот, знакомьтесь, не обижайте, и нет, есть вашу еду они не будут.

Всех пострадавших свозят к местному Дому Старейшин. Внутри все не помещаются, приходится ставить палатки. Я принимаю посильное участие в обработке пациентов -- в основном, правда, рассказываю им, что с ними сейчас будут делать и зачем. Мне кажется, если бы я эти три часа оперировала, устала бы меньше. Но вот, кажется, все смирились со своей участью, никто никого не обзывает знающими, никто не пытается сбежать, никого не оскорбляют резиновые перчатки. Можно садиться в унгуц и лететь домой, есть шанс успеть к ужину. Судя по тому, что Азамат ещё не позвонил мне сорок восемь раз напомнить, что я в отпуске и что болезни бывают заразные, он меня пока не хватился. Когда вернусь, я расскажу, где была, конечно, но задним числом он не будет волноваться.

Короче говоря, я сажусь в унгуц и направляю его рога к дому, прикидывая, чего бы такого заказать придворным поварам, чтобы побаловать голодную меня, оставшуюся без обеда. Но не тут-то было.

Через час после вылета небо внезапно затягивается чернущими тучами, в отдалении начинает погромыхивать гром, да ещё поднимается сильный ветер. После того, как у меня перед лобовым стеклом хвостом вперёд проносит какую-то хищную птицу размером в треть унгуца, навигатор принимается орать, что впереди неблагоприятные погодные условия и он дальше лететь не хочет. Я кривлюсь, но разворачиваюсь -- домой не пускают, так хоть помогу ребятам. Но тут гром разражается прямо у меня над головой, а справа в паре километров воздвигается ветвистая электрическая колонна, освещающая тёмный ландшафт на несколько артунов вокруг. Похоже, снижаться придётся прямо сейчас, прямо в лес. А то как бы не поджарило. Не знаю, может, у Азаматовой машины есть какая-нибудь защита от попадания молнии, мне он ничего не говорил. Э, не так быстро садимся, я не хочу зад отбить!

Унгуц с треском плюхается в редкий широколиственный лесок, сшибая несколько крупных веток. Ох, надеюсь, борта не поцарапала, а то если Азамат увидит, как я садилась, он же меня со страху из дома перестанет выпускать!

В лесу темно и холодно, инфракрасное почти не помогает. В свете фар видны стволы и высокая трава типа иван-чая, сквозь которую без мачете не пролезешь. Похоже, придётся сидеть в машине. Интересно, сколько продлится это удовольствие? Навигатор сходит с ума и предсказывает недельную бурю. Пытаюсь вылезти в Сеть посмотреть прогноз погоды на этот район, но связи нет. Видимо, из-за грозы где-то что-то отрубилось. Это вдвойне плохо, потому что теперь я никому не могу сказать, где я и почему. О-хо-хо. Вот называется не хотела мужа волновать. Хотя, с другой стороны, если бы он знал, что я куда-то попёрлась, а потом со мной бы пропала связь, ему было бы ничуть не лучше.

Фары я выключаю (чего энергию тратить?) и принимаюсь рыться в багажнике на предмет чего-нибудь пожевать. Пропущенный обед остаётся пропущенным обедом, да вот только все сухие пайки я оставила ребятам, поскольку местную еду в отравленной деревне есть нельзя. Я-то думала, долечу до дома и поем... В общем, в багажнике обнаруживается только какое-то задубевшее ячменное печенье. Пожалуй, я ещё не настолько оголодала.

Тяжело вздыхаю, вырубаю свет в багажнике и тыркаюсь в Сеть ещё пару раз, но грохот и вспышки молний вокруг красноречиво свидетельствуют: нет тебе связи и не будет. На купол унгуца рухнет цистерна воды -- именно так, оптом, а не отдельными каплями. Как будто из моря через край льют. Становится зябко, я включаю обогреватель и печально утыкаюсь в окно, хотя там вообще ничего не видно.

Через некоторое время мне начинает казаться, что унгуц покачивается. Я снова включаю фары и присматриваюсь к вертикалям ближайших стволов. Эге, да я, похоже, всплываю... Только не говорите, что тут болото! Похоже, надо куда-то пересаживаться.

Пытаюсь взлететь, но постоянный душ с неба не даёт нормально работать поднимающему механизму, так что я скачками, вперевалочку, забираюсь до макушек деревьев, а потом практически по ним отползаю до локального холмика, где снова проваливаюсь сквозь

ветки. Далеко по такой погоде не улетишь, даже если не бояться молний. Ну ничего, кажется, на этот раз я села на твёрдую землю, хоть и криво. С облегчением откидываюсь на спинку и выключаю фары. И - - вижу чуть справа впереди красный огонёк. Включаю инфракрасную камеру -- эге, да там жильё какое-то. Ну, будем надеяться, там приютят заблудшую Императрицу... и покормят!

Зонтика у меня нет, зато есть противочумной костюм с тем самым шлемом. Он не промокает, правда, выглядит уж очень не императорски. Решаю не надевать его целиком, а то как бы меня за нечисть не приняли, только накинуть, ну и шлем надвинуть. Запасная одежда у меня вся в непромокаемой сумке.

Даже хорошо, что я посадила унгуц с перекосом на бок, можно открыть половину купола справа, и вода не зальётся внутрь. Выбираюсь и закрываю машину за собой, а потом по возможности быстро чапаю в кромешной тьме под проливным дождём по высокой траве. Да, переодеваться придётся.

В конце концов передо мной действительно возникает дом. Двухэтажный, аккуратный, с резными узорами. На крыльце горит лампочка, так что хорошо видно, куда идти. Рядом какие-то служебные постройки, пахнет зверьём. Звоню в дверь.

Она распаивается почти сразу, я едва успеваю снять шлем. Изнутри меня опалает жаром от натопленной печки. В дверях стоит высокий (и когда я уже привыкну, что на Муданге все высокие?) жилистый мужик с длинными взлохмаченными волосами, с усами и без бороды. Такого сочетания я ещё не видела, не знаю, что это значит. На мужике бесформенная серая рубаха и домашние треники на завязках. При виде меня он не сказать чтобы сильно удивляется, скорее подбирается как-то, как будто хочет казаться выше.

-- Здоровья и счастья в ваш дом, гостеприимный хозяин! -- начинаю я тоном заправской побирушки. Пожалуй, надо как-то исправиться. -- Меня зовут Элизабет, я жена Императора. Вот, попала под дождь, не могу до столицы добраться. Нельзя у вас пересидеть?

Он смотрит на меня с полсекунды, как будто хочет спросить, не охренела ли я, но не решается. Потом очухивается:

-- Да, конечно, проходите. Вы на машине?

-- На унгуце, -- отвечаю, проскальзывая в тёплые, хорошо освещённые сени. Судя по ярким лампам дневного света, мужик не

бедствует, и ужин для меня у него найдётся.

-- Унгуц ко мне в гараж не влезет, -- разочарованно сообщает хозяин.

-- Да ладно, что с ним может случиться?

-- Ничего, но вам, наверное, надо вещи взять? Эта гроза теперь до завтра не кончится.

Я встряхиваю висящую на плече сумку.

-- У меня всё тут. И часто у вас такие грозы?

-- Осенью -- постоянно, -- разводит руками мужик и закрывает дверь. -- Пойдёмте, я покажу вам комнату.

-- У вас тут постоянный двор, что ли?

-- Вроде того, -- неопределённо пожимает плечами хозяин. Кстати, он не представился. И это очень странно, потому что я-то назвалась, а муданжцы всегда в ответ на моё имя называют своё. Наверное, офонарел сильно. Он меж тем продолжает: -- У меня тут охотники останавливаются иногда. Условия не очень, но больше поблизости никакого жилья нету.

-- Да ничего, по-моему, замечательные условия, -- замечаю я, оглядываясь. Дом в очень хорошем состоянии, чистенький, опрятненький. Лестница на второй этаж не скрипит, стены гобеленами завешены, светло, тепло. Красота, а не дом!

Хозяин открывает передо мной дверь комнаты, там меня дожидается большая стопка дифжир. Около неё стоит резная деревянная тумбочка, в противоположной стене встроенный шкаф. Окно занавешено гобеленом с изображением цветущего поля и синих гор. При комнате по муданжскому обычаю пристроен персональный санузел.

-- Я скажу служанке, чтобы согрела вам воды, -- извиняющимся тоном произносит хозяин. -- А вы как переоденетесь, приходите вниз, я накрою на стол.

-- Буду очень признательна, -- говорю искренне. -- С утра ничего не ела!

-- Что же вы так себя не бережёте, Хотон-хон! -- журит меня хозяин и выходит, закрыв за собой дверь. Я поспешно перелезаю в сухую одежду, надвигаю тапочки и раскладываю мокрятину на выступающем из стены колене печной трубы. На всякий случай проверяю телефон, и -- о чудо! -- связь есть! Звоню Азамату.

-- Котик, здравствуй, ты там меня ещё не ищешь с собаками?

-- Нет, а ты разве не у Яны? -- рассеянно отвечает он.

-- Не совсем. Тут в одной деревне народ водой отравился, надо было проследить, чтобы с лечением проблем не возникло, а то ты же знаешь, деревенские подозрительные такие, чужаков им не надо, женщин -- тем более... В общем, я им объяснила, что к чему, оставила ребят там работать, а сама хотела вернуться, но тут такая гроза началась... Пришлось тут остановиться на постоялом дворе.

-- Ну у тебя всё хорошо? -- спрашивает Азамат, и я прям по телефону слышу, как он хмурится. -- Про отравленную воду-то мне сообщили.

-- Да у меня всё отлично, тут тепло, кормят и помыться можно и что угодно. Хозяин говорит, завтра гроза кончится, вот тогда и вернусь. Ты не волнуйся. Лучше с Алэком поиграй.

-- Обязательно, -- соглашается Азамат. -- Ну ладно, у меня завтра Судный день, так что раньше вечера не освобожусь... Надеюсь, к тому времени погода наладится.

-- Да дождина такой сильный, что долго литься не может, у нас же тут не джунгли! Ну хорошо, до завтра, солнц! Долго за буком не сиди, а то завтра устанешь быстро.

Положив трубку, я спускаюсь к ужину. Там на деревянном столе затейливая вышитая скатёрочка, пиалы стоят -- для еды и для чая. Хозяин извлекает ухватом из печи горшок с чем-то дымящимся.

-- Вы не возражаете, если я с вами за стол сяду? -- спрашивает. -- А то я сам как раз ужинать собирался.

-- Что вы, ничуть не возражаю! -- заверяю я. -- Садитесь, пожалуйста, мне будет очень приятно!

Он бросает на меня взгляд через плечо, странный какой-то, печальный или виноватый, не поняла. Ещё один жизнью обиженный на мою голову, что ли? Надо что-то делать с этими муданжцами, а то прям остров невезения.

Однако кормит обиженный вкусно и о-очень сытно, я даже не осиливаю всю пиалу. И чай у него ароматный. Я отстёгиваю ему от щедрой души комплиментов и задумываюсь о своём. Да так крепко задумываюсь, что ему приходится меня будить, чтобы сказать, что ванна готова. В ванне -- точнее, в огромной кадке с тёплой водой -- я сижу недолго. Согрелась я уже и так, толком отмыться тут не

представляется возможным, а спать очень хочется. Выползаю, вставляюсь в чистое, заворачиваюсь в дифжир -- и хоть из пушек палите.

Снится мне, однако, отборная чушь.

Сначала глючится, будто на тумбочку села сова, и давай орать мне в ухо. Пришлось встать, открыть окно (а там холодно, мокро, брр!) и сову подушкой выгнать. Бедная птичка, в такую погоду... Но нечего было орать. Ложусь обратно.

Ложусь, значит, и только собираюсь заснуть, как чувствую что-то у себя на руке. Открываю один глаз. В комнате темно, ничего не видно. Подсвечиваю мобильником -- о, змея. Не ядовитая, мне таких Азамат на Доле показывал, они иногда приходят у домов погреться и мошкару на свету половить. Аккуратно спихиваю скотинку с постели на пол в направлении печки. Туда иди греться, а не ко мне, а то ещё задавлю ненароком.

Сплю.

Просыпаюсь от того, что моё лицо щекочут кошачьи усы. Поднимаю руку погладить -- голова огромная, мех густой. Нюхает меня и мурчит.

-- Хос, я спать хочу, -- бормочу. -- Приходи завтра вечером... Мы тебе сливок дадим...

Голова отодвигается, я снова отрубаяюсь.

И в таком вот духе всю ночь.

Просыпаюсь я, правда, вполне отдохнувшая и бодрая, хотя обычно такая насыщенность снами означает, что мозг всю ночь работал. Но мозговые дела обманчивы, небось, последние пять минут грезилась бредятина, а всё время до того дрыхла я без задних ног.

Протираю глаза, нашариваю в сумке тёплый диль. Утром печка остывает, и даже в самом прогретом доме становится прохладно. Тем более, у меня занавеска на окне отдёргнута. Служанка заходила, что ли? Зато сразу вижу: гроза кончилась, за окном радостное залитое светом небо и сверкающие мокрые листья. Какие-то фрукты с красными боками висят. Позитив прям с утра!

Вылезаю из-под дифжиров и спускаюсь вниз в надежде на завтрак. В кухне суетится женщина, растрёпанная, как и хозяин, в поношенном диле с закатанными рукавами. Наверное, это и есть та самая служанка. Странно вообще, женщина-прислуга, на Муданге...

-- Доброе утро! -- объявляю я солнечно.

Женщина вздрагивает, резко оборачивается и вытаращивается на меня дикими глазами. Дикими даже не в смысле удивления, а какими-то... не домашними. Ба, да у неё зрачки вертикальные! Ух ну ни фиги ж себе меня занесло, у мужика демонесса в слугах! Вон и уши мохнатые, как у Хоса, и коготки выразительные такие.

-- Ой, здравствуйте, -- говорю невпопад. -- А вы хозяйка леса, да?

Она выпрямляется, отодвигаясь от меня насколько позволяет стол у неё за спиной. Я соображаю, что она, наверное, не хочет выдавать, что понимает человеческую речь.

-- У меня есть один знакомый из вашего народа, -- поясняю. -- Так что я знаю, что вы умеете говорить, но другим людям ничего не скажу, не волнуйтесь.

Она неуклюже пожимает плечами и возвращается к своему занятию: достаёт пиалы, наливает мне чаю и накладывает каши с какой-то дичью.

-- Как вкусно! -- радуюсь я. -- Просто потрясающе! А это вы готовили или хозяин?

-- Он, -- тихо отвечает хозяйка леса.

-- Вы, наверное, больше сырое едите, да? -- продолжаю болтать я. Настроение у меня хорошее, и интересно разговорить эту... самочку. Лет ей на вид, как мне, не знаю уж, в каком возрасте демоны так выглядят.

Она медленно кивает. Интересно, давно ли она тут? Что-то непохоже, чтобы она хорошо умела разговаривать.

-- А можно спросить, -- начинаю я, отпивая чаю, -- как так получилось, что вы тут работаете?

-- Котёнком была, мамку убили. Он меня забрал себе.

Мда. Можно было бы догадаться.

-- Ох, мне так жаль! Я вот этого отношения к хозяевам леса совсем не понимаю, можно было бы договориться... Ну он хоть к вам хорошо относится?

Она неопределённо пожимает плечами и одновременно кивает. Потом насторожённо косится на дверь -- теперь уже и я слышу шаги, и хозяин присоединяется к нам собственной персоной.

Вид у него жуткий. Волосы торчат во все стороны ещё хуже, чем вчера, лицо осунулось, под глазами круги, руки дрожат, короче, просто зомби. Я аж подскакиваю.

-- Боги милостивые, что с вами, вам плохо?!

Он замирает, смотрит на меня странно, потом вдруг усмехается, как-то отчаянно.

-- Теперь вы испугались, -- произносит он тихо и опускается на лавку у стола.

Я непонимающе моргаю.

-- Что случилось-то? -- спрашиваю снова. -- Вы заболели?

-- Нет, -- он устало мотает головой. -- Заболел не я.

-- А кто?

-- Моя дочь, -- ещё более упавшим голосом сообщает он.

-- И где она?

Молчит.

-- Я говорю, где она? Я целитель, я могу помочь!

-- Я знаю, что вы целитель, -- кивает он и снова замолкает.

-- Ну!!! -- подгоняю я.

Он поднимает на меня озадаченный взгляд.

-- А вы что, согласны её лечить... просто так?

-- Вообще я за деньги работаю обычно, но, я думаю, мы можем обойтись взаимозачётом...

-- Но вы в принципе согласны?! -- он прямо вцепляется в меня взглядом, весь подался вперёд и как-то ожил. У муданжских мужиков родительские чувства всё-таки очень сильно развиты.

-- Ну конечно, это же моя работа... А что с ней?

-- Не знаю, -- он вскакивает. -- Пойдёмте, я выведу машину...

-- К ней ехать надо? -- переспрашиваю.

-- Да, -- он на секунду теряется. -- Тут недалеко, артун к востоку...

-- Лучше на унгуце тогда, -- я запахиваю диль потуже. -- У меня там всё есть, а перегружать -- только время тратить, да и лететь быстрее, чем ехать.

-- Хорошо, -- растерянно кивает он.

Я выбегаю из дома прямо в тапочках, кроссовки-то остались сохнуть на печке. Хозяин выскакивает за мной вообще босиком. Служанка провожает нас с крыльца ошарашенным взглядом.

Взлетев, мы быстро прикидываем маршрут. Оказывается, неподалёку от дома проходит лесная дорога, вдоль которой и надо лететь. Проще не бывает. Путь занимает минут десять, и вот мы уже в деревне, по виду не сильно отличающейся от той, где я была вчера. Хозяин указывает мне на дом на окраине деревни, очень похожий на его собственный. Рядом с ним мы и приземляемся.

Из дверей выскакивает довольно красивая женщина средних лет в домашнем халате и прямо с порога принимается поливать моего спутника такими отборными выражениями, что Кир начинает казаться мне просто пособием по культуре речи. Однако хозяина это совершенно не смущает. Он в два прыжка оказывается на крыльце и, к моему удивлению, подхватывает супругу на руки.

-- Молчи, безумица! -- восклицает он радостно. -- Я привёз Хотон-хон, чтобы лечить Атех!

-- Ой! -- выдыхает дама и испуганно замолкает.

-- Это ещё кто кого привёз, -- замечаю я, доставая из багажника чемодан с минимальным набором первой помощи. -- Пойдёмте, я на неё посмотрю.

-- Боюсь, как бы не поздно, -- вздыхает мамашка, наконец поставленная на пол. -- Она сегодня совсем плохая.

Меня проводят в глубь дома, где на огромной стопке дифжир лежит девочка чуть помладше Кира и тихонько воет. Я хватаюсь за сканер -- и высказываюсь примерно в тех же выражениях, что мать девочки.

-- У неё аппендицит! Быстро несите из багажника остальные чемоданы!!! Ещё быстрее!!! -- добавляю, видя, что оба родителя застыли в нерешительности. К счастью, со второй попытки до них доходит, и они исчезают в дверях, а я принимаюсь готовиться к операции. Судя по тому, что я увидела на сканере, дорога каждая минута.

К счастью, я всё успеваю. Вываливаюсь из комнаты, стаскивая стерильный костюм и перчатки, и чуть не спотыкаюсь о взволнованных родителей, которые сидят под дверью на полу в обнимку. Женщина плачет и тихо материт мужа сквозь слёзы.

-- Жить будет, -- объявляю я. -- Но её надо везти в столицу, чтобы её постоянно наблюдал целитель, потому что эта болезнь может потянуть за собой другие. Что ж вы до последнего тянули? Не знали,

что ли, что она болеет? Почему раньше к целителю не отвезли? Почему вы мне вчера не сказали, что дочь болеет, если знали, что я целитель?

Хозяин угрюмо смотрит в пол, зато жена отвечает за него:

-- Так кто ж станет лечить дочку знающего?..

-- Да какая разница, знающего, не знающего, вроде деньги-то есть, и от столицы недалеко живёте.

По мере ворчания до меня начинает доходить. Знающие -- это же типа местные колдуны. Вот вроде как тот, к которому Алансэ обращалась. Они порчу наводят и всё в таком духе.

-- Кстати, -- добавляю, несколько успокоившись. -- А чего это мне такая отборная бредятина всю ночь снилась, вы там ничего не того... ночью... а?

Хозяин встаёт с пола и долго изучающе на меня смотрит.

-- Пойдёмте в гостиную, поговорим, -- наконец предлагает он.

Ну ладно, пошли, раз всё так серьёзно.

Меня усаживают на мягкий диван в то время как хозяева ютятся на табуретках.

-- Вы ведь вчера не поняли, что я знающий, -- уточняет хозяин.

Я пожимаю плечами.

-- Как-то не думала об этом... Я до сих пор знающих не встречала, есть какие-то определительные признаки?

-- Понятно, -- вместо ответа кивает он. -- Простите. Во-первых, я задолжал вам имя. Я Авьяс.

-- Очень приятно, -- киваю.

-- Во-вторых, да, я вмешался в ваши сновидения вчера ночью.

-- Зачем?

-- Чтобы вас напугать, -- вздыхает он.

Я даже не нахожусь, что на это сказать.

-- Понимаете, -- продолжает он, -- когда дочка заболела, я собирался отвезти её в столицу. Но целители с нами не любят связываться, и никакие деньги тут не помогают. Я надеялся, что удастся кого-нибудь вынудить... Но тут мне прислали птичку об этой эпидемии, и я понял, что можно попробовать заманить кого-нибудь из целителей сюда, где нет могущественных духовников, и в мои планы никто не вмешается. Ну вот я и устроил грозу, чтобы вы как раз у моего дома приземлились.

-- Вы устроили? -- моргаю я. -- А воду не вы отравили, случайно?

-- Какую воду? -- хмурится он. Кажется, и правда уверен, что там была эпидемия.

-- Не важно. Так зачем сны-то?

-- Я хотел вас заморозить, -- сообщает Авьяс, неуютно ёрзая на табуретке. -- Чтобы вы согласились заняться Атех. Но для обряда было нужно, чтобы вы испугались. Страх -- брешь в обороне, через него можно попасть в душу человека. Честно говоря, я надеялся, что вы испугаетесь самой грозы. Ну или хотя бы меня... Когда этого не произошло, я наслал вам в сновидения диких зверей и чудовищ, но всё без толку! Вы даже демоницы на кухне не испугались!

-- Ах вот к чему была та фраза... -- соображаю я. -- Ну вы даёте вообще. Я с Ирлик-хоном вино пила, а вы мне каких-то змеек-совушек подсовываете и ждёте, что я испугаюсь! Вы бы хоть попробовали попросить вчера прежде чем заморозить! У меня из-за вас муж сидит нервничает, я-то думала, вчера вечером вернусь домой! Да и дочка ваша -- я еле успела, ещё бы несколько часов и привет. Хоть поинтересовались бы, тем более, если догадались, что я не поняла, кто вы такой! Ну нет, никакого взаимозачёта, будете оплачивать лечение по полной программе, грозу он ещё на меня насылать будет, мало мне с богами проблем!

-- Хорошо, -- несколько раз кивает Авьяс. -- Сколько платить?

-- Не знаю, -- пожимаю плечами. -- В течение дюжины дней из Канцелярии придёт счёт по почте, тогда и оплатите. Но чтоб больше никаких подобных художеств! И коллегам передайте, если с ними общаетесь. Девочку я сейчас заберу, где Дом Целителей в Ахмадхоте вы, наверное, знаете или спросите. Вещи мои, которые у вас в доме остались, привезёте потом, я с пациентом не буду туда возвращаться. Для девочки упакуйте немножко одежды, любимую игрушку можно взять.

Я решительно встаю и иду раскладывать носилки и собирать свои чемоданы.

-- А как ты домой доберёшься без машины? -- спрашивает Авьяса жена у меня за спиной. -- К тебе же туда никто не поедет...

-- Значит, пешком.

-- И поделом, -- встречаю я. -- Может, ума нагуляете. Нет, ну это надо, сном меня напугать решил! Да это... это даже Алтонгирелу не удалось!

Тут я на самом деле немного кривлю душой: когда Алтоша меня опоил, напугалась-то я изрядно, хотя и не того, что примерещилось, а своего состояния. Но он желаемого результата не добился, так что для красного словца сойдёт.

-- Ему-то зачем вас пугать, он же ваш духовник... -- растерянно спрашивает Авьяс, складывая в пакет десяток плюшевых зверей.

-- Хотел меня от Императора отвадить, -- усмехаюсь я. -- И он не мой духовник, мой духовник -- Ажгдийдимидин.

Авьяс со стуком закрывает рот.

-- Ну ты нашёл, старый придурок, кого в свою ворожбу запутывать, -- ворчит его жена, увязывая несколько простыней и дифжир. -- Скажи спасибо, что сам жив остался, с такими исполинами бодаться.

-- Идите сюда, надо её на носилки и в унгуц, только переднее сиденье сложить, -- зову я.

В столицу мы с Атех прилетаем во второй половине дня, я сразу сворачиваю к Дому Целителей, где единственный оставшийся из земных врачей, Дэн, помогает мне перевезти её в палату. Девочка пока спит, и хорошо, что отец напихал ей с собой столько игрушек, а то проснётся человек в совершенно незнакомом месте, вокруг приборы, родителей рядом нет...

-- Лиза, я вообще поражаюсь, как вы справляетесь, -- говорит мне Дэн, пока я заполняю карточку на пациентку. -- Аппендэктомия в домашних условиях... Эти пациенты вообще выживают?

-- Как ни странно, да, -- усмехаюсь. -- Я ставлю стерильный тент, когда на дому режу, там и освещение легко организовать. Но главное, это же муданжцы. У них тут иммунитет -- с каждого на сотню землян хватит. Например, в начале лета был у меня один случай, мужика пырнули ножом в рёбра, а нож обломился. Этот чувак неделю ходил с обломком. Так даже не воспалилось!

Оставив девочку на попечение задумчивого Дэна, я наконец-то добираюсь до дома. А то так и хожу ведь в диле поверх футболки и треников, и в тапочках.

Дома намечается ужин. Азамат входит через минуту после меня, но не один, а с Алтошей.

-- Он с первого раза понял, я тут ничем не помогу, -- ворчит Алтонгирел.

-- О, Лиза, ты дома! -- радуется Азамат. -- Ну наконец-то! Давай за стол, я сейчас Кира позову.

Пока Азамат ходит добывать Кира из его комнаты, к нам присоединяются Тирбиш с Алэком, и у мелкого ужин наступает раньше всех. Свежее молоко из мамы -- это последнее время прям деликатес, мама шляется по чужим людям и возится с их детьми вместо того, чтобы со своим сидеть. Алтонгирел косится на меня и кривит губы.

-- Чем это от тебя пахнет? -- спрашивает.

Азамат с Киром как раз присоединяются к нам за столом, и Азамат тут же наклоняется и нюхает.

-- Лекарствами какими-то.

-- Может быть, я же только что из Дома Целителей. У меня на обратном пути такая история получилась...

Пока нам несут первое блюдо, я в общих чертах рассказываю про свою встречу с Авьясом. В пересказе события прошлой ночи выглядят ещё более нелепыми, чем в жизни, но все мужики, включая Кира, смотрят на меня в ужасе. Даже Алэк бросает сиську и укоризненно гудит. После окончания рассказа повисает напряжённое молчание, которое нарушает только слуга с супницей, пришедший нас кормить.

-- Лиза, -- выдыхает Азамат. -- Ты хоть представляешь себе, в какой ты была опасности?

-- Котик, ну он бы не сделал мне ничего серьёзно плохого, ему же нужно было, чтобы я его дочку полечила.

-- Это тебе крупно повезло, -- хрипло замечает духовник. -- Авьяс среди знающих -- один из самых порядочных. Кто другой мог бы тебя с совсем другими целями заловить. Ещё при этой твоей долбаной манере представляться каждому встречному-поперечному... вообще поражаюсь, как до сих пор ничего не случилось.

-- Ну интересно, -- говорю. -- а на что мне духовник? Он разве меня не защищает от ворожбы?

-- Он-то защищает, но и свою голову на плечах надо иметь!

-- Как ты вообще могла остаться ночевать в доме знающего? -- хмуро спрашивает Азамат.

-- А я откуда знала, что он знающий? На нём что, написано? У него даже верёвки с узелками на двери не висело.

-- Он носит усы без бороды, -- почти что по слогам поясняет Алтоша. -- Усы без бороды или борода без усов только у знающих бывают.

-- Чудесно, а мне об этом кто-нибудь когда-нибудь говорил?

Алтонгирел тяжело вздыхает, Азамат трёт лицо. Оба молчат.

-- Вот именно, -- подытоживаю я. -- Давайте сначала научимся сообщать важные вещи, а потом уже предьявлять претензии?

-- Лиза, -- тяжело говорит Азамат. -- Мы не можем предостеречь тебя ото всех возможных опасностей. Я понимаю, что на Земле у вас очень спокойно и стабильно, и ты привыкла не думать о возможных бедах. Но здесь не так. Здесь за каждым кустом может таиться какая-нибудь дрянь, и её надо знать в лицо, чтобы не пропасть. Тебе нужен телохранитель.

Я закатываю глаза.

-- Ну Азамат, мы же это уже обсуждали...

-- Вот, дообсуждались. Я понимаю, что тебе это неудобно. Но хотя бы на выезды, Лиза. После того, что ты мне тут рассказала, я просто не могу отпустить тебя одну никуда на этой планете!

Я тяжело вздыхаю и принимаюсь поправлять ляпочку от ползунков на Алэке. Спасибо тебе большое, Авьяс, горячее и пламенное, чтоб тебя шакал покусал!

Глава 17

Ирликово вино, похоже, действует на меня одним-единственным способом: когда я хочу проскользнуть незамеченной, мне это удаётся в абсолютно любой ситуации, даже если на меня в шесть глаз внимательно смотрит группа лучших телохранителей на планете. Конечно, нехорошо подставлять бедных парней, они-то не виноваты, что Азамат за меня переживает, но...

Нет, я поначалу пыталась смириться, в конце концов, у всех заметных персонажей есть телохранители, и ничего, живут как-то, не жалуются. А я, вообще-то, Императрица, куда уж заметнее. Так что два дня я честно терпела. Телохранители ненавязчиво болтались где-то вне поля зрения, и мне предлагалось просто забыть об их существовании.

Естественно, мне это ни фига не удалось -- шерсть дыбом на загривке всё время напоминала о сверлящих взглядах. На самом деле, я не очень-то верю, что чужой взгляд на себе можно почувствовать кожей или волосами или чем там его принято чувствовать. Но когда точно знаешь, что следят, тут и не в такое уверуешь.

Однако на улице -- это ещё полбеды. Беда начиналась в помещении. Если в трактире охранник ещё может раствориться так, чтобы я его не замечала, то, например, у Янки в больнице уже никак. Или у больного дома.

С этим-то и возникли проблемы. Не могу же я впустить охранника в помещение, где оперирую. Да и просто осматриваю. Вот нужно мне поставить больному ректальный градусник, а тут телохранитель стоит, тарашится. Ну, это я утрирую, конечно, но суть та. Или, скажем, хочет мне человек пожаловаться на импотенцию, а тут, опять же, стоит этот амбал, у которого явно с потенцией всё в порядке, а насколько нерушимо его обещание конфиденциальности -- большой вопрос. Вот и проблема. А наедине с больным меня оставлять не хотят -- устав не велит. Если уж охранять, то круглые сутки. Конечно, после долгих переговоров на повышенных тонах с участием начальника охраны, Ирнчина и Азамата, мне удалось добиться, чтобы за мной следили только на улице и в общественных местах, но, как говорится, осадочек остался.

А потом я осознала, что они записывают мои передвижения. То есть, у каждого с собой в телефоне навигатор, который отмечает моё местонахождение с периодичностью в сколько-то минут. Это чтобы если вдруг меня потеряли из виду в локации, где я раньше бывала, они знали, куда я тут могла направляться и где меня искать. То есть, у них есть файл, где написано, куда я когда ходила!!! Нет, ну ребят, всему есть предел.

Вот так я и начала от них прятаться. Сижу-сижу в беседке с Алэком, встаю ноги поразмять -- и опа, кустами-огородами на соседнюю улицу, а там и до моста недалеко. Потом, у реки, они меня отловят снова, а я что, я гуляю, разве вас предупреждать надо? В норме, конечно, ускользнуть от профессионалов я бы не могла, потому и грешу на Ирликово варево, в других-то областях оно мне удачи не сильно добавило.

Зато через несколько дней таких развлечений охранная команда явилась к Азамату в полном составе и расторгла контракт. Дескать, охранять вашу жену не берёмся, она походу трансгрессирует, за ней разве что демон уследит, а у людей шансов нет.

-- Рыбонька, -- укоризненно говорит мне Азамат вечером после этого знаменательного события. -- Ну зачем ты от них пряталась? Они ведь ради твоей безопасности за тобой ходили.

-- А что толку? Если какой-нибудь знающий решит меня заловить, они всё равно ничего сделать не смогут, раз уж с одной мной не справились.

-- Это верно, -- вздыхает Азамат. -- Но они бы хотя бы своевременно поняли, что перед ними знающий. Или ещё какая опасность. Я вот теперь даже не знаю, через полдюжины дней намечен первый выезд, так брать тебя с собой или нет, ещё забредёшь куда-нибудь...

-- Выезд?! И ты молчал?! Азамат, я всю осень жду не дождусь этих выездов! Да и вообще, как это ты можешь меня не взять, я что, кошка, что ли?

Азамат поднимает руки в жесте поражения.

-- Шутка это была, шутка! И я не молчал, мы только сегодня утвердили дату. Конечно, мы все поедем, и Кир, и Алэк тоже, по традиции Императоры всегда ездили с семьёй, людям же охота посмотреть, кто ими правит и будет править. Но ты готовься, что к тебе выстроятся очереди страждущих, а я в это время буду общаться с наместником и разруливать местные дрязги. С детьми тебе Тирбиш поможет, конечно, но всё-таки, хорошо бы кто-то ещё рядом с тобой был. Может, знакомый кто-нибудь... У Тирбиша брат есть, неплохо дерётся. У Убржгуна сын...

-- Котик, если я буду лечить страждущих, мне не нужны посторонние грязные сапоги в смотровой. Мы это уже обсуждали.

-- Ну да, да-а, -- вздыхает муж. -- Но ты всё-таки подумай, вдруг найдётся какое-нибудь решение, чтобы и тебя устраивало... и мне было не так страшно.

Он лежит на боку на застеленной кровати, опершись на локоть, и теребит вылезшую из покрывала нитку, не глядя на меня. Я с усилием убавляю свой ореол высокомерного негодования и подсаживаюсь к Азамату на кровать.

-- А чего тебе бояться-то? Какому психу может понадобится мне вредить, а? Давно бы уже забыл эту историю и расслабился.

Азамат снова тяжело вздыхает.

-- Не могу я расслабиться. Всякий раз, как я расслабляюсь и решаю, что ну теперь-то всё будет хорошо, тут же происходит какое-нибудь безумие. А ты такая, уж прости, непуганая, ты доверчивая, не ждёшь от людей подвоха, да ведь кто угодно... -- он перебивает себя и трёт лицо, видимо, пытаюсь справиться с волнением. Я подползаю поближе и беру его за руку. Цвет лица у него какой-то неровный сегодня.

-- Ты не заболел у меня? -- спрашиваю. -- Что-то выглядишь нездорово.

-- Да меня каждый раз в озноб бросает, как ты из дому выходишь, после этой истории со знающим! -- выпаливает Азамат, и тут же отводит взгляд. -- Прости, не сдержался.

Я беру его лицо в ладони и разворачиваю к себе. Температуры нет, значит, просто так себя накрутил.

-- Эй, ну ты чего, -- шепчу. -- Разве можно так психовать? Жила же я как-то тут до сих пор, и никто меня не трогал.

-- Ага, кроме зияний, джингошей, бога смерти, лесного демона и знающего!

-- Ты передёргиваешь, кроме джингоша мне никто...

-- Лиза, одного достаточно, понимаешь? И духовник может не справиться, и Ирлик-хон не успеть. Ты даже не представляешь себе, как я боюсь тебя потерять.

Я напрягаюсь.

-- Вот это я как раз хорошо представляю, -- говорю. -- Если помнишь, я как-то раз потеряла любимого человека. Вернее, я думала, что он был любимый, но это дело десятое. И за тебя я волнуюсь, потому что ты ешь урывками и постоянно устаёшь, причём давно. Меня если что в людном месте любой прохожий защитит, а ты вот сам себе угроза. Кто мне обещал, что после истории с Киrom Старейшины выделят тебе время на общение с семьёй?

-- Так они выделили, я это время с Киrom занимаюсь, -- пожимает плечами Азамат.

Упоминание Кира вгоняет меня в тоску. Парень взялся за учёбу с таким рвением, как будто больше его на свете ничего не интересует

кроме как буквы разбирать.

-- Киру тоже побольше отдыхать надо, -- замечаю. -- Он только и сидит над книжками, как гриф.

-- Ну вот, поедем на выезд, развеется, -- пожимает одним плечом Азамат. Но взгляд снова не на меня и такой же напуганный. Целую в щёку, с удовольствием отмечая, что кожа почти выровнялась, потом в губы, несколько раз, всё требовательнее, потому что не получаю ответа. Не о том думает. Обнимает меня, утыкается носом мне в шею, недовольно сопит. Он действительно боится, осознаю я. Внутри конденсируется неприятный холодок. Вот этот большой, сильный, тёплый, мой мужчина боится. Как я боялась, когда он гонял джингошей. Сидела и ткала гобелен на кухне, съёжившись, и не могла принять более удобную позу даже когда всё затекло. Потому что было страшно спугнуть временное затишье, жутко, что я вот сейчас пошевелюсь, а мир шатнётся -- и привет. Тогда я обо всём этом не думала, но теперь постепенно всплывают образы... Хоть к Алтошиному аналитику иди.

Азамат храбрее меня, ему страх движения не стесняет. Но это не значит, что с ним всё иначе. Прижимаюсь к нему крепко-крепко.

-- Котик, -- шепчу, -- я всё понимаю. Я подумаю. Ты только не переживай так. Я не буду ходить одна. Подберу себе охранника. Со мной всё будет хорошо, обещаю.

Он вытаскивает голову из тепла между моей шеей и подушкой, как страус из песка. Улыбается. И наконец-то возвращает поцелуй. Это каждый раз так прекрасно, когда он так близко, что между нами стираются границы, и он всегда точно знает, что я захочу сделать в следующий момент -- я уверена, он не угадывает, просто мы так синхронизированы, что у непонимания просто нет шансов. Наша любовь, как танец -- в ней нет места неловкости, запинке, мы чуем ритм друг друга и подаём сигналы вибрацией ресниц и температурой кожи, бессознательно, соматически. Я люблю смотреть на него, но знаю, когда надо закрыть глаза, чтобы его не смутить. Но когда он вот так запрокидывает голову и втягивает воздух сквозь сжатые зубы, я знаю, что могу смотреть сколько угодно, потому что он в этот момент слепнет, и не видит хищный восторг на моём лице, и не знает, что эта конкретная женщина любит глазами. Боже, как же ты прекрасен, неужели-это-всё-моё...

Я пристраиваю голову у него на плече, стараясь не положить слишком много волос ему в рот. Всё равно, как ни верчусь, он мотает головой и убирает ползучий локон с губ, потом гладит меня по макушке.

-- Лиза?

-- М?

-- Я знаю, что ты смотришь.

-- Куда? -- я оборачиваюсь к нему и снова закрываю ему поллица кудрями, будь они неладны.

-- На меня, -- поясняет он, приглаживая мою шерсть.

-- Э?..

-- Ты отворачиваешься, чтобы меня не стеснять, но я всё равно замечаю.

-- Ну-у...

Он сползает пониже, чтобы наши лица были на одном уровне. На его лице выражение озадаченное. О-хо-хо.

-- Тебе действительно так нравится? -- спрашивает вкрадчиво.

-- Н-ну да, -- пожимаю одним плечом. -- В смысле, если б не нравилось, я бы не стала, ты ж понимаешь, телу не прикажешь и всё такое...

Он смотрит на меня некоторое время, изучающе -- точнее, это моя догадка, потому что я-то взгляд поднять боюсь. Напорется, не поверит. так уже было.

-- Не прикажешь... -- повторяет он эхом. -- Что ж, раз нравится... смотри. Я хочу сказать, можешь не прятаться. Я... -- он снова замолкает и продолжает, как будто только что осознал и очень удивился: -- я не стесняюсь.

Обещать-то я обещала, но ситуации это совершенно не меняет. Таскать за собой пару амбалов мне ничуть не больше улыбается сегодня, чем вчера. Ну ладно, до Янкиного дома меня может проводить охранник. И подождать в приёмной, пока мы наобщаемся. А меня всё это время будут мучить угрызения совести, что задерживаю человека без необходимости. Ну и что что ему за это платят -- его таланты можно использовать гораздо практичнее, чем для просиживания штанов. О-хо-хо, как бы это такое мозг отключить? Хотя от отключённого мозга-то как раз самая большая опасность.

В общем, охранника я всё-таки с собой притащила, твёрдо сказав себе, что спокойствие Азамата важнее чужого времени. Посадила я этого лба в приёмной играть в телефон, а сама пошла с Алэком на осмотр. И очень хорошо, что охранника со мной не было, когда из-за угла розовым вихрем вылетела Орива, вцепилась мне в плечи и оттащила в тёмный угол с воплем "Хотон-хо-о-о-он, я щас такое расскажу-у-у!!!"

Алэк изумлённо икает.

-- Тише ты, я же с ребёнком! -- шикаю я, приходя в себя. -- И вообще больше никогда так не делай, я теперь с охраной хожу, ещё зашибут ненароком!

-- Я попробовала! -- перебивает меня Орива. -- С ним!

Я пару раз моргаю прежде чем вспоминаю, о чём она может говорить.

-- С этим... Шатуном, что ли?

-- Да-а, да-а! -- с энтузиазмом кивает Орива. -- Кстати, у него имя двурукое и очень красивое!

Двурукое имя -- это на "й", то есть, и с певчими, и с глухими сочетается. Ну, по крайней мере обойдётся без драм. Я, правда, весьма приблизительно представляю, что бывает, если люди с неподходящими именами пытаются пожениться, но знаю, что ничего хорошего.

-- Я очень за тебя рада, -- говорю. -- Ну и как ощущения?

Девица слегка розовеет.

-- Ну, когда он наконец понял, чего я от него хочу, то... -- она розовеет сильнее и несколько раз заправляет за ухо прядь волос, которая и не думала выбиваться. -- В общем, в этих ваших фильмах всё правда. -- Она прикрывает рот ладонью и продолжает почти шёпотом: -- Я так удивилась, когда это почувствовала... До последнего была уверена, что всё выйдет, как обычно. И главное, Шатун-то сначала понять не мог, если я уж решила ему дать, то зачем оттягивать и какими-то странными вещами заниматься. А потом как пошло... В общем, он тоже очень удивился. И думал, со мной так всегда. А я ему такая говорю, мол, нет, только с тобой так здорово. Я вам скажу, у него взгляд был... Короче, мы ещё два раза попробовали, и он очень-очень старался, -- Орива улыбается во все тридцать два зуба и многозначительно хихикает. Я чувствую себя прям-таки совратителем малолетних.

-- Очаровательно, -- ухмыляюсь. -- Пациенты не шарахаются от твоего плотоядного оскала?

Орива закатывает глаза.

-- И вы туда же! Меня Яна уже второй день в смотровую не пускает, говорит, у меня "на лице написано", что я "нашла себе грелку в постель". Про лицо она меня так напугала, я сразу побежала в зеркало смотреть, подумала, вдруг кто пошутил...

-- Я представляю, как Яна радовалась, -- говорю, сама с трудом сдерживая смех.

-- Ну а мне откуда знать, что это ваше земное выражение какое-то? -- обижается Орива. Но долго делать серьёзное лицо она не может, улыбка неумолимо возвращается. -- Короче, спасибо вам огромное, я теперь такая счастливая! Мне кажется, я даже умнее стала. И смелее. И Шатуну я гораздо больше нравлюсь теперь. Он даже пошёл на другую работу, чтобы получать побольше и поухаживать за мной нормально. Хотя теперь-то чего, лучше б ужин готовил к моему приходу.

Она пожимает плечами и отмахивается.

Я качаю головой в любимой манере Старейшины Унгуца. Значит, всё-таки дело не в генах и не в воздухе, а в подходе. Ох, чувствую я, что бы там Азамат ни говорил, а социальные устои Муданга очень скоро начнут рушиться. За Ориву я бесконечно рада, но вот как изменится положение муданжских женщин, когда мужики поймут, что секс нужен всем в равной степени? А уж что будет, когда окажется, что люди нравятся друг другу мимо воли богов... Неодобренный брак, внебрачные дети... Надо менять отношение к безродным.

-- Ты понимаешь, -- говорю Ориве, -- что представляешь собой уникальный эксперимент?

-- Вроде того, -- ухмыляется она. -- Яна мне советует статью написать, но я пока стесняюсь. Если я просто напишу, что, мол, мне Хотон-хон кое-чего посоветовала, и теперь всё здорово -- вас ведь порвут, чтобы узнать, в чём соль. То есть, надо сразу подробно написать, так ведь? Ну вот, а я стесняюсь. И потом, а вдруг Шатун мне разонравится. Или я ему. Вот будет позорище... Я лучше подожду пока, спешить-то некуда.

-- Это могло бы осчастливить многих людей, -- замечаю. -- Но и создать проблемы многим людям тоже. Так что делай как знаешь. Про

меня и Янку вся планета шушукается, устрицы мы или нет. Про тебя скоро тоже начнут, а там два возможных объяснения -- либо этим можно заразиться, либо научиться. И, я думаю, многие захотят научиться. Так что будь готова делиться опытом.

-- Да я вот как раз подумала, -- кивает Орива. -- Может, предложить Эсарнай перевести те фильмы? Ей, наверное, тоже будет интересно, у неё вон какой муж красивый, -- Орива многозначительно приподнимает брови.

Я отвечаю ей тем же.

Наше мимическое общение прерывает Алэк, которому надоело на мне висеть неподвижно.

-- Пошли, обсудим, пока молодой человек будет занят, -- предлагаю я, помогаю Алэку повернуться в слинге поудобнее. Когда постоишь с ним наперевес подольше, начинаешь задумываться о коляске. Тяжеловато уже. Наверное, всё-таки будет крупный мужчина. Сейчас попрошу Янку посмотреть по ДНК вероятный рост...

Под впечатлением от генетического прогноза, отправляюсь к Эсарнай, предварительно кинув ей сообщение. Алэк, судя по всему, всё-таки будет гигантом, а вот глаза у него останутся голубыми. Мне, честно говоря, в это не очень верилось, потому что очевидно ведь, что чёрно-карие доминируют, а голубые могут получиться только если бы у Азамата в рецессиве тоже были голубые. Но откуда им там взяться у чистокровного муданжца, если тут даже у богов и демонов единственный цвет глаз? Однако похоже на то, что у Алэка в этой доминантном аллеле какой-то сбой, поэтому вместо него проявляется рецессивный. Не иначе, Ирлик постарался, уж очень это подозрительно. Сам Алэк на прямой вопрос хитро улыбается и кокетливо сует в рот кулак.

-- Хотон-хон, мне вас провожать? -- окликает меня охранник уже на выходе. Упс, а я про него и забыла совсем.

-- Э, да, пожалуйста, -- киваю.

Он странно на меня смотрит, видно догадывается. Может, поболтать с Алтонгирелом, вдруг есть какая-нибудь охранная магия или что он там практикует, чтобы обойтись без телохранителя, а? Может, духа какого-нибудь можно ко мне приставить, сверхъестественные существа меня не так напрягают, как люди...

Из окон кухни Эсарнай пахнет чем-то необычным, вроде как выпечкой, которую муданжцы не делают. Правда, чад в этой кухне царит вполне муданжский -- не видно ничего.

Мне открывает степенного вида дядька с чистым столичным выговором и, указав охраннику на подсобку, провожает меня наверх, в "кабинет госпожи". Слово "кабинет" он произносит с особой важностью и, мне кажется, некоторой иронией -- ну какой у муданжской женщины может быть кабинет? Зачем?

Однако это и правда настоящий кабинет. Посередине стоит большой стол, украшенный по бокам невероятно тонкой и искусной деревянной мозаикой маркетри. На наклонной крышке стола мозаики нет, потому что там экран. Я, кажется, даже знаю того единственного мастера, который может сделать такое сочетание искусства и технологии -- у его жены проблемы с перееданием. И знаю примерно, сколько это чудо может стоить. Похоже, Экдал всё-таки разорился на подарок беременной супруге.

Но на этом красота не заканчивается: сбоку от стола на расписной треноге отдыхает огромная, почти метр высотой, электронная книга в узорчатом кожаном переплёте. Такую штуку, хоть и раза в два поменьше, я видела у бабушки -- ей на юбилей институт подарил. Это собрание ключевых литературных произведений земной культуры.

Стены в кабинете вместо гобеленов покрыты плотной мозаикой из репродукций картин и фотографий статуй и зданий, тоже земных. От двери влево начинается античность, вправо восточные цивилизации, а за спиной у Эсарнай они сходятся в современности. Даже потолок задействован -- на нём приклеена карта. Сама хозяйка сидит в исполинском вертящемся кресле, обитом синим бархатом. Помоему, она немного похудела, несмотря на беременность.

-- Вот это да-а-а-а... -- выдыхаю я, осматриваясь. -- Да у вас тут прям музей Земли...

Даже Алэк перестаёт теревить пёстрые бусы, которые я специально для него надеваю на прогулку, и крутит головой по сторонам, удивлённо тараща свои генетически невозможные глаза.

-- Ой, Лиза, вам нравится? -- польщённо улыбается Эсарнай, вскакивая с кресла. -- Садитесь, садитесь, тяжело ведь с ребёнком.

-- Да вы фанат, -- качаю головой, погружаясь в кресло. Кажется, оно ортопедическое.

-- Ну не совсем фанат, но мне очень интересно, -- смущается она. -- У вас такая долгая история, и страны все разные... И чем больше я узнаю, тем интереснее становится.

-- Я рада, что вы нашли своё призвание, -- усмехаюсь. -- Но у вас теперь всё так серьёзно, что я даже сомневаюсь, стоит ли вам предлагать этот проект.

-- Конечно предлагайте! Что вы, Лиза, я всегда с радостью! Без вас я бы никогда не догадалась, что на свете столько интересного! И потом, одно дело -- узнавать что-то для себя, и совсем другое -- делиться с другими. У вас перевод какой-то? Я тут недавно прикупила несколько медицинских словарей... -- она принимается сворачивать окна на экране стола, чтобы докопаться до нужного. Там слоёв десять, по-моему. У этой штуковины и мощность соответствует дизайну. Чувствую, Экдал сидит на гречке...

-- У меня перевод, -- говорю, -- но не совсем по медицине. Там несколько фильмов о том, как правильно заниматься сексом.

-- Ух ты! Это же, наверное, будет очень сложно перевести! -- восклицает Эсарнай с горящими глазами. -- Там ведь, наверное, будет много всяких вещей, которые для землян само собой, а для нас очень стыдно... Ой, вы знаете, я тут недавно записалась на он-лайн курсы по развитию литературного стиля, вот и посмотрим, чему я там научилась! Давайте скорее!

Она спешно разгребает угол стола от приложений, чтобы туда вписалась моя флэшка. Стоит пластинке с информацией коснуться экрана, как тут же возникает окно с каталогом содержимого. По-моему, Экдалу и на гречку уже не хватает.

-- Какое у вас удобное устройство, -- замечаю. -- Муж подарил?

-- Не-ет, это я сама себя порадовала, -- гордо улыбается Эсарнай, поглаживая стол по ручкам ящиков.

-- Да что вы говорите! -- всерьёз удивляюсь я. -- Это же, наверное, ужасно много стоило!

Муданжцы любят похвастаться ценой своих покупок, по крайней мере, мужчины. Ну и женщины с богатыми мужьями тоже. Эсарнай же немного смущается.

-- Да, Экдал даже попросил меня всем говорить, что это он купил, а то неприлично... Но вам-то я врать не буду. У меня просто поднакопились кое-какие деньги, да ещё ненужные украшения продала, а тут недавно один местный купец предложил подработать. Он хотел на Гарнете торговать с другими планетами, а сам на всеобщем плохо говорит, вот и попросил перевести ему каталоги, буклеты там всякие... к кому с таким делом идти, как не к гарнетке? Всеобщим свободно владеют вы, Император да Старейшина Унгуц. Ну, может, ещё пара книжников и пяток наёмников, но что бы они понимали в шубах? А я ему всё написала красиво, как в гарнетской рекламе, да ещё посоветовала, как оформить. Потом он меня рекомендовал своему другу-ювелиру. Сейчас ведь все начинают с другими планетами торговать, Император со Старейшинами специально для этого условия создают. Так что вот и вышло, что я себе заработала на подарок, да ещё на курсы хватило.

-- Ну муж-то не обижается? -- спрашиваю, вспоминая, как паниковал Азамат по первости, если я что-то покупала на свои деньги.

-- Он решил, что это у меня от беременности голова повернулась, -- хихикает Эсарнай. -- Ну ладно, давайте уже посмотрим, что там в фильмах, мне же так интересно!

Самое удивительное -- что содержательная часть фильмов не производит на Эсарнай никакого впечатления, она даже не краснеет. Зато сразу кидается рыться в словарях в поисках определения слов "чувственность" и "эротично", а потом, сияя очами и прикусив губу, накидывать по десять вариантов, как это можно выразить на мударанском. Я вполне уверена, что половину из этих вариантов она никогда бы не произнесла вслух, а экран-то стерпит, что ему.

Алэк тем временем обнаруживает, что если пощупать край стола, на нём происходят всякие изменения -- выезжают яркие панельки, открываются красиво оформленные окна словарей... Приходится быстренько найти ему в Сети детскую игрушку для развития движения рук, но всё равно ведь чужие файлы гораздо интереснее. Поняв, что Эсарнай уже углубилась в работу, я осторожно её отвлекаю.

-- Ну, я так понимаю, за проект вы берётесь? Вы тогда прикиньте, сколько вы бы хотели за него получить, всё-таки большая сложная работа, и довольно важная...

-- Э, да, конечно... -- Эсарнай оборачивается и кивает, хотя по глазам видно, что мыслями она где-то в поисковике.

-- Вот и отлично, в таком случае я пойду, наверное? -- говорю, вставая и отцепляя Алэковы хватучие ручонки от ручки ящика.

-- Ой, а вы спешите? Пообедать не останетесь? -- Эсарнай наконец возвращается в реальность и фокусирует взгляд на мне.

-- Не знаю... Могу и остаться, наверное... -- теряюсь я.

-- Ой, останьтесь обязательно! Я же вам не сказала, у меня новый повар! Как раз подарок от мужа -- эспажанец!

Я на секунду задумываюсь, с каких пор Экдал стал рабовладельцем и неужели джингоши докатились до того, чтобы торговать людьми с подвластных планет.

-- Пойдёмте, пойдёмте, -- призывает Эсарнай, распахивая дверь в коридор. -- Представляете, Экдал для меня специально нашёл эспажанского повара, который согласился полететь на Муданг! Он, правда, совсем не говорит по-муданжски и почти не говорит на всеобщем, но мне хватает и того, что он понимает слова "пицца", "ризотто" и "бургер", и он абсолютно прекрасно их готовит!

К концу её стремительной тирады мы оказываемся в столовой, отделённой от кухни гобеленовой занавеской с изображением запечённой индейки и бутылки вина.

-- Сэсар! -- зовёт Эсарнай сквозь занавеску. -- Обед готов?

-- Обэ-эд... -- откликается оттуда звонкий тенор. -- Момэнт!

И правда через секунду из жара кухни является... Сэсар. Он лет сорока, немного ниже меня ростом, кругленький, абсолютно лысый, с пышными блестящими усами из-под которых блестят кристально белые искусственные зубы. Экдал и впрямь расстарался...

При виде меня с Алэком Сэсар выдаёт трель, из которой я разбираю только "сеньора бланка" и "ниньо энканто" и ещё несколько восторженных эпитетов. Этот журчащий поток речи сопровождает внушительных размеров поднос с дымящейся ярко-красной пиццей. У меня от одного вида глаза слезиться начинают.

Впрочем, когда мы усаживаемся за стол и получаем по солидному ломтю сего кулинарного произведения, обнаруживается, что оно совсем не острое и действительно очень вкусное. Пожалуй, получше, чем я обычно делаю, и уж точно лучше того, что получается у дворцовых поваров.

-- Я вижу, вы нашли своё счастье, -- усмехаюсь я, остужая кусочек теста с сыром для Алэка, которому совершенно необходимо лично удостовериться в съедобности всего, что попадает мне в рот.

-- О да, Сэсар просто бог кухни! И к тому же он такой душка! Говорить совсем не умеет, но дочери мясника уже передрались за него с дочерьми зеленщика, представляете! -- Эсарнай рассказывает обо всех этих персонажах с умилением, как о хомячках. Кастовое общество, да-да.

Уходя от Эсарнай, я всё же вспоминаю забрать охранника. Может быть, я рано поставила на себе крест, и на самом деле привыкнуть к сопровождению не так трудно. Надеюсь, надеюсь.

Дома у меня всё по-прежнему. Кир стабильно сидит и читает. Азамат купил ему бук и поставил детские программы для обучения алфавиту, так что теперь если Кир не может разобрать какое-то слово, набирает его на клавиатуре (что ему пока что существенно проще, чем писать от руки) и слушает произношение. Там же, в буке, есть и прописи -- стилусом по сенсорному планшету до абсолютного идеала под контролем компьютера. Если Азамат учился по таким же, неудивительно, что у него каллиграфический почерк.

Азамат встаёт в безумную рань, чтобы освободить вечер, и после обеда приходит заниматься с сыном. Кир учится читать вслух с выражением, это компьютер проконтролировать не может. Судя по тому, что мне слышно из-за двери, учится Кир хорошо. И то сказать, если весь день сидеть над книжками, хочешь не хочешь, а научишься. Он теперь даже ест меньше, чтобы побыстрее вернуться к прерванному занятию. Правда, не могу сказать, чтобы его словарный запас увеличивался или хотя бы изменялся -- как раньше отвечал односложно, так и теперь. Азамат иногда заставляет его пересказывать прочитанное, но ребёнок давится, заикается и сводит сотни страниц к двум предложениям.

Собрание книг в гостиной начинает показывать дно, и это при том, что собственно литературу Кир читает только днём, а вечером они с Азаматом разбирают более трудную публицистику.

-- Ты не думаешь, что вам надо как-то разнообразить занятия? -- осторожно интересуюсь у Азамата в редкий момент, когда он есть в поле зрения, а Кира нет. -- Он у тебя с утра до ночи учится без передыху, не говоря уже о том, что Алэк забыл, как ты выглядишь.

-- То-то он так крепко спит по ночам, -- хмыкает Азамат. -- Видать, я в кошмарах не снюсь. Ничего, Лиза, Киру совсем немного осталось. Я считаю, раз он так рвётся к знаниям, надо этим пользоваться, ему ведь очень много надо наверстать. А нагуляться успеет.

Я пожимаю плечами, но на следующий день выгоняю Кира вместе с книжками и буком в беседку в саду, подальше от посторонних глаз и ушей. Тирбиш ставит у беседки раскладной манеж, я запускаю туда Алэка, сама сажусь рядом с ним играть. На улице прохладно, но умеренно, тепло одетый ребёнок чувствует себя вполне комфортно, да и я не мёрзну. Кир поначалу маньячно читает и стучит по клавишам, но потом потихоньку начинает отвлекаться: то Алэк запищит, то птичка на перила сядет поинтересоваться, нет ли вкусенького, то жёлтый лист на голову упадёт. Пару раз краем глаза замечаю, что ребёнок бросает своё занятие и с интересом оглядывается вокруг, а то и вовсе запрокидывает голову и смотрит в небо. Но едва он заподозривает, что я на него смотрю, как тут же возвращается к учёбе.

Через перила в беседку свешиваются нижние ветви нугового дерева с гроздьями недозрелых ягод. Дозревают они с первым снегом и всю зиму кормят птиц и древесных грызунов, ягоды эти тогда становятся липкими, как нуга. Той весной мы с Азаматом их ели. А сейчас они ещё сочные, немного похожи на актинидию, только с косточками. В общем, я их потихоньку объедаю с ветки. Кир украдкой наблюдает за мной, а когда я отвлекаюсь на Алэка, тоже срывает ягодку и, пригнувшись за экран бука, пробует. Через несколько минут я отхожу подобрать игрушку, которую Алэк швырнул через бортик, а когда возвращаюсь, Кир прячет за стопку книг несколько гроздей. Дальше он потихоньку от них отщипывает по ягодке.

-- Ты ещё не проголодался? -- спрашиваю.

Он вздрагивает и мотает головой.

Мы продолжаем заниматься своими делами до обеда, потом втягиваемся в дом.

Азамат приходит с работы вымотанный, но полный энтузиазма.

-- Милый, ты не устал? -- спрашиваю заботливо. -- Что-то выглядишь неважно.

-- Ну так я уж двенадцать часов на ногах! -- отвечает он. -- Ничего, переживу! Кир, как твои успехи?

Кир как раз собирался сунуть ложку в рот, но быстро кладёт её обратно в тарелку.

-- Я всё прочитал и переписал десять страниц, как вы велели.

Вздыхаю. Это не ребёнок, а солдат какой-то. И ведь не скажешь, что Азамат особо грозен или требователен, не орёт, не наказывает. Кстати, вначале, кажется, Кир был с ним на "ты". Видимо, титул с "тыканьем" не сочетается.

Вечером, когда Азамат отпускает Кирову душу на покаяние и приходит ко мне под бок, я снова делаю попытку воззвать к разуму.

-- Азаматик, мне кажется, всё-таки противоестественно для мальчика так усердствовать. Я боюсь, как бы он не заболел. Да и ты сам при таком графике долго ли выдержишь?

Азамат обнимает меня и целует, сонно бормоча:

-- Ничего, вот поедem на инспекционный выезд, тогда и отдохнём оба.

На этом он благополучно засыпает. О-хо-хо. Что-то многовато у нас планов на этот выезд, успеть бы всё и не умереть. Как бы и правда к Алтоше идти не пришлось. Хотя я сомневаюсь, что в случае чего у него получится достучаться до Азамата, если уж у меня не выходит.

За завтраком Кир выглядит странно и периодически забывает, зачем у него в руке ложка. Похоже, встал ни свет ни заря и теперь ничего не соображает. Уложить его обратно не представляется возможным, но надо хотя бы проветрить. Как раз у меня вызов подвернулся.

-- Мне сегодня понадобится твоя помощь, -- говорю.

Кир несколько оживляется.

-- Какая?

-- У брата Азамата дочка заболела, я пойду её лечить. Но этот самый брат, Арон, всё время лезет под руки и боится всяких процедур. Мне нужно, чтобы ты его занял разговором, пока я буду осматривать девочку.

Кир неуверенно кивает.

-- А о чём с ним говорить?

-- Да о чём хочешь. Он занимается разведением элитных овец с супермягкой шерстью, у нас тут все постельные принадлежности от него. Охотиться любит, можешь об этом поболтать. Ещё у него сын

есть, младше тебя и странноватый... В общем, ты парень изобретательный, что-нибудь придумаешь.

-- Это надолго? -- хмурится Кир. -- Мне ведь ещё читать...

-- Не знаю, сколько это займёт времени, но я Азамату всё объясню, и он поймёт.

-- Ну хорошо, -- соглашается Кир.

Арон поджидает нас у порога дома жены, нервно топчась на месте, и сразу бросается ко мне.

-- Хотон-хон! Я так рад, что вы пришли! Прямо не знаю, что делать, вы бы её видели, это какой-то кошмар, как же она будет жить, а вдруг это не лечится, жена совсем голову потеряла от горя!..

-- Тихо! -- рывкаю я, прерывая бесконечный словесный поток. -- Вот знакомься, это Кир, ты его ещё не видел. Пошли внутрь.

Арон облегчённо замолкает, явно радуясь тому, что кто-то другой принял командование, и проводит меня в комнату девочки, обставленную в безумных малиновых тонах. Я тут же выпираю их с Киром за дверь и остаюсь с пациенткой один на один -- не будет же сердобольная муданжская мать сидеть с больным ребёнком, ещё заразится...

У девочки оказывается элементарная ветрянка. С точки зрения муданжцев это, конечно, ужасная болезнь -- всё лицо в волдырях, ещё бы. Тем более никто ведь не проследил, чтобы ребёнок не чесался, так что вид и впрямь жутковатый. Ветрянкой муданжские дети болеют редко, и это обычно значит, что иммунитет чем-то ослаблен, в норме-то подобная зараза к ним не липнет. Анализы показывают неправильное питание -- такое впечатление, что девочка завтракает, обедает и ужинает медовыми конвертиками. Я даю ей детскую микстуру от зуда с лёгким снотворным действием, обмазываю заживляющим кремом и иду объяснять Арону про диету и пищевые добавки. Земные иммуномодулянты муданжцам подходят плохо, так что я стараюсь без крайней необходимости их детям не давать. Скорее бы Азамат уже решил вступить в экономический союз, тогда можно было бы дать грант на исследование муданжской физиологии, а так к нам ни от одной приличной лаборатории никто не едет, только миссионеры какие-то всё рвутся.

В гостиной Арон увлечённо демонстрирует Киру звериные шкуры, видимо, охотничьи трофеи. Кир глядит сияющими глазами и

вслушивается в каждое слово Арона, травящего охотничьи байки.

-- Этого вот мы с друзьями загнали два года наз... о, Хотон-хон, ну что? -- прерывается Арон, заметив меня.

-- Да ничего страшного, -- говорю. -- Я этим тоже в детстве болела, следов не останется. Вот крем, чтобы лучше заживало, вот снадобье, чтоб не чесалось.

Арон вздыхает с облегчением.

-- Ой, спасибо, Хотон-х...

-- Хуже другое, -- перебиваю его мрачным тоном. -- Проследи, пожалуйста, за тем, что твоя дочь ест и сколько, иначе она так и будет болеть. Сейчас я тебе выведу допустимое меню для этого возраста.

Сажусь и открываю бук.

-- Как же я прослежу? -- удивляется Арон. -- Она ведь с женой живёт, с ней и ест.

-- Как хочешь, так и проследишь, -- кривлюсь я. -- Если твоя жена ест то же, что твоя дочь, то проживёт недолго. Прикажи повару готовить то, что я напишу... Вообще, где Алтоновч-то?

-- У себя наверху...

-- Ну так веди её сюда, будем разговаривать.

Арон растерянно кивает и убегает вверх по лестнице. Я киваю Киру.

-- Ну как?

-- Нормально, -- пожимает плечами ребёнок. -- Сначала он всё рвался к вам посмотреть, что вы с его дочкой делаете, но потом я спросил про охоту, и он про дочку забыл, стал мне рассказывать... Обещал меня с собой взять в следующий раз, если отец отпустит.

-- Азамат и сам хотел с тобой на охоту сходить, -- припоминаю. -
- Наверное, можете и втроем.

Наверху слышатся шаги, и к нам спускаются Арон с женой. Она сегодня в бирюзовом, и как всегда платье, диль и косынка чуть-чуть не совпадают по тону. Интересно, это индивидуальный стиль такой или она просто сама ткани красит, а пропорции забывает?

-- Она заразная? -- нервно спрашивает Алтоновч, косясь на дверь дочкиной комнаты.

-- А вы этим не болели? -- отвечаю вопросом на вопрос.

-- Конечно нет! -- в ужасе отрицает Алтоновч.

-- Тогда заразная, -- с плохо скрываемым злорадством киваю я. Конечно, раз Алтоновч не болела, значит, у неё достаточно сильный иммунитет. С другой стороны, может, в детстве и был сильный, а сейчас если она одними плюшками питается, то и вместе с дочкой заболеть может.

-- Расскажите мне, пожалуйста, что вы едите, -- предлагаю я, открывая файл с историей болезни.

Алтоновч таращится на меня во все глаза.

-- А вам зачем?

-- Затем, что ваша дочка заболела из-за неправильного питания.

-- Так что, её не кормить, что ли?

Я роняю голову на клавиатуру. Кир хихикает в углу.

Мы покидаем дом Алтоновч примерно через час, с трудом общими усилиями убедив её, что питаться одним сладким нельзя не потому, что мужу жалко денег. Кир похихикивает, я пихаю его локтем в бок.

-- Не смешно, -- говорю, улыбаясь. -- Угробит ведь ребёнка.

-- А если не угробит, вырастет ещё одна такая же тупая корова, - - пожимает плечами Кир. Я хмурюсь.

-- Алтоновч, конечно, не слишком одарённая женщина, но не мог бы ты выражаться повежливее? Арон не обрадуется, если узнает, что ты так говоришь о его жене.

-- Простите, -- ворчит Кир, вжимая голову в плечи.

Ну отлично, теперь он расстроился. А я-то радовалась, что удалось его немного развеять. Однако эта мысль держится у меня в голове недолго, потому что я вдруг озадачиваюсь вот чем: муданжские девочки до замужества обычно живут с матерями. Хотела бы я посмотреть на статистику детской смертности. Есть у меня подозрение, что для мальчиков и девочек она неодинаковая. А если так, то, значит, взрослых женщин на Муданге должно быть заметно меньше, чем мужчин. Отсюда и отношение к ним... М-да, порочный круг.

Дома Кир с тяжёлым вздохом топает в свою комнату и закрывает дверь, так что до обеда от него ни слуху ни духу.

Впрочем, и на обед он не выходит.

Когда Азамат стучится к нему в дверь, ответа нет. Озабоченный Азамат приоткрывает дверь и обнаруживает ребёнка спящим за столом

носом в книжку.

-- Не буду напоминать, что я тебя предупреждала, -- триумфально говорю я.

Азамат умиленно улыбается и мягко треплет Кира за плечо.

-- Ну что же ты, мальчик, просыпайся..

Кир подскакивает и ошарашенно озирается.

-- Ой. Простите. Извините. Я ненадолго... Не заметил...

-- Ладно уж, -- смеётся Азамат. -- Пошли есть, соня.

Ребёнок послушно чапает к столу и принимается механически жевать, не разбирая, что именно. Азамат обстоятельно выбирает косточки из жареной рыбы.

-- С чего предпочитаешь начать? -- спрашивает он, не отрывая взгляда от тарелки. -- Проверим твою самостоятельную работу или статьи читаем?

Кир на секунду впадает в панику, но тут же успокаивается и произносит с похоронной решимостью:

-- Я почти ничего не сделал.

Азамат отрывается от тарелки.

-- Почему?

-- Ну... -- Кир бросает косой взгляд на меня.

-- Мы ходили к Арону, -- говорю.

Азамат хмурится.

-- Мне казалось, мы вчера с тобой обсуждали, что учёба на первом месте.

-- Тебе именно казалось. Ты высказался и заснул, даже не выслушав, что я по этому поводу думаю, -- спокойно сообщаю я.

-- И поэтому ты решила игнорировать моё мнение, -- продолжает за меня Азамат.

-- У Арона дочка заболела, -- объясняю я.

-- Серьёзно? -- настораживается Азамат.

-- Нет. Но ты же знаешь Арона, он уколов боится, сканера боится... Мне нужна была помощь в его нейтрализации.

-- И кроме Кира никто не мог тебе помочь, -- с ироничным трагизмом заканчивает Азамат.

Я пожимаю плечами.

-- Ты занят, Тирбиш с Алэком сидит, Янка с Оривой на вызове... почти все остальные, кого можно попросить о такой услуге, работают

с тобой. Не Орешницу с Эсарнай же было звать.

Азамат некоторое время смотрит на меня, потом вздыхает.

-- Лиза, я встаю в четыре часа ночи, чтобы освободить себе вечер и позаниматься с Киром. Ты не могла бы хотя бы согласовывать со мной, если его отрываешь?

-- А я не понимаю, куда ты так спешишь? Ему что, экзамен надо сдать? Зачем жертвовать собой и доводить ребёнка до того, что он спит на столе? Ты его даже с братом не познакомил, а матери, небось, и не сказал ничего.

-- Хорошо, ты его познакомила с моим братом. И какая от этого произошла польза? -- нетерпеливо спрашивает Азамат.

-- Арон позвал его с собой на охоту.

Азамат хлопает себя ладонью по коленке.

-- Отлично! Теперь мой брат поведёт моего сына на охоту раньше, чем я! Как прекрасно ты всё устроила.

-- Вы можете пойти вместе, -- спокойно гну свою линию. Похоже, Азамат и правда переутомился, если разговаривает со мной в таком тоне. Кир нервно переводит взгляд с меня на него и обратно, стараясь не привлекать к себе внимания.

-- А ты могла бы немножко подождать, -- отвечает Азамат. -- Я же тебе сказал, немножко осталось!

-- Не немножко, если недосыпать и не есть. И главное, ради чего! Нельзя поразвлечься, отдохнуть, а потом продолжить? Или для охоты обязательно надо уметь читать вслух с выражением?

-- Кто кого заставляет не спать и не есть? Я не так много требую, Лиза!

-- Я не знаю, сколько ты требуешь, но Кир встаёт тогда же, когда ты, и за завтраком напихивается не жуя, лишь бы побыстрее. И сидит весь день, не поднимая головы, над книжками. Если ты считаешь, что требуешь немного, то я не знаю, что такое много!

Азамат выглядит озадаченным.

-- Я впервые слышу, что мои задания вызывают столько проблем.

-- А то, что я уже неделю тебе твержу, что ты переутомляешь ребёнка, не считается? -- фыркаю я.

Азамат решает наконец включить Кира в разговор.

-- Ты действительно весь день тратишь на задания?

Кир смотрит на его затравленно и хлопает ртом. Я раздражённо вздыхаю.

-- Никто не будет тебя ругать за медлительность!

Кир осторожно кивает, не сводя насторожённого взгляда с Азамата. Тот поднимает брови.

-- Но почему ты не сказал, что тебе так трудно?

Взгляд Кира на секунду становится неверяще-укоризненным.

-- Мне не трудно, -- почти шёпотом отвечает ребёнок.

-- Если тебе приходится вставать затемно и весь день заниматься без перерывов, то это называется трудно, -- замечает Азамат.

Кир сжимает губы и злобно зыркает на меня, но молчит. Азамат некоторое время ждёт, но ответа не получает, так что задаёт новый вопрос:

-- Ты бы хотел прервать занятия?

Кир пару секунд колеблется, потом осторожно отвечает:

-- Да.

Азамат опускает голову.

-- Вот как. Почему?

-- Мне надоело, -- осмеливается Кир.

-- Мы можем заниматься меньше, -- с надеждой предлагает Азамат. -- Всего час в день, например.

Ребёнок мотает головой.

-- Нет.

Азамат расстроено кивает.

-- Понял. Ну, может, хотя бы сегодня ещё почитаем? А с завтрашнего дня всё?

Кир снова мотает головой, уже решительнее.

-- Ну хорошо, -- разводит руками Азамат. -- Не хочешь, не надо. Отдыхай.

Кир как будто только и ждал команды: вскакивает и исчезает в своей комнате.

Мы некоторое время сидим молча, осмысливая произошедший разговор.

-- По-моему, -- говорю, -- мы сделали неправильно всё, что только могли.

Азамат задумчиво кивает.

-- Не надо было при нём ругаться.

-- Я и не ругалась.

-- Ну да, ты просто доходчиво рассказывала мне, какой я идиот.

-- Я просто отвечала на твои вопросы. Ну ладно, хорошо, я согласна, надо было проявить дипломатичность и вывести тебя в другую комнату.

Азамат отодвигает тарелку, ставит локти на стол и упирается кулаками в щёки.

-- Ты ему хоть раз говорил, что будет, если он не сделает задания? -- интересуюсь осторожно.

-- Что значит "что будет"? Ничего не будет, просто почитали бы вместо этого.

-- Я спрашиваю, ему ты это говорил?

Азамат задумывается.

-- Нет... Ты думаешь, если бы он знал, что можно, то давно бы бросил?

-- Не знаю, может, не так бы усердствовал.

-- Если ты считала, что он слишком много учится, почему сама ему не сказала?

-- Я сказала. В первый же вечер.

-- И?

-- И он решил учиться тайком от меня, пока я не объяснила, что не запрещаю.

Азамат поджимает губы.

-- Всё так и должно быть. Ты женщина, я мужчина, приказы разные, слушаться надо меня. Вот шакал! -- он внезапно ударяет кулаком по столу так, что вся посуда подскакивает. -- Так хотел всё сделать правильно, и конечно всё испортил!

-- Ну ты так-то уж не отчаивайся, -- говорю. -- погоди, он успокоится, разберётся, что к чему. Поговори с ним спокойно.

-- Попробую, -- протягивает Азамат без энтузиазма. -- Что-то мне кажется, что он не станет со мной говорить по душам. Ему бы с духовником поговорить, но...

Азамат так и не заканчивает очевидную мысль: Ажгдийдимидин с его предвзятым отношением к безродным сделает только хуже. Можно было бы, конечно, отвезти парня на Гарнет, чтобы с ним поработал нормальный психотерапевт, но, боюсь, в настолько незнакомой среде ребёнок просто не станет разговаривать.

Муж мой тем временем решает воплотить задуманное немедленно и идёт стучаться к Киру в дверь. Ответа, как и прежде, нет.

-- Опять спишь, что ли? -- удивляется Азамат. -- Неужто я тебя так вымотал?

Стучит громче -- тишина. Дёргает ручку -- заперто.

-- Вот как, -- Азамат в задумчивости замирает перед дверью. -- Ну ладно, значит, завтра поговорим...

Просыпается Алэк, и после кормёжки я начинаю собирать его на прогулку -- раз уж Азамат свободен, почему бы не провести время с другим сыном, он соскучился вообще-то. В комнате у мелкого душновато, и я открываю окно, чтобы проветрить. И вижу, что окно комнаты Кира распахнуто настежь, а с подоконника свешивается простыня с узелками.

-- Азама-а-ат, -- зову. -- Он, похоже, опять сбежал.

На этот раз я даже не волнуюсь, только досадно, что весь вечер будет потрачен на поиски этого малолетнего раздолбая.

Азамат высовывается в окно, делает те же выводы, что и я, и без раздумий высаживает дверь в комнату Кира. Там и правда пусто, простыня привязана к письменному столу. Под окном у Кира довольно широкий карниз над окнами нижнего этажа, а с него при некоторой сноровке можно перепрыгнуть на крышу служебного крыла, где кухня и конюшни. Спуститься оттуда могла бы и я. Быстрый звонок сообщает, что Филин тоже пропал. Кир без своего пса не сбегает. Азамат тяжело вздыхает и принимается поднимать на ноги всю службу безопасности. Конечно, никто не станет гулять с Алэком в такой ситуации. Я решительно надеваю куртку и вытаскиваю мелкого в беседку. Он-то не виноват, что его братец любит заставить всех понервничать.

Через пару часов мне неожиданно звонит Янка.

-- Потеряли старшенького? -- говорит она странным голосом.

-- Ну да, свалил в окно, -- признаюсь. -- Ты что-то знаешь?

-- Да вот, ко мне тут пациент поступил... Три ребра сломано, гематомы в брюшной полости, вывих плеча и разбиты костяшки пальцев...

-- Что, Кир?!

-- Нет, не Кир, а глава местной подростковой банды. Но утверждает, что это Кир его так отделал.

-- Где?!

-- Не признаётся. Мне Ирнчину доложить об этом?

-- Да, конечно... У тебя есть его телефон?

Янка хмыкает.

-- Есть, есть.

И отключается.

Кира находят часа через полтора. Он цел и относительно невредим -- беглый осмотр показывает только несколько синяков и ссадины на руках.

-- Ну и что это за акт протеста? -- устало интересуется Азамат, которому я впихнула Алэка, чтобы руки были заняты, а то ему, как и мне, очень хочется кое-кого за уши оттащить. Филин вертится у всех под ногами, поскуливая.

Кир стоит, ссутулившись, между двух бравых ребят из отдела безопасности и злобно зыркает на нас.

-- Я теперь всю жизнь под замком сидеть должен, что ли? Чуть шаг на улицу -- сразу сбежал! Я бы к ночи сам вернулся, не тупой!

Азамат на секунду задумывается, как будто ему до сих пор не приходила в голову мысль, что Кир может пойти погулять без намерения сбежать.

-- Нет, -- медленно произносит он, -- но зачем было вылезать в окно?

-- Не хотел вам мешать лаяться! -- ядовито отвечает Кир.

Азамат поджимает губы и отпускает Ирнчиновых ребят вместе с собакой. Им хватает ума не переглядываться по крайней мере до тех пор, пока за ними не закрывается дверь.

-- А драться зачем полез? -- спрашиваю я, вооружаясь йодовой салфеткой.

-- Это не я полез, это ко мне полезли, -- ворчит Кир. -- Я сидел спокойно на крыше заброшенного дома, никого не трогал. Тут приходят эти пацаны и давай права качать, типа, это их место. Ну и пришлось им показать, где их место на самом деле... ай! Щипется!

-- У драк бывают последствия, -- сообщает Азамат. -- Вот одно из них. Терпи. А то как рёбра ломать -- ты мужчина, а как лечиться -- сопляк.

Кир угрюмо сжимает зубы и терпит.

-- На будущее, -- продолжает Азамат, -- если хочешь пойти погулять, скажи об этом кому-нибудь. Мне, Лизе, Тирбишу, кому угодно во дворце, кто может нам передать. Не исчезай просто так, иначе опять отправлю охрану тебя искать. Это понятно?

-- Понятно, -- бурчит Кир, морщась от йода.

-- Ужинать и спать, -- велит Азамат.

Взгляд Кира на секунду становится удивлённым, но тут же снова меняется на злобный, и ребёнок раздражённо топает к столу, всем своим видом показывая, что его несправедливо унизили. Азамат вздыхает и принимается поправлять выбившиеся из косы волосы, держа хмурого Алэка второй рукой, но замирает.

-- Я с этим ребёнком седею, -- замечает он, рассматривая прядь с виска.

Глава 18

Следующие два дня Кир практически не появляется дома. Рано утром он честно, как требуют, сообщает страже, что пошёл гулять, а потом пропадает до позднего вечера, наедается за весь день и запирается у себя в комнате. Азамат несколько раз безуспешно пытался с ним поговорить, но это кончилось тем, что ребёнок заперся у себя сразу, не поужинав. Азамат не находит себе места от нервов, работает, кажется, круглые сутки.

На третий день я выползаю на заре кормить Алэка, а потом плетусь обратно к себе в комнату, прикрывая зевок сползшим рукавом пижамы, и натыкаюсь на Кира, который как раз одевается.

-- Завтра поедем на выезд, -- говорю сквозь зевок. -- Так что вернись пораньше, если хочешь собрать вещи.

-- А если я не хочу на выезд? -- угрюмо спрашивает Кир, затягивая шнурки.

-- Это обязанность, -- объясняю, протирая глаз. -- Нас с тобой никто не спрашивает. Если упрёшься, сорвёшь поездку. Азамат будет не в восторге, а уж Старейшины...

-- Ясно, -- бормочет Кир. Он уже полностью оделся и явно прикидывает, как бы так свалить, чтобы я его не задержала, но и чтобы это не очень невежливо выглядело.

-- Секунду, -- говорю, нашаривая в кресле свою вчерашнюю сумку и извлекая из неё небольшой кошелёк с мелочью. -- На, возьми,

хоть поешь в городе нормально, а то вечером опять будешь от Азамата прятаться...

Кир быстро берёт у меня кошелек, засовывает его во внутренний карман куртки, потом задумывается и спрашивает:

-- А отец знает, что вы мне деньги дали?

-- Он спит и мысли читать не умеет, -- усмехаюсь, -- но если спросит, я скажу. А что?

-- Ну... Он не подумает, что я их... без спросу взял?

-- Прoshлый раз тебя это не беспокоило, -- хмыкаю. -- Да ничего он не подумает, это мои деньги, а не его, и их там на самом деле совсем мало -- пообедать да купить что-нибудь ненужное-э-э, -- я снова зеваю так, что щёки трещат.

-- С-спасибо, -- выдавливают он. Но не уходит, колеблется. Наконец спрашивает: -- А... На выезде, что там надо будет делать?

-- Тебе -- ничего. Мы с Азаматом будем работать, каждый по своему профилю.

-- А ехать долго?

-- Без понятия, -- признаюсь честно. Тайна выезда успешно скрывается и от меня тоже. Не то чтобы мне было очень интересно. -- Знаю только, что там будет довольно тепло, свитера можно не брать.

-- Ясно... а сколько человек едет? Мы на унгуце?

-- Кир, я не знаю, -- развожу руками. -- Спроси у Азамата, я правда не интересовалась.

Он кивает, но по лицу видно, что спрашивать у Азамата он пойдёт разве что под страхом смерти, да и то не факт.

-- Ты думаешь, как бы избежать разговора с ним в дороге? -- предполагаю я.

Кир мнётся и молчит, из чего я делаю вывод, что угадала.

-- Чего ты так его боишься? Не съест же...

-- Я не боюсь! -- быстро перебивает Кир.

Похоже, у него это больное место. Наверное, не стоит слишком часто на него давить.

-- Ну хорошо, не боишься. Тогда что тебя смущает?

Кир молчит и раскачивается на пятках. Видимо, что-то глобальное. И конечно он мне не признается -- с какой стати, чужой женщине. Ладно, может, тут и правда что-то серьезнее, чем дурацкие

уроки чтения. С этими подростками никогда не знаешь. Но возможно, Азамату действительно стоит оставить его в покое на некоторое время.

-- Ладно, как хочешь, -- соглашаюсь. -- Можешь с ним не разговаривать. Я попробую организовать, чтобы вы с ним ехали порознь. Но за это ты мне будешь должен желание.

-- В смысле -- желание? -- настораживается Кир.

-- В смысле, когда я попрошу тебя что-нибудь сделать, ты сделаешь без нареканий.

-- Типа что например?

-- Пока не знаю. Что-нибудь полезное или неприятное.

-- Но вы не велите мне с ним... это... разговаривать?

-- Я не настолько подлая, -- усмехаюсь. -- Да и тогда договорённость теряет смысл. Так что этого не попрошу, нет.

-- Ну хорошо, так согласен.

-- Отлично, договорились, -- зеваю и машу на него рукавом. -- Свободен.

Ребёнок убегает, как на пружинках.

Встав второй раз уже в человеческое время, я с трудом вспоминаю, что утром вообще что-то происходило. Вроде как мне снился Кир... Или не снился...

-- Кир опять ушёл гулять до завтрака, -- сокрушается Азамат. -- Он мне так и не даст шанса объясниться.

Вот тут я и вспоминаю, что нараздавала обещаний спросонок.

-- Да ладно, не переживай, срастётся, -- говорю ободряюще. -- Помается и успокоится. Ты вот мне лучше скажи, куда мы летим, сколько нас и вообще... А то мне вещи собирать надо, хоть знать, что брать.

-- Это будет юго-запад, пара часов лёту, -- легко переключается Азамат. -- Мы вчетвером, Тирбиш, конечно, ещё Эцаган и ещё один мужичок, ответственный по ресурсам, ты его не знаешь. Я думаю, в два унгуца поместимся, ну и пилоты, понятно.

-- Ага, -- киваю, -- значит, я с детьми и Тирбишем, а ты с коллегами. Логично. Тогда багаж раскладываем на две кучки. Мы надолго туда?

-- Дней на пять-шесть, -- Азамат в раздумьях трёт нижнюю губу. -- На первый выезд побольше заложились, не знаю, как успею всё. Потом приноровлюсь, наверное, покорооче будут визиты.

Принимающей-то стороне это тяжело, нас надо где-то поселить, всё время быть наизготовку. Точнее, мне-то ничего от них не надо, но сама знаешь, как люди любят произвести впечатление. Кстати... ты подумала, кого возьмёшь себе в охрану? Я бы мог посоветовать пару толковых ребят...

-- Подумала, -- кривлюсь я. -- Давай это вечером обсудим, а?

Азамат соглашается и оставляет тему. Или это моя паранойя, или он прекрасно понял, что ни о чём я не подумала. Вернее, подумала, но ни до чего не додумалась. Я по-прежнему не знаю, как обходиться с охранником во время работы с пациентом.

Азамат уходит сворачивать горы в офисе, а я принимаюсь проверять свои чемоданы с инструментами и прочим бутором, чтобы всё было на месте и в порядке. Работы будет много, тут мне Азамата спрашивать не надо. Он уже пару месяцев колдует с бюджетом, чтобы создать хотя бы систему государственного страхования здоровья, а лучше -- бесплатную для граждан медицину. Старейшины немного сопротивляются, им всё кажется, что деньги можно потратить и с большей пользой для планеты, чем на лечение отдельных личностей. Пока что Азамату удалось продавить только такую идею: во время случайных выездов мои услуги по врачеванию оплачиваются из бюджета. То есть, если уж какой деревне повезло, что мы туда нагрянули, то лечиться могут все за так. Вот я и готовлюсь к небольшому армагеддону. За этим занятием меня застаёт звонок Янки.

-- Лизка, приходи, -- командует она, хихикая в трубку. -- Тут твой старшенький отчудил.

-- Что, к тебе загремел? -- спрашиваю, покрываясь холодным потом. Мог ведь подумать, что травма -- это идеальная отмазка, чтобы не ехать никуда.

-- Да нет, он-то здоровёхонек, но подрался опять, по-хорошему, городскую охрану звать надо, но я решила сначала тебя, а то тут всё непросто...

Я прибегаю, как ошпаренная, забыв всё на свете. Вот идиотский ребёнок, ну я же обещала, что ему не придётся разговаривать с Азаматом, чего он выделывается?!

Янка встречает меня в дверях и проводит в коридор перед операционной. Сквозь одностороннее окно я вижу Кира, который

одинокó сидит на кушетке и тоскливо рассматривает стоящие вокруг аппараты.

-- Вишь, целёхонек, -- кивает на него Янка.

-- Так чтостряслось? -- тороплю я.

-- Помнишь ту девочку, которую ты привезла, с аппендицитом?

-- Ну да, которая дочка знающего.

-- Да, так вот, она же тут всё ещё лежит у нас, и с ней отец сидит всё время. Снял комнату на постоялом дворе, на ночь туда уходит, а весь день тут сидит. И вот сегодня приходит какой-то мужик, говорит, ему сказали, что этого Авьяса можно тут найти. Ну, Орива его позвала, он вышел на крыльцо поговорить с этим. А у меня ж у кабинета окна на крыльцо почти, я сижу, пишу дневники, слушаю их. И этот второй говорит, типа, чего ты тут торчишь, забрал бы уже свою девку и делом занялся, а то время теряем. Авьяс ему, типа, не могу, Хотон-хон сказала, что её надо держать под наблюдением, а то вдруг чего. Тот второй начал тебя поносить, типа, вот, придумал тоже бабу слушать, да что бы она понимала, это просто Император слух пустил, что она целительница, чтобы оправдать, что она по мужикам шляется, а так-то все же знают, что она устрица.

Я малость офонареваю. Нет, я знаю, что про меня всякие слухи ходят, но вот конкретно в такой интерпретации слышу впервые.

-- Вот и я такое лицо сделала, -- кивает Янка. -- Собиралась уже Ирнчину звонить, чтобы этому шибко умному вправил мозг силовыми методами... И тут слышу, третий вклинился, Авьяс даже сказать ничего не успел. Выглянула, смотрю, стоит твой Кир распалается. Видно, мимо шёл и услышал. Видуха -- мрак: кулаки сжал, физиономия красная и шипит, типа, а ну-ка повтори, что ты щас сказал!

Я представляю себе это зрелище -- тощий долговязый паренёк, всё же ниже ростом взрослого мужчины, вклинивается в разговор с такими претензиями.

-- Вот идиот, -- вздыхаю. -- Ну и что, его развернули и подтолкнули?

-- Да нет, этот мужик его всерьёз не принял, поржал и повторил, ещё приукрасил. А Кир -- бац ему кулаком в живот. Ничего так задвинул, у мужика серьёзная гематома.

-- Ого, -- тарашусь. -- Я и не знала, что он за меня так, э-э, болеет.

-- Так это ещё что, -- продолжает Янка, упирая руки в боки. -- Тот мужик, он тоже знающий оказался. Как смог разогнуться, чё-то там стал колдовать. Авьяс его отшил, так он Авьяса приколдовал к стенке, тот двинуться не мог. Просто как в кино! И снова начал на Кира бормотать, вроде как связало его что-то, стоит, руки по швам, ноги вместе. Я думала, ну всё, труба мальчишке. А Кир так подумал-подумал, локтями дёрнул и как будто освободился -- и как двинет тому мужику в ухо! В общем, у него ещё и сотрясение. Лежит теперь у нас в третьей палате с тазиком в обнимку, звёздочки видит, Дэн с ним возится. Но вот что с твоим делать, я без понятия.

Мы обе синхронно переводим взгляд на Кира за стеклом. За то время, что Янка мне рассказывала новости, он успел отыскать пульсометр, нацепить его на запястье и включить, а теперь с интересом рассматривает циферки.

-- Э, он мне там щас повключает! -- ахает Янка и бежит к двери.

А я, кажется, знаю, какое моё желание Кир будет выполнять.

-- Тебе кто разрешал брать? -- вопрошает Янка, врываясь в операционную. -- Я же сказала ничего не трогать!

Тоже умна, вообще, думаю. Оставить трудного подростка среди приборов под честное слово.

Кир подскакивает и быстро извиняется, пытаясь стянуть пульсометр с руки, но включённый так просто не снять, он же плотно обхватывает, чтобы померить.

-- Выключи, тогда снимется, -- советую. -- И не бери чужое без спросу, мало ли что этот прибор делает!

-- Да я знаю, что он делает, я его у вас видел! -- огрызается Кир, нервно тыкая в кнопку выключения. Пульсометр наконец-то разжимает хват и сваливается с тощей руки. -- Всё, не трогаю!

-- Глаз да глаз, -- ворчит Янка, забирая своё. -- Ну так чего, Лиз, мне охрану-то звать? У них тут со сколько лет уголовная ответственность?

-- Охрану звать без толку, -- говорю. -- Это ведомство Эцагана, и никто там с князем разбираться не будет, сдадут Азамату на воспитание, и всё, -- при этих словах Кир заметно бледнеет. -- Так что я лучше сама с ним побеседую, а со знающим пусть Эцаган разбирается, я без понятия, что тут почём. Как ты понимаешь, тёплых чувств к нему у меня нет.

-- Да у меня тоже не особо, -- кривится Янка, -- но драку начал не он... Ладно, ты тогда займёшься, хорошо? А то у меня через десять минут приём начинается.

-- Конечно, -- киваю. -- Кир, пошли.

Ребёнок мрачно плетётся за мной, не пытаюсь вырывать руку из моего крепкого захвата. Тем не менее, я стараюсь не терять бдительность, а то как бы не рванул куда. В то же время пытаюсь придумать, что буду ему говорить. По сути-то я уже всё придумала, но надо ведь преподнести это так, чтобы возымело действие. А то повадился тут кое-кто рёбра ломать случайным прохожим. Муданжские законы я знаю плохо, тем более, что они сейчас сильно меняются, но вполне уверена, что несовершеннолетнему князю ничего не грозит за хулиганство. Тем не менее, он не всегда будет несовершеннолетним, да и кроме Муданга в мире существуют планеты, и там ему подобные штучки не сойдут с рук так легко.

Не сказать чтобы я была прям-таки специалистом по работе с трудными подростками. Не могу даже похвастаться, что когда-либо интересовалась этим вопросом: и я, и мой братец были вполне обычными детьми и не требовали специального подхода. Маман тоже не сильно напрягалась с воспитанием, а вот от бабушки она нас прятала. С другой стороны, очень трудно ничего не знать о воспитании детей, когда живёшь на Земле. Даже если нарочно стараешься увильнуть от этого знания. Для начала, в двадцать один год все сдают экзамен "зрелого отношения", по результатам которого тебе, в частности, позволено или не позволено растить детей без помощи специальных организаций и наблюдения опытных психологов. Конечно, в него входят только самые основные вещи, и сдать его нетрудно, но всё-таки, я считаю, это более убедительная подготовка, чем как у Арона -- сначала отец-тиран и всепрощающий старший брат, а потом полная свобода действий.

Гнетущая тишина по дороге до дома действует на Кира положительно: он нервничает всё больше. Так-то. Прохожие с интересом смотрят вслед суровой Хотон-хон, влекущей волоком бледного юнца. Сочувственно смотрят -- не знаю только, кому сочувствуют больше. Но вот мы и дома.

Впихиваю Кира в кресло, сама сажусь напротив.

-- Расскажи мне, пожалуйста, что ты сегодня сделал не так.

Он сглатывает.

-- Ну, я... взял без спроса...

-- Правильно, -- перебиваю. -- Что ещё?

Кир поджимает губы и молчит.

-- Подсказываю, -- говорю. -- Ты уже в этом месяце один раз этим отличился.

Кир угрюмо сопит, потом высказывается:

-- Я ему за дело навалял! Вы бы слышали, что он о вас говорил!

-- Я знаю, что он говорил, -- отвечаю спокойно. -- И он не один такой и даже не первый. Про известных людей всегда говорят гадости, привыкай. Я, конечно, польщена, что ты с таким рвением отстаиваешь мою честь, -- делаю драматическую паузу, наблюдая, как ребёнок краснеет, забавно, от шеи вверх, -- но я бы предпочла, чтобы ты не бил людей. Даже взрослых. Даже знающих. Сам подумай, ты вклинился в чужой частный разговор и серьёзно избил человека!

-- А что, отец бы на моём месте мимо прошёл? -- огрызается Кир.

Я прикидываю, как бы это выглядело в исполнении Азамата.

-- У тебя с твоим отцом немного разные весовые категории. Ему обычно достаточно на человека посмотреть определённым взглядом, чтобы тот бежал организовывать свои похороны.

-- Ну извините, я рожей не вышел! -- фыркает Кир.

-- Ты мог бы вместо драки намекнуть, что Император будет не в восторге, если узнает, как тут отзываются о его жене. Я думаю, этого бы хватило, чтобы вправить мозги большинству местных.

-- Пускай слабаки ябедничают, -- ворчит Кир.

Он совсем не чувствует вины. Нисколечки. И если бы он просто заехал этому придурку, чтоб было больно, то был бы прав. Но сотрясение мозга и кровотечение в брюшной полости -- это крутовато за случайно оброненное в личном разговоре стандартное оскорбление, тем более, что мужик скорее всего повторял чужие слова, чтобы уговорить приятеля, а на самом деле может и вовсе не иметь по моему поводу никакого мнения. И естественно он не стусевался при виде нервного паренька. Кто ж знал, что у Кира железный кулак!

-- Как ты считаешь, -- спрашиваю, откидываясь на спинку кресла, -- насколько этот человек важен для общества? -- Поскольку

Кир хмурится, я поясняю. -- Ну, грубо говоря, кому он нужен? И сильно ли?

-- Да никому, -- бросает Кир. -- Кому он может быть нужен, знающий? Да у него даже детей нет, я думаю, законных уж точно. Он если и нужен, то каким-нибудь сволочам.

-- Замечательно, -- говорю. -- А теперь подумай вот о чём. Ты его отделал на крыльце Дома целителей. Тут же целитель Дэн, специально прилетевший с Земли, чтобы спасти тяжелобольных муданжцев, бросает всё, отменяет приём и занимается этим никому не нужным знающим. Ему отводится место в палате, которое мог бы занимать чей-нибудь больной ребёнок, на него тратятся лекарства, которые стоят немалых денег и долго ехали с Гарнета. И в итоге ещё, скорее всего, твой отец будет оплачивать его лечение, в качестве компенсации. Ну и скажи мне теперь пожалуйста, кому ты сделал лучше?

-- А зачем его вообще лечить? -- хмурится Кир, но я вижу, что ему наконец-то становится не по себе.

-- А тебе так не терпится стать убийцей? -- я поднимаю бровь. -- И ты считаешь, что за случайно повторённые сплетни надо убивать?

-- Да он не помер бы, -- неуверенно говорит Кир. -- Я ему только два раза вмазал...

-- Иногда и одного достаточно.

-- Ну... Я силу не рассчитал.

-- И за это тебя должны все простить? А он вот не рассчитал, что ты мимо проходить будешь, ты его как, простил за это?

-- Я... Я вас защищал! -- обороняется до последнего Кир.

-- Это я понимаю. Но я ещё вот что понимаю: три дня назад ты бросил учиться. С тех пор ты серьёзно избил двух человек. Это вообще как, для тебя нормально?

-- Не-ет, -- шепчет Кир, глядя в пол.

-- Вот и мне казалось, что нет. Выводы?

После небольшого молчания, он выдавливая, как приговор:

-- Я опять должен учиться?

-- Ну, -- я морщусь нос, -- учиться в качестве наказания -- дело бесполезное. Но ты совершенно точно больше не гуляешь один. Это ясно?

Мне кажется, он вздыхает с облегчением. Быстро кивает.

-- По-хорошему, надо было бы тебя посадить на виду у отца, и чтобы ни шагу без разрешения. Но я обещала, -- повышаю голос, заметив ужас в глазах подсудимого, -- что тебе не придётся с ним разговаривать. Поэтому будешь под наблюдением у меня. И без дела тоже не останешься, надо же направить твою энергию в мирное русло.

Выдержав паузу, я набираю Эцагану.

-- Зайди ко мне на минуточку, дело одно обсудить.

-- Я тут с капитаном занят, -- хихикает Эцаган.

-- Значит, вместе с ним зайди, он тоже захочет знать про Кировы художества.

Видимо, у Эцагана включена громкая связь, потому что я отчётливо слышу стон Азамата:

-- Ну что ещё-о-о?!

-- Иди-иди сюда, -- усмехаюсь. -- Узнаешь много интересного.

Через минуту они являются. Кир съёжился в своём кресле, как будто пытается врасти в спинку. Я в двух словах рассказываю о его подвиге.

-- Кир! -- восклицает Азамат с таким праведным гневом на лице, что хоть ещё один парадный портрет рисуй. -- Ты о чём думал вообще, хуже Лизы!

-- Э? -- удивляюсь я.

-- Я понимаю, она знающего отличить не может, но ты-то куда смотрел?! Он же мог тебя как угодно заморозить, балбес ты маленький! Ты себе вообще представляешь, что такое -- иметь во врагах знающего?!

-- Всё я отличил! -- возмущается Кир, временно обретя опору. -- Я прекрасно понимал, что он знающий, только мне на это плевать со скалы, на меня их сила не действует, хоть обколдуйся!

-- Это ты с чего такое решил? -- интересуется Эцаган, с ироничной улыбкой наблюдающий нашу семейную сцену.

-- С того! По опыту знаю! Что думаете, я со знающими не лаялся?

Азамат задумывается.

-- Ты серьёзно считаешь, что они тебе не угроза?

-- Серьёзно, -- мрачно подтверждает Кир. -- Пробовали, не выходит. Да спросите сами эту женщину, которая драку видела. Он

меня связать попытался, второго связал, а на мне верёвки рвутся. И не только верёвки, ничего на меня не работает.

-- Ты это после благословения Ирлик-хона проверял? -- уточняет Азамат.

-- Да причём тут ваш Ирлик-хон! -- отмахивается Кир. -- Это давно уже, с детства.

-- Вот как, -- Азамат потирает губу. -- Ну ладно, этот интересный феномен мы ещё проверим. Но, Кир, это никуда не годится, ты не можешь просто подходить на улице и бить людей...

-- Азамат, -- мягко прерываю я. -- Я с ним уже побеседовала на этические темы. Думаю, он хорошо понял, что именно сделал не так.

Кир яростно кивает.

-- Э-э, да? -- Азамат несколько теряется. -- Ну хорошо... И ты думаешь, он больше не будет?

-- Я думаю, что нашла себе телохранителя.

Эцаган прыскает со смеху. Кир округляет глаза.

Азамат смотрит на меня, как будто ждёт, что я усмехнусь или намекну, что это шутка. Не дожидается.

-- Лиза, ну ты же не всерьёз...

-- А почему нет? Многие из твоих первоклассных ребят могут избить знающего? А так и я смогу проконтролировать, чтобы он чего не натворил. Пускай делом занимается. Можешь ему выделить за это оклад. Кстати, Эцаган, как по закону с пострадавшим расходимся? Кто виноват?

-- Судя по вашему рассказу, он публично оскорбил жену Императора, за это полагается штраф, примерно равный по сумме штрафу за ущерб работоспособности... А вот лечение этого мужика капитану придётся оплатить. Я, конечно, пошлю следователя, пускай за Яной запишет показания, всё оформит...

-- За Авьясом тоже записать надо, он участвовал.

Эцаган морщится.

-- Да ну, он знающий, ещё наврёт чего-нибудь...

-- Он хотел за меня вступиться, -- замечает Кир.

-- Я думаю, он не питает нежных чувств к коллеге после того, как тот его пришил к стенке, -- говорю. -- Ну вот, Азамат, назначь Киру жалованье, пускай сам штраф выплачивает, авось крепче запомнит, почему людей бить нехорошо.

-- А вы не думаете, -- спрашивает Эцаган, -- что если он будет вашим телохранителем, то сможет с полным правом кому угодно рёбра ломать?

-- Я думаю, что он будет делать как велено, -- я перевожу выразительный взгляд на Кира, который пригибает голову. -- А если не будет, то создаст себе проблемы с работодателем, -- киваю на Азамата. Кир сглатывает.

Азамат некоторое время задумчиво тербит нижнюю губу, потом решительно кивает.

-- Хорошо. Я согласен, можно попробовать. Но, Кир, до первой оплошности. Если ты снова что-нибудь отколешь, придётся пересмотреть наказание на более суровое.

Кир мелко кивает. Я сладко потягиваюсь. Ну вот, по крайней мере, две проблемы слились в одну. Теперь мне придётся возиться с угрюмым подростком, но хотя бы Азамат будет спокоен и за меня, и за него. Не так уж плохо по нынешним временам.

После ухода государственных мужей Кир немного расслабляется и даже обретает объём, отличный от формы кресла.

-- Мы с Азаматом летим на разных унгуцах, ты со мной, -- сообщаю, вставая. -- Там будем шесть дней, погода тёплая. Когда соберёшь вещи, клади вон в тот угол к моим чемоданам, чтобы завтра слуги без вопросов всё погрузили.

-- Это и есть ваше желание? -- спрашивает Кир.

-- Про сумки? -- уточняю я удивлённо.

-- Нет, про... ну чтобы я вас охранял.

-- А, нет. Это твоё наказание. Трудотерапия, так сказать... хотя ты не знаешь, что это. Неважно.

-- Да ладно, какое это наказание, это ж легкотня, -- Кир пожимает одним плечом.

-- Это очень скучно и занимает весь день.

-- Драться не скучно, -- протестует Кир и прикусывает язык, осторожно поглядывая на меня.

-- О, я не сомневаюсь, что драться тебе очень весело. Но драться не придётся. Никто на меня не будет нападать, и даже гадостей в лицо никто не скажет.

-- А тогда зачем вам телохранитель? -- не понимает Кир.

-- На всякий случай. Чтобы Азамат за меня не волновался.

-- Понятно, -- Кир вздыхает.

-- Если тебя интересует моё желание, -- начинаю я, тут же вызывая его полное внимание, -- то оно заключается вот в чём. Обычно я работаю не одна, а с помощницей. Поскольку я сейчас официально в отпуске, помощницу я передала Яне. Но одной очень неудобно, а ты всё равно будешь везде со мной ходить. Вот и принесёшь пользу.

-- Так я ж не умею ничего! -- удивляется Кир.

-- Освоишься, -- отмахиваюсь. -- Пошли, покажу тебе инструменты. С аппаратами ты и сам разбираешься без особых проблем. Пошли-пошли, чего сидишь?

Я открываю все свои чемоданы и раскладываю по ковру лотки с содержимым; Кир смотрит на мои богатства круглыми глазами.

-- Я думал, у вас тут одежда с драгоценностями...

-- Дребедень я в деловые поездки не таскаю. Вот гляди, это называется скальпель, это пинцет, это зажим...

К тому времени как Азамат возвращается из офисной части в конце рабочего дня, Кир уже натренировался подавать по требованию нужный инструмент, надевать стерильный костюм и менять мне маску. Конечно, в ответственный момент может и напутать, но я сама начинала своё медицинское образование примерно в том же возрасте и вроде бы неплохо справлялась с такими заданиями, хотя для меня тогда это была просто игра. Киру же в приюте наверняка приходилось работать и пользоваться результатом своих трудов (вряд ли Гхан содержал их своим горбом), так что он, по идее, должен быть сознательнее.

-- Не могу сказать, что тебе идёт, -- изрекает Азамат, рассматривая Кира в мешковатом белом хирургическом костюме.

Кир корчит рожу, которая идёт ему ещё меньше.

-- Мы тут не ради красоты стараемся, -- говорю. -- Если ему придётся торчать со мной в операционной, должен знать, как соблюдать стерильность.

-- Логично, -- Азамат склоняет голову на бок и улыбается. Мне. Заговорщицки. И чего мне всё время кажется, что я могу что-то проверить тайком от него?

Муж тем временем достаёт из-за пазухи дилля замшевый мешочек и протягивает Киру.

-- Держи, завтра наденешь.

Кир озадаченно развязывает шнурок и вытряхивает на ладонь в резиновой перчатке большой кулон на толстой цепочке.

-- Что это? -- удивляется он.

-- Твой опознавательный знак, -- объясняет Азамат. -- Люди ведь не знают тебя в лицо, а вот по этому гербу сразу поймут, что перед ними князь. Только смотри не потеряй, это историческая реликвия, со смерти младшего брата Императора Аэды хранилась в Долхотском музее.

-- Это носил какой-то мёртвый человек? -- неуютно переспрашивает Кир.

-- Это носили несколько десятков ныне покойных младших князей за последние пятьсот лет, если я не ошибаюсь, -- сообщает Азамат. -- Так же как Императорский венец носили несколько десятков Императоров до меня. И то, и другое почистили прежде чем отдать нам, если тебя это интересует.

Кир задумчиво кивает, рассматривая герб. Я тоже вытягиваю шею поглазеть. Штуковина с мою ладонь размером, платиновая, с ажурными краями. В центре круг, покрытый выпуклым узором, пустоты в котором заполнены разноцветной эмалью. Посредине круга золотое дерево с малюсенькой кроной и огромной корневой системой.

-- А ему... -- косой взгляд на дверь детской, -- что-нибудь такое полагается? -- спрашивает Кир, покачивая кулон на ладони и наблюдая за бликами.

-- Да, но попозже, -- кивает Азамат. -- Когда ему исполнится три года. Пока что маловат носить. Кстати, как тебе, держать не тяжело?

-- Нет, -- пожимает плечами Кир.

-- Ну значит, всё в порядке, -- улыбается Азамат.

Я прикидываю вес платиновой хреновины такого размера да ещё с цепью и вспоминаю свой хом. Видимо, принцип тот же.

В деревне Акуля Пасть сейчас бабье лето, тепло, красиво. Располагается этот населённый пункт на треугольном мысу, окружённом рифами, как будто в зубах океана. Впрочем, смотреть на красоту мне долго не дали. Из унгуца мы вылезли прямо на главную площадь, где вусмерть перепуганный местный Старейшина (почему-то один, остальные исчезли) представил нас населению, Азамат сказал несколько тёплых, под стать погоде, слов, а я поулыбалась и

продемонстрировала Алэка. Практически сразу после этого ко мне выстроилась очередь из страждущих, а так же жаждущих благословения. Я быстро приставила Кира сортировать клиентов, а Тирбиша отправила организовывать мне помещение. Стою с Алэком в расшитом слинге с живописно драпированными концами, вся такая красивая, сверкаю хомом и благословляю одного за другим, потому что это можно делать и посреди улицы. Кир со сноровкой бывалого пастуха разводит население на две очереди, объясняя, что приём больных начнётся, как только будет где. В деревне живёт около ста человек -- больше, чем в среднем по Мудангу. К счастью, не все они страдают здоровьем, а вот благословения хотят, конечно, все. Однако, подозреваю, по ходу действия в окрестностях просекут, что тут происходит, и тогда съедутся соседи. В общем, мне предстоит шесть насыщенных рабочих дней.

Тирбиш возвращается и принимает у меня мелкого. Краем глаза замечаю, что на площади расставляют шатёр и стелют ковры, чтобы пациенты дожидались очереди сидя.

-- На сегодня благословения кончились! -- объявляю в прикрепленный на воротнике микрофон. Динамики торчат из окна унгуца. -- За следующей порцией приходите завтра!

Народ некоторое время ворчит и канючит, но потихоньку начинает расходиться. Кир материализуется рядом со мной, взмыленный, глаза на лбу.

-- Там некоторые стонут... У вас каждый раз так?

-- Это первый внезапный выезд, но в деревнях всегда очереди, потому что своего целителя нет, -- объясняю. -- Пошли посмотреть, кого нужно лечить немедленно. Тирбиш, ты можешь пока погулять.

На коврах человек сорок сидят друг на дружке. Сразу выбираю всех детей, особенно с заплаканными матерями и бледными перепуганными отцами, быстро оглядываю остальных -- вон тот от боли корчится, эта задыхается, там кто-то неясного пола лежит и не шевелится. Остальные вроде могут подождать. Устанавливаю очередность, посылаю Кира за чемоданами, сама скидываю украшения и парадный диль, оставшись в голубой больничной форме. Первого пациента вносят, работа пошла.

В первый день троих приходится оперировать на месте, пятерых отправляю на унгуцах в столицу -- требуются более сложные анализы,

чем я могу провести на месте, и стационар. К счастью, в шатёр почти сразу пробросили провод питания, так что со светом и приборами нет проблем. Однако в таком режиме я последний раз работала во время войны. Звучит-то как...

Кир со всё более и более офонаревшими глазами помогает, как может. Надо отдать ему должное, справляется хорошо для первого дня работы, хотя и непонимания случаются. Когда на счету каждая секунда, а он мне подаёт не тот инструмент, невозможно сдержаться и не рывкнуть, однако он, по-моему, не обижается: понимает, что тут не до реверансов. Держится он неплохо, крови не боится, от вида внутренностей и уродств в обморок не падает. Закалённый мальчик, что и говорить.

Отдых у нас образуется только на закате, когда с неотложными и с младенцами покончено. В середине дня, правда, были какие-то попытки со стороны местной администрации выкликнуть нас на обед, но я в этот момент резала, так что обед прошёл без нас. Вечером же является толстый молодой мужик, судя по одежде, крупный скотовладелец, и приглашает поужинать в единственном трактире. Там к нам присоединяются Тирбиш с Алэком. Мелкий спит, и я рада, хоть поесть можно спокойно. Едим молча. Кир, против обыкновения, ковыряется в плошке.

-- Мутит? -- спрашиваю. Он сегодня такого насмотрелся, что удивительно, как до сих пор в кусты не побежал.

-- Не. Жевать устал.

Мы с Тирбишем фыркаем.

-- Ну возьми супа. А то завтра опять весь день вкалывать, надо быть в форме.

Кир сонно кивает и добросовестно отправляет в рот ещё пару кусков копчёной рыбы.

Азамат присоединяется к нам уже на сладкое. Он выглядит довольным, видимо, местные порядки его устроили.

-- Ты чего, ездила на нём? -- спрашивает, кивая на Кира, клюющего носом над тарелкой с медовыми слоечками.

-- Да нет, только больных возила. Ну ещё баллоны с кислородом, холодильники с органами... ну ты знаешь.

Азамат на проверку стягивает у Кира с тарелки слоечку. Тот никак не реагирует.

-- Да-а, качественно. Может, не стоит так его гонять? Я могу тебе найти ещё помощников тут, -- предлагает Азамат.

-- Моя бабушка, -- отвечаю, стягивая у Кира вторую слоечку, -- любит поговорку: чтобы дрессировать щенка дога, надо его сначала утомить. От помощников я, впрочем, не отказываюсь, лишние руки никогда не лишние. Хотя завтра должно быть полегче, острых я пораскидала, остались амбулаторные и симулянты. Вот послезавтра небось с соседних деревень ещё острых подвезут, тогда снова аврал будет.

Азамат задумчиво кивает.

-- У меня наоборот завтра суд, это на весь день безвылазно, а послезавтра оценка ресурсов, гулять по лесам пойдём. Жалко, что так вышло, я хотел Кира взять...

-- Не отдам, -- отрезаю я. -- Он мне нужен под рукой. Я не могу менять помощников как перчатки, Азамат, тем более, что у них нулевая подготовка!

-- Хорошо-хорошо, -- улыбается муж. -- Мне, правда, казалось, что он тебе нужен в качестве телохранителя.

Я поспешно проглатываю откушенную слоечку.

-- Это тебе он нужен в качестве моего телохранителя! Я просто совмещаю неизбежное с полезным.

Азамат улыбается шире и пригибает голову к моему уху, хотя Кир уже совсем спит, уткнувшись лбом в край стола, и вряд ли что-нибудь слышит.

-- Ну как он справляется? Толк есть? Научился чему-нибудь?

-- Азамат! -- прыскаю я. -- Ну ты вопросы задаёшь! Он работал без продыху часов десять под мои вопли, выстоял три полостных операции и не грохнулся в обморок, это уже высшая рекомендация, я считаю. Чему он там мог научиться, орать?

-- Да так... -- пожимает плечами муж. -- Я просто подумал, ты же неспроста его к работе привлекла... Я решил, у тебя какие-то планы на него есть...

-- У меня есть планы, что Орива занята, а работать одна я не могу, это раз. Во-вторых, ребёнка надо держать под присмотром, и желательно при деле, чтобы некогда было думать о несправедливости мира. Ну и в-третьих, пускай посмотрит, чего стоит вылечить человека, авось в следующий раз не так поспешит кулаками махать.

-- Всё верно, -- вздыхает Азамат и бережно проводит рукой по длинным взлохмаченным волосам Кира.

-- Давай буди его, пускай идёт в комнату, а то так и продрыхнет тут до утра.

-- Жалко будить, -- Азамат поднимает брови домиком. -- Может, я его отнесу?

-- Ага, а он потом со стыда удавится.

-- Тоже верно, -- вздыхает муж. -- Кир! Кир, малыш, проснись! Ки-ир!

Ребёнок поднимает мутны очи на нас и уверенно сообщает:

-- Кляп -- лучшее средство от геморроя.

-- Относи! -- резюмирую я. -- Он уже готов.

-- Да уж, -- фыркает Азамат и сгребает Кира со стула, только ботинки свисают, а с другой стороны спутанный хвостик.

Второй день, как я и предсказывала, выдаётся поспокойнее. После завтрака я целый час благословляю, потом мы с Киром снова водворяемся в шатёр и возобновляем работу в спокойном поликлиническом темпе. Нам выделяют двух довольно бестолковых местных ребят, которые со второго раза хорошо понимают, что куда поставить и каким боком повернуть. У сегодняшних пациентов почти ни у кого ничего не болит, так что они благодущны и даже отпускают нас пообедать. Представление о ценности времени в муданжской деревне очень неразвиты -- ну час, ну два, ну день... завтра-то примите? Так что сегодня я сама кормлю Алэка. Мелкому скучно целый день у Тирбиша на руках сидеть, а поползать тут можно разве что на покрывале на траве. Ни манежика, ни ковров... Маму-то хотя бы иногда можно подёргать за косы. Волосы у меня отросли -- недостаточно, чтобы в одну косу сплести, а две мне как-то не по возрасту и не по рангу, поэтому плету четыре, к вящему уважению в народе.

Помнится, после войны, в начале лета, пока я ещё не ушла в декрет, я некоторое время бегала по потолку с воплями, что, мол, эти муданжцы лечиться идут только когда уже в гроб класть пора, да и то не все, особенно мужчины. Теперь же замечаю, что приходят и на ранних стадиях, и вовсе почти здоровые -- тот палец порезал, у этого в горле першит. А уж на форум сколько таких пишет... Видимо, возможность контакта с Хотон-хон -- это достаточно мощная

мотивация, чтобы забыть о гордости. Что ж, я не внакладе, но двоих симулянтов выгоняю с позором и без благословения, чтоб неповадно было.

Сегодня у Кира остаются силы после работы осмыслить события дня, и когда мы топаем к трактиру на заслуженный отдых, он тихо замечает:

-- Я раньше думал, что богатые люди вообще не работают. А Император -- так и с постели не встаёт.

-- Разочарован? -- усмехаюсь.

Он задумывается.

-- Наверное, нет, -- говорит нерешительно. -- Так честнее получается. И часто вы... мы... так будем?..

-- Вроде как планировалась раз в два месяца на четыре дня. Но это выезды, а так-то я зимой, наверное, и в остальное время работать начну, хотя и не в таком бешеном режиме.

-- И вам уже не нужен будет помощник?

Я кошусь на Кира, но он увлечён гравием под ногами.

-- Нужен, а как же, я ведь не отращу ещё две руки.

-- М-м, -- глубокомысленно замечает Кир и оставляет разговор.

За ужином он садится подальше от Азамата и старательно не поднимает глаз от тарелки, но мой дорогой супруг сегодня упластался так, что его самого впору нести в кровать, даже не замечает ничего.

Ещё день проходит в ударном ритме, унгуцы только и мотаются в столицу и обратно, отвозя больных в стационар. К счастью, Дом Целителей довольно вместительный, проблем быть не должно.

Вечером мы приплетаемся в трактир, он же постоянный двор, и обнаруживаем там сердитого и хмурого Азамата.

-- Ты вроде сегодня гулять собирался, -- удивляюсь. -- Сорвалось?

-- Да нет, но я ж не просто так гулял, а смотрел, на что годятся местные природные ресурсы, -- объясняет муж. -- Только вот ответственный по ресурсам сильно подкачал. Горазд разглагольствовать, а по делу ничего сказать не может. Я бы понял, если бы ему нужна была экспертиза или какие-нибудь исследования, всё-таки дело сложное. Но он даже не додумался таким образом снять с себя ответственность, просто нёс ахинею, даже мне было очевидно, что это чушь, а я ведь в ресурсах полный дилетант. И ладно бы он мог

мне объяснить или доказать, почему его не смущают низкие показатели, я же знаю, что ничего не знаю, может, и поверил бы. Но он двух слов связать не может! Совсем пустое место. Весь день шакалу под хвост из-за этого болвана, ужасно обидно.

-- А другого у тебя нету? -- интересуюсь, делаясь с Алэком подливкой. -- Время-то ещё есть, не завтра уезжаем.

-- В том-то и дело, что нету, -- вздыхает Азамат. -- Лесоведы ещё худо-бедно есть, а вот по степям совсем никого. Уж очень это дело взяточное, кого попало не наймёшь, -- он качает головой и отмахивается, переводя тему. -- У вас как успехи?

-- Кир сегодня просто герой, -- скалюсь я. -- Руки у него твёрдые и глаз зоркий. В такие вены попадает, что не всякому врачу с лицензией удалось бы.

Азамат нацепляет свою излюбленную вежливую улыбку непонимания -- ему никогда не приходилось попадать в вину, так что он концентрируется на понятном:

-- Твёрдые руки -- это отлично! Может, ювелир из тебя получится, а? -- подмигивает Киру. -- Я знаю нескольких отличных ювелиров, к которым ты мог бы пойти в подмастерья...

Кир смотрит в стол, пожимает плечами и так и остаётся сидеть, скукожившись.

-- Пока что у него другая работа, -- напоминаю.

-- Это да, -- кивает Азамат. -- Кстати. Кир, ты как, не очень устал?

Кир, который только что был занят подавлением зевоты, вскидывается

-- Ничего я не устал! -- заявляет он с вызовом.

-- Отлично, -- Азамат достаёт рабочий планшет. -- Мне тут прислали из Канцелярии договор на тебя, там четыре страницы, да ещё должностная инструкция. Надо бы тебе это всё посмотреть и подписать, только вот я не знаю, как быть, ты же у нас не читающий...

-- Я не тупой, -- мрачно сообщает Кир. -- Что вы думаете, я четыре странички не осилю?

Я бы предпочла, чтобы он смотрел на мир позитивнее, но в целом согласна: после тех томов, томин и томищ, что он одолел в качестве домашнего чтения, четыре страницы -- это пфух! Видимо, Азамат побоялся, что он заупрямится, и решил взять на слабо. Зря

только он с этим сегодня, можно было бы и подождать, а то сейчас ребёнок полночи просидит за разбором канцелярщины, да и лучше бы ему нормально объяснить, что значит каждый пункт.

Кир решительно вонзает взгляд в экран планшета и с наскока одолевает полстраницы. Потом постепенно сила воли убывает, а скука и усталость берут своё. Он начинает шевелить губами, прочитывать одну строчку по нескольку раз, отвлекаться на гульканье Алэка, которому не очень нравится эта партия детского питания, но другого у нас с собой нет.

Азамат обходит стол и подсаживается ко мне.

-- Давай я его покормлю.

Я передаю ему резиновую ложку. Алэк морщит нос, гундосит и машет руками. Азамат тоже с отвращением рассматривает этот инструмент.

-- Верно говоришь, это никуда не годится. Я тебе сейчас настоящую ложку дам, как большому, вот гляди, -- Азамат берёт свою десертную ложку из голубого сирийского фарфора. -- Вот этой ложкой намного вкуснее. Ну-ка, что там у тебя...

Азамат показательно пробует пюре и всячески изображает, какое оно вкусное. Я покатываюсь со смеху, Кир тоже похрюкивает, забыв про свой договор. Алэк радуется и тянет лапки.

-- Вот то-то же, -- резюмирует Азамат. -- А ну-ка...

Мелкий с энтузиазмом открывает рот. Процесс пошёл.

Чтобы Алэк не забывал, почему это надо есть, Азамат несколько раз повторяет номер, в итоге они съедают банку пополам, но я Алэку больше и не собиралась давать. Теперь надо молочка, чтоб лучше спалось. Удаляюсь наверх, в наш номер, а то муданжцы уж очень неадекватно реагируют на кормящую мать в людном месте.

Я возвращаюсь в ад. Кир пролетает вверх по лестнице мимо меня со свистом, Азамат застыл внизу с болезненным выражением на лице.

-- На полчаса нельзя оставить вдвоём! -- всплёскиваю руками я. -- Что у вас опять произошло?

-- Я попытался объяснить ему важные моменты в договоре... -- озадаченно произносит Азамат. -- Не знаю, Лиза, что с ним такое? Стоит мне с ним заговорить, я прямо вижу, как в нём собирается

ярость. Он просто бесится от самых обычных вопросов. Я уж не вытерпел, говорю, ты что, так меня ненавидишь? Ну и он сбежал.

Азамат вздыхает и качает головой.

-- Нашёл, что сказать, -- кривлюсь я. -- Вот ведь странно, ты говоришь, ты с младенцами никогда не имел дела, однако с Алэком справляешься лучше меня. С Киром-то, по идее, тебе должно быть проще, небось Алтонгирел в его возрасте был не лучше?

Азамат задумывается.

-- Пожалуй, лучше, -- говорит он наконец. -- Алтонгирел мне доверял. И... ну, любил меня, старался угодить. А Кир меня просто не выносит. Я уж пытаюсь, как Унгуц учил, понять и услышать, но толку никакого. Наверное, всё дело в том, что я ему неприятен сам по себе...

-- Да ладно, -- одёргиваю. -- Поначалу-то ничего такого не было. Мне кажется, он себе придумал какую-то пугалку, а в чём суть -- не признаётся. Но он очень боится, что ты захочешь поговорить с ним по душам.

-- Я заметил, -- кивает Азамат. -- И, как я понял, ты это поддерживаешь.

Смотрит на меня искоса, примериваясь, я уже враг народа или ещё нет. Беру его за руку для убедительности.

-- Мне просто кажется, что пока мы не поймём, чего именно он боится, лучше не давить, иначе он совсем замкнётся в себе.

Азамат задумчиво кивает.

-- Иногда мне так хочется стать бесчувственным, -- признаётся он. -- Чтобы меня не волновало, как он на меня смотрит и что при этом думает. Вот за это отец меня и не любил, что вечно замечаю всякие мелочи, а потом извожусь вместо того, чтобы спокойно идти своим путём.

-- Зато я тебя за это люблю, -- подмигиваю. -- Достойная замена?

Азамат обнимает меня и целует с нерастраченной нежностью, изрядная часть которой предназначается для Кира, но не имеет выхода, и болезненно подпирает, как избыток молока.

Глава 19

Упомянутый к ночи Алтонгирел поджидает нас в столице. Экдал честно выполняет требования жены и прилетает домой раз в месяц, привозя всю команду. Собственно, о появлении Алтоши я узнаю первой: он звонит мне на домофон от дверей. Я в это время лечу над

бескрайней степью с одной только мыслью о душе, мочалке и бактерицидном мыле.

-- А чего, Эцаган тебя впустить не мог? -- усмехаюсь, открывая чёрный ход.

-- Он занят и не жаждет спускаться через весь дворец, -- цедит духовник, придерживая дверь, чтобы не захлопнулась. Чувствую, настроение у него уже заранее отличное.

-- Ладно, ты там можешь у Азамата в кабинете расположиться, а то мы приедем из деревни, мыться будем и вообще...

-- Так ты не дома? -- удивляется Алтоша. -- Вот шакалы, прилетаю раз в месяц на два дня, так никто даже не ждёт!

На этом он захлопывает входную дверь, и наш разговор завершается.

Дома мы с Киrom оказываемся вперёд Азамата, который с Алэком заруливает к Старейшинам, они иногда требуют предъявить князя, убедиться, что он здоров. Алтонгирел ожидает нас в гостиной, удобно устроившись в моём любимом кресле в обнимку с моим же планшетом. Вот она цена того, что я не ставлю пароли. Мало ему экранов на стене и на журнальном столике!

Кир доплетается до двери в свою комнату и замирает на пороге. Мне даже кажется, что у него уши встали торчком. Он так красноречиво пригибает голову, что у меня закрадывается подозрение.

-- Алтош, ты что, к Киру в комнату заходил?

Кир оборачивается на месте и выжидательно уставляется на духовника. Тот неторопливо гасит планшет и откладывает его в сторону.

-- Заходил, -- кивает он.

-- Какого шакала? -- растерянно развожу руками я.

Вот ещё только не хватало создавать Киру дополнительные поводы нам не доверять.

-- Убедиться, что он не собирает по ночам водородную бомбу, -- раздражённо вздыхает Алтонгирел. -- Ну что ты как маленькая? Я все ваши комнаты осмотрел, потому что вы, судя по слухам, последнее время постоянно общаетесь со знающими, мало ли, что на вас нашлют, пока вы в отъезде!

-- А, так Эцаган всё-таки снизошёл с тобой потолковать. Что ж, спасибо за заботу, но неплохо было бы хотя бы предупреждать, не

говоря уж о том, чтобы спрашивать разрешения.

Краем глаза замечаю, что Кир немного расслабляется, а то я уже начинала побаиваться, что сейчас он и Алтоше сотрясение мозга организует. Я по-прежнему не большой фанат Алтонгирела, но уже не пылаю к нему такой ненавистью, чтобы радоваться этой перспективе.

Алтонгирел в ответ отмахивается и что-то бубнит про богами обиженных инопланетянок, которые не понимают важности духовников в мироустройстве. Получит подножку, как только представится удобный случай, а пока у меня дела.

-- Кир! -- окликаю, потому что ребёнок уже скрылся в комнате. -
- Хватай чистую одежду -- и мыться, да как следует, а то Тирбиша помогать позову!

Ребёнок послушно, даром что нехотя, собирается и клацает дверью душевой. Я следую его примеру, благо душевая своя при каждой спальне.

Выхожу, распаренная и довольная, в топике, лосинах и босиком. У нас такие ковры, что по ним грех даже в носках ходить. Алтоша смотрит на меня неодобрительно.

-- Ты знаешь, мальчишка не такой уж и маленький, -- многозначительно сообщает мне.

-- Мне что-то подсказывает, что у князя, да ещё с такой внешностью, не будет проблем с девушками, а я старовата чуток.

-- Я бы предпочёл с ним побеседовать об этом, а потом уже судить, -- морщится Алтоша.

Будь это кто другой, я бы, может, и прислушалась, но за Алтонгирелом водится считать женское тело верхом неприличия, а за Киром я пока что не замечала никаких признаков волнения по моему поводу. За шесть дней плотного сотрудничества он ни разу не покраснел и не смутился, и от работы его моя близость не отвлекала. При том, что он неубедительно врёт и совершенно не может подавлять сильные эмоции, я не вижу поводов для беспокойства.

-- Если тебе удастся с ним хоть о чём-нибудь поговорить, я буду тебе очень признательна, -- замечаю я с улыбкой и приподнятой бровью.

В коридоре слышно радостное гулъканье, и дверь открывается, чтобы впустить Азамата с Алэком на руках. Мелкий бодр и весел,

вертится и шлёпает ладошками по Азаматовой кожаной куртке, радуясь звонкому звуку.

-- А вот и мы, -- сообщает муж, широко улыбаясь. -- О, Алтонгирел! Как хорошо, что ты здесь! Ты не мог бы взглянуть на Кира? Он говорит, что на него не действуют чары знающих, надо бы узнать, действительно ли это так.

Алтонгирел кривится.

-- Ты мог бы развить тему о том, как ты рад меня видеть, -- недовольно произносит он. -- У меня начинает закрадываться подозрение, что никто не замечает моего отсутствия на планете.

-- Кто тебя с утра обидел? -- в шутку хмурится Азамат, приземляясь на диван напротив Алтоши. -- Экдал -- плохой капитан?

-- По сравнению с тобой все плохие, -- нехотя признаётся духовник. -- Все, кто был в твоей команде, теперь жалуются и подумывают свалить из профессии. Или хотя бы свою команду создать... некоторые свыклись, Ахамба, например, он ведь с разными капитанами летал, кто получше, кто похуже. А я только с тобой, и Экдал -- даже близко не стоял. Не знаю, -- вздыхает, -- мне кажется, до сорока я не выдержу. Придётся осесть где-нибудь, на Гарнете или тут в глуши...

Азамат хмурится уже всерьёз.

-- Ты говорил об этом с Ажгдийдимидином? Он ведь теперь твой Наставник, я правильно понимаю?

-- Вот именно, что я говорил, -- цедит Алтоша. -- Я даже не уверен, что он слушал. Черкнул мне записку, чтобы я не шпорил коня, очень содержательно! Можно подумать, я не духовник, а какой-то недалёкий фермер из его опеки!

-- Ты духовник, и очень хороший, -- успокаивает его Азамат. -- Старейшина, может быть, по-прежнему сердится на меня, и на тебя это переносит, все же знают, что ты мой друг. Не злись на него, лучше взгляни на Кира, Ажгдийдимидин-то не станет с ним возиться...

-- Ну давай взгляну, -- соглашается Алтонгирел, как будто делает невероятное одолжение. -- Чего, говоришь, он там возомнил? Знающие ему не угроза?

-- У него есть основания так считать, -- вступаюсь я. -- Тот знающий у Дома Целителей не смог его связать, хотя Авьяса смог.

Алтонгирел щурится на меня.

-- Авьяса? Ты их уже по именам выучила? Кошмарная женщина, -- он качает головой, потом резко вдыхает и выкрикивает на весь дом: - Кир!!! Иди сюда немедленно!!!

Проходит некоторое время прежде чем Кир высовывает нос из комнаты и, заметив Азамата, выходит весь.

Алтоша смотрит на него так, как будто у парня выросли рога и щупальцы.

-- Нормально... -- наконец выдавливают он в полной растерянности. Алтоша в растерянности -- нечастое зрелище, и я очень жалею, что под рукой нет ничего с камерой.

-- Что тебя смущает? -- сдвигает брови Азамат.

-- Я, вообще-то, в прошлом месяце научился повелевать, -- отвечает Алтонгирел, рассматривая Кира с долей чего-то вроде опасливого уважения. -- Конечно, до Ажгдийдимидина мне ещё далеко, и орать приходится, и не любого могу заставить подчиняться, но этот твой парень как будто вообще ничего не чувствует.

-- А я ничего и не чувствую, -- заносчиво перебивает Кир. -- Что знающие, что духовники, по мне -- одна байда.

Алтонгирел щурится, намереваясь ответить пакостью на дерзость, но Азамат успеваает первым:

-- Кир, Алтонгирел -- не просто духовник, он ещё и мой друг. Будь добр, разговаривай с ним вежливо.

Его прохладный тон резко осаждаёт Кира, тот даже бормочет что-то, отдалённо напоминающее извинение.

У Алтонгирела любопытство всё-таки пересиливает желание самоутвердиться, так что он расплетает ноги, воздвигается из кресла и подходит к Киру поближе.

Кир втягивает голову в плечи и напрягается, готовый в любой момент сдрызнуть отсюда.

-- Не бойся, -- начинает Азамат. -- Он ничего плохого...

-- Я не боюсь!!! -- рявкает Кир и решительно скрещивает руки на груди.

Я по возможности незаметно пинаю Азамата босой ногой. Мог бы уже выучить, что этот ребёнок больше всего на свете боится показать, что он боится.

Алтоша достаёт из-за пазухи дилля свой жезл и помахивает им со всех сторон от Кира, нашёптывая что-то себе под нос, потом переходит

к тихому пению, чертя в воздухе знаки. Кир корчит рожи и всячески изображает, как ему скучно и безразлично происходящее.

Наконец Алтонгирел отступает, осматривая Кира, как на редкость неприятное и не поддающееся очевидному лечению вирусное заболевание.

-- Ну что? -- не выдерживает Азамат.

-- Он окутан молитвой, -- сообщает Алтонгирел. -- Это не благословение богов, а именно человеческая молитва. Но очень сильная. Я мог бы сплести такую за несколько месяцев, выдерживая строгий моцог и имея в распоряжении определённые амулеты. Примерно дважды столько усилий мне понадобится, чтобы распутать и снять с него эту молитву.

-- Зачем? -- удивляюсь я. -- Ему что, от неё плохо?

Алтонгирел медленно оборачивается и меряет меня уничижительным взглядом.

-- Я не сказал, что собираюсь это делать. Ему не плохо, ему очень даже хорошо. Пока его защищает эта молитва, даже Ажгдийдимидин вряд ли сможет им повелевать, не говоря уж обо всяких оборванцах.

Кир ухмыляется, и на лице у него написано: "Я же говорил!".

-- Ты думаешь, это мог быть Интгилиг? -- задумчиво спрашивает Азамат.

-- Ну щас! -- фыркает Кир. -- Он меня всю жизнь ненавидел, а я его! Стал бы он стараться!

Алтонгирел задумывается и ещё немного звенит жезлом по обеим сторонам от головы Кира.

-- Мне сомнительно, -- наконец медленно произносит он, -- что это был духовник. Но и на знающего тоже непохоже.

-- Может, всё-таки, бог? -- предполагает Азамат. -- пусть не Ирлик-хон, но...

-- Да нет, что ты, какой бог! -- морщится духовник. -- Говорю тебе, че-ло-век. Не знаю, может быть, ученик... Ученические молитвы иногда очень странные. Но честно говоря, хотел бы я себе такого ученика когда-нибудь.

Кир бросает на духовника быстрый непонятный взгляд и тут же снова изображает безразличие.

-- Ты сам-то не знаешь, кто ради тебя так расстарался? -- спрашиваю.

Кир неопределённо пожимает плечами.

Алтонгирел ещё пару секунд озадаченно его рассматривает, потом стряхивает задумчивость и убирает жезл.

-- Ну а теперь пойдём побеседуем, -- решительно предлагает он, указывая ладонью на Кирову комнату.

Ребёнок косится на нас. Не знаю, что выражает моё лицо, а вот Азамат ободрительно улыбается.

-- Давай-давай, надо иногда разговаривать с духовником, пусть ты и не в его опеке.

Кир обречённо сутулится и топает в свою комнату, а за ним по пятам Алтонгирел, всем своим видом выражающий, что проблемы только начинаются.

Азамат вызывает на журнальном столике игру для деток младшего возраста, запускает на столик Алэка, поднимает бортики и радостно перебрасывается с мелким бегущими по поверхности разноцветными щенятами. Алэк пищит и лупит ладошками, отправляя щенят обратно к Азамату. Я присоединяюсь: посылаю из другого угла стола радужных божьих коровок.

Духовник выходит от Кира минут через десять с выражением удовлетворения на лице.

-- Ну что? -- тут же вскидывается Азамат. -- Он что-нибудь тебе сказал?

-- Почти ничего, но я и не ожидал большего, -- с видом знатока отвечает Алтонгирел, потом отвлекается на щенят, уж больно они дивные.

-- Так как ты считаешь, есть надежда, что он образумится? -- не унимается Азамат.

Духовник пожимает плечами.

-- Надежда есть всегда. Но в ближайшее время я бы на твоём месте чудес не ждал. Он завернут в восемь слоёв брони, в таком виде очень трудно двигаться.

-- Это ты про молитву?

-- И про молитву тоже, -- отрешённо произносит Алтонгирел и быстрым движением руки зажимает щенка в углу стола, видимо, в надежде рассмотреть. Не тут-то было, нарисованный зверь вертится в

поисках выхода ещё быстрее, чем когда просто бегают. Зато Алэк очень возмущается, подползает и дёргает Алтонгирела за руку, мол, отпусти. Щенок выскакивает и несётся к дальнему концу стола.

-- Он не любит, когда их ловят, -- поясняет Азамат. -- Ему нравится, чтоб бегали.

Алтонгирел неожиданно приветливо улыбается мелкому.

-- Князь растёт, -- одобряет. -- В тебя будет.

-- Этот-то да, а вот старший в кого... -- вздыхает Азамат.

-- Тоже в тебя, -- успокаивает его Алтоша. -- Погоди, увидишь.

Азамат подаётся вперёд, глаза так и светятся надеждой.

-- Слушай, ну хоть посоветуй мне что-нибудь, как с ним быть?

Алтонгирел глубоко вздыхает и поворачивается, чтобы смотреть Азамату в глаза.

-- Я скажу, но ты же всё равно не станешь.

-- Ну?!

-- Если хочешь, чтобы он с тобой нормально общался, ты должен быть по отношению к нему жестоким эгоистом.

Азамат откачивается обратно.

-- Как так? Ты что, разве я могу...

-- Вот потому я и говорю, что ты не станешь. Значит, жди в сторонке.

-- Погоди, Алтонгирел, -- встречаю я. -- Почему ты считаешь, что Киру можно помочь жестокостью? Это какой-то странный подход.

-- Я не сказал "помочь". Я сказал, что общаться с ним сейчас можно только так.

-- Но ведь Лиза с ним как-то общается, -- не понимает Азамат.

-- Так и общается: эгоистично и жестоко, -- доходчиво поясняет Алтоша.

-- Э! Минуточку! -- одёргиваю его я. -- С чего ты взял? Я ему ничего плохого не сделала. Это он тебе такое про меня сказал?

-- Ничего такого он мне не сказал, -- слегка раздражается Алтоша. -- И я не имею в виду, что ты его бьёшь или сажаешь на цепь. Ты приходишь и говоришь: "А ну марш работать, мне вторые руки нужны. Не тупи, это не тот инструмент. Быстро съел, пошёл мыться и спать". Он понимает, что тебе от него что-то нужно, и это безопасно. И если он ошибается, то получает взбучку. Всё как у людей. А вот когда

что-то делают ради него -- вот это совершенно непонятно и страшно. Потому я и говорю, что с ним надо жестоко.

-- Но... -- жалобно скрипит Азамат. -- Что же делать... Не может же его жизнь состоять только из приказов? Надо ведь как-то ему объяснить, что мы его любим... Может быть, если бы я нашёл правильные слова, и поговорил с ним...

-- Забудь, -- перебивает духовник. -- Даже не пытайся с ним "поговорить", ты его только больше запугаешь своими нежностями. Если не можешь быть эгоистом, то не подходи к нему вообще. Жди. Это не навсегда. Время или случай, что-нибудь его образумит. Только не твои разговоры.

-- Сначала он таким не был... -- цепляется за последнюю соломинку Азамат.

Алёку надоедают щенята с божьими коровками, и он просится к папе на ручки. Азамат берёт его и покачивает на коленке.

-- Был, только боялся это показать, -- пожимает плечами Алтонгирел.

-- В принципе, -- замечаю, -- я вижу логику в том, что ты говоришь. Но я слишком хорошо помню, как ты можешь всё неправильно понять.

Духовник сверкает на меня глазами.

-- Одно дело -- неправильно понять инопланетную женщину. Совсем другое -- паренька из приюта. Поверь, Лиза, я очень хорошо знаю, что творится у него в голове. Я всё ещё хорошо помню, что творилось в моей собственной голове в этом возрасте.

Азамат мрачнеет.

-- Я надеюсь, он не пойдёт по твоим стопам.

Алтоша кривится.

-- В смысле, не станет духовником? -- удивляюсь я. Впервые слышу, что Азамат что-то против этого имеет.

-- Нет, я имею в виду выбор учителей, -- поясняет Азамат, но по глазам видно, что мыслями он где-то далеко.

Алтонгирел явно напрягается, но сдерживает возражения.

-- Ещё и поэтому я тебе советую быть с ним посуровее, чтобы не позволить ему совершить ту же... ошибку.

Азамат резко возвращается в реальность и удивлённо и насторожённо смотрит на Алтошу. Тот отворачивается и встаёт.

-- Пойду. Эцаган, наверное, уже дома. Счастливо оставаться.
И строевым шагом покидает нашу гостиную.

-- Что это было? -- моргаю я.

-- Да так, -- Азамат несколько расслабляется и гладит Алэка по голове. -- Воспоминания детства.

Кир выходит к ужину, спокойный и не растревоженный разговором с духовником. Ни дать, ни взять, Алтоша чему-то учится у своего психоаналитика. Ест Кир тоже нормально, без обжирательства, но и не ковыряется в тарелке. Хороший подростковый аппетит. Молчит, но не напряжённо, скорее просто думает о своём. Наблюдает, как Азамат кормит Алэка с ложечки.

После того, как приносят сладкое, Кир начинает странно поглядывать на меня. Я делаю вид, что не замечаю, пускай набирается смелости, а то ещё спугну.

-- М-м, Лиза-хон? -- наконец выдавливают Кир.

-- Аюшки? -- киваю ему.

-- Вы сегодня куда-нибудь из дому пойдёте?

Я задумываюсь. Вроде никто меня никуда не звал. Дом Целителей, конечно, битком набит присланными с выезда больными, но, судя по Янкиным докладам, все стабильны и никакого аврала нет, так что я сегодня могу отдыхать с полным правом.

-- Нет, наверное, -- пожимаю плечами. -- А что?

Азамат косится на Кира хитрым взглядом, но молчит.

-- Ну... просто... в договоре написано, что дома вас охранять не надо, -- объясняет Кир. -- Вот я и подумал... Можно я немножко с Филином погуляю? Хоть чуть-чуть? -- он жалобно заглядывает мне в глаза. -- Пожа-алуйста?

Я переглядываюсь с Азаматом. Тот уже готов всё позволить.

-- Вообще-то, нельзя, -- говорю. -- Потому что ты, если помнишь, наказан.

Кир сдувается так резко, что чуть не попадает носом во фруктовый салат.

-- Но, -- продолжаю я, -- собаку твою мне жалко. И на выезде вёл ты себя хорошо. Так что так и быть, часок можешь погулять. Час. Понятно? Не больше.

-- Спасибо! -- быстро улыбается Кир и берёт низкий старт прямо из-за стола, пока я не передумала.

Азамат качает головой ему вслед.

-- Алтонгирел прав, я так не могу. Когда он просит -- я бы разрешил всё на свете.

-- Из этого бы не вышло ничего хорошего, -- пожимаю плечами.
-- Собственно, уже и не вышло.

-- Знаю, -- вздыхает Азамат. -- Знаю...

Азамат укладывает Алэка спать, а я устраиваюсь с образовательной передачкой про трудных подростков и рамкой для гобелена. Решаю сплести ещё один, повесить на Доле. Если Ирлик говорит, что нам подложил свинью Учок, почему бы не попытаться его задобрить? Он у нас бог дождя и урожая, созидательное начало, хоть и с вредным характером. Тэк-с, какие у нас узоры к нему подходят?...

Кир возвращается за пять минут до назначенного срока, довольный и покрасневшийся на холоде. Видать, побегал как следует.

-- Ну как твой пёс? -- спрашивает Азамат, закрыв дверь в детскую. Несмотря на совет Алтонгирела он всё-таки не может сдержаться и не попытаться завести разговор.

-- Растолстел, -- честно отвечает Кир. -- Тут кормят ого-го.

-- Да уж, не то что в приюте, -- усмехается Азамат. -- Я вообще удивляюсь, как Гхан тебе позволил держать собаку. В том приюте, куда попал Алтонгирел, никому никакого зверья не разрешали.

-- Он был в приюте? -- удивляется Кир. И тут же добавляет логичный вывод: -- Он что, внебрачный?

-- Был, но нет, он сирота, -- объясняет Азамат.

-- А-а, -- слегка разочарованно говорит Кир. -- Ну, сиротой-то быть хорошо...

Я поначалу даже не придаю значения его словам: ясно же, что он имеет в виду разное отношение в обществе к сиротам и безродным. А вот Азамат со свойственной ему заниженной самооценкой, понимает всё иначе. Спадает с лица и, бросив что-то про горы работы, в два шага исчезает за дверью, я даже сказать ничего не успеваю. Только через пару секунд после его ухода я наконец осознаю, на что он обиделся.

-- Ки-и-ир! -- взываю я. -- Ну думай же ты, что говоришь!

-- А что я сказал? -- моргает Кир.

-- Что сиротой быть хорошо!

-- Ну так правда же... -- начинает Кир, но осекается. -- Ой. Да я не о том... ой.

-- Ты-то не о том, а он о том! -- нетерпеливо вздыхаю я, складывая своё рукоделие и оглядываясь в поисках тапок. Надо бежать за Азаматом, вправлять ему мозги. -- Вот только расслабься на секунду, и всё опять летит к шакалам, что ж за жизнь-то такая...

Бормоча в таком духе, ухажу искать Азамата в офисной части. Он обнаруживается в кабинете, остервенело барабанил по клавишам, как в день нашей первой свадьбы.

-- Он не то имел в виду, -- начинаю я с порога ныть. -- Он хотел сказать, что Алтонгирела не презирают из-за...

-- Да я уже понял, -- кивает Азамат, откидываясь на спинку кресла. -- Но это ничего не меняет.

-- Как это ничего? -- возмущаюсь я. -- Ты сам-то веди себя, как взрослый! ну сморозил человек глупость, ты так и будешь обижаться, что ли?

-- Я не обижаюсь, -- печально мотает головой муж. -- Просто Алтонгирел прав: мне лучше оставить Кира в покое.

Я подхожу к нему сзади и обнимаю за шею через спинку кресла. В принципе, может, Алтонгирел и прав. Только это совершенно не решает проблемы.

На рабочем столе у Азамата картинка: я сижу за столом и прицеливаюсь овощным пюре в Алэка, который удобно расположился у меня на руках, справа сонный Кир завис над тарелкой. Это, видимо, с выезда, я и не заметила, когда Азамат нас щёлкнул.

-- Тебя советники не убили ещё за нашу фотку? -- усмехаюсь.

-- У меня в веб-камере распознаватель лица, -- объясняет Азамат. -- Если кто чужой заглянет, там будет горный пейзаж.

Кир исправно следует должностной инструкции: ходит за мной хвостом и внимательно следит за окружающим миром. Только с утра, пока я сплю, и вечером, когда я уже никуда не собираюсь, он отлучается погулять со своей собакой на часок-другой.

Азамат твёрдо решил не пытаться устанавливать контакт заново, а вместо этого проводит всё свободное время с Алэком, и мне уже кажется, что это тоже плохая идея, потому что Кир всё чаще посматривает на мелкого с завистью, чего за ним раньше не водилось.

Сегодня утром в столице выпал первый снег -- сигнал, что до зимы всего месяц. Азамат за завтраком неотрывно смотрел в окно и скрипел зубами, что у него сегодня судный день, а то бы всё отменил и

пошёл гулять под снегом. После его ухода я седлаю Пудинга и волоку детей на базар прикупить мехов на зиму. Кир едет на казённом коне, с которым не очень ладит, но старается не подавать виду, а то вдруг я решу, что он плохой наездник.

На базаре только ленивый не хочет на Кира надеть что-нибудь своё. Правильно, князь ведь, такая реклама! Да ещё красивый. Кир, в отличие от Азамата, внимание к себе воспринимает хорошо, меряет одну шубу за другой и вертится перед зеркалом, как и положено нормальному мударжскому самцу. Пока все продавцы выпрыгивают вокруг Кира, мне удаётся приобрести для Алэка кое-чего попрacticalнее, а то наследника всегда норовят разрядить в драгметаллы и так, чтобы не шевельнулся. Между тем, мударжцы делают отличные прогулочные спальные мешки с рукавами, в них можно при желании и поползать, и папу обнять, а Алэк у нас большой любитель и того, и другого, а всякие излишества с одежды старательно ликвидирует. Видать, в меня. Кир же, наоборот, положил глаз на дублёнку, расшитую чем-то блестящим.

-- А у тебя столько есть? -- интересуюсь, приподняв бровь.

-- Да уж небось у Императора найдётся сыну на обновку! -- встречается торговец.

-- У меня свои есть, -- задирает нос Кир. -- И к отцу я за каждой обновкой не бегаю.

Я тихо хихикаю, а когда мы отходим в сторонку, уточняю:

-- А как же оплата лечения?

-- Отец разурлил так, чтобы не всё за один раз, а понемногу три месяца, -- неохотно объясняет Кир и добавляет шёпотом: -- Но мне вообще всё равно, я таких денег и не видел никогда.

Боюсь, что воспитательный момент тут полностью похоронен. Ну что ж, ладно.

-- Ой, глядите, детские игрушки! -- замечает Кир. -- Вам для него не надо? -- кивает на Алэка.

-- У него имя есть вообще-то, -- говорю.

-- Ну да... -- Кир отводит взгляд. -- Просто как-то... Так вам не надо?

-- Ну пошли посмотрим, -- соглашаюсь.

Игрушек у Алэка во много раз больше, чем сам Алэк, что по весу, что по занимаемому пространству. Но мне любопытно, почему

Кира так волнует этот товар. Он прямо закапывается в лоток, щупает и рассматривает всё подряд, от погремушек до кукол и от игрушечных телефонов до книжек. У меня язык чешется спросить, уверен ли он, что всё это нужно Алэку, а не ему самому, но тактичность побеждает. Ладно, пусть поглядит, чего ему самому в раннем детстве не досталось.

В итоге с базара Пудинг увозит два огромных мешка детских причиндалов, я еле помещаюсь между ними в седле. Кир, оплативший больше половины покупок, на ходу листает интерактивную книжку муданжских сказок для самых маленьких. Хорошо, что лошадь -- не машина и в столб не войдёт. Впрочем, заметив, что всадник не следит за происходящим, скотина стала потихоньку заниматься своими делами -- понюхала забор, наподдала копытом какой-то ящик, брошенный на дороге...

-- Э, ты чего отстаёшь? -- слышу сзади голос очнувшегося Кира.
-- Ну давай, давай, пошёл!

Животное упирается. Мы с Алэком плывём на диванообразном Пудинге, по бокам мешки болтаются, разворачиваться и ждать Кира не очень удобно, тем более, что Алэк через моё плечо с интересом наблюдает за ссорой брата с лошадьёу.

-- Ну ты, шакал, шевелись давай! -- понукает Кир.

На шакала конь обижается, пытается встать на дыбы, получает тычка и оскорблённо трусит вперёд нас. К счастью, дворец уже близко.

Дома Кир жадно смотрит на мешки с игрушками, но ни открыть, ни попросить не решается. Тяжело ему, заставляет себя притворяться взрослым, а тут такие соблазны. Но если я заведу разговор, будет ведь всё отрицать. Эх...

-- Прежде чем давать игрушки Алэку, -- замечаю между делом, -- надо их протереть бактерицидными салфетками, вон пачка лежит. Справишься?

Кир проявляет рвение, не очень адекватное задаче: тщательнейшим образом и подолгу трёт каждый предмет, вызывая нетерпение Алэка, который, конечно, хочет сразу пощупать всё новенькое. Но до визга не доходит, и то хорошо. Я же тем временем распаковываю Кирову дублёнку и изучаю её на предмет "каёмок мастерицы", то есть, мест, где надо что-то вышить или ещё как украсить, чтобы одежда стала благопожеланием. Таковые

обнаруживаются на малозаметных местах за манжетами и под воротником, а к подкладке прикреплён пакетик с нитками и узором. Сразу видно: вещь дорогая, рассчитана на капризную, ленивую женщину, у которой ещё и руки не очень прямые. Ну что ж, мне же проще, да и узор красивый, несмотря на простоту.

Разобрав все игрушки, Кир принимается читать Алэку сказку. Тот, правда, имеет своё мнение по поводу каждой картинки, перебивает и пытается перевернуть страницу. Не тут-то было, Киру самому интересно узнать сюжет. Вообще, не знаю, чего Азамат имел к его способности читать с выражением, по-моему, у него прекрасно получается. Особенно когда над душой никто не стоит.

-- Как вы тут хорошо устроились, -- замечает Азамат, входя. Он не добавляет "без меня", но это вполне читается у него на лице.

Кир вздрагивает, замолкает и захлопывает книжку. Алэк тут же требует продолжения банкета со свойственной ему доходчивостью. Я встаю, сгребаю мелкого и выдаю его Азамату, чтобы отвлёкся от невесёлых мыслей.

-- Устал? Они тебе там отпуск дать не собираются?

-- Они-то, может, и собираются, но что делать в этот отпуск? -- задаётся он риторическим вопросом, покачивая Алэка на локте.

-- На Дол съездить, погулять, -- пожимаю плечами я. -- На охоту сходить, в конце концов, давно уже обещал-то.

Азамат косится на Кира, который с деланным безразличием водит пальцем по корешку сказки-раскладушки.

-- На охоту можно, да, -- соглашается муж. -- Кстати, Кир, тебе привет от мясника с Северной улицы.

Кир напрягается ещё больше, если возможно, и медленно поворачивает голову, глядит теперь на Азамата через плечо.

-- Да-да, -- продолжает Азамат. -- У которого ещё дочка -- твоя ровесница.

Я теряюсь в догадках, что всё это может значить, и офонарело перевожу взгляд с одного на другого. Кир выглядит готовым к драке, как минимум, сидит ноздри раздувает, только и ждёт повода высказаться.

Азамат усмехается.

-- Ты его качественно напугал. Но вот уезжать в ближайшие дни не стоит, а то как бы твоей подружке хуже не стало. Я бы тебе

советовал прямо сейчас пойти и проследить, что мясник свои обещания сдерживает.

Выражение лица Кира мгновенно меняется, как по волшебству. Он вскакивает и быстро спрашивает: "Можно?" то ли у меня, то ли у Азамата, и стоит мне едва-едва пошевелить головой в смысле кивка, как ребёнок уже и след простыл.

-- Что он натворил? -- спрашиваю мужа.

Азамат улыбается в захлопнутую дверь.

-- Не то чтобы натворил... Он, видишь ли, подружился с той компанией подростков, которая пыталась его с крыши снять. Главаря-то он поколотил, и остальные быстренько разобрались, кому лучше не перечить. А дочка этого мясника тоже с ними гуляет. Так вот, является ко мне сегодня на приём её папаша и говорит, так мол и так, Ахмад-хон, вчера ко мне в ночи пожаловал ваш сын, с гербом князя, как полагается, привёл мою дочку и стал меня учить её воспитывать.

-- Он совсем ошизел? -- говорю, имея в виду Кира.

-- Не совсем, -- улыбается Азамат. -- Я расспросил мясника поподробнее, и оказалось вот что. Дочка у него красивая, и он надеется её повыгоднее отдать замуж. Ну, знаешь, за невесту в семьях с глухими именами выкуп полагается, да и есть шанс с женихом более выгодные сделки заключать... Так вот, девочка-то красивая, но гуляет со всякими оборванцами, лазает везде, постоянно вся в синяках и царапинах. А папаша, понятно, её внешностью очень дорожит. И всякий раз, как она оцарапается, он устраивает ей головомойку и запирает в доме на несколько дней. Естественно, девочка свои травмы скрывает изо всех сил. Ну и доскрывалась, что-то там у неё серьёзно заболело, грязь в ранку попала или ещё что... Кир это заметил, сводил её в Дом Целителей, заплатил за осмотр, а потом проводил её до дому и наорал на папашу. Это вот он вчера три часа с собакой гулял, якобы.

-- Нормально, -- моргаю. -- А что же мне Янка ничего не сказала?

-- Не знаю, может, он не к ней попал, а к кому из мужчин... Но ты подумай, каков красавец!

Азамат улыбается, с трудом сдерживая накатившую гордость за сына, защитника обиженных и одиноких.

-- Я прям не знаю, что и сказать, -- развожу руками. -- Я себе представляю, что этот папаша устроит этой девочке...

-- Вот потому я Кира и послал проследить, -- объясняет Азамат, щекоча Алэка. -- Ну и сам мяснику сказал, что разделяю недовольство князя, что такими методами он дочку загубит до всякой свадьбы, и тому подобное. Но уезжать сейчас нельзя, куда же. Пускай Кир свою аферу закончит, а то получится, что он девчонку подставил.

-- М-да, подумать только, какой герой, -- качаю головой, снова принимаясь за дублёрку. Потом спохватываюсь: -- Тебе ужин-то заказать?

-- Да уж сам как-нибудь, -- усмехается муж, вызывая меню на столе.

Заказывает он много, и это хороший знак: в плохом настроении он теряет аппетит. Не знаю уж, произойдёт ли что-нибудь хорошее от Кирова приключения для девочки, но Алэк от него точно выиграл -- всё время до ужина папа вертит его над головой и подкидывает в воздух, вот это счастье человеку привалило.

В результате Кир как бы негласно получает разрешение гулять всё время, что не требуется мне непосредственно. В исполнении Азамата воспитательные меры имеют весьма условный и переменчивый характер, и я от этого не в восторге, но воспитывать ещё и мужа не представляется возможным. Впрочем, в данный момент меня вполне устраивает поведение Кира: он не нарушает закон, слушается и с удовольствием помогает мне в работе и в развлечении Алэка, так что у Тирбиша заметно сокращается рабочий день. Вот только с Азаматом он обменивается максимум двумя малозначащими фразами в день. Зато дублёрку носит, хотя для неё ещё недостаточно холодно, но воротник поднимает, чтобы было видно вышивку. Надо ему хоть шарфик связать, сиротинушке.

Я укачиваю Алэка, а Кир гуляет где-то со своими шпанистыми приятелями, и тут тишину уничтожает мелодичный сигнал домофона. Я аж подскакиваю, Алэк, естественно, тоже.

-- Кто там? -- спрашиваю, с трудом перекрикивая громкое "в-я-я-я-я-я", хотя на экране уже вижу: Экдал. Батюшки-светы, ему-то чего от меня нужно? Последний мой разговор с ним не очень-то располагал к дружескому общению.

-- Хотон-хон, простите ради богов, что я без договорённости...

-- Ладно, заходи уж.

Охране его выслушивать незачем.

Экдал элегантно проскальзывает в приоткрытую дверь и низко кланяется. Ох, чует моё сердце, ему что-то заметное от меня нужно. Алэк на попытки его снова уложить только что пальцем у виска не крутит: как это, гости, да ещё малознакомые, а он -- спать?! Экдал косится на него с некоторой опаской, не знаю уж, почему, но Алэк хотя бы примолкает.

-- Так что у тебя стряслось? -- спрашиваю. -- Садись, не стой.

Он грациозно приземляется на край дивана и мгновенно обращается в статую скорби, как это у него хорошо получается.

-- У меня... жена... хочет полететь на Землю.

-- Ну, -- подбадриваю я. Логично, если Эсарнай интересуется земной культурой, конечно, ей хочется туда слетать. -- И в чём проблема?

-- На Землю!!! -- отчаянно повторяет Экдал, только что не прослезившись.

Поскольку по-муданжски Земля называется просто "даль", то я решаю, что его смущает продолжительность такой поездки.

-- Не так уж и далеко, -- пожимаю плечами. -- Вон возьми Азаматов звездолёт, он быстрый, там что-то около десяти дней выйдет. Или вообще до Гарнета, а оттуда туннелем.

-- Но она же беременна! -- с благоговением сообщает он, как будто я не знаю.

-- Конечно, так на Земле рожать гораздо безопаснее, и для неё, и для ребёнка.

-- Ну нет, мой сын должен родиться на моей планете! -- возмущается Экдал.

-- Откуда знаешь, что сын? -- удивляюсь я.

Он осекается.

-- А вы думаете, что это девочка?..

-- Я ничего не думаю, когда я делала тест, Эсарнай была ещё на очень ранней стадии, я не могла узнать пол.

-- Как вы можете так спокойно?.. Она же хочет уехать!

-- Ну не навсегда ведь, -- пожимаю плечами. -- Пускай развеется, походит по музеям, концерты послушает, ей же это интересно... До родов десять раз вернуться успеет, если уж тебе это принципиально. Сам-то летаешь на другие планеты, а жена почему должна дома сидеть?

Экдал строит скорбное лицо и вяло жестикулирует, пытаясь подобрать слова, чтобы объяснить мне, недогадливой, почему его совершенно не устраивает такой расклад. В этот момент, как часто бывает в последнее время, с работы приходит Азамат.

-- О, Экдал! -- радостно приветствует он. -- Не ожидал тебя здесь встретить. Случилось что-то?

Поскольку Экдал молчит, всё ещё обдумывая свою позицию, я отвечаю за него:

-- Эсарнай хочет на Землю съездить.

-- А-а, -- улыбается Азамат. -- За напутствием пришёл. Только учти, Муданг пока не вступил в Земной Союз, а значит, нашим гражданам, чтобы попасть на Землю, нужно визу делать. Но у Эсарнай же, наверное, гарнетское удостоверение? Запрос можно оформить на сайте ЗС, только это долго, около месяца занимает, насколько я знаю. Ну или уж подождите, я надеюсь, весной вступим в ЗС, тогда можно будет просто так поехать. Я вот только не знаю, Лиза говорит, там жильё очень дорогое...

-- Ахмад-хон! -- не выдерживает Экдал, вскакивая. -- От меня жена уехать хочет, а вы про документы! Она там учиться чему-то собралась, ну какого шакала женщине учиться?! Её дело рубашки вышивать, а она вместо этого сидит, буками обложилась, с какими-то чужими людьми переписывается, шакал знает чем занимается! Боги, зачем же я на ней женился?!

Этот выхлоп снова заводит Алэка, который всячески разделяет возмущение гостя и выдаёт панический вопль корабельной сирены судна, идущего на столкновение с морским драконом. Мне еле-еле удаётся снова его утихомирить.

-- Экдал, -- веско говорит Азамат в наступившей тишине. -- Ты высказываешь свои претензии не по адресу. Я не вижу, на что тебе жаловаться. Жена у тебя красивая, нетребовательная, носит твоего ребёнка и не смотрит на других мужчин. Это больше, чем может похвастаться взятый наугад житель столицы. Ты с духовником говорил?

-- Ещё бы, -- бросает Экдал, косясь на Азамата, как на предателя. -- Но он ничего не советует по существу. Сказал только, что это не она для меня, а я для неё, и что Хотон-хон на неё повлияла. Вот

я и пришёл попросить, может, Хотон-хон бы как-нибудь повлияла обратно?

-- Во-первых, это было бы не в её интересах, а она моя подруга, -- решительно заявляю я. -- А во-вторых, я не могу убедить человека в том, во что сама не верю. Так что увы, терпи. Кстати, я ей тут один проект предложила, она с тобой не делилась, хм?

Экдал на секунду сдвигает брови, потом поднимает на меня взгляд, полный осознания.

-- Так это вы... о боги... -- он закусывает губу. Тут приходит следующее осознание. -- И вы знаете, что она?...

-- Ну, точно не знаю, -- невинно хлопаю глазками. -- Но могу догадаться. А что, неужели тебе не понравилось?

Экдал поспешно закрывает лицо руками.

-- Святые пророки! Да вы издеваетесь? Я... я сознание потерял!

Я довольно улыбаюсь. Так держать, Эсарнай! Подхожу, похлопываю Экдала по плечу. Он вздрагивает.

-- Что-то мне подсказывает, милый мой, что тебе не пристало жаловаться. Твоя жена заслужила культурный отдых.

Экдал убирает руки от лица. Ему чрезвычайно идёт лёгкий румянец, впрочем, ему всё идёт.

-- Простите за беспокойство, -- выдавливая он, резво откланивается и исчезает за дверью, с трудом вписавшись в проём.

-- О чём это ты с ним сейчас говорила? -- недоумевает Азамат, усаживаясь в кресло и принимая у меня Алэка, который весь день ждал возможности подёргать папу за косу.

-- Да я подкинула Эсарнай на перевод несколько фильмов о том, как получать максимум удовольствия в постели.

-- Он от этого сознание потерял? -- морщится Азамат.

-- Видимо, да. И ещё имеет наглость жаловаться на жену!

-- Нет, нет, подожди, и тебя это даже не удивляет?

-- Я думаю, он это с непривычки, -- признаюсь. -- Но если хочешь, можем попробовать что-нибудь этакое. Конечно, я не гарантирую...

Азамат смотрит на меня проницательно, совершенно не обращая внимания, что Алэк отковыривает у него с парадного дила цепочку.

-- А есть ещё что-то, чего мы не пробовали?

Я, право, в замешательстве.

-- Конечно. Котик, мы женаты меньше года по местным меркам, да я ещё беременная была. Мы, можно сказать, только начали. Просто тут то дети, то работа, устаём оба, как лошади, и не до экспериментов. Я даже не знаю, как ты к ним относишься.

-- Ну, -- Азамат поводит плечами, выныривая из оцепенения и отбирая у Алэка цепочку, -- терять сознание мне не очень хочется, но сама мысль, что такое возможно... В общем, я бы рискнул. Если, конечно, тебе не придётся делать ничего неприятного.

Я многообещающе двигаю бровями.

-- Замётано.

Азамат задумчиво пожёвывает нижнюю губу, потом встряхивается.

-- Да, я, собственно, хотел сказать, что ближайший судный день отменился, потому что дороги завалило снегом, и мало кто сможет добраться. Так что мы можем поехать на Дол хоть завтра, если Кир разобрался со своей подружкой. Ты, кстати, не спрашивала у Яны, кто её осматривал? Мне просто интересно, что за девочка.

-- Спрашивала, -- усмехаюсь. -- Она досталась Дэну. Ужасно стеснялась, а Кир стоят за ширмой и периодически командовал: "Делай как велено!". Прямо тиран. Но Дэн говорит, непохоже чтобы там были какие-нибудь романтические отношения.

-- Ещё не хватало, в девять лет! -- фыркает Азамат. -- Пускай сначала чему-нибудь науч... -- он резко замолкает и мучительно закрывает глаза. -- Ну что мне с ним делать?!

А мне нечего на это ответить.

Глава 20

Кир и Азамат вместе в тесном замкнутом пространстве унгуца -- это не то, что я мечтала наблюдать в качестве отдыха: после оговорки про сироту Кир напрочь отказывается открывать рот в присутствии отца. Тирбиша с нами нет, потому что вроде как семейный круг и всё такое, да и Кир -- вполне достаточная подмога, когда я не работаю. Опять же, Азамат почти всё свободное время с ним нянчится, вот и сейчас сидит на заднем сиденье с мелким и старательно воркует, периодически бросая искательные взгляды на Кира. Вроде и хочет заговорить, и боится. Сам Кир мрачно молчит, он вообще не очень хотел ехать, даже охота его не соблазнила, но он прекрасно понял, что одного его в столице не оставят, не заслужил пока доверия.

-- Я накупил всяких игр, -- наконец решается Азамат. -- Взял с собой, поиграем.

Кир молчит, а лица его мне не видно в зеркальце.

-- Ты вообще какие игры знаешь? -- продолжает Азамат.

-- Прятки, -- угрюмо отвечает Кир.

Разговор не клеится.

На Доле снег лежит уже давно, толстым слоем. Хорошо, что мы сюда добираемся по воздуху, а то бы никак не проехали. Но зато красота -- всё белое, сверкает, склоны гор такие припорошенные, чисто, безветренно и ти-ихо-тихо, как будто щель в горизонте со всех сторон заткнули ватой. Выгружаемся на парковке, там сторож расчистил место и дорожку к дому, но холодно. Филин мёрзло поджимает лапы.

-- Будем ему будку делать? -- оживляется Азамат. -- В тот раз не успели, но не всё же псу в доме жить.

Кир неопределённо пожимает плечами и плетётся за Азаматом в лодочный сарай, где припасены какие-то стройматериалы. Я выгуливаю Алэка на лужайке у дома, хочу посмотреть на процесс создания конуры в сложившейся ситуации.

Азамат говорит непрерывно, компенсируя гробовую тишину со стороны Кира и природы. Объясняет про возможные варианты отопительного механизма, прикидывает, какой должен быть размер, как лучше напилить имеющиеся брусья и доски. Кир молча смотрит и периодически делает, что велят.

-- Ну так что выбираешь? -- спрашивает в какой-то момент Азамат.

-- Что попроще, -- тихо отвечает Кир.

Азамат кривится.

-- Как хочешь, конечно, но мне не нравится такой подход. Ты для своего друга жильё делаешь! Уж не ленись.

-- Я не ленюсь, -- внезапно злобно огрызается Кир. -- Просто не хочу тратить ваше время.

Азамат разводит руками.

-- Ну знаешь, я специально для того сюда приехал, чтобы тратить время. У меня в столице дел по горло, но Старейшины отпустили, чтобы я с тобой пообщался. Так что не капризничай и

делай по-мужски, чтобы работало как следует. Я ещё раз говорю: мы можем поступить тремя способами...

На этот раз Кир, кажется, внимательнее слушает и даже принимается что-то чертить на Азаматовом планшете. Вскоре они наволакивают из сарая и дома каких-то деталей и раскладывают их на плоских камнях между домом и скалой.

-- Давай я займусь батареями, а ты корпус собирай, -- предлагает Азамат, беря в руки панели преобразователей.

Кир довольно грубо выхватывает их у него.

-- Я сам!

Азамат моргает.

-- Ну хорошо, давай сам... Может, я тогда пока доски напилю?

-- Нет, я всё сам сделаю! -- повышенным тоном заявляет Кир и вклинивается между Азаматом и материалами для конуры, всем своим видом показывая, что отцу следует убраться с места строительства.

Азамат обижается, но вряд ли Кир это замечает. Алтонгирел вон сколько лет не замечал. Кир остаётся один возиться с железками и деревяшками, только Филин время от времени суёт нос в происходящее, видно, догадывается, из-за кого суета.

Муж подходит ко мне и берёт у меня Алэка, уязвлённо глядя на Кира. Алэк пищит и радуется папе, так что Азамат отвлекается от старшего отпрыска.

-- Ты мой хороший, -- принимается он сюсюкать с мелким. -- Ты папу любишь, правда же?

Алэк как раз очень старательно развивает движения рук и в особенности пальцев, это выражается в частности в том, что он всех хватает за выступающие части лица, когда оказывается на руках. Вот и сейчас он со своей радостной младенческой непосредственностью вцепился Азамату в подбородок. Азамат расплывается в слезливой улыбке.

-- Боги, радость моя, ничего-то ты не понимаешь...

-- Всё он прекрасно понимает, -- удивляюсь я. -- Ты расстроился, он тебя утешает.

-- Да я не про то... Он меня за лицо трогает всё время. И так радуется, как будто что хорошее увидел. Не понимает разницы между красотой и уродством. Пока маленький-то ничего, но какой же у него вкус будет, когда вырастет...

-- Азамат, не дури. Он тебе радуется, потому что ты папа. Красота тут ни при чём.

-- О том я и говорю, -- вздыхает супруг. -- Плохой из меня отец.

-- Вот только не надо напрашиваться на комплименты, -- поджимаю губы. -- У тебя трудный период с Киром, но это вовсе не значит, что ты плохой отец. Просто наберись терпения. Это, вроде бы, никогда не составляло для тебя трудности.

На заднем плане Кир мрачно ворочает дрова, то и дело сверяясь со схемой.

-- Почему он меня прогнал? -- спрашивает Азамат, как будто я должна знать.

-- Наверное, хочет самостоятельно всё сделать, -- пожимаю плечами.

-- А по-моему, он просто меня не выносит, -- признаётся муж. -- Мне иногда кажется, что он задерживает дыхание, если я слишком близко подхожу.

-- Я думаю, ты сам себе выдумываешь пугалки.

Кир возится с конурой до темноты и ещё чуть дольше. Азамат выносит ему несколько ламп и предлагает помочь, но ребёнок не позволяет. Я наблюдаю в окно за попытками налаживания контакта. Кир сидит на корточках спиной к Азамату и если тот пытается обойти, поворачивается, чтобы так и оставаться спиной. Он сутулится и прячет лицо. Азамат долго увещевает, но в итоге сдаётся и возвращается в дом.

-- По-моему, он плачет, -- озабоченно сообщает муж.

Ещё того не легче.

-- Может, простудился и носом хлюпает?

-- Да он не хлюпает, просто голос какой-то зажатый.

Мы продолжаем посматривать в окно, но всё же не улавливаем момент, когда Кир проскальзывает в дом -- и сразу запирается в ванной. Когда выходит, никаких следов слёз у него на лице нет.

-- Можно Филину еды? -- спрашивает. -- Я бы ему сразу в конуре дал.

Азамат выдаёт ребёнку лебяжье крыло, и мы все вместе выходим отмечать новоселье Филина.

-- Вот твой новый дом, -- сообщает ребёнок, подводя пса ко входу в конуру. Она получилась довольно большая, входное отверстие

защито воронкой из какого-то прозрачного теплоизолирующего материала, так что псу надо протаскаться в узкую дырочку, чтобы войти. Кир просовывает туда еду и Филин радостно устремляется следом. Потом вывинчивает благодарную морду и лижет руки хозяину.

-- Тепло? -- радостно спрашивает Кир. -- Теперь тут будешь жить, чужих отгонять.

Азамат осматривает Кирово произведение и остаётся доволен.

-- Молодец, -- говорит. -- Отлично получилось.

Кир, похоже, вспоминает, что мы всё ещё здесь, и снова насупливается.

-- Не дурак, справился, по схеме-то.

-- Это тоже не всякий может, -- замечает Азамат. -- Ну ладно, пойдём ужинать. Лиза для тебя специально сладкий пирог сделала.

Кир плетётся за нами на кухню и ест молча, а от пирога отказывается.

-- Почему? -- удивляюсь я. -- Ты же вроде любишь сладкое.

-- Не люблю ягоды, -- ворчит Кир.

Ну вот. В йогуртах они ему не мешали... Ладно, завтра творожный сделаю.

-- Хочешь, поиграем в "Хитрого купца"? -- предлагает Азамат с настолько деланным оживлением, что мне аж тошно.

-- Нет, -- буркает Кир.

-- Я не буду поддаваться, -- обещает муж.

Ребёнок упрямо мотает головой.

-- Ну, может, тогда во что-нибудь другое? У меня есть лото со зверями, расследование кражи, лабиринт зияний, стратегия захвата...

Кир, как я и ожидала, мотает головой. У Азамата опускаются руки.

-- Ты устал, что ли? Спать хочешь?

-- Нет.

-- Ну а что ты будешь делать весь вечер?

Кир пожимает одним плечом и утыкается в чашку.

-- Есть кино... -- безнадежно упоминает Азамат.

-- Ладно, -- говорю, -- оставь его в покое. Не хочет, не надо. Лучше почитай Алэку сказки, а то он никак не угомонится, даже в свою комнату ни за что не хочет. Давай, Азамат, он всегда тебе рад в отличие от некоторых.

Азамат вздыхает, бросает последний долгий взгляд на Кира и топает в гостиную развлекать Алэка. Я убираю со стола. Кир так и сидит, рассматривая остатки чая в своей чашке -- ему нравятся чашки с ручками, которые оставили здесь мои родичи.

Азамат устраивается на диване с Алэком и книжкой детских сказок, а я затеваюсь с вязанием шарфа. Кир, конечно, сегодня вёл себя не лучшим образом, но всякие продвинутые педагоги советуют приёмному ребёнку всё время напоминать, что он тут не чужой, даже если он нарочно провоцирует конфликт.

Суюсь в короб с нитками, а там... Видать, котята порезвились -- всё перепутано, клубки размотаны, бусины рассыпаны, выкройки исполосованы... Караул, в общем.

-- Кир! -- кричу на кухню. -- Иди сюда, мне нужна твоя помощь!

Он быстро появляется и вопросительно смотрит. Азамат тоже прерывается, но я машу ему, мол, продолжай читать.

-- Помогите мне нитки распутать, -- прошу, показывая ребёнку свою локальную катастрофу.

-- Ого. Да тут на несколько дней работы...

-- Ну а что делать, не выкидывать же хорошие нитки... -- расстраиваюсь я. -- Ох попадутся мне эти коты, я им устрою...

Кир хмыкает, извлекает из короба часть кудели и садится её разбирать. Я приземляюсь рядом.

-- Жил был человек с тремя сыновьями в деревне в горах, -- читает Азамат. -- И повадился в ту деревню чешуйчатый морской конь лебедей воровать. На него и ловушки ставили и облавы устраивали, но хитрый, шакал, ото всех уходил. И вот лето, у лебедей скоро птенцы будут, и задумались жители, как уберечь выводки от морского коня. Духовника у них в деревне не было, а обычные Старейшины против нечисти бессильны. Пришлось им обратиться к знающему, что жил на отшибе в артуне от деревни. Поворожил знающий и говорит: "Сделайте ловушку из дерева-не-дерева, в неё посадите лебедя-не-лебедя, да намажьте его водой-не-водой, так и сразите морского коня". Деревенские, понятно, от такого совета разозлились -- непонятно же ничего! Старейшины и так, и сяк кумекали, легенды перечитывали, ничего не придумали. Стали требовать от знающего пояснений, они ведь ему денег заплатили уйму, а толку никакого. Но знающий только плечами пожал, мол, мне-то откуда знать, что боги имели в виду. Я,

мол, вам всё слово в слово передал, а уж думайте сами. И вот сели все и думали три дня и три ночи, но ничего не надумали. А тот человек со всеми не сидел, взял сыновей да и пошёл на охоту в лес, и наказал им внимательно вокруг смотреть да припоминать слова знающего. И вот идут они, как вдруг старший сын говорит: "Смотрите, я нашёл дерево-не-дерево!" И правда, стоит перед ними ствол, а внутри пустота. То лиана дерево обросла и задушила, а сама по форме дерева стоит. Свалил старший сын лиану и поволок в деревню. Идут отец с двумя сыновьями дальше, разбрелись по лесу, пересвистываются. Вдруг второй сын кричит: "Идите сюда! Я нашёл лебедя-не-лебедя!" Подходят они -- и правда, сидит перед ними белый лебедь с жёлтым клювом, и уж так от него лебяжьим помётом разит, сил нет. А был то хищный цветок, который запахом мух заманивает. Вырыл средний сын всё растение да понёс в деревню. Идут отец с сыном дальше. Глядит младший сын, на дереве следы барсовых когтей, а из них вода сочится. Да только дерево то ядовитое, и сок его хоть на вид вода, а человека убить может. "Эге," -- говорит он отцу, -- "Похоже, нашёл я и воду-не-воду". Собрали они сок и отнесли в деревню. Там уж и ловушку из лианы соорудили и цветок-лебедя в неё посадили, теперь вот ещё ядовитым соком намазали, да и оставили на ночь. Утром глядь -- а в ловушке морской конь. Ухватил он зубами цветок да отравился. Только ему, коню, яд не так страшен, не убил его, но усыпил. А утром жители его спящего заарканили да и отвезли в столицу Старейшинам показать Ирликово детище. За такой улов дал им Император награду, ровнёхонько сколько они знающему заплатили. И все эти деньги люди отдали тому человеку и его сыновьям, потому что лучше уж заплатить умному соседу, чем глупому знающему.

Вот так и проходит вечер. Азамат читает хорошо, практически рассказывает, он ведь наизусть знает почти все сказки. Мы с Киrom разбираем кудель. Алэк сидит у папы на ручках и тербит его косу, успокоенный глубоким уверенным голосом. На Кира это всё тоже действует умиротворяюще. Он не хмурится, иногда даже улыбается и хихикает, если сказка смешная. И я уже начинаю надеяться, что, может быть, всё у нас будет хорошо.

На ночь мы выставляем Хосу банку сливок, под которой кладём сварганенное Азаматом устройство с диктофоном: берёшь банку, диктофон начинает говорить записанное. А записали мы приглашение

сходить завтра вечером на ферму вместе -- всё равно за едой надо, фермер-то до нас по такому снегу сам не доедет.

Я пытаюсь подбить Азамата на что-нибудь интересное в постели, но он признаётся, что сегодня не в духе для экспериментов, и мы ограничиваемся стандартной программой, что, впрочем, совсем не плохо, особенно если учесть, что Азамат действительно перестал меня стесняться и даже получает удовольствие, когда я в порыве чувств принимаюсь ему рассказывать, какой он симпатяшка.

Днём Азамат с Киром снова маются. Ребёнок стабильно отказывается заниматься чем угодно вообще, а Азамат всё придумывает новые и новые способы продуктивного времяпрепровождения.

-- Ну а что, что ты собираешься делать? -- кипятится Азамат после того, как ребёнок категорически заявляет, что не собирается играть в бродилку на буке, и в лес с Азаматом тоже не пойдёт.

Кир снова пожимает одним плечом, глядя в сторону.

-- Отлично, -- фыркает Азамат. -- Очень содержательно. Ну сиди ковры в носу, раз так. А я пойду гулять.

-- Ты охотиться? -- спрашиваю.

-- Нет, так просто, проветриться, -- немного успокаивается он.

-- Возьми Алэка выгуляй.

-- Ты сама-то не хочешь сходить?

Я задумываюсь. Оставлять Кира одного неохота, да и в лесу в это время года ничего интересного нет.

-- Сегодня не хочу, -- говорю. -- Мне на лыжах лень, а тебе надо побегать, спустить пар.

Азамат кивает, подвешивает на себя мелкого и уходит. Я достаю те нитки, что вчера успели распутать, сажусь на диван, ставлю в буке передачку про животных...

-- Помочь? -- осторожно спрашивает Кир.

Я рассматриваю своё барахло, пытаюсь придумать, в чём мне можно помочь. Для вязания мне больше ничего не нужно, разве что попросить его мне материалы для гобелена заготовить, шарфик-то не на века меня займёт.

-- На вот, намотай нитки на челнок, -- говорю.

Кир охотно берёт у меня деревяшки и клубки и принимается мотать, но притормаживает.

-- Тут один челнок с заусенцем. Хотите я ошкурю?

-- Какие ты слова знаешь, оказывается, -- хихикаю я. -- Я думала ты только умеешь говорить "нет" и ругаться.

Кир слегка краснеет.

-- Ну ошкурь, ошкурь, -- разрешаю. -- Можешь и вот эти три тоже обработать, они совсем шершавые, я потому ими не пользуюсь.

Кир бежит в чулан, роется там, потом возвращается с наждачкой и рулоном обёрточной бумаги, которую расстилает на ковре, чтобы не напылить. И садится шкурить.

Со временем он всё чаще заглядывает в мой бук, где показывают что-то про лягушек.

-- А какой это язык? -- спрашивает он. Точнее, он-то спрашивает, какой это "диалект" или "говор", имея в виду региональные варианты мударжского.

-- Это всеобщий, -- говорю. -- На нём говорят на других планетах.

-- И вы его понимаете?

-- Ага.

-- Ух ты, -- Кир смотрит на меня с восхищением.

-- Азамат тоже его понимает, -- говорю.

-- Ну, он-то ясно, -- протягивает Кир.

-- Почему ясно?

-- Ну так он мужчина, да ещё Император, конечно он всё знает!

-- Со знаниями не рождаются, -- говорю. -- Он в своё время много учился, чтобы много знать. Конечно, для этого нужен ум и терпение, но в принципе никто не мешает тебе выучить столько же.

-- Я же не смогу понимать этот всеобщий, -- пожимает плечами ребёнок.

-- Это ещё почему? -- удивляюсь я.

-- Так я безродный.

-- Был. Теперь ты очень даже родной. Да и вообще это не важно.

-- И имя у меня глухое, -- гнёт свою линию Кир.

-- Это вообще ни при чём, вон Тирбиш прекрасно говорит на всеобщем языке.

Кир с подозрением косится на меня.

-- Да?

-- Конечно. Этому же учат не в школе, а в клубе.

Может, так ему понятнее.

-- Но... я ведь не могу ходить в клуб...

-- Кто тебе сказал? -- поражаюсь я. -- Конечно можешь!

-- Да-а? А почему тогда отец сам хотел меня учить?

-- Он думал, что у него выйдет лучше, чем в клубе, -- пожимаю плечами. -- И вообще он хотел проводить с тобой время. Но если ты хочешь в клуб, пожалуйста, иди. Вот вернёмся в столицу, там и выберешь. Я знаю, что Старейшина Асундул клуб ведёт.

-- Не надо Старейшин, -- быстро говорит Кир.

-- Ах да, прости, забыла, что ты их не любишь. Ну, посмотрим, наверняка найдётся подходящий клуб, их в столице сотни.

Кир задумчиво кивает и снова упяливается в бук.

-- А про что там говорят?

-- Рассказывают, как разные лягушки защищаются от хищников, -- отвечаю.

Кир некоторое время вслушивается, даже шкурить прекратил.

-- А в этом языке, -- говорит он, используя на сей раз правильное слово, -- есть буквы?

-- Есть, -- киваю. -- Только они не такие, как в муданжском.

-- Заново учить придётся? -- уточняет Кир, но без отвращения.

-- Ага. Но их меньше.

-- А слова там есть?

-- А как же!

Кир ещё немножко слушает, потом вздыхает и устраивается поудобнее, чтобы шкурить дальше. Я лезу в бук и подключаю муданжские субтитры к передаче. За это следует благодарить команду книжников Унгуца, стремительно переводящую на муданжский избранные тексты земной культуры. Их представления о важнейших текстах не совсем совпадает с моим, но тоже имеют под собой основание -- они начали с книг и фильмов об образовании и устройстве Земли, плавно перейдя на биологию и географию, поскольку считают, что планета и её "природное население" (то есть, растения, звери и боги) определяют человеческую культуру.

-- Вот, -- говорю, -- теперь внизу будет написано, что они там говорят.

Кир впивается взглядом в экран со всем вниманием, на какое способен подросток. Челноки забыты, но я не внакладе. С нужной

скоростью ребёнку читать тяжело, но он очень старается, глаза так и бегают туда-сюда, аж рот приоткрыл от усердия.

Через две передачи и связав несколько сантиметров, я решаю, что ребёнку пора отдохнуть и останавливаю плейлист.

-- Пойдём обед готовить, -- говорю.

Кир нехотя отрывается и трёт глаза. Ещё бы, два часа сабы читать.

Мы в атмосфере дружеской тишины режем и варим суп, запекаем мясной рулет и жарим гречку -- после визита маменьки осталось несколько пачек, и Азамат неожиданно проникся нежностью к гречке, жареной на бараньем жиру с луком. Она так пахнет бараном, что Кир явно считает её мясом и выпрашивает у меня пару ложек до обеда.

-- Давай теперь делать какой-нибудь сладкий пирог. Ты с чем хочешь?

Кир хмурится и внезапно делает ровно такое выражение лица, как когда Азамат ему предлагает поиграть. Здравсьте-приехали.

-- Ни с чем.

-- Значит, будет без ничего, -- пожимаю плечами. -- В крайней тумбочке стоит мешок с мукой, начерпай оттуда два стакана.

Кир лезет в мешок и косится на меня.

-- Это не мука, тут что-то белое.

-- Это мука, только не ячменная, а из пшеницы. Она у вас на Муданге не растёт, я её с другой планеты заказываю.

-- Мука с другой планеты? -- поражается Кир и принимается хохотать. -- Вы бы ещё траву оттуда привезли! Или шишки!

-- Ладно-ладно, -- хмыкаю. -- Не пробовал ещё ничего из неё, а смеёшься.

Кир начерпывает мне два стакана и под детальным руководством просеивает их сквозь сито. Мне-то обычно лень, но раз есть рабочие руки... Я замешиваю тесто и предоставляю Киру его разминать. Потом скатываю в колбаску, режу и показываю, как раскатывать. А потом сижу в кресле и люблюсь, как он старательно творит чудеса скалкой -- у меня так ровно никогда в жизни не выйдет.

-- Ну вот, -- говорю, когда образуется целый стол заготовок. -- Теперь мажем маслом, посыпаем сахаром, скручиваем, складываем, режем -- и в духовку.

Кир с упоением делает плюшки, как будто это не булочки съели-нету, а скульптура на века. Смазывает так, чтобы масло не заходило за край, чтобы всё хорошо прилипло куда надо, режет ровно посередине, разворачивает сердечком, ещё с боков прижимает немножко, чтобы пошире вышло. Короче, дорвался человек до креатива. Плюшки в этом смысле дело благодарное, я тоже в детстве любила их лепить.

Когда два противня загружены в духовку, ребёнок даже немного расстраивается, что такое интересное занятие кончилось.

К обеду подтягивается Азамат с голодным Алэком, так что я ухожу кормить мелкого, а когда возвращаюсь, у нас всё по-прежнему. Кир мрачно сидит в углу, Азамат пытается рассказывать, каких зверей видел в лесу, но ребёнок упорно всем своим видом показывает, что ему не интересно. Зато хотя бы он ест свои плюшки. Не то чтобы я считала, что сладкое и хлебное необходимо для ребёнка, но ведь странно, что вчера он так категорически отказался, да и сегодня был не в восторге от мысли о пироге. Какая такая травма детства может быть связана с выпечкой?

Азамат, впрочем, моего облегчения по поводу плюшек не разделяет, хотя и наворачивает их за двоих. Он хмур и беспокоен, косится на Кира, то и дело порывается что-то сказать, но в последний момент передумывает. К счастью, вскоре приходит Хос, получивший нашу "записку".

Он скребётся когтями в дверь, как кошка. На нём всё тот же бирюзовый костюм, а поверх него расшитая серебром куртка. Вид совершенно уголовный.

-- Напугали, -- сообщает вместо "здрасьте". -- Беру банку, а она говорит!

Мы смеёмся.

-- Прости, но мы не придумали, как ещё тебе передать послание.

-- Скажите птицам, -- пожимает плечами Хос. -- Они повторят.

На ферму мы отправляемся все вместе (кроме Филина, который по-прежнему ужасно боится Хоса). Хос прилипает к стеклу и с мурчанием и взвизгами тарачится на проплывающую под нами землю. Так высоко он ещё никогда не забирался, и его это очень веселит. Киру передаётся его возбуждение, так что он прилипает к

другому окну и тоже радостно вопит, стоит унгуцу хоть чуток вздрогнуть. Алэк пищит вообще непрерывно.

Ферма находится в очень живописном месте: с юга Дол, с севера горы, в нашу сторону, на запад, лес, а на восток луга, где до сих пор не пожухла трава. Фермер выходит к нам, изумлённый до предела.

-- Ахмад-хон! Что стряслось? Да вы всей семьёй... Что-то с домом?

-- Ничего, Молычин, мы просто выбрались на прогулку и решили залететь к тебе. Ничего, что без приглашения?

По лицу фермера явно видно, что чего, ещё как чего! Но он вежливо соглашается.

-- Мы заходить не будем, -- успокаивает его Азамат. -- А вот сыновей-то кликни, дело есть.

Молычин, стараясь не поворачиваться к нам спиной, стучит в окно и вопит открывшему, чтобы все выходили, Император пожаловал. Сыновья высыпают гурьбой, тут явно уже и внуки присоединились.

-- Доброго здоровья вам, работающие мужи, -- вежливо здоровается Азамат.

-- И вам счастливого дома, Ахмад-хон, -- шелестят обескураженные мужики и ребята, поясно кланяясь.

-- Я вот хочу вас кое с кем познакомить, -- с хитрой улыбкой продолжает муж и выталкивает вперёд Хоса, который немного нервничает от такого количества людей в непосредственной близости. -- Знаете его?

У старших округляются глаза.

-- Вы демона поймали, что ли?

Хос тихо рычит, но я глажу его по спине, и он замолкает.

-- Мы его не поймали, -- спокойно объясняет Азамат. -- Мы с ним подружились. И очень вас прошу, не называйте его демоном, он этого очень не любит и сразу злится. Зовите его "хозяин леса".

-- Ишь чего захотел, кот драный, -- бормочет один из старших сыновей, рассматривая Хоса. Тот прижимает уши и фыркает. Мужик шарахается.

-- Тихо, тихо, -- осаживает обоих Азамат. -- Не надо ссориться. Право слово, вам нетрудно будет называть его так, как ему нравится. Хозяин леса согласен приносить вам дичь из лесу в обмен на сурков. Как вам такая идея?

-- Да он у нас этих сурков и так тырит! -- разводит руками фермер.

-- Вот потому я и привёл его сегодня сюда, чтобы всё обсудить. Он не будет больше воровать сурков, если вы согласитесь обменивать их на дичь.

-- Ага, не будет он, как же... -- ворчит всё тот же старший сын. Азамат переступает так, чтобы смотреть ему в глаза.

-- Если кражи повторятся, сообщите мне, я сам с ним разберусь. Но вот если кто из вас причинит вред хозяину леса, тот тоже будет иметь дело со мной, а как бы не с самим Ирлик-хоном.

Мужик вздрагивает и пригибает голову.

-- Так точно, Ахмад-хон.

-- Вот и замечательно, -- Азамат расплывается в радостной улыбке. -- Так как, согласны меняться?

-- А сколько давать-то? -- хмуро спрашивает фермер. -- И какая дичь?

-- Олень, -- говорит Азамат.

-- Ого! -- ахает фермер. -- И сколько ж сурков за оленя?

Азамат косится на Хоса, Хос -- на Азамата. Потом показывает скрюченные пальцы -- один на одной руке, пять на другой.

-- За одного оленя пять сурков, -- переводит Азамат. И добавляет: -- Только не в первые два месяца весны. Остальной год -- пожалуйста.

Фермер переглядывается с сыновьями.

-- За пять сурков целого оленя -- это очень здорово, -- говорит наконец. -- Неужто взрослого?

Хос неопределённо пожимает плечами.

-- Ему всё равно какого, -- говорит Азамат. -- Какого скажете, такого и принесёт.

-- Как же вы понимаете, чего он хочет? -- интересуется кто-то из молодых.

-- Моя жена со всякой тварью общий язык найдёт, -- ухмыляется Азамат.

Ему верят беспрекословно.

-- Ну что ж, можно попробовать, -- осторожно говорит фермер. - Но до первой кражи, и чтобы уважаемый хозяин леса тоже никому мне тут... вреда не причинил.

Хос легко кивает. Нужны ему эти сопливые фермерские дети.

-- По рукам, -- неуверенно произносит фермер, рассматривая когтистую лапку Хоса. На Муданге по рукам ударяют не ладонь-в-ладонь, а кулак-в-кулак. Хос с этим жестом явно плохо знаком, долго складывает кулак нужным образом, потом легонько тыкает им в кулак фермера, который стремительно убирает руку, стоит им соприкоснуться. Кир, стоящий чуть позади меня, прыскает от смеха.

-- Вот и отлично, -- покровительственно улыбается Азамат. -- Ну раз уж мы здесь, давайте мы кой-чего подкупим к столу. Лиза, у тебя есть пожелания?

Список пожеланий ещё с прошлого приезда висел на холодильнике, так что я быстренько разбираюсь с закупками, подключив к делу одного из младших фермерских сыновей, которого я в начале осени лечила от ангины. Он без проволочек и лишних реверансов выносит мне всё желаемое и получает от меня помимо денег бесплатное благословение.

Фермерское семейство снова кланяется на прощание, и мы тоже, Хос, получивший от меня шар козьего масла, в том числе.

-- Ты с нами или прямо отсюда в лес пойдёшь? -- спрашивает его Азамат.

Хос мотает головой и лезет в унгуц. Когда мы взлетаем, он признаётся:

-- Тут ближе. Но летать здорово!

Азамат поднимает бровь.

-- А мне казалось, вы умеете летать.

-- Только вниз, -- вздыхает Хос.

Кир ржёт. Хос пихает его локтем.

-- Чего пихаешься? Сам сказал, летать не умеешь!

-- Я сказал: только вниз, -- категорически поправляет Хос. -- Отсюда могу вниз. Не ушибусь. Но вверх не могу.

-- А, то есть, вы планируете, -- соображает Азамат. -- Как летяги, да?

Хос кивает.

-- Вот почему такие складки на боках! -- продолжает осознавать Азамат.

Хос снова кивает.

-- Покажи хоть, -- предлагает Кир.

Хос оглядывается на всё ещё видимую ферму.

-- Дома покажу.

-- Ты сегодня немножко получше разговариваешь, -- замечаю, пока Кир не решил взять Хоса на слабо.

-- Вспоминал слова, -- застенчиво отвечает Хос. -- Отец учил.

-- Так ты с ним встречаешься иногда? -- интересуется Азамат, который ещё тогда довольно болезненно воспринял мысль, что отец Хоса шляется неизвестно где, бросив жену с детьми.

-- Каждое лето приходит, -- гордо говорит Хос. -- Учит. Летом еды много.

Азамат тихонько закипает.

-- Что же он тебя не возьмёт туда, где много еды?

Хос чувствует его раздражение и удивляется.

-- А это где?

-- Ну, где он живёт остальной год.

-- На севере... Но там не много еды. В одном лесу один хозяин, а больше -- голодно. Взрослому надо очень много есть, -- Хос крепко задумывается над следующей фразой. -- Кот большой. Кошка меньше. Меньше ест. Может жить с котятами.

-- А-а, -- понимает Азамат. -- Вот оно что. То есть, он с вами не живёт, чтобы вы были в достатке?

-- Да-а, да-а, -- кивает Хос. -- Отец хороший.

-- Получается, -- говорю, -- ты когда вырастешь, тоже пойдёшь на север?

Хос грустнеет.

-- Да. Буду искать пустой лес.

-- А если не найдешь? -- интересуется Кир.

-- Есть будет нечего, -- пожимает плечами Хос.

Мы с Азаматом хмуримся.

-- Если что, возвращайся, -- предлагает Азамат. -- Подкормим.

Хос фыркает.

-- За что? Так неправильно. Сам найду. Больные у людей просят.

-- За что -- это интересный вопрос, -- задумчиво произносит Азамат, притормаживая над стоянкой около дома. -- Ты можешь определить, сколько дичи можно взять, чтобы общее поголовье не пострадало?

-- Конечно! -- удивляется Хос. -- Все могут! Так лес ищут.

-- Отлично, -- улыбается Азамат, мягко сажая унгуц. -- А сколько деревьев можно срубить, чтобы лес не пострадал?

Хос задумывается.

-- Каких деревьев? И какой лес?

-- Ну вот допустим, -- говорит Азамат, открывая купол, -- пришли мы с тобой в некий лес, например, на Сиримирне. И я тебя спрашиваю, сколько можно вынуть высоких сосен, чтобы лес этого не заметил. Сможешь сказать?

-- Смотреть надо, -- пожимает плечами Хос. -- Наверное да.

-- А сколько в поле может пастись овец, чтобы не всю траву повывести?

-- У, это легко! -- задирает нос лесной хозяин.

-- Очень хорошо, -- радуется Азамат. -- Мне как раз нужен такой ч... э-э, работник, который бы мог оценивать лес или степь. Люди это очень плохо умеют делать. А я бы тебе за это платил -- едой или деньгами. И ещё ты бы много летал на унгуце, потому что леса все в разных местах.

Хос выглядит совершенно потрясённым.

-- Деньгами?.. Это нехорошо. Брать у людей деньги нехорошо.

-- Ну, тогда едой и одеждой, -- легко соглашается Азамат.

Хос по-прежнему хмурится.

-- Не знаю. Спрошу отца.

-- Так ты его до лета не увидишь, -- вклинивается Кир.

-- Летом спрошу, -- пожимает плечами Хос.

-- Это долго, -- качает головой Азамат. -- Мне уже сейчас нужно. Если ты знаешь, где твой отец живёт, я могу тебя к нему свозить, чтобы вы поговорили.

Хос отступает немного затравленно.

-- Не знаю. Подумаю. Спасибо-до-свиданья!

Обращается в звериную форму и улепётывает в лес, только чёрные пятки сверкают.

-- Ну во-от, -- протягивает Кир. -- А обещал показать, как летает.

-- Твоя неуёмная жажда всех приставить к делу не доводит до добра, -- бормочу я Азамату.

-- Ну кто ж знал, что он денег испугается, -- расстраивается муж.

-- Если учесть их общее отношение к людям, можно было бы догадаться, -- вздыхаю. -- Ладно, может, ещё успокоится. Оставим ему

снова сливок для сестрѐнки.

После ужина я тщательно пресекаю попытки Азамата подкатить к Киру с новыми предложениями, и мы проводим вечер, как вчера -- за чтением. Когда расплзаемся по койкам, я обнаруживаю себя в редкой в последнее время ситуации -- я наедине с Азаматом, и он не спит.

-- Чем же Кир занимался днѐм? -- немного ехидно спрашивает муж, откидываясь на подушки.

-- Приносил пользу, -- усмехаюсь я, переодеваясь в халат. -- Шлифовал мне челночки и лепил плюшки.

-- Я бы мог тебе отшлифовать, зачем ты его заставила? -- удивляется Азамат.

Я не сдерживаюсь и хлопаю его по голове подушкой.

-- Как ты мыслишь вообще?! Возвращайся в реальность, ау, милый! Мне тебя очень не хватает!

Азамат отпихивает подушку и садится.

-- Лиза, ты чего? -- говорит он пришибленно.

-- Того. Почему ты сразу думаешь, что я его заставила? Почему ты думаешь, что он не хотел? Как у тебя в одной голове получается, что ребѐнка надо чем-то занять, но я должна была ждать тебя, чтобы попросить сделать простое дело?!

-- Я думаю, что он не хотел, потому что он ничего не хочет, -- объясняет Азамат. -- И естественно, раз он не хочет, значит, тебе пришлось его заставить. Мне ты всё время говоришь, чтобы я оставил его в покое, поэтому мне странно.

Я перевожу дыхание.

-- Ладно, прости. Всё логично, у тебя была недостаточная информация. Я просто села вязать, а он предложил чем-нибудь помочь. Я долго выдумывала, что бы он такое мог сделать, придумала челноки для гобелена. Мы очень мило посидели, я вязала, он шлифовал. Я поставила передачку из тех, что Унгуц с книжниками переводил, так Кир читал субтитры. Он хочет выучить всеобщий. И ещё он сказал, что хочет учиться в клубе.

Азамат смотрит на меня, как будто глазам своим не верит.

-- Он тебе прямо так и сказал?

-- Ага.

Азамат надолго задумывается.

-- М-да-а, -- наконец изрекает он. -- Похоже, Алтонгирел был прав, тышла к Киру подход. Но Расскажи мне, -- он приподнимается на локте, -- в чём он заключается, а? Я думал, дело в том, что ты ему просто приказываешь, а раз он сам предложил, значит, нет?

-- Трудно сказать. В основном я и правда просто приказываю. Но, мне кажется, ему нравится быть полезным. А вот как только речь заходит о пользе для него самого, тут и случается коллапс. Мы когда готовили обед, я его спросила, с чем делать пирог, и он отреагировал точно так же, как на твои предложения.

Азамат осмысливает услышанное некоторое время.

-- Хочешь сказать, ему не нравится, когда ему предоставляют выбор?

-- Может, просто не привык... -- пожимаю плечами. -- В Худуле он не сразу стал одежду выбирать. Хотя и не упрявился, как сейчас, но тогда он нас боялся... Ничего более толкового в голову не приходит.

-- То есть, ты полагаешь, что если я ему скажу "садись и учись", он послушается?

-- Может, и да, но радости ему это не добавит, мне кажется. Пускай перебесится, что тебе всё неймётся?

Азамат снова откидывается на подушки, заложив руки за голову -- он совсем недавно стал это делать, видимо, кожа на груди перестала неприятно натягиваться. Надо сейчас его намазать, а то последнее время он иногда пропускал сеансы.

-- Понимаешь, Лиза... Только не злись, но... когда я говорил, что хочу ребёнка, я всегда представлял себе сразу большого, с которым можно вместе заниматься чем-то интересным... У нас ведь обычно лет до трёх отцы своих сыновей почти не видят. Я представления не имел, что младенцы такие... ну, скучные. Нет, я очень люблю Алэка, я его обожаю, он замечательный и прекрасный, я с удовольствием с ним вожусь, но, ты понимаешь, это... не то. Конечно, он вырастет, и его я тоже буду всему учить, но я уже так настроился... а он такой маленький. И тут вдруг Кир -- почти взрослый, умный, любознательный, прилежный, и ему так нужно руководство, он же прямо впитывал каждое моё слово. А это такое счастье -- наблюдать, как человек познаёт, как твои уроки обращаются в чужое умение! Он ведь не жаловался, не говорил, что ему трудно и хотелось бы позаниматься чем-нибудь ещё. А потом вдруг какой-то каприз, и всё

заброшено. У него ведь такой потенциал, Лиза! Я боюсь, что он растрагится на глупости... Князь, хоть и не наследный, всегда будет в достатке, так что ему не обязательно зарабатывать. Его жизнь не вынудит учиться. И потом, он теперь всё время трётся с этой шпаной, с малолетними хулиганами. Приютские дети почти все воруют... Я не хочу для него такой жизни.

Я вспоминаю надежду в глазах Кира, когда я сказала, что он может выучить всеобщий, блаженное отдохновение, когда он лепил плюшки, тихую старательность на выезде.

-- Не думаю, что он пойдёт по этому пути, -- говорю. -- Он хороший мальчик. Ты вспомни его аферу с дочкой мясника. Ну разве можно в нём после этого сомневаться? Ему просто нужно время, чтобы выстроить отношения. Мне кажется, он элементарно тебя боится, потому что ты Император. Он привыкнет. Только не дави на него. Ты достигнешь большего в ваших отношениях, если попросишь его помочь вместо того, чтобы предлагать бесконечные развлечения.

-- Попробую, -- неуверенно соглашается Азамат. -- Хотя не удивлюсь, если он станет помогать только тебе.

-- Почему это?

-- Тебя легко полюбить. И ты почему-то понимаешь его лучше, чем я.

-- А ты вообще пытаешься?

-- Естественно, но я же не духовник, я не знаю, что надо делать, чтобы понимать чувства людей. Мне и с тобой было сложно, а ты никогда не пыталась скрыть от меня свои чувства.

-- Ну, положим, духовник твой понимал меня существенно хуже, чем ты. И вообще, не наговаривай на себя. Ты прекрасно знаешь, что надо делать, чтобы понять человека -- надо поставить себя на его место.

-- Так вот я ставлю, а получается чушь! Разве я бы стал отказываться от учёбы после того, как даже силком вынудил зрителя меня учить! Разве я воротил бы нос от игр и прогулок? Не понимаю!

-- Значит, придумай, что могло бы тебя заставить так себя вести. Может, какой-то страх. Или неприятные воспоминания. Или, может, он считает, что это плохо для него кончится. Ты прав, ты должен понимать его лучше, ты муданжец и мужчина, я очень слабо себе

представляю заморочки ваших подростков. Вспомни, чего ты боялся в его возрасте... ох, -- я зеваю чуть не до вывиха челюсти. -- Мы сегодня только болтать будем или всё-таки перейдём к чему-нибудь поинтереснее?

-- Хм-м... Отчего бы не перейти... -- мурлычет Азамат таким низким голосом, что кровать дрожит.

-- Отлично, тогда стаскивай с себя всё это барахло, -- дёргаю его за воротник. -- Я помогу.

Совместными усилиями мы избавляем его от ассортимента натуральных материалов -- а все прочие в его гардеробе я давно истребила. Я же не спешу вытряхиваться из тонкого халатика: у нас обычная ситуация, что я первая раздеваюсь, а муж старается оставить на себе как можно больше защитной ткани. Попробуем сегодня наоборот. Вот, уже нервничает, пытается уползти под одеяло. Приходится его оседлать и прижать к кровати, чтобы не дёргался. Начинаю с поцелуев в шею -- он это очень любит, особенно там, где ещё остались следы шрамов.

-- Лиза... я же... не мылся ещё, -- выдавливает он, пытаюсь сохранить остатки рассудительности.

-- Успеется, -- отрезаю. От него действительно пахнет потом, всё-таки на лыжах бегал полдня. Но мне нравится этот запах, он какой-то особенный, не противный и не очень резкий, это просто запах Азамата, так пахнет его подушка, и его любимая, изношенная до прозрачности синяя футболка, и его руки, когда он, вставая на рассвете, гладит меня по щеке прежде чем уйти на весь день. Кожа у него на груди солоноватая, даже на шрамах, и это хорошо, значит, поры заработали. Целую его под мышку и глажу ладонью по животу, прислушиваюсь, чтобы уловить учащение дыхания. Да, это он тоже очень любит.

-- Может, выключим свет? -- предлагает он на тон выше своего нормального голоса.

-- Мы договаривались, что я сделаю что-то новое и приятное для тебя, но не в ущерб себе, так? -- напоминаю я, спуская ладонь ниже.

-- Да, к-конечно.

Какая сговорчивость.

-- Так вот, я хочу сегодня со светом. А чтобы он тебе не мешал, -
- распускаю широкий пояс от халата, -- я тебе сейчас организую

темноту.

И завязываю ему глаза.

-- Лиза! -- он начинает смеяться. -- Я глупо себя чувствую.

Я укладываюсь сверху и настойчиво целую его, пока он не перестаёт ухмыляться, одновременно трусь об него всем телом. Азамат такой высокий, что я не могу дотянуться всюду одновременно, приходится использовать всю длину тела.

Затем я отодвигаюсь и спрыгиваю с кровати. Азамат хмурится и щупает покрывало вокруг себя.

-- Угадай, откуда я продолжу? -- спрашиваю.

-- Надеюсь, что оттуда, где остановилась, -- он поворачивается на звук очень точно, с такой ориентацией в пространстве голову ему особенно не задурить. Но какое зрелище, когда он лежит вот так без ничего посреди постели, волосы размётаны, да ещё глаза завязаны. Сказка!

-- Не угадал, это было бы слишком просто, -- сообщаю я, заходя с торца кровати. Сажусь на покрывало и беру в руки Азаматову правую ступню. Он мгновенно поджимает пальцы. Провожу ногтем по подошве -- ступня скручивается, Азамат издаёт какой-то то ли смешок, то ли хнык. Провожу там же языком.

-- Ай, Лиза, ну ты что-то? Ты же не собираешься... ох.

Это я прикусываю его большой палец. Потом разминаю ступню массажем, пальчики разгибаются, становится можно поцеловать под ними. Он вздрагивает, сжимает покрывало, борясь с желанием снять повязку.

-- Зачем ты это делаешь?

-- Зате-ем, -- отвечаю, не отрывая губ от чувствительной подошвы, -- что я хочу тебя всего, а не только то, что видно, когда штаны расстёгнуты.

-- Ну ты же не можешь хотеть мою ногу! -- возмущается муж, не очень уверенно усмехаясь.

Вместо ответа я кусаю его за пятку. Пятки у него розовые и не очень жёсткие. Боже, ну какой же он красивый! Набираюсь храбрости и так и говорю:

-- Ты очень красивый!

Он фыркает, но не защищается, а на большее я и не могла рассчитывать.

-- Ты мне нужен весь, -- говорю и целую второй пальчик. -- С ногами и с подмышками, -- целую ещё один. -- С внебрачными детьми и стервозными невестами, -- снова пауза на нежности. -- И с неправильным воспитанием. Весь, понимаешь?

Он снова то ли вздыхает, то ли всхлипывает и тянется к повязке.

-- Руки прочь! А то привяжу!

-- Привязывай! -- обречённо соглашается он. -- Делай что хочешь!

В мои изначальные планы это вообще не входило, но разве ж можно отказать в такой потребности? К счастью, под руку подвернулся его же собственный ремень, правда, спинка кровати у нас цельная, не за что зацепить. Приходится пропустить ремень сквозь ручку окна, надеюсь, замок выдержит, а то там выюга...

Исходно я всего лишь собиралась сделать ему подробный массаж всего тела в сопровождении ласки, а потом попробовать какую-нибудь новую позу, подходящую нам по габаритам, но по ходу так увлеклась... В общем, сама и не заметила, как всё закончилось пурпурной дымкой, причём меня настолько пёрло от доставления ему удовольствия, что я сама себя довела до пика, чего не случалось уже много лет. Но он же такой потрясающе чувствительный, отзывается всем телом на каждое прикосновение, и так трогательно дышит, и на груди у него выступают капельки пота просто от того, что я массирую ему внутреннюю сторону бедра, и этот его запах, такой родной и домашний, и огромные мускулы, скользящие под кожей, когда он приподнимается, ища ласки, его волосы, блестящие, скользкие, налипшие на лоб, боже -- а лучше боги, эти, которые тут всем заправляют, -- ну до чего же он красивый!!! И это уже у меня мутнеет в глазах.

Я падаю на него сверху, чтобы чувствовать, как восстанавливается его дыхание. Целую, и он не сразу отвечает на поцелуй -- то ли ещё не пришёл в себя, то ли и правда сознание потерял на пару секунд, кто знает... Стаскиваю с него повязку, проверить -- нет, ничего, моргает, правда, взгляд расфокусированный совершенно.

-- Мхм... -- говорит мой дорогой, потягивая за ремень, чтобы освободить руки. Окно жалобно трещит.

-- Не дёргай! -- хохочу я, вскакивая, чтобы расстегнуть пряжку. К счастью, Азамат слушается, а то пришлось бы нам ночевать в гостиной. Руки он так и роняет на подушку над головой, и мне приходится их перекидывать, а то ведь затекут в таком положении.

-- Что это было? -- спрашивает он сонно с блаженной улыбкой.

-- Если расскажу, интрига пропадёт, -- ухмыляюсь я.

-- Тоже верно, -- покладисто кивает Азамат, с трудом удерживая тяжёлые веки открытыми. -- Надо в душ, да?

-- Да неплохо бы, -- я оглядываю результат своих трудов. -- И покрывало поменять...

Азамат с видимым усилием поднимается с кровати -- это при его-то ловкости и энергии -- и покорно топаёт в душ, прихватив меня по дороге за плечи. В кабинке он садится на пол и обнимает меня за ноги, пока я мылю и споласкиваю нас обоих.

-- Знаешь, меня часто спрашивают... -- произносит он медленно, -- как у нас с тобой всё происходит. Я не отвечаю, потому что не их дело, обсуждать постельные привычки женщины с другими мужчинами -- низко и гнусно. Но иной раз так и хочется сказать какому-нибудь красавцу, мол, твоя жена тебя, небось, и руками не трогает, не то что...

Он замолкает и целует меня в бедро. Я иногда задумывалась, обсуждает ли Азамат меня со своими друзьями, но меня это не сильно беспокоило: я была вполне уверена, что ничего плохого он не скажет. Однако он, как всегда, оказался ещё благороднее.

-- погоди, -- говорю, -- вот Эсарнай переведёт фильмы-то, тут все и осознают, что я с тобой делаю в свободное от работы время.

Азамат молчит некоторое время, потом начинает смеяться.

-- Ах вот чего ты взялась искоренять во мне стыдливость... Да-а, я хочу посмотреть на некоторые лица, когда они поймут... Лиза, ты знаешь, я много думал и пришёл к выводу, что в моём языке нет слов, чтобы выразить, что я чувствую к тебе.

-- Я знаю, меня ещё в колледже предупреждали. Вставай, пошли в кроватку.

Он вздымается, как горный великан, уперевшись руками в стенки душевой, с волос по всему телу текут ручейки. Он собирает пряди вместе и выжимает их, так что они скручиваются и выгибаются, как снятая с дерева лиана. Мы наскоро вытираемся и заползаем под

одеяло. Сдёрнутое покрывало кучей валяется рядом, с ним можно разобраться потом.

-- Научи меня, -- говорит Азамат, придвигаясь ко мне поближе, -- как об этом говорят в твоём языке?

-- Я люблю тебя, -- сообщаю я, не очень твёрдо понимая, это справочная информация или декларация чувств.

-- Я люблю тебя, -- повторяет он старательно. -- Лю-у-у-блю-у-у. Какое нежное слово. У нас есть одна ночная птица, которая так кричит, грустно и трогательно.

Он ещё пару раз перекатывает понравившееся слово на языке, потом берёт моё лицо в руки и, внимательно глядя мне в глаза, осторожно выводит:

-- Я люблю тебя.

-- Я тебя тоже, -- улыбаюсь я.

Глава 21

Завтрак Азамат приносит мне в постель, как в старые добрые времена.

-- Я смотрю, тебе вчера понравилось, -- сонно хмыкаю я.

-- Конечно, понравилось, -- бодро отзывается он, деловито размешивая мне сахар в кофе. Такой муж мне нравится существенно больше, чем то, что бродило по дворцу последнюю пару недель с невидящим взглядом. Протягиваю руку и глажу его по щеке -- она ещё бугристая, но уже почти нормального цвета. Азамат целует мою руку.

-- Ты сегодня в хорошем настроении, -- замечая я.

-- Я последовал твоему совету, -- улыбается он, подавая мне чашку. -- Попросил Кира помочь. Это и правда творит чудеса: он немедленно стал вести себя нормально.

-- А к чему ты его припахал? -- интересуюсь, кроша на одеяло печеньем. Всё равно сегодня всё стирать, можно и помусорить.

-- Готовить завтрак Алэку. Мне мать рассказала несколько отличных рецептов такого пюре, как ты с Гарнета заказываешь. Алэк уплетает за обе щеки!

Я с трудом проглатываю печенье.

-- Ты не мог бы показать мне эти рецепты прежде, чем проверять их на ребёнке? И, надеюсь, ты проследил за Киrom, когда он готовил?

Волосы Азамата резко становятся пышнее -- как будто хотят встать дыбом, но не могут из-за длины.

-- Лиза! Ты что! Кир не причинит вреда Алэку, как ты можешь такое предполагать?!

Ясно. Уровень адекватности: ноль целых, хрен десятых.

-- Я не имела в виду нарочно, -- поясняю по слогам. -- У Кира представления о санитарии даже по твоим меркам дикие. Применительно к целительству он, кажется, уразумел, что к чему, но на еду это вряд ли перенёс.

-- А... -- муж немного теряется. -- Извини, я тебя неправильно понял.

-- Да, я заметила, -- киваю, недоумённо его рассматривая. -- И судя по твоей реакции, у тебя у самого были опасения по этому поводу.

-- Ну, -- Азамат на секунду опускает глаза, -- он, конечно, немного завидует Алэку. Но я абсолютно уверен, что Кир не станет ему нарочно вредить. Я понимаю, если бы Алэк был постарше, а так -- младенец, ну что с него взять?

-- Да нет, они вроде нормально друг к другу относятся. Но ты бы всё-таки за Киром присмотрел, мало ли, где он напортачит. Будет хуже, если он что-то сделает не так, а мы никак не сможем узнать, была ли это ошибка или умысел.

-- Естественно я за ним присмотрел, -- заверяет Азамат. -- Я и овощи вымыл, и всё необходимое ему сам выдал. А рецепты, я думаю, хорошие. Ма по ним меня в детстве кормила, видишь, выжил. Да и вообще она плохого не посоветует. Ты сама говорила, что у неё хорошая интуиция в делах здоровья. У Алэка покупной еды одна баночка осталась, остальное всё скисло. Я не хотел тебя будить...

-- Ну ладно, живи. А с матерью ты сегодня уже разговаривал, что ли?

-- Да, она звонила спросить, как там Аронова девочка. Боялась сразу ему набрать, мол, вдруг дочка не выжила.

Я тяжело вздыхаю. Ийзих-хон могла бы и побольше верить в мои способности.

-- Так что, Кир тебя послушался и даже не устроил скандал?

-- Именно! Да не просто послушался, мне кажется, он с удовольствием взялся за дело. Видно и правда ему нравится приносить пользу.

-- Ну пойдём, -- говорю я, выскребаясь из кровати, -- посмотрим на это чудо.

Внутренне мне всё же не по себе, я ещё никогда не оставляла Кира с Алэком наедине. Вроде последнее время Кир Алэка принял. Но всё равно не по себе.

На кухне моему взору представляется столь умильная сцена, что все сомнения отпадают: Алэк сидит, по всей форме укомплектованный в детский стульчик, а Кир кормит его с ложечки детским пюре, бормоча себе под нос всякие поговорки и прибаутки типа "бог в дом зашёл -- Алэка нашёл, его оглядел и поесть ему велел". Мелкий радостно разевает рот и очень старается ничего не потерять.

-- Уть-ти госьпади, -- всплёскиваю руками. -- Прелесть какая.

Кир отвлекается от своего бормотания и как-то виновато смотрит на меня.

-- Доброе утро... я тут... э...

-- Ты тут молодец, это я вижу, -- улыбаюсь и иду налить себе сока.

Азамат отклеивает от холодильника липкий листок и протягивает мне -- там несколько рецептов пюрешек. Я прочитываю и одобряю.

-- Чем сегодня будем заниматься? -- спрашиваю.

-- Надо съездить в табун, -- задумчиво произносит Азамат, располагаясь на диване под окном. -- Через несколько дней приедет Арон, пойдём на охоту. Но я не хочу идти в лес, чтобы нашего мохнатого соседа не беспокоить. А в степи без лошадей никак. Вот, надо выбрать несколько да перегнать сюда. У Кира вообще собственного коня нету...

-- Я не хочу на охоту, -- тихо говорит Кир.

Азамат на мгновение закрывает глаза, видимо, подавляя какой-то порыв.

-- Ну, это ты сейчас не хочешь, -- говорю. -- Погоди, Арон приедет, рассказов понараскашивает, глядишь и захочешь.

-- Лошадь тебе нужна в любом случае, -- подхватывает Азамат. -- В табун мы поедем все вместе, а одного я тебя дома не оставлю. А будешь капризничать, -- Азамат строго сдвигает брови, -- заставлю объезжать молодых жеребцов!

Кир не пугается, только морщит нос и отворачивается.

-- Это ведь опасно, -- неуверенно говорю я. -- Лошадь ведь может сбросить и копытом наподдать... и вообще.

-- Конечно, опасно, -- соглашается Азамат. -- Поэтому я очень надеюсь, что Кир будет вести себя хорошо, -- он многозначительно смотрит на сына. Кир снова корчит рожу.

-- Ну нет, дорогой, так не пойдёт, -- мотаю головой. -- Ещё покалечишь мне ребёнка! За плохое поведение будет навоз убирать за этими самыми лошадьми. Безопасно, зато противно. Но вообще я не вижу, почему бы это Кир вдруг стал плохо себя вести. Подумаешь, не хочет человек на охоту. Я вот тоже не хочу, меня же ты не станешь за это заставлять объезжать лошадей.

-- Да тебя и заставлять не надо, -- хохочет Азамат, вероятно, вспомнив нашу весеннюю вылазку. -- Я вообще не знаю, стоит ли тебя в этот раз к лошадям подпускать, ещё разбегутся, ищи их потом по степи!

-- Я могу и дома посидеть, -- говорю.

-- Да нет, -- вздыхает Азамат. -- Не сердись, Лиза. Я хотел тебя попросить обратно унгуц отогнать, потому что мы-то верхом вернёмся. Не Алэка же за руль сажать.

-- Ладно, -- милостиво соглашаюсь. -- Так и быть, поработаю пилотом. С тебя ужин и сказка детям на ночь.

-- Обязательно, -- склабится Азамат.

В степи ветрено и зябко, на траве то ли снег, то ли иней, но лошади ещё пасутся. С одного из шатров сорвало часть внешней обивки, и двое пастухов под аккомпанемент цветистых выражений закрепляют всё обратно. К нам выбегает мужик из Долхота, который в своё время восхищался Азаматовыми боевыми навыками. Он, кстати, воевал, пока война шла на планете, получил награду и потерял палец на руке. Я же ему протез и ставила.

-- Ахмад-хон! -- радостно восклицает он на бегу к нам. -- Простите ради небес, у нас тут небольшая авария... Хотон-хон! Да благославят вас боги! Я уж думал, вы тут больше не появитесь.

Добежав, он кланяется, заложив руки под мышки. Потом вынимает и разводит ими:

-- Ба-а, да и оба князя с вами!

-- Счастлив будь, -- приветствует его Азамат и подталкивает Кира, который быстро кивает. Алэк, примотанный к папе, машет

кулачком.

-- Как палец? -- спрашиваю я.

-- Отлично! -- пастух улыбается так широко, что зубы мудрости видать, и выставляет вперёд грязноватую пятерню. Палец и правда неотличим от других, даже уже пожелтел от табака. -- Я о нём и помню-то только потому, что положил себе за правило каждый вечер возносить гуйхалах за вашу целительную силу, Хотон-хон!

-- Спасибо, -- киваю я.

Кир с интересом рассматривает руку пастуха и косится на меня.

-- Ну что, -- Азамат окидывает взглядом пасущихся лошадей. -- Показывай прошлогодних жеребцов побойчее, надо сыну подобрать достойного спутника.

Кир пригибает голову, но пастух не замечает: рассыпается в уверениях, что у них все лошади первоклассные, а потом увлекает нас за собой в гущу копытных.

-- А что у него было с пальцем? -- тихо спрашивает Кир у меня.

-- Лазером отрезало, -- пожимаю плечами. -- Я бы просто пришила его обратно, но эти идиоты потеряли сам палец, так что пришлось ставить искусственный.

Кир поудобнее складывает брови и делает вид, что ему всё понятно.

Внезапно из-за шатров раздаётся визг и лай.

-- Филин!!! -- вопит Кир и уносится на звуки.

-- Ох ты ж... -- оборачивается Азамат. -- Как бы этот пёс с местными не подрался, я и забыл о нём совсем. Пойдёмте посмотрим...

Мы довольно резво добегаем до шатров и видим там эпическую картину: Кир в окружении местных собак одной рукой вцепился в ошейник рвущегося в бой Филина, другой сжимает какую-то длинную железяку и грозит ею пастушьим собакам.

Азамат выкрикивает раскатистую команду, так зычно, что эхо от гор возвращается. Местные псы поджимают хвосты, отбегают и ложатся. Филин облизывается, садится и машет хвостом, как ни в чём не бывало.

-- Давай-как его на поводок, -- уже человеческим голосом предлагает Азамат.

Кир косится на него с таким видом, что если бы у него был хвост, обязательно бы поджал, но поводок достаёт.

-- Да сам уже понял, -- бурчит под нос.

-- Ишь ты какой у вас пёс! -- ахает пастух. -- Никак худульский горный?

-- А то! -- ухмыляется Азамат. -- Дворняг не держим.

-- Вот это кто-то одарил своего Императора! -- продолжает восхищаться пастух, обходя вокруг Филина, который склонил голову набок и смотрит вопросительно, мол, чего ходишь, может, вкусное что предложишь?

-- Это князя пёс, -- качает головой Азамат.

-- И где ж вы его взяли, Нойн-хон? -- допытывается пастух.

-- Нашёл в лесу, -- кратко отвечает Кир. -- Мамку медведь задрал.

Пастух отрывается от созерцания пса и переключается на Кира.

-- Одна-ако, Нойн-хон хорошо знает леса...

Кир ощетинивается и отворачивается.

-- Ладно, -- прерывает их Азамат. -- Ты хотел нам показать жеребца. Пойдёмте, а то уже за полдень.

-- Так Филин -- породистый? -- спрашиваю я Кира.

-- Угу.

-- А что, это какая-то редкая порода? -- продолжаю я.

Кир смотрит на меня, как будто заподозрил у меня Альцгеймера.

-- Естественно. Это же худульский горный пёс.

-- А чего Гхан с ним так обращался тогда? -- недоумеваю я. -- Он ведь дорогой, наверное.

-- Ну я что, дурак, Гхану говорить, что у меня пёс породистый! Он бы его продал сразу и всё. Я и сам двух других щенков продал, которых нашёл.

-- А, так Гхан не знал?

-- Конечно, нет, -- нетерпеливо вздыхает Кир. -- С его ногой только в окна заглядывать, смотреть, как богатые люди живут!..

Кир осекается, поняв, что ляпнул лишнего. Я кладу ему руку на плечо.

-- Азамат работает над тем, чтобы в приютах стало лучше жить.

-- Знаю, -- буркает Кир и поддёргивает поводок покороче, чтобы Филин не запутался в лошадиных ногах вокруг.

-- Ну вот, например, -- громко произносит пастух, останавливаясь около горы рябого меха. -- Второгодочка, быстрый, как

стрела. Небольшой, мальчику подойдёт.

-- Мы не на год коня подбираем, -- замечаем Азамат. -- Князь скоро с меня ростом будет, куда ему небольшого конька?

Скотина обиженно фыркает. Кир старательно изображает, что его это всё не касается.

-- Ну вы хоть прикиньте... -- разводит руками пастух. -- Зверь-то правда хороший. Давайте я собачку подержу.

Кир хмурится и отдаёт поводок Азамату. Обходит лошадь спереди, трогает за морду. Мне даже на это смотреть страшно -- щас этот конь его как укусит! Но ничего, вроде обошлось. Кир кладёт руку скотине на хребет, примеривается и запрыгивает. Конь оборачивается посмотреть, что это за дрянь прилипла у него к спине. Кир отдаёт тихую команду, и конь нехотя трогается с места. Филин понимает, что хозяин уезжает без него и заливается испуганным лаем. Со стороны шатров ему откликаются местные. Алэк решает немного похныкать.

-- Спокойно! -- с нажимом приказывает Кир. -- Я никуда не ухожу.

Лучше всего это действует на Алэка. Мы с Азаматом хихикаем.

-- Ишь ты, как пёс переживает, -- раздаётся у нас за спиной голос другого пастуха, который с севера.

-- Да, они такие друзья, звездолётами не растащишь, -- довольно отвечает Азамат, не отвлекаясь от созерцания Кира на коне.

Северянин здоровается со мной и присматривается к Филину.

-- Неужто худульский горный?..

-- Он самый! -- поддакивает второй пастух.

-- Вот это да... За сколько ж вы его купили, Ахмад-хон? Если не секрет?

-- Его сын в лесу нашёл, -- бездумно отвечает Азамат, внимательно следя, как Кир спорит с конём о скорости перемещения. Животное ленится переходить на галоп.

Пастухи переглядываются. Я с интересом изучаю их мимику -- вроде как свои люди, не станут же они красть собаку своего князя, правда? Но какой-то заговор тут явно происходит.

Кир возвращается рысью и спрыгивает с лошади.

-- На этом ездить -- только ругаться, -- сообщает он.

-- А, так вам послушного надо? -- с плохо скрываемой усмешкой спрашивает северянин. -- А мы думали быстрого...

-- Ему хорошо бы неленивого, -- отрезает Азамат. -- Конь должен сначала переходить на галоп, а потом уже спрашивать, зачем. А этот только и оборачивается, мол, уверен наездник? А может, ещё порысим?

Кир улыбается в воротник, пастухи снова переглядываются. Да что такое, не пойму?

Пастух-северянин подводит нас к другому коню, побольше. Мне против света вообще не видно, где он там заканчивается. Шерсть у него белая с серым. Наверное, если бы был короткошёрстным, был бы в яблоках, а так просто рябой. Кир рассматривает его безо всякого энтузиазма, выслушивая похвалы пастуха. Как и с первым, знакомится, погладив по морде. Потом заходит с боку, подпрыгивает, чтобы дотянуться до хребта и подтягивается на руках. Конь издаёт возмущённое кудахтанье и дёргает с места куда-то в бескрайние просторы. Киру удаётся его притормозить примерно через полкилометра.

Азамат качает головой.

-- Вы чего, лошадей нормально объездить не можете? Куда это годится?

-- Да он послушный, только пугливый немного, -- оправдывается северянин.

-- Да? -- грозно переспрашивает Азамат. -- И почему ты решил, что сыну Императора подойдёт пугливая лошадёнка? Мне что, приплатить вам нужно, чтобы лучшего коня получить?

Кир возвращается и прыгивает на землю, даже не пытаясь высказаться по поводу лошади: Азамат и так за него говорит.

-- Ну, ну, не кипятитесь, Ахмад-хон! -- пастух поднимает ладони. -- Давайте я вам самого-самого послушного коня покажу. Вот, пожалуйста.

Он подзывает зеленовато-бурую скотинку с несчастными глазами. Кир глубоко вздыхает и тихо-тихо говорит:

-- Отец... А можно мне... покрасивее?

Азамат хмыкает и хлопает Кира по плечу.

-- Пройдись-ка ты вокруг, сынок, да присмотри себе сам какого хочешь.

Кир забирает у него Филина и уходит в гущу лошадей, а мы остаёмся отчитывать пастухов. Минут через пятнадцать ребёнок

возвращается верхом и вполне довольный. Скотина под ним чёрная с ярко-рыжими гривой и хвостом, как у моего Пудинга, Филин трусит рядом, довольно погавкивая.

-- Вот, -- Кир демонстративно объезжает вокруг нас. -- Этого хочу.

Азамат хлопает коня по шее.

-- Да, неплохо, неплохо. Полуторалетка, да?

-- Ему год и семь, -- говорит пастух-долхотчанин. -- Но этот с норовом, абы кого к себе не подпускает.

-- Сын у меня тоже с норовом, -- усмехается Азамат. -- Достойная пара.

Кир напрягается, пытаюсь понять, похвала это была или укор.

-- Хороший, хороший, -- заверяю его я. -- Ты, Кир, я смотрю, вообще со зверьём легко ладишь.

Ребёнок смущённо кивает.

К нам приближаются остальные два пастуха, наконец-то сладившие с шатром.

-- Здоровья вам, Ахмад-хон, Хотон-хон, -- в унисон желают они, кланяясь. -- Извините, что сразу не подошли, -- продолжает один. -- Видите, на этом ветру чуть крышу не унесло.

-- Да я смотрю, она у вас закреплена как-то хлипко, -- замечает Азамат. -- Так на малых шатрах крепят, на большом и не будет держаться. Вы бы...

Дальше он пускается в объяснения технологии, которых я не понимаю, так что я переключаюсь на Кира. Он довольно гладит по гриве своего нового коня.

-- А тебе не нравятся такие серебристые, как у Азамата? -- спрашиваю.

Кир невнятно поводит плечом.

-- Я пойду ещё проедусь, -- говорит он вместо ответа и отчаливает под весёлый лай Филина.

-- Хотон-хон, -- негромко окликает меня пастух-долхотчанин. -- Может, вы знаете, почём собачку-то покупали?

-- Да не покупал её никто! -- пожимаю плечами. -- Чего вы зациклились? Мы Кира вместе с собакой нашли, с собакой и забрали.

-- А-а... -- странным тоном протягивает северянин. -- Ну тогда конечно, приходится говорить, что нашёл, это понятно. Императорский

сын всё-таки, негоже...

-- Думаете, я не слышу?! -- вопит у меня за спиной Кир. -- Я его не крал! Я знаю, что все думают, что я его украл, но я не крал!!!

Он подлетает к нам и спешивается, на щеках красные пятна, в глазах слёзы. Я беру его за локоть -- ишь как его проняло!

-- Кир, успокойся, чего ты так переживаешь?

-- Того! -- ребёнок разворачивается ко мне и продолжает тем же громким надорванным голосом. -- Меня это уже достало! Все думают, что я вор! А я его не крал!!!

-- На меня-то не кричи, -- говорю. -- Я знаю, что ты его не крал. Что ты так нервничаешь из-за двух идиотов, которые только и годятся коров пасти?

Кир замолкает неожиданно для самого себя, зато я замечаю, что Азамат больше не обсуждает устройство крыши, а наблюдает за развернувшейся сценой, одной рукой покачивая Алэка.

-- Я слышу, -- говорит он негромко, но угрожающе, -- что моего сына здесь обвиняют во лжи и воровстве. Уж не потому ли были такие проблемы с подбором лошади, что вы считаете князя недостойным своего титула?

-- Прощения просим, Ахмад-хон! -- выпаливает долхотчанин, низко кланаясь. -- Никого не хотели обидеть, удивились неуместно, не гневайтесь!

Азамат кивает и отворачивается обратно к работягам. Долхотчанин тычет северянина под рёбра, мол, тоже неплохо бы извиниться.

-- Да ну к шакалу, -- шипит северянин. -- Какой он ему сын? Шваль безродная!

Кир бросается на него, но не успевает ничего сделать, потому что кулак Азамата, внезапно оказавшегося очень близко, прилетает пастуху в ухо. Он валится на землю. Повисает неприятная тишина. Я осторожно носком ботинка подталкиваю тело -- оно стонет.

-- Не убил, -- с ироничным сожалением говорю я.

-- Ещё чего, -- огрызается Азамат. -- За такую падаль компенсацию платить. Пускай своим потом зарабатывает. Только не здесь.

Я беру за локоть Кира, который нервно сглатывает, переводя взгляд с разгневанного отца на побитого обидчика. Азамат подаёт не

лучший пример своим поведением. Кира я пыталась отучить ровно от этого, а его образец для подражания внезапно выкинул тот же самый номер. Ну зато теперь видно, в кого мальчик растёт.

-- Ещё кто-то из присутствующих хочет высказаться по поводу моего сына? -- тихо интересуется Азамат.

-- Отличный парень! -- выпаливает долхотчанин. Двое других молчат, опустив головы.

Азамат задумчиво кивает и оборачивается к долхотчанину.

-- Тебе поручаю найти замену этому недоумку. Чтобы завтра его уже тут не было. Вы двое, -- бросает он остальным пастухам. -- Приведите мне двух послушных серебристых коней лет пяти. Послушных. Серебристых. Лет пяти. Двух. С первого раза справитесь?

Он так зыркает на пастухов, что даже мне делается жутковато несмотря на общую комичность Азамата в пёстром слинге с сонным младенцем. Кир весь напрягся. Пастухи вообще того и гляди обделаются -- кивают, как болванчики, и бегом кидаются выполнять приказ. Через две минуты перед нами образуются заказанные кони. Азамат берёт их за подбородки обеими руками и ведёт прочь, туда, где стоит наш унгуц. Я, Кир, Филин и Киров жеребец плетёмся следом. Алэк, которого перестали покачивать, принимается хныкать.

Когда мы отходим на изрядное расстояние от пастухов, Азамат немного расслабляется и перестаёт испепелять взглядом траву под ногами.

-- Не расстраивайся, малыш, -- неожиданно дружелюбно говорит он Киру. -- Идиотов вокруг много, и ты, конечно, ещё натерпишься оскорблений. Но помни, что подобные высказывания позорят не тебя, а того, кто их делает. Ты конём доволен?

Кир кивает, почёсывая гигантское копытное под мордой.

-- Вот и отлично, -- улыбается Азамат. -- Тогда, я думаю, пора домой. Лиза, ты не возьмёшь маленького в унгуц? Я боюсь, он устал и хочет вернуться поскорее.

-- Давай.

Кир наблюдает за передачей Алэка, постепенно приходя в себя. У меня на руках мелкий начинает намекать, что нехреново бы пожрать.

-- Подожди немного, -- говорю. -- Тут лететь десять минут, дома поешь.

-- Отец... -- тихо окликает Кир.

-- Ау? -- оборачивается Азамат, закрепляя на мне концы слинга.

-- Вы... вы верите, что я не крал?...

-- Конечно, верю, -- не задумываясь отвечает Азамат. -- Ты мне до сих пор никогда не врал, так почему я должен сомневаться?

Кир пожимает плечами, но на лице его хорошо заметно облегчение. Я глажу его по плечу.

-- Филин к тебе так привязан, что сразу видно, ты его из беды выручил, -- говорю. -- Он с вами побежит?

-- Да, -- несколько раз кивает Кир. -- Он может сколько угодно бежать, до дома -- это вообще легкотня.

-- Ну ладно, тогда мы с Алэком полетели. И да, Азамат, спасибо за демонстрацию. Теперь я знаю, как ты "объясняешь подходчивее".

Азамат смущается.

-- М-да, немного не сдержался, вообще, конечно, мне не подобает лично силу применять. Прежние Императоры на такой случай с собой стражу таскали, но мне это как-то не очень удобно... Да и кто бы мог предполагать...

Алэк принимается скулить, и я поспешно вставляюсь за руль. Кажется, Кир снова голову повесил, ну ладно, приедут -- тогда и будем разбираться.

Дома я первым делом кормлю Алэка. Он уже во всю ревет, так что готовить или греть утреннее некогда, обхожусь молоком. Зубы пока не начали резаться, так что мне ничто не мешает. Алэк вообще развивается во вполне земном темпе, разве что чуть-чуть ближе к верхнему порогу нормы. Хоть и муданжец наполовину, всё же не такой неторопливый, как местные дети.

Однако ребёнок что-то оголодал на совесть: выпил всё, что было во мне, и потребовал ещё. Я, правда, сегодня почти ничего не ела, только печенье утром. Видимо, молока было мало. Приходится достать из морозилки и разогреть пакет со сцеженным молоком. Оно не такое вкусное, да и вообще скорее всего кто-то просто выпендривался: пару глотков сделал из бутылочки и всё, больше не хочет. Вот переводчик продукта маленький! И уже хнычет, изворачивается, пора спать.

Уложив мелкого, устраиваюсь на кухне с остатками вчерашнего супа и раздумываю, что делать с целой бутылкой тёплого молока. Замораживать обратно -- нехорошо, в следующее кормление я бы лучше свеженького мелкому дала. Не блины же на нём печь...

Азамат с Киром добираются до дома довольно быстро. Я слышу ржание лошадей на улице, лай Филина. Табун пришёл к нам домой, да. Высовываю нос за дверь.

-- Вы бы уняли зверьё, -- говорю. -- Мелкий спит.

-- Да-да, извини, -- быстро кивает Азамат и машет Киру, чтобы шёл за ним располагать коней в стойлах на стоянке унгуцев. Филин залезает в свою конуру, и я ставлю размораживать для него кусок мяса.

Кир заходит в дом радостно-возбуждённый, без напоминания моет руки и покрасневшее лицо.

-- Там в микроволновке еда для твоего драгоценного пса, -- говорю. -- Я не стала его кормить, подумала, ты сам захочешь.

-- Спасибо, -- скалится ребёнок и бежит к конуре.

-- Ну что, -- Азамат тоже моет руки и распахивает холодильник. -- Как насчёт хшур?

-- Отлично! -- в один голос одобряем я и вернувшийся Кир.

-- Поможешь? -- лукаво спрашивает Азамат через плечо.

-- Ага! -- с готовностью соглашается Кир. Потом заглядывает сбоку от Азамата в холодильник. -- А можно чего-нибудь быстренько перекусить? Может, сыр какой-нибудь завалялся?

-- Моего молока хочешь? -- усмехаюсь я, поскольку так и не придумала, что с ним делать.

-- Вашего? Это как? -- не понимает Кир.

-- Ну, грудного. Вон в бутылке стоит. Я для Алэка сцеживаю, а он не допил.

Кир смотрит на меня так, как будто у меня выросло три головы.

-- А что, можно?

-- А почему нет? -- пожимаю плечами. -- С ним ничего не сделаешь. Правда, предупреждаю, оно не очень вкусное. Азамату, например, не нравится.

Азамат следит за Киром с ухмылкой. Алэк не первый раз молоко не допил, и я уже пыталась заставить Азамата его утилизировать. Он сначала бормотал, что это как-то неправильно, а потом попробовал и долго мучился, как необидно мне сказать, что это ужасная гадость - - сладкое молоко, фу-у-у. Я могла бы и сама догадаться, что он будет плевать. Мне-то тоже не очень нравится. Вот теперь Кира честно предупреждаю.

Кир оборачивается к отцу.

-- Правда можно?

-- Да пей уже, если так хочешь, -- усмехается Азамат, снимая с бутылки соску. -- Но оно действительно... э-э... специфическое.

Кир благоговейно берёт бутылку и осторожно отпивает из горлышка, закрыв глаза. Потом некоторое время ждёт. Потом открывает глаза и счастливо смотрит на меня.

-- Оно прекрасное. Спасибо. Можно я допью?

-- Пей, господи, сиротинушка, -- прыскаю я. -- У меня ещё целый ящик в морозильнике этого добра, и свеженькое на подходе.

Кир медленно, небольшими глотками и причмокивая употребляет всю бутылку, потом ещё несколько раз благодарит меня и почему-то Азамата. Муж тем временем принимается рубить мясо для хшур. Покончив с молоком, Кир берётся за тесто. А я сижу и кайфую: мужики работают, ребёнок спит, лошади в стойле, пёс в конуре, куница в вольере, котята на диване. Да ещё в доме прибрано -- уборщик приходил. Лепота.

После ужина я усаживаю Кира разматывать нитки, а сама продолжаю вязать. Под это дело ставлю следующую передачу про тритонов и саламандр. Азамат сидит с нами и отвечает на письма. Прекрасный вечер в кругу семьи. Кир наостряется разматывать нитки не глядя и жадно читает субтитры. Даже выучивает несколько слов на всеобщем.

На ночь Азамат читает нам всем сказки, как и обещал. В том числе странную сказку с сюжетом вроде "О царе Салтане", только вместо одного Гвидона в ней фигурируют золотой мальчик и серебряная девочка. Муданжские сказки вообще странные, но эта особенно удалась: мать главных героев злые враги живьём зарыли в землю, однако лет через двадцать раскаявшийся муж её откопал, и она неплохо сохранилась. Принялась петь и танцевать, уговорила плодоносить какую-то засохшую яблоню и напоила своих взрослых женатых детей мёдом из груди. Я понимаю, конечно, почему сегодня Азамат выбрал именно эту сказку, но как бы мне кошмары сниться не начали от таких сюжетов. На Кира, впрочем, кажется, впечатления не произвело.

-- Последняя сказка была ужасная, -- сообщаю мужу, укладываясь в постель.

-- Да-а, -- урчит Азамат. -- Она очень древняя, а в древних сказках больше символов, чем красоты. Но я подумал, что Киру будет полезно её послушать. Материнское молоко -- это очень важный символ на Муданге. Ты ведь знаешь, у нас женщины редко кормят сами, так что это своего рода благословение Богини-Матери. Спасибо тебе, что его угостила. Я подумывал тебя попросить, но решил, что это будет уже слишком, ты и так его очень хорошо приняла.

-- Он поэтому десять раз разрешения просил? И потом благодарил тебя за что-то? Я уж так и подумала, что тут какое скрытое значение.

-- Да уж какое скрытое, -- хмыкает Азамат. -- Его родная мать ему ни капли не дала в своё время, а тут вдруг ты, чужая, в общем, женщина, предлагаешь целую бутылку. Вот это я понимаю приём в семью.

-- Давно бы сказал, -- пожимаю плечами. -- Может, он бы быстрее к нам привык.

-- Я думаю, если бы ты ему прямо сразу молока предложила, он бы решил, что мы опасные безумцы, -- смеётся Азамат. -- По-моему, всё вышло просто отлично, потому что не нарочно. Может, он теперь успокоится наконец. Эх-х... -- Азамат подгребаёт меня поближе и трётся щекой о мою макушку. -- Может, кончились наши невзгоды, как ты считаешь?

-- Не гадайвай, -- кривлюсь я. -- Нас так просто в покое не оставят.

Лошадь -- это не только средство передвижения и спутник жизни, это ещё и классная увлекательная игрушка, навряд ли нового телефона. И мои мальчишки явно в детстве не наигрались. Вот уже полдня выгуливают своих скотов, меряются, чей выше прыгает, и учат мелкого командам. Он, правда, визжит всё что угодно, только не то что нужно, и лошади немного нервничают.

Я постояла понаблюдала за этим развлечением минут двадцать, зевнула и пошла домой консультировать страждущих на форуме. И вот как раз когда я обдумываю, как бы потактичнее и попонятнее объяснить некоему зажиточному фермеру, что с его сыном всё хорошо, а вот у него самого запущенная паранойя, мне звонит Алтонгирел.

То есть, звонит он не совсем мне, а просто на местный большой бук, которым мы с Азаматом пользуемся неразлично.

-- А, -- говорит, -- это ты. Здравствуй. Где Азамат?

-- Выгуливает детей и зверей, -- отвечаю. -- И тебе привет.

Алтонгирел откачивается сначала в одну сторону, потом в другую, как будто хочет удостовериться, что муж не стоит у меня за спиной, подслушивая разговор.

-- Да нету его, -- говорю. -- Он на стоянке.

-- Угу, -- Алтонгирел усаживается поудобнее и вдруг пригибается к экрану и спрашивает шёпотом: -- Ну как они ладят?

-- Последние пару дней ничего, -- задумчиво склоняю голову. -- Хотя Кир по-прежнему странноватый. Вроде всё хорошо, всем доволен, вдруг смотришь -- опять надулся. Вчера, например...

Я кратко пересказываю вчерашний эпизод с побитым пастухом. Алтонгирел смотрит на меня пристально и корчит самые невообразимые рожи. В конце он страдальчески потирает лоб и некоторое время молчит.

-- Что скажешь, духовник? -- спрашиваю.

-- Наверное, хорошо, -- медленно начинает Алтонгирел, -- что Азамат двинул этому полудурку.

-- Конечно, хорошо, -- удивляюсь я. -- Есть сомнения?

-- Я в том смысле, -- продолжает Алтоша, -- что раньше бы он так не сделал. До твоего появления он принимал оскорбления как должное, никому даже в голову не приходило, что ему обидно...

Я нетерпеливо вздыхаю.

-- Ну естественно у него с тех пор повысилась самооценка! Если ты не заметил, его вообще-то Императором сделали, а такие вещи обычно влияют на отношение к себе, знаешь ли. Я поражаюсь, как этот козёл посмел рот открыть. Это ж надо быть таким кретином, чтобы опустить сына Императора в его присутствии! На что он рассчитывал, интересно? Что Азамат глухой?

-- В том-то и дело, -- хмурится Алтонгирел. -- Если бы этот мужик самого Азамата оскорбил, Азамат бы сдержался. Он вспылил из-за мальчишки. Это, конечно, тоже кое-что говорит об этом... как ты его называешь... самомнении. Пастух, конечно, идиот, но сама ситуация показательна: народ не принимает безродного князя.

-- Но официально Кир -- безродный, -- возражаю я.

-- Ага. И все, конечно, верят.

-- Хочешь сказать, Азамату что-то угрожает? -- озабоченно спрашиваю я.

Алтонгирел пожимает плечами.

-- Он сам себе главная угроза. Надо было найти мальчишке приличную семью на Гарнете, а лучше ещё подальше, установить пособие и расслабиться. Кого повоспитывать-то найдётся, вон у тебя спиногрыз растёт. А Азамату этот мальчишка важнее должности. Ну как так можно? -- Алтонгирел тяжело вздыхает. -- Теперь всё время будут проблемы. Ну допустим половина населения верит в вашу сказку. Но вторая половина уж точно догадывается, как всё было на самом деле. Потому эти ваши пастухи и лошадей показывали плюгавеньких, чтобы пацан не зарывался, не думал, будто ему теперь все кланяться станут. А-а! -- духовник раздражённо отмахивается. -- Вот упрямый шакал...

Это он про Азамата, я так понимаю.

-- Алтонгирел, -- окликаю я его пока у него перерыв в тираде. -- а ты Кира принципиально по имени не называешь?

-- Да нет, -- пожимает плечами духовник. Потом поднимает на меня встревоженный взгляд. -- И ты туда же? Азамат -- я ещё понимаю, он всю жизнь мечтал завести кучу детей. Но тебе-то какое дело, как я называю этот сборник проблем? Он ведь даже не твой.

-- Ну-у, -- я склоняю голову набок, -- знаешь, мне как-то удобнее считать его своим, иначе приходится делить семью. Опять же, он-то не виноват, что безродный и что у Азамата из-за него проблемы. Да и потом, он довольно милый, особенно когда не психует. Вчера вообще был такая лапочка, я его своим молоком угостила, так он...

-- Что-о ты сделала?! -- вытаращивается Алтонгирел, хватаясь за край экрана для устойчивости.

-- Ну у меня осталось лишнее в бутылке, -- раздражённо поясняю я. Подумаешь, какая невидаль.

Алтонгирел проводит руками по лицу и волосам, как будто умываясь.

-- Ты всё-таки больная на всю голову, -- резюмирует он.

-- Да ну тебя, -- обижаюсь. -- Что ни скажу, всё плохо.

-- Э-э, да нет, я... в хорошем смысле, -- исправляется духовник.

Я ржу. Он ещё пытается оправдаться, потом сдаётся.

-- Вы с Азаматом в самом деле идеальная пара, -- скрипит зубами. -- Ты его в любом сумасбродстве поддерживаешь, да ещё и опережаешь. Я вообще не представляю, как твои дикие выходки выглядят для этого вашего Кира. Он ведь, когда повзрослеет, станет важным человеком на планете.

Я соглашаюсь, что Киру с нами, раздолбаями, тяжело, прощаюсь и отключаюсь как раз перед тем, как мои возвращаются в дом. Едва Азамат показывается на пороге кухни, становится ясно: они снова повздорили.

-- Что на сей раз? -- тихо спрашиваю я.

Азамат устраивает Алэка в манеже, падает в кресло и устало трёт лицо руками.

-- Я уже ничего не понимаю. Мне кажется, я так долго не выдержу.

Кир, застывший у двери по стойке "смирно", при этих словах подбирается.

-- А у тебя есть выбор? -- поднимаю бровь. Мне не нравится, как Кир стоит. Как бы не рванул куда-нибудь. -- Кир, иди сюда.

Ребёнок осторожно приближается, поглядывая на дверь. Азамат смотрит в пространство. Я прихватываю Кира за плечи и направляю на диван, чтобы сидел рядом со мной и далеко от двери.

-- Ну что вы там опять не поделили? -- спрашиваю, поглаживая его по затылку.

-- Ничего, -- почти беззвучно отвечает Кир.

-- Я просто попросил его пришпорить лошадь, -- рассказывает вместо него Азамат. -- После чего внезапно катание нам стало не интересно, и мы, не объясняя причин, развернулись и пошли домой. Я не понимаю, Кир. Я что, невежливо к тебе обратился? Или тебе показалось, что я недостаточно высоко оцениваю твои способности наездника?

Ребёнок смотрит в пол блестящими глазами.

-- Или вчера, -- продолжает Азамат, -- я недостаточно ясно сказал, что ты можешь выбрать любую лошадь и сколько угодно её гонять, чтобы убедиться, что она тебе подходит? Или, может, твой конь сбил копыто, а я и не заметил, бесчувственный придурок?

Кир резко втягивает воздух, явно еле сдерживая слёзы.

-- Азамат! -- шиплю я. -- Перестань!

Но муж, похоже, разошёлся не на шутку. Он встаёт и принимается мерить шагами кухню, непрерывно перебирая варианты.

-- Или ты обижаешься, что я вчера не убил этого подонка? Я вообще считаю, что убивать людей -- плохо, но ради тебя готов поступиться принципами. Может, ты хотел бы, чтобы я оставил место Императора и увёз тебя куда-нибудь на другую планету, где бы никто не тыкал пальцем и не обзывался? В принципе, можно и так, если тебе от этого станет легче. Надеюсь, ты не против, если Лиза и Алэк поедут с нами? -- Азамат застывает напротив Кира со странным отчаянным выражением на лице. Ох-хох, да он не иронизирует, он это всерьёз...

-- Отстань от меня!!! -- взрывается Кир, подскакивая с места. - Я по горло нажрался твоими тупыми предложениями!!! Неужели так трудно -- просто -- оставить меня в покое?!

Ребёнок дрожит, по щекам текут слёзы. Азамат совершенно ошарашен. Я протягиваю руку успокоить Кира -- Азамат его довёл, конечно, это ясно, но, может, если он выговорится и выплачется...

Кир стартует с места по направлению к двери, и Азамат рефлекторно ловит его за руку.

-- Подожди, Кир, ну давай всё обсудим...

Ребёнок дёргается, как будто его током долбануло и выкрикивает на пределе лёгких:

-- Убери от меня руки, урод!!!

Я разеваю рот, не зная, что сказать. Азамат отшатывается с таким видом, будто его побили плёткой. Кир, воспользовавшись свободой, скрывается за дверью -- и я слышу, как хлопает входная.

Азамат стоит, глядя в пол, и слегка покачивается. Я сползаю с подлокотника дивана -- и когда на него приземлилась-то? -- и подхожу обнять мужа, но он не реагирует.

-- Вот в чём дело, -- тихо говорит он. Я понимаю, что он плачет. Прижимаюсь крепче. Азамат закрывает глаза. -- Конечно, он не может долго меня терпеть. Кир очень красивый мальчик...

-- Он очень похож на тебя, -- замечаю тихо.

-- На того, кем я когда-то был, -- поправляет Азамат.

-- Да у тебя шрамы-то уже почти не видны, -- принимаюсь уговаривать я. -- Цвет здоровый, кожа тянется, чувствительность нормальная. Подумаешь неровно! Ты же его почти не трогаешь! И

вообще, поначалу у него никаких претензий к твоей внешности не было. Дело в чём-то ещё...

-- Лиза, -- Азамат прерывает меня с безысходной твёрдостью. -- Я бы сам с радостью был глухим. Или тупым. Но ты сама всё слышала.

Как же я хочу возразить!.. Но -- нечего.

Кир возвращается уже потемну. Я сижу внизу и раскладываю пасьянс в буке. Один за другим, один за другим. Злюсь, нервничаю, глупо себя чувствую. Азамат заснул, укачивая Алэка, и я так его и оставила в детской комнате на кровати Тирбиша. Бедный мой, весь день ходил совершенно убитый. На Кира зла не хватает -- такое с отцом сделать! Ох, попадись ты мне...

Вот он попадается. Заходит тихо, осторожно прикрывает за собой дверь. Я сижу в темноте, он меня не сразу замечает, только когда я с клацаньем захлопываю крышку бука и выхожу на кухню. Вздрагивает, вжимает голову в плечи и пятится. Я сжимаю зубы -- не потому что не хочу его обругать, а потому что муданжских слов у меня на такой случай недостаточно, а родные он не поймёт. Молча рывком открываю холодильник, достаю лотки с мясом и гарниром, бутылку молока. С грохотом ставлю всё это на стол, распаиваю дверцу микроволновки и ухожу обратно в гостиную. Звукоизоляция в доме хорошая, Азамата не потревожу.

Кир начинает шуршать на кухне -- выкладывает себе что-то на тарелку, ставит греть, остальное убирает. Наливает молока, убирает бутылку. Умывается. Достает ложку и садится есть. Я вижу его только когда он подходит к раковине, остальное время -- слышу. Я хочу пойти и залепить ему подзатыльник, но это не исправит ситуацию. Били его и раньше, и сильнее. И оставляли без ужина. Он не полюбит Азамата от того, что я поступлю с ним так же. От того, что накормлю и поглажу по голове, конечно, тоже не полюбит. А всё остальное неважно. Так что пусть ест, мне не жалко. Ах да, ещё же витамины.

Снова выхожу на кухню, Кир пригибается к тарелке, следит за мной из-под спутанных волос. Сейчас ведь изгваздает в жиру. Достая баночку с шипучими таблетками, растворяю в стакане порцию, ставлю на стол перед Киrom, не смотрю на него, не смотрю, иду в гостиную. Наверное, если я его тресну, станет легче. Вот прямо сейчас. А что будет потом? Он станет от меня шарахаться. Не поверит, что ему здесь

желают добра. И то сказать, в данный момент я совершенно не желаю ему добра. Но если я доведу это до его сведения, Азамату не будет лучше. Азамат хочет, чтобы сын его любил. И чтобы отец его любил. А люблю его только я. И вынуждена терпеть этих двух козлов, как же они похожи! Может, Кир на самом деле -- внебрачный сын Аравата? Он ведь хотел завести ещё, да Ийзих-хон от него сбежала... Но нет, я же делала тест. И лучше забыть, что мальчишка похож на деда, иначе точно врежу.

Мои размышления прерывает сам Кир. Заходит в тёмную гостиную и топчется у входа, нерешительно покхекивая. Поднимаю голову.

-- Простите... -- хрипло начинает он и осекается, видимо, по моему лицу хорошо видно, что не прощу. -- Мм... Мне мыться сегодня?

-- Как хочешь, -- по возможности бесстрастным голосом отвечаю я и возвращаю своё внимание к буку.

-- Мн... кхм... а... где отец?

Я щурюсь на него, с трудом удерживаясь от замечания, мол, не заслужил ты право его отцом называть.

-- Спит.

Кир кивает и замолкает, но не уходит. Я невидящим взглядом смотрю в бук и жду. Экран гаснет.

-- Вы... сердитесь? -- тихо и сипло спрашивает Кир.

Я отвечаю не сразу, чтобы не взорваться.

-- Я в ярости, -- говорю тяжело. -- Я не хочу тебя видеть и слышать.

Он кивает и поспешно ретируется в кухню, а оттуда в прихожую. Надо надеяться, пошёл к себе. Потому что если он сбежал... нет, я даже думать не хочу, что станет с Азаматом.

Я просиживаю внизу всю ночь. Даже гармарра не усыпляет сегодня. Только уже хорошо засветло понимаю, что можно попробовать лечь. Лифт стоит внизу, значит, Кир им не пользовался. Я не пойду проверять, у себя ли он. Мне хватило один раз обыскать весь дом, когда он пропал. Обойдётся, много чести маленькому засранцу. Иду в нашу с Азаматом спальню -- где нет Азамата -- и падаю на постель, как есть, в домашних штанах и халате, не переодеваясь, даже не накрывшись одеялом. К счастью, засыпаю.

Глава 22

Днём меня будит Азамат. Он бледный и осунувшийся. Я недовольно ворочаюсь и понимаю, что отлежала шею.

-- Лиза, -- зовёт муж. -- Ты не заболела? Скоро уже солнце сядет...

-- Я поздно легла, -- говорю, сажусь и принимаюсь растирать шею сзади. -- Дай мне вон тот синий тюбик...

Азамат не просто даёт мне тюбик, но и втирает содержимое в больное место.

-- Ты сам-то как? -- спрашиваю, расслабляясь под его уверенными руками.

-- Ничего, -- вздыхает он. -- Кир сказал, ты его теперь ненавидишь.

-- Ты с ним разговаривал? -- удивляюсь.

-- Ну так... Мы перекинулись парой слов. Я попытался с ним поговорить нормально, но он отмалчивается, а я не хочу навязываться. Если уж ему неприятно моё общество...

-- А жирно ему не будет? -- рыкаю я. -- Он немного не в том положении, чтобы выбирать, общаться с тобой или нет! Тебе не кажется, что кто-то зажрался вообще? Поначалу дрожал, как бы не убили, а теперь, видите ли, отец ему рожей не вышел!

-- Лиза, не кипятись, -- Азамат устало упирается лбом в мой затылок. -- С этим ведь ничего нельзя поделать. Он же не со зла, не нарочно. Не каждому дано терпеть уродство.

-- Пациентов как-то терпит. И потом, Алтонгирелу вон тоже было не дано, однако научился, -- напоминаю я.

-- Да, но у него на это было пятнадцать лет, и он знал меня до того. Ты слишком многого хочешь от ребёнка.

Я хочу плакать. Азамат даже не злится на него! Он это просто принимает как должное! Господи, куда я попала...

-- Он хотя бы извинился? -- спрашиваю без особой надежды.

-- За что? -- пожимает плечами Азамат. -- Он ведь просто сказал всё, как есть. А что на повышенных тонах -- так я его сам дожал.

У меня нет сил спорить и доказывать, что Киру ещё как есть за что извиняться. Алтонгирел полагает, что у Азамата выросла самооценка? Щазз. Хотя, может, она и выросла, только вчера снова

упала ниже плинтуса. Господи, я даже не знаю, как выдержать хоть пять минут в обществе этого мелкого оборванца!

-- Тебе принести завтрак? -- читает мои мысли Азамат.

-- Не надо, -- мотаю головой. -- Ты чем занят-то?

-- Да так, упражнения делаю по учебнику, который твоя бабушка прислала.

-- Я думала, ты закончил с ней заниматься.

-- Ну, интенсивный курс закончился, теперь я только иногда сдаю ей чтение или грамматику. Вот, сижу учусь.

-- А Кир?

-- Гуляет с собакой. Я ему сказал, чтобы на закате возвращался ужинать, но до заката ещё часа два.

-- Понятно. Ладно, ты иди занимайся, я скоро спущусь.

Азамат меня оставляет, а я пытаюсь собраться с мыслями. Что делать, если не справляешься с ребёнком? А что делать, если не справляешься со своим отношением к ребёнку? Меня всю жизнь учили: не ладится дело в семье -- обратиться к специалисту. Пусть у меня есть сертификат самостоятельного родителя, и я не обязана раз в месяц ходить на консультации с семейным психологом. Но не обязана - - не значит не могу. Я имею право получить поддержку в трудный момент, и от этого моей самостоятельности не убудет. Вот бабушка, когда маму растила, регулярно обращалась за консультацией, потому что свято верила, что сертифицированный психолог лучше знает, отчего ребёнок безобразничает и как с ним поступить. И мама выросла настолько здоровым человеком, что даже Алтонгирел заметил, хотя бабушка -- тот ещё монстр. Со мной и Сашкой мама, правда, по консультациям не таскалась, но мы были тихими, целеустремлёнными детьми, и с нами лучше всего работала политика невмешательства. Короче говоря, маме повезло. А мне нет. А раз нет, значит, нужно поступать, как бабушка. То есть, обратиться к специалисту.

Мне становится легче уже от одного того, что я приняла это решение. Теперь осталось понять, к кому бежать. Очевидный вариант - - связаться с каким-нибудь рекомендованным профи с Земли, но он мне не нравится по двум причинам: во-первых, конфиденциальность консультации может быть нарушена по политическим причинам, а мне совсем не хочется, чтобы в случае конфликта Муданга с Землёй у наших чинуш были в руках такие козыри, как внебрачный сын

Императора. А во-вторых, ситуация на Муданге настолько сильно отличается от земной, люди тут думают настолько иначе, что земной специалист может и не разобраться.

Так что обращаться надо к кому-то из местных. Стандартный вариант -- к духовникам -- отпадает, потому то Ажгдийдимидин сам с предрассудками, а Алтонгирел уже посоветовал всё, что мог, и это было симптоматическое лечение. Про других духовников мне и думать боязно. Остаются мирские Старейшины, например... Унгуц. Кстати, мне ещё когда Ажгдийдимидин рекомендовал к нему обратиться по вопросам воспитания! Будь он нормальным человеком, я бы послушалась, а так... Ну ладно, не стоит больше откладывать, звоню сейчас же!

Унгуц принимает вызов сразу, как будто ждал звонка.

-- А-а, Лиза-хян! -- радуется он, и мне становится теплее от его улыбки, и не хочется омрачать его весёлое лицо моими тоскливыми проблемами. -- Я всё думаю, когда же ты позвонишь? Неужто советы старого Унгуца уже никому не нужны?

-- Ой нужны! -- говорю с чувством. -- Вы себе не представляете, как нужны. Причём нужнее всего они были пару месяцев назад, но, может быть, ещё не всё потеряно.

Унгуц ставит бук на пол и откидывается на подушки.

-- Ну рассказывай, что у вас там стряслось.

И я рассказываю всё с самого начала, с того, как мы снимали Кира с крыши -- и до вчерашнего нашего куцега разговора.

Унгуц кивает, гримасничает, иногда посмеивается, качает головой. Даже вчерашние события его не печалят, и я начинаю волноваться, вдруг он отмахнётся от меня, не воспримет оскорбление Азамата как повод для переживаний.

Наконец моя история заканчивается. Унгуц ещё некоторое время сидит и задумчиво кивает. Потом начинает говорить.

-- Кто бы мог подумать, что Азамат способен настолько подавить своего подопечного. Мальчик-то с амбициями...

-- Что бы там Азамат ни сделал, -- глухо отзываюсь я, -- он не виноват, что Кира не устраивает его физиономия.

Унгуц отмахивается.

-- Не думаю, что у него на самом деле такой утончённый вкус. Скорее, он просто хотел сказать Азамату что-нибудь ужасно обидное, а

это подвернулось на язык.

-- Он преуспел, -- поджимаю губы. -- Ещё бы понять, зачем.

-- Это-то как раз ясно, -- поднимает брови Унгуц. -- Хотел дожать до предела, чтобы все про него всё окончательно поняли.

-- В смысле... -- хмурюсь я, -- адаптация? Хотел посмотреть, что будет, если мы всерьёз разозлимся?

-- Не думаю, -- мотает головой Унгуц. -- Он уже и так понял, что вы не станете его наказывать, как было принято в приюте. Скорее, мальчик просто не понимает, зачем вы тратите на него столько сил. Особенно отец, конечно. Ты-то правильно его, раз-раз, к работе приставила, тут помоги, там сделай, за хорошее поведение гостинец. Это он понимает, тебе нужны в хозяйстве руки, поэтому ты его терпишь. А Азамат наоборот зачем-то откладывает работу и свои нужды, чтобы с ним, Киром, возиться. В приюте такого никогда не было, кому он там нужен, заниматься с ним. За любое благо нужно платить -- а чем непонятно. Потом, Азамат не рассчитал сложность заданий, а мальчик решил, что не справляется, не заслуживает отцовского внимания. И перестал заниматься, потому что, ну, чего хорошему человеку, да ещё Императору, тратить время на бездаря? А потом пошло-поехало. Он чувствует себя лишним в семье, старается ни в чём не участвовать, но Азамат всё равно его вынуждает, всё пристаёт с вопросами, с предложениями, тратит своё время, да ещё обижается, вон, другого хорошего человека побил... Парень старается поменьше бывать дома, чтобы поменьше привлекать к себе внимания. А вчера Азамат, как ты справедливо заметила, его "дожал". Это ж надо -- предложить ради одного маленького Кира бросить пост, планету, друзей и чуть ли не семью! Мальчик понял, что единственный способ восстановить справедливость -- это так насолить отцу, чтобы тот его выгнал. Вот и всё.

Я пялюсь в экран стеклянными глазами. Да. Давно надо было поговорить с Унгуцем. Очень давно. Он действительно всё поставил на свои места. И мне бы, конечно, в голову не пришло, что у Кира такие идеи. На Земле даже приёмные дети считают себя центром Вселенной и твёрдо знают, что им все должны. Я просто никогда бы не подумала, что ребёнок может считать себя недостойным чьего-то внимания. Это ненормально и болезненно. Чёртов Муданг.

-- Лиза-хян? Ау, ты здесь? -- с усмешкой окликает меня Унгуц. Я возвращаюсь в реальность.

-- Угу... Старейшина, но что же мне теперь делать?

-- А вот это хороший вопрос, -- грустнеет Унгуц. -- Хорошо бы попытаться поговорить с мальчиком. Объяснить, что он всё не так понял. Но это будет тяжело, даже если с тобой он в принципе согласен разговаривать. Азамата лучше пока вообще не тормоши.

-- Но я же должна ему сказать, что его внешность тут ни при чём!

-- Вряд ли он поверит, -- вздыхает Унгуц. -- Боюсь, что тебе придётся потерпеть его кислую физиономию до тех пор, пока Кир сам ему всё не объяснит.

-- Это может быть ещё через полгода! -- ужасаюсь я.

-- Может, -- кивает Унгуц. -- Но если ты сейчас попытаешься всё объяснить Азамату, он только усвоит, что сам виноват в несчастьях ребёнка. Ты этого хочешь?

Я живо себе представляю, как Азамат кидается вымаливать прощения за свою нечувствительность и запугивает ребёнка так, что тот пешком уходит обратно в приют. И правда, пожалуй, нужно начинать с другого конца.

-- Чем я ещё могу тебе помочь, доченька? -- ласково улыбается Унгуц, следя за моими гримасами.

-- Наверное пока ничем. Попробую поговорить с Киrom, если он явится к ужину, конечно. Спасибо вам, Старейшина, -- с душой добавляю я. -- Никогда больше не пренебрегу вашим советом.

-- Да-а, -- отмахивается Унгуц. -- Ничего я тебе особенного не присоветовал. Азамат мог бы всё то же сказать, если бы своё детство вспомнил. Я ведь по нему сужу. Он хоть и не безродный, но у Аравата под палкой привык чувствовать себя виноватым во всех невзгодах. Ладно, иди, перебирай свою крупу, авось какая каша сварится...

Азамат на кухне за пиалой с перчёным чаем ковыряет упражнение на первое лицо глаголов.

-- Какой-то у тебя странный язык, -- говорит. -- По законам всё складывается, а в словаре написано, что так не бывает...

-- Что, например?

-- Да вот, тут слова-исключения. Как это может быть, что нельзя сказать "я победу"? Что это за пессимизм такой?

Я начинаю смеяться.

-- Надо просто как-нибудь в обход сказать, типа "одержу победу".

Азамат пожимает плечами.

-- Или вот ещё. "Сосать" -- "сосу", так почему не "пылесосу", а "пылесосу"?

-- Потому что не "пылесосать", а "пылесосить", -- хохочу я.

-- Странный язык, -- Азамат качает головой, глядя, как я угораю.

-- Но я рад, что тебя повеселил.

-- Где тут у тебя завтрак? Или обед... Я готова к принятию пищи, -- говорю, отдышавшись.

-- На плите суп-пюре... только в большой кастрюле, а в маленькой -- это обед Алэка остывает, -- Азамат вдруг как-то мрачнеет и добавляет: -- Кир отказался помогать его варить.

Я поджимаю губы. В принципе, логично, если он добивается, чтобы мы его вытурили.

-- Я говорила с Унгуцем, -- сообщаю. Азамат смотрит на меня с надеждой. -- Он кое-чего предположил. Всё-таки Кир не думает о тебе так, как сказал. Он просто хотел тебя позлить.

Азамат склоняет голову и не отвечает.

-- Послушай, -- продолжаю. -- Расскажи-ка мне поподробнее, из-за чего у вас вчера начался скандал?

-- Да на пустом месте, говорю же, -- Азамат нехотя отрывается от экрана. -- Он плёлся за мной еле-еле, я его раз подогнал, два подогнал, а он всё сзади тащится. Я сбавил скорость, чтобы с ним поравняться, так он ещё сбавил. Я говорю, у меня нет столько времени, чтобы с твоей скоростью ползти до Жёлтых Камней, а он развернулся -- и назад галопом.

Задумчиво киваю. Очень похоже на то, что говорил Унгуц. Азамат снова утыкается в свои упражнения.

Я ем в тишине, потом подкармливаю Алэка молочком. Режим летит к чертям. Муж напряжённо долбит по клавишам, заполняя пропуски в предложениях. Мне больно на него смотреть. Не знаю, как высижу до тех пор, пока удастся поговорить с Киrom.

-- Пойду прогуляюсь, -- говорю.

Азамат кивает, хотя я не уверена, что он меня услышал.

Я надвигаю высокие меховые сапоги, вставляюсь в короткую шубу и выхожу. На улице свежо, небо подёрнуто очень тонкой дымкой облаков, даже солнышко просвечивает. Ветра почти нет. Для прогулки хорошая погода. Я обхожу вокруг дома, проверяю, не торчат ли мамины растения из-под снега -- кто-то из сыновей сторожа должен был их укрыть. Некоторое время торчу на берегу, любясь Долом, прекрасным во все времена года. Потом разворачиваюсь и топаю по самой широкой тропинке просто потому, что она самая широкая. От нашего дома есть три тропы -- на запад по берегу, на северо-восток в лес и на север к стояке унгуцев, а оттуда в степь. Вот в ту степь я и ползу без особых идей.

Стояла, построенные в углу стоянки ещё до войны, открыты, лошадей в них нет. Оглядевшись, замечаю двоих серых слева, под крутым склоном. Они щиплют сухую траву, торчащую между камней. Видимо, их выпустили погулять. На горизонте в степи маячит третий, кажется, со всадником. Вот, значит, где Кир гуляет, когда возвращается домой в ночи. А ну-ка...

Я спускаюсь по склону туда, где топчутся серые кони. Один стоит довольно близко, и я его подзываю. В упор не помню, как подзывать мударжских лошадей, да и имён этих скотов я не уловила, поэтому обхожусь универсальным:

-- Пс-ст!

Как ни странно, конь поднимает голову и подходит поближе. Склон достаточно крутой, чтобы я смогла залезть на спину лошади сверху, хотя, конечно, корячилась долго. Хорошо хоть вышла в штанах. Однако серая громадина вытерпела мои издевательства без возражений, и я всё-таки уселась верхом. Только теперь вспомнила, что управлять лошастью мне нечем. Мужики как-то их по шее хлопают... Ох нашла я опять приключений на свой главный мыслительный орган!

-- Давай-ка потихонечку во-он туда, за Киром, -- негромко предлагаю я коню. Помню, что если кричать, они ускоряются. -- Только медленно, понимаешь, ме-е-едленно.

Конь некоторое время стоит в задумчивости, но я не помню, каким словом его запустить, так чтобы не сразу в галоп. Наконец он трогает шагом в нужном направлении, и я облегчённо выдыхаю.

Растопырываю пятки, чтобы не дай бог не пришпорить это исполинское существо. Мне за его ушами цели-то не видно.

Однако конь подвозит меня ровнёхонько к Киру. Не знаю, понял ли он мою просьбу или просто пошёл к человеку, который может объяснить доступно, что мне нужно от бедного копытного. Кир смотаться не пытается: сидит верхом, повернувшись ко мне боком и смотрит выжидательно.

-- Привет, -- говорю осторожно.

-- Здравствуйте, -- ещё осторожнее отвечает Кир.

А вот бы я ещё знала, как продолжить этот разговор. Ладно, попробуем в лоб.

-- Кир, послушай. Если ты добиваешься, чтобы мы вернули тебя в приют, то зря. Мы никогда этого не сделаем.

Он сдвигает брови.

-- Почему?

-- Потому что за каждым нашим чохом следит вся планета. Все знают о тебе. Ты существуешь для огромного количества людей. Ты не можешь просто исчезнуть, как будто тебя никогда не было.

-- А если я не хочу с вами жить?

-- Почему не хочешь?

Кир отворачивается и молчит.

-- Нет уж, дорогой, -- я складываю руки на груди. -- Если ты хочешь каких-то изменений, будь добр, объяснись.

Ребёнок пару раз глубоко вдыхает и наконец выдаёт:

-- Вы мне не нравитесь. Мне было лучше в приюте.

Он настолько откровенно врёт, что мне даже становится его немножко жалко. Наверное, ему было очень трудно это сказать.

-- Чушь, -- отмахиваюсь, и его лицо вытягивается. -- Если ты хочешь заслужить расположение отца, никогда не ври.

-- Я не хочу! Мне не нужно его расположение!

-- Ещё как нужно, -- возражаю я. -- Ты просто отчаялся его получить. А зря. Азамата очень легко обрадовать. Но обидеть -- ещё легче.

-- Да он вообще сумасшедший! -- выкрикивает Кир так истерично, что его конь делает пару шагов назад и трясёт ушами. -- Вы слышали, что он сказал?! Он хочет всё бросить и улететь отсюда из-за меня! Я его позорю! Почему он не может просто меня отослать?!

-- Кир. Успокойся. У меня от твоих воплей лошадь нервничает. Азамат просто хочет, чтобы тебе было хорошо. Нормальные отцы обычно этого хотят. Он не понимает, почему ты не хочешь с ним общаться. Пойди и объясни ему всё, попробуй договориться.

Кир опускает глаза и закусывает губу.

-- Он что, сам не понимает, что я ему не нужен?

-- Ты ему очень нужен, -- вздыхаю. -- А вот быть Императором он никогда не хотел. Люди решили за него, и он не смог отказаться. Ему это тяжело даётся, он так же, как и ты, боится всех разочаровать. Ему гораздо интереснее с тобой кататься на лошадях, чем сидеть во дворце и составлять документы. Не усложняй ему жизнь, Кир, пожалуйста.

-- Да это он всё усложняет! Что во мне такого интересного? Давно бы уже забыл про меня и горя не знал.

-- Он не может про тебя забыть. Я же говорю, ты уже существуешь. Для него и для всех. Всё, пути назад нет, ты не можешь стать опять неизвестным и никому не нужным. Ты не можешь всё бросить и начать заново. У тебя нет другого выбора кроме как помириться с отцом. Ты всё равно останешься с нами, как бы ты ни ругался и ни выпендривался. Ты только причинишь ему боль, как вчера, но это всё равно ничего не изменит. Так что перестань создавать всем проблемы, извинись перед ним и смирись с мыслью, что он хочет тратить на тебя время.

-- А вы не можете... -- Кир сглатывает, -- убедить его меня выставить?

Я раздражённо вздыхаю.

-- Максимум, что я могу тебе предложить -- это отправить тебя учиться на Землю, к моей маме. Может быть, на это он согласится. Но для того, чтобы туда поехать тебе всё равно придётся сначала выучить два языка, законы, обучиться водить и ещё кучу всего.

Кир таращится на меня огромными глазами.

-- Вы думаете, я могу полететь на Землю?

-- Если помиришься с отцом и сдашь экзамены, то да, -- решаю я.

-- И ваша... ваша мама разрешит мне там жить?

-- Да, она что угодно разрешит, -- пожимаю плечами. -- Вот уж кто не будет тебя донимать своей назойливой заботой.

Кир переводит дух, потом сужает глаза и косится в мою сторону.

-- Вы на меня больше не сердитесь?

-- Сержусь, -- киваю. -- Ты меня вчера очень, очень разозлил. Меня уже почти год никто так не злил.

-- Тогда почему вы сюда пришли? -- хмурится Кир.

-- Потому что я, в отличие от тебя, знаю, что если сидеть в углу и злиться, ничего не изменится. И пока ты не извинишься, я не хочу с тобой иметь никакого дела.

Кир набирает побольше воздуха и выдыхает:

-- Простите пожалуйста, я больше так никогда не сделаю!

-- Да не передо мной, идиотина, -- качаю головой. -- Перед отцом извинись. Ты его обидел. Ты знаешь, сколько сил я потратила, чтобы убедить его не стесняться своей внешности? Сколько долгих-долгих разговоров, интриг и скандалов мне пришлось устроить, чтобы Азамат перестал считать себя хуже других. А ты вчера всё это уничтожил одним словом! Так что иди теперь и объясняй отцу, что ты просто хотел его позлить.

Кир слушает меня, пожёвывая губу, потом обречённо кивает и направляет лошадь к стойлам. Моя, к счастью, идёт следом.

На полпути нас накрывает большая тень. Задираем головы и видим, что на стоянку метит приземлиться какой-то незнакомый унгуц. Переглядываемся и прибавляем ходу. Лошади нервничают. Пока мы огибаем крутой склон и взбираемся по кривой тропинке, унгуц как раз садится, и из него вытряхивается Арон. О боже. Он ведь собирался прилететь, чтобы пойти на охоту. Я прямо чувствую, как у меня вытягивается лицо.

-- Хотон-хо-о-он! -- радостно приветствует меня деверь. -- Никак встречаете?

-- Честно говоря, мы тут просто гуляли... с Киром. Я даже не знала, что ты сегодня прилетишь...

-- Как же! -- Арон разводит руками. -- Мы с Азаматом ведь договаривались. Он, что ли, забыл вам сказать?

Пожимаю плечами.

-- Может, и говорил, да я забыла.

-- Ну ничего страшного! -- радостно отмахивается Арон. -- Я пилота отпущу, как вы думаете? Вернёмся-то вместе, наверное?

Я мысленно кривлюсь, представив себе отпуск в одном доме с Ароном, ну да ладно, если сильно достанет, вызовем ему из столицы другого пилота, а то ещё этого придётся куда-то девать.

-- Да, отпускаяй, конечно, -- мило улыбаюсь я. -- Что же ты собственным унгуцем до сих пор не обзавёлся?

Арон при помощи незнакомого мне пилота вытаскивает из багажника несколько огромных сумок с вещами. Не иначе, зимовать тут собирается.

-- Ой, да не люблю я все эти машины с кнопками, того гляди сломаются.

Я дёргаю Кира за рукав.

-- Видишь, как твой отец своего брата разбаловал? -- шепчу. -- И тебя так же разбалует, потому что не может сказать "нет".

-- Я не боюсь кнопочек, -- ворчливо шепчет Кир.

-- Зато ты боишься не оправдать его надежд.

Кир прожигает меня взглядом.

-- Что? -- оборачивается Арон.

-- Я говорю, куда ты наволол столько одежды? -- повышаю голос. -- У нас тут и пойти-то в ней некуда.

-- Ой, да я не глядя всё свалил, не на себе же тащить. Кир, сынок, помоги, а то рук не хватает.

Кир вздыбливает шерсть на загривке от обращения, но послушно шагает вперёд подхватить последнюю сумку. Я его останавливаю.

-- Вон лошадь возьми и навьючь, на неё всё сразу влезет.

-- Ой, точно, -- спохватывается Арон и принимается довольно бестолково вешать мешки на спину второго серого коня, который смотрит на него, как на назойливое насекомое. Кир не выдерживает и всё-таки идёт помогать, а потом загоняет наших коней в стойло и закрывает. Я тем временем оставляю орнаментальный автограф на лобовом стекле унгуца, выслушивая медовые речи пилота, которому внезапно подвернулась счастливая возможность посмотреть на меня вблизи. Наконец можно идти домой.

Арон всю недлинную дорогу весело треплется о том, как замечательно выздоровела его дочка, хотя жена по-прежнему боится к ней подходить, о динамике цен на овец и дифжир, о погоде и

поставках фруктов с юга. Я киваю и рассеянно поддакиваю. Как же он не вовремя...

Азамат удивлённо привстаёт из-за стола.

-- Арон? Ты уже приехал? А я думал, ты только в первое новолуние соберёшься.

-- Так ведь уже первое новолуние! -- радостно улыбается Арон.

Азамат хмурится и прижимает какую-то кнопку на часах.

-- Нет, до него ещё два дня.

-- Да? -- поражается Арон. -- Ого, значит, я обсчитался? Вот это да! Ну это же ничего страшного, правда?

-- Конечно, -- улыбается Азамат. -- Я всегда рад тебя видеть. Кира ты знаешь, так ведь?

-- Да, да, -- Арон рассеянно оборачивается к Киру. -- Мы встречались.

-- Замечательно. Ничего если мы тебя положим на третьем этаже? Там мебели нет, зато просторно.

-- А, я помню. Конечно, у меня даже собственные дифжир с собой, тебе вообще не о чем беспокоиться. У тебя тут подъёмник был, кажется...

Азамат напоминает брату, как пользоваться лифтом и провожает его наверх со всеми сумками. Я только головой качаю. По-моему, на охоту с ним ходить небезопасно. Кир хмыкает, моет руки и принимается выгружать из посудомоечной машины чистые тарелки. Мне кажется, он начинает привыкать к чистоте, или ему просто нравится возможность пользоваться водой когда угодно и в любых количествах.

Однако Азамат, кажется, действительно рад приезду брата. Он оживляется, убирает со стола бук, расспрашивает о здоровье племянницы. Арон говорит без умолку, но Азамат с удовольствием слушает. Кир присаживается в углу комнаты и делает вид, что ковыряется в телефоне, но то и дело поглядывает на отца и дядю. Я играю с Алэком в манеже.

Азамат принимается готовить ужин под басни Арона о потрясающей похлёбке, что тот умеет варить из какой-то дикой птицы.

-- Я их о прошлом годе подстрелил десять штук, представляешь? Десять! -- обильно жестикулируя рассказывает он. -- Столько сразу ни за что не съесть, а замораживать жалко, они от этого портятся. Ну я уж

и нажарил, и навялил, и засолил, руки уже отвалились мясо это разделывать. Пришлось из последней суп сварить. И ты знаешь, так здорово получилось! С тех пор только так их и готовлю. Даже Воробей хвалил, представляешь? Он в гости как раз зашёл тогда.

-- А кто это, Воробей? -- уточняет Азамат.

-- Ты что, не знаешь Воробья? Это ж брат Старейшины Асундула, знаменитый охотник! Мы с ним ещё три года тому на медведя ходили, во-от это было дело...

К тому моменту, как ужин готов, меня уже мутит от бесконечных охотничьих рассказов про то, кто при каких обстоятельствах обделался со страху, какого лесного зверя как потрошат, и кто нажрался медвежатины до отрыжки. Кир, однако, слушает раскрыв рот.

-- Лиза, садись, -- Азамат выдвигает мне стул у стола.

-- Знаешь, я что-то не хочу. Я же недавно обедала.

Азамат сразу так расстраивается, что мне даже неуютно становится. Видно, он еле держится в приветливом настроении.

-- Я чуть-чуть попозже присоединюсь, -- обещаю. -- Вот Алэка покормлю...

Сгребая мелкого, который, впрочем, пока есть не просит, и ухожу подальше от застольного разговора.

Когда Алэк засыпает, я решаю, что достаточно проветрилась, чтобы пойти попить чаю, и двигаюсь к лифту, когда налетаю на выскочившего с лестницы Кира, который светится, как парадный диль.

-- Отец возьмёт меня на охоту! -- выпаливает он, едва завидев меня.

-- Это очень интересно, -- говорю. -- А ты извинился?

-- Нет, -- тушует Кир. -- Ну, не буду же я при Арон-хоне...

-- Кир, мне неинтересно, когда, где и в чьём присутствии ты будешь извиняться. Но пока ты не поговоришь с отцом, никакой охоты.

-- Но отец уже сказал, что берёт меня! -- возражает парень.

-- Он-то, может, и берёт, а вот я не отпускаю.

И решительно иду вниз. Кир плетётся следом, поникший. Но меня печальными глазками не проймёшь. Азамату намного хуже, настолько, что он даже не подумал этого оболтуса наказать. Я строевым шагом врываюсь в кухню. Там густой запах жирной,

перчёной еды, мужики сидят потягивают хримгу. Вообще атас. Азамат пьёт только по праздникам.

-- Дорогой, можно тебя на пару слов? -- говорю негромко, но убедительно.

-- Да, конечно, -- рассеянно кивает он и с трудом встаёт из-за стола. Мы выходим в коридор, где топчется унылый Кир.

-- Во-первых, ты чего напиваешься? -- спрашиваю.

Он пожимает плечами.

-- Да так... Арон привёз домашнюю хримгу, почему бы не выпить? Я с ним не так часто вижусь, тем более, ужинаю.

-- Понятно... Ладно, вот что. С какой стати ты берёшь Кира на охоту?

-- Так давно же собирались...

-- Да, и что, по-твоему, он заслужил?

-- Ну ладно тебе, Лиза, -- Азамат отмахивается. -- Мы же всё обсудили вчера. Я сам виноват. Ну что тебе, жалко, что ребёнок погуляет немного?

-- Я считаю, что после вчерашнего он не имеет права на развлечения.

-- Ты очень строгая, -- пьяно вздыхает Азамат. -- Тебе-то он ничего не сделал, а я не сержусь.

-- Я вижу, -- цежу. -- И меня это сильно печалит. Может быть, ты хотя бы поговоришь с ним сейчас? У него есть что тебе сказать.

-- Зна-аю я всё, что он мне может сказать, -- тянет Азамат. -- И слушать этого не хочу. Лиза, мне уже всё равно, хочет на охоту -- пускай идёт, может, не так сильно будет меня ненавидеть.

-- Азамат! -- ахаю я, но он уже идёт обратно в кухню. -- Постой, мы не закончили! Ты рехнулся совсем, что ли? Я так ни одного из вас никуда не отпущу!

-- Лиза-хон, что за шум? -- пьяно скалится Арон из-за стола. -- Присоединяйтесь!

-- Азамат, это никуда не годится! -- продолжаю я, игнорируя Арона. -- Ты не можешь вот так ему всё позволять, просто чтобы ему понравиться. Хорошо, пусть будет другое наказание, но нельзя оставить всё как есть!

-- А, так юный князь провинился? -- доходит до Арона. -- Так всыпь ему ремнём, как отец бывало, и дело с концом.

Азамат вскидывается.

-- Я никогда не буду бить своих детей! -- рыкает он так неожиданно и громко, что мы все приседаем.

-- Почему? -- удивлённо спрашивает Арон. -- Это очень здорово помогает.

-- Потому! -- продолжает Азамат тем же грохочущим голосом. -- Тебя отец бил, может, раз в год. А меня несколько раз в месяц! Я знаю, каково это!

-- Ох ты ж, -- бормочет Арон, сползая немного по спинке стула. - Нет, ну дело твоё, конечно... А что он натворил-то?

-- Да ничего особенного, -- буркает Азамат. -- Наговорил мне гадостей, повысил голос. Забудь. Всё в силе.

-- Не-е-е, -- внезапно возмущённо протягивает Арон и стучит кулаком по краю стола, с трудом попадая. -- Ты что, брат! Если б мой мне нахамил, он бы ещё неделю сидеть не смог! Нетушки, такого засранца на охоту брать нельзя. Ты что, Азамат, совсем парня распустил. Я с ним вместе не пойду. Пускай сначала заслужит. А то ишь, глаза горят, пострелять охота! Никакой охоты!

Я даже не знаю, радоваться или нет, что Арон подключился к разговору. С одной стороны, он прав, и Азамату полезно напоминание, кто в доме хозяин. С другой, эти варварские представления... неудивительно, что сын Арона такой странный, если отец его регулярно избивает.

Азамат некоторое время мечется и хмурится, но в конце концов сдаётся.

-- Ладно, всё отменяется. Кир, иди спать. Немедленно.

Ребёнок одаривает меня хмурым взглядом и уходит, не сказав ни слова.

-- Азамат, я тебя очень прошу, поговори с ним, -- напоминаю я.

-- Завтра поговорю, -- буркает Азамат. -- Сейчас я слишком пьяный.

Я тяжело вздыхаю и иду к себе в кабинет за таблетками от похмелья. Вот уж не думала, что их надо держать в кухонной аптечке.

Спать Азамат ложится с краю кровати и отвернувшись от меня. Бормочет что-то про то, что я не люблю запах хримги, и засыпает. Мне ничего не остаётся, как последовать его примеру.

Меня будит радионяня. Спросонок оглядевшись и поняв, что Азамата рядом нет, я нашариваю тапки и несусь в детскую. Всё хорошо, малыш проснулся и требует завтрак и чистый подгузник. Однако муж меня разбаловал, я как-то привыкла, что по утрам деточку обслуживает кто-то ещё.

Когда я спускаюсь вниз и обнаруживаю, что на кухне даже не пахнет завтраком, у меня закрадываются неприятные подозрения. Азамат не обнаруживается ни в одной из комнат, и Кира тоже нет. На третьем этаже под восьмью одеялами мирно дрыхнет Арон. Ну хоть этот никуда не делся. Снова спускаюсь вниз, накидываю куртку поверх себя и мелкого и тащусь на стоянку. Стойла закрыты, но в них только одна серая лошадь. Значит, поехали кататься. Ладно, может, поговорят. Возвращаюсь в дом и на всякий случай проверяю чулан -- и высказываюсь, как Алэку лучше бы не слышать. Двух ружей нет, не считая того, что Кир утопил. Значит, Азамат вместо того, чтобы не брать Кира, решил не брать Арона. Отлично. Боже, лишь бы вернулись целыми. А то один психанёт, другой распереживается... Ну, муженёк, ну я тебе устрою...

Арон спит долго и спускается совершенно разбитый.

-- Ох, ну я вчера и напился... -- стонет он. -- Хотон-хон, у вас ничего нет от головы?

Меня подмывает ему мстительно отказать за то, что мужа опоил, но выслушивать его стенания тоже не очень хочется, да ещё, не дай бог, испачкает мне пробковый пол...

-- На, проглоти, запей водой.

После таблетки Арон быстро приходит в себя и начинает озираться.

-- А где Азамат?

-- Пошёл на охоту с Киrom, -- невозмутимо сообщаю я.

-- Вот те раз! -- восклицает Арон. -- Ну он даёт. Вчера же договорились! А, вечно под ним гвоздь в подушке. Ну ладно, давайте я хоть завтрак сделаю...

Пока Арон готовит, я берусь за начатый гобелен. Не вязать же шарф Киру, когда он так себя ведёт! От гобелена у меня сделана треть - - лента узора по краю, кусочек пейзажа и ноги. Весь день я маньячно строчу ряды, иногда прерываясь на попытки позвонить Азамату. Но он вне покрытия, а над ухом непрерывно зудит Арон -- что-то

рассказывает о своих детях, о детстве Азамата, о том, за что ему влетало и как именно, как страшно сердился отец... Судя по этим воспоминаниям, Ийзих-хон была права. Аравата и правда больше всего бесило, что Азамат не честолобив.

Байч-Харахи возвращаются затемно. Я слышу ржание, беру сковородку поувесистее и встаю сбоку от входной двери. Увы, реакция у Азамата хорошая, и он ловит сковородку в воздухе, войдя первым.

-- Он извинился! -- быстро и весело говорит муж.

-- Да ну! -- поражаюсь я.

-- Да-да, -- часто кивает Азамат, и по тому, как светится в темноте прихожей его физиономия, я понимаю, что так и есть. -- Мы всё очень подробно обсудили.

Кир топчется в дверях, тайком улыбаясь.

Я сужаю глаза.

-- Что, прямо утром встал и извинился?

-- Лиза, ну что ты придираешься! -- Азамат закатывает глаза. -- Я тебе говорю факт: он извинился. И мы хорошо провели время. Тебе так принципиально, в какой последовательности?

Я вздыхаю.

-- Ты неисправим. Чего наохотили-то?

-- У-у... Всего-всего. Куропаток, фазанов, кроликов, -- он потрясает большим мешком, к счастью, непромокаемым. -- А у Кира, вон, степная антилопа.

Я только теперь замечаю, что у Кира через плечо перекинута какая-то палка. При ближайшем рассмотрении это оказываются задние ноги с копытами.

-- О боже, -- отшатываюсь. -- Ясно, я лучше на кухню не пойду.

-- Сковородочку отдай, -- Азамат тянет за ручку. -- Нам пригодится.

И весело подмигивает, отчаливая в направлении кухни.

Кир скалится, как сытая акула, поудобнее пристраивает на плече жилистые ноги зверя и аккуратно ставит ружья в чулан.

-- До чего вы с отцом договорились? -- спрашиваю.

-- Ну, сначала я честно думал, он меня пристрелит, -- сознаётся Кир. -- Такой мрачный был и всё ружьём клацал. Я даже заговорить с ним боялся. Но потом как дичь пошла, как-то отмяк... В общем, я ему объяснил, что просто хотел его позлить, потому что меня бесит, что он

из-за меня забивает на работу и ссорится с людьми. Он та-ак обрадовался! -- Кир широко раскрывает глаза. -- И стал мне объяснять, что так и должно быть, и всё такое. В общем, мы поторговались, что я до двенадцати лет терплю его, э-э, как он это назвал, заботу, а потом, как вы предложили, поеду учиться на Землю. Он разрешил! Конечно, мне кучу всего надо выучить, но он сказал, что я успею даже если буду заниматься всего час в день, представляете? Мне кажется, я этот всеобщий язык никогда не запомню, но он обещал помочь и сказал, что у меня хорошая память. И ещё! -- Кир понижает голос, но глаза у него горят ватт на сто: -- Он сказал, что сделает мне лук к соревнованиям на Белый День!

Я только головой качаю. Не ругать же их теперь, когда они наконец-то расхлебали эту бодягу. Помирились -- и слава богу. Хотя бы и тому, которому я гобелен плету. Учок, или как его там...

-- Кир! -- Азамат высовывается из-за двери кухни. -- Ну где ты застрял, иди, Арон хочет посмотреть на твою добычу!

-- Иду-иду! -- и Кир радостно уносится вслед за Азаматом хвастаться достижениями.

Глава 23

На следующий день я просыпаюсь раньше обычного и спускаюсь вниз, где Азамат с Киром продолжают заготавливать настрелянную вчера дичь.

-- Здрасьте! -- радостно приветствует меня Кир, отрываясь от разделки степной антилопы.

Я не сразу понимаю, что в нём изменилось со вчера. Потом доходит: волосы обкорнал.

-- Ой! -- говорю я, имея в виду, что жалко красивые волосы. Потом вспоминаю смысл этого действия и уже с другой интонацией повторяю: -- Ой.

Кир хихикает и встряхивает косматой головой. Обстригся он не под ноль, а где-то до середины уха, криво -- видно, что сам, -- и теперь эти патлы под разными углами торчат во все стороны.

-- Доброе утро, -- Азамат выходит из гостиной и целует меня в затылок. Светится он, как лазерный прожектор. Ещё бы -- сын признал!

-- Как у вас тут интересно, -- наконец нахожу слова я. -- Кир, когда закончишь в мясе возиться, давай я тебя подровняю, что ли...

-- А вы умеете стричь? -- удивляется ребёнок.

-- Ну так...

-- Да ладно, Лиза, -- Азамат ставит на стол рядом с Киром пустую кастрюлю, с которой вошёл. -- Доедем до столицы, там придворный цирюльник подровняет. И вообще, по-моему, ему так идёт, -- муж с удовольствием рассматривает Кира, склонив голову набок. -- Можно будет особо выступающие перья покрасить, получится живописно.

Кир пожимает плечами и сваливает длинные куски мяса в кастрюлю.

-- А что это вы делаете? -- спрашиваю.

-- Сушим мясо, -- поясняет Азамат. -- Кир, видишь, разделявает, а я развешиваю на третьем этаже. Завтрак ждёт тебя в микроволновке.

В гостиной посреди манежика сидит задумчивый Алэк и лепит какую-то безумную конструкцию из мягкого конструктора.

Пока я ем, Кир несколько раз оглядывается на меня, как будто хочет что-то спросить, но не решается. Наконец осторожно говорит:

-- Лиза-хон?

-- М? -- откликаюсь я с полным ртом.

-- А мы... сегодня посмотрим кино с подписями?

-- М-гм, -- киваю я. Потом проглатываю. -- Кстати, ты можешь звать меня просто Лиза.

Кир состраивает задумчивую рожицу.

-- Попробую...

Последним ото сна восстаёт Арон, разбуженный запахом мяса над головой, и сразу начинает жаловаться:

-- Вот, вы-то вчера настреляли, теперь полмесяца с этим возиться будете, а я как же? Нарочно ведь приехал из столицы, дела побросал, жену, больного ребёнка...

-- А кто ж тебя неволил? -- интересуется Азамат. -- Сам приехал на два дня раньше, терпи. Кир, погрей ему жаркое, я тут закончу.

-- Ну хоть завтра-то пойдём? -- занудствует Арон.

-- Завтра, может, пойдём, -- пожимает плечами Азамат. -- Смотря какая погода будет.

-- Только давай в лес, а не в поле, -- оживляется Арон.

Азамат кривится.

-- Чтобы идти в лес, надо спрашивать разрешения у хозяина, а он, кажется, на меня обиделся. Да и вообще, ты-то в степи не был с нами, так почему не хочешь?

-- Я привык по лесу работать, -- деловито заявляет Арон.

Кир подносит ему дымящуюся тарелку и неприязненно морщит нос. Не забыл Ароновы воспитательные методы.

-- Может, вам на рыбалку сходить, пока Дол не замёрз? -- предлагаю.

-- Можно, -- соглашается Азамат. -- Только я бы мать позвал, она это дело жуть как любит. Да и с Киром ей познакомиться пора бы.

-- Да, я её давно уже не видел, -- задумчиво произносит Арон с такой интонацией, как будто это матушка виновата, что не появляется в его жизни. Азамат приподнимает брови, но молчит.

Кир сгружает в посудомойку грязные кастрюли, потом тщательно моет руки.

-- У меня всё!

Я добавляю к кастрюлям свою тарелку и в тон ему сообщаю:

-- У меня тоже!

-- Отлично, -- Азамат обмазывает последний кусок какими-то специями и кладёт его к остальным. -- Сейчас я это повешу, и можно будет заняться чем поинтереснее.

Кир вперёд меня бежит в гостиную и лезет в ларь с нитками, где лежит ещё недорасплетённая кудель. Открыв ларь, он замирает.

-- Лиза-х... то есть, Лиза! Ваш кот снова сюда залез!

-- Что, опять всё размотали?! -- ужасаюсь я, подбегая.

-- Нет...

Клубки и мотки лежат в ларе в неприкосновенности, вот только один из клубков -- чёрный, мохнатый и дышит. Наши вопли его потревожили, и он поднимает головёнку и зевает во всю огромную розовую пасть.

Кир смеётся, я тяжело вздыхаю.

-- Его надо было назвать не Электрон, а Нейтрино. За всепроницаемость.

-- Хотите я вам на ларь замок сделаю? -- предлагает ребёнок.

-- Было бы неплохо, -- киваю, выковыривая кота из пряжи.

Когда Азамат возвращается с террасы, Кир просит у него пару чурбачков.

-- А пойдём в сарай, -- предлагает муж. -- Мне там тоже кое-что нужно.

Возвращаются они с кучей инструментов и деревяшек, и Азамат застилает всю комнату плёнкой, чтобы не намусорить. Я беру вязанье и запускаю бук, готовясь провести день за тихими играми.

-- Надо строить тёплую мастерскую, -- говорит. -- А то теперь уже на травке не посидишь.

-- А что это ты такое делать собрался? -- хмурится Арон.

Азамат кивает на Кира.

-- Лук. Я же обещал вчера.

Кир улыбается до ушей, а Арон сильно удивляется.

-- Так до Белого Дня ещё как до Солнца!

-- Всё равно, зачем откладывать? -- рассудительно отвечает Азамат, вертя в руках дрын, из которого предполагается делать лук. -- Я как раз подходящий материал припас летом, и время есть. Да и Киру не повредит пристреляться из этого лука прежде чем на поле выходить.

Кир подсаживается ко мне, я запускаю кино и берусь за спицы. Азамат с Киром берутся за ножи. Алэк в своём манежике внимательно следит за взрослыми, как будто хочет научиться.

-- А я что буду делать? -- беспомощно спрашивает Арон.

-- Можешь поразматывать нитки, -- предлагаю.

-- Или погулять с куницей, -- подхватывает Азамат.

-- Или с Филином, -- вставляет Кир.

-- Или с Алэком... -- заканчиваю я.

Арон тяжело вздыхает и берётся за нитки. Официально объявляю день рукоделия.

-- А у тебя неплохо получается, -- замечает Азамат Киру, глядя как тот вытачивает детали замка.

-- Так мягкое дерево, -- пожимает плечами ребёнок, пряча улыбку. -- Это что, я ещё по кости резать умею!

-- Ого! -- оценивает Азамат. -- Я в твоём возрасте не умел. Покажешь потом.

-- Обязательно, -- Кир приосанивается и продолжает свою пилёжку, время от времени прерываясь на то, чтобы посмотреть в экран.

Через пару серий, когда шарф становится длиннее Кира, я закрепляю нитки. Шарфик получился приятный, с косичками вдоль краёв, зелёно-золотистый -- должен подойти и к Кировой кошмарной куртке, и к дублёнке.

-- Кир, держи, -- говорю, оборачивая шарф пару раз вокруг ребёнка.

-- Ой! Что это?

-- Это... -- я бы ещё знала, как по-ихнему шарф... -- Ну, на шею наматывать, чтобы тепло было.

-- А, платок! -- оживляется ребёнок. -- Это мне?

-- Тебе, тебе, -- хлопаю его по плечу. -- Носи на здоровье.

-- Спасибо! У меня сегодня прямо день подарков! -- скалится Кир и заворачивается в шарф поплотнее.

-- Смотри в доме-то не запарься, тут ведь жарко, -- замечаю.

Кир пожимает плечами.

-- Сладкого и тёплого много не бывает.

Мы с Азаматом тоскливо переглядываемся.

-- Старейшины приняли закон, -- говорит Азамат, -- о финансировании и надзоре за приютами. Теперь работа приютчиков и проживание детей оплачивается из бюджета, а заместники из ближайших городов или их подчинённые будут периодически навещать приюты с неожиданными проверками. С учителями пока хуже, но я надеюсь, что к лету удастся подобрать хотя бы по одному учителю на приют.

-- Что, неужто не хватает грамотных безработных? -- удивляюсь я.

-- Ну, тут большой вопрос, кого на Муданге можно считать безработным, -- пожимает плечами Азамат. -- Вот охотники или фермеры, например, официально безработные. Если они мясо продают -- платят налог с продажи, а если только сами пользуются, то вообще ничего не оформляют.

-- Нет, ну а, скажем, молодые, кто ещё не придумал, чем в жизни заняться?

-- Эти не пойдут, -- печально улыбается Азамат. -- Очень уж непрестижная работа.

-- Да ладно, чего такого, детей учить? -- развожу руками. -- Клуб вести престижно, а это -- нет?

Азамат морщится.

-- Давай я тебе потом объясню.

-- Как будто я не знаю, в чём дело, -- встречается Кир. -- Если безродного грамоте научить, то уже не отличишь, безродный он или какой. Вот и выходит, что учитель -- предатель, всякую шваль за честных людей выдаёт.

-- Не выражайся, -- хмурится Арон.

У меня уходит несколько секунд на то, чтобы справиться с шоком от объяснений Кира, поэтому Арон не получает немедленно буюком по башке. Когда я восстанавливаю когнитивные способности, Азамат уже берёт инициативу на себя.

-- Братик, -- говорит он ласково. -- Милый, давай я сам буду воспитывать своего сына, хорошо?

-- Нет, ну а чего он?.. -- запальчиво начинает Арон.

-- Я к твоим детям не лезу, так ведь? -- несколько более угрожающим тоном продолжает Азамат.

-- По-моему, ты на чужбине озлобился, -- надувается Арон.

Кир тайком ухмыляется.

Разговор заходит в тупик, и я начинаю скрести голову над дилеммой: поставить ещё серию, приготовить ужин или пойти пройтись.

-- Оте-ец, -- тихо прерывает Кир мои тяжкие раздумья.

-- Ау?

-- А ты будешь ездить на выезды в приюты?

Когда он успел переключиться обратно на "ты"? Видимо, на охоте.

-- Не знаю, может быть, -- пожимает плечами Азамат. -- Я об этом ещё не думал. А что?

-- Ну просто... -- Кир ёрзает на месте. -- Я подумал... если ты поедешь в мой приют... Точнее, который был, ну, в котором я жил...

-- Та-ак, так, -- подбадривает его Азамат, а то ребёнок совсем запутался.

-- В общем, можно я с тобой?

-- Обратнo захотел? -- со смешком выпаливает Арон.

-- Арон!!! -- гремит Азамат так, что дом подскакивает. Алэк отзывается тоже угрожающе, и я беру его на руки.

Кир вжимает голову в плечи.

-- Да нет, это я так, не важно, забудь...

Азамат показывает Арону большой мозолистый кулак. Тот обиженно поджимает губы и отворачивается.

-- У тебя друзья в приюте остались, да? -- спрашиваю Кира.

-- Вроде того, -- бормочет он себе под нос, ни на кого не глядя.

-- Конечно, ты ведь там долго жил, это совершенно естественно, -- заверяю я, стараясь не пережать. -- Мне даже странно, что ты до сих пор о них не упоминал.

-- Ну там не совсем друзья... -- чуть погромче отвечает Кир. -- Остальные вообще меня не очень любили. Но так, хочется на них взглянуть сейчас.

-- Хорошо, -- соглашается Азамат. -- Только смотри не дразнись, тебе и так все будут завидовать.

-- Да это понятно, -- отмахивается Кир.

Алэк ползает по мне, хватая за волосы и всячески испытывает моё терпение.

-- Пойдёмте выгуляем детей и зверей, -- прошу я.

-- Может, лесные тропы разведем? -- с надеждой спрашивает Арон.

-- Кир уже разведет, -- отрезает Азамат.

-- Ну тогда я не пойду, какой толк в снегу топтаться?

-- Вот ты и приготовишь ужин, -- ухмыляется Азамат. -- Лиза, давай сюда маленького, тебе же одеться надо...

Мы выходим в чудесный зимний вечер. Официально ещё осень, но день коротёхонький, а за ним тянутся хвостом длиннющие сумерки. Синий снег искрится в свете первой луны, Дол за выступом скалы кажется совершенно белым, хотя льдом ещё не покрылся. Филин с куницей играют в догонялки, равномерно покрываясь снежными катышами, впрочем, на Филине это не очень заметно.

-- А почему тебя не любили в приюте? -- спрашивает Азамат внезапно.

Кир пожимает одним плечом.

-- Да так... Я ж не мингь, чтобы всем нравиться.

-- Ну хоть расскажи что-нибудь о своей жизни, -- просит Азамат.

Кир снова перекашивается.

-- Зачем? Вы мне о своей ничего не рассказываете.

-- Давай историю за историю? -- предлагаю я.

-- Ну можно, -- Кир пожимает другим плечом.

-- Что бы ты хотел услышать про нас? -- оживает Азамат.

-- М-м-м... -- Кир задумчиво трёт нижнюю губу, глядя как Алэк пытается ловить ртом снежинки. -- Про бога расскажите. Который тогда Старейшин напугал.

Азамат кивает мне, мол, это твоя история. Я о своём знакомстве с Ирликом рассказала уже столько раз, что сами события малость поблекли в памяти, спрятавшись за словами. Но я очень стараюсь не приукрашивать.

Кир слушает сначала отстранённо, время от времени мыча в знак внимания. Но когда я дохожу до отпиливания рук, он сам начинает ловить ртом снежинки.

-- Язык застудишь, -- насмешливо одёргивает его Азамат.

Рот со стуком закрывается.

Дойдя до конца истории, я притормаживаю. Рассказывать Киру про Кирилла мне совершенно не хочется, да он и не просил. Это уже совсем другая история. Так что я лаконично завершаю тем, как Ирлик проволоч меня через Подземное Царство "почти прямо к Азамату на корабль" и быстренько перехожу к следующей встрече.

-- Так что, он ещё когда-нибудь придёт в гости? -- уточняет Кир, когда я выбалтываю всё, что знаю о несчастном Ирлике.

-- Обещал зимой, -- говорю. -- Посмотрим.

Кир некоторое время молча переваривает.

-- У меня таких интересных историй нету, -- говорит он наконец.

-- Мне лично все твои истории ужасно интересны, -- замечает Азамат, подхватывая мою затею.

-- Ну ладно... -- Кир снова неуклюже пожимает одним плечом, втягивая голову. -- И про что мне рассказать?

-- Расскажи, почему тебя не любили в приюте, -- хватается за возможность Азамат.

Кир на секунду задумывается.

-- Я не знаю, как это в целом рассказать, это не одна история.

-- Тогда Расскажи кусочек... Скажем так, приведи пример, -- настаивает Азамат.

-- Ладно, -- вздыхает Кир без особого энтузиазма. -- Вот, например, есть у нас там одна девчонка. Хилая совсем, еле живая. У неё был отец, тоже такой же хилый, нормально работать не мог никогда. Она, когда маленькая была, с ним жила, но потом он совсем

заболел и не смог зарабатывать ей на еду. Поэтому отдал её в приют. Но приезжал каждое лето её проведать. Кое-как наскребал каких-то денег, привозил что-нибудь, например, меховую жилетку или кусок вяленого мяса или банку мёда, в таком духе. А она каждый раз ревела три дня, когда он уезжал. Ну и вот пока она ревела, все эти вещи у неё отбирали. Потому что другим здоровые и богатые родители ничего не привозили, а тут этой замухрышке такие подарки. Но я так считаю, этот её папаша небось неделями не жрал, чтобы ей что-нибудь купить, а она тупая, вместо того, чтобы съесть сразу, только ревела. Ну я пару раз этим, которые отбирали, помял рёбра. Потому что нефига. Так эта идиотка стала со мной делиться своими гостинцами. А я ей говорю, засунь, говорю, их себе, лучше об отце подумай. Тогда меня пацаны стали дразнить, типа, у меня с ней шашни. Ну я ещё немножко их поколотил, чтоб заткнулись. Вот за то и не любят.

-- Ты всё правильно сделал, -- решительно говорю я. Конечно, нехорошо поощрять драки, тем более, что у ребёнка и так к ним склонность, но что делать, если жизнь такая?

-- Ты молодец, -- с чувством говорит Азамат, притягивая Кира поближе за плечо. -- Ты вырастешь отличным человеком.

Ребёнок как бы случайно пристраивает нос в меху Азаматовой шубы.

-- Вот интересно, -- отвлечённо произносит Азамат. -- Ты ведь понял, что тот человек любил свою дочку. Почему же ты во мне так долго сомневался?

Кир хмурится и отодвигается.

-- Да что толку? -- немного невпопад говорит он. -- В смысле, он только свою жизнь угробил с этими поездками и подарками, а кому лучше-то стало? Я не знаю, зачем он всё это делал.

-- Это не зачем, -- говорю. -- Это потому что. Потому что он иначе не мог. Кстати, а чего это мы в прошедшем времени? С ним что-то случилось?

-- Не знаю, -- вздыхает Кир. -- Просто позапрошлым летом он не приехал. И с тех пор не появлялся. Мы все решили, что он того. Говорю же, больной был.

-- А девочка чем болеет? Может, надо поспешить с выездом? -- спрашиваю, косясь на Азамата.

-- Да она не то чтобы чем-то болеет, -- пытается объяснить Кир.
-- Она просто хилая. Жизни в ней мало. Всякую заразу первая цепляет, а то иногда просыпается утром и встать не может. Ещё тошнит её часто, -- подумав, добавляет он.

-- Надо бы её обследовать, -- бормочу я, уже прикидывая в уме возможные варианты.

Азамат достаёт телефон и что-то раскидывает в календаре.

-- Следующий выезд назначен через полтора месяца и в совсем другое место, -- говорит он. -- Но можно устроить совсем внештатный визит, прямо отсюда. Скажем, через два дня. Завтра на охоту сходим, иначе Арон нас съест, -- он весело подпихивает Кира локтем, -- потом день на обработку добычи. А там и съездим, что нам стоит?

После ужина я удаляюсь к себе сделать два звонка -- Унгуцу и Алтоше, рассказать, как у нас тут дела идут. Унгуц радуется и заверяет меня, что не сомневался в счастливом исходе, сидел вот и ждал всеобщего примирения. Алтонгирел, напротив, удивляется.

-- Я уж думал, у вас опять без вмешательства богов не обойдётся, -- поднимает бровь он. -- Ну ладно, одной занозой в пятке меньше, а то я уже не знал, что с вами делать... Слушай, Лиза, тут странники наконец тебя заметили, один просится пообщаться, ты скоро вернёшься-то?

Я таращусь в экран, пытаюсь представить, что может скрываться под словом "странник" -- от бомжа до негуманоида из параллельной вселенной.

-- Кто?.. -- спрашиваю, отчаявшись.

-- Ах ты ж, опять не знаешь ничего! -- сердится Алтоша. -- Ну эти... как их... журналисты.

-- А-а-а-а! -- осознаю я и тут же напрягаюсь. -- Этого ещё не хватало. Погоди, так меня же нельзя фотографировать, значит, и на видео снимать нельзя?

-- Никто и не собирается тебя снимать, -- поясняет духовник, глядя на меня сверху вниз прямо из бука. -- Интервью напишут. Может, портретик поставят. И всё.

-- Ну ладно, -- недоверчиво соглашаюсь я. -- Но я ещё нескоро до столицы доберусь. Мы хотим съездить в приют, посмотреть, чтобы там всё было в порядке, да ещё одну девочку там подлечить. Вот потом в столицу. Так что пускай звонит этот странник, по буку поговорим.

-- Ещё чего, странникам телефон давать! Потом не отвяжешься. Нет уж, придёт лично, не развалится. Придёт, договорится на удобный день, чтобы ты подготовилась, он ведь рукоделие твоё захочет отснять, интерьеры всякие, а у тебя же вечный бедлам, несмотря на слуг.

-- Э-э... -- я прикидываю, что ещё он захочет отснять и сколько времени мне придётся убираться. -- Скажи ему, пускай на домофон мне позвонит, так и договоримся.

-- Тоже вариант, -- соглашается Алтоша, потом задумчиво добавляет: -- Слушай, а когда вы в этот приют отправляетесь?

-- Через два дня, если погода позволит, а что?

-- Да так, -- смотрит в сторону, -- я вот думаю, не примкнуть ли к вам. Очень мне интересно, кто же мог вашего пацана так зачаровать. Вдруг найду там какие-нибудь признаки?.. Только ты ему не говори, а то ещё нарочно мешать будет. Скажи, что я хочу проверить работу этого старого взяточника, который их раньше опекал.

-- А ты разве до сих пор на планете? -- удивляюсь. -- Я думала, Экдал уже всех вас увёз.

Алтонгирел мотает головой и усмехается.

-- Нет, он всё с женой возится. Нанял фотографа снять её на визу, а ей то цвет лица не нравится, то фон, то ещё что. Вот уже который день позирует, ну а Экдал боится их одних оставить, он вообще последнее время постоянно у неё торчит. Выходит уже к утру, еле на ногах держится, лыбится, как идиот. Очень напоминает Азамата после вашей свадьбы. Уж не от тебя ли его жена набралась приёмов?

-- От кого ж ещё, -- хмыкаю. -- Ну ладно, раз ты с нами, то ждём тебя послезавтра. Пойду Азамату скажу.

Алтонгирел строит мне напоследок рожу и отключается.

Внизу Азамат рассматривает дело своих рук, поворачивая то так, то этак. Лук не простой, с узорами, и его ещё предстоит покрасить, насколько я понимаю.

-- Вот, Кир, гляди, как тебе?

Ребёнок прикидывает изделие по руке, но скорее для вида -- у него на лбу написано, что лук ему понравился бы, даже если бы был в два раза выше самого стрелка.

-- Отлично! -- скалится он. -- Спасибо, отец!

-- Не за что, обращайся, -- улыбается Азамат, прихватывая Кира за плечи. -- Вот распишу его и жилу натяну, и можешь пользоваться.

-- Вы ещё собираетесь в приют? -- спрашиваю. -- А то Алтонгирел хотел примкнуть, убедиться, что тамошний сомнительный духовник не наложил в своём деле. Я ему сказала, чтобы приезжал сюда, вместе полетим.

-- О, замечательно, -- говорит Азамат и продолжает что-то в том смысле, что уж Алтоша наведёт порядок. А я смотрю на Кира, который жуёт нижнюю губу, направив расфокусированный взгляд в угол под потолком. Хотела бы я знать, какие расчёты идут сейчас в его голове и какие убытки мы от этого понесём.

Наутро все мужики, кроме Алэка, отправляются на свою вожделенную охоту ещё до моего пробуждения. А будит меня тот самый странник. Я, естественно, вчера благополучно выкинула его из головы и на вопль мобильного выползаю из-под одеяла сонная, помятая, в любимой спадающей с плеча ночнушке.

-- Кто там? -- зеваю я в трубку, только сейчас замечая, что на экране кто-то есть. Ах да, это же не по телефону, а по домофону звонят, тут камера по умолчанию!

Встретив заинтересованный взгляд незнакомого бородатого мужика, я со стуком захопываю пасть и быстренько поправляю декольте.

-- Здрасьте, -- говорю. -- Вы меня разбудили.

-- Ну что ж, раз так, значит, пора вставать, я считаю, -- деловито замечает этот персонаж. -- Так... когда вы готовы меня принять?

-- Ой, я даже точно не знаю, -- теряюсь я и тянусь за календарём. -- Ближайшие четыре дня точно мимо, а потом надо будет посмотреть.

-- Четыре дня, -- бормочет он себе под нос, листая записную книжку. -- Так во сколько?

-- Да погодите вы! -- начинаю просыпаться я. -- У меня, знаете, и другие дела есть.

-- У вас-то есть, -- соглашается он. -- Но и мне надо к первому дню зимы материалчик выложить.

-- А куда спешить? -- удивляюсь. -- Я вроде не новость, с весны ещё Хотон-хон, и до сих пор никто не интересовался.

-- Ну вам же нужно было время освоиться, так сказать, в новом положении, -- пожимает плечами странник. -- А к первому зимнему дню нужно, потому что такие значимые материалы всегда

выкладывают в первый день сезона, а весной будет уже следующий год. Так что вы уж для меня найдите времечко.

-- Ладно, -- вздыхаю. -- Вы только скажите, вам кроме разговоров что-нибудь ещё нужно? Алтонгирел мне говорил, что вы захотите рукоделие отснять...

-- Да, обязательно, -- энергично кивает он и снова шуршит записной книжкой. -- Рукоделие, наряды, украшения, косметика, обстановка в доме, продукты, домашние животные и игрушки маленького князя.

У меня по мере перечисления вытягивается физиономия. Впервые с тех пор, как Азамат стал Императором, я рада, что нас нельзя снимать, иначе, наверное, попросили бы отснять, как я в туалет хожу.

-- Я прям даже не знаю, -- произношу растерянно, когда странник заканчивает читать свой список. -- У меня половина вещей тут, на Доле... Вам принципиально вообще всё?

Странник хмурится.

-- Господин духовник мне сказал, что вы живёте во дворце, разве нет? Я ведь с вами по домофону разговариваю, разве вы не здесь?

Приходится растолковать ему ситуацию с моими обиталищами.

-- Вот оно что, -- невесело говорит он, теребя бороду. -- В таком случае, я к вам туда пришлю фотографа, а поговорим потом, когда вы приедете, иначе я в бюджет не уложусь. Только вы не очень тяните, я люблю подавать свои материалы заранее.

-- Это не от меня зависит. А когда вы хотите фотографа прислать?

Странник снова сверяется с книжечкой.

-- Завтра на рассвете, -- говорит уверенно.

-- Не-не-не! -- ужасаюсь я. -- Никакого рассвета! Не раньше полудня.

-- Что вы, Хотон-хон, -- снисходительно отвечает он. -- После полудня ему уже в другом месте быть надо, у нас график напряжённый.

-- Ну нет, -- я окончательно просыпаюсь. -- Мне наплевать, какой у вас там график. Если ваш фотограф прилетит раньше полудня,

будет сидеть в снегу под дверью и ждать, потому что телефон и дверной звонок я отключу.

-- Как скажете, -- невозмутимо соглашается странник. -- Значит, после полудня. Так когда вас в столице ждать?

-- Не знаю, оставьте номер на охране, я вам позвоню.

-- Договорились, -- кивает он. -- Только не тяните, а то если опоздаем к первому дню, никто читать не будет.

Я выдавливаю нечто невразумительное, желаю страннику удачного дня и вырубаю на фиг домофон, чтобы не перезвонил. Я как-то привыкла уже, что на Муданге ко мне все относятся даже с чрезмерным уважением, а тут вдруг такой обычный хамоватый делец, я даже растерялась. Можно подумать, это мне нужно, чтобы он взял у меня интервью! Хотя, возможно, он и правда так думает. Кто их знает, муданжцев, какое у них отношение к прессе.

Повздыхав по утраченным часам блаженного утреннего сна, я понимаю, что обратно ложиться бессмысленно и топаю вниз. Если сюда завтра нагрянет этот его фотограф, нужно хотя бы условно навести порядок. Чистоту-то уборщик организует, но вот открою я шкаф со словами "а тут у меня меха", а оттуда сойдёт лавина из сорока мешков с неразобранными подарками от подданных, потому что в шкаф с мехами я заглядываю реже всего, а он большой.

В общем, полдня мы с Алэком занимаемся нервной уборкой. Не сказать чтобы мелкий мне помогал, но и мешает не очень. Так, хватается за вещи время от времени, а если я слишком часто нагибаюсь, он решает, что это я так с ним играю, и принимается прыгать в слинге, что не очень меня радует. Так что я стараюсь нагибаться поменьше: сортирую посуду, проверяю, не завалилось ли в холодильнике какого-нибудь рассадника разумной жизни со щупальцами и вычёсываю зверьё. Котам нравится, кунице не очень. Мешки с неразобранными подарками я выволакиваю на середину гостиной, придут мужики -- вместе будем разбирать.

В конце концов я решаю, что люди интересуются моей повседневной жизнью, а не декорациями, так что хватит бегать, пора заняться чем-нибудь успокаивающим, например, поплести заброшенный гобелен с каверзным богом Учоком. Подумав, я устраиваюсь с этим делом на кухне, а то в гостиной висит гобелен с Ирликом и косит на меня глазом. Знаю, что глюки, но провоцировать

не хочется. Алэк вскорости засыпает, примотанный ко мне -- занятие и впрямь успокаивает. Учок, кстати, выходит довольно красиво, несмотря на толстые нитки и крупный узор. Поскольку он осенний бог, одежды на нём побольше, чем на Ирлике, и вся она наводит на мысли об урожае и листопаде. Мне уже не первый раз чудится, что от ниток пахнет тыквой. Не знаю, может, их делают из чего-то такого...

Заплетшись, я начисто отключаюсь от реальности, и когда мои охотники неожиданно и шумно вваливаются в прихожую, я прям пугаюсь.

-- Лизонька! -- гремит Азамат. -- Встречай, ты где? Мы с добычей!

И действительно, опять вся прихожая в кровавых тушах.

-- Вижу, -- говорю. -- Только я вас так рано не ждала, ничего не готовила, суп со вчера остался, а так...

Азамат бросает взгляд на часы.

-- Ничего себе рано, уже полночь. Ну ладно, сейчас мы быстренько зажарим птицу на вертеле, давайте, ребят, несите всё на кухню, пока тут пол не запачкали.

Я тоже смотрю на часы. И правда, уже ночь. У меня Алэк последний раз ел до того, как я за гобелен села, чуть не полсутки назад. Чудеса да и только. Алэку и самому приходит в голову, что пора бы и покушать, и он начинает голосить и стучать по мне пятками.

-- Ого, -- слышится голос Азамата с кухни. -- Да ты, я смотрю, заработалась.

Это он гобелен заметил. И правда, Учок почти готов, только фон осталось сделать. Я в этот раз попробовала новую технику, в которой не обязательно строго снизу вверх всё полотно плести, можно начать с центральной фигуры.

-- Красиво, -- замечает Арон, перекладывая из мешка в раковину каких-то длинношеих птиц. -- Я смотрю, вы втягиваетесь в мударжскую жизнь, Лиза: никакого ужина, зато гобелен!

-- Пойду покормлю ребёнка, -- мрачно отвечаю на это я.

Позже я присоединяюсь к суете на кухне вместе с бодрим, выспавшимся Алэком, который ещё не скоро даст нам пощады.

-- Ой, Лиза, давайте я с ним посижу, -- предлагает Кир с мольбой в голосе.

-- Действительно, -- поддакивает Азамат. -- Поменяйтесь, а то у Кира уже нож в руках не держится.

Я с отвращением смотрю на перья и шкуры.

-- Смотри что надо делать.

Азамат ставит передо мной большой таз с бесформенными кусками чьего-то мяса.

-- Замаринуй, возьмём с собой в приют, там и пожарим, чтобы всех угостить.

Я ворчу, что шашлык детям не полезен, но не особенно сопротивляюсь. Не знаю уж, кого они такого подстрелили, но с этой горой мяса нам своими силами не справиться.

-- Ну у тебя тут, Азамат, угожья, -- видимо, не в первый раз уже восхищается Арон. -- Чтобы в степи да столько настрелять... ухх! Я бы прям всегда тут жил.

-- Через полмесяца зима начнётся, -- отвечает Азамат. -- А зимой только с голоду охотиться можно. Так что набивай закрома сейчас, а там уж до лета.

-- Вот-вот, -- поддакиваю. -- Мы полетим в приют, а ты тут охоться, пока нас нет. А потом мы прилетим, а тут уже и сезон кончился...

Азамат с Ароном переглядываются.

-- Получи свою овцу обратно, -- усмехается мой муж. -- Ладно уж тебе, Лиза, не сердись на него, Арон в хозяйстве полезный, наготовит тебе много вкусной еды...

-- Лиза! -- зовёт из гостиной Кир. -- А что тут за мешки стоят, Алэк в них всё время лезет?

-- А это подарки от подданных, -- кричу в ответ. -- Если хочешь, покопайся, вдруг тебе там что-нибудь понравится. Только следи, чтобы Алэк ничего в рот не тянул, сначала всё дезинфицировать!

Кир издаёт приглушённый победный клич и принимается шуршать пакетами.

-- Завтра сюда прилетит фотограф, будет снимать мои жилищные условия, -- объясняю в ответ на немой вопрос Азамата. -- Вот, решила прибраться.

-- А-а, до тебя странники добрались наконец-то, -- ухмыляется муж. -- Не очень наглели?

-- Да как тебе сказать, изрядно, вообще-то, -- пожимаю плечами.
-- Правда стоило мне упереться, тут же пошёл на попятную.

-- Они всегда так, -- встречает Арон. -- Если видят, что человек покладистый, душу вынут. А рывкнешь -- так сразу всё будет по-твоему. Вы с ними посуровее, Лиза, сразу станут как шёлковые!

На пороге кухни возникает Кир, одной рукой балансируя Алэка на бедре, а второй держа подальше от него связку бус.

-- Мне можно что-нибудь из этого взять? -- спрашивает он с придыханием.

Алэк подпрыгивает, пинается и тянет лапки к блестящим штучкам.

-- Можно, конечно, -- щедро улыбается Азамат.

-- Только давай ты сначала всё это протрёшь, потом мы поужинаем, а потом все выберем себе что-нибудь и решим, что делать с оставшимся.

Кир оглядывает свисающие чуть не до пола лианы драгоценных камней, и по лицу его видно, что оставшегося не останется.

Зажевав несколько жареных птиц, про которых Азамат мне объяснил, что "это такой рябчик, похожий на дрофу", мы усаживаемся в кружок вокруг дезинфицированных Киrom подношений и принимаемся разбирать. Мне по умолчанию сдают все ткани, наборы для рукоделия и прочую фурнитуру, только успеваю отбиваться. Кир и Арон с совершенно одинаковым светом в глазах нагребают украшения. Алэк требует себе всего и побольше, но когда гора игрушек начинает перерастать его, перестаёт загребать новые и принимается методично раскидывать по комнате собранные. Азамат нехотя, в основном, по моему настоянию, меряет несколько более-менее удачных предметов одежды, смущаясь, выбирает пару колец и длинную низку золотых оберегов для вплетания в волосы, зато с энтузиазмом складывает в вышитый мешочек разнообразные носители информации и мелкие забавные дивайсы типа радиоуправляемого спутникового приёмника на антигравитации, выполненного в муданжских традициях в форме стрекозы, или часы со спидометром или гибкий кожаный мобильник. Я вообще заметила, что Азамат любит мелкие вещицы, чем мельче, тем лучше.

Пока я прикидываю, нужны ли мне ещё одни аметистовые серьги или всё-таки не жадничать и послать их Сашкиной жене,

Азамат вылавливает из мешка зип-пакет с клубком чёрной пряжи.

-- Гляди, кто-то прознал, что ты гобелен Учоку плетёшь, -- говорит муж, протягивая мне пакет. -- Это нитки для него.

-- Откуда ты знаешь, что именно для гобелена? -- удивляюсь я.

-- А ты посмотри, на что намотаны.

Я разглаживаю пакет и присматриваюсь. Из клубка торчат деревянные голова, хвост и лапы какой-то птицы, похожей на ворону.

-- Бормол, что ли? -- спрашиваю.

-- Ага, бормол, которым призывают благосклонность бога, -- подтверждает Азамат. -- Учок-хон вороном перекидывается, это его птица, вот тебе и чёрная пряжа -- на гобелене воронов выплетать.

-- погоди, а откуда кто-то может знать про гобелен, если я его начала плести перед самым отъездом сюда, а эти мешки у нас лежат уже пару месяцев как минимум?

Азамат задумчиво пожимает плечами.

-- Может, я и не прав, и это просто совпадение, но мне легче поверить, что подарок от знающего или от духовника, который заглянул в будущее.

Я возвожу очи горе.

-- Этого ещё не хватало, мало мне и так мистики вокруг. Ладно, если ты считаешь, что подарок безобидный, я его использую. А пока пошли спать, вон у нас дети уже дрыхнут в обнимку.

Кир с Алэком и правда являют собой элемент узора на ковре, поблёскивая камушками.

* * *

Фотограф является через минуту после того, как часы в кухне кукукнули полдень. Он молодой, деловитый и нарядно одетый, только поверх меховых штанов с узорными вставками натянуты серые наколенники, видимо, на случай если придётся ползать по полу в поисках ракурса. На Азамата он смотрит с откровенным ужасом -- тот вышел с кухни по локоть в крови, потому что занимался там разделыванием очередной туши, и почти сразу ушёл обратно. Ко мне у юноши в глазах читается интерес. А остальных он просто не замечает.

-- Будьте здоровеньки, -- здоровается он в несколько фамильярной манере, стряхивая снег с сапог притопыванием на коврике. -- Что ж вы так дворников-то распустили? Я хотел дом поснимать, а вокруг него всё снегом завалено.

-- И вам не болеть, -- откликаюсь я и добавляю с покер-фейсом:
-- Хорошо, что вы вокруг дома не пошли, там моя мама сад насадила, если б вы что-нибудь затоптали, она бы с вас скальп сняла.

-- Мама? -- переспрашивает он с опаской.

-- Ну да, -- пожимаю плечами я. Слухов о моём происхождении-то никто не отменял.

-- Кхм, -- прокашливается он. -- Ну что ж... Давайте тогда в доме поснимаем, а там, может, вы мне покажете, где можно подойти?

-- Кир, покажешь тропинку? -- ласково прошу я.

Кир, которого фотограф полностью проигнорировал, кивает и улыбается так хищно, как будто у него там уже заготовлена ловушка на мамонта. Впрочем, я бы не удивилась. Кир не любит, когда его игнорируют.

Фотограф меж тем, не подозревая, какие опасности его подстерегают, раздевается, достаёт наладонник и принимается там что-то отмечать.

-- Предлагаю начать с гардеробной, -- наконец изрекает он.

-- С чего? -- моргаю я.

-- Ну, где вы одежду храните?

-- В шкафу.

Тут уже моргает фотограф.

-- Вы основную часть в столице держите, да? -- догадывается он.

Я прикидываю.

-- Да нет, примерно пополам. Ну давайте я вам покажу, чего время тратить.

Фотограф боязливо следует за мной ко встроенному шкафу с шубами и куртками. Взгляд его примерзает к моему прекрасному элегантному лыжному костюму из серебристой термонепомайки.

-- Это... мальчика, да? -- с надеждой спрашивает фотограф, кивая на Кира.

-- Нет, это мой лыжный костюм, -- с гордостью отвечаю я. Костюм и правда очень удачный.

-- Может, мы его временно уберём, чтобы в кадр не попал? -- робко предлагает фотограф.

-- Ещё чего! -- возмущаюсь я. -- Я его надеваю чаще, чем любую из этих шуб, когда с ребёнком гуляю.

-- С ребёнком... -- упавшим голосом повторяет фотограф. Потом вздыхает и берёт себя в руки. -- Ладно, как вам будет угодно.

После этого всё более менее идёт как по маслу. Он расставляет треногу, укрепляет свою навороченную технику, лампы, отснимает это свидетельство моего морального падения, а потом и прочие, когда я демонстрирую содержимое остальных шкафов. Непоправимую психическую травму юноше наносит единственная спальня на двоих с мужем, а от вида моего кабинета ему становится всерьёз плохо. Выясняется, что целителей он боится с детства.

-- Что же вы взялись за такую работу? -- удивляюсь я, снаряжая лазерную пилу. -- Знали ведь, что я целитель.

-- Да я не думал, что у вас тут всё это хранится. А ч-что вы такое включаете?..

-- То, чем я Ирлик-хону руки отпиливала. Будете щёлкать?

Фотограф бледнеет, зеленеет, но аппаратуру расставляет. Кир выглядывает у него из-за спины с любопытством, лазерной пилы он ещё не видал.

После испытания хирургическими инструментами я позволяю трепетному юноше обрести душевный покой, для чего выкладываю перед ним всякое вязание и вышивание. Кир охотно приносит свою дублёнку и шарф. Гобелены производят на гостя самое неизгладимое впечатление, даже недоделанный с Учком. Правда, я с утра ещё немножко его помучила, изобразила, как смогла, орнаментального ворона дарёными нитками. Ворон получился жирный и блестящий, не смотря что стилизованный.

Отсняв мою небольшую коллекцию косметики и широкий ассортимент детских игрушек, фотограф наконец-то набирается храбрости зайти на кухню, где Азамат с Ароном при поддержке мелкого и по уши перемазавшись в мясе, разбирают остатки вчерашней добычи. Азамат, убрав с лица выбившуюся прядь и оставив на щеке кровавые разводы, басит:

-- Прямо сейчас кастрюли поснимать не получится, видите, занято.

Юнош бледнеет так, что того гляди хлопнется в обморок.

-- Идите, пока светло, дом снаружи поснимайте. Лошадей, мостки... Кир, проводи?

Кир выскакивает из дому с не меньшим энтузиазмом, чем несчастный гость, едва накинув дублёнку. Азамат посмеивается и качает головой.

-- Я чувствую, слухи обо мне в ближайшее время обростут подробностями.

-- Ну ты сам постарался, -- замечаю я. -- Вам тут не помочь пока? А то мне бы не хотелось откачивать этого слабонервного.

-- Да мы сейчас уже закончим. Можешь сунуть что-нибудь в духовку, надо этого мальчика хоть покормить, он ведь наверняка с утра не евши...

-- Ты что, разве можно странников прикармливать?! -- ужасается Арон. -- Потом не отобьёшься.

-- Этот ещё пока не странник, -- отмахивается Азамат. -- Так, личинка.

Фотографа Кир возвращает в виде глазированного печенья. Снег сегодня липкий и мгновенно образует ледышки на шубе.

-- Ты чего, с горки на нём катался? -- спрашиваю я шёпотом, пока гость развешивает свои меха на сушилке.

-- Да нет, -- невинно пожимает плечами Кир. -- Я ему сказал, типа ты там поосторожней, наст хрупкий, а он как треногой опёрся...

-- Ты особенно-то не усердствуй, -- шепчу я. -- Он тебе ничего плохого не сделал.

-- Да я так... -- Кир вздыхает и с явным сожалением добавляет: -- Больше не буду.

Впрочем, гость недолго дуется. После ужина и горячего чая с перцем и бараньим жиром он совсем благорастворяется, перестаёт бояться Азамата и даже подбивает его на тур по дому -- показать, где как балки скрещены, каким макарон каналлизация подведена и тому подобные инженерные тонкости. Количество галочек в его наладоннике неуклонно растёт.

-- Так-с, что у нас тут осталось... -- бормочет он, листая свои фотографии в камере. -- А, вот что. Хотон-хон, давайте про мебель расскажите, что откуда?

-- А я откуда знаю? -- удивляюсь я. -- Комод в гостиной с Гарнета, а про остальное мужа спрашивайте.

-- Как это не знаете? -- очухивается фотограф от блаженной неги. -- А как же вы подругам хвастаетесь?

-- Мебелью? -- Я вытягиваю вперёд шею.

Фотограф тоже теряется, видимо, мой вопрос нелеп. К счастью, окончательно упасть в его глазах я не успеваю -- на выручку приходит Азамат. Покровительственно кладёт мне руку на плечо и нравоучительно объясняет:

-- Я оберегаю свою жену от таких будничных забот, как выбор мебели. Если вам интересно, я расскажу, у какого мастера я что заказывал, но они не брэндовые.

-- Значит, станут брэндовые, -- усмехается фотограф. -- рассказывайте.

Когда он наконец отбывает, унося в камере полный фотоотчёт о моём доме, я в шутку интересуюсь у Азамата, достойно ли я держалась и не презирают ли меня подданные.

-- Вообще достойно, -- ухмыляется он. -- Вот только с мебелью чуть прокол не вышел. Это же как туфли или платья... Ты не замечала, что на всех ручках клеймо мастера?

-- Я думала, это просто узорчик... -- развожу руками. -- Интервью вообще будет катастрофа.

-- Ничего, я тебя в обиду не дам, -- подмигивает Азамат и потягивается. -- Эх, надо поработать немножко.

Он открывает бук, но вместо экрана продолжает смотреть на меня, а я выползаю из приличного дивана, оставшись в лосинах и маечке, потому что дома у нас довольно жарко.

-- Тебе эти штанишки очень идут, -- замечает муж. -- Ты сегодня рано спать ляжешь?

Я встречаю его взгляд.

-- Да хоть прям шас!

-- Это соблазнительно, но после я точно поработать не смогу, -- вздыхает Азамат, отводя глаза. -- Так что давай чуток попозже.

-- Как скажешь, -- пожимаю плечами я сажусь за гобелен.

И опять, как вчера, за этим занятием впадаю в такой ступор, что около полуночи Азамату практически приходится меня будить, а гобелен оказывается закончен.

Глава 24

Алтонгирел является в ночи на казённом унгуце, который тут же отбывает обратно. Я узнаю об этом от Азамата, неохотно вылезшего из тёплой постели, чтобы впустить духовника в дом.

Утром моим глазам предстаёт премилая картина: Алтоша, которому было постелено на диване в гостиной, ночью скатился с дивана и подполз к камину, причём, поскольку у нас дома очень тепло, одеяло он скинул и спит теперь с ним в обнимку, обхватив его руками и ногами, как плюшевого мишку. А спит он, естественно, нагишом, кто бы сомневался.

Алэк у меня на руках очень радуется виду духовничьей попы, показывает на неё пальцем, вяньгает и пытается произнести её название. На звуки из кухни высовывает голову Кир с понимающей ухмылкой.

-- Привет, -- говорю я, огибая тело в гостиной. -- Давно ты любишься этой инсталляцией?

Кир уже привык, что не понимает половину моих слов, так что даже не переспрашивает, а так, догадывается из контекста. Только мимолётом хмурится.

-- Я встал, когда солнце скалу осветило, это где-то час после рассвета. Ну и не стал его трогать, мало ли, может, духовникам так положено.

-- А где Азамат-то? -- усмехаюсь я.

-- Снаряжает унгуц. Собирался после этого вас будить, у меня тут уже и завтрак готов.

-- Тогда поддержи-ка братца, пойду Алтошу тормошить.

Духовник, понятно, побудке не рад, а когда осознаёт, в каком виде я его застала, принимается шипеть и фыркать, и занимается этим до самого завтрака. Впрочем, Кирова стряпня его несколько утихомиривает, и если бы Азамат с Киrom весь завтрак не переглядывались и не обменивались намёками про щёки и персики, Алтоша мог бы и совсем успокоиться.

Алэка мы решаем взять с собой: Арон так и не почтил нас своим присутствием, а мелкий настроен благодушно и не занимает много места, к тому же очень любит летать. Конечно, приют -- не лучшее место, куда можно съездить с младенцем, но если его не вынимать из унгуца, то это не так важно.

Утречко выдалось безоблачное, и скоро мы уже парим над разверстыми красными пастями Короула, рассматривая шныряющих мимо птиц и щурясь от сверкающего внизу снега. Даже Алтонгирел временно перестаёт листать книжку и немножко смотрит в окно. Алэк

радуется, ползает по сиденью и пытается стянуть у духовника жезл -- ещё бы, такая погремушка! Алтоша, впрочем, к детям на удивление терпим и даже не ворчит, хотя жезл убирает.

-- Мне-то не жалко, -- объясняет он расстроенному Алэку, -- но такие вещи никому нельзя трогать, кроме владельца. Даже такому очаровательному зайчику, как ты!

Я тщетно пытаюсь сохранить покерфейс, тем более, что Кир на переднем сиденье давится смехом так, что заплёвывает лобовое стекло. Азамат с ухмылкой достаёт из бардачка целлюлозную салфетку и протягивает ему.

-- Вытирай.

А Алтоша продолжает громовое сюсюканье, не обращая ни на что внимания. О своей книжке он вспоминает только когда Алэк начинает просить есть и спать, уже в видимости Сиримирна. Когда я приступаю к кормлению, духовник поворачивается всем телом так, чтобы по возможности сидеть ко мне спиной, сгибается в три погибели и утыкает нос в экран читалки, однако от моего взгляда не укрывается пунцовый цвет его ушей.

Мы снижаемся неподалёку от здания приюта. Азамату приходится тщательно маневрировать, потому что из дома высыпает орава детей, и все они под хриплые крики Гхана, так и норовят залезть под брюхо садящемуся унгуцу. Я понимаю, конечно, что унгуц -- это интересно, но и инстинкт самосохранения какой-то должен быть.

Сам Гхан тоже спешно ковыляет к нам на своей деревяшке, вытаращив глаза так, что иная сова позавидует. Азамат с Киrom выпрыгивают за борт первыми, потом я, оставив крепко спящего Алэка в дорожной колыбельке, а следом -- величественно -- Алтонгирел.

-- Что?! -- в ужасе выкрикивает Гхан вместо приветствия, и я уже безо всякого дара предсказания знаю, что он скажет дальше. -- Обрато привезли?!

Азамат хохочет и приобнимает смущённого Кира за плечи.

-- Не-ет, ещё чего! Этого я, раз нашедши, не отдам. Нет, мы тут просто проведать вас решили, посмотреть, как вам живётся при новом порядке, гостинцев привезли...

Лицо Гхана меняется нарочито, как в мультике, из удивлённого в напуганное, и в итоге замирает с выражением едва примаскированной

паники.

-- В смысле, э-э, проверочку нам решили устроить?

-- И это тоже, -- невозмутимо басит Азамат. -- Я же должен следить, на что уходит бюджетное финансирование.

Меж тем, дети, обступившие нас, в отличие от Гхана, слышали про гостинцы и зашептались. Они более-менее всех возрастов, самых маленьких старшие держат на руках. Одеты они странно: поверх лохмотьев навроде тех, что были на Кире, напялены яркие новые куртки и утеплённые штаны, многие не застёгнутые и с болтающимися бирками. Обувь на всех старая, жуткая и залатанная. Кир, сам в своей кислотной куртке, обменивается с несколькими из старших кривыми улыбками. Ему явно неуютно среди бывших однокашников теперь, когда он чей-то, а остальные по-прежнему ничьи.

-- Вот, видите, зимнюю одежду закупили, -- поспешно отчитывается Гхан. -- И провизию кое-какую... Извольте откусать? Вы уж простите, Ахмад-хон, прошлый раз-то я вас не признал...

-- Откусать у нас с собой, -- прерывает Азамат. -- Да что мы тут на улице стоим, пойдёмте в дом побеседуем?

-- Э-э, там... дымно... -- мнётся Гхан. -- Печка топится...

-- Отчего ж дымно-то? -- удивляется Азамат.

Гхан нервно жуёт губу и молчит, так что Кир объясняет за него.

-- Там пол просел, и у печки труба до потолка не достаёт, вот и дымит.

-- Так вам надо ремонтников вызывать, -- кивает Азамат.

-- Да, обязательно, вот, найти бы только честных людей...

Гхан продолжает лепетать о сомнительности нравов худульских строителей, а я замечаю, что Алтонгирел как-то настороженно вертит головой.

-- Ты чего? -- пихаю я его.

-- Тут кто-то есть, -- угрюмо шепчет он в ответ.

-- Тут около сотни человек, -- замечаю я.

Он только отмахивается и продолжает нервно рассматривать окружающий пейзаж, только что ушами не шевелит.

Кир тем временем решает проявить себя как организатор и обращается к старшим:

-- Ребят, давайте хоть костерок разведём, там у кострища сесть можно, им же надо где-то поговорить... -- Он кивает на Азамата с Гханом.

-- Чё, самый главный тут теперь? -- цедит невысокий мальчик с разбитой губой.

-- Нет, -- пожимает плечами Кир, -- куда уж мне. А мясо мы можем и с собой увезти, раз тут жарить не на чем.

Его расчёт оправдывается -- при слове "мясо" парень сглатывает и решает отложить выяснение отношений на потом.

-- Слышь, Чубарый, давай костёр разводить! -- кричит он в сторону сараев.

Из ближайшего высовывается рыжий веснушчатый и сильно раскосый парень, видимо, детёныш горца. Видуха та ещё, я понимаю, почему горцы считаются некрасивыми.

-- Чой-то, -- отзывается Чубарый, -- дрова лишние завелись?

-- Мясник мясо привёз, -- с ухмылкой поясняет парень с разбитой губой. И оборачивается к Киру с победным видом. Кир поджимает губы и явно сдерживается, чтобы не врезать.

-- Ты, Мухортик, дыру-то прикрой, я ведь и приласкать могу, -- шипит он.

-- Ой-ой! -- пугается Мухортик и отходит на два шага, оттаскивая за рукава хихикающих товарищей. -- Вот щас обещанное-то и сбудется!

-- Заткнись, баран! -- шёпотом рявкает Кир, оглядываясь на Азамата. Тот в нескольких шагах от нас занят разговором с Гханом и смотрит в другую сторону, ничего не замечая.

Я чувствую себя довольно неловко: в чём суть конфликта -- не понятно, и вроде надо бы ребёнка поддержать, но и чтобы его не задразнили потом маменькиным сынком.

-- Давайте только без драк, -- хмуро требую я наконец. -- Лучше наоборот, если кто приболел или ушибся, вставайте в очередь к унгуцу, я целительница, всех полечу.

-- Чур я первый, у меня вот губа! -- выкрикивает Мухортик (не знаю, правда, это имя или обзывательство), тыча пальцем в болячку.

-- К унгуцу, -- киваю я.

Мухортик только заносит ногу для спринта, как Кир хватает его за локоть.

-- Стой. Первой пойдёт Зеленуха, мы ради неё сюда прилетели. Где она?

-- О-о-о-о! -- тянут несколько глоток. -- Так ты любовницу свою спасать приехал?

Я морщусь, ожидая фонтан эмоций, но Кир реагирует на удивление спокойно: корчит рожу и переспрашивает:

-- Так где?

-- Не знаю, если до конюшни доползла, то там, а нет, так по дороге в снегу валяется, -- пожимает плечами Мухортик.

-- Все, кто лечиться, к унгуцу, -- мрачно говорю я. -- Младшие пойдут первыми.

Мой энтузиазм по поводу спасения несчастных сирот как-то улетучился.

Кир времени не теряет и уже скачет по глубокому снегу за угол, туда, где проходит кратчайший путь от дома к сараям. Я, неловко приподняв полы дилия и шубы, хрупаю за ним. Исследовав дорожку, Кир исчезает за скрипучей дверью одного из сараев, и тут же снова высовывается оттуда.

-- Здесь!

Я без энтузиазма протаптываю траншею в том направлении.

В сарае чудовищно воняет навозом, аж глаза слезятся. Проморгавшись в темноте, я различаю двух небольших и очень мохнатых лошадёнок и стог сена, у подножия которого светится Кирова кислотная куртка. Попытка дышать в этой газовой камере приводит только к приступу кашля.

-- Тащи её в унгуц, -- выдавливаю я. -- Тут ничего не видно.

И выскакиваю на улицу дышать.

Кир появляется через минуту. Как истинный джентльмен, он отдал свою куртку даме, но на большее его не хватило: даму он несёт через плечо, как мешок с картошкой. Ладно, дольше будет жонглировать, он-то по снегу бегают быстро, это я плетусь.

-- Это та девочка? -- спрашивает Азамат, когда я прохожу мимо. Они с Гханом движутся в ту сторону, где непоцарапанные дети разводят костёр.

-- Она самая, пойду печальных осматривать.

-- У нас печальных нету! -- встречает Гхан. -- У нас все здоровые! Если кто прикидывается, гоните в шею!

-- Не волнуйтесь, я, как говорится, не первый раз зам... э-э, то есть, не первый раз на таком выезде, с симулянтами обращаться умею.

Азамат поднимает на меня бровь и уводит Гхана, пока не разогнал мне весь контингент. К тому времени, как я добираюсь до унгуца, Кир уже расположил свою подружку на переднем сиденье, прибавил нагрев печки и закрыл спящего Алэка фильтрующим пологом, чтобы к нему никакая зараза не попала.

-- Вот, знакомьтесь, -- робко говорит Кир, когда я влезая в унгуц. -- Это Зеленуха. То есть, я хотел сказать, Айша.

Айша на совесть грязная и заметно попахивает. Даже Кир, когда мы его забирали, был чище. Она полулежит на сиденье, как кукла, в которой растянулись резинки, -- вот-вот развалится.

-- Здравствуйте, -- говорит она хилым хриплым голоском. -- Извините...

-- Здравствуй, -- говорю, берясь за сканер. -- У тебя что-нибудь болит?

-- Голова.

-- Сильно?

-- Сейчас не очень.

Я хмурюсь.

-- Сейчас? А давно болит?

-- Всегда.

Моргаю.

-- Что, вообще всегда? Всю жизнь?

-- В снах проходит... -- мечтательно поясняет Айша.

Рассматриваю её голову во всех ракурсах под сканером. Нормальная голова -- ни опухолей, ни воспалений, нормальное внутричерепное давление, никаких аутоиммунных симптомов, ну вообще всё в норме.

-- Кружится? Мутит?

-- Сейчас не мутит, -- почти довольно отвечает девочка. -- И никогда не кружится.

-- Я так понимаю, ты ходишь с трудом, да? Почему?

-- Ноги не держат, -- сипит Айша со вздохом. -- Сгибаются и всё тут.

-- Кир, подготовь мне для анализов всё, -- говорю, наводя сканер на девочкины ноги.

Она, кстати, только в обносках, новой одежды не досталось, похоже. Ноги, однако, нормальные -- тощие, конечно, но работать должны. Голодает она, что ли?

Через пятнадцать минут, когда готовы анализы, выясняется, что не так уж и голодает. Небольшой авитаминоз есть, конечно, но не сильнее, чем у был у Кира. А больше ничего. То есть, совсем ничего. Ни инфекций, ни опухолей, ни отравлений, ни недостатков, ни иммунных проблем, ни гормональных, ни нервных. Ещё через полчаса я изучаю её всю под лупой вдоль и поперёк и выясняю, что все органы работают, как положено -- ни повреждений, ни врождённых пороков. Гинекология ни при чём, девочка ещё не вошла в пубертат. Перебираю в уме все возможные психические отклонения, но и тут по нулям -- ни единого малюсенького симптомчика, будь он неладен! Только слабость, головная боль, частая тошнота и, как мне удаётся вызнать, обмороки. Я бы и впрямь решила, что девочка -- симулянтка, но Кир с ней прожил полжизни в одном доме и довольно тесно общался, и он твёрдо уверен, что она действительно больна. Да и, судя по его рассказам, никакой выгоды для неё в этом нет, только наоборот. Бессознательное самовнушение? Наследственное... Чуть какая-то. Наверняка я что-то пропустила. Или портативный сканер недостаточно хорошее разрешение даёт, отвезу её домой и там посмотрю в нормальных условиях. Решено.

-- Вот что, Кир, перегрузи-ка её на заднее сиденье. Я пока посмотрю остальных, а её придётся с собой забрать, я так ничего не нахожу.

Кир озабоченно кивает и перетаскивает Айшу назад, где она тихо сидит, прислонив голову к стеклу. Сам Кир выбирается наружу и принимается командовать, кого из подмёрзших нетерпеливых малышей осматривать первыми. Дети оказываются вполне здоровыми -- пара сопливых носов, набор ссадин и шишек, вывих, несколько лёгких ожогов, занозы, в общем, ничего катастрофического. Видимо, с более серьёзными заболеваниями тут не выживают... Рутинные диагнозы успокаивают, и только теперь я замечаю, насколько Айша вывела меня из душевного равновесия. Нет, ну если только Кир врёт, и на самом деле она анорексичка, но ведь я всё равно бы нашла признаки... А она даже не безумно тощая. Худая, конечно, но не патологически, а так тут все не толстые.

Вместо очередного ребёнка в салон засовывается Азамат.

-- У тебя печальные кончились, а мы там шашлыки жарим. Пойдём?

-- Ага. Вот только... -- оборачиваюсь назад, -- Айша, ты пойдёшь есть?

-- К кострищу? -- грустно переспрашивает она. -- Я бы пошла, но, боюсь, не дойду.

-- Давай попробуем, -- предлагаю я. Хоть посмотрю на неё в действии, как её ноги не держат.

Азамат открывает часть купола около заднего сиденья, а там уже Кир на подхвате -- помогает Айше перекинуть ноги за борт и спрыгнуть, а вернее, сползти в снег. Вокруг унгуца притоптано, тут такая толпень была, укатали в асфальт. Я сигналию Киру, чтобы перестал поддерживать больную, хочу посмотреть, как она сама передвигается. Поначалу ничего, равновесие держит, на бок не заваливается, но идёт ужасно медленно, как будто не сквозь воздух, а сквозь кисель, да ещё с неподъёмным грузом.

-- Что с ней? -- спрашивает меня Азамат, доставая из багажника домкрат.

-- Не знаю! -- в отчаянье развожу руками.

-- То есть как? -- моргает он.

-- Да вот представь себе, -- вздыхаю. -- Не могу понять! Придётся везти её с собой, а то и вовсе отправлять в диагностический центр... в герметичном ящике, на опыты.

-- Ты разберёшься, -- уверенно говорит Азамат, похлопывая меня по плечу. -- Пойду печку им подниму, а то видишь, приходится всем торчать на морозе, это не дело... Ты приходи потом к костру.

Он удаляется, а я наблюдаю за мучительной походкой Айши и не разделяю Азаматову уверенность. Девочка всё замедляется и замедляется, и в конце концов всё-таки падает на колени, уперев руки в снег для устойчивости. Мы с Киrom подбегаем поближе. Девочка тяжело дышит и вспотела, как будто и правда волокла на себе полтонны, и локти у неё дрожат, как если бы она спиной подпирала дом. Голова висит, как будто шея не выдерживает её вес. Что за чертовщина, у неё же нормально развитые мышцы, почему она так шевелится, словно живёт в иной гравитации?!

Я уже начинаю прикидывать, не может ли на этом безумном Муданге зияние возникнуть внутри человека, но тут меня окликают. Подняв голову, я вижу, что со стороны леса ко мне на хорошей скорости чешет Алтонгирел, то есть прям бежит, высоко задирая колени, так что полы деля хлопают до ушей.

-- Уйди оттуда! -- орёт он на бегу. -- Лиза, отойди от неё!

Я резво отскакиваю и оттаскиваю Кира за рукав. Тут уж лучше перебдеть, чем недобдеть, тем более, что у меня нет идей, с чем связано состояние девочки, а у Алтоши, кажется, есть.

-- Шакальи потроха! -- сплёвывает духовник, тормозя около меня и переводя дух. -- Я ищу источник по всему лесу, а ты, конечно, как всегда, в самом центре событий!

-- Источник чего?

-- Этого тебе знать не положено, -- отрезает он и оборачивается к Айше, которая тем временем окончательно распласталась на снегу. Алтонгирел смотрит на неё с опаской и неприязнью, как на чумную крысу. Кир это тоже замечает и встаёт на защиту подружки.

-- Она не заразная, -- заявляет он. -- Она тут много лет живёт, ни с кем ничего не случилось!

Алтонгирел вроде как заносит руку, чтобы отмахнуться, но передумывает.

-- У вас тут сумасшедшие есть? -- уточняет он у Кира.

-- Не-ет! -- удивлённо отвечает Кир.

Алтоша брезгливо поддёргивает полы деля и присаживается на корточки в головах у Айши. Хмурится. Проводит в воздухе рукой. Чертыхается, оттягивает отворот, достаёт из-за пазухи жезл, совершает им тот же жест. Лицо его застывает с напряжённым выражением, как будто ему померещился какой-то судьбоносный звук. Потом он медленно оборачивается к Киру.

-- Это она соткала для тебя молитву, -- скорее сообщает, чем спрашивает он.

Кир неуверенно кивает. Оп-па.

-- А почему ты сразу не сказал? -- выпаливаю я.

Кир мнётся, и Алтонгирел отвечает за него:

-- Не хотел выдавать, что подружка -- знающая.

Ах ну да, это же плохо. Господи, бедная девочка -- внебрачная, сирота, вся больная, да ещё и с запретными способностями.

Погодите...

-- Алтонгирел, а может быть, что эта её болезнь какого-то... такого происхождения? -- спрашиваю.

Он не может не воспользоваться случаем посмотреть на меня, как на дуру.

-- Естественно она такого происхождения! Девчонка квазар, из неё сила шарашит во все стороны, как от Солнца!

-- Эм-м-м... А с этим можно что-нибудь сделать? -- интересуюсь я, морально подготовившись к потоку оскорблений. Он не следует.

-- Кир, -- окликает духовник. -- Она сирота или внебрачная?

-- И то, и другое, -- отвечает Кир.

Алтоша устало трёт лицо, потом почему-то матерится.

-- Ты чего? -- спрашиваю я озабоченно.

Алтонгирел неожиданно сгребает девочку в охапку.

-- Пошли в унгуц, -- буркает он. -- Нечего ей тут в снегу валяться.

Мы с Киrom переглядываемся и вслед за духовником лезем в унгуц.

-- Так с ней безопасно рядом находиться? -- уточняю.

-- Да, -- угрюмо кивает духовник. -- Я сначала неправильно понял, что она такое. Я думал, она вулкан, а она квазар.

-- Мне это ничего не говорит, -- напоминаю на всякий случай. Но он только задумчиво кивает.

-- Извините... -- шепчет Айша, раскисшая на коленях у Алтонгирела. -- Вы меня не ждите, а то мясо быстро кончается.

-- Я тебе принесу! -- вызывается Кир. -- Ведь можно же? -- Он вопросительно смотрит на меня, потом на духовника. Я пожимаю плечами, Алтонгирел кивает. Кир срывается с места и бежит к костру, где с боем добывает целый шампур. Столько она не съест, конечно, а если и съест, то впрок ей это не пойдёт, но мне трудно осуждать Кира за энтузиазм, да и есть уже хочется.

-- Алтонгирел, -- возвращаюсь я к неразрешённому вопросу после того, как мы все зажевали по куску мяса. Айша, как я и ожидала, больше одного не осилила. -- Ты можешь как-нибудь адаптировать для обывателя, что значит "квазар" и можно ли помочь девочке?

-- Квазар, -- со вздохом начинает духовник, -- это и значит, что она вся уходит в распыл, потому что не может управлять своей силой.

Что касается помощи... -- он хмурится и пару секунд рассматривает слипшиеся волосы девочки. -- Обычно таких детей в младенчестве запечатывают. Девочек просто на всю жизнь, а мальчиков -- пока не настанет срок им пойти в духовное учение.

-- Ну, а её можно запечатать? -- продолжаю расспрашивать я.

-- Лиза, ты сегодня нарочно тупишь? -- выплёвывает духовник. -
- Я же сказал, в младенчестве! Это можно сделать только пока зубы не прорезались. Теперь поздно, она сроднилась с силой, если запечатать -- не выживет. Ты вот лучше скажи, у неё... -- он запинается, переходит на шёпот и, к моему удивлению, краснеет, -- ну эти... дела... женские -- начались?

-- Нет ещё, -- заверяем его мы с Киром. Я кошусь на ребёнка -- он-то откуда знает?

Алтонгирел, однако, мрачнеет ещё больше. Айша у него на коленях притихла и, кажется, отключилась от бренного мира, только моргает иногда.

-- Плохо, -- сообщает Алтонгирел. -- Если б начались, можно было бы попробовать отдать её в учение, а так ждать придётся. Не знаю, доживёт ли. Надо с Ажгдийдимидином консультироваться, а ты знаешь, как он относится к безродным.

Айша, если это вообще возможно, обвисает ещё сильнее. Кир хмурится.

-- А обязательно именно с ним? -- поджимаю губы я.

-- Он сам был квазаром в детстве, -- объясняет Алтонгирел. Я поднимаю брови. -- Да, вот, понимаешь теперь, какие духовники из них получаются. Но квазары не рождаются больше одного на поколение. Ажгдийдимидина самого в детстве не распознали, вовремя запечатать не успели, и он еле дотянул до обучения, был одним из самых юных духовников за всю историю. Но он мужчина, для мужчин есть предпочитаемый возраст начала обучения, однако он не обязательный, можно и раньше. Девочка же, пока не станет женщиной, в принципе не может управлять своей силой.

-- А нельзя её как-нибудь, -- встречается Кир, -- ну, типа подпитывать? Чтобы она не такая дохлая была? Ну вроде как вот вы, Лиза, ставите капельницы с сахаром тем, кто есть не может, или там, с искусственной кровью...

-- Человек так сделать не может, -- решительно отрезает Алтонгирел. -- Только бог. Но богам она, видать, не очень-то нужна...

Кир строит мне отчаянные физиономии, намекая на что-то. Да сама догадалась, спасибо.

-- Я могу Ирлика попросить, -- напоминаю я духовнику.

Он морщится.

-- Ты забываешь, что он тебе уже давно ничего не должен. А быть в долгу у бога -- не лучшее, что можно придумать. Сама посуди, чем ты с ним рассчитаешься?

-- Рыбой? -- усмехаюсь я. -- Ну или могу его вышить крестиком во всю стену. Вообще, можно у него самого спросить, что почём.

Алтонгирел снова уставляется на девочку у себя на руках. Как-то он с ней сроднился, прям прирос. Видно, что мучается сомнениями, но в итоге решается:

-- Ладно, я не твой духовник, не моё дело тебе советы давать, а со своим духовником ты всё равно не общаешься. Делай, как хочешь. Только где ты возьмёшь Ирлик-хона посреди зимы?

-- Ну-у... -- я оглядываюсь. -- Кир, ты глазастый, посмотри, нигде вокруг не видно маленького рыжего зверька?

Кир старательно осматривается, потом вылезает наружу и вскарабкивается на купол унгуца -- за что уж там можно уцепиться? -- и крутится на месте, пока наконец не замечает что-то в стороне леса.

-- Есть! Вон сидит, на куницу похожий такой.

Я снова вытряхиваюсь в снег и всматриваюсь в рыжую точку далеко среди деревьев.

-- Кис-кис-кис... -- зову растерянно. А как подзывают мангустов? -- Э-э... Рики-тики-тави?..

В конце концов, когда я дохожу до "гули-гули", мангуст догадывается, что это к нему обращаются, и подбегает поближе, высоко подпрыгивая и ныряя в глубокий снег. Он весь распушился и явно мёрзнет, уж очень тут погода не мангустовая.

-- Лапочка, можно с тобой как-нибудь хозяину передать послание? -- спрашиваю, не очень соображая, какого ответа я жду. Мангуст тоже смотрит на меня озадаченно, растопырив уши. -- Мне бы с Ирлик-хоном поговорить, -- поясняю.

Мангуст склоняет голову на бок и хлопает длинным пушистым хвостом по снегу: раз, два, три... и кувыркается, внезапно пропав из

виду.

-- Ух, холодина! -- слышу я за спиной знакомый голос. Оборачиваюсь -- и точно, Ирлик в обличье Змеелова сидит рядом с Киром на куполе унгуца и ёжится от холода, несмотря на пушистый лисий полушубок и толстые замшевые штаны. -- Лиза, ты не могла меня куда потеплее пригласить?

-- Извини! -- пугаюсь я, ещё не хватало простудить его. -- Сейчас унгуц открою, в нём тепло!

Кир во все глаза таращится на бога и вслед за ним соскальзывает в салон. Технически унгуц у нас пятиместный -- два сиденья впереди, три сзади. Вот на передние и приземляются Кир с Ирликом, а на задних не так уж много места: с одной стороны Алтонгирел с полулежачей Айшей, а с другой просторный фильтрующий полог над Алэком в перевозной колыбельке. Я еле втискиваюсь. Алэк от всех перемещений просыпается, так что всё равно приходится взять его на руки. Он радуется знакомому дяде и машет ручкой, Ирлик в ответ подмигивает. Алтонгирел, кажется, забывает дышать.

-- Да-а, тут потеплее будет, -- замечает Ирлик, передёргивая плечами. -- Так что у тебя тут стряслось?

-- У нас тут девочка, -- неловко объясняю я, -- вот... к-квазар.

-- Это я вижу, -- кивает Ирлик, по-прежнему озадаченный.

-- Я просто подумала, не мог бы ты ей как-нибудь помочь?

Ирлик легонько сдвигает брови.

-- Она... -- хрипло заговаривает Алтонгирел, прокашливается и продолжает не своим нервным голосом: -- Элизабет имеет в виду благословение стихий.

-- Да я понял, -- кивает Ирлик. -- Я вообще по-человечески хорошо понимаю.

Алтонгирел бледнеет, Кир хихикает, а Ирлик становится коленями на сиденье, перегибается через спинку, нависнув над Айшей и принюхивается. Мне кажется, у него даже нос удлиняется от усердия.

-- Здравствуйте, -- сипит Айша и улыбается, но Ирлик никак не реагирует.

-- Не, -- произносит он наконец, втягиваясь обратно и садясь себе на пятки. -- Она в месяц Учока родилась, так что это не ко мне.

-- Ты совсем ничего не можешь сделать? -- расстраиваюсь я.

-- Мочь-то я могу, но вот потом триста лет прятаться от Учока по всей планете в мои планы не входит, -- усмехается Ирлик. -- Было б дело летом, я бы ещё отмазался, а сейчас его сезон, так что извиняй, хозяйка, тут политика. А чего её в детстве не запечатали?

Я пожимаю плечами, но Айша вдруг отвечает сама:

-- Не смогли.

-- Как это не смогли? -- возмущённо спрашивает Алтонгирел.

-- В деревне, где мы жили, духовник пытался, но не смог. А ехать в город у отца денег не было.

-- Что-то Учок разошёлся, -- замечает Ирлик. -- На одном фронте гадит, на другом халтурит. Жена ему изменяет, что ли...

-- Э-м-м... Слушай, Ирлик, -- говорю я, не очень желая выслушивать подробности половой жизни богов, -- как ты считаешь, она в таком состоянии доживёт до обучаемого возраста?

-- Хотите её на духовника учить? -- хмыкает Ирлик. -- Интересная идея. Только ничего не выйдет, из неё так шарашит, что никакая учёба впрок не пойдёт.

Алтонгирел заметно сникает. Мне тоже жалко девочку, и Кира жалко, он так надеялся, что удастся её вылечить...

-- Ну мы можем хоть что-нибудь сделать, чтоб ей помочь? -- спрашиваю его.

Ирлик пожимает плечами.

-- Можешь Учока попросить, но осторожно, он подлюка такая... Плату берёт только вперёд, чуть недоглядишь, прошлое изменит.

-- А какую плату-то?

-- Подарок какой-нибудь, -- поясняет Ирлик. -- Золотишко, меха... Но ему надо по всей форме, с отправлением на ритуальном костре и прочими красотами.

-- Слушай! -- хлопаю себя по лбу. -- Я ж ему гобелен сплела!

Мало мне хлопка по лбу, ещё и тычок в рёбра получаю от Алтоши. Ирлик принимает высокомерно-оскорблённый вид.

-- Я тут, значит, прибегаю по первому зову, а она этому вороньему сыну гобелены плетёт!

-- Ну И-и-ирлик! -- я складываю ручки домиком. -- Не сердись, я просто хотела его задобрить, чтобы он перестал нам пакости делать. Хочешь, я тебе ещё сплету? Или вышью? Два раза?

Ирлик прищуривается.

-- А ты красиво вышиваешь?

-- Красиво! -- с готовностью отвечаю я.

-- Ну ладно, -- соглашается он. -- Так и быть прощаю. Но жду от тебя портрет, и чтоб большой и красивый был!

-- Хорошо-хорошо! -- часто киваю я. -- Вот вернусь домой и засяду!

-- Можешь не спешить, я бессмертный, -- усмехается бог. -- А Учок теперь тебе и правда должен, можешь попробовать с ним поговорить.

-- А это сложно? -- уточняю я.

-- Сложно, -- серьёзно кивает Ирлик и переводит взгляд на Алтонгирела. -- Ты, духовник, не Старейшина пока, так ведь?

Алтонгирел прямо сидя вытягивается по струнке и рапортует:

-- Старейшиной не являюсь, простите неразумного!

-- Да ты передо мной-то не выделывайся, -- дружелюбно говорит Ирлик. -- Эту манеру лучше для Учока побереги, он по-человечески не понимает. А ты, Лиза, учись. С другими богами вот так говорить нужно, иначе ничего не добьёшься.

-- Я так не умею, -- развожу руками. -- Я вообще по-муданжски так себе говорю.

-- Это да, -- соглашается Ирлик и кривится. -- А ты, значит, духовник, раз не Старейшина, то и формул преподнесения не знаешь, так?

-- Не положено, -- лепечет Алтонгирел. -- Простите...

-- Знаю, знаю, не занудствуй, -- перебивает его Ирлик. -- Раз так, то доставай ручку там или что, записывай, диктовать буду.

Мы с Алтошей синхронно извлекаем наладонники.

-- Техники-то, техники, -- качает головой Ирлик. -- На бумажку запишите, а то как Учок явится, у вас вся эта техника вырубится к шакалам, он же не знает, как она устроена.

Мы принимаемся рыться в вещах в поисках бумажки, точнее, конечно, пластика, откуда тут бумаге-то взяться... Положение спасает Кир, извлёкши из кармана куртки, надетой на Айше, свёрнутую трубочкой тетрадку с упражнениями по муданжскому и карандаш. Алтонгирел пытается её перехватить, но Ирлик отдаёт мне.

-- Тебе говорить, ты и записывай.

Так что Алтоше ничего не остаётся, как всё-таки строчить в наладонник, а Алэка у меня принимает Кир, а то мелкий чересчур интересуется шуршачими бумажками.

-- Итак, -- Ирлик умудряется сложить ноги лотосом на своём переднем сиденье, при этом задевает что-то на пульте управления, от чего включается музыка. -- А ну тихо! -- рывкает он на унгуц, и машинка послушно затыкается. Чую, не слышать нам тут больше музыки... -- Так вот, -- продолжает Ирлик. -- Сейчас мы отсюда выйдем, посадим девчонку в сугроб, дадим ей в руки какой-нибудь фрукт... Лиза, у тебя найдётся заваливающая хурма или ещё что?

-- А разве не тыкву надо? -- набирается смелости встрять Алтонгирел.

-- Облезет и неровно обрастёт этот Учок, тыкву ему ещё, -- кривится Ирлик. -- Сойдёт и клубень чомы.

Я меж тем откапываю пакет с фруктами, которые мы собирались раздать детям, но не успели пока.

-- Вот, есть хурма, обезьяньи серьги, нуговые ягоды...

-- Бери хурму. Итак, посадим мы её с хурмой, ты, Лиза, встанешь у неё за спиной и скажешь молитву призыва. Записывай: О великий, светозарный, неботрясущий, грозный, вечно почитаемый нами господин наш Учок, -- с непередаваемым отвращением диктует Ирлик. -- Долгая тебе лета, красное тебе солнце, белая тебе вода, жирная тебе земля. Лиза, не пропускай "тебе", а то он не поймёт. Так, хорошо, дальше пиши: Неразумные и несчастные почитатели твои, мы нижайше молим тебя своим присутствием наше скудное обиталище осенить.

-- А разве не надо говорить "несчастные рабы"? -- снова встревает Алтонгирел.

-- Ты духовник, тебе надо, -- поясняет Ирлик. -- А она свободная женщина. Так, что там дальше... Да отверзнутся небесные врата, дабы смог луч солнца обратиться дорогой, по которой лежит твой путь в наши... ну, скажем, дикие леса. Мы же в лесу будем призывать, правильно?

Я вообще не помню когда последний раз что-то писала от руки, почерк у меня корявый, а скорость маленькая, строчу, высунув язык, едва успеваю. На счастье, Ирлик делает паузу.

-- Слушай, а почему так сложно? -- не выдерживаю я, переводя дух. -- Это правила вежливости какие-то?

-- Да нет, говорю же, он по-человечески не понимает, -- поясняет Ирлик. -- Ты привыкай, таких, как он, большинство, это я... как это называется? Вольнодум. За что меня и не любят, собственно. Ладно, пиши дальше, ещё много.

Я исписываю полтетрадки формулами приветствия и благопожеланиями, когда Ирлик вдруг останавливается и делает глубокий вздох, обдавая нас с Алтошей горячим медовым дыханием.

-- А теперь самое весёлое, -- предупреждает он, сверкая зубами. -- Поскольку гобелена у тебя с собой нет, то придётся прочитать формулы преподнесения, а они на древнем языке.

-- Так я ж его не знаю... -- обалдеваю я.

-- Вот потому я и говорю, что самое весёлое, -- поясняет Ирлик. Волосы у него распущены и затеняют лицо, так что хорошо видно только блеск глаз и зубов в кровожадной улыбке, и мне становится не по себе. -- Я продиктую по буквам, а ты уж записывай, как хочешь. Слушай.

Дальше он производит последовательность звуков, часть из которых напрочь отсутствует в современном муданжском.

-- Погоди-погоди, -- прерываю я. -- Я не понимаю, какими буквами это записывается.

-- Какими хочешь, лишь бы прочитать смогла. Слушай ещё раз.

Со второго раза я вывожу три строчки -- муданжским, всеобщим и родным алфавитом попеременно.

-- Я это не прочту, -- говорю в ужасе, глядя на бессмысленные значки.

-- Прочтёшь, куда денешься, -- успокаивает Ирлик. -- Может, не с первого раза, но прочтёшь.

-- Ага, а Учок будет стоять и ждать.

-- Будет, а что ему останется, -- ухмыляется Ирлик. -- Если уж ты его вызовешь, то он не сможет уйти, пока не отпустишь.

-- Может, мне заранее потренироваться? -- с опаской спрашиваю я. Не нравится мне идея, что какой-то бог будет стоять и слушать мои потуги. Я бы на его месте меня быстро пристукнула.

-- Ни в коем случае! -- серьёзно отвечает Ирлик. -- Если тебе удастся произнести всё правильно до того, как Учок будет здесь и

выслушает приветствия, получится чудовищное хамство. Не волнуйся, не заржавеет подождать, пока ты справишься. Давай, пиши дальше.

И я пишу.

Мы выходим из унгуца и, воровато оглядываясь, топаем в лес. Комичнее всего выглядит Ирлик -- он с ног до головы завёрнут в белый флисовый плед, потому что мёрзнет в человеческом обличье, а в божественном его Учок сразу узнает.

-- А он вас точно не узнает так? -- осторожно спрашивает Кир.

-- Под белым пледом точно нет, -- успокаивает Ирлик.

-- Он серьёзно настолько тупой? -- понизив голос удивляется Кир.

Алтонгирел возмущённо шипит и пытается отловить Кира за ухо, но это очень трудно сделать, когда несёшь на руках больную девочку, так что ребёнок уворачивается.

-- Да он, конечно, умом не блещет, -- спокойно отвечает Ирлик. -
- Но дело не в этом. Учок -- из старших богов, он по-другому воспринимает мир, чем мы, младшие. Для него символ равнозначен реальному присутствию. Со мной так тоже бывает, но я стараюсь не поддаваться. Это трудно... Вроде как глаза видят, а потрогать нельзя. Иногда забываешь, трогаешь, а там пустота. Очень обидно бывает.

-- Так не получится, что я Учока с этим гобеленом как бы... надую? -- опасливо интересуюсь я.

-- Его-то нет, -- отмахивается Ирлик. -- Говорю же, он из старших. Для него что глаза видят, то и правда. Старшим гораздо легче жить. А вот я, да Умукх, да Укун-Тингир, мы бродим в полутьме. Ну да что я тебе это рассказываю, у тебя свои, человеческие проблемы. Хватит уже идти, у меня ноги заоченели!

Мы останавливаемся не то чтобы на полянке, но деревья тут немного пореже. Ирлик указывает на холмик впереди.

-- Духовник... -- начинает он, потом сдвигает брови и на пару секунд задумывается. -- Алтонгирел. Клади девочку сюда.

Алтоша так обалдевает от того, что бог вспомнил его имя, что не сразу выполняет указание. Ирлик, впрочем, не замечает.

-- Лиза, ты с ребёнком становись у неё за спиной.

-- А зачем с ребёнком-то? -- хмурюсь я, поудобнее перехватывая Алэка.

-- Затем, что когда мать с ребёнком просит, отказать невозможно, -- как само собой разумеющееся поясняет Ирлик. -- Алтонгирел, ты будешь ей бумажку держать. А ты, пацан, давай ко мне под плед, тебя Учок не любит, нечего его провоцировать. И всем молчать, кроме Лизы. Я, если что, слова подскажу, но лучше бы без этого.

-- Алэк может высказаться, хотя слов он пока не говорит...

-- Детям простительно, -- перебивает меня Ирлик. -- Давай, начинай быстрее, очень уж холодно, а ты долго будешь продираться. Если с первого раза не получается, читай второй и третий, пока не получится. Учок за временем не следит, хоть вечно тут будет стоять. Ну всё, мы прячемся.

Подтянув к себе Кира и запахнув поплотнее плед, Ирлик в самом деле ложится в снег и более-менее сливается с местностью. Кир ещё немного ворочается, устраиваясь, и в итоге мне видны только два любопытных носа под белым козырьком.

Алтонгирел, стоящий у меня за спиной, открывает первую страницу записей и суёт мне под нос. Я начинаю читать.

Надо отдать должное Ирлику, он очень чётко указал, где кончается каждая часть, которую можно повторять отдельно. Первую я прочитываю четыре раза прежде чем от неё происходит какой-либо толк.

Толк выглядит как луч красноватого света, как будто бы прямо от солнца, падающий в сугроб метрах в трёх передо мной. Сосны по обе стороны начинают мелко дрожать, как бы в порыве внезапного ветерка, но уж очень интенсивно. Иголки и шишки с них осыпаются, но не на землю, а висают в луче кружащимся облаком. Свет напоминает закатный и живописно играет на хвое, взвешенной в воздухе. Постепенно смесь уплотняется и складывается в подобие человеческой фигуры -- рыхлое, тёмное, шипастое и с красноватыми отблесками.

Айша, которая сидит опершись спиной о мои ноги, прерывисто вздыхает. Алэк у меня на руках заворожённо рассматривает явление перед нами. Алтонгирел держит листки у него над головой, рука его дрожит.

-- Дальше! -- слышу я надрывный шёпот слева, не понимаю только, это Ирлик или Кир мне командуют. Но что это я, действительно. Надо же продолжать.

Я честно прочитываю следующий кусок, в котором здороваюсь и желаю тому, что стоит передо мной, бесконечного блага. Не знаю уж, как я должна понять, что мои слова услышаны.

-- Ещё раз! -- шипит над ухом Алтонгирел.

Я послушно повторяю. О, теперь вижу, что проняло, -- у стога шишек появились глазки! Точнее сказать, два красных прожектора. Они недолго шарят по снегу и деревьям вокруг, к счастью, не задерживаются на белом пледе, под которым сидят Ирлик с Киrom, и нащупывают меня. Ощущение именно такое, как будто меня щупают чем-то тёплым и мокрым, причём прямо под одеждой. Я взвизгиваю и отшатываюсь, упираясь спиной в Алтонгирела.

-- Тихо! -- шикает он.

-- Ты знаешь, как это гадко?! -- возмущаюсь я.

-- Не разговаривай, читай дальше!

К счастью, омерзительное ощущение ослабевает, хотя и не исчезает совсем. Однако дальше следует та самая абракадабра из трёх алфавитов. Я поглубже вздыхаю и пытаюсь успокоиться, а заодно уложить дрожащую руку духовника себе на плечо, а то буквы очень прыгают перед глазами.

Начинаю читать и сбиваюсь на пятой букве. Начинаю заново -- на третьей. Снова глубоко вздыхаю, третья попытка более успешная -- две строчки. Но, увы, их там три.

Не знаю, сколько раз я пыталась воспроизвести всю "формулу преподношения", как Ирлик её назвал, но за это время успело стемнеть. Прожекторы Учока продолжают меня буровить, Ирлик там, наверное, уже оледенел, Азамат нас ищет...

Меня кто-то хватает за лодыжку. Не знаю, каких нечеловеческих усилий мне стоит не завизжать, но я всё же сжимаю глотку, памятуя, что говорить нельзя.

-- Повторяйте за мной, -- шипят мне снизу.

Я понимаю, что это Айша говорит. Она-то откуда знает слова? Запомнила?

Но я послушно повторяю. То, что я слышу, очень похоже на то, что мне надо сказать, а повторять со слуха всё-таки гораздо проще, чем разбирать мои каракули. С первой же попытки мне удаётся, я вижу какие-то изменения и так радуюсь, что чуть не забываю, что это ещё не конец...

А изменения меж тем не шибко радостные. У существа из иголок открывается клюв. Длинный, красный. С зубами. Две мохнатые лапы отделяются от тела и повисают в воздухе, простёртые ко мне, безо всякой связи с телом.

Айша продолжает говорить монотонно и неторопливо, что, конечно, хорошо, потому что я успеваю повторять, но как-то мне уже хочется побыстрее перейти к следующей фазе. К счастью, Учок не приближается ко мне, а то бегать бы мне по этому лесу, пока ноги несут...

После очередного куска абракадабры под диктовку Айши в воздухе повисает призрачная копия моего гобелена с Уроком, и мохнатые пальцы смыкаются на его углах. Ну вот, конец-край близок. Осталось попросить его за Айшу, и всё.

И я должна была бы сообразить, что для манипуляций над Айшей ему придётся подойти поближе. Девочку поднимает в воздух, она безвольно висит, опустив голову, как некачественная марионетка. Она продолжает мне диктовать, но с трудом, как будто забывает, что делает. Видимо, почувствовав это, она ускоряется, и я на последнем дыхании тараторю за ней. Хвала небесам, последний отрывок на древнем языке кончается прежде, чем она отключается совсем, а дальше уже снова по-муданжски. Через секунду после того, как я выдыхаю последнее слово, Учок приближается вплотную и втягивает Айшу в себя, то есть, в смерч из хвои, который он собой представляет. Не знаю, куда он дел гобелен, я была слишком занята, чтобы следить. Красные глаза бога шарят по мне и по притихшему на руках Алэку. Тепло из-за моей спины исчезает -- это Алтонгирел уронил тетрадку и кинулся её поднимать.

Учок поднимает мохнатую лапу и протягивает её к Алэку. Я в ужасе прижимаю ребёнка ближе. Хвоя колыхается как бы в такт дыханию, меня прошибает пот, я пытаюсь шагнуть назад, но не могу, ноги приросли, Алэк принимается хныкать. Я загибаюсь вся сама в себя, лихорадочно заворачивая ребёнка в полы шубы, пуговицы брызжут веером во все стороны. Нет-нет-нет, только не мою деточку! Учок вздрагивает от удара пуговицы, наклоняется ко мне, задевая мохнатым клювом мои волосы, и всё-таки дотягивается лапой до Алэка. Гладит его по голове. И вдруг вся хвоя падает на землю вместе

с Айшей, свет меркнет, и мы остаёмся в полной темноте и тишине, Алэк возмущённо сопит у меня на руках.

Тишина длится недолго. Её прорезает нечеловеческий визг Айши. Я разрываюсь между ней и Алэком, но Алтонгирел удерживает меня.

-- Читай благодарность! -- орёт он, суёт мне тетрадку и бросается вперёд, переворачивает девочку на спину, стряхивает с её лица хвою. Айша визжит изо всех сил, и кто бы подумал, что их у неё столько. Я еле разбираю слова в густых сумерках, пытаюсь читать, держа Алэка одной рукой. Внезапно снова становится светло -- это включаются фары унгуца, направленные прямо мне в спину. Воспользовавшись возможностью, я быстро дотарабаниваю остатки текста. Как раз вовремя -- в следующую секунду до меня добегают Азамат.

-- Лиза! -- он хватает меня за плечи. -- Что вы тут делаете, мы вас обыскались! Почему она...

Нас окружают люди, Айша продолжает визжать с краткими перерывами на вдох, Алтонгирел держит её за руки и что-то бормочет, но непохоже, чтобы это имело эффект. Алэк у меня на руках выглядит живым и здоровым, только очень недовольным, но папе радуется.

Из-под снега, а вернее, из-под пледа вылезают несколько поддубевший Кир и мрачный Ирлик. Последний, даже не оглядываясь по сторонам, трансформируется в свою божественную форму среднего размера.

-- О боже... -- выдыхает Азамат, замечая светящуюся фигуру Ирлика.

-- А-а-а-а-ах! -- на распев протягивает упомянутый боже. -- Тепло-о-о-о!

Надо ли описывать, что происходит вокруг... Гхан валится в снег, дети кто вопит и бежит, кто замер на месте и забыл дышать. Кир деловито отряхивается, не спеша отходить от Ирлика, который теперь производит тепла примерно столько, сколько давал бы костёр того же размера.

Айша продолжает орать.

-- Азаматик, поддержи Алэка, пожалуйста, -- выдавливаю я, снова обретая способность соображать. Алэк уже и сам тянет ручки к папе.

Ещё бы, мама-то вот без ума оказалась, втянула деточку во что-то непотребное.

Азамат, ещё не совсем, мягко говоря, разобравшийся в ситуации, послушно подхватывает у меня мелкого.

-- Объясни что-нибудь! -- молит он, заглядывая мне в глаза.

-- Спасаем Айшу, Ирлик помогает, она типа духовник! -- выпаливаю я и кидаюсь туда, где Алтонгирел по-прежнему пытается колдовать над несчастной девочкой.

-- Ирлик, почему она не в порядке?! -- вопрошаю я.

Бог присаживается рядом, щекоча меня перьями и обдавая жаром.

-- Сквозь неё бьёт поток. Очень много силы покидает её, но ещё больше вливается. Это больно. Алтонгирел, ты можешь ей помочь, если покажешь, как собрать всю силу в единый поток, тогда его можно будет подчинить дыханию.

-- Знаю! -- истерично и повышенным тоном отвечает духовник. - - Пытаюсь, не могу! Силы слишком много!

-- Ты не поэтому не можешь, -- спокойно возражает Ирлик. Завидую его невозмутимости. -- Ты боишься прикоснуться к женщине.

Алтонгирел вытаращивает на него блюдцеобразные глаза, шевелит губами, но возразить не решается, только снова поворачивается к Айше, метушейся на усыпанном хвоей снегу.

Я беру его за запястье.

-- Успокойся, -- предлагаю, хотя сама далека от спокойствия. -- Ты можешь это сделать. Вон даже Ирлик в тебя верит. Мы же знаем, что ты эпически крут. Я понимаю, что разведывать новое страшно. Но иногда это необходимо. И куча людей постоянно это делают, вполне успешно. Знаешь, как мне сегодня было страшно? Но я справилась, хотя для меня всё происходящее было совершенно вчуже. Для тебя же тут твоя работа, и новизна очень небольшая. И ты не один, и у тебя не отберёт ребёнка злобный бог. Ну давай, Алтонгирел, ты справишься!

Не знаю уж, моя речь возымела какое-то действие или просто духовник собрался с силами, но он всё-таки начинает шевелиться. Берёт Айшины руки в свои, сгибается над её лицом и, уперев губы в её лоб, принимается шептать. Айша уже охрипла от криков, и сквозь её каркающие стоны я частично слышу слова Алтонгирела.

-- Вдохни и держи всё внутри, хоть пару мгновений, вдохни и держи. Пожалуйста, у тебя достаточно для этого сил, я знаю, что больно, но вдохни и держи...

Айша пару раз безуспешно пытается задержать дыхание, на третий ей это удаётся. Она беспомощно дёргается, надув щёки, по вискам катятся слёзы, и всё её тело выгибается, но она честно держит дыхание и не издаёт ни писка.

-- Молодец, держи как можно дольше! -- подбадривает её Алтонгирел. -- А теперь повторяй за мной в уме.

Он быстро проговаривает какую-то несложную молитву. Девочка закрывает глаза, видимо, сосредоточившись на повторении.

-- Терпи сколько можешь и ещё немножко, -- продолжает духовник и повторяет молитву.

После третьего повтора Айша вдруг расслабляется, перестаёт дёргаться, а потом постепенно выпускает дыхание и лихорадочно вдыхает снова.

-- Спасибо! -- хрипло выдавливает она непонятно кому. Слово вылетает из её рта облачком золотистой пылицы, которая оседает на мне и духовнике.

Алтонгирел нехотя разгибается и поднимается с колен, помогая девочке встать. Она стоит сама, шатко, но без того неестественного напряжения. К ней тут же подскакивает Кир, чтобы поддержать. Духовник трёт между пальцами пылицу и мрачнеет.

-- Тебе нельзя говорить, пока не научишься управлять своей силой в совершенстве, -- хмуро сообщает он.

Айша открывает было рот, но тут же захлопывает его ладошкой. Я оглядываюсь.

Ирлик стоит в нескольких шагах, довольно созерцая результат своего вмешательства. Азамат успокоил Гхана и детей и отогнал их в сторонку от нас и от бога.

-- Что теперь? -- спрашиваю я Ирлика и Алтошу.

Ирлик жестом передаёт слово духовнику.

-- Её мы заберём с собой, -- решительно говорит тот. -- Я попытаюсь найти ей учителя. Начну с Ажгдийдимидина, но это вряд ли... Надеюсь, хоть в провинции её кто-нибудь возьмёт. В любом случае пока что учиться ей рано.

Я облегчённо вздыхаю. Этот квест пройден. Хлопаю его по спине и топаю к мужу, который покачивает на руках сонного и сердитого ребёнка.

-- Как Алэк? -- спрашиваю тут же.

-- Нормально, -- озадаченно отвечает Азамат. -- А что?

-- Его Учок погладил по голове, -- с содроганием поясняю я. -- Что это значит, вообще?

-- Благословил, -- раздаётся за спиной голос Ирлика.

-- С чего вдруг? -- хмурюсь я.

-- Тебе хотел приятное сделать, -- хитро подмигивает Ирлик, подойдя к нам.

-- Мне приятное? -- шурюсь я. -- Это с какого перепугу?

-- Любит самоотверженных, -- поясняет Ирлик. -- Ты ради какой-то чужой безродной девочки вызвала страшного бога, да ещё отдала ему свою работу -- это немало стоит.

-- А почему ты мне этого заранее не сказал? -- елейным голосом интересуюсь я. -- Я там чуть не рехнулась от страха!

-- Вот именно. Он любит, когда боятся. Если бы корысть почуял, ни за что бы не благословил, -- скалится Ирлик.

-- Да мне как бы оно и не очень нужно было, -- ворчу я.

-- Зато мне нужно, -- щерится Ирлик ещё шире.

-- Тебе-то зачем? -- удивляюсь я.

-- А затем, что я его обдурил! -- весело сообщает Ирлик и принимается хохотать. -- Он со мной поспорил, что ни за какую хурму не благословит нового князя, потому что я уже благословил. Но он тебя не узнал, потому что не умеет думать по-человечески. Не могло ему в голову прийти, что Хотон-хон будет просить за чужого ребёнка. В итоге он мне проспорил, да ещё ты теперь вышивку должна! Ну я ли не красавец?

Я вынуждена признать, что да, действительно красавец.

-- Ирлик-хон, -- осторожно спрашивает Азамат. -- А вы не знаете случайно, кто Лизе прислал чёрные нитки для гобелена?

-- Знаю, как не знать! -- покатывается Ирлик, сверкая золотыми зубами. -- Один знакомый горец!

-- Ладно, ты мне вот что скажи, интриган, -- говорю я, чувствуя, как наваливается усталость. -- С Алэком и с Айшей всё будет хорошо?

-- Обижает, Хотон-хон! Конечно! -- заверяет меня Ирлик. -- Я когда одно делаю, другого не порчу.

-- Ну слава тебе, яйца... э-э... драконьи, -- заключаю я. -- Можем спокойно лететь домой.

-- Можете-можете, -- поддакивает Ирлик. -- Я найду вас проведать через несколько дней.

-- Заходи, солнце, -- соглашаюсь я.

-- Будем рады, -- кивает Азамат. -- А сейчас, я думаю, пора расходиться. Мы свою миссию здесь выполнили, а детям спать пора.

-- Грузитесь в машину, -- делает Ирлик приглашающий жест. -- Я вас домчу с ветерком, я сегодня добрый.

Мы опасливо переглядываемся, но спорить с Ирликом не хочется. Азамат спешно прощается с Гханом, Кир с Алтонгирелом провожают самоходную Айшу до унгуца, мы залезаем внутрь и неторопясь взлетаем.

-- Ну держитесь! -- раздаётся на весь салон голос Ирлик-хона. -- Раз... Два-а... Три!

Мы едва успели вцепиться в поручни, как машина рванула на юг с нечеловеческой скоростью, так что облака замелькали внизу, как верхушки деревьев. Оглянувшись, я вижу в заднем стекле сияющий золотой оскал и огненный хвост, пускающий по небу искры. Пятнадцать минут турбулентной жути -- и мы дома.

Над парковкой Ирлик отцепляется, с улюлюканьем проделывает в воздухе троекратное сальто, освещая ночь божественным пламенем и уносится обратно, в зубы Короула.

Мы вытряхиваемся на снег и долго, медленно бредём к дому по занесённой тропинке.

-- Айша, а как ты с первого раза запомнила текст? -- спрашиваю я, засыпая на ходу.

Айша смотрит на меня недоумённо, тут я вспоминаю, что ей же нельзя говорить.

-- Она не запомнила, -- отвечает Кир. -- Она просто заснула, Ирлик-хон ей приснился и заставил её говорить во сне.

Айша изумлённо смотрит на Кира и виновато на меня.

-- Ладно уж, -- говорю. -- Все молодцы. Главное, что мы справились...

Азамат берёт меня под локоток и ускоряет шаг, как бы отводя меня подальше от остальных.

-- Лиза, -- тяжело произносит он. -- Я тебя посажу под домашний арест.

-- Чего это? -- вяло возмущаюсь я, хотя сама прекрасно понимаю, чего, да и перспектива не ввязываться ни в какие приключения в ближайшие лет десять меня тоже радует.

-- Того! -- восклицает Азамат. -- На полчаса нельзя одну оставить, натащила богов, напугала людей... Ты должна своим поведением подавать пример всем женщинам планеты, а ты тут устраиваешь шакал знает что!

-- Если бы все женщины планеты в самом деле брали с меня пример, Айша бы не чахла в этом приюте, -- замечаю я. -- Но ты прав, яхватила лишнего. На домашний арест согласна, всё равно в ближайшее время вся моя жизнь будет посвящена вышиванию. Я вполне эффективно сама себя наказала.

-- Посмотрим, сколько ты выдержишь, -- усмехается Азамат, открывая передо мной дверь.

Он уже не сердится, и я его понимаю. Сама на него сердиться дольше двух минут не могу. Хочет запирает -- пускай запирает. У меня дети не мыты, кошки не глажены, работа не работана и Алтонгирел не посрамлён. От богов я бы в ближайшее время отдохнула...

Глава 25

Отмытая Айша оказывается весьма симпатичной и всё утро вместе с Киром исследует способность к двуногому прямохождению -- бегом с третьего этажа на первый и обратно. В моей юбке, Кировой мешковатой футболке, с длинными, распушившимися после мытья волосами она выглядит весьма по-ведьмински, особенно когда улыбается -- зубы у неё мелкие и острые.

-- И чего так носиться? -- ворчит степенный Арон, ковыряясь в завтраке.

Арон от моих приключений натерпелся страху больше всех. Выходит после ужина в гостиную, а едва законченный гобелен пропал. Рамка стоит, а работы нет, только несколько хвоинок на ковре валяются. Бедняга удрал к себе на третий этаж, заперся там и сидел молился до самого нашего появления. А уж когда увидел Ирликовы финты в небе, чуть концы не отдал. Хорошо, Азамат решил к нему

заглянуть, сказать, что мы вернулись, а то до утра поседел бы, наверное.

-- У неё избыток энергии, -- отвечает Алтонгирел покровительственно, но немного уныло. Видать, ему тоже поднадоел топот по голове.

-- Кир, -- зову я, когда дети в очередной раз показываются в пределах видимости. -- Вы не хотите пойти погулять?

-- Хотим! -- выпаливает раскрасневшийся Кир. -- Но у Айши нет зимней обуви, а наша ей вся сильно велика.

-- Вот блин, -- вздыхаю я.

Азамат закладывает в Алэка очередную ложку пюре и смотрит на часы.

-- Ничего, скоро Ма прилетит, пойдём рыбу ловить, а в лодке сидеть всё равно в чём -- хоть пледом ноги замотай.

-- Ты хочешь взять девчонку на рыбалку? -- хмурится Арон.

Азамат кивает, Айша подпрыгивает на месте, а Алтонгирел неожиданно прыскает со смеху.

-- Лодку побольше бери, а то рыба не поместится.

-- Это ты о чём? -- моргает Азамат.

-- Квазар вокруг себя всех питает, рыба сбежится... смотри, кита не поймай.

-- О как! -- ухмыляется Азамат. -- Ладно, глубоко заплывать не будем, у меня тут большой лодки нет, чтобы кита вытянула.

Я слушаю их одним ухом, в то время как основное моё внимание поделено между завтраком и Бэровыми иллюстрациями к биографии Ирлика. Вышивку-то из чего-то делать надо... Картинки, конечно, замечательные, но всё-таки Ирлик не совсем на себя похож. У него очень узнаваемое, выразительное лицо, а Бэр с моих слов только приблизительно смог его воспроизвести.

-- Слушайте, народ, -- задумчиво произношу я. -- Как думаете, Ирлика можно сфотографировать?

На меня воззряются три пары насторожённых глаз.

-- А вам зачем? -- подозрительно спрашивает Арон.

-- Он, наверное, не отпечатается, -- рассудительно замечает Азамат.

-- Ты с ума сошла, бога снимать? -- щурится Алтоша.

-- Да я вот думаю, как бы мне так его вышить, чтоб похож был...
-- поясняю я. -- По фотке можно сделать схему, а так... Ну не из головы же я буду его изображать!

-- А где вы собираетесь его фотографировать? -- озадачивается Арон.

-- Так здесь же, он на рыбу-то придёт, я думаю, -- пожимаю плечами.

Азамат шикает, но поздно.

-- Что, прям сюда придёт?! -- ужасается Арон. -- Повелитель Подземного Царства?!

-- Ага, именно, -- угрюмо отвечает ему Алтонгирел. -- И не в первый раз. А нам с тобой предлагается расслабиться и не бояться, он ведь такой милый, -- заканчивает он, пародируя мою интонацию.

Арон нервно хихикает.

-- Да ладно, он правда классный! -- заступает за Ирлика Кир, примериваясь как бы так незаметно свистнуть со стола колбаску-другую. Они с Айшей уже два раза позавтракали, но голодное детство не позволяет спокойно пройти мимо еды.

-- Не кусочничай, -- ворчу я, прослеживая направление ребёнкова взгляда.

-- Кто, я? -- Кир делает невинную мордочку. -- Да вы что, я вообще в окно смотрю.

Арон тоже нервно косится в окно, но там только снег и голубое небо.

-- По-моему, кто-то переобщался с Ирлик-хоном, -- замечает Азамат. -- Но вы, ребят, и правда зря переживаете. Прошлый раз тут Ма его воспитывать пыталась, и то он только посмеялся. Ну а как мы его спать укладывали, я тебе, Алтонгирел, уже рассказывал.

Алтоша передёргивает плечами.

Дети, поняв, что перекуса им не обломится, снова уносятся вверх по лестнице. Котов они там гоняют, что ли... Арон поплотнее запахивает диль и встаёт из-за стола, видать, аппетит пропал.

-- Я пойду, э-э, приберусь наверху. А то мало ли...

Дрожащей рукой открывает дверь и удаляется.

-- Пс-ст! Азамат! -- зову я приглушённо. -- Твоя мать про Кира-то знает?

Азамат кривится.

-- Частично. Она знает официальную версию, но я, когда ей звонил, сказал, что при встрече расскажу, подробности. В общем, она поняла, что на самом деле всё не так.

Алтонгирел подпирает щеку ладонью и возводит очи горе.

-- И конечно ты ей выложишь всё, как на духу, -- предсказывает он.

-- Конечно, -- спокойно отвечает Азамат. -- Я не могу ей врать.

-- Ну и что она скажет? -- продолжает сочиться скептицизмом Алтоша.

-- Не знаю, -- тяжело признаётся Азамат. -- Надеюсь, она отнесётся к этому философски. Я уверен только в том, что она не выдаст.

-- Угу, -- мычит духовник. -- Лиза, небось, тоже своей разболтала?

-- Естественно! Не могла же я ей сказать, что упустила новорожденного в коляске! Она бы и не поверила. А если б поверила, таких пендюлей бы мне послала, что в Худуле слышно было бы. Ещё не хватало, чтобы меня вся семья оставшуюся жизнь держала за беспомощную идиотку!

Алтонгирел только поднимает брови и вздыхает.

-- Ты чего-то сегодня в печали, -- замечает Азамат, настолько очевидно переводя тему, что духовник даже не сопротивляется.

-- Я думаю, что делать с девчонкой.

-- А чего думать? Ты же сказал, что поищешь ей наставника, -- хмурюсь я. Неужели с ней ещё что-то не так?

-- Поискать-то я поищу, а вот найду ли... -- протягивает духовник.

-- Да на такой срок найдёшь, -- заверяет его Азамат. -- Я помогу в крайнем случае. Это ж не полноценное учение, это только чтобы она могла нормально жить...

Духовник кривится, а я понимаю, что опять ничего не понимаю.

-- Как не полноценное?

-- Женщин-духовников не бывает, -- поясняет Азамат. -- Девочек со способностями учат несколько месяцев, чтобы они умели совладать со своей силой, иначе случайно могут натворить дел.

-- То есть, они её потом никак не используют, эту силу? -- изумляюсь я. Да если б у меня были какие-то магические способности,

и б их каждый день гоняла на всю катушку!

-- Никак, -- пожимает плечами муж.

-- Если только не становятся знающими, -- невесело уточняет духовник. -- Когда силы много, соблазн её использовать очень велик. У Айши сила невероятная и сама по себе, а теперь ещё и бог подпитывает. В то же время -- а на что она будет жить? Какой мужик женится на безродной? Нищий или жмот или какой-нибудь извращенец. А если известно, что невеста с богами общается, тут и первые два призадумаются. В то же время, если она с такой силой станет знающей, деньги будет грести лопатой.

Азамат перенимает у Алтоши угрюмое выражение лица. Даже Алэк куксится.

-- А чем так плохо, если она станет знающей? -- спрашиваю я, готовясь быть размазанной по стенке. -- Чем вообще плохи знающие?

Духовник закатывает глаза.

-- Азамат, объясни своей жене...

-- Нет уж, это ты сам объясняй, это твоя профессиональная обязанность -- нести просвещение в духовной сфере.

Алтоша стонет, подхныкивая, как будто у него сильно болит живот, но послушно объясняет.

-- Знающие плохи тем, что работают за деньги, а не во благо человеку. Вот, допустим, хочешь ты узнать своё будущее. Приходишь к духовнику. Он в твоё будущее заглянет, что-то расскажет, а о чём-то умолчит, потому что если ты будешь об этом заранее знать, изменишь свои поступки, и до добра такое знание тебя не доведёт. А если к знающему обратишься, он тебе возьмёт и выложит всё, что увидит, да ещё истолкует паршиво, они ж недоучки почти все. Ну и плюс к тому, они на подлость идут за деньги -- портят скот, болезни насылают, товары приукрашивают временно. Покупаешь, скажем, ткань, приносишь домой, а она вся гнилая... В таком духе.

-- Получается, знающим быть выгоднее, чем духовником? -- расспрашиваю я. Раз уж Алтоша так разговорчив...

-- Вот уж нет, -- фыркает он. -- Хорошему духовнику опека столько добра нанесёт, впору в музей сдавать. Ажгдийдимидин, например, существенно богаче Азамата. А если ты плохой духовник, ты и знающим будешь плохим, если не мошенничать, ничего не заработаешь.

-- А тогда почему кто-то вообще становится знающим? С женщинами-то понятно более-менее, как всегда, из-за дискриминации. А мужики-то зачем?

-- По двум причинам, -- нехотя отвечает Алтонгирел. -- Бывает, что нет денег учиться. Наставнику не платят, но и Наставник своего ученика не кормит, а ученик начинает зарабатывать себе на жизнь только через четыре-пять лет, да и то если способный. Поэтому бывает, что мальчик поучится год-два, а потом надоедает ячмень жрать изо дня в день, вот и уходит карман набивать. Но чаще уходят из-за похоти. Не выдерживают без бабы. Вон, знакомый твой, Авьяс. Пять лет отучился, ещё четыре года в глубинке практиковал, как положено, вдали от Наставника. Такой был духовник, сказка! -- Алтонгирел потрясает руками в воздухе. -- Опека у него была двести человек! Двести! Почти как у меня! А вот поди ж ты, встретил эту бабу, она его душу -- цоп! И всё, прощай, духовник Авьяс.

Алтонгирел уныло потирает лоб, погрузившись в свои печальные мысли.

-- Но этот хоть доучился и честно работает, насколько я знаю, -- замечает он после паузы. -- А большинство недоучками уходят, слова-то умные вызубрили, книжек нахватали, а что можно делать, а чего нельзя -- без понятия.

Мне становится немного жалко Авьяса. К своей жене он и правда очень трепетно относится, насколько я успела заметить, но бросить любимую престижную работу и стать изгоем ради любви... Кто скажет -- романтика, я скажу -- трагедия. И самое ужасное, не дай бог он её разлюбит, а обратного пути нет...

-- Так это я к чему, -- внезапно встряхивается Алтонгирел. -- Жалко мне терять квазара. Жалко и страшно. Я готов спорить на любые деньги, что она будет использовать силу. Но ты представь, Азамат, такую силу -- и не по назначению. Это же будет катастрофа! Она оговорится в одном слове в заговоре, и всё население Муданга превратится в блох!

-- М-да, -- Азамат трёт нижнюю губу. -- Это вселяет определённые опасения. Но что ты предлагаешь?

-- Во-первых, её надо обучить как следует. Если бы только удалось найти ей Наставника на полный срок! Но уж если удастся,

грех будет потом всю эту силу использовать на соседские дразги, пускай работает на благо планеты!

-- Погоди, -- Азамат ссаживает накормленного Алэка в манеж и обращает всё внимание на духовника. -- Дай мне прочувствовать этот исторический момент. Ты, Алтонгирел, предлагаешь сделать женщину духовником? Я не ослышался?

Алтоша смущается, но на попятный не идёт.

-- Ну а что, у тебя есть идеи получше?

-- Нету, -- честно признаётся Азамат. -- Но, насколько я понимаю, это беспрецедентно?

-- Не совсем, -- шурится Алтоша. -- Тут... после того, как Старейшина Унгуц откопал то пророчество про вас с Лизой, Совет решил провести ревизию архива, на всякий случай, чтобы чего-нибудь важного не пропустить. Нашли много интересного, о чём уже никто не помнил. В частности, откопали документ пятисотлетней давности, в котором говорилось, что в дописьменные времена женщины иногда становились духовниками. Правда, только в маленьких деревушках, в которых не было своих Старейшин, а транспорт тогда был совсем никудашним. Ну и в военное и послевоенное время, когда было мало мужчин. Это, конечно, не совсем та ситуация, но официально прецеденты были...

-- Сейчас как раз послевоенное время, -- вставляю я.

Духовник хмыкает, а Азамат качает головой.

-- Чего только не узнаешь... Так ты это всерьёз?

-- Всерьёз, -- тоскливо вздыхает Алтонгирел. -- Вот только боюсь, не возьмёт её никто. Без твоей поддержки точно не возьмёт.

-- Свою поддержку я обеспечу, -- тут же соглашается Азамат. -- Как вернёмся в столицу, сразу в квартальное обращение включу.

-- Это... а саму Айшу вы не хотите спросить? -- интересуюсь я, хотя после Алтошиных прогнозов тоже думаю, что такой вариант для девочки был бы идеальным. -- Вдруг она всё-таки замуж хочет?

-- Как ты её спросишь, она же ни говорить, ни писать не может, - напоминает муж.

Алтонгирел неожиданно оскаливается под стать Ирлику.

-- Самое интересное, -- многообещающе говорит он, -- что духовникам не запрещено вступать в брак.

-- Это как, прости? -- осведомляется Азамат.

-- А так. Запрещено только вступать в брак с женщиной. Брака мужчины с мужчиной не существует, это другой ритуал. Но вот если духовник сам -- женщина, ей ничто не мешает вступить в брак с мужчиной.

Азамат в неверии уставляется на Алтошу, я похрюкиваю в кулачок, воображая физиономии Старейшин, которым придётся венчать такую пару, и в итоге мы произносим дуэтом:

-- А можно я поприсутствую на церемонии?

Алтонгирел покатывается со смеху.

-- Чего смеётесь? -- спрашивает голова Кира, просунутая в дверь кухни.

-- Да так, -- говорю, -- ты зайди.

Он заходит и вместе с ним, как приклеенная, Айша.

-- Айша-хян, -- говорю ласково, -- ты бы хотела стать духовником?

Девочка широко раскрывает глаза, порывается что-то сказать, но сдерживается, думает пару секунд, потом решительно кивает. Кир внезапно мрачнеет.

-- Ещё не хватало, -- угрюмо бормочет он.

-- А тебе-то чего? -- удивляется Алтонгирел. -- Жениться на ней тебе это не помешает.

-- И вы туда же, -- закатывает глаза Кир. -- Не собираюсь я на ней жениться, что вы все заладили? Стоит мне какой девчонке что-нибудь хорошее сделать, сразу жениться!

-- А почему нет? -- улыбается Азамат. -- Ты её знаешь с малых лет, хорошо ладите...

-- Ну пра-ально, -- возмущается Кир. -- Ты жену вон откуда привёз, а я почему должен из-под ног подбирать?

Азамат заходится смехом, Айша, как ни странно, тоже. Меня этот обмен репликами совершенно вымораживает, и Азамат обязательно получит полные уши моего мнения о сводничестве, браках по расчёту, пренатальном обручении и прочих радостях патриархального уклада, как только дети уйдут из зоны слышимости.

-- Так почему ты против сделать из твоей подружки духовника? -- настаивает Алтонгирел.

-- Вы уж извините, -- больше для проформы произносит Кир, -- но я вообще духовников не люблю.

-- За что? -- не отстаёт Алтоша.

Кир поджимает губы, очевидно стараясь подобрать необходимые формулировки.

-- Не верю я, что кто-то может знать будущее, -- наконец выдавливают он.

-- Тебе что-то плохое предсказали? -- настораживается Азамат.

-- Чё сразу мне? Я вообще говорю, -- сообщает Кир с независимым видом.

Алтонгирел щурится на него пару секунд, потом возвращается к своему вопросу.

-- Но ты же понимаешь, что стать духовником для неё гораздо лучше, чем стать знающей?

-- Угу, -- кивает Кир. -- Если такой выбор, то фигня вопрос.

Айша недоумённо переводит взгляд с Кира на Алтонгирела. Помоему, она ещё меньше моего знает о духовниках и знающих. Алтоша, видимо, приходит к тому же выводу.

-- Ну ты ей попытайся разъяснить, что к чему, -- предлагает он. -
- Раз ты её давно знаешь, может, по глазам увидишь, поняла или нет.

-- Ладно, разъясню, -- без энтузиазма соглашается Кир. Затем взгляд его падает на стол, всё ещё не убранный после завтрака. -- Вообще, она гораздо лучше соображает под колбасу...

От воспитательной драмы нас спасает только клаксон приземляющегося унгуца: матушку привезли.

-- Можешь забрать колбасу, -- смиряется Азамат. -- И посидите у себя в комнате немного, пожалуйста.

Кир тут же чует напряжение в его голосе и оглядывается в окно.

-- Хорошо, -- быстро соглашается он и хватает связку колбасок -- без триумфа и победного прыганья до потолка, которые можно было бы ожидать. В мгновение ока они с Айшей испаряются из кухни.

-- Я пойду её встречу, -- говорит Азамат, вставая. -- Алтонгирел, ты, может, займёшь Арона пока, чтобы он раньше времени не спустился?

-- Со мной тоже колбасой расплачиваться будешь? -- кривится духовник, но поднимается. -- Ладно, понял. Позовёшь, когда закончишь выбалтывать секреты.

Азамат кивает ему и поворачивается ко мне.

-- Тебе моральная поддержка нужна? -- спрашиваю.

-- Думаю, на сей раз обойдусь своими силами, -- улыбается он.

-- Окей, тогда я тоже пошла за колбасой, -- приподнимаю я воображаемую шляпу.

Из окна кабинета мне хорошо видно дорожку к стоянке, которую Азамат с Киrom расчистили от снега рано утром в порядке зарядки. Вот Азамат бежит на стоянку, где уже сел унгуц, а пилот выпрыгнул и теперь помогает вылезти пассажирке. Азамат очень красиво бегают, даже если сверху смотреть. Пилот остаться отказывается, выгружает багаж и сразу стартует. Матушка опять с тремя сумками, что уж она в них возит? Надеюсь, она адекватно воспримет новости. До сих пор она казалась мне одной из наиболее вменяемых муданжек, которых я знаю, и всё же свои заморочки у неё тоже есть. Зря Азамат меня выгнал. Конечно, она его мать, но я не совсем уверена, что он сможет ей всё это преподнести в правильном свете. Помнится, когда он пришёл мне сообщить, что у него есть внебрачный ребёнок, он начал совсем не с того конца, не туда свернул, да ещё сильно драматизировал своё, так сказать, грехопадение. Нет, я очень люблю своего мужа, и как международный дипломат он не знает себе равных, но когда доходит до семейных неурядиц, он, видимо, совсем другие центры в мозгу задействует, иначе я это объяснить не могу.

Короче говоря, к тому моменту, как Азамат звонит мне и разрешает выйти из сумрака, я уже накручиваю себя до состояния хорошей пружины и выстреливаю в сторону кухни, чуть не полетев с лестницы (а ждать лифта мне показалось долго, его же Алтоша угнал на целый третий этаж!).

-- Ну о чём ты думал! -- доносится до меня ворчание матушки. -- Это ж надо, а! Хорошо, Лиза такая покладистая, а то ведь мог бы себе второй раз всю жизнь перепахать!

-- Ма, ну если б я знал... -- тихо и, видимо, не в первый раз принимается объяснять Азамат.

-- Да поняла уже, не оправдывайся, -- вздыхает матушка.

Я захожу в кухню. Азамат сидит на низком диване, понурившись, а матушка напротив него на высоком стуле и недовольно смотрит в окно.

-- Как так можно... -- приговаривает она, качая головой.

-- Имигчи-хон? -- осторожно зову я.

Она оборачивается и мгновенно расплывается в улыбке.

-- Лиза-хян! Какая ты красивая! Ох, давно же я тебя не видела!

-- Спасибо, имигчи-хон, вы тоже отлично выглядите, -- отзываюсь я, не сразу переключившись на радостный лад. Мы обнимаемся, после чего она снова вскарабкивается на стул, который ей немного высоковат.

-- Лиза! -- говорит она мне укоризненно. -- Что ж ты за мужем-то не уследила, ишь каких дел наворотил!

-- Да я, знаете, тогда маленькая была, -- нервно усмехаюсь я, кладя руку Азамату на плечо. -- И вообще, я считаю, Азамат ни в чём неповинен, кроме дурного выбора невесты.

-- Верно говоришь! -- поддерживает матушка. -- Надо ж было такую шакалиху найти, а? Но ты всё равно смотри с ним построже, он же как младенец, без понятия, сам себе вредит постоянно, -- при этих словах матушка нагибается и гладит Азамата по голове.

-- Ма, ну ты уж не перегибай палку, -- смущается он.

-- Верно говорите! -- поддерживаю я матушку в её же тоне. -- Но то дела прошлые, а уж теперь-то я всё время настороже, можете не волноваться.

-- Да как тут не волноваться, -- матушка поводит плечами. -- Только отвернёшься, у него уже дети внебрачные откуда ни возьмись. С такой мамкой, страшно подумать, что там за ребёнок.

-- Ну вот это вы зря, -- говорю с укоризной. -- Мальчишка отличный, умный, красивый, рукастый, мне по работе помогает, одни плюсы.

-- Покажите хоть, он у вас здесь? -- недоверчиво просит матушка.

-- Да, сейчас я его позову, -- включается Азамат и берётся за трубку.

-- Может, вам пока чаю? -- предлагаю я, заметив, что никаких следов пищевой активности на кухне нет. Азамат, видимо, как только матушку в дом ввёл, сразу каяться начал, без прелюдий.

-- Что вы оба заладили с этим чаем? -- восклицает матушка. -- Азамат пять раз предложил, ты теперь... Что я, чаю не пила?

-- Ну... Хотите сока карамельной сливы? -- тут же исправляюсь я. Азамат, прости, что плохо о тебе подумала.

-- А из неё сок жмут? -- удивляется матушка. -- Вот это интересно, она же ватная такая...

-- Сок делают из немного недозрелой, -- поясняю я, добывая из холодильника красивый пластиковый кувшин, пока матушка не передумала.

В этот момент дверь робко приоткрывается, и к нам присоединяется встревоженный Кир. Он опасливо смотрит на матушку, потом переводит взгляд на меня и изображает некое подобие вежливой улыбки, которое, впрочем, при необходимости легко выдать за нервный тик.

-- Ох ты ж! -- восклицает матушка. -- Как на Аравата-то похож! Сынок, ты уверен, что он твой?

-- Конечно мой! -- выпаливает Азамат с неожиданным пылом. -- Да и потом, с какой бы стати Алансэ понесла от Аравата, она ему даже никогда не нравилась.

-- Твоя правда, -- соглашается матушка, не отрывая взгляда от растерянного Кира. -- Но прям вылитый Арават в молодости!

-- Да они все друг с друга копии, -- вступаюсь я. -- Вон и Алэк тоже... Ой, Азамат, он у вас тут задрях под разговоры!

Алэк и правда с ангельским видом посапывает в манеже, обложившись мягкими игрушками.

-- Уй-ти ма-а-аленький! -- умиляется матушка. -- Как там твоя мать его называла? Внучок? Смешное слово, на имя бога похоже.

-- Ох, не напоминайте, -- содрогаюсь я. -- Кир, ты сока хочешь?

Кир неохотно подходит поближе и, кажется, подавляет желание спрятаться за меня.

-- Всё нормально? -- тихо спрашивает он из-за стакана с соком.

-- Да, всё отлично, -- так же тихо отвечаю я и добавляю громче: -- Можно собираться на рыбалку!

-- Ой и правда! -- вспоминает матушка. -- Что мы тут сидим-болтаем, пойдёмте лучше в лодке болтать.

-- Для этого всё готово, -- подхватывается Азамат. -- Только одеться... И да, Ма, Арон про Кира знает только официальную версию. Не говори ему, хорошо?

-- А он тут, что ли? -- моргает матушка. -- Конечно не скажу, у него ж язык за зубами не держится. Давай зови его, хоть раз в дюжину лет младшего сынка повидать!

Вскоре на кухне становится почти тесно -- скорее всего, оттого что и Арон, и Алтоша склонны занимать очень много места в

пространстве, гораздо больше, чем им полагается по габаритам.

-- Мать? -- уточняет Арон, присматриваясь. -- Еле узнал тебя. Давно не виделись...

-- Ишь ты бородищу-то отрастил! -- усмехается она в ответ, протягивая руку, чтобы потрогать, но Арон проходит мимо и плюхается на диван, явно намереваясь пустить там корни. Не тут-то было: Азамат поддевает его под мышки и, приподняв над полом, возвращает в зону досягаемости матушкиных рук.

-- Поздоровайся по-людски, -- грозно велит он опешившему Арону. -- Раз в дюжину лет-то можно!

-- Ладно-ладно, -- бормочет Арон. -- Чего ты сразу...

Он послушно обнимает развеселившуюся матушку.

-- Ты, Азамат, его в детстве не воспитал, так сейчас принялся? -- смеётся она, отпуская Арона. -- Ну-ну, давай, тренируйся, тебе вон ещё двоих в люди вывести надо. А, Алтонгирел-хян, здравствуй, и ты тут. Ну Азамат, вечно ты к жене в дом гостей натащишь!

Алтонгирел скомканно здоровается и, подобно Киру, прячется за стаканом сока.

-- А это кто? Сынок, ты ж про одного вроде говорил...

Азамат хохочет.

-- Не волнуйся, Ма, это Кирова подружка, мы ей ищем духовного наставника, ей силу надо укрощать, а то пока она говорить не может.

Айша смущённо улыбается и отвешивает небольшой поклон.

-- Опять ты за других людей работу делаешь, -- вздыхает матушка. -- Ладно, видать, судьба такая. Ну что, рыбалка у нас будет сегодня или так и просидим весь день? Я вот и любимые снасти привезла. Там погода сказочная, ветра нет совсем, листок не колыхнётся. Пойдёмте уже!

Все кидаются одеваться и собираться. Я-то дома остаюсь, но надо детей одеть, еду упаковать. Напяливаю на Айшу три пары шерстяных носков, а потом заворачиваю ей ноги в плед. Сверху-то на неё надевается дарёная шуба, в которую её можно три раза завернуть, но уж зато тепло.

-- Чегой-то, она ходить не может, что ли? -- спрашивает матушка, наблюдая за моими действиями.

-- Может, но у неё зимней обуви нет вообще, мы же её из приюта забрали.

-- Из приюта? -- хмурится матушка. -- А вроде чистенькая.

-- Отмыли, -- усмехаюсь я.

-- А ну раз отмыли, так что ж, у тебя в хозяйстве сапог не найдётся лишних?

-- Ей все велики, ножка крошечная.

Матушка подходит, довольно бесцеремонно берёт Айшину ногу, задирает повыше и прикладывает к своей ладони.

-- Да как моя у неё нога. Возьми, вон, в синей сумке сверху у меня запасные сапоги, да надень ей. Не дело это здоровую девчонку на руках таскать.

-- Ма, -- Азамат застывает в процессе шнурования ботинок. -- Зачем ты сюда привезла запасные сапоги? Ты тут зимовать вознамерилась, что ли?

-- Ещё чего! -- подбоченивается матушка. -- У меня свой дом есть! А сапоги взяла на случай если в лодке промочу.

-- В моей лодке не промочишь, -- обижается Азамат.

-- Давайте топайте уже в эту лодку, -- говорю, надевая на Айшу сапоги. Насчёт того же размера матушка погорячилась, конечно, но на три шерстяных носка нормально. -- Скоро стемнеет!

-- Это как раз хорошо, -- возражает Азамат, закидывая за плечо короб с едой. -- В сумерках ловится лучше. Ну, все готовы? Пошли!

Когда дверь за ними закрывается, я вздыхаю с облегчением.

Пока их нет, я немножко шуршу по хозяйству: прибираю на кухне, подготавливаю плацдарм для возни с рыбой, в процессе натыкаюсь на открытую книжку и снова зависаю над изображениями Ирлика. Ну не лежит у меня к ним душа. Ладно, надо хоть канву поискать, я вроде покупала большой кусок чёрной. А Ирлика надо, конечно, на чёрном фоне, он ведь такой весь светящийся... Рулон канвы обнаруживается в ларе, которому Кир смастерил замок, поэтому туда больше не попадают тонны кошачьей шерсти. Размер даже масштабнее, чем я думала, полтора на полтора. Я обвышиваюсь... Можно, конечно, отрезать, но у тряпки фабрично обработанный край... Да и я обещала Ирлику большой портрет. Ладно, пока размечу для очистки совести, а потом ещё подумаю. Где мой большой белый маркер?..

Разметкой занимаюсь до темноты -- в это время года день совсем короткий. Потом раскладываю вокруг себя нитки и бисер, и принимаюсь, подобно сказочному злодею, чахнуть над сокровищами. От этого бесконечно прекрасного занятия меня и отрывают оглушительное уханье и стук в окно гостиной -- как я с перепугу не перевернула все коробки с бисером, ума не приложу, но к счастью, только нитки рассыпала.

За окном светятся красные перья. Ого, да это сам прототип пожаловал. Приоткрываю окно.

-- Привет, ты в дверь звонить не пробовал? -- спрашиваю.

-- Ещё чего, глупости какие, -- усмехается он, выпуская изо рта облачко пара. -- Что я, всегда одинаково входить должен? Открывай, открывай, а то я через печную трубу занырну!

-- Тут нет печки, -- сообщаю я, открывая окно пошире. -- Давай быстро, а то выстудим всю комнату.

-- Я нагрёю, -- великодушно обещает Ирлик, перекидывая ноги через подоконник. Когти оставляют бороздки на ковре. Он в божественной форме, при всех гирляндах и в юбке, на сей раз, шоколадного цвета с красными и золотыми узорами.

-- Ты немного рановато, -- говорю. -- Рыба ещё на удочке.

-- Знаю, знаю, -- отмахивается Ирлик. -- Я пока не голодный. Просто скучно стало. По снегу моё царство засыпает, заняться там нечем. Летом-то можно хоть в кабак сходить, обыграть мужиков в бараньи или ещё во что... А сейчас мне в человеческом теле холодно.

Он демонстративно усаживается перед искусственным камином, скрестив ноги так, что когти торчат по обе стороны под опасными углами.

-- Ну, в доме-то, может, превратишься? -- с надеждой спрашиваю я.

Ирлик морщится.

-- Не хочу. У тебя тут даже живого огня нету, вроде тепло, а неуютно. Да вы меня уже все видели, от кого скрываться-то?

-- Тут Азаматовы мать и брат, -- говорю, подавляя желание возмутиться: у меня идеально уютный дом, а живой огонь -- это постоянная опасность пожара!

-- Вот не понять мне вас, людей, -- встряхивает гривой Ирлик. -- Какая разница, как я выгляжу? Суть-то одна!

-- Когда ты выглядишь, как человек, можно временно забыть про суть, -- поясняю я.

-- Забыть -- это да-а... -- протягивает Ирлик задумчиво. -- Кстати! Как твоя вышивка поживает?

-- Да вот, -- делаю жест в сторону разложенной на столике канвы и расставленных по всем креслам коробок с богатствами. -- Только материалы подобрать успела. Пытаюсь придумать, как тебя лучше изображать, и пока ничего путного в голову не приходит. Хочется похоже, но я же не художник.

Как-то незаметно для меня Ирлик внезапно оказывается посреди моего барахла, не изменив позы. Суёт нос в нитки, шерудит мизинцем в бисере.

-- Красиво, -- заключает. -- Земное всё, да? На Муданге так делать не умеют. Так тебе чего, позировать надо, что ли?

-- Э-э-э, собственно... А нельзя тебя сфотографировать? -- решаюсь я.

Ирлик сдвигает брови под напряжением мысли.

-- Это такие моментальные картинки, что ли? А как они получаются?

-- Ну-у, там свет попадает на сенсор, превращается в электричество и выводится на экран... -- мучительно адаптирую я институтский курс оптики.

-- А откуда этот свет берётся? -- серьёзно спрашивает Ирлик.

-- Из чего-нибудь светящегося, --жимаю плечами. -- А от всего прочего он отражается и тоже попадает на сенсор.

Он всё ещё морщит лоб.

-- Это от человеческого глаза сильно отличается? -- спрашивает наконец.

-- Сенсор по-другому устроен, и у хорошего глаза изображение получается лучше.

-- Тогда, наверное, можно, -- поднимает брови Ирлик. -- Попробуй.

-- Сейчас попробую, я, правда, спрашивала в другом смысле... Тут, на Муданге, среди людей считается, что по фотографии можно сглазить или ещё что... поэтому, например, нас с Азаматом снимать запрещено.

Ирлик заходится хохотом.

-- Ты же не думаешь, что меня можно сглазить! -- веселится он, откидываясь на ковёр перед камином. -- Ой, не могу, уморила! Как ты себе это представляешь?

-- Никак, -- ухмыляюсь я, щёлкая камерой. -- Ты отлично получился, гляди!

-- А, так это была уловка? Уважаю! -- радуется Ирлик, элегантно перекатываясь по ковру, чтобы заглянуть в превьюшку. -- М-м, ничего, только мне твой неживой огонь не нравится.

-- Я могу взять фотку настоящего и вклеить, а с этого уже вышивать...

-- Да ну, что, огня не хватает? Давай нормальный разведём!

-- Ну не в доме же! -- ужасаюсь я.

-- Ладно, -- снисходит Ирлик, -- не в доме, так не в доме. У вас кострище где-то было на берегу, пошли туда.

-- погоди, давай всех дождёмся... У меня тут ребёнок спит, не хочу его одного оставлять, а то проснётся, испугается...

Ирлик со вздохом встаёт, подходит к манежу, скорчивается над Алэком и принюхивается.

-- Он ещё два часа проспит. Пошли, я терпеть не могу ждать.

Поняв, что спорить бессмысленно, я иду одеваться.

На улице не очень холодно, на небе тучи, сквозь которые еле-еле пробивается свет Второй луны. Филин, которого не взяли на рыбалку, при виде Ирлика поджигает хвост и исчезает в будке с приглушённым всхлипом. Ирлик не обращает внимания, протапливает снег своими большими ступнями, а я семеню следом, проваливаясь по щиколотку.

-- Шагай почаще, -- прошу. -- Мне так легче идти будет.

Он бросает на меня весёлый взгляд через плечо, припадает к земле и дует вперёд. Теперь перед нами прямая чёрная тропинка до кострища. Правда, боюсь, что-то из маминых посадок пострадало.

-- Ещё же дрова надо взять! -- вспоминаю я.

-- За каким шакалом тебе дрова? -- воздевает руки к небесам Ирлик. -- Я захочу, снег гореть будет!

-- Как скажешь, -- покладисто соглашаюсь я.

Кострище завалено снегом, но как только Ирлик встаёт в круг камней, ночь озаряется высоченным пламенем. Он ласково улыбается, разбалтывая огонь руками, потом набирает пригоршню и умывается

им -- лицо, грудь и подмышками не забыл сполоснуть. Я только успеваю щёлкать. Впрочем, результат какой-то странный.

-- Тут на снимках получается, что ты как будто светишься изнутри, -- говорю. -- Дома так не было.

-- А что, не надо? -- оборачивается Ирлик, лениво перекидывая язычок пламени из одной ладони в другую. -- Ты же сказала, всё, что светится, попадает. Я думал, так будет лучше...

-- Эм-м, я ещё сказала, что от несветящегося отражается и тоже попадает. А лучше -- не лучше, сам смотри, только камеру мне не спали.

Ирлик приглушает костёр и наклоняется рассмотреть превьюшки.

-- Ой, нет, мне так не нравится, -- морщится он. -- Тут меня и не узнать. Давай заново.

Я отхожу, а он снова разводит вокруг себя геенну, поднимает столбы искр, крутится на месте, вдруг со смехом пускается в пляс, как будто слышит какую-то музыку, которая мне недоступна. Сверкающие бусы болтаются вокруг него, перемешиваясь с искрами. Я выставила камеру на автоматическую съёмку с максимальной скоростью при необходимой выдержке, потому что палец уже отсох на кнопку жать.

-- Ирлик, а ты можешь сделать, чтобы у тебя перья на голове тоже стали огнём? -- спрашиваю, осторожно обходя его по кругу.

Сначала мне кажется, что он не услышал, но потом он театрально взмётывает гриву, и весь головной убор обращается в пламя, да и вообще непонятно, где там ещё волосы, а где уже огонь.

Не знаю сколько проходит времени, но у меня начинают зажариваться нос и замерзать ноги, когда Ирлик утихомиривается. Он присаживается на один из камней, ограждающих кострище, смиряет огонь до небольшого костерка и стряхивает с плеча несколько искорок. Вдруг что-то привлекает его внимание в самой середине импровизированной танцплощадки, и он подаётся вперёд, садится на колени в золу, поднимая новые снопы искр, сгибается и бережно поднимает из пепла что-то маленькое.

-- Что там? -- спрашиваю я из-за камеры.

-- Семечко горючей травы, -- негромко отвечает Ирлик, как будто боится сдуть находку. -- Как оно тут выжило-то...

-- А что это за трава? -- любопытствую я.

-- Это моя трава, -- нежно произносит Ирлик. -- Смотри.

Я и смотрю -- в видеоискатель.

Из Ирликовых ладоней поднимается дрожащий золотой росток, как будто капля раскалённого металла течёт вверх. Упругая почечка на верхушке тужится под горячим дыханием бога и раскрывается двумя листочками.

-- Добро пожаловать в мир, -- Ирлик трогательно улыбается.

Я щёлкаю спуском и понимаю, что вот он, кадр, которого мне хотелось. Все эти пляски посреди пожара, конечно, эффектные, но они какие-то уж слишком очевидные. Бог огня, всё как положено. А тут он такой живой, такой, как справедливо заметил Алтоша, милый, полностью поглощённый заботой о чём-то маленьком и беззащитном... Раз уж эта вышивка ему в подарок, пускай он почаще смотрит на себя такого, а зажигательные танцы -- это для широкой общественности. Я решительно выключаю камеру.

Ирлик тем временем нагребает полную горсть золы с землёй и аккуратно усаживает туда новоиспечённое (почти в прямом смысле) растение.

-- Пойдём, посадим его в плошку, -- говорит, не отрывая взгляда от ало-золотых листочков.

-- Пошли, -- охотно соглашаюсь я. -- Ты хочешь его забрать?

-- Нет, раз оно тут осело, тут ему и расти. Оно под снегом спит всю зиму, а я его разбудил, теперь в тепло надо, иначе погибнет. Как снег сойдёт, найди ему уютное солнечное местечко на склоне, пускай растёт, пожар от дома отводит.

-- Ты же сказал, оно горючее?

-- Ну да, на себя огонь стягивает, дому не достанется.

Мы возвращаемся, как белые люди, через дверь. Алэк действительно по-прежнему спит, только повернувшись на другой бок. Раскалённую травку мы усаживаем в симпатичную глиняную пиалу. Выпущенный из рук Ирлика, росток перестаёт светиться и принимает тусклый зеленовато-бурый оттенок.

-- Его поливать нужно? -- спрашиваю, стряхивая шубу.

-- Очень редко, и не водой, а ароматическим маслом, -- наставляет Ирлик. -- Уф-ф, -- он сладко потягивается. -- Хорошо поразмялся, а то уж вовсе деревенеть начал.

-- Гляди, -- говорю, перекидывая снимки на бук и выводя на большой экран. -- Тебе такая картинка нравится?

-- Ах да, картинки же! -- вспоминает Ирлик. -- Да бери какую хочешь, я твоему вкусу доверяю. Эх-х-х, -- он трёт лицо, потом приглаживает волосы, превращая свой головной убор в дополнительные пряди, более красные, чем остальные его рыжие волосы. Потом он охватывает себя за плечи и проводит ладонями вниз до бёдер, наклоняется и продолжает до самых пят. Когда он распрямляется, я замечаю, что все украшения с него исчезли, заменившись на тонкий замшевый пёстро вышитый жилет со стоячим воротником и длинным узким вырезом и шаровары, расцветкой точно повторяющие юбку. Стряхнув с пальцев кольца в никуда, Ирлик удобно укладывается на ковре перед камином и улыбается мне, прикрыв накрашенные глаза.

-- Решил в домашнее переодеться? -- хмыкаю я.

-- Ну да, -- мурлычет он. -- Ужин когда ещё будет, а в венце лежать неудобно.

Из-за дивана появляясь Мюон и подходит потереться о расписной Ирликов локоть. Бог зевает, сверкая золотыми зубами.

-- У тебя почитать чего-нибудь не найдётся?

-- Тебе в каком жанре? -- спрашиваю, запуская в буке программу для создания вышивальной схемы из фотографии.

-- Я люблю алгебру, -- неожиданно сообщает Ирлик.

Я насторожённо оборачиваюсь.

-- Алгебру? -- проверяю, что не ослышалась.

-- И ещё логику, -- продолжает Ирлик.

Моя картина мира покрывается мелкими трещинами. Помимо всего прочего, термины "алгебра" и "логика" в муданжском неродные, и я впервые слышу, чтобы Ирлик употреблял какие-то иностранные слова.

-- Чего тарачишься? -- спрашивает он, открывая глаза пошире. -
- Нету?

-- Сейчас посмотрю, -- обалдело отвечаю я, поворачиваясь к экрану. -- Если и нету, я в Сети найду... Только вот, они вряд ли будут на муданжском...

Ирлик морщит нос.

-- Это хуже. Я от всеобщего быстро устаю.

-- А ты на нём понимаешь? -- осторожно переспрашиваю я.

-- Ну да-а, -- протягивает Ирлик, -- но уж очень сильно напрягаться приходится.

-- Понятно... -- я пару минут шуршу в буке, просматривая имеющуюся литературу, потом набредаю на папку, в которую Азамат скинул обучающие программы для Кира. -- О, слушай, есть логические игры, хочешь?

-- Хочу! -- оживляется Ирлик. -- А ты со мной будешь играть?

-- Тут есть для одного.

-- Одному скучно, -- выпячивает губу он.

-- Если я буду с тобой играть, то кто будет вышивать? -- усмехаюсь я. -- Попробуй, мне кажется, они не очень скучные. Только ты это... когти втяни как-нибудь, а то экран не железный...

Ирлик неохотно укорачивает свои сабли и берёт у меня планшет.

-- Как оно работает? -- сдвинув брови, спрашивает он.

-- Игра? Вот тут нажимаешь...

-- Нет, вся эта штука.

-- Э... Сложно.

-- Давай в двух словах.

-- Интегральная схема...

-- Так. А попроще?

-- Ну там такие штучки маленькие, и если она закрыта, то один, а если открыта, то ноль...

Ирлик поджимает губы.

-- Нет, так не получится. Я сломаю тебе машинку, и всё. Я не могу пользоваться устройствами, когда не понимаю, как они работают.

-- Да ладно, никто же не просит тебя в железе копать. Тут просто на кнопки жать...

-- Дело не в этом, Лиза, я ведь бог. Я могу по желанию изменять мир вокруг себя. Например, я не знаю, почему снег не горит, и поэтому могу его поджечь. Точно так же, я не знаю, как работает твоя штуковина, и могу случайно превратить её в дерево или в гигантское морское чудовище с экраном на морде. Вот проиграю я в игру, расстроюсь, и машинка твоя заплесневеет или завянет или ещё что. Я не знаю даже, из чего она сделана, и может ли на этом плесень расти.

Я задумываюсь.

-- Щас, погоди, я найду какое-нибудь объяснялово.

Сеть полнится короткометражками про то, как устроен мир. Пять минут поисков, и я вывожу на большой экран ролик с гордым названием "Физика в твоём буке для полных идиотов".

-- Оно на всеобщем, но коротенькое, -- оправдываюсь. -- Сейчас немножко напряжёшься, зато потом сможешь любым цифровым устройством пользоваться.

Ирлик тоскливо вздыхает, но садится попрямее и уставляется в экран.

Видюшка, как мне кажется, и правда информативная. Тут тебе и материалы, и процессы, и всё просто.

-- Ну ладно, -- изрекает Ирлик, моргая впервые с начала просмотра. -- Вроде вник. Давай попробую. Если что, я предупреждал.

-- Поняла, поняла. Ты только постарайся без чудищ...

Впрочем, обходится и вовсе без катастроф. Не знаю, что уж там Ирлик понял из ролика, но планшет ни во что не превращается. Перебрав несколько головоломок, Ирлик останавливается на красиво нарисованной исследовательской игрушке, где надо ходить по пещерам и решать всякие магические квадраты, чтобы заполучить древние сокровища. Вздохнув с облегчением, я принимаюсь за подбор ниток.

Не тут-то было. Входная дверь шумно распахивается и взволнованный голос Азамата оглашает весь дом.

-- Лиза! Ты где? Ничего не случилось?

-- Я тут! -- отзываюсь я прежде, чем он устроит локальное землетрясение басовыми вибрациями. -- Всё отлично.

Выбегаю в прихожую, там полный комплект наших рыбаков, все напуганные, крутят головами по сторонам, как будто место не узнают.

-- Чё такое? -- спрашиваю, настораживаясь. Вроде стены как стены, Ирлик их в пещеры не превратил...

-- Ирлик-хон здесь? -- потише спрашивает Азамат.

-- Да, а откуда... -- начинаю я и хлопаю себя по лбу. -- Ой, вам же с воды все его выкрутасы было видно!

-- Ещё как! -- выдыхает Азамат, смахивая пот со лба. -- Мы уж думали, тут дом горит.

-- Обижаешь, Ахмад-хон, -- раздаётся у меня за спиной насмешливый голос Ирлика. -- Мы специально к кострищу отошли. Ну как улов?

-- Улов отлично! Доброго вам вечера, -- несколько напряжённо улыбается Азамат. -- Ребят, давайте, заходите, холодно же...

-- Здрасьте, -- мирно говорит Кир, подхватывая у синеватобледного Арона мешок и проталкиваясь на кухню. Айша с восторгом в глазах кланяется богу и проскакивает вслед за Киrom.

-- Привет, -- скалится им вслед Ирлик. -- О, я смотрю, уважаемая старейшая дама тоже здесь! Покорнейше прошу меня потерпеть.

Матушка розовеет и цепляется за Азамата.

-- Будет вам старую женщину стыдить, ну не признала в тот раз, так сами же ради этого преобразились...

-- Я и не внакладе, -- усмехается Ирлик. -- Особенно если рыбкой поделитесь!

-- Обязательно, -- кивает Азамат. -- Брата моего, Арона, вы уже знаете, но я представлю на всякий случай. Вот, прошу, будьте к нему добры.

Азамат с некоторым усилием отдирает Арона от стенки, тот мямлит, заикается, а потом принимается бить земные поклоны.

-- Доброго здоровья тебе, Арон, -- отчётливо произносит Ирлик. -- Спасибо за дифжир, они у тебя и впрямь отличные.

Арон, по-моему, ничего не слышит. Ирлик тоже оглядывает его с тоской, а потом шепчет мне:

-- Намути ему чего-нибудь от дурной башки, а?

-- А я тебя проси-ила превратиться, -- напоминаю. -- Сейчас организую...

Когда я возвращаюсь со шприцом успокоительного, все уже заняты на кухне, кроме Ирлика, который играет в свои пещеры, и Алтоши, который возится с проснувшимся Алэком. Арон ползает вдоль стеночки, время от времени поглядывая в сторону гостиной и хватаясь за сердце. К счастью, укол действует быстро, и через несколько минут бедняга возвращается к нормальной жизни, только идиотская улыбка выдаёт, что с ним что-то не так. Матушка установила на плиту самую большую сковородку, как раз в плиту диаметром, и жарит на ней рыбные оладушки, окуная куски филе в тесто, которое я ещё днём поставила.

-- Так что это были за фейерверки? -- потихоньку интересуется у меня Азамат, положив в пароварку последний клубешок чомы.

-- Фотосессия, -- улыбаюсь. -- Посмотришь потом, очень красиво получилось.

-- Ты всё-таки... -- начинает Алтонгирел тоном инквизитора, но тут же вспоминает про лежащего рядом Ирлика и затыкается. Я снова сажусь за нитки.

-- Да, она добралась до меня со своей шакал-машинкой, -- усмехается тот. -- Так, погодите, после шестисот десяти какое следующее?

В озадаченной тишине Азамат осторожно предполагает:

-- Девятьсот восемьдесят семь?

-- А-га, -- отвечает Ирлик, вписывая что-то в планшет. -- Точно, спасибо.

-- Что это? -- спрашивает Алтонгирел.

-- Числа Фибоначчи, -- всё так же напряжённо отвечает Азамат. -
- Ирлик-хон, а зачем они вам?

-- Да тут ряд продолжить надо, иначе надгробная плита не сдвинется, -- отвлечённо изрекает Ирлик.

-- Он в игру играет, -- поясняю я под стук закрывающихся ртов.

-- Во, прошёл! -- радостно восклицает Ирлик и садится. -- Ну что, скоро гостя кормить будете?

-- Скоро, скоро, -- заверяет матушка, убавляя нагрев под сковородкой. -- Пришли вы рановато чуток...

Азамат легонько толкает её в бок, а сам быстро переводит тему.

-- А что, Ирлик-хон, вы математикой увлекаетесь?

-- Есть немного, -- признаёт Ирлик. -- Раньше по необходимости занимался, а вот как меня на цепь посадили, тоска заела, сидел, от скуки большие числа перемножал. Потом вспомнил про уравнения, стал их выдумывать и решать... Сам себе теоремы доказывал. Вышел, открыл свои старые записи, а там ещё столько всего! Теперь вот интересно, до чего люди додумались за это время. У тебя, Азамат, свежих задачиков нет? Только чтоб на мударанжском!

-- У меня нет, но я знаю, у кого есть, -- отвечает Азамат, закидывая в холодильник какие-то пакеты, один за другим. Рыбный дух уже весь дом пропитал. -- Сейчас напишу, чтобы скинул.

-- Ну нет, -- встречается матушка. -- Сейчас будем ужинать, а то я тебя знаю, как возьмёшь в руки телефон, так и нет тебя.

-- Ладно, ладно, -- усмехается Азамат.

-- Кир-хян! -- внезапно восклицает матушка. -- Ты с улицы ящики не вносил?

-- Не, -- мотает головой Кир. -- Пускай там стоят, тут-то жарко. Я вроде глянул, они плотно закрыты, звери не залезут.

-- Умничка мой! Я как раз хотела сказать, чтоб там и оставили. Лиза, -- оборачивается ко мне матушка. -- Ты бы видела, как он рыбу ловит! Одну за другой, так и тянет, ни единой не упустил! А ещё говорил, что в море никогда не рыбачил. Сразу видно, моя порода!

-- Да уж не сомневаюсь, -- усмехаюсь я, внутренне вознося гуйхалах за Кировы приютские навыки: что ещё могло так расположить к нему бабушку, как не рыбалка! Сам Кир с независимым видом обдирает бронзовую чешую с какой-то плоскобрюхой пучеглазки (не знаю уж, как этот вид правильно называется), но нос у ребёнка неизменно стремится к потолку.

-- Да, Кир сегодня молодец, -- одобрительно басит Азамат, тайком облегчённо улыбаясь.

-- А про какие ящики речь? -- вспоминаю я.

-- С рыбой, -- поясняет Азамат. -- Алтонгирел был прав, на Айшу таких гигантов приманило, еле в лодку поместились. Обрато плыли стоя по колено в рыбе!

-- Погоди, так это вот весь холодильник забит -- и ещё ящики во дворе?

-- Ну так, я о чём, -- усмехается он.

Я издаю какой-то жалкий хрип, но меня заглушает Ирлик.

-- Азамат, а можно я хоть пару штук сырьём съем? Я их так люблю, когда крупные и с кровью!..

-- Да пожалуйста, -- Азамат делает широкий жест. -- Лиза, правда, считает, что это вредно.

-- Я думаю, Ирлику ничего не будет, -- хмыкаю я, вспоминая оленей в огненном кругу.

-- Кир, проводи?

-- Ща, -- Кир старательно отмывает руки и накидывает куртку.

Ирлик выскакивает первым и озирается. Я тоже высовываю нос любопытствовать, что же там за улов. Сначала не понимаю, куда Кир показывает, а потом доходит: вот эти три саркофага... Ирлик чиркает пальцем о свою щёку и подвешивает получившийся огонёк над головой. Кир отстёгивает защёлки и откидывает крышку

ближайшего ящика -- а там исполинские рыбыны, к счастью, уже неподвижные. Моя ихтиофобия вроде бы прошла, но проверять не очень хочется, особенно когда Ирлик с кровожадным блеском в глазах подхватывает верхнюю рыбуны под жабры и ногтем вскрывает ей брюхо... В общем, я удаляюсь в дом.

-- Что мы будем со всем этим делать? -- спрашиваю в панике.

-- Солить. Вялить. Угощать, -- довольно улыбается Азамат. -- Ма заберёт часть, которые на севере не водятся. Алтонгирел тоже прихватит. Да и Айше что-то есть надо. Ирлик-хону обязательно на дорожку дадим. Ну и дворцовая кухня обогатится, я так думаю.

-- То есть, ближайшие пару месяцев питаемся одной рыбой, -- уныло вздыхаю я. -- Пригласить, что ли, пару дюжин гостей... Кстати, надо Хосу выложить, я думаю, он не откажется.

Сказано -- сделано, авось наш лесной приятель перестанет обижаться на Азамата и снова заглянет на огонёк.

Пока я хожу, Кир с Айшей накрывают на стол. Она довольно неуклюже двигается и плохо ориентируется в задаче, что, впрочем, понятно: если всю жизнь болеть, откуда узнаешь, как тарелки расставлять? Кир, однако, руководит чётко. Он у нас вообще чёткий паренёк.

Но вот и ужин на столе. Наедаемся до отвала, даже Ирлик, который уговорил не две, а четыре гигантских рыбыны, а потом ещё добрался жареной. Азамат открывает бочонок пива, и некоторое время мы просто сидим и балдеем, пачкая носы в густой прохладной пене.

-- А что, Ирлик-хон, -- заговаривает Арон, с которого пиво сняло все остатки робости, -- богов тоже в школе учат?

-- Не, -- роняет Ирлик, мечтательно глядя в потолок. -- Никто нас ничему не учит. Так всю жизнь и ходим впотьмах.

-- Откуда ж у вас тогда старые записи по математике? -- резонно интересуется Арон. Я, правда, думала, он вообще весь разговор на эту тему мимо ушей пропустил, ан нет.

-- У меня был учитель, -- странным тоном отвечает Ирлик. -- Заставлял меня думать. Поначалу очень тяжело было.

-- А до того вы не думали, что ли? -- не сдерживается Кир.

-- Не-а, -- спокойно отвечает Ирлик. -- Мы, боги, для этого не приспособлены. Памяти вообще нет. Просыпаешься -- где я? Что вчера было? Кто друзья, кто враги? С вами, людьми, такое только после

пьянки бывает, а у нас каждый день так. Вон духовник тебе подтвердит: хочешь от бога что-нибудь получить -- одаривай в тот же день. Забудет ведь! Тот же Учок. Ему подвластно плодородие, потому к нему все бездетные обращаются. А во время ритуала бездетная женщина на руках куклу держит, чтобы богу напоминать, зачем он пришёл. Так если ритуал затянуть, Учок иногда забывает, в чём дело, глядит, баба с мёртвым ребёнком, и давай его оживлять! Ну за мёртвыми-то ко мне идут, а я, естественно, такое безобразие прекращаю. Вот он и бесится, как такое, младший брат ему что-то запрещает! А что младший брат уже давно сильнее в десять раз и четыре обязанности выполняет вместо одной, это он не помнит!

-- Так что же получается, -- разводит руками матушка, -- все боги, кроме вас, беспмятные совсем?

-- Не все, -- поправляет Ирлик. -- Младшие с умом. Умукха и Укун-Тингир я лично воспитывал. Конечно, у меня не так хорошо получалось, как у моего учителя, Но они хоть числа знают. Для остальных-то есть только один и два, а дальше -- много. Ну и так, словом перекинуться можно иногда...

-- Я думала, вы с Укун-Тингир не в лучших отношениях, -- удивляюсь я и получаю тычки в оба бока: от Азамата и Алтоши. М-да, глупость сморозила...

-- А ты бы меня сильно любила, -- усмехается Ирлик, -- если б я тебя каждый день заставлял пересчислять имена всех известных вещей! Лапочка, как она отлынивала! И катаклизмы устраивала, и подсказки в облаках рисовала, даже шантажировать научилась! Я смотрел и диву давался, неужто и я такой же был, пока за меня не взялись?

-- А кто был этот ваш учитель? -- интересуется Азамат. -- Человек?

-- Это вряд ли, -- задумывается Ирлик. -- Он лет двести со мной возился, а может, больше, я ж себя не помню. Я и его-то еле вспоминаю, имени не знаю, вроде коротышка был, но сильный, гадюка, я с ним каждый день дрался, а ему хоть бы хны. Потом исчез. Кто его теперь разберёт, что он был за тварь... Я только начал во вкус входить, когда он сгинул. Сначала всё ждал, вдруг вернётся, а потом заметил, что память снова ухудшается, или, скажем, не могу понять, это дождь пошёл, потому что грибы растут, или наоборот. Испугался, я

ж привык уже знать законы, по которым мир работает. Стал больше с людьми разговаривать, книги собирать, считать шишки на ёлках. Так, на чистом страхе, и до алгебры дошёл.

-- Да ладно, -- возникает Кир и получает от нас с Азаматом пинка под столом. -- Вы же бог, разве вы можете бояться?

Ирлик устраивает многозначительную паузу, опустошая свою кружку.

-- Забвение, мальчик мой, -- говорит он с расстановкой, повернувшись к Киру всем корпусом, -- это очень страшно. Потому что как только в него проваливаешься, уже не знаешь, как бывает иначе. Я смотрю на эти первобытные тени, которые называют себя старшими богами, и мне жутко до того, что я мёрзну в собственный месяц. Они ничего не знают и ничего не помнят, но решают, как жить всем людям на планете.

-- Позвольте, -- подключается Алтонгирел. -- Но ведь боги посылают нам предсказания, дают советы... Они... Ну, то есть, и вы тоже, -- видите будущее и решаете, как будет лучше для всех людей. Как же можно это делать без памяти?

-- Видим, да, -- подтверждает Ирлик. -- Можно увидеть будущее и повлиять на прошлое, но только если от этого не нарушается связь причины и следствия. Для тех, кто этой связи не видит вообще, она и не нарушается. А вот насчёт того, как будет лучше, тут... -- Ирлик раздувает ноздри, явно собираясь высказаться очень резко и от души, но вдруг отводит от Алтонгирела сверлящий взгляд и откидывается на спинку стула. -- Тут я лучше промолчу. Ты молодой ещё, горячий, и денег на безбедную старость не заработал. Я тут тебе под пиво наболтаю чепухи, а ты потом сгоришь на костре из собственных мыслей. Я лживый бог, -- Ирлик неприятно улыбается, щуря глаза. -- И вообще всё это выдумал только для того, чтобы выпросить у Лизы игру, а то мне скучно в горах среди бессловесных тварей.

-- Да легко, бери, -- поддерживаю я, пока Алтоша не упал в обморок под тяжестью не высказанного. -- Ты, правда, в пробник играл, а я сейчас полную версию оплачу, там двести уровней, на несколько месяцев хватит!

-- Прекрасно, -- отзывается Ирлик, растекаясь по столу и ненавязчиво пододвигая кружку в сторону Азамата и бочонка. -- Там такие пещеры красивые, надо будет в Короуле такие же сделать. С

призраками, загадками и невиданными зверями. И ещё попрошу Укун-Тингир сделать мне водопад над входом в пещеру, чтобы через него закат смотреть. Воду не люблю, конечно, но красиво...

Глава 26

Под впечатлением от Ирликовых откровений Алтонгирел набирается пивом до дурноты, но так и не пьянеет. Матушка смотрит на него с осуждением и периодически качает головой, зыря на Ирлика, мол, довёл человека. Ирлик и сам принял на душу немало, так что теперь лежит на столе, растопырив локти и блаженно улыбается, полностью игнорируя матушкину укоризну. Кир с Айшей и Алэком играют в гостиной в "поймай мелкого" -- Алэк резво ползает под креслами, а старшие дети устраивают на него облаву, при этом все трое азартно визжат и громяют мебелью.

-- Лиза, тебе не пора ребёнка укладывать? -- спрашивает матушка.

-- Да куда, он весь день спал! Я себе не враг его на пике активности укладывать.

-- Ну как хочешь, -- она встаёт. -- А то я вот пойду отдыхать, могла бы и его прихватить. Но нет -- так нет. Аро-он, пошли спать.

-- Кто, я? -- удивляется Арон, глядя на мир сквозь хрустальную кружку.

-- Ты, ты. Хватит уже, небось на ногах не стоишь.

-- Мать, ты чего, я ж не маленький уже!

-- Это мне без разницы, -- решительно заявляет матушка. -- Жены твоей тут нету, присмотреть за тобой некому, только мне остаётся. Давай-ка, сынок, -- она покровительственно поглаживает его по плечу. -- Пойдём баиньки.

Арон отчаянно смотрит на Азамата, но тот увлечён разглядыванием узоров на руке у Ирлика и не реагирует. Приходится Арону вставать и топтать вверх, а на ногах он и правда стоит плоховато.

Стоит им уехать на лифте, как в дверь скребут. Поскольку Алтоша прописался в туалете, остаётся только наше семейство с Ирликом и Айшей. Азамат, как-то странно покосившись на Ирлика и на меня, идёт открывать, а через полминуты приводит в кухню насторожённого Хоса.

-- О! -- радуюсь я. -- Привет! Объявился наконец!

Хос принохивается и молчит. На мой возглас из гостиной высовываются дети.

-- Привет, Хос! -- кричит Кир. -- Иди к нам! Или ты сначала есть будешь?

Хос зыркает на Кира, хмурится и продолжает молчать.

Заметив наше шевеление, Ирлик отлипает от стола и разворачивается в кресле, чтобы посмотреть, кто пришёл. Хос практически вытягивается по струнке и делает шаг назад.

-- Хм, -- с интересом говорит Ирлик. -- Зверёныш. А что ты тут делаешь?

-- А... я... вот... -- мямлит Хос, таращась на прародителя, ну или кто он там ему.

-- Мы ему рыбки дать хотели, -- объясняю я.

-- И ему? -- переспрашивает Ирлик и вдруг принимается хохотать. -- Лиза, ты решила вообще всех нелюдей на планете приручить, что ли?

Азамат приподнимает брови.

-- Да нет, -- я вожу носком тапки по ковру. -- Я никому не навязываюсь, как-то само собой получается...

-- Вот уж верно, иной при всём желании такой зверинец не соберёт! Ладно, зверёныш, садись, не робей. Ты... Хос, правильно?

Хос ошалело кивает и неуклюже присаживается на край стула в дальнем от Ирлика конце кухни.

-- Ну что-о уж ты так меня боишься, -- укоряет его Ирлик. -- Папка страшилок про меня понарасказывал, что ли?

Хос мотает головой, потом задумывается.

-- У него лес -- и тут ваш сад, -- выдаёт он наконец ещё более хриплым голосом, чем обычно.

-- А-а, Хавис! -- восклицает Ирлик. -- Да, как же, знаю его, здоровый такой котяра. М-да, он меня, конечно, повидал, как я винца приму, пару раз я ему лес-то поджигал... Но ты не трись, я сегодня почти трезвый, да и люди эти меня смягчают... Иди за ухом почешу.

Хос неуверенно перемещается поближе к Ирлику, едва-едва на расстояние вытянутой руки, и слегка нагибает голову. Ирлик предусмотрительно втягивает когти и, как обещал, чешет его за ухом. Хос сначала держится, но потом сила воли кончается, он зажмуривает глаза и принимается мурчать.

-- То-то, -- одобрительно говорит Ирлик. -- Сразу бы так.

Хос приоткрывает глаз и устраивается на подлокотнике Ирликового кресла, с ногами.

-- Ты есть-то будешь? -- спрашивает Азамат.

-- Я уже взял домой, -- говорит Хос. -- Но буду! А можно такую... ну... горелую?

-- Жареную? -- подсказывает Азамат.

Хос кивает, но Ирлик дёргает его за ухо.

-- Тебе жареное вредно, -- сообщает он наставительно.

-- Я чуть-чу-уть! -- канючит Хос.

-- Попробовать можешь, -- смягчается Ирлик, -- но смотри, чтоб в привычку не вошло. Твоя еда сырая.

-- Сырая -- холодная, -- жалуется Хос.

-- Можно варёную без соли, -- разрешает Ирлик.

-- Пасиба! -- щерится Хос, обнажая мелкие острые зубки.

Азамат наблюдает эту сцену с умилением, потом даёт Хосу две горячие оладушки и ставит варить уху.

-- Подуй! -- предупреждает Кир.

Хос, который уже обжёл палец, оборачивается к нему.

-- Это как?

Кир подходит и показывает. Хос пытается повторить, но у него никак не получается струя воздуха нужной силы.

-- Так-то, людскую пищу есть, -- поджучивает его Ирлик.

Наконец Хос справляется с оладушком.

-- Тепло, -- заключает он. -- Но невкусно.

-- Тогда жди, пока сварится, -- ухмыляюсь я, вытирая ему руки влажной салфеткой, а то ведь заляпает мне всю мебель жиром. Запах салфетки ему не нравится, и он комично трясёт руками, надеясь, что он отстанет. Ирлик с Киrom хихикают.

-- Я не есть пришёл, -- независимо говорит Хос. -- Я подумал. Надо с отцом поговорить.

Азамат, который сидел задумавшись носом в кружку, оживляется.

-- Отлично! Слетаем?

Хос кивает.

-- Это вы о чём? -- интересуется Ирлик у меня.

Я рассказываю ему об идее Азамата взять Хоса на работу лесоведом.

-- О, это можно не летать, -- отмахивается Ирлик. -- Я вам и так скажу, что отец ему не разрешит. Они же скрывают, что говорить умеют. Ну и как ты себе представляешь молчащего лесоведа? Да и потом, не любят мои ребята с вашим племенем дело иметь. Этот-то котёнок ещё, любопытный, хотя и то удивительно, что терпит людской запах. А Хавис -- взрослый кот, с убеждениями, он ни за что не согласится.

-- А какая им выгода от молчания? -- спрашиваю я. -- Мне кажется, люди бы к ним почтительнее относились, если бы знали, что они разумные.

-- Наоборот, -- мотает головой Ирлик. -- Было время, когда они не скрывались, так люди крали котят и выращивали себе слуг из них. У людей-то память короткая, а старые коты ещё помнят.

-- Ну правильно, а когда их стреляют, как дичь, это лучше, что ли?

Ирлик вздыхает и снова принимается чесать за ухом погрустневшего Хоса.

-- Ирлик-хон, -- вступает Азамат. -- Мне всё же кажется, что люди с большим уважением обращались бы с хозяевами леса, если бы видели, что один из них занимает высокую должность при дворе. Я ведь не абы какую работу предлагаю, Императорский лесовед -- это в будущем глава департамента природопользования. Департамента пока нет, конечно, но будет...

Ирлик сощуривает расписные веки.

-- Ты намекаешь, чтобы я поговорил с Хависом.

Азамат слегка склоняет голову.

-- Вы же, как я понимаю, в некотором роде...

-- Всех их породил, да, -- ухмыляется Ирлик. -- Так говорят.

-- А на самом деле?

-- А на самом деле я не помню, -- пожимает он плечами. -- Может, и правда. Вот что я тебе скажу, Байч-Харах, -- Ирлик внезапно подаётся вперёд и деловито сплетает пальцы. -- Если ты обязуешься в своё правление пробить закон о запрете отстрела лесных демонов, я поговорю не только с Хависом, но и со всеми старшими котами.

Азамат задумывается, а Хос надувается.

-- Мы не демоны!

-- Цыц, -- шикает на него Ирлик. -- С людьми надо говорить так, как им понятно. Привыкай, если получишь эту работу, тебя все поначалу будут демоном звать.

-- Совсем серьёзно запретить, боюсь, не получится, -- говорит меж тем Азамат. -- Максимум под штраф. Хотя скорее всего, Старейшины и на это не согласятся. Я могу, пожалуй, обещать квоту и большой налог, возможно, запрет на продажу. Но и это только при условии, что хозяева леса согласятся не грабить фермы.

-- А почему просто не сделать их уголовно ответственными? -- спрашиваю я. -- Если человек ограбил ферму, это же не значит, что можно отстреливать людей, правильно? Но и безнаказанно его не отпустят. Хозяева леса тоже, наверное, разные, есть мирные, а есть бандюги. Допустим, Ирлик договорится с правящей верхушкой, но от нарушителей никто не застрахован...

-- Это хорошая идея, -- медленно произносит Азамат, -- но это значит, что нужно будет как-то расследовать все случаи разграбления ферм и выяснять, правда ли виновен хозяин леса, и если да, то какой именно. Ты представляешь, сколько будет подстав со стороны людей и укрывательства со стороны хозяев леса?

-- Укрывательств особенно не будет, -- морщится Ирлик. -- Они друг за друга редко вступаются.

-- А за подставы можно ввести такое наказание, что станет невыгодно, -- пожимаю плечами я. -- Спроси Эцагана, мне кажется, ему будет любопытно проверить свои розыскные способности в таком деле.

Ирлик внезапно широко улыбается и потирает руки.

-- Я предвкушаю большое развлечение! Котёнок! -- он прихватывает Хоса за плечо и сваливает к себе на колени. -- Мы тебе готовим весёлую жизнь!

Хос скалится с несчастным видом, как будто уже и не рад, что согласился. Кир подмигивает, а Алэк у него на руках издаёт победный клич морской свинки.

Зеленоватый Алтонгирел возвращается из туалета и падает на своё место напротив Ирлика, не глядя по сторонам. Хос тем временем умудряется вывернуться из Мангустова захвата и просачивается в гостиную, где присоединяется к буйным играм.

Мы некоторое время сидим в тишине (если не считать возни в гостиной), думая каждый о своём.

-- Что-то у Кира компания подбирается, -- говорю я вполголоса Азамату. -- Один говорит еле-еле, другая вообще молчит, зато Алэк лепечет на трёх языках.

-- Разнообразие, -- откликается Азамат, с трудом подавляя зевок. -- Там рыба уже сварилась, наверное, куда он ушёл?

-- Хо-ос, -- зову я, заглядывая в гостиную. Дети устроили чехарду -- к счастью, без Алэка. Мелкий сидит на диване в окружении котов и скандирует что-то ни на одном из известных мне языков, а остальные трое натурально прыгают через друг дружку. Отвлёкшись на мои позывные Хос не рассчитывает усилия и перелетает через Кира метра на три -- силища-то звериная, -- угождая лбом прямо в колено Алтонгирелу. Кухню затопляет дикий мяв. Алтоша подскакивает, опрокинув кресло. Ирлик покатывается со смеху, к счастью, без катастрофических последствий.

-- Демон! -- наконец обретает дар речи духовник.

-- Сам ты демон! -- рычит Хос, потирая лоб.

Алтоша с ужасом и отвращением рассматривает то, что в него впилилось. Я прям жду, когда он с визгом запрыгнет на стул, как кисейная барышня при виде мышки.

-- Лиза! Азамат! -- выкрикивает он в панике. -- Чего вы стоите?! Спасайте детей!

-- Не переживай так, -- спокойно говорит Азамат, поглядывая, как мы с Ирликом стонем и хватаемся за животы. -- Хос никому здесь не причинит вреда, он пришёл по делу.

-- По делу... -- бессмысленно повторяет Алтонгирел. Хос поднялся и с угрюмым видом стоит у косяка, а упомянутые дети вылезают у него из-за спины посмотреть цирк. -- Погоди, нет, Азамат, только не говори мне, что твоя кошмарная женщина ещё и демона притащила... нет, пожалуйста, только не это...

-- Никто меня не притащил! -- возмущается Хос. -- Я тут живу!

-- Тут? -- жалобно переспрашивает духовник.

-- В лесу около нашего дома, -- поясняет Азамат.

-- Отлично, -- бормочет Алтоша. -- Просто замечательно. Чудесно. Я в восторге. И давно?

-- Живёт-то? Уже лет десять, -- ухмыляется Азамат, наливая уху в тарелку. -- Хос, иди есть, только помни, что горячо.

Хос бочком пробирается мимо духовника и усаживается дуть на рыбу. Алтонгирел смотрит на него с боязнью и тоской неизбежности. Ирлик, Кир и я мерзко хихикаем.

Осознав, что он в меньшинстве, Алтоша преисполняется вселенской скорби и встаёт.

-- Я чувствую себя лишним в вашей тёплой компании, -- обиженно сообщает он. -- Пожалуй, мне пора отдохнуть.

С этими словами он направляется прочь из кухни. Азамат нагоняет его в прихожей и застревает там надолго, видимо, уговаривает не обижаться. Хос уплетает суп, поглядывая на дверь из-под нахмуренных бровей. Кажется, он перенял у нас немного мимики.

-- Бедняга духовник, -- добродушно вздыхает Ирлик, просмеявшись. -- Когда мир плавится в руках, это страшно.

-- По опыту знаешь? -- интересуюсь я скорее по инерции, чем потому что действительно хочу услышать, что ещё ему пришлось пережить.

Не заметив опаски в моём голосе, Ирлик проясняет:

-- Я когда-то верил, что старшие боги мудры и всегда правы. Что их поступки продиктованы некой вселенской необходимостью. Как ты можешь догадаться, я жестоко разочаровался. Я, правда, был туговат умом и проникал в суть происходящего очень долго, так что для меня правда не стала внезапным шоком. А вот Алтонгирел побыстрее соображает, и я просто вижу по глазам, как он теряет ориентиры. Но и новые обретает тоже, так что вряд ли ему серьёзно грозит помешательство, -- расслабленно заканчивает бог.

-- Ирлик. Ты не мог бы более отчётливо предречь, с Алтонгирелом ведь ничего плохого не случится? -- внезапно пугаюсь я.

Он усмехается.

-- Не моё дело оценивать, что плохо, а что хорошо. Да и будущее я вижу нечасто. Тут уж что-нибудь одно, или будущее или прошлое.

-- Почему? -- удивляюсь я.

Хос смотрит на нас с выражением полного непонимания на мордочке. Его словарный запас явно недостаточен для этой беседы, может, и к лучшему. А вот дети наоборот, расселись у стола и ловят

каждое слово, особенно Айша. Алэку не понравилось одному сидеть в гостинной, так что Кир мне его принёс, и теперь мелкий тоже заглядывает Ирлику в рот, правда, скорее в плане не поделится ли тот чем-нибудь съедобным.

Из прихожей возвращается озабоченный Азамат, вытирая лоб.

-- Убедил? -- спрашивает его Ирлик вместо ответа на мой вопрос.

-- Да он просто плохо себя чувствует, -- застывает за духовника Азамат. -- Ирлик-хон, вы уж извините, что я, так сказать, по знакомству, но... он ведь не бросит учение?

Ирлик закатывает глаза.

-- Азамат, вот ты человек просвещённый. Скажи-ка мне, почему время движется вперёд, а не назад?

-- Ну как... в сторону увеличения энтропии оно движется... или вы что-то ещё имели в виду?

-- Это самое, -- кивает Ирлик. -- А почему именно туда? Почему люди не могут помнить будущее?

-- Ничего себе вопрос на пивную голову, -- вздыхает Азамат, садясь за стол и зажёвывая кружок помидора. -- Например, потому что механизм памяти -- это система, а любая система имеет энтропию, соответственно, от самого действия запоминания количество хаоса увеличивается.

-- Блеск, -- щерится Ирлик, подтверждая свою оценку сверканием золотых зубов. -- Ну и на сладкое: почему хаоса должно всё время становиться больше? Почему его количество не может гулять туда-сюда?

Азамат пожимает одним плечом.

-- Это статистический закон... У любой системы количество хаотических положений несравнимо больше количества упорядоченных, соответственно, хаос вероятнее.

-- Вот именно, -- Ирлик постукивает по столу драгоценным ногтем. -- А богам статистика не писана, хотят -- помнят прошлое, хотят -- будущее. Но в каждый отдельный момент можно двигаться только в одну сторону, нельзя сразу вперёд и назад... Ну, можно, если ты можешь раздвоиться, но на это мало какие боги способны. Так вот, я предпочитаю помнить прошлое, потому что оно содержит причины и позволяет думать логически. Но чтобы помнить будущее, с прошлым

приходится расстаться, хотя бы временно. Я, конечно, могу, но не хочу. Так что хватит меня расспрашивать о завтрашнем дне, я там ещё не был, точно так же, как и вы.

-- Так старшие боги живут из будущего? -- встречается Кир, сияя глазами.

-- Нет, они скачут туда-сюда и редко различают, что впереди, что позади, -- вздыхает Ирлик. -- Ещё и поэтому я не хочу переключаться. Потом трудно восстановить порядок событий... чома в голове, проще говоря.

-- Погоди-погоди, -- хмурюсь я. -- А какой тогда тебе был смысл спорить с Учком, если он всё равно вряд ли вспомнит, кто на что ставил?

-- Э-э, тут совсем другое дело, -- Ирлик нравоучительно помахивает расписным пальцем. -- Спор -- это заговор, он не в памяти, он связывает тебя, как обещание или присяга... Такие древние ритуалырастают под кожу, помнишь -- не помнишь, а не считаться не можешь. То же самое с проклятьями и всякими соревнованиями на словах вроде загадок. Можешь не помнить, кто ты и где, но победителя узнаешь.

-- А если кому-нибудь будущее предсказали, -- снова встречается Кир, -- это тоже связывает?

-- Если с умом предсказали, то может, -- задумчиво отвечает Ирлик. -- Обычно в предсказаниях есть лазейки, какие-то невнятности, которые позволяют изменять ближайшее будущее по мелочи, а ведь любая мелочь через долгое время становится причиной гигантских отклонений.

-- Да? -- оживает Кир. -- А как узнать, какая именно мелочь может всё изменить?

Ирлик смеривает его взглядом.

-- Что именно тебе предсказали?

-- Почему сразу мне?! -- заводит знакомую песню Кир. -- Я так чисто спросил, из любопытства...

Айша смотрит на него сочувственно и пытается погладить по руке, но он отдёргивает.

-- Мне не ври, -- сдвигает брови Ирлик. -- Выкладывай давай.

-- Зачем это вам-то? -- тоже хмурится Кир.

-- Из любопытства, -- скалится Ирлик.

-- Да ну, -- пожимает плечами Кир, -- Это ж наш придурочный старикан наболтал, который у приюта жил. Мало ли что ему там пригрезилось.

-- Так давай разберёмся вместе, -- вкрадчиво предлагает Азамат. -- Вряд ли ты в жизни встретишь лучшего толкователя предсказаний, чем Ирлик-хон.

-- Ладно тебе, Байч-Харах, хвалу-то мне петь, -- усмехается Ирлик.

-- Почему хвалу? -- удивляется Азамат. -- Я совершенно серьёзно так считаю.

Кир меж тем мрачно молчит.

-- Если "придурочный старикан" наговорил чуши, -- замечаю я, - - тем больше повода с этим разобраться раз и навсегда.

Кир пожимает одним плечом и вдруг встаёт.

-- Паскудно мне весь этот бред пересказывать. Я пошёл спать.

И действительно топает к двери. Азамат порывается пойти следом, но Ирлик останавливает его жестом.

-- Оставь его в покое. Будущее -- такая штука, пока не созреешь, не поделишься.

-- Думаете, это что-то плохое? -- озабоченно спрашивает Азамат.

-- Думаю, что ему это так преподнесли, -- протягивает Ирлик, глядя, почему-то, на Айшу.

Та опускает глаза и закусывает нижнюю губу. Похоже, она в курсе, что там наобещали Киру, но будет молчать, как партизан. Впрочем, она по-любому говорить не может.

Следующим утром мы почти полным составом выдвигаемся в Ахмад-хот. Азамату нужно поболтать со Старейшинами, Алтонгирелу -- с Ажгдийдимидином, Айшу, соответственно, тоже берём, да ещё Алэку пора прививку делать, Кир хочет проверить свою подопечную, хорошо ли с ней папенька обращается, да ещё матушка вдруг запросилась в столицу посуды прикупить, а то у неё последнее время от гостей отбою нет, а кормить не с чего. Хос с Ирликом ушли ночью вместе, не знаю уж, кто кого провожал. Остался на хозяйстве один Арон со всем зверинцем, пускай охотится, пока нас нет, а то бесконечные кровавые туши мне порядком поднадоели.

У посадочной площадки при дворце нас встречает Эцаган, вернее, не нас, а Алтонгирела, который молча бросается ему на шею,

да так и повисает, как тряпичный. Эцаган поменьше его, но стойчески держит ношу, только строит нам укоризненные лица, мол, чего вы там с ним сделали?

-- Это не мы, это Ирлик, -- отмазываюсь я. -- Он под пиво разоткровенничался.

Эцаган мотает головой и пытается уволочь тело домой, но тут духовник оживает и подзывает Айшу.

-- Мы из приюта забрали девчонку, хочу пристроить её в учение, -- объясняет Алтонгирел. -- Пока что у меня поживёт.

-- У тебя? -- поднимает бровь Эцаган, косясь на Айшу. -- В твоём бардаке, куда уборщикам путь закрыт дюжиной проклятий? И что она будет есть, если ты дома не питаешься? Давай уж лучше ко мне, хоть будет кому за ней присмотреть.

-- Она сама будущий духовник, -- замечает Алтонгирел. -- Я так считаю, пускай привыкает.

-- Ты её для начала на обзорную экскурсию своди, -- кривится Эцаган, решительно беря Айшу за руку. -- Пошли, успеешь ещё ребёнка напугать.

-- Эмм... -- начинает Алтонгирел. -- А тебя это не очень... -- он ловит взгляд Эцагана и перебивает сам себя: -- Ну ладно, как скажешь...

И они удаляются дворами и огородами к Эцаганову дому.

-- Лиза, ты как-то странно на них смотришь, -- замечает Азамат.

-- Как на ячейку общества, -- хмыкаю я. -- Не знаю уж, кому Айшу отдадут в учение, но что-то мне подсказывает, что она не переедет.

Азамат покачивает головой и тоже ухмыляется.

На обратном пути от прививочной я из любопытства -- как это теперь принято говорить -- задерживаюсь около дома Ажгдийдимидина подглядеть, как у Алтоши пройдёт с ним разговор. В том квартале довольно зелено, так что я быстро нахожу лежачее дерево, на котором можно присесть за кустами. Алэк сидит у меня под ногами и пытается сложить из шишек пирамидку, я сама копаюсь в ежедневнике, улучив минуту разобраться, что у меня когда.

Через некоторое время слышу шаги и звонок в дверь. Гляжу сквозь кусты -- ага, Алтоша. Открывает ему тот самый человек-исполин, пара Ажгдийдимидина. Духовник проходит внутрь, и

становится тихо. Я отвлекаюсь на Алэка, который дёргает меня за юбку, чтобы показать шишечный шалаш. Я принимаюсь его хвалить, и тут из дома доносятся повышенные голоса. Именно голоса, два разных. Воздух вокруг электризуется, Алэк пищит и просится на ручки.

Внезапно дверь дома распахивается, и оттуда вырывается просто-таки ураган, который пригибает к земле кусты и сносит пару веток с деревьев на пути. Затем на пороге появляется Алтонгирел. Его волосы и диль рвутся вперёд, и по всему видно, что он с трудом удерживается на ногах под порывами ветра в спину, но тем не менее, выходит он медленно, а по ступенькам спускается почти величественно. Вслед за ним в дверях появляется сам хозяин, и я даже чувствую потребность спрятать Алэка, настолько Ажгдийдимидин разгневанно выглядит. Алтонгирел поворачивается к нему лицом у подножия ступенек и кланяется против ветра.

-- Спасибо за гостеприимство и понимание, -- цедит он, разворачивается и уходит.

Я замечаю, что вокруг дома уже собралась немаленькая толпа зевак, так что, очевидно, Алтонгирел работал на публику. Я пробираюсь садами-огородами до дома Эцагана, куда духовник вскоре доходит, еле волоча ноги и не закрыв за собой садовую калитку.

-- Ты как? -- спрашиваю обеспокоенно.

Алтонгирел плюхается на ступеньки и кладёт голову на колени.

-- Ужасно, -- стонет он.

На крыльцо выскакивает Эцаган и принимается выпрыгивать вокруг и квохтать, не сильно облегчая жизнь пациенту.

-- Я так понимаю, он перенапрягся, -- говорю. -- Ты бы его полежать уложил.

Эцаган мгновенно сгребает Алтошу в охапку и утаскивает в спальню, а потом мчится на кухню делать какой-то отвар. Айша сидит в гостиной и смотрит на происходящее треугольными от ужаса глазами. Я пытаюсь её успокоить, потом пробираюсь в спальню, где лежит и похныкивает Алтонгирел.

-- Ну и для кого ты так выделывался? -- ворчу я, шупая ему лоб. Холодный какой-то.

-- А что, лучше было бы со ступенек скатиться? -- буркает он в ответ.

Сгрузив Алэка на ковёр, я снимаю с Алтоши сапоги и накрываю его пледом. Тут подоспевает Эцаган с кружкой.

-- Что это? -- спрашиваю, пока он поит своего подопечного.

-- Не знаю, но он это всегда пьёт, когда слишком много ворожит.

Алтонгирел вдумчиво глотает, и его желтовато-бледному лицу возвращается немного естественного цвета.

-- А теперь я буду спать, -- мрачно сообщает Алтонгирел, допив, и поворачивается носом к стенке.

Мы все выходим.

-- Я так понимаю, ответ был отрицательный, -- заключает Эцаган, косясь на Айшу.

-- Очевидно, -- вздыхаю я. -- Что-то мне подсказывает, к Ажгдийдимидину в ближайшее время лучше не подходить. С Алтошей такое случалось раньше?

-- От джингошских ведунов получал пару раз, хоть и не так сильно. От своих -- это вообще неслыханно. Уж Старейшина мог бы сдержаться. Что ему так дались эти безродные, прям не знаю. Свои есть, что ли...

-- Я, пожалуй, пойду перекинусь парой слов с Унгуцем, -- предлагаю я. -- Может, он вразумит приятеля.

-- Сомневаюсь, -- вздыхает Эцаган, -- но попробуйте. И девочку с собой возьмите, она вон перепугалась насмерть, пусть Унгуц её утешит, он это хорошо умеет.

Сказано -- сделано. Прихватив по дороге сладкий пирог в качестве гостинца, мы втроём топаем к Унгуцу. Ну, топаем-то вдвоём, Алэк на мне висит. Айша бледная и несчастная, то и дело оглядывается через плечо.

Унгуц обнаруживается на террасе за рассказыванием сказки внучке. К счастью, сказка как раз кончается, а то очень было бы жалко нарушать семейную идиллию.

-- А, Лиза-хян! Давненько не заходила. Князь-то как вырос! А это что за красавица?

Я присаживаюсь к столу, водружаю на него торт и рассказываю доброму дедушке всё как есть. Он понимающе кивает, а когда я дохожу до последнего эпизода, высоко задирает брови.

-- Что-то у Ажги-хяна приступ любви к людям, я смотрю, -- задумчиво заключает он, поглаживая бороду. -- С духовниками это

случается иногда, но чтоб своих бить... Придётся с ним поболтать завтрачка, когда подостынет. Это никуда не годится.

-- Уж сделайте милость, а то он мало того, что Алтошу уложил, так ещё девочку напугал.

-- Да, пугать квазара -- тоже не лучшая идея, -- соглашается Унгуц. -- Ох уж эта молодёжь, глаз да глаз! Айша-хян, ты б кушала пирог-то, а то Ирих с ним быстро разделается, -- добавляет он, сам отправляя в рот ломоть побольше.

После трёх кусков пирога и литра чаю под Унгуцевы байки Айша немного отходит и даже начинает хихикать вместе с Ирих. Всё бы ничего, но Алэк решает, что с него на сегодня достаточно приключений и вообще пора спать, однако вместо того чтобы тихо заснуть, начинает громко плакать.

-- Боюсь, что светский визит окончен, -- извиняюсь я и, прихватив Айшу, уношусь домой укладывать дитяtko.

Алэк обычно долго не скандалит, но сегодня никак не желает успокаиваться. Когда мне наконец удаётся его уболтать и сгрузить в кровать, я выхожу на цыпочках из спальни и обнаруживаю Айшу согнувшейся на диване в три погибели.

-- Ты чего? -- спрашиваю.

Она только пищит в ответ и держится за живот. Неужто пирог впрок не пошёл? А такой был приличный и с виду, и на вкус...

Поскольку Айша всё равно не расскажет мне, что у неё болит и как именно, сразу приспособливаю к ней свой аппарат для выявления болей у младенцев. Эге, пирог-то тут ни при чём, просто кто-то на нервной почве резко повзрослел. Леплю ей на пузо пластырь локального обезболивания, чтобы на мозги не действовало. Интересно, девочкам-духовникам можно носить противозачаточный пластырь, чтобы не иметь этой проблемы, или он как-то помешает волшебным способностям?..

Пластырь начинает действовать довольно быстро, Айша раскладывается и лежит на диване, благодарно глядя на меня.

-- Пошли ко мне в кабинет, -- говорю. -- Тебе надо научиться пользоваться гигиеническими приспособлениями.

В дом к Эцагану мы приходим уже вечером. Алтонгирел проснулся и сидит на кухне, посасывая из большой пиалы что-то зеленовато-гнусное. Вид у него вполне соответствует цвету напитка,

но скорее озлобленный, чем болезненный. Айша сразу, как мы вошли, присаживается рядом и принимается Сочувственно Смотреть. Как бы дырку не просмотрела.

-- У неё начались, как ты выражаешься, "женские дела", -- сообщаю я.

Алтонгирел задумчиво кивает.

-- Ну хотя бы этого ждать не придётся. Завтра попробую поговорить с другими Наставниками...

-- Может, тебе стоит сначала окрепнуть немного? -- интересуюсь. -- А то если каждый будет так реагировать...

-- Не будет, -- отрезает Алтоша. -- Ажгдийдимидин -- единственный, кто сильнее меня. Остальные, если позволят себе подобное, первыми с крыльца полетят.

-- Ты особо Старейшинами-то не разбрасывайся, -- скептически замечает Эцаган. -- Помимо того, что это подсудное дело, ещё и просто опасно, они ж старые, кости поломают...

-- Разберусь как-нибудь, -- цедит Алтоша, раздувая ноздри, и я решаю потихоньку ретироваться в надежде, что Эцаган присмотрит за этими несчастными колдунами.

Глава 27

После утреннего Совета Азамат возвращается домой и плюхается на диван, воздев руки к потолку.

-- Лиза, я не знаю, что делать с этими духовниками, они все посходили с ума!

Из-за высокой спинки кресла выглядывает матушка, которая вместе со мной сидела и пила какао со взбитыми сливками.

-- Ты что такое говоришь, сынок? -- строго спрашивает она. -- Ты с духовниками-то поосторожней...

-- Ой, Ма, прости, не заметил тебя, -- кается Азамат. -- Лиз, сходи со мной в кабинет, а?

Я поднимаюсь, спешно проглатывая откушенный кусок и прихватываю чашку в то время как матушка ворчит:

-- Да сел бы поел спокойно, не убежит жена-то...

Но мы уже выходим.

-- Что там стряслось? -- спрашиваю, когда Азамат плотно закрывает за нами дверь своего кабинета и усаживается прямо на антикварный стол.

-- Да видишь ли, Алтонгирел не такая уж невинная жертва, как он вчера притворился.

Я хлопаю глазами.

-- Хочешь сказать, он первым начал ссору с Аж-тьфу, с утра я это не произнесу.

-- Ну, скажем так, я начинаю с тобой соглашаться в отношении того, что Алтонгирелу катастрофически не хватает такта. Когда Старейшина довольно резко отказался принять ученицу из безродных, наш дорогой друг решил надавить на слабые места, мол, вы же сами квазар, и каково бы вам было, если бы вас не взяли в учение... ну и несколько увлёкся, живописуя подробности. Всех духовных тонкостей они при мне не обсуждали, но я так понял, Ажгдийдимидину было не слишком приятно выслушивать, в каких мучениях он бы умер в такой ситуации.

Я могу только закрывать лицо руками -- Алтоша такой Алтоша!

-- Ажгдийдимидин попросил его уйти, -- продолжает Азамат. -- Тогда Алтонгирел принялся его обличать в нежелании помочь ближнему, мол, он просто отворачивается от чужих проблем, всего лишь из-за каких-то предрассудков, а всё потому что с ним самим и его близкими никогда ничего плохого не случилось, и как вообще настолько узкомыслящий человек может быть допущен к решению мировых проблем. Как ты понимаешь, Старейшина, хоть он и терпеливый человек, такого хамства не снёс, и выдворил Алтонгирела силой.

-- О господи! -- опешиваю я. -- Алтоша что, совсем умом сдвинулся?

-- Вот и я о том же, -- вздыхает Азамат. -- Он, как я понимаю, очень близко к сердцу принял ситуацию с Айшей. Честно говоря, я не ожидал от него такого рвения помочь девочке... -- Азамат встаёт и прохаживается по комнате. -- Ещё честнее, я не знал, что он вообще способен так отчаянно сопереживать другому человеку.

-- Ну почему, он ведь сопереживал тебе, когда тебя изгнали. Даже увязался следом, не жил на планете несколько лет...

-- Это да, -- щурясь, соглашается Азамат, -- но, во-первых, ему в любом случае нужно было провести несколько лет вдали от наставника, а работа наёмника престижна, да и визитов домой никто не запрещал, во-вторых... Понимаешь, это другое. Он всё детство на

меня очень сильно полагался, особенно после смерти отца. Он ведь и готовить никогда не умел, и в принципе был неприспособлен к самостоятельной жизни. Естественно, без меня ему сразу стало очень трудно, не к кому пойти за помощью и советом. Поэтому, как мне кажется, сопереживание там играло второстепенную роль, чисто с практической точки зрения ему было намного комфортнее со мной, чем без меня. А тут совсем другая история, он ведь совершенно не нуждается в Айше, но тем не менее печётся о ней, как о родной.

-- Погоди-погоди, -- перебиваю я. -- Ты хочешь сказать, что полагаешь, будто единственный человек, который не бросил тебя в беде, сделал это из корыстных соображений?

Азамат возводит очи горе.

-- Лиза, ну что ты на меня тему переводишь, я ведь не о том!

-- Ну почему, ты как раз о том, -- возражаю я. -- Ты считаешь, что Алтонгирел неспособен к сопереживанию только потому, что не веришь, будто он сопереживал тебе. Но вот помнишь, когда Эцаган был ранен, Алтонгирел ведь ему сопереживал, правильно?

-- Ну ты сравнила! Эцагана-то он любит!

Поскольку мы говорим на мударжском, Азамат использует то самое слово "любить", которое означает "любить как друга или члена семьи". На чём я его и ловлю.

-- Хочешь сказать, тебя он не любит?

-- Лиза, чего ты цепляешься к словам? Мы с ним друзья, что ещё ты ожидаешь услышать?

-- Видишь ли, котик, -- я подцепляю его под локоть и присоединяюсь в расхаживании по комнате. -- Мне Алтонгирел совершенно не кажется человеком, неспособным к сочувствию. Он с некоторым трудом выстраивает отношения с окружающими людьми, это правда, но я бы не назвала его бесчувственным или расчётливым. А вот за тобой водится не замечать, что твоя жизнь кому-то небезразлична.

-- Мне всегда говорили, что скромность -- это хорошее качество, -- сообщает Азамат куда-то в сторону.

-- Скромность предполагает, что ты не выставляешь свою значимость напоказ, а не то, что ты о ней не подозреваешь. Ведь получается, что ты считаешь Алтонгирела хуже, чем он есть.

-- Ты его защищаешь? -- усмехается Азамат. -- От меня? А мне казалось, вы не ладите...

-- Я не его защищаю, а тебя пытаюсь понять. С Алтонгирелом мы ладим так себе, хотя последнее время получше, чем раньше, но тем удивительнее для меня, что ты о нём худшего мнения, чем я!

-- А я не могу взять в толк, почему тебя так волнует моё отношение к

Алтонгирелу. Я заметил, что ваши отношения значительно потеплели, а стоит мне отвернуться, как тут же появляется Ирлик-хон и втягивает вас обоих в какое-нибудь увлекательное приключение! -- заканчивает он внезапно эмоционально.

-- Вот потому и волнует, -- медленно произношу я. -- Если уж ты не доверяешь Алтонгирелу, которого знаешь с детства, и считаешь, что он остался твоим другом исключительно потому что ему было так удобнее, то страшно представить, что ты думаешь обо мне.

Азамат устало трёт глаза -- а ведь ещё только утро.

-- Лиза, ты знаешь, что я о тебе думаю. Что ты самая лучшая и самая красивая, и что без тебя моя жизнь походила бы на попытку вплавь преодолеть океан Гэй посреди зимы. Неужели ты всё ещё сомневаешься в моих чувствах?

-- Нет, но ты почему-то сомневаешься в моих, -- развожу я руками. -- Ирлик может составить тебе конкуренцию примерно с тем же успехом, что Хос. Или, скажем, какое-нибудь диковинное растение. Мне, конечно, любопытно, у нас ведь, на Земле, нет богов, но ты же не можешь всерьёз полагать, что мне может быть интересен как мужчина некий полугуманоид, который может в любой момент забыть, кто я такая и как его самого зовут!

-- Это очень рациональные соображения, -- вздыхает Азамат. -- К сожалению, интерес рождается обычно от вещей иррациональных. Например, от красоты. Да и статус играет роль...

-- Безусловно играет! -- подхватываю я. -- Именно поэтому у бога-прародителя чудовищ, которого собратья и родная жена так ненавидят, что заперли в подземной пещере на двести лет, гораздо меньше шансов, чем у человека, которого совершенно посторонние люди избрали над собой Императором, тебе так не кажется? Да и не знаю, как ты, а я золотые зубы не считаю особо привлекательными.

-- Хорошо, хорошо, не кипятись, -- Азамат поднимает руки в пораженческом жесте. -- Я знаю, что ты не склонна к иррациональным поступкам. Но согласись, что Ирлик-хон приходит к тебе, ведь именно ты его интересуешь.

Я пожимаю плечами.

-- По-моему, он приходит к нам просто потому, что ему одиноко. А интересуется его последнее время в основном Кир, потому что он наглый. Конечно, Ирлик, видимо, по природе ловелас, но он уважает и тебя, и мои чувства к тебе, и, как мне кажется, оставил идею меня соблазнить.

Азамат качает головой и молчит.

-- Коть, ну что я должна сделать, чтобы ты перестал во мне сомневаться, а? -- тихо спрашиваю я. -- Тебе-то легко, ты мне сказал, что я самая лучшая и самая красивая, и я верю, что ты действительно так думаешь. А если я тебе то же самое пытаюсь сказать, ты меня всерьёз не воспринимаешь или вообще начинаешь искать какие-нибудь тайные причины, зачем это я вдруг к тебе подлизываюсь. А теперь ещё выясняется, что и лучшего друга ты подозреваешь в том же самом. Может, просто кто-то слишком мнительный, а?

-- Ты ничего не должна доказывать, -- быстро отвечает Азамат, мягко обнимая меня. -- Я ведь ни в чём тебя не обвиняю, я просто нервничаю. Если я хоть немножко задумываюсь, то понимаю, что причин для беспокойства нет. Но иногда я беспокоюсь и без причины, и не знаю, что с этим делать. Может, стоит попробовать что-нибудь ещё из твоего арсенала постельных игр. Может, я успокоюсь...

-- А с Алтонгирелом тоже играть будешь? -- усмехаюсь я.

-- Лиза! Как ты мо...

-- Шучу! Шучу!

Азамат укоризненно на меня смотрит.

-- Я подумаю, -- наконец говорит он. -- Я вроде бы понял, почему тебя смущает моя трактовка его поступков, но я никогда специально не задумывался, как он ко мне относится. Возможно, я и правда рассудил неверно. Ты очень любишь докапываться до самой сути чувств и называть их словами. А у нас и слов-то таких нет, и я вполне уверен, что ни одному муданжцу никогда бы в голову не пришло задуматься, из каких именно соображений мой друг

последовал за мной в изгнание -- потому что он мне сочувствовал или потому что моё присутствие облегчало его собственную жизнь.

-- Национальность тут ни при чём, просто это женский способ мышления, -- улыбаюсь я.

-- Ты признаешь, что между мужчинами и женщинами есть разница? -- удивляется Азамат и, прежде чем я успеваю набрать воздуха, чтобы прочитать ему лекцию по этому поводу, быстро меняет тему. -- Но я не рассказал тебе всего, что было на Совете. Алтонгирел извинился за свою бестактность, и у Ажгдийдимидина хватило трезвости ума извиниться за применение силы, так что инцидент исчерпан. Мне, правда, показалось, что они остались не в лучших отношениях, но всё же есть надежда, что Алтонгирелу не придётся второй раз за полгода менять наставника.

-- Да уж, -- киваю я. -- Хотя мне всё равно странно, что Старейшина так разъярился. Алтонгирел, конечно, хамло, но Ажгдийдимидин, как мне казалось, не должен поддаваться на такие провокации...

-- Так, Лиза, давай ты отложишь свой анализ души Старейшины Ажгдийдимидина, он и так в прескверном настроении! -- усмехается Азамат. -- А мне надо быть в Доме через десять минут, я ведь жду решения Совета по поводу хозяев леса.

-- Ладно, скажи, дай только поцелую на удачу, -- говорю, притягивая его пониже за косу.

По ходу поцелуя мне начинает казаться, что никуда Азамат на самом деле не торопится, уж очень он с чувством и с расстановкой подходит к вопросу. И даже когда мы разлепляемся, он продолжает меня обнимать и трётся щекой о моё ухо, забавно шурша.

-- Я правда лучше Ирлика? -- шепчет он еле слышно.

-- Бесконечно лучше, -- отвечаю я так же тихо.

-- Сейчас мне кажется, что когда-нибудь я смогу в это поверить, -- бормочет он и отпускает меня. -- Ну всё, я побежал.

И исчезает за дверью, а я остаюсь качать головой в раздумьях.

Моя вторая попытка позавтракать тоже удачей не заканчивается. Стоит мне ковырнуть ложкой в йогурте и начать светскую беседу с матушкой, как в домофон звонит странник, о котором я уже порядком забыла. За спиной у него мнётся фотограф.

Вообще-то со странником мы договаривались, что я ему позвоню, когда приеду, и сама назначу дату и время. Но, очевидно, мне ещё предстоит привыкнуть к повадкам местных журналистов.

-- Добрый день, Хотон-хон, -- лучезарно сообщает его бородатая физиономия. -- Настало время нам побеседовать.

-- Добрый день, Как-всегда-не-вовремя-хон, -- кисло улыбаюсь я. -- Ладно уж, заходите, только быстро.

-- Кто это там? -- озабоченно спрашивает матушка, когда я впускаю посетителей и отключаю видео.

-- Странники, -- вздыхаю я. -- Пришли у меня интервью брать, и как на зло Азамат на Совете, я ведь сейчас наболтаю чего-нибудь неуместного... Хорошо хоть Кира дома нет, может, не придётся слишком много врать.

-- Ничего, Лиза, не бойсь, -- подбадривает меня матушка. -- Я пока за Араватом была, этого народа повидала, если что -- подмогну. Ты лучше со стола всё убери, нечего их кормить, а то снова и снова приходиться будут. Дай им чаю с перцем, и всё.

Я спешно вызываю слугу убраться, и когда он выкатывает столик с недоеденным завтраком в коридор, как раз сталкивается на пороге с гостями.

-- Какая жалость, что вы опоздали к завтраку, -- вздыхаю я. -- Ну присаживайтесь, побеседуем.

-- А это ещё кто? -- удивляется странник, кивая на матушку с таким выражением, будто он тут хозяин, а я привела в дом кого-то постороннего.

-- Мать моего мужа, -- спокойно объясняю я.

-- А что она тут делает? -- продолжает недоумевать странник.

-- Ворожу, -- вперёд меня отвечает матушка, -- чтоб если у кого язык слишком длинный, к зубам присох.

Странник сглатывает, а фотограф прячет усмешку за камерой, якобы прицеливаясь щёлкнуть матушку.

-- Э, -- окликаю его, -- вы чего, она же член Императорской семьи!

-- Мать-то? -- переспрашивает фотограф. -- Да нет, она не считается.

-- Пускай снимает, -- разрешает матушка, усаживаясь поэлегантнее. -- С меня не убудет.

Как многие провинциальные дамы, ради визита в столицу она оделась в самое лучшее, поэтому теперь сверкает самоцветами и золотым шитьём, несколько выбиваясь из нашего будничного интерьера. Странник неловко сучит ногами, обутыми в одноразовые тряпичные бахилы.

-- Скажите, а зачем нас заставили разуться при входе в жилую часть? -- интересуется он, переводя взгляд со своих залатанных носков на матушкины меховые тапочки с серебряными бубенцами на мысках.

-- У меня ребёнок по полу ползает, -- охотно объясняю я. -- Ваши грязные ботинки мне тут не нужны.

Странник поворачивает застёжку на диле -- видимо, у него там микрофон, -- и хватается за подвернувшуюся тему.

-- Значит, муж вас вынуждает подстраиваться под удобство ребёнка? Ясененько.

-- Да нет, скорее уж наоборот, это я стараюсь, чтобы... -- начинаю я, но странник меня перебивает.

-- А под какими предлогами вы обычно отказываетесь проводить время с младенцем?

-- Я не отказываюсь, -- моргаю я.

-- Ну, Хотон-хон, давайте без этого, все же понимают, что вы тоже человек. Женщины, которые будут читать это интервью, хотят получить пример для подражания, и ваше положение обязывает вас его предоставить. Не волнуйтесь, Император не станет читать женский журнал. Ну так?

-- Я не отказываюсь, -- повторяю я увереннее. -- Я провожу со своим младшим ребёнком большую часть дня, только по утрам с ним гуляет няня.

-- Ага, хорошо, -- кивает странник, полностью пропуская намёк про младшего. -- Ну и как вы объясняете мужу, почему утром вы ребёнком не занимаетесь?

-- А чего тут объяснять, я к нему ночью встаю два раза, -- пожимаю плечами. -- Надо же спать хоть иногда.

-- То есть, вы говорите мужу, что два раза за ночь встаёте к ребёнку, поэтому утром имеете право на отдых? -- переиначивает мой ответ странник.

-- Ничего я ему не говорю! У нас радионяня стоит в спальне, если ребёнок плачет, мы оба просыпаемся.

-- Погодите-погодите, -- хмурится странник. -- Поясните, в чьей спальне?

-- Они спят вместе, -- тихо подсказывает ему фотограф.

Странник на него косится.

-- Ты чего несёшь?

-- Того, я же снимал их дом на Доле, так вот, у них одна спальня на двоих.

-- Что-то ты путаешь, -- хмурится странник.

-- Ничего он не путает, -- встречаю я. -- У нас на Земле так принято.

-- Что, вот прямо так, в одной комнате? -- продолжает не верить странник.

-- Даже в одной кровати, -- хмыкаю я. -- Пойдёмте, покажу, всё равно ведь всю мебель снимать будете.

Надо сказать, что об интерьере в нашем столичном жилище я знаю несколько больше, чем на Доле. Тот дом Азамат мне презентовал уже готовым, со всей мебелью. А этот строился после того, как Азамата избрали, и заниматься домом у него не было никакой возможности. Я, конечно, тоже работала, но мысль о стопках дифжир на полу и замшевых диванах заставила меня выкроить некоторое время, чтобы проследить за обстановкой в жилой части дворца. В традиционном муданжском доме нет ни кроватей, ни стульев, и вся жизнь происходит на полу, если только это не север -- там спят на печке, а за столом сидят на лавках. Поскольку большинство мастеров-мебельщиков женщину за разумное существо не считают, я довольно быстро поняла, что просто так моим указаниям никто следовать не будет, поэтому все техзадания стала начинать словами "мой муж с севера и привык..." или "мой муж много лет провёл в космосе и привык..." -- так мне удалось добиться, чтобы в доме всё-таки были стулья, кровати и душ, чтобы у мягкой мебели были съёмные тканые чехлы, которые можно постирать, а слуги при уборке перестали запирать абсолютно все ящики всех комодов на ключ. Но вот с нашей кроватью пришлось тяжко: двуспальных на Муданге просто не делают. Сначала я пыталась выяснить у Азамата, кто делал нашу кровать на Доле, чтобы заказать ему такую же, но Азамат как раз на той неделе сидел на бесконечных сетевых переговорах с ЗС по поводу санкций против повторного джингошского нападения, и ему было ну совсем не

до кроватей, он и не спал, по-моему, вообще. Когда же я являлась в мебельную мастерскую и принималась объяснять, что мне нужна кровать более-менее квадратной формы, чтобы на ней с комфортом умещались два человека, на меня смотрели снисходительно, мол, беременная женщина, всё понятно, но мы лучше подождём команды от мужа. Окончательно озверев, я позвонила в какую-то сильно удалённую фирму, где о внешности Азамата только слухи ходили, наплела им, что мой муж -- настоящий великан, и кровать ему нужна три метра шириной и пять длиной, пригрозив, что, если они хоть сантиметр оттяпают, Император явится лично и расплющит их там всех одним взглядом. Вот в это они поверили -- и произведённый ими монстр по-прежнему занимает собой большую часть нашей спальни, оставляя совсем немного места для прикроватных тумбочек и прохода ко встроенному шкафу.

Я охотно рассказываю эту нравоучительную историю притихшим странникам. Фотографу приходится высунуться из окна спиной вперёд, чтобы уместить моё достижение в кадр.

-- Но позвольте, -- обрывает голос мой инквизитор. -- Под каким же предлогом в таком случае вам удаётся отказывать мужу в его супружеских радостях?

Этого вопроса я ждала -- в конце концов, весь Муданг интересуется нашей с Азаматом половой жизнью. Но вот что на него отвечать, я так и не придумала -- врать не хочется, а правду скорее всего поймут совершенно превратно. Но странник ждёт, и надо что-то говорить, а то точно не поверит.

-- Да я не отказываю, -- развожу руками.

-- Ну как так, не может быть. Сколько бы муж ни платил, всё равно жена время от времени отказывает, -- увещевает меня странник. -- То голова болит, то живот, то устала...

-- Если у меня что-то болит, я принимаю таблетку, и оно проходит, -- сообщаю я. -- А устаёт Азамат больше, чем я, я же почти не работаю после родов.

-- Хотите сказать, у него не так уж много мужской силы? -- с каким-то злорадством произносит странник, оглядываясь на матушку, оставшуюся в гостиной, -- как бы не услышала.

-- Ещё чего! -- возмущаюсь я. -- У моего мужа мужской силы на троих хватит по всем параметрам!

-- Так что же, он вас, бедняжку, каждую ночь заставляет...

-- Ничего он меня не заставляет! -- перебиваю я. -- Он мой муж, и меня всё устраивает!

-- Значит, всё-таки правду говорят, что вы, э-э, не как большинство женщин? -- аккуратно интересуется странник. Надо же, прямо сказать не посмел, побоялся.

-- Я не устрица, -- отрезаю я.

-- Позвольте, но тогда я совсем ничего не понимаю, -- разводит руками странник.

Я тяжело вздыхаю. Придётся всё-таки как-то объяснять, иначе живой меня не выпустят. Ну ладно, можно толкнуть ему про иную физиологию, хотя не факт, что поверит. Да и, судя по опыту Оривы, это тоже неправда... И тут меня осеняет.

-- Понимаете, -- говорю я проникновенно, -- мой муж много где побывал и в этих делах очень опытен. Он умеет сделать так, чтобы неприятная обязанность превратилась в сущее наслаждение. Так что дело не во мне, просто он знает, как сделать мне приятно.

Странник смотрит на меня с таким выражением, как будто вот-вот пустит слюну.

-- И, разрешите спросить, что именно он делает для этого?

-- Ой ну что вы, -- изображаю я благородную скромницу, -- я о таких вещах не могу с мужчиной говорить, вы лучше сами его спросите. Хотя скорее всего вам придётся его долго уговаривать, ведь делиться таким знанием не совсем в его интересах, -- добавляю с ухмылкой.

Странник оставляет тему. Я готова аплодировать самой себе -- в кои-то веки муданжские заморочки оказались мне на руку!

-- Что ж, всё ясно, -- вздыхает он уныло. -- Ну давайте тогда хоть шкафы покажите, вы, кстати, где одежду покупаете?

Мои шкафы во дворце набиты почти без исключения дарёными вещами, потому что в столице я всегда на виду и не могу себе позволить показаться на людях в любимых потёртых трениках. Фотограф принимается настраивать камеру, чтобы хорошо получилось всё яркое и блестящее.

-- Ну я бельё заказываю с Земли, -- говорю. -- А так, собственно, я почти ничего и не покупаю. Добрые женщины со всей планеты

присылают мне очень много нарядной одежды, гораздо больше, чем мне нужно, так что покупать уж и вовсе незачем.

-- Ну а меха? -- находится странник.

-- Да ну, я их не люблю, -- морщит нос. -- Я предпочитаю современные материалы. Муж мне на свадьбу целый вагон шуб подарил, теперь висят-пылятся.

-- Так-так, -- странник достаёт органайзер и принимается в нём что-то отмечать. -- А давайте-ка вообще поподробнее, какую одежду вы предпочитаете?

-- Удобную, -- веско говорю я и делаю паузу. -- Вот, например, этот дилль мне делала моя подруга, Орешница, она потрясающая мастерица, не забудьте его отснять, пожалуйста. Так вот, у него так устроены рукава, что когда я машу рукой на торжественном мероприятии, рукав не сковывает движения и не сдавливает мне локоть. При этом тут вот есть застёжка, так что его можно подсобрать и на пиру не вляпываться манжетом в еду. Это очень удобно!

-- Ну а... цвета, фасоны? -- допытывается выбитый из колеи странник.

Я пожимаю плечами.

-- Да все хороши. Я не люблю чёрный и серый, потому что они унылые, ну и слишком уж пёстрые вещи обычно не ношу. Лучше всего яркие однотонные с какой-нибудь отделкой. Вот, например, матушка мужа мне сшила нижнюю рубашку, я считаю, очень красиво. Но вы же понимаете, я инопланетянка, и в мударжской одежде особенно не разбираюсь, фасоны там, стили... Мужу нравится, когда я в синем.

-- Мужу? -- упавшим голосом уточняет странник. -- Уж не хотите ли вы сказать, что руководствуетесь мнением мужа в вопросе выбора одежды?

-- Почему бы и нет? Ему смотреть-то на меня.

-- А можно спросить? -- встречает фотограф, запечатлев мою коллекцию парадных нарядов. -- Вы, когда печальных лечите, как одежду предохраняете? Или вы только издали консультируете?

-- Да нет, что вы, для этого у меня специальная одноразовая рабочая одежда есть, -- усмехаюсь я. -- Там, в кабинете лежит. Ещё не хватало думать о сохранности вещей, когда по уши в крови копаешься в человеческих внутренностях... Э, вы чего? Ах да, я забыла, что вы целителей боитесь...

Фотографа приходится выволакивать под руки и отпаивать подоспевшим чаем.

-- Так-то, дурацкие вопросы Хотон-хон задавать, -- невозмутимо замечает матушка, не двинувшаяся с места.

-- Продолжим, -- стиснув зубы произносит странник и жмёт что-то в органайзере. -- Какую вы предпочитаете обувь?

-- На низком каблуке! -- выпаливаю я заготовленный ответ. Это, может, и не всегда правда, но я хорошо себе представляю, какое влияние мои слова сейчас окажут на количество сломанных ног в этом сезоне. По муданжским мостовым лучше всего ходить в турботах с металлическими носами, а в межсезонье -- в ладах.

Странники продолжают расспрашивать меня обо всех подробностях личной и общественной жизни почти до обеда, и если бы не матушка, я бы, наверное, не ушла живой. Она, оказывается, умеет веско высказаться, так что даже мне иногда страшновато становится, а уж посторонним людям, не знающим, какая она обычно милая и добрая, наверняка всерьёз жутко. Меня удивляет, как она не боится пустить о себе какие-нибудь неприятные слухи, но, видимо, уповает на то, что до её деревни они всё равно не дойдут, а в столице матери Императора бояться нечего.

Тирбиш возвращается с прогулки с Алэком, мелкий тут же требует моего внимания, а мне приходится отвечать на сотни вопросов про то, кто, как и чем занимается с юным князем, какие ему читают книжки, покупают игрушки, поют песни и так далее. Поскольку основной корпус детских текстов в моей голове -- на моём родном языке, приходится тут же мучительно переводить и пересказывать, что я там внушаю будущему Императору на своём наречии, которое, по выражению матушки, "звучит как пряжа".

Я уже начинаю прикидывать, как бы это так выставить господ странников, чтобы они и правда выставились, и не позвать ли мне для этой цели охрану, когда проблема решается сама собой.

Посреди гостиной вырастает столб зелёного пламени, и из него величественно выступает Ирлик, слегка задевая головным убором потолок, не рассчитанный на рост бога.

-- Лиза, -- деловито начинает он, игнорируя остальных. Костёр мгновенно гаснет, не оставив по себе никакого следа. -- Ну как там дела в Совете? Удалось их уговорить?

-- Ну, Ирлик, солнце, я-то почём знаю? Азамат с утра туда ушёл, а я тут занята была. Ты бы заглянул к нему сам, он будет очень рад тебя видеть.

-- Ты думаешь? -- с сомнением произносит Ирлик. -- Мне казалось он последнее время от меня не в восторге.

-- Да нет, что ты! -- заверяю я. -- Просто тут столько всего навалилось, дети, работа, сам понимаешь... Зайди к нему, побеседуй. Я уверена, он с гораздо большим удовольствием обсудит этот проект с тобой, чем будет через меня передавать по испорченному телефону.

-- Тоже верно, -- соглашается рассудительный Ирлик. -- Ну тогда до встречи.

И снова скрывается в огне.

Странники пару минут сидят, приросшие к стульям, медленно переводя взгляд с меня на то место, где только что стоял Ирлик.

-- Чего расселись? -- гостеприимно спрашивает матушка. -- Видите, у Хотон-хон дела поважнее есть, чем вас развлекать! Смотрите, как бы бог не прогневался, что вы свой нос суёте.

Они исчезают через доли секунды. Мы с матушкой переглядываемся и принимаемся хохотать, от души и до слёз.

После обеда, на котором Азамат не присутствует, на меня наваливается работа. Сначала несколько плановых пациентов по записи, а потом ещё приходится спасать одного из земных врачей, у которого внезапно открылась аллергия на какую-то местную пряность. Хорошо, что я случилась в Доме Целителей в этот момент, да ещё и вместе с Киром, потому что изо всех земных специалистов только у меня и у самого больного есть хирургический сертификат, а у мужика отёк Квинке полностью перекрыл дыхательные пути, орально трубку не просунешь. Антигистамины он сам себе ввести успел, но пока они подействуют, можно и задохнуться. Конечно, при нынешних инструментах эту операцию может сделать любой обыватель после школьного курса первой помощи, но на Кира она почему-то произвела неизгладимое впечатление, он долго меня расспрашивал, что к чему и в итоге ушёл тренироваться на пороссячьих тушках, так что на ужин у нас образовалась печёная свинина.

-- Чудесный запах, -- отмечает Азамат, входя и присаживаясь к столу. -- Мы что-то отмечаем?

-- Если мне не изменяет нюх, ты уже начал, -- хмыкаю, радуясь, что матушка ушла почивать час назад. -- Я так понимаю, тебе удалось прободать Старейшин?

-- Совершенно верно, -- кивает Азамат и поясняет, забыв переключиться с дворцового канцелярита на человеческий язык. -- Проект подписан и ожидает только подтверждения с другой стороны, чтобы стать законом. Как только мы получим от хозяев леса письменное обязательство подчиняться человеческому уголовному законодательству, автоматически войдут в силу санкции за убийство и лишение свободы, соответствующие аналогичным применительно к людям, то есть, законодательно хозяева леса приравниваются к человеческим существам.

-- А как же они-то бумагу напишут? Они ведь и говорят с трудом! -- замечает Кир.

-- Об этом Ирлик-хон обещал позаботиться, -- довольно улыбается Азамат. -- Он ко мне заходил в обед, представляешь? Мы это всё обсудили, ну и выпили за успех предприятия немного... Потом просто разговорились. Он ведь любит логику, вот я ему и предложил проанализировать некоторые статьи муданжского законодательства применительно к разным ситуациям. Знаешь, он ведь очень умный. Схватывает на лету тонкости, которых люди после нескольких лет работы в теме не улавливают. В общем, у меня был чрезвычайно плодотворный день.

-- Убедился, что Ирлик не только ко мне и ради меня приходит? - - интересуюсь я.

-- Да уж, пожалуй, -- миролюбиво соглашается Азамат. -- Похоже, ему просто поболтать охота. Мы так увлеклись мужским разговором, что про тебя даже не упоминали.

-- А Старейшин напугать тоже он тебе помог? -- интересуется Кир. -- Как в тот раз?

-- Нет, сегодня обошлись своими силами, -- возражает Азамат. -- Старейшина Ажгдийдимидин внезапно выступил за проект. Мне показалось, что он всё ещё неловко себя чувствовал после вчерашнего и поддержал меня в качестве извинения за то, как обошёлся с моим другом.

-- Это при том, что Алтоша сам хорош? -- удивляюсь я. -- Как-то непохоже на духовника так раскаиваться.

Азамат пожимает плечами.

-- Он потом ещё написал, что считает меня исключительно трезвомыслящим человеком, и что моё правление чрезвычайно полезно для планеты, и ещё что-то в таком духе. Я даже не понял, к чему это было. Мы с Унгуцем потом парой слов перекинулись, он сказал, что Ажгдийдимидин последнее время какой-то странный. То ли увидел в будущем что, то ли дома неурядицы. Конечно, не моё дело, но хоть бы он с Унгуцем свои проблемы обсуждал, а то нести на себе такую ответственность одному -- это должно быть ужасно...

Я сдерживаю при себе комментарий насчёт того, что Ажгдийдимидин сам Азамату особо не посочувствовал, помнится. Может, у него совесть проснулась?

Интервью со мной попадает на главную страницу новостного сайта "Лясы и пальцы" в первый день зимы, спустя пару минут после полуночи. Сайт этот довольно жёлтый, а помимо новостей привлекает посетителей советами из народной медицины и бесплатными выкройками и узорами для вышивания, которые сменяются каждую дюжину дней. Вот только кулинарных рецептов там не предлагают, это ж не женское дело...

-- Лиза, глядите, -- хихикает Кир, подсовывая мне планшет.

Киру интереснее всех было, что же про меня напишут. Я-то сама сразу поставила крест на своей репутации и надеялась только, что появление Ирлика под занавес встречи удержало странника от слишком уж явного извращения моих слов. Азамат тоже не очень беспокоился, потому что кто же в своём уме читает женский сайт, пусть даже там и интервью с Хотон-хон. А вот Кир рассудил, что любопытство сильнее достоинства, поэтому читать потянутся все, а вот признаваться в этом потом не захотят. Так что лучше уж проконтролировать, чтобы хоть знать, каких ожидать слухов в этом сезоне.

Я беру у Кира планшет и утыкаюсь взглядом в пронзительно-розовую страницу с боковыми панелями, составленными из снимков моих вещей. Сверху над текстом помещён маленький рисунок меня, сделанный Бэром для моей страницы. Что-то мне подсказывает, его разрешения никто не спросил.

-- Ты серьёзно предлагаешь мне читать всю эту муть про башмаки? -- спрашиваю я, пролистывая списки брэндов и адресов

мастерских.

-- Вот тут почитайте, -- Кир выделяет пальцем абзац.

"Хотон-хон произвела на меня двойственное впечатление, -- пишет странник. -- Но скажу сначала пару слов о её внешности, ибо многие портреты, как я убедился, обманчивы. Это женщина среднего роста и довольно необычных пропорций: представлениям о "тощих землянках" она соответствует только посередке, в талии, а в остальном вполне сойдёт за обеспеченную горожанку. Что же касается лица, не стоит ожидать увидеть в ней героиню древней баллады с собольими бровями и белым, круглым словно луна лицом. Черты её скорее отличаются опрятностью и умеренностью, чем собственно красотой. Это особенно заметно из-за чувственной подвижности её лица, на котором выражения сменяют одно другое быстрее, чем она произносит фразу. Многие читатели, конечно, сейчас возмутятся, что сие недостойно столь высокопоставленной особы, и что истинная женщина носит лицо, как маску. Однако смею заметить, определённое ребяческое обаяние в Хотон-хон есть, и, возможно, именно благодаря этому она кажется намного моложе своих лет.

С удовольствием подтверждаю сведения о цвете её волос: они не белые, а скорее того оттенка жёлтого, как высохшая на солнце сухая трава, и действительно свиты в плотные кольца. При осмотре интерьера я нашёл пару волосков и тщательно их изучил. Они светлые до самой луковицы и сами собой скручиваются даже если их намочить. Прежде чем духовники объявят на меня всепланетную охоту, оговорюсь, что после опытов волоски я сжёг, заодно удостоверившись, что никакими тёмными умениями Хотон-хон не обладает.

Говорит первая леди тоже не подстать рангу: быстро и весьма прямолинейно. При этом её манеру трудно отнести к какому-либо региону. Мне, уроженцу столицы, слышится в её речи северная тягучесть, но вот мой коллега-южанин отмечает, что и столичная резкость в ней тоже есть. Как бы там ни было, речь Хотон-хон странна для слуха и изобилует всевозможными поэтическими оборотами, иногда не совсем уместными и даже не очень ясными. Смеётся она громко, подолгу и часто при этом запрокидывает голову, что позволяет собеседнику любоваться её довольно красивой шеей, не прикрытой высоким воротником.

Вообще, что касается одежды, вкусы Хотон-хон весьма, я бы даже сказал, чрезмерно неприязнательны. Пожалуй, самое шокирующее в её наряде -- это малое количество слоёв. Она надевает нижнюю рубашу почти на голое тело, а поверх неё сразу диль, причём иногда это укороченный, верхний диль! Я не обнаружил в её гардеробе ни намёка на подоплёки, рукава или нижние юбки. При такой умеренности удивительно, почему у Императорской четы только два сына, да и те близнецы. Впрочем, как известно тем, кто читает заметки на сайте самой Хотон-хон, она пользуется особым пластырем, позволяющем не задумываться о последствиях мужниных интересов. Этот пластырь, наклеенный почти под мышкой, она мне охотно показала, бесстыже закатав рукав.

Я знаю, что многие мои читатели открыли эту страницу с одной-единственной целью: выяснить наконец, устрица Хотон-хон или нет. Так вот, дорогие мои, не всё так просто. Стоило мне заговорить на эту тему, Хотон-хон проявила себя как истинная леди, засмутившись и предложив мне как мужчине обсудить сей вопрос с Ахмад-хоном, который, по её словам, и является ключом к разгадке этой тайны. Так что в ближайшее время у нас на главной странице появится вторая часть описания быта Императорской семьи -- от лица самого Ахмад-хона.

Обычно, приходя в дом к известным людям, я готов к тому, что мне откроются семейные тайны или тёмные секреты благороднейших из мударжцев. Однако я привык выискивать намёки и зацепки самостоятельно, изучая положение вещей и случайно оброненные фразы. С Хотон-хон же всё случилось ровно наоборот. Она с удовольствием и даже, как мне показалось, с гордостью рассказала мне, как ей пришлось обустроить дом, в то время как муж денно и ночью пропадал на работе, как она вынуждена пренебречь собственными интересами ради малолетнего князя, как она помогает старшему сыну в учёбе и -- клянусь своим писательским талантом! - - завтракает с матерью мужа! Любая взятая наугад столичная жена продала бы любимые бусы, но скрыла, что ей приходится подвергаться таким унижениям. Однако Хотон-хон произвела на меня впечатление женщины, исключительно довольной жизнью.

Круг общения Хотон-хон тоже весьма неординарен. Чего стоит уже упомянутая мать Императора, много лет назад бросившая мужа и

ныне живущая в одиночестве на северо-западном побережье океана, занимаясь там ловом рыбы и выделкой оленьих шкур. Мне удалось выяснить, что в молодости у неё было прозвище Скорпена -- за особую сноровку при ловле этой разновидности рыб, и за ядовитый язык (последнее подтверждаю на собственном опыте). Также среди подруг Хотон-хон обнаружился земная целительница, красotka с Восточных островов, гарнетская эмигрантка -- жена наёмника и рыночная торговка с глухим именем, правда, исключительно одарённая по части рукоделия. Фотографии см. ниже.

"Какая пошлость!" -- воскликнули бы многие читательницы, если бы я на этом закончил перечисление. Однако столь разношёрстный круг знакомств дополняет не кто иной, как Властелин Битвы и Повелитель Подземного Царства Ирлик-Мангуст, собственной персоной заглянувший на огонёк прямо во время интервью. Да-да, я имел прекрасную возможность лично удостовериться в правдивости рассказов о дружбе Ирлик-хона с Императорской семьёй. Особо примечательным показался мне тот факт, что визит Ирлик-хона не вызвал какого-либо ажиотажа со стороны Хотон-хон и даже матери Императора. Было совершенно ясно, что бог зашёл в гостиную по привычке, чтобы поговорить с Императором о каких-то государственных делах. Однако Императора там не случилось, и Хотон-хон, вместо того, чтобы позвать мужа заступиться за неё перед лицом грозного бога, по-дружески предложила самому Мангусту зайти к Ахмад-хону в кабинет, обосновав это тем, что "муж будет рад повидаться". И что самое потрясающее, Ирлик-хон именно так и сделал! И вот что я вам скажу, дорогие читательницы: какая из вас не променяла бы пару подобающе высокопоставленных подруг на возможность между делом обсудить новое платье с богом?

Но перейдём теперь собственно к платьям..."

На этом я читать заканчиваю, потому что дальше следует нудный перечень моих предпочтений в одежде и интерьере.

-- Ну я попала, -- только и выдавливаю я.

-- А по-моему, смешно! -- щерится Кир.

-- Смешно-то смешно, -- сетую я, -- только вот теперь меня на весь Муданг ославили, что я некрасивая, бесстыжая и ни разу не благородная дама.

-- Да вы не понимаете, -- Кир давится смехом, еле выговаривая слова. -- Теперь ведь все эти тётки будут вынуждены стать такими же!

Я начинаю подыскивать слова, чтобы выразить свой скепсис, когда в мой кабинет, где мы с Киром читали статью, врывается Азамат, размахивая незакрытым буком.

-- Лиза, ты это видела?! Каков нахал!

-- Интервью-то? Да вот, только что. Ты будешь ему морду бить?

-- Морду -- не морду, а что-нибудь прищемлю, -- свирепствует Азамат, забыв даже ужаснуться моему предложению. -- Нет, ну что за хам! Он даже не поинтересовался, хочу ли я давать ему интервью! Просто взял и анонсировал!

Я выпрямляюсь.

-- погоди, так ты из-за этого тут буянишь? Что он тебя не спросил?

-- Ну да! -- восклицает Азамат, в широком жесте едва не раздолбав бук о край смотрового стола. -- Как он смеет обещать публике моё выступление, если только я решаю, когда и в какой форме обращаться к людям!

-- А тебя не смущает, что он написал, будто у меня большая задница и унылая физиономия? -- начинаю закипать я.

Азамат тормозит посреди комнаты и хмурится.

-- Он такое написал?

Я молча отбираю у него бук и указываю на пассаж, где повествуется о моём внешнем виде.

-- Рыбонька, так это же хорошо! -- успокаивает меня Азамат. -- То есть, странник, конечно, хамло, и ты у меня самая прекрасная, и никакие героини баллад тебе на подкладку не годятся. Но ты подумай о тех женщинах, которые это читают сейчас по всей планете! Ведь для них это значит, что не нужно морить себя голодом, чтобы походить на "тощую землянку", да и былинной красавицей быть не обязательно! И о мужчинах тоже подумай. Если дамы сбавят количество слоёв одежды да поменьше будут ругать мужей, может, у нас демографическая ситуация улучшится хоть чуть-чуть, а то последние два века рождаемость ведь очень низкая.

-- О мужчинах ты сам подумай, -- ворчу я, хотя точку зрения Азамата в принципе понимаю. -- Раз такой заботливый, иди сам и

поболтай с этим странником про то, как правильно с женщиной в постели обращаться. Вот тебе и прирост населения...

Азамат кривится и чешет в затылке. Кир давится хохотом, зажав рот кулаком, чтобы не привлекать внимание родителя -- ещё решит, что ребёнку нечего делать при таком взрослом разговоре.

-- Что-то в этом есть, -- неохотно признаёт Азамат. -- Я подумаю. Может, и правда, черкану ему что-нибудь. Хоть ссылку на этот ваш с Гарнеткой проект дам... Боги, Лиза, кто бы мог подумать год назад, что вся планета будет интересоваться моей личной жизнью! Ладно, пойду пообщаюсь с автором сего опуса, -- он щёлкает по крышке бука с такой силой, что она захлопывается.

Когда Азамат выходит, я вздыхаю с облегчением: по крайней мере, он не заикнулся на том, что Ирлик всё-таки сначала пришёл ко мне, а уж потом к нему. Есть надежда, что приступ ревности хотя бы временно прошёл. Но страннику своими руками бы бороду выдрала за то, что разболтал, если б только не была уверена, что он и об этом статью напишет, и гораздо более скандальную. Хорошо хоть побоялся Ирлика, не стал намекать на неподобающие связи. Хоть бы уже этот Ирлик со своей законной женой помирился, вот я бы вздохнула свободно!

Глава 28

Алтонгирел был зол. Он был зол ещё когда я несколько дней назад звала его благословить умирающего старичка из его опеки. А вчера он просто рвал и метал настолько буйно, что Эцаган вместе с Айшей закрылся на кухне и работал из дома, потому что проходить мимо неистовствующего духовника было страшно даже ему. Сегодня, когда я шла на работу мимо их дома, видела, как Эцаган принимает коробки у курьера из посудной лавки. Видать, Алтоша и до кухни добрался...

А всё потому, что Айшу никто не желает брать в ученицы. Нежелающие делятся на три категории: те, кто не верит в женщин-духовников, те, кому противны безродные, и те, кто и то, и другое. Сама Айша настолько несчастна, что Эцаган приводит её во дворец, когда хоть кто-то из нас свободен, чтобы она немного отвлеклась от своей безрадостной ситуации.

Вот и сегодня, когда мы с Киrom приходим с работы, Эцаган с Айшей уже сидят в гостиной. Эцаган вообще нахально пользуется

служебным положением и проникает в жилую часть дворца когда его душе угодно.

-- Здравστε, Лиза! -- радуется он. -- Как успехи на работе?

-- Ничего, путём, -- я плюхаюсь рядом на диван и укладываю ноги в кресло напротив. -- Вот, дрессирую подрастающее поколение, -- киваю на Кира, который устраивается в соседнем кресле. Вид у него немного сонный, но довольный, как и должно быть после насыщенного трудового дня.

-- А я думал, вы на нём опыты ставите, -- усмехается Эцаган. -- Он вечно из Дома Целителей выходит сине-зелёный и только что с ног не валится.

-- Ничего подобного! -- возмущается Кир. -- Меня даже не стошнило ни разу, а я уже столько всего перевидал!

-- На ногах он не держится только когда сам занимается, -- оправдываюсь. -- Я-то его берегу и подолгу не мучаю, если только не на выезде. А вот когда он дорывается до манекенов, может хоть сутки со скальпелем тренироваться. Весь в папу, такой же трудоголик.

Эцаган хохочет, а Кир с Айшей обмениваются странными невесёлыми взглядами. Однако лёгкий на помине Азамат присоединяется к нам раньше, чем я успеваю поинтересоваться, что эти дети ещё себе напридумывали.

Азамат, впрочем, тоже выглядит озабоченным.

-- Ты сегодня рано, -- замечаю я. -- Старейшины решили сесть на диету и пить из тебя поменьше крови?

-- Лиза, -- укоризненно улыбается Азамат. -- На самом деле, меня действительно отпустили пораньше, чтобы я с духовником пообщался, но... честно говоря, Старейшина Ажгдийдимидин последнее время выглядит так, как будто проклянёт первого, кто с ним заговорит. Он даже на Советы не является. Не знаю уж, что и думать.

-- А зачем тебе с ним общаться? -- хмурюсь я. Если уж Старейшины предлагают, значит, что-то серьёзное.

-- Ну как, -- Азамат усаживается через столик от меня и замолкает на некоторое время, листая меню на ужин. -- Мне же сегодня сорок лет исполняется, надо пересматривать бормол.

-- У тебя сегодня день рожденья? -- изумляюсь я, садясь вертикально и снимая ноги с кресла.

-- Ну да, -- отвлечённо подтверждает Азамат, углубляясь в изучение основных блюд. -- Ты кальмаров хочешь или сурчатину?

Меня настолько врасплох застаёт дата, что я даже забываю ответить. Подумать только, я же до сих пор была абсолютно без понятия, когда у моего мужа день рождения! Конечно, я и собственный в этом году пропустила, он у меня в январе, то есть, по мударжскому календарю выпал на начало осени, как раз когда мы с Киром шарахались и было вообще ни до чего. Но мужнин! И я ведь даже не спросила, когда он!

-- Лиза, ау, ты чего? -- окликает меня Азамат.

-- А я даже никакого подарка не приготовила, -- расстроено сообщаю я, осознавая, что за ночь на коленке ничего не успею сварганить, а покупные тут не котируются.

-- Какого ещё подарка? -- не понимает Азамат.

-- Ну как, на день рождения...

-- У вас на Земле принято в этот день подарки дарить? -- первым спрашивает Эцаган.

Я уныло киваю.

-- И гостей приглашают. А я ладно про свой-то забыла, но и про твой -- даже не знала, когда он!

-- Ну-ну, Лизунь, не расстраивайся, -- успокаивает меня Азамат. -- У нас-то такого обычая нет, вот ты и забыла. А гости у нас и так есть, можем ещё кого-нибудь позвать, повара будут рады постараться. Хочешь, подруг своих пригласи.

-- Да чё моих-то подруг приглашать? Твой день рождения же! -- пожимаю плечами. -- Если ты хочешь, можем отпраздновать. Просто глупо получилось. Если б я знала, я бы приготовила что-нибудь особенное...

-- Этому я всегда буду рад, совсем не обязательно приурочивать вкусный ужин к каким-то датам, -- усмехается Азамат. -- Давай перенесём на после Судного дня, хорошо? У тебя же там выходной?

Я киваю.

-- Ну вот и отлично. Всё равно пока бормол не пересмотрю, вроде и не считается.

-- А что это значит, "пересмотреть бормол"? -- спрашивает Кир.

Меня приятно удивляет, что я не одна тут не охвачена сакральным знанием.

-- Тебе пока это не нужно делать, -- с улыбкой говорит Азамат. -- Вот исполнится тебе двенадцать, пойдёшь на Совет тянуть бормол, которые о тебе говорят всё самое важное. А потом каждый год на день рожденья будешь их выбирать заново. То есть, можно и старые оставить, но тебе даётся шанс официально изменить свои отношения с миром. Я, правда, только один раз пересматривал бормол, в двадцать лет. Но вот теперь задумался, с прошлого года в моей жизни столько всего изменилось, надо бы с духовником посоветоваться, а он, мягко говоря, недоступен.

-- Я бы предложил вам поговорить с Алтонгирелом, -- протягивает Эцаган, -- да только он не лучше. Вообще, когда два сильнейших духовника так себя ведут, это как-то настораживает. Не случилось бы какого катаклизма...

Айша внезапно резко мотает головой.

-- Не случится, -- переводит Кир.

-- А ты знаешь, что происходит? -- спрашиваю я у Айши.

Она кривится и делает неопределённый жест рукой.

-- Частично догадывается, -- снова поясняет Кир.

-- Малышка, ну скажи пожалуйста, с Алтонгирелом всё будет хорошо? -- взволнованно говорит Азамат.

Айша уверенно кивает, потом задумывается, грустнеет, потом принимается гримасничать и жестикулировать. Кир долго смотрит на её пантомиму и наконец решается интерпретировать.

-- В итоге да, хотя ему предстоит пережить что-то неприятное.

Айша подтверждающе кивает.

-- Час от часу не легче, -- вздыхает Эцаган. -- Ну ладно, где там ваш ужин?

-- Так мне никто не ответил, -- усмехается Азамат. -- Кальмары или сурчатина?

После того, как ужин заказан, меня внезапно осеняет:

-- Слушай, Азамат, так мне, получается, тоже надо бормол пересматривать? Или только весной?

-- Тебе пока не надо, -- заверяет он. -- Женщинам раз в пять лет положено. Считается, что женщины степеннее и не так быстро меняют взгляды.

-- М-дя, конечно, -- кривлюсь я. Не то чтобы мне очень хотелось заново выдумывать, что обозначают эти смешные фигурки, хотя

теперь, собрав уже приличную их коллекцию, я немного лучше понимаю, что они значат. Но и очередное напоминание о положении женщины в обществе меня тоже не радует.

-- А я сегодня помогал искусственный глаз вставлять! -- внезапно радостно заявляет Кир.

Азамат с Эцаганом сглатывают, но муж всё-таки находит в себе силы восхититься.

-- Ого! Это, наверное, очень сложно.

-- Ну вообще операция сложная, конечно, -- авторитетно соглашается Кир, -- но я-то всё как обычно делал, так что мне было легко. Но ты представляешь, искусственный глаз -- это так клёво! У него увеличение можно менять, как у бинокля или микроскопа, и фоткать можно прямо им, без камеры, и тут же в Сеть выкладывать! Даже новости читать и кино смотреть можно прямо в глазу!

-- А, да, я про такое слышал, -- улыбается Азамат, переводя тему на более застольную. -- Есть такие линзы, которые вставляются в глаз и работают, как компьютер. Но, как я понял, они пока довольно маломощные, потому что из человеческого тела и окружающей среды много энергии не вытянешь, а элемент питания в глазу девать некуда. Вроде был вариант с солнечными батареями, но, как я понимаю, смотреть на солнце вредно даже через такую линзу. Так что их приходится снимать и подзаряжать каждые три часа, а это не очень удобно.

-- Ну вот, -- подхватывает Кир, полный энтузиазма. -- А тут целый глаз! В него и аккумулятор помещается, и ещё там есть специальная клетчатая культура, которая для него энергию из крови берёт!

-- Клеточная, -- поправляю я.

-- Да-да, -- не смущается Кир. -- А потом этому мужику ещё пришивали новое веко, выращенное в стеклянной мисочке...

-- Кир, я боюсь, что не все тут разделяют наших восторгов по поводу современных врачебных практик, -- говорю я, наблюдая, как Эцаган зеленеет, а Азамат лихорадочно ищет слова, чтобы похвалить сына. -- Особенно перед ужином.

Кир скисает.

-- А что такого, я же про глаз, а не про задницу...

-- Ты вообще молодец, -- обретает голос Азамат. -- Я смотрю, ты по-настоящему увлёкся этой работой и делаешь успехи. Мне это очень приятно видеть.

-- Да клёво, -- смущается Кир, -- только когда Лиза одна оперирует. А остальные на всеобщем между собой говорят, я ничего не понимаю! Названия инструментов только знаю, подать могу, а так... Зато я в первой помощи упражняюсь на манекенах! Уже умею фиксировать переломы и откачивать утопленников!

Эцаган заходится кашлем.

Я уже давно поняла, что редкость профессии целителя на Муданге -- следствие не просто тотальной брезгливости, но и несколько средневекового представления о приличиях. В частности, говорить за столом о травмах или смерти не от естественной причин -- полный нонсенс, и даже самые матёрые наёмники, перевидавшие на своём веку жутких смертей, меняются в лице и переводят тему. Эцаган же, столичный балованный мальчик с довольно небольшим опытом наёмничества (да ещё и в команде у Азамата, который в принципе всегда избегал жертв), совсем не способен переварить такую информацию. Вот Кир с Айшей, которым в детстве никто не сообщил, что утопленники -- это мерзко и недостойно обсуждения, совершенно спокойно переносят любые подобные разговоры.

-- Так может, нам с тобой позаниматься всеобщим? -- находится Азамат, которому очень не хочется осаживать восхищённого ребёнка.

-- Было бы клёво, -- протягивает Кир. -- Только у меня времени почти нет, я ведь весь день с Лизой на работе... И ты тоже занят.

-- Ну, вечером...

-- Вечером юный князь предпочитает шастать по заброшенным домам в компании малолетних преступников, -- сообщает Эцаган, решив, видимо, отплатить за незастольную тему.

-- Никакие они не преступники! -- возмущается Кир. -- Нормальные ребята.

-- Ну да, только вот приворовывают и мошенничают понемногу, -- иронично ухмыляется Эцаган.

-- Неправда! -- вступается Кир. -- Просто на детей легче всего свалить, особенно если до них родакам дела нет!

Эцаган открывает рот возразить, но Азамат останавливает его, подняв руку.

-- Кир, а ты не мог бы поподробнее рассказать, что это за компания, с которой ты гуляешь, и чем они тебе так дороги?

Ребёнок кривится.

-- Да обычные ребята, как в приюте были. Ну то есть, безродных среди них нет, но это только так считается. Я хочу сказать, например, у некоторых отцы наёмничают и дома не бывают по нескольку лет, а мать умерла или сбежала к родне или ещё что... Просто те, у кого дома всё в порядке, они так задаются, что и не подойдёшь. Мне-то побоку, что дразнят, если надоедает, я так задвинуть могу, что два года молчать будут, а вот других напрягает. Особенно девчонок, они-то ничего сделать не могут.

-- Тебя дразнят? -- хмурится Азамат. -- Кто?

-- Да кому не лень! -- усмехается Кир. -- Вот помнишь, я думал, может мне в клуб пойти? Так я пошёл, ну так, из интересу. А там все такие важные, они в столице родились, с детства на серебре кушают, что такое помидор не знают. Я-то этим помидорам сам парники строил, а потом мы их и сушили, и солили, и... Короче, не о чем мне с такими говорить.

Азамат уставляется в пол таким взглядом, что я бы не удивилась, если бы ковёр задымился.

Эцаган выглядит кисло. Не удивлюсь, если окажется, что Кир невзначай и по нему проехался.

-- А эти твои приятели, конечно, святые, -- цедит он.

-- Ну не святые, -- рассудительно произносит Кир, -- и я не знаю, может, раньше кто из них чего и делал. Но теперь я у них главный, и никто ни-ни. Разве что подшутить над вредным соседом, не больше.

-- А ты у них главный? -- отвлекается от мрачных мыслей Азамат.

-- Ну да, -- как само собой разумеющееся, подтверждает Кир. -- Я же их главаря скинул, так что теперь я.

-- И куда этот главарь делся? -- уточняет Эцаган. -- Готовит месть?

-- Пытался, -- усмехается Кир. -- Нашёл каких-то лбов, думал мне тёмную устроить. Только он им не сказал, кто я такой. Я как представился, они бы-быстро дёру дали. А главарь этот бывший сейчас снова с нами, приполз, хвост поджав, и попросился обратно, одному-то не здорово.

-- И ты его пустил? -- интересуется Азамат.

-- Пустил, а что с ним делать? -- вздыхает Кир. -- Он противный, конечно, всё время скандалит и ноет, но хоть немного драться умеет, остальные-то так себе...

-- А зачем вам драться? -- спрашиваю я.

-- Ну как зачем, -- разводит руками Кир. -- Мы ж не одни в городе! Вон эти, из клуба, думают, что они тут хозяева, типа это они пещеры на реке нашли, и больше никто не имеет права туда ходить. Или пустой дом, который на горе стоит, и с которого весь город видно, -- это типа их место! Ну а потом начинают дразниться, девчонок наших щиплют, мелюзгу мутузят. Вот и приходится напомнить, кто в стае с хвостом!

-- Да у вас там прямо войны, -- говорю я. -- Или мафиозные разборки.

Азамат некоторое время сидит в глубокой задумчивости.

Нам приносят ужин, и разговор временно затихает.

Наконец Азамат вытирает руки, откидывается на спинку кресла и окидывает Кира оценивающим взглядом.

-- Слушай, сынок, а твоих друзей устраивает, что ты над ними главный?

-- Конечно! -- отвечает Кир с набитым ртом. -- Я фшегжа главный!

-- Прожуй и поясни, пожалуйста, -- усмехается Азамат.

Кир спешно проглатывает.

-- Я говорю, я всегда главный. В приюте многие слушались меня лучше, чем Гхана. Он меня за это просто ненавидел, потому что иногда пока я не скажу, его приказ никто не выполнял, а я не велел, пока он мне чего-нибудь не даст, мяса там или денег или ещё чего. Ну, я и с остальными делился в таком раскладе.

-- А я думал, тебя в приюте не любили... -- удивляется Азамат.

-- Мало ли что! -- фыркает Кир. -- Любишь, не любишь, а кто кроме Кира тетерева из рогатки убить может? Хочешь мяса -- будешь слушаться. Это сейчас они там расслабились, подзабыли, как себя вести.

-- Да ты, я смотрю, умеешь себя подать среди сверстников, -- замечает Азамат.

-- Слушай, а что вы, собственно, делаете во всех этих пещерах и на крышах? -- спрашиваю я.

-- Разное, -- Кир пожимает плечами. -- Болтаем, играем.

Азамат ностальгически улыбается.

-- Я себе представляю, да. А с башни, которая на горе, небось, следите, кто по любовникам шастает?

Кир вытаращивает глаза размером с пиалы для супа.

-- Ты откуда знаешь?!

Азамат хохочет.

-- Так я тоже мальчишкой на эту башню лазал! Я, правда, постарше был и уже в школу ходил, но за соседями следить всё равно было весело. А один раз случайно увидел, как отец... а, ладно, не важно.

-- Один я как будто не в столице рос! -- встречает Эцаган. -- Я даже не знаю, про какую вы башню говорите...

Азамат с Киром наперебой принимаются объяснять, где находится сие архитектурное сооружение. Эцаган долго хмурится, потом наконец понимает.

-- А, так это где месяц назад трёх воров пристрелили?

-- Ну да! -- охотно поддакивает Кир.

Азамат бледнеет, да и я, скорее всего, выгляжу не лучше.

-- И ты знал?! -- спрашивает Азамат у сына.

-- Да-а, -- Кир хмурится. -- А чего?

-- Слушай, но это же опасное место! А если бы вы там были в тот момент?

-- Ты же сам говоришь, что туда лазал в детстве, -- отпирается Кир. -- Мы всегда разведку посылаем вперёд, прежде чем из леса выйти. Если бы там были какие-нибудь взрослые, мы бы не пошли...

-- Ты ещё скажи, что никогда не ходишь в разведку сам, -- скептически замечает Азамат.

-- Днём не хожу, -- пожимает плечами Кир.

-- А вы туда ещё и ночью лазаете?! -- ужасаюсь я. -- В какую-то заброшенную башню?!

Кир поджимает губы и отворачивается, бубня что-то вроде "отлично, блин, кто меня за язык тянул?"

-- Малыш, я понимаю, что это прозвучит лицемерно, -- медленно начинает Азамат. -- Но я бы всё-таки попросил тебя найти

более безопасное место для игр. Я бы предложил, чтобы ты приглашал своих друзей домой, но, боюсь, это будет сложновато, и Ирнчин не оценит. Но мы можем, например, купить дом, в котором вы сможете собираться, и где вам ничто не будет угрожать, даже другие детские компании.

По кислой физиономии Кира за версту видно, что безопасное место его совершенно не устраивает, а уж если не будет повода подраться с клубными зазнайками, то можно считать, что жизнь проходит зря.

-- А остальные ребята, твои друзья, они тоже в клуб не ходят? -- спрашиваю я.

Кир мотает головой.

-- А почему?

-- Потому же. Клубные дети гнусные, вот и всё. И потом, некоторым родители говорят, что они слишком тупые для клуба.

-- Да ладно! -- Эцаган хлопает себя по коленке. -- Я всё детство в клуб ходил, с трёх лет до школы, ни дня не пропустил. Я тебе скажу, что нет никого тупее, чем богатые дети в клубе! Мне даже жалко было нашего учителя, иногда приходишь домой вечером и чувствуешь, что сегодня стал глупее, потому что эти идиоты заразные!

Азамат озадаченно поднимает брови.

-- Правда? Я бы так не сказал, у меня все были вполне смышлёные. Не знаю, может, Унгуц как-то отбирал, кого брать? Хотя вроде бы просто районный клуб был...

-- А у вас Старейшина Унгуц вёл? -- удивляется Эцаган. -- Я не знал, что он этим занимался. Я-то сам к Асундулу ходил.

-- Да, он вёл клуб, но давно. Потом бросил, потому что уже сил стало не хватать с детьми управляться, только школу ведёт по-прежнему.

-- Я так думаю, Унгуц просто лучше учил, чем Асундул, -- замечаю я. -- Потому у него и были все умные.

-- Кстати очень может быть, -- соглашается Эцаган. -- Жалко, что он бросил, хоть бы старших брал, кто поразумнее...

-- У меня есть идея, -- сообщаю я.

Азамат смотрит на меня, на Эцагана, на Кира и говорит:

-- У меня тоже.

Кир смотрит на нас и морщится.

-- Да ну, не люблю я этих старпёров...

-- Кир! -- довольно резко окликает его Азамат. Ребёнок аж вздрагивает. -- Будь добр, побереги свои выражения для кого-нибудь ещё. Можешь про других Старейшин что угодно говорить, если не боишься огрести, но чтобы про Унгуца я не слышал ни единого оскорбления. Он мне как отец, и что бы ты ни думал о Старейшинах вообще, Унгуц -- человек высшей категории и заслуживает уважения любого из живущих. Да и среди покойников тоже.

Кир моргает, несколько шокированный таким выплеском эмоций.

-- Так точно, отец! -- по-армейски отвечает он. Потом, подумав, добавляет: -- А он что, так круто дерётся?

Азамат усмехается.

-- Ты знаешь, я никогда не слышал, чтобы Старейшина Унгуц дрался. Ему все всегда проигрывали без драки.

-- Ого, -- тихо произносит Кир и задумывается.

-- Так я не понял, что у вас за идея? -- переспрашивает Эцаган.

-- Ну, раз Кир так хорошо умеет строить свою команду, может, Унгуц возьмётся их поучить? Это был бы клуб только для них, безо всяких случайных и неприятных соседей. Я-то уж знаю, что такое районный клуб, -- фыркаю я.

-- Как тебе такая идея, Кир? -- спрашивает Азамат.

-- Не знаю... А ты говорил, ты бы со мной позанимался всеобщим... -- выпячивает губу ребёнок.

-- А я могу и в клуб к вам наведываться, -- замечает Азамат, подмигивая. -- Заодно пару боевых приёмчиков показать...

-- О, да это я тоже в ваш клуб хочу, -- заявляет Эцаган.

-- А и приходи, -- улыбается Азамат. -- Тебе тоже, я думаю, есть чем поделиться с ребятами.

Кир восхищённо переводит взгляд с одного на другого, а потом останавливает его на мне.

-- А вы?

-- Да я-то уж понятно, что буду там дневать и ночевать, пока вы все не выйдете оттуда подкованными в доврачебной помощи. Ещё Айшу вон возьмите. А то духовные дела -- это конечно да, но и писать-считать ведь тоже надо учиться.

Айша, до сих пор притворявшаяся мебелью, в твёрдой уверенности, что её разговор не касается, встрепенается и розовеет.

-- Правильно, -- соглашается Азамат. -- А потом Алэк подрастёт, ему тоже в клуб надо будет хоть иногда ходить. Кстати, где он? Уже ночь на дворе, неужто Тирбиш всё ещё с ним гуляет?

-- Не, они в переговорной, -- объясняю я. -- Алэк там играет с кузенами, Сашкиными детками. Девочке пять, мальчику три, ну вот и Алэк к ним в компанию.

-- Это с моего новенького голографического трансммиттера? -- переспрашивает Азамат. -- Дети играют?

-- Ну, Тирбиш присматривает, чтобы они настройки не сбивали. А чего, он же не испортится. Детям так веселее, чем просто смотреть друг на дружку в экран.

-- Слушай, но... -- Азамат разводит руками, -- откуда у твоего брата такая штука? Их всего-то в мире по пальцам перечесть...

-- Конечно, и самую первую поставили в переговорной головного офиса ЗС, где, как ты знаешь, и трудится мой брательник. У них там сейчас рабочий день, а детский сад при ЗС закрыт на карантин. Так что никто даже слова не скажет, что любящий отец приволок детей на работу, в конце концов, у нас любящие отцы скоро будут под защитой ЮНЕСКО, как уникальные памятники былой славы.

-- У меня ни один сотрудник никогда в жизни бы такого себе не позволил! -- кипятится Азамат. -- И я вполне уверен, что это не Тирбиш придумал.

-- Так ты и не на Земле работаешь, -- усмехаюсь я. -- Да ладно, чего тебе, для ребёнка игрушки жалко?

-- Теперь уж поздно жалеть, -- вздыхает он. -- У младенца что-то отбирать себе дороже. О-хо-хо, ладно уж, пусть играет.

От подарка на день рождения Азамат всё-таки не уворачивается. В конце концов, какой самый лучший в мире подарок может сделать жена любящему мужу? Да и Азамату полезно морально подготовиться к грядущему интервью, а то и практического опыта поднабрать. Когда я говорила страннику, что у моего мужа силы хватит на троих, я ничуть не преувеличивала, и сегодня получила этому новое доказательство. Всласть попотев, мы уже начали засыпать, когда чистюля-Азамат решил, что стоит поменять постельное бельё.

Поскольку оно хранится не у нас в шкафах, а в служебной части, был вызван дежурный горничный, а мы пошли полоскаться в душ. Душ нас так освежил, что вместо положенного ночного отдыха мы продолжили развлекаться, в результате чего через пару часов горничного пришлось вызывать заново. Надо отдать ему должное, он сохранил каменное выражение лица, меня простыню второй раз за ночь, но я нутром чую, что к славе Азамата в ближайшее время добавятся кое-какие детали. Я, впрочем, не внакладе.

После ночных подвигов меня будит какой-то странный шкворчащий звук. В комнате темно, только между занавесками просачивается тускленький серый свет. Поворочавшись, понимаю, что Азамат ещё тут, спит, а значит, сейчас совсем-совсем рано.

Звук повторяется. Он кажется мне нетерпеливым и обязующим совершить какие-то действия. Исходит вроде бы от окна. Тяжело вздохнув, я вылезаю из-под тёплого одеяла,двигаю ноги в тапочки из овчины и заглядываю за занавеску.

Снаружи на карнизе сидит здоровенный яркий попугай. Завидев меня, он поднимает одну лапу и скребёт ею оконную раму, издавая тот самый звук, который меня разбудил.

"Интересно, он лечится или судиться?" -- думает мой сонный мозг, пока не менее сонная рука открывает окно.

Попугай деликатно просовывает голову в щель и с лёгким попугайным акцентом сообщает:

-- Соглашение подписано, увидимся на Доле. Ирлик-Мангуст.

-- Чё? -- хрипло переспрашиваю я.

Попугай учтиво повторяет своё сообщение.

-- А, -- говорю я. -- Поняла.

Птица кланяется, вылезает обратно на карниз и вспархивает в небо. Пронаблюдав за её полётом, я закрываю окно.

Вот так и выходит, что день рожденья Азамата мы отправляемся праздновать на Дол, в мой, так сказать, выходной. Вообще-то я расчистила этот день для того, чтобы подготовиться к следующему выезду: выспаться, упаковать оборудование, освежить у Кира в памяти инструктора... но день рожденья интереснее.

На пороге дома нас поджидает Арон, который уже почти месяц безвылазно живёт в моём доме и охотится в округе, заготовив и нам, и себе провиант на долгую муданжскую зиму. Точнее сказать, охотился

он до первого числа, когда кончился сезон, и с тех пор только заготовками занимается, во всяком случае, Азамат надеется, что брат не стал использовать родственные привилегии, чтобы пострелять на несколько дней дольше.

Арон отчётливо пахнет валерьянкой и приготовил полдник, к которому выставляет на стол бутылку чего-то крепенького.

-- О, вы с няней, -- замечает он, расфокусированно глядя на Тирбиша. -- Сейчас ещё пиалу достану...

Тирбиш здоровается и уходит наверх положить мелкого в кровать, потому что он заснул по дороге, Кир помогает отнести наверх вещи.

Азамат откручивает крышку бутылки и принимает.

-- Братец, что это ты посреди дня за алкоголь? Может, до вечера оставим?

-- У вас тут поживёшь, вообще сопьёшься, -- жалуется Арон в ответ. -- Не знаю, как вы терпите. У самого Короула... Где не демон, там ящер какой-нибудь, души мёртвых по ночам воют, страхотища!

-- Ну про души мёртвых, это ты загнул, -- сообщает Ирлик, входя в кухонное окно.

Арон визжит, как барышня, и шарахается прямо в Азамата. Тот невозмутимо приподнимает бутылку, чтобы не расплескать.

-- Здравствуйте, Ирлик-хон, -- кивает он. -- Зачем вы так пугаете моего брата?

-- А чего он напраслину возводит? -- обиженно отвечает Ирлик. -
- С тех пор, как я выбрался из заточения, все мёртвые дома сидят, по планете не бродят. Уж свою работу я знаю!

На крик Арона из прихожей прибегают Кир с Тирбишем.

-- Здравьете, Ирлик-хон! -- радостно щерится Кир.

Тирбиш пытается врасти в стенку, но поскольку он сам не бог, нормальная сила ему не позволяет.

Я достаю ещё пиалу.

-- Привет, садись к столу, ты как раз вовремя. Тирбиш, да ладно уже бояться, забыл, как пили вместе?

Тирбиш перестаёт бледнеть и принимается краснеть.

-- Пили? -- пищит Арон, дрожащей рукой нащупывая на разделочном столе бутылочку с мутным отваром -- видимо, валерьянкой.

-- А-а, это тот мальчик, -- вспоминает Ирлик. -- Тирбиш, да? Было дело... Ну давай садись, не обижай хозяев. Жаль, я не сообразил своего винца прихватить.

-- Поэкономьте, а то на зиму не хватит, -- улыбается Азамат, выдвигая стул и силком усаживая на него Арона, который всё норовит утечь под плинтус.

-- Наоборот, сейчас самый сезон, -- возражает Ирлик. -- У меня же сад на юге, там тепло-о... эххх... -- он выдыхает небольшое облачко дыма.

-- Чур в доме не курить, -- предостерегаю я, разливая суп.

-- А мне казалось, вы на карте отмечали место на севере, -- вспоминает Азамат, уталкивая Тирбиша за стол.

-- На карте я отмечал вход, а сам сад в другом месте, -- лукаво подмигивает Ирлик.

-- Там тоннель, что ли? Хитро, -- одобряет Азамат.

-- Ну а ты думал, -- усмехается Ирлик.

От супа он отказывается, дескать, воды много. Вместо этого достаёт планшет, который мы ему дали поиграть, смотрит на него, нахмурившись, потом ворчит:

-- Ну и где этот мелкий разгильдяй?

-- Кто? -- живо интересуется Кир из-за пиалы.

-- Хос, кто ж ещё. Обещал быть тут, когда вы прилетите.

-- Так день на дворе, -- замечаю я. -- Он же спит днём.

-- Спит -- не спит, а обещание есть обещание. Не явится через час, пойду будить, -- каверзно ухмыляется Ирлик.

И снова утыкается в планшет, тихо шипя и бормоча что-то себе под нос. Потом я слышу мелодичный звук напоминания в планировщике.

-- О, точно! -- встрепенается Ирлик. -- У вас ведь есть какие-то адреса, телефоны? Я в этой штуке нашёл только официальные, но ещё не хватало мне с вашими советниками болтать.

Азамат тут же принимается диктовать наши контакты, заодно помогая Ирлику вписать их в правильное поле звонилки, а я соображаю, что в самом планшете никаких официальных телефонов быть не могло, а значит, Ирлик, очевидно, вышел в Сеть.

-- А ты ещё кому-нибудь звонил? -- осторожно интересуюсь я.

-- Да, я нашёл доставку горячих рыбных блюд, но они сказали, что в Короул не поедут. Представляешь, какие хамы? А я уже размечтался, что можно из дому не выходить...

-- Вы их прокляли? -- с энтузиазмом спрашивает Кир.

Тирбиш давится супом.

-- Да не-ет, так только, в жалобную книгу гадостей написал.

-- У них на сайте? -- уточняю я.

Ирлик пожимает плечами.

-- Ну там, -- кивает на планшет.

-- И подписался? -- продолжаю выпытывать я.

-- Ты знаешь, не стал. Я до того влез там в один разговор и подписался, так они не поверили, что я -- это я, засмеяли и посоветовали сменить имя, "пока богов не прогневил", представляешь? Вот я хохотал...

-- Ну, Ирлик-хон, -- мягко говорит Азамат. -- Они же не знают, что это на самом деле вы. Да и согласитесь, трудно вообразить, что бог может зайти на форум...

-- Почему трудно? -- поднимает брови Ирлик. -- Мне эта штука сама предложила. Я там искал в книжке слово, а она мне говорит, мол, в книжке не нашла, поискать в других местах? Ну и нашлось оно в том разговоре. Я, правда, сначала не понял, что это разговор, раза четыре прочитал с начала до конца, пока дошло.

-- И что вы им сказали, если не секрет? -- интересуется Азамат, который тоже, как и я, осознал масштаб бедствия.

-- Да там один на другого ругался, знаешь, чтоб на него Этуть нагадил. Люди ведь думают, что бог Этуть летать умеет, потому что в птицу превращается. Так он же в нелетающую птицу! И на голову нагадить никак не может. Вот это и сказал. Но они мне вообще не поверили.

Мы с Азаматом переглядываемся.

-- Понимаете, Ирлик-хон, -- вкрадчиво начинает Азамат. -- Сеть -- это такое место, что там никак нельзя узнать наверняка, кто есть кто и правду ли он говорит. Кто угодно может подписаться вашим именем, и никто не будет знать, вы это на самом деле или нет.

-- Как это? -- хмурится Ирлик. -- У них же лица есть! На лицо посмотришь -- и сразу поймёшь, кто это!

-- Лицо можно любое поставить, -- мрачно сообщаю я. -- В том числе и твоё, взять снимок и вставить.

Ирлик на несколько секунд смотрит на меня, приоткрыв рот, в полном замешательстве.

-- Нет-нет-нет! -- выдыхает он наконец. -- Меня так не устраивает! Как это, любой идиот может прикинуться мной, и все будут думать, что это я говорю?!

-- Вряд ли, -- мягко успокаивает его Азамат. -- Скорее всего, никто ему не будет верить. Но и вам тоже, потому что они решат, что это кто-то другой прикидывается вами.

-- Так, -- произносит Ирлик, немного расслабляясь. -- Так. Ладно. погоди, и что, тебе тоже никто не верит? Азамат, ты же Император! Как они могут тебе не верить?

-- У меня есть официальный сайт, -- терпеливо объясняет Азамат. -- На него специальный секретарь выкладывает все мои публичные обращения. Все знают, что мои слова на этом сайте -- правда.

-- Я тоже хочу официальный сайт! -- выпячивает губы Ирлик. -- Как ты его сделал?

-- Я его заказал у мастера, -- просто отвечает Азамат.

-- Давай адрес! -- Ирлик снова вцепляется в планшет и принимается там шарить. -- А, не, лучше телефон. По телефону они не так пугаются. Ещё бы как-нибудь так заплатить ему потом, чтобы не таскаться по морозу...

Азамат набирает побольше воздуха и принимается рассказывать Ирлику про безналичный расчёт. Мы с Киром и Тирбишем под этот аккомпанемент доедаем остывший суп и переходим к основному блюду. К счастью, в нём Ирлик принимает живое участие, поэтому Азамату удаётся немножко поесть. Однако чем больше Азамат рассказывает, тем больше Ирлик хочет знать, поэтому и после десерта лекция продолжается. Арон уходит чистить ружьё (он пользуется старинной моделью, которую надо регулярно чистить!), мы с Тирбишем откачёвываем развлекать Алэка, Кир забуряется ко мне в кабинет с иллюстрированным словарём медицинского оборудования.

Алэк поиграл, поел, погулял с мамой и снова задрях, а мужики всё ещё сидят на кухне и точат лясы. А ведь это должен был быть

Азаматов день рождения. Ну ладно, сейчас доделаю ему подарок, там осталось-то брошку пришить, и пойду разгонять, а то что это за отдых!

В гостиной мои коты гоняют Алэкову погремушку. Я присаживаюсь на диван к лампочке, наострив иголку, и слышу с кухни обрывки разговора.

-- ... столько знаешь, неудивительно, что Лиза за тебя вышла. Мне бы такую память!

-- Что вы, её вообще за меня силком выдали.

-- Расска-азывай! Да твоя баба кому угодно челюсть своротит за тебя. Чем-то ты её заморозил, это точно.

Я понимаю, что они за шуршанием котов не заметили моего прихода. А Ирлик очень хорошо расчухал мою позицию по обсуждаемому вопросу.

Азамат молчит, и Ирлик допытывается.

-- Ну расскажи, может, ты ухаживал как-то по-особому?

-- Да нет, в общем, -- не очень уверенно отвечает Азамат. И ещё неувереннее продолжает. -- Просто я ей нравлюсь. Трудно поверить, конечно, но...

Ирлик фыркает.

-- Но ты боишься, что если расскажешь мне, как дело было, я смогу применить ту же стратегию и уведу у тебя жену, -- заключает он.

-- Если хотя бы сотая доля историй о вас имеют под собой реальные основания, вы именно так и делаете, -- со вздохом говорит Азамат.

Я затаиваю дыхание. Ещё не хватало, чтобы они сейчас поссорились! Даже не знаю, что хуже -- сидеть тут и притворяться, что меня нет, или ворваться в кухню и наступать обоим сковородкой.

-- Азама-ат, -- укоризненно растягивает Ирлик. -- Ты же весьма подкован в книжном деле. Ты должен отличать правду от вымысла.

-- Просветите меня.

-- Всё очень просто.

Судя по звукам, Ирлик встаёт и проходит в дальнюю часть кухни.

-- Я обожаю уводить чужих жён, тут ты прав, -- с достоинством произносит он. -- Но подумай -- только хорошо подумай! -- зачем мне это нужно?

-- Полагаю, что вам нравятся красивые женщины.

-- Ну, мне, конечно, нравятся красивые люди, -- соглашается Ирлик. -- Но подумай глубже. Больше всего на свете, Азамат, мне нравится смеяться. Ты умный человек и знаешь, что люди -- чрезвычайно смешные создания. Вы даже смешнее богов, хотя казалось бы, куда уж. Вот, например. Некий муж видит, как его жена разговаривает у калитки с каким-то красавцем. Что он делает?

-- Встревает в разговор? -- предполагает Азамат.

-- Хорошо. А дальше?

-- Собирает ребят объяснить тому красавцу, что дама несвободна?

-- Это если он хоть немного соображает. Но скажу тебе по опыту: обычный муж в таком случае запирает жену в доме и ставит охрану под окна. И угадай, что тогда делает жена?

-- Сбегает при первой же возможности?

-- В точку! Понимаешь, как смешно? Я просто подошёл спросить дорогу, а этот придурок сам довёл свою жену до побега! Сам! -- Ирлик заходится поистине демоническим хохотом. -- Ой сил нет, сколько раз я это проворачивал, и каждый раз отсмеяться не могу! Тебе, я вижу, не очень весело, но это так по-людски, я просто не могу устоять!

-- Вы хотите сказать, что уводите жён только чтобы посмеяться над их мужьями? -- осмысливает Азамат.

-- Так я даже не увожу, в том-то и дело! -- потешается Ирлик. -- Мне достаточно сделать даме комплемент, а её муж уже мчится покупать амбарный замок!

-- Но я ничего подобного не делаю, -- замечает Азамат.

-- Конечно, ты же умный человек. Тебя я дразнить не собирался. Лизу -- да, было дело. Впервые встретил женщину, которая так о муже печётся, любопытно было, как она себя поведёт, если к ней поприставать. Прости, если обидел.

-- Что вы, что вы, Ирлик-хон. Я просто поинтересовался...

-- Азамат, скажи честно, -- Ирлик снова перемещается ближе к дверному проёму, и его становится лучше слышно. -- Я тебя сильно раздражаю? Я не стану гневаться, просто хочу знать.

Азамат некоторое время молчит, и я начинаю холодеть. Я уже так привыкла к своему зоопарку иных жизненных форм, ну

пожалуйста, дорогой, давай мы не будем выгонять на мороз эту милую зверушку?

-- Не сочтите за наглость, -- начинает мой муж, и я сникаю. -- Я вас бесконечно уважаю, и мне невероятно интересно беседовать с вами, не говоря уж о том, что взаимный интерес с вашей стороны...

-- Ну давай уже к делу! -- перебивает Ирлик. -- Это я всё сам себе рассказать могу.

Азамат снова вздыхает и признаётся:

-- Если бы вы могли мне поклясться, что не имеете никаких видов на Лизу, в моей душе не осталось бы и следа недовольства.

-- Фха! Это и всё, что тебе было нужно? Да пожалуйста, клянусь. Меня вообще не интересуют человеческие женщины, они мало живут и быстро стареют.

-- Серьёзно? -- оторопело произносит Азамат.

-- Совершенно. Только не говори никому. Ты же знаешь, как люди всё криво понимают. Да и забаву мне испортишь. Но вот честно, я себе не представляю, как можно лечь в постель с женщиной, которая потеет и ходит в туалет. Это так мерзко...

Я не удерживаюсь и фыркаю, так что скрываться больше не имеет смысла. Выхожу в кухню, где встречаюсь взглядом со встревоженным Азаматом.

-- Э, Лиза, ты давно там?..

-- Я нитки взять зашла, а вы тут мне косточки перемываете, а? Ирлик, как не стыдно! Я же всё слышала! Мерзко ему! А заливал-то, заливал!

-- А я предупреждал, что я лживый бог, -- отмазывается Ирлик, на всякий случай прячась за спиной Азамата.

-- Смотри, доиграешься! -- грожу, прикидывая к руке большой половник.

-- Дерётесь? -- живо интересуется голова Кира, просунутая в дверь.

-- Нет-нет! -- громко объявляет Азамат, встав с кресла. -- Никто не дерётся! Лиза, ну положи половник, это, в конце концов, негостеприимно. Ты же землянка, прояви терпимость к чужим предпочтениям.

-- Ладно уж, сегодня бить не буду, -- снисхожу я, отправляя половник обратно в раковину, а сама скалюсь, как идиотка. Ирлик --

молодец. Не знаю уж, насколько правда то, что он тут сказал, но Азамат поверил, а значит, не придётся разгонять инопланетный зверинец, и возможно даже не придётся тыщу пятьсот раз заверять Азамата, что он самый лучший. Потому что я уже подустала повторять очевидное.

Глава 29

-- Так как, вы подписали своё соглашение? -- интересуюсь я, несколько успокоившись и пристроившись Азамату под крылышко в большом кресле.

Ирлик, от греха подальше слинявший на табуретку в другом конце кухни, хлопает себя по лбу.

-- Ах да, соглашение же! Азамат, что ж ты не напомнил!

-- Да я как-то постеснялся, мало ли, вдруг не выгорело дело...

-- Это чтобы у меня не выгорело?! -- возмущается Ирлик. -- Да я всё дотла спалю, пока своё не получу! Ты в следующий раз напоминай, знаешь ведь, что я тварь беспамятная.

-- У тебя напоминалка в планшете есть, -- ворчу я. -- И не рассказывай моему мужу, что ему делать. У него вообще день рожденья, а ты без подарка пришёл.

-- Я начинаю понимать, -- задумчиво говорит Ирлик, копаясь в собственных волосах, -- почему ваш приятель духовник тебя боится. Ага, вот оно.

Он вытрясает из копны волос одну прядь, на которую намотан рулон бумаги.

-- Вот тебе подарок. Азамат, лови, я к твоей жене не рискну подходить! -- заявляет Ирлик и отправляет рулон в полёт через кухню точно в поднятую руку Азамата.

-- Лизонька, ну что ты, -- воркует Азамат, разворачивая рулон, который оказывается вовсе даже кожаным. -- Ирлик-хон мне сегодня сделал такой подарок, что о большем и просить не приходится. А-га-а-а, вот так, значит...

Он углубляется в чтение документа. Я заглядываю через край и вижу внизу вместо подписи отпечаток кошачьей лапы в две моих ладони.

-- Это у кого же такой размер перчатки? -- интересуется Кир, тоже сунувший нос в соглашение.

-- У одного из старших котов, -- усмехается Ирлик. -- У них тоже, как у вас, правят старшие. И этот ещё не самый крупный.

Азамат косится в его сторону и задумчиво кивает.

-- Чем больше я узнаю, тем более разумным мне кажется это решение. Так что, Хос может заступать на работу?

-- Если когда-нибудь объявится тут, то сможет, -- цедит Ирлик, сверкая хищным зубом. -- Только ему нужно благословение отца получить. Вы завтра на ту сторону Короула полетите, прихватите его с собой, пускай папаня ему по ушам надаёт за неторопливость.

-- А откуда вы знаете, куда мы завтра полетим? Это же секрет! -- выпаливает Кир.

Ирлик косится на него с усмешкой.

-- Ну я всё-таки бог, знаешь ли.

-- Ой! -- Кир прикусывает губу. -- Извините. А вы с нами не полетите?

Бог чешет узорчатый подбородок.

-- Не знаю... Вообще, можно было бы в сад зайти, поднабрать на бочечку вина... Вас угостить, опять же. Тем более, у вас семейный праздник. Только я к вам в машину не влезу, там встретимся. И младшего своего не берите, взрослые коты терпеть не могут плача человеческих младенцев.

-- Это что ж, на весь выезд его тут оставить? -- хмурюсь я.

-- Всё равно он весь выезд с Тирбишем, -- замечает Азамат. -- Конечно, людям бы хотелось на него посмотреть, но могут и обойтись. Только таскать ребёнка туда-сюда по холоду.

-- Ой, кстати, про холод! -- вспоминаю. -- Я же тебе подарок не подарила!

-- Свитер? -- осторожно спрашивает Азамат. У него их стараниями моей маман три полки в шкафу.

-- Не, свитера теперь будут для Кира, не волнуйся. А у меня для тебя валяный диль! Под руководством твоей матушки валяла. Во!

Я забираю в гостиной и демонстрирую своё произведение. Диль получился пёстрый и тёплый, самое то для мударжской зимы. Ну и побрякушек я на него нашила для солидности.

-- Это ты за три дня?.. Лиза, да ты вообще отдыхала?! -- ахает Азамат.

-- Какого мне ещё отдыха надо кроме как тебя порадовать? -- кокетничаю я, украдкой показывая язык Ирлику. И совсем необязательно признаваться, что на Земле для валяния полотна давным-давно изобрели специальную машинку, и вся моя заслуга состоит в красивом выкладывании волокон шерсти.

Хос радуется нас своим присутствием к ужину, столкнувшись в дверях с Тирбишем.

-- Ой, извините, -- говорит вежливый Тирбиш, уступая дорогу.

Хос шарахается и прижимает уши.

Тирбиш с воплем отскакивает в сторону и сносит Ирлика вместе с табуреткой.

-- Вот она, моя страшная месть!!! -- провозглашаю я, пользуясь моментом.

-- Батюшки-помогите... -- слабым голосом стонет Тирбиш.

Ирлик так и остаётся на полу, потому что не может встать от громового хохота.

-- Что смешного? -- ворчит Хос. -- На лапу мне наступили.

-- А это чтоб не опаздывал, -- скалится Кир.

Бедный Тирбиш, по-моему, сейчас заплачет. Азамат встаёт и выводит его в прихожую, так парень прямо виснет у него на рукаве.

-- Вы мне так няню до инфаркта доведёте, -- укоризненно сообщаю я.

-- А сама-то! -- стонет Ирлик. -- Ой не могу, а-ха-ха, как прыгает пацан!

Хос бочком по стеночке пробирается к подоконному дивану и залезает на него с ногами, опасливо оглядываясь и потягивая носом воздух.

-- А девчонка где?

-- В столице осталась, -- отвечает Кир. -- А тебе зачем?

-- Тут ею пахнет, -- пожимает плечами Хос.

Ирлик постепенно перестаёт хохотать, растягивается на полу во весь рост и вытирает глаза.

-- Эй, молодняк, помогите встать! Ох, порадовали, давно я так не веселился...

Кир оказывается рядом в мгновение ока и за запястья поднимает Ирлика на ноги.

-- Ишь, сильный какой, -- ухмыляется бог. -- Ну ладно, зверёныш явился наконец, полдела сделано. Где тебя носило, кошак бестолковый?

Хос морщится, как будто не хочет отвечать, но потом признаётся:

-- Мать не хотела отпускать. Говорит, рано.

-- Ну здравствуй! -- Ирлик хлопает себя по бедру. -- Уже все согласились, одну её не спросили! Нет уж, завтра с папаней помурлыкаешь и собирай манатки.

-- Чего собирать? -- не понимает Хос, но тут же переключается на более важную информацию. -- К отцу пойдём завтра? Это здорово! А надолго?

-- У нас выезд пять дней, -- говорю. -- На пути туда тебя высадим, на обратном подберём.

-- Мне ещё надо будет тебя в работе опробовать, -- добавляет Азамат, возвращаясь в кухню с успокоенным Тирбишем. -- Вот, знакомься, это Тирбиш, наша няня. Тирбиш -- Хос.

-- З-здравствуйте, -- нервно выдавливает Тирбиш.

Хос кивает, слегка прижав уши.

-- Капитан, а мне ведь не нужно с вами на этот выезд лететь, да? -- с надеждой спрашивает Тирбиш.

-- На этот нет, -- ухмыляется Азамат, -- но вообще привыкай, Хос теперь к нам во дворец переедет.

Тирбиш сглатывает и переводит взгляд с Хоса на Ирлика и обратно. Ирлик игриво подмигивает.

После ужина наши сверхъестественные друзья расходятся по домам, а мы в тесном семейном кругу развлекаемся просмотром передачек на всеобщем с муданжскими субтитрами, после чего Азамат разворачивает перед Киром всеобщий алфавит и с видимым удовольствием принимается вспоминать мнемонические стишки на каждую букву. Очень довольный жизнью Кир притирается поближе к папе и с энтузиазмом повторяет рифмованную белиберду. Я, заслушавшись, откидываюсь на спинку и сладко потягиваюсь, запрокинув голову. Из этого положения мне неожиданно становится видно окно, а в нём чьё-то лицо...

-- Ой! -- подскакиваю я. -- Кто это?

-- Где? -- вскидывается Азамат.

-- В окне!

Мы все разом бежим к окну, но там уже никого нет. Азамат выскакивает за дверь и обегает дом, но загадочного лица уже и след простыл.

-- Следы сапог под окном есть, -- сообщает он, заходя вместе с облаком морозного воздуха. -- Кто-то там был... Я подумал, может, один из наших гостей решил вернуться, но они сапог не носят, да и зачем прятаться?

Ответов на эти вопросы мы не находим и возвращаемся к прерванным занятиям, на всякий случай тщательно заперев все двери и окна.

Сонный и помятый Хос является на рассвете, как договаривались. Мы, впрочем, не лучше. Он в трениках с начёсом и унаследованной от нас кожаной куртке. Шпана шпаной, только ноги босые. Стоит по щиколотку в снегу, то и дело смешно дрыгая ногами, стряхивая липкую холодную снежную кашу.

-- Ты, я смотрю, к снегу непривычный, -- замечает Азамат, который с утра, как всегда, борд и весел.

-- Зимняя шерсть ещё не выросла. А обувь -- неудобно.

Включив часть соображалки, я залезаю в доработанный Киром ларь и прихватываю с собой шерстяной пряжи и крючок потолще. То и занятие на полёт.

-- Ты хорошо знаешь местность? -- спрашивает Азамат Хоса.

Тот пожимает плечами.

-- Никогда там не был.

Мы притормаживаем.

-- А ты найдёшь нужное место вообще?

-- У отца большой лес, -- говорит Хос. -- Позову, придёт.

-- А где Ирлик? -- интересуюсь я. -- Он же знает, куда нам лететь. У него там сад рядом.

Азамат оглядывается, пожимает плечами и на всякий случай берёт большую карту, на которой отмечен вход в Ирликов сад.

Наконец мы грузимся и взлетаем. Кир отрубается сразу, положив голову мне на колени. Хос на своём переднем сиденье первое время смотрит в окно, потом начинает клевать носом.

-- Не твоё время? -- усмехается Азамат.

-- Не, -- хозяин леса мотает головой и трясёт ухом. -- Обычно на рассвете спать ложусь.

-- Ну и ложись, -- говорю. -- Там сиденье откидывается.

-- Я так, -- отмахивается Хос и превращается прямо не вставая. Сворачивается на сиденье клубочком, прямо как Электрон в ларе, только хвост свисает. Мне кажется, он мохнатее, чем обычно. Может, потому что тепло оделся.

-- В следующий раз предупреждай, -- ворчит Азамат, выкручивая руль. -- Я чуть управление не потерял, не привык, знаешь ли, что у меня пассажир внезапно в барса превращается.

Хос фыркает и поворачивает голову подбородком вверх, и кабина наполняется дробным мурчанием. Впрочем, минут через десять он засыпает и затихает, только иногда лапами дрыгает во сне. Я принимаюсь вязать ему тапочки с дырками для пальцев. На человеческие ноги, конечно.

Примерно на полпути у меня нечеловечески надрывно звонит мобильник, перебудив весь салон. Насколько я помню, у него вообще нет такого уровня громкости. Выпутав злосчастную машинку из-под шубы и диля, я вижу на экране аватарку Ирлика и включаю громкую связь.

-- Алло, Ирлик, это ты? -- на всякий случай уточняю я.

-- О, Лиза, привет! -- раздаётся на том конце жизнерадостный голос бога. -- А как сделать, чтобы тебя было видно?

-- Ща... -- я включаю видеорежим, и на экране появляется Ирлик в обличье Змеелова. -- Видишь меня?

-- Ага! -- весело откликается он. -- Классная штука! Как из сказки...

-- Эмм, Ирлик, ты просто так забавляешься или сказать чего хотел?

Он на секунду хмурится, потом хлопает себя по лбу.

-- Сказать! Слушай, я сегодня с вами в лес не выберусь. У меня тут дела... Когда у вас там выезд заканчивается? Через пять дней? Вот тогда и зайдём в сад, а сейчас я не могу.

-- У тебя со вчерашней ночи какие-то дела образовались? -- приподнимаю бровь. -- Что-то стряслось?

-- Да не, они и были, я просто забыл, -- очаровательно улыбается Мангуст. -- Ну ладно, я побежал, до связи!

И кладёт трубку.

-- До связи, -- хмыкает Азамат. -- Он так быстро подхватывает сетевые выражения, что скоро будет нам слать сообщения из одних аббревиатур.

-- Мне было бы очень интересно узнать, что у него за срочные дела, -- мрачно комментирую я. -- Он-лайн магазины, видеосвязь... Надеюсь, сегодня утром никакой пассажирский звездолёт не летит на Землю?

Азамат одаривает меня понимающим взглядом через плечо и, подключив свой телефон к лобовому стеклу, быстро находит расписание.

-- Нет, -- облегчённо говорит он. -- Сегодня вообще никаких вылетов нет. И я очень надеюсь, что он бы хотя бы нас предупредил...

-- М-да, -- киваю я. -- Ну хорошо хоть карту взяли, есть шанс, что не потеряемся. Хос, а ты почувешь, если мы над лесом твоего отца пролетать будем?

-- Если окно открыть, -- пожимает плечами Хос, с перепугу превратившийся обратно. -- Ой, забыл сказать. Там, на Доле ходит мужик. Приехал недавно. Вы осторожно.

-- Что за мужик? -- хмурится Азамат. -- К нам кто-то в окно заглядывал вчера.

-- Высокий, -- говорит Хос, подумав. -- Опасный. С ружьём. Близо не подхожу. Про окна не знаю.

Азамат задумчиво кивает.

-- Ясно, спасибо, что сказал. Попробуем сами выяснить, что это тут за новопоселенец.

Довязав тапочки, я усилием воли прекращаю рефлексия по поводу неизвестного бродяги, присоединяюсь к мальчишкам и дрыхну до самого прибытия, когда Азамат осторожно будит Хоса.

-- Вот гляди, -- он тычет пальцем в окно и приоткрывает низ полога на пару миллиметров, чтобы запахи проникали. -- По карте Ирлик-хонов сад прямо по курсу. Где-то здесь, да?

Сонный кошак утыкается носом в лобовое стекло и пару раз моргает. Потом поворачивается вправо. Мокрый нос оставляет на стекле пятно. Хос некоторое время изучает ландшафт, потом мотает головой, мол, направо поверни. Азамат поворачивает и немного

снижается. Я выглядываю за борт. Под нами плотный еловый лес, припорошенный снегом.

-- Так? -- спрашивает Азамат.

-- Мрры-мррря, -- говорит Хос и вытягивает голову вперёд.

-- Ты не мог бы превратиться? -- слегка раздражается Азамат. -- И проснуться? А то я немного чувствую себя идиотом, спрашивая дорогу у сонного кота.

Хос фыркает, но превращается.

-- Говорю, поглубже в лес надо. К горам он редко подходит. Там свои хозяева.

-- Тогда ищи поляну, потому что между ёлок мы не втиснемся, -- отвечает Азамат, направляя унгуц к востоку.

-- Хос, на, примерь, -- протягиваю ему ажурные тапочки. -- Там можно пальцы в дырки просунуть.

Хозяин леса задумчиво вертит моё произведение, пытаюсь разобраться, каким боком это натягивать на ногу. Наконец ему это удаётся. Он продевает когтистые пальцы ног между ниток и задумчиво ими шевелит.

-- Спасибо. Тепло. Попробую так ходить.

Кир просыпается, протирает глаза и кутается в свою вышитую дублёнку. На месте отца Хоса я бы не стала разговаривать с нашими мрачными сонными рожами.

-- Поляна, -- говорит Хос.

Когда мы садимся, подняв небольшое облачко снега и утонув по нижний край купола, Хос потягивается и принимается командовать.

-- Вы сидите здесь. Я превращусь. Пойду искать. Не вылезайте. Понятно?

-- Понятно, -- кивает Азамат. -- Нам тоже не хотелось бы, чтобы он встретил нас раньше, чем тебя.

Хос мрачно кивает, превращается и выпрыгивает в снег через приоткрытый Азаматом фрагмент купола.

-- Ну вот, -- ворчит Кир. -- А я думал, погуляем.

-- Потом может и погуляем, -- задумчиво говорит Азамат. -- А пока могу разве что предложить позавтракать.

Хос не уходит далеко, только до ближайших деревьев. Запрыгивает на одно из них, залезает повыше и оттуда издаёт пронзительно-тонкий вопль. До сих пор я думала, что купол унгуца

звуконепроницаем. Хорошо, что он был закрыт, а то мы бы тут все оглохли.

-- Душевно орёт, -- оценивает Азамат. -- Как бы твоих котов не научил...

-- М-да. Кстати, ты успеваешь рассмотреть, как он превращается? -- спрашиваю. -- Я вижу только, что всё чернеет, ну и он на четыре лапы становится.

-- Он как-то скручивается весь к животу, -- говорит Азамат. -- Действительно очень быстро. И всё, что на нём надето сначала разделяется на волоски, а потом встаёт вертикально, получается шерсть.

-- Интересно, когда он окончательно полиняет на зиму, он сможет в человеческой форме раздеваться? -- задумчиво спрашивает Кир.

Мы все некоторое время предаёмся метафизическим размышлениям, когда лес вокруг содрогается от удалённого громового рёва. Снег осыпается с веток на землю. Хос тоже куда-то девается с дерева.

-- Всё ещё хочешь гулять? -- спрашивает Азамат у Кира, когда рёв стихает.

-- Обойдусь, пожалуй, -- сглатывает Кир.

Азамат открывает перегородку к багажному отсеку, и я извлекаю оттуда завтрак. Некоторое время мы сосредоточенно жуём. Когда хруст за ушами стихает, наступает зловещая тишина. Сидим, нервно оглядываемся и ждём, что сейчас из-за любого куста выпрыгнет саблезубый тигр.

-- Ну ладно, не всё так страшно, -- Азамат пересаживается на переднем сиденье в более расслабленную позу. -- Я видел взрослого демона, он не крупнее меня.

-- Ты его в человеческом облике видел? -- спрашиваю.

-- Да... -- начинает Азамат, но, поняв подтекст моего вопроса, замолкает. Мысль о саблезубом тигре не исчезает.

-- Вообще Хос почти взрослый, -- замечает Кир.

-- Не хочу тебя разочаровывать, -- медленно говорит Азамат, -- но вот барсы, например, заканчивают расти далеко не сразу после того как взрослеют. Да и ты к двенадцати годам расти не перестанешь. Странно было бы, если бы у хозяев леса всё было иначе.

Мы сидим и боимся ещё некоторое время, потом Азамату надоедает, и он принимается рассматривать карту и отмечать на ней наше местоположение. И то верно, лучше всех предупредить, чтобы сюда не совались. Карту, правда, приходится разложить поверх спинок сидений и нас с Киrom, она ведь и правда большая.

-- Так мы сейчас в Ирликов сад не пойдём? -- тоскливо спрашивает Кир.

-- Без него как-то не комильфо, -- пожимаю плечами. -- А где вход в сад, Азамат? В ту сторону?

-- Вон, где скальные выступы, -- показывает муж. -- Ничего, Кир, не расстраивайся, после выезда наведаемся.

Мы старательно всматриваемся в тёмную скалу на фоне снежного поля, малость позабыв, зачем приехали.

В стекло стучат. Мы все дружно оборачиваемся с широко раскрытыми глазами. Снаружи стоит Хос в человеческом обличье, а рядом с ним небольшой коренастый мужичок среднего возраста в широкой длинной шубе из незнакомого мне меха. Азамат открывает купол и спрыгивает в снег.

-- Здравствуйте, -- начинает он растерянно. -- Я Азамат Байч-Харах...

-- Да-да, -- перебивает его мужичок. -- Я вижу. А это твои жена и сын. Я Хавис. Мой котёнок столько про твоё семейство рассказал, что верится с трудом. Ты, я так понимаю, тот самый людской вожак, вокруг которого весной было много шума?

Голос у Хависа довольно высокий, но такой же сиплый, как у Хоса. Лицо его мне плохо видно под меховым капюшоном.

-- Да, это я, -- неловко подтверждает Азамат. -- Собственно, будь я чином пониже, я бы не стал ничего вашему сыну предлагать, но, понимаете, меня все слушаются, и Хосу не причинят вреда. Наоборот, я думаю, -- Азамат постепенно начинает говорить увереннее, -- что если ваш представитель окажется в Императорской Канцелярии, то и отношение к вашему народу в целом изменится к лучшему. Это не говоря уже о санкциях...

-- Ясно, ясно, -- снова перебивает его Хавис. -- Мангуст нам всё равно выбора не дал, уж очень ему нравишься и ты, и твоя затея.

-- Вот как?.. -- поднимает брови Азамат. -- Я польщён, конечно, но, надеюсь, вы на меня не в обиде...

-- Нас ваши людские дела как раньше не касались, так и теперь касаться не будут, -- тараторит Хавис. -- Хос сам для себя выбор сделал. По-моему, глупый, но дело его, уже взрослый почти, -- с этими словами Хавис подталкивает Хоса в бок, тот шутливо возмущённо муркает. -- Ты, Байч-Харах, только должен понимать, что если сейчас забираешь Хоса жить с людьми, обратной дороги ему нет. Лес его не примет, и другие коты за равного считать не станут.

Азамат серьёзно кивает.

-- Хос, а тебя это не смущает? -- интересуюсь я. -- У тебя ведь, наверное, друзья есть?

Демонёнок мотает головой.

-- Не знаю я никаких других котов. Жил как-то без них, и ничего.

-- Я это не к тому, -- продолжает Хавис. -- Я к тому веду, что если ты, Байч-Харах, слово своё не сдержишь, или работник такой тебе разнадобится, Хосу есть будет нечего. И я тогда с тобой буду говорить так, как говорю с охотниками, которые моих котят стреляют, - за неимением твёрдой земли Хавис стучит кулаком по коленке.

-- Вам не придётся меня линчевать, -- спокойно и уверенно говорит Азамат. -- Я понимаю, как рискует Хос, выбирая жизнь с людьми. И я считаю его выбор очень важным, не только потому что мне нужен такой работник. Мне нужно менять людей и их отношение к миру. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы ваш сын никогда не разочаровался в своём выборе.

-- Красиво говоришь, -- замечает Хавис. -- Ладно уж, забирай. Он у меня не первый и не последний, но я за своими котятами слежу. Двоих у меня подстрелили. Кабы не было тут твоей кошки, рассказал бы я тебе, что я сделал с теми охотниками.

Насколько я могу судить в тени капюшона, лицо Хависа не меняет выражения в соответствии со словами. Видимо, хозяева леса в принципе не злоупотребляют мимикой.

-- Я вас очень хорошо понимаю, -- прочувствованно отвечает Азамат, беря Кира за руку.

-- Если кто чего Хосу сделает, я их сама выпотрошу, -- вклиниваюсь я. -- У меня большой опыт.

-- Ишь, хищная, -- усмехается Хавис. -- Не в пример моей тихоне. Она-то небось и не показалась ни разу.

Мы все мотаем головами.

-- Я так поняла, она с маленькой дочкой сидит. Куда ж к чужим людям...

-- С дочкой? -- удивляется Хавис и переводит взгляд на Хоса.

Тот начинает что-то мурлыкать, но Хавис его одёргивает.

-- По-человечески говори, раз с людьми жить собрался!

-- Я сказал, ты её ещё не видел, она в конце лета родилась.

Хавис задумчиво кивает, переминается с ноги на ногу и окидывает взглядом заснеженный лес.

-- Ладно, -- с усилием произносит он. -- Будущим летом погляжу.

-- Мы можем вас отвезти, -- предлагает Азамат.

-- Нет уж, -- морщится Хавис. -- Ещё не хватало мне в ваших машинах ездить. Лучше присмотрите там, чтобы никто чужой близко не подходил.

Азамат охотно кивает, а я резко вспоминаю неизвестного с ружьём. Хос, видимо, тоже, судя по встревоженному жесту ушами, но Хавис не замечает. Ох, надеюсь, Арон с Тирбишем там справятся. Мы им строго наказали никого не впускать и вообще на улицу носа не высовывать. Но сердце у меня не на месте...

Муж, однако, не подаёт виду, хотя скорее всего тоже подумал про того типа, но не хочет беспокоить Хависа. Вместо этого он принимается объяснять про выезд и про работу, которую собирается предложить Хосу.

-- Так это что же, -- хмыкает Хавис. -- Пока вы ездите, мне его срочно учить надо, чтобы с твоим заданием справился?

-- Да он и так всё умеет, -- улыбается Азамат. -- Но я не обижусь, если вы с ним ещё мудростью поделитесь. Посудите сами, чем лучше он сможет оценивать лес, тем меньше вреда мы, люди, нанесём вашему дому...

Хавис отмахивается.

-- Речи для людей оставь. Котёнка я и так, и так два лета ещё учить буду, где бы он ни жил. Такое у меня правило. Ладно уж, шерстинка моя, -- он ерошит Хосу волосы, -- погоняю тебя тут, а то ещё неровён час сморозишь глупость, меня застыдишь.

-- Я не морожу глупостей, -- обижается Хос.

Кир хихикает.

-- Мальчишка у тебя хороший, -- замечает Хавис Азамату. -- И чую, что не один. Семью, значит, кормишь, и на игры время есть. Может, ты и правда так хорош, как говорят. Ну давай, лети свою стаю воспитывать, нам с котёнком есть о чём поболтать.

-- Спасибо вам... ой, чуть не забыл, -- спохватывается Азамат. -- Мы вообще-то вам гостинцев привезли, сурков там, лебедятины...

Хавис отмахивается.

-- Скормите бедным. У меня лес большой, охотник я ловкий, подачек не надо. Сурки эти ваши -- что съел, что не ел.

Ну вот, протаскали зазря столько мяса... Азамат тоже заметно огорчается.

-- Конечно, -- задумчиво произносит Хавис, -- если бы у вас какао было...

Мы переглядываемся. Какао, кажется, нету.

-- Только кофе, -- говорю.

-- А! -- кривится Хавис. -- Небось, жидкий? Не то! Вот какао -- ягоды или хотя бы зёрна, вот это вещь!

-- Никогда бы не подумала, что вам может нравиться какао... -- моргаю я.

-- Бодрит, -- щурясь от приятных воспоминаний поясняет Хавис.

-- У меня есть шоколадка, -- замечает Кир. -- Это ведь тоже какао?

-- Да, только с сахаром, -- отвечает Азамат.

Хавис морщится.

-- Ну ладно, уговорили. Не люблю сладкое, но раз другого нету...

Кир извлекает из кармана куртки довольно здоровую плитку шоколада неизвестной мне марки. Это явно не из тех, что закупали для дворцовой кухни. Наверное, купил где-то в городе, пока с приятелями гулял.

Наконец мы раскланиваемся с суровым северным хозяином леса и его не столь суровым отпрыском и отбываем на рабочее место.

Выезд на этот раз получается почти рутинным. За пол-артуна до места к нам в хвост подстраивается второй унгуц с техниками. Пока мы раскланиваемся с местными Старейшинами и прочими заметными людьми, Азаматовы ребята расставляют привезённые с собой шатры, подключают портативные энергетические блоки, и к тому моменту, когда официальные речи окончены, я могу сразу приступить к работе,

уже даже пациенты согнаны в кружок вокруг костра, а мой рабочий шатёр прогрелся до обитаемой температуры.

Кир проявляет себя очень хорошо. С прошлого выезда он, конечно, натренировался оказывать первую помощь и выполнять всякие вспомогательные действия, когда я оперирую, но, мне кажется, он ещё и как-то повзрослел и пообвыкся. Действует спокойно и уверенно, выкладывается по полной, но не чрезмерно, меньше устаёт, находит слова, чтобы занять пациента, пока мы ждём результатов какого-нибудь анализа. В общем, я всё больше убеждаюсь, что правильно сделала, приставив его к этой работе.

Некоторое разнообразие в спокойное течение выезда вносит последний день, когда Азамат, хитро подмигнув местным, улетает на часок, а возвращается с Хосом. Дело к вечеру, Хос бодрый и выспавшийся, да и шерсти на нём за эти дни явно прибавилось, на холоде-то. При виде большого количества людей он поднимает всю эту шерсть дыбом, вытаращивает блюдеобразные глаза и вжимается спиной в Азамата.

Местные Старейшины делают примерно то же самое, насколько позволяет анатомия.

-- Знакомьтесь, -- доброжелательно говорит Азамат. Судя по огонькам в глазах, он с трудом сдерживает смех. -- Это Императорский лесовед. Прошу относиться к нему с соответствующим уважением.

-- Но... он же... того... -- дрожащим голосом произносит один из старичков.

-- Хозяин леса, да, -- довольно подсказывает Азамат. -- Так кто же может быть лучшим лесоведом, чем хозяин леса? И не забывайте, пожалуйста, о решении, принятом Советом Старейшин касательно уголовной ответственности за вред, нанесённый нашим лесным соседям.

Старейшины нервно сглатывают и перешёптываются. Хос бешено вращает ушами, стараясь уловить всё, что они скажут. Мы с Киром на сегодня уже закончили приём, так что подходим поближе создать Хосу моральную поддержку.

-- Ты не переживай, -- подбадривает его Азамат. -- Мы тут только на одну ночь, на пробу. Завтра обратно полетим. Ты, главное, от меня не отходи, и всё будет хорошо, -- он оглядывается вокруг и кивает двоим из технического унгуца: -- Ребят, приступайте.

Те напряжённно сглатывают и расходятся по разные стороны от нас, оглядываясь по сторонам и нервно косясь на Хоса.

-- Это кто? -- шепчет Кир.

-- Телохранители, -- поясняет Азамат. -- Я в случае с Хосом на удачу полагаться не хочу. Слышишь, Хос? Вот эти люди тебя защищают, их не бойся.

-- Они сами меня боятся, -- сипит Хос, по-прежнему прилипший к Азамату.

-- Есть немного, -- усмехается Азамат. -- Когда приедем в столицу, я тебе подберу парней поспокойнее. Но и эти неплохи, дело своё знают. Ты, главное, помни, что если они достают оружие, это не угроза для тебя.

Хос молчит и принохивается.

-- Так вы что же, завтра ещё лес ведать пойдёте? -- спрашивает пузатый мужик, который взял на себя наше питание. -- Я думал, вы завтра с утра уже уедете. Не поймите плохо, но мне слугам-то что заказывать?

-- Всё верно, -- подтверждает Азамат. -- Мы завтра утром уедем, а лес ведать пойдём прямо сейчас. Наш лесовед гораздо успешнее в тёмное время суток.

По толпе пробегает шепоток.

-- Ночью в лес?!

-- Ну с демоном-то можно, наверное...

-- Мы далеко не пойдём, -- заверяет их Азамат. -- Речь ведь шла о новой лесопилке на окраине города. Вот и посмотрим, как это лучше организовать. Ну, кто смелый с нами?

Смелых набирается пять человек, хотя по виду смелыми их назвать язык не поворачивается. Держатся кучкой в десяти шагах от нас, не сводят взглядов с Хоса.

Хос и сам малоадекватен. Дрожит, тарашится по сторонам, тяжело дышит. Азамат легонько пихает его, мол, пошли уже, так он взвивается на полметра. Муж кладёт ему руку на плечо, Кир на другое, я почёсываю за ухом. После этого хозяина леса всё-таки удаётся сдвинуть с места и довести до края города, где среди сосен намечена верёвками территория под разработку. Темно уже, как ночью, но снег в сочетании с луной создают некоторую подсветку. Азамат показывает Хосу фонарь, но тот только фыркает.

Оказавшись в лесу, Хос немного отходит и принимается петлять между деревьями, принюхиваясь и прислушиваясь. Телохранители пытаются за ним следовать, но там, где Хос спокойно проходит по насту своими большими мягкими лапами, мужики в сапогах проваливаются по колено, создавая много шума. Хос утробно рыкает, и телохранители быстренько возвращаются к кромке леса.

-- Мы так не можем, Ахмад-хон! -- жалуется один.

-- В лесу его нечего стеречь, -- отстранённо произносит Азамат, всматриваясь в чащу, где бродит Хос. -- Там ему некого бояться. Вот в городе -- да.

-- Ничего если я превращусь? -- гнусаво кричит Хос из-за сугроба. -- Мне так будет удобнее!

-- Давай! -- разрешает Азамат.

-- О боги, он ещё и разговаривает! -- в ужасе стонет один из "смелых".

-- Естественно, -- авторитетно подтверждает Кир. -- Мы б не стали немого нанимать.

-- И крестиком вышивать умеет, -- тихо замечаю я, так что слышит меня только Азамат, и удивлённо поднимает брови. Я отмахиваюсь.

Хос меж тем, судя по скребущему звуку, вскарабкивается на дерево и продолжает движение с ветки на ветку, быстро уносясь вдаль.

-- Да он так сбежит, -- замечает ещё один местный.

-- Нет, ему это низачем не нужно, -- мотаю головой. -- И в вашем лесу он ничего не забыл.

До нас доносится птичий щебет -- это зимней-то ночью.

-- Он там чего, поохотиться решил? -- хмыкает Кир.

Щебет сменяется на совиное уханье.

-- Я думаю, он разговаривает с птицами, -- замечает Азамат.

Мы успеваем как следует промёрзнуть, притоптать снег, сплясать вприсядку и согреться к тому моменту, как Хос наконец возвращается. Он появляется почти на самой макушке высоченного дерева чуть в глубине, отталкивается и планирует по дуге, расправив кожистые складки на боках, и приземляется точнёхонько в центр вытоптанного круга. Наши спутники валятся в снег спиной вперёд и отползают на пару метров, пока Хос отряхивается и превращается обратно.

-- Ну как? -- интересуюсь я, поправляя на нём задравшуюся куртку.

-- На этом куске что хотите можно, -- отвечает Хос, немного запыхавшись. -- Вообще никто не живёт. Даже птицы не залетают. Но для людей может быть опасно.

-- Почему? -- хмурится Азамат.

-- Для всех опасно, -- пожимает плечами Хос. -- Птицы глупые, плохо объясняют. Я так понял, кого-то тут убили в прошлом году. В смысле, человека.

-- Ого! -- Азамат сдвигает брови. -- Ну-ка, господа хорошие, вспоминайте, у вас тут городок маленький, обо всех смертях знаете. Кто это мог быть?

Местные вылезают из сугробов и растерянно переглядываются.

-- Не знаем, Ахмад-хон. У нас в прошлом году никого не убивали. У одного мужика мать умерла от болезни, так не в лесу, а дома. Её по всем правилам проводили.

-- Слушай, Хос, -- интересуюсь я, -- а почему зверьё не живёт там, где человека убили?

-- Если просто человека -- это всё равно, живут. А тут такого... как это называется... Ну как девчонка та, которая молчит.

-- Духовника? -- удивляюсь я.

-- Знающего? -- переспрашивает Азамат.

-- Вроде того, -- кивает Хос.

-- Так духовника или знающего? -- с ухмылкой уточняет Кир. -- Большая разница, знаешь ли.

-- Поди птицам объясни эту разницу, -- фыркает Хос. -- Мне показали место, где она лежит. Я там порылся, но всё мёрзлое, запаха нет.

-- Она? -- замечает Азамат.

-- Да сказали самка, да ещё опасная.

-- Ну тогда точно не духовник, -- басит самый крупный мужик.

-- Да это должно быть знающая из леса, говорили ведь, что за рекой живёт какая-то! -- вспоминает другой.

-- Точно, -- соглашается первый. -- Говорили же, что она старую Сойку до смерти-то и довела. Вот ведь!

-- Понятно, -- заключает Азамат. -- Но на том месте, где лежит знающий, нельзя никакого производства строить. Молодец, Хос, что

разузнал, а то было бы тут... До весны вы её не найдёте, так что надо другое место для лесопилки присматривать. Прогуляемся подальше?

-- Я, пожалуй, домой пойду, греться, -- заявляю я. -- Надеюсь, вы справитесь. Кудряшу позвоню, надо же убийство расследовать.

-- Знающей-то? -- кривится крупный мужик. -- Да кому она нужна?

Я строю рожу и предоставляю Азамату отвечать на этот вопрос.

Домой в данном случае -- это на постоянный двор, который в день нашего приезда выскребли до такой степени, что даже слой дерева с пола и стен срезали. Первую ночь пришлось проветривать, потому что ароматные моющие средства в смеси с инсектицидами -- это тот ещё запах. Но сейчас там довольно приятно, внизу в гостиной сидят малочисленные, но очень довольные чистотой гости, добродушно таращатся на меня сквозь пивные кружки. Я не иду вверх, потому что там вечером так натоплено, что сауна не нужна.

Эцаган случаем интересуется вяло. Знающих он, как и все муданжцы, не любит, и тратить ресурсы на то, чтобы найти убийцу, не очень хочет. Однако всё же за дело берётся, потому что от Алтонгирела знает, что погибший насильственной смертью знающий и после смерти будет чинить беды, если не разобраться. Да и тело найти надо, не оставлять же опасное место. Чем именно опасно такое место, Эцаган объяснить затрудняется, но об этом он тоже от Алтоши слышал, а значит, это не просто поверье.

Наш разговор по буку неожиданно прерывает Тирбиш, позвонив мне на телефон. У него внезапно заболела мать, её забрали в Дом Целителей, а отец в отъезде вместе со старшими братьями, и с мелюзгой совершенно некому сидеть. Проникшись ситуацией, я, конечно, отпускаю Тирбиша домой, даже вызываю ему казённый унгуц. И только потом осознаю, что Алэк таким образом остаётся с одним Ароном, если не считать неизвестного с ружьём.

Я звоню Арону и полчаса компостирую ему мозги по поводу безопасности и ухода за ребёнком, заставляю записать список всех окон, дверей, балконов и канализационных труб, через которые можно хотя бы теоретически проникнуть в дом. Требую, чтобы он прошёлся с планшетом и показал мне по видео, как он всё запирает. Когда заканчиваю, аж пот по лицу течёт, так напряглась. Ну ладно, ночь должны пережить, а завтра уже и мы вернёмся.

Азамат с Киrom и Хосом приходят глубокой ночью, ледяные и голодные, но вполне довольные. Хос настороженно обнюхивает помещение и косится на других постояльцев, но уже не так нервничает, как вначале.

-- Азамат, твой брат ведь может нормально присмотреть за Алэком, да? -- жалобно спрашиваю я.

-- Конечно, -- без тени сомнения отвечает муж, снимая с моих плеч гору-другую. -- А почему такой вопрос?

Я объясняю про Тирбиша.

-- Вот как... -- понимающе кивает Азамат. -- Ну ничего, мы завтра пораньше вылетим, быстренько в сад зайдём, с Хависом раскланяемся, и домой.

-- Ой ещё же в сад! -- вспоминаю я, морщась. -- А там же Ирлик будет! Это навсегда! Может, ну его?

-- Договорились вроде бы, -- пожимает плечами Азамат. -- Подводить бога -- нехорошо. Попробуй ему позвонить, что ли...

Я пробую, но Ирлик не принимает вызов. То ли не научился ещё, то ли не дома. И что у него за дела такие срочные возникли? Надеюсь, нас он не собирает в них втягивать.

-- Не переживай, -- успокаивает меня муж. -- Арон прекрасно справится, у него своих детей двое. Всё будет хорошо с нашим мальчиком.

Я киваю, но на душе у меня как-то не очень радужно.

Глава 30

Утро не откладывается в моей памяти, потому что когда Азамат говорит "пораньше", это значит, что поспать вообще не удастся. Я утешаю себя тем, что до дома по-любому высплюсь, если только не накручу себя на бигуди из-за Алэка. Но вообще большой плюс выездов -- это что спишь на них, как убитый.

Мы приземляемся на ту же полянку, и Хавис уже поджидает нас неподалёку. Стоит неподвижно, скрестив руки и с интересом наблюдает, как мы садимся, поднимая облака рассыпчатого снега.

Хос выскакивает первым и принимается мурлыкать и сипеть, обильно шевеля ушами. Видимо, повествует о вчерашних успехах.

-- Ну хоть что-то в голове осталось, -- резюмирует Хавис и переводит взгляд на нас. -- Вам от меня ещё чего-то надо?

-- Никак нет, -- весело рапортует Азамат. -- Мы хотели тут по соседству зайти в Ирлик-хонов сад. Вы, кстати, не знаете точно, где вход? У нас только пометка на карте есть...

-- Мангустов сад?! -- шёпотом изумляется Хавис, прижав уши так, что капюшон у него на голове оседает. -- Откуда вы-то о нём знаете?

-- Он мне проиграл питейное соревнование, -- сонно сообщаю я.

-- Вы его вообще видели вживую, а не во сне? -- не верит Хавис.

-- Видели... -- начинает Азамат, но Хос его перебивает:

-- Даже я его видел! Два раза! Он меня за ухом почесал!

Хавис на секунду отворачивается, потом качает головой.

-- Да, не удивительно, что ты к этим людям прилип, если им сам Мангуст такую честь оказывает.

-- Он здесь-то не появлялся сегодня? -- интересуюсь я. -- Мы договаривались встретиться...

-- Уж я бы заметил, если б он тут был, -- ворчит Хавис. -- Я-то его много раз видал, а его пойдти не узнай. Только вот не знаю, как вы в сад собрались попадать. Там стража такая, оса не пролетит.

-- Ну, вообще, он мне разрешил, сказал, в любое время могу пользоваться, только фруктов брать немного.

Хавис принимается ковыряться в зубах.

-- Ну пошли, -- говорит наконец. -- провожу до входа, а дальше как хотите. Туда, -- он кивает в сторону гор.

Мы делаем несколько шагов по снегу, но он мне до середины бедра, так что быстро не получается.

-- А далеко? -- спрашиваю, размахивая руками для равновесия.

-- С такой скоростью -- до ночи будете идти, -- критикует Хавис.

-- Ох, люди беспомощные... Сейчас протопчу.

Он отходит подальше, причём плывёт по снегу, как будто мгновенно протапливает себе дорогу, а оказавшись метрах в десяти от нас, превращается. Нет, мы, конечно, ожидали, что взрослый демон в кошачьем обличье должен быть большим. Но этот в холке выше Азамата...

-- Круто, -- резюмирует Кир.

-- Не могу не согласиться, -- откликается Азамат.

Гигантский барс фыркает и направляется в лес, разметая исполинским хвостом тот снег, который не примял лапами. Мы идём

следом по дороге -- машина проехать может.

-- Я говорил, -- хихикает Хос, -- отец большой.

-- Да, но у него... обманчивая человеческая внешность, -- замечает Азамат.

-- Это он стал маленьким, чтобы вас не пугать, -- объясняет Хос.
-- Взрослые могут менять размер.

-- У Ирлика тот же скилл, -- вспоминаю. -- Вот оно и родство...

Чем ближе мы подходим к горам, тем больше вокруг мелькает живности, хотя лес редееет. То несколько воронов над головой перекличку устроят, то зайцы из-под ног выстреливают, то рыжий хвост между ёлок мелькнёт... Азамат периодически сверяет наше перемещение с картой и компасом -- идём мы не прямо, а какими-то звериными тропами. Впрочем, чему я удивляюсь?

Когда последние ёлки расступаются перед нами, мы оказываемся лицом к лицу с монолитной скалой, которая тянется в обе стороны, слегка закругляясь по краям.

-- Как видите, вход закрыт, -- насмешливо фыркает Хавис.

-- А что, -- хмурится Азамат, -- он тут должен быть? Тут же ни дверцы, ни трещинки.

-- В том-то и дело, -- поясняет хозяин леса. -- Если бы хранители решили вас пустить, была бы и дверь, и коврик у порога. Я видел пару раз, как сам Мангуст входил или его слуги. Тут ворота резные открываются, не то что дверь. Не знаю, конечно, может, нам с Хосом отойти, нас-то никто не приглашал...

Он приподнимает брови, намекая, что и мы скорее всего приврали на этот счёт. Кир зыркает на него с укоризной.

Я задумчиво оглядываю неприязненную лысую стену.

-- Скажи "друг" и войди, -- вспоминается из книжки. Но эльфийская магия тут явно не работает, и никакая волшебная дверь из камня не проступает.

Азамат вздыхает.

-- Боюсь, что всё-таки придётся дожидаться самого Ирлик-хона и уточнить.

-- Ну ага, он придёт к ночи, в отместку за то, что Хос в тот день проспал, -- ворчу я, отбирая у мужа карту. -- Нет уж, или ищем вход, или летим домой, никаких ожиданий. -- Ты хоть помнишь, что именно он про этот вход говорил?

Азамат призадумывается.

-- Что тут только вход, а сам сад в другом месте... Что-то про гору ещё...

На карте обведён кружочком участок скалы, а от него в сторону леса отходит чёрточка. По идее, она кончается как раз там, где мы стоим. Как же он сказал? Вход у горы? В горе? За горой? Под горой!

-- Войти можно под горой! -- выдаю я. -- Давайте у подножия поищем.

Мои мальчики сразу оживляются и топают по снегу вплотную к скале. Там чуть помельче, чем в лесу, видимо, на открытом месте ветром сдувает. Кир идёт направо, Азамат налево, внимательно рассматривая поверхность. Я стою на месте и жалею, что я не хамелеон. Внезапно Кир с воплем ухает куда-то вниз. Мы кидаемся на помощь, но он выныривает с торжествующим видом.

-- Нашёл! Тут нора под горой! -- и снова скрывается в снегу.

Азамат спрыгивает следом.

-- Вы с нами? -- спрашиваю хозяев леса, но те мотают головой.

-- Мы тут подождём.

Пожимаю плечами и спускаюсь в каменный колодец, присыпанный снегом, где меня уже ловит Азамат. Кир подсвечивает телефоном узкий прямоугольный проход в глубь горы. Телефон у ребёнка какой-то навороченный, тонкий, мне казалось, Азамат ему что-то более небьющееся покупал. Конечно, мог и сам прибахлится, но штучка выглядит несколько дороже Кировой месячной зарплаты, половину которой он на моих глазах потратил.

-- Откуда у тебя такой коммуникатор? -- тоже удивляется Азамат.

-- Подарили, -- пожимает плечами Кир, делая осторожный шаг в темноту.

-- Кто?

-- Да мало ли кто может князю телефон подарить! -- взвывается Кир. -- Пошли уже, интересно ведь!

Мы переглядываемся, доставая собственные гаджеты с подсветкой. Ребёнок явно что-то скрывает, но это действительно может подождать.

Лаз оказывается довольно коротким, метров пятнадцать, наверное. В конце у него толстенная деревянная дверь, которую

Азамат легко открывает, как только понимает в какую сторону. Ну, зная моего мужа, подозреваю, что он и в обратную так же легко открыл бы.

Из-за двери веет духотой и ослепляет внезапно ярким светом. Мы протискиваемся в узкий проём и обалдело останавливаемся. Вокруг -- лето. Синее небо, зелень, цветы, знойный ветерок, шмели жужжат...

-- А, вот и вы! -- слышится радостный голос Ирлика.

Оглянувшись, мы замечаем его, привалившегося к скале справа от нас. И то сказать, удивительно, что мы не увидели его сразу, потому что он не просто в божественном обличье, но и метра четыре ростом. Видимо, при нагреве расширяется.

-- Здравствуйте, Ирлик-хон! -- приветствует Азамат, стаскивая шубу. Мы следуем его примеру. -- А мы думали, вы с нами снаружи встретитесь.

-- Да ну, там холодно, -- отмахивается Ирлик. -- И мне было любопытно, сможете вы сами вход найти или нет. Ладно, пойдёмте уже скорее за урожаем, у меня теперь времени совсем нет.

-- Чем же ты таким занят? -- интересуюсь я. -- И можно мы тут тёплую одежду оставим? А то таскать туда-сюда...

-- Оставляйте и бегом, по дороге расскажу, -- нетерпеливо притопывает ногой Ирлик. От его топаний земля немного вздрагивает, а шмели теряют цветочки, на которых сидели.

Мы разоблачаемся и разуваемся и в темпе разминочной пробежки следуем за Ирликом по цветущему лугу. Никакой тропы под ногами нет, только ползучие луговые травы. Вокруг холмисто, но на горы совсем не похоже.

-- А где сад-то? -- спрашиваю я. -- Драконьи яйца ведь на деревьях растут, правда?

-- Впереди, -- ценно отвечает Ирлик. -- Мы ещё пару туннелей проскочим прежде чем там оказаться.

-- Надеюсь, они только пространственные? -- нервничаю я. -- А то нам задерживаться никак нельзя, ребёнок дома один!

-- Они даже немного ускоряют время, -- успокаивает Ирлик. -- На пару минут. Не бойся, Лиза, я теперь это всё просчитывать умею, я так прокачался!

-- Э-э... ты про игры? -- уточняю я. Ирлик действительно очень быстро овладевает жаргоном.

-- И про игры тоже! Короче... помнишь, ты мне дала эти штуки, где загадки в пещерах решать надо?

-- Конечно помню!

-- Ну да, ты-то не страдаешь... Так вот, я тут узнал, что их можно делать самостоятельно!

-- Загадки?

-- Игры! -- Ирлик радостно скалится через плечо, не сбавляя шага. А шаги у него соответствуют размерам.

-- А, ну конечно можно, только нужно уметь, -- отвечаю я довольно бессмысленно, переваривая услышанное. Ирлик, делающий компьютерные игры? А дальше что? Ирлик, завоёвывающий мир и населяющий его симпатичными кошколлюдьми?

-- Так я нашёл учебники, -- продолжает рассказывать Ирлик в то время как мы проносимся мимо мерцающего лазурью озера. -- И написал игру. Не потрясающе гениальную, конечно, но... просто гениальную. И победил в конкурсе новичков в этом деле.

-- Мои поздравления! -- включается Азамат. -- Вы потрясающе быстро осваиваете всё новое!

-- Да не то чтобы, но спасибо, -- ухмыляется Ирлик. -- Ага, мы почти на месте.

Я прибавляю шаг и чуть не врезаюсь в дерево, которого секунду назад тут и в помине не было.

-- Пришли, -- сообщает Азамат, поднимая голову.

Вокруг нас теперь действительно сад из тонких изящных деревьев с продолговатыми явно тропическими листьями.

-- Ну вот, -- Ирлик делает широкий жест. -- Угощайтесь.

Нижние ветки деревьев заканчиваются чуть выше моей головы. Теперь мне становится ясно, зачем Ирлик сегодня такой высокий: с этого роста он спокойно дотягивается до большей части фруктов.

-- Ну что ж, Кир, полезай на дерево, -- предлагает Азамат. -- Ты самый лёгкий. Я тебе дам пакет, в который собирать, а мы внизу принимать будем.

Кир запрокидывает голову, прикидывая, как лучше лезть на ближайшее дерево. Я подхожу к нижним веткам. Фрукты на них круглые, с листочками сверху, и разных цветов.

-- А какие спелые? -- спрашиваю.

Ирлик молча срывает и подаёт мне чёрный блестящий плод в твёрдой кожуре. Пока я его верчу и рассматриваю, Азамат срывает с низкой ветки такой же и вынимает из него хвостик, легко, как из малины. Я следую его примеру.

-- И что дальше?

-- Его как-то вскрывают... Я их вживую один раз видел только.

Ирлик смотрит на нас с любопытством и усмешкой и помогать явно не собирается.

Азамат некоторое время вдумчиво ковыряет спелое яйцо, я извиняюсь, в итоге попытка "вскрыть" мангустово яблоко увенчивается мощной струёй зелёного сока Азамату в грудь. Хорошо, что рубашка на нём не парадная, и вообще фабричная, но теперь эти потёки зелёной крови в чём-то довершают его образ демонического правителя. Среднестатистические подданные при виде такого в обморок бы попадали.

Ирлик покатывается со смеху.

-- М-да, не так, -- резюмирует Азамат, оглядывая нанесённый ущерб.

-- Может, ножом попробовать? -- предлагает Кир, одновременно доставая из кармана понтовый складной нож, отделанный мозаикой из перламутра.

-- Сынок, -- мягко произносит Азамат. -- А откуда у тебя такой нож?

Кир вздрагивает, как будто его поймали с поличным.

-- Подарок, -- буркает он.

-- И кто же тебе такие подарки дарит? -- тем же вкрадчивым тоном интересуется Азамат, пока Кир весьма успешно разделяет сорванный с дерева фрукт. Внутри толстой кожуры у мангустова яблока оказывается что-то вроде зелёной головки чеснока, только очень мягкое и сочное. Кир выковыривает один зубчик кончиком ножа и отправляет в рот, делая вид, что не услышал вопроса.

-- Я надеюсь, -- тихо говорит Азамат, пока Ирлик всё ещё хохочет и не слушает, -- это никак не связано с твоей столичной компанией?

Кир прожигает его взглядом.

-- Я тебе уже говорил, что они не воры. И я не вор. Я никогда ничего не крал.

-- Я знаю, -- уверенно говорит Азамат. -- Меня просто немного смущает, что ты отказываешься сказать, кто тебе дарит вещи.

Ирлик меж тем перестаёт смеяться и начинает прислушиваться, так что я резко перевожу тему, не хватало ещё перед ним ссориться.

-- Так ты сказал, что победил в конкурсе, -- напоминаю. -- И что было дальше?

-- Ах да! -- оживляется Ирлик, срывая яйцо и ловко разрезая кожуру когтем. -- А дальше было награждение. Я про него заранее знал, но забыл, понимаешь ты. А оно было как раз в тот же день, что вы двинулись на севера. Вот и пришлось вас отменить.

Мои расчёты оправдываются: заговорив о своих достижениях, он тут же забывает про услышанный обрывок разговора. Кир, воспользовавшись тем, что от него все отвлеклись, наконец-то лезет на дерево.

-- Подарили мне приз, -- продолжает Ирлик. -- Огромный-огромный планшет, целую стену у меня в тронном зале занимает. Так что ваш я могу вернуть. Я ещё там, где награждали, купил себе телефон и такую штуковину... опять забыл название... в общем, типа очки и наушники вместе, и можно прямо в них глазами управлять, а пальцами в экран не тыкать.

-- Энцефалолинзы? -- ахает Азамат. -- А они уже поступили в продажу?

-- Видимо да, -- пожимает плечами Ирлик, отправляя в рот очередной фрукт. -- У них там они были на витрине, мне рассказали, что это. Я говорю, купить можно? Они на меня так посмотрели странно, назвали цену. Я купил.

-- Я себе представляю, -- вздыхает Азамат. -- Мне-то копить придётся, наверное.

-- А что это за штука? Типа тех линз, про которые ты говорил? Компьютер в глазу?

-- Нет, это как очки, только они могут считывать мысленные образы прямо с нейронов через глаз. Я очень хочу их для заметок и поправок к документам всяких, а то часто на набор и форматирование больше времени уходит, чем на саму мысль.

-- Да, это с ними можно! -- подхватывает Ирлик. -- А ещё можно картинки прямо из головы вставлять. Для меня это самое важное, рисую-то я отвратно, у нас Умухх всякими художествами занимается, а

я-то не силён... Так тут представил себе картинку -- и вот она на экране. Другие разработчики обзавидовались, конечно...

Азамат принимает у Кира полный пакет и даёт ему второй.

-- А ты сказал им, кто ты такой? -- продолжаю я расспрашивать Ирлика, ковыряя мангустово яблоко.

-- Не, Змееловом назвался. Когда людей много, с ними трудно общаться в истинном обличье. Пугаются, не слушают... По одному ещё ничего. Но я и на форуме у них Змееловом зовусь. Да, я же главного-то не сказал! Я сначала пришёл на форум этих разработчиков, стал им вопросы задавать. Ох они меня и опускали... Я ж совсем был нуб, вообще ничего не знал. Они уж и смеялись надо мной, и ругались... Ну, я -то не обидчивый, потом, когда разобрался чуток, зашёл, почитал свои вопросы, сам укатался. Но не в том суть. Был там один добрый человек, надавал мне ссылок на учебники, всякие полезности, в общем, помог. И на награждении я его встретил. Оказалось, он давно уже хочет на Муданге создать фирму нормальную, чтобы делать всякие навороченные игры, но у него нет первичного капитала. И вот когда меня награждали, попросили выйти на сцену, сказать пару слов. Ну и я сказал, так и так, меня вот все дерьмом поливали, а нашёлся один добрый человек. Я добрые дела не забываю, мне их нечасто делают, вот и хочу поблагодарить, вложу миллион мингей в его дело. Лиза, это надо было видеть их лица! -- восклицает Ирлик, потрясая руками и начиная смеяться. -- Как они на меня смотрели, святые источники, я там чуть со сцены не рухнул от хохота!

-- Могу себе представить, -- ухмыляюсь я. -- Вот это облажались мужики.

-- Не говори! -- покатывается Ирлик.

-- Так вы теперь инвестор? -- улыбается Азамат, подавая Киру новый пакет.

-- Да, такое слово слышал, -- кивает Ирлик. -- Но кроме того, я же и сам хочу игры делать, тем более с этими очками -- вообще легкотня. Вот мы и договорились, что я пока буду писать всё, что в голову придёт, а мужик тот -- просматривать и помогать советом. Потому и времени у меня в обрез, надо ведь регулярно ему посылать, так что я сию работу целыми днями. Хотел завтра первую отправить, простую совсем, но красивую... -- Ирлик мечтательно жмурится. -- Потом, когда доделаю, вам покажу.

-- Давай, -- улыбаюсь я. -- Нам интересно. И ту, с которой конкурс выиграл тоже.

-- Да-да, обязательно, -- заверяет Ирлик. -- Ой, так я про время! Вы же тоже торопитесь. Давайте этот мешок донабивайте и пойдём, я не жадный, но у меня столько идей, если быстро не запишу -- забуду!

-- Окей, щас побежим! -- улыбаюсь я, срывая ещё пару драконьих яиц. Люблю увлечённых людей, а уж увлечённых богов тем более. У Ирлика как-то даже черты изменились на более одухотворённые. И то сказать, после двухсот лет скуки найти себе такое потрясающее занятие!

Завязав мешки, мы мчимся к выходу в два раза быстрее, чем бежали туда. Азамат тащит все яйца на себе, то и дело перехватывая неудобные скользкие пакеты. Вокруг нас снова знойный луг, полный гудящих насекомых и духмяных цветов. А вот и скала с дверью. Мы спешно одеваемся и, пригнувшись (даже я) собираемся нырнуть в деревянную дверку.

-- Вот ещё, -- останавливает нас Ирлик. -- Я туда не полезу. Сейчас ворота откроются.

И правда, как по команде, в скале проступает ажурный узор, и через пару секунд вся скала на несколько метров в обе стороны превращается в створки кованых ворот, которые открываются прямо в снежный лес. По ту сторону так внезапно холодно, что очень хочется втянуться назад. Сразу и пар изо рта, и кожа на лице как будто на сборочку стягивается.

Проморгавшись и привыкнув к зимнему свету, мы оглядываемся... И видим там не двух, а примерно двадцать двух хозяев леса.

-- О! -- замечает Ирлик, выступая вперёд и протапливая вокруг себя небольшую проталину, в которой тут же прорастает газон. -- Собрались мои зверьки.

В течение нескольких секунд ответа нет, только кивки вразнобой, шевелятся уши и усы, да некоторые сжимают и разжимают пальцы на передних лапах. Я нахожу взглядом Хоса -- он самый маленький -- а вот его отца уже не могу узнать. Кошачьи тела повсюду -- развалились на снегу, сидят на отдельностоящих камнях и даже -- кто помельче -- болтаются на верхушках ближайших деревьев.

Наконец один из гигантских барсов встаёт и превращается, став высоченным дедом с причудливыми татуировками в тех местах лица, которые не поросли бородой, усами, бровями и прочим меховым покровом. Последовав его примеру, все остальные хозяева леса тоже обращаются, и перед нами предстаёт целый парад громадных, косматых, заросших и малость ободранных суровых северных мужиков разного возраста.

-- Здоровья тебе, предок Мангуст, -- сипят они зомбирующими голосами. -- Не пожги наши леса, не отбери наших котят...

-- Котят не возьму, -- ухмыляется Ирлик. -- За леса не отвечаю. Хотя мне последнее время не до того. Вы вот что... Я сегодня спешу, у вас какая-то срочная просьба, что ли?

Старик-исполин кланяется и вопрошает:

-- Скажи, предок, что нам делать с людьми?

-- С людьми-то? -- Ирлик косится на нас и подмигивает. -- Привыкать. Сколько вы ни прятались от них, ничего не сделаете. От людей никуда не деться. Такова их природа. Если вас действительно интересует мой совет, то... как это говорят... расслабьтесь и получайте удовольствие. А теперь брысь по норам! Я спешу.

Коты отвечают разрозненным фырканьем и начинают расходиться. Те, что сидят на деревьях, превращаются, залезают ещё повыше и прыгают, растягивая межлапные перепонки, их подхватывает сильным снежным ветром и уносит довольно далеко прежде чем они зацепятся за другое дерево и повторят прыжок. Самые крупные, однако, расходятся пешком, хотя и тоже довольно резво. Наконец остаются только Хос, Хавис и вытоптанная гигантскими лапами окраина леса.

Мы с Киром глубоко и облегчённо вздыхаем. Азамат достаёт платок и тщательно вытирает пот со лба. Тут градусов минус двадцать, наверное, ничего себе он вспотел. Как бы не простудился.

Ирлик достаёт из кармана мобильник -- как у Кира -- смотрит на него и подпрыгивает на месте, создав небольшую снежную лавину.

-- Заболтался я с вами ребята, а мне ещё кучу всего надо сделать до ночи, иначе не уложусь в срок! Всё, пока! Хос, Хавис, удачи вам, зверята, до встречи!

С этими словами он кувыркается назад, обращаясь в мангуста и просто проваливается сквозь землю.

Хозяева леса подходят к нам поближе, косясь на то место, где исчез Ирлик.

-- Ну тут и компания была... -- протягивает Кир, ещё не отошедший от вида гигантских котов.

-- Напугались? -- весело сипит Хавис, приняв более человеческий масштаб. -- То-то же. Тут, на севере, у нас заселение плотное, ни артуна леса без хозяина. Это на юге вы, люди, нашего брата проредили.

-- Мне искренне жаль, -- устало отзывается Азамат. -- Ну как, благословляете котёнка со мной работать?

Хавис подпихивает Хоса вперёд, тот издаёт гортанный мяф и кусает отца за мохнатое ухо. Хавис взерошивает ему волосы и свешивает их на лицо, так что Хосу приходится помотать головой, чтобы убрать чёлку из носа. В итоге он громко чихает.

-- Смотри! -- понукает его Хавис. -- Приехал тут, с людьми, в летней шкуре. Заболеешь, они тебя такой гадостью лечить будут! Вон, женщина-целитель, ты её понюхай, сразу всё поймёшь.

Хос только довольно улыбается и мурчит.

-- Мда, -- заключает Хавис, -- немного воспитания ему не повредит. Я тебе, Байч-Харах, доверяю обучить этого хвоста притворяться человеком, раз уж он выбрал себе такую судьбу. Но чтобы летом был у матери под боком, я приду и буду воспитывать сам!

-- Обязательно, -- с улыбкой соглашается Азамат. -- Ну что же, мы бы двинулись в обратный путь, а то дело к полудню, а у нас дома дела...

-- Давайте, -- отпускает нас Хавис. -- За яблоками можете ещё прилетать, только тихо, не раздражайте старших котов. Не обижусь, если зёрен какао мне покинете как-нибудь, раз уж Мангуст говорит, что всё равно от вас не отделаться.

-- Правильно мыслите, -- ухмыляюсь я. -- Ирлик вот тоже считает, что от людей надо получать пользу.

-- Посмотрим, -- беззлобно ворчит Хавис. -- Ну бывай, котёнок. Летом повидаемся.

Хавис мощным толчком в спину отправляет Хоса кувыркком в сторону нашего унгуца, и мы спешим следом, а старшего кота уже и след простыл.

Стоит мне оказаться в кабине и устремиться мыслями к родному дому, как накатывает недоброе предчувствие. И как я вообще могла оставить своего ребёнка с Ароном? Он ведь мало того, что беспомощный и всего боится, он ещё и с идеями!

-- Азаматик, а мы не можем немного прибавить ходу? -- спрашиваю, поскольку мне кажется, что ёлки недостаточно быстро мелькают за окном.

-- Не стоит, -- отвечает он медленно. -- Я немного устал, концентрация внимания так себе.

-- Ну давай я поведу, я совсем не устала! -- немедленно предлагаю я.

-- Скоро стемнеет... -- замечает муж. -- Ты справишься?

-- Конечно, чего там, погода ясная... Давай-ка руль.

Азамат одновременно с сомнением и облегчением передаёт мне управление и сползает на своём сиденье. Кир с Хосом сзади таращатся каждый в своё окно, тоже, видимо, утомились. Я бы и сама, может, предпочла бы отдохнуть, но нечистая совесть добавляет энергии в виде шила в задую.

-- Кир, малыш, -- Азамат оборачивается за спинку сиденья, -- ты не мёрзнешь?

Я кошусь на ребёнка через плечо.

-- Не-ет, -- удивлённо говорит Кир, пристраивая куртку между щекой и стеклом для мягкости.

-- Хос, а ты?

Хос шуршит у меня за спиной.

-- Что? Тепло, да...

-- Приятно было с отцом повидаться? -- усмехается Азамат.

-- Да, -- соглашается Хос. -- Очень. Спасибо. Другие коты тоже хорошие. Столько сразу не видел раньше. А когда опять работать?

-- На следующем выезде, -- пожимает плечами Азамат. -- Через пару дюжин дней, я думаю. Тебе как-то готовиться нужно?

Хос шумно чешет за ухом.

-- Говорить надо учиться. И много людей -- очень страшно.

-- Ну уж твою безопасность мы обеспечим! -- фыркает Азамат. -- А говорить приходи к нам, потренируешься.

Со стороны Хоса никакого ответа не следует, видимо, кивнул и снова уставился в окно.

Короул сегодня кажется мне особо устрашающим. Нет бы Ирлику нас подкинуть, как в тот раз. Так он тоже спешил... А тут такие разверстые алые пасти... Брр!

-- Холодно? -- заботливо спрашивает Азамат.

-- Да нет, вид из окна внушает трепет. Ты сам-то не замёрз ли? У всех спрашиваешь.

-- Да вот, что-то мне зябко, -- признаётся Азамат. -- Кир, сынок, не достанешь мне из багажника жилетку?

Кир копошится на заднем сиденье и вскоре протягивает вперёд пуховую душегрейку, в которую Азамат радостно заворачивается, застегнувшись на молнию и все кнопки. Сок на рубашке побурел и засох, вряд ли пачкается.

-- Вот, так намного лучше, -- признаёт он, устраиваясь поудобнее.

-- Как думаешь, -- говорю по возможности беззаботно, -- у Арона там всё нормально? Может, позвонишь ему?

Азамат извлекает телефон.

-- Над Короулом никогда нет связи, это только если приземляться и устанавливать усилитель. Ладно уж, долетим. И я вполне уверен, что там всё хорошо.

Я открываю рот, чтобы возразить, но тут Азамат оглушительно чихает.

-- Ага, погулял по морозцу, -- говорю я вместо того, что собиралась. -- Аптечка в бардачке. Кир, там в термосе ещё что-нибудь есть?

Азамат прилежно выпивает несколько таблеток и втягивает голову в воротник жилетки.

-- То-то я так устал от небольшой прогулки, -- бормочет из глубины. -- Лет двадцать не простужался, забыл, как это бывает.

Я немного притормаживаю и щупаю ему лоб -- единственное, что торчит снаружи. Горячий. Ладно, не буду его тревожить со своими предчувствиями, всё равно пока не долетим, ничего не узнаем. И судя по дыханию, он уже заснул.

Дом встречает нас уже в сумерках радостными жёлтыми окнами первого этажа и мерцающими габаритными огоньками. Заметив, что мы снижаемся, Кир оживает:

-- Хос, ты обещал показать, как планируешь с унгуца!

Хос открывает один сонный глаз и зевает так широко, как у человека рот не открывается.

-- Другой раз, -- тоном, не допускающим возражений, отвечает он. -- Я вчера с дерева прыгал, ты видел.

-- Ты каждый раз откладываешь, -- надувается Кир.

-- Сам прыгай, -- предлагает Хос.

На этом тема исчерпывается, потому что мы садимся.

-- Ребят, ну вы всё перетаските, правда? -- быстро выговариваю я, одеваясь и вылезая из кабины. -- Мне надо Алэка проверить.

-- Начнём перетаскивать с отца? -- предлагает Кир, оглядывая спящего Азамата. -- Ладно, мы сейчас.

Мне, в общем, всё равно, что он отвечает. Я уже несусь к дому.

Парадная дверь не заперта. Я распахиваю её настежь и влетаю в прихожую, где во всю пощелкает свет. Оттуда -- в кухню, где тоже свет, но никого. В гостиную...

Там двое на диване. Нет, трое. Арон -- раз, Алэк -- два, и Арават. Который держит моего деточку.

-- Отдай сюда немедленно! -- ору я таким голосом, что хор хозяев леса бы позавидовал.

Арават, явно не ожидавший моего появления, на секунду теряется, так что я успеваю подскочить к дивану и выхватить у него Алэка. Только отпрыгнув к противоположному концу комнаты, я осматриваю мелкого.

Он живой, не плачет, удивлённо на меня смотрит. Прижимаю его к животу, с трудом выпихивая из себя вздох облегчения -- надо же и дышать когда-то начать.

-- Бешеная тёлка, -- ворчит Арават.

Я без особой надежды начинаю соображать, что ему ответить, и вообще с какого конца начать любезную беседу, но меня отвлекают голоса из прихожей. Быстро они... Или я не заметила, сколько времени приходила в себя.

Арават встаёт.

-- Азамат! -- зову я. Ну, где моё подкрепление?

Арават делает шаг ко мне, я вжимаюсь в стену. Он что-то говорит.

-- Азамат!!! -- повторяю я ещё громче.

Ничего не меняется, только враг всё ближе.

Я принимаюсь визжать изо всех лёгких, чтобы стены прошибло, даже с прекрасной мударанжской звукоизоляцией.

Азамат, Кир и Хос врываются в гостиную одновременно и застывают на пороге. Арават тоже замирает. Я давлюсь визгом и кашляю. Алэк начинает хныкать.

-- Что тут происходит?! -- рычит Азамат. Голос у него нездоровый, гундосит немного.

-- Жена твоя сбесилась, вот что происходит, -- отвечает Арават.

-- Он тут Алэка трогал! -- сиплю я, пытаюсь укачать расстроенное дитяtko.

Азамат обводит горячечным взглядом комнату и обращается к Арону, который вжался в угол дивана и делает вид, что его тут нет.

-- Как он здесь оказался?

-- В дверь позвонил... Ну я же не мог отца не пустить! -- защищается Арон. -- Он ничего плохого не сделал...

-- Очень интересно, -- шипит Азамат так, что у Хоса шерсть на голове поднимается. -- Удружил, братец. Заявился, когда не звали, его, -- кивок на Аравата -- с собой приволок, завёл без спросу в дом чужой жены, да ещё когда особо сказали запереться и никого не пускать! Вот уж оправдал моё доверие, нечего сказать!

Он глухо кашляет пару раз и прижимает жилетку поближе к шее. Боже, ну почему всё плохо обязательно сразу?!

Арават упирает руки в боки.

-- Я пришёл на твоего сына посмотреть, и вошёл бы, Арон там или не Арон. Стыд надо иметь -- родному отцу наследного князя не показать! Вроде я от тебя отрекался, а кажется, будто ты от меня!

-- Как бы не пришлось так и сделать, -- мрачно хрипит Азамат. -- И стражу поставить по всему побережью. А то мало ли зевак хотят на князя поглазеть. Тебе здесь делать нечего. Это Лизин дом, и она тебя не приглашала. Уходи.

-- Выставляешь, значит, старика на улицу? -- кривится Арават. -- Хорош Император.

-- Ничего, -- поднимает голову Азамат. -- Сюда как-то пришёл, так же и уйдёшь. Сколько ты тут уже в лесу живёшь? Вроде ничего не отморозил. И любимчика своего заведи, -- кивает на Арона. -- А то как бы он сюда армию джунглей не позвал в следующий раз.

Кир, до сих пор прятавшийся где-то за Хосом, вдруг вцепляется Азамату в рукав.

-- Отец, это не он! -- шипит ребёнок.

Азамат хмурится и дёргает рукой.

-- погоди, Кир, не до тебя.

-- Да нет, я говорю, дядя Арон тут ни при чём! Это из-за меня Арават приехал!

Мы с Азаматом вытаращиваемся на Кира.

-- Я с ним познакомился в Ахмадхоте, -- нехотя объясняет ребёнок. -- Это он мне подарил... вещи... ну, нож там, телефон... Я у него обедаю иногда. Он сюда приехал со мной повидаться. Он не плохой, -- Кир просительно заглядывает Азамату в глаза. -- Правда, отец...

-- Я знаю, -- глухо отвечает Азамат и снова заходится кашлем, прижимая ладонь к груди.

-- О как! -- иронично удивляется Арават. -- А раз знаешь, в чём же тогда дело?

-- В том, что ты никак не найдёшь в себе сил извиниться! -- вставляю я. Алэк притих, хотя скорее от растерянности, чем от душевного комфорта.

-- Да что б ты понимала, женщина, в мужских делах! -- рявкает на меня Арават. -- Сама подумай своим жалким умом! Кем бы он был сейчас, кабы я его с планеты не выпер?!

-- Счастливым человеком! -- огрызаюсь я.

-- Да щас! Женился бы на этой клуше Алансэ, ползал бы перед ней на брюхе, завёл бы ферму, вон, как братец, и жрал бы лебяжьё лапшу до скончания дней! Я ему услугу сослужил!

-- Ага, медвежью! -- выпаливаю я.

Все мужики озадаченно на меня смотрят, пытаюсь понять, причём тут медведи. Первым находится Азамат, который, возможно, слышал это выражение от мамы, ну или просто понял, что оно из моего языка забежало.

-- Вот не надо, -- горячо говорит он Аравату. -- Не надо меня теперь убеждать, что это было для моего же блага. И, кстати, Алансэ за меня всё равно бы не пошла, у неё стандарты под стать твоим. И вообще, если ты считаешь, что человека можно воспитывать такими методами -- что ж, пожинай плоды.

-- Правильно, -- кивает Арават, -- а ты, конечно, знаешь, как надо людей воспитывать! Ребёнку толком не представился, зубрёжкой замучил и бросил, как надоевшую игрушку!

Азамат багровеет, и явно не от стыда.

-- Ничего подобного! -- выпаливает Кир. -- Я сначала не понял, но теперь я всё понимаю! И это было давным-давно!

Хос сливается со стеной, Алэк начинает хныкать. Ой, надо что-то делать, они же сейчас вообще подерутся!

-- Котик, -- тихонечко трогаю Азамата. -- Только не убей его, пожалуйста. Он тебя нарочно злит, ты же понимаешь.

Азамат с видимым усилием сдерживается и выдыхает.

-- Что-то тут жарко, -- говорит, утирая пот. Подумав, стаскивает жилетку. У Аравата внезапно расширяются глаза.

-- Ты... сынок... что случилось?!

Азамат моргает.

-- Что ж ты сразу не сказал... -- бормочет старик в оцепенении. -- То-то кашляешь... Девка, что ж ты его не лечишь?

-- Да я бы полечила, только тут... -- начинаю, но Азамат вдруг начинает хохотать. Я осекаюсь и воззряюсь на него -- не рехнулся ли? И тут тоже замечаю пятно "крови" у него на рубашке. Меня тоже пробивает на ржач. Кир хихикает. Хос тоже хрюкает, хотя не знаю, понял ли он, в чём дело.

-- Ты не ранен? -- робко вопрошает из своего угла Арон.

-- Нет, конечно, -- фыркает Азамат. -- Это сок драконьих яиц, он на воздухе буреет. А кашляю я, потому что простудился.

Арават украдкой вытирает лоб.

-- Ты меня так не пугай, я старый уже, -- говорит. -- Мне хватило одного раза тебя чуть не похоронить. Воспитание -- воспитанием, а разозлился я тогда на совесть, знаешь ли. Нет, ну это надо! Чуть не погиб ради каких-то шакальих баб, да ещё такое лицо угробил! До сих пор, как подумаю, аж трясёт от злости! -- Арават показательно стаскивает кулаки. Потом переводит дыхание. -- Ну хоть ребёнка красивого сделал, и то утеха старику.

Он замолкает, а Азамат как-то странно, напряжённо на него смотрит. Будто ждёт. Арават и вправду колеблется, то откроет рот, то отвернётся... Арон издаёт какой-то звук, и я грожу ему кулаком. Этому идиоту нужно ввести вакцину своевременности, да поболезненнее.

Наконец Арават накачивает в чакры достаточно космической энергии, чтобы еле слышно, сдавленно, глотая звуки, выдавить:

-- Прости, сын.

Из Азамата как будто какие-то подпорки выпали. Он весь оседает и расслабляется, как тряпичный. Даже пошатывается немного, но его Кир по-прежнему за локоть держит.

-- Конечно, -- безголосо отвечает Азамат. -- Конечно прощаю. Ты же знаешь, я всегда всех прощаю, стоит только попросить...

Мы все стоим чуть не минуту в полной тишине, впитывая историчность момента. Потом Азамат и Арават одновременно решают, что стоять больше невозможно и с некоторым трудом разбредаются по сидячим местам. Арават просто падает на диван, как будто извинение отняло у него последние жизненные силы. Азамат опускается более грациозно, потом трёт лицо руками.

-- Лизонька, со мной надо что-то делать, а то я так до следующего выезда проболую.

Я молча киваю и подзываю Кира.

-- Уложи братика, хорошо? Если сможешь, конечно.

Кир исчезает из гостиной вместе с Хосом, которого Азаматова родня даже не заметила, кажется.

Я перехожу в рабочий режим и перестаю обращать внимание на внешние раздражители. Загоняю Азамата в постель и, пока вирусный анализатор ищет, чем именно его пробрало, обрабатываю симптоматическими средствами. Очень хорошо, что мы здесь, а не в столице, потому что здесь у меня есть купленный ещё тогда на Гарнете вирусный анализатор -- прибор, разработанный специально для исследования чужих планет с непредсказуемой фауной; он определяет строение вируса и подсказывает, каким веществом его можно связать. В большинстве случаев сам же это вещество и генерирует из банка элементов. К сожалению, всё это занимает несколько часов, так что приходится пока сбивать зашкаливающую температуру и успокаивать бедняжку мужа, который уже двадцать лет не болел простудой и пятнадцать -- вообще ничем. Когда препарат наконец-то готов и введён в кровь, я отрубаясь прежде самого Азамата.

Глава 31

Поскольку Тирбиш в отъезде, а Азамат на больничном, кормить Алэка встаю я. Растрёпанная, со вчера немытая, в первой попавшейся

одежде, я топаю вниз с мелким наперевес. Он, под стать папе, в это время суток бодр и весел, увлечённо балакает о чём-то и цепляется за перила на лестнице.

Я сажаю его на кухне в детский стульчик и достаю всё для приготовления мясо-молочной каши по матушкиному рецепту. Этот продукт, наравне с прочим детским питанием, которое она рекомендовала, я прогнала сквозь несколько анализаторов, выяснила точный состав, жирность, калорийность и всё прочее, и даже послала образцы на экспертизу. Экспертиза мне ответила, что заинтересована в покупке патента, вот только породы и корм скота, из которого получают ключевые ингредиенты, для них загадка. Я им ответила, что изобретение не моё, мол, поговорю с источником. Не знаю уж, как матушка отнесётся к идее продать права на кашу...

Подо все эти мысли я минут десять вожусь с кашей и ребёнком, пока замечаю, что в кухне я не одна. На дальнем диване у окна притулился Арават.

-- О, -- интеллектуально говорю я. -- Ты уже тут.

-- Долго же ты думаешь, -- отвечает он. -- А я отсюда никуда и не уходил, мне Кир тут постелил.

Я припоминаю, что вчера бросила Азаматово семейство разбираться самостоятельно. Кир молодец, ответственный. Ну что ж, я, конечно, от вида свёкра не в восторге, но и устраивать скандалов больше не собираюсь. Он вчера всё-таки извинился, хоть и через пень-колоду. А у меня к нему, собственно, кроме его отношения к Азамату, претензий не было. Не помешало бы, конечно, ему и за свои воспитательные методы извиниться, ну да всему своё время. Главное, что у Азамата наконец-то разрешился его экзистенциальный кризис, и мне больше не нужно строить из себя богиню возмездия, можно ограничиться привычным амплуа вредной и своенравной инопланетянки.

Я зеваю под стать Хосу, сверкая хищными зубами.

-- Ты завтракал?

-- Нет ещё, -- задумчиво произносит Арават, рассматривая меня.
-- А ты всегда так неприлично одеваешься?

-- У себя дома я одеваюсь, как хочу. Не нравится -- дверь найдёшь, -- отрезаю я, включая кофеварку. -- И вообще, если тебя интересует, как я одеваюсь, вон открой в планшете статью про меня,

там полный список торговых марок с артикулами и ссылками на магазины.

Он замолкает, но взгляд не отводит.

Тем временем Алэк отбирает у меня ложку и принимается шарашить ею по столу. Это означает, что он хочет пожевать специальных сухариков для дёсен, но его манера выражать свои желания мне не очень нравится, поэтому я не кидаюсь их исполнять.

-- А по-человечески попросить? -- хмурюсь я.

Ребёнок ещё пару раз проходится по столу, но потом, видимо, вспоминает, что надо делать, если мама не понимает. У нас этот разговор уже не первый раз, всё-таки.

-- Амамам ухаха, -- по слогам объясняет мне дитяtko.

-- То-то же, -- в тон ему отвечаю я и лезу в шкафчик за лакомством. Потом рассыпаю горстку сухарей по столу, и Алэк принимается их собирать с умилительно сосредоточенным выражением на физиономии.

-- Ты бы ему хоть в миску насыпала, -- замечает Арават. -- Да и вообще, куда такому маленькому сухари, у него ж зубов нет.

-- Миску он сам себе организует, можешь полюбоваться, -- отвечаю я, доставая из холодильника яйца на омлет.

Арават осторожно подходит поближе, огибая меня по широкой дуге. Правильно.

Алэк тем временем корпеет над высокоинтеллектуальной задачей. На нём надет пластиковый слюнявчик с желобком внизу, достаточно большим, чтобы туда поместились все сухари. Ребёнок обнаружил это свойство слюнявчика ещё пару недель назад, когда случайно просыпал туда целую пиалу. А ещё он обнаружил, что отправлять сухарики в рот горстями гораздо приятнее и проще, чем по одному, потому что если одним промахнёшься, ничего не съешь, а если штук пять-шесть сразу запихивать, то хотя бы половина в рот попадёт. Поэтому теперь Алэк кропотливо перекладывает сухарики со стола в слюнявчик, чтобы потом заляпать их сразу помногу. Я только слежу, чтобы не подавился, но вообще, он довольно аккуратно ест.

Осознав суть процесса, Арават стихает, только косится на меня время от времени как-то вопросительно. Алэк меж тем отправляет в рот первую горсть, просыпав три штуки за воротник, зажимает сухари между дёснами и широко улыбается дедушке. Сухари, кстати сказать,

фиолетовые в чёрную крапинку, потому что с черничным вкусом. Арават внезапно громко покатывается со смеху.

К завтраку подтягивается Кир и немедленно начинает суетиться: расставлять тарелки, мыть пиалу и венчик, кормить моих котов сметаной и только что не мыть окна. Видимо, нервничает из-за Аравата. А я вот как-то уже и не переживаю. Ну Арават... Я всякой нечисти повидала, а тут, подумаешь, противный старикан.

-- Как там отец? -- спрашивает Кир как бы между делом, протирая готовочный стол от одному ему видимой грязи.

-- Когда я уходила, спал, сейчас не знаю, -- пожимаю плечами. -- Раскладывай омлет, я пойду его проведу, вдруг он тоже завтракать будет.

Азамат к моему приходу как раз успел открыть один глаз и вспомнить, кто он и где. Я плюхаюсь на кровать рядом и принимаюсь ощупывать и осматривать пациента. Он скорее жив -- ловит мои руки, щекочется и целуется. Настроение тоже по высшей отметке, видать.

-- Завтракать будешь? -- спрашиваю.

-- Не отказался бы, -- отвечает он севшим голосом.

Если учесть, что у него и в норме голос такой низкий, что можно асфальт дробить, сейчас это уже что-то сродни извержению вулкана.

-- Тогда одевайся. Тепло.

Я вытаскиваю из шкафа самый тёплый Азаматов домашний костюм, флисовые носки и свитер маминой вязки.

-- У нас в кухне северный полюс? -- интересуется муж, облачаясь.

-- Ну, там нет ковра на полу, -- замечаю я. -- А подвал не отапливается.

Азамат закатывает глаза, но не спорит. Привык, что я в этих делах не допускаю разногласий.

Внизу Кир сразу кидается его обслуживать.

-- Отец, ты кофе будешь или чай? А молока тебе подогреть? С перцем, с маслом?

-- Погоди, -- рокочет Азамат. -- Дай я поем, а там посмотрим, -- он кивает Аравату, неуютно сидящему у противоположного торца стола. -- Как у тебя ночь прошла? Где тебя положили-то вчера?

-- Да тут, -- Арават кивает на диван у окна. -- Ничего, всё хорошо, дом у тебя добротный, сразу видно... Вот только кошки...

Стоит лечь, приходят и сверху ложатся. Это что вообще? Я пару раз их согнал, потом заснул. Утром все на мне были. Зачем тебе их столько, тут вроде не болота, гнуса особо не должно быть?

-- Просто так, -- улыбается Азамат. -- Мы любим зверьё.

Кир тихонько прыскает, прикладывает руки к голове, где у Хоса уши и помахивает ими. Мы тоже ухмыляемся, а Арават только сдвигает брови и переводит взгляд с Кира на нас и обратно.

-- Кстати, куда Хос вчера делся? Домой ушёл? -- спрашиваю я.

-- Не, он у меня в комнате дрыхнет, -- мотает головой Кир. -- Всю ночь мульты смотрел в телефоне, на рассвете окосел от них совсем и завалился под столом.

Арават вытаращивает на Кира возмущённые глаза, а потом серьёзно сообщает Азамату:

-- Я как раз собирался с тобой серьёзно поговорить о том, что твой сын водится с сомнительной компанией...

Наш дружный оглушительный гогот повергает его в глубокое недоумение.

-- Между прочим, -- вспоминает Азамат. -- Кто-нибудь мне расскажет, как так получилось, что вы хорошо знакомы, а я об этом ничего не знаю?

Кир опускает взгляд и ёрзает на месте.

-- А чего тут рассказывать? -- с вызовом говорит Арават. -- Ты за ним особо не присматривал, но кто-то же должен! А я его ещё в Худуле заприметил, до того, как ты о нём публично объявил. Ох и сильно же я удивился... Свою-то кровь всегда признаю...

-- Кир, а ты почему ничего не сказал? -- Азамат переводит испытующий взгляд на ребёнка, которому, судя по тому, как он извивается, кто-то насыпал муравьёв на стул.

-- Ну, я не хотел тебя напрягать... И вообще мы не очень часто разговаривали тогда...

-- Котик, не мучай ребёнка, -- вступаюсь я. -- Сам подумай, что он мог тебе сказать? И как бы ты отреагировал, узнав, что твой отец сдружился с твоим сыном помимо твоего ведома?

-- С твоим, да уж, -- как-то странно усмехается Арават.

-- Ты о чём? -- моргает Азамат.

Арават тяжело вздыхает.

-- Сынок, я понимаю, ты хотел меня защитить. Но уж мальчику-то можно сказать правду.

Мы все дружно моргаем. Азамат соображает первым:

-- Ты что, думаешь, он твой, что ли?

-- Конечно мой! -- отрезает Арават. -- Он же как с меня отлит, ты на него посмотри!

Кир втягивает голову в плечи и поглядывает то на нас, то на деда.

-- Этого не может быть, -- говорим мы с Азаматом хором.

-- Ну конечно! -- протягивает Арават. -- Ладно уж, в своём-то кругу можно и начистоту. Я ничего не отрицаю. Знаю, что ты мать очень любил всегда и тебе обидно, наверное, но сам посуди, она ведь от меня ушла девять лет назад! А я был ещё ничего себе мужик. Да и разница у нас была изрядная, ты же знаешь, она ведь не красавица... Конечно, это всё не оправдание, но я бы не стал от него отказываться, если б знал.

Мы с Азаматом переглядываемся. Так и подмывает спросить Аравата, спал ли он с Азаматовой невестой, но по официальной версии она не имеет к Киру никакого отношения, а рассказывать Аравату всю подноготную не очень-то хочется. С его представлениями о должном как знать, не выдаст ли. По легенде же я мать Кира, соответственно, это со мной он должен был бы согрешить. Боже, как это отвратительно!

-- Не сходи с ума, -- морщусь я. -- У меня с тобой ничего не было, и ребёнок твоим быть не может.

Арават закатывает глаза.

-- Кого ты дуришь, женщина? Слепой увидит и тупой поймёт, что ты при родах Кира даже через улицу не была. А скорее всего, и на планете. Мой он, и точка.

Мы с Азаматом ещё раз переглядываемся.

-- Этого не может быть вне зависимости от того, кто его мать, -- настаиваю я. -- Когда мы его только сюда привезли, я делала тест на отцовство. Он сын Азамата. Если бы у Азамата был брат-близнец, можно было бы ещё поспорить. Но ты там близко не проходил. Если хочешь, могу прямо сейчас ещё раз взять у вас обоих анализ и...

-- Да кого волнуют твои тесты! -- фыркает Арават. -- У меня глаза есть, и видят они ещё весьма неплохо. Мало ли, что там твои

машинки пишут! Я своё всегда узнаю.

Азамат кашляет -- то ли для привлечения внимания, то ли просто потому что кашляет.

-- Значит так, отец. Давай договоримся. Ты можешь думать по поводу Кира всё, что хочешь, но я совершенно искренне считаю его своим. И я буду его воспитывать и принимать все решения, которые его касаются. Я не против, чтобы ты поддерживал с ним отношения, в конце концов, Кир уже большой мальчик и может сам выбирать, с кем общаться. Кстати, что касается его компании, у меня есть пара идей, что с этим делать, и мы их уже обсуждали между собой. Так вот. Если ты хочешь думать, что он твой, а я просто тебя защищаю -- пожалуйста, думай. Но если он когда-нибудь провинится, ты скажешь об этом мне. И не вздумай наказывать его своими методами. Если я узнаю, что ты его хоть пальцем тронул, ты его больше не увидишь. А я узнаю, даже если Кир сам ничего не скажет. У меня глаза и уши по всей планете, да такие, что ты и не представляешь.

Закончив речь, Азамат снова кашляет, и я уже не сомневаюсь, что это болезненное.

-- Кир, сынок, -- с нажимом говорит муж, -- ты там что-то говорил про горячее молоко с маслом? Сделай, а?

-- Что? Да, сейчас! -- ошарашенно откликается Кир и бросается к холодильнику.

Я в свою очередь иду рыться в аптечке. Народные средства, конечно, замечательно, но и лечения никто не отменял.

-- Ишь ты как развернул, -- наконец находит слова Арават. -- Кто бы мог подумать, что я такого неженку вырастил. Или ты считаешь, что я тебя несправедливо наказывал? Меня-то в детстве отец похлеще порол, я тебя ещё жалеючи...

-- Я ничего не считаю, -- шепелявит Азамат, рассасывая гигантскую противовоспалительную таблетку. -- Справедливо там, несправедливо, кто теперь установит. Я только знаю, что моих детей никто не будет бить, пока я жив.

-- Ну я посмотрю, как ты вырастишь из них хороших людей без ремня, -- с сомнением кривится Арават. -- Пока что он водится с друзьями, которые спят под столом.

Кир поджимает губы и остаётся стоять у плиты, как статуя протеста.

-- Под столом спит не Киров друг, а мой подчинённый, -- не моргнув глазом сообщает Азамат. -- А я за восемь лет командования поднаторел в воспитательном деле, ни разу никого не стукнув. И намерен продолжать в том же духе.

-- Вообще, -- вставляю я свои пять копеек, -- на Земле уже несколько веков телесные наказания -- это подсудное дело. И ничего, хватает хороших людей.

Арават смотрит на меня так, будто хочет сказать, что мне бы в своё время хорошая порка не повредила, но при Азамате не решается.

-- Лизонька, -- резко меняет тему Азамат. -- Мы сегодня в столицу возвращаемся?

-- Ещё чего! -- фыркаю я. -- Ты же там сразу на работу выйдешь! Нет уж, сиди тут, лечись. Отзвонись своим дармоедам, скажи им, что заболел, пускай тебе ещё больничный оплатят, если надо, я оформлю.

-- Тебе чего, денег не хватает, прорва? -- опешивает Арават. -- Жена Императора!

-- Мне всего хватает, а кто-то тут энцефалолинзы хотел.

-- Ты меня соблазняешь, -- довольно улыбается Азамат. -- А погулять выпустишь? Там такой снежок с утра шёл...

-- Какой погулять?! Я тебя щас в камин целиком засуну, и питаться будешь одним эвкалиптовым маслом! Гулять он собрался по морозу!

Азамат стоически выдерживает мой фейерверк, на всякий случай прикрыв голову ладонью.

-- Понял, понял, рыбонька, не кипятись. Я просто спросил, на всякий случай. А завтра выпустишь?

Я с шумом набираю воздуха на следующую гневную тираду, но Азамат быстро снижает цену:

-- А послезавтра?

-- Посмотрим, -- мрачно сдаюсь я. -- Если будешь хорошо себя вести, пить все таблетки, много лежать и мало работать.

-- Чем не пожертвуешь ради благой цели, -- вздыхает он. -- А лежать обязательно в спальне или можно в гостиной?

-- Можно в гостиной, -- окончательно размякаю я. -- Только я там камин включу.

-- И зажаришь меня на вертеле.

-- С перцем и горчицей.

-- Согласен.

-- Вперёд.

Я иду разжигать камин и слышу за спиной голос Аравата:

-- Ну ты и подкаблучник...

-- Она обо мне заботится, -- мечтательно произносит Азамат. -- Ты не поймёшь, наверное. Я сам поначалу не понимал.

Я возвращаюсь в кухню сопроводить супруга на ложе, сопровождаю, укладываю и укрываю пледом по пояс.

-- Ну ты его ещё запеленай! -- возмущается Арават, пришедший следом. -- На нём вон какой кафтан пуховый, куда ещё? У меня такой был похожий, жалко изнашивался. Где ты его покупал, Азамат?

-- Мне его Лизина мать связала, -- гордо сообщает Азамат, закладывая руки за голову и приготавливаясь целый день плевать в потолок.

-- Мать?! Эта жуткая баба?!!

-- Зря ты о ней так, -- ехидно замечаю я. -- Она бы и тебе связала, ты ей понравился.

Арават закрывает лицо руками.

-- Нет, спасибо, я обойдусь.

-- Ну ты ещё подумай, -- медовым голосом продолжаю я. -- Она пока что другим занята, но другое скоро кончится и придёт к нам на почту, и тогда у неё начнут чесаться руки... Конечно, ещё есть Хос и Тирбиш...

Арават кривит рот и смотрит на меня, как на змея-искусителя.

-- И что, она вот этих всех оленей и орлов вывязывала? Полияют же всё равно.

-- Земная шесть не линяет.

Арават скрипит зубами так, что стёкла дребезжат.

-- Я подумаю, -- наконец сообщает он мрачно.

Кир приносит Алэка и укладывает его Азамату на живот в качестве грелки. У Алэка другие соображения по этому поводу: папа нужен для того, чтобы играть в унгуцики, то есть подпирать ребёнка ладонями под пузо и мотать им над головой, чем круче повороты, тем громче счастливый визг. Азамату и самому этот процесс доставляет массу удовольствия, он смеётся и сюсюкает, как я в страшном сне не могу. Кир смотрит на них с откровенной завистью, и я тыкаю его под рёбра. Он совершенно неожиданно отвечает тем же. Я щекотки вообще

не боюсь, но такую наглость снести невозможно, поэтому я применяю все свои козырные приёмы, отточенные в потасовках с братом. Азамату тоже перепадает пару раз, Кир хохочет и брыкается, Алэк пищит, короче говоря, диван превращается в бедлам с бесильней.

Наконец мы более-менее выдыхаемся, растягиваемся поверх Азамата, который, со свойственной ему ответственностью, ещё и придерживает нас, чтобы не укатились. Алэк сидит посередке, круглыми глазами оглядывает нас и увлечённо жуёт кулак.

-- У него скоро зубы будут резаться, да? -- спрашивает Кир, отдышавшись.

-- Похоже, -- говорю. -- У него где-то была жевалка специальная, не знаю уж, куда её Тирбиш дел.

Над нами вырастает мрачная тень.

-- И часто у тебя такое непотребство творится? -- ласково интересуется Арават.

Я строю ему противную рожу, Кир покатывается, Азамат смотрит на Аравата задумчиво и с жалостью, поудобнее перехватывая сползающего Кира.

-- Ты считаешь, что ещё недостаточно меня воспитал? Боюсь, что продолжать поздно. Я такой как есть и исправляться не собираюсь. Я рад тебя видеть и счастлив, что мы наконец-то разрешили старые споры. Но я твоими же стараниями уже давно свой собственный человек, у меня своя семья, и ты в неё неходишь. Ты сам так решил. А раз так, то в этом доме ты гость, и веди себя, как подобает гостю.

Честно говоря, мне уже начинает казаться, что Азамат переборщил. Всё-таки старик очень самолюбив, а на такое кто угодно обидится, даже притом, что всё справедливо. Однако Арават разворачивает проблему неожиданным для меня ракурсом.

Он выпрямляется и поглаживает бороду.

-- Ты знаешь, я всегда считал, что мне очень не повезло с сыновьями. Вы с Ароном оба всегда были безвольными и бессмысленными. Я ожидал, что вернувшись на планету с женой, ты тут же приползёшь ко мне вымаливать прощение. Что будешь ходить и скулить под окнами, как побитый щенок. Зашлешь жену меня задабривать. Но ты не пришёл, а жена такая стерва, что никого в мире задобрить не может. Твой духовник приезжал за тебя просить, но как я понял, без твоего ведома. Вместо того, чтобы ползать на брюхе,

ты добился избрания. Я решил тебя поощрить и объявил, что признаю. Думал, ты придёшь обниматься и благодарить. Но ты снова не пришёл. Теперь я сам явился в твой дом и попросил прощения. И оказалось, что я тебе вовсе не нужен.

Он внезапно припадает на одно колено, чтобы быть на одном уровне с лежащим Азаматом, и я замечаю, что глаза у него неестественно блестят.

-- Я рад, сын. Я в тебе ошибался. Ты можешь добиться своего, когда хочешь. Ты прав, воспитывать тебя незачем, ты теперь настоящий человек, честлюбивый и решительный, и я тебе не указ. Значит, моя жизнь прошла не зря. Я оставляю после себя сына, за которого мне не стыдно.

Повисает напряжённая тишина. Я болезненно ощущаю в построениях Аравата фундаментальную ошибку и только что не молюсь, чтобы Азамат на неё не указал. Но ему, видать, очень хочется расставить все точки, причём именно сейчас, когда между ним и Араватом вся его семья как забор.

-- Ты во мне не ошибался, -- спокойным, вкрадчивым голосом говорит Азамат. -- Я никогда не хотел и теперь не хочу быть Императором. Конечно, мне приятно признание, оно добавляет мне уверенности в себе и своих решениях, заниматься политикой мне достаточно интересно, но... Была бы моя воля, я бы бросил всё вот прямо сегодня. Однако я слабый человек и не могу заставить себя подвести людей, которые на меня рассчитывают. Конечно, я изменился за время изгнания. Но не рассказывай себе сказок, я по-прежнему не тот, кем ты меня хотел видеть.

-- Подвести меня тебе никогда не составляло труда, -- хрипло отвечает Арават.

-- Напротив, я всю жизнь мучаюсь совестью из-за того, что не смог оправдать твои ожидания, -- возражает Азамат. -- Даже сейчас. Но я над собой работаю.

-- Ты правда хотел их оправдать? -- поднимает брови Арават.

-- Конечно хотел, -- тяжело говорит Азамат. -- Я хотел, чтобы ты меня любил. Я понимаю, что ты вообще не склонен к сильным чувствам, но хотя бы не меньше, чем Арона, отец. Конечно, он младше, так всегда бывает, но я ведь старался, я всё делал, как ты говорил. И ты меня выгнал.

-- Болван! -- взрывается Арават. -- Я всегда любил тебя больше, чем Арона! Просто на нём я быстро поставил крест, понял, что из него толку не выйдет. И да, ты, как придурок, делал всё точно, как я говорил, будто своей головы нет! Если б ты хоть раз отказался, взбунтовался, пошёл против меня, я бы знал, что мой сын будет мужиком! Но ты же был как тряпочная кукла!

Снова повисает напряжённая тишина. Азамат смотрит в пространство, глубоко дыша, но я чувствую, как у меня под щекой колотится его сердце. Алэк, притихший под взрослые разборки, шёпотом агукает и гладит папу неумелой ручкой.

-- Вот потому, -- наконец произносит Азамат, -- я и не доверю тебе своих детей. Как, интересно, я должен был догадаться, что ты хочешь бунта, если ты меня порол за каждое мелкое неповиновение? Даже после изгнания у меня ушло несколько лет на то, чтобы научиться делать так, как я считаю правильным, а не так, как мне говорят.

-- А вы не пробовали иногда разговаривать? -- тихо интересуюсь я, чувствуя, что Азамат закончил речь.

-- Что ты, разговоры -- это женское дело, -- ехидно отвечает Азамат, косясь на Аравата. -- Но я согласен, можно было бы и пораньше во всём разобраться.

Арават окончательно садится на пол, скрестив ноги, и тяжело вздыхает.

-- Я всё же рад, что ты такой, как есть, -- признаётся он. -- Пусть не такой, как я хотел, но гораздо лучше, чем я думал. Может быть, когда твои дети повзрослеют, ты поймёшь, почему я делал то, что делал.

-- Надеюсь, что нет, -- криво ухмыляется Азамат. -- Мне мои дети нравятся сытыми и небитыми. Должно быть, это мои извращённые представления о красоте.

Арават открывает рот что-то сказать, но тут в гостиную заходит Арон. Он в домашнем диле поверх пижамы, потягивается и зевает.

-- Всем доброго утра, -- блаженно сообщает он. -- А чё там за мешки в прихожей перед лифтом, я об них споткнулся?

-- Ой! -- Кир хлопает себя по лбу. -- Я же забыл драконьи яйца убрать! Я сейчас! -- он начинается барахтаться, чтобы встать, но Азамат его останавливает.

-- Погоди, зачем их убирать, надо сразу вино ставить. Тащи их сюда, почистим... Это-то мне можно, Лиз?

-- Почистить разрешаю, -- ухмыляюсь я. -- Только ковёр застелите, а то у них сок такой пачкучий...

-- А где вы взяли драконьи яйца, да ещё посреди зимы? -- удивляется Арават.

-- Ирлик-хон поделился, -- отвечает Азамат, садясь.

Алэк возмущается, что его спустили на колени, начинает жужжать и пихаться.

-- Ну-ну, -- Азамат похлопывает его по пузу. -- Не всё ж мне лежать. Сейчас вкусенького дадим.

-- Ирлик-хон? -- переспрашивает Арават. -- И за кем из вас он приходил?

Азамат приподнимает брови, потом смеётся.

-- Ни за кем, он к нам просто так заходит, от скуки. Правда, теперь он нашёл себе развлечение, думаю, так часто бывать перестанет.

Арават шепчет что-то подозрительно похожее на гуйхалах.

Кир приносит мешки, я застилаю ковёр и напяливаю на Азамата свой фартук с овечками. Алэк скандалит, разбрасывает мангустовы яблоки и пачкается в соке.

-- Ишь какой норов с утра, -- замечает Азамат. -- Тебе бы погулять да в снегу повозиться, а не сидеть тут на руках. Но видишь, мне нельзя...

-- Давай я с ним погуляю! -- вызывается Кир. -- Всё равно с куницей собирался.

-- Тебе скучно будет, небось, -- говорит Азамат. -- Жалко, пёс твой в столице... Хоть Хоса вытащи поразмяться. Надо его как-то переводить в дневной режим, а то ночью тяжело по лесу ходить. Лиза, ты бы тоже погуляла, а то на выезде все дни в работе...

-- Тебе не терпится нас выгнать и съесть все яйца, что ли? -- усмехаюсь я.

-- Да нет, мне просто жалко, что такая погода, а вы дома сидите.

Погода и правда классная: солнечно, падает лёгкий снежок, явно липкий, самое то для постройки крепостей.

-- А ты не будешь страдать, что мы гуляем, а ты тут один сидишь? -- уточняю я.

-- Я не один, я с отцом и братом, -- усмехается Азамат. -- Ну, пострадаю немножко, конечно, но ты же меня знаешь, я быстро отхожу.

-- Ладно, -- я наклоняюсь и целую его в нос. -- Не последний день снег, ещё погуляем вместе. А я тебе вечером что-нибудь испеку вкусненькое.

-- Ловлю на слове, -- улыбается он и берётся за ножик для чистки мангустовых яблок.

Арон и Арават пододвигают кресла и усаживаются принять участие в работе, а я забираю капризного Алэка и иду одеваться.

Хос, понятно, совсем не рад побудке через какие-то четыре-пять часов после отбоя, но кто ж его заставлял до утра в экран пялиться. Вообще, надо за ним присматривать, а то в человеческом мире много соблазнов и опасностей, о которых лесной житель даже не подозревает. Надеюсь, Азамат выделит ему в охрану кого-нибудь толкового.

Впрочем, на улице Хос быстро оживает, особенно когда в него попадает пущенный мной снежок. Мы с Алэком, запаянным в непромокающий костюм, прячемся за кустом. Мелкий даже пытается помогать мне лепить боеприпасы. Кир с Хосом скрываются за деревом и ведут обстрел оттуда. Хос, правда, больше мешается, потому что никак не приладится лепить снежки, у него всё время получаются колбаски с плохой аэродинамикой.

После первого раунда и немного прогревшись, мы переходим к созидательной деятельности: создаем большого снеговика с кошачьими ушами, а потом поодаль две крепости с бойницами. Выпущенная куница носится по снежным стенам с радостными воплями, а потом сигает куда-то в сугроб и ловит там мышь. Алэк выкапывает себе траншею в нетронutom снегу и ползает по ней кругами, только синий капюшон видать. Второй раунд перестрелки проходит веселее: Хос явно обучаем, даже разок в меня попадает. Кир вообще отлично целится, но и я не лыком шита, шапку с него сшибла два раза.

Домой мы возвращаемся только когда Алэк засыпает в своей траншее -- коляску я не стала выкатывать, а на снегу спать всё-таки я ему не даю, хотя производители костюма и уверяют, что можно.

Вваливаемся в дом, разогретые, краснощёкие, плотно покрытые снежными гранулами. А в гостиной творится нечто.

Мангустовы яблоки почищены, разложены по бутылкам и подготовлены к брожению. Шкурки аккуратно сложены в большой мусорный мешок. Все трое мужиков валяются на полу, истерически хохоча, держась за животы, колошматя кулаками по полу и друг другу, ржут с подвывом, со слезами и хрюканьем, причём похоже, что уже давно. Одно из кресел лежит на боку, Арон мусолит подушку, которая в нём обитала.

-- Походу весёлые яблочки, -- замечает Кир.

-- Ну, вино из них веселит, помнится, -- откликаюсь я, наблюдая за происходящим. -- Пойду уложу Алэка, пока они его не разбудили.

Когда я возвращаюсь, вижу, что Киру удалось привести Азамата в относительное сознание. Он, правда, всё ещё давится смехом до слёз, но зато уже сидит и, кажется, даже воспринимает информацию.

-- Вы чего так ржёте? -- спрашиваю я, и этим вопросом посылаю мужа во второй нокаут. К счастью, он длится недолго.

-- Фрукты... Забористые... -- выдавливает Азамат с перерывами на смех.

-- Ты бы не сидел на полу, -- вздыхаю я. -- Тебе это не полезно.

-- Ой! -- Азамата опять скручивает, но он находит в себе силы восползти на диван. -- Уф, Лиза, я не знаю, что в них такое, но так ведь и помереть можно!

-- Сколько вы их съели?

-- По дюжине, наверное. Больше не смогли, сквозь смех не вышло, -- он давится очередным приступом хохота, потом еле-еле выговаривает: -- дайте попить чего-нибудь!

-- Кир, погрей ему ещё молока, -- распоряжаюсь я и иду проверять остальных страдальцев.

Хос идёт со мной и склоняется над Араватом.

-- А-а-а-а! -- стонет дед. -- У-у-уши-и-и!!! Ой, не могу, Лиза, ты что, демона привела?

Эта мысль оказывается слишком хорошей шуткой, и он, и Арон, и Азамат с ними снова заходятся хохотом, согнувшись вдвое.

-- Да, -- кисло отвечаю я, добавляя им масла в огонь.

-- Я не демон! -- возмущается Хос, вызывая поток стонов.

-- Он хозяин леса, -- сообщает Арон сквозь рыдания. -- Ва-а-а-а!
Держите меня! Хозяин! Леса! Ы-ы-ы-ы!

-- Беда-а-а!!! -- воет Арават, катаясь по ковру туда-сюда. -- Ну это надо-о-о-о! Демон в доме, а-ха-ха, ну насмешила девка, у-ху-ху-ху, так и помереть недолга-а-а-а!!!

Кир приносит молоко и помогает Азамату его выпить -- у того от смеха руки трясутся. Однако интуиция меня не подвела, молоко сработало отлично. Приступы почти сразу прекратились, Азамат перестал трястись и давиться и пошёл умываться. Мы с Киrom переглядываемся и кидаемся наливать ещё два стакана.

Минут через десять всё семейство приведено в чувства, хотя некоторые члены ещё похихикивают.

-- Теперь я понимаю, почему их просто так не едят, -- замечает Азамат, переводя дух. -- Действительно, помереть же можно.

-- Да уж... -- соглашается Арават. -- Особенно когда ещё видишь такие уши. Вы что, правда демона изловили?

Хос фыркает и шипит.

-- Не называй его так, пожалуйста, -- терпеливо просит Азамат. -
- Его зовут Хос, он хозяин леса. И нет, мы его не ловили, он наш сосед и с недавнего времени работает у меня.

-- Так это он под столом спал? -- спрашивает Арават. -- А я ещё про Кировых друзей... То-то вы так хохотали! Ну я хорош! -- и он снова заливисто смеётся, хотя на сей раз вроде бы естественно, а не от фруктов.

-- Ирлик мог бы и предупредить, -- ворчу я.

-- Ага, щас! -- усмехается Кир. -- Небось подглядывает за нами и сам покатывается.

-- Может, и нет, -- раздумывает Азамат, -- но скорее всего, когда он давал нам координаты сада, то и правда собирался повеселиться за наш счёт. Но я не внакладе, я люблю посмеяться.

-- Боги, демоны, чужие дети... Ну у тебя и семейка, сынок, -- качает головой Арават.

Я кошусь на Арона, он о "чужих" детях не осведомлён, не подумал бы чего... Но он только икает и пялится в пустоту.

-- Мне нравится, -- расслабленно отвечает Азамат. -- Я, наверное, всегда так и хотел. Лизонька, а давай я сделаю обед, а ты -- что-нибудь к чаю?

Не знаю, в драконьих яйцах дело или в муданжском иммунитете, но после этого эпизода у Азамата исчезают все симптомы, и к ночи он уже такой здоровый, что кровать трещит под напором. В хорошем настроении у моего мужа все жизненные показатели увеличиваются, хотя они и так немаленькие.

Поэтому на следующий день я разрешаю ему вместе с нами полчаса побеситься в снегу, а потом после обеда ещё часок покататься на лыжах. Но поскольку его голос в телефоне перестал звучать хрипло и гнусаво, на третий день нас всё-таки выдёргивают в столицу.

Хос заходит к себе домой отнести месячный запас масла и сливок своим домочадцам, собирает там небольшой рюкзачок каких-то пожитков и отправляется с нами, трепеща в ожидании встречи с большим городом. Конечно, большим Ахмад-хот можно назвать только если никогда не бывать за пределами Муданга, ну так Хос и не бывал.

Арон сматывает удочки в прямом и переносном смысле. Для него и Аравата мы вызываем казённые унгуцы, потому что Арават уезжает к себе в Худул, а Арон везёт с собой всё наловленное и настрелянное, и с нами никак не поместится.

Хос на заднем сиденье с тоской глядит в окно и тихонько поскуливает, провожая взглядом родной лес.

-- Чё ноешь? -- пихает его Кир. -- Вернёшься ещё. И ваще, тебя никто не заставлял.

-- Зна-аю, но гру-устно, -- протягивает Хос. -- Хочу быть обратно маленьким.

-- Да ну, мелким быть тоска. А так ты будешь крутым, и у тебя будет куча денег!

-- Большая куча? -- без особого интереса спрашивает Хос.

-- Большая!

-- Тогда большую нору надо рыть? -- озабоченно интересуется Хос.

Мы все переглядываемся. Ох, не подготовлен кто-то к человеческой жизни...

-- Так, -- постановляет Кир. -- Ты вообще деньги видел?

-- Неа.

Кир извлекает кошелёк и вытрясает из него кучку монет разного достоинства.

-- Гляди. Вот эти крупные, эти мелкие.

-- Они же одинаковые...

-- Да не по размеру, балда!

Полёт выдаётся насыщенный.

Поселить Хоса мы решаем во дворце, потому что так безопаснее и проще. Тут и недоброжелатели не доберутся, и мы приглядим, чтобы не отчудил чего. Дворцовые слуги, правда, будут не в восторге, но никто ведь не обещал им, что будет легко, правда же?

На посадочной площадке нас встречают знакомые лица: Эндан и Дорчжи. Второй горделиво выпячивает грудь, на которой болтается новенький хом в виде носорога. Подозреваю, что невеста была не в восторге, но что делать, хом выбирает духовник. Алэк с интересом рассматривает новых знакомых.

-- Здравствуйте, Белая госпожа! -- радостно выпаливает Дорчжи.

Эндан его подталкивает и тоже здоровается:

-- Добрый вечер, Хотон-хон.

-- А я можно не буду формальничать? -- тут же просит Дорчжи.

-- Можно, -- разрешаю я. -- Здравствуйте, ребята, я вас что-то давно не видела. Вы разве с Экдалом больше не летаете?

-- Да мы бы летали, -- протягивает Эндан, -- да только он с женой на Землю попёрся неизвестно на какой срок. А жить как-то надо. Где наш подопечный-то?

-- Тут, -- Азамат поводит рукой в сторону унгуца.

Там происходит нечто странное. Судя по всему, Хос отказывается вылезать, а Кир его уговаривает. Заметив это, Азамат открывает купол унгуца полностью, так что кабина перестаёт казаться надёжным местом. Хос подскакивает, прижимает уши и, пригнувшись, выпадает через борт, оглядываясь, куда бы сныкаться.

-- Хо-ос, ты чего? -- озабоченно спрашиваю я.

-- Пахнет, -- шипит Хос. -- Ужасно.

-- Ну так пойдём домой скорее, там вкусно пахнет.

Он не особо обращает на меня внимание, но, к счастью, хотя бы никуда не бежит.

-- Чего ты тут нюни разводишь, как девчонка?! -- возмущается Кир. -- Вон, смотри, даже твои телохранители ржут над тобой, тоже мне кот!

Хос, в отличие от людских подростков, на такое вообще внимания не обращает. Кот там, кошка, перед опасностью все равны. Но к телохранителям осторожно принохивается, прижимая к животу свой рюкзачок.

-- Здоровья вам, -- сделав серьёзное лицо, произносит Эндан. -- Я Эндан. Мы с Дорджи будем вас охранять. Можете на нас рассчитывать.

Видимо, Азамат сделал им внушение, чтобы говорили попроще, хотя Хос, по-моему, не очень слушает.

-- А где дом? -- нервно спрашивает он.

-- Да вот, прямо перед тобой, -- кивает Азамат.

Хос моргает, тарашась на дворец, потом оглядывается.

-- Не понял.

Дорджи не сдерживается и прыскает, заставив Хоса подпрыгнуть и понять дыбом шерсть на голове.

-- Вот эта огромная хреновина и есть дворец, дубина ты, -- доходчиво поясняет Кир.

-- Вот эта ледяная? -- удивляется Хос, даже немного разгибаясь.

-- Она не ледяная, она стеклянная. Пошли уже, долго ты нас тут будешь морозить?

Хос нерешительно шагает вперёд, и когда мы все двигаемся следом, прилипает к Азамату, путаясь у него под ногами. Только боевая выучка позволяет моему супругу ни разу не наступить на лапы.

Движемся мы медленно, потому что Хос обнюхивает каждый метр пути. В лифте он выглядит так, как будто вот-вот грохнется в обморок. Мы с Азаматом переглядываемся в том смысле, что, возможно, это была не самая лучшая затея. Только Кир ни разу не усомнится в правильности ситуации и, поливая бедного кошака кудрявыми эпитетами, заставляет его идти вперёд и слушаться.

Попав на жилой этаж, Хос методично четыре раза обнюхивает все помещения прежде чем выбирает себе комнату. Телохранители при этом ходят за ним по пятам, потому что им так положено, и от этого Хос тоже не в восторге. Но, как справедливо замечает Азамат, надо сейчас привыкать, чтобы на выездах не шарахаться. Инструктаж по использованию сантехники мы дружно сваливаем на Кира. Ему как-то удаётся добиться от Хоса понимания.

Короче говоря, к ужину мы устаём так, как будто целый день разгружали кирпичи. Алэк вообще засыпает некормленным.

А на ужин к нам приходит Алтонгирел, и выглядит он так, что я начисто забываю про все прочие неурядицы.

Он желтовато-бледный с запавшими щеками, тёмными кругами под глазами, всклокоченные волосы как будто давно не мыты, одет небрежно в смесь земной и муданжской одежды, что вообще-то считается на планете дурным тоном. Хоса и телохранителей он просто не замечает, хлопается в кресло и принимается буравить взглядом журнальный столик, на котором сервирован чай.

Азамат быстро делает знак парням, чтобы удалились вместе с Хосом в его новую комнату. Кир и сам понимает, что ему тут не место и быстро сматывается гулять. Мы садимся напротив духовника и ждём, что последует.

-- Я всегда подозревал, что Совет хочет моей смерти, -- начинает он. -- Но с этим принятием сана уверился окончательно.

-- Каким ещё принятием сана? -- хмурится Азамат. -- Кто принимает?

-- Ах да, ты же не знаешь, -- отмахивается Алтонгирел. -- Я поговорил со всеми. До единого. Со всеми Старейшинами-духовниками на этой планете. Лично, по телефону, по Сети. Все триста сорок два из них отказались взять Айшу в обучение.

-- Ох, как плохо-то, -- печалится Азамат. -- А ведь я просил, специально проследил, чтобы все духовники получили рассылку с моим обращением, где изложил все преимущества её правильного обучения... Вот лентяи, не могут хоть немного поработать в непривычной области! А ещё рассказывают, что трудятся на благо планеты! -- он мотает головой и раздувает ноздри, я даже удивляюсь: он никогда раньше так не злился на Старейшин. -- У тебя есть какие-нибудь идеи, как поступить?

-- Я принимаю сан Старейшины и беру её сам, -- мрачно отвечает Алтонгирел.

Мы с Азаматом уставляемся на него.

-- Как принимаешь? -- не понимаю я. -- Там же возраст...

-- В сорок лет сан дают автоматически, -- поясняет духовник утомлённым тоном. -- Но его можно получить и раньше, если пройти определённые испытания, которые назначает Совет Старейшин.

-- И каковы эти испытания? -- подозрительно спрашивает Азамат, а я начинаю догадываться, почему Алтоша так выглядит.

-- Ну, -- духовник машет рукой, -- моцог там, ночное бдение, серия разных предсказаний... отзывы опеки.

-- Отзыв я тебе напишу, -- быстро говорит Азамат. -- Конечно, я больше не в твоей опеке, но ведь был много лет.

-- Можешь не трудиться, -- уныло произносит Алтонгирел. -- Отзывы я уже собрал, все отличные. И вообще, мне всё это не составляет труда.

-- А по тебе не скажешь, -- бурчу я.

-- Это нормально, говорю же, моцог, бдение... Но это уже всё позади. Осталось всего одно испытание.

Его голос звучит всё выше и менее уверенно, и под конец мне вообще кажется, что он сейчас заплачет.

-- Какое? -- очень насторожённо спрашивает Азамат.

Алтонгирел молчит, потом внезапно запрокидывает голову, несколько раз шумно вдыхает, закусывает нижнюю губу, подаётся вперёд, сжав кулаки добела и выдыхает:

-- Я должен поведать свою самую страшную тайну последнему человеку, которому я бы её рассказал по своей воле.

Азамат сочувственно треплет его по плечу.

-- А что, -- интересуюсь я, -- предполагается, что у всех духовников, которые метят в Старейшины, есть страшные тайны?

-- Это индивидуальное испытание, идиотка, -- поясняет Алтоша, зыркнув на меня из-под всклокоченных косм.

-- А-а, -- понимаю я. -- Ну и кто этот человек?

Духовник молчит, глядя в пол.

Азамат сжимает его плечо сильнее и тихо спрашивает:

-- Это Лиза, да?

Алтонгирел обречённо кивает.

Глава 32

Мы с Алтонгирелом заходим в одну из пустующих гостевых комнат и плотно закрываем дверь, оставляя Азамата нервничать снаружи. Духовник категорически отказался посвящать в свою страшнейшую тайну ещё и его, дескать, я-то последняя, с кем он хочет ею делиться, а Азамат -- предпоследний и в условиях испытания не значится.

Поскольку комната не используется, то в ней и нет ничего, кроме ковра на полу. На него-то мы и садимся лицом к лицу, скрестив ноги.

И сидим.

Минут через пять я решаю, что дала Алтоше достаточно времени на то чтобы собраться с силами и мыслями, и пора бы уже ему что-нибудь сказать.

-- Если ты хочешь подумать ещё пару дней, нам не обязательно всё это время тут сидеть, -- говорю.

Он немедленно строит зверскую рожу и огрызается:

-- Будешь поторапливать, дольше будем сидеть! Мне надо сегодня с этим закончить, иначе все моцогги сначала начинать придётся.

Я окидываю взглядом его изнурённую физиономию и решаю, что такого допускать никак нельзя, может и не выдержать.

-- От того, что мы тут просидим несколько часов, тебе не станет легче. Может, я каких-нибудь наводящих вопросов позадаю? Чтобы не так резко?..

-- Вот ещё твоих вопросов мне не хватало! -- рывкает Алтонгирел, снова таким сломанным тонким голосом, как будто с трудом подавляет истерику.

-- Успокоительного? Водочки? -- предлагаю я.

-- Нельзя, -- отрезает он. -- Иначе я бы с этого начал.

Мы сидим молча ещё несколько минут. Алтонгирел сопит всё громче, но слов так и не произносит.

Я начинаю обводить пальцем узор на ковре между нами. Мне кажется, что духовник следит за моим пальцем, но сквозь волосы плохо видно.

-- Знаешь, когда мне было шестнадцать, -- говорю я, -- я начала курить тайком от мамы. А ещё я по ночам сбегала из дома через окно и шла к приятелю пить коньяк. Паршивый такой, дешёвый коньяк. У приятеля часто были гости, в основном, мужики лет по сорок. Мне тогда казалось, что это ужасно много, и я очень гордилась, что они мной интересуются. Правда, однажды у одного из них по пьяни прихватило сердце, и никто, кроме меня не знал, что делать. Я-то к тому времени специальность выбрала... В общем, я в них разочаровалась и перестала туда ходить.

-- Ну и зачем ты мне всё это рассказываешь? -- уныло спрашивает Алтонгирел, тоже принимаясь водить пальцем по узору.

-- Я думаю, ты догадываешься.

-- Хочешь сказать, это твоя самая страшная тайна?

-- Не знаю, -- я пожимаю одним плечом, как Кир. -- Я много всяких глупостей делала. Наверное, эта не сильно хуже других. Но мама об этой до сих пор не знает.

Алтонгирел рывком головы откидывает назад свои замусоленные патлы и прожигает меня взглядом. Глаза у него блестят, губы трясутся.

-- Если ты думала, что мне это облегчит задачу, ты ошиблась. Хотя, может, и нет. Если накуриться и напиться -- это худшее, что ты сделала в своей жизни, то всё именно так, как я и полагал.

-- Что всё? -- негромко интересуюсь я.

-- Всё, -- сдавленным голосом отвечает он. -- С первого момента, как я тебя увидел, я тебя презирал, потому что ты баба и инопланетянка, а все бабы -- стервы и все инопланетяне -- тупые придурки. А я великий духовник, всегда всё делал правильно. Поэтому могу плевать на тебя и рассказывать людям, как им жить.

-- Так, -- киваю я. -- И теперь тебе приходится рассказать мне о чём-то, что ты сам сделал неправильно, да?

-- Именно, -- Алтонгирел опускает глаза и шумно втягивает носом воздух. -- Ты мне только что рассказала о чём-то, что ты делала неправильно. Так вот, твоё неправильно по сравнению с моим неправильно -- это такой мизер, что я прямо готов кататься по полу от смеха. Но это хорошо, что ты рассказала, потому что я раньше сомневался, имеешь ты моральное право об меня ноги вытирать, или нет. А теперь точно знаю, что имеешь, вот и раздумывать нечего.

Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь успокоительное, что полагается говорить в таких ситуациях... Например, что не моё дело его судить, или что позорный с его точки зрения поступок в моём мире может вовсе и не казаться предосудительным. Но Алтонгирел не даёт мне вдаться в морализм, резко выпалив:

-- Я убил свою мать.

Я с полсекунды смотрю прямо перед собой, всё ещё витая мыслями где-то в высоких материях и прикидывая, что я могла

услышать или понять неправильно. Молчание затягивается, и я не нахожу ничего лучшего, чем попросить развития темы.

-- И как это случилось?

-- Сволочь ты! -- выплёвывает он, заставив меня поднять на него удивлённый взгляд. Я вроде ничего предосудительного не сказала...

-- Я тебе сказал главное, так отстань! -- выкрикивает он.

-- Насколько я помню, Совет Старейшин велел тебе "рассказать" свою тайну, а не обозначить. Ты уверен, что они примут это как выполненное испытание?

-- Приняли бы, если бы ты не спросила! -- бесится он. Бледный, с перекошенным лицом, он выглядит совсем жутко, мне хочется его пожалеть и успокоить, но теперь я далеко не так уверена, что его тайна для меня ничего не значит, как несколько секунд назад. Он меж тем продолжает: -- Я тебя прошу, отстань, если ты хоть немножко человек, сожри это и не требуй больше! Или ты решила начать мстить прямо сейчас и выпотрошить меня за всё моё хамство?

Я принимаюсь жевать нижнюю губу.

С одной стороны, я его понимаю. Я -- официально последний человек, которому он хотел об этом рассказывать. Конечно, ему не улыбается выворачивать душу передо мной.

Но с другой стороны, судя по всему, Азамату он об этом не говорил. Эцагану тоже вряд ли. На психоаналитика, к которому он ходил на Гарнете, и вовсе надежды мало. Значит, уже много лет держит в себе, и как бы оно не рвануло. Сколько ему там было, восемь лет? Ничего удивительного, что он такой псих.

С третьей стороны, кто знает, что стоит за его словами. Я не знаю, как именно умерла его мать. Если это было преднамеренное убийство, должен быть суд. Пусть ему было восемь лет, но он же явно считает себя виноватым. Если бы его судили и оправдали, ему бы стало легче. Возможно, даже если бы его судили и наказали, например, изгнанием на пару лет или какими-нибудь общественными работами, это бы ему помогло. Ну и вообще, преднамеренное убийство в восемь лет -- это страшно, я хочу сказать, какая бы там ни была мать, если он тогда был на это способен, то что сейчас?..

Возможно, он был в состоянии аффекта. В таком случае ему надо следить за эмоциональным фоном, что-то принимать, чтобы такое не повторилось. Конечно, если он подвергался регулярному

домашнему насилию, сейчас ситуация совсем другая, и он вряд ли так сорвётся, но лучше подстраховаться.

Третий вариант -- что это вообще был несчастный случай, в котором он себя винит. На Алтонгирела это не очень похоже, но, возможно, как раз его самолюбие развилось как защитный механизм против чувства вины. В таком случае ему показан комплексный курс психотерапии, и конечно же нужно, чтобы все близкие знали, в чём дело, и помогли ему свыкнуться с мыслью, что он не виноват.

Короче говоря, оставлять этот вопрос невыясненным я не готова. У меня, в конце концов, двое детей и муж, которые доверяют этому человеку. Я имею право знать, не представляет ли он опасности.

-- Прости, -- вздыхаю я. -- Но я хочу знать подробности.

-- Сука, -- шипит он.

Я подавляю порыв сказать, что это для его же блага. Самая та фраза, чтобы он сорвался. Зайдём с другой стороны.

-- Я помню, ты как-то раз проговорился, что она тебя била. Это связанные вещи?

Он несколько раз шумно вдыхает, потом неожиданно говорит:

-- Знаешь, как я познакомился с Азаматом?

Я мотаю головой.

-- Учитель в клубе заболел, и занятие отменилось, -- с ненавистью начинает он. -- Я не мог пойти домой, потому что мать бы никогда не поверила, что я не прогуливаю. И Арон позвал меня к себе. Потом пришёл Азамат и спросил, кто меня так избил. Я сказал, что я неуклюжий и часто падаю. Азамату было одиннадцать, но он всё понял, сходил к моему учителю и поговорил с ним. На следующий день учитель пришёл к моему отцу и заставил его взять меня к себе, дескать, пора уже, четыре года парню. Отцу на меня было вообще наплевать, но он не хотел ссориться с уважаемым человеком. Два года я жил с отцом -- официально, на самом деле я почти всё время торчал у Азамата. Его отец был не в восторге, но Азамат всегда ему говорил, что я хороший мальчик.

Он сглатывает и переводит дух, глядя в сторону. Первая попытка продолжить не увенчивается успехом: голос его не слышится. Справившись с комком в горле, он всё-таки рассказывает дальше.

-- До шести лет я так жил. А потом отец умер. Он был у матери днём, вернулся и сказал мне, что она подобрела, мол, сама ему подала

чай, как он любит. Утром он не встал к завтраку. Я заглянул в спальню -- он был уже холодный, на губах пена. Я никому ничего не сказал, потому что мать забрала меня к себе. Я никогда больше не ел и не пил дома.

Я подумываю, не остановить ли его. В конце концов, клиническая картина мне вполне ясна, незачем мучить беднягу дальше. С другой стороны, раз уж он разговорился, пускай выговорится, когда-то надо ведь. Такое нельзя держать в себе. Про смерть отца он Азамату намекал, конечно, но... Короче, пока я думала, он стал рассказывать дальше, но я на всякий случай беру его за руку. Он не сопротивляется, кажется, даже не замечает.

-- В тот день я поздно проснулся, спустился в гостиную. Мать лежала на полу, тяжело дышала и держалась за грудь. Прохрипела, чтобы я бежал за целителем. Я закрыл все ставни, оделся, вышел, запер дверь. Огородами пробрался на заброшенную башню. И просидел там весь день, глядя на город, не шевелясь. Уже в темноте слез, пришёл к Азамату. Он мне и сказал, что мать умерла и бояться нечего... Точнее, он-то думал, это для меня трагедия... -- у него снова начинают дрожать губы. -- Он-то свою мать любил. Да ты ж знаешь, он и сейчас... И он думал, я так же... -- он всхлипывает несколько раз, сжав кулаки, сдавливая мои пальцы, не замечая. -- Обнимал меня, успокаивал... А я только смог сказать, что меня не было дома, когда это случилось. Понимаешь ты?! -- он уже весь трясётся, слёзы льются в два ручья. -- Он не знает! Никто не знает! Они все меня жалели! Азамат уговаривал отца взять меня в семью, получил за это двадцать раз ремнём, не успокоился, пошёл к Унгуцу, и тот обежал всех Старейшин, чтобы они разрешили мне жить одному дома. А я этот дом хотел сжечь! Это был её дом! Понимаешь, сколько во мне благодарности этим чудесным людям?! Я всю жизнь вру Азамату, всю жизнь!!! -- он срывается на вопль. -- И да, я тебя презирал, ты же баба, шакалье отродье, ты же всё делаешь не так, а я всё делаю правильно! Ты же сгубишь Азамата, а я, конечно, только благо в его жизнь приношу! Двадцать раз ремнём! И он всё равно пошёл просить за меня, хромая, потому что как же -- у меня же мать умерла! А я!.. Это я её убил!!! Понимаешь ты, шлюха, а ты мне рассказываешь, что мать -- это святое, что она и обнимает по-особому! А я вот такой неблагодарный засранец!!! Нравится тебе всё это слушать, нравится?!!

Отдохнула душой, отомстила, полюбовалась, как я соплями умываюсь?!!

Я тяну свои пальцы из его мёртвого захвата, и он только сейчас замечает, что держит их. Его лицо искажается -- хотя куда уж.

-- Что, противно? -- успевает выговорить он прежде чем я обхватываю его за плечи и притягиваю к себе, прижимая, как Хос свой рюкзак.

Алтонгирел недоумённо всхлипывает, пытается меня отпихнуть, потом обвисает и тихо плачет, уперев подбородок мне в плечо.

С моей стороны это был почти что жест отчаянья. Я не знаю, что ему сказать. Я так надеялась, что это окажется несчастный случай, и можно будет со спокойной душой сказать ему, что он ни в чём не виноват. И в некотором смысле он и правда не виноват -- несовершеннолетняя жертва домашнего насилия, знал, что мать убила отца, боялся её... По земным законам он конечно же невиновен. С другой стороны, восемь лет -- это только на год младше Кира. На долгий муданжский год, и всё же это не земные восемь лет. Он полностью осознал, что делает и зачем. Пусть она того заслуживала, но убивать людей всё равно плохо. Да, он не убил её непосредственно, но отказал в помощи, зная, и даже, судя по всему, надеясь, что она умрёт. Если бы он сбегал за целителем, с большой вероятностью, она бы всё равно умерла -- муданжские целители бессильны перед сердечно-сосудистыми заболеваниями и не умеют заводить остановившееся сердце. Это всё так. Но Алтонгирел не знал, что целитель не помог бы. Он даже сейчас не знает, иначе сказал бы, что, мол, всё равно толку бы не было. Более того, вина, которая его мучает, в большой степени -- за то, что Азамат из-за него был наказан, и вообще за ложь, за то, что обманул хороших людей. Не за сам поступок. И опять же, я не могу его осуждать, но и отмахнуться как от незначительной мелочи тоже не могу.

У меня пухнет голова.

Одиночество нашей скульптурной группы нарушает Азамат, тихонько постучавший в дверь и получивший моё столь же тихое разрешение. Он застывает на пороге, озабоченно оглядывая безвольную фигуру Алтонгирела, навалившегося на меня чуть не всем весом. Я показываю взглядом, чтобы Азамат что-нибудь с ним сделал. Он подходит, сгребает полегчавшего от моцогов Алтонгирела в охапку

и выносит в гостиную. Я с трудом поднимаюсь на отсиженные ноги и топаю следом, стаскивая на ходу промокший насквозь диль.

Оказавшись на диване, Алтонгирел скручивается бубликом и утыкает нос куда-то между диванными подушками.

-- Что он тебе рассказал? -- спрашивает Азамат.

Я мотаю головой.

-- Надеюсь, он когда-нибудь сам с тобой поделится, -- говорю.

-- Не надейся, -- бубнит мрачный голос из подушки.

-- Мне кажется, Азамат имеет право знать, -- замечаю я.

-- Ну так и расскажи ему сама, -- предлагает духовник. -- Давай, оттопчись на мне как следует.

-- Не будь идиотом, -- огрызаюсь я. -- Естественно, я ничего не скажу.

-- Конечно, -- хрипло подхватывает духовник. -- Потому что ты такая хорошая.

Я тяжело вздыхаю.

-- Где Эцаган? -- спрашиваю я. -- Надо его отвести домой...

-- Сидит дома и кусает ногти, -- отвечает Азамат. -- Сейчас позвоню ему.

-- Правильно, можешь и ему тоже рассказать, -- продолжает сходить с ума Алтонгирел, не вынимая головы из подушек. -- А то он меня слишком любит.

-- Звони быстрее, -- советую я, -- пока я ему не врезала.

-- Так врежь, что тебе мешает? Или ты думаешь, что так поступать безнравственно? -- бубнит духовник.

Азамат озадаченно косится на меня.

-- Его несёт, -- пожимаю плечами. -- И я не знаю, что с этим делать.

Нам приходится выслушивать Алтонгирелов бред ещё минут десять, пока Эцаган добирается до дворца. И хорошо бы это был полный бред, а то каждая фраза из меня душу вынимает. Азамат видит, что я принимаю это близко к сердцу, и тоже переживает.

Наконец наше кудрявое спасение возникает на пороге.

-- О боги!.. -- выдыхает Эцаган, кидаясь к помятой горке подушек, которую представляет из себя Алтонгирел. -- Ты чего, что с тобой?

-- Не трогай меня, запачкаешься, -- поступает ответ.

Я закрываю лицо руками. Грёбаная рефлексия, ну почему я просто не убедила его, что он ни в чём не виноват?! Теперь ещё и Эцагану достанется, а вонять Алтонгирел умеет долго и забористо.

-- Что он вам рассказал? -- обескураженно спрашивает меня Эцаган.

-- Да не могу же я это пересказывать! -- выпаливаю я. -- Ты ведь знаешь, что это его самая страшная тайна!

-- Она правда такая страшная? -- расстроено говорит он.

Ну и что мне отвечать?! Нет? Но она кошмарная! А если скажу да -- Алтонгирел решит, что я и правда считаю его убийцей.

-- Да дерьмо это, а не тайна! -- рявкаю я, скрещивая руки на груди. -- И не задавай мне таких вопросов больше!

-- Но Лиза, -- он просительно делает бровки домиком, -- я ведь ничего не знаю! Что мне с ним делать?

-- Я не знаю, -- развожу руками. А что я могу ему посоветовать? Любить его таким, какой он есть? Так я без понятия, как бы Эцаган отнёсся к правде. У него у самого никого из родителей нет в живых, не знаю, как так получилось. За Азамата я вполне уверена: он бы простил всё. Во-первых, он вообще всем всё прощает, во-вторых, он видел, что там была за ситуация. А про Эцагана я не знаю...

Он сидит и беспомощно оглядывается на нас, поглаживая Алтонгирела по плечу.

-- Можно тогда хотя бы спросить, -- говорит он, поняв, что от нас помощи не дожждётся, -- Айша у вас?

-- Не-ет, -- мотает головой Азамат. -- А она не дома?

-- Нет, -- хмурится Эцаган. -- Она ушла через несколько минут после Алтонгирела.

В подушках резко возникает шевеление, духовник выкапывается и садится лицом к миру.

-- Почему ты её отпустил?!

-- Интересный вопрос, -- защищается Эцаган. -- А что, я должен был её к печке привязать? Я думал, она пошла за тобой, как обычно.

-- Что значит "как обычно"? -- моргает Алтонгирел.

-- То и значит. Она уже полдюжины дней за тобой хвостом ходит, как ты начал к принятию сана готовиться... Ты не замечал?

-- Нет, -- странным голосом говорит Алтонгирел. -- А зачем?

-- Кто её знает, -- пожимает плечами Эцаган. -- Её ж не спросишь. Ну я так думаю, она за тебя переживает, ты же не ешь и не спишь. Ты когда уходишь в свой дом обряды проводить, она сидит у меня под полкой с бормол и, по-моему, молится. Молча, конечно, но выглядит так.

Алтонгирел стискивает зубы и со свистом втягивает сквозь них воздух.

-- Азамат, скажи чтоб поискали вокруг дворца, если она и правда за мной ходит, должна быть рядом.

Азамат послушно звонит на охрану и дожидается результатов осмотра. Никакой Айши.

-- Я пойду её искать, -- решительно заявляет Алтонгирел, вставая с дивана и пошатываясь.

-- Куда ты пойдёшь?! -- восклицает Эцаган. -- Ты шесть дней не ел, на ногах не стоишь, весь в слезах, а там снег и мороз!

-- Ты что не понимаешь, что я это всё ради неё делаю?! -- внезапно истерически орёт духовник. -- Я даже не знал, что она за мной ходит! Конечно я не знал! Это же я!!! Если окажется, что она пошла за мной, и что-то с ней случилось, я...

-- Ты пойдёшь и замёрзнешь насмерть! -- в тон ему заканчивает Эцаган, загораживая проход. -- Очень хорошо сделаешь, нам всем станет намного лучше! Айше в особенности!

-- Да, лучше! Ты вообще не знаешь, с кем связался! Отойди, ты не имеешь право меня не пускать!

-- Никуда я не отойду, я твоя пара и обязан следить, чтобы ты сам себе не навредил!

-- Значит, ты больше не моя пара! -- выплёвывает духовник.

Повисает звенящая тишина.

-- Алтонгирел, -- говорю я. -- Если ты так хочешь получить в глаз, то давай я дам тебе в глаз, и ты перестанешь издеваться над людьми, которые тебя любят.

-- Ну ты-то должна понимать! -- он разворачивается ко мне, с трудом удерживая равновесие. -- Они любят не того, кто я есть! Они не знают, кто я! Вот он -- духовник кивает на Эцагана, который стоит, опустив руки, и сам чуть не плачет. -- Он пришёл ко мне, думая, что я такой крутой и великий, что он найдёт во мне поддержку и

наставление. Подумай! Во мне! А я дерьмо и ни на что не гожусь! Так пусть он об этом знает!

-- Ты идиот, -- тоненьким голосом выдавливает Эцаган. -- Я к тебе пришёл, потому что у тебя был такой потерянный взгляд... А я просто хотел, чтобы ты иногда улыбался.

Алтонгирел вытаращивается на него. Я закрываю глаза ладонью. Право слово, немая вроде бы одна Айша, а поговорить не может никто.

Азамат оказывается самым разумным. Он звонит Киру и спрашивает, не видел ли тот Айшу.

-- Конечно видел, -- доносится голос ребёнка из телефона. -- Вот она рядом сидит. А что, уже можно идти домой? Ритуалы кончились?

-- Погуляйте ещё немножко, -- вздыхает Азамат.

Алтонгирел рушится на диван, как вода из ведра. Упирается взглядом в пол.

Эцаган, шмыгая носом, осторожно подсаживается с краешку.

-- Ты правда меня прогоняешь?

Алтонгирел косится на его носки, потом на мои.

-- Лиза, объясни ему.

-- Сам объясни, -- фыркаю я. -- Ты тут уже столько наговорил, что терять нечего. Расскажи ему всё, и пускай сам решает, нужен ты ему или нет.

Алтонгирел снова косится на Эцагановы носки. Голубенькие, под цвет дилия. С надписью "просто сделай это".

Видимо, надпись его убеждает.

-- Я убил свою мать, -- пропадающим голосом произносит он.

Я поджимаю губы: пояснять он явно не собирается.

-- Давай называть вещи своими именами, -- предлагаю я. -- Ты оставил её умирать.

Слева от меня движение -- это Азамат садится рядом с Алтонгирелом и кладёт ему руку на плечо.

-- Я знаю, как она с тобой обращалась, -- тихо говорит он. -- Она тебя довела. Это не твоя вина.

Выйдя из первоначального ступора, Эцаган поднимает брови.

-- Ты поэтому так повернулся на том, чтобы пристроить Айшу?

-- Повернулся?! -- фыркает Алтонгирел. -- Ты что, не понимаешь? Это, возможно, единственный мой шанс в жизни сделать

что-то хорошее взамен... Тем более, она девочка! Я убил одну женщину, я должен спасти другую!

-- Хвала богам, -- вздыхает Эцаган. -- Я уже шакал знает что думал, отчего тебя так надирает взять её в ученицы.

-- Ты думал, я позарился на девчонку?! -- с неподдельным отвращением цедит Алтонгирел. -- Меня тошнит от одного вида женщины! Я когда смотрю на женскую грудь, я только думаю о том, как она колыхалась у матери, когда она хрипела, чтобы я позвал целителя.

Эцаган смотрит на него с незамутнённой жалостью.

-- Бедненький мой... -- и гладит по щеке. -- Теперь я всё понимаю.

-- Ты понимаешь, что я не могу быть для тебя достойной парой? Ты красивый благополучный мальчик, как с картинки. Тебе нужен кто-то такой же. А не я, с моими бедами и мозгами набекрень.

-- Как раз ты-то мне и нужен, -- тихонько возражает Эцаган. -- Я именно что как с картинки, без подписи и без смысла. Я долго искал, куда бы пристроить свою жизнь, чтобы от неё был хоть какой-то толк. И нашёл тебя.

Я тихонько привлекаю внимание Азамата, и вместе мы на цыпочках выходим в коридор. Он переводит дух.

-- Думаешь, они помирятся?

-- Боюсь сглазить, но... Если Эцагана интересуется не гламур, а наоборот, то не вижу, почему нет. Если уж он до сих пор терпел Алтошины выходы...

-- Я, кстати, и сам думал, что его в Алтонгиреле привлекает, как ты выражаешься, гламур. Хотя уж я-то мог бы заметить... Ты сама-то как? Не обижаешься, что я его простил?

-- А мне-то чего обижаться? Эта курва очень постаралась вырыть себе могилу. Другой вопрос, что такие дела должны решаться в суде, а не травмировать человека на всю жизнь. Но, насколько я понимаю, в мударжском законодательстве нет статьи за домашнее насилие?

Азамат раздувает ноздри.

-- Я создам прецедент.

-- В смысле?

-- На Судном Дне. Попрошу Эцагана раскопать и привести на суд семью с подобными проблемами. Думаю, будет несложно, тем более, что он сейчас очень высоко мотивирован. Разберу по косточкам и вынесу вердикт. Чтобы знали, что отныне это наказуемо.

-- Ты только не торопись, а то Эцаган со своей мотивацией тебе полпланеты приведёт.

-- Я дам ему остыть немного, -- кивает Азамат. -- И себе заодно. И чтобы никто не провёл параллелей между испытанием Алтонгирела и внезапно поднятым вопросом домашнего насилия. Ладно, пошли, что ли, в кухню, к Хосу. Да и Киру уже пора возвращаться.

-- А что Хос делает в кухне? Он же вроде у себя в комнате был?

-- Он на нервной почве опять проголодался, к тому же на кухне запахи нестрашные, -- усмехается муж, добывая телефон.

Хос на кухне занят, он сидит на подоконнике в кошачьем обличье и внимательно следит за снующими под окнами машинками, время от времени пытаясь схватить их лапой, как будто это букашки на стекле. Телохранители по обеим сторонам от него переглядываются и давятся смехом.

-- Хос, ты чего? -- усмехаюсь я. -- Там же стекло!

Он оборачивается, радостно поднимает уши и превращается, одновременно прыгивая с подоконника.

-- О, вы пришли! А что это за штуки там?

Азамат пускается в объяснение, что такое машина и зачем она нужна. Через несколько минут подгребают Кир с Айшей, припорошенные снегом.

-- Где вы были-то? -- спрашиваю.

-- У моста на тарзанке, -- пожимает плечами Кир. -- Я просто подумал, нам лучше не мешаться под ногами...

-- Ты, в общем, был прав, но мы Айшу потеряли. Алтонгирел уже собирался идти её искать лично, а ты видел, в каком он был состоянии.

Айша виновато вжимает голову в плечи.

-- Да ты-то ни при чём, -- заверяю я её быстро. -- Ты же ни позвонить, ни написать не можешь. Просто он о тебе заботится, а сейчас ему не очень хорошо. Но это не из-за тебя, -- добавляю я, подумав.

-- Лиза, -- Азамат кладёт руку мне на локоть. -- Я думаю, на сегодня хватит подобных разговоров. Давай лучше чаю выпьем, дети-то замёрзли, наверное...

Я нахожу в морозильнике противень с наклепленными впрок сырыми плюшками и отправляю его в духовку. Вскоро мы все сидим за столом и предаёмся чревоугодию. Кир учит Хоса пить из пиалы, как человек. Тот уже пролил на себя полчашки молока и всё лицо искупал. Айша хихикает, Хос фыркает и облизывает себе нос длинным языком.

-- Ничего у тебя язык дотягивается! -- с уважением замечает Дорчжи. -- У меня так никогда не получалось.

И демонстрирует.

Кир тоже высовывает язык, у него подлиннее, но всё равно до кончика носа не достаёт. Эндан хохочет и тоже пробует, но у него нос слишком короткий.

-- Мальчики, -- укоризненно говорит Азамат. -- Ну не за столом же! И вообще...

-- Твоя очередь, -- говорю я, предъявляя обществу свой собственный язык. У меня до кончика носа хватает.

-- Ли-иза! -- возмущается Азамат, но смех пересиливает. -- Нет, твой рекорд я точно не побью. Ладно, подумались, и хватит. Я вот, пока вы все были заняты, позвонил Унгуцу и поговорил с ним насчёт клуба.

Кир садится прямее.

-- И чего?

-- Ну, он сказал, что если ты обещаешь взять на себя дисциплину, то он согласен.

-- А как быть с тем, что я работаю? -- озабоченно уточняет Кир. -- Получается, все только со мной смогут в клуб ходить?

-- Вот в этом, сынок, и проявляется, насколько ты хороший начальник. Руководить надо так, чтобы, когда ты отворачиваешься, всё шло не хуже, чем когда ты смотришь. Я вот могу себе позволить уехать на несколько дней, и знаю, что за это время ничего не рухнет. Конечно, отпускать меня не хотят, но и без меня работают, как часы. Тебе нужно добиться того же, иначе ничего не выйдет.

-- Ну, вообще, если я скажу им куда-нибудь не ходить, они и без меня не пойдут, -- прикидывает Кир. -- Но вот я не уверен, что они

будут тихо сидеть и делать уроки без меня. Скучно же. Начнут беситься.

-- Скучно с Унгуцем не бывает, -- заверяет его Азамат. -- Тут ты можешь на него положиться.

-- Слушай, а не получится так, что все будут учиться целыми днями, а Кир -- только по вечерам, и скоро отстанет от остальных? -- волнуюсь я.

-- У Кира есть фора, -- замечает Азамат. -- Он уже умеет читать и писать.

-- Вообще, я такой не один, -- поправляет Кир. -- Ещё трое художественно это умеют.

-- Надо тебя на полставки перевести, что ли, -- вздыхаю я. Ассистент он отличный, но надо ведь и о будущем думать.

-- Ну-у, я хочу лечить! -- расстраивается Кир.

-- Милый, понимаешь, лучше тебе сейчас заняться общей подготовкой, а потом полетишь на Землю, и там уже выучишься на целителя как следует. Иначе так всю жизнь и будешь ассистировать.

-- А они правда мне разрешат учиться на целителя? -- кривится ребёнок. -- с глухим-то именем?

-- Ты же знаешь, что кроме нас с Яной все земные целители на Муданге -- с глухими именами! Конечно, разрешат.

-- Ну ладно, -- уныло соглашается Кир. -- Хоть на выезды-то возьмёте меня?

-- А как же! Я на выезде без тебя никак, -- категорично заявляю я.

Кир расцветает.

-- Тогда согласен!

-- В таком случае, -- резюмирует Азамат, -- завтра собирай своих друзей -- и к Унгуцу. Айша, тебя тоже касается.

Девочка недоумённо смотрит на него, потом на Кира.

-- Её же Алтонгирел учить собрался, -- переводит Кир.

-- Он собрался её учить духовным искусствам, -- уточняет Азамат. -- И я не уверен, что ему хватит терпения на азбуку и арифметику. Не говоря уже обо всяких глупостях типа правил хорошего тона...

Меня разбирает смех. Да уж, это лучше от кого другого перенять.

Алтонгирел внезапно лёгок на помине. Судя по всему, он побывал в душе -- волосы мокрые, а лицо сухое, да и одет он в Азаматов домашний диль, обёрнутый вокруг него вдвое. Эцаган входит следом, слегка подталкивая духовника, чтобы бойчее шевелился.

-- Мы пришли поесть, -- сообщает Эцаган. -- Ритуалы окончены, моцогги тоже, Старейшины нам разрешили. Капитан, вы не против, что я в вашем шкафу порылся? Надо было во что-то чистое одеться...

-- Да пожалуйста, -- недоумённо улыбается Азамат. -- Если вас не смущает, мне-то всё равно...

Дорчжи суетливо обеспечивает Алтонгирела чаем с плюшками. Сказывается глухое имя: вообще-то он совершенно не обязан никого обслуживать.

Айша осторожно заглядывает своему новоиспечённому наставнику в лицо. Лицо усталое, но спокойное, что не может не радовать.

-- Алтонгирел, мы как раз обсуждали, -- вкрадчиво начинает Азамат, -- что Айше неплохо бы походить в клуб, помимо обучения у тебя. Ты как на это смотришь?

-- К кому? -- без выражения спрашивает духовник.

-- К Унгуцу.

Он кивает.

-- Хорошо смотрю. Я бы вообще предпочёл, чтобы она поменьше имела дело с психами вроде меня.

Эндан и Дорчжи переглядываются, Айша сникает.

-- Во-первых, она вот сидит, -- напоминаю я. -- Прибереги свои заморочки для тех, кто знает, в чём дело, а то бедный ребёнок ещё решит, что ты не хочешь её учить. Я понимаю, для тебя это долг и всё такое, но она живой человек с чувствами.

-- Я просто не хочу научить её плохому, вот и всё, -- откликается Алтонгирел, убедительно притворяясь здравомыслящим.

-- Ну знаешь! -- фыркаю я. -- Я вот, между прочим, не далее как этой весной человека убила. Что теперь, я не имею права говорить своим детям, что хорошо, а что плохо?

Алтонгирел смотрит на меня живо, как будто напрочь забыл об истории с джингошем.

-- А что, тебя совесть мучает?

-- Нет, -- подумав, говорю я. -- Это был несчастный случай, да и его намерения на мой счёт были совсем не безобидными. Но всё равно это меня не украшает. И если меня ребёнок спросит, можно ли убивать людей, я скажу, что нельзя, и что я была не права. Вот и всё.

-- Значит, всё-таки мучает, -- настаивает Алтонгирел.

-- Ну почему? -- возражает Азамат. -- Все совершают ошибки, и я, и Эцаган, и Старейшины. Но мы же не рыдаем во сне и не срываемся на других из-за этого. Да, если бы было возможно, я бы многое в своей жизни исправил. Например, Кир бы ни дня не провёл в приюте. Мне жаль, что так вышло, я бы многое отдал, чтобы это изменить. Но это не значит, что я не имею права наставлять его как отец сына. С другой стороны, вот твой бывший наставник, он-то уж точно никогда совестью не мучился. И что, ты хочешь сказать, что он хороший человек? Я согласен, признать свою неправоту и жить с этим -- трудно, но это лучше, чем всю жизнь заниматься самобичеванием или наоборот, притворяться, что ты безгрешен. Уж ты-то, духовник, а теперь и Старейшина, должен понимать такие вещи.

-- Я тебя услышал, -- тихо говорит Алтонгирел, и эта фраза кажется мне очень странной и нехарактерной в его устах. -- Я попробую. Но Айше всё равно стоит походить к Унгуцу, в конце концов, я понятия не имею, как учить ребёнка писать и считать.

-- Никто и не против, -- улыбается Азамат. -- Ну ладно, время позднее, вам уже домой пора наверное?

-- Капитан, а можно мы тут переночуем? -- просит Эцаган. -- Все?

-- Да пожалуйста... А чего вдруг? Дома что-то не так? -- хмурится Азамат.

-- Нет, просто... -- Эцаган пожимает плечами. -- Тут у вас так тепло... И я не только про температуру.

Хос, который был занят обнюхиванием плюшки, оглушительно чихает.

Глава 33

Мы с Алэком в детской читаем сказки из книжки, в которой, когда открываешь страницу, надувные персонажи сами набирают воздух и становятся объёмными, и тогда ребёнок может их хватать и тискать, а они пищат.

-- Динь-дон-ток! -- заливается птичка, из которой Алэк вознамерился выжать сок, судя по усилиям.

-- Ди-до-до! -- радостно вторит ей ребёнок.

Я зеваю, едва не откусывая ему голову. Тирбишева матушка идёт на поправку, и я изо всех сил желаю ей скорейшего выздоровления, хотя и из корыстных соображений. Привыкла всё-таки за шесть месяцев, что у меня и помимо ребёнка какая-то жизнь есть, в особенности утренний сон.

У Алэка же энергия хлещет через край: книжка дочитана, надо срочно выплеснуть полученные эмоции. Ребёнок просачивается у меня между коленками и как заводной ползёт в угол, где хранится сложенный туннель. Ну что ж, я не сплю, так и остальным чтоб неповадно было...

Туннель у нас огромный, разветвлённый, с окошками. В разложенном виде занимает всю детскую и половину гостиной. Ребёнок, впрочем, не дожидается, пока я расставлю всё, а смело ползёт внутрь, выскакивает с другого конца и требовательно пищит, чтобы я скорее уже ставила следующие сегменты. Заодно выясняю у него, куда ставить: направо, налево? В результате получается такая паутина, что я бы там внутри давно померла от клаустрофобии несмотря на окошки, а ребёнок ползает кругами и восьмёрками, сообщая о своём местонахождении радостным визгом. Моей паранойе, правда, этого недостаточно, поэтому у нас туннель с детектором и выводит мне на планшет карту со светящейся точкой -- где искать чадушко, если оно там, скажем, заснёт.

Кир с Айшей возвращаются с прогулки с Филином. Зимой на снегу он не пачкается, и я разрешаю пускать его в жилую часть без предварительной санобработки. Туннель, впрочем, Филину не нравится: у него параноя получше моей, так что он принимается скакать через цветную трубу там и сям, гавкая и пытаясь выкурить Алэка на воздух. Не на того напал, у меня норный ребёнок. Он радуется, хохочет и быстро-быстро убегает. Филин пытается пролезть в окошко, но габариты не позволяют, всё-таки дворцовых собак хорошо кормят.

-- Ну чё ты орёшь! -- возмущается Кир. -- Зайди с торца и ползай там сколько влезет! Ну во-от, смотри!

Кир подводит пса ко входу в туннель, Филин со всем пастушьим рвением туда ныряет... скулит, пятится и поджимает хвост.

Кир на всякий случай заглядывает внутрь -- там ничего.

-- Ты норки испугался? -- презрительно спрашивает он.

Филин прижимает уши и выглядит пристыжённым.

Айша хихикает и тоже заглядывает в туннель, а потом и залезает внутрь. Ей это несколько легче, чем Филину, по размеру. Пёс в ужасе заходится лаем, пытаясь донести до хозяина, что происходит что-то ужасно неправильное. Мы с Киром хохочем.

На лай из дальней комнаты выходит Хос в кошачьем облике, чёрный и хмурый как туча. Открывает огромную розовую пасть и зеваает. Филину большего и не надо -- мгновенно затыкается и -- юрк в туннель. Страха как не бывало. Мы с Киром заходимся ещё пуще.

Наш гогот, видимо, окончательно убеждает гостей, что спать кончилось. Дверь распахивается с треском, и взъерошенный Алтонгирел в едва накинутом диле являет нам своё гнев.

-- Вы совсем тут охренели в такую рань так орать?! -- вопрошает он гнусаво.

Похоже, он оправился от вчерашних потрясений. Мы с Киром покатываемся с удвоенным усердием. Хос, которому не нравится, когда у него над головой гнусаво вопрошают, трясёт ухом и лениво шипит. Алтоша замечает его, делает в воздухе еле заметный простому глазу пируэт и как-то неожиданно оказывается за спинкой дивана, на котором валяемся мы с Киром. Понятное дело, нам это членораздельности не придаёт.

-- Вы что, тоже яиц объелись? -- благодушно спрашивает Азамат, выходя из спальни. Он уже умыт, причёсан и одет на работу. А я так надеялась его ещё повалить до ухода...

Из окошка напротив меня высовывается собачья морда и озабоченно твякает. Метрах в трёх в соседнем витке Алэк приподнимает крышу и машет папе ручкой. В дальнем конце комнаты Айша выпадает из выхода и сдувает с носа наэлектризованную прядь волос.

-- Почему ты не запрещаешь им так шуметь? -- продолжает возмущаться Алтоша из безопасного укрытия. -- Люди же спят!

-- Ладно тебе, -- укоряет его Эцаган, выползая из гостевой комнаты. Он не завитый и от этого выглядит очень непривычно. -- Мы

же сами вчера напросились остаться, забыл уже?

Алтонгирел бросает на него быстрый взгляд, по которому понятно, что он всё прекрасно помнит, но предпочёл бы сделать вид, что нет.

-- Ну это же дети! -- вступается трепетный Азамат. -- Им надо побеситься, как же можно такое запрещать?

-- Мне лень, -- отрезаю я. -- Заказывайте завтрак, а то мы с Алэком всю кашу съели и вам не оставили.

К завтраку Филин всё-таки выгоняет Алэка на свет божий и обеспечивает ему более мирные игры: покидать собачке игрушку, например. Алэк очень старательно кидает, только иногда забывает пальцы разжать, а Филин искренне ведётся на ложный бросок. Хос хихикает, не превращаясь, только приподнимает одно мурло и трясёт усами, постепенно засыпая обратно прямо посреди комнаты. Айша, судя по всему, пытается жестами рассказать Киру анекдот, или во всяком случае, что-то очень смешное, но даже его способностей к расшифровке на это не хватает.

-- Когда займёшься подопечной? -- с улыбкой интересуется Азамат у духовника. Улыбка у него этакая покровительственная и немного насмешливая, как у родителя, который спрашивает ребёнка, мол, жеребца завёл, а чистить когда собираешься? Тьфу-ты, эти муданжские аллюзии.

Алтонгирел поджимает губы и косится на Айшу, которая по-прежнему занята невербальным общением с Киром.

-- Не знаю, -- еле слышно произносит он. -- Я не умею учить детей.

-- Ну привет! -- развожу руками я. -- А ради чего тогда вся эта нервотрёпка была? Тебя, вроде бы, никто не заставлял.

-- Я сделал то, что обязан был сделать как порядочный духовник! -- шипит Алтонгирел, защищаясь.

-- Угу, и Совет Старейшин счёл тебя готовым взять на себя такую ответственность, -- киваю я.

Эцаган смотрит на меня укоризненно, мол, что вы его шпыняете, он и так натерпелся.

-- Тебе, кстати, перед Советом ещё надо показываться? -- переводит тему Азамат.

-- Только зайти подписать пару документов, -- поспокойнее отвечает Алтонгирел. -- Что я прошёл испытания, они и так уже знают.

-- Отлично, -- радуется Азамат. -- Я пойду с тобой. Там сегодня один Унгуц на дежурстве. Вот мы сядем все вместе и обсудим, с какого конца тебе братья за дело. Договорились?

Алтонгирел передёргивает плечами.

-- Ни ты, ни Унгуц не духовники, чего вы там наобсуждаете? Только время своё потратишь на меня, как будто мало...

-- Чушь! -- резко обрывает его Азамат, привлекая внимание детей, но продолжает мягче: -- Мы, может, в духовном деле и мало смыслим, но я знаю тебя, а Унгуц знает детей. Вместе что-нибудь да сообразим. Ты взялся за хорошее дело, малыш. Хорошее и трудное. Я понимаю, что тебе сейчас это представляется чем-то неохватным. Но ты не один, малыш, и я хочу, чтобы ты об этом помнил. Вместе как-нибудь справимся.

Алтонгирел молча кивает и отодвигает свой стул.

-- Пойду оденусь, -- бросает он через плечо, удаляясь в гостевую.

-- Спасибо, капитан, -- одними губами произносит Эцаган и вспархивает следом.

-- А-а... сегодня... Старейшина Унгуц ещё не?... -- запинаясь, спрашивает Кир со странным выражением лица.

-- Завтра первый день, -- качает головой Азамат, заглядывая в календарь в часах. -- Не терпится?

-- Ну... -- Кир пожимает одним плечом.

Позже, когда мужчины уходят, а мы с детьми убираем туннель, странный взгляд Кира становится понятнее.

-- А отец часто Алтонгирела так называет? -- спрашивает Кир как бы между делом, покачивая на коленке дремлющего Алэка.

Мелкий вместо положенных ему одиннадцати часов ночного сна и двух-трёх дневного стабильно спит по шесть-восемь ночью и по четыре-шесть днём. Я уже начала беспокоиться, не нарушение ли это из-за частой смены часовых поясов, но Ййзих-хон заверила меня, что Азамат спал точно так же, хотя никаких разъездов в его жизни тогда ещё не было. Я зарядила Янку изучить, нет ли у других муданжских детей такого же отклонения, но она пока результатов не сообщала.

-- Как так? -- морщу лоб я, выдернутая из размышлений о режиме.

-- Малыш, -- неуверенно произносит Кир.

Я припоминаю, что и правда Азамат так выразился, и меня это тоже несколько удивило.

-- Раньше не слышала, -- говорю, -- но он его знает с четырёх лет. Наверное, старая привычка. Айша-хян, можно тебя попросить отвести Филина на конюшню? А то он один мимо Хоса никогда не пройдёт.

Хос по-прежнему дрыхнет посреди комнаты. Идеи Азамата перевести его на дневной образ жизни пока что не увенчиваются успехом.

-- Пускай силу воли вырабатывает, -- усмехается Кир, приваленный Алэком.

Айша всегда рада быть полезной -- кивает с энтузиазмом и аккуратно, вдоль стеночки выводит Филина в коридор.

-- А ты думал, это только твоё прозвище? -- спрашиваю я, когда за ней закрывается дверь.

-- Ничего я не думал, -- отнекивается Кир.

-- Азамат тебя очень любит, -- на всякий случай напоминаю я. -- Он бы тебе сто тысяч прозвищ напридумывал, но боится, что засмущает.

-- Не-не-не, не надо! -- ужасается Кир, видимо, представив себе все сахарные эпитеты, которые способен породить ум, натренированный образованием в области народного творчества.

Я усмехаюсь, припоминая, как Азамат высказался насчёт Кира, когда расписывал Аравату права и обязанности. У ребёнка тогда глаза были больше лица и абсолютно стеклянные.

Кир, похоже, вспомнил этот же эпизод, потому что следующим номером интересуется у меня всё в том же якобы беззаботном тоне:

-- А он точно мой отец?

Я поднимаю брови.

-- Да, Кир, конечно. Хочешь, я тебе тесты покажу?

-- А я в них пойму чего-нибудь? -- колеблется он.

-- Ну я-то нужна зачем-то, наверное, -- усмехаюсь.

-- Чтобы было хорошо? -- заискивающе подсказывает он.

Я смеюсь, стараясь не разбудить Алэка, встаю и обхожу диван, чтобы принести бук с тестами, по дороге наклоняюсь и целую Кира в макушку. Вернувшись, подсаживаюсь поближе, открываю крышку бука и принимаюсь объяснять азы генетики. Кир внимательно слушает, пристроив голову мне на плечо. Алэк сопит у него на коленях, подёргивая ножками -- днём его наша болтовня только убаюкивает.

Нашу идиллию нарушает звонок Орешницы.

После долгих реверансов и заверений, что я рада её слышать и у меня есть время поболтать, она всё-таки доходит до сути звонка:

-- Да у меня такое дело... Тут сын с югов вернулся, привёз верблюжьей шерсти -- ну такой хорошей! Я вот хотела с вами поделиться, заодно и пошили бы чего-нибудь...

-- О! -- я оживляюсь. -- Отличная идея! Давайте скорее сюда! За вами прислать машину?

-- Ох, нет, я-то не выберусь, сын на меня свою мелюзгу свалил, а сам с отцом на рыбалку двинул. Я с этим горохом по гостям не поеду. Думала, вдруг у вас времечко найдётся...

-- У меня у самой горошина, -- смеюсь я. -- Но, думаю, если у вас там целая грядка, Алэк мало чего добавит. Ничего, если я с мелким буду?

-- Да хоть всю семью везите! -- радуется Орешница. -- Я тут варенья наварила, и этого ещё, которого вы мне рецепт давали... конфитюра, во! Сейчас хунь-бимбик налеплю, а детки вместе не соскучатся, я так думаю. Подруг своих зовите из клуба.

-- Попробую, одна-то в отъезде... У меня только ребёнок сейчас спит, не хочу его тревожить. Проснётся -- тогда и поеду, хорошо?

-- Да пожалуйста, отзовитесь на выходе, я расскажу, куда ехать. На том и договариваемся.

-- Кир, ты не хочешь в гости съездить? -- спрашиваю, кладя трубку.

Он лениво потягивается.

-- Не очень. Я хотел сходить в Дом Целителей потренироваться, раз сегодня ещё клуба нету... И Айшу не хочу одну оставлять. Её Алтонгирел теперь учить должен, правильно? А он странный такой, ещё обидит нечаянно.

Я кривлюсь. Не могу сказать, что я не разделяю Кировы опасения, хотя при Алтоше их точно не стоит высказывать.

-- Он хочет как лучше, -- говорю на всякий случай. -- Просто не очень умеет...

Кир не успевает ничего ответить, потому что тут приходит сама Айша, а с ней Алтоша и Азамат.

-- Чё-то ты долго до конюшни и обратно, -- замечаю я.

-- Пошла наставника разыскивать, -- усмехается Азамат, потом похлопывает задумчивого духовника по спине. -- Ну давай, успехов.

Тот сдержанно кивает, жестом показывает Айше, чтобы шла за ним, и они оба удаляются в гостевую комнату, аккуратно обогнув горку чёрного меха на полу.

-- До чего договорились-то? -- спрашиваю.

-- Составили план действий, -- довольно говорит Азамат. -- Стратегию выбрали. Ну и так, по мелочи, подбодрили его маленько. Всё-таки для него это изрядная авантюра. Ладно, я побежал на работу, пока не съели, расскажете потом, как прошло.

Он исчезает. Мы с Киром возвращаемся к прерванному разговору о генетике вплоть до того момента, когда Алтонгирел с Айшей выпадают обратно.

Айша сияет, как начищенная сковородка, улыбается до ушей и пружинит на мысках. Алтонгирел довольно безуспешно пытается изобразить спокойное достоинство -- он явно устал и хочет побыть один. Я даже ничего сказать не успеваю, а он уже выскакивает в коридор и уносится в сторону кухни, судя по звуку шагов. Айша, впрочем, не замечает.

-- Научил чему-нибудь? -- с сомнением спрашивает Кир, провожая взглядом духовника.

Айша с энтузиазмом кивает, садится перед нами на пол и вперяет взгляд в книжную полку.

-- Подлети! -- внезапно произносит она.

Я ещё не успеваю сообразить, что значит это слово, как с полки валится книжка, но не падает на пол, а замирает на середине дистанции и неторопливо плывёт по воздуху Айше в руки.

-- Круто! -- выдыхаем мы с Киром, когда волшебство окончено.

Айша скалится.

Наш дуэт будит Алэка, и он тоже высказывается по поводу Айшиных способностей.

-- Это, по-моему, называется "повелевать", да? -- спрашиваю я.

Айша кивает.

-- Ничего себе, Алтонгирел и сам не так давно научился это делать...

Девочка улыбается ещё шире, если возможно.

-- Ну так, -- гордо говорит Кир, -- фигни не держим!

Айша немного розовеет, потом снова переключает внимание на книжку.

-- Улети!

Книжка послушно поднимается в воздух и плывёт к полке. Втиснуть её в родную щёлку составляет для Айши некоторый труд -- надо сначала попасть, а потом приложить усилие, книг-то у нас много, -- но она справляется.

Я аплодирую.

-- А говорить ты всё ещё не можешь? -- спрашиваю.

Она мотает головой и показывает, мол, потом, позже.

-- Покажи ещё, -- просит Кир. -- Тебе, наверное, тренироваться надо?

Она кивает и принимается гонять по комнате разные предметы. Алэк решает, что это очень интересно, особенно когда в воздух всплывают некоторые его игрушки. Он сползает с Кира и на всех четырёх шустро гоняется за своими богатствами, оглашая комнату боевым кличем.

Хос, второй раз за день разбуженный детскими воплями, поднимает хмурую голову, видит несущегося на него по воздуху плюшевого зайца и на автомате хватает его зубами. Заяц крикает, Хос пугается и плюётся, тут же перекидываясь человеком.

-- Что делаете?! -- возмущённо спрашивает он.

-- Айша тренируется, -- поясняет Кир. -- Айш, а ты можешь меня в воздух поднять?

Она мотает головой.

-- Эх, -- вздыхает Кир, -- ну ладно. Хос, хватит спать, всё проспишь!

-- Не спать вопли куда прячусь, -- ворчит Хос, клюя носом.

-- Чё? -- моргает Кир. -- Сам-то понял, что сказал?

-- Хос, говори понятно! -- требует Айша.

Хос резко подскакивает с вытаращенными глазами и на одном духу выдаёт:

-- Я говорю, с вами разве поспишь, вопите тут, как сбесившиеся цапли, а мне даже спрятаться некуда! Ой!

Он замолкает в полной растерянности от своей тирады.

-- Айш, ты ему повелела, что ли? -- догадываюсь я, припоминая, какой эффект это может иметь на развязывание языка.

Айша виновато кивает.

-- Она не нарочно, -- вступается Кир. -- Ей потому и говорить нельзя, что так получается.

-- Так это чего, я теперь всё время буду по-умному говорить? -- медленно произносит Хос, исследуя свои новые возможности.

Мы все пожимаем плечами.

На этой оптимистической ноте возвращается Алтонгирел. Очевидно, он достаточно отдохнул и помедитировал, чтобы снова встретиться с подопечной.

Он озирает бардак, который мы развели, Алэка на куче игрушек, Хоса, замершего посреди комнаты.

-- О, снова этот пожаловал, -- хихикает Хос. -- Когда я в человеческом облике-то хоть не побоишься подойти?

Алтонгирел медленно переводит взгляд на Айшу.

-- Я же сказал на людях не упражняться, -- негромко, но угрожающе говорит он.

Айша вжимает голову в плечи.

-- А Хос и не человек! -- выпаливает Кир.

Алтоша поджимает губы.

-- Не пугай ребёнка, -- одёргиваю я его.

-- Она должна думать прежде чем делать, -- ворчит Алтонгирел, садясь рядом со мной.

-- И какой процент человечества следует этому правилу? -- закатываю глаза я.

-- Лиза, у девочки огромная сила. Любое нечаянно сказанное слово может привести к катастрофе, как ты не...

-- Ну так а ты для чего нужен? Выстрелил, как из пушки, даже нам ничего не сказал, а она должна сама за собой присматривать? Ты вообще можешь отменить то, что она делает?

-- Э, не надо ничего отменять! -- встречается Хос. -- Мне так гораздо удобнее!

Айша на полу совсем сжалась в комочек, Кир смотрит на Алтошу так, как будто вот-вот загрызёт. Один Алэк беспечно собирает свои игрушки в большую коробку, потом вынимает и снова собирает.

Алтонгирел стискивает зубы, некоторое время молчит, потом тяжело вздыхает и поднимает голову.

-- Айша, подойди сюда.

Она быстро, хотя и опасливо, подходит и садится на диван, повинуясь пригласительному жесту.

-- У тебя хорошо получается повелевать, -- через силу произносит духовник. -- В этом я тобой очень доволен.

Девочка заметно приободряется.

-- Но пожалуйста, будь аккуратнее. Я понимаю, что ты не нарочно. Повелевание может быть очень опасно. Это ясно?

Айша кивает, всем своим видом выражая, что больше не будет.

Алтонгирел удовлетворённо откидывается на спинку дивана.

-- Скажи ей, что она не сделала ничего плохого и ты не сердись, -- говорю я на всеобщем, пихая его локтем в бок.

-- Ещё чего, -- огрызается он, тоже на всеобщем. -- Во-первых, это неправда, она ведь меня послушалась, во-вторых, ты знаешь, что я чувствую по поводу подобных утверждений. Пускай Унгуц её учит, что хорошо, а что плохо.

-- Слушай, в моей нравственности ты, кажется, не сомневаешься? Вот я тебе говорю, что она не сделала ничего плохого. Ты можешь ей это повторить или язык завянет?

Алтонгирел строит мне рожу, потом отворачивается и, ни на кого не глядя, без выражения произносит:

-- Айша, ты не сделала ничего плохого и я не сержусь.

Айша лучезарно улыбается и неожиданно целует его в щёку.

Выражение лица Алтоши словами не передать, но очень смешное. Я покатываюсь, а Кир над ухом шипит, что, мол, так и отравиться недолго.

-- Ладно, -- говорю я, отсмеявшись. -- Пожалуй, дальше и без меня разберётесь, а мы с Алэком в гости поехали.

-- Как? -- выпаливает Алтонгирел с потеряннным видом. -- Куда? Ты меня одного с детьми бросишь?

-- Мы не дети, -- возмущается Кир. -- Не волнуйтесь, я найду, куда их пристроить.

-- Хос, а где твои телохранители? -- спрашиваю.

-- Один в коридоре, другой отдыхает, -- объясняет Хос, старательно выговаривая сложные слова. -- Они по очереди будут меня караулить.

-- Ну вот, Алтонгирел, ты не один, -- усмехаюсь я. -- А если что, Эцагана позовёшь на помощь.

Духовник шипит себе под нос что-то непечатное, потом с видимым усилием напускает на себя независимый вид.

-- Разберусь как-нибудь и без него. Айша, ты пойдёшь со мной, мне нужно ознакомить тебя с приспособлениями, с помощью которых обычные духовники управляют предметами и людьми. Тебе нужно учиться смирять свою силу, иначе говорить так и не сможешь.

Айша живо кивает, хотя, по-моему, Алтонгирел всё это сказал скорее самому себе, чтобы заставить себя снова заняться неприятным делом.

Мы с Янкой колесим по пригороду, подпрыгивая на буераках. Алэк, сидящий у неё на коленях (в муданжском автопроме никто никогда не слышал про детские сиденья), каждый раз на ухабе подлетает в воздух на пару сантиметров и ужасно радуется. Яна рассматривает его под разными ракурсами и периодически вздыхает.

-- Чего страдаешь? -- интересуюсь.

-- Да вот, думаю, не завести ли и мне такую игрушку, -- усмехается она, ловя мелкого после очередного прыжка на колдобине.

-- Замуж выходить придётся, -- напоминаю я. -- Это ж Муданг...

-- Вот в том-то и беда, -- снова вздыхает Янка. -- Если б не замуж, и вопроса бы не было. А так стрёмно, у них же тут на всю жизнь это дело... Мало ли, вдруг он превратится в тыкву?

-- Кто он-то? -- в который раз спрашиваю я. -- Мне хотя бы знаком?

-- Знаком, знаком, -- ворчит Янка. -- Ты, вообще, могла бы и догадаться, я довольно условно шифруюсь.

Я задумываюсь на некоторое время. Кого я такого знаю, кто трепетный и в Янкином вкусе? Насколько я помню, мужики ей нравятся тихие и трудолюбивые, чтобы не очень бурно страдали от одиночества, когда сама Янка по уши в работе. Про кого-то мы с ней недавно говорили, я ещё удивилась, что у неё есть его телефон...

-- Ирнчин?

Яна многозначительно улыбается.

-- Видишь, я так предсказуема.

-- Тип твой, да, -- хмыкаю я. -- А как ты с ним сошлась?

-- Так ты же ко мне его и отправила после ранения наблюдаться.

А он к тому моменту уже который год никак не мог какую-то стерву поделить с другим мужиком. И тут я, вся такая рада его видеть, сладкой микстурки дам, массажик сделаю... Короче, он как-то вечером ко мне на осмотр пришёл -- и не ушёл.

-- И ты прям вот уже готова от него рожать? -- интересуюсь я.

-- Да это вообще не вопрос, такой генетический материал зря простаивает, жалко до слёз! Но вот замуж я побаиваюсь... Он всё-таки довольно дикий, хотя и покладистый. Ещё с этой должностью в госбезопасности, мало ли, взбрёт ему в голову что-нибудь доисторическое, так никто ему слова поперёк не скажет. Я и за тебя-то в этом смысле переживаю, у тебя ж ваще Император, что хочет, то и творит.

-- Мой интеллигент, -- усмехаюсь. -- Он прежде чем творить читает сорок книг и ещё пару раз уточняет у меня, всё ли он правильно понял.

-- Да мой тоже вроде интеллигент, -- кривится Яна, -- да только уж очень муданжский. Например, дарит мне украшения с выгравированными стихами.

-- Боже, какая прелесть! -- прыскаю я.

-- Прелесть-то прелесть, только сам он вообще не очень красноречив, а в моменты страсти совсем человеческую речь забывает, соответственно, стихи писать он нанимает какого-то книжника и ужасно из-за этого комплексует. Я ему как-то раз говорю, дались тебе вообще эти стихи, мне и так приятно, а если хочется уникальности, ну напиши там "Яне от Ирнчина" и успокойся. Так блин, он обиделся и неделю не приходил, решил, что это я его так послала! Я не знаю, Лиз, это же минное поле!

-- Ага, причём мины, которые ты уже обошла, обгоняют тебя тайным путём и ложатся на тропинку впереди, -- ехидно поддакиваю я. -- Знакомая картинка.

-- У тебя тоже так, да? -- уныло говорит она. -- Вот ведь зелёный виноград эти муданжские мужики! Ты у нас хирург, скажи, может, им можно что-нибудь в мозгах подправить?

-- Механически вряд ли, -- с напускной серьёзностью отвечаю я.
-- Но они эмпирически обучаемы. У меня, кстати, уже не так. Всё-таки мы с Азаматом уже почти муданжский год вместе, наладили обмен пакетными данными почти без потерь. Но терпения на это надо много, да.

Янка корчит рожи своему отражению в глянцевом пластике бардачка.

-- Вот я и не знаю, хватит ли мне того терпения. Моя бы воля, я бы, конечно, годик-другой подумала прежде чем резкие движения совершать. А с другой стороны, жалко его, мало ему та корова голову морочила, получается и я туда же... Он ведь такой хороший, делает вид, что всё понимает, но всё равно расстраивается.

-- Слушай, так чё ты мучаешься, -- осеняет меня уже у самых ворот Орешничиного дома. -- Слетай с ним на Землю и выйди за него замуж там. Если что -- разведёшься. А ему скажешь, что имеешь право выходить замуж по своим правилам. У них тут у тёток есть такое представление, если не поведётся, я приглашу свекровь сыграть перед ним сольную арию, она в этом деле спец.

-- Так это я вообще могу ему сказать, что совместная поездка на Землю -- это финальное испытание. Он всё напрашивается на какие-нибудь проверки своей состоятельности, вот и будет ему... Молодец, Лизка, наш человек!

Орешница встречает нас таким столом, что я не совсем понимаю, когда она собирается шить. На то чтобы хотя бы попробовать каждое блюдо, уйдёт весь вечер.

-- Ничего себе варенье и хунь-бимбик, -- протягиваю я. -- Тут как минимум на коронацию размах...

-- Да вы что, -- отмахивается она свободной рукой, второй покачивая ручное чадо. -- Это я так, по сусекам поскребла, как говорится, гости всё-таки.

Мы с Яной переглядываемся.

-- Я учту, -- говорю, -- на будущее, а то даже неудобно, мы во дворце скромнее питаемся.

-- Вы садитесь, садитесь, -- кудахчет хозяйка. -- У вас-то семья небольшая, чего удивляться, а у меня шесть сыновей, да двое с малышнёй, пластаются на работе целыми днями, жалко мне их, вот и кормлю.

-- Да вы просто мать-героиня, -- качает головой Янка.

Малышня тут вся в наличии, и действительно мал мала меньше. Двое совсем ручных, трое самоходных, но тоже некрупных. Алэк, которому нечасто доводится видеть других малышей, очень интересуется, подползает ко всем по очереди, рассматривает, щупает и пищит.

-- Вы кушайте, кушайте, -- напористо подсовывает нам тарелку за тарелкой щедрая хозяйка. -- Я за князем присмотрю, да тут всё для детей устроено, все мои тут росли... Кстати, как там мой средненький, вы его, может, видели? Давно дома не был, вроде у него с той девочкой с островов наладилось дело, не знаете?

-- Ещё как! -- фыркает Яна. -- Девочка со мной работает, так ваш красавец каждый вечер в приёмной её дожидается, не дай бог задержаться на работе -- съест!

-- Ох боги, -- вздыхает Орешница, -- уж хоть бы он утомился, а то ничем толком не занимается, сколько уже перебрал девиц, и все ему не те!

Мы с Янкой переглядываемся, жуя великолепные образцы муданжской домашней кухни.

-- Думаю, на этот раз ему уже больше нечего желать, -- заявляет Янка. -- Тут девушка особая.

-- И, кстати, я слышала, он какую-то хорошую работу нашёл, -- вспоминаю.

-- Ну хвала богам, коли так, -- кивает Орешница, от волнения отправляя в рот перечную колбаску, хотя они считаются чисто мужской пищей. Яна, не переносящая ничего острого, смотрит на неё с содроганием, но та даже не замечает. -- Ладно, что-то я вас утомила своими переживаниями, давайте лучше на шерсть посмотрим, вы небось такой и не видели даже, это вот мой старшенький привозит с юга, так-то они не торгуют...

Она ещё долго рассказывает подробности шерстеэкспорта, открывая перед нами коробки с заботливо уложенными мотками. Пряжа и правда очень приятная на ощупь. У меня начинает формироваться план вязания Азамату шапки -- он их терпеть не может, потому что они ему все кажутся колючими, но тут уж придраться не к чему, предложу подумать...

Мы рассаживаемся в гостиной на толстенном ковре и подушках с хорошим видом на детский манеж и принимаемся планировать следующий швейный проект, когда меня нагоняет телефонный звонок. Я беру трубку и выслушиваю следующий загадочный текст:

-- Ма, я сделал трахеотомию, что дальше?

Глава 34

С полсекунды я протормаживаю, потому что мозг отказывается обрабатывать конфликтующие данные. "Ма" -- это матушка Азамата. Но звонит не Азамат. Да и слова "трахеотомия" он не знает. Могу предположить, что Алэк бы стал меня называть "Ма", но он мало того, что говорить не умеет, так ещё и вот сидит и никуда не звонит. И звонить он не умеет тоже. И трахе--

Стоять, это же Кир!

-- Кир, -- говорю я с усилием, присобачивая ярлык странному явлению реальности. Потом понимаю, что все вопросы, которые я хочу задать, за один раз сквозь глотку не пролезут, и ещё одним нечеловеческим усилием ума нахожу выход: -- Включи камеру на телефоне!

-- Ща! -- он послушно включает.

Он во дворе какого-то дома, смутно знакомого, но сразу в памяти не всплывает. Камера мечется, пока он перехватывает телефон поудобнее, я вижу его ботинки, потом вдали ноги каких-то ещё людей и наконец край дила лежащего человека. Когда в кадр наконец-то попадает лицо, я его узнаю. Это тот исполин, пара Ажгдийдимидина. Лежит на снегу и со свистом дышит через трубку в горле -- не специальный прибор, просто какой-то катетер, обмотанный пластырем, чтобы не ушёл внутрь. Мне плохо видно подробности, но фонтана крови нет, и то благо.

-- Звони в Дом Целителей и вызывай помощь, ты пока больше ничего не можешь сделать.

-- Я номера не знаю! -- признаётся Кир. -- Только Яны, а она не отвечает.

Чертыхнувшись, я сама вызываю Дэна, параллельно объясняя Киру, как послать через два соединения координаты для навигатора -- понятие адреса в муданжских городах отсутствует как класс.

-- Что с ним было, что ты решил резать? -- спрашиваю, когда Дэн стартует к месту событий.

-- Ну, мы шли мимо, -- издалека начинает Кир и мне хочется ускорить его пинком. -- Он выходил из ворот и вдруг начал задыхаться, ваще посинел, ноги подогнулись... Короче, похоже, как тогда тот целитель, ну помнишь... Я попытался ему в глотку трубку вставить, шёл-то в Дом Целителей упражняться, с чемоданом, но не удалось, у меня того прибора с собой не было, только какие-то мягкие трубки, на них сильно не нажмёшь... Зато скальпель был.

-- Ясно, -- механически киваю я, не сводя глаз с пациента. Тот по-прежнему дышит, хотя заметно, что трубочка ему узковата, на такой объём лёгких надо водопроводный кран втыкать.

Сбоку слышатся какие-то недовольные возгласы, Кир вместе с камерой дёргается, но тут, к счастью, подъезжает Дэн -- дом Ажгдийдимидина от целительского совсем близко. Осматривает пациента, пока Кир вкратце рассказывает, что произошло.

-- Тут действительно отёк Квинке. Сейчас уколою, заберу его и зашьём, -- постановляет Дэн, извлекая шприц и ампулу. -- Почему-то с начала зимы очень много таких случаев, аллерген найти не можем...

Укол готов, Дэн встаёт и критически оглядывает пациента.

-- Только вот как мы его понесём...

-- А у вас что, только складные носилки? -- ужасаюсь я.

-- Да вот, я как-то не ожидал... В нём кил двести, наверное.

Я начинаю прикидывать какие-нибудь конструкции с домкратами на колёсах, но тут встречается Кир.

-- Погодите, я знаю, что делать! Давайте носилки. Айша!

Я слышу хрупанье снега и в кадре появляются Айшины ноги. Дэн раскладывает носилки, с сомнением глядя на мелкую хрупкую девочку.

-- Кир, ты гений! -- сообщаю я.

-- И в чём гениальность? -- интересуется Дэн.

-- Давайте мы его на носилки сдвинем, по снегу это легко... -- тараторит Кир, не обращая внимания. Телефон со включённой камерой отправляется в карман, и я перестаю что-либо видеть. -- Во-от, теперь, Айша, можешь поднять носилки и загнать в машину?

-- Кир, вынь меня! -- прошу. -- Дай посмотреть!

-- А, ой, прости, -- слышится его голос сквозь шорох кармана, и вот уже я наблюдаю носилки, шатко и неровно левитирующие в открытые двери Дэнова фургона. Немного неуклюже приземлив

пациента на кушетку, Айша тяжело выдыхает и повисает у Кира на руке, от чего камера опять дёргается, и в кадре появляются ещё одни ноги, обёрнутые пёстрым дилем.

-- Вы едете? -- спрашивает Дэн. -- Тогда полезайте.

Ноги в диле поспешно карабкаются в кузов, Дэн прыгает в кабину, двери захлопываются, и фургон уезжает, покачиваясь, по завалам снега.

-- Фу-у-у-ух, -- вздыхает Кир и прибавляет пару забористых непечатных выражений.

-- Солидарна, -- усмехаюсь я, откидываясь на спинку, чтобы сбросить напряжение. Вот только забыла, что сижу я на полу и никакой спинки за мной нету.

-- Э, Лизка, куда! -- вопит над ухом Янка, ловя меня в полёте. -- Что там за дроздец?! Кого резали-то?

-- Ты его не знаешь, -- говорю, восстанавливая равновесие. -- Кир, как Айша?

-- Ничего, вроде отдышалась, -- бодро откликается ребёнок.

-- А ты?

-- А я-то чё, я тренированный, -- усмехается он.

-- Ты молодец, ты отлично справился, -- замечаю я.

-- Да вы погодите хвалить, ещё неизвестно, как я там справился, -- смущается он.

Обращение обратно на "вы" не проходит незамеченным, но я решаю не заострять на этом внимания, ещё спугну.

-- Всё равно молодец, что не растерялся и не побоялся, -- настаиваю я. -- Для многих новичков это самое трудное.

-- Ладно, э-э, как скажете, мы пойдём, наверное, холодно тут, и ваще чё-то я жрать хочу, -- тараторит Кир.

-- Иди, иди, -- разрешаю я. -- Приятного аппетита.

Дэн вскоре отзванивает мне и докладывает, что пациент в норме. Отёк спал, дыхание свободное, в трубке больше потребности нет. Полежит до завтра в палате для контроля, ну и тест на аллергены пройдёт.

Короче, можно выдохнуть.

Вернувшись в здесь и сейчас, я наблюдаю бледную Орешницу, которую успокаивает Янка. Оказывается, бедняга заглянула мне в телефон, не вовремя проходя мимо.

-- Боги милостивые, прям так глотку-то и пропорол... -- бормочет Орешница дрожащими губами.

-- Да говорю вам, он его спас! -- настаивает Яна. -- Он же дышать не мог!

-- Ох горе-то! -- ничтоже сумняшеся продолжает причитать Орешница.

У нас уходит минут пятнадцать на то, чтобы совместными усилиями убедить её в законности операции, в итоге рукодельное настроение совершенно пропадает. Её мелкие внуки тоже принимаются хныкать, Алэк, заслышавший в телефоне голос старшего брата, теперь пристаёт ко мне с воплями "Ки-и-и! Ки-и-иа!" -- короче, полный разлад. Приходится нам сворачивать удочки и, по кочкам, по кочкам, ехать обратно.

Я подбрасываю безлошадную Янку до Дома Целителей, и уж заодно захожу проведать пациента, прихватив мелкого, внезапно ужасно заинтересовавшегося хвостом моей отросшей косички.

Сквозь затемнённое стекло в двери палаты я вижу силуэт Ажгдийдимидина, сгорбившегося на посетительском сиденье подле больного.

-- Мальчик ваш молодчина, -- сообщает Дэн, выходя из кабинета. -- Ничего лишнего не пропорол, попал очень точно. Я знаю, что он упражнялся, но всё равно удивительно -- в первый раз... Вы его в медвуз отдадите, я надеюсь?

-- Да собираемся, -- усмехаюсь я с плохо скрываемой гордостью. -- Но ему бы пока арифметику освоить.

-- Очень хорошо, этой планете позарез нужны свои кадры. Я бы замолвил за него словечко, если надо, хотя, думаю, вы и сами с усами, -- подмигивает он.

Я неопределённо киваю. С одной стороны, Кир тоже сам, э-э, с усам, а с другой если ему и понадобится протекция, с моей мамой в этом плане никто не сравнится, хоть она и не медик.

-- Слушайте, -- продолжает Дэн, понизив голос, -- тут бойфренд пациента, я прям не знаю, что с ним делать. Явно не в себе человек, на вопросы не отвечает, совсем ничего не говорит, сидит у кровати, как статуя. Я ему уж как только не объяснял, что всё будет хорошо, не знаю, может, я с ошибками говорю, но он вообще не реагирует.

Я фыркаю. Бойфренд, да... Интересно, это у духовников заведено полностью отключаться от реальности, когда с парой что-то случается?

-- Не волнуйтесь, -- говорю Дэну, -- он вообще никогда не говорит.

-- Немой? -- удивляется Дэн. -- Он ведь какой-то большой чин, разве нет? А от чего, может, можно вылечить?

-- Нет, он в принципе говорить может, но у этого бывают... последствия... -- пытаюсь объяснить я. -- Ну, видели, как сегодня Кирова подружка носилки таскала?

Дэн спадает с лица.

-- Лиза, я занимаюсь естественными науками, поберегите мою крышу. Что это было?

-- Эммм... -- я кривлю губы, прикидывая, как бы это такое объяснить без психологических травм. -- Короче, похоже, что тут, на Муданге есть жизнь внеземного происхождения.

-- Вы хотите сказать, что эта девочка...

-- Да нет, девочка как девочка, а вот тварь, которая позволяет ей выделывать такие финты -- вот это и есть внеземная жизнь.

-- Разумная?.. -- осторожно интересуется Дэн.

Разумная ли жизнь Учок? Хорошенький вопросец на засыпку.

-- Скажем так, разумные представители тоже есть. Например, новый лесовед моего мужа. Правда, я не знаю, возможно, это какой-то гибрид... хотя скорее конвергентная эволюция.

Дэн мотает головой, чтобы встряхнуться.

-- Короче, -- возвращаю его к реальности. -- Я это к чему. Старейшина Ажгдийдимидин говорить не может, потому что всё, что он говорит, происходит взаправду.

-- Значит, эта девочка, обречена всю жизнь молчать? -- озабоченно морщит лоб Дэн.

-- Насколько я понимаю, нет. Её наставник учит, э-э, сдерживаться.

-- А почему не может сдержаться Старейшина? -- допытывается Дэн. -- Он-то тем более должен уметь... или я всё не так понял?

-- Да я сама не большой спец, -- пожимаю плечами. -- Но насколько мне известно, Старейшина-то молчит всего несколько лет, а до того был как все. То есть, он до этого уровня прокачался. Возможно,

через несколько лет снова заговорит... Или ему это не под силу. А про Айшу говорят, что она невероятно крутая и вся из себя уникам, вроде как есть надежда, что осилит обычную человеческую речь.

Дэн нервно проводит по волосам.

-- Этот Муданг меня иногда просто убивает. Куда ни плюнь, всё тайна, покрытая мраком, и беспросветное невежество. Иногда вот так побеседуешь с пациентом и хоть немедленно собирай вещи, кажется, что до утра я тут не доживу, рехнусь. А с другой стороны, жалко их, да и отношение ко врачам невероятно почтительное, где ещё такое найдёшь. Не говоря уж о гонорарах.

Я задумчиво киваю, понимая, что я, похоже, погрязла у Муданге по макушку, потому что мои шаблоны не рвут никакие чудеса и никакое безумие.

-- Ладно, может, вы с ним побеседуете? -- просит Дэн, косясь на дверь палаты. -- А то эти муданжцы... никогда не знаешь, что им в голову взбредёт. То трубки пациенту поотрывают, то какими-нибудь благовониями окурят так, что кислорода в палате не остаётся... Культуры-то никакой.

К чести Ажгдийдимидина ничего асоциального он не делает: сидит себе тихо, покусывая нижнюю губу, даже не в астрале, а так, задумавшись. Поднимает на нас с Алэком невесёлый взгляд.

-- Всё будет хорошо, -- практически по буквам сообщаю я.

Он кивает, но облегчения не показывает.

Я присаживаюсь рядом, пытаюсь понять, почему он мне не верит. У пациента все показатели в норме, дышит пока через маску, результаты теста на аллергены ещё не пришли.

Ажгдийдимидин отпускает его руку, со вздохом разгибается и достаёт из-за пазухи блокнот. Я с тревожным интересом наблюдаю, как он выводит муданжские закорючки на чистом листке.

"Я ошибался в твоём сыне. Прости".

Я кошусь на Алэка. Он о ком?

Духовник морщится и жестом показывает, мол, нет, не об этом. Ладно.

-- Ну, если формировать отношение к людям по их родословной, хочешь -- не хочешь, а ошибёшься, -- пожимаю плечами я.

Он мотает головой.

"Дело не в этом", гласит следующий листочек. "Мне было про него предсказание".

-- Ещё и вам! -- фыркаю я. -- Сначала этот взяточник приютский ему крови попортил, так ещё и вы туда же? Что вы все про него такое видите, что он даже говорить об этом боится?

Духовник сглатывает, поджимает губы и пару секунд глядит в пространство, вероятно, вызывая перед глазами картину, которая представилась ему в пророчестве. Потом принимается писать, при этом вокруг рта у него закладываются раздражённые морщины.

"Лиза, я видел, как твой Кир втыкает нож в горло самому дорогому для меня человеку. Как, по-твоему, я должен был это понять?!"

-- Не нож, а скальпель, -- автоматически поправляю я, потом качаю головой. Очень трудно помнить, что самый крутой Старейшина-духовник по уровню своих представлений о первой помощи ничем не отличается от рыночной торговли.

Ажгдийдимидин разводит руками, мол, я почём знаю, как это называется.

-- И Интгилиг тоже это видел?

Духовник кивает и дописывает: "Он не знал, кто перед ним, но понял так, что Кир убьёт человека".

-- То-то я всё гадала, за что Кира в приюте называли "мясником" и почему его это так злило... Ещё бы.

Ажгдийдимидин тем временем строчит дальше, видимо, решил разделаться со всеми непониманиями разом.

"Я не должен был этого видеть. Не знаю, почему боги решили нарушить правило и показать мне будущее моей пары. Возможно, это было испытание и, если так, я его не прошёл, потому что поддался чувствам, не проанализировав ситуацию как следует. Хуже того, я пытался предотвратить её, хотя знал, что это пророчество из тех, которые обязательно сбываются".

-- А как вы пытались её предотвратить? -- морщу лоб я. Вроде он даже рядом не стоял, когда Кир там возился.

"Я хотел ему помешать, но меня не пустила девочка. Что самое смешное, я ведь знал, что она меня не пустит. Я потому не взял её в ученицы, надеялся, что она не выучится командовать своей силой".

Я открываю рот и развожу руками, слов-то нет. Духовник и правда смеётся, во всяком случае, издаёт какие-то сдавленные звуки, прикрыв рот ладонью.

-- То есть, на самом деле вам всё равно, что Кир безродный и что Айша безродная, да?

Он кивает.

"Я теперь передо всеми буду извиняться -- перед твоим мужем и сыном, перед Айшей и Алтонгирелом".

-- Только смотрите про Кира не проболтайтесь в пылу раскаянья, -- напоминаю я. И тут же соображаю, что сама только что проболталась -- пациент-то в сознании!

Ажгдийдимидин распознаёт ход моих мыслей и мотает головой.

"Сурлуг никогда не помнит чужих тайн и не интересуется моими разговорами. Не волнуйся, про твоего сына никто ничего не узнает."

-- А тогда чего вы его моим сыном называете, если это не конспирация? -- всё же понизив голос интересуюсь я.

Духовник хмыкает. Алэку этот звук нравится, и он несколько раз пытается его воспроизвести, пока Ажги-хян пишет.

"Помнишь, на Совете выяснилось, что Интгилиг не указал мать?"

-- Да, и вы ещё сказали, что настоящая мать Кира была ему неизвестна.

Он кивает.

"Интгилиг был нечист на руку, но дело своё знал. Он спросил богов, чей это мальчик, и получил какой-то бессвязный ответ, потому что ничего внятного боги про тебя не говорят".

-- Ну... а Алансэ?

Ажгдийдимидин улыбается и мотает головой.

"У человека не может быть двух матерей. Подумай сама, какая из двух настоящая?"

Я чувствую, что у меня лицо как-то подозрительно теплеет, и распрямляю спину.

-- Ну ладно, моё прощение вы заслужили, но с остальными сами будете разбираться!

Он снова улыбается, но потом немного грустнеет.

"Как ты думаешь, Айша простит меня достаточно, чтобы пойти ко мне в ученицы?"

-- Да простить-то она, может, и простит, она вообще незлобивая, но она так фанатеет по Алтонгирелу, что вряд ли на кого-то его променяет. Оно и понятно, он же её из приюта забрал и столько вытерпел ради неё...

Ажгдийдимидин озадаченно хмурится.

-- Ну, с этим принятием сана... испытания там, то-сё...

На меня во все глаза смотрит воплощённое удивление.

"Он принял сан?!"

-- Ну да... Вы чё, всё пропустили, что ли?

Взгляд духовника мечется по палате, очевидно, сопровождая столь же смятенные мысли. Он хватает карандаш, изрядно притупившийся от нашего разговора, и быстро выводит: "Он же не готов! Он и учить не готов, и к испытанию... ему назначили раскрыть тайну, так ведь?"

-- Да, мне...

"И как он справился?"

Я кривлюсь.

-- Ну так, на троечку... Но я думаю, он оклемается.

Ажгдийдимидин возводит очи горе.

"Стоило только отвлечься! Не иначе боги решили проучить меня сразу за всё. Айша хотя бы в порядке?"

-- Она с Киrom, а что... -- начинаю я и вдруг осознаю, что она ведь не только грузы таскала, но и не пропустила Ажгдийдимидина к Киру, а я помню, что было с Алтошей, когда он всего-навсего попытался не полететь с лестницы! -- Бли-и-ин, она же, небось, чуть живая там!

Я выхватываю телефон и набираю Киру, тарашась на закусенную губу духовника.

-- Кир, солнце, как там Айша, может, её надо сюда, в Дом Целителей?

-- Да не, -- хихикает ребёнок, и меня отпускает. -- Ей сначала было немного фиговато, но потом мы пошли в трактир, и я ей взял кальмаров, вон, вторую порцию уминает, так что, я думаю, всё хорошо.

-- Ффух, господи, Кир, закажи ей от меня третью, -- облегчённо выдыхаю я. -- И когда наедитесь, зайдите всё-таки в Дом Целителей,

тут кое-кто хочет с вами поговорить.

Кир настораживается.

-- Он очень бесится?

-- Да нет, он хочет на мировую.

-- Эм-м-м... ну ладно, зайдём.

-- Киа! -- замечает Алэк, пытаюсь отобрать у меня телефон.

-- Слышишь, тебя тут ждут! -- хихикаю я.

Кир велит передать привет и отключается.

"У девочки хорошее чутьё", -- пишет мне духовник, когда я кладу трубку. -- "Морская вода и пицца помогают от такого измождения".

От анализа этого интересного феномена меня отрывает Дэн, подзывающий пальцем из-за стекла.

-- Лиза, я хочу поделиться триумфом! -- радостно заявляет он. -- И заодно попросить вас распространить информацию. Я нашёл аллерген, более того, я выяснил, откуда он берётся! Смотрите! -- он суёт мне кипу распечаток из анализатора, я разбираю какие-то органические соединения, но их названия мне мало что говорят.

-- Вот эта фигня, -- Дэн тычет пальцем, -- содержится в смоле местного хвойного, из которого делают напольные покрытия. А вот эта фигня -- ароматизатор из земного средства для мытья полов. Проблема в том, что они реагируют друг с другом и производят газ, который и вызывает отёк Квинке.

-- Ой йо-о-о... Я же эту жидкость для полов упоминала в интервью! Ею теперь все пользуются!

-- Потому и прошу вас предупредить людей. Это только с запахом сирени такая реакция, и только в старых домах, где лак на полу стёрся.

-- Как вы-то докопались? -- поражаюсь я, вытаскивая телефон и стремительно сочиняя объявление для своей страницы.

-- Да с этим Мудангом криминалистом станешь! Случаев у нас было уже много, ну и я заметил, что запах везде один, сирени этой. Тут-то она не растёт.

-- Дэн, вы гений, я вам добуду премию!

-- После чего я смогу купить небольшую планету в курортной части галактики? -- усмехается Дэн. -- Здравствуйте, вы на осмотр?

Я оборачиваюсь посмотреть, с кем Дэн здоровается. У меня за спиной неожиданная компания -- Алтонгирел, Хос и Эндан.

Алэк очень радуется Хосу, принимается подпрыгивать в слинге и лезть наружу.

-- Сиди спокойно, -- гнусавит хозяин леса, нажимая ему на нос тщательно очеловеченным пальцем. -- Маленькие котята должны висеть на маме.

-- Что случилось-то? Вы меня ищете? -- спрашиваю я.

-- Ему попала шлея под хвост, -- Алтонгирел с независимым видом тычет пальцем в Хоса. -- Чутьё ему, дескать, подсказывает, что что-то плохое произошло то ли с Киром, то ли из-за Кира. Слова новые выучил, теперь триндит без перебоя.

-- А где Кир? -- хмурится Хос. -- Разве он не тут?

-- Он пока в трактире, -- говорю, -- но скоро зайдёт. Ничего плохого не случилось, наоборот, он в одиночку провёл очень ответственную операцию. Вот, Дэн-хон подтвердит...

Я оборачиваюсь к коллеге и понимаю, что ничего он не подтвердит, поскольку всё его внимание приковано к Хосовым ушам. Надо сказать, что при хорошем освещении -- а в больнице оно хорошее -- уши хозяев леса видны отчётливо даже на косматой голове. К тому же он ими вертит, так что за накладные тоже не сойдут. Да и в целом Хос именно что похож на человека, но телосложение у него странное, осанка непривычная, необычные черты лица...

-- Кто это? -- шёпотом интересуется Дэн у меня.

-- Внеземная разумная жизнь, -- радостно сообщаю я.

-- Хо! -- возмущённо поправляет меня Алэк.

-- Оно безопасное? -- с трепетом спрашивает Дэн.

-- Если не обижать, -- пожимаю плечами.

Дэн смотрит на меня так, как будто я сама зелёная и с ложноножками, после чего сдаёт назад.

-- Я пойду, пожалуй, у меня ещё дела есть...

-- Ой, Дэн, только особенно не распространяйтесь на эту тему, а то налетят исследователи, а Хос у нас застенчивый...

-- Ага, хорошо, -- слабым голосом произносит Дэн и растворяется в воздухе.

-- Я думал, земляне меня не боятся, -- выпячивает губу Хос.

-- Ой, а что это с Сурлугом? -- ахает Эндан, заметив через стекло обитателей палаты.

Алтонгирел и Хос тут же прилипают к прозрачной стенке с одинаковыми озабоченными лицами.

-- Ничего страшного, -- заверяю я и в двух словах рассказываю, что произошло. -- Алтонгирел, ты бы зашёл, Старейшина хотел с тобой побеседовать.

-- Он уже побеседовал разок, -- мрачно замечает духовник. -- До сих пор по утрам голова болит. Может, ты мне расскажешь, чего он хотел, а потом передашь, что я вежливо со всем согласился?

-- Он хотел тебе признаться в собственном долбоклюйстве. Я могу, конечно, ему вежливо передать, что ты согласился, но...

-- А, нет, это я с удовольствием послушаю! -- оживляется Алтоша и шмыгает в палату прежде чем я успеваю договорить.

-- У вас сильно улучшились отношения, -- замечает Эндан, провожая духовника взглядом. -- Смотрите, как бы слухи не пошли...

-- Погляди на меня и на Эцагана. Какие тут могут быть слухи, тем более, с Алтошиным высокообразованным эстетическим чувством?

-- Вы о чём? -- моргает Хос, переводя взгляд с меня на Эндана и обратно.

-- Повзрослеешь -- поймёшь, -- усмехается Эндан.

Тут Алэк решает, что ему окончательно надоело висеть на мне и принимается тщательно и вдумчиво вылезать из слинга с целью смигрировать на Хоса. Тот догадывается о целях мелкого и подхватывает его на полпути, пока не ляпнулся. Но Алэк же не просто так Хоса любит, он любит играть в лошадок, потому что за Хосову мохнатую спину удобно держаться! Поняв, к чему идёт дело, Хос послушно превращается и принимается трусить до конца коридора и обратно, потряхивая визжащим ребёнком.

Эндан качает головой.

-- Кто бы мне сказал год назад, что я буду смотреть, как хозяин леса уволакивает князя, и переживать при этом за хозяина леса...

-- Переживай лучше, чтобы самому лошадкой не стать. У нас тот ещё вождь краснокожих растёт.

Последнюю мою фразу он, конечно, не понимает, но от неприятных объяснений меня спасают Кир с Айшей и большой

пластиковой коробкой, в которой я различаю кальмарьи щупальца. Видать, всё не съели.

-- Ну как он, живой? -- с порога интересуется новоиспечённый хирург, опасливо косясь на дверь палаты.

-- Кир, ты просто молодчина! -- заявляю я и, воспользовавшись тем, что Алэк на мне больше не висит, заключаю второго ребёнка в пыльные объятия. Он замирает, как тогда, в первый раз, на чердаке. -- Я теперь всем хвастаюсь, какой ты у меня замечательный! Теперь все троюродные бабушки и негуманоидные жители далёких галактик будут знать, что у меня лучший ребёнок на свете, и если кто откроет хлебальник сказать про тебя гадость -- прокляну сразу! Алэку придётся ещё попотеть, чтобы заслужить такое уважение. И когда меня сегодня Азамат спросит, что хорошего случилось за день, я ему так и скажу: "Наш с тобой ребёнок спас жизнь человеку".

В присутствии посторонних я изворачиваюсь, как могу, чтобы донести свою мысль, но Кир пока молчит и не отвечает. Тут по коридору с лязгом когтей и улюлюканьем младенца проносятся Хос с Алэком, Айша взвизгивает, Эндан принимается умирять зверей -- и сквозь шум я различаю, как Кир шмыгает носом где-то у меня под ухом, а потом тихо-онечко произносит:

-- Ма? Так можно?

-- Конечно можно, родной, -- заверяю я и глажу его по спине. -- Конечно. Я даже не знаю, который из твоих подвигов меня больше радует -- целительский или что наконец осознал, как меня правильно называть.

Кир хрюкает и несколько расслабляется, даже позволяет себе осторожно придержать меня за лопатки, хотя, возможно, мне померещилось. Впрочем, нежности долго не длятся, через пару секунд ребёнок подаётся назад, и я понимаю это как сигнал отпустить. Вид у него сразу становится совершенно независимым.

-- А этот... Старейшина -- он чего сказать-то хотел? -- уточняет Кир.

-- Сейчас зайдёшь и узнаешь, -- улыбаюсь я. -- Заодно пациента проведешь. Кстати, пока я тут вас ждала, Старейшина мне сказал, что он ещё с первого взгляда на тебя понял, кто твоя настоящая мать.

-- В смысле, Алансэ? -- хмурится Кир.

-- Наоборот. В смысле, я, -- ухмыляюсь я.

-- Ничего не понимаю, -- мотает головой он.

-- Ну типа что мать может быть только одна, и из меня и Алансэ... в общем, звёзды ему на меня показали.

Кир закатывает глаза.

-- На что ему ещё звёзды показали? Он когда на меня с крыльца кинулся сегодня, я думал, голыми руками порвёт, Айша его еле удержала!

-- Он неправильно понял, что ты делаешь. И он, и Интгилиг видели в будущем сегодняшнее событие, и расшифровали его так, как они только и могли. Что ж взять с людей, которые не знают, зачем нужен скальпель?

Кир смотрит на меня взглядом человека, которому объявили, что его приговор отменён в связи с отсутствием состава преступления. Потом витиевато и красноречиво высказывается в таких выражениях, что я рада царящему в коридоре бедламе -- ещё не хватало Хосу и Айше их перенять. В общем смысле он умозаключает что-то про интеллектуальные способности пожилых гомосексуалистов, но я не думаю, что Кирово наблюдение поддерживается официальной статистикой.

-- Да и я сам хорош, -- развивает свою мысль ребёнок. -- Мог бы и догадаться, уже сколько времени я эту операцию тренирую...

-- Ну ты же не знал подробностей, чего они там насмотрелись. Ты вот чего... Я понимаю, что ты не хотел нам говорить об этом пророчестве Интгилига, потому что... гм, опасался, что мы стали бы хуже о тебе думать. Надеюсь, теперь ты понимаешь, что если бы сразу всё рассказал, мы бы вместе быстрее разобрались, что к чему. Так вот, ты хоть на будущее учти -- если уж у тебя вдруг образовались родители, так надо пользоваться. Мы же не только источник денег и затрещин, об нас ещё можно проверять всякий бред для определения градуса бредовости.

-- Затрещин пока не поступало, -- комментирует Кир. Хотя он акцентирует не то, что я хотела донести, думаю, что он меня всё-таки услышал, просто ему так легче сохранить лицо.

-- Что тут происходит?! -- громогласно вопрошает Дэн, выглядывая из кабинета. -- Лиза, вы сюда привели стадо обезьян?!

-- Ну да, все обезьяны тут относятся к виду человек разумный и являются объектом вашего изучения, разве нет? Хос, превратись, за

разумного сойдёшь! Алэк, хватит визжать, дома на папе будешь кататься, тут публичное место!

Хос превращается. Дэн молча смотрит на него, потом так же молча на меня как на предателя, потом он снова скрывается за дверь.

Тем временем открывается другая дверь -- из палаты выходят духовники, не очень довольные друг другом.

-- Ну а я откуда должен был знать, -- запальчиво вопрошает Алтонгирел, -- что у вас это временное помутнение и надо просто подождать? Пророчество видели вы, Интгилиг и Айша, и никто из вас со мной не поделился. Я даже не знал, что оно было! Ну ладно Айша рассказать не могла, но вот Кир, ты-то почему молчал?

-- Чё? -- моргает Кир.

-- Алтош, ты этот вопрос себе задай сначала, и сразу всё поймёшь, -- тихо замечаю я.

Духовник надувается и поджимает губы.

Ажгдийдимидин пытается что-то писать на остатках блокнота вконец затупившимся карандашом, при этом зажимая уже исписанные и оторванные листки между средним и безымянным пальцами, в итоге все бумажки у него разлетаются, устелив пол ровным слоем многословных извинений. Пока я соображаю, что более неловко -- подобрать их или сделать вид, что ничего не видела, Айша командует:

-- Соберитесь!

И листочки послушно слетаются ей в подставленную горсть. Получившуюся аккуратненькую пачку она отдаёт Старейшине, который в ответ кивает.

А дальше начинается пантомима.

Ажгдийдимидин проникновенно смотрит на Айшу и снова берётся за карандаш, собираясь что-то настрочить.

-- Она не умеет читать, -- напоминает Алтонгирел.

Старейшина задумывается, потом жестикулирует, мол, я напишу, а ты прочитаешь ей вслух.

Алтонгирел вскидывается.

-- Вы хотите забрать у меня мою ученицу, и ещё я же должен её в этом убедить?! Нет уж, обходитесь без меня!

Ажгдийдимидин переводит просительный взгляд на Кира.

Тот лениво пожимает плечом.

-- Я бы сначала почитал, что вы мне напишете.

Духовник закатывает глаза и поворачивается ко мне. Но меня очень беспокоит то, что сказал Алтонгирел. Забрать ученицу? У девочки и так всё детство -- одна сплошная травма, давайте теперь ещё ею в бадминтон поиграем?

-- Может, мы сначала этот вопрос обсудим все вместе? Да и как вы собираетесь её учить, если вам для общения нужны посредники? Мне кажется, не очень целесообразно...

Ажгдийдимидин швыряет на пол блокнот и карандаш, и они вспыхивают красивым зелёным пламенем, в следующую секунду к ним присоединяются подобранные Айшей листочки.

Девочка отшатывается, и Кир машинально задвигает её себе за спину.

Ажгдийдимидин мученически закрывает глаза, после чего усаживается скрестив ноги прямо на пол коридора и некоторое время сидит неподвижно, глядя в пространство. Потом фокусирует взгляд на взволнованной Айше.

-- Я был неправ, -- тихо и хрипло произносит он, и я напрягаюсь, ожидая почувствовать волну непонятного кошмара, который накатывал каждый раз, когда Ажгдийдимидин открывал рот. Но ничего не происходит. Духовник меж тем продолжает. -- Мне предлагали взять тебя в ученицы. Я отказался. Потому что плохо думал о тебе и о Кире. Потому что неправильно понял знак от богов, -- он делает большую паузу, кажется даже переводит дыхание. Лицо у него очень сосредоточенное. -- Надеюсь, теперь я стал умнее. Пожалуйста, прости меня. Я бы хотел взять тебя в ученицы, если ты согласишься.

По его виску скатывается капля пота, но я по-прежнему не чувствую никаких сверхъестественных явлений.

Айша неистово мотает башкой и вцепляется в Кира. Тот скептически оглядывает её и понурившегося Старейшину.

-- Вы зря так в кучу всё свалили, она думает медленно. Айш, слушай внимательно: ты его прощаешь?

Айша кивает, не мешкая.

-- А учиться у него хочешь?

Айша, так же не мешкая, мотает головой и умоляюще смотрит на Алтонгирела.

-- Это не моя идея, -- тут же отзывается Алтоша и приосанивается.

-- Ну вот видите, -- обращается Кир снова к Ажгдийдимидину. -- Полдела сделано. Но Ма права, как вы её учить собираетесь, если минуту поговорить чуть не надорвались?

Ажгдийдимидин пораженчески кивает.

-- Спасибо за прощение, -- выдавливает он и достаёт платок, чтобы вытереть взмокший лоб.

Кир смотрит на него с выражением неприязни и участия одновременно. Духовник замечает взгляд и делает глубокий вдох, собираясь ещё что-то сказать, но Кир его останавливает.

-- Ладно, ладно, я тоже прощаю, а то как бы не пришлось мне сегодня ещё учиться делать массаж сердца!

Духовник склоняет голову, обозначая признательность за сэкономленные усилия, и переводит дух.

Наступает небольшая пауза, даже Хос с Алэком молча ждут, что будет дальше, а я подумываю, не надо ли помочь Старейшине встать, но тут молчание нарушает Алтонгирел.

-- Вообще, -- говорит он неуверенно, -- то, что сейчас Старейшина Ажгдийдимидин продемонстрировал, это именно то, чему тебе, Айша, надо научиться. В смысле, говорить без привлечения силы.

Старейшина оживлённо кивает, а вот Айша вцепляется в Кира так, что пальцы белеют, и неистово мотает головой.

-- Да нет, я не собираюсь тебя ему отдавать совсем! -- кривится Алтоша. -- Я только хотел сказать, посмотри, на что тебе надо ориентироваться. Поди-ка сюда.

Айша неохотно отцепляется от Кира, который потирает прихваченное место, и пробирается к Алтоше, огибая Старейшину по широкой дуге. Алтонгирел ждёт, пожёвывая губу, потом с заметным душевным усилием кладёт руки Айше на плечи. Оно того стоило -- девочка сразу оживает и задирает голову в ожидании дальнейших команд.

-- Я что хочу сказать, -- негромко начинает Алтоша. -- У Старейшины Ажгдийдимидина есть опыт усмирения своей силы. А мне пока что не приходилось с этим сталкиваться. Я остаюсь твоим учителем, да, но это не значит, что никто другой не может оказаться полезным. Мне кажется, мы могли бы, скажем, пригласить

Старейшину на пару занятий. Ты ведь хочешь как можно скорее научиться говорить без проблем, правда?

Айша затравленно косится на Ажгдийдимидина, некоторое время мнётся, но в итоге всё-таки кивает.

-- Хорошо, -- одобряет Алтонгирел, а потом, бросив взгляд на меня, добавляет: -- Я считаю, ты приняла правильное решение.

Айша застенчиво улыбается, обхватывает Алтошин локоть и практически повисает на нём.

Я вздыхаю с облегчением и уже собираюсь сгрести в кучку своих детей, да пойти домой, когда в приёмную, шарахнув дверью, врывается ещё один персонаж -- высоченный детина лет двадцати пяти с перепуганными блестящими глазами.

-- Где батя?! -- гроыхает он с порога. -- Ажги-хон, что случилось?!

Ажги-хон? Это какой-то новый вариант обращения... Я понимаю, Унгуц и Сурлуг зовут нашего духовника "Ажги-хян", это вроде как "Ажгичка", но "Ажги-хон" -- какая-то странная фамильярность. Впрочем, самого духовника она нимало не смущает. Он улыбается, кивает, встаёт и указывает на меня.

-- А я чего? -- моргаю я.

-- Это сын Сурлуга, -- поясняет Алтонгирел. -- Расскажи ему, в чём дело.

-- А-а... -- я принимаюсь объяснять, что беспокоиться не о чем, а тем временем мозги у меня закипают: какой может быть сын у Сурлуга, если он пара Ажгдийдимидина? Но парень и правда на него похож. -- Собственно, вы можете зайти к нему, мы тут просто о других делах говорили и не хотели мешать ему отдыхать...

Ажгдийдимидин подталкивает парня в спину, и вдвоём они скрываются за дверью палаты.

-- Как его зовут-то хоть? -- спрашиваю я у Алтоши, всё ещё раздумывая, прилично ли задать тот вопрос, который меня на самом деле интересует.

-- Гардероб, -- отрезает духовник.

-- Как?! -- каркаю я.

-- Это прозвище, естественно, -- поясняет Алтоша.

Пока я обтекаю, Кир, который, видимо, не знает такого слова, озвучивает мой нескромный вопрос.

-- А откуда у пары духовника сын? Левый, что ли?

Алтоша прожигает его взглядом.

-- Сурлуг был женат до того, как встретил Ажгдийдимидина. Его жена умерла в родах.

-- Ох ё... -- сочувственно протягивает Кир.

Через стекло я вижу, что Сурлуг не в пример большинству муданжцев, наказ врача выполняет в точности: лежит, молчит и не двигается, даже не пытается снять маску, хотя теперь, когда известно, на что была аллергия, маска и вовсе не нужна. Я решаю зайти и ослабить режим, а то бедняга Гардероб рехнётся с двумя немymi. Кир проскальзывает вместе со мной, вероятно, чтобы своими глазами увидеть живого пациента.

-- Ему что, разговаривать нельзя? -- озабоченно спрашивает Гардероб.

Я подавляю позывы к хохоту от комичности его прозвища в сочетании с серьёзностью ситуации.

-- Можно. Собственно, на мой взгляд, ему и на ночь тут оставаться незачем, но лечащий врач -- Дэн, он предпочитает перестраховаться.

-- Спасибо вам, -- с чувством говорит Сурлуг, садясь на койке. -- Простите, что создал столько суеты из-за пустяка...

-- Это был не пустяк, -- поправляю я. -- Вам просто невероятно повезло. Если бы сегодня Кир на полчаса позже мимо проходил, мы бы тут сейчас так мирно не разговаривали.

-- Нойн-хон, я у вас в долгу, -- тут же кланяется Сурлуг.

Кир неуверенно пожимает левым плечом.

-- Погодите, как сегодня? -- хмурится Гардероб. -- Мне Ажги-хон ещё вчера написал, чтобы я срочно приехал, потому что с батеи неладно...

Я строю рожу в том смысле, что кто-то мог бы вместо ссор и неадекватности сдать своего драгоценного в Дом Целителей, если ожидал беды. Но Сурлуг только сочувственно спрашивает:

-- Ты знал, да?

Духовник кивает.

-- Бедняга, -- жалеет его Сурлуг. -- Вот ты чего переживал-то всё время... ну иди хоть теперь отдохни, что ты тут в казённом доме будешь маяться? Я там акулий суп сварил утром, а ты ведь не ел,

небось. Сынок, иди, побудь с ним, и сам поешь, с дороги-то голодный, полсуток в пути...

-- Ну здорово, -- отзывается сынок. -- А кто о тебе тут позаботится?

-- Да ладно! -- отмахивается Сурлуг.

Ажгдийдимидин принимается обыскивать свой верхний диль и оглядываться по сторонам.

-- Карандаш вы сожгли, -- напоминает Кир.

Духовник выглядит так, как будто очень хочет ругнуться, но также очень хорошо понимает, что в его ситуации этого делать не стоит. Потом закрывает глаза и защипывает пальцами переносицу, наморщив лоб в сосредоточении.

-- Тут за ним присмотрят лучше, чем я могу, -- выдаёт он с некоторым трудом.

-- Ого! -- комментирует Гардероб.

-- Ажги, ты снова говоришь! -- расплывается в улыбке Сурлуг. -- Так у нас праздник! Завтра буду пир готовить.

Духовник отмахивается и мотает головой.

-- Ему это очень тяжело, -- поясняю я. -- Просто пришлось, тут девочка читать не умеет, а нужно было объясниться.

-- Ну раньше-то совсем не мог! Ажги-хян, так тебе подавно отдыхать надо, раз ты так упластался. Сынуль, ну не упрямясь, позаботься о нём, знаешь же, что он без головы -- заснёт где-нибудь в кресле.

Сынуля недовольно косится на нас, оценивая, можно ли нам верить.

-- Идите поужинайте, потом вернётесь, -- предлагает Кир. -- Я с ним посижу до тех пор.

-- Да ну что вы, Нойн-хон, так напрягаться... -- ахает Сурлуг.

-- У меня всё равно других дел нет, -- пожимает плечом Кир. -- Просто у меня когда отец болел, я тоже переживал, хотя и знал, что ничего страшного. Так что понимаю, почему сын вас не хочет одного оставлять. Но я подежурю.

-- Я вам чего-нибудь вкусного принесу, -- обещает Гардероб Киру.

-- Ой не надо, мы с Айшей так кальмарами обожрались, я на еду до завтра смотреть не смогу! -- ужасается Кир. -- Идите уже давайте.

Гардероб кивает и крепко ухватывает Ажгдийдимидина под локоть -- похоже, не впервой. Духовник, проходя мимо Кира, пытается совершить какой-то пасс, но Кир отскакивает.

-- Не надо мне вашего колдунства, с собой бы разобрались, да Айше помогли!

-- Помогу, -- шёпотом обещает Ажгдийдимидин.

Глава 35

Мы с Киром остаёмся высиживать Сурлуга в относительной неловкой тишине. Относительная она потому, что за дверью продолжают колбаситься твари бессловесные, а неловкая -- потому что говорить нам с Сурлугом не о чем, кроме его интригующей личной истории, но я без понятия, насколько это допустимо в муданжском обществе.

-- Мгм, -- глубокомысленно произносит Кир, поудобнее устраиваясь на посетительском сиденье. -- Вы нормально себя чувствуете?

-- Да, просто отлично, -- улыбается Сурлуг. -- Я тут ещё вздремнул немного, теперь свеженький. Домой бы пошёл, но раз целитель наказал оставаться тут, что ж поделаешь...

-- Правильно, я очень рада, что хоть кто-то на этой планете слушается целителей, -- усмехаюсь я. -- А отдохнуть всегда полезно, дома-то всё хозяйство на вас плюс к работе.

Он озадаченно приподнимает брови, потом отмахивается.

-- Да нет, я же не работаю, только за домом смотрю, а на это много сил не уходит. Вот Ажги, он вкалывает мама не горюй. Его бы в Дом Целителей положить на дюжину дней было бы полезно.

-- Не работаете? -- удивляется Кир. -- Вы же мельнику с Залучья крыльцо ремонтировали.

-- Ну так это ж разве работа, -- пожимает плечами Сурлуг. -- Дольше до того Залучья ехать, чем там пару досок прибить. Это так, развлечение.

-- Я тоже хочу так развлекаться, чтобы за это деньги платили, -- хмыкает Кир.

-- Что вы, какие деньги? -- ужасается Сурлуг. -- Я уж сколько лет за ремонт ничего не беру!

-- Серьёзно? -- морщит лоб Кир. -- А мельник-то всем хвастается, мол, столичный мастер ему за гору золота вона какое

крыльцо отгрохал.

-- Вот врунишка, -- с интонацией любящего дедушки смеётся Сурлуг. -- Я у него даже не обедал, не то что денег не взял. Ну ладно, охота заливать, мне-то не жалко. Ему, может, перед женой похвалиться надо, кто его знает.

-- Щедро, -- замечаю я. -- Так вы, что ли, всегда работаете за бесплатно?

-- Ну да, -- пожимает плечами этот загадочный человек. -- По первости, когда у меня только появился Ажги, я ещё пытался зарабатывать, но там такие гроши были, а он-то -- сами знаете, опека, подношения... Короче говоря, мы решили, лучше мне дома сидеть на хозяйстве, то и ему приятней, что его дома всегда кто-то ждёт.

-- Появился, -- хихикает Кир. -- Как, прям из воздуха?

-- Да почти что так, -- радостно соглашается Сурлуг. -- Он в мой городок приезжал что-то там расследовать для Совета, он ещё в учениках ходил тогда. Я с ним всего, может, парой слов перекинулся и домой ушёл. А весна была, снежищу по колено, всё тает, с неба морось... Короче говоря, вечером является ко мне это чудо, мокрый вдрызг, глазами своими огромными на меня смотрит, всё равно что котёнок, и говорит, мол, ты мне, говорит, нужен, будешь моей парой? Ну мне-то и отказать неловко было, но и согласиться странно, у меня ж ребятёнок, и имя глухое, а тут такая знаменитость. Я и говорю, мол, давайте вы сначала обсохните, согреетесь, поужинаете, как подобает, а там и поговорим. Посадил его на печку, завернул в одеяло, одежду его сушиться развесил, налил горячей похлёбки. Потом говорю ему, мол, я человек простой, с духовниками никогда дела не имел, к своему ходил дважды -- на свадьбу да на похороны, в столице не бывал, зачем я вам? А он сидит на печке, ногами болтает и говорит: чем больше, говорит, я тебя слушаю, тем больше уверяюсь в своём выборе. Я прям как сейчас помню. Ну вот, я и подумал, он ведь умнее меня, да ещё духовник -- наверняка ему виднее, кого к себе в дом приводить. Поехал поглядеть, что да как. А там этот домина огромный, пустой, пыль везде, паутина, страх один. Ажги спит в каморке при кухне, остальные комнаты ему велики. И то сказать, его в том доме и не видно было, как сверчка на складе. Тогда уж мне ясно стало, что ему за толк от меня. Духовники -- они любят одиночками казаться, а по правде просто одинокие.

-- У вас очень необычная история... -- пытаюсь поддержать светскую беседу я. -- А Старейшина не против, что вы рассказываете?

-- Да я уж дюжину дюжин раз рассказывал, -- смеётся Сурлуг. -- Поначалу-то все спрашивали. И Ажги рассказывал. Он ведь болтливый был. Бывало придёт с Совета в обед и до ужина по комнате расхаживает, всё возмущается, что кто-то глупость сделал. А у меня у самого-то ума не особо, понимаю с пятого на десятое, киваю только. Потом привык, стал немного соображать, но я в его духовные дела не лезу, как он сказал, так и правильно, лишь бы ему было на душе хорошо. Ох, только б ему удалось снова заговорить! -- внезапно со вздохом добавляет он. -- А то мы как отшельники, в гости не ходит никто уж сколько лет, и нас не зовут. Один Унгуц-хон иногда заглядывает.

-- А какая связь? -- недоумевают Кир.

-- Да прямая, -- отвечает Сурлуг, и его доброе лицо становится озабоченным. -- Людям всё кажется, что раз он молчит, значит говорить не хочет, тайны какие-то хранит, мудрость великую. А что он может сделать, если от его слов деревья валятся и селёдка на лёд выпрыгивает? Он ведь и смеяться может только летом, иначе бабочки просыпаются по всему городу, вылетают и замерзают на снегу!

Я теряюсь, чувствуя себя в некотором роде виноватой, я ведь тоже никогда не подозревала, что Ажгдийдимидину может не хватать светской жизни. Хотя, если подумать, я его знаю меньше года, и мне не могло прийти в голову, что он не устроил свою жизнь так, как ему нравится.

-- Да если к нему зайти в гости поболтать, у него ж рука отсохнет, -- замечает прямолинейный Кир.

-- В том-то и дело, -- печально вздыхает Сурлуг.

-- Интересно, а если ему синтезатор речи подключить, -- вслух задумываюсь я, -- бабочки не подохнут?

-- А это что? -- хором спрашивают у меня собеседники.

-- Ну, такой аппарат, его немым ставят... Типа как у Ирлика энцефалолинзы, только попроще. Короче, эта штука считывает вербальную информацию с коры мозга и превращает её в текст на выбранном языке, ну и вслух произносит, естественно. Конечно, фразы иногда кривые получаются, но для светской беседы сойдёт, тем более,

что она обучаемая... Только вот для мударжского языка придётся прошивку разрабатывать, но это, наверное, можно заказать.

-- Это устройство? -- потерянно хмурится Сурлуг.

-- Небось дорогущий, -- с восторгом тарашит глаза Кир.

-- Устройство, да, такой обруч на голову... Стоит он, конечно, ого-го, причём, можно заказать хоть золотой с бриллиантами, на цене это уже мало скажется. А съёмные ещё дороже... в любом случае, надо бы сначала проверить, будет ли эта штука работать, как положено, я ведь в духовничьих способностях ничего не понимаю.

-- Айше, значит, не купить, -- расстраивается Кир.

-- Лиза, прошу вас, обязательно расскажите об этой вещи Ажги, -- просит Сурлуг. -- Для него ведь цена не проблема, а если это действительно будет работать...

-- Да, расскажу, конечно, -- киваю я. -- Просто это не моя область работы, и я только что вспомнила про такую возможность.

В дверь стучат и, получив разрешение, заглядывают -- это Дэн.

-- Лиза, можно вас на пару слов? -- спрашивает он немного напряжённо и оглядывается через плечо.

Я выскальзываю, предчувствуя головомойку. В коридоре идиллия: Эндан зачитывает детям и зверям тексты с плакатов на стенах -- первая помощь, причины пищевых отравлений, гигиена... Все восторженно слушают и рассматривают картинки.

Дэн проводит меня в свой офис, садится за стол и предлагает мне посетительское кресло. Давненько я в такой обстановке не была, как-то даже неудобно.

-- Во-первых, -- как-то недружелюбно произносит он, -- когда вы собираетесь забрать всех этих... посетителей отсюда?

-- А они сильно мешают? -- поднимаю брови я. -- Нет же никого...

-- Тут больница, а не развлекательный центр, -- напоминает Дэн.

-- Ну да, -- вздыхаю я. -- Хорошо, сейчас заберу, просто не хотела Кира одного оставлять, а он обещал побыть с пациентом...

-- Во-вторых, -- перебивает меня Дэн. -- Вы не могли мне заранее сказать про инопланетные жизненные формы?

Я моргаю.

-- В смысле? А вас в космоколледже не предупреждали, что на других планетах они встречаются? У нас был целый курс по

определению и истреблению инопланетных бактерий и вирусов...

-- Я имею в виду это существо под названием Хос, -- цедит Дэн.
-- Или он тоже вирус?

-- Так про него я сама тогда ещё не знала! И никто не знал, что они разумные.

-- И вы вот так спокойно допускаете его к своим детям? -- щурится Дэн.

-- Так он безобидный, -- развожу руками я.

-- Безобидный, -- ехидно повторяет Дэн и продолжает пугающим тоном. -- Лиза, я взял у него образец эпителия и прогнал через анализатор. У него нет ДНК.

Я с полсекунды осмысливаю услышанное.

-- Ну, в общем, а чего удивляться? -- говорю. -- Никто ведь не доказал, что жизнь, основанная на углероде, обязательно должна использовать для хранения информации именно нуклеотиды. А раз нет, то логично, что независимо возникшая жизнь будет использовать что-то ещё, иначе было бы подозрительное совпадение. Кстати, он вообще-то на углероде?

-- Да, -- неохотно признаёт Дэн. -- Хотя органические соединения, которые мне удалось идентифицировать больше похожи на синтетические, чем на те, которые обнаруживаются в земной жизни.

-- Например? -- хмурюсь я.

-- Например, в нём около шестидесяти аминокислот, в том числе правовращающие.

-- Что, и белки из правовращающих? -- интересуюсь я.

-- Вы хотели сказать, пептиды, -- поправляет меня Дэн. -- Я не обнаружил в образце ничего достаточной длины, чтобы считать это белком.

Я перевожу дыхание.

-- Ясно. Ну что ж, значит, он так устроен. Это в первую очередь значит, что не стоит пытаться в случае чего лечить его нашими методами, мало ли как он отреагирует на йод или аспирин.

-- Мгм, -- бормочет Дэн. -- Я отправил результаты своего анализа и несколько фотографий явления в головной офис программы поиска внеземных цивилизаций.

Я пару раз открываю и закрываю рот.

-- Вообще-то, -- выдавливаю наконец, -- я вас специально попросила пока не разбалтывать.

-- А я считаю, что такую информацию нельзя держать в секрете, и то, что вы сами ничего не сообщили на Землю -- просто непростительно.

-- Вы в чужой стране и не имели права принимать такое решение, не обсудив это предварительно со здешними властями в лице Императора, и уж тем более после того, как я ясно сказала не разглашать информацию. Я, между прочим, Императрица. Вы не можете знать, какие последствия повлекут ваши действия.

-- Очевидные, -- упирается Дэн. -- Они пришлют исследовательскую группу и займутся этим вашим Хосом вплотную, по крайней мере, установят, насколько он опасен для людей и не стоит ли его изолировать.

Я хватаюсь за голову.

-- Во-первых, очевидное для меня последствие ваших действий - что руководство ЗС отложит вступление Муданга в союз до выяснения подробностей, а это может затянуться на годы, тем временем мы не будем получать кадровую и образовательную поддержку с Земли, а это значит, что ещё несколько лет у нас будет раз-два и обчёлся врачей на всё население, что сирот не будут учить читать, что положение женщин в обществе никак не изменится, и ещё много чего! Во-вторых, мы только-только сделали первый шаг в налаживании контакта с этими самыми внеземными разумными существами, и они совершенно не готовы к тому, чтобы на них проводили исследования! Ну и в-третьих, вы даже по земным законам не имели права брать анализы у Хоса, не спросив разрешения у его опекунов или родителей, потому что он несовершеннолетний!

Лицо Дэна, постепенно вытягивавшееся на протяжении моей тирады, освещается праведным гневом.

-- Несовершеннолетний?! Лиза, это инопланетная тварь из другой галактики! Если бы он выглядел как зелёная жидкость, вас бы волновал его возраст?!

-- Если зелёная жидкость разумная, и в её культуре есть понятие совершеннолетия, то да, несомненно!!! Более того, разумная внеземная жизнь попадает под действие Специального приложения о внеземных цивилизациях к Декларации прав человека, где говорится о

расширенном толковании понятия "человек"! И вы его грубейшим образом нарушили!!!

Дверь кабинета приоткрывается, и в щель просовываются одна над другой несколько голов.

-- Лиза, всё хорошо? -- интересуется Эндан.

-- Нет, -- тяжело произношу я, переводя дух. -- Дэн, я попрошу вас прогуляться со мной до дворца и побеседовать с Императором. Возьмите с собой копию письма, которое вы отправили на Землю.

Дэн, приобретший землистый цвет лица, скидывает на телефон свою писанину и выходит передо мной из кабинета. Эндан вопросительно поднимает бровь и быстро считывает с моего взгляда команду стеречь.

Айша дёргает меня за юбку и показывает на палату, где Кир продолжает болтать с Сурлугом.

-- Он нас догонит, -- обещаю я и машу Киру через стекло. Достаяю телефон и набираю мужу.

Встревоженный Азамат ожидает нас в своём кабинете -- том самом, с антикварным столом. С ним Ирнчин, потому что я упомянула утечку информации.

Эндан закрывает дверь за спиной у Дэна и уводит детей в жилую часть. Дэн неприкрыто нервничает и зыркает на меня, как будто это я виновата, что у него язык за зубами не держится.

-- Так, -- оценивает ситуацию Азамат. -- Что ещё за беда? Про болезнь Сурлуга я слышал. Надо понимать, одной неприятности в день нам теперь мало?

-- С Сурлугом-то как раз всё хорошо, -- вздыхаю я. -- А вот кое-кто тут взял анализ у Хоса и отослал его на Землю.

Азамат хмурится.

-- Хос от этого как-то пострадал?

-- Нет, -- пожимаю плечами я, -- пока. Но теперь ЗС в курсе, что он существует.

-- А вы собирались скрывать от соотечественников такую информацию? -- оскорблённым тоном вставляет Дэн.

-- Нет, но никто бы не умер, если бы мы подождали с сенсациями несколько лет. Хозяева леса жили тут, возможно, до заселения людьми, и ещё немного пожили бы без межпланетной огласки.

Азамат с Ирнчином напряжённо переглядываются.

-- Просвети нас, пожалуйста, -- просит Азамат, -- как у вас на Земле принято реагировать на такие новости?

-- Это смотря что понимать под "такими" -- начинаю я, одновременно с Дэном.

-- У нас принято сообщать о потенциальной биологической опасности сразу по обнаружении! И любое подозрение считается достаточным основанием для сообщения.

-- Так вы ещё и как био-опасность его оформили?! -- ужасаюсь я.

-- А как я должен оформлять здоровенную хищную зверюгу, свободно живущую среди людей? Или мне вам напомнить, что диких животных запрещено отлавливать и держать в качестве домашних питомцев?

-- Тише, тише, -- умирляет его Азамат. -- Хос не питомец, он сотрудник и друг семьи. Вы присядьте, Лиз, ты тоже, у нас тут не суд. Меня больше интересует, что обычно следует за таким сообщением. Какие меры примет Союз?

-- Предохранительные, -- вставляет Дэн, усаживаясь в кресло.

-- Все молчат, я рассказываю! -- рявкаю я. -- Значит так. Если получено сообщение, что обнаружена форма жизни, эволюционировавшая не на Земле, на место высылают отряд ксенобиологов, задача которых -- изучить строение, поведение и происхождение этой формы жизни. То есть, большую часть популяции, если возможно, они изучают в природе, но, если возможно, несколько штук отлавливают и прогоняют через серию поведенческих экспериментов, а также берут образцы тканей, в идеале ещё смотрят зародышевое развитие. А теперь представь, что скажут на это хозяева леса.

-- М-да, -- кивает Азамат. -- Вряд ли они добровольно подвергнутся таким исследованиям.

-- Это ещё полбеда, -- с энтузиазмом продолжаю я. -- Если получено сообщение о биологической опасности, это значит, что присылают команду дистанционно управляемых роботов, которые отлавливают несколько особей и проверяют их на потенциальный ущерб человечеству. И в случае подтверждения, планету помещают в карантин, то есть, ни туда, ни оттуда никого не пускают.

-- Что, навсегда? -- уточняет Ирнчин.

-- Теоретически -- до того момента, когда опасность будет ликвидирована. То есть, например, если там какие-нибудь болезнетворные бактерии или вирусы, то до изобретения профилактики, если крупные хищники -- то создают закрытые заповедники, из которых зверьё не может выбраться и напасть. Но на деле если у планеты нет особо ценных ресурсов, она так и остаётся пожизненно в карантине, разве что опасные виды просто вымрут в ходе местной эволюции или смены климата.

-- Позвольте, но тут же люди живут, -- недоверчиво улыбается Азамат. -- Боюсь, что это неприемлемый вариант.

-- Людей в таких случаях переселяют, -- недобро усмехаюсь я.

-- Людей? -- удивляется Ирнчин. -- Не д... я хочу сказать, не хозяев леса, а людей?

-- Переселять зверей нельзя, потому что мы не можем учесть все нюансы их места в родной экосистеме, не сможем воспроизвести их в другом месте, и в итоге все подохнут. А людям что, люди приживутся. Это-то я как раз понимаю. Но! Самое интересное! Видишь ли, разумная жизнь внеземного происхождения ещё ни разу не была зафиксирована. Более того, большая часть жизни, которая обнаружена на других планетах -- это всякая мелочь, максимум насекомые, ну или что-то вроде них. Поэтому о том, как обращаться с настоящими разумными инопланетянами, ни в одном законе не прописано. Есть, конечно, всякие философские трактаты на эту тему. Но мы же всё ждём, что это к нам явятся представители высшей цивилизации, чтобы установить контакт и передать нам свои знания. А на вариант, что инопланетные интеллектуалы живут на деревьях и питаются сырой олениной все предпочитают закрывать глаза. Так что, Азамат, я не знаю, что сделает ЗС, но нам надо быстро соображать, какая у нас самих позиция. Либо мы просто говорим, что господину доктору померещилось, и растираем в порошок его репутацию, либо мы признаём, что у нас действительно есть такие соседи, но как-то ограничиваем к ним доступ, только так, чтобы самим за психов не сойти...

-- Если Союз начнёт переселять людей, чтобы не потревожить этих "разумных", -- глубокомысленно замечает Ирнчин, -- то их просто

всех перестреляют, и дело с концом. Лучше уж тогда пусть их переселят, так хоть какой-то шанс есть им выжить.

-- Это же варварство! -- ахает Дэн, решивший, видимо, что терять уже нечего. -- Вы не можете позволить просто так уничтожить редкий вид, тем более имеющий высокую ценность для науки.

-- Не можем! -- фыркаю я. -- У нас полиция учреждена меньше года назад. Да что полиция, мы только-только пробили закон, чтобы хозяев леса не отстреливали просто так, безо всякой причины! Дэн, я не понимаю, вы что, впервые с Земли выехали?

-- Это я не понимаю, Лиза, -- огрызается он. -- Вы как будто тут родились, встаёте горой за этих пещерных людей, которым невдомёк, что законы надо исполнять! Только что обнимались с пришельцем, а теперь защищаете браконьеров?

-- Во-первых, пришелец тут -- вы. Во-вторых, я никого не защищаю, просто глупо полагаться на послушность муданжцев, они и так со скрипом принимают хозяев леса. И в-третьих, я что-то не уловила, только сейчас вы мне рассказывали про зелёную жидкость и мерзких инопланетных тварей, а теперь оскорбляете ради них всех граждан планеты заодно с присутствующим здесь Императором. Вы бы уж определились...

Дэн набирает побольше воздуха и обращается напрямую к Азамату, очевидно, отчаявшись переспорить меня.

-- Господин Император, не поймите меня неправильно, я просто пытаюсь поступать по закону и совести.

Я фыркаю, но Азамат, как ему это свойственно, вежливо выслушивает.

-- С одной стороны, -- продолжает ободренный Дэн, -- так называемые хозяева леса представляют несомненную опасность как для местных жителей, так и для приезжих специалистов вроде меня.

Я открываю рот спросить, когда его в последний раз кусал хозяин леса, но Азамат бровями жестикулирует мне придержать свои возражения.

-- К тому же, -- добавляет Дэн, -- как работник науки я обязан подвергать анализу все ранее не описанные явления природы на других планетах и позже отчитываться о результатах этого анализа соответствующим органам! Это обязательство, кстати, распространяется и на вашу жену, не знаю уж, почему она им

пренебрегает. Что же касается несовершеннолетия... представителя... разумной фауны, я не был об этом осведомлён. Доктор Гринберг, однако, имея широкие полномочия Императрицы, могла бы заполучить образцы тканей половозрелой особи, но почему-то не стала.

-- Я себе представляю, как я к Хавису лезу с ватной палочкой, -- вклиниваюсь я.

-- Вашу позицию по этому вопросу я понял, -- замечает Азамат. - Теперь объясните, пожалуйста, поподробнее про пещерных людей, желательно, оставив за кадром мотивы поведения моей жены.

Дэн тушуетя и принимается объяснять, бубня себе под нос:

-- Я только хотел сказать, что в Земном Союзе приняты определённые нормы взаимодействия с окружающей средой. Я могу сколько угодно не любить и опасаться крупных хищников, но просто взять и всех их истребить -- это варварство, и если ваши подданные на такое способны, Мудангу в Союз вступать рано.

-- Господина целителя забыли спросить, -- тихо комментирует Ирнчин.

-- Вы понимаете, Дэн-хон, что своими действиями как раз и поставили под угрозу жизнь наших разумных соседей заодно с нашими шансами вступления в Союз? -- мягко интересуется Азамат.

-- Ну отлично, значит, выставляйте меня психом! -- взрывается Дэн. -- Марайте мою репутацию, я-то что могу теперь сделать?!

-- Вариант с репутацией отпадает сразу, -- морщится Азамат к огромному облегчению Дэна. -- Рано или поздно правда всё равно всплывёт, и тогда с репутацией будут проблемы уже у нас. Теперь давайте разберёмся попунктно, кто прав и в чём именно. Жаль, конечно, что среди нас нет ни одного специалиста по инопланетным животным, но вы же оба, господа медики, разбираетесь в вопросе, так что поправите меня, если что.

Он встаёт из-за стола и прохаживается, собираясь с мыслями.

-- Дэн-хон, несомненно, прав в том, что хозяева леса опасны для людей.

-- Это Хос тебе опасен? -- изумляюсь я.

-- Лиза, я понимаю и разделяю твои чувства в отношении лично Хоса, но ты должна признать, что не объективна. Ты не так давно здесь живёшь и не так много повидала. Да, Хос при первой же встрече проявил себя по отношению к тебе очень хорошо, но, заметь, он ведь

принял тебя за богиню. Как знать, что бы он сделал, если бы не твоя обманчивая внешность. Также не стоит забывать, что тебе, как и мне, покровительствует Ирлик-хон, поэтому большинство хозяев леса осведомлены, что тебя трогать нельзя. Среднестатистический же муданжец наблюдает совсем другую ситуацию: дикий лесной зверь приходит на ферму, убивает и уносит за один раз несколько голов скота, а если попытаться оказать сопротивление, то и человеком не побрезгует. Да, безусловно, теперь есть закон об уголовной ответственности, одинаковый для людей и хозяев леса, и стараниями Старейших Котов он доведён до сведения всех индивидов, но ты же понимаешь, что отношение за несколько дней не изменилось ни с нашей стороны, ни с их. Поэтому в принципе с соображением, что они опасны, я согласен. Другой вопрос, что предлагаемые меры предосторожности кажутся мне абсурдными и не подходящими к ситуации.

-- Извини, дорогой, но, мне кажется, ты подменяешь понятия, потому что привык думать о них как о зверях, -- качаю головой я. -- Давай представим, что у нас на планете живёт племя людей, менее развитое, чем муданжцы. Такое первобытное, дописьменное племя, но людей. И они тоже могут разворовывать фермы и убивать муданжцев, потому что не понимают, чем это плохо. И что, ты бы сказал, их надо отловить, посадить в вольеры и изучать под микроскопом?

-- Лиз, но обычных-то людей ты изучаешь под микроскопом. Меня и Кира, например. И тебя это, вроде бы, не смущает.

-- Правильно, потому что вы-то понимаете, что вам это на благо. А Хос вот до сих пор не уверен, что хуже -- блохи или вонючий шампунь.

-- И вы его с такими идеями допускаете до детей? -- вставляет свои пять копеек Дэн.

-- Ну так блохи же, не энцефалитные клещи, -- пожимаю плечами я. -- Если бы вы видели, где эти дети лазают, когда их выпускают на свободу, Хосовы блохи вам показались бы цветочками. Однако живые и здоровые. Конечно, на Муданге санитарные нормы оставляют желать много лучшего, но и иммунитет у жителей соответствующий. С этой точки зрения хозяева леса как раз очень мало отличаются от многих людей -- сырое мясо едят и те, и другие, холодной водой без мыла моются в малообеспеченных семьях точно

так же. Короче, не стоит ожидать от Муданга земной стерильности. И вообще, у нас речь, вроде как, о морали, о том, насколько нравственные установки запрещают хозяевам леса причинять вред людям. Так вот, во-первых, не более, чем нравственные установки людей запрещают им причинять вред хозяевам леса, а во-вторых, как я уже сказала, если бы в роли хозяев леса было какое-то человеческое племя, они вели бы себя точно также. Но только тогда речь бы шла не о карантине и изоляции, а о межкультурных отношениях, просвещении и образовании.

-- И что, вы собираетесь открыть для них школы? -- язвит Дэн.

Азамат садится обратно за стол и включает планшет.

-- А вот давайте как раз и подумаем, что мы можем предложить Земному Союзу в качестве нашей программы работы со впервые открытой внеземной разумной... как вы там это называете, жизненной формой?

-- Ну во-первых, -- тут же оживляюсь я, -- обязательно им объяснить, что, раз уж так сложилось, что они живут на Муданге, именно мы должны диктовать, как с ними работать. Потому что у муданжцев с хозяевами леса многовековая общая история, вон, даже Император один был, который вроде как в кота превращался...

-- Лиза, вы когда говорите "мы", вы имеете в виду землян или муданжцев? -- ехидновато уточняет Дэн.

-- Муданжцев, конечно, -- отмахиваюсь я. -- Естественно муданжцы должны работать с хозяевами леса, для начала хотя бы потому, что на всеобщем они не понимают.

В комнате повисает какая-то подозрительная тишина. Азамат смотрит на меня с таким выражением, как будто поймал меня на очень смешной оговорке и ждёт, пока я догадаюсь.

-- Чего? -- переспрашиваю я. -- Давай пиши, я вон сколько умных слов сказала.

Он послушно принимается печатать.

-- Насчёт языка ты хорошо подметила, -- комментирует он. -- Насчёт Императора... Пожалуй, можно упомянуть, да. Вообще, надо будет попросить Старейшин исследовать этот слух о нём, ведь если окажется, что Аяу сам был из хозяев леса, это может помочь в деле улучшения отношений с обеих сторон. Дальше, я думаю, стоит сказать, что их общество очень закрытое, и как следствие вызвать их на диалог

чрезвычайно сложно, и нам-то, собственно, это удалось только по счастливому стечению обстоятельств.

-- Можешь ещё упомянуть, что назначение их представителя на высокую должность при дворе призвано укрепить межкультурные связи, и ещё что-нибудь в таком духе. Главное дать им понять, что мы лучше понимаем, как разрулить ситуацию, чем "соответствующие органы". Хорошо бы для убедительности туда цифр накидать. Например, что через столько-то лет мы прогнозируем рост уровня образования среди хозяев леса, или более тесные экономические отношения...

-- Если я накидаю цифр, их придётся и правда достичь, -- усмешается Азамат. -- Я не такой человек, чтобы давать пустые обещания. Думаю, что можно включить приблизительно такой пассаж: с нашей точки зрения самым продуктивным модусом работы с хозяевами леса должно стать изучение их основной компетенции -- муданжских лесных экосистем. Нам предоставляется возможность из первых рук получить знания о процессах, происходящих в каждом акре леса, и соответственно минимизировать своё влияние на живую природу Муданга. С другой стороны, мы рассчитываем, что наше бережное отношение к ресурсам создаст у хозяев леса стимул к взаимодействию с нами и поможет выстроить доверительное отношение к человеческой науке. Когда эти цели будут достигнуты, можно будет поставить вопрос о непосредственном научном изучении открытой жизненной формы. Как тебе?

-- Я смотрю, ты хорошо подготовился ко вступительной речи в Союзе, -- усмехаюсь я.

-- Лиз, я уже несколько месяцев занимаюсь почти исключительно устойчивым природопользованием. И не только ради выполнения требований Союза, я действительно считаю, что это очень важно. Как ты понимаешь, если бы меня на самом деле не заботило, насколько рационально мы используем ресурсы, мне бы никогда и в голову не пришло нанимать Хоса на должность лесоведа. Однако он уже показал себя очень хорошо в этом деле и, я думаю, качество будет только расти.

-- То есть, вы, фактически, эксплуатируете несовершеннолетнего индивида для достижения своих политических целей? -- хватается за соломинку Дэн.

-- С нотариально заверенного разрешения его отца, а также законодательных органов его племени, -- улыбается Азамат.

Дэн пожимает плечами.

-- Ну если у вас на всё есть ответ, может, и добьётесь своего. Но учтите, что для наших это вопрос гордости. Мысль, что кто-то будет полвека готовить почву для их исследований, когда материал -- вот он, им очень не понравится. Если б им хоть один экземпляр выдать, они бы, может, оставили вас в покое, а так...

-- А так у свежееобразованной регулярной армии появится первое задание -- не пускать на планету не авторизованных учёных, -- вздыхает Азамат. -- Ладно, надо звонить в эту программу поиска... Ирнчин, позвони ты, пожалуйста, а то земные секретари не верят, что я Император, когда я сам звоню.

Глава 36

На время серьёзного разговора Азамат выставляет нас с Дэном в приёмную. Дэну-то и вовсе незачем слушать его переговоры, а я -- опасный элемент, лезу с советами и не могу сдерживать комментарии.

-- Можно поинтересоваться, какова будет моя дальнейшая судьба? -- негромко спрашивает Дэн, присевший на подлокотник кресла и нервно болтающий ногой. -- Или это зависит от результата переговоров?

Я скребу в затылке.

-- Да нет, думаю, что переговоры ничего не изменят. У вас ведь контракт на муданжский год? Ну значит, до лета работаете, как обычно, а там уже сами решите, продлевать или как.

-- То есть, меня не сожгут на костре, не бросят в клетку с тиграми и даже не выгонят с позором? -- приподнимает бровь Дэн.

-- В отличие от мира ваших богатых фантазий, -- язвительно говорю я, -- в реальности мой муж -- цивилизованный человек, причём исключительно неконфликтный. Мы не можем себе позволить разбрасываться врачами, если только они не угрожают будущему всей планеты.

Дэн смотрит на меня внимательно и озадаченно, как будто пытается разгадать ребус.

-- Я никак не могу понять, Лиза, какую роль вы играете в местной политике? По должности вроде бы вы просто врач, даже не

личный врач Императора. Какие привилегии даёт семейное положение?

-- Насколько я понимаю, закона об этом нет, но по факту можно сказать, что у меня есть совещательный голос. Когда речь заходит о чём-то, в чём я лучше понимаю, Азамат обычно спрашивает моего мнения.

-- И вы не собираетесь как-либо сопротивляться тому, что он принял мою сторону в этом вопросе?

-- Да он не то чтобы вашу сторону принял. Во-первых, это совпадает с его собственными представлениями, во-вторых, тут важно не то, что он думает по поводу безопасности хозяев леса, а то, как сохранить баланс в отношениях с ними, чтобы ни они нам, ни мы им вреда не причинили. Тут уж Азамату виднее, как поступить, он же политик. Моё дело предоставить информацию.

-- Тогда почему вы так резко негативно отнеслись к моему поступку? Если вы сами политикой не занимаетесь, вам как учёному должно быть интересно исследовать инопланетян.

-- Я резко отнеслась, потому что надо было сначала спросить разрешения. Азамат -- ваш непосредственный наниматель, вы ему должны отчитываться обо всех своих действиях, и только после этого - в ЗС. Тогда бы и с несовершеннолетием проблем не возникло. А что касается моего интереса, да, мне очень интересно, но для меня на первом месте чтобы все жили в мире и чтобы Хоса не перепугать до безумия. Он и так вчера с нами в лифте первый раз проехал -- чуть не кильнул, а тут какие-то незнакомые люди будут его подключать к аппаратуре, он же всех порвёт и сбежит!

-- Неужели вы ничуть не боитесь этого Хоса? Я ещё понимаю, ваш муж -- наёмник, военный, короче, подготовленный человек. Но вы ведь даже никакими боевыми искусствами не занимались, откуда такая уверенность, что вам ничего не грозит?

-- Так уж сложились у меня с Хосом отношения, -- пожимаю плечами. -- И с другими потом тоже... Я, например, ночевала в доме, где служанка -- хозяйка леса, причём меня там пытались нарочно запугать, чтобы я на них поработала, так вот, даже она меня не тронула. Короче, мой личный опыт показывает, что бояться нечего, вот и всё.

-- Но вы же понимаете, что анекдотическое свидетельство -- это не научный факт! -- воздевает руки к небу Дэн. -- Допустим, вам повезло, но ведь кому-то тут в городе может и не повезти! А этот ваш Хос ходит тут без присмотра!

-- С присмотром, при нём охранник.

-- Это парнишка такой? Много он наохраняет.

-- Он из Азаматовой команды вообще-то, один из лучших профессионалов на планете.

Дэн смотрит на меня с сомнением, потом пораженчески вздыхает.

-- Хорошо, допустим, он с ним сладит в случае чего... И всё равно я не понимаю, вот вы -- медик, разумный, образованный человек. Вы прилетаете на чужую планету, куда не ступала нога цивилизации, так сказать. У меня вот лично первый порыв -- это всё изучить, описать, настрочить пару сотен статей, пригласить дружественные лаборатории... А вы выходите замуж. Как можно десять лет отучиться -- и всё для того, чтобы выйти замуж?

-- Маленькая поправочка, -- я поджимаю губы. -- Замуж я вышла до того, как прилетела сюда. И вообще-то я совершенно не собиралась делать ни того, ни другого, просто так сложилось.

-- Ну ладно, до. Но потом-то? Вы наткнулись на всю эту разумную жизнь -- и тишина? Вы вообще пытались как-то научно осмыслить то, что видите, или уверовали в сверхъестественные силы? Лиза, вы же разумный человек! Вас нисколько не шокировали говорящие кошки?

Я задумчиво скребу в затылке. Если уж по совести, то первым кандидатом в сверхъестественное был дух, принятый за древесную слюну (которая и сама по себе вызывает много вопросов), а потом Ирлик...

-- Знаете, наверное, дело в том, что это не моя область, -- говорю наконец. -- Вот что у мударнцев регенерация вдвое-втрое быстрее, я заметила ещё на корабле и летом написала об этом статью. И об особенностях иммунного ответа тоже. Вам их послали, когда вы решали, ехать или нет, помните? Кстати, они всё ещё ждут публикации в "Жизни за пределами", видимо, очень актуальный материал. А что касается местного зверья, так тут и земного происхождения фауну никто не описывал, кроме местных охотников. А ведь куда ни плюнь --

то выдрокоска, то эпиорнис живой гуляет... Начать и не кончить. И я не собираюсь делать чужую работу, мне своей хватает за глаза.

-- Что муданжцы сами по себе представляют огромный материал для изучения -- это я уже даже не упоминаю, тут открытие на открытии, как по минному полю ходишь! Я согласен, ими в первую очередь надо заняться... времени, конечно, мало, но если бы хоть ресурсы были, проинформировать население... От этого ведь сразу была бы польза, детскую смертность бы снизили.

-- Ну вы лично готовы за это взяться? -- припираю его к стенке я. -- А то разглагольствовать-то я тоже могу долго, но вы же понимаете, что тут нет никакой инфраструктуры для подобных вещей, единственная лаборатория -- в Доме Целителей, отношение к нам своеобразное...

Дэн недолго мнётся, потом наконец кивает.

-- Я бы попробовал. Конечно, условия не ахти, но в принципе почти всё необходимое оборудование есть, помещение тоже, если бы Император мог как-то сагитировать людей прийти и сдать анализы, заполнить анкетку... Потому что тот поток, который идёт через меня, всё-таки недостаточный, да и выборка по экономическому статусу.

-- А принимать этих людей вы сами будете, забив на пациентов?
-- интересуюсь я.

Дэн глубоко вздыхает.

-- М-да, тут никак не прокрутиться... Лаборантов бы набрать хоть парочку, да где ж их возьмёшь...

-- Обучите, -- предлагаю я. -- На это вам средства из бюджета хоть прям щас отчислят, Старейшины сейчас с большим удовольствием финансируют медицинское образование, даже на стипендию хватает.

-- На обучение тоже время надо, а я работаю по двенадцать часов в сутки. Может, их дистанционно можно на курсы отправить, чтобы теорию послушали, а уж потом я с ними занялся практикой?

-- Можно, но тогда надо отбирать тех, кто на всеобщем говорит. Давайте так, вы найдёте людей, а мы организуем им обучение?

-- Это было бы здорово, -- кивает Дэн. -- Я правда искренне надеюсь, что вы не пролетите со вступлением из-за зверья, в конце концов, ну не идиоты же сидят в этой комиссии, наоборот, может, предоставят специалистов...

-- Можно узнать, -- интересуюсь я, возвращаясь к исходной теме, -- чем вы вообще руководствовались, когда посылали результаты своих анализов?

-- Ну как чем?! -- изумляется Дэн. -- Это же внеземная разумная жизнь, Лиза! Человечество сколько уже ждёт первого контакта, прощупывают планету за планетой, роботов рассылают по всем закоулкам, сигналы вынюхивают... А тут вот, пожалуйста, живой экземпляр -- и тишина, вы даже не почесались оповестить мировое сообщество! И ещё страдаете, что про ваш иммунитет никто не публикует. Вы бы про жизнь без ДНК написали, это бы вместо порнобаннеров на всех сайтах висело! Я не понимаю, как можно было не сообщить!

-- Да знаете, у меня как-то после богов удивлялку отшибло, -- пожимаю плечами я. -- Я ведь, кстати, хотела образец духа на Землю послать для анализа, когда думала, что это источник болезни, но провалилась в туннель, а мужики потеряли пробирку.

Дэн ошалело моргает.

-- Вы что, в местную религию ударились? Какие боги и духи?

-- Ну, духи -- это вообще хрен знает что, а боги -- они с хозяевами леса в родстве, во всяком случае, так считается...

-- То есть, этих тварей ещё и несколько разновидностей? -- сдавленным голосом уточняет Дэн.

-- Ага, только боги покруче, они и под людей мимикрируют лучше. Но их я не пыталась исследовать, потому что стрёмно, а после них хозяева леса -- это как бы уже и ничего особенного...

Дэн хватается за голову.

-- Лиза, вы вообще помните, что живёте в материальном мире с законами физики? Что дома есть исследовательские центры, где люди изучают неизвестное?

-- Ну не передёргивайте, -- обижаюсь я. -- Конечно, я не думаю, что боги -- это прям реально какие-то сверхъестественные силы природы. Понятно, что всему есть научное объяснение, хотя, возможно, пройдёт пара веков, пока мы до него докопаемся. И конечно мне интересно, как устроены все эти существа, как они живут и так далее. И я это стараюсь выяснить, когда подворачивается возможность. Но у нас с вами разница в том, что вы здесь от ЗС, вы всё время в контакте с Землёй и с другими землянами. А для меня через месяц в

муданжской глубинке становится нормальным спать в шатре и есть дичь сомнительного приготовления. А Земля -- она где-то там, за пределами моего ежедневного опыта, вроде как университет после десяти лет работы: можно повспоминать под пиво. Если Земле от меня какое-то благо произойдёт, отлично, но в первую очередь все мои усилия направлены на благо Муданга.

-- Мне прямо сердце греет от тебя такие слова слышать, -- встречается тихо прокравшийся из кабинета Азамат. -- Надо почаще закрывать тебя с коллегами и подслушивать.

-- Я тебе дам подслушивать, -- беззлобно грожу я, вполне уверенная, что Азамат никогда в жизни не стал бы такого делать. -- Ну как?

-- Всё не так плохо, как мы боялись, -- солнечно объявляет он. -- Они довольно легко согласились предоставить нам разбираться самим, с условием, что мы будем регулярно отчитываться о положении дел и делиться любой информацией о хозяевах леса. У меня вообще создалось впечатление, что известие их застало совершенно врасплох, и они были рады переложить ответственность.

-- Ну слава пушистому зверьку! -- воздеваю я руки к небу.

Азамат усмехается.

-- К сожалению, это не все условия, -- продолжает он. -- Они хотят образец.

-- Тканей? -- уточняю я.

-- Нет, он сказал "особь". Я так понимаю, имеется в виду один живой хозяин леса.

-- Облезут и неровно обрастут, щас мы им выловим, как же! -- фыркаю я.

-- Они согласны подождать несколько месяцев, -- вздыхает Азамат. -- Но это обязательное требование, в противном случае они подадут в Союз заявление против дальнейшего сотрудничества, проще говоря, они не хотят отправлять сюда своих учёных, если мы отказываемся предоставлять требуемые сведения об экологии. Я проверил, это действительно их официальная политика. Естественно, я сразу сказал, что Хоса мы не дадим, и про языковой барьер объяснил. Однако они продолжают настаивать.

-- И что мы будем делать? -- хмурюсь я. -- Просто я себе представляю, что будет, если мы отловим и отошлём с планеты какого-

нибудь кота. И я совершенно уверена, что мы никакими силами не добьёмся разрешения Старейших Котов, даже если Ирлик поддержит. Может, его самого предложить в качестве экземпляра, он хоть на всеобщем понимает, -- хихикаю.

-- А кто такой Ирлик? -- интересуется Дэн.

-- Это бог, -- укоризненно отвечает Азамат, правда, укоризна его относится скорее ко мне, чем к Дэну. -- Лиз, ну ты что, мы не можем с ним так обойтись после всего, что он для нас сделал!

-- Да нет, я не предлагаю его связать и отправить! Я просто подумала, ему самому может быть интересно.

Азамат хмурится и качает головой.

-- Это, наверное, может оскорбить религиозные чувства верующих... -- робко предполагает Дэн, делая мне страшные глаза, мол, как я могу местному такое предлагать.

-- Какие религиозные! -- хватаюсь за голову я. -- Вы что, всерьёз думаете, что ему тут кто-то поклоняется?

-- Дэн, вы не совсем разобрались в ситуации, -- мягко произносит Азамат, присаживаясь рядом со мной. -- Я понимаю, что вас сбивает с толку слово "бог", но это просто неудачный перевод. Муданжские боги -- весьма реальные создания. Что касается твоего предложения, Лиза, мне не кажется, что ему будет интересно. Во всяком случае, что его интерес долго продлится. Да и потом, если помнишь, он теперь очень занят. Не знаю, можно, наверное, спросить его для проформы, но меня ещё несколько волнует его могущество. Он ведь может запросто испортить чужую собственность или ещё что...

-- Ага, съесть декоративную собачку директора института и запить золотыми рыбками из бухгалтерии.

-- Да-да, что-то в таком духе. И, в отличие от хозяина леса, его вряд ли кто-то сможет остановить. Надо подумать, может быть, если вашим учёным не важно, кого именно мы пришлём, лишь бы это было разумное существо и не человек... Может быть, они удовольствуются духом или каким-нибудь мелким оборотнем?..

-- Каким ещё мелким оборотнем? -- недоумеваю я.

-- Ну, есть ведь всякие белки, лисы... чайки, в конце концов. Правда, я не слышал, чтобы они разговаривали, но как знать, если уж хозяева леса оказались говорящие...

-- Чайки-оборотни? -- уточняю я, чувствуя, что у меня сводит лицо от задирания бровей. -- В людей превращаются?

-- Нет, в домашних лебедей, -- на полном серьёзе поясняет Азамат.

Я оборачиваюсь к бледному Дэну и развожу руками.

-- Понимаете, да?

Он сглатывает и уныло кивает.

-- Я сильно сомневаюсь, что домашние лебеди -- говорящие, -- замечаю я Азамату. -- Но можно спросить Хоса, он, наверное, знает...

-- Ладно, этот вопрос можно пока отложить, -- как ни в чём не бывало продолжает Азамат. -- Ещё пара организационных моментов. Во-первых, за спасение жизни важного для планеты человека вам, Дэн, полагается премия.

-- Мне? -- удивляется Дэн.

-- Ему?! -- одновременно с ним удивляюсь я. -- Сурлуга твой сын спас, аллэ!

-- Дэн-хон -- целитель, который занимался Сурлугом, целитель в таком случае всегда получает премии. Но не волнуйся, Киру тоже причитается, и даже Айше. Мне сам Ажгдийдимидин написал, что она участвовала.

-- Ну ладно, -- успокаиваюсь я. -- Хотя вообще-то за сегодняшние шалости надо штраф брать, а не премию давать. А Ажгдийдимидин отдыхать должен, а не письма строчить, чем он там думает вообще?

-- Что касается этих несчастных анализов, -- прёт поперёк меня Азамат, -- поскольку прямого запрета на подобную информацию не было, никаких формальных последствий это не повлечёт. Но, Дэн-хон, я очень надеюсь на ваше благоразумие в дальнейшем. Как вы, надеюсь, понимаете, я не пытаюсь утаить от Союза никаких сведений о Муданге, но хотел бы быть в курсе ваших находок до того, как о них узнает весь остальной мир. Я всегда доступен, если даже у вас чешутся руки поделиться знанием, наберите мне и поделитесь, я с удовольствием послушаю. Или хотя бы Лизе. Со своей стороны обещаю, что не буду препятствовать научной работе, просто нехорошо как-то выходит, что я позже Земли узнаю, что происходит на моей планете. Договорились?

Дэн сидит пристыжённый, как Филин, когда его Кир застаёт на кровати. Пытается что-то сказать, но в итоге только сдавленно кашляет и кивает.

-- Вот и отлично. Ещё какие-нибудь новости есть?

-- Про лаборантов! -- вспоминаю я, потому что Дэн уже явно намылился смыться как можно скорее.

-- А... да... -- выдавливает он. -- Может, в другой раз?

-- Ладно, идите, я изложу идею, потом поговорим, -- сжаливаюсь я.

Дэн ещё раз кивает, и это больше похоже на поклон, и выветривается из приёмной, чуть не снеся дверной косяк левым плечом. Бедняга, это ж надо так не вписаться, болеть же будет.

Когда за Дэном окончательно закрывается дверь, Азамат внезапно принимается хохотать -- громко, заливисто и постанывая. Я тарашусь на него во все глаза, пока доходит.

-- Ты про чаек-оборотней нам наплёл, что ли?

Он энергично кивает сквозь скручивающие приступы хохота.

-- Да ты охренел, дорогой, -- усмехаюсь я, представляя, какая у меня только что была физиономия. -- А если он и про это растреплет?

Азамат хлопает носом и вытирает глаза.

-- Вот тогда, -- произносит он между смешками, -- он сам себе яму и выроет. Ой не могу, ну у вас и лица были, я чуть не лопнул! Неужели ты и правда поверила?

-- А чего бы мне не поверить? -- всё ещё обескураженно говорю я, протягивая Азамату носовой платок. -- Ты до сих пор ничего подобного не отмачивал.

-- Прости, -- гундосит он, вытирая нос. -- Не устоял перед соблазном. Та-акой серьёзный учёный! Фу-ух...

-- Экое у тебя настроение хорошее, -- качаю головой. -- Пойдём поделишься с семейством, ты ведь закончил на сегодня?

-- Да, сейчас, Ирнчина отпущу и пойдём. Ты не обиделась, надеюсь?

-- Нет, так, озадачилась немного...

Дома все уже в сборе. Киру, видимо, понравилось проявлять сознательность, и пока мы болтали с Дэном, он покормил и уложил Алэка, за что ему честь и хвала. Впрочем, судя по тому, что Айша с Хосом отрубались на ковре, свернувшись вместе в один клубок,

особенно убаюкивать мелкого не понадобилось. Тирбиш обещал завтра выйти на работу, не верю своему счастью.

Эндан с Киром играют в Азаматовы резные шахматы, включив доску на журнальном столике, потому что там спецэффекты красивые и очки сами считаются.

-- Ну наконец-то можно поужинать, -- ворчит Кир. -- Мы вас ждём-ждём...

Дальше он не успевает ничего сказать, потому что Азамат заходит сзади, подхватывает его под коленки и совершенно как детсадовского тискает и расцеловывает. Я не нахожу ничего лучше, чем загородить Эндану обзор своим самым широким местом, а то ж засмущали ребёнка.

-- Пусти-и, ну ты чего-о! -- шипит Кир, хотя не особо вырывается. -- Па-а-а-а!

-- Не могу, я ещё не выразил весь свой восторг, -- невозмутимо отвечает Азамат и продолжает.

Наконец помятый Кир поставлен на землю, и Азамат усаживается перед ним на ковёр, скрестив ноги.

-- Я знаю много людей, -- приглушённым от распирающей его гордости голосом говорит Азамат, -- которые любят под пиво рассказать, какими героями были их отцы или отцы их отцов. И вот теперь я знаю одного, который с удовольствием расскажет всем и каждому, что его сын -- герой. Это я.

Кир издаёт какой-то шорох, потом немного пискляво отвечает:

-- Пасиба... Я это... отойду ненадолго...

И скрывается в своей комнате.

Азамат провожает его сияющим взглядом и одним прыжком встаёт.

-- Ну что, -- гремит он от всей широкой души. -- Пируем?

-- Тихо, перебудешь всех! -- шикаю я. -- Закажи чего-нибудь быстрого, а то у меня уже глазки слипаются.

-- Лиза, ты что, такой день... -- расстраивается он.

В итоге такой день плавно перетекает в такую ночь и даже почти в такое утро. Эндан, которого на боевом посту сменяет Дорджи, выпивает с нами кружку пива и уходит отдыхать, а мы втроём досиживаем до предрассветного серого неба, болтая и хохоча. Что самое удивительное, Хос с Айшей даже ухом не ведут. Или ушами... Я,

пожалуй, впервые вижу Кира таким счастливым и расслабленным, и на контрасте теперь очень хорошо заметно, каким настороженным он был все эти месяцы. В какой-то момент я даже жалею, что Арават не заглянул на огонёк -- сейчас бы он даже в полутьме ясно увидел, что Кир -- плоть и кровь Азамата, в каждой чёрточке и каждом жесте, в перепаде голоса и направлении, в котором торчит надо лбом непослушная прядь.

Залюбовавшись, я не улавливаю что-то в его рассказе, что заставляет Азамата покатиться со смеху. Кир, впрочем, и сам несколько озадачен, он вроде как до развязки ещё не дошёл.

-- Видела? -- спрашивает меня Азамат.

-- Что? Не-ет...

-- Да он сейчас лицо сделал точно как ты, когда с Алтонгирелом разговариваешь. Ой не могу, умора, это ж надо -- один в один!

Мы с Киrom переглядываемся и делаем лица.

Следующий день выдаётся не таким весёлым, во всяком случае, поначалу. Мои намерения поспать до обеда постигает крах в виде звонка Оривы, умоляющей подмогнуть в Доме Целителей, а то ночью, оказывается, сгорела деревня на северах, и на обработку всех ожогов рук не хватает. К моему большому облегчению, ещё за час до этого в нашу жизнь вернулся Тирбиш, так что мне не приходится ещё день шараться по больнице с ребёнком наперевес.

К счастью, в основном повреждения от пожара незначительные, больше времени занимает убедить пациентов, что шрамов не останется, чем собственно обработать ожог. Да ещё Азамат вертится под ногами и то и дело интересуется, что и как, у него ж это больная тема. Но к полудню удаётся всех раскидать. Я уже совсем намыливаюсь окопаться в ближайшем трактире на заслуженный перерыв, когда мне на телефон капает сообщение от Сурлуга, который приглашает нас всей семьёй на "благодарственный обед". Мы с мужем пожимаем плечами, оттаскиваем Кира за воротник от третьего перебинтовывания какой-то капризной старушки и отправляемся дегустировать Сурлугову стряпню.

Сам хозяин вместе с Гардеробом ждут нас на крыльце, предварительно расстелив на нём новый коврик -- я наметанным глазом замечаю прямоугольный след от старого, не совпадающий с краями того, что лежит. Это обычный жест вежливости к повторному

приходу целителя, когда есть время подготовиться. Я пихаю Кира локтем и обращаю его внимание на сей ритуальный атрибут:

-- Гляди, тебе постелили.

Кир воплощает мои коварные ожидания -- краснеет в цвет коврика.

-- Как вы сегодня? -- смущённо интересуется он у Сурлуга после приветствий.

-- Отлично, -- улыбается тот, демонстрируя крупные ровные зубы. -- Сын вчера все полы перемыл с другим мылом, бояться нечего. Ну пойдёмте, пойдёмте, уже всё готово.

Я и в прошлый раз отметила, что дом духовника очень просторный, но сегодня, в солнечный зимний день, он кажется просто настоящим собором, затопленным озёрами света. В моей памяти живо всплывает образ не по росту огромного и пустого дома из рассказа Сурлуга. Впрочем, сейчас дом выглядит очень даже обжитым, особенно с учётом охмуряющих кулинарных ароматов. Войдя в гостиную, я понимаю, что Гардероб не только полы помыл, но и в принципе прибрался, даже мебели как будто меньше стало несмотря на несколько кофейных столиков, составленных посреди комнаты для застолья. Роль сидений здесь выполняют длинные пуфики со спинками, что выглядит гораздо эстетичнее разбросанных по полу подушек, на которых обычно сидят в муданжских домах. Часть из них уже занята -- кроме самого Ажгдийдимидина я с удивлением вижу его сестру и Алтошу с Айшей.

-- Ну вот все и в сборе, -- радостно объявляет Сурлуг. -- Стоило заболеть, чтобы столько гостей пришло!

-- Можно было бы нас и просто так пригласить, без болезни, -- замечает сестра Старейшины.

-- Вы, наверное, не все знакомы, -- продолжает Сурлуг, не отвлекаясь на её комментарий. -- Это сестра Ажги-хяна, её зовут Уд.

Я открыла было рот, чтобы сказать, что мы встречались и я даже брала у её дочери напрокат платье, но произнесённое имя несколько выбивает меня из колеи. Конечно, что у меня на уме, то у Кира на языке.

-- Это вы для баланса, что ли? -- хмыкает ребёнок.

Уд мило улыбается.

-- Ты две тысячи сто сорок второй человек, который это сказал, -
- довольным тоном сообщает она. -- Увы, не круглое число, приз не получишь.

-- Простите, -- смущается он.

-- Ничего, мы привычные, правда, Ажги? -- оборачивается она к Старейшине, который тоже ухмыляется.

Мы расслабляемся и принимаемся занимать места за столом, пока Сурлуг представляет Уд Кира со всеми регалиями.

-- Кстати, нет, -- внезапно говорит Уд, когда в комплиментах Киру возникает пауза.

Я моргаю пару раз, Сурлуг немного хмурится и вопросительно смотрит на Ажгдийдимидина. У того за головой на тумбочке стоит экран, на который, судя по всему, транслируется то, что он пишет в наладоннике.

"Не для баланса", -- выводит он.

-- Да-да, -- кивает Уд. -- Извините, я иногда невпопад говорю.

-- Это потому что пора обедать, -- лучезарно объявляет Сурлуг своим громовым голосом. -- Сынок, ты первое несёшь?

-- Несу! -- не менее раскатисто отвечает из кухни Гардероб.

И вскоре является с красивой глиняной супницей, по габаритам напоминающей бак для солений.

-- Чё-то мне кажется, нас переоценили, -- бормочу я.

-- Сурлуг всегда так готовит, даже на двоих, -- поясняет Уд, раскладывая на коленях узорчатую салфетку.

Уд -- маленькая и тощая, бело-седая и производит впечатление женщины, не очень переживающей по поводу внешности. Она не красавица ни по моим, ни по мударжским представлениям, но в отличие от большинства подобных ей мударжек в возрасте не пытается это скрыть тонной косметики. На ней даже бусы всего одни, и те, кажется, костяные, во всяком случае, на драгоценные камни не похоже. При этом, несмотря на седину она так же, как и брат, выглядит молодо, но в отличие от меланхолического Ажгдийдимидина подвижна и энергична.

Мои опасения не оправдываются: суп оказывается настолько вкусным, что мы сметаем чуть не всю бадью. Я не устаю поражаться, сколько помещается в маленькую Айшу. Кир, конечно, поначалу тоже проглатывал слона три раза в день, но он всё-таки высокий и

мускулистый, а эта сопля вообще непонятно куда девает, но точно не запасает в виде жировых отложений.

Мы на все голоса расхваливаем стряпню, Азамат даже выпрашивает рецепт. Вообще муданжцы обычно неохотно делятся своими кулинарными изобретениями, но Сурлуг -- человек большой души, не только рассказывает, но и сам записывает в подробностях на случай если "на Императорской кухне не побрезгуют".

После подачи второго Уд подсаживается ко мне и заводит относительно светскую беседу о муданжской медицине, плавно направляя её в русло бесплатной консультации по болям в спине. Мне в принципе не жалко, но спина -- такое дело, без нормального осмотра ничего сказать нельзя, а то только хуже сделаешь. Я начинаю это объяснять и замечаю, что Ажгдийдимидин тоже присоединился к нашему женскому обществу, пока Азамат разбирается в тонкостях семейной кухни Сурлуга.

Гардероб принимается разливать чай, и выглядит это довольно стрёмно, поскольку он не обладает особой грацией, а чашечки малюсенькие. Азамат дважды очень тактично пытается взять это дело в свои руки, но видимо, слишком тактично. В итоге случается неизбежное -- дрогнувший в руке чайник сносит графин с хримгой прямо в жаркое... но вдруг графин как будто отскакивает и встаёт на своё место, даже не шатаясь.

В разговоре наступает неловкая пауза. Алтонгирел пронзительно смотрит на Айшу. Она мучительно краснеет и завешивает лицо волосами. Ажгдийдимидин поджимает губы и уставляется в пол.

-- Да ладно тебе, -- начинает было Азамат защищать девочку. -- Ну бывает...

Уд, как ни в чём не бывало, промокает губы салфеткой и в разговорной манере сообщает:

-- Извините, это я. Жалко такую вкуснятину хримгой портить, правда, Хотон-хон?

-- Не говорите, -- машинально реагирую я. -- Вообще не понимаю, как они её пьют.

Алтонгирел, однако, не разделяет нашу женскую солидарность в решении сделать вид, что ничего не было.

-- Вы хотите сказать, что имеете духовные способности? -- подозрительно вопрошает он, щуря глаза на Уд.

-- Да я вообще не очень хочу говорить, -- немного нервно усмехается она.

Ажгдийдимидин закатывает глаза, а потом вперяет их в Алтошу, мол, молчал бы.

-- Послушайте, -- снова принимается резонить Азамат, -- Уд-хон, если вы пытаетесь защитить Айшу, то это лишнее, в конце концов, она в самом начале обучения, а такие вещи очень трудно контролировать...

Уд каркающе смеётся.

-- Да уж мне можете не рассказывать, я не понаслышке знаю, каково это!

Ажгдийдимидин шикает на неё и принимается что-то шипеть, от чего посуда на столе подрагивает и шатается.

-- Сам молчи, -- огрызается на него Уд. -- От тебя вреда поболее будет.

-- Я не совсем понимаю, зачем делать из этого такую страшную тайну, -- встречаю я. -- Тем более, тут вроде бы все свои. Право же, Старейшина, мы вам свои секреты доверяем, чего вы-то так нервничаете?

Ажгдийдимидин собирается с духом и выдавливает:

-- Привычка.

Алтонгирел, которому напомнили о секретах, притухает, возможно, задумавшись о своих собственных. Айша пялится на Уд во все глаза.

-- А вы тоже этот, квазар? -- с детской непосредственностью спрашивает Кир.

-- Нет, -- ухмыляется Уд. -- От этого хотя бы боги избавили, нам одного на семью было вполне достаточно.

-- Может, десерт? -- вклинивается Сурлуг, убедительно изображающий, что ничего не случилось. -- Сынок, принесёшь?

Гардероб, который, кажется, и правда пропустил мимо ушей весь разговор, послушно отправляется на кухню. Сурлуг меж тем поворачивается к Айше и гладит её по голове.

-- Мы за тебя очень рады, -- сообщает он и, в ответ на её недоумевающий взгляд, поясняет: -- Повезло тебе с пробивным наставником. В наше-то время девочек не брали.

Айша сочувственно смотрит на Уд.

-- А можно ещё спросить? -- снова встречается Кир.

-- Может, не стоит, -- замечаю я.

-- Кир, правда, -- начинает Азамат.

-- Я никому слова не скажу! -- настаивает он.

-- Да спрашивай уж, чего теперь-то, -- отмахивается Уд.

-- Я только узнать, вы как-то используете свою силу? Ну, кроме как случайно?

Уд качает головой и некоторое время молчит, потом вздыхает.

-- А как её не использовать? Консультирую немножко, в клубе да по совету, людям ведь надо. Но денег не беру! -- она быстро взглядывает на Азамата.

-- Уд-хон, давайте я поясню, -- тут же реагирует он. -- Я ничего не имею ни против вас лично, ни против других женщин в такой же ситуации. Я здесь не как должностное лицо, просто в гости пришёл. Клянусь, что от меня никто ничего не узнает.

Она кивает с отстранённым видом.

Ажгдийдимидин строит рожи и пишет на своём экране "Сурлуг, я, пожалуй, ещё лет двадцать обойдусь без гостей". Человек-гора заметно грустнеет.

-- Слушайте, Уд, -- негромко зову я. -- А можно я вам тоже вопрос задам, только не при мужчинах?

Она кивает и встаёт, мы вместе выходим в небольшую уютную комнату рядом с гостиной, вероятно, кабинет для общения с опекой.

-- Я вот о чём... -- начинаю я.

-- Я пила таблетки, -- перебивает она, -- и сила никуда не уходила. А уж когда беременная была, вообще из дому выйти было боязно, и так деревянная мебель побеги пускала, а жареный лебедь яйца нёс.

-- Ох мамочки, -- вздыхаю я. -- Что ж у Айши-то будет?

Уд усмехается.

-- Ну вон, муж ваш всё страдает, что на Муданге рождаемость низкая. Вот и подрастёт.

-- Ясно, будем импортировать акушерок в промышленных количествах, -- улыбаюсь я. -- А вы как-то слышите, что я думаю?

-- Нет, я просто знаю, что вы скажете, и мне лень ждать до конца фразы, -- легко отвечает она.

-- Понятно, спасибо. Надеюсь, вас это не очень...

-- Не напрягло, нет, мне вообще всё равно, это Ажги у нас переживает. Даже в мужья мне своего парня пристроил, привычного к чудесам.

-- В смысле как -- своего парня? -- не понимаю я.

-- Ну, пару свою первую, -- пожимает плечами Уд. -- Очень заботится обо мне братик, всё считает, что должен мне что-то за то, что я с ним в детстве силу разделила.

-- Разделили? -- морщит лоб я. -- Так вы с этим не родились?

-- Нет, -- мотает головой она. -- Его ж не запечатали в детстве. А потом годам к шести сила показалась, и начал он помирать потихоньку. Мать у нас только реветь и умела, отец упёрся, мол, если Совет Старейшин ответа не даёт, значит, ничего и не попишешь. А я пошла к Старому Угуну. Вы его не застали, был у нас такой трактирщик, мудрейший человек! Сам не духовник, но знал все их дела что снаружи, что с изнанки. Он мне и подсказал, мол, есть такой ритуал, чтобы разделить силу. Книжку с указаниями я выманила у одного знающего. Ну и вот.

-- И вам всю жизнь приходится это скрывать?

Она снова пожимает плечами.

-- Ну как, Ажги знает, муж-дети тоже, Сурлуг... Ну и клиентура, так сказать. Женщине гораздо приятнее с другой женщиной поговорить о своих бедах, правда же? Я бы, может, и стала знающей, но Ажги не дал, опять же, мужа обеспеченного подсунул, чтобы соблазна было меньше. Над репутацией моей трясётся, клиентов моих заговаривает, чтоб не трепались. Хороший он, мне жалко его расстраивать. Мне вообще всех жалко. И вы не заморачивайтесь. У вас на Земле, наверное, всё по-другому, мы вам дикарями кажемся, -- улыбается она. -- Но мне моя жизнь нравится, что бы там Ажги ни думал.

-- Надеюсь, что так, -- вздыхаю я.

Мы возвращаемся в гостиную, где за это время более-менее возобновился разговор. Вернее, как выясняется, это не совсем разговор: Кир с Айшей обсели Ажгдидимидина и заставляют его говорить вслух. Айша при этом его внимательно разглядывает, то ли пытается уяснить, где какие энергетические потоки проходят, то ли просто вышивку на диле интересная. Алтонгирел сидит подле них с

кислой миной и ворчит, что кто-то слишком потекает этим голодранцам. Сурлуг с влажными глазами ловит каждое слово, которое удаётся выговорить его паре и тут же делится восторгом с Азаматом, который всячески одобряет происходящее. Гардероб ест десерт.

-- Ого, да ты тут речи толкаешь, -- усмехается Уд, присаживаясь рядом. -- Давай-давай, тренируйся, авось ещё споёшь нам когда-нибудь!

Ажгдийдимидин мотает головой.

-- Вот уж петь точно не выйдет, -- сипит он.

-- Ну хоть станцуешь, может, -- мечтательно предлагает Сурлуг. -
- Ты же так танцевал, боги...

Старейшина поджимает губы, а Уд отмахивается.

-- Ты уж ему душу не бери. Ажги, может, у тебя ещё откачать, тогда и запоёшь?

Ажгдийдимидин заходится кашлем в попытке что-то сказать, и тут я вижу, что у него закатываются глаза -- не как жест, а как обморок. Подлетаю, чтобы его подхватить, когда начнёт заваливаться, но он каким-то чудом остаётся сидеть, и буквально через несколько секунд приходит в себя.

-- Ирлик-хон, -- выговаривает он, -- хочет поговорить.

Мы с Азаматом синхронно хватаемся за мобильники. Выясняется, что свой я забыла то ли в больнице, то ли в машине, а Азаматов выключен, чтобы не доставали с работы во время застолья. При включении на нём обнаруживается три неотвеченных звонка от Ирлика.

-- Ох ты ж, что-то важное, -- хмурится он. -- Лиз, пойдём позвоним ему. Кир, не мучай Старейшину, дай отдохнуть.

Мы выскакиваем в тот же исповедальный кабинет, где Азамат суёт мне телефон, пробормотав что-то из области "он наверняка с тобой хочет поговорить". Я ставлю на громкую связь и звоню.

-- А, Лиза, -- как-то отвлечённо произносит Ирлик, беря трубку.
-- Я немного занят, у тебя что-то срочное?

-- Мне духовник сказал, что ты просил позвонить. Я думала, это у тебя что-то срочное...

-- Мне до завтра надо прописать четыре сцены в игре, -- вздыхает Ирлик. -- Духовник, говоришь... Это который?

-- Старший, -- поясняю я. -- И ты Азамату трижды звонил за последний час...

-- М-м, -- на том конце возникает долгая пауза, изредка слышатся клики и стук клавиш. Наконец снова возникает голос. -- Вот, открыл напоминальник, так... Это к тебе отношения не имеет, это тоже... не то, не то... А, вот, может, вот это. У вас там чего вообще происходит? Какие новости?

-- Мы в гостях у Ажгдийдимидина.

-- Мгм, -- так же отрешённо комментирует Ирлик. -- А на работе что слышно?

-- Ну-у, у нас тут один из врачей проболтался про хозяев леса... - начинаю я.

-- Та-ак, -- голос Ирлика становится гораздо более заинтересованным. -- Ну-ка давай поподробнее!

Я рассказываю всё как есть, включая последние требования прислать особь. Ирлик поддакивает и бормочет что-то себе под нос.

-- Отлично, -- заключает он, когда я заканчиваю. -- Теперь скажи мне, этим твоим учёным ведь всё равно, что именно ты им пришлешь, лишь бы инопланетное, так?

-- Ну, им конкретно обещали разумное существо, развившееся независимо от земной жизни.

-- То есть, бог им тоже сгодится, да ведь?

-- Ты что, сам решил на опыты сдать? -- недоверчиво интересуюсь я. Неужто оправдались мои задумки?

-- Не-не-не! Ты что, у меня пять проектов до конца месяца, какие опыты! Я, может, загляну на Землю, там пара конференций интересных будет, но скорее всего анонимно. Зато у меня тут под ногами уже который день вертится Умукх, подыкает со скуки и просит рассказать ему, как работает земная медицина. Вот его-то и надо отправить на опыты, пока я его не зашиб ненароком. Пускай ваших учёных расспрашивает, раз вопросы задавать научился.

-- Погоди-ка, -- хмурюсь я. -- Умукх -- это который покровитель целителей и музыки, так?

-- Ага, -- подтверждает Ирлик. -- И не только музыки, вообще всякого искусства. С музыки он начинал, но с тех пор подгрёб прилично, с умом-то это легко.

-- А на Муданге что будет происходить, пока он будет на Земле?
-- настораживаюсь я. -- Помнишь, когда ты сидел в пещере, муданжцы не могли джингошей победить? Тут не будет такого же эффекта?

-- Ну вы договоритесь, чтобы его там раз в три-четыре месяца домой отпускали за хозяйством присмотреть. Вам-то, землянам, ни жарко, ни холодно от его присутствия. А за местными целителями заместители справятся присматривать, у него всяких духов полно для этого, не то что я -- один за всех. Главное с ним условиться, чтобы больших праздников без него не проводить, а то будет у вас музыка паршивая.

-- А художники? -- спрашивает Азамат.

-- А, Ахмад-хон, и ты там! Здравствуй-здравствуй. Художники... посложнее немного, насколько я понимаю, но они могут, например, перед работой ему гуйхалахчик на телефон скинуть, а он в ответ благословение. В цифровом виде и с Земли без потерь дойдёт. Надо попробовать, если так не выйдет, то можно аудио файлом... Но Умукх в технологиях плохо разбирается, так что, я думаю, согнёт их под себя, как ему удобнее.

-- Что-то у меня закрадывается ощущение, -- говорю, -- что ты это всё заранее продумал. А следственно возникает вопрос...

-- Ты мой портрет вышила? -- перебивает Ирлик.

-- Ещё нет, когда бы я успела?

-- Вот вышьешь, будешь вопросы задавать. А пока что я занят. Азамат, слушай внимательно. Умукха одного на Землю посылать нельзя, он хуже Хоса в человеческих делах понимает. Ты, кажется, собирался туда с официальным визитом -- вот тогда его и прихватишь, да на коротком поводке, потому что он может заблудиться в пустой комнате. Сам понимаешь, творческая натура... Говорит он так себе, но понимает хорошо и вежливый. Так что давай, планируй свой визит, как о сроках договоришься, сразу мне пиши, я его тебе к звездолёту доставлю, чтобы по дороге не потерялся. Идёт?

-- Идёт, -- без выражения подтверждает Азамат, и на лице у него написано, что мы все плотно влипли.

-- Вот и отлично! -- доносится из трубки. -- Чмоки, меня ждёт работа!

И трубка вешается.

Глава 37

Я снимаю наушники и с наслаждением потягиваюсь. Взгляд падает на календарь -- завтра будет год как мы с Азаматом поженились. Муданжский год. В столице снова слякотно, мокрый снег шлёпается с неба прямо на цветущую черёмуху, от чего её запах становится тяжёлым и густым, кружит голову и зовёт заниматься любовью. Вчера было вообще невыносимо, весь день наяву смотрела влажные сны, и в итоге в обед затащила голодного мужа в какой-то чулан, боже мой, как в школе...

Так, хватит. Всего три часа до ужина, ещё кучу дел надо переделать, потерплю до вечера, большая уже девочка. Скоро Кир придёт из клуба, мокрый вдрызг -- и где он умудряется, ведь по всему городу давным-давно нормальные тротуары и пешеходные дорожки, их даже регулярно чистят! Такое впечатление, что Унгуц детей не столько учит, сколько в снегу валяет.

Я вздыхаю, качая головой, и снова получаю заряд черёмухи в лёгкие. Кто бы мог подумать, что вот эта пасмурная хлябь за окном может так возбуждать. Пойти, что ли, правда к Азамату поприставать... Янка на днях в людном месте ущипнула Ирнчина за зад. Я ей, конечно, высказала всё, что я по этому поводу думаю, -- когда остановила кровь из нескольких присутствовавших носов и откачала пожилого духовника с гипертонией. Но завидно немного, всё-таки с Императором такой номер не пройдёт, ему же надо поддерживать репутацию, и всё такое. Но завидно.

Стоп, сосредоточилась. Надо отправить задание и пойти на вечерний обход.

Муданжская зима -- тихое и сонное мероприятие, которое тянется шесть месяцев и почти не удостоивается внимания местного солнца. Луна, хотя бы одна из трёх, торчит на небе почти круглые сутки, причём по прихоти орбит, зимой луны подходят к планете гораздо ближе, чем в тёплые сезоны, так что мрак стоит не совсем непроглядный, иногда даже светло. Но общей сонливости это не мешает, люди ползают по привычным делам сквозь завалы снега, ленятся заниматься собой, продажи падают, экономика уходит в спячку. Разве что в Сети остаётся какая-то активность, поскольку большинство сидит по домам, уткнув носы в экраны и мучительно пытается найти какие-нибудь интересные, но ненапряжные занятия.

Скорее всего, только благодаря этому моя жизнь наконец-то вошла в более-менее стабильное русло. Конечно, когда твой день состоит из младенца, подростка, Императора, хозяина леса в переходном возрасте, забегавшего по рыбным дням бога, долбанутого на всю голову духовника, полунемого Старейшины, их поделённой на двоих ученицы, а также разнообразных друзей и родственников, престарелых и не очень, говорить о стабильности можно только в относительном плане, то есть, по сравнению с тем цирковым представлением, которое притворялось моей жизнью летом и осенью. Да и вообще, я бы не сказала, что количество приключений на единицу времени стало меньше, скорее просто я научилась вписывать их в своё расписание так, что режим не нарушается.

Поэтому за зиму мне удалось совершить довольно много всего, за что я взялась невесть когда и что почти похоронила под горами сиюминутных проблем. В частности, я закончила переводить на мударжский самую свежую медицинскую энциклопедию. В дальнейшей судьбе моего труда неожиданно принял участие Ирлик, вдохновлённый успешным созданием собственного официального сайта. Теперь любой целитель может открыть Сеть и найти все интересующие его симптомы с фотографиями, возможными причинами и рекомендациями по лечению. Естественно, настоящего медицинского образования это не заменяет, но всё же лучше, чем ничего. Да и потом, Ирлик с Бэром расщедрились на такой дизайн, что многие зависают на сайте просто чтобы полюбоваться -- а там, может, узнают что-нибудь новое...

Впрочем, на одно любопытство я не полагаюсь. Целитель Ндис (заслуженно носящий прозвище "любопытный") давно уже оседлал мою совесть и не давал мне спокойно спать по ночам, намекая, что неплохо бы возобновить наши с ним встречи для обмена опытом. Таскаться в полутьме по снегу к нему домой мне было лень даже на Пудинге, да и не один Ндис нуждался в просвещении, так что обсудив этот вопрос с Азаматом и другими земными врачами, мы составили трёхлетний план повышения квалификации мударжских целителей, и теперь бедняги обязаны каждый день подключаться к вебинару и периодически сдавать экзамены. Пока что читаем теорию, практику решили оставить на лето, когда перемещения по планете не будут составлять столько труда. Конечно, хорошо бы отправить всех этих

ребят в нормальный институт, но на всеобщем они говорят ни шатко ни валко, то есть, сначала пришлось бы обучать их языку, потом они бы все уехали на несколько лет... а лечить кто будет? Земных врачей на планете по-прежнему шестеро, считая меня. Конечно, теперь, когда Азамат наконец-то втащил упирающийся Муданг за уши в Земной Союз, шансы позвать к нам ещё несколько десятков подходящих кадров несколько выросли, но всё равно треклятый языковой барьер, всё равно качество жизни на Муданге ещё оставляет желать лучшего. Вот поедем с официальным визитом на Землю, будем там вместе решать, с какого края расхлёбывать эту кашу.

Кстати об официальных. В последний день перед окончательным рассмотрением пригодности Муданга для вступления в ЗС, точнее, в последнюю ночь, уже часа так в четыре, меня растолкал слегка безумного вида Азамат -- взъерошенный, с вытаращенными глазами в тёмных кругах и попахивающий вчерашним потом (меня, конечно, возбуждает запах его тела, но не перепревший на рубашке) и страшным шёпотом объяснил, что проглядел в требованиях обязательное существование министерств образования и здравоохранения. Ну, образование Унгуц быстренько сляпал под своим руководством, а ты, Лиза, заявление на министерский пост подпишешь?

Утром я проснулась в твёрдой уверенности, что это был сон, а нет, я теперь и правда министр. Не могу сказать, что моя жизнь от этого как-то изменилась -- министерства-то нет! -- но сам по себе официальный статус облегчил некоторые задачи. В частности, целители слушают внимательнее, когда демонстрируешь им бумагу с печатью.

Потягиваясь и растирая уши после вебинара, я неторопливо двигаюсь на обход. Зимой в Дом Целителей являются только при смерти, кто может терпеть -- тот терпит, выходить из дому в потёмки и лютый мороз себе дороже, а с муданжским здоровьем терпеть они могут долго. Конечно, мы ездим на вызовы по домам, но я сегодня дежурю на базе, а тут всего трое стабильных больных, которых даже не приходится очень долго уговаривать проглотить лекарства. Так что после обхода у меня остаётся ещё немножко времени на вышивание.

С трудом веря в своё счастье, я закрепляю последний стежок. Портрет Ирлика наконец-то закончен, осталось простирнуть и

оформить рамкой. Я накидываю его верхним краем на ширму и отхожу полюбоваться. Получилось даже лучше, чем я воображала -- картинка прямо греет душу, но чрезмерной слащавостью не отдаёт. От медового тепла я расслабляюсь и прикрываю глаза и плыву в потоке черёмухи то ли в тёплую утреннюю постель, то ли на уединённый пляжик летнего Дола...

-- Ма? -- прерывает мои фантазии голос за спиной. Я слегка подпрыгиваю. -- Ой, извини, я просто решил за тобой зайти, время уже к ужину. Ты дошла Ирлика, да?

Я оборачиваюсь. Кир на удивление сухой. Впрочем, если он за мной зашёл, значит, сегодня на машине, а там надо умудриться промокнуть.

-- Да, представляешь, вот только что. Как тебе?

-- Похож, -- щерится Кир из дверного проёма. -- Я думаю, ему понравится. Ну давай, собирай его и пошли, а то я мотор не выключил.

-- Ну Ки-ир, -- ворчу я, спешно складывая канву. -- Я тебе сколько раз объясняла, что нехорошо оставлять...

-- Да знаю, но блин, там холодно, как где, и если печку вырубить, сразу сыро в салоне. Сама всё время боишься, что я простужусь. У отца вот печка от отдельной батареи запитана, а у меня пока на дополнительную денег нет.

-- Одолжить? -- усмехаюсь я, выходя в коридор и одновременно натягивая пуховик.

-- Лучше работы подбрось, -- бухтит ребёнок, выпячивая задетую гордость.

-- А учиться кто будет? Унгуц говорит, ты опять тест списал?

Кир поджимает губы и высокомерно молчит.

Я, в принципе, догадываюсь, что тест списал не он, а у него, и скорее всего это была девочка, а Кир где не надо настоящий джентльмен и не может выдать даму.

-- Эту проблему я решу, -- наконец выдаёт он сквозь зубы, подтверждая мою догадку.

Я оставляю его в покое.

Мы выходим на крыльцо и грузимся в большой тёплый тазикообразный автомобиль, который Кир покупал в виде деталей чуть не всю зиму и собрал под чутким руководством Азамата дюжину дней назад. Это, конечно, больше выпендрёж, чем необходимость, и даже

теперь пользуется он своей машиной только в снежно-дождливую погоду, а так ходит до Унгуцева дома пешком. Но зато когда на улице вот такое, как сейчас, я имею личный транспорт до работы и обратно. Я могла бы, конечно, и сама обзавестись колёсным средством с крышей, но в зимних потёмках водить уж очень стрёмно, а Кир намного лучше меня видит.

На заднем сиденье раздаётся приветственное посвистывание -- Филин рад меня видеть. Он знает, что я не люблю, когда в меня тычутся мокрым носом, поэтому терпеливо сдерживает свои эмоции, пока я его глажу между ушами. На зиму Филин отрастил мех такой длины и густоты и так отъелся, что теперь и правда выглядит, как совёнок -- шар из пуха, огромные глаза, и только лапки торчат.

-- Как твои успехи? -- интересуюсь, когда Кир выезжает на прямую безлюдную улицу.

В ответ он вздыхает.

-- Ма, а на Земле девочки тоже вместе с парнями учатся?

-- Да, конечно, -- удивлённо киваю я.

-- Вот шакал, -- снова вздыхает он. -- Они так отвлекают!

-- Привыкай, -- усмехаюсь. -- Всю жизнь будут отвлекать.

-- Не, ну, я ж когда-нибудь женюсь, тогда-то перестанут!

-- Откуда такая уверенность?

-- Как откуда? Вот отец на тебе женился, ему теперь на всех остальных баб положить с п...

-- Кир!

-- Да, да, короче, ты поняла.

-- Я-то поняла, но почему ты думаешь, что я его не отвлекаю?

-- Ты хотя бы с ним в одной комнате не сидишь целый день, -- кривится ребёнок. -- Приехали. Ты иди, я загоню в гараж.

Я выгружаюсь на крыльцо и забираю с собой Филина, который норовит вляпаться по самое пузо в снежно-грязевую кашу. Вместе мы ожидаем Кира в предбаннике чёрного хода.

-- Филин, мыться! -- командует Кир.

Пёс послушно цокает в сторону ванной, где его уже ждёт слуга с полотенцем.

-- А чего Айша с Хосом на ужин не пришли? Вроде погода не для гуляний.

-- Хос сегодня работает, он с отцом придёт, какие-то карты они там рисуют, что ли... А Айшу я подвёз к Ажгдийдимидину. В клуб сегодня заходила Орешница, учила девчонок чё-то там вышивать, так что Айша раздаёт подарки. Мне вот штуку какую-то сделала, -- он достаёт из ксивника, который носит под дилем, маленький кулончик из кусочка бирюзы, обшитого земным бисером, который я покупала специально для клуба. Возраст и умения мастерицы по изделию очевидны, но для Айши это большое достижение, у неё очень плохо развита мелкая моторика.

-- Она молодец, -- хвалю я.

-- Я то же самое сказал, -- кивает Кир. -- А Хос от таких штук просто тащится, он до сих пор не может бусинку в пальцы взять. Хорошо, отец придумал ему колпачок на коготь надевать, так он хоть по экрану писать буквы может. Стилус-то еле-еле держит, и через пять минут пальцы сводит, говорит.

-- Бедняга, -- успеваю сказать я, когда из ванной выбегает счастливый Филин и нам с Киrom приходится прятаться за углом, чтобы не попасть под фонтан брызг, которые он задорно стряхивает, несмотря на полотенце.

Кир смеётся и вызывает лифт.

-- Слушай, -- вспоминаю я уже в лифте, -- так ведь Айшины поделки небось не просто так побрякушки, если я хоть что-нибудь понимаю в этих духовничьих заморочках.

-- Естественно, -- фыркает Кир. -- В клубе уже такая очередь выстроилась на её поделки, чума! Но у неё всё чётко -- первую мне, потом наставникам своим по штуке, потом Унгуцу и вам с отцом, а там уж все остальные. Кстати, не знаю, для Алэка надо бы попросить, но он же носить не может, мелкий...

-- На одёжку пришить можно, он это любит, -- предлагаю я.

-- Тоже верно. Короче, в клубе все пока получают цацки от Атех.

Я моргаю, приспособливая зрение к полутёмному коридору на нашем этаже.

-- Атех -- это же дочь того знающего, Авьяса, -- припоминаю, хмурясь.

-- Ну да, -- кивает Кир, -- она тоже к нам в клуб ходит. Ты не знала?

-- Нет... А почему? Она же довольно далеко живёт.

-- Авьяс купил ей с матерью дом в столице, теперь тут живёт. Она тоже знающая. Ну, в смысле, со способностями, как Айша. Конечно, не такая крутая, но всё равно. Ей в обычном клубе дроздец, бьют и всё такое. Я с ней немножко познакомился, когда она у нас лечилась, ну и попросил Унгуца её тоже взять. Она неплохая девка, да и родоки у неё нормальные. Конечно, папашка -- знающий, но в остальном ничего. Очень тебя уважает.

-- Да уж, я думаю. Ты решил всех сырых и убогих в свой клуб собрать, что ли?

-- Не, -- ухмыляется Кир, -- только симпатичных.

Я кошусь на него испепеляющим взглядом.

-- Шутка, шутка! -- хохочет он. -- О-о, смотри кто идёт!

Мы только что зашли в гостиную, и навстречу нам движутся Тирбиш и Алэк. Мелкий усердно переставляет задние лапки, вцепившись передними в пальцы Тирбиша так, что кончики побелели.

-- Мы идём вас встречать! -- радостно сообщает Тирбиш.

-- Пальцы тебе не оторвёт? -- интересуюсь я, приседая и протягивая руки навстречу деточке.

-- Ничего, они крепко держатся, -- бодро отвечает Тирбиш. -- Ну давай ещё немножко, топ-топ и к маме!

Алэк наконец достигает финиша и победоносно забирается ко мне на ручки.

-- Ишь ты какой прыткий сегодня! Тирбиша небось вымотал, а?

Алэк довольно лепечет что-то подозрительно похожее на "Ещё как!"

Тирбиш и правда с трудом держит глаза открытыми.

-- Да уж, князь весьма... энергичный. Капитан заходил сегодня днём, занимался с ним гимнастикой, я немного вздремнул, признаюсь... А то он последнее время совсем перестал днём спать.

Алэк, всячески подтверждая слова няни, принимается прыгать у меня на руках, издавать боевые кличи и тянуть у Кира из карманов мелкие предметы.

-- Если так тяжело с ним, давай мы тебе сменщика возьмём, может, из братьев твоих кто захочет? -- предлагаю я. -- На твоей зарплате это не скажется, ты и так всю жизнь в нашего ребёнка вкладываешь. Или хочешь отпуск?

-- Я даже не знаю, -- зевает бедняга. -- Пока он не ходил, такой спокойный был, вообще ничего не надо человеку, мне даже неудобно было, что я такие деньги получаю ни за что. А теперь вдруг фейерверк, как будто всё это время силы копил. Уже гимнастика два раза в день, а всё равно не устаёт. Если так и дальше пойдёт, я и правда один не справлюсь.

-- Судя по тому, что говорит Азаматова матушка, дальше будет только хуже, -- усмехаюсь я, слегка подкидывая ребёнка на руках, чтобы поудобнее перехватить.

-- Со мной у Гхана были те же проблемы, -- замечает Кир, ловя Алэка за руки прежде чем он успевает вцепиться мне в волосы. -- Да, братан, все мы одной кудели, а?

Алэк радостно соглашается и принимается переползать на Кира. После того как Азамат месяц назад начал с ним заниматься детской гимнастикой, ребёнок совершенно превратился в обезьянку, и хотя ходит пока ещё шатко, отлично висит на руках, помогая себе свежеоттощенными зубами.

Тирбиш слегка покачивается на ногах, и Кир делает предупредительный выпад, чтобы его поймать.

-- Ничо, стою пока, -- отмахивается тот.

-- Иди уже спать, -- говорю. -- Завтра обсудим, кого тебе в пару взять. И рано не приходи, где-нибудь к обеду. У меня утро свободное, сама повожусь.

-- Вы потом не встанете, -- усмехается он, но послушно топает прочь, даже не пожелав Алэку спокойной ночи.

-- Буууу! -- возмущается мелкий.

-- Сам виноват, -- радостно сообщаем ему мы с Киrom.

Азамат даже не опаздывает на ужин, что для него большая редкость -- обычно мне приходится идти и отдирать его от кресла сквозь протестующие вопли Старейшин и прочих злых духов. Сегодня же он является без напоминания, ест с аппетитом и болтает с Киrom о девочках, периодически бросая на меня загадочные взгляды. Хоса с ним нет, кошака пробило на ночные прогулки. Тоже, видать, весна. После ужина мы немножко играем в настольную игру, для которой приспособили плюшевые игральные кости -- их можно кидать Алэку, чтобы он приносил. Он это делает с удовольствием, но так устаёт, что

через часок наконец-то начинает засыпать. Я излагаю мужу ситуацию с Тирбишем, и он обещает поискать сменную няню.

Наконец дети распиханы по койкам, и мы остаёмся одни. Я иду наливать ванну с расслабляющей пеной, пока муж раскладывает нам на утро одежду -- в нашей мультикультурной семье обычно я не знаю, где лежат носки.

Ванна большая, и мы спокойно помещаемся туда оба, но Азамат немного удивляется, когда я заносу ногу присоединиться к нему. На мой немой вопрос он пожимает плечами.

-- Я уж думал, впал в немилость. Ты последнее время раньше моешься.

-- Ты последнее время на ужин опаздываешь, а потом ковыряешься в тарелке два часа. Я, в отличие от некоторых, не могу обходиться пятью часами сна.

Он раскладывает руку по бортику, чтобы мне было на что прилечь.

-- Что поделаться, с этим вступлением с Союз очень много работы, а я тоже не железный, устаю. Вот, ты бы заходила почаще, как вчера. Может, я был бы пободрее.

-- Мне казалось, я тебе помешала? -- приподнимаю бровь я.

-- Конечно, -- с покер-фейсом кивает он. -- Все планы сбила, можно сказать. Пришлось вместо работы прийти сюда и позаниматься с Алэком сверх нормы, ни на чём больше сосредоточиться не мог.

-- Ты хоть пообедал, бедолажка? -- сочувственно глажу его по голове мокрой рукой, пуская по виску ручейки.

-- Можешь не беспокоиться, -- прикрывает глаза он. -- Я уже установил опытным путём, что если вовремя не поем, становлюсь недееспособным. Не те мои годы.

-- Годы твои ещё ого-го, но я рада, что ты больше о себе заботишься. Теперь бы ещё на ужин приходил, как сегодня... А то вот, - - пытаюсь ущипнуть его согнутыми пальцами за живот, но ничего не выходит, с тем же успехом можно щипать лист железа, -- у нормальных людей на этом месте жирок, а у тебя и кожа-то внатяг.

-- Зато когда я не прихожу вовремя, -- улыбается он, ловя мою руку, -- ты являешься в ореоле праведного гнева и вызволяешь меня из кабинетного плена. А если Старейшинам долго не напоминать,

насколько грозна моя супруга, они вообще забывают, что мне нужно есть и спать.

-- И ещё кое-что, -- добавляю я.

-- И ещё кое-что, -- соглашается он.

Мы целуемся долго и сладко, с ленцой, как будто напоминаем друг другу, что это нормально и обычно, что это не кончится внезапно и не придётся никуда бежать, что ни один из нас не исчезнет и не окажется выдумкой, а потому мы можем себе позволить потратить полжизни на поцелуй, не боясь, что на дальнейшее не хватит времени. Потом Азамат утыкается носом мне в шею и некоторое время так лежит, его спокойное дыхание ритмично колышет мою кудряшку, и мне щекотно.

Я только собираюсь поинтересоваться, не заснул ли он, как он спрашивает внезапно не в тему:

-- Давно Кира девочки... отвлекают?

-- Не знаю, но он уже который раз позволяет кому-то у себя списывать, а потом этого кого-то покрывает. Я как раз хотела у тебя спросить, нормально ли это в его возрасте.

-- Вообще рановато немного, мог бы ещё годик-другой побыть ребёнком. Но, во-первых, приютские дети часто раньше взрослеют, не знаю уж, почему. А во-вторых, я и сам был молодой да ранний. Так что, наверное, это закономерно.

-- Да, я помню, Алтоша как-то раз упомянул, что ты раньше всех сверстников девственность потерял, -- усмехаюсь я.

-- Какие он интересные вещи про меня рассказывает, -- замечает Азамат. -- Но я не думаю, что одно с другим связано. Как ты выражаешься, девственность я потерял из любопытства. Вряд ли этим можно объяснить раннее взросление.

-- И кто она была? -- спрашиваю я, по возможности не выдавая своего любопытства.

Азамат вздыхает и смотрит на меня, обдумывая, говорить или нет. Потом всё-таки признаётся.

-- Устрица.

-- О как! -- не удерживаюсь я.

-- Ну а кто ещё захочет с мальчишкой?..

-- Не знаю, мне вообще кажется, что они -- какой-то миф. Я до сих пор ни одной не видела.

-- Так они же не ходят по улицам с плакатами, знаешь ли. А в тех местах, где они находят себе мужчин, ты не бываешь.

-- Я, честно говоря, ждала, что хоть одна придёт ко мне как к целителю, им же не очень здорово от этого, как я понимаю?

-- Совсем не здорово, -- качает головой Азамат. -- Но на целителя у них обычно нет денег. погоди, вот, надеюсь, в следующем году сделаем государственное страхование здоровья, тогда, может, придут. А кто у тебя был первым?

Переход настолько неожиданный, что я не сразу понимаю, о чём он. Зато когда понимаю, начинаю ржать так, что приходится перевернуться спиной вверх, чтобы не утонуть.

-- Ещё хуже, чем у тебя. Вот честно, какой-то мужик! На свадьбе у подруги. Причём никто потом не помнил, чей он был приятель. Пьяные все были в дрова, собсно, свадьбы в восемнадцать лет -- они такие.

-- Ты оправдываешься, -- удивлённо замечает Азамат.

-- Ну да, наверное... -- притормаживаю я. -- Просто я не то чтобы гордилась этим поступком.

-- Я своим тоже не горжусь, -- отчётливо произносит Азамат, притягивая меня поближе. -- Ты же не думаешь, что моё мнение о тебе может измениться из-за какой-то информации.

Я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь понять, к чему он это.

-- Ты хочешь сказать, что будешь меня любить даже если прочитаешь все мои посты в соцсетях с шестилетнего возраста?

Он поднимает брови.

-- Да. А ты писала в соцсетях с шестилетнего возраста?

-- Естественно, а ты что, нет?

-- Я, по-моему, ни разу в жизни ничего не писал в соцсетях.

-- А как же ты собираешься доказывать детям и внукам, что в своё время был таким же идиотом? -- ужасаюсь я.

-- А зачем? -- фыркает Азамат.

-- Ну как, чтобы они не чувствовали себя позором семьи...

Азамат заходится хохотом так, что вода выплёскивается через край.

-- Ой не могу, земное воспитание! Боги, мой отец прилагал все усилия, чтобы я постоянно чувствовал себя позором семьи!

-- Но ты же не думаешь, что это правильно?

-- Нет, -- он переводит дух. -- Я вон даже Арона заставил отдать детей Унгуцу в клуб, чтобы были под присмотром. А то опять у мальчика на руках такие синяки, что мне Арона хочется закатать в дорожное покрытие.

-- Я чувствую, в этом клубе у Унгуца скоро весь Муданг соберётся.

-- Пусть, -- улыбается Азамат. -- Кир с большим удовольствием их всех воспитает. Эцаган уже поставил на поток дела о домашнем насилии, пятнадцать процессов за зиму, все очевидные. Мне даже интересно, когда люди наконец поймут, что сорок раз розгами -- это не повод для гордости.

-- Надеюсь, что до того, как вы все вымрете, -- оптимистично замечаю я.

-- Кстати, -- Азамат меняет положение, прильнув ко мне вдоль всего тела (моего, я короче). -- О вымирании. То есть, я понимаю, что к ещё одному ребёнку ты пока не готова, но... мы сегодня только болтать будем?

Он проводит тыльной стороной пальца вдоль моего позвоночника, посылая по всему телу тёплую дрожь. Это по-прежнему редкость, что он первым намекает. Обычно если я не проявляю заинтересованности, он делает вид, что ему ничего не нужно.

-- Да я уже давно готова, это ты про Кира начал говорить, -- отвечаю. -- Я сегодня вообще весь день минуты считаю, когда наконец до тебя доберусь.

-- Правда считаешь? -- неуверенно улыбается он.

-- Ещё как! У меня на работе всё пропиталось этим черёмуховым запахом, я думала, не доживу до вечера. Вчера и не дожидаясь, собственно, пришла тебя насилловать.

-- А что такого в этом запахе? -- отвлекается он.

-- Ну как, помнишь, когда мы только прилетели прошлой весной, тоже черёмуха цвела. Помнишь, как я скакала перед Домом Старейшин? Так у меня от этого запаха постоянно такое же настроение.

Его улыбка как будто немного спадает.

-- Ты вспоминаешь об этом, -- медленно говорит он, -- потому что тогда чувства были сильнее?

-- Чувство паники и желание прибить человек как-эдак восемнадцать? Да, безусловно, -- усмехаюсь я. Но видя, что он готов обратить всё в шутку, перехожу на более серьёзный тон. -- Нет, я думаю, не были. По крайней мере, я не помню, чтобы хоть раз было как сегодня, когда я полдня не могла ни о чём думать кроме как о том, чтобы тебя раздеть и отъестествовать.

Он напряжённо прикусывает губу -- простой жест, который возвращает все мои дневные эмоции без купюр.

-- Можно поинтересоваться, что я сделал, чтобы вызвать у тебя такое желание?

Я пожимаю одним плечом, торчащим над водой.

-- Прожил со мной год, не сбежал и не оказался выдумкой?

Он целует меня в уголок губ и практически мне в рот шепчет:

-- Даже если б я был выдумкой, ради тебя я бы стал реальностью.

С Алэком очень трудно играть в прятки. Когда прячется он, я серьёзно подолгу не могу его найти, потому что жилая часть дворца довольно большая, в ней куча шкафов, тумбочек и поддиваний, в которые прекрасно помещается годовалый ребёнок. При этом суть игры он понимает хорошо, ползает резво и сидит тихо, так что если не мухлевать -- не смотреть, куда он направился, и не сверяться с ребёнколокатором, -- то я всерьёз иногда не могу его найти. Когда же прячусь я, он, похоже, находит меня по запаху, иначе я не могу объяснить, как он умудряется обнаруживать меня со стопроцентным попаданием.

И вот, забралась это я на антресоли в надежде, что хоть на этот раз ребёнок помыкается вокруг чуть подольше, и мне удастся немного перевести дух, и тут дверь гостиной открывается, являя моему взору в щель между дверцами высокого благообразного старца в шубе и носках.

Я очень, очень хочу сделать вид, что никого нет дома, но при мысли, как отреагирует Арават на моё выпадение с антресолей, меня разбирает такой смех, что сдержаться не удаётся. Да ещё Алэк как раз в этот момент вырывается из спальни и безошибочно устремляется к моему убежищу с криком: "Мама! Насё!"

Нашёл, паразитик.

Мучительно собрав волю в кулак, я открываю дверцу и спрыгиваю на ковёр, стараясь сохранить нейтральное выражение лица, как будто это не я среди бела дня прячусь в антресолях между запасными дифжир. Арават провожает моё низвержение пустым взглядом.

Алэк ужасно радуется и поднимается на неустойчивые ножки, тут же схватившись за мою юбку.

-- Умница, маленький, нашёл маму! -- хвалю я, про себя скрежеща зубами и напряжённо ожидая собирающейся бури.

-- Нашего брата не проведёшь, -- неожиданно мирно замечает Арават, наконец-то входя в гостиную и закрывая за собой дверь.

Впрочем, когда я поднимаю взгляд, вижу по его перекошенному лицу, что непринуждённый тон дался ему с таким же трудом, как мне прыжок вниз. Неужто решил проявить тактичность? Он же такого слова не знает! Как бы там ни было, главное не начать оправдываться, ещё не хватало позволить ему заставить меня неловко себя чувствовать.

-- Здравствуй, -- демонстрирую я поверхностную вежливость. -- А что же ты не предупредил, что зайдёшь? Я бы с кухонь чего-нибудь вкусного заказала.

-- Я не знал, будет ли у меня время, -- как-то неубедительно бормочет Арават. -- Ездил к другу на Орл, а тут долхотскую дорогу завалило снежной лавиной, сегодня не проехать.

-- Так тебе переночевать надо? -- уточняю я.

-- Не волнуйся, -- поджимает губы он, -- постоянные дворы в столице ещё не перевелись.

Я закатываю глаза. По мне-то пусть бы он и правда на постоялом дворе остановился, но Азамат расстроится, а то и вовсе силком его посреди ночи сюда притащит, так уже случилось разок.

-- Азамат будет рад, если ты останешься у нас, -- сообщаю я, стараясь не кривить душой. -- Кир, кстати, тоже давно тебя не видел. Так что выбирай себе гостевую комнату, шубу можешь оставить в коридоре на вешалке, чтобы её почистили от снега. Кстати, спасибо, что сапоги снял.

Арават пару секунд колеблется, принимать ли моё не слишком радушное приглашение, но потом всё-таки начинает расстёгивать шубу.

-- После прошлого раза я к тебе в сапогах на артун не подойду, -- бросает он, выходя в коридор.

Я, конечно, понимаю, что он хочет намекнуть на мою психическую неуравновешенность, как он это любит, но всё, чего он добивается, -- это повышения моей самооценки.

С тех пор, как они с Азаматом официально помирились и натрескались мангустовых яблок, Арават навещал нас два раза -- тут и на Доле. Собственно, инцидент с сапогами произошёл там, когда после тура по табуну, который ему устраивали Азамат с Киром, Арават прямо в навозных сапогах вломился в детскую на внука посмотреть. Я, естественно, имела что сказать по этому поводу, вон, до сих пор помнит.

-- Мама! Игать! -- напоминает Алэк.

-- Давай в мячик? -- предлагаю я. Прятаться при Аравате всё-таки больше не хочется.

-- Неть!

-- Ну хочешь я тебе щенят на столе запущу? -- с надеждой спрашиваю я.

-- Неееть!

Я принимаюсь соображать, чем бы ещё увлечь дитяtko так, чтобы Аравату не довелось наблюдать меня с неожиданных ракурсов. Он тем временем возвращается из коридора, и Алэк переключается на него.

-- Деда! Пятаца!

На "деду" Арават уже привык откликаться, но на этом его познания в моём родном языке и заканчиваются.

-- Котик, с дедой надо по-муданжски говорить, -- напоминаю я.

Алэк тут же с лёгкостью повторяет свои требования на муданжском.

-- Нет, малыш, я уже старый в прятки играть, -- возражает Арават, величественно опускаясь на диван. При всём моём к нему своеобразном отношении, я вынуждена признать, что он умеет себя подать, пожалуй, даже лучше, чем Азамат. -- Иди лучше сюда, я тебя на коленке покатаю.

Алэк, немного сдувшийся после отказа, снова оживляется и топает на зов. Арават сажает его верхом себе на ногу и принимается покачивать, декламируя какой-то стишок про лошадок и умудряясь при

этом нисколько не утратить величия и благообразия. Я вынуждена признать один-ноль в его пользу и тихонько усаживаюсь у стеночки, не привлекая к себе внимания.

Где-то через часок ребёнку всё-таки надоедает кататься, но он утомляется достаточно, чтобы перейти к более тихим играм. Я извлекаю большую коробку с пирамидками и мозаиками и принимаюсь объяснять ребёнку, что красную собачку надо положить либо к красным, либо к собачкам, а синюю кошечку соответственно. На трёх языках это особенно пикантно. Краем глаза замечаю, что Арават украдкой утирает пот со лба.

-- Если хочешь, закажи себе что-нибудь, меню на журнальном столике, -- напоминаю я.

-- Да, пожалуй, после таких трудов можно и подкрепиться, -- соглашается он. -- Заводной какой мальчуган... Давно ты с ним тут бесишься?

-- С семи утра, -- вздыхаю я.

-- Не понял, а няня где? -- поднимает брови Арават.

-- Няню я сама вчера отпустила поспать подольше, а то он уже на ногах не держится. После обеда придёт.

-- Ничего себе, такого молодого парня укатать, вот это я понимаю наследный князь!

-- Азамат и сам в детстве был неугомонный, разве нет? -- пожимаю плечами я.

Арават задумывается на секунду.

-- Я его таким маленьким и не помню, -- признаётся. -- Он тогда ещё у матери жил. Я его забрал трёхлетним, взрослый парень, считай. И спрос с него, как со взрослого, у меня не забалуешь. А этот -- совсем сопля, и накажешь -- не поймёт, за что. Говоришь, Азамат такой же был?

-- Ийзих-хон говорит, мне-то знать неоткуда, -- уточняю я, вынимая у Алэка изо рта крышку от коробки. -- Говорит, после того, как он ходить начал, она похудела вдвое оттого, что гонялась за ним по всему городу.

Арават озадаченно смотрит на Алэка.

-- Как же она с ним управлялась-то три года, если я за час выдохся? -- бормочет он себе под нос.

-- Не поняла, а где была няня? -- копирую я его.

-- Да я как-то подумал, чего ей, неработающей, один ребёнок? Всё ж не столичная неженка, справится...

Я выразительно двигаю бровями, но оставляю комментарии при себе. Скоро обед, Азамат придёт, не хочется, чтобы он оказался прямо посреди ссоры.

Алэк обнаруживает, что у дисков от пирамидки хорошая аэродинамика, и их можно запускать во все стороны по комнате. Хорошо, что у всей мебели бронированные дверцы.

Арават что-то бухтит, разбираясь в меню. Видимо, до него не сразу дошло, что оно не лежит на столе отдельной книжечкой, а представлено в цифровом виде на экране, которым и является столешница.

-- Добавь там для ребёнка жевательный бублик, -- прошу я немного мстительно: пускай ползает по вкладкам, поищет мне этот загадочный продукт.

-- Что это? -- с недоверием спрашивает Арават.

-- Такая большая мягкая конфета, которую можно жевать часами. Ему для зубов надо, ну и чтобы поменьше у нас взрослой еды клянчил.

Арават снова ворчит что-то неразборчивое, но после нескольких попыток навигации по меню, всё-таки находит нужное. И тут же получает по лбу диском от пирамидки.

-- Алэ-эк! -- укоряю я.

Арават поднимает испепеляющий взгляд и переводит его с меня на Алэка и обратно. Ох, что-то сейчас будет... Как бы не пришлось хватать ребёнка в охапку и драпать к Азамату в кабинет.

-- Изини! -- хлопая голубыми глазками выкрикивает Алэк. -- Деда хаоший! Изини!

-- Смотри у меня, -- грозит ему пальцем Арават, но, кажется, успокаивается и снова переключает внимание на меню.

Я издаю бесшумный вздох облегчения.

-- А Азамат до вечера на работе? -- спрашивает он вдруг, неубедительно изображая праздный интерес.

-- Нет, он где-то через полчаса придёт заниматься с Алэком гимнастикой, и потом останется обедать.

-- А-а.

Я полагала, что он обрадуется, но, похоже, он как раз надеялся, что Азамат в ближайшее время тут не появится. И зачем я ему наедине?

-- Я тут подумал, -- необычно для него неуверенным голосом начинает Арават, -- ты по-прежнему склонна швыряться в людей предметами или остепенилась чуток?

Я морщу лоб, пытаюсь припомнить, когда это я в кого швырялась.

-- Ты меня с кем-то путаешь, я в напряжённых ситуациях обычно сразу глотку режу, -- как бы шучу я.

-- Да, действительно, -- кривится он. -- Всех твоих подвигов и не упомнишь.

-- Ты к чему это? -- кошусь я на него через плечо. -- Решил затеять скандал, чтобы Азамата порадовать?

-- Как раз наоборот, -- быстро перебивает Арават. -- Я просто подумал... У меня твои бормол стоят-пылятся... Мне-то что, но у меня на полках тесно, а тут, я смотрю, пустовато. Может, всё-таки заберёшь их?

Я разворачиваюсь всем корпусом и с интересом разглядываю Аравата. Ему, похоже, не очень комфортно, но помаявшись немножко, он всё же встречает мой взгляд. Очевидно, и правда хочет на мировую.

-- Ладно, -- киваю. -- Будем поблизости, заберу.

Он пожёвывает губу. Ну что ещё?

-- Они у меня с собой.

Я моргаю.

-- Ты же на Орл ездил, к другу?

-- Ну да, но я решил на всякий случай... зимние дороги ненадёжные, вот я и подумал...

-- И как погода на Орле?

Он пожимает плечами.

-- Как там может быть погода? Как обычно, жарко.

-- В следующий раз будешь выдумывать отмазку, проверь новости сначала, -- советую я. -- Там третьего дня был ураган, и с тех пор непрерывный ливень с градом.

Арават тихо матерится сквозь зубы.

-- А вообще, -- продолжаю я развивать свою мысль, перехватывая у Алэка очередное кольцо, которое он вознамерился

запустить в деда, -- можно было просто позвонить Азамату и сказать, что заедешь его повидать. Ему было бы намного приятнее, чем все эти "случайно проездом".

-- Если бы я собирался повидать Азамата, я бы так и сделал без твоей указки, -- огрызается он. -- А так я просто не был уверен, что буду в настроении общаться с тобой.

То есть, что хватит пороху заговорить со мной про бормол, перевожу я, но оставляю эту мысль при себе.

-- Хорошо, хорошо! -- поднимаю руки, как бы сдаваясь. -- Если ты всё ещё хочешь мне их отдать, то давай.

Он извлекает из-за пазухи дилля вышитый мешочек на хитрой самодельной застёжке. Вот ведь какая-то женщина ради него старалась... Я встаю на слегка затёкшие от сидения на коленках ноги и стараюсь не очень насмешливо выглядеть, изображая торжественное принятие дара -- двумя руками и с поклоном. Арават протягивает мне мешочек одной рукой, но заметив, что я всерьёз, тут же спохватывается, подрывается с места и преподносит по всем правилам. Как только многострадальные бормол оказываются у меня, он тут же демонстративно переключается на Алэка, усаживается рядом с ним на ковёр и принимается руководить строительством пирамидки. Я расставляю бормол на свободной полке, стараясь не поддаваться неприглядному щемящему чувству, которое они во мне вызывают. Всё равно как найти чемодан со своими детскими игрушками, плюс ещё тонну эмоционального багажа от разочарования до удовлетворения. Да, наверное, именно это я сейчас чувствую.

-- Спасибо, -- говорю негромко.

-- За что? -- слышится недоверчивое из-за спины.

-- Мне... было очень тяжело думать о тебе плохо. После того, как я всю жизнь считала тебя таким добрым дедушкой из сказки. Мне было страшно обидно так разочароваться. Так вот, спасибо, что... хотя бы пытаешься исправить ситуацию.

-- Не за что, -- отвечает он после секундного раздумья.

В дверь стучат, и является слуга с чайным подносом, а следом Азамат.

-- О, отец! -- удивляется он. -- Здравствуй. Ты проездом или как?

Прежде чем Арават успевает загнать свою сказочку, я перебиваю:

-- Он решил тебе сюрприз устроить.

Азамат оглядывается на меня и замечает свежерасставленные бормол. Его брови скрываются под волосами.

-- О как! -- он снова оборачивается к Аравату. -- Спасибо, отец. Я очень рад тебя видеть. Ну что, Алэк, пошли в зал! Пускай деда чаю попьёт спокойно!

Алэк на слово "зал" делает стойку и с улюлюканьем резво топает на гимнастику. Азамат с Араватом переглядываются и совершенно одинаково улыбаются. Вот уж правда из одной кудели...

Глава 38

К обеду подтягивается наше разномастное семейство -- Кир с Айшей, оба её приёмных отца, которые в последнее время завели привычку питаться у нас под видом социализации Айши, Азамат с Алэком возвращаются из зала каждый на своих двоих, и наконец является Хос, отрастивший за зиму на дворцовом пайке шикарную лоснящуюся шубу. По городу он ходит в человеческом облике, и под шубой носит яркий диль, который сшила Янка, тренируясь перед тем как приступить к обшиванию своего ненаглядного. По привычке подозрительно озираясь, Хос вешает шубу в прихожей и потуже запахивает диль -- всё боится, что украдут. В природе они зимой вообще не раздеваются, а на лето мех линяет. Однако если какой нерадивый хозяин леса зимой зачем-нибудь снимет свою шубу в человеческом облике и зазеваётся, то другой вполне может её украсть и надеть поверх своей для тепла, и тогда зевাকে придётся прятаться в норе, пока не вырастет новая. Именно поэтому хозяева леса вообще носят человеческую одежду -- чем больше на тебе шмоток в человеческом виде, тем меньше надо растить шерсти в кошачьем.

Строгий и толстый лиловый диль Хосу неожиданно идёт -- немного корректирует фигуру под более человеческую. Лохмы на голове кошка теперь аккуратно зачёсывает, оставляя только два круто завинченных вихра надо лбом, как принято у столичной молодёжи. При такой причёске уши у него кажутся вдвое больше, чтобы уж никто не обознался. Ещё Хос через своего телохранителя Дорчжи нашёл себе маникюрщика без страха и упрёка и регулярно ходит к нему подпиливать и красить когти на всех четырёх конечностях. Это, конечно, дурное влияние Кира -- он вечно что-нибудь на себе красит, то ногти, то волосы. В прошлом месяце на какую-то подростковую

вечеринку расписал себе руки хной, Азамата чуть инфаркт не хватил. Я, впрочем, не переживаю. Конечно, такая раскраска -- новое слово в мударжской моде, но в принципе стремление выглядеть как можно пестрее присуще всем местным самцам, люди они, кошки или боги. Та же Янка, давно страдавшая, что профессия не позволяет отращивать метровые ногти и налеплять на них ракушки и жемчуг, теперь оттягивается на Ирнчине -- ему профессия позволяет ещё и не такое.

Хос вдвигает ноги с перламутровыми когтями в домашние тапочки из овчины и шаркает с Киrom и Эцаганом мыть руки, по дороге обсуждая насколько у новой серии лаков без запаха действительно нет запаха -- для Хоса это принципиальный момент.

Айша мучительно рассказывает Алтонгирелу, что было сегодня в клубе. Она научилась говорить, не вызывая землетрясений, но для этого ей требуется очень сильно сконцентрироваться, так что к вечеру она обычно устаёт и переходит в режим письма и языка жестов. Пишет она ещё с ошибками, но уже вполне читабельно, сразу видно мотивированного человека.

Алэк жуёт зубной бублик и дёргает деда за бороду, дед хихикает и рассказывает Азамату, какие у него славные мальчуганы.

-- Смотри только, чтобы удача в голову не ударила, -- добавляет он, и я прислушиваюсь

-- Ты о чём это? -- интересуется Азамат.

-- Да я слышал, ты пишешь наставления, как детей делать.

Азамат покатывается.

-- Нет, что ты, отец, это духовниче дело, я бы не позарился на их знания -- в каком месяце начинать ухаживания, да по каким дням моцогги проводить... Я в этом ничего не понимаю, и своих ни одного даже не планировал.

-- А что ж все парни-то шушукаются? -- недоверчиво спрашивает его Арават. -- Говорят, в закрытом сообществе для молодёжи какое-то интервью с тобой появилось с началом весны, и будто бы ждали его долго...

-- Да там и не интервью, так, черкнул я полстранички этому страннику, чтобы он от моей жены отвязался, так он всю зиму кормил публику обещаниями, а теперь вот вывесил наконец, и то в закрытый доступ. Там не про детей, там про то, как надо женщину улаживать, чтобы семейная жизнь хорошо сложилась.

-- Куда их ещё ублажать? -- кривится Арават. -- И так иждивенки ненасытные! Дом построй, обед стготовь, камней накупи, теперь ещё чего -- на руках сплясать?

-- Ты-то чего ворчишь? Ты сам-то не сильно выложился на ухаживании, -- осторожно замечает Азамат.

-- Ну так я дурак, что ли? На кой мне эта столичная лапша, вялая да жирная? Женщина должна своё место знать.

-- Вот и не обязательно, -- возражает Азамат. -- Я как раз о том и написал, что принятые у нас бешеные траты и потребительское отношение к женщине -- это нездорово, а можно ведь всё организовать гораздо приятнее для обоих. Ты же понимаешь, что Лизу я не содержу, платину с бриллиантами она почти не носит, а готовит лучше, чем дворцовый повар. Или ты думаешь, я её приворожил?

Я незаметно усмехаюсь в салат. Лучше, чем дворцовый повар? Я и не знала, что он такого высокого мнения о моих кулинарных способностях. Впрочем, я тоже считаю, что Азамат готовит лучше, чем дворцовый повар, так что, возможно, мы оба необъективны. Или надо искать другого повара.

-- Ты по своей странной женщине всех-то не суди, -- отмахивается Арават. -- Хотя, конечно, если ты и правда придумал способ, как этих паразиток насыщать меньшей кровью, то правильно сделал, что поделился с молодожёнами.

Азамат собирается что-то ответить, но тут пиликает домофон, в котором обнаруживаются ещё двое гостей к обеду -- матушка и Ирлик, под руку.

-- О, Алэк, бабушка приехала! -- радостно сообщаю я. Ребёнок реагирует бурно, принимаясь подпрыгивать на диване и выкрикивать боевые кличи.

Осознав, какая встреча ему предстоит, Арават панически оглядывается в поисках чёрного хода, но поздно, с женой ему уже не разминуться.

Матушка входит под руку с Ирликом, точнее, не входит, а всплывает, наслаждаясь всеобщим вниманием.

Дети прерывают разговоры и таращатся -- то на милую бабулю в платочке, то на скалящегося бога в шароварах.

Арават подсакивает с места и пытается что-то сказать, но только булькает, как рыба.

-- Это ты мне место уступаешь, поближе к внучку? -- интересуется Ийзих-хон, используя мамино слово. -- Не ожидала от тебя такой любезности, но так и быть.

Она провинчивается на Араватом место со свойственной ей ловкостью.

-- Ма, какими ты тут судьбами? -- удивляется Азамат. -- Прямо день сюрпризов!

-- Да я и сама удивилась, когда твой дружок явился на порог и предложил в столицу сгонять, -- усмехается матушка, косясь на Ирлика. -- Тэк-с, что у нас тут? -- она принохивается к тарелке. -- Телятина? Отлично.

-- Это моя тарелка! -- возмущается Арават, когда Ийзих берётся за ложку.

-- Что тебе для меня, тарелки жалко?

Арават теряется -- видно, и вправду жалко, но при всех признать это не решается.

За спиной кто-то давится смехом. Оборачиваюсь -- ну кто ж ещё, как не главный разжигатель. Конечно, Ирлик неспроста сюда матушку приволок так неожиданно -- знал, что Арават здесь будет.

-- А ты, как я понимаю, за своим пришёл? -- спрашиваю я Ирлика, чтобы немного сместить всеобщее внимание.

-- А то! Всю зиму меня дразнила обещаниями, пора бы уже!

-- В таком случае, ты очень вовремя! -- объявляю я, маня Ирлика за собой в комнату, где у меня всё рукодельное барахло. -- Во, гляди!

Портрет припилен к проектной доске и занимает собой изрядную часть стены. Ирлик с видом ценителя подходит поближе, а потом снова отходит подальше, поглаживая расписной подбородок.

-- Хммм... -- изрекает он наконец, и я немного напрягаюсь.

-- Тебе нравится? -- тревожно интересуюсь я.

-- Мне-то конечно нравится, это ж я, как я могу себе не нравиться? Ты мне вот лучше скажи, как ты думаешь, Укун-Тингир понравится?

Я аж давлюсь.

-- Ирлик, солнце, я-то почём знаю? Я её даже не видела ни разу!

-- Ты тоже женщина! -- убедительно поясняет Ирлик. -- Тебе виднее должно быть.

-- Ну-у... -- развожу руками. -- Если так рассуждать, то раз мне нравится, значит и ей должно понравиться. А ты что, ей его дарить собрался?

-- Ещё чего! Я просто её в гости пригласил, хотел попросить, чтобы она мне водопад в западной пещере сделала. Так что мне важно, чтобы ей всё понравилось. Ну ладно, будем надеяться, ты права. Гонорар засчитан, -- подмигивает он мне. -- Кто у вас тут рамки делает, мне надо, чтобы на стену повесить!

-- У Бэра приятель есть... А ты на обед не останешься? -- спрашиваю, видя, что Ирлик уже занялся откреплением вышивки от стены и сворачиванием в рулон.

-- Вот закажу рамку и вернусь, -- обещает он. -- Время нынче дорого!

Я радуюсь, что успела отснять своё произведение сегодня утром, хотя и не ожидала, что за ним так скоро явится заказчик.

Ирлик сматывается через окно третьего этажа, а я возвращаюсь в гостиную, где происходит цыганочка с выходом: матушка натурально троллит Аравата. Азамат с мелким отсел подальше, чтобы не принимать участия в конфликте, дети и гости -- как будто спектакль смотреть пришли. Хос обычно оставляет телохранителей за порогом наших комнат, поскольку здесь ему ничего не грозит, но сейчас он явно чувствует себя неуютно и предпочёл бы спрятаться за широкое плечо. Не найдя ничего более подходящего, он прячется за Айшу -- она сама-то хиленькая, зато как колданёт...

-- А что же ты ничего не ешь, дорогой? -- интересуется матушка, наворачивая мясо с Араватовой тарелки.

Над Араватом в воздухе проскакивают электрические разряды.

-- Наверное потому что уступил тебе свою порцию, -- цедит он.

-- А что же слуги тебе ещё не принесут? Неужто ты не произвёл на них достаточно сильного впечатления? -- сладким голосом продолжает Ийзих.

-- Полагаю, что Азамат их распустил, -- выкручивается Арават. - А вот с каких это пор ты с богами якшаешься?

-- Да с лета примерно, -- как ни в чём не бывало отвечает матушка. -- Тебя что ль завидки берут?

-- Меня-то ничего не берёт, а вот тебя как бы ни взяли... на ужин.

-- Ой уж ты будешь горче всех горевать, -- усмехается матушка. -
- Да только боги-то у нас покраше тебя, и мне на коврик у двери не указывают, как некоторые.

Арават сморщивает всё лицо в гримасу неверия:

-- Ты смеешь жаловаться на моё обращение? Я тебя подобрал с рыбной помойки, отмыл, накормил и в доме поселил -- и ты ещё претензии предъявляешь?!

Ийзих методично пережёвывает очередной кусок, потом поворачивает голову и долго смотрит на мужа.

-- Мне на той помойке было весьма неплохо, -- изрекает она. -- И еда у меня была, и крыша над головой, а богатств твоих несметных я всё одно не видела, да и не нужны они мне. Заслуга твоя единственная, что ты мне такого сына подарил. А всё что ты руками да словами умеешь -- и волоска с его головы не стоит.

Арават краснеет и надувается. Азамат принимается жестикулировать матери, чтобы прекратила его злить, но её так просто не проймёшь.

-- Вообще-то у нас два сына, -- с едва сдерживаемым возмущением напоминает Арават. -- Или я чего-то не знаю?

-- Два, два, -- успокаивает его Ийзих. -- Да только тумачков за двоих один получал.

-- Ну вот что, Ийзих, -- не выдерживает Арават. -- Ты хочешь мне что-то сказать -- так говори в лицо, а не ходи вокруг да около!

Ийзих задумчиво откусывает ореховой лепёшки.

-- Я уж сколько раз говорила, да только у тебя на ушах сапоги надеты. Вот как разуешь, так и скажу.

-- Я весь внимание, -- цедит Арават.

Ийзих так же вдумчиво запивает лепёшку чаем, потом разворачивается всем корпусом и пронизывает Аравата испепеляющим взглядом.

-- Ты мне что про Азамата наплёл, старый олух? Ты мне зачем сказал, что у него ни рук, ни лица нет? С какой ты стати взял, что он видеть меня не хочет? Давай, ври быстрее, если за девять лет не придумал отговорку!

Мы с Азаматом переглядываемся. Он прикрывает голову руками, мол, ну Арават и вырыл себе яму...

-- Я... -- мнётся Арават. -- Ну... В общем... Чтобы ты мне не помешала.

-- Это как же? -- совсем по-азаматовски поднимает брови Ийзих.

-- Я хотел Азамата с планеты услать, э-э, в воспитательных целях. Но ты ж страшная баба, я знал, что ты за него и мне, и всему Совету глотки перегрызёшь. Вот и сказал тебе, чтобы отбить охоту. И всего-то преувеличил чуть-чуть...

Ийзих встаёт из-за стола с таким видом, как будто готова прямо сейчас и перегрызть, но тут уже Азамат подскакивает и принимается её успокаивать.

-- Ма, ну не кипятись, всё позади, это ж когда было-то, теперь-то всё хорошо, не переживай так...

Матушка постепенно теряет убийственность во взгляде и оборачивается к Азамату.

-- Да что б ты понимал! -- выдавливает она неожиданно ломающимся голосом. -- Я девять лет думала...

Потом отмахивается, утирает скупую женскую слезу и хлопается обратно за стол.

Арават молча разворачивается и двигает напрямую к двери, но на пути у него вырастает Алтонгирел.

-- Куда собрался? -- не очень приветливо спрашивает он.

-- Прочь отсюда. Я с этой стервой не могу в одной комнате находиться.

-- Стерва -- не стерва, а твоя законная жена, -- напоминает Алтонгирел. -- Никто тебя за бороду не тянул на ней жениться, теперь уж поздно удирать.

-- Что ты меня, силком удерживать собрался? -- кривится старик, прикидывая свои силы против духовника. Тот хоть ростом пониже, но молодой и крепкий.

-- Зачем против труса сила? -- усмехается Алтоша. -- Достаточно припугнуть.

-- Ты кого трусом назвал?! -- рывкает Арават, мгновенно становясь малиновым от ушей до кончика носа.

-- Того, кто собственной жены боится, -- бросает ему в лицо Алтонгирел.

Арават раздувает ноздри, но ответить тут нечего -- и правда ведь жены побоялся.

-- Ты её в молодости не знал, -- наконец выдавливают он жалкую отмазку.

-- Нет, -- соглашается Алтоша. -- Я зато знаю, что ты женился на ней не по расчёту.

-- Как это не по расчёту? -- встречает матушка. -- Ты глаза-то разуй! С чего б ещё он на мне женился?

Алтонгирел загадочно улыбается, а Арават вдруг теряет весь свой праведный гнев.

-- Я собирался по расчёту, -- как-то виновато говорит он. -- Меня и отец всегда наставлял, что жену надо в трезвом уме выбирать. Но вот же шакал меня занёс в эту деревню... Я такой бешеной бабы в жизни не видал, да ещё чтоб язык так был подвешен. Вот тебе и трезвый ум.

Матушка находит взглядом меня и кивает, повернув голову на бок, мол, вона как, оказывается.

-- То-то Азамат всё удивляется, что мы с Лизой так ладим хорошо, -- замечает она. -- Ладно уж, старый паразит, иди сюда, ешь своё мясо, я тебе оставила.

-- Я с тобой из одной плошки есть не буду, ты туда яду напускала, -- ворчит Арават, тем не менее пробираясь на диван к Ийзих.

-- Ты поговори у меня, ещё с ложечки при всех накормлю.

Арават кроит кислую мину, отламывает кусок лепёшки, брезгливо мочит его в мясном соусе и принимается есть.

Азамат расплывается в неприлично счастливой улыбке, глядя на своих родителей, и несколько секунд так и сидит с осоловелоблаженным видом. Потом всё же берёт себя в руки и фокусирует взгляд на Алтонгиреле, который как ни в чём не бывало вернулся за стол и только время от времени неуверенно косится на него. Азамат благодарно кивает. Это внезапно вызывает на лице Алтоши очень необычное для него выражение -- удивления, радости и лёгкой гордости, как будто его впервые в жизни похвалили. Азамат усмехается и качает головой.

-- Я тебе всегда говорил, что ты отличный духовник, -- негромко поясняет он свою пантомиму.

Алтонгирел быстро отворачивается в тарелку, так что его лицо оказывается завешено волосами.

Идиллию нарушает звонок Азаматова телефона, судя по мелодии -- из ЗС. Муж подрывается и выходит, чтобы никому не мешать разговором (да, именно так, а не чтобы ему не мешали, это же Азамат, ну и что, что Император и дела государственной важности). Впрочем, мешать-то особо некому: Ийзих с Араватом на окружающий мир плевать хотели, Алтонгирел занят своими мыслями, дети, поняв, что представление окончено, вытягивают из Эцагана подробности расследования недавно раскрытых крупных краж. Эцаган морщится каждый раз, как дело доходит до сбора улики на месте преступления, потому что у свежеподготовленных полицейских пока очень плохо с представлениями о стерильности.

Азамат внезапно возвращается -- я думала, этот звонок на века. Оказывается, он всё ещё на телефоне.

-- Да, маршал, -- озабоченно говорит он. -- Я вас понял. Если хотите, я дам трубку...

Он находит взглядом меня, так что я готовлюсь выступить в амплуа министра здравоохранения, когда из комнаты Кира выкатывается оранжевый клубок и, докатившись до Алтонгирела, обращается Ирликом.

-- Дело есть! -- выпаливает он, привлекая всеобщее внимание.

-- Простите, -- после секундной паузы говорит Азамат в трубку. -
- Тут как раз один из них. Может быть... Ох нет, я не думаю, что... Хорошо, до связи.

-- Почему ты не дашь Ваткину со мной поговорить? -- ухмыляется Ирлик.

Азамат прикусывает щёку, соображая как бы это объяснить понятно и необидно.

Ирлик покатывается.

-- Ладно, дипломатия -- твоё дело. Алтонгирел, Айша, у меня для вас кое-что есть! -- радостно объявляет он нараспев, даже пританцовывая. Тут его взгляд зацепляется за Аравата, и он немного скисает. -- Пойдёмте выйдем, это личное. Хотя... прихватите группу поддержки, а то соплей будет ванна, -- морщится он.

В итоге мы все, кроме Азаматовых родителей и Хоса, набиваемся в ту самую пустую гостевую спальню, где мне исповедывался Алтонгирел. Он раздувает ноздри и поёживается в жарком помещении, видимо, тоже помнит. Ирлик, однако, не даёт нам

опомниться -- садится в центре комнаты и раскатывает перед собой что-то подозрительно похожее на свиток пергамента. Я, правда, имею о них представление исключительно по картинкам. Алтонгирел же, наоборот, явно узнаёт этот предмет, резко втягивает воздух и нервно оборачивается на Азамата. Тот хмурится.

-- Да, это именно то, что ты подумал, -- сообщает Ирлик, доставая так же страного вида металлический стержень с заострённым концом.

Алтонгирел и вовсе спадает с лица.

-- К-кто? -- неровным голосом вопрошает он.

Ирлик поднимает удивлённый взгляд и вдруг заходится хохотом.

-- Да нет, нет! -- отмахивается он сквозь смех. -- Даже если б твоя покойница-мать и захотела с тобой пообщаться, я бы не стал её так ублажать. Нет, тут всё интереснее, тебе звонит отец вон той барышни, -- он кивает на Айшу.

Она вся подтягивается и пробирается поближе к пергаменту.

-- Садитесь, садитесь, -- приглашает Ирлик. -- Это развлечение надолго.

-- Он всё-таки погиб? -- печально уточняет Азамат, присаживаясь так, чтобы смотреть на свиток между плечом Алтоши и Айшиной головой. -- Мы так ничего про него и не выяснили, я пытался искать...

-- Конечно погиб! -- заверяет его Ирлик таким тоном, как будто со стороны бедного мужика это было какое-то достижение. -- Могли бы давно уже меня спросить и не дёргаться.

-- Ты предлагаешь нам поговорить с мёртвым? -- переспрашиваю я, присаживаясь за спиной у Айши. -- Ты вроде говорил, что нам не положено знать ничего о Подземном Царстве.

-- А вы от него ничего и не узнаете, -- пожимает плечами Ирлик. -- Да и разговором это назвать трудно. Покойники, даже такие качественные, как этот, вообще довольно невнятно выражаются, а уж пишут и подавно из рук вон плохо. Да и вы в ответ много не скажете, крови-то жалко.

-- Крови? -- моргаю я.

-- Это Свиток Тишины, -- сообщает мне через плечо Алтоша. -- На нём можно писать только кровью.

-- Да можно-то чем угодно, -- криво улыбается Ирлик, -- но всё остальное до адресата не дойдёт.

Айша сидит очень напряжённо, и я кладу ей руки на плечи, а Кир, пристроившийся рядом, берёт под локоть.

-- Что значит "качественный покойник"? -- хмуро спрашивает он.

Алтонгирел внезапно оживляется.

-- Он умер не от болезни, не так ли?

-- Конечно нет! -- фыркает Ирлик. -- Он отдал свою жизнь как моцог Умукху за то, чтобы Айша дотянула до возраста обучения.

-- Умукху? -- морщит лоб Эцаган, прочно прицепившийся к напряжённому Алтонгирелу.

Айша тихо всхлипывает, и несколько рук тут же бросаются её поглаживать и похлопывать.

-- Ты когда её впервые увидел, сказал, что она не дотянет, -- вспоминаю я.

-- А она и не должна была, -- пожимает плечами Ирлик. -- Но мой брат Умукх -- парень старательный, обещания всегда выполняет, так или иначе. Придал ей сил, сколько мог, не привлекая Учока, а там и возраст обучения приблизил. Ты ж понимаешь, Лиза, что она рановато повзрослела. Ладно, хватит болтать, ждёт человек, а покойников заставляя ждать -- последнее дело.

Ирлик кладёт когтистую ладонь на свиток, и из-под его пальцев струйками вытекает тёмный пигмент, сливается в общую продолговатую лужицу и организуется в слова.

"Айша-хян, прости, что не попрощался".

Айша складывается вдвое и заходится рыданиями. Мы с Киrom сталкиваемся лбами в попытке её обнять.

"Ты для меня важнее всего на свете", -- проступает новая строчка. -- "Ты достойна самого лучшего, что этот мир только может дать человеку".

-- Читай, коза, -- шипит Кир в ухо Айше, которая норовит свернуться улиткой. -- Тебе это открыткой на память не останется!

-- Можете отснять, -- разрешает Ирлик. -- Но я нескоро второй раз соглашусь на это членовредительство.

"Учись хорошо и живи в своё удовольствие", -- рисуются новые слова.

Алтонгирел сдвигает брови.

-- Он знает про меня? -- спрашивает он у Ирлика.

-- Он знает про тебя всё, -- уточняет Ирлик.

-- Вообще... всё? -- запинается духовник.

-- Ага. Я решил, уж лучше я ему всё расскажу под землёй, чем вы тут будете со Свитком корячиться.

Алтонгирел кивает и переводит взгляд на жутковатый стержень, который Ирлик крутит в свободной руке.

-- Можно я... Мне надо...

Ирлик безмолвно протягивает ему стержень, но тут встречается Эцаган.

-- Ирлик-хон, простите, пожалуйста, но эта штука... она стерильная? Я хочу сказать, ею ведь другие люди пользовались?

Ирлик с любопытством оглядывает стержень.

-- Ну, я её не мыл.

Эцаган морщится и просительно смотрит на Алтошу.

-- Может быть, можно как-то...

-- Не дури, кровь надо брать ритуальным пером, -- бормочет духовник, закатывая левый рукав.

Мне становится немного нехорошо -- я прекрасно понимаю переживания Эцагана.

-- Вообще-то, чем её брать -- совершенно фиолетово, -- замечает Ирлик. -- Если у тебя есть нож и какая-нибудь трубочка, то и вперёд, пером просто писать удобнее, а так ничего особенного в нём нет.

-- Погодите, щас! -- встречается Кир и принимается обыскивать свои бездонные карманы. -- Во!

Он извлекает три стерильно запакованных шприца с иглами.

-- Ты там органы не носишь случайно? -- хмыкаю я.

-- Нет, только искусственную кровь, -- сверкает зубами Кир. -- Кстати, если хотите...

-- Ну нет, -- мотает головой Ирлик. -- Кровь должна быть настоящая, иначе я бы тут не мучался. Давайте уже быстрее разбирайтесь.

Кир молниеносно обегает нас всех, присаживается к Алтонгирелу и весьма профессионально выкачивает у него пять кубиков крови из вены, предварительно протерев спиртовой салфеткой и по результатам наказав держать локоть согнутым, потом заливает

полученное из шприца в стержень, который и правда оказывается пером с полостью внутри.

Алтонгирел, подгоняемый Ирликом, принимается выводить ответ под последним сообщением отца Айши.

"Разрешите мне позаботиться о вашей дочери".

Под Ирликовой ладонью тем временем натекла солидная лужа и теперь, когда наконец появился повод для реакции, струя пигмента кидается формировать буквы.

"Я бесконечно тебе благодарен за всё, что ты сделал для Айши. Она видит тебя насквозь, от неё бессмысленно скрываться. Если она тебя любит, значит, есть за что. Я могу быть спокоен, что ты будешь ей хорошим отцом вместо меня, раз уж я не смогу больше быть с ней. Не бойся себя. Благословляю".

-- Вот расписался, паразит! -- ворчит Ирлик, поводя плечами. -- Так, ну давайте быстро, кто-то что-то ещё хочет сказать? Айша?

Она кивает, вытирая рукавами зарёванное лицо, потом принимается закатывать один из них.

-- Ещё чего! -- одёргивает её Алтонгирел. -- Моей пиши!

-- М... Но... -- выдавливает Айша, переводя вопросительный взгляд на Ирлика.

-- Я думаю, он догадается, что это ты, -- нетерпеливо цедит бог. Потом, обведя колеблющуюся Айшу оценивающим взглядом, серьёзно добавляет: -- И поймёт.

Она снова кивает, хлюпает носом и берёт у наставника перо, чтобы тщательно вывести на пергаменте: "Спасибо, отец! Я всегда буду тебя помнить!"

-- Ещё четыре восклицательных знака поставь, -- бубнит Ирлик в сторону. К счастью, Айша либо не слышит, либо понимает, что он не всерьёз. -- Всё! -- объявляет он, с некоторым трудом отрывая руку от свитка. -- Всем спасибо, все свободны!

-- Может, позвольте ему ответить? -- немного возмущённо просит Алтонгирел.

Ирлик удивлённо поднимает бровь.

-- Он всё сказал, что хотел, а последнее слово должно оставаться за живыми.

Айша заливается свежей волной слёз и пытается уткнуться в Кира, но он внезапно подскакивает, извлекает мобильник и несколько

раз щёлкает свиток со всеми выписанными на нём нежностями. Да, действительно, а я уже и забыла об этой мысли.

Слева от меня начинает шевелиться Азамат, просидевший весь ритуал, не привлекая внимания, Кир оборачивается к нему и делает озабоченное лицо.

-- Отец, всё хорошо?

-- Да, конечно, почему ты спрашиваешь? -- удивляется Азамат.

-- Да так... -- протягивает Кир.

Я изгибаюсь, чтобы тоже посмотреть на Азамата -- он выглядит немногим лучше Айши, всё лицо мокрое.

-- Дорогой, сходил бы ты умылся, -- предлагаю я.

Азамат тут же проверяет на ощупь свои щёки и мокро усмехается.

-- Да уж, сейчас.

Кир провожает его взглядом, потом снова садится рядом со мной.

-- Я думал, он преувеличивал, когда говорил, что плачет от сильных чувств, -- шёпотом сообщает он мне.

-- Да нет, он просто трепетный, -- пожимаю плечами я, чувствуя, что расплываюсь во влюблённой улыбке.

Однако пора встряхнуться и снова взять бразды правления над бесконечным неуёмным бардаком, который творится в моём доме. Вот, например, Алтоша с Эцаганом уже успели расстелить Айшу поперёк своих четырёх ног и явно вознамерились остаться тут на века памятниками самим себе. Ладно, пускай плетут узы. А Ирлик со своим свитком куда-то делся. Это уже хуже.

Впрочем, оказывается, делся он не дальше гостиной, где наконец-то добрался до обеда, и теперь поедает его под советы матушки, что с каким соусом лучше идёт. Арават возлежит на диване у неё за спиной и жуёт зубочистку с видом человека, абсолютно довольного жизнью, время от времени подмигивая Алэку, который сидит на коленях у матушки и всё пытается стянуть со стола ложку, но Ийзих-хон не даёт. Хос на другой стороне стола подкладывает ему всё новые и новые ложки, думая, что матушка не замечает.

-- Азамат, ты скоро на Землю собираешься? -- интересуется Ирлик между двумя навильниками.

-- Я как раз обсуждал это с маршалом, когда вы пришли, -- отвечает мой муж, выходя из ванной. -- В начале следующего месяца, вероятно.

-- Давай быстрее, -- требует Ирлик с набитым ртом. Интересно, как он говорит, если от набитости произношение совершенно не меняется. -- Меня Умукх уже заклевал, я ему сдуру обещал, что ты его возьмёшь на опыты.

-- Он вообще понимает, на что соглашается? -- уточняю я.

-- На интересное, -- заговорщицки подмигивает Ирлик. -- Я бы и сам скатался, но дела. А суть вы ему по дороге объясните, я в этом не очень шарю. Но он покладистый. А кого ещё берёшь, Ахмад-хон?

Азамат вздыхает.

-- Вообще-то полагается в таких случаях брать духовника, тем более, что Ажгдийдимидину нужно примерить тот прибор, вроде ваших линз, только для речи... Да вот не знаю, как его транспортировать, опасно всё-таки с такой силой в космос.

-- Тем более Умукха берите, он в случае чего всё исправит, -- предлагает Ирлик, уписывая третью добавку. -- Ещё кого-нибудь?

-- Ну, семью свою, конечно, потом Ирнчина, ещё Лизина подруга хочет ненадолго домой съездить, а так вообще хотел Старейшину Унгуца пригласить, он ведь всю жизнь мечтал на Земле побывать, да визу не давали. Только вот не знаю, кого за главного оставить. Всё-таки надолго полетим, по крайней мере на полмесяца. Заместителя у меня по должности не предусмотрено, обычно-то Ирнчина оставляю, а так он тоже с нами... Эцаган слишком молодой, да и хватает ему своего департамента.

-- Оставляй Алтонгирела, -- не отвлекаясь от еды советует Ирлик.

Азамат неловко улыбается.

-- Я его, конечно, очень люблю, и он мой дорогой друг, но...

-- Я серьёзно, -- замечает Ирлик. -- Он справится.

-- Очень приятно знать, что вы о нём такого мнения, -- снова начинает Азамат, -- Но всё же он...

-- Он влиятельный человек с правильными приоритетами, -- настаивает Ирлик, прекращая жевать. -- Лучший заместитель для тебя.

-- У него только семейные отношения начали налаживаться, а тут круглые сутки такая ответственность, -- делает последнюю

попытку Азамат.

-- Не волнуйся, -- фыркает Ирлик. -- Это ты на работе выкладываешься, пока дурно не станет, а Алтонгирел найдёт время на семью. Всего-то полмесяца! Зато потом приедешь, тебе тут все в ноги упадут и будут беречь как зеницу ока, познают, так сказать, в сравнении...

Ирлик зловеще усмехается. Азамат смотрит на него и тоже начинает загадочно улыбаться, чем дальше, тем больше походя на Кира, когда тот планирует розыгрыш.

-- Пожалуй, я прислушаюсь к вашему совету, -- наконец заявляет он.

Ирлик покатывается со смеху.

Глава 39

Моими стараниями в этом сезоне мода на цветастые резиновые сапоги-чулки, элегантно принимающие форму голени и совершенно водонепроницаемые. В них-то я и хлюпаю по снежной каше на пешеходной дорожке, по которой не проходит машина. Традиционно за порядком в городах следят наместники, но у Ахмад-хота своего наместника нет, действительно, зачем, у Императора же шестьдесят часов в сутках... Оный Император на днях выступил с инициативой учредить должность мэра столицы, чтобы занимался наймом дворников и прочими городскими нуждами. Старейшины посокрушались по поводу очередных нововведений и инопланетных должностей, но в итоге проявили смирение, поставив условием найти такого кандидата, чтобы удовлетворил всех. На этом дело и завязло.

Однако я не намерена сегодня об этом думать, потому что сегодня наконец-то солнечно, и весна впервые похожа на весну, и иду я по прекрасному делу -- обсудить с Оривой, какое оборудование ей надо завезти с Земли, раз уж мы туда всё равно собираемся.

Оривина повивальная клиника стоит на краю города, в тихом зелёном закутке под скалой, окружённая большим садом с аккуратными пешеходными дорожками. Шатун всю зиму вкалывал, как шахтёр, чтобы построить своей женщине персональный офис и даже консультировался с земными архитекторами, как лучше спроектировать клинику. А потом преподнёс ей ключи на пороге Дома Старейшин, выразительно поглядывая на вход. Так что Орива у нас теперь замужня барыня, сама себе начальница и хозяйка в

собственном доме, а если кто считает, что не женское это дело, так Шатун может и братков, в смысле, братьев позвать на беседу.

Я толкаю красивую витражную дверь, изображающую символы плодородия и женского начала, и оказываюсь в просторном холле, отделанном полупрозрачным белым камнем вроде кварца, так что всё вокруг прямо-таки сияет чистотой. В противоположную от входа стену встроены несколько экранов, показывающие сведения о работе клиники, советы для красоты и здоровья и предлагающие записаться на приём.

-- Хотон-хон! -- окликает меня знакомый голос.

Я выдыхаю и оборачиваюсь. Шатун приветливо улыбается из-за стойки ресепшена.

-- Привет! -- скажусь я в ответ. -- У вас тут потрясающе красиво!

-- Спасибо! -- приосанивается он. -- Орива подметила, что многим пациентам Дом Целителей кажется простоватым и оттого подозрительным, вот мы и решили произвести хорошее впечатление. А вы насчёт оборудования, я так понимаю? Пойдёмте, я вас провожу к ней в кабинет.

Мне кажется или он и правда любое упоминание жены произносит с особой интонацией, будто каждый раз кланяется на словах?

Кабинет Оривы тоже, видимо, призван поражать клиентов наповал -- огромный, светлый, с высокими потолками и стрельчатыми витражными окнами, он больше похож на бальный зал какого-нибудь старинного дворца, но, как и холл, светится новизной и чистотой. Даже осмотровый стол и гинекологическое кресло не так агрессивно выглядят, поскольку выполнены из пластика, очень убедительно подделанного под дерево с мозаикой.

-- Нравится? -- не скрывая гордости спрашивает Орива, вставая из-за эргономичного стола.

-- Ещё как! -- восхищённо выдыхаю я. -- С тобой да с Гарнеткой уже начинаю чувствовать себя аскетом. У меня всё так скромненько и простенько...

-- Ну, вы-то и так на людей впечатление производите, они, небось, и кабинета не замечают. Это нам, простым местным женщинам, приходится по высшей отметке ориентироваться. Да вы садитесь, сейчас Шатун чаю принесёт.

-- Он теперь тут будет работать? -- интересуюсь я, всё ещё вертя головой и изучая цветные барельефы под потолком.

-- Ага, у нас теперь семейный бизнес, -- отвечает Орива и смеётся: это выражение на Муданге применяется только к отцу и сыновьям, ну или к нескольким братьям, владеющим одной фирмой. Что ж, язык меняется, когда меняются люди... Орива меж тем продолжает. -- Он меня попросил называть его должность "администратор", а то, говорит, "секретарь" -- это уж совсем несолидно, хоть по сути так и есть.

-- Так ты у него начальница? -- моргаю я, наконец отрывая взгляд от витражей.

-- Ага, именно! -- сияет Орива. -- Я только с этим условием за него и вышла, что клиника будет моя, и на бумаге, и на слуху. Чтобы никто не думал, будто это он надо мной главный, понимаете? Он мог бы, конечно, работать в другом месте, чтобы не так стыдно было, но ему нравится быть секретарём, он красивый, контактный, с удовольствием общается с людьми. А в другом месте он за такую работу половину прибыли получать не будет. Так что... -- Орива театрально приподнимает тонкую смоляную бровь.

Она так органично смотрится во всей этой деловой роскоши, такая эффектная, умная и целенаправленная, что на меня накатывает волна радостного облегчения -- есть бизнес-леди в муданжских селеньях, и есть у подрастающего поколения стоящие образцы для подражания, и есть у этой планеты цивилизованное будущее.

-- А вот и чай! -- замечает Орива, когда Шатун вносит большой расписной поднос с сервизом из тонированного стекла в одном стиле с витражами. -- Ну так давайте к делу, я набросала список того, что мне хотелось бы закупить, но у меня есть несколько вопросов...

От Оривы я, вопреки обычаю, направляюсь в ювелирный магазин, где у меня назначено рандеву с мужем. Мысль о совместном полёте на Землю в комплекте с мамиными предостережениями уже давно не давала мне покоя, и в итоге я решила, что надо Азамата пометить, то бишь, окольцевать. Мол, не трожь -- моё. Конечно, он, как стал Императором, постоянно носит изрядное количество украшений, но всё же ничего похожего на обручальное кольцо на нём нет. Так вот, будет.

При моём приближении Азамат перестаёт мимикрировать под стену дома и помогает мне выбраться из машины.

-- Ты попросила ювелира не распространяться о том, что ты заказываешь для меня украшения, или это часть твоих планов по дешовинизации мударжского общества? -- интересуется он.

-- Заказывал Алтонгирел, и не только для тебя, -- загадочно отвечаю я.

Азамат шевелит бровями, но не требует дальнейших пояснений, а просто проходит в магазин.

Там, конечно, очень красиво -- мударжское ювелирное искусство, насколько я могу судить, не знает себе равных, во всяком случае, его лучшие направления. Многие мударжцы почему-то предпочитают носить платиновые булжники, так что в большинстве магазинов они представлены в некотором ассортименте, но я выбрала мастера, который специализируется исключительно на прекрасном. Стенды вокруг пестреют всеми цветами радуги, аккуратно подсвеченный металл в полутьме зала прямо-таки пылает и переливается, бесконечные райские птицы и коралловые рыбы смотрят на нас отстранённо и горделиво, как будто знают, какие они сказочные и в то же время натуралистичные. Но мой заказ прячется где-то под прилавком.

Ювелир приветствует нас по всем правилам -- с поклонами и речами, приходится соответствовать, чтобы не обидеть человека. К счастью, в присутствии мужа я могу спокойно помолчать, а то формулы вежливости всё ещё даются мне с большим трудом.

-- Что может мой скромный дом предложить для подчёркивания красоты несравненной Хотон-хон? -- наконец спрашивает ювелир. К счастью, он, видимо, не в первый раз обслуживает Азамата и соображает, что на этом месте надо замолчать, а не пускаться в перечисление всего каталога.

-- У нас заказ номер восемьдесят один, -- встречаю я.

Мастер не сдерживает удивлённого выражения лица и переводит вопросительный взгляд на Азамата, но тот кивает, так что он послушно скрывается за прилавком и извлекает маленький серебряный сундучок -- стандартная подарочная упаковка.

-- И-изволите проверить заказ? -- запинается он на шаблонной фразе.

-- Изволим примерить, -- ухмыляюсь я.

При нажатии на едва видимую кнопку, замочек отскакивает, являя нашим взорам два простых золотых кольца без камней и выступов. Я вынимаю оба колечка, чтобы получше их рассмотреть. И всё-таки мастер не удержался и приукрасил широкую внешнюю сторону -- по ней тянутся разводы красного золота, похожие на языки пламени, этаким огненным круг. Но ничего, они неяркие, всё равно понятно, что это не просто так побрякушка.

-- Какие симпатичные, -- улыбается Азамат. -- Так для чего они тебе?

-- У вас на Муданге, -- объясняю я, -- супруги носят одинаковые хомы, правда, только по торжественным случаям. У нас на Земле для той же цели принято носить одинаковые кольца, причём всё время, -- я делаю драматическую паузу, глядя на Азамата одним глазом через большее кольцо, -- всю жизнь.

-- И что, люди будут специально рассматривать наши руки и сравнивать? -- морщит лоб муж.

-- Я не буду при тебе, как пришитая, у тебя же там всякие деловые встречи, то-сё. И да, люди обращают внимание. Это как длина волос у женщин, понимаешь?

Азамат слегка откидывает голову в знак того, что осознал значение символа.

-- Но как люди поймут, что это именно такое кольцо, если мы не будем вместе? У меня ведь много разных.

-- Их носят только на безымянном пальце, и само кольцо характерное -- просто круглое, золотое, без украшений. Конечно, тут кто-то проявил самодеятельность, -- косой взгляд в сторону мастера, -- но я думаю, сойдёт, узор неяркий, понятно, что к чему.

-- Потому что круг -- символ вечности, да? -- продолжает проникаться Азамат.

-- Что-то в таком духе, это тебе виднее. Ну-с, давай палец.

Азамат немного неловко вертит рукой, пытаюсь понять, какой стороной мне её подставить.

-- Может, я сам? А то как-то странно...

-- Не-а. Не рыпайся. Вот и всё. Теперь твоя очередь.

Я хлопаю ему в ладонь маленькое колечко и растопырываю пальцы. Азамат шустро справляется с задачей и принимается

рассматривать результат.

-- Очень симпатично, -- резюмирует он. -- Говоришь, всю жизнь?

-- Ага, -- ухмыляюсь я.

-- Это хорошо, -- светло улыбается Азамат. -- Очень хорошо.

Я понимаю, что подсознательно жду чьей-нибудь команды к дальнейшим действиям, но тут не дворец бракосочетаний, а ювелир понятия не имеет, как выглядит земная свадьба, так что приходится командовать самой себе, да и то мысленно. Азамат по моему манящему жесту послушно склоняется для поцелуя. И похоже не для меня одной этот момент оказывается эмоционально заряженным. Его губы как будто бы повторяют: "Моя, моя!" и "Я твой, твой". Кажется, я ненароком вскрыла какой-то новый слой Азаматовых желаний и страхов, и теперь телесный барьер между нами стал ещё тоньше. Если так и дальше пойдёт, скоро будет достаточно взяться за руки, чтобы читать мысли, чем Ирлик не шутит.

-- Прилетим на Землю, я тебе засос поставлю на видном месте, чтобы ни у кого точно сомнений не возникло, -- обещаю я, когда мы разрываемся.

-- Я даже не хочу знать, что это, -- закатывает глаза Азамат. -- Так... Сколько я должен?..

Он оборачивается к ювелиру, но тот оторопело мотает головой.

-- Стопроцентная предоплата... Э-э, спасибо за покупку, Ахмадхон, приходите ещё, удачного вам отпуска!

-- И вам хорошей торговли, -- кивает Азамат. -- Пойдём? Нас ждут в Доме Старейшин.

Мы выходим, а мастер бросается что-то строчить в наладоннике. Подозреваю, что мударжский ювелирный рынок скоро обогатится парными кольцами.

Наш духовник несколько месяцев пребывал в своего рода академическом отпуске -- повышал квалификацию, так сказать. В основном, читал, медитировал, учился управлять своим голосом и учил тому же Айшу, которой, впрочем, это давалось намного легче. И вот наконец настало время ему снова приступить к своим обязанностям, в частности, провести для Азамата ритуал перетягивания бормол.

-- Может, что-то и есть в том, чтобы делать это на годовщину свадьбы, а не на день рождения, -- усмехается муж, когда мы проходим в дальний зал Дома, где заседает скромный набор из троих: Ажги-хян, Унгуц и Асундул.

-- Сегодня по-домашнему? -- замечаю я.

-- Обычно достаточно одного духовника, но тут всё же речь об Императоре, -- пожимает плечами Асундул. -- Что ж, Ахмад-хон, я так понимаю, ты настроен сделать новый выбор?

Азамат кивает и усаживается, скрестив ноги, напротив Старейшин, где на очаровательном крошечном пуфике выставлены его три старые бормол -- книга, сабля и старик с посохом.

Асундул достаёт наладонник, с полминуты возится в нём, отыскивая нужный текст и выставляя удобный для чтения масштаб. Потом глубоко вдыхает и затягивает:

-- Азамат Байч-Харах, Император планеты Моу-Танг, отец всех людей, хозяин земли, озёр и небес, Непобедимый Исполин... ай!

Перечисление внезапно прерывается, поскольку оба сидящих по бокам Старейшины отвешивают Асундулу по тычку под рёбра.

-- Ты умом подумал -- все Азаматовы титулы читать? -- вопрошает Унгуц, стуча себя пальцем по лбу. -- Тут не бои, кому ты его представляешь? Я от старости помру раньше, чем ты закончишь!

-- Так положено, -- не очень уверенно настаивает Асундул. -- Боги слушают...

Ажгдийдимидин фыркает и мотает головой.

-- Ладно, -- ворчливо соглашается Асундул и пролистывает пару десятков экранов. -- Дальше. Азамат Байч-Харах, твой прежний выбор был: исторические хроники, военное дело и уважение к традиции. Что из этого ты хочешь поменять?

Азамат поглаживает губу и, как мне кажется, немного смущается.

-- Догадываюсь, что вы осудите мой выбор, -- наконец произносит он со вздохом, -- но из старого набора я хочу оставить только летописи.

Асундул выпрямляется и откладывает наладонник.

-- Стесняюсь напомнить, -- заявляет он возмущённо, -- но ты не просто так гражданин, ты Император! Надо было всё-таки читать все титулы, это ж не просто так правило, человек должен осознавать, какая

на нём ответственность! Твой выбор касается всех на этой планете! Нет, насчёт войны я тебя полностью поддерживаю, этого нам не надо, но традиция, Азамат! Ты не можешь просто так взять и повернуться спиной к прошлому!

-- Старейшина, -- тихо откликается Азамат, -- у меня была вся зима на то, чтобы обдумать свой выбор. Уверяю вас, он даётся мне непросто. Безусловно, я всего лишь один человек и могу ошибаться. Но скажите мне, Старейшина, что в Вашем понимании традиция?

-- Как же? -- оторопело разводит руками Старейшина. -- Это всё! Это всё муданжское, что есть! Наша история, наши люди, одежда, искусство, взгляды... я не знаю, поведение!

-- Поведение, да, несомненно, -- подхватывает Азамат. -- А также взгляды и вкусы. Вкусы, согласно которым человек с моим лицом в принципе не может быть Императором. Взгляды -- косые и презрительные на безродных, больных и увечных, чью жизнь я изо всех сил стараюсь изменить к лучшему. Восхищённые взгляды на богов, которые -- и пусть меня убедят в обратном -- совершенно необязательно заинтересованы в благополучии человечества. Поведение родителей, калечащих своих детей, поведение жён, ненавидящих своих мужей... Старейшина Асундул, где я, а где традиция? Смеею обратить ваше внимание на тот факт, что моим бормол остаются летописи и предания -- я ни в коем случае не отворачиваюсь от нашей истории и самобытности. Но у меня два из трёх бормол говорят о прошлом! Я слишком долго жил вспять, и теперь, когда в моих руках вся планета, я намерен развернуть её лицом к будущему. Мы -- не третьесортный мирок, плетущийся в хвосте у более развитых культур. Мы обладаем огромным, нерастраченным интеллектуальным и душевным богатством. Настало время вложить его в дело, но этого никак не добиться, если мы будем цепляться за старые представления, в которых нет ничего хорошего, просто никто не удосужился от них избавиться много лет назад.

Азамат даже раскраснелся от напряжения, и я хорошо понимаю, что ему приходится прилагать усилия не для того, чтобы всё это сказать, а для того, чтобы удержать свои слова в рамках приличий. Я сама при мысли о муданжских традициях могу только визжать без слов, и моё уважение к Азамату за столь связную оценку не знает границ.

-- Да, я вижу, ты подумал, -- после долгого молчания произносит Асундул. -- Я бы даже сказал, у тебя наболело. Но я всё равно не могу одобрить, что ты под влиянием супруги собрался превратить Муданг в маленькую Землю.

-- Вы меня не слышите, -- качает головой Азамат. -- Я как раз пытаюсь обойти все те подводные камни, на которых Земля неоднократно садилась на мель. Да, земляне многого добились и практически во всей Вселенной почитаются как образец благополучной нации. Но они просто люди, Старейшина. Представление, что всё земное -- эталон прекрасного, это как раз часть той традиции, которую вы так рьяно защищаете. Да, я глубоко уважаю отдельных людей, происходящих с Земли, -- он слегка кивает в мою сторону, -- но я не вижу ни единой причины для нас повторять ошибки их истории. У нас другие исходные данные, у нас есть преимущества! Я не собираюсь ждать, пока века кровопролитных войн, хаоса и разочарования заставят наших людей думать по-земному. Мы уже сейчас можем шагнуть дальше, к более рациональному и продуманному устройству, чем когда-либо было на Земле!

-- Я так понимаю, ни у кого больше не вызывает нареканий, что Император отвергает традицию? -- поджав губы, вопрошает Асундул.

Унгуц пожимает плечами, не скрывая улыбки.

-- Я научил его так мыслить, чего ты от меня ждёшь?

Ажгдийдимидин напрягается до испарины и цедит:

-- Это выбор бормол, а не государственной политики. Традиция его не описывает. Будешь спорить?

Асундул сникает.

-- Хорошо, пожалуйста! Делай как знаешь. Тебя избрали Императором, не меня, -- он вздыхает, и мне мерещится нотка обиды. Неужто он надеялся?.. Асундул сердитым жестом сметает с пуфика два отверженных бормол.

Азамат молча кивает.

Наш духовник, утерев лоб, что-то тихо бормочет, от чего из всех комодов, стоящих вдоль стен зала, вылезают ящики и, гремя деревянным содержимым, сучиваются вокруг Азамата. Пара штук даже пролезает между нами, а один особо нахальный тычется мне в пятки, мол, отойди, место занимаешь. Я его потихоньку пинаю, чтобы не наглел.

-- У меня выбор пожиже был, -- выпячиваю губу, оглядывая ассортимент.

-- Ну вы ж земляне -- просто люди, как нас твой муж просветил, -- замечает Асундул. -- Ты-то замуж выходила, думала, он тебя боготворить будет? А видишь, разглядел получше да в уме переменялся.

Азамат, который начал уже разгребать статуэтки, отрывается и поднимает на Асундула широко раскрытые глаза.

-- Это что сейчас было? -- как-то сдавленно спрашивает он. -- Мне в ухо что-то попало?

Унгуц кладёт Асундулу руку на плечо.

-- Ты дурачок, что ли, совсем у меня? Хулить Хотон-хон на Совете? Тебя в Старейшины за здравые суждения пригласили. Традицию он защищает, чужого счастья стерпеть не может. Молчи уж, не марай обряд.

Асундул, всё это время игравший в гляделки с Азаматом, опускает глаза. Азамат возвращается к раскопкам.

Я расталкиваю ящики и придвигаюсь поближе, поглаживая мужа по руке.

-- Помочь тебе поискать?

-- А ты знаешь, что я ищу? -- улыбается он.

-- Догадываюсь, -- прищуриваюсь я.

Мы принимаемся рыться вместе, перебирая самые причудливые творения безымянных муданжских мастеров. То и дело, залюбовавшись на тончайшую резьбу колонн садовой беседки или неотличимую от настоящей оплывшую свечу, я снова и снова соглашаюсь с Азаматом -- муданжцы имеют иные исходные данные и в чём-то уже лучше нас. Это ведь всё от души и задаром, от любви к чужим людям, которую здесь только так и можно выразить, анонимными подарками, без надежды когда-либо сказать выбравшему этот бормол, дескать, это я сделал, я заглянул в твою душу, я разделил твою веру и создал для тебя символ, якорь твоей жизни. Ну или поплавок, деревянные всё-таки...

-- О! -- не удерживаюсь я, наткнувшись на подходящий предмет. -- Гляди, то?

Азамат берёт у меня маленькую модель винтажного микроскопа. Такие до сих пор используются при полевых работах, когда нет

возможности привезти и подключить громоздкую электронную технику, а этот лёгкий, складной, с лампочкой на солнечных батареях, лучший друг натуралиста и садовода. В некотором смысле, эмблема доступности науки.

-- Кто-то обо мне позаботился, -- усмехается Азамат. -- Да, это именно то, что нужно. Остался последний, -- Азамат делает многозначительную паузу, -- и самый важный. Поможешь?

-- Ты всегда можешь на меня положиться, дорогой, -- киваю я, возвращаясь к ящикам.

Я не знаю, сколько времени мы проводим за этим не слишком захватывающим занятием, но ноги у меня затекают несколько раз в разных позах, а спина начинает сетовать на горькую женскую долю, когда мы с Азаматом сталкиваемся лбами и приходим к выводу, что перерыли всё.

-- У меня есть пара кандидатур, -- уныло тяну я, -- но они все как-то не о том...

-- Аналогично, -- вздыхает муж. -- И это никуда не годится.

Он встаёт, оглядывается по сторонам и пробирается в дальний угол, где неприметно притулился ящик с чурбачками-заготовками. Выбрав одну, Азамат возвращается на своё место и извлекает складной ножик.

-- Да ты обалдел! -- ахает Асундул. -- Байч-Харах, это неслыханная гордыня, самому себе вырезать бормол! Такого даже никто из Императоров не делал!

-- Делал, -- хором поправляют его Азамат с Унгуцем. Азамат кивает Старейшине, уступая слово. -- Аэда сделал себе все три бормол. И до него Овэат Покоритель Неба был вынужден сам себе вырезать бормол, поскольку жизнь его была посвящена полётам в космос, и никто другой не понимал величия и значимости этой миссии так, как он. Если Азамат связывает свою жизнь с вещами, которых никто ещё не осознал, это его право и обязанность -- добавить их в общую копилку.

-- Если позволите добавить, -- снова заговаривает Азамат, щедро расточая щепки, -- мне кажется весьма показательным и несколько стыдным, что ни один мастер не создал бормол с этим смыслом. Но я тут долго провожусь, можете пока прерваться на обед.

Асундул открывает было рот возразить, но мысль об обеде явно пересиливает. Пробормотав "как хотите", он встаёт и царственно удаляется вкушать дары земли.

-- Лиза-хян, пойдёшь с нами? -- предлагает Унгуц, поднимаясь и разминая отсиженные ноги.

-- Не, я тут буду творчество вдохновлять. Такой бормол нельзя вырезать в одиночестве, -- улыбаюсь я, прислоняясь к спине Азамата. Я люблю смотреть, когда он работает руками, каждое движение именно такое, как должно быть, ничего лишнего и всего в достатке.

Азамат на секунду прерывается, чтобы заглянуть через плечо и поцеловать меня в макушку.

Когда Старейшины возвращаются с обеда, Азамат водружает на пуфик третий, центральный бормол -- два кольца, соединённые вместе, как лежащая на боку восьмёрка.

-- Ну и что это значит? -- хмурится Асундул.

-- В нашем языке нет слова, чтобы это выразить, -- вздыхает муж и прихватывает меня за плечи.

Остальные двое Старейшин улыбаются. Унгуц -- хитро, а Ажгдийдимидин -- мечтательно.

В день отлёта во всей столице царит невероятный бедлам, половина Муданга съехалась нас проводить, причём изрядную часть этой половины составляют разномастные чиновники, Старейшины и истцы, которым вот прям припёрло что-то стрясти с Императора. И ничего, что они полгода ждали, а он через полмесяца вернётся, ждалка лопнула именно сегодня.

-- Я не буду ничего подписывать! -- рычит Азамат, сотрясая стены дворца, но толпа людей с бумажками и планшетками даже не думает расходиться.

-- Ахмад-хон, ну что вам стоит закорючку поставить? А у меня весь контракт от этого зависит!

-- Я не подписываю, не читая, -- в сотый раз повторяет Азамат, бережно отодвигая назойливого купца. -- Мало ли что вы мне там хотите подсунуть, воспользовавшись спешкой.

На месте купца тут же образуется трое новых, размахивающих толстыми папками.

-- Ахмад-хон, а как же отчёты по отлову браконьеров? Нам надо сдать!

-- Это вообще не ко мне, а к Кудряшу! -- не сдержавшись, повышает голос Азамат.

-- Не принимает, говорит, форма не та...

-- Значит, сделайте по новой форме, причём тут я?! И дайте уже пройти наконец, меня ждёт звездолёт!

Я стараюсь не отставать от мужа, иначе мои шансы пробиться сквозь толпу упадут до нуля. И это мы к чёрному ходу пробиваемся, а что в офисной части творится, страшно подумать. Азамат оценивающе оглядывает толпу, прикидывая, насколько реально без жертв просто вытолкнуть часть народа на улицу, когда на нас снисходит спасение в лице Алтонгирела.

-- Всем молчать! -- рявкает он у меня из-за спины, и в коридоре резко становится тихо. -- Дать дорогу!

Посетители мгновенно выстраиваются вдоль стен, вжавшись друг в друга.

-- Вот так-то лучше, -- удовлетворённо замечает духовник уже своим нормальным голосом.

Азамат хитро улыбается.

-- Знакомьтесь, это мой заместитель Алтонгирел. Во время моего отсутствия он будет заниматься вашими вопросами.

Алтонгирел самодовольно подбоченивается.

-- Давайте двигайтесь, -- подгоняет он нас. -- Я с вами пройду, а то на улице толпа ещё больше.

-- Как они попали внутрь? -- недоумеваю я. -- Эту дверь только я могу открыть!

-- Заколдовали охрану, -- пожимает плечом Алтонгирел, угрожающе зыряка на нарушителей. Потом немного громче добавляет: -- Я выясню, кто!

Вокруг нас нервно втягиваются животы.

Под Алтошиным конвоем нам всё-таки удаётся пробраться в космопорт, хоть даже и последними. Тирбиш гоняется за Алэком по всему космодрому. Кир, весь в предвкушении предстоящей поездки, нарезает круги между лапками звездолёта, Ажгдийдимидин пытается скрыть нервозность, уткнувшись в книжку. Провожающий его Сурлуг со скорбным лицом жуёт губу и время от времени пытается сказать что-нибудь на прощание, но красноречие -- не его сильная сторона. Ирнчин висит на телефоне, раздавая последние указания, а Янка

строит рожи ему в спину, мол, хватит уже, отпуск. Один Унгуц выглядит довольным собой и миром, сидит себе на сложенном верхнем диле и щурится на солнышко.

-- Так, ну, все в сборе, -- немного взволнованно замечает Азамат, косясь на меня.

Я пожимаю плечами, дескать, знаю не больше твоего.

Азамат ещё раз напоследок с надеждой окидывает взглядом толпу, которой Алтонгирел повелел оставаться на приличном расстоянии от нас, но никого необычного там нет.

-- Ну не знаю, срок уже прошёл. Забыл, наверное...

-- А ты ему звонил?

-- Да, но он трубку не берёт.

-- Вы кого-то ещё ждёте? -- уточняет Ирнчин, наконец отлепив от лица телефон. На щеке у него прямоугольный отпечаток.

-- Да вроде как была договорённость, но не знаю... -- начинает Азамат, как вдруг у нас за спиной раздаётся знакомый голос.

-- Стоило на пять минут припоздниться, и ты уже во мне сомневаешься? -- насмешливо укоряет Ирлик.

-- Ты на звонки не отвечаешь, -- оправдываюсь я, оборачиваясь.

Мы оказываемся лицом к лицу с ним и ещё двумя... персонами.

-- Я был занят, -- поясняет он, слегка качнув головой в сторону стоящей рядом с ним женщины, а потом задорно подмигивает Азамату.

Женщина та не по-муданжски высокая и очень худая, на ней длинный и просторный сине-зелёный диль с несметным количеством драгоценных нашивок, поверх которых расстелены связки не менее драгоценных бус, и всё это переливается и сверкает на весеннем солнце, как зеркальная поверхность Дола, мне даже кажется, что я вижу своё отражение. На голове у неё сложносочинённая причёска, похожая не то на парик с буклями, не то на пену от водопада, и всё это снежно-белое искрящееся богатство каскадом спускается на плечи, как-то незаметно растворяясь в жемчугах и диамантах. Лицо и руки её покрыты серебристыми узорами, похожими на Ирликовы.

Обнаружив, что весь мой словарный запас куда-то делся, я прибегаю к языку жестов, а именно кланяюсь -- не очень низко, поскольку не нахожу в себе сил оторвать взгляд от этого мерцающего зрелища. Как ни удивительно, Укун-Тингир (а кто бы ещё это был?) так же слегка кланяется в ответ, при этом она опускает глаза, и я

замечаю, что вместо ресниц у неё плавники. Вот так выловишь золотую рыбку, а она тебе человеческим голосом...

-- Ирлик много про тебя расскажет, -- сообщает она журчащим голосом. Зубы у неё треугольные и загнутые внутрь.

-- Рассказывал, -- поправляет Ирлик.

Она поводит плечом, мол, что ты придираешься?

-- Я тоже... слышана, -- отвечаю я, стараясь чего-нибудь не ляпнуть.

Укун-Тингир молча смотрит на меня загадочным взглядом и как будто ждёт продолжения.

-- Как вам вышивка? -- интересуюсь я, наконец вспомнив безобидную общую тему.

-- Красиво, -- отмечает она, потом задумывается, хлопнув перепончатыми ресницами. -- Мне нравится такой Ирлик. Не вредный.

Ирлик закатывает глаза, потом показывает мне растопыренную пятерню -- аналог одобрительного большого пальца.

-- Водопад будет? -- встречается откуда-то взявшийся Кир. Господи, зачем я ему про это рассказала?!

Ирлик поигрывает бровями, а водяная богиня обращает серебристы очи к Киру.

-- Сделала, -- заверяет она.

-- Ничего ты ещё не сделала, -- возмущается Ирлик. -- Только обещала.

Она задумывается на полсекунды, потом негромко бормочет:

-- Сдела-ла... Сдела-ю... Очень сложно. Я уста... ла.

-- Правильно, ты двести лет ни рожна не дела-ла! -- передразнивает её Ирлик, впрочем, как мне кажется, она вообще не замечает, что он что-то сказал.

-- Извините, -- внезапно привлекает к себе внимание второй спутник Ирлика.

Он тоже больше человеческого размера, при этом довольно субтильный и немного сутулится, как будто хочет сложиться пополам вдоль. Самое шокирующее в нём -- это густо красный цвет кожи. Нет, я видела по-настоящему краснокожих муданжцев, но они просто бледные немощи по сравнению с этим пигментом. Волосы цвета слоновой кости заплетены во множество косичек и торчат во все стороны вокруг его головы, как парашютики одуванчика. Бледные

бесцветные глаза на ярком лице смотрят на удивление ласково и почему-то напоминают мне о Филине.

-- Здоровья вам! -- кланяется опомнившийся Азамат.

-- Это вам здоровья, -- улыбается Умукх. Во всяком случае, я надеюсь, что это он -- в белом диле, за поясом флейта, на рукавах бубенчики, всё как полагается. -- Очень приятно вас наконец-то увидеть. А вы мне расскажете, как летает это сооружение? -- он тычет длинным красным пальцем в звездолёт. Палец у него вообще не имеет ногтя, только какой-то раздвоенный ворсистый крючочек.

-- Обязательно, Умукх-хон, -- горячо заверяет его Азамат. -- Вы ведь, как я понимаю, летите с нами?

-- Да-да, если позволите. Ирлик сказал, будто бы на Земле хотят обменяться... э, сведениями? Мне чрезвычайно любопытно.

-- Ну, они хотят прежде всего как можно больше узнать про вас, но взамен ответят на любые ваши вопросы, -- решительно обещаю я. Пусть только попробуют отвертеться.

-- Преотлично, -- улыбается Умукх. -- Вы знаете, меня давно терзает вот эта загвоздка, отчего у людей только четыре конечности?

-- Братец, ты свои вопросы до Земли попридержи, -- одёргивает его Ирлик. -- Тут никто не нанимался тебя развлекать. Ладно, грузитесь уже, у меня работа стоит, да и жена вот-вот лужицей растечётся от скуки. Умукха ответами особо не балуйте, а то он не спит, может круглые сутки из вас кровь пить. Да не взаправду, не шарахайтесь! Ну давайте, счастливого пути, я позвоню потом, -- он многозначительно косится на отрешённую Укун-Тингир. -- Потом.

Рядом что-то вспыхивает -- это Кир щёлкает всю троицу на мобильник.

-- Ну пойдёмте, -- неловко предлагает Азамат.

Тирбиш с Алэком стремительно взбегаёт по трапу и исчезает в пузе звездолёта, следом за ним Ирнчин заволакивает упирающуюся Янку, бешено шепча ей на ухо уговоры. Кир кивает Умукху, мол, пошли, и уводит его за собой, на трап. Наши духовники стоят, как приросшие, и вместе с ними Сурлуг, в защитном жесте положивший обе руки на плечи Ажги-хяна. Унгуц сидит на своём прежнем месте, восхищённо рассматривая богов.

Ирлик легко касается руки Укун-Тингир.

-- Ты иди, я сейчас, -- предлагает он.

Она невнятно кивает, поводит плечами и обращается облаком водяных капель, которое тут же относит ветром.

Ирлик внезапно по-братски обнимает Азамата.

-- Удачно съездить. -- повторяет он. -- Я буду скучать. Лиза, -- тут и до меня доходит очередь, -- спасибо ещё раз за портрет. Реально помогло! Она теперь думает, что я милый и добрый.

-- Зрит в корень, -- усмехаюсь я. -- Ты давай звони, а то у меня есть ощущение, что мы с твоим братом не соскучимся.

-- На опыты, -- мотает головой Ирлик. -- Но я позвоню, да. Эй, духовники! Хорошо дрожать, работать пора! Умукха бояться нечего, он послушный, только надоедливый. Ну всё, до встречи, я побежал!

И он исчезает, провернув обратное сальто.

Оторопевший Алтонгирел подталкивает не менее оторопевшего Ажгдийдимидина к трапу, тот едва успевает на прощание пожать руку своей пары. Унгуц встаёт, потягивается и топает следом. Мы с Азаматом тоже присоединяемся и уже почти поднимаемся на борт, когда вся группа внезапно останавливается и уставляется на меня. Я уже начинаю подумывать, не проверить ли, вдруг у меня выросли рога или жабры, но тут они все переглядываются и хором постановляют:

-- Не похожа!!!

Я хохочу так, что чуть не сваливаюсь с трапа.

Глава 40

-- По-простому не выйдет, -- постановляет Азамат, в третий раз сажая обратно звездолёт. -- Видимо, Старейшина слишком переживает, даже несмотря на твоё успокоительное.

Я тяжело вздыхаю. Мы уже битый час пытаемся взлететь из Ахмадхотского космопорта, провожающие нервничают, на Земле ждут, а мы как отрываемся -- так сразу крен, всё что может выдаёт ошибки, а что не может, просто не работает.

-- Ну что, под общий наркоз? -- кривлюсь я, покачивая на коленке унылого Алэка, которого уболтало фальстартами.

Азамат поджимает губы.

-- Нам долго лететь. Ему плохо не станет, если всё время под наркозом держать?

-- Ну, это не полезно, конечно, -- киваю я.

В дверь капитанского мостика робко стучатся -- точнее, сенсорный звонок передаёт приглушённый сигнал в соответствии с

силой стука. Азамат открывает с пульта и оборачивается, как и я, чтобы встретиться взглядом с бледным расстроенным Ажгдийдимидином.

-- Похоже... ничего не выйдет, -- каркает он. -- Мне лучше сойти.

-- Вам бы лучше успокоиться, -- закатываю глаза я.

-- Послушайте, -- перебивает меня Азамат, -- Ирлик-хон ведь сказал, что Умукх-хон может как-то, ну, скажем так, нейтрализовать ваше влияние. Как вы смотрите на то чтобы его попросить?

Ажгдийдимидин устало трёт лицо руками и выглядит довольно растерянным.

-- Я уже не знаю, что я знаю, -- бормочет он, потом поднимает кислый взгляд на Азамата. -- Попросишь?

Азамат подхватывается с места.

-- Конечно, пойдёмте.

Я тоже вскакиваю поглазеть. Могли бы, вообще, догадаться, что Ажги-хян сам к богу не пойдёт, у него просто не хватит сил произнести все формулы вежливости, необходимые для такой просьбы.

Умукх обнаруживается в кают-компании, где его немного неуклюже пытается развлекать беседой Кир.

-- Ну чего, полетим когда-нибудь? -- спрашивает ребёнок, как только мы показываемся на горизонте.

-- Вот как раз об этом и пришли поговорить, -- сообщает Азамат, слегка кланяясь Умукху. -- Не будете ли Вы так любезны, Умукх-хон, нам немного пособить? Ирлик-хон полагает, что Вам не составило бы труда справиться с такой проблемой... -- он замолкает, заметив абсолютно сбитое с толку выражение лица Умукха.

-- Лю-безны... по-со-бить... -- шёпотом повторяет тот, усердно нахмурившись.

Азамат набирает воздуха, чтобы переформулировать попроще, но тем временем Умукх, видимо, распутывает кудель в голове и радостно отзывается:

-- А, помочь надо, да? Ирлик сказал, что я могу помочь? Ну, говорите, чем, чем? -- он только что не подпрыгивает от возбуждения.

-- Да вот, понимаете, сила Старейшины очень плохо влияет на звездолёт, -- как можно проще и немного медленнее отвечает Азамат. -- Может быть, Вы могли бы как-то...

-- М-м-м... -- хмурится Умукх. -- Да, Ирлик что-то такое говорил... Это надо понять, как работает звездолёт, да? Это ведь очень сложно, наверное...

Азамат делает такое лицо, как будто откусил половинку лимона.

-- Ну, вообще, да, довольно сложно.

Старейшина рядом с ним сникает.

-- А, подождите! -- внезапно оживляется Умукх. -- Можно по-другому. Я знаю как! -- он соскакивает с дивана и пружинистой походкой подходит к Ажгдийдимидину, который ещё больше бледнеет и напрягается так, что даже выключенные экраны-иллюминаторы показывают сообщения об ошибках.

Умукх деловито оглядывает его с ног до головы, словно прикидывая соотношение роста и веса, потом берётся за одну из косичек у себя на голове и к некоторому нашему испугу выдёргивает её с корнем. Правда, ни мяса, ни крови на конце косички нет, только небольшое округлое утолщение. В руках Умукха косичка вдруг оживает, сглаживается и превращается в змейку -- маленькую, толстенькую, перламутрово-белую с улыбающейся мордочкой. Наш Старейшина, кажется, покачивается. Даже Азамат решает на всякий случай придержать его за локоть.

-- А что именно вы собираетесь делать? -- интересуюсь я.

Умукх на секунду задумывается.

-- Ой, это очень трудно объяснить. Но всё будет хорошо. Э-э, Ажгдийдимидин. давай руку.

-- К-которую? -- смятённо сипит духовник, не спеша ничего подавать.

Умукх хмурится и прикусывает губу.

-- Л-левую!

Духовник неохотно поднимает левую руку.

Умукх кивает с видом человека, угадавшего сложное слово в кроссворде. Он цепко хватает духовника за руку и запускает свою змейку ему в рукав. Судя по бугоркам под тканью, она там сворачивается браслетом.

-- Вот! -- победоносно резюмирует Умукх. -- Можем лететь.

Ажгдийдимидин осторожно, как будто приближаясь к клетке с тигром, оттягивает рукав, чтобы полюбоваться на перламутровый

браслет. Теперь это совсем не похоже на живую змею, так, побрякушка.

-- А... это... можно будет снять? -- шепчет он.

Умукх ненадолго задумывается, так что нас слегка прошибает холодный пот.

-- Да, -- наконец сообщает он. -- Когда прилетим, наверное. Она к тебе привыкнет и будет слушаться. Ахмад-хон, а скоро мы полетим? Мне очень интересно, я никогда в космосе не был...

-- Сейчас ещё раз попробуем, -- кивает Азамат, слегка подталкивая духовника ко мне и Киру, чтобы поддержали. -- Надеюсь, теперь всё получится.

Он уходит на мостик, и действительно через пару минут мы отрываемся от земли, совершенно без толчков и качки, и постепенно начинаем забираться в облака.

Ажгдийдимидин жестами показывает, что хотел бы свалить отсюда на все четыре стороны, и Кир уводит его в каюту отдыхать после нервного потрясения.

Умукх стоит довольный, вложив руки в противоположные рукава, улыбается миру, демонстрируя монолитные пластины вместо зубов.

-- Можете посмотреть в окно, как мы поднимаемся, -- замечаю я, поудобнее перехватывая Алэка, пока он не дотянулся до тех самых косичек.

-- О, отличная идея! -- радуется Умукх и кидается к иллюминатору.

Некоторое время с его стороны доносятся только самодостаточные охи и ахи, потом он вдруг снова вспоминает обо мне и спрашивает:

-- А как называются эти штуки?

Я кошусь на забортный пейзаж -- мы только что выползли в верхнюю атмосферу.

-- Облака?

-- Ах, да, точно! -- живо кивает он и немного смущается. -- Пожалуйста, не говорите Ирлику, что я спрашивал, он мне это уже столько раз говорил, что теперь только злится.

-- Не скажу, -- обещаю я. -- Но вообще он это зря, вы много слов знаете. Ещё внизу, в космопорту такие сложные слова говорили,

помните?

Он смущается ещё больше.

-- Это я нарочно к случаю выучил. Кстати! Вы обещали мне рассказать, почему у людей только четыре конечности!

Начать разговор с Умукхом об анатомии и эволюции было большой ошибкой. К тому моменту, когда Азамат выводит нас за пределы гравитационного поля муданжского Солнца, я охрипла и сломала мозги, стараясь сляпать хоть сколько-то правдоподобные объяснения с учётом полной некомпетентности и ограниченного словаря собеседника. Кажется, я начинаю понимать, что имел в виду Ирлик, когда говорил, что Умукх будет из нас кровь пить. Вон как хищно своими мушинными пальцами перебирает.

К счастью, на выручку приходит Старейшина Унгуц, который умудрился задремать во время неразберихи со взлётом, и теперь бодр, свеж и готов на подвиги. Я со спокойной совестью оставляю его развлекать бога, а сама иду помогать Тирбишу с обедом и заодно составлять расписание дежурств по Умукху -- оставлять его одного мне как-то не очень нравится.

Однако остаток дня проходит без происшествий. Никакого колдовства никто не творит, приборы работают как положено, а Унгуц -- святой человек -- умудряется сам уболтать Умукха до такой степени, что тот отпрашивается в каюту отдохнуть.

Ближе к ночи -- ну, это если по Мудангу ориентироваться, -- из-за баррикад выбирается Ажгдийдимидин. Он приходит в кухню, где мы всем комплектом, кроме бога, режемся в настольную игру, и являет нам глубоко потрясённое выражение лица.

-- Ужинать будете? -- спрашивает его Кир, поняв, что Старейшина подвис и нуждается в перезагрузке.

-- Не отказался бы, -- отвечает Ажги-хян, что само по себе странно: можно ведь было просто кивнуть. Но он ещё и продолжает: -- А можешь мне ещё гармарры сделать, пожалуйста?

Лицо его при этом становится ещё более ошеломлённым, хотя по голосу слышно, что он совершенно не напрягается. Видимо, в этом-то и шок...

-- Та-ак, -- протягивает Унгуц. -- Это что же Умукх-хон с тобой сотворил?

-- По всей видимости, он меня запечатал, -- вздыхает духовник, садясь за стол.

Мы с Азаматом переглядываемся.

-- Только на время перелёта, как я понимаю? -- осторожно предполагает Азамат.

-- Надеюсь, -- нервно откликается духовник, таращась в стол.

-- Ладно, не переживайте, в крайнем случае, Ирлик распечатает, -- успокаиваю я. -- А пока наслаждайтесь речью.

Духовник понуро кивает и принимается есть поставленный перед ним суп, запивая гармаррой.

Наутро, как обычно, не обнаружив мужа в постели, я выползаю в общественное пространство и вскоре нахожу Азамата в компании Умукха и Янки, которую её мужчина вчера до бога не допустил из суеверного ужаса.

-- Ага, -- сонно, но ехидно говорю я, -- Ирнчин с утра пораньше за рулём, а ты -- общаться?

-- Ну ещё бы, Лизка, ты что! -- фыркает Янка. -- Это ты с богами по выходным бухаешь, а я вообще не в курсе, как будто на другой планете живу! Мне же интересно. А Ирнчина я ещё не скоро прощу, и десять раз подумаю, хочу ли я действительно за него замуж выходить. Ты знаешь, что он мне вчера устроил?

Азамат с Умукхом озабоченно переглядываются.

-- Эмоциональный шантаж? -- предполагаю я из личного опыта.

-- Щаз! Он просто в дверях встал, и всё! Типа, не пущу -- и как хочешь! И сегодня уходя каюту запер. Хорошо хоть телефон не отобрал, я Азамату позвонила, чтобы выпустил. Ну ты представляешь, какой козлина!

Я окончательно просыпаюсь, освежённая новостями.

-- Он тебя собрался там весь полёт голодом морить? -- недоверчиво уточняю я. Как-то до сих пор я не замечала за муданжцами таких накрений мозгов.

-- Нет, завтрак он мне принёс, и ужин вчера тоже, -- выпятив губу поясняет Янка. -- Но это его совершенно не извиняет.

-- Вы же понимаете, он глава национальной безопасности, -- вкрадчиво и, видимо, не в первый раз напоминает Азамат. -- Это определённым образом сказывается на личности...

Янка извлекает заткнутую сзади за пояс джинсов силиконовую лопаточку для жарки и, угрожаясь потрясая ею, заявляет:

-- На его личности вот это скажется, как только он посмеет ко мне хоть на полметра приблизиться!

-- Вы прямо как Укун-Тингир, -- прищурившись от улыбки замечает Умукх.

-- Да, кстати! -- оживляется Янка. -- Мне очень импонирует мысль запереть кое-кого в подземной пещере на двести лет! Нет, правда, Лизка, как ты с ними живёшь?!

Азамат тяжело вздыхает.

-- Меня никто запирать не пытался и, надеюсь, не попытается, -- многозначительно произношу я, косясь на мужа. -- А вообще, дорогой, поговорил бы ты с Ирнчином на эту тему как-нибудь... по-мужски.

Азамат кроит кислую мину.

-- Да, я уже пришёл к тому же выводу, но совершенно не уверен, что из этого выйдет что-то путное. У Ирнчина не так уж много причин прислушиваться к моим советам на личном фронте.

-- У него есть одна очень веская причина! -- продолжает возмущаться Янка. -- Потому что пока он мне под страхом смерти не поклянётся, что такое не повторится, во ему, а не свадьба, и вообще может про меня забыть!

На "во" она предъявляет самый выразительный жест, на который способна, и Азамата это слегка коробит -- как же, женщина... Умукх, однако, рассматривает Янкины пальцы с интересом.

-- А что значит этот жест? -- любопытствует он.

-- Что я ему вставлю и проверну! -- рычит Янка.

-- Что? Куда? -- не понимает Умукх.

Азамат морщится и просительно смотрит на меня.

-- Пойдём завтракать?

-- Пошли, -- соглашаюсь я, давась смехом. -- Ян, ты только, когда объяснишь свои намерения, объясни также сферу употребления, а то если бог так выразится, кого-нибудь и кондратий хватить может.

Янка отвечает на языке хозяев леса, не иначе.

На пути к кухне Азамат выглядит несчастно, как будто съел что-то тухлое.

-- У тебя последнее время очень богатая мимика, -- замечаю я. -- От меня набрался?

Он задумчиво трёт лицо руками.

-- До твоей мне ещё далеко. А так, вообще, мне всегда говорили, что у меня выразительное лицо. Ну, до...

-- А-а, то есть, у тебя наконец-то проснулись мимические мышцы! -- резюмирую я. -- Ну слава кому-нибудь там и моему крему!

-- Крем твой волшебный, да, -- улыбается Азамат. -- И руки золотые. Но если хочешь с кем-нибудь разделить заслуги, то как раз с Умуqx-хоном. Он ведь бог целительства, ему и благодарность.

-- Кстати, может, его попросить помочь? Ты, конечно, и так уже хорошенький, но надо бы довести дело до конца. Ты вообще пробовал когда-нибудь для него моцоги проводить или как там это делается?

Азамат задумчиво склоняет голову набок, раскладывая завтрак по пиалам.

-- Моцоги -- нет. Гуйхалахи возносил, конечно, правда, они лучше всего работают в моменты отчаянья, а мне, видимо, только казалось, что я до него дошёл. В целом я считал, что если уж боги решили меня изуродовать, просить их вернуть всё как было бессмысленно -- зачем-то же они это сделали. Алтонгирел тоже всё время твердил, что у всего есть своё значение, и что мы не можем предугадать высший замысел. Но это имеет смысл только если боги действительно планируют жизни людей. А я, страшно сказать, последнее время далеко не так в этом уверен... Так что, может, и правда имеет смысл попросить Умуqx-хона...

-- О чём? -- раздаётся за спиной заинтересованный голос.

Мы подпрыгиваем с разворотом и упираемся взглядами в Умуqxа собственной персоной. Я вполне уверена, что он следом за нами не шёл, да и Азамат заметил бы, у него слух о-го-го.

Азамат неуверенно косится на меня -- ему, видимо, неловко просить за себя.

-- Да вот, мы тут подумали, -- поясняю я, -- раз уж вы бог целительства, может, вы бы подлатали Азамату физиономию? Ну, естественно, мы бы обряд провели, как полагается, дары там, все дела...

Умуqx неожиданно спадает с лица и принимается махать на меня руками.

-- Не надо, пожалуйста, не надо, не просите! -- выпаливает он практически в панике. -- И ни в коем случае не проводите этот

ужасный обряд!

-- Эмм... -- я кошусь на Азамата в надежде, что он что-нибудь объяснит, но он смотрит на меня в такой же растерянности. -- Ладно, не переживайте так, мы не будем... Да не будем, не будем, обещаю!

Умукх перестаёт паниковать и расслабляется до полного раскисания -- как-то весь оседает, едва на ногах держится, и сутулость его уже граничит с горбатостью.

-- Спасибо, -- жалобно выдавливает он. И тут же быстро добавляет: -- И друзей всех попросите, чтобы они тоже ни-ни! Пожалуйста!

-- Хорошо-хорошо, -- заверяет Азамат, высоко подняв брови. -- А можно узнать, почему?

Умукх на секунду подвисает, потом кивает.

-- Да, конечно, люди всегда хотят знать причину... -- он задумывается. -- Это сложно. Но я попробую объяснить.

-- Давайте сядем за стол и побеседуем под завтрак, -- предлагает Азамат, балансируя тремя пиалами. Тон, в котором он разговаривает с Умукхом, всё больше напоминает тон, в котором он разговаривает с матушкой -- вроде и уважительно, и настойчиво, и даже немножко покровительственно. Умукх реагирует, как родной -- тут же послушно садится за стол и раскладывает свои пальцы-крючочки по краю столешницы. Он успевает съесть и выскрести содержимое своей пиалы прежде чем вспоминает, что собирался что-то рассказать.

-- Ах да, про целительство... -- вздыхает он, хлопая густыми белыми ресницами, как пушок на теле ночной бабочки, -- Тут такое дело... Понимаете, если обряд проведён правильно, я не могу отказать. То есть, это не в моей власти. Я обязательно должен выполнить просьбу и ничего не могу с этим поделать.

-- А вам это очень трудно? Или неприятно? -- пытается понять Азамат.

-- Нет, легко! -- мотает головой Умукх. -- Но это просителю жизни стоит.

Азамат моргает.

-- Что, всегда?

-- Угу, -- уныло кивает бог. -- А иногда не только просителю, а и ещё кому-нибудь из его близких... Случалось, что и целыми семьями...

ой! -- он зажмуривается и остервенело мотает головой, стараясь отогнать неприятные воспоминания.

-- Ну а вы не можете их предупредить? -- ошеломлённо спрашиваю я, внутренне содрогаясь от мысли, что сама только что чуть не стала "просителем".

-- Конечно, я всегда предупреждаю! -- заверяет Умукх. -- Но люди думают, что так будет лучше, думают, что здоровье другого человека важнее их жизни, понимаете? Что это, как это называется... оправданная жертва. Но только лучше не бывает! Просителю-то что, умер -- и никаких проблем. А вот спасённые... Они потом всю жизнь маются, со всеми ссорятся, винят себя и других, а другие их обвиняют... Я не могу на это смотреть! -- он совсем закорючивается и утыкается подбородком в стол.

-- И так было во все времена? -- тоже ошарашенно спрашивает Азамат.

Умукх кивает.

-- Но раньше было лучше, -- добавляет он. -- Потому что я не понимал. Мне было всё равно. Попросили -- сделал. Меня только интересовало, чтобы обряд провели по всем правилам. А потом Ирлик дал мне разум. И теперь я каждый раз страдаю, -- его голос от напряжения срывается на писк. -- Я не хочу убивать людей. И ничем хорошим это никогда не кончается. Но они всё равно просят!

-- А вы не можете вместо жизни что-то другое брать? -- осторожно интересуюсь я. -- Ну или хотя бы животных, а не людей...

-- Я ничего не могу, -- вздыхает Умукх и вытягивает из-за пояса свою легендарную флейту. -- У меня есть только вот это. Если я на ней сыграю, она выдует жизнь из просителя, но излечит кого заказано. Я пытался что-нибудь с ней сделать, чтобы она работала по-другому, но ничего не выходит. А больше я ничего не умею. Я пытался помогать людям без флейты, но я только хуже делаю.

Он уныло постукивает флейтой по столу. При ближайшем рассмотрении я понимаю, что она сделана из кости, скорее всего, птичьей, при этом довольно большая и украшена резными узорами.

-- А откуда она у вас? -- интересуется Азамат.

Умукх пожимает плечами.

-- Укун-Тингир говорит, что я её сам сделал. Но я этого не помню, Ирлик тоже. Она уверяет, что сама видела, но она может легко

всё перепутать.

Он окидывает злополучный предмет печальным взглядом и снова убирает его за пояс. Потом немного приободряется и даже улыбается прежде чем снова заговорить.

-- Ирлик сказал, что земляне хотят изучить, как мы, боги, делаем всякое. Вот я и подумал, может быть, если я пойму, как всё это работает, и как устроены люди, может, тогда я смогу лечить без флейты?

-- Резонно, -- соглашаюсь я. -- Но на это уйдёт много времени.

-- Я бы с радостью отдал пару веков, чтобы только больше никогда не играть на ней, -- серьёзно говорит Умукх.

Мы с Азаматом понимающе киваем. Азамат немного колеблется, но всё же решается высказать свои соображения.

-- Умукх-хон... Не поймите меня неправильно, я очень уважаю землян, и вполне уверен, что исследователи, которые будут с Вами работать -- честные и добросовестные люди, но всё же... Возможно, не стоит рассказывать им о флейте и об этой проблеме. По крайней мере, первое время.

-- Ты думаешь, они захотят, чтобы я на ней сыграл? -- напрягается Умукх.

-- Не знаю насчёт этого, но, боюсь, как бы Вас не втянули в чужие игры. Понимаете, наука наукой, но за любой наукой стоит представитель власти, который может соблазниться использовать Вас в своих целях. В этом смысле, конечно, любое исследование с Вашим участием -- это соблазн, но флейта меня особенно беспокоит. Возможно, было бы лучше им её даже не показывать. Во всяком случае, пока не убедитесь, что никто не захочет превратить её в оружие.

Умукх широко раскрывает глаза.

-- Но я ведь только хочу помочь! Я не хочу, чтобы меня использовали во вред другим! Может, тогда лучше мне к ним и вовсе не ходить?

-- Умукх-хон, -- мягко говорит Азамат, пристально глядя ему в лицо. -- Вы очень добры к людям, и я совсем не хотел бы менять Ваше отношение. Я уверен, что в конечном итоге от исследований, в которых Вы собираетесь принять участие, выйдет польза и Вам, и нам, и землянам. Я просто прошу Вас быть осмотрительнее. Я постараюсь

держат всё под контролем и присматривать за людьми, которые будут Вами заниматься, на случай если вдруг их цели -- не просто стремление к знанию. Но я не могу быть там с Вами каждый день и указывать, на какие вопросы отвечать, а на какие нет. Поэтому прошу Вас, для всеобщего блага, будьте осторожны. Вы же знаете, людям не всё и не всегда можно говорить.

Умух, до сих пор слушавший немного растерянно, оживляется и понимающе кивает.

-- Да, это я знаю. Ирлик тоже всё время говорит, что надо сначала понять, что человек сделает, если ему скажешь, а потом уже решать, говорить или нет. О-ой, как сложно. Но надо уметь, правда же? Иначе так совсем онасекомиться можно, -- улыбается он.

-- Онасекомиться? -- приподнимает бровь Азамат, из чего я делаю вывод, что это не просто редкое выражение.

-- Ирлик так говорит, -- пожимает плечами Умух. -- Он говорит, если я не буду думать, то совсем онасекомлюсь. Я не знаю, что это, но, наверное, что-то неприятное.

-- Похоже, что так, -- соглашается Азамат.

-- Слушай! -- внезапно оживляется Умух. -- У тебя ведь тут есть на корабле специальный человек, который безопасностью занимается?

-- Да, Ирнчин, -- кивает Азамат.

-- Вот, я ему тогда флейту отдам на хранение. Как ты думаешь, он проследит, чтобы на ней никто не играл?

Азамат на пару секунд задумывается, потом отвечает.

-- Полагаю, да. Пожалуй, из всех кого я знаю, он наиболее надёжный человек в этом отношении.

-- Отлично! -- радуется Умух. -- Тогда я прямо сейчас пойду с ним поговорю, пока не забыл!

И, не позволяя слову разойтись с делом, он быстренько сворачивается, сжимается, уменьшается и с тонким жужжанием улетает из кухни.

Азамат провожает его задумчивым взглядом.

-- М-да, -- резюмирует он. -- Придётся Унгуцу отзывать тираж биографий богов и править. Не в комара он превращается, как во всех легендах написано, а в ктыря.

Вскороности к нам присоединяются Кир и Ажги-хян, ведущие осторожный разговор об успехах Айши. После эпизода со спасением Сурлуга эти двое гарцуют друг вокруг друга, как в средневековом танце, даже Кир со всей его топорностью и ненавистью к духовникам как-то ухитряется быть тактичным и вежливым. Если это всё ради Айши, то, может, Азамат и прав, и там действительно не просто дружба.

Ажгдийдимидин в приподнятом настроении и непривычно болтлив -- рассказывает такие подробности тренировки духовников, от которых Алтонгирел уже давно бы зашикал и повставлял всем кляпы и беруши.

-- С предсказаниями у неё пока что так себе, -- излагает духовник. -- Активные умения ей лучше даются. Как она повелевает, ты и сам видел, но и гуйхалахи у неё очень могущественные. А вот будущее... Мне кажется, дело больше в том, что она стесняется в чужую жизнь заглядывать. Возможно, ты бы мог на неё повлиять в этом отношении, а то мы с Алтонгирелом в её представлении слишком значительные люди, чтобы она могла брать с нас пример.

-- Хотите сказать, вы не против, если она от меня наглости поднаберётся? -- ухмыляется Кир.

-- Ну, вроде того, -- неловко улыбается Ажги-хян.

-- Хм, -- Кир многообещающе шевелит бровями.

Ажгдийдимидин негромко смеётся и вздыхает. Он гораздо симпатичнее, когда улыбается.

-- Жаль, Сурлуг не с нами, -- комментирует возникший в проёме Унгуц.

Ажгдийдимидин улыбается шире.

-- Я ему звонил сегодня с утра, -- сообщает он с лёгкой гордостью -- он крайне редко именно звонит, по понятным причинам писать сообщения ему гораздо проще. -- Проговорили три часа, как будто не вчера расстались.

Его лицо становится задумчивым и отстранённым, так что мы тактично перестаём на него таращиться и отвлекаемся на какой-то свой разговор. У Азамата пиликает телефон -- первые такты одной из модных нынче на Муданге танцевальных мелодий. Он берёт трубку, но мотив не обрывается -- его продолжает напевать Старейшина, слегка

пританцовывая на месте. Кир бросает на меня заговорщицкий взгляд и тайком запускает видеозапись на телефоне.

Умукх возвращается в гостиную очень довольный и с Янкой на локте. Она внимательнейшим образом рассматривает его пальцы, одежду, волосы и даже обнюхивает под мышками. Я немного внутренне морщусь, всё-таки и в моём расслабленном понимании с богами следует держать некоторую дистанцию, но Умукха, кажется, всё полностью устраивает, так что я не выражаю свои сомнения вслух. Однако при виде этих двоих я начинаю задумываться, что, возможно, у Ирнчина были и другие причины не подпускать Янку к богу -- элементарная ревность, например.

-- А, Ажгдийдимидин! -- радуется Умукх. -- Ну как, всё нормально?

Духовник слегка кланяется.

-- Премного благодарен. Вы сняли с моего сердца огромный груз, и теперь я чувствую себя снова молодым.

-- Да ты и есть молодой, -- удивляется Умукх. -- Но ты сегодня намного лучше выглядишь. Вот бы тебе всё время такую штуку носить!

Ажгдийдимидин опускает взгляд.

-- Соблазн велик. Но на мне лежит ответственность за всю планету. Я не могу просто так взять и выйти из игры.

Умукх делает печальную рожицу.

-- Я спрошу у Ирлика, как тебе самому её снимать и надевать, -- обещает он и добавляет: -- если не забуду, конечно.

-- Мы напомним! -- радостно сообщает Унгуц. -- А вот бы вы ещё для Айши такую штучку сделали. Ей-то можно и не снимать, даже лучше было бы.

-- Ещё чего! -- внезапно возмущается Кир. -- Нет, на время я могу понять, но чтобы она тоже могла снимать!

-- Но Кир, -- вздыхает Ажгдийдимидин. -- Быть духовником совсем не просто, тем более, для девочки. Ты только подумай, её же не будут воспринимать всерьёз. Это очень тяжёлая судьба. И если есть возможность её избежать, то...

-- То пусть кто-нибудь другой избегает, -- Кир упрямо складывает руки на груди. -- Она уже всё решила. Она будет первой в мире духовницей, она так хочет. И я уверен, что она справится.

Ажгдийдимидин просительно смотрит на Азамата, мол, урезонь ребёнка. Но Азамат качает головой.

-- Старейшина, боюсь, я присоединяюсь к Айшиному решению. Да, ей будет трудно, но подумайте вот о чём: она не единственная и не последняя на Муданге девочка с духовными способностями. Раз уж так вышло, что она попала в учение, этим надо пользоваться, чтобы продвигать идею женщины-духовника и сократить количество вынужденных знающих в пользу хорошо обученных духовников. Простите, что говорю, как политик, но вы же понимаете, что следующий раз такой прецедент может произойти ещё через сотни лет, а вы не понаслышке знаете, как тяжело женщине отказаться от использования своей силы.

Духовник вскидывает на него шокированный взгляд и быстро оглядывается по сторонам, проверяя, не услышал ли кто лишний намёка на его сестру.

-- А... кто такая Айша? -- вкрадчиво интересуется Умух в повисшей тишине.

Кир принимается объяснять, пока Азамат с Ажгдийдимидином ведут немой спор взглядами, бровями и наклоном головы. Азамат побеждает, заставив духовника смиренно вздохнуть.

-- Прошу меня простить, -- откланивается муж. -- Мне нужно обсудить одно дело с министром безопасности.

Министр безопасности -- это у нас Ирнчин. Я бросаю косо́й взгляд на Янку, которая немного отлипла от бога и пытается вникнуть в суть разговора про Айшу.

-- Лиз, что эти шовинисты опять выдумали? -- спрашивает она меня на родном. -- И почему этот мужик должен не понаслышке что-то знать про женские чувства?

-- У него сестра подхалтуривает колдовством, -- поясняю я. -- Только это страшный секрет, не вздумай никому говорить, испортишь всю жизнь бедной женщине и всей её семье.

Янка в томном жесте прикрывает глаза ладонью.

-- Этот Муданг! Куда ни плюнь всё жизнь кому-нибудь испортишь!

-- Да, социальное положение у нас -- хрупкая вещь. Чихнул -- и нету.

-- У нас? -- усмехается Янка. -- Ладно, госпожа муданжка, ты вот что скажи, твой муж пошёл с моим козлом разговаривать, да? А мы не можем как-нибудь...

Её прерывает жужжание моего телефона -- сообщение от Азамата: "Зная твою любознательность, оставил дверь приоткрытой".

-- Можем, -- ухмыляюсь я.

Когда мы подкрадываемся к Ирнчиновой двери, там уже всю идёт разговор.

-- А у тебя что, душа под кустом не прячется, когда они в гости заходят? -- несколько повышенным тоном вопрошает Ирнчин.

-- Было дело поначалу, -- соглашается Азамат. -- Но я привык со временем. Они действительно не имеют в виду вреда.

-- Это игра с огнём! -- кипятится Ирнчин. -- Имеют, не имеют... Что богу дела до жизни одного человека? Как тебе до муравья! Сегодня он тебе оказывает любезности, а завтра доедает твою семью! Азамат, я не могу себе позволить её потерять. Она всё для меня, понимаешь, она свет в жизни!

Янка корчит рожу и приосанивается, а у меня случается дежавю.

-- Я очень хорошо тебя понимаю, -- размеренно отвечает Азамат. -- Но ты должен осознать две вещи. Во-первых, если ты будешь ограничивать её свободу, то потеряешь её обязательно, очень быстро и бесповоротно. С земной женщиной просто нельзя так обращаться, это я тебе как эксперт говорю. А во-вторых, мой опыт общения с богами показывает, что они относятся к людям совсем не так наплевательски, как мы привыкли думать. Даже грознейшие из них вроде Учок-хона воспринимают людей скорее как домашних питомцев, чем как букашек. Ирлик-хон -- во всех отношениях самый могущественный из богов, -- глубоко заинтересован в людях как в источнике знаний. Что же касается Умукх-хона, мы сегодня утром с ним беседовали, как раз насчёт флейты, и у меня сложилось впечатление, что он искренне дорожит каждой человеческой жизнью, как будто мы ему все родные дети. Я понимаю, что тебе страшно. Мне тоже поначалу было страшно. Но ты не столичная барышня, ты наёмник. Ты должен и сквозь страх видеть риски. И риск потерять её, потому что ты ведёшь себя, как беспомощный дурак, гораздо выше, чем риск попасть под ноги рассеянному богу.

-- Ну Азама-ат, -- практически стонет Ирнчин. -- Она на него так смотрит...

Янка рядом со мной закатывает глаза так, что они чуть там не остаются.

Азамат фыркает.

-- Так ты определись, друг, ты боишься за её жизнь или верность?

-- Я за всё боюсь, -- вздыхает Ирнчин. -- Я что ни сделаю, всё оказывается не так и неправильно. Я каждую свободную минуту только сижу и думаю, как мне с ней себя при следующей встрече вести, чтобы она меня тут же не бросила.

Янка беззвучно ахает.

-- Ты вообще знаешь, почему она хочет по земному обряду жениться? -- продолжает распалаться Ирнчин.

-- Потому что у них браки не навсегда, -- откликается Азамат.

-- Вот именно! -- снова повышает голос Ирнчин. -- Она просто собирается меня бросить, когда я ей окончательно надоем.

Янка стучит кулаком себе по лбу и всячески гримасничает в том смысле, что нельзя быть таким мнительным.

-- А тебе не приходит в голову, что она тоже боится? -- осторожно интересуется Азамат.

-- Ей-то чего бояться? -- не понимает Ирнчин. -- Что я не обеспечу ей безбедную жизнь? Или наоборот, накоплю на десятерых детей?

-- Н-нет, -- усмехается Азамат. -- Я вполне уверен, что ни того, ни другого. Зато она, например, может бояться, что ты не дашь ей работать. Что ты будешь контролировать её жизнь, её круг общения. И ты только что дал ей весьма серьёзный повод для опасений.

-- Ну хорошо, допустим ты прав, и боги действительно не так опасны, и пусть у меня губы дрожат при мысли, что она вот сейчас с ним разговаривает и может что-то ляпнуть такое, что он её сразу сотрёт в порошок, ничего, свой страх я перетерплю, я и правда привычный. Но что если она ввяжется во что-то действительно опасное? Я и тогда должен позволять ей делать, как она хочет? И если она интересуется другим мужчиной, я должен сидеть сложа руки и надеяться, что это пройдёт?

-- А ты не пытался с ней самой об этом разговаривать? -- осведомляется Азамат.

-- О чём "об этом"?

-- Скажем, я полагаю, ей было бы интересно узнать, что ты столько времени думаешь о ней, что тебе так трудно даётся это ухаживание, что ты не понимаешь, как ей угодить... Да и насчёт опасности, я уверен, если бы ты связно объяснил, чего именно ты опасаясь, не пришлось бы двери запиравать. Уж с её-то профессией оценка рисков -- ежедневное дело.

-- Азамат, -- несколько обескураженно произносит Ирнчин, -- но я же не могу ей сказать, что я ничего не понимаю и боюсь. Какой я буду после этого мужик? Я ей совсем разонравлюсь.

Янка складывает бровки домиком и прикусывает кулак, но всё же не удерживается от умилённо-мяукающего звука, и в каюте повисает напряжённая тишина. Однако провал Янку совершенно не выбивает из колеи -- вместо того, чтобы драпать, она врывается в каюту и угрожающе-размашистой походкой приближается к Ирнчину, на которого несколько жалко смотреть.

-- Ты идиот! -- громогласно заявляет она, после чего крепко обнимает его посередке и так же решительно добавляет: -- Но я тебя очень люблю, так что тебе придётся резко поумнеть!

Ирнчин беспомощно переводит взгляд с Янки на Азамата, на меня и обратно на Янку, не зная, куда девать руки, в итоге решает, что логично попробовать её тоже обнять.

Она выворачивает голову, чтобы глянуть на меня, не отпуская его.

-- Лиз, вот чё мне делать с этим подарком судьбы?

-- Холить и лелеять, -- с трудом сдерживая смех, предлагаю я.

-- Ты говоришь, как моя совесть, -- вздыхает Янка. -- А хочется-то воспитывать и укрощать.

-- Мужчин нельзя воспитывать, у них от этого язва и мигрень бывает. Их можно только дрессировать, награждая за хорошее поведение. А ты дрессировкой пренебрегаешь и вон до чего мужика довела, что он тебя в комнате запирает.

-- Я довела?!

-- А кто же?

-- При дрессировке, -- внезапно встречается Азамат в наш базар, -- важно быть последовательным и чётко формулировать, какое именно поведение поощряется, при этом ставить выполнимые задачи. Это и в обратную сторону тоже работает. Ну, Лиз, как думаешь, безопасно их оставлять наедине?

-- Да думаю, не передерутся.

-- Ну тогда пошли Тирбиша подменим, -- он кладёт мне руку на плечи и подталкивает к выходу.

-- Азамат! -- окликает Ирнчин. -- Ты это что, подстроил всё, что ли?

Азамат слегка оборачивается.

-- Ну, я полагал, что проблема у вас в непонимании. Я повидал домашних тиранов, и ты -- не один из них, так что не пытайся им стать, и всё будет хорошо.

На этом он подмигивает и закрывает за нами дверь.

* * *

Азамат долго и тщательно морально готовился к своему первому полномасштабному контакту с метрополией, и всё же оказался совершенно не готов к суровой действительности. Девочка-пограничник, подняв глаза, чтобы сверить картинку на удостоверении с лицом предъявителя, слегка задохнулась и не смогла справиться с ошеломлённым восхищением во взгляде, хотя погранцов вроде бы на такой случай тренируют. Дальше -- хуже. Азамат, понятное, дело, возвышается над толпой землян, как утёс над морем, и привлекает гораздо больше внимания, чем ему бы хотелось. За то время, что мы прошли все бюрократические инстанции и выпали на относительно свежий воздух, моему мужу успели соорудить глазки четыре официантки, семь охранниц, два сотрудника страховой компании, таксистка и около десятка разнополых пассажиров.

Когда мы наконец втиснулись в поданную к выходу авиетку, Азамат сполз на сиденье так, чтобы сбоку не видно было, и, похоже, рад был бы закопаться под коврик.

-- Что это было?! -- выдыхает он, когда мы разгоняемся на узенькой взлётной -- а я и забыла уже, что на Земле такого рода транспорту разбег нужен.

-- Это была миниатюра "адекватная реакция", -- хмыкаю я, перемигиваясь с Янкой, которая своего благоверного на всякий случай

вела под локоток, чтобы не украли.

-- Хочешь сказать, я у всех земных женщин буду вызывать такую реакцию? -- ужасается Азамат.

-- Ну, некоторые умеют сдерживаться, -- пожимаю плечами я.

Азамат глубоко вздыхает и, пробормотав что-то о противоестественных культурных шаблонах, выпрямляется, чтобы уже наконец взглянуть в окно.

Кир, Умух и Унгуц таращатся туда с самого начала.

-- Пап, смотри, дома прям все как наш дворец! -- восклицает Кир.

Я тоже обращаю внимание на родной, хотя и подзабытый, зубчатый контур горизонта, лес сияющих небоскрёбов.

-- Сколько же тут людей... -- качает головой Унгуц.

-- Где? -- не понимает Умух, которому, похоже, не очевидно, что это за конструкции такие.

-- В домах, -- поясняет Кир. -- Это же всё жилые дома, да, мам?

-- Не всё, офисные тут тоже есть. Жилые обычно зеленее, -- я показываю на островок многоэтажек, плотно покрытых зелёной порослью. Из-за нехватки места в самых густонаселённых районах на Земле обычно не делают парков, а вместо этого деревья сажают на общественных балконах каждые четыре-пять этажей, так что дома получают полностью покрыты зеленью.

Тем временем наша авиетка складывает крылья и впархивает в прозрачную трубу, где продолжает движение на магнитных опорах. Пилот переводит управление в автоматический режим и расслабляется.

Азамат окидывает взглядом простирающиеся спереди и справа от нас "американские горки" -- хитросплетение таких же труб, по которым шныряют авиетки.

-- У вас тут что, просто так летать нельзя? -- интересуется он у пилота.

-- За городом кое-где можно, и в жилых зонах. А тут большой узел, без шансов.

-- А на машине как? -- спрашивает Ирнчин, тщетно пытаясь различить что-нибудь внизу под нами. -- По дорогам?

-- Тоже по трубам, -- качает головой пилот. -- Только ближе к земле, дома огибать приходится. Ну и на колёсах так не разгонишься, как на магнитах.

-- И давно у вас так? -- оборачивается ко мне Азамат, будто надеется, что я сейчас развею всё это как мираж.

-- Всю мою жизнь уж точно, -- пожимаю плечами. -- Это у вас два унгуца в небе никогда не встретятся, а тут без труб страшно представить, сколько было бы аварий.

Азамат качает головой.

-- Я помню, как ты, когда первый раз Дол увидела, сказала, мол, как здорово, тут совсем нет людей. Теперь понимаю, что тебе это было весьма непривычно.

Первая наша остановка -- дом моей маман. Собственно, моё семейство тут и пропишется на время пребывания, а остальные наши спутники размещаются в гостинице за углом. Умукх ещё в космопорту перед паспортным контролем принял более человекообразную форму, так что теперь он похож на пережарившегося на солнышке подростка-альбиноса, впрочем, рядом с Азаматом его всё равно никто не замечает.

Маман встречает нас у калитки своего дизайнерского сада и сразу кидается обнимать -- не уворачивается никто, даже бог. Впрочем, от неё и дьявол бы не увернулся, чего там какой-то ктырь со змеями на голове...

-- Приехали мои хорошие! -- приговаривает маман, заключая в пылких объятьях напряжённого Ирнчина. -- Так, а это у нас кто?

-- Мама, это Кир, наш с Азаматом старшенький, -- представляю я, лихорадочно вспоминая, есть ли среди присутствующих кто-то непосвящённый в Великую Тайну.

-- Ой, внучо-о-ок!!! -- раздражается мама, стискивая Кира так, что он проминается посередке. Азамат еле слышно вздыхает с облегчением -- можно подумать, он ожидал какой-то другой реакции.

-- А Олежек-то как вырос! -- продолжает мама, отпустив наконец Кира. -- Ну что, давайте в дом, устали наверное, с дороги-то, холодненького попейте...

-- Да какое устали, мам, мы только проснулись и с комфортом доехали. Нам с Азаматом через два часа надо быть в головном офисе ЗС, а остальным Янка взялась обеспечивать культурную программу. Сейчас багаж разложим, переоденемся и разбежимся.

-- А я что буду делать? -- возмущается маман.

-- С ребёнком сидеть! -- ехидно предлагаю я.

-- Вот я так и знала, что ты его на меня повесишь! -- притворно жалуется мама, перехватывая у меня мелкого. Он её, конечно, не помнит, но новым людям всегда радуется. -- Ладно же, идите развлекайтесь, мы с Олежеком и без вас не соскучимся, правда, моё золотко?

Алэк весело поддакивает.

Затащив чемоданы и переодевшись в парадное, мы с Азаматом выходим на террасу глотнуть того самого холодненького, а то уж очень бабье лето в этом году удалось. Одновременно с нами на террасу из сада поднимается молодой человек сильно муданжской наружности, неся в руках коробку с саженцами. Нас он заметить не успеваает, но чуть не роняет саженцы, уперевшись взглядом в Унгуца, который был занят изучением маминой коллекции облепих.

-- Унгуц?! -- выпаливает молодой человек.

-- Сычик?! -- не менее ошеломлённо отзывается Унгуц. Его и без того морщинистое лицо совсем складывается в сборочку, а глаза приобретают неестественный блеск. -- Мальчик мой, да ты совсем взрослый... Как же ты тут оказался?

-- Тот же вопрос к тебе, -- недоумённо говорит Сычик, ставя саженцы от греха подальше на широкий подоконник. -- Я-то у Ирмыхон работаю в фирме, а вот что ты у неё в доме делаешь? Меня искал, что ли?

-- Нет, я думал, ты наёмничаешь где-то, -- мотает головой Унгуц. -- А я тут в свите Императора на переговоры прилетел, -- и кивает в сторону Азамата.

Тут парень наконец-то замечает нас. А мы при полном параде. Азамат всё порывался для общения с ЗС одеться по-земному, чтобы за варвара не считали, но мысль о нём в деловом костюме с галстуком сразу заставляла меня хохотать до икоты, так что решено было нарядиться в муданжском стиле, как подобает в такой ситуации -- золотое шитьё с камнями, тонна бус, цепочки в волосах и всё в таком духе. Сычик умудрился нас не заметить только потому, что мы стояли в тени, а если бы солнышко попало, мы бы горели, как ёлочки.

-- А-ахмад-хон? -- запинается парень, таращась на нас круглыми глазами. -- А... почему здесь?

-- Потому что Ирма -- моя мать, -- объясняю я, сама несколько в растерянности. -- А вы родственники, что ли?

-- Сыч -- внук Старейшины, двоюродный брат Ирих, -- поясняет мне Азамат, потом кивает Сычу. -- Да, ты знатно вырос, я тебя совсем маленьким последний раз видел. Ты меня и не помнишь, поди.

Сыч вытягивает вперёд голову, поскольку глаза уже больше вытаращить не может.

-- Дядя Байч-Харах?!

Тут к нам присоединяется моя маман с кувшином ледяного чая.

-- А, Сычик, ты мне подготовил саженцев на завтра? -- спрашивает она на ломаном муданжском.

Сыч молча кивает и указывает на коробку.

-- Ирма-хон, вы мне не говорили, что ваша дочь замужем за Императором Муданга, которого я ещё и знаю с детства, -- укоризненно замечает он.

Маман ставит кувшин и отмахивается.

-- Да ну вас, муданжцев, поди разбери, кому чего говорить -- не говорить. И потом, тебе-то он никто, ты ж не гражданин Муданга.

-- Как не гражданин? -- удивляется Унгуц. А я только соображаю, когда это мама успела так выучить муданжский, если даже всеобщий всю жизнь освоить не могла.

-- Ирма-хон мне выхлопотала земное гражданство, -- поясняет Сыч.

-- А как ты вообще сюда попал? -- интересуется Унгуц.

-- Как-как, гастарбайтером. Тут программу открыли, на четыре месяца можно приезжать на подработки, а то земляне все переквалифицированные, ручную работу делать некому. Вот я и приехал, занимался ремонтом домов. Ирме-хон вот эту террасу построил. Потом по мелочи в саду помогал. Ну и -- она решила меня оставить.

-- Ну, мам, ты даёшь, ни словом же не обмолвилась, -- укоряю я.

-- А чего я, отчитываться тебе должна? Ты себе завела муданжца, а я чем хуже? Сашка в другом городе, ты вообще в другой галактике, я что ли сама должна полы мыть во всём доме? Свои дети пользы не приносят, так хоть чужие.

-- Это не чужие, -- усмехается Азамат. -- Это тоже считай свои. Ну ладно, давай, Лиз, по стаканчику и пошли, не хотелось бы опоздать. Старейшина, вы тоже с нами, так что не расслабляйтесь, с Сычом ещё поболтаете.

-- Да уж, было бы интересно, -- соглашается Унгуц, поправляя парадный диль.

Мы с Азаматом, Ирнчином и обоими Старейшинами выгружаемся из казённой авиетки у парадного входа в здание Земного Союза. Азамату в дополнение к парадным одеяниям пришлось натянуть Императорский венец -- меховую шапку в драгоценных камнях и с высоченным шпилем, который, конечно, не вписывается в дверной проём авиетки. Туда один Азамат-то не вписывается, чего уж там. Однако ему всё же удаётся не ударить в грязь лицом, и очень хорошо, потому что нас встречает толпа журналистов с камерами.

-- А как же закон о нефотографировании? -- тихо интересуюсь я.

Азамат пожимает плечами.

-- На Земле он не действует.

Нас выходят встречать какие-то незнакомые персонажи из ЗС. Не то чтобы я знала в лицо всех тамошних чиновников, но эти даже по новостям не примелькались. Азамат с ними учтиво здоровается за руку, тщательно скрывая дискомфорт -- для него этот обычай по-прежнему дикость. Я чувствую себя ряженой -- в мударжских декорациях с моей-то славянской физиономией, но стараюсь не показывать неловкости, улыбаюсь и позирую. Хоть маме будет картинка на стенку повесить.

В уютной просторной переговорной Азамат быстренько снимает венец и отдаёт Ирнчину на хранение. Старейшины рассаживаются по обе стороны от нас: Унгуц -- с любопытством подавшись вперёд, а Ажгдийдимидин, наоборот, отрешённо прикрыв глаза и покручивая перламутровый браслет на запястье. Всем нам выдаётся по гарнитуре с синхронным переводом, который нужен одному только Ажги-хяну, но дипломатия такая дипломатия.

Мы восседаем в торце длинного овального стола, и места за ним постепенно начинают заполняться разнообразными должностными лицами. Я узнаю одну африканку -- верховного комиссара по правам человека, затем араба -- советника по предупреждению геноцида, эти двое несколько лет назад то и дело маячили во всевозможных СМИ из-за продолжительного конфликта на Эспаге. Ещё одно знакомое лицо -- кто-то там по поддержанию биоразнообразия, рядом с ним несколько незнакомых, потом индеец по экономической помощи слаборазвитым нациям (он-то тут что забыл?), вот эта, кажется, шведка по гендерному

вопросу, потом снова неизвестные товарищи, потом... Боже мой, что тут делает ректор моего мединститута?!

Долго страдать от непонимания мне не пришлось: нам раздают буклетики с краткой информацией обо всех присутствующих должностных лицах с фотографиями и занимаемыми постами, причём всеобщий продублирован осторожным муданжским переводом. Хм, оказывается, мой ректор продвинулся по службе и теперь занимается медицинской помощью всё тем же... слаборазвитым.

-- Такой список присутствующих, что я себя чувствую попрошайкой, -- усмехается Азамат. -- Ладно, надеюсь, они скоро поймут, что в большинстве сфер мы и сами с усами.

Наконец, когда все расселись, открываются двери лифта, и из них выезжает генеральный секретарь Земного Союза, маршал Ваткин собственной персоной. Его инвалидное кресло, исполненное в стиле стим-панк, оборудовано по последнему слову техники и помимо собственно двигательного оснащения имеет микрофон прямо сразу с динамиком, вентилятор, подогрев, телескопические опоры для подъёма на высоту стоящего человека и ещё какую-то установку, похожую на пушку для фейерверков. Возможно, с тех пор как мы с Сашкой это обсуждали, ещё чего-нибудь прикрутили и понаставили, просто я не в курсе.

Азамат смотрит на маршала, с трудом скрывая изумление. Он-то его видел только на видеоконференции, а лицо Ваткину как раз очень хорошо подлатали.

-- Неужели здесь, на Земле, не смогли его вылечить? -- шёпотом спрашивает он у меня.

-- Ему протезы ставить не на что, там надо всё тело пересаживать, а он не хочет, дескать, пусть его вид всем напоминает, что такое война, -- поясняю я.

Устроившись за столом, маршал обводит взглядом нашу делегацию, кивает Азамату, прищуривается на меня и даёт знак начинать.

С первыми словами приветственной речи заместителя мы получаем сюрприз, Унгуц даже не удерживается от громкого аханья -- синхронистом оказывается не кто иной как мой препод муданжского из колледжа, он же ученик Унгуца, Валентин. К счастью, кажется, никто не решает, что мы несерьёзно относимся к мероприятию, так что всё

проходит чин по чину. Все наши высказывания для официальной части под камеру написаны заранее, выучены и отрепетированы, а моя ария вообще коротенькая и сводится к наблюдению "сколько всего не сделано, сколько всего ещё предстоит не сделать". Азамат, как всегда, красноречив, и говорит на настолько чистом и изящном всеобщем, что многие земляне позавидуют. Наши отвечают довольно общими фразами, и ближе к концу я начинаю всерьёз опасаться заснуть в прямом эфире.

Однако официальная часть всё же завершается, после чего мы все приглашаемся на неформально-банкетную часть в другом зале, куда уже не пускают репортёров, а значит, можно расслабиться и поговорить как живые люди.

-- Байч-Харах! -- громогласно окликает Азамата маршал, как только двери между залами закрываются. -- Наконец-то в реале! Я думал, помру раньше, чем ты вылезешь из экрана! Ну рассказывай, как жизнь. И как тебе удалось уломать свой дом престарелых сделать женщину министром.

Азамат быстро оглядывается, но Унгуца рядом нет -- побежал здороваться с Валентином, а Ажги-хян не понимает на всеобщем.

-- Как говорится, по знакомству, -- отвечает он маршалу с улыбкой. -- Элизабет не просто министр, она ещё и моя жена.

Маршал снова на меня прищуривается и наконец, видимо, узнаёт.

-- Батюшки-светы, да это ж Лизка Гринберг! Я тут сижу голову ломаю, откуда я её могу знать. Вот это да! А брательник-то ни словом не обмолвился.

-- Ну так правильно, -- замечаю я, -- работать надо, а не сплетни распускать.

Азамат с маршалом продолжают светскую беседу, пока все восполняют потери калорий, а я внезапно выхватываю из гула за спиной разговор на моём родном языке.

-- Я так понял, они не привели его сюда.

-- А точно не один из них? Он на человека-то вообще похож?

-- Понятия не имею, его ж никто не видел.

-- Ну тогда вряд ли, да и потом, была бы охрана какая-нибудь, а лучше аквариум...

-- Да вы на их Императора посмотрите, я вообще не понимаю, кто придумал этих дикарей до высших должностных лиц допускать, он же тут в лучшем случае подбирает кандидатов для человеческих жертвоприношений в своих религиозных ритуалах.

Раз уж я это слышу, то Азамат и подавно, даже сквозь разговор.

-- Извините, секундочку, -- говорит он маршалу и разворачивается, громко и отчётливо оповещая бормотунов: -- К вашему сведению, как таковой религии на Муданге нет, а любые жертвоприношения носят метафорический характер, однако если уважаемые господа интересуются...

Один из попавших в центр внимания сплетников тихо матерится, другой резко делает вид, что понимает только на всеобщем.

-- Кстати, -- продолжает Азамат, легко переходя на опорный язык мероприятия, -- я что-то не припомню вас в книжечке. С кем имею честь?

-- А, это мои коллеги, -- втискивается в кадр тот самый знакомый мне товарищ по биоразнообразию. -- Вот, господин Сержо, координатор проекта по изучению муданжской фауны внеземного происхождения.

-- Здравствуйте, -- подаёт руку господин Сержо. Судя по голосу, это тот, который хотел аквариум.

-- Очень приятно, -- иронично улыбается Азамат, пожимая руку. -- Разрешите уточнить, если мне не изменяет память, когда мы договаривались об изучении определённых представителей муданжской фауны, речь шла о том, что нам будет предоставлена возможность заниматься этим самостоятельно, насколько позволит ситуация...

-- Совершенно верно, но мы также договаривались, что вы привезёте образец. Вот как раз моя команда им и будет заниматься, -- поясняет господин Сержо.

-- Да, кстати, -- включается в разговор маршал. -- Где этот твой негуманоид?

Азамат кидает взгляд на часы и припоминает:

-- Полагаю, осматривает экспозицию музея изящных искусств.

Повисает несколько напряжённая тишина.

-- Вы что, его просто так к людям пускаете? -- ахает Сержо. -- Это же биологическая опасность!

-- Да вы знаете, он меня не спрашивает, пускаю я его или нет, -- усмехается Азамат. -- Он на это исследование добровольно согласился, и ему вряд ли понравится сидеть в аквариуме. Вообще, если вы намеревались каким-либо образом контролировать его поведение и перемещение, то боюсь, придётся в самом скором времени менять программу проекта, потому что максимум что вы сможете сделать -- это попросить.

-- То есть, он прямо совсем разумный? -- уточняет другой сотрудник проекта. -- В смысле, не шимпанзе, не дельфин, а, можно сказать, на человеческом уровне развития сознания?

-- Я не специалист, мне трудно судить, я только хочу сказать, что с его мнением необходимо считаться.

-- А у него есть мнение? -- интересуется подошедшая дама, судя по бэджу -- из образовательной ветки. -- Я так понимаю, у человекообразных обезьян, обученных человеческому языку, как раз не наблюдается способности выражать своё мнение и задавать вопросы. Ваш образец -- задаёт?

-- Даже слишком много, -- фыркаю я.

-- Давайте вы его просто сюда приведёте, и мы на него посмотрим! -- решительно предлагает маршал. -- Всем же интересно, а от музея тут один квартал!

Предложение вызывает некоторый ропот, поскольку большинство побаивается оказаться в одном помещении с инопланетной разумной тварью, но маршал резонно напоминает, что тут охраны побольше, чем в музее, и пусть уж лучше тварь пугает собравшихся здесь подготовленных и защищённых людей, чем ничего не подозревающих посетителей выставок. Так что Умукху в рекордные сроки делают специальный пропуск, и маршал с Азаматом посылают кого-то его привести.

По такому поводу в банкетный зал набивается тьма тайно и явно вооружённой охраны, и всё это выглядит крайне непривлекательно. Умукх -- странное существо, кто его знает, что он отмочит, безобидное, но непонятное. Ирнчин, мыслящий в том же направлении, впервые за время мероприятия подаёт голос и на основании своих полномочий как министра национальной безопасности требует, чтобы охрана переходила к решительным действиям только и исключительно по

команде маршала. У меня немного отлегает от сердца, но я по-прежнему неприязненно кошусь на защитничков.

И -- сегодня день встреч. Это лицо я вряд ли когда-нибудь забуду.

-- О, -- говорю я неестественно живо, -- Азамат, иди-ка сюда, я тебя познакомлю.

Хватаю слегка сбитого с толку мужа и подтаскиваю к одному из охранников, который тоже не понимает, что происходит и косится на старших по званию.

-- Вот, смотри, дорогой, -- распаяюсь я, -- этому человеку ты обязан тем, что я осталась на твоём корабле, а не улетела на Землю вместе с детками!

Лицо Азамата светлеет от понимания.

-- А, так это ваша была прекрасная идея бросить девушку в приставном коридоре между двумя кораблями и запереть дверь? Ваше счастье, что на моём корабле установлены камеры наблюдения по всей внешней поверхности, и что мой сотрудник проверил чистоту коридора, а то, знаете, преступная халатность...

Охранник, до которого, видимо, наконец-то дошло, о чём речь, раздувает ноздри и вытягивается.

-- Я... всё по инструкции!

Азамат прожигает его взглядом, затем с независимым видом поворачивается к подкатившему Ваткину.

-- Нельзя ли мне попросить об одолжении? У меня есть основания полагать, что этот офицер не соответствует требуемому уровню подготовки и представляет собой уязвимость. Возможно, было бы лучше его заменить.

-- Да я уже так и понял, что тут проблема. Заменим, а ты, Байч-Харах, ну или Лиза, подай жалобу официально, иначе расследование провести нельзя.

-- Мне казалось, Сашка подавал, -- припоминаю я.

-- Сашка твой -- не потерпевший и не свидетель. Сама подай. Бюрократия же... А, вот, ведут вашего.

Я успеваю состроить мстительную рожу вслед охраннику и обернуться как раз к тому моменту, когда через дальние двери входят Сашка и Умух.

Бог всё в том же белом диле и в человеческой форме -- в смысле, наиболее приближенной к человеческой. Вытравленные косички в сочетании с нездорово-красной кожей и очень, очень светлыми серыми глазами, производят неизгладимое впечатление, но сотрудников ЗС так просто не удивишь.

-- Позвольте, но он же совершенно человекообразный, -- замечает пожилой японец, который собирается обсуждать с Азаматом обмен знаниями в космической инженерии.

-- А что, н-не надо? -- робко спрашивает у Азамата Умукх.

-- Я думаю, что всем здесь было бы интересно посмотреть на вас в более обычном для вас облике, -- замечает Азамат.

Сашка прокрадывается ко мне и вопросительно разводит руками, мол, какого хрена тут творится? Я в ответ тоже развожу руками, мол, так уж вышло, смирись. Диалог окончен, можно наблюдать за перевоплощениями бога.

Умукх послушно меняется -- подрастает, окрашивается в свой кирпичный цвет, отращивает крючочки на пальцах и приобретает черты лица, которые никак не спутать с человеческими: большие раскосые глаза слегка нависают, без радужки, зато с четырьмя зрачками, от них лицо стремительно сужается к подбородку, а нос как бы немного приплюснутый и почти нависает над линией рта, небольшого и без выраженных губ. Вся эта красота цвета красной глины и покрыта тонкой сетью мерцающих рисунков. Косички на голове слегка шевелятся. В космопорту я не обратила внимания, там было ветрено и у всех волосы трепало как угодно, но тут, в помещении, никакого движения воздуха нет совсем, однако же шевелятся, подлюки. Я кошусь на Ажгдийдимидина, который нервно тербит свой браслет.

-- Эм-м, здравствуйте, -- осторожно говорит Умукх на всеобщем, смущённый вниманием публики. Говорит без акцента, хотя и крайне неуверенно. -- Как поживаете?..

-- Здравствуйте-здравствуйте, -- первым отзывается невозмутимый маршал. -- Вот, знакомьтесь, это господин Сержо, который будет заниматься вашим проектом.

Господин Сержо бледнеет и двигает желваками, но мужественно протягивает руку для пожатия. Умукх, однако, так быстро не может, он ещё только переваривает слово "проект", хлопая белёсыми ресницами.

-- А! -- внезапно громко восклицает он, так что половина собравшихся подскакивают. -- Вы имеете в виду исследование, да? Ой, это очень хорошо. Здравствуйте, -- он кланяется господину Сержо. -- Меня зовут Умукх. А, ой, погодите, я вспомнил! Если вам трудно сказать моё имя, можете говорить просто Умух.

С этими словами он оглядывается через оба плеча, пока не находит неподалёку улыбающегося Унгуца. Видимо, это Старейшина был так прозорлив. Во всяком случае, он одобрительно кивает.

-- Вы очень хорошо говорите на всеобщем, -- решается высказаться образовательная дама. -- Как вы его выучили?

Умукх строит удивлённую рожицу.

-- А зачем учить? Человеческие языки все одинаковые. Если один знаешь, то все знаешь. Я по-человечески не очень хорошо говорю, мой брат гораздо лучше.

-- Позвольте проверить? -- спрашивает шикарная африканка и произносит длинную заковыристую фразу на каком-то, видимо, африканском языке со щёлкающими и цокающими звуками.

Практически без задержки Умукх ей отвечает на том же.

Окружающим эта идея нравится и они наперебой принимаются тестировать Умукха на всех известных им языках Земли и не только.

-- Странно, -- замечает Азамат нам с Сашкой, -- Ирлик-хон находит всеобщий более сложным, чем муданжский. Это личные особенности?

-- Возможно, дело в том, что Ирлик-хон в принципе лучше говорит, -- замечает подошедший Унгуц. -- Он как бы больше погружён в один из языков, поэтому ему сложнее с остальными. Но как знать, как знать... Лиза-хян, а я кое-кого привёл.

Я оборачиваюсь и обнаруживаю, что чуть позади стоит Валентин, всё такой же взъерошенный, с проседью в усах, вот разве что по торжественному поводу вместо потёртого свитера новый кардиган.

-- Ой, здравствуйте! -- радуюсь я. -- Вот кто бы мог подумать, что жизнь так сложится.

-- Да, я очень рад, -- по-кошачьи гнусавит он, -- а то, знаете, за годы преподавания я не раз задумывался, кому и зачем это может понадобиться, однако теперь вижу, что мои труды были не напрасны, даже если от них был толк только одному человеку.

-- Ну, как минимум двум, -- усмехаюсь я. -- Моя одноклассница Яна теперь тоже на Муданге работает.

-- О-о, отлично, -- кивает Валентин, почёсывая усы.

Тем временем ситуация вокруг Умукха приобретает новый оборот.

-- А вы вот меняли свой внешний вид, -- говорит неопределённого пола юное существо, -- а вы ещё как-то можете его поменять?

-- Ну да-а, -- кивает Умукх и смотрит на Азамата. -- Можно показать?

Азамат разрешает.

Умукх перекидывается ктырём и облетает круг почёта вокруг шарахающихся чиновников. Потом прилежно возвращается на своё место и снова вырастает.

-- Здорово! -- восклицает юное существо. -- А ещё как-нибудь можете?

Это начинает походить на "Кота в сапогах", но тут Умукх вдруг тормозит.

-- Могу, но не буду сейчас.

-- Почему же?

-- Понимаете, -- Умукх делает печальную рожицу, -- полная форма очень большая и страшная, люди всегда очень пугаются. А я не хочу никого пугать. Поэтому не буду её показывать.

Его, однако, продолжают упрашивать, так что Азамат решает вмешаться.

-- Господа, раз уж Умукх-хон здесь, я бы хотел обсудить условия проведения исследований. Господин Сержо, может быть, мы отойдём и обсудим требования...

-- Требования? -- хмурится Сержо. -- Вы предоставили образец, теперь это наша забота. Какие требования?

-- Мои требования, -- улыбается Азамат. -- Умукх-хон -- гражданин Муданга, а значит, я несу ответственность как за него перед вами, так и за ваше с ним обращение.

-- Но он же добровольно согласился на исследования, -- пожимает плечами Сержо.

-- Добровольно-то добровольно, но я не могу назвать это информированным согласием, -- вздыхает Азамат. -- Боюсь, его

представления о проекте сильно отличаются от ваших, более того, я не уверен, что могу определить степень осведомлённости, необходимую для того, чтобы считать его согласие информированным. Поэтому какие-либо исследования могут проводиться только и исключительно по согласованию со мной или назначенным мной специалистом.

-- Но у вас нет экспертов по ксенобиологии, вы не сможете компетентно оценить наши методики.

-- Нет, но я могу компетентно предсказать возможное непонимание или раздражающий фактор, и в ваших интересах избегать подобных ситуаций.

Сержо упрямится, но тут за Азамата вступается Ваткин.

-- Понимаешь ты, вы там чего-нибудь намудрите с этим негуманоидом, он вас порвёт, а Байч-Харах получится виноват. Это никому не надо. Конечно согласуйте все свои действия, и пусть у Байч-Хараха будет право вето.

-- Я бы хотел также согласовывать личный состав сотрудников, - добавляет Азамат. -- Лишний риск нам совершенно ни к чему.

-- Хорошо, я вас понял, -- скрипит зубами Сержо. -- Это мы учтём.

-- Давайте мы учтём это прямо сейчас и в письменном виде? -- мурлыкает Азамат. -- И подпишем в присутствии всех заинтересованных сторон.

-- Правильно, правильно, -- приободряется маршал. -- Пошли-ка в мой кабинет, уединимся, так сказать. Кстати, Байч-Харах, а ты сувенирчик мне не привёз?

-- Привёз, а как же, -- улыбается Азамат. -- Но напитки пришлось оставить на входном контроле.

Дальнейшие переговоры проходят не столь нервно. Я отлавливаю своего бывшего ректора, и мы с ним под воспоминания об институтских годах, согласуем программу действий и помощи по медицинскому образованию на Муданге, а также для муданжцев на Земле. Ирнчин отвечает на вопросы о подробностях обстановки на границах муданжского космического пространства и о вероятности реакции со стороны джингошей -- к счастью, мизерной. Даже Ажгдийдимидин при помощи Валентина ввязался в какой-то разговор, но я только услышала что-то о психологической подготовке духовников.

Унгуц тоже времени даром не теряет, находит энтузиастов обеспечить ему филологическую поддержку при культурном обмене, договаривается о цикле лекций об истории и культуре Муданга и туре по образовательным учреждениям Земли.

-- Кстати, -- замечает один специалист по транскультурным СМИ, -- я знаю одну женщину с Муданга, она занимается сравнительным исследованием символов в муданжских и земных мифах, как раз недавно был на её докладе, чрезвычайно интересно. Как-то же её звали... Ах, да, Эсарнай. С ней ещё муж везде ездит, ни на шаг от неё не отходит, так что мне легко верится, что на Муданге необходимо просвещение в гендерном вопросе.

В общем, денёк выдаётся плодотворный, мне даже между делом удаётся выяснить, какой медицинский вуз оптимально подойдёт Киру, если он всё-таки решится пойти этим путём, а также что вот прямо завтра там проходит день открытых дверей, и если очень постараться, ещё можно успеть записаться, так что я быстренько звоню Киру и намаливаю его в нужном направлении.

Домой мы приходим выжатые, как лимон. Кроме Умукха, конечно. Тот бодр и весел и готов ещё на десять переговоров сходить.

-- Сомнительно мне как-то, -- вздыхает Азамат, когда нам удаётся отпочковаться от прочего общества. -- Умукх-хон сегодня этого Сержо, чуть я отвернулся, загнал в угол и давай расспрашивать -- где он будет жить да сколько это продлится да что такое негуманоид. Пришлось растаскивать.

-- Мне вообще этот Сержо не нравится. Отношение у него какое-то неправильное.

Азамат пожимает плечами.

-- Не знаю, может, как координатор всего проекта он и ничего, ему же не придётся непосредственно общаться с Умукх-хоном. Но я буду послезживать, в случае чего попрошу его заменить. И ещё я подумал и на всякий случай потребовал включить в команду надзирающего скептика из какой-нибудь скептической организации, чтобы следил, как бы в науку не закралась идеология. И заодно чтобы пресс-релизы писал, скептики хорошо умеют это делать так, чтобы журналисты поменьше всего могли превратить в сенсацию на пустом месте.

Я открываю рот, чтобы согласиться, но тут с веранды доносятся какие-то пiski и аханье, и мы выскакиваем посмотреть.

Оказывается, это Ажгдийдимидин, весь день теребивший свой волшебный браслет, внезапно его снял, а поскольку в этот момент как раз вёл беседу, то случайно вырастил всю мамину рассаду в человеческий рост прямо в лотках.

-- Ну, а кто мне теперь ямы копать будет под это? -- возмущается мама. -- Давай, как вырастил, так и копай! Нет, а что, за тебя, что ли, другие работать должны?

Старейшина изо всех сил старается не смеяться, но выходит плохо, поэтому на монументальной рассаде раскрываются цветы, причём совсем не такие, как положено этим растениям.

Наконец ему всё-таки удаётся справиться с собой и он следует за мамой по огороду, левитируя потяжелевшие лотки и время от времени в указанном месте создавая ямы. Сыч, глядя на всё это со слегка перекошенным лицом, утрамбовывает саженцы в лунки.

Покончив с расхлёбыванием заваренной каши, Ажги-хян аккуратно надевает браслет на место и осторожно пробует голос. Ничего не происходит. Он удовлетворённо кивает и убирает руки в карманы, видимо, чтобы поменьше был соблазн теребить дальше.

-- Я договорился на завтра, -- сообщает ему Азамат, -- нам принесут примерять разные приборы для оцифровки мыслей. Конечно, вы и так уже решили проблему вроде бы, но раз уж приехали, надо попробовать.

-- Да, я бы предпочёл иметь две возможности, чем одну, тем более, что они дают принципиально разные решения, -- соглашается духовник. -- Кстати... -- он нахмуривается и снимает браслет. Потом, подумав немного, надевает обратно. -- Мне кажется, тебе надо позвонить Алтонгирелу и поинтересоваться, как там дела. Я чую какие-то перемены.

Алтонгирел на звонок откликается не сразу, а когда откликается, выглядит чрезвычайно коварно, скалится и шевелит бровями.

-- Что, неужели уже успел кто-то птичку прислать? -- хмыкает он. -- Часа не прошло.

-- После чего у тебя там часа не прошло? -- нервничает Азамат. - Ты должен был проследить, чтобы без меня там не очень расслаблялись и чтобы дела шли своим ходом, не накапливаясь до

моего возвращения. Мы не договаривались ни о каких нововведениях, и ты клятвенно обещал держать меня в курсе, если что-то случится. Ну-ка давай, рассказывай, что стряслось.

-- Да ничего не стряслось, что ты сразу паникуешь, -- усмехается Алтоша и делает драматическую паузу, так что мне снова, как в старые добрые времена, хочется его удавить. -- Просто Старейшины согласились ввести должность мэра столицы, и им избрали Сурлуга.

-- Так, -- откликается Азамат. Думает, откидывается на спинку стула и повторяет: -- Так. Это хорошо. И то, и другое. Но подожди, у него же глухое имя, как его могли избрать?

-- А вот так, -- легкомысленно пожимает плечами Алтонгирел. -- Я честно предложил пять кандидатур, четверо из них -- с певчими именами, а вот же...

Азамат сужает глаза.

-- Это кого же ты предложил, если не секрет?

Алтонгирел с невинным видом перечисляет ничего не говорящие мне имена.

Азамат кривится.

-- И ты хочешь мне сказать, дорогой друг, что ты это не нарочно?

Алтонгирел пожимает плечами.

-- А что, у тебя были на примете какие-то другие кандидаты, которые на фоне Сурлуга смотрятся более эффектно? Ну или хотя бы годятся ему в подмётки?

Азамат задумывается и качает головой.

-- Только из числа Старейшин, но одновременно быть мэром и Старейшиной нельзя, и я не думаю, что они согласились бы на такую перемену.

-- Вот именно, -- самоуверенно кивает Алтонгирел. -- Хозяйственные люди вообще нечасто бывают честными, а уж чтобы ещё и в Ахмад-хоте их уважали -- один Сурлуг и остаётся. Так что передавай мои поздравления Старейшине Ажгдийдимидину.

-- Ему соболезнования надо передавать, -- замечаю я. -- Сурлуг теперь дома появляться перестанет.

-- Ничего, -- произносит у меня за спиной Ажгдийдимидин, всё это время слушавший наш разговор. Он выглядит довольным и гордым. -- Если я и дальше смогу говорить, то и сам поменьше буду

сидеть в четырёх стенах, а Сурлугу давно пора заняться чем-нибудь кроме моего жизнеобеспечения.

Азамат, впрочем, по-прежнему в сомнениях.

-- Не в обиду будь сказано, но Старейшина, вам не кажется, что Сурлуг несколько, м-м, мягковат для управления городом? Это ведь нужно постоянно что-то требовать от людей, подгонять, оценивать...

-- О, не волнуйся, -- сверкает глазами духовник. -- Его будут слушаться, как цирковые собачки дрессировщика.

Азамат бормочет что-то про то, конституционно ли использование духовником своих способностей в таких целях, но в итоге смиряется.

-- Ладно, давайте попробуем и посмотрим, как пойдёт.

Ажги-хян играючи снимает браслет, закатывает глаза и, надев обратно, заверяет:

-- Отлично пойдёт!

***

- Точно нормально? - в пятый раз спрашивает Азамат, вертясь перед зеркалом. Нам сегодня предстоит второй раунд переговоров, теперь уже не при параде, так сказать, без галстука. Муж всё порывался вставить в чёрную водолазку и псевдокожаную куртку, но на улице, простите, под тридцать градусов, и хотя в ЗС, конечно, везде кондиционеры, желательно добраться туда, не пропотев насквозь. Так что я настояла на бежевой рубашке, и вот теперь вынуждена расхлёбывать последствия.

- Да говорю тебе, всё отлично, - не глядя повторяю я. - Не веришь мне, иди у мамы спроси, она тебе льстить не будет.

- Да уж, твоя мама как припечатает, я из дому выходить постесняюсь, - усмехается Азамат. - Ну ладно, буду себя уговаривать, что тебе виднее, как у вас принято в приличные места одеваться. Слушай, ну может, хотя бы белую?

- В белой будешь как официант, - отрезаю я.

- Вот уж вряд ли меня кто примет за официанта, - усмехается Азамат, снова застёгивая верхнюю пуговицу, а потом опять расстёгивая. - Ладно, часы надену.

- Причём тут часы?.. - недоумеваю я.

- Для отвлечения внимания, - сообщает Азамат со знанием дела. - Хорошие часы на себя так взгляд притягивают, что человека можно и

вовсе не заметить.

С этими словами он открывает ларчик с часами - их там шесть штук, - некоторое время жуёт губу и в итоге останавливает выбор на зелёных под старинную бронзу, с живым экраном, где скачут птички и пролетают стрекозы.

- Занятно, мирно и без кича, - резюмирует он. - Ну всё, можем идти.

Я отлипаю от игрового планшета, надвигаю сандалии и выхожу, в очередной раз ощущая себя какой-то неправильной женщиной.

Второй раунд переговоров проходит без эксцессов, мы согласуем мелочи и частности - занятие изматывающее, но дающее приятное ощущение выполненной работы и ясных перспектив. Как я и предполагала, из присутствующих мы оказываемся чуть ли не самыми одетыми -- зээсовцы понимают "неформально" так же буквально, как и остальные хоть сколько-то продвинутые работники офисов на Земле: кто в футболке, кто в шлёпанцах, кто в тамлингских шёлковых шароварах с бубенчиками. В кабинетах не богато мебели, разве только полочка с разномастными буками и планшетами, и полукруг из диванов в центре комнаты, и сидят на них в позе лотос, а кто и просто лежит, закинув ноги на подлокотник. Во все стороны из кабинета ведут двери в уединённые помещения и на балконы, где можно отключиться от мира и спокойно поработать, чтобы никто не отвлекал.

Оценив обстановку, Азамат устраивается на ковре, прислонившись к дивану спиной, так что оказывается примерно на одном уровне с мелкими землянами. Я приземляюсь в другом углу на пенковом мате вместе с парой предоставленных моим бывшим ректором сотрудников, и мы весьма продуктивно плодим решения и идеи, как из ничего создавать здравоохранение.

Насидевшись за день, мы с Азаматом возвращаемся пешком по вечернему городу. От фонарика при входе в ЗС отделяется самодвижущаяся лампочка и повисает над нами в воздухе, освещая тротуар - технологичный способ сэкономить на уличном освещении и заодно снизить световое загрязнение. Из окна дома, мимо которого мы идём, выпадает робот-уборщик, и Азамат подсаживает его обратно, как птенца в гнездо, на радость молодой хозяйке. От уличного кафе дышет холодом - мы случайно зашли за кромку неощутимого термального купола.

Азамат как-то неуверенно поглаживает меня по плечу. Зная, что это неспроста, я накрываю его руку ладонью и смотрю вопросительно.

- Ты ведь вернёшься со мной? - спрашивает он, якобы между делом.

- А ты как думаешь? - интересуюсь я, сколько же ещё времени пройдёт, прежде чем он поверит, что я с ним навсегда.

- Думаю, да, - осторожно говорит он.

- А почему? - отваживаюсь я. Не хватало ещё спугнуть, но любопытство, да...

- Ну, у нас тоже хорошо, - неловко предполагает он. - И потом, Алэк... Ну и без меня тебе будет грустно.

- Очень, - улыбаюсь я.

- Очень?

- Очень-очень.

Он с улыбкой смотрит мне в глаза.

- Ты меня любишь, - не спрашивает он на моём родном языке, и это так внезапно, откровенно и выразительно, как никогда не бывает на всеобщем.

- Угадал! - скажусь я. - Призовая игра!

Призовая игра заводит нас в тень между домами и несколько замедляет наш путь домой, да ещё потом приходится соображать, как включить обратно летучую лампочку, которую Азамат впопыхах сжал в кулаке, чтобы не светила.

Домой мы доходим несколько помятые, но счастливые.

А дома нас поджидает сюрприз в лице моих бабушки с дедушкой. Как выясняется путём отгаскивания Сашки в сторонку, виновник сложившейся ситуации - Старейшина Унгуц, который сегодня начал свой тур по образовательным учреждениям, и первым же делом попался в лапы бабушке и - как только она разобралась кто перед ней - был приставлен провести два спецсеминара по фольклору и поточную лекцию о муданжской лингвистической школе, а потом ещё поучаствовать в круглом столе о возможной иконичности некоторых символов в мировых алфавитах.

В итоге Старейшина слегка осип и запросил пощады, был доставлен домой на университетской авиетке, но от бабушки не отмотался. Однако здесь за него вступился Ажги-хян, самоотверженно сообщив, что никогда не учил никакие языки. У бабушки произошло

переключение инстинктов, и она взялась исправлять его упущение. К нашему приходу Ажгдийдимидин уже умеет читать буквы и может вкратце рассказать о себе, что его невероятно веселит - он то и дело принимается хохотать, сбиваясь посреди слова. Бабушка после дня побед настроена благодушно и ободрительно кивает, сверкая заколкой в высокой причёске.

- А, ну наконец-то, - замечает она Азамата. - Я уж думала, ты побоишься явиться и продемонстрировать, как ты всё на свете позабыл.

- Я до конца дней своих не забуду, - ухмыляется Азамат. - Возможно, вам уже рассказали, как мне вчера пригодилась ваша наука.

- Да-да, в красках, - приподнимает бабушка тонкую татуированную бровь. Это она так улыбается. - Ладно, не отвлекайте меня, у ученика важный период. Лиза, иди познакомь своего мужа с моим, им будет о чём поговорить. Итак, перейдём к практической части, - сообщает она Ажги-хяну, вставая и нависая над ним всем своим немаленьким ростом.

Дедушка обнаруживается на кухне, где, по бабушкиному указанию, готовит гефилте-фиш. Дедушка у нас небольшой, субтильный такой и на фоне бабушки несколько теряется, однако тут он в своей стихии.

- А, Азамат, - тепло улыбается он после того, как я представляю их друг другу. - Весьма наслышан, извините, руку не пожму, я весь в рыбе.

- Ничего-ничего, я небольшой приверженец этого обычая, - с облегчением заверяет Азамат. - Может быть, вам помочь? А то вы тут один для всех стараетесь...

- Что вы, я привычный, - отмахивается дедушка. - Вот если бы вы мне показали пару муданжских блюд, я был бы премного благодарен, а то в моём ресторане со всего света хоть по одному блюду есть, а вот с Муданга пока не завезли. Саша говорил, вы мастак...

- Да конечно, с удовольствием, только уже, наверное, не сегодня. А вы владелец ресторана?

- Ну как владелец, - усмехается дедушка. - Я основатель и повар, а бумажки ведут специально обученные люди.

Азамат с завистью вздыхает.

- Идеальная работа. Мне бы так!

- А вы, простите, чем занимаетесь, я что-то запамятовал? - рассеянно спрашивает дед.

- Император планеты, - уныло сообщает Азамат.

- Ах да, точно. О, это, наверное, совершенно ужасно. У меня вот жена декан, и я в её дела не лезу, но как она начнёт о работе говорить, у меня от одного этого голова болит. Как же вы-то справляетесь?

- Ой не говорите, - отмахивается Азамат. - Давайте лучше о кулинарии.

Но разговору о кулинарии не суждено было состояться, поскольку в кухню вбегают Кир. Он несколько взъерошенный, весь сияет, глаза как прожекторы.

- Я был на дне открытых дверей! - выпаливает он. - Отец, это так круто! Ты себе даже не представляешь, это такое здание... там такие штуки! И куча народу, не только земляне, но всякие разные, и с глухими именами тоже, и моего возраста, и внебрачные, и детдомовцы, и все могут туда поступить, если экзамен сдадут! Представляешь! Мы там с несколькими ребятами решили скооперироваться и вместе готовиться по Сети, чтоб веселее было. Но главное...

- Кир! - прерывает его эмоциональное выступление Азамат. - Что это у тебя на ухе?

Кир многообещающе улыбается.

- Серьга, а что?

Азамат временно теряет дар речи.

- Ну-ка дай посмотреть, - встречаю я.

Кир послушно поворачивается и отодвигает волосы. Действительно, серёжка, золотое колечко с подвесками-пёрышками, довольно тонкой работы. Это, правда, не всё - от серёжки вдоль по контуру ушной раковины тянется цепочка татуированных узоров в том же стиле, что и пёрышки.

- Прикольнo, - резюмирую я. - Но ты понимаешь, что сейчас будет, да?

Кир корчит кислую рожу и пожимает одним плечом, мол, а что делать, неизбежный побочный эффект...

- Что ты с собой сделал?! - в полном ужасе выдыхает Азамат.

- Я ухо проколол, а что, у Лизы тоже проколоты, тебя же это не смущает, - выдаёт заготовленную фразу Кир.

- У Лизы они от природы такие, - убежденно выдаёт Азамат, - а ты...

То, что он собирался сказать дальше, тонет в моём хохоте. Дедушка, не понимающий по-муданжски, отворачивается от плиты.

- Прикинь, дедуль, - выдавливаю я сквозь смех. - Азамат думал, я родилась с дырками под серёжки!

- Ну а как же, и ещё сразу в белом халате, - невозмутимо дополняет дедушка и возвращается к рыбе.

- Но, Лиза... - Азамат беспомощно смотрит на меня, - ты что, считаешь, что это нормально? А эти рисунки? Как вообще можно на себе что-то нарисовать, Кир, тебя что, мало дразнят?

- Так они временные, - замечаю я.

- Да, только на три месяца сказали, - кивает Кир.

- А что, бывают ещё постоян... - начинает Азамат и перебивает себя. - На три месяца?! Ты понимаешь, что ты не вот прямо сейчас остаёшься тут, ты до конца месяца вернёшься домой со всем этим ужасом на ухе?!

- А у Ирлика по всему телу рисунки, но ты же считаешь, что он красивый! - выпаливает Кир её один заготовленный аргумент.

- Что вы тут так кричите? - возмущённо спрашивает заглянувшая в кухню бабушка.

- Кир сделал себе татуху, - объясняю я.

- Да, я видела, - не моргнув глазом отвечает бабушка. - И что, это повод всем мешать? Бросил младшего на тещу и пошёл гулять, а теперь разбудишь ребёнка обратно - вот будет красота!

- Простите, - тушуетя Азамат, - но это же...

- Это же ты проецируешь свои закосневшие взгляды на молодое поколение. Лиза, когда уже ты сделаешь из своего варвара цивилизованного человека, который не впадает в истерику при виде серьги?

С этими словами бабушка захлопывает дверь кухни с такой силой, что весь дом подпрыгивает.

- Коть, ты не обижайся только, - робко начинаю я. - Ты же знаешь бабушку...

- Лиза, я уже понял, что у вас тут это нормально, но на Муданге...

- Ну вы подождите лет сто пятьдесят, - замечает дедушка, не прерывая процесса, - будет и у вас нормально. Кто-то же должен быть первым.

- А можно этот кто-то будет не из моей семьи? - упрямится Азамат.

- Ну правильно, - фыркает Кир. - Первая работающая Императрица, первый министр - хозяин леса, первый мэр с глухим именем и извини, но первый некрасивый Император - это всё тебя устраивает, а вот первый рисунок на ухе - это не из твоей семьи? Где логика?

Азамат смотрит на него молча, с выражением паники на лице, потом опускает взгляд и крепко задумывается. Потом вдруг трёт лицо руками и глубоко и дрожаще вздыхает.

- Так, - постановляет он. - Кир, знаешь, до чего ты меня только что чуть не довёл? Я почти понял отца.

Теперь выражение паники отображается на лице у Кира и, вероятно, у меня.

- Нет, нет, не в том смысле, естественно, я никогда бы от тебя не отрёкся, - машет руками Азамат. - Я просто вдруг понял, что он мог чувствовать тогда. И меня это напугало. Но, - он складывает руки на груди, как бы помогая себе собраться с духом и принять решение, - ещё больше меня напугала такая параллель. Профессор Гринберг права, я отреагировал не как просвещённый человек, а скорее ближе к тому, как отреагировал мой отец. И я совершенно не хочу ему подражать. Поэтому, - он сжимает зубы так, что всё лицо напрягается, - будем считать, что я не против. Я, правда, очень надеюсь, что ты не будешь увлекаться. И предупреди, пожалуйста, заранее.

Кир облегчённо щерится и прилепляется к Азамату, неловко обхватив его руками.

- Спасибо, па!

Азамат недоумённо поглаживает его по голове.

- Да, но я же не договорил! - вспоминает вдруг Кир, отскакивая обратно. - Нам там показывали разные отделения, на которые можно потом попасть. Конечно, я с пятого на десятое понимаю на всеобщем, но там было одно такое, что без слов понятно. Называется... э-э... пластическая хирургия, во! Па, ты себе даже не представляешь, что они там делают!

- Немножко представляю, - ухмыляется Азамат. - Лиза меня просвещала в этом отношении.

- Да? - удивляется Кир. - А почему тогда ты до сих пор не обратился?

- Ну, понимаешь, - смущается Азамат, - сначала мне не очень верилось, что действительно можно что-то сделать. Лиза мне предлагала, ещё на Гарнете, но... Это теперь я знаю, на что способна земная медицина, а тогда боялся только ухудшить. После же стало не до того, тут вон на полмесяца полгода собирались приехать, а лечение займёт намного дольше, насколько я понимаю.

- Ну ладно, но ты уже здесь, - встречаю я. - И я думаю, Старейшины не обидятся, если ты немножко задержишься по такому поводу. Пусть не всё, но хоть что-нибудь можно сделать.

- Да ты знаешь, - неуверенно начинает Азамат, - с одной стороны, я привык уже, а с другой... Не все же красивые. Есть на Муданге и другие люди со шрамами, которым повезло меньше, чем мне. Мне кажется, им несколько легче живётся от того, что есть я, и я такой, как я есть, и я Император.

- Это тебя маршал так вдохновил, что ли? - спрашиваю я, не зная, что и чувствовать.

- Он скорее окончательно меня убедил, так-то я давно уже об этом думаю. Но сама посуди, нельзя же избавиться от стереотипа, если постоянно ему следовать. И потом, это ведь не болезнь, со мной ничего плохого не случится от того, что я не сведу шрамы окончательно, и мне это ничем не мешает. Так что, если тебя, Лиза, это не очень смущает...

- Меня смущает, что ты на пляже в рубашке ходишь и боишься лишний раз кого-нибудь потрогать. Так что либо меняй отношение, либо внешность.

- А, ну, кстати, руки и грудь-то, может, и стоит долечить, тут ты права. Но, как ты говоришь, не обязательно же всё.

- Ну ладно, - пожимаю плечами. - Если тебя всё устраивает, пожалуйста. Мне-то, в общем, всё равно, есть у тебя шрамы или нет, лишь бы ты был с собой в мире.

- Вот и отлично, - Азамат приобнимает меня и целует в макушку. Кир закатывает глаза.

- И этот человек ещё то-то имеет против татуировок.

- Мне немного страшновато, что тебе скажет Алтонгирел по этому поводу, - замечаю я.

- Алтонгирел предпочёл бы, чтобы я всегда был таким, как в двадцать лет, - отмахивается Азамат. - Не только во внешности, но и в характере и в глазах людей. А этому не бывать никогда, даже если меня вдвое омолодят. Я изменился и рад этому, и я не хочу меняться обратно. Алтонгирел, конечно, поскандалит, но в итоге он поймёт, на то он и духовник, в конце концов. И я не для того перевыбирал бормол, чтобы теперь тянуться к прошлому. Я сейчас лучше, чем был в двадцать пять, и моя жизнь мне нравится гораздо больше.

Как ни удивительно, но я вполне уверена, что он говорит искренне, и это не жертва во имя политики, а действительно просто таково его желание, как будто он наконец понял правила игры и увидел, что по ним всё же можно выиграть. Я вижу в его глазах новый азарт, новый источник силы бороться за то, чтобы мир стал лучше. И я влюбляюсь заново, в очередной раз, как всегда, когда он превосходит себя, когда потускневший прежний фитиль сам собой обновляется и светит в сто крат ярче, согревая всех, кому повезло быть по пути с этим удивительным человеком.

- Рыба готова! - объявляет бабушка, моя руки. - Если вы закончили выяснять свои отношения, то я пойду призову Артемиду к порядку, иначе она ужин пропустит.

- Кого? - не понимает Азамат.

- Бабушку, - поясняю я.

- А её можно призвать к порядку? - осторожно интересуется Азамат.

Я киваю на дверь, мол, пошли, увидишь.

Вслед за бабушкой мы выползаем в гостиную, где бабушка по-прежнему конопатит мозг подуставшему уже Ажгдийдимидину.

- Ужин готов, - мирно произносит бабушка.

- Погоди, ты не видишь, я занята! - возмущается бабушка.

- Артемида.

У бабушки есть какая-то специальная интонация, с которой он произносит это слово, но на бабушку действует мгновенно.

- Впрочем, на сегодня можно и закончить, - резко переменяет мнение она. - Завтра повторим пройденный материал.

Духовник сонно кивает и с любопытством поводит носом. На запах стекаются и прочие гости и обитатели - Унгуц с внуком, мама с Сашкой и Умукх с Ирнчином, вернувшиеся с осмотра лабораторного комплекса, где Умукху предстоит жить. Возвращается и Янка, проводившая кастинг на девичник.

- А где Тирбиш? - внезапно вспоминает Азамат. - Почему не он Алэка укладывал?

- А он вчера в музее познакомился с девушкой, - доносит Янка. - Она промышленная альпинистка и ещё занимается какими-то единоборствами. Короче, про Тирбиша можно временно забыть.

Кир многозначительно двигает бровями и перемигивается с Унгуцем, который ещё успевает строить намекающие рожи Сычу, мол, и ты бы давно бы так бы.

- А ну-ка все руки мыть перед едой! - командует бабушка, прерывая пантомиму.

Мы дружно тянемся в ванную, пропуская вперёд замученного духовника. Он аккуратно снимает браслет и кладёт на раковину, потом закатывает рукава. Дедушка вносит ужин.

- Ажгдийдимидин, - без запинки окликает бабушка. - Как на всеобщем называется то, что мы сейчас будем есть?

- Рыба, - не задумываясь отвечает духовник.

Ничего не происходит.

Видимо, тоже это заметив, Старейшина оборачивается и озадаченно смотрит на бабушку. Потом вдруг на меня и старательно выговаривает на всеобщем:

- Иди сюда.

Я стою, где стояла, ничего не почувствовав.

Немного подождав, духовник повторяет своё повеление на муданжском, и хотя делает он это шёпотом, меня швыряет вперёд так, что я еле успеваю затормозить об бортик ванны и не полететь головой вперёд.

Он спешно надвигает обратно браслет.

- Что ни день, то открытие. Выходит, на чужом языке сила не работает?

- Я бы не удивился, - заявляет Унгуц. - На чужом языке ругань не так обидна, ужасы не так страшны и чувства не так сильны. Вполне

может быть, что и сила в чужие слова не просачивается. А, что скажете, Умухх-хон?

- Ой, я не знаю, - улыбается Умухх, потесняя духовника у раковины. - Но ведь почему-то раньше у людей было принято гуйхалахи составлять на древнем языке. Может быть, чтобы на обычном можно было говорить, не творя чудес.

Все наконец-то вымыли руки и уселись за стол. Дедушка принялся обносить нас чудом своего производства.

- Если так, то это решает проблему с Айшей, - замечает Ажгихян, отрываясь от изумительной рыбы. - И да, профессор Гринберг, как вы думаете, у вас будет возможность со мной ещё позаниматься то время, что я здесь?

Бабушка поджимает губы и вытирает их салфеткой.

- Будет, но за полмесяца язык не выучишь, даже если круглые сутки заниматься, - она переходит на родной и обращается к маме. - Ирма, у тебя есть ещё то экспериментальное средство по программе?

- Есть, а как же. Там его много было.

- Что за средство? - наостряю уши я.

- Наш факультет участвует в разработке одного препарата, - поясняет бабушка, - смысл которого в том, чтобы повысить когнитивные показатели, а именно память и скорость обработки данных у изучающих язык. Ирма вон записалась в эксперимент и принимала его, пока учила муданжский, и несомненно, ей это пошло на пользу.

- А как оно работает? - интересуется Азамат.

- Ну ты пьёшь капсулу, ждёшь десять минут, а потом час занимаешься языком или просто разговариваешь с человеком, - объясняет мама. - И ты при этом помнишь вообще всё, что когда-либо видел и слышал на этом языке, и всё, что тебе говорят, запоминаешь очень хорошо. Чувство такое странное, как будто мыслей в голове слишком много, и все лезут, и никак от них не избавиться. Зато вспоминаешь всё на свете - что по радио слушала когда-то, что видела в новостях, что сама говорила, и вообще не задумываешься, когда говоришь. Только подолгу его принимать стрёмно, так и рехнуться недолго.

- А можно попробовать разок? - загорается мой муж.

- Тебе-то зачем? - удивляется бабушка, подставляя деду свою тарелку за добавкой. - Ты и так неплохо справляешься.

- Любопытно, - улыбается Азамат.

- Это нарушит ход эксперимента, все капсулы учитываются, - начинает бабушка, но мама уже сняла с полки коробочку.

- На, одну-то можно.

- Нельзя! - возмущается бабушка. - Ты что, не слышишь меня?!

- Артемида, - включается дедушка и улыбается Азамату.

- Ну делайте что хотите, - бабушка вытягивает лицо и снова углубляется в рыбу.

Азамат глотает капсулу и продолжает ужинать, как ни в чём не бывало. Мы все засекаем десять минут, а Умух загадочно улыбается.

Однако в наш микроэксперимент врывается помеха в виде двух джентльменов в пиджаках и с большим кубическим чемоданом, содержащим несколько новейших моделей оцифровщиков мыслей.

- Это под вашу ответственность, вот тут распишитесь, пожалуйста, - протягивает один из них Азамату планшет. - Завтра в то же время приедем забирать.

- Премного благодарен за оказанный почёт, такое дело, солидарен, надо ставить на учёт, - внезапно выдаёт Азамат.

Джентльмены переглядываются и смываются, пока не поздно.

- Вот так, напугал неповинных людей, а всё от потешных научных затей, - продолжает он, сам себе удивляясь.

- Сколько, говоришь, это длится? - спрашиваю маму.

- Около часа...

- А, ну, повеселимся.

Азамат так и продолжает говорить стихами, причём со свойственной ему педантичностью использует стихотворные приёмы, характерные именно для того языка, на котором говорит, то есть, на муданжском он рифмует начала строк, на моём - окончания, а на всеобщем обходится аллитерациями. Бабушка, смирившись с творящимся беспорядком, решает превратить проблему в точку роста и записывает Азаматово творчество на телефон для последующего анализа.

- Почему ж я-то стихами не говорила? - ворчит мама. - На родном хотя бы?

- Потому что ты со словом обращаться не умеешь, - отрезает бабушка. - Данный объект тем и интересен, что весьма подкован не только в практике, но и в теории словесности. Ну довольно об этом, давайте опробуем приборы, у нас вскоре будет конференция по цифровым интерфейсам мозга, не хотелось бы пропустить демонстрацию.

Ажги-хян тянет с руки браслет, но Азамат его останавливает:

- Попробуйте сначала разобраться, что к чему, чтоб сила не подкачала, не повредила никому.

- Да, действительно, - соглашается духовник и оставляет браслет в покое.

Часа два мы всем скопом вчитываемся в инструкции, то и дело напяливая на бедного Старейшину то обруч, то шапочку, то очки, крутя ручечки и переключая рычажки. Результатом этого становятся несколько страниц бессвязных мыслей и полсотни мутных картинок, сохранённых на карточку памяти из головы духовника. Наконец мы находим наиболее совершенный из приборов - он записывает вербализованные мысли практически без ошибок (например, "когда же это кончится?!") и выдаёт вполне доступные пониманию изображения (например, весьма удачный портрет Сурлуга и вид с моста на зимний Ахмадмирн).

- Ну вот теперь можно и без браслета попробовать, - резюмирует Унгуц, дочитывая инструкцию к прибору, представляющему собой набор эзотерических узоров, приклеиваемых к коже на лбу и за ушами.

Ажгдийдимидин глубоко вдыхает, закрывает глаза и трепетно снимает браслет.

Прибор издаёт чудовищной пронзительности писк, как плохо настроенные микрофон, мы аж все пригибаемся, затем этот писк переходит в грохот, а потом обрывается, заменившись яростным свечением, исходящим из самого духовника, прибора и ближайшей стены. На пределе яркости посреди нас возникает что-то белое, и тут Кир дотягивается и надвигает браслет обратно на руку остолбеневшему духовнику, пока жив.

Ажгдийдимидин заходится кашлем и вытирает слезящиеся глаза, тяжело дыша.

- Спасибо, - выдавливают он куда-то в сторону Кира.

- Это что было?.. - пришибленно спрашивает Янка.

- Ну у вас и силища, - комментирует ошеломлённый Умукх.

- Ой, смотрите, цветочки! - замечает Кир.

И правда, то белое, материализовавшееся из света, оказывается свадебным букетом. Мы все с интересом принимаемся его рассматривать.

- Что-то мне подсказывает, - говорю я таким тоном, каким рассказывают страшную сказку, - что твой, Янка, букет на свадьбе никто не поймает.

Янка поднимает на меня напряжённый взгляд.

- Слушай, я же сегодня как раз заказала такой...

Тем временем Старейшина отдышивается и снова кивает Киру.

- Спасибо, что остановил. Похоже, я чуть не создал зияние.

- Это была Янкина свадьба? - уточняю я.

- Да, и ещё немножко, и вы все оттуда стали бы появляться здесь, - неловко объясняет духовник. - Мог бы получиться международный конфликт, если бы вы все исчезли.

- Свадьба со мной? - тревожно спрашивает Ирнчин.

- Да с тобой, с тобой, успокойся уже, - раздражается Ажги-хян. - Фу-ты, дайте водички, что ли...

Немного оклемавшись, Ажгдийдимидин включает большой экран и силой мысли подключает к нему свой узорчатый прибор.

- Покажете свадьбу? - загорается Янка.

- Свадьбу не буду, она не за горами, да и неинтересно будет потом, а вот что подальше покажу. И в дальнейшем буду сначала предсказывать, потом включать прибор. Ну вот, смотрите.

На экране начинают мелькать картинки - в основном, знакомые лица, но и новые тоже, хотя разглядеть трудно, однако вот их смена замедляется, и я вижу свой дом на Доле, почти взрослого Кира в футбоке с гербом мединститута, подросткового Алэка, играющего с котятками хозяев леса и двумя рыжими девчонками, похожими на Ирнчина, а рядом три коляски - одна розовенькая и две голубеньких поменьше. Не успеваю я открыть рот, как картинка сменяется Ирликом, расхаживающим по сцене на фоне надписи "Скептикон"; Ирлик что-то рассказывает, размахивая руками, и вдруг замолкает, заметив в зале кого-то важного и давно невиданного. И опять новая сцена - светло-стеклянный интерьер, то ли лаборатория, то ли больница, Умукх в белом халате производит манипуляции над, судя по

всему, умственно отсталым ребёнком, и глаза того вдруг загораются пониманием. Азамат с проседью в волосах в компании ничуть не изменившегося Унгуца и моей бабушки торжественно открывают первый муданжский университет - похоже, на месте заброшенной башни в Ахмадхоте. Айша и Атех, ставшие настоящими красотками, сдают духовничьи экзамены в Доме Старейшин, важный и немного располневший Хос беззаботно выгуливает котят по улицам столицы, с рекламного щита походного детского лагеря улыбается Тирбиш, Алтонгирел с Эцаганом в окружении выводка будущих духовниц, я на саммите ЗС докладываю об успешном переводе муданжской медицины на бюджетную основу, мой бывший ректор вручает первые дипломы новоиспечённым муданжским врачам...

- Лиза, - веско произносит бабушка, когда кино кончается, - ты понимаешь, что становишься исторической личностью?

- Догадываюсь, - хмыкаю я.

- Так вот, историческим личностям положено писать мемуары, - наставительно сообщает бабушка. - Пожалуй, пора приступать.

Table of Contents

[Юлия Жукова](#)

[Замуж с осложнениями](#)

[АННОТАЦИЯ](#)

[Глава 1](#)